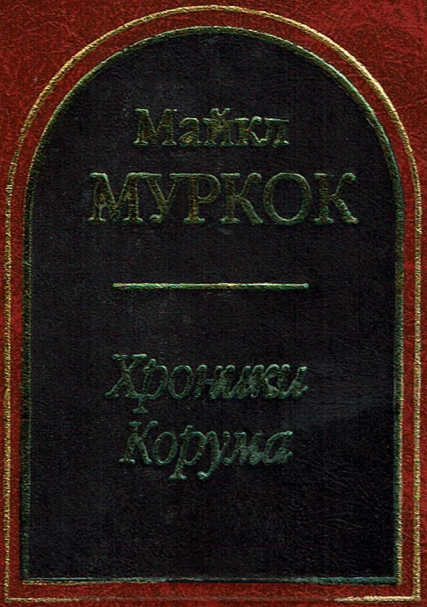
Майкл

МУРКОК

Хроники Корума

Майкл
МУРКОК
Хроники
Кэрума

Сканировал и создал книгу

mefysto

Майкл
МУРКОК

Рыцарь мечей

•

Королева мечей

•

Король мечей

•

Бык и копье

•

Дуб и баран

•

Меч и конь

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2003

Майкл

МУРКОК

Хроники Корума

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2003

УДК 820
ББК 84(4 Вел)
М 91

Michael MOORCOCK

THE KNIGHT OF SWORDS
Copyright © 1971 by Michael Moorcock

THE QUEEN OF SWORDS
Copyright © 1971 by Michael Moorcock

THE KING OF SWORDS
Copyright © 1971 by Michael Moorcock

THE BULL AND THE SPEAR
Copyright © 1973 by Michael Moorcock

THE OAK AND THE RAM
Copyright © 1973 by Michael Moorcock

THE SWARD AND THE STALLION
Copyright © 1974 by Michael Moorcock

Муркок М.

М 91 Хроники Корума: Фантастические романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 800 с.

ISBN 5-7921-0539-1 (TF)
ISBN 5-699-00843-8 (Эксмо)

То было время волшебных событий и безумных видений, невероятных подвигов и чудовищных парадоксов. Жестокие Боги вмешивались в жизнь смертных, устраивая страшные катаклизмы и стирая с лица Земли целые народы. Противостоять их воле мог только величайший из великих, воплощение беспощадной Судьбы, Вечный Воитель и Заступник, Герой с Тысячью Имен — последний представитель древнего и мудрого племени вадхагов Корум Джайлин Ирси, известный как Принц в Алом Плаще. Вместе со своей подругой Ралиной он бросает вызов Повелителям Мечей, вступая в бесконечную битву между Хаосом и Порядком.

УДК 820
ББК 84(4 Вел)

© ООО «Издательство «Эксмо». Издание на русском языке. Оформление переплета. 2002
© TERRA FANTASTICA. Внутреннее оформление. 2002
© И. Тогоева, И. Данилов, Г. Дуткина, И. Полоцк. Перевод. 2002

ISBN 5-7921-0539-1
ISBN 5-699-00843-8

РЫЦАРЬ МЕЧЕЙ

© И. Тогоева, перевод, 1999.

Часть первая,

В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ ПОЛУЧАЕТ УРОК И ТЕРЯЕТ РУКУ

ВСТУПЛЕНИЕ

В те дни вокруг сияли океаны света, и раскинулись города в небесах, и летали крылатые чудовища, и вздымали пыль бесчисленные стада гигантских — выше любого замка! — красных быков, рев которых был подобен грому, а в мрачных реках кишели зеленые твари с пронзительными голосами. Боги тогда властно вмешивались в жизнь нашего мира — то было их время: время великанов, что бродили по морям, как по мелководью; время легкомысленных эльфов и прочих эфемерных созданий, которых легко вызвать в этот мир злонамеренными проклятиями или даже обычными помыслами, но вот прогнать обратно можно лишь путем страданий, а порой и ужасных жертв. Да, то было время волшебства и фантазий, переменчивости и непостоянства природы, немыслимых событий, безумных парадоксов, снов наяву, предвидений и кошмаров, в которых воплощалась реальная действительность.

Черные то были времена, хотя и богатые событиями. Эпоха правления Повелителей Мечей и гибели великих племен вадхагов и нхадрагов, долгие века смертельно враждовавших друг с другом. А человек, раб страха, в те времена лишь робко

начинал приподнимать голову, не подозревая еще, что поработившие его страхи по большей части есть результат его же собственных измышлений. С людьми часто случаются подобные вещи.

Тогда люди называли себя «мабдены» и жили недолго, но плодились необычайно быстро. Всего за несколько столетий они буквально заполонили весь Западный континент, где некогда появились на свет и начали свое развитие. Предрассудки и невежество еще лет двести мешали им послать корабли к берегам тех земель, где обитали вадхаги и нхадраги, но постепенно мабдены осмелели. Особенно когда не встретили ни малейшего сопротивления со стороны древних народов. И тут злобная зависть закипела в их душах, и они принялись строить черные планы.

А вадхаги и нхадраги даже не подозревали об этом. Они жили здесь издавна, уже более миллиона лет, и успели привыкнуть к миру и покою. Разумеется, они знали о существовании мабденов, но, в общем-то, считали их одним из видов диких животных. Несмотря на старинную вражду и вечные междоусобицы, вадхаги и нхадраги большую часть времени проводили в абстрактных научных изысканиях или занятиях искусством. Рациональные, интеллектуально изощренные, пребывающие в полном согласии с самими собой, представители этих древних рас даже поверить оказались не способны в те перемены, которые происходили вокруг них. Ну и, естественно, проглядели первые признаки грозившей им беды.

К тому же давнишняя вражда мешала вадхагам и нхадрагам обмениваться какой бы то ни было информацией — научной, политической, военной — да и последняя их битва друг с другом состоялась много-много веков назад.

Вадхаги жили большими семьями в изолированных друг от друга замках, разбросанных по всему континенту; свою страну они называли Бро-ан-Вадхаг. Даже между родственными семьями редко существовали сколько-нибудь прочные связи, ибо вадхаги давным-давно утратили всякий вкус к путешествиям и вообще — к перемене мест. Нхадраги обитали в городах, построенных на морских островах к северо-западу от Бро-ан-Вадхаг. Они также вели очень замкнутый образ жизни, мало общаясь даже с ближайшими родственниками. Обе расы считали себя неуязвимыми. И обе ошибались.

Только что народившееся племя людей-мабденов расползалось по свету как чума, уничтожая представителей древних по-

всюду, где с ними соприкасалось. Мабдены несли с собой не только смерть, но и страх, намеренно превращая в руины мир, возникший задолго до их появления. Неразумные, они не только уничтожали вадхагов и нхадрагов физически, они разрушали души и верования древних, их великую культуру и цивилизацию, но даже боги не сразу сумели это понять.

И тогда даже великие боги познали страх.

А люди-мабдены, рабы страха, не ведая о собственном невежестве, продолжали, спотыкаясь, точно слепые, брести по пути своего развития и не замечали грандиозных разрушений, явившихся следствием их мелочных амбиций. Многих чувств им просто недоставало, и они не имели ни малейшего представления о многообразии плоскостей, насквозь пронизывавших Вселенную и пересекавшихся друг с другом. Тогда как вадхаги и нхадраги давно уже познали способ перемещения из одной плоскости в другую и даже дали названия пяти основным из них, через которые совершала свое движение Земля. Повидали они и многие другие миры и постарались понять их сущность.

Казалось в высшей степени несправедливым, что столь мудрые древние расы уничтожаются существами, мало еще чем отличающимися от животных и более всего напоминающими стервятников, которые сварливо ссорятся над бессильно распростертым телом юного прекрасного поэта, могущего лишь потрясенно наблюдать, как эти мерзкие существа разворовывают по кусочку его замечательную жизнь, не способные ни понять, ни оценить столь драгоценный дар.

«Ах, если б только они знали цену украденного; если б понимали, ЧТО разрушают! Тогда хоть немного мне было бы легче» — это слова одного старика, героя знаменитой вадхагской истории «Последний цветок осени».

Нет, это было поистине несправедливо!

Создав мабденов, Вселенная предала древние расы.

Впрочем, подобная несправедливость встречалась во все времена и хорошо знакома миру. Человек чувствительный способен не только адекватно воспринимать, но и любить всю Вселенную, однако Вселенная не способна ни адекватно воспринимать, ни тем более любить одного отдельно взятого человека. Она не видит различий между бесчисленными составляющими ее «кирпичиками» — мыслящими существами, живыми организмами или просто химическими элементами. Все составляющие для нее равны. Предпочтения не отдается ни одному из

них. Вселенная, обладая лишь «строительным материалом» и запасом созидательной энергии, продолжает неторопливо создавать то одно, то другое, однако не желает и не способна отдавать себе отчет в том, что именно создает, и, по всей видимости, ошибаются те из ее созданий, кто надеется управлять ею, и те, кто проклинает порой ее законы, ее творения — в первую очередь смерть — пытается с ними бороться и в порыве бессильного гнева и отчаяния, столкнувшись с неуязвимым и вечным Злом, потрясает кулаками под взорами ко всему равнодушных незрячих звезд.

И все же подобные попытки постоянно возобновляются!

Рождаются все новые и новые борцы с вечным Злом. Порой они бесконечно мудры, однако до конца поверить в полное равнодушие Вселенной так и не могут.

Принц Корум Джайлин Ирси — один из них. Возможно, он последний из племени вадхагов. Известен он также и как Принц в Алом Плаще.

А также — как главный герой нижеследующего повествования.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ЗАМКЕ ЭРОРН

В замке Эрорн издавна обитала семья князя Клонски. Все члены этой семьи преданно любили переменчивое море, омывавшее северные стены замка, и полный очарования лес, что начинался у южной границы поместья.

Замок Эрорн был столь древен, что казалось, полностью слился с вечными скалами, на которых высился, обернувшись лицом к морю. Его мощные внешние стены, украшенные множеством прелестных башенок, были полуразрушены и покрыты толстым, многовековым слоем морской соли. Внутренние же покои меняли свои функции в зависимости от состава семьи, а цвет стен — в зависимости от направления ветра. В просторных залах стены были покрыты хитроумной мозаикой из разноцветных кристаллов, там искрились фонтаны и неведомо откуда тихо лились одна за другой прихотливые мелодии, сочиненные некогда членами этого древнего рода. Одни из композиторов еще не покинули сей мир, другие давно уже умерли. А еще в замке Эрорн

имелись великолепная картинная галерея — картины, выполненные на бархате, мраморе и стекле замечательными художниками, предками князя Клонски,— и богатейшая библиотека, полная старинных манускриптов, созданных как вадхагами, так и нхадрагами, и дивная коллекция скульптур. Были там также и вольеры с различными птицами, собственный зверинец и садовый питомник; обитатели замка могли пользоваться обсерваторией и лабораторией, комнатами для медитации и хирургической операционной, мастерскими и арсеналом, многочисленными кладовыми и кухнями; имелись даже планетарий, несколько музеев и культовых храмов и специальные кабинеты для занятий магическими искусствами. Были, разумеется, и помещения не столь специального предназначения, в том числе личные покои обитателей замка.

В описываемый момент в замке проживало всего двенадцать человек, хотя некогда с успехом размещалось не менее пятисот. Теперь же семейство состояло из самого престарелого князя Клонски, его жены Колатарны, казавшейся (по крайней мере, внешне) значительно моложе своего супруга, его дочерей-двойняшек Иластры и Фолинры, его брата, принца Ранана, и племянницы Сертреды, а также сына Корума. Остальные пятеро обитателей замка, приходившиеся князю дальними родственниками, были его вассалами. Все члены семейства были типичными представителями своей расы: узкий, продолговатый череп, практически лишенные мочек и плотно прилегающие к голове уши, светлые пушистые волосы, окутывавшие голову серебристым облаком, большие миндалевидные глаза с желтыми зрачками и ярко-красной радужкой, крупный сочный рот и необычного, светло-розового, цвета кожа. Тела вадхагов были стройными, удлиненными, красивых пропорций. Походка легкая, исполненная благородной, чуть ленивой грации. Обычный человек рядом с вадхагами всегда казался похожим на неуклюжую хромую обезьяну.

Будучи вечно погруженными в весьма далекие от реальной действительности интеллектуальные изыскания, члены семейства князя Клонски уже давно — по крайней мере, лет двести — не имели контактов с иными семьями вадхагов, а уж нхадрагов и вовсе не видели века три. В течение последних ста лет обитатели замка не имели абсолютно никаких сношений с внешним миром, а мабдена видели лишь однажды: представитель новой расы

был доставлен в замок Эрорн принцем Опашем, натуралистом и двоюродным братом князя Клонски. Мабдену — существо оказалось самкой — сразу поместили в зверинец и ухаживали за ней прекрасно, однако прожила она совсем мало, всего чуть больше пятидесяти лет, а другого взамен не нашлось. В замке знали, разумеется, что с тех пор мабдены весьма быстро размножились и обитали уже на значительной части территории Бро-ан-Вадха. Ходили слухи, что некоторые замки вадхагов теперь разорены и захвачены ордами мабденов, изгнавших оттуда их истинных хозяев. Впрочем, князь Клонски полагал, что подобным слухам верить нельзя, и они весьма мало интересовали обитателей замка. У них находились тысячи куда более приятных тем для дискуссий и размышлений.

Кожа князя Клонски приобрела молочно-белый оттенок и стала такой тонкой, что просвечивали вены и жилки. Он прожил на свете более тысячи лет, однако столь солидный возраст стал сказываться лишь недавно. Если слабость стала бы непереносимой, а зрение начало замутняться, князь должен был сам покончить счеты с жизнью так, как это принято у вадхагов: отправиться в Зал Туманов, лечь на шелковые простыни и вдыхать душистый смертоносный газ, пока не заснет навеки. С годами волосы князя обрели золотисто-каштановый оттенок, а глаза поблекли и стали почти розовыми с темно-оранжевыми зрачками. Одеяния казались слишком просторными на усохшем старческом теле, но князь по-прежнему не расставался со своим посохом, украшенным платиновым набалдашником с рубиновой инкрустацией, держался прямо и горделиво, как встарь.

Своего сына Корума он в тот день отыскал в музыкальном зале, где тот играл на весьма сложном инструменте, состоявшем из множества тонких трубок, вибрирующих струн и подвижных, переливающихся кристаллов. Мелодию, очень простую и тихую, заглушили тяжелые шаги старого князя по устилавшим пол коврам, стук его посоха и хриплое дыхание.

Принц Корум оторвался от своего занятия и посмотрел на отца с вежливым вниманием.

— Ты что-то хотел мне сказать, отец?

— Прости, я, кажется, помешал тебе?

— Ничего страшного. К тому же дело у меня все равно не шло,— Корум поднялся и накинул на плечи свой алый плащ.

— Знаешь, Корум, придется мне скоро отправиться в Зал Туманов,— спокойно проговорил князь Клонски.— И до того

мне бы очень хотелось, чтобы исполнилась некая моя прихоть. Ты мне поможешь?

Принц Корум любил отца. Он был потрясен этой новостью и мрачно кивнул:

— Разумеется, отец. Ты всегда можешь рассчитывать на меня. Что я могу для тебя сделать?

— Мне хочется узнать о судьбе своих родственников. Например, о принце Опаше из замка Сарн, что на востоке нашей страны. И о принцессе Лорим из замка Крашах, что на юге. И о князе Фагуине из замка Гэл, что на севере...

Принц Корум выпрямился.

— Прекрасно! Но если ты, отец...

— Я знаю, о чем ты подумал,— прервал его старик.— Что я мог бы выяснить все это с помощью магии, верно? Однако теперь мне, к сожалению, становится все труднее вступить в контакт с теми, кто проживает в других плоскостях. Мое восприятие существенно ослабело, да и весь организм порой просто отказывается мне повиноваться, и я физически не могу перенестись в иную плоскость. Видимо, старость пришла...

— Нет, отец,— сказал Корум.— Мне тоже стало трудно делать это, а ведь когда-то я с легкостью переносился в любую из пяти плоскостей, стоило лишь захотеть. Теперь же я способен в лучшем случае повидать или услыхать кого-то из обитателей прочих плоскостей. А ведь Земля в своем астральном цикле непременно проходит через все пять плоскостей! Я никак не могу принять причину своей неспособности к перемещениям, и я...

— Я тоже не могу этого понять,— откликнулся старый князь.— Но вижу в том дурное предзнаменование. По всей вероятности, в самой природе нашей Земли происходят некие глубинные изменения. Вот потому-то я и хотел бы связаться с нашими родственниками-вадхагами. Может быть, им известно, отчего мы оказались практически привязанными к одной лишь плоскости? Это же неестественно! В известной степени мы стали как бы калеками, неполноценными существами! Неужели нам придется уподобиться животным, которым изначально не дано знать иных миров, кроме своего собственного? Неужели наша раса вступила в эпоху регресса? И наши потомки ничего не смогут перенять из богатейшего опыта вадхагов, постепенно нисходя к тем водным млекопитающим, от которых, собственно, мы и произошли? Признаюсь честно, сынок, мне иногда становится даже страшно.

Принц Корум не сделал ни малейшей попытки успокоить отца.

— Знаешь, я тут читал о бланданья... — молвил он задумчиво. — Это раса из третьей плоскости, обладавшая весьма изощренным умом. Но с их генами и мозговыми клетками случилось что-то странное, и они в течение всего лишь пяти поколений полностью переродились, превратившись в летучих рептилий, по-прежнему, впрочем, обладавших достаточным разумом... Последнее обстоятельство и свело их с ума. Всех до одного... Они тогда сами себя уничтожили... Интересно, что вызывает подобные регрессивные изменения?

— Это ведомо лишь Повелителям Мечей... — ответил князь.

Корум улыбнулся и подхватил:

— Которых в действительности не существует. Хорошо, отец. Я понимаю твою озабоченность и непременно постараюсь разыскать наших родственников, встретиться с ними и выяснить, как они живут и ощущают ли те перемены, которые тревожат нас, обитателей замка Эрорн.

Старый князь кивнул.

— Если чувства наши действительно притупились, а восприятие мира стало таким же, как у мабденов, то вряд ли вадхагам стоит продолжать свое развитие. Да и существование тоже. Заодно постарайся выяснить, как живут нхадраги и нет ли у них подобных проблем.

— Наши расы одинаково древние, — прошептал Корум. — Возможно, что и у них... Но разве твой кузен Шулаг ничего не рассказывал? Ведь он был у нас не так давно, всего два-три столетия назад?

— О да, он говорил, что мабдены стали часто приплывать на своих кораблях с запада и убивать нхадрагов. Тех же, кто оставался в живых, они превращали в рабов. Однако мне трудно поверить, чтобы мабдены, эти полузвери, сколь бы ни было велико их число, сумели бы хитростью превзойти нхадрагов и одерживать над ними одну победу за другой.

Корум прикусил губу и задумался.

— Возможно, нхадраги стали слишком благодушны и самодовольны, — проговорил он наконец.

Отец его уже повернулся, чтобы уйти, но, услышав эти слова, остановился, тихонько постукивая тяжелым посохом по пестрому, богато вышитому ковру; тонкие пальцы стиснули украшенный рубинами набалдашник.

— Благодушие и страх перед невообразимой карой — это совершенно разные вещи,— молвил он наконец,— однако и то и другое неизбежно приводит к разрушению. И абстрактные рассуждения на эту тему совершенно бессмысленны. Вернувшись, ты, возможно, уже будешь знать ответы на все подобные вопросы. И мы вместе постараемся понять, что же нас ожидает. Когда ты намерен отправиться в путь?

— Мне хотелось бы сперва закончить свою симфонию,— сказал Корум.— На это потребуется день или два. А затем я на следующее же утро покину замок.

Князь Клонски удовлетворенно кивнул.

— Благодарю тебя, сын мой.

Когда он ушел, принц Корум вернулся к прерванным музыкальным занятиям, но обнаружил, что не может сосредоточиться. Его воображение было целиком захвачено грядущим путешествием. Странное, неиспытанное дотоле чувство овладело им. Скорее всего, это можно было назвать возбуждением: ведь он впервые в жизни готовился покинуть замок Эрорн!

Корум попытался взять себя в руки — не годится вадхагу проявлять подобную чувствительность.

— Что ж, это будет весьма познавательно,— прошептал он.— По крайней мере, повидаю, наконец, остальную часть материка. Жаль, что прежде я не увлекался географией. Я и береговую-то линию Бро-ан-Вадхаг едва помню, не говоря уж о ее сухопутных границах с другими странами. Возможно, стоило бы сперва изучить кое-какие карты и записки путешественников... Да-да, я так и сделаю. Завтра же с утра направлюсь в библиотеку. Или послезавтра...

Принц Корум по-прежнему не ощущал ни малейшей потребности спешить. Вадхаги — раса долгожителей, они привыкли действовать неспешно, как бы лениво, долго, всесторонне оценивая предстоящий поступок и лишь потом его совершая. Они проводили недели и даже месяцы в медитации, прежде чем приступить к научному исследованию или иной творческой работе.

Но на этот раз Корум решил вдруг отложить на время незаконченную симфонию, над которой трудился целых четыре года. Ничего, он завершит ее сразу после возвращения... Ну а если и не завершит, то, в конце концов, это не так уж и важно!

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПРИНЦ КОРУМ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Копыта лошади тонули в стелющемся по земле утреннем тумане, когда Корум выехал из замка Эрорн, выполняя обещание, данное отцу.

В неясном свете контуры замка казались более мягкими, расплывчатыми; он почти сливался с огромной скалой, на которой стоял, и с деревьями, что росли вдоль дороги. Дорога, по которой ехал сейчас Корум, тоже как бы таяла, тонула в тумане и безмолвии, да и все вокруг представлялось смешением неярких золотистых, зеленоватых и серых тонов, чуть усиленных порой отблесками далекого, не вынырнувшего еще из-за облаков солнца. А за скалами глухо шумело море. Был час отлива.

Когда Корум въехал в душистый сосново-березовый лес, запел крапивник, которому хрипло вторил грач, а потом оба умолкли, словно сами удивленные собственным дуэтом.

Корум все больше углублялся в лес; звуки моря почти стихли у него за спиной, и туман постепенно начал рассеиваться под теплыми лучами восходящего солнца. В этом старом лесу ему был знаком каждый куст, он и прежде любил бывать здесь — совершал прогулки верхом, обучался старинному военному искусству, ибо его отец как истинный вадхаг считал подобные тренировки исключительно важными для развития физической силы и ловкости. Иногда же Корум целыми днями просто валялся на траве, наблюдая за многочисленными лесными обитателями,— за очень похожими на желто-серых лошадок единорогами ростом примерно с собаку, за птицами с дивным оперением и веерообразными крыльями; птицы эти обычно парили так высоко, что с земли их невозможно было разглядеть, но гнезда свои почему-то строили под землей, в заброшенных лисьих или барсучьих норах. Попадались в лесу и крупные добродушные дикие свиньи, покрытые густой курчавой шерстью черного цвета и питавшиеся мхами и лишайниками. Было там немало и всякой прочей живности.

Принц Корум уже почти забыл, какое это удовольствие — быть в лесу! Слишком много времени он провел, почти не выходя из замка. С легкой и светлой улыбкой осматривал он все вокруг. «Это будет жить вечно,— думал он.— Такая красота не может погибнуть!»

Однако мысли эти отчего-то привели его в меланхолическое настроение, он встряхнулся и пришпорил коня.

Конь, казалось, даже обрадовался и с удовольствием помчался вперед: он тоже хорошо знал этот лес. Под седлом у Корума был настоящий вадхагский жеребец, рыжий, с иссиня-черной гривой и черным хвостом, сильный, высокий, грациозный, совсем не похожий на лохматых диких лошадок, что водились в лесу. Спина жеребца была накрыта желтой бархатной попоной, а к седлу приторочены две сумы, два копья, простой круглый щит из нескольких слоев дерева, бронзы и кожи, украшенный серебром, длинный костяной лук и колчан с большим запасом стрел. В одной из сумок была провизия на дорогу, в другой — карты и книги не только для дела, но и для души.

На серебряном остроконечном шлеме принца были вырезаны слова: «Корум Джайлин Ирси» — его полное имя, означавшее «Корум, Принц в Алом Плаще». Согласно обычаю, вадхаги различали друг друга прежде всего по цвету плаща, а нхадраги — по цвету плюмажа и форме шлема. Корум был в полном боевом облачении. Длинный и просторный плащ свободно раскинулся, закрывая конский круп; из широких прорезей виднелись лишь кисти рук; за плечами висел широкий и глубокий капюшон, который можно было накинуть прямо поверх шлема. Плащ был сделан из очень тонкой и мягкой шкуры древнего животного, о котором почти забыли уже и сами вадхаги и которое некогда обитало в одной из пяти плоскостей. Под распахнутым плащом виднелась двойная кольчуга, сплетенная из миллионов крошечных звеньев-колечек. Верхний слой кольчуги был из серебра, нижний — из бронзы.

Помимо лука и копий, Корум имел при себе вадхагский боевой топор с длинной ручкой, украшенной изысканной резьбой, и внушительных размеров меч с прочнейшим клинком из неведомого металла, выкованный в другой плоскости серебряные рукоять и гарда меча были украшены красными и черными ониксами. Под кольчугой виднелась рубаха из голубой парчи; штаны и сапоги Корума, как и седло, были из мягкой замши. Седло тоже было отделано серебром.

Легкие светлые волосы принца, выбиваясь из-под шлема, весело вились на ветру, но на молодом лице лежала тень то ли глубокой задумчивости, то ли напряженного ожидания, то ли предвидения неких необычных событий, связанных с тем, что

Корум впервые предпринял путешествие по древней территории народа вадхагов.

В это путешествие он отправился один: более никого из обитателей замка нельзя было выделить ему в сопровождающие. Ехать он сразу решил верхом, отказавшись от кареты или повозки, ибо хотел как можно скорее добраться до цели.

До первого из тех замков, которые ему предстояло посетить, было несколько дней пути, и, коротая время, Корум пытался представить себе древние жилища иных старинных вадхагских семей, столь непохожие, должно быть, на замок Эрорн, и самих этих людей, близких ему по крови, но совершенно ему неведомых. Возможно, среди них он отыщет и свою будущую жену... Принц понимал: желание женить сына давно владело старым князем — хотя он и словом об этом ни разу не обмолвился — и, безусловно, входило в его планы, когда он обратился к Корему со своей просьбой.

Вскоре Корум выбрался из леса на обширную равнину Броггфитус; здесь некогда вадхаги и нхадраги сошлись в кровавой и исполненной мистического смысла битве.

То была их последняя война, и оказалась она столь разрушительной, что отзвуки ее услышаны были во всех пяти плоскостях. В той битве не было ни победителей, ни побежденных, но более двух третей каждого войска осталось на поле брани. Корум знал, сколько замков опустело с тех пор на обширной территории Бро-ан-Вадхаг, сколько нхадрагских городов прекратили свое существование на морских островах, расположенных недалеко от замка Эрорн.

К полудню Корум добрался почти до центра равнины. Далее этих мест он никогда не бывал, даже в годы своих юношеских скитаний. Здесь высились поросшие сорной травой руины огромного Небесного Города, который во время той, длившейся целый месяц, роковой битвы между вадхагами и нхадрагами бесчисленное множество раз перемещался из одной плоскости в другую, нарушая тонкий слой разделяющего их вещества, и наконец неожиданно рухнул прямо на яростно бившихся воинов, погребя их под собою. Погибли все. Будучи порождением иного мира, Небесный Город, даже превратившись в уродливые клубки металлических конструкций и каменные обломки, по-прежнему сохранял загадочную способность проходить сквозь разделяющие плоскости рубежи и в данный момент развалины его казались миражем, хотя сорняки, мелкий кустарник и березняк, которым поросло все вокруг, выглядели вполне материально.

В иных, не столь обязывающих ситуациях Корум любил, хотя бы мысленно, перемещаться в другие плоскости, чтобы посмотреть, как выглядит Небесный Город там, но теперь подобные упражнения потребовали бы от него слишком больших затрат энергии, и в данный момент призрачные развалины представлялись ему всего лишь довольно сложным препятствием, которое необходимо поскорее миновать.

Когда Корум наконец пересек равнину Броггфитус, солнце уже село, а привычный и любимый мир остался далеко позади. Теперь путь его лежал на юго-запад, в те края, которые он представлял себе только по картам.

Он не останавливаясь ехал еще три дня, пока рыжий его жеребец не начал спотыкаться от усталости. Тогда Корум решил устроить привал в небольшой лощине у прохладного ручья и немного отдохнуть.

Усевшись на землю и съев ломоть легкого, но очень питательного хлеба, выпечкой которого славятся вадхагские пекари, он удобно оперся спиной о ствол старого дуба. Конь щипал траву на берегу ручья.

Серебряный шлем, топор и меч Корум положил рядом и полной грудью вдыхал пахнувший листвой воздух, в блаженной расслабленности любуясь далекими горными вершинами — синими, серыми, белыми. Перед ним раскинулась чудесная страна, исполненная мира и покоя, и радостно было ему путешествовать по ней. Он знал, что некогда и в этом месте жили несколько вадхагских семей, но теперь от них не осталось и следа. Похоже, вадхаги постепенно как бы стали частью пейзажа, растворились в нем. Раза два ему попались скалы и валуны весьма странной формы — видимо, там, где некогда высились замки. Но теперь даже сами камни эти казались совершенно дикими. У него мелькнула мысль о мистической, загадочной природе столь полного исчезновения следов здешних обитателей, но он тут же отринул подобные домыслы, убеждая себя, что это лишь пища для поэтических образов, никак с реальной действительностью не связанная.

Улыбнувшись собственной неожиданной сентиментальности, Корум поудобнее устроился под деревом. Еще три дня, и он достигнет замка Крашах, где живет его тетка, принцесса Лорим... Увидев, что рыжий жеребец, подогнув ноги, улегся на траву и уснул, Корум завернулся в свой алый плащ, накрыл голову капюшоном и смежил веки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
МАБДЕНЫ

На следующее утро Корум проснулся довольно поздно, лесную тишину нарушали странные звуки. Конь его, встревоженный этим шумом, уже вскочил и стоял рядом, нервно нюхая воздух.

Корум встал, потянулся и пошел к ручью умыться. На берегу он прислушался. Ему показалось, что из долины доносятся глухие удары, бряцанье оружия, чьи-то громкие голоса. Он осторожно сделал в этом направлении несколько шагов и почти сразу заметил среди деревьев какое-то движение.

Он бросился назад, быстро подобрал с земли шлем, водрузил его на голову, пристегнул к перевязи меч и пристроил за плечи боевой топор. Потом отвел коня к ручью и, пока тот пил, оседлал его.

Звуки стали слышны гораздо отчетливее. Корума охватило смутное беспокойство. Он вскочил в седло, но с места не двигался, продолжая наблюдать.

Из долины в холмы текла целая река повозок, запряженных лошадьми, которыми управляли дикие люди — кто в латах, а кто и в звериных шкурах мехом наружу. Корум догадался, что это орда мабденов. Ему не так уж много было известно из книг о привычках и обычаях этих существ, но он знал, что мабдены ведут преимущественно кочевой образ жизни, постоянно перемещаясь с места на место. Исчерпав запасы пищи в одной части материка, они переходят на другую территорию, где занимаются собирательством и охотой. Корума весьма удивило, что боевое оружие и доспехи этих дикарей — особенно щиты, мечи и шлемы — почти такие же, как у него самого.

Мабдены подходили все ближе, но Корум продолжал стоять под деревьями и с превеликим любопытством следить за ними — с тем же любопытством он наблюдал обычно за поведением незнакомых ему диких животных.

Их было множество; они ехали в колесницах, грубо сколоченных из бревен, скрепленных бронзовыми пластинами. Колесницы были разукрашены самым варварским образом. Их тащили косматые лошадки в кожаной сбруе, тоже грубо размалеванной красной, желтой и синей краской. За колесницами следовали громоздкие повозки; одни повозки были открытые, другие — занавешены каким-то тряпьем. Корум решил, что в

крытых возках мабдены везут своих самок, потому что ни женщин, ни детей нигде больше не было видно.

У мабденов были густые грязные бороды и длинные вислые усы. Из-под шлемов выбивались всклокоченные патлы. Пронзительно крича, они на ходу передавали друг другу бурдюки с вином. Потрясенный Корум понял, что говорят они на том же языке, что вадхаги и нхадраги, просто речь их сильно искажена, весьма примитивна и груба. Для него было открытием, что мабдены владеют столь развитой формой языка!

Снова в душе Корума шевельнулась безотчетная тревога. Он заставил рыжего жеребца попятиться глубже в тень деревьев и продолжал наблюдать.

Теперь он понял, отчего шлемы и мечи мабденов показались ему столь похожими на его собственные.

То были шлемы и мечи вадхагов.

Корум помрачнел. Может быть, мабдены ограбили один из старых заброшенных замков? Или получили оружие и доспехи в подарок? Или просто украли?

У них, правда, имелось и оружие собственного изготовления — грубой, примитивной работы, явно и неудачно скопированное с искусных изделий древних оружейников. Корум заметил также на некоторых воинах одежду из тонкого полотна и парчи, явно украденную, потому что в основном мабдены были одеты в плащи из волчьих шкур с неуклюжими капюшонами из медвежьего меха, их куртки и штаны были сшиты из шкур тюленей, а шапки — из козьих шкур. Некоторые были не в штанах, а в некоем подобии юбок из кроличьего меха. И все обуты в грубые башмаки из свиной кожи. Рубахи тоже были либо кожаные, либо из очень грубой шерсти. У некоторых на шее висели золотые, бронзовые или железные цепи; такие же цепи, несколько раз обернутые вокруг запястий или лодыжек, заменяли мабденам браслеты, а кое-кто украсил цепями даже свои отвратительные грязные патлы.

Мабдены поравнялись с тем местом, где прятался Корум. Он едва подавил приступ кашля, когда чудовищная вонь, исходившая от орды, достигла его ноздрей. Многие мабдены были настолько пьяны, что чуть не падали со своих колесниц. Скрипели тяжелые колеса, шлепали по грязи копыта лошадей. Корум увидел, что в повозках везут отнюдь не женщин, а награбленное добро. Да, он не ошибся: то были сокровища, ранее принадлежавшие вадхагам.

Увиденное можно было истолковать однозначно: перед ним настоящее войско, только что совершившее то ли разведывательный, то ли чисто грабительский поход. Но больше всего Корума мучила мысль о том, что эти полузвери совсем недавно бились с вадхагами и явно одержали над ними победу!

Он заметил, что за последними колесницами идут пешие мабдены, за руки привязанные к повозкам и скованные между собой. Безоружные, почти голые и страшно истощенные, они ступали по земле босыми, разбитыми в кровь ногами и почти непрерывно стонали, время от времени издавая жалобные вопли. В ответ на эти вопли с колесниц доносились издевательский смех и злобные ругательства; а порой кто-нибудь из пьяных воинов дергал за веревку, и тогда несчастные спотыкались и падали.

Один из них, упав, тщетно попытался снова встать на ноги, но так и не смог: колесница неумолимо волокла его по земле. Корум пришел в ужас. Почему мабдены столь чудовищно обращаются с соплеменниками? Даже нхадраги, всегда считавшиеся более жестокими, чем вадхаги, никогда так не мучили своих пленников.

— До чего же странные и жестокие существа! — вырвалось у Корума.

Один из мабденов во главе каравана вдруг что-то громко крикнул и остановил свою колесницу у ручья. Остальные тоже начали останавливаться. Корум понял, что они намерены расположиться здесь лагерем.

Очень заинтересованный, он продолжал наблюдать, неподвижно застыв в седле, скрытый тенью деревьев.

Мабдены распрягли лошадей и повели их к воде. Из повозок достали горшки и припасы, разожгли костры.

Близился вечер. Воины поели, однако пленникам, по-прежнему привязанным к колесницам, не дали ни крошки.

Насытившись, мабдены снова принялись пить вино. Вскоре более половины их были пьяны до бесчувствия. Пьяные, растянувшись на траве как попало, спали, а остальные просто валялись на земле или боролись друг с другом. Однако борьба эта мгновенно переставала носить шуточный характер, стоило кому-то одному разозлиться, и соперники с нескрываемой свирепостью пускали в ход не только ножи, но и боевые топоры, и тогда уже кровь лилась рекой.

Когда драка начала принимать массовый характер, мабден, ехавший во главе каравана, снова что-то гневно проревел и не-

верной походкой, держа в руке бурдюк с вином, приблизился к дерущимся и стал пинать то одного, то другого, приказывая прекратить драку. Двое отказались ему повиноваться, и он, выхватив из-за пояса огромный боевой топор, с размаху опустил его на голову ближайшего из непокорных, разрубив не только шлем, но и череп. Тут же воцарилась тишина, и Корум с трудом расслышал, как вожак бормочет себе под нос:

— Клянусь Псом! Смотрите у меня, чтоб больше этих дурацких драк не было, черт бы вас побрал! Чего зря силы тратите? А если уж так охота поразмяться, так вон из тех берите! — и он указал в сторону пленников.

Кто-то гнусно засмеялся, и некоторые мабдены действительно двинулись туда, где на земле, скорчившись, спали пленные. Спящих растолкали, перерезали их путы и погнали туда, где собрались в кружок те, кому вина оказалось недостаточно. Несчастных втолкнули в центр круга, и они застыли там, в ужасе глядя на воинов.

Вожак первым вошел в круг и обратился к пленным:

— Помните, что я сказал вам, когда мы, уходя из вашей вонючей деревни, прихватили вас с собой? Так кого мы, денледхисси, ненавидим больше всех на свете, даже больше шефанхау?

Один из пленников что-то пробормотал, глядя в землю. Вожак быстро подошел к нему и острием топора приподнял его голову.

— Верно! Хорошо урок усвоил, дружок. Ну-ка, скажи погромче.

Пленный едва шевелил пересохшим от жажды языком и разбитыми, запекшимися губами, глядя в темнеющие небеса; по щекам его текли слезы; вдруг он возопил каким-то диким, надтреснутым голосом:

— Тех, кто лижет мочу шефанхау!

И застонал. А потом вдруг снова издал пронзительный вопль.

Вожак мабденов улыбнулся, отвел назад руку с зажатым в ней топором и рукоятью ударил пленного в живот. Вопль резко прервался; от нестерпимой боли несчастный согнулся пополам.

Коруму никогда не приходилось видеть столь бессмысленной жестокости. Оцепенев от ужаса, он смотрел, как мабдены вновь связали пленников, повалили их наземь и принялись тыкать в них ножами и пылающими головнями, причиняя бесконечные страдания и заставляя корчиться от боли, однако не убивая.

Вожак, веселясь, наблюдал за ними, сам участия в истязаниях не принимая.

— Ох и попомните вы меня, когда ваши души соединятся с душами проклятых шефанхау в Колодцах Псов! — бурчал он добродушно.— Ох и попомните вы повелителя денледхисси Гландита-а-Крэ, грозу шефанхау!

Корум так и не смог разгадать, что означают эти слова. «Шефанхау», возможно, было изуродованным вадхагским словом «сефано», которое имело несколько значений, например, «дьявол», «злодей», «демон». Но почему мабдены сами себя называют «денледхисси»? И не является ли это слово — а, скорее всего, так и есть — искаженным вадхагским «донледисси», что значит «убийцы»? И не используют ли мабдены понятие «шефанхау» для обозначения любого врага? При этом похоже, что среди их врагов есть и племена мабденов...

В полном недоумении Корум потряс головой. Да, мотивы поведения диких животных были ему куда понятнее мабденских. С точки зрения чистой науки, они совершенно перестали интересовать его, начиная раздражать и вызывая одно лишь отвращение. Он легонько тронул поводья и быстро углубился в лес.

Увиденное он пока что мог объяснить одним-единственным способом: эти мабдены явно претерпели некую регрессивную эволюцию, причем процесс шел чрезвычайно быстро. Вполне возможно, он видел всего лишь утративших разум последышей этого племени. Если его рассуждения верны, то именно утрата разума и послужила причиной того, что мабдены считают врагами собственных соплеменников — бросаются же на себе подобных заболевшие бешенством лисицы.

Теперь Корум чувствовал еще более острую потребность поскорее выполнить обещание, данное отцу. Он погонял и погонял коня, который и без того мчался, как ветер, по направлению к замку Крашах. Принцесса Лорим, что жила там, совсем близко от мест расселения мабденов, наверняка смогла бы дать Коруму ответы на мучившие его вопросы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ГИБЕЛЬ КРАСОТЫ — БРЕМЯ ПРАВДЫ

Миновав высокие зеленые холмы, что со всех сторон окружали долину, Корум не обнаружил никаких следов пребыва-

ния мабденов, кроме черных кострищ и мусора. Он остановил коня и огляделся. Замка принцессы Лорим почему-то не было видно.

Здесь росло множество тополей, вязов и берез; в теплых полуденных лучах солнца долина выглядела удивительно мирной. «Интересно, куда же все-таки подевался замок?» — недоумевал Корум.

Он снова достал из-под кольчуги карту и внимательно ее рассмотрел. Замок должен был стоять прямо посреди этой долины, окруженный по периметру шестью рядами тополей и еще двумя рядами, внешними, вязов. Корум снова уставился перед собой.

Да, кольца тополей и вязов — на месте. Но в центре — никакого замка! Лишь какое-то странное облачко тумана.

Откуда там туман, в такой ясный полдень? Значит, это дым?

Корум погнал жеребца вниз по склону холма.

Он миновал первый ряд деревьев, второй и не останавливался, пока не вылетел на середину последнего зеленого круга. Но и там никакого замка не оказалось. Зато отчетливо чувствовался запах дыма. От дыма уже щипало глаза и горло.

Лишь теперь Корум смог различить закопченные развалины и в ужасе приблизиться к ним, хотя в горле ужасно першило, а дым застилал глаза. Острые осколки камней, груды искореженного металла, обгоревшие балки...

Увы, сомнений не оставалось: принц Корум увидел то, что осталось замка Крашах. Тлеющие руины. Страшный пожар уничтожил замок без следа, пожрав, видимо, и его обитателей, ибо Корум, сдерживая храпящего, возбужденного коня, повсюду замечал почерневшие кости людей. А за пределами гигантского пепелища видны были следы яростной битвы: сломанная колесница мабденов, несколько трупов дикарей, разрубленное на куски тело старой вадхагской женщины...

И, несмотря на дым и еще тлеющий пожар, уже начинало слетаться на пир воронье.

Так принц Корум впервые познал истинное горе. Он догадался, что это именно горе, хотя никогда не испытывал таких чувств прежде. А потом глубокая печаль охватила его душу.

На всякий случай он громко крикнул, надеясь, что откликнется хоть кто-то из уцелевших обитателей замка, но ответом ему было молчание. И принц Корум медленно поехал прочь. Ехал он на восток, к замку Сарн.

Целую неделю он гнал и гнал своего коня, почти не слезая с седла, и ощущение огромного горя и глубокой печали не покидало его. А потом вдруг возникло какое-то новое ноющее, болезненное чувство, и принц Корум догадался, что это тревога.

Сквозь заросли бузины к замку Сарн вела широкая тропа. Конь и всадник смертельно устали и еле двигались, так что мелкие зверюшки вполне успевали спрятаться, заслышав стук копыт. С хмурого неба сеялся дождик. Запаха дыма не чувствовалось, но когда Корум добрался наконец до развалин замка, то понял: они давно уже перестали гореть. Черные обуглившиеся камни были холодны, а воронье, добела обчистив кости убитых, улетело прочь в поисках новой добычи.

И тут впервые слезы навернулись Коруму на глаза. Он слез со своего запыленного и усталого коня, взобрался на груду почерневших камней и уселся там, глядя вдаль.

И сидел он так много часов подряд, а потом из горла его вдруг вырвался странный тонкий звук. Ничего подобного он от себя не ожидал и не понимал, что с ним такое творится. Но и этот жалобный стон не принес его душе облегчения. Он никогда не видел принца Опаша, хотя отец часто и очень тепло вспоминал двоюродного брата. Он не знал никого из тех людей, что жили в замке Сарн, но оплакивал их долго и горестно, пока совершенно не обессилел и не погрузился в мрачное забытье, рухнув ничком прямо посреди печального пепелища.

А дождь все падал на алый плащ принца Корума, на печальные руины старинного замка, отмывая до белизны кости погибших. Рыжий конь между тем, пощипав травы, отыскал себе убежище под густыми кустами бузины и улегся там. Некоторое время он еще поглядывал на хозяина, а потом тоже уснул.

Пробуждение Корума было внезапным. Он вскочил и тут же стал пробираться меж руин к зарослям бузины, где тихо ждал его верный конь. Мысль, от которой он проснулся, теперь не давала ему покоя: он понял, что все эти преступления — дело рук мабденов. Нхадраги никогда не сжигали замки своих врагов, не было у них такого обычая. Кроме того, уже несколько столетий между вадхагами и нхадрагами царил мир, прежняя яростная вражда осталась в далеком прошлом.

Правда, в какой-то момент у Корума возникло подозрение, что мабдены нападают на вадхагов по наущению нхадрагов, однако подобное подозрение он сразу отмел как несправедливое. Оба народа всегда неукоснительно подчинялись древним прави-

лам ведения честного боя. К тому же у былых противников не осталось былого стремления расширять свои территории или хотя бы охранять их границы: из-за войн численность обоих народов и так была крайне невелика.

Покрытое пылью лицо Корума осунулось. По щекам тянулись грязные бороздки от пролитых слез. Он поднял коня, вскочил в седло и двинулся на север, к замку Гэл. В душе его еще теплилась надежда, что север пока свободен от мабденов, ведь их орды идут в основном на юг и восток.

Днем позже Корум остановился, чтобы напоить коня, на берегу маленького озерца и вдали, по ту сторону заросшего вереском болота, заметил вьющийся в воздухе дымок. Он сверился с картой: в той стороне не был помечен ни один замок.

Корум застыл в нерешительности. А вдруг это стоянка мабденов? Вдруг у них есть пленные вадхаги? Их непременно нужно попытаться спасти!.. И он двинулся туда, где был виден дымок.

Подъехав ближе, он обнаружил несколько столбов дыма. Это оказалось селение мабденов, весьма напоминавшее издали город нхадрагов, но спланированное значительно хуже. Да и дома в селении были грубые, примитивные — низкие каменные хижины, крытые тростником. Дым от сложенных из сланца очагов поднимался в небо прямо через дыру в кровле.

Вокруг селения раскинулись поля, где, видимо, выращивались некие съедобные злаки, но в данный момент поля были пусты. Кое-где на них паслись коровы.

Почему-то здесь Корум не чувствовал той опасности и угрозы, которая исходила от встреченной им ранее орды мабденов. Но из осторожности он остановил коня довольно далеко от поселка, решив сперва понаблюдать за его жителями.

Он прождал целый час, но никто так и не появился.

Тогда он подъехал ближе и остановился шагах в пятидесяти от ближайшей хижины.

Из-за низенькой двери не доносилось ни звука.

Корум прокашлялся.

И тут вдруг заплакал ребенок, плач которого кто-то спешно попытался заглушить.

— Эй, мабдены! — крикнул Корум. От усталости и горя голос его звучал хрипло.— Я хотел бы поговорить с вами. Чего вы боитесь? Вылезайте из своих нор.

Из ближайшей хижины ему ответил голос, в котором смешались страх и гнев:

— Мы шефанхау зла не делали! И они нам тоже. Но если мы станем говорить с тобой, денледхисси вернутся и в наказание отберут у нас все припасы, перебьют мужчин, изнасилуют женщин. Ступай же прочь, господин, умоляем тебя! Мы приготовили для тебя вкусную еду, сумка стоит у дверей. Возьми ее и оставь нас в покое.

Теперь Корум заметил и сумку. Значит, ему приготовили дань! Неужели они не знают, что их пища не годится для вадхагов, ибо чересчур тяжела?

— Мне не нужна еда, мабдены! — снова крикнул он.

— Но что же тебе нужно, господин? Нам больше нечего отдать тебе, кроме своих жизней.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Мне всего лишь нужно получить ответы на некоторые вопросы.

— Но ведь шефанхау знают все на свете! Мы же не знаем ничего.

— Почему вы так боитесь денледхисси? И почему называете меня именем дьявола? Мы, вадхаги, никогда не причиняли вреда мабденам.

— Это не мы, а денледхисси считают вас злыми демонами! И жестоко наказывают нас за то, что мы живем в мире с вашим народом. Они говорят, мабдены всегда должны убивать шефанхау — и вадхагов, и нхадрагов,— потому что все зло в мире от них, а мы, по их словам, виноваты в том, что позволяем злу существовать с нами рядом. Они утверждают, что мабдены для того и созданы, чтобы уничтожить всех шефанхау до одного. Денледхисси — слуги великого правителя, графа Гландита-а-Крэ. И всеми нами правит король Лир-а-Брод, чей каменный город Каленвир находится высоко в горах на северо-востоке. Неужели ты этого не знаешь, господин?

— Нет, этого я не знал,— тихо промолвил Корум и развернул коня.— Но и узнав все это, я по-прежнему не понимаю почти ничего. Прощайте, мабдены! — прогремел его голос.— Вам больше не следует меня бояться...— он помолчал и попросил негромко: — Скажите мне напоследок еще одну вещь, ладно?

— Что же ты хочешь знать, господин? — откликнулся все тот же испуганный голос.

— Почему мабдены убивают мабденов?

— Я не понимаю тебя, господин мой...

— Я видел, как мабдены, люди одной с вами крови, убивают других мабденов. Вы что, часто это делаете?

— О да, господин. Мы делаем так довольно часто. Мы наказываем нарушивших наши законы... В назидание тем, кто может возжелать их нарушить...

Принц Корум вздохнул.

— Благодарю тебя. Что ж, теперь прощайте.

Рыжий конь рысью прошел по краю болота, и деревня мабденов скрылась вдали.

Теперь Корум осознал наконец, сколь сильно выросло за последнее время могущество мабденов. Такое никому из вадхагов даже в голову прийти не могло! Ведь мабдены успели создать хотя и крайне примитивное и весьма запутанное, но, тем не менее, собственное социальное устройство. Ими правили вожди различных рангов, у них имелись вполне оседлые селения, а большая часть территории Бро-ан-Вадхаг находилась теперь под контролем верховного правителя мабденов, короля Лира-а-Брода, что значило приблизительно — «король всей земли».

Корум припомнил давнишние слухи, которым тогда не придал значения: дикие орды мабденов захватывают отдельные замки вадхагов... многие города нхадрагов пали уже под их натиском...

Ему было ясно, что мабдены собственными жизнями готовы платить за уничтожение древних народов. Но почему? Ведь древние никогда и ничем им не угрожали! Да и чем малочисленные вадхаги и нхадраги могли угрожать несметным полчищам свирепых мабденов? Представители древних рас обладали по сравнению с этими молодыми племенами лишь одной действительно бесценной вещью: знаниями. Неужели мабдены так боялись их знаний?

В течение десяти дней, лишь дважды останавливаясь на отдых, гнал Корум своего коня к северу. Теперь он хорошо представлял себе, как может выглядеть древний замок Гэл, если там побывали мабдены. Однако он непременно должен был добраться туда, чтобы увидеть все собственными глазами. Или же — если князь Фагуин и его семья еще живы, конечно! — предупредить обитателей замка о грозящей им опасности.

Селения мабденов теперь встречались часто, но Корум избегал их. Встречались деревеньки, похожие на ту, первую, но некоторые селения были значительно больше. В центре каждого высилась мрачная каменная башня. Несколько раз он видел в отдалении отряды мабденских воинов, и лишь более острые,

чем у мабденов, слух и обоняние позволяли ему заметить их раньше, чем они заметят его.

Однажды он даже вынужден был переместиться вместе с конем в другую плоскость — истратив при этом немыслимое количество энергии и с трудом избежав прямого столкновения с мабденами. Он видел их прекрасно: они проехали мимо него не более чем в пяти шагах, однако увидеть его были не способны. Как и те мабдены, которых он видел прежде, эти тоже ездили не верхом, а в повозках, запряженных косматыми лошадками. Когда Корум увидел их поближе — лица с жирной и грязной кожей, покрытые оспинами и следами других болезней, вонючие тела, разукрашенные варварской татуировкой,— то в очередной раз подивился их разрушительной мощи. Ему по-прежнему трудно было поверить, как эти дикари, почти животные, похоже совсем лишенные второго зрения, сумели разрушить замки великих вадхагов.

И вот наконец наш Принц в Алом Плаще достиг подножия холма, на котором стоял замок Гэл, и увидел, как завивается в воздухе черный дым, пронизанный красными языками пламени, и понял, что те мабдены, которые прошли так близко от него, как раз возвращались после битвы у стен замка и одержанной там кровавой победы.

Это было настоящее побоище. Яростное сражение длилось, видимо, много дней. Обитатели замка Гэл оказались более подготовленными к войне, чем другие вадхаги. Надеясь отыскать хоть кого-то из раненых соплеменников, Корум погнал коня галопом вниз по склону холма.

Но единственным живым существом среди дымящихся развалин оказался мабден, жалобно стонавший и брошенный своими. Корум сделал вид, что не заметил его.

Он обнаружил три трупа вадхагов. Все трое умирали долго и в страшных мучениях. Двоих воинов буквально изрубили на куски вместе с доспехами, но сперва им отсекли руки и ноги. А третья... То была девочка лет шести.

Корум бережно перенес трупы к жарко горевшему огню пожара, чтобы огонь пожрал тела погибших вадхагов, и вернулся к своему коню.

Вдруг он услышал, что раненый мабден зовет его. Корум замер: голос незнакомца звучал иначе, чем у прочих дикарей.

— Помоги мне, господин мой!

То был до боли знакомый, певучий язык вадхагов и нхадрагов!

А вдруг это вадхаг, притворившийся мабденом, чтобы не погибнуть? Корум взял коня под уздцы и пошел назад. Миновав дымовую завесу, он остановился над распростертым на земле раненым.

Тот был одет в неуклюжий плащ из волчьих шкур и полукольчугу из железных звеньев. Сползший шлем скрывал большую часть его лица, и раненый почти не мог видеть. Корум осторожно снял с него шлем, отбросил в сторону... и у него перехватило дыхание.

То был вовсе не мабден! Но и не вадхаг. Перед принцем было окровавленное лицо нхадрага — смуглая кожа, приплюснутый нос, низко, почти от самых бровей, растущие волосы.

— Помоги мне, господин мой! — повторил нхадраг.— Я ранен не очень тяжело и могу еще тебе пригодиться.

— Кому ты хочешь служить, нхадраг? — тихо спросил Корум. Оторвав кусок ткани от рукава рубашки нхадрага, он вытер запекшуюся у того на лице кровь, мешавшую ему разлепить веки. Раненый заморгал, стараясь получше разглядеть своего возможного спасителя.— Так кому же ты собираешься служить? — снова спросил его Корум.— Неужели мне?

Затуманенный взор нхадрага прояснился, и глаза его вдруг наполнились неподдельной и неистребимой ненавистью.

— Вадхаг! — завизжал он.— Значит, один из этих вадхагов еще жив!

— Да, я еще жив. Почему ты так ненавидишь нас?

— Все нхадраги ненавидят вадхагов. И всегда ненавидели. Но как случилось, что ты не умер? Может, ты где-то прятался?

— Я не из замка Гэл.

— Значит, я был прав: это не последний их замок,— нхадраг завозился, пытаясь вытащить нож, но силы покинули его, и он снова рухнул на землю.

— Ненависть... Вряд ли нхадраги питали к нам именно это чувство,— проговорил задумчиво Корум.— Они хотели заполучить наши земли, это так, но воевали мы друг с другом БЕЗ НЕНАВИСТИ. Ненавидеть вы научились у мабденов, нхадраг. Твои предки этого чувства не знали. Зато хорошо понимали, что такое честь. Неужели нынешним нхадрагам это слово неведомо? Как мог ты, представитель древнего народа, стать рабом мабденов?!

Легкая улыбка скользнула по губам нхадрага.

— Все оставшиеся в живых нхадраги вот уже два столетия пребывают в рабстве у мабденов. Мы живем подобно жалким псам, испытывая невыносимые страдания. Нас и используют как охотничьих псов, заставляя вынюхивать следы той «дичи», которую мабдены называют шефанхау. А мы, нхадраги, поклялись им клятвой верности, лишь бы остаться в живых.

— Неужели у вас не было другого пути к спасению? Ведь в других плоскостях...

— Другие плоскости были для нас закрыты. Наши историки доказали, что последняя великая битва между вадхагами и нхадрагами настолько нарушила Великое Равновесие, что боги закрыли для нас доступ в иные миры...

— Боги?.. Значит, и вы снова поверили в богов, вернулись к разным суевериям...— пробормотал Корум.— Но зачем мабдены ведут с древними народами столь жестокую войну?

— Они вытесняют нас, вадхаг. И они несут с собой тьму и ужас. И гибель всего прекрасного, и бремя правды. Они заселили уже весь наш мир! У нас нет больше права на жизнь в нем. Сама природа нас отвергает. Нас в этом мире быть не должно!

Корум вздохнул.

— А не твои ли хозяева, мабдены, внушили тебе всё это?

— Нет, такова жизнь, вадхаг.

Корум пожал плечами.

— Возможно.

— Это так, вадхаг. И ты, должно быть, не в своем уме, если станешь отрицать очевидное.

— Ты им сказал, что это последний из наших замков?..

— Нет. Я чувствовал, что должен быть еще один. И я сказал им об этом.

— И они отправились искать его?

— Да.

Корум тряхнул несчастного за плечо:

— Куда они направились?

— На запад, куда же еще! — ухмыльнулся тот.

Корум взлетел в седло.

— Постой! — прокаркал вслед ему нхадраг.— Добей меня! Умоляю, вадхаг! Не заставляй меня слишком долго мучиться.

— Я не умею убивать,— молвил Корум.

— Раз так, тебе непременно придется этому научиться! Ты должен научиться этому, вадхаг! Должен!

И Корум, как безумный, погнал коня на запад.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ПОЛУЧЕННЫЙ УРОК

И вот вдали показался замок Эрорн, и светлые башни его были оплетены языками пламени и кольцами тяжелого черного дыма. А прибой по-прежнему гремел у подножия могучей скалы, и казалось, что море гневно протестует против свершенного насилия — ветер выл злобно и горестно, волны, швыряя клоки пены, тщетно пытались погасить победоносное пламя.

Замок Эрорн, вздрогнув в последний раз, рухнул и превратился в руины, а бородатые мабдены смеялись так, что с колесниц и конской упряжи падали бронзовые и золотые побрякушки, и время от времени поглядывали на недлинный ряд мертвых вадхагов, полукругом лежавших перед ними.

Их было одиннадцать: четыре женщины и семь мужчин.

Скрывшись в тени знакомой пещеры у черной скалы, Корум видел окровавленные лица убитых, легко узнавая в отблесках пожара своих близких — отца и мать, сестер Иластру и Фолинру, своего дядю Ранана, кузину Сертреду и пятерых дальних родственников.

Три раза Корум пересчитал трупы, и леденящая душу печаль постепенно сменилась в нем жгучей яростью. Слушая, как эти мясники орут что-то на своем варварском наречии, он еще три раза пересчитал погибших, снова и снова вглядываясь в их лица, и теперь его собственное лицо стало поистине похоже на дьявольский лик.

Принц Корум уже открыл для себя горе и страх. Теперь к ним прибавились гнев и ярость.

Две недели он скакал без устали, думая, что все-таки успеет предупредить свою семью о нашествии варваров-убийц, спасти ее от проклятых денледхисси. Он опоздал всего лишь на несколько часов.

Мабдены успели раньше и в неведении своем, порожденном невежеством, уничтожили тех великих, чье святое неведение порождено было мудростью. Так решила судьба. Корум не сомневался: его отец, старый князь Клонски, успел все это понять, прежде чем денледхисси зарубили его украденным у вадхагов боевым топором. Но сейчас подобные философские размышления не приносили принцу Коруму покоя.

Глаза его почернели от гнева, светились лишь янтарно-золотистые зрачки. Выставив вперед длинное копье и понукая усталого коня, он помчался по дамбе, ведущей к замку, сквозь просвеченную пожаром ночь, прямо на денледхисси.

Те, развалившись в своих повозках, лакали, точно псы, сладкое вино вадхагов. Вино текло по их грязным физиономиям, с бульканьем заливалось им в глотки. Шум прибоя и легкий туман скрыли от них приближение Корума. Они заметили принца, лишь когда его копье вонзилось одному из денледхисси прямо в морду и тот пронзительно вскрикнул, умирая.

Так Корум научился убивать.

Он вытащил копье и ударил во второй раз — на этот раз он ударил мабдена, поднимавшегося с земли, в шею пониже затылка да еще и повернул острие в ране.

Так Корум научился жестокости.

Какой-то мабден схватил свой лук, вложил стрелу и прицелился было в Корума, но принц с такой силой метнул в него копье, что оно, пробив бронзовую пластину на груди воина, вошло ему прямо в сердце, и мертвый мабден рухнул с повозки наземь.

Корум вытащил второе копье.

Но тут его подвел рыжий жеребец. Слишком долго они скакали без передышки, и умное животное уже с огромным трудом слушалось команд своего хозяина и становилось неповоротливым. А воины мабденов уже нахлестывали мохнатых лошадей, разворачивая скрипучие колесницы, чтобы окружить Принца в Алом Плаще, сбить его с ног, уничтожить, втоптать в землю.

Стрела чуть не задела Корума, и он, заметив, кто стрелял, заставил-таки своего измученного коня быстро развернуться и послал копье прямо в незащищенный правый глаз лучника, успев вовремя вытащить из тела убитого мабдена свое первое копье и отразить удар мечом сбоку.

Окованное металлом копье выдержало удар тяжелого клинка. Ухватив его обеими руками, Корум развернулся и ударил того, кто атаковал его с мечом, прямо в лицо. Мабден грохнулся с колесницы наземь.

Однако кольцо колесниц становилось все теснее. Все ярче горело ревущее пламя, пожирая то, что еще осталось от древнего замка Эрорн.

Корум узнал того, кто руководил войском мабденов. Стоя на колеснице, вожак возбужденно смеялся и с дикими воплями крутил над головой боевым топором.

— Клянусь Псом! Ишь какой герой среди этих вадхагов выискался! Не хуже мабденов биться умеет. Но ты слишком поздно этому научился, дружок. Погляди: один ты из своего племени в живых и остался!

Да, это был он, тот самый Гландит-а-Крэ! Его серые глаза так и сверкали, а губы были хищно раздвинуты над желтыми клыками в жестокой усмешке.

Корум метнул копье.

Однако копье ударилось о боевой топор, который Гландит без устали вращал над головой, и отлетело в сторону. При этом колесница вожака даже не покачнулась.

Корум отстегнул свой топор и был уже готов нанести удар, когда вдруг ноги рыжего жеребца подкосились, и несчастное загнанное животное рухнуло на землю.

В полном отчаянии Корум высвободил ноги из стремян, покрепче ухватил топор обеими руками и стал, раскачиваясь из стороны в сторону, ждать, когда колесница приблизится к нему. Он целился в Гландита-а-Крэ, но удар топора пришелся по окованному бронзой краю колесницы. Отдача была настолько сильна, что руки Корума мгновенно онемели, и он чуть не выронил топор. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди, ноги едва держали. Со всех сторон он был теперь окружен колесницами врагов, кто-то мечом сбил с его головы шлем, и даже от этого несильного удара голова у него закружилась так, что он упал на одно колено. Тут же в плечо ему вонзилось мабденское копье, и он упал прямо в жидкую, взбитую копытами грязь.

Впервые в жизни Коруму удалось схитрить. Он не сделал даже попытки подняться, а остался лежать там, где упал, пока колесницы не проехали мимо. Прежде чем они успели развернуться, Корум вскочил на ноги. Удар в плечо был очень силен, но доспехи копье все-таки не пробило. Спотыкаясь, Корум бросился во тьму, надеясь уйти от преследования.

И тут наткнулся на что-то мягкое. Он глянул вниз и увидел тело матери, которая, прежде чем умереть, претерпела жестокие надругательства. Чудовищный стон исторгся из груди Корума, слепящие слезы хлынули рекой. Он крепче сжал в левой руке боевой топор и, с трудом вытащив меч раненой правой, пронзительно крикнул:

— Эй, Гландит-а-Крэ!

Так Корум познал жажду мести.

Земля дрогнула от топота конских копыт, когда колесницы, развернувшись, понеслись прямо на Корума. Как раз в эти мгновения рухнула с грохотом башня замка, языки пламени взметнулись еще выше, разогнав ночную тьму, и Корум увидел, что Гландит, нахлестывая лошадей, мчится к нему.

Но у ног принца лежало истерзанное тело матери, нежно любимой им княгини Колатарны, и первым же ударом топора он раскроил череп кореннику мабденской колесницы. Конь упал, увлекая за собой остальных.

Гландит чуть не вылетел из повозки и грубо выругался. Сзади двое мабденов что было сил сдерживали лошадей, чтобы не врезаться в колесницу вожака. Остальные, хоть и не понимали, почему все вдруг остановились, тоже натянули поводья.

Корум взбежал по телам лошадей и, прыгнув в колесницу, ударил Гландита мечом в шею. Лишь латный воротник спас вожака мабденов от верной смерти. Повернув огромную волосатую башку, Гландит уставился на Корума своими бледно-серыми глазами. Затем соскочил на землю и оказался лицом к лицу со своим противником.

Некоторое время они просто стояли и смотрели друг на друга в отблесках пожара, тяжело дыша, напряженные, точно лисы перед последним решающим броском.

Корум атаковал первым, выставив меч и размахивая боевым топором.

Гландит отскочил, избежав удара мечом, и своим топором парировал удар Корума, одновременно целясь ему в низ живота, но промахнулся.

Они стали ходить кругами. Корум не сводил своих золотисто-черных глаз с бледно-серых глаз Гландита.

Так кружили они, должно быть, несколько минут. Остальные мабдены молча наблюдали. Губы Гландита дрогнули, он что-то сказал, но Корум снова бросился в атаку, и на сей раз нездешний металл, из которого был сделан его легкий меч, оказался тверже доспехов Гландита и пробил их на плече. Гландит зашипел от боли, его боевой топор описал в воздухе круг, и меч, вылетев из усталой руки Корума, упал на землю.

— Ну что, вадхаг? — пробормотал Гландит.— Видишь? Не написано, значит, у меня на роду умереть от руки шефанхау!

Корум замахнулся топором.

Но Гландит снова увернулся от удара.

И снова пустил в ход свой топор.

На этот раз ему удалось полностью обезоружить Корума. И тот стоял беззащитный перед толпой злобно ухмылявшихся мабденов.

— Вот оно как! — кривя рот то ли в ухмылке, то ли в отвратительном рычании, воскликнул Гландит.— На роду-то у меня написано, видно, самому проклятых шефанхау убивать!

Корум бросился на него, надеясь голыми руками отнять у врага топор, но сил ему не хватило.

А Гландит насмешливо крикнул своей своре:

— Клянусь Псом! Эй, парни, придержите-ка этого злобного демона, да только не убивайте! Смотрите у меня! Мы с ним еще позабавимся. Ведь это последний вадхаг на свете! Надо же нам как следует поразвлечься.

Корум слышал смех бросившихся на него мабденов, сопротивляясь им изо всех сил, отчаянно крича, и сам, как это часто бывает в бреду, не слыша собственного крика.

Потом кто-то из мабденов снова сбил у него с головы серебряный шлем, а кто-то еще сильно ударил его по затылку рукоятью меча. Тело Корума сразу обмякло, и он провалился в долгожданную тьму.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЫТКА

Солнце дважды успело сесть и подняться, прежде чем Корум наконец очнулся и обнаружил, что связан цепями по рукам и ногам и валяется на полу у задней стенки одной из крытых мабденских повозок. Он приподнял голову, пытаясь хоть что-то разглядеть в щель, но ничего интересного не увидел. Понял только, что сейчас день.

Интересно, почему они его не убили? И вздрогнул, вспомнив, что они нарочно дожидаются, когда он придет в себя, и что смерть его будет долгой и мучительной.

До начала своего страшного путешествия по разоренным замкам вадхагов Корум, пожалуй, сумел бы смириться с тем, что уготовано ему судьбой, спокойно и мужественно приготовившись к смерти, как обычно и поступало большинство его соплеменников. Но уроки, которые он получил, были слишком жестоки,

и он возненавидел мабденов. И познал жгучую жажду мести, горестно оплакивая своих близких. И решил, что должен жить — хотя бы ради того, чтобы утолить эту жажду!

Сберегая силы, Корум прикрыл глаза. Существовал лишь один способ на время исчезнуть, скрыться от мабденов: отправить свое тело в другую плоскость, для них недоступное. Но для этого, во-первых, потребовалось бы слишком много энергии, а во-вторых, сделать это, пока он находится в закрытой повозке, было нельзя.

Гортанные голоса мабденов слышались то ближе, то дальше, но разобрать, что именно они говорят, Корум не мог. Впрочем, скоро он вообще перестал к ним прислушиваться и крепко уснул.

Что-то холодное коснулось его лица, и он, проснувшись, слабо шевельнулся и открыл глаза. Оказалось, какой-то мабден, возвышаясь над ним, плеснул ему в лицо водой. Теперь Корум лежал уже на земле, а не в повозке. Вокруг горели костры, над кострами висели котлы, и в них готовилась пища. Был поздний вечер.

— Шефанхау вернулся к жизни, хозяин! — крикнул мабден, плескавший ему в лицо водой.— По-моему, теперь он вполне годится для забавы.

Корум попытался встать и сморщился от боли: цепи тут же впились в израненное тело. «Даже если удастся скрыться в другой плоскости,— думал он,— от этих чертовых цепей мне никак не избавиться». Он попытался заглянуть в иной мир, но глаза его пронзила такая резкая боль, что от дальнейших попыток он тут же отказался.

Гландит-а-Крэ, расталкивая подчиненных, приблизился к поверженному врагу. Блеклые глаза смотрели на Корума торжествующе. Он пригладил рукой бороду, разделенную на несколько засаленных косиц, в которые были вплетены краденые золотые кольца, и довольно улыбнулся. Потом нагнулся и почти нежно поднял Корума и поставил его на ноги. Цепи и длительное пребывание в узком пространстве сделали свое дело: ноги у Корума так затекли, что он даже стоять не мог.

— Эй, Родлик, поди-ка сюда! — окликнул Гландит кого-то из своей свиты.

— Иду, хозяин! — к нему подбежал паренек лет четырнадцати, ярко-рыжий, нарядно одетый — в светло-зеленую вадхагскую парчу. На голове у него красовалась шапочка из меха горностая. На ногах — мягкие башмаки из шкуры косули. Лицо

его, бледное, прыщавое лицо подростка, показалось Коруму довольно привлекательным для мабдена. Родлик опустился перед Гландитом на колени и спросил: — Чего тебе надобно, хозяин?

— Помоги-ка этому шефанхау стоять, парень,— в хриплом, грубом голосе вожака мабденов, когда он обращался к мальчику, сквозила чуть заметная нежность.— Ну-ну, Родлик, поддержи его.

Родлик вскочил и подхватил Корума под локоть. Руки у него от страха были ледяными.

Воины выжидающе смотрели на Гландита, который, неторопливо сняв свой тяжелый шлем, встряхнул кудрявыми волосами, чудовищно, впрочем, грязными.

Корум тоже не сводил глаз с багровой рожи Гландита. Он видел, как мало ума отражается в этих блеклых серых глазах, зато в них так и сверкают злоба и самодовольство.

— Почему ты уничтожил всех вадхагов? — тихо спросил Корум. Губы и язык повиновались ему с трудом.— Зачем ты это сделал, правитель Крэ?

Во взгляде Гландита мелькнуло изумление, и он ответил не сразу.

— Тебе следовало бы это знать, шефанхау. Нам отвратительно ваше колдовство, ваше высокомерие и ваши дьявольские «знания»! Однако нам весьма пригодятся и ваши земли, и то добро, что хранилось в кладовых ваших замков. Мы ненавидим вас — потому и убиваем! К тому же мы уничтожили не всех вадхагов. Один еще остался,— Гландит ухмыльнулся.

— О да! Один еще жив! — голос Корума зазвенел.— И этот последний при первой же возможности отомстит за свой народ!

— Нет уж! — Гландит хлопнул себя по ляжкам.— Не будет у него такой возможности!

— Ты сказал, что вы ненавидите наше колдовство... Но мы не занимаемся колдовством! Просто мы обладаем некоторым запасом знаний и вторым зрением...

— Ха! Мы же видели ваши замки! Они битком набиты всякими колдовскими штучками. Вон в том, что сейчас догорает на скале, тоже много кой-чего было. Мы его пару ночей назад захватили. И колдовством там здорово попахивало.

Корум облизал пересохшие губы.

— Даже если это и так,— сказал он,— хотя мы, разумеется, никакие не колдуны, то это еще не повод, чтобы убивать всех вадхагов подряд. Мы ведь никогда не причиняли вам зла. Не

мешали селиться на наших землях, не оказывали ни малейшего сопротивления, не прогоняли... По-моему, вы ненавидите не столько нас самих, сколько... нечто внутри себя! Вы ведь... существа несовершенные... Вы не в состоянии понять...

— Ну еще бы! Вы же нас вроде как животными считаете! Все, вадхаг, хватит речей! Мне плевать на твое мнение! Мы с твоим племенем покончили! — Гландит сплюнул и махнул рукой юному Родлику: — Отпусти-ка его.

Родлик резко отпрянул от Корума.

Принц покачнулся, но на ногах устоял. И продолжал неотрывно смотреть на Гландита-а-Крэ. В глазах вадхага светилось торжество.

— Ты и весь твой народ,— сказал он,— поражены безумием. Вы — словно моровая язва, страшная болезнь, от которой страдает наш мир...

Гландит снова сплюнул, на сей раз постаравшись попасть Коруму в лицо.

— Я же сказал тебе,— рявкнул он,— я знаю, что вадхаги думают о нас. И что думали о нас нхадраги, пока мы не превратили их в своих гончих псов. Вас, вадхагов, уничтожила собственная гордость. А вот те нхадраги, что кое-как научились смирять свою гордыню, уцелели. И теперь считают нас хозяевами Земли. Вадхаги же делали вид, что не замечают нас, когда мы приходили в их замки. И даже не удостаивали нас ответом, когда мы требовали дани. А когда мы заявили, что теперь миром правят мабдены, вадхаги притворились, что нас не понимают. Что ж, тогда мы решили их наказать. Впрочем, вадхаги не сопротивлялись, даже когда мы подвергали их пыткам, и в гордыне своей так и не пожелали принести нам клятву верности и стать нашими рабами, как то сделали нхадраги. И тогда мы потеряли терпение. Мы решили, что вадхагам не место на той земле, где правит наш великий король Лир-а-Брод. Раз они не желают стать его подданными, лучше уничтожить их всех до одного! Да, вадхаг, вы сами навлекли на себя эту кару!

Корум стоял, опустив голову. «Нас погубили собственные благодушие и самодовольство»,— думал он.

Потом принц вскинул голову и посмотрел Гландиту прямо в глаза.

— Надеюсь, мне будет предоставлена возможность доказать, что и последний вадхаг умеет сражаться?

Гландит пожал плечами и повернулся к соплеменникам.

— Не понимает он, братцы, КАКУЮ возможность мы ему предоставим, верно?

Мабдены заржали.

— Тащите все, что надо! — велел им Гландит.— Пора начинать.

Мабдены принесли нечто вроде широкого деревянного щита, сколоченного из толстых досок, во множестве мест продырявленного и покрытого ржавыми пятнами крови. В четырех углах — кольца с цепями. Корум догадался, что это пыточный станок.

Двое мабденов схватили его за руки и подтолкнули к щиту, прислоненному к стволу дерева. Третий принес долото и железный молот. Корума поставили спиной к щиту, сняли с него оковы и распяли, крепко приковав цепями к щиту распростертые руки и ноги. Он чувствовал на цепях запах чужой крови; было видно, где доски пробиты тяжелыми метательными ножами, боевыми топорами и стрелами.

Итак, жертву привязали к колоде мясника.

Жажда крови разгоралась в душах мабденов. Глаза их сверкали в свете костров, изо рта вырывался пар, ноздри раздувались. Они без конца облизывали свои красные губы, кое-кто злобно ухмылялся.

Гландит собственноручно руководил распятием Корума, а потом подошел совсем близко и вытащил из-за пояса тонкий, острый клинок.

Корум видел, как клинок неотвратимо навис над его грудью и раздался угрожающий треск — это Гландит, вспоров кинжалом ткань, сорвал с него парчовую рубаху.

Улыбаясь все шире, вожак мабденов, кусок за куском, содрал с Корума всю одежду; порой его кинжал оставлял на теле жертвы тонкие кровавые полоски. Наконец Корум предстал перед своим мучителем совершенно обнаженным.

Гландит чуть отступил и, тяжело дыша, спросил:

— Ну, а теперь тебе, наверно, интересно будет узнать, что мы собираемся с тобой делать?

— Я уже видел зверски убитых вами вадхагов,— сказал Корум,— так что примерно представляю себе ваши «забавы».

Мизинец Гландита нетерпеливо дернулся; он как раз засовывал кинжал в ножны.

— Так, по-твоему, ты знаешь, что тебе предстоит? Нет, ты даже не догадываешься! Те вадхаги умерли быстро — ну,

довольно-таки быстро,— потому что у нас впереди было еще много дел: мы не всех шефанхау успели отыскать и уничтожить. Но ты — последний! С тобой можно поразвлечься не спеша. Мы даже могли бы подарить тебе жизнь — если тебя, конечно, устроит жизнь без глаз, без языка, без рук, без ног и с отрубленными гениталиями. Хочешь такую жизнь? — Корум смотрел на него с нескрываемым ужасом. Гландит разразился смехом: — Ты, видно, по достоинству оценил нашу шутку! — и подал сигнал подручным: — Эй, несите инструменты! Пора начинать.

Мабдены принесли железную жаровню, полную огненно-красных углей; на нее положили разнообразные пыточные инструменты. «А ведь кто-то специально изобрел их, чтобы мучить людей,— подумал вдруг Корум.— Неужели народ, способный изобрести такое, можно считать разумным?»

Гландит-а-Крэ выбрал из груды варварских инструментов какую-то длинную железку с раскаленным добела концом и покрутил ее так и эдак, словно изучая.

— Итак, мы начнем весь круг с одного глаза, а закончим вторым,— объявил он наконец.— Пожалуй, начнем с правого.

Если бы Корум хоть что-нибудь ел в последние дни, его непременно вырвало бы, но рот лишь наполнился горькой слюной, а желудок скорчила судорога.

Прелюдия кончилась.

Гландит приближался к нему с раскаленным железным прутом в руке. В холодном ночном воздухе пахло каленым железом и дымом.

Пытаясь спастись от страшного видения и леденящего душу ужаса, Корум попытался хотя бы мысленно перенестись в иную плоскость. Он весь обливался потом, но в смятении своем видел порой лишь какие-то фрагменты иных миров, а светящийся железный прут меж тем был уже почти у самого его лица.

Перед глазами все плыло. Корум видел, что побелевшие глаза Гландита горят неутоленной жаждой крови, и, скорчившись в цепях, попытался отвернуться, но Гландит левой рукой резко рванул его за волосы, а правой ткнул ему в глаз раскаленным прутом.

Корум страшно вскрикнул: боль пронзила его насквозь, заполнив сперва голову, а потом и все тело, и услышал, как его крик потонул в адском хохоте мабденов и тяжком сопении Гландита...

А потом он потерял сознание.

Он скитался по улицам странного города. Высокие дома были явно построены совсем недавно, но отчего-то казались старыми, мрачными и будто покрытыми слизью.

Боль все еще чувствовалась, но как бы отдалилась, притупилась. Одним глазом он ничего не видел. С балкона его окликнула какая-то женщина. Корум оглянулся. Оказалось, это его сестра Фолинра. Увидев его лицо, она в ужасе закричала. Коруму захотелось коснуться изуродованного глаза, но что-то мешало ему поднять правую руку.

Тогда он попытался высвободить левую руку из неведомых тисков, что сжимали ее, и тянул все сильнее и сильнее, пока не ощутил в кисти пульсирующую боль.

Фолинра куда-то исчезла, но Корум этого не заметил. Он был поглощен одним желанием: во что бы то ни стало высвободить руку. Но почему-то не мог даже посмотреть, что это там такое, уж не зверь ли вцепился зубами в его кисть?

Он еще раз, последний, дернул руку изо всех сил и высвободился.

И попробовал потрогать ослепший глаз, однако прикосновения не ощутил.

И тогда он наконец посмотрел на свою руку.

Вместо кисти висела безобразная культя.

И тогда он снова закричал...

...очнулся, открыл глаза и увидел мабденов, тыкавших в обрубок его кровоточащей руки раскаленными добела клинками — они как бы клеймили его.

Руку ему отрубили.

А Гландит, громко смеясь, высоко поднимал отрубленную кисть Корума над головой, чтобы видели все, и кровь все еще капала с ножа, которым он совершил это злодейство.

Зато теперь вторым зрением Корум явственно видел другую плоскость; оно даже отчасти заслоняло ужасающую сцену пытки. Призвав на помощь все свои душевные силы, точно удвоившиеся от страха и боли, Корум перенесся в иной мир.

Он по-прежнему ясно видел мабденов, но голоса их стали звучать несколько глуховато. Его палачи в изумлении указывали на то место, откуда он только что внезапно исчез. Гландит постоял с выпученными глазами, а потом взвыл от ярости дурным голосом и приказал своим воинам немедленно прочесать лес и отыскать таинственным образом сбежавшего пленника.

Все, забыв о пытке, бросились во тьму.

А пленник между тем оставался прикованным к пыточному станку, который, как и сам Корум, существовал одновременно во многих плоскостях. Корума по-прежнему терзала боль, и во всех плоскостях он оставался лишенным правого глаза и левой руки.

На какое-то время он еще мог задержаться здесь и избегнуть дальнейших мучений, но душевные силы его подходили к концу. Все равно в конце концов ему придется вернуться в свою плоскость, и тогда его палачи вновь возьмутся за дело.

Корум забился, размахивая в воздухе культей и тщетно пытаясь освободиться от проклятых оков.

Впрочем, все это было бесполезно. Ему удалось лишь немного отсрочить казнь. Никогда больше не будет он свободным, никогда не сможет осуществить свою мечту — отомстить за погубленное племя вадхагов!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
МОХНАТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Пот лил с Корума ручьем: он изо всех сил старался задержаться в иной плоскости, с ужасом ожидая, что снова попадет в лапы Гландита и его банды.

И тут на опушке леса возникла некая неясная, совершенно незнакомых очертаний тень и осторожно двинулась к пыточному станку. Сперва Корум решил, что это кто-то из мабденов, только без шлема и в куртке мехом наружу. Потом понял, что ошибся.

Существо осторожно подошло еще ближе, озираясь и оглядываясь на лагерь мабденов, потом подползло к Коруму вплотную и, подняв голову, посмотрело прямо ему в глаза.

Корум был потрясен: значит, оно его видит! В отличие от мабденов и прочих низших обитателей этой плоскости, оно обладает вторым зрением!

Очередной приступ боли заставил Корума на мгновенье зажмуриться. Когда же он снова открыл свой единственный зрячий глаз, существо стояло с ним рядом.

В общем, внешне оно не так уж отличалось от мабденов, но с головы до ног было покрыто густой шерстью. У Мохнатого Человека было коричневое, изборожденное морщинами лицо: видимо, он был очень стар. Лицо это казалось совершенно бес-

страстным. Зато очень живыми были огромные круглые глаза, немного похожие на кошачьи. А в разверстой пасти было полно старых, но еще крепких желтоватых клыков.

Некоторое время его большие глаза грустно смотрели на Корума, потом, сделав некий приветственный жест, он что-то проворчал и указал на лес, словно приглашая несчастного пленника последовать за ним туда. Корум лишь головой мотнул, давая понять, что не может даже пошевелиться, так как прикован цепями.

Мохнатый задумчиво поскреб бурую курчавую шерсть на затылке и, шаркая ногами, удалился куда-то в сторону леса, скрывшись во тьме.

Потрясенный Корум на мгновение даже забыл о терзавшей его чудовищной боли.

Может быть, Мохнатый Человек видел, как его пытали? И теперь пытается его спасти?

А может, все это ему лишь кажется? Как в тот раз — город, сестра на балконе?.. Вполне возможно, подобные горячечные видения вызвала у него страшная пытка...

Корум чувствовал, что силы его покидают. Еще чуть-чуть, и он вернется в свою плоскость, где мабдены снова будут его видеть. Но у него уже не останется сил, чтобы еще раз скрыться и спастись от мучений.

И тут опять рядом возник Мохнатый Человек. На этот раз он привел с собой какое-то новое существо.

Сперва Корум сумел различить в темноте лишь огромное тело неясной формы, горой возвышавшееся над Мохнатым Человеком. Этот великан был высотой не менее чем в два человеческих роста, а плечи у него и вовсе были немыслимой ширины. Однако он тоже ходил на двух ногах!

Корум поднял голову и увидел лицо великана, темнокожее и печальное. Глаза его внимательно и озабоченно осматривали пленника. Пораженный Корум заметил, что тело незнакомца, хотя и походило в целом на человеческое, странным образом совершенно не отражало света: как следует рассмотреть его было невозможно. Великан протянул могучие руки и, подняв деревянный щит вместе с прикованным к нему вадхагом столь же бережно, как отец поднимает с земли маленького сына, понес его к лесу.

И Корум оставил все попытки задержаться в иной плоскости, так и не разобравшись, что же с ним происходит, сон это

или явь. Однако и в его собственной плоскости происходило то же: темнолицый великан продолжал тащить его вместе с пыточным станком к лесу, а Мохнатый Человек быстро шел с ними рядом, и они все дальше и дальше уходили от лагеря мабденов.

И тут Корум снова потерял сознание.

Он очнулся лишь днем. Ярко светило солнце, пыточный станок валялся в стороне, а сам он лежал на зеленой траве, в какой-то лощине у ручья. Рядом аккуратной кучкой были сложены орехи и фрукты, и чуть поодаль, глядя на него, сидел Мохнатый Человек.

Корум поднес к глазам левую руку. Культя была покрыта какой-то клейкой массой; боли больше не чувствовалось. Он коснулся правой рукой пустой глазницы и ощутил ту же клейкую массу — видимо, изуродованный глаз был залит той же мазью.

Рядом на опушке леса пели птицы. Небо сияло синевой. Если бы не очевидные увечья, Корум с облегчением счел бы события нескольких минувших недель просто страшным сном.

И тут Мохнатый Человек встал и враскачку направился к нему. Остановился. Откашлялся. Глаза на морщинистом лице по-прежнему лучились сочувствием. Глядя на Корума, он осторожно коснулся своего правого глаза и левой кисти.

— Ну как ты? Очень болит? — пробормотал он невнятно, явно с большим трудом произнося слова.

— Нет, я совсем не чувствую боли,— сказал Корум.— И очень благодарен тебе, Мохнатый Человек! Ведь ты спас меня от неминуемой смерти.

Его собеседник нахмурился — видно, он понимал человеческую речь едва ли наполовину,— потом улыбнулся, кивнул и заключил:

— Это хорошо!

— А кто ты? — спросил Корум.— И кого приводил с собой тогда ночью?

Мохнатый Человек шлепнул себя по заросшей коричневым мехом груди:

— Я — Сервд. Твой друг.

— Сервд,— Коруму не сразу удалось выговорить непривычное сочетание звуков.— А я Корум. Но кто был тот, второй?

Сервд назвал какое-то совсем уж труднопроизносимое имя, состоявшее, похоже, из нескольких сложных слов.

— Но кто он? Я никогда раньше не видел подобных существ. Да и таких, как ты, я тоже никогда не видел. Ты откуда?

Сервд жестом очертил вокруг себя круг.

— Живу здесь. В лесу. Лес называется Лаар. Мой хозяин тоже здесь живет. Мы живем здесь уже много, много, много дней — вы, вадхаги, живете гораздо меньше!

— А где твой хозяин сейчас? — снова спросил Корум.

— Ушел. Не любит, чтобы люди его видели.

И тут Корум смутно припомнил одну легенду. В ней говорилось о странном, покрытом коричневой шерстью существе, жившем в западном краю, далеко от замка Эрорн. Согласно легенде, существо это называлось «Мохнатый Человек из Лаара». Стало быть, это не сказка, а быль! Однако Корум не помнил, чтобы в древних сказаниях хотя бы раз упоминался тот темнолицый великан, имени которого он даже произнести был не в состоянии.

— Хозяин говорит, тут недалеко есть одно место. Там тебе будет хорошо,— сказал Мохнатый Человек.

— Что же это за место, Сервд?

— Там живут мабдены.

Горькая улыбка появилась на губах Корума.

— Нет, Сервд, мабдены не принесут мне добра.

— Это другие мабдены.

— Все мабдены — мои враги. Они ненавидят вадхагов,— Корум мельком глянул на свою культю.— И я тоже их ненавижу.

— Эти мабдены старые. Хорошие.

Корум, шатаясь, встал, и дикая боль тут же пронзила голову, забилась в раненой руке. Обнаженное тело его, покрытое множеством ссадин, порезов, ожогов, было кем-то заботливо вымыто.

Постепенно в душе утверждалось сознание того, что он стал калекой. Его, разумеется, спасли от самого ужасного — от мучительной смерти, которую задумал для него проклятый Гландит,— но все равно: теперь он калека, урод, недочеловек! Его привлекательное лицо и ловкое стройное тело до безобразия изуродованы.

И он, последний из племени благородных вадхагов, опустился на землю и заплакал.

Сервд, что-то ворча, ковылял вокруг. Потом коснулся плеча Корума своей лапой и погладил по голове, пытаясь как-то утешить.

Корум вытер слезы здоровой рукой.

— Не беспокойся, Сервд. Мне необходимо выплакаться, иначе горе задушит меня. Я оплакиваю свой истребленный народ и всю свою погибшую семью. И то, что я последний вадхаг на всем белом свете...

Сервд опять заворчал, засуетился, завозился и снова тронул Корума за плечо:

— Таких, как мы, тоже больше нет.

— Значит, ты именно поэтому спас меня?

— Нет. Мы помогли тебе, потому что мабдены тебя мучили.

— А вас они никогда не мучили?

— Нет. Мы от них прячемся. У них злые глаза. Но видят они плохо: нас увидеть не могут. Мы и от вадхагов тоже прячемся.

— Почему же?

— Это знает мой хозяин. Так спокойнее.

— Жаль, что вадхаги сами куда-нибудь не спрятались... Но мабдены напали так внезапно!.. Нас просто застали врасплох! Мы ведь очень редко покидали свои замки, даже друг с другом мало общались. И совсем не были готовы к войне.

Сервд явно понимал не больше половины, однако вежливо слушал. Когда Корум наконец замолчал, он предложил:

— Ты ешь. Хорошие плоды. И спи. А потом пойдем туда, где живут мабдены.

— Мне необходимо оружие, Сервд. И доспехи. И одежда мне тоже нужна. И лошадь. Я намерен вернуться и преследовать Гландита, пока не встречусь с ним лицом к лицу. И тогда я его непременно убью! А потом мне хотелось бы одного: умереть.

Сервд печально посмотрел на Корума.

— Ты... хочешь убить?

— Только Гландита! Он убил всех вадхагов.

Сервд покачал головой.

— Вадхаги никого не убивают.

— Я убиваю, Сервд. Я — последний вадхаг. И первый из нашего племени, кто научился убивать, познав чувство мести. И я непременно отомщу тем, кто изуродовал меня и лишил семьи!

Сервд с несчастным видом проворчал:

— Ешь. Спи.

Корум еще раз попытался встать на ноги, но понял, что сил на это не хватит.

— Возможно, ты прав. Сперва мне нужно восстановить силы,— он сел и стал есть. Но съесть сумел совсем немного и снова уснул, уверенный, что в случае опасности Сервд его, конечно же, разбудит.

Пять дней прожил Корум в лощине у ручья с Мохнатым Человеком из Лаара. Он очень надеялся, что появится и тот темнокожий великан, но этого так и не произошло.

Раны Корума почти полностью зажили. Он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы пуститься в путь, и однажды утром сказал Сервду:

— Что ж, прощай, Мохнатый Человек из Лаара. Я очень благодарен тебе за все. И твоему хозяину тоже. А теперь мне пора.

Корум махнул на прощанье рукой и двинулся на восток, но вскоре услышал за спиной шаркающие шаги Сервда.

— Корум! Корум! Куда ты? Ты идешь совсем не туда!

— Только в той стороне я смогу встретить своих врагов,— ответил принц Корум.— Это верная дорога.

— Но мой хозяин велел мне отвести тебя вон туда!..— Сервд указал на запад.

— В той стороне только море, Сервд. Это самая западная оконечность Бро-ан-Вадхаг.

— Хозяин говорил, что надо туда,— настаивал Сервд.

— Спасибо тебе за заботу, Сервд, но я все-таки пойду на восток. Мне непременно нужно найти мабденов и отомстить за гибель вадхагов.

— Нет, ты пойдешь туда,— Сервд снова показал на запад и положил свою лапищу Коруму на плечо.— Туда.

Корум сердито высвободился.

— Нет. Я пойду на восток! — и он упрямо двинулся дальше.

И тут что-то больно ударило его по затылку, да так, что он пошатнулся. Обернувшись, он увидел, что Сервд стоит неподалеку, держа наготове второй камень.

Корум выругался и хотел было как следует выбранить Мохнатого Человека, но силы вдруг снова оставили его, и он без чувств повалился на траву.

Очнувшись, Корум услышал звуки моря.

Сначала он никак не мог понять, где он и что с ним произошло. Потом догадался, что висит на плече у Сервда лицом вниз, и тот куда-то несет его. Корум попробовал высвободиться, но Мохнатый Человек из Лаара оказался куда сильнее, чем

можно было предположить на первый взгляд, и держал его крепко.

Слева от Корума было море. Зеленое, на прибрежной гальке виднелись клочья пены. Вывернув голову, ибо правый его глаз ничего не видел, Корум посмотрел направо.

Справа тоже было море. Сервд нес его по узкой дамбе, высившейся над водой. Коруму казалось, что идут они прямо в океан. Вися в неудобной позе вниз головой и раскачиваясь при каждом шаге идущего неровной, шаркающей походкой Сервда, Корум все же сумел рассмотреть и оставшийся далеко позади берег. Над берегом пронзительно кричали морские птицы.

Корум тоже закричал и забился в железных объятиях Сервда, но тот по-прежнему оставался глух к его проклятиям и угрозам. Наконец Мохнатый Человек остановился и опустил Корума на землю.

Тот сразу вскочил на ноги и набросился на Сервда с упреками:

— Ну знаешь, Сервд...

И умолк, посмотрев вокруг.

Естественная дамба кончилась. Перед ними был остров, берега которого круто обрывались в море. На вершине острова высился замок. Тип архитектуры был Коруму совершенно незнаком.

Не то ли это место, о котором говорил Сервд?

Но Сервд уже бежал обратно по дамбе. Корум окликнул его, но Мохнатый Человек лишь ускорил свой бег. Корум бросился было вдогонку, но, разумеется, тут же обессилел и отстал. Сервд успел выбраться на берег раньше, чем Корум преодолел половину пути. Начался прилив. Дамбу быстро заливало водой.

Корум помедлил, в нерешительности глядя на замок. Снова неуклюжая помощь Сервда поставила его в опасное положение.

И тут он увидел всадников; они спускались к нему по крутой горной тропе, ведущей от замка. На всадниках были боевые доспехи. Корум видел, как солнце играет на наконечниках копий и нагрудных пластинах. В отличие от мабденов Гландита, эти прекрасно умели ездить верхом, а внешностью и повадкой напоминали скорее вадхагов, а не своих сородичей.

И все же мабдены оставались его заклятыми врагами! Ничего иного не оставалось: придется либо встретиться с ними в последней битве нагим и безоружным, либо вплавь добираться до берега, имея только одну здоровую руку.

Сделав выбор, Корум бросился в море. Вода оказалась настолько холодной, что у него перехватило дыхание. Всадники что-то кричали ему вслед, но он слушать не стал.

Ему удалось немного отплыть от острова, однако вскоре мощное течение подхватило его, он тщетно пытался с ним бороться, и его быстро сносило в открытое море.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
МАРКГРАФИНЯ ИЗ АЛЛОМГЛИЛЯ

Во время пыток, которым подвергли Корума мабдены, он потерял слишком много крови и сил, которые восстановить пока еще не успел. Вскоре он уже совсем перестал сопротивляться течению, а руки и ноги в ледяной воде начали сводить судороги.

Корум понял, что тонет.

Казалось, самой судьбе не было угодно, чтобы он остался в живых и сумел отомстить проклятому Гландиту.

Вода заливалась в рот. Корум отплевывался, изо всех сил стараясь, чтобы она не попала в легкие, извиваясь всем телом и хватая ртом воздух. Вдруг откуда-то сверху донесся громкий окрик, и Корум единственным зрячим глазом попытался рассмотреть, кто его зовет.

— Не дергайся, вадхаг! Ты пугаешь моего зверя. Он и так у меня слишком нервный.

И Корум разглядел какую-то темную тень, распростертую над ним. Крылья у неведомого зверя были раза в четыре больше, чем у самого крупного орла, но не птичьи. Скорее они походили на крылья летающего ящера, хотя сам зверь на ящера похож не был. Наконец Корум догадался, кого напоминает ему безобразная обезьяноподобная морда с острыми белыми клыками: то была гигантская летучая мышь. А верхом на этой твари сидел человек.

Странный всадник оказался мабденом, гибким, стройным юношей, весьма мало походившим на воинов Гландита-а-Крэ. Спустившись как можно ниже, он протягивал Коруму руку.

Корум, не задумываясь, протянул свою — ту, что была ближе к спасителю. Левую, изувеченную. Но мабден, отчего-то ничуть не удивившись, ловко схватил Корума повыше локтя и так сильно потянул на себя, что тот сумел здоровой рукой ухватиться за ремень, удерживавший высокое седло на спине гигантской летучей мыши.

Без излишних церемоний всадник извлек Корума из воды, усадил перед собой, что-то крикнул пронзительным голосом, и летучая тварь взмыла высоко над волнами. Развернувшись, они полетели к замку на острове.

Управлять крылатым зверем было, по всей видимости, весьма сложно: всадник постоянно менял курс и что-то сердито кричал все тем же пронзительным голосом, которому вторил его «конь». Тем не менее до острова они добрались и теперь кружили над замком.

Корум с трудом верил собственным глазам: нет, мабдены не способны создать столь изящное архитектурное творение! Башенки, резные парапеты, изящные площадки на крышах, балконы, увитые диким виноградом и цветущими растениями,— и все из прекрасного белого камня, сверкавшего на солнце!

Крылатый зверь неуклюже приземлился, и юный мабден моментально соскочил с него, таща Корума за собой. Гигантская летучая мышь тут же сорвалась с места, покружила в небе и помчалась куда-то вдаль.

— Они живут в пещерах, на той оконечности острова,— пояснил юноша.— Мы стараемся не слишком часто прибегать к их помощи. Ты и сам видел: управлять ими чертовски трудно!

Корум ничего не ответил.

Этот островитянин только что спас его от смерти. Здешние мабдены были, похоже, не только доброжелательно настроены, но и весьма обходительны. Но подобно тому, как запоминает запах врага дикий зверь, Корум чувствовал одно: все мабдены его враги. Он яростно глянул на юношу.

— Почему ты спас меня, мабден?

Юноша не мог скрыть удивления. Он отряхнул пыль с одежды из алого бархата, поправил перевязь с мечом и лишь потом ответил — вопросом на вопрос:

— А почему ты убегал от наших людей, когда они направлялись к тебе навстречу, чтобы приветствовать тебя?

— А откуда вам стало известно, что я приду?

— Нам сказала маркграфиня.

— А ей кто об этом сказал?

— Этого я не знаю. А вы не очень-то любезны, господин вадхаг! Я думал, вадхаги — более вежливый народ.

— А я думал, что все мабдены одинаково злобны и лишены человеческих чувств и разума,— в тон ему откликнулся Корум.— Но ты...

— А, так ты, должно быть, имеешь в виду племена, что живут на юге и на востоке?

Корум коснулся изуродованного глаза своей культей.

— Вот. Это их работа.

Юноша сочувственно склонил голову.

— Мне, наверно, следовало бы догадаться раньше. Мучить и уродовать людей — их любимое развлечение. Поразительно, что тебе вообще удалось спастись!

— Да, я тоже не перестаю этому удивляться.

— Ну хорошо, господин мой, не будет ли тебе угодно посетить наш замок? — и юноша, торжественно поклонившись, широким жестом пригласил Корума войти в башню. Корум колебался.— Мы не имеем ни малейшего отношения к тем мабденам, что живут на востоке.

— Возможно! — вырвалось у Корума.— Но вы все-таки мабдены! И вас так много! Я уже понял: среди вас немало различных племен, однако, как мне кажется, у вас немало и общих черт...

Юноша явно терял терпение.

— Ну, как угодно, господин вадхаг. Я, во всяком случае, безусловно намерен войти в замок. Надеюсь, вы последуете за мной. А впрочем, как вам будет угодно,— и он исчез за дверями башни.

Корум посмотрел ему вслед и решил пока остаться на крыше. Он смотрел, как морские птицы то камнем падают вниз, то снова взмывают в небеса. Потрогав свою культю здоровой рукой, он вздрогнул от ужасных предчувствий. Меж тем подул сильный холодный ветер, а Корум был по-прежнему совершенно наг и начинал уже коченеть на этом ветру. Он обернулся и снова посмотрел в сторону двери.

Оказалось, что в дверях стоит женщина. Лицо ее было спокойным, даже несколько замкнутым, однако глаза излучали доброту и нежность. Длинные черные волосы ее мягкими прядями падали на спину. Парчовое платье было богато украшено разноцветной вышивкой. Женщина улыбнулась Коруму и сказала:

— Приветствую тебя. Меня зовут Ралина. Кто ты, господин мой?

— Мое имя Корум Джайлин Ирси,— молвил он. Ее красота, хотя и несколько непривычная для вадхага, поразила его.— Или Принц в...

— ...Алом Плаще? — она почему-то развеселилась.— Я владею древневадхагским так же хорошо, как и современным. Но имя твое, видно, не совсем точное, принц. Я что-то не вижу никакого плаща. Да и вообще я не вижу на тебе никакой...

Корум отвернулся.

— Не смейся надо мной, женщина мабденов. Я не желаю больше терпеть насмешки и издевательства твоего народа!

Она подошла ближе.

— Прости. Те, кто сделал это с тобой, не принадлежат к моему племени. Хотя мы действительно одной крови. Но скажи, неужели ты никогда не слышал о Ливм-ан-Эш?

Корум наморщил лоб. Название было явно знакомое, но вспомнить он так ничего и не смог.

— Ливм-ан-Эш,— продолжала Ралина,— это моя родина. Наш древний народ живет в Ливм-ан-Эш с незапамятных времен; мы поселились на своих островах задолго до великих битв вадхагов с нхадрагами, сотрясших все пять плоскостей...

— Ты знаешь о пяти плоскостях?

— У нас некогда были люди, способные видеть их все. Хотя их искусство, разумеется, никогда не могло сравниться с искусством древних рас — твоего народа, например.

— Откуда ты так много знаешь о вадхагах?

— Дело в том, что мой народ и до сих пор не утратил любознательности, хотя у самих вадхагов она атрофировалась давным-давно,— отвечала Ралина.— Время от времени у наших берегов терпели крушения корабли нхадрагов, и, хотя сами нхадраги куда-то с них тут же исчезали, их книги, гобелены и другие предметы культуры оставались. Мы научились читать эти книги, разобрались в том, что было изображено на гобеленах... В те времена ученые у нас были весьма многочисленны...

— А теперь?

— Теперь — не знаю. Мы редко получаем вести с Большой Земли.

— Как это? Но ведь она так близко!

— Не с этой земли, принц Корум,— сказала Ралина, кивком указав в сторону берега. Потом махнула рукой куда-то вдаль, в безбрежное море.— С той. С Ливм-ан-Эш или, точнее, из герцогства Бедвилраль-нан-Ривм, на границе с которым и было некогда основано это маркграфство.

Корум посмотрел на пенные гребни волн у прибрежных скал.

— Сколь же невежественными мы были,— задумчиво проговорил он,— считая себя мудрее всех на свете...

— Ну а с какой стати такой великий и мудрый народ, как вадхаги, станет интересоваться жизнью какого-то мабденского племени? — откликнулась она.— Наша история по сравнению с вашей и коротка, и почти бесцветна.

— А с какой целью здесь было основано маркграфство? — спросил Корум.— От кого вы защищаете свои земли?

— От других мабденов, принц Корум.

— От Гландита и ему подобных?

— Я не знаю никакого Гландита. Я говорю о племенах варваров, владеющих мохнатыми пони. Они живут в лесу, вон на том берегу. И всегда представляли угрозу для Ливм-ан-Эш. Маркграфство было создано как бастион, защищающий от них основную часть наших островов.

— Но разве море не является для них достаточной преградой?

— Когда было создано это маркграфство, море сюда еще не доходило. А замок стоял на берегу, в лесу. Море же находилось довольно далеко отсюда — и с севера, и с юга. Но потом оно внезапно начало, кусок за куском, пожирать наши земли. И с каждым годом в его пучине исчезает все больше наших островов и утесов. Только за последние несколько недель исчезло немало городов и деревень. И замков. Народ наш отступает все дальше и дальше...

— Значит, вы остались в арьергарде? Неужели ваш замок все еще выполняет свои оборонные функции? Может быть, вам лучше покинуть его и воссоединиться со своим народом?

Она улыбнулась и молча пожала плечами. Потом подошла к краю зубчатой стены и стала глядеть на птиц, облепивших соседние скалы.

— Это мой дом,— сказала она наконец.— Здесь живут мои воспоминания. И маркграф... Столь многое здесь напоминает мне о нем. Я никогда не смогу все это покинуть.

— А маркграф?..

— Граф Мойдель из Алломглиля. Мой муж.

— Ах вот как,— Корум вдруг ощутил странный болезненный укол в сердце и пустоту разочарования.

Маркграфиня Ралина, продолжая смотреть в море, сказала:

— Мой муж умер. Погиб во время кораблекрушения. Он тогда, взяв наш последний корабль, отправился в сторону

Ливм-ан-Эш, чтобы разузнать хоть что-нибудь о нашем народе и постигшей его судьбе. Но не успел корабль отплыть, как разразился ужасный шторм. А судно было уже довольно дряхлое. Оно затонуло вместе с экипажем...

Корум молчал.

Порыв ветра, которому слова маркграфини, видно, напомнили о его буйном нраве, подхватил платье Ралины, обнимая подолом ее ноги. Она обернулась и долго задумчиво смотрела на Корума.

— Ну а теперь скажи мне, принц: будешь ли ты моим гостем?

— Ответь мне прежде еще на один, последний вопрос, леди Ралина. Откуда ты узнала, что я приду именно сюда? Почему Мохнатый Человек принес меня на твой остров?

— Он сделал это по велению своего хозяина.

— А что сказал тебе его хозяин?

— Он сказал, чтобы я ждала тебя и что ты должен отдохнуть здесь, пока не исцелятся твои душа и тело. Я была очень этому рада. Гости у нас редки — и уж тем более из племени вадхагов.

— Но кто он — то странное существо, которого Мохнатый Человек называет своим хозяином? Я видел его лишь однажды, да и то мельком. Я даже тело его не смог как следует разглядеть, но помню, что он, по крайней мере, раза в два выше меня, а лицо его бесконечно печально.

— Да, это он и есть. Он приходит в наш замок по ночам, принося больных животных, которые каким-то образом сбежали из наших конюшен и хлевов. Мы считаем, что он — существо из другой плоскости, а может, из другой эпохи. Той, что предшествовала появлению вадхагов и нхадрагов. Произнести его имя вслух мы не способны, а потому зовем его просто Великан из Лаара.

Корум впервые улыбнулся.

— Спасибо. Теперь я все понимаю значительно лучше. Для него, возможно, я был просто еще одним больным животным. А всех больных животных он, стало быть, приносит сюда.

— Возможно, ты прав, принц Корум,— Ралина указала ему на дверь.— Добро пожаловать, входи. Если ты болен, мы будем рады вылечить тебя.

Тень скользнула по лицу Корума, когда он следом за нею вошел в башню.

— Боюсь, мой недуг нельзя ничем вылечить, госпожа Ралина. Это недуг, свойственный мабденам. А вадхаги не знают от него лекарства.

— Ну что ж,— со странной легкостью сказала она,— может быть, нам, мабденам, все же удастся самим что-нибудь придумать.

Горькие чувства владели Корумом, когда он спускался следом за хозяйкой замка в жилые помещения. Осторожно коснувшись левой культей правого, выжженного глаза, он тихо спросил:

— Разве сможете вы вернуть мне руку и глаз?

Ралина резко обернулась и застыла на ступеньке. Потом как-то странно посмотрела ему прямо в лицо и задумчиво проговорила:

— Кто знает? Возможно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
О ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Совершенно очевидно, по меркам мабденов замок маркграфа считался бы верхом роскоши и чудес. Но Корума он поразил прежде всего своей изысканной простотой и приятной домашней атмосферой. Слуги отвели его в ванную, вымыли, натерли благовониями, и принц не противился. Когда ему предложили на выбор целый ворох одежд, он надел темно-синюю парчовую рубаху, расшитую голубым шелком, и полотняные коричневые штаны. Одежда оказалась весьма удобной и сидела великолепно.

— Это все из гардероба маркграфа,— застенчиво потупившись, сообщила Коруму юная служанка.

Никто из слуг не чувствовал себя свободно в его присутствии. Он догадывался, что отталкивает их нечто в его внешности, а потому попросил девушку:

— Не принесешь ли ты мне зеркало?

— О, конечно, господин мой,— кивнула она и исчезла за дверью.

Однако зеркало Коруму принесла сама маркграфиня. Впрочем, вручила его не сразу.

— Разве после пыток ты ни разу не видел своего лица? — спросила она.

Он покачал головой.

— Хорош ли ты был собою раньше?

— Не знаю.

Она окинула его откровенно оценивающим взглядом.

— Да,— молвила она наконец,— ты был очень хорош собой,— и протянула ему зеркало.

Лицо, которое он увидел, обрамляли все те же легкие светлые кудри, но само лицо больше не было юным. Ужас и страдания оставили на нем свой отпечаток: единственный глаз смотрел сурово, с холодным равнодушием, вокруг рта залегли жесткие складки... На месте второго глаза зияла страшноватого вида красная яма с неровными краями. Левую щеку украшал шрам, на шее виднелся другой... Лицо Корума по-прежнему было типичным лицом вадхага, но ни один вадхаг никогда не ведал ни такой боли, ни таких страстей, и теперь принца было почти невозможно узнать: его почти ангельский лик превратился теперь в лицо демона, чему немало поспособствовали раскаленное железо и острый кинжал Гландита-а-Крэ.

Корум молча вернул зеркало Ралине.

Задумчиво проведя здоровой рукой по шрамам, покрывавшим лицо и шею, он пробормотал:

— Если я и был когда-то красив, то теперь стал просто уродом.

Она пожала плечами:

— Я видывала и куда более страшные уродства.

И тут ярость и гнев с новой силой закипели в душе Корума; здоровый глаз его сверкнул, и он, потрясая культей, воскликнул:

— О да, и увидишь еще страшнее, когда я доберусь наконец до Гландита-а-Крэ!

Потрясенная, Ралина отпрянула от него, но тут же взяла себя в руки.

— Если ты даже не знал, что красив, и не был так уж тщеславен, то почему же твои увечья вызывают в душе твоей такую злобу?

— Мне очень нужны оба глаза и обе руки — чтобы убить Гландита и как следует рассмотреть, как он будет умирать. Иначе радость моя будет уменьшена наполовину!

— Ты говоришь, точно злой мальчишка, принц Корум! — упрекнула она его.— Твои слова недостойны вадхага. Что еще дурного сделал тебе этот Гландит?

Корум понял, что так и не успел толком рассказать ей о том, что случилось с вадхагами, а она, живя в столь уединенном замке, конечно же, не знает о резне, устроенной Гландитом.

— По его приказу были перебиты все вадхаги,— сказал Корум.— Гландит уничтожил мой народ, и сам я тоже непременно погиб бы, если б не твой друг, Великан из Лаара.

— Но как... как он это сделал?..— голос Ралины звучал чуть слышно. Она была потрясена до глубины души.

— Я же сказал: он последовательно умертвил всех людей моего племени.

— Но зачем? Разве вы воевали с этим Гландитом?

— Мы даже не знали о его существовании. Нам и в голову не приходило, что от мабденов нужно как-то обороняться. Они казались нам совсем дикими, неспособными нанести урон нашим неприступным замкам. Теперь все вадхаги, кроме меня, мертвы. И, насколько мне известно, большая часть нхадрагов тоже. Во всяком случае, те из них, кто не стал пресмыкаться перед убийцами и не превратился в их жалких рабов.

— Не те ли это мабдены, чей король называет себя Лир-а-Брод из Каленвира?

— Те самые.

— Я и не предполагала, что они стали столь могущественны! Мне кажется, их основную силу теперь составляют наши старые враги, варвары на мохнатых пони. Именно они захватили тебя в плен... Но почему ты путешествовал один и оказался так далеко ото всех здешних замков вадхагов?

— А где их ближайший замок? — на какое-то мгновение в душе Корума встрепенулась надежда: что если не все вадхаги погибли? Что если здесь, на далеком западе, кто-то остался в живых? — Как он называется?

— То ли Эран... то ли Эрин... как-то так.

— Эрорн.

— Да. Кажется, именно Эрорн. До него отсюда примерно неделя пути.

— Неделя? Неужели так далеко? Стало быть, Великан из Лаара унес меня куда дальше, чем я предполагал... В замке, о котором ты говоришь, госпожа, я родился. Это мой дом. Мабдены уничтожили его у меня на глазах. И, как я теперь понимаю, мне потребуется значительно больше времени, чтобы вернуться туда и отыскать Гландита и его стаю убийц.

Корума вдруг охватило чувство чудовищного, абсолютно полного одиночества, дотоле ему неведомое. Он словно оказался в совершенно ином, чуждом ему мире. И в мире этом правили мабдены. Ах, сколь гордой была некогда раса вадхагов! И сколь неразумной. Если б только они хоть немного отвлеклись от своих высокоумных занятий, если бы просто посмотрели вокруг...

Корум опустил голову.

Ралина, прочитав, видимо, мысли несчастного принца, легонько коснулась его руки.

— Пойдем со мной, принц Корум. Тебе необходимо поесть.

Он покорно пошел за нею в столовую, где уже был накрыт стол на двоих. Здешняя пища — в основном фрукты и легкие блюда из съедобных водорослей — значительно больше соответствовала вкусам Корума, чем то, что предлагали ему мабдены-крестьяне. Он вдруг почувствовал, что безумно голоден и смертельно устал. Душа его пребывала в смятении; единственное, в чем он по-прежнему был уверен, это ненависть к Гландиту и жажда мести. И эту месть он надеялся осуществить как можно скорее.

За столом они не разговаривали, но маркграфиня все время посматривала на него и раза два у нее шевельнулись губы, словно она собиралась что-то сказать, но передумала.

Столовая была небольшая; на стенах висели дорогие гобелены тонкой работы. Покончив с едой, Корум начал было с интересом изучать отдельные фрагменты вышивки, но тут сцены, изображенные на гобеленах, странным образом стали расплываться у него перед глазами. Он вопросительно глянул на Ралину, но лицо ее было непроницаемым. Голова Корума отчего-то была удивительно легкой, а вот руки и ноги отказывались повиноваться.

Он хотел было заговорить с маркграфиней, но язык не выговаривал нужных слов.

Его явно напоили какой-то отравой.

Эта женщина подложила ему в пищу яд.

Снова он допустил промашку и оказался жертвой мабденов.

Корум бессильно уронил голову на руки и погрузился, не желая того, в глубочайший сон.

И снова явились видения.

Перед ним возник замок Эрорн — такой, как в тот день, когда Корум покинул его на рыжем жеребце. Потом он увидел мудрое лицо отца — тот что-то говорил, но сколько Корум ни

напрягал слух, ничего расслышать он так и не смог. Мать сидела, склонившись над работой: она писала свой последний трактат по математике. В изящном танце двигались сестры Корума, а его дядя наигрывал для них сочиненную им самим новую мелодию...

Радостная, счастливая атмосфера...

Но теперь Корум определенно не мог понять, почему все они полагают, что заняты делом. Ему их занятия казались довольно нелепыми и совершенно бессмысленными. Эти взрослые люди были похожи на заигравшихся детей, которые не подозревают, что страшный зверь подкрался к ним совсем близко и вот-вот нападет.

Коруму хотелось крикнуть... предупредить их... но отчего-то у него не было голоса.

Он видел, как помещения замка начинает охватывать пожар — воины мабденов уже проникли туда через незащищенные ворота и напали на его обитателей, ни о чем дурном не подозревавших. Пересмеиваясь, мабдены сдирали с окон дивные шелковые занавеси и прекрасную обивку с мебели, наматывали все это на палки и использовали как факелы...

Потом он снова увидел свою семью. Теперь они уже поняли, что в замке пожар, и даже пытались найти источник огня.

Отец его вошел в библиотеку в тот момент, когда Гландит-а-Крэ нанизывал книги на копье, как на вертел. Старый князь в полном изумлении смотрел, как этот варвар сжигает его книги. Губы старика шевелились, в глазах застыл вопрос — точнее, вежливое удивление.

Гландит обернулся, с ухмылкой вытащил из-за пояса боевой топор и взмахнул им...

И почти сразу Корум увидел мать. Двое мабденов держали ее за руки и за ноги, а третий ритмично поднимался и опускался над ее обнаженным телом.

Борясь с оковами сна, Корум пытался проникнуть туда, спасти мать, но был бессилен...

Он видел и своих сестер: их постигла судьба матери. И попасть к ним он тоже не смог, как ни стремился: путь был закрыт чем-то невидимым.

Корум все еще пытался пробиться, когда мабдены перерезали девушкам горло, и те умирали в судорогах, словно прирезанные козы.

И тогда он заплакал.

Корум все еще плакал, когда вдруг ощутил рядом чье-то теплое тело. Словно издалека доносился ласковый, утешающий голос.

Его гладили по голове и баюкали, прижав к груди, точно младенца.

Он попытался было высвободиться из объятий той женщины, что баюкала его, но она держала крепко.

И он снова заплакал — на этот раз от облегчения. Тяжкие рыдания сотрясали его тело, а потом он опять погрузился в сон. Но теперь сон его был свободен от страшных сновидений...

Проснувшись, Корум ощутил смутное беспокойство. Он чувствовал, что проспал слишком долго, что ему необходимо поскорее встать и начать действовать. Он приподнялся в постели и снова упал без сил на подушки.

В голове медленно прояснялось. Чувствовал он себя явно значительно лучше. Впервые с тех пор, как он покинул замок Эрорн, он ощущал прилив созидательной энергии, жажду деятельности. Даже тьма, в которую погружена была его душа, казалось, несколько отступила.

Итак, в еду Коруму подсыпали всего лишь снотворное, и это оно, столь благотворно подействовав на него, помогло ему восстановить силы.

Интересно, сколько дней он проспал?

Корум заворочался в постели и снова ощутил рядом с собой — как и тогда во сне — чье-то теплое тело. С той стороны, где был незрячий глаз. Он повернулся: это была Ралина. Она лежала с закрытыми глазами, лицо ее казалось совершенно спокойным и удивительно мирным.

Он вспомнил подробности того ужасного сна. Вспомнил, какой покой обрел в теплых объятиях этой женщины, точно она спасла его ото всех бед и несчастий сразу.

Благодарный, он протянул к ней руку и погладил по спутанным волосам. Он чувствовал к ней почти такую же нежность, как к матери и отцу, как к сестрам...

Но, вспомнив о погибших близких, гладить волосы Ралины он перестал. И мрачно уставился на изуродованную руку. Рана совсем зажила, лишь на конце культи остался светло-розовый кружок молодой кожицы. Корум снова посмотрел на Ралину. Как она могла лечь в постель с таким уродом, с калекой?!

Он так долго смотрел на нее, что она наконец открыла глаза и улыбнулась.

И Корум сразу же рассердился: ему показалось, что в этой улыбке сквозит скрытая жалость. Он начал было поспешно выбираться из постели, но Ралина, положив ему руку на плечо, остановила его.

— Останься со мной, Корум. Ведь теперь и мне нужно твое сочувствие.

Он помедлил, подозрительно на нее глядя.

— Пожалуйста, Корум! Поверь: я люблю тебя.

Он так и застыл. Любовь? Между ней и вадхагом? Что же это за любовь? Он покачал головой.

— Это невозможно! Ничего не получится...

— Не будет детей — это я знаю. Но от любви рождаются не только дети...

— Я не понимаю тебя...

— Прости. Я оказалась чересчур эгоистичной. Я воспользовалась твоей слабостью,— она села в кровати.— С тех пор, как на том корабле уплыл мой муж, я никогда и ни с кем не делила ложе. Я не...

Корум задумчиво смотрел на нее. Красота ее обнаженного тела не могла оставить его равнодушным, однако подобные отношения между ними были просто недопустимы! Он не должен, не имеет права... Это же просто неестественно, наконец!..

Он наклонился и поцеловал Ралину в грудь. Она прижала его голову к себе. И они вновь поплыли на огромной постели, как на корабле, по морю любви, постигая друг друга, проникая друг другу в душу так глубоко, как то позволяет одна лишь любовь.

Прошло несколько часов, и только тогда Ралина наконец заговорила:

— Корум, ты последний в своем племени. Я же никогда не увижу свою родину — со мной останутся лишь верные мне обитатели замка. Но здесь у нас царят мир и покой, которые вряд ли что-то способно нарушить. Может быть, ты, поразмыслив, останешься со мной?... Хотя бы еще на несколько месяцев?..

— Нет. Я ведь поклялся отомстить за убийство своих близких и гибель всех остальных вадхагов,— напомнил он, нежно ее целуя.

— Но эта клятва противна твоей натуре! Ты из тех, кто умеет только любить, ненавидеть же совсем не умеет. Я в этом уверена.

— Что ж, пока я ничем не могу опровергнуть эти слова,— сказал Корум,— но знаю: жизнь моя лишится смысла, если я не уничтожу Гландита-а-Крэ. И желание мое порождено отнюдь не одной ненавистью. Скорее ощущением, что страшный недуг с поразительной быстротой распространяется по этим густым лесам. И, естественно, хочется поскорее вырубить больные деревья, чтобы остальные могли вырасти здоровыми и стройными. Примерно таково мое отношение к этому Гландиту. Он сделал убийство своей привычкой и теперь, перебив всех вадхагов, начнет истреблять какой-нибудь другой народ. А если иных племен больше не останется, он будет убивать тех несчастных мабденов-земледельцев, что обитают в окраинных деревнях той территории, на которой правит король Лир-а-Брод. Судьба призвала меня выполнить этот долг, и я непременно должен довести начатое дело до конца, ибо оно мне кажется в высшей степени справедливым.

— Но зачем уезжать отсюда так поспешно? Ведь вскоре — чуть раньше или чуть позже — мы так или иначе получим известия о том, где сейчас Гландит-а-Крэ. Тогда и стоит немедля отправиться в путь, чтобы с уверенностью осуществить задуманную месть.

Корум закусил губу.

— Возможно, ты и права...

— А кроме того, ты должен как-то привыкнуть обходиться без руки и глаза,— продолжала Ралина.— Для этого нужно время, Корум.

— Разумеется, но...

— Ну так останься здесь, со мной, хоть ненадолго!

— Хорошо. Я согласен. Обещаю, что, по крайней мере, несколько дней никаких решений принимать не стану.

И Корум, не принимая никаких решений, прожил в замке Ралины еще целый месяц. После всех пережитых ужасов и страданий ему действительно требовалось время, чтобы залечить раны и восстановить душевное равновесие. Это оказалось непросто: увечья постоянно напоминали ему о былом; он то пытался сделать что-то отрубленной рукой, то — посмотреть незрячим глазом. И постоянно видел собственное лицо в зеркале...

Ралина старалась как можно реже оставлять Корума одного, а остальное время проводила в библиотеке. У него же сейчас особого пристрастия к чтению не обнаруживалось. Он предпочитал бродить вдоль зубчатых стен замка или, взяв лошадь, от-

правлялся во время отлива на берег, в лес, чему Ралина очень противилась, опасаясь, что на него могут напасть дикие лесные мабдены, забредшие в эти места.

В эти светлые, полные любви дни тьма, окутывавшая душу Корума, несколько развеялась, хотя и не исчезла совсем. И порой, если какая-то мелочь вдруг вызывала в нем воспоминания о доме, он весь цепенел и переставал замечать, что происходит вокруг.

Замок маркграфа Мойделя был построен на острове, носившем то же имя. Семейство Мойделей обитало здесь в течение нескольких столетий. В замке собралось множество интереснейших вещей: коллекции — занимавшие целые залы! — фарфоровых статуэток и фигурок из слоновой кости; различные диковинки, собранные в разные времена в различных морях; немыслимое количество оружия и боевых доспехов; большое количество полотен (написанных, с точки зрения Корума, довольно грубо), посвященных истории государства Ливм-ан-Эш и богатейшему фольклору этой страны. Столь сильное проявление воображения и фантазии потрясли Корума — вадхаги вообще были людьми в высшей степени рациональными, и фантазеры среди них встречались крайне редко. Но самому принцу все эти волшебные истории и занимательные легенды очень нравились. Изучая их, он пришел к выводу, что большая часть сказок о неведомых землях и загадочных людях и зверях корнями своими уходит в полученные некогда сведения о жизни в иных плоскостях. Безусловно, кто-то из анонимных авторов в давние времена видел эту иную жизнь, а впоследствии бесчисленные рассказчики сказок и легенд лишь вольно использовали воспоминания «первопроходцев» в качестве фольклорных сюжетов. Коруму интересно было как бы в обратном направлении прослеживать развитие сюжета о небывалых приключениях героя одной из подобных историй, находя путь к некоему вполне реальному, земному источнику описанных событий или явлений, особенно если речь шла о жизни древних народов, вадхагов и нхадрагов, которых в преданиях наделяли пугающим, сверхъестественным могуществом и удивительными способностями. Благодаря этим фольклорным сюжетам он узнал кое-что интересное и о себе, и о том, в каком священном трепете перед древними расами жили мабдены восточных земель, пока не обнаружили, что представители этих рас тоже смертны и уничтожить их, в общем-то, ничего не стоит... Вполне возможно, думал Корум, что столь яростный геноцид,

3 – 6994

которому были подвергнуты древние расы, был отчасти вызван именно тем, что вадхаги оказались вовсе не колдунами и ясновидцами.

Однако размышления на эту тему неизменно в итоге пробуждали в его душе горькую печаль; он становился замкнутым, подавленным, сторонился всех, и в течение нескольких дней даже Ралина ничем не могла его утешить.

Как-то раз внимание Корума привлек гобелен с очень интересной вышивкой. В этом зале он оказался впервые, и обнаруженная картина поглотила его целиком. Особенно потряс его воображение вытканный на гобелене текст.

То был полный текст легенды о приключениях некоего Маг-ан-Мага, популярного героя местных преданий. Когда Маг-ан-Маг возвращался из одной волшебной страны, на его судно напали пираты. Они отрубили Маг-ан-Магу руки и ноги и выбросили его за борт. Потом они отрубили голову его другу Джакор-Нилусу, безголовое тело которого последовало за Маг-ан-Магом, а голову пираты сохранили — очевидно, для того, чтобы полакомиться мозгом. Однако тело Маг-ан-Мага было выброшено волнами на берег какого-то загадочного острова; туда же чуть позже принесло и безголовое тело Джакор-Нилуса. Тела эти были найдены слугами жившего на острове волшебника, который, рассчитывая на помощь Маг-ан-Мага в борьбе против своих врагов, вернул ему руки и ноги и полностью возродил его к жизни. Маг-ан-Маг согласился с поставленными условиями, потребовав, однако, чтобы колдун подыскал и Джакор-Нилусу новую голову. Волшебник согласился, и Джакор-Нилус получил голову журавля, что, видимо, всех удовлетворило. Затем оба героя отправились воевать с врагами волшебника и вскоре завалили остров добытым в боях добром.

Корум так и не смог отыскать источник данной легенды в истории вадхагов. Она явно выбивалась из общего ряда преданий.

Принц тщетно старался прогнать надежды, разбуженные легендой, будучи уверенным, что надежды эти вызваны его неотступным желанием вернуть утраченные руку и глаз. Однако странное предание буквально приковало к себе все его помыслы. Растерянный, не понимающий, что с ним происходит, Корум, тем не менее, в течение нескольких недель ни слова не говорил Ралине о том, что его мучило.

В замок на острове Мойдель пришла осень. Пока еще теплые, ветры успели сорвать с деревьев листву и заставляли волны

с особой силой биться о прибрежные утесы. Большая часть птиц улетела в теплые края.

Корум все больше и больше времени проводил в зале, где висел гобелен с легендой о Маг-ан-Маге и чудесном волшебнике. Он начинал догадываться, почему именно этот текст заинтересовал его больше остальных: в нем чувствовалась уверенность в полной достоверности описанных событий, чего не было в других подобных преданиях.

Но задать Ралине мучившие его вопросы Корум все еще не решался.

Как-то в один из первых дней зимы Ралина долго искала Корума по всему замку и наконец обнаружила его возле гобелена с историей Маг-ан-Мага. Она, похоже, совсем не удивилась, однако выразила по этому поводу некоторую озабоченность и, пожалуй, даже страх.

— По-моему, ты слишком увлекся приключениями этого Маг-ан-Мага,— заметила она.— Это ведь всего лишь занятная сказка.

— Нет, она не похожа на другие,— возразил Корум и, повернувшись, увидел, что она в отчаянии закусила губу.— Так значит, я прав? — прошептал он.— И ты что-то знаешь?

Ралина медленно покачала головой, но потом, будто передумав, промолвила:

— Я знаю только то, о чем говорится в старых сказках. Но ведь сказки — ложь, не так ли? Хотя, быть может, ложь и приятная.

— Нет, я чувствую: где-то здесь таится зерно истины! И ты должна сказать мне правду, Ралина.

— Да, наверное. Я действительно кое-что знаю об этом. Совсем недавно я перечитала одну книгу... Она имеет к этой истории самое непосредственное отношение. Я вспомнила, что читала ее несколько лет назад, стала специально разыскивать и наконец нашла. В ней есть относительно недавние сведения о том острове, что описывается в сказке. На этом острове стоит один очень старый замок... Последним остров и замок видел со своего корабля эмиссар Ливм-ан-Эш, который затем прибыл к нам с грузом продовольствия и разных подарков. И он был последним представителем нашего государства на острове Мойдель...

— Как давно это было, Ралина?

— Тридцать лет назад.

И Ралина заплакала, горестно качая головой, задыхаясь, однако не в силах унять лившиеся ручьем слезы.

Корум обнял ее.

— Отчего ты плачешь, Ралина?

— Я плачу оттого, что вскоре ты меня покинешь. Зимой ты оставишь замок на острове Мойдель и отправишься на поиски *того* острова. Скорее всего, ты тоже погибнешь в море... Как я могу не плакать, если любимые люди всегда меня покидают...

Корум чуть отступил назад и заглянул ей в глаза.

— И давно эта мысль не дает тебе покоя?

— Давно.

— И ты ничего мне не говорила!

— Потому что я слишком люблю тебя, Корум.

— Тебе нельзя так сильно любить меня, Ралина. А мне не следовало позволять себе влюбляться в тебя. Пойми, раз остров дает мне хоть какую-то, пусть самую слабую надежду, я непременно должен попытаться найти его.

— Я понимаю.

— А если я найду того колдуна, и он вернет мне мою руку и глаз...

— Но это безумие, Корум! А колдун — просто выдумка!

— Но если он все-таки существует и если сможет выполнить мою просьбу, то я обязательно отправлюсь на поиски Гландита-а-Крэ и убью его. А потом, если останусь жив, вернусь сюда. Но Гландит должен умереть, иначе душа моя никогда не будет до конца спокойна!

— У нас нет ни одного судна, способного держаться на плаву,— тихо сказала Ралина.

— Я видел, что в пещерах на берегу залива хранятся лодки — их можно починить, и они будут вполне пригодны для морского путешествия.

— Это займет несколько месяцев...

— Ты дашь мне в помощь своих слуг?

— Конечно.

— Тогда я прямо сейчас с ними и поговорю.

И Корум быстро вышел из комнаты. На сердце у него было тяжело: ему было больно видеть Ралину столь опечаленной, и он проклинал себя за то, что позволил себе полюбить эту женщину.

Собрав тех обитателей замка, которые имели о судах хоть какое-то представление, Корум переговорил с ними, а потом спустился по лестнице, что вела от нижнего этажа замка к пе-

щерам, расположенным у самой воды. Там хранились старые лодки. Корум выбрал ялик, показавшийся ему наиболее пригодным для задуманного путешествия, втащил его наверх и тщательно обследовал.

Ралина была права: потребуется немало труда, чтобы иметь возможность без опаски спустить это суденышко на воду.

Ничего, он с нетерпением станет ждать этого дня! Теперь, когда перед ним возникла конкретная цель,— пусть даже порожденная всего лишь игрой воображения! — он впервые почувствовал, что бремя, тяжким грузом давившее на душу все последние дни, немного уменьшилось.

Он понимал, что никогда не сможет разлюбить Ралину, однако твердо знал: он никогда не сможет и полюбить ее по-настоящему, если не выполнит задачу, которую поставил перед самим собой.

Осмотрев лодку, Корум бросился в библиотеку в поисках той книги, о которой упоминала Ралина. Он легко отыскал ее и узнал, что загадочный остров называется Сви-ан-Фанла-Брул.

Сви-ан-Фанла-Брул... Малоприятное название. Это означало примерно следующее: «обитель бога-обжоры». К чему бы это? Корум тщательно изучил текст, однако никаких объяснений названия острова не нашел.

Долгие часы провел он, копируя карты и переписывая заметки тех капитанов, что посещали остров Мойдель тридцать лет назад. Лишь поздно ночью ощупью добрался он до своей постели и обнаружил там Ралину.

Он тихонько нагнулся и заглянул ей в лицо. Она спала, но перед этим, видимо, долго и горько плакала.

Корум понимал: теперь его очередь быть утешителем.

Вот только времени у него совсем мало...

Он разделся и тихонько скользнул на шелковые простыни, под теплые меховые одеяла, стараясь не разбудить Ралину. Однако она проснулась.

— Корум?

Он не ответил.

Он чувствовал, как она вся дрожит, но больше не говорит ни слова.

И, не выдержав, он сел в постели. Душа его пребывала в глубоком смятении. Он любил Ралину. Хотя не должен был любить ее! Ему нужно было заставить себя снова лечь и постараться уснуть, но он не смог.

Он протянул руку, погладил ее по плечу и тихонько окликнул.

— Да, Корум? Я не сплю.

Он глубоко вздохнул, собираясь снова — уже в который раз! — объяснять ей, как сильно он жаждет смерти Гландита, и обещать, что непременно вернется, отомстив своим врагам...

Но вместо этого он сказал:

— Сейчас на море бушуют штормы. Я решил пока отложить свое путешествие — до весны.

Ралина повернулась и внимательно посмотрела ему в лицо.

— Ты должен поступать в соответствии со своими желаниями. Жалость разрушает настоящую любовь, Корум.

— Но не жалость движет мною!

— Ты хочешь сказать — справедливость? Но и это тоже...

— Да, сперва я тоже считал, что именно чувство справедливости велит мне остаться, но теперь понял, что это не так.

— Тогда почему же ты остаешься?

— Решимость моя ослабела. Мне уже не хочется столь непременно и немедленно плыть на этот остров.

— Отчего же ослабела твоя решимость, дорогой мой?

— Не знаю. Что-то внутри меня — тихое, но очень прочное — оказалось сильнее этой решимости. Любовь к тебе, Ралина, победила в моей душе и жажду мести, и желание немедленно убить Гландита. Любовь оказалась сильнее всего на свете!

И тогда Ралина снова заплакала. Но уже не от горя.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ТЫСЯЧА МЕЧЕЙ

Зима стояла суровая. Башни замка сотрясали злые ветры, безумствовавшие над морем. Огромные валы обрушивались на прибрежные скалы, а порой шторм был так силен, что, казалось, волны захлестнут и сам замок на острове Мойдель.

Сумрачные дни были почти неотличимы от вечеров. В огромных каминах замка постоянно горел огонь, но и жаркому пламени не дано было изгнать из комнат вездесущую сырость. Обитатели Мойделя в неуклюжей теплой одежде из шерсти и меха походили на медведей.

А Корум и Ралина — представители двух столь сильно отличавшихся друг от друга народов — суровой зимы будто и не замечали. Они пели друг другу песни, писали простые и ясные

сонеты, в которых воспевали глубину и страстность своей любви. Безумие охватило обоих — если, конечно, считать безумием то, что опровергало порой основополагающие законы их бытия. Но то было сладостное безумие.

И все-таки безумие.

Когда миновали самые сильные холода и шторма, а весна еще не решалась заявить о своем приближении; когда на скалах еще лежал снег, когда лишь изредка можно было услышать голоса птиц в серых небесах над черными прибрежными лесами, когда свинцовое море, за зиму исчерпав свою силу и ярость, устало плескалось близ утесов — именно в эту пору поздним зимним утром среди голых деревьев на берегу были замечены странные мабдены верхом на косматых низкорослых лошадях. Изо рта у всадников валил пар, кони спотыкались на промерзшей, покрытой ледком земле, позванивала упряжь, громыхали военные доспехи...

Первым конных мабденов заметил Белдан, выйдя утром на крепостную стену немного поразмяться.

Белдан был тем самым юношей, что спас Корума, когда тот тонул в море. Увидев на берегу чужаков, он поспешил назад и с грохотом спускался по лестнице, когда какой-то человек со смехом преградил ему путь.

— Спешишь обрести уединение, Белдан? Его не внизу надо искать, а наверху!

— Я спешил к тебе, принц Корум! Я только что видел их со стены! Очень большое войско, по-моему!

Лицо Корума словно туча закрыла; множество мыслей одновременно пронеслось у него в голове.

— А чье это войско, ты не разглядел? Это мабдены?

— Да. По-моему, это те лесные варвары, что владеют мохнатыми лошадками.

— Из-за их набегов, кажется, и было основано маркграфство?

— Верно, но они нас не беспокоили уже лет сто.

Корум мрачно улыбнулся.

— Похоже, все рано или поздно оказываются жертвами собственного неведения... Неведение и благодушие погубило вадхагов, Белдан! Скажи, сможем ли мы защитить замок?

— Сможем, если войско все-таки не слишком большое. Может, мне показалось... Вообще-то эти варвары вечно враждуют между собой, так что в их отрядах редко больше двух-трех десятков воинов.

— А сколь велик был этот отряд? Как тебе кажется?

Белдан удрученно покачал головой.

— Боюсь, на этот раз их там гораздо больше, принц.

— В таком случае скорее поднимай всех, кто может держать оружие. А как насчет ваших летучих тварей?

— У них зимой спячка. Их сейчас ничем не разбудишь.

— Ладно... Как вы обычно обороняетесь?

Белдан прикусил губу.

— Ну? Каковы основные приемы?

— Да, в общем-то, и говорить не о чем... В замке уже давно никому не приходилось даже думать об обороне... Варвары всегда боялись могущественного Ливм-ан-Эш и стали бояться еще больше после того, как наши земли начали таинственным образом исчезать в морской дали. Ну мы и полагались на этот их страх...

— Все ясно. Ты пока что делай все, что в твоих силах, друг Белдан, а я вскоре к тебе присоединюсь, только сперва сам взгляну на это войско. В конце концов, намерения у них могут быть и совсем не воинственные.

Белдан помчался вниз, а Корум поспешил наверх и, открыв дверь, вышел на смотровую площадку сторожевой башни.

Он видел, что начался отлив, и вскоре из воды выступит та естественная перемычка, что соединяет остров с берегом. Ледяное море отливало сталью, а берег казался совершенно бесцветным. На берегу были воины — лохматые мабдены на своих лохматых пони.

На головах у воинов красовались металлические шлемы; лица были скрыты масками из бронзы — ужасными злобными мордами. Мабдены были в плащах из волчьих шкур, в металлических кольчугах или в толстых кожаных безрукавках. Их яркие клетчатые штаны, преимущественно синих тонов, были подхвачены у колена красными или желтыми кусками ткани, а внизу прикреплены ремешками. Мечи были приторочены к седлу. Мечи явно были новые и сверкали так, как может сверкать только что выкованное оружие — даже в мутноватом свете зимнего дня.

На берегу уже выстроилось несколько рядов всадников, а от леса к ним спешили еще и еще люди.

Корум поплотнее запахнул куртку из овечьей шкуры, придерживая ее у горла здоровой рукой. Он задумчиво постукивал

ногой по камням башенной стены, словно пытаясь удостовериться, что замок построен прочно.

Потом снова посмотрел на воинов, строившихся на берегу.

Их было около тысячи.

Тысяча всадников с только что выкованными мечами.

Внутри у него все похолодело.

Тысяча шлемов на берегу вдруг одновременно повернулась в сторону замка на острове Мойдель. Тысяча бронзовых масок смотрела, казалось, прямо на Корума через разделявшую их полосу воды. А отлив все приближался, вот уже и дамба показалась из воды...

Корум вздрогнул: над застывшими в молчании на берегу рядами воинов беззвучно пролетела олуша, и вдруг, пронзительно вскрикнув, она, словно пораженная ужасом, взмыла высоко под облака.

Откуда-то со стороны леса зарокотал барабан. Удары были размеренными, неспешными; они гулким эхом разносились над морем.

Вряд ли тысячное войско явилось сюда с мирными намерениями.

Поднявшийся наверх Белдан подошел к Коруму и тоже стал смотреть на берег. Он был бледен и казался встревоженным.

— Я поговорил с маркграфиней,— сказал он,— и поднял по тревоге всех боеспособных людей. Их у нас примерно полторы сотни. Маркграфиня сейчас просматривает записи, оставленные ее супругом. Он ведь написал целый трактат о наилучших способах защиты замка в случае массированной атаки. Похоже, граф Мойдель чувствовал, что однажды племена этих проклятых варваров все-таки объединятся.

— Жаль, что я не ознакомился с его трактатом раньше,— Корум глубоко вдохнул морозный воздух.— Неужели в замке не осталось никого, обладающего хоть каким-то опытом ведения войны?

— Никого, принц.

— Что ж, тогда придется нам самим учиться искусству обороны. И быстро!

— О да!

Внутри башни, на лестнице, послышался какой-то шум, и на крышу вышло несколько вооруженных человек в светлых доспехах, вооруженных луками с большим запасом стрел. На

головах у лучников красовались странные шлемы из раковин гигантского моллюска, закрученных совершенно немыслимым образом. В людях чувствовался затаенный страх, которого они старались ни за что не показывать.

— Мы попробуем вступить с ними в переговоры,— шепнул Корум Белдану,— как только откроется дамба. И постараемся затянуть эти переговоры до тех пор, пока снова не начнется прилив, что даст нам несколько дополнительных часов на подготовку обороны.

— Но они, без сомнения, сразу догадаются, что мы хитрим,— возразил Белдан.

— Это верно...— кивнул Корум и потер щеку своей культей,— но если мы... если нам удастся ввести их в заблуждение относительно имеющихся у нас сил, то, возможно, планы их несколько изменятся.

Белдан неуверенно улыбнулся и промолчал. Глаза его как-то странно светились: то было предвкушение смертельной схватки с врагом.

— Пойду узнаю, что маркграфиня почерпнула из записей своего покойного супруга,— сказал Корум.— Оставайся здесь и жди. Как только они двинутся с места, немедленно дай мне знать.

— Ох уж этот проклятый барабан! — Белдан сжал руками виски.— У меня от него просто голова раскалывается.

— Постарайся не обращать внимания. Этот грохот ведь специально и предназначен для того, чтобы обескуражить противника.

Корум нырнул в башню и бросился по лестнице вниз.

Ралина сидела в своей комнате за столом, заваленным рукописными листами. Когда Корум вошел, она подняла голову и попыталась улыбнуться:

— Похоже, придется дорого заплатить за любовь, подаренную нам судьбою.

Он удивленно посмотрел на нее.

— По-моему, так может думать только мабден. Я тебя не понимаю...

— Извини. Я говорю глупости. И все-таки жаль, что эти варвары не выбрали для атаки на замок какое-нибудь другое время. У них ведь было целое столетие, начиная с...

— Что ты узнала из записок мужа?

— Выяснила, где наиболее уязвимые участки обороны и где стены лучше всего защищены. Я уже повсюду расставила людей. Котлы со свинцом кипят...

— А для чего свинец?

— Да ты действительно несведущ в военных делах! — воскликнула Ралина.— Даже я знаю больше. Расплавленный свинец, мой принц, льют на головы атакующих, когда те пытаются штурмовать замок.

Корум содрогнулся.

— Неужели мы должны проявлять такую жестокость?

— Мы же не вадхаги. И воюем не с нхадрагами. Мне кажется, ты уже успел понять, сколь жестоки сами мабденские воины?..

— Да... ты права. Ах как жаль, что я хоть одним глазом не заглянул в записи маркграфа раньше! Он-то, видимо, был человеком, хорошо отдававшим себе отчет в реальных проблемах.

— О да,— тихо проговорила Ралина, протягивая ему один из листков,— в некоторых, во всяком случае, несомненно.

Впервые Корум услышал, как она высказывает собственное суждение о покойном маркграфе. Он изумленно уставился на нее и уже раскрыл было рот, желая расспросить еще, но она лишь отмахнулась.

— Ты бы лучше побыстрее читал. Понять его почерк нетрудно. А записи он предпочитал делать на древневадхагском...

Корум взглянул на протянутый ему листок. Почерк был очень четкий, но не давал почти никакого представления о характере писавшего, словно кто-то бездушно копировал чужой вадхагский текст. Однако, как и сказала Ралина, читать было легко.

В дверь постучали. Корум продолжал читать, а Ралина пошла открывать. На пороге стоял солдат.

— Меня послал Белдан, маркграфиня. Он просил принца Корума подняться на стену.

Корум отложил рукопись.

— Я сразу же вернусь. Позаботься, пожалуйста, чтобы мне приготовили оружие и доспехи, хорошо, дорогая?

Ралина молча кивнула, и Корум бросился наверх.

Дамба почти совсем обнажилась. Белдан что-то кричал воинам на берегу, видимо, предлагая переговоры.

Барабан продолжал неумолимо грохотать.

Войско мабденов хранило молчание.

— Они, должно быть, глухие! — с досадой обернулся к Коруму Белдан.— Почему они не отвечают? Вообще-то войско на редкость хорошо организовано для варваров. По-моему, здесь есть еще какая-то тайна, которая для нас раскроется лишь впоследствии.

Корум был того же мнения.

— Зачем ты послал за мной, Белдан? — спросил он.

— Я кое-что заметил вон там, за деревьями. Там что-то блестит... Но я не уверен... Говорят, у вадхагов зрение куда лучше, чем у мабденов. Попробуй, принц, разглядеть получше, что это там такое. Вон там,— и он указал рукой.

Корум горько усмехнулся:

— Два мабденских глаза все-таки лучше одного вадхагского...

Но, тем не менее, стал всматриваться в указанном Белданом направлении. За деревьями действительно что-то блестело. Корум несколько изменил угол зрения, пытаясь разглядеть загадочный предмет получше, и вдруг догадался: это было позолоченное колесо мабденской колесницы.

Вдруг колесо прямо у него на глазах начало двигаться. Из лесу появились лошади — четыре мохнатые лошадки ростом чуть больше тех, что были у лесных варваров под седлом. Лошади влекли за собой огромную колесницу, которой правил высокий воин.

Корум сразу узнал его. Он был, как и прежде, одет в меха, кожу и металл, а на голове у него был шлем с крыльями. Пышная борода развевалась на ветру. Голова гордо, заносчиво вскинута.

— Это Гландит-а-Крэ, мой лютый недруг,— тихо промолвил Корум.

— Тот, кто лишил тебя глаза и руки? — после некоторого молчания спросил Белдан.

Корум кивнул.

— Наверное, именно он сумел объединить племена лесных варваров, снабдил их новенькими блестящими мечами, а заодно обучил строевому искусству, которое им было неведомо,— предположил Белдан.

— Я думаю, ты прав. И теперь я навлек на замок на острове Мойдель страшную беду.

Белдан пожал плечами.

— Варвары все равно рано или поздно должны были напасть на наш замок. Зато ты сделал нашу маркграфиню счастливой! А я никогда прежде не видел ее счастливой.

— Вы, мабдены, похоже, считаете, что за счастье обязательно нужно платить страданиями и горем.

— Но это действительно так!

— Мне, вадхагу, сложно понять это. Мы считаем... считали... что счастье — естественное состояние мыслящих, разумных существ.

Постепенно из леса выкатились еще двадцать колесниц и выстроились в хвост за колесницей Гландита, так что он оказался как бы между рядами молчащих воинов в масках и своей свитой — убийцами-денледхисси.

Барабан умолк.

Корум слушал, как шумят волны отлива. Дамба совсем высохла.

— Он, должно быть, следовал за мной по пятам, а узнав, где я скрываюсь, за зиму собрал из этих дикарей войско и обучил их,— сказал Корум.

— Но откуда он узнал, где ты скрываешься? — удивился Белдан.

И тут неожиданно последовал ответ: ряды всадников раздвинулись, Гландит въехал на дамбу, наклонился, выпрямился, держа что-то над головой, и что было силы швырнул этот предмет на камни.

Корум вздрогнул. Белдан тоже весь застыл и, опустив голову, вцепился в каменную стену.

— Да ведь это Мохнатый Человек! Я прав, принц Корум?

— К сожалению, да.

— Бедное невинное создание! Такой добрый... Неужели Великан из Лаара не мог его спасти? Беднягу, должно быть, ужасно мучили, чтобы узнать, где ты скрываешься...

Корум выпрямился. Тихий голос его звучал холодно:

— Однажды я сказал маркграфине, что Гландит — это опасная болезнь, которую необходимо искоренить, во что бы то ни стало... Я обязан был найти его раньше, Белдан!

— Но тогда он просто убил бы тебя.

— Зато не убил бы Мохнатого Человека из Лаара. И Сервд по-прежнему служил бы своему печальному хозяину. Мне кажется, на нас, вадхагах, лежит проклятие. Видно, самой судьбой решено, что я должен умереть, а потому все, кто помогает мне выжить, навлекают на себя ее гнев. Вот что: я сейчас выйду на дамбу и в одиночку сражусь с Гландитом. Тогда замок будет спасен.

Белдан сглотнул застрявший в горле комок и хрипло сказал:

— Мы сами решили помочь тебе. Ты об этой помощи не просил. Так позволь же нам самим решить, когда от нее отказаться.

— Нет. Если вы будете продолжать помогать мне, то и маркграфиня, и все вы неизбежно погибнете.

— Это все равно неизбежно.

— Но вы можете спастись, если я сам предамся в руки Гландита.

— Гландит почти наверняка предложил лесным варварам в уплату за поддержку наш замок,— уверенно сказал Белдан.— А ты им вовсе не нужен. Они жаждут уничтожить всех живущих здесь вместе с замком, перед тем разграбив его,— ведь они ненавидят нас уже много столетий. Весьма вероятно, что сам-то Гландит и удовлетворится, заполучив тебя; возможно, он со своей свитой даже уйдет после этого, но оставит здесь тысячу новых мечей. На погибель нам. Мы должны биться вместе, принц Корум. Больше надеяться не на что.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ЗАКЛЯТИЕ

У себя в комнате Корум обнаружил приготовленные для него доспехи и оружие. Доспехи выглядели особенно непривычно: они состояли из нагрудной и наспинной пластин, поножей и чего-то вроде юбки горца; все было сделано из перламутрово-синих раковин морского моллюска под названием «ануфек», некогда в изобилии водившегося в водах Западного моря. Его раковины были крепче самого крепкого металла, а кольчуга из них была легче любой другой. Шлем с немыслимым гребнем, в котором выделялось одно особенно высокое острие, был тоже сделан из раковины гигантского моллюска. Все воины замка на острове Мойдель красовались в таких шлемах.

Слуги помогли принцу облачиться в доспехи и подали большой меч, оказавшийся настолько удобным, что Корум легко управлялся единственной здоровой рукой. А щит ему привязали к левой, изуродованной руке. Щит был сделан из скорлупы гигантского краба, водившегося в море «по ту сторону Ливм-ан-Эш», как сообщили слуги, в Далеком море. Все эти доспехи некогда принадлежали покойному маркграфу, кото-

рый, в свою очередь, унаследовал их от своих предков. Доспехи передавались из поколения в поколение задолго до создания самого маркграфства.

Корум окликнул Ралину, желая проститься, но она даже головы от бумаг не подняла, хотя и сидела рядом. Последние записи маркграфа, по всей видимости, заинтересовали ее чрезвычайно.

Корум молча вышел из комнаты и вернулся на бастион.

На берегу ничего не переменилось, только колесница Гландита стояла теперь у самой дамбы. Ряды всадников остались неподвижны. Маленький скрюченный труп Мохнатого Человека из Лаара тоже лежал на прежнем месте.

Снова загремел барабан.

— Почему они стоят? — нервничал Белдан.— Почему не идут в атаку?

— Возможно, причины здесь две,— сказал Корум.— Они надеются, во-первых, запугать нас, а во-вторых — погасить собственный страх.

— Неужели они нас боятся?

— Лесные варвары — вполне возможно. Ты же сам мне рассказывал, что они столетиями жили в суеверном страхе перед обитателями Ливм-ан-Эш. Они, без сомнения, уверены, что мы обладаем некими сверхъестественными средствами защиты.

Белдан не смог сдержать иронической усмешки.

— Ты, кажется, начинаешь наконец разбираться в мабденах, принц Корум. Даже лучше меня.

Корум указал в сторону Гландита:

— Вон тот мабден дал мне отличный урок.

— Он-то явно страха не испытывает.

— Да, мечей он не боится. Зато боится самого себя. По-моему, из всех прочих особенностей мабденов эта — самая разрушительная.

И тут Гландит поднял руку в латной перчатке.

Воцарилась полная тишина.

— Вадхаг! — прогремел страшный голос Гландита.— Хорошо ли ты видишь, кто пришел за тобой в этот замок, ставший рассадником зла?

Корум не ответил. Спрятавшись за каменным зубцом, он видел, что Гландит внимательно рассматривает укрепленные стены, надеясь его обнаружить.

— Ты здесь, вадхаг?

Белдан вопросительно глянул на принца, но тот продолжал молчать.

— Эй, вадхаг, посмотри! Мы убили твоего приятеля-демона! И тебя тоже убьем. И тех отвратительных предателей, что дали тебе убежище. Откликнись же, вадхаг!

Корум прошептал Белдану:

— Мы должны как можно дольше тянуть время. С каждой секундой приближается прилив, и дамба скоро скроется под водой.

— Они успеют пойти в наступление до того, как начнется прилив,— сказал Белдан.

— Вадхаг! — снова заорал Гландит.— Да ты трус, оказывается! Самый большой трус изо всего твоего трусливого племени!

Гландит повернулся в сторону своего войска, и Корум понял, что сейчас он пошлет его в атаку. Тогда он вышел на открытое место и громко окликнул Гландита.

Голос вадхага, хотя в нем явственно слышалось холодное бешенство, звучал точно переливы музыки в сравнении с хриплым рычанием Гландита.

— Смотри, Гландит-а-Крэ, самый уродливый и жалкий из мабденов: перед тобой последний представитель славного племени вадхагов!

Гландит в некотором замешательстве закрутил головой, потом разразился злобным хохотом.

— Я-то как раз не урод! У меня руки-ноги на месте! — он сунул руку за пазуху и вытащил какой-то предмет, болтавшийся на шнурке у него на шее.— Может, заберешь это? Вдруг пригодится?

Корум почувствовал во рту привкус желчи, увидев, чем размахивает Гландит. То была его отрубленная рука, уже мумифицировавшаяся; на пальце по-прежнему поблескивало кольцо, подаренное ему сестрой.

— А вот еще, посмотри! — Гландит вытащил небольшой кожаный мешочек и тоже помахал им в воздухе.— Я и глаз твой сохранил!

Корум с трудом сдерживался. Преодолевая подступившую к горлу тошноту, он крикнул:

— Ты можешь получить и все остальные части моего тела впридачу, если развернешь свою орду и уберешься отсюда.

Гландит, закинув голову и глядя в небеса, заржал совсем уж непотребно:

— Ой нет, вадхаг! Мои парни не позволят мне лишить их такого боя — не говоря уж о добыче. Они ее много месяцев дожидались и твердо намерены перерезать глотки всем своим заклятым врагам. Мне-то и тебя достаточно. Я давно намереваюсь провести хоть одну зиму в тепле и благодати при дворе нашего короля Лир-а-Брода. А вместо этого стою тут лагерем и мерзну в кожаной палатке. Нет уж! Довольно мы из-за тебя намаялись! Впрочем, обещаю: я убью тебя быстро, как и собирался, вадхаг. Нет у меня времени заниматься всякой изуродованной падалью,— он снова засмеялся.— Ну, так кто у нас теперь недочеловек, а?

— Раз так, ты, должно быть, не побоишься сразиться со мной в одиночку? — крикнул Корум.— Прямо на этой дамбе. Ты, безусловно, добьешься победы очень быстро. А потом можешь предоставить штурм замка своим новым союзникам, а сам вернуться на родину.

Чувствовалось, что при этих словах Гландит напрягся, явно испытывая душевную борьбу.

— Зачем же тебе приносить себя в жертву раньше, чем это станет необходимым? — спросил он.

— Я устал жить калекой, Гландит. Устал бояться тебя и твоих людей.

Но Гландит все-таки опасался подвоха. Он понимал, что Корум пытается выиграть время. С другой стороны, ему, Гландиту, было наплевать, сколько времени и сил потребуется лесным варварам, чтобы взять замок, когда он покончит с этим вадхагом.

И предводитель в конце концов решился.

— Ладно, вадхаг! — крикнул он.— Ты спускаешься на дамбу, а я велю своим людям держаться во время поединка подальше. Если ты убьешь меня, мои колесницы покинут поле боя, а уж остальные...

— Обещаниям твоим я не верю,— ответил Корум,— но мне совершенно безразлично, что там будет потом. Я спускаюсь.

Он не спешил. Умирать, да еще от руки Гландита, ему вовсе не хотелось. К тому же он прекрасно понимал: если ему улыбнется удача и Гландит будет ранен, то мабдены немедленно бросятся своему вожаку на помощь. Единственное, на что сейчас рассчитывал принц, это выиграть хотя бы несколько часов для защитников замка на острове Мойдель.

Ралина встретила его на лестнице.

— Куда ты направляешься, Корум?

— Иду сражаться с Гландитом. Возможно, в этом поединке я погибну, Ралина, но я никогда не перестану любить тебя.

Маркграфиня застыла в ужасе.

— Нет!

— Это необходимо, Ралина. Иначе защитникам замка не выстоять под напором варваров.

— Нет, Корум, нет! У нас еще есть время... Есть иная возможность обрести помощь... Я нашла кое-что в трактате мужа. Это последнее, что нам осталось.

— Помощь? От кого?

— Я не очень хорошо поняла... Но этот способ знали еще его далекие предки. Это заклятие. Колдовство, Корум.

Вадхаг печально улыбнулся.

— Нет никакого колдовства, Ралина. То, что вы называете колдовством, это всего лишь недопонятые обрывки научных знаний, осколки мудрости древних рас.

— Это не имеет к древним расам никакого отношения! Это нечто совсем иное. Заклятие, которое...

Принц двинулся было дальше, но Ралина умоляюще протянула к нему руки.

— Корум, позволь мне испытать заклятие!

Он мягко отстранил ее и с мечом в руке продолжал спускаться по лестнице.

— Хорошо. Пробуй все, что угодно. Но даже если ты и права, тебе все равно потребуется время. Вот я и попытаюсь выиграть его.

Даже улышав за спиной ее сдавленные рыдания, он не остановился, а решительно прошел через вестибюль к огромным главным воротам замка.

Потрясенный стражник выпустил его, и Корум очутился на дамбе. На противоположном конце ее стоял Гландит-а-Крэ. Колесницам было приказано отъехать подальше. Всадники на косматых лошадках тоже подались назад. Тело Мохнатого Человека было небрежно отброшено в сторону. Рядом с Гландитом стоял юный Родлик, держа наготове боевой топор своего хозяина.

Гландит протянул руку и потрепал Родлика по волосам; зубы его обнажились в волчьей ухмылке. Он принял топор из рук пажа и двинулся к принцу.

Корум тоже пошел навстречу своему лютому врагу.

О края дамбы бились волны. Порой в вышине слышался крик морской птицы. Люди по обе стороны хранили полное молчание, внимательно следя, как медленно сходятся двое противников. Наконец они остановились. Их разделяло всего несколько шагов.

Гландит явно исхудал, однако бледно-серые глаза его по-прежнему странно, неестественно ярко поблескивали, а физиономия была такой же красной, с отвратительной нездоровой кожей. Он обеими руками держал топор, опустив его острием вниз и чуть склонив набок голову в шлеме.

— Клянусь Псом! — пробормотал он.— А ты теперь здорово безобразен, вадхаг!

— Ну, раз так, мы с тобой два сапога — пара, мабден. Ты-то ведь остался таким же безобразным, как был.

Гландит хмыкнул и ухмыльнулся.

— А чего это ты, вадхаг, красивенькими ракушками обвешался, точно морская царевна, рыбой провонявшая, перед свадьбой? Впрочем, для подводного свадебного стола ты вполне сгодишься, когда я твой труп в море выброшу.

Корум сделал вид, что оскорблений не слышит, и молча ринулся вперед, взмахнув широким мечом. Но Гландит ловко парировал его мощный удар своим боевым топором, лишь чуточку пошатнувшись при этом. Держа топор в правой руке, он левой вытащил из ножен длинный кинжал и взмахнул топором, метя попасть по коленям.

Принц высоко подпрыгнул, и страшное лезвие просвистело прямо под ним. Он сделал ответный выпад, пытаясь достать Гландита мечом, но острие лишь царапнуло по металлической наплечной пластине, не принеся мабдену никакого вреда.

Гландит сердито выругался и снова попытался повторить свой трюк. И снова Корум успел подпрыгнуть. Тогда вожак мабденов бросился вперед и нанес тяжкий удар топором по щиту, сделанному из скорлупы гигантского краба. Щит загудел, но не сломался и даже не треснул, хотя рука вадхага, к которой щит был привязан, тут же онемела до самого плеча. В ответ Корум нанес врагу рубящий удар, однако тому снова удалось парировать.

А когда принц попытался нанести ему еще удар по ногам, мабден ловко отскочил в сторону и, видя, что противник осторожно приближается к нему, вдруг закричал:

— Хватит! Надоело! Эй, лучники, стреляйте! Теперь он в наших руках!

И только тут Корум заметил, что колесницы мабденов потихоньку выдвинулись на переднюю линию, и град стрел вот-вот посыплется на него. Он быстро прикрылся щитом, чтобы хоть как-то защитить себя от стрел, а Гландит, развернувшись, бросился назад, под защиту своего войска.

Итак, Корум был подло предан, а до прилива по-прежнему было еще далеко — не менее часа. Похоже, смерть его будет напрасной...

И тут со стен замка раздался грозный клич. Лучники Белдана успели выстрелить первыми.

Стрелы воинов Гландита стучали по щиту Корума, отскакивая от его латных перчаток; вдруг что-то впилось ему в ногу, чуть выше колена, ибо ноги щит ему не закрывал. Прихрамывая, Корум бросился бежать к замку, но бежать было очень трудно. Стрела прошила ногу насквозь, а чтобы ее вытащить, ему пришлось бы бросить меч. Вадхаг быстро глянул в сторону берега.

Как он и предполагал, первые всадники на косматых лошадях уже ступили на дамбу.

Корум сделал еще несколько шагов, волоча раненую ногу, но понял, что так до ворот добраться не успеет. Он быстро опустился на здоровое колено, положил меч на камни, отломил наконечник стрелы и, потянув за другой ее конец, извлек обломок из раны.

Потом снова поднял меч и приготовился к защите.

Всадники в бронзовых боевых масках мчались прямо на него. В руках у них поблескивали новенькие мечи.

Корум ударил первого и весьма удачно — выбил всадника из седла. Второй попытался с размаху достать принца мечом, но промахнулся и пролетел мимо.

Корум вскочил на мабденского коня, только что потерявшего наездника. Седло оказалось весьма примитивным, вместо стремян — две ременные петли, прикрепленные прямо к подпруге. С большим трудом ему удалось вдеть ноги в стремена — одновременно приходилось отражать удары первого всадника, который теперь вернулся назад. Подоспел и еще один; его меч со звоном опустился на щит Корума. Кони ржали и храпели, пытаясь встать на дыбы. Дамба была слишком узка, так что ни вадхагу, ни двум его теперешним противникам не удавалось даже как

следует пустить в ход мечи: они с огромным трудом удерживали перепуганных животных.

Остальные мабдены вынуждены были пока что толпиться на краю дамбы, став таким образом удобной мишенью для лучников Белдана. Целые тучи стрел с темным оперением сыпались со стен замка на всадников в бронзовых масках. Правда, было убито больше лошадей, чем воинов, но это лишь усугубляло царившую вокруг суматоху.

Корум медленно отступал к воротам. Его изувеченная рука, к которой был привязан щит, почти ничего не чувствовала, а вторая, с мечом, ужасно болела, и все же он пока что вполне успешно отражал нападки противника.

Гландит что-то злобно вопил, пытаясь заставить всадников повернуть к берегу и перегруппироваться. Очевидно, они отнюдь не желали слепо подчиняться его приказам. Корум даже слегка усмехнулся: по крайней мере, ему удалось добиться разногласий в рядах противника!

И тут ворота замка у него за спиной открылись, и оттуда появился Белдан с полсотней лучников.

— Скорее внутрь, Корум! — крикнул Белдан.

Поняв его замысел, вадхаг скатился с лошади и, буквально согнувшись пополам, бросился к воротам, как только первый залп стрел пролетел прямо над ним в сторону врага. Не успел он вбежать в ворота, как они мгновенно захлопнулись.

Задыхаясь, принц прислонился к столбу. Он чувствовал, что проиграл. Замысел его не удался. Однако Белдан дружески хлопнул его по плечу:

— Прилив начинается, Корум! Мы выиграли!

Этого дружеского хлопка оказалось достаточно, чтобы вадхаг рухнул без чувств на землю. Однако до того, как сознание его померкло, он успел заметить изумление на лице Белдана и подумать, сколь смешна эта ситуация.

Очнулся он уже в собственной постели; рядом за столиком сидела Ралина, по-прежнему читавшая записи маркграфа. И тут Корум понял: как бы хорошо он ни был подготовлен к поединку, как бы хорошо ни проявил себя в бою на дамбе, ему, одноглазому и однорукому, все равно теперь не выжить в мире, населенном враждебными мабденами.

— Мне необходима новая рука! — воскликнул он, садясь на постели.— И новый глаз, Ралина!

Сначала ему показалось, что она его не слышит. Потом она подняла на него усталые глаза. Лицо ее осунулось, вокруг рта и на лбу пролегли резкие морщинки. Рассеянно на него глядя, она обронила лишь:

— Отдохни сперва, Корум.

И снова уткнулась в свои бумаги.

В дверь постучали. Вошел Белдан, и Корум попытался было встать, но это оказалось непросто. Каждое движение причиняло боль. Раненая нога распухла и плохо слушалась, все тело было избито.

— Пока что они потеряли около тридцати человек,— сообщил Белдан.— Перед закатом снова начнется отлив, но я не уверен, что они еще раз пойдут в атаку. По-моему, они предпочтут подождать до утра.

Корум нахмурился:

— Это уж как Гландит прикажет. А он может как раз решить, что мы вечерней атаки не ожидаем, вот и предпримет ее. Но если лесные варвары действительно настолько суеверны, как считаете вы, то от ночного боя они все же, видимо, откажутся. Однако к атаке лучше быть готовыми. Необходимо также выставить дополнительные посты на стенах замка. Насколько это совпадает с наставлениями маркграфа, Ралина?

Она подняла затуманенный взор и кивнула:

— Вполне совпадает.

Корум принялся, морщась от боли, надевать и застегивать свои доспехи. Белдан ему помогал. А потом они вместе поднялись наверх.

Мабдены на берегу произвели перегруппировку. Мертвецов, трупы лошадей и Мохнатого Человека уже унесло с дамбы волнами, но в прибрежных скалах еще виднелось несколько тел.

Всадники снова построились точно так же, как перед первым сражением. Впереди десять рядов воинов в масках, затем сам Гландит, а дальше — его колесницы.

На крепостных стенах были разложены костры, над ними в котлах кипел свинец. Рядом установили небольшие катапульты, возле которых лежал запас каменных ядер. На дальнюю стену доставили еще стрелы и метательные копья.

— Я думаю, он все-таки поведет их на штурм,— сказал Корум.

Солнце почти уже село, и весь мир, казалось, подернулся однообразной серой холодной пеленой. Из воды постепенно на-

чинала выступать дамба; сейчас над ней было не глубже, чем по колено.

Вдруг барабаны мабденов загрохотали в немыслимом ритме. Исторгнув из глоток нечеловеческий вой, мабдены двинулись вперед, на дамбу. Брызги летели из-под копыт их лошадей.

Начиналась настоящая битва за замок на острове Мойдель.

Однако не все всадники направились к дамбе. Около двух третей войска осталось на берегу. Корум догадывался, что это значит.

— Все ли крепостные стены охраняются, Белдан?

— Да, принц.

— Хорошо. Мне кажется, они попробуют вплавь, прямо на лошадях, окружить замок и взобраться по скалам, чтобы атаковать сразу со всех сторон. Когда станет совсем темно, прикажи, чтобы со всех постов стреляли зажженными стрелами.

И тут первый отряд мабденов обрушился на ворота и стены замка. Пущены были в ход котлы со свинцом, отовсюду доносились дикие крики и громкое ржание обезумевших лошадей. Море шипело, испуская клубы пара, когда брызги свинца касались воды. Между некоторыми лошадьми были укреплены тараны. Ворота замка содрогались от ударов. Лучники непрерывно стреляли со стен, то и дело попадая в цель, но лошади, лишившись седоков, словно безумные продолжали нестись вперед. Один из таранов пробил ворота насквозь и застрял в них. Атакующие тщетно пытались его вытащить. На них обрушился поток кипящего свинца, и они отступили. Таран так и остался торчать в воротах.

— Побольше лучников к воротам! — скомандовал Корум.— Да приготовьте лошадей на случай прорыва у центрального входа!

Сгустилась тьма, однако бой продолжался. Некоторые из лесных варваров, вплавь добравшись до острова, уже скакали под самыми стенами замка. Корум увидел, как очередной ряд воинов пустился к острову вплавь по неглубокой воде.

Но Гландит и его колесницы пока оставались на берегу и в сражении участия не принимали. Без сомнения, Гландит рассчитывал, что основные силы защитников замка будут смяты еще до того, как сам он ступит на дамбу.

Когда сегодня этот «граф из Крэ» в очередной раз его предал, ненависть Корума вспыхнула с новой силой. И теперь, видя, как Гландит безжалостно использует суеверных лесных варваров

в собственных корыстных целях, Корум понимал, что правильно оценивает все поступки своего заклятого врага.

На крепостных стенах меж тем умирали защитники замка — от ран, нанесенных метательными копьями и стрелами. По крайней мере, полсотни человек были убиты или тяжело ранены, а оставшиеся сто представляли собой слишком слабую силу.

Корум быстро обошел все посты, подбадривая людей, однако подходили к концу запасы расплавленного свинца, стрел и копий. Было ясно, что вскоре придется идти врукопашную.

Упала ночь. Горящие стрелы высвечивали во тьме варваров, со всех сторон окруживших замок. На крепостных стенах зажглись сигнальные огни. Битва продолжалась.

Варвары вновь собрались у главных ворот. В ход пустили еще несколько таранов. Ворота трещали и шатались.

Корум собрал во дворе замка всех, кого можно было снять с постов на стенах. Они оседлали коней и построились полукругом позади лучников, готовых встретить прорывающихся в замок варваров.

Еще несколько таранов пробили ворота насквозь; Корум слышал, как мечами и топорами рубят расщепленные бревна снаружи.

И вдруг с воплями и воем варвары прорвались внутрь. В отблесках огня их бронзовые маски выглядели еще более устрашающими и злобными. Храпели и ржали лошади.

Один лишь раз успели лучники выпустить свои стрелы, а потом вынуждены были отступить, пропуская вперед Корума и его крошечный кавалерийский отряд.

Меч Корума с размаху разрубил одну из бронзовых масок, сокрушив вместе с ней и голову варвара. Кровь из раны брызнула так, что попала на ближайших мабденов.

Забыв о боли и ранах, Корум непрерывно размахивал мечом, выбивая всадников из седел, снося головы с плеч, отделяя конечности от туловищ. Но постепенно его отряд все же отступал под чудовищным натиском новых волн варваров, рвущихся в замок.

Теперь Корум с товарищами бился уже у дальней от входа стены двора — там, где наверх вела каменная винтовая лестница, на ступеньках которой засели лучники, стрелявшие по ненавистным захватчикам. Но лучников было слишком мало,

и они постепенно вынуждены были подниматься все выше и выше.

Не прерывая сражения, Корум огляделся. Рядом с ним оставалось совсем немного защитников замка, может быть, дюжина, зато в вестибюле было уже, по крайней мере, полсотни врагов, и ряды их пополнялись. Схватка близилась к концу. Еще несколько мгновений, и он погибнет вместе со всеми...

Он мельком увидел, что навстречу ему с верхнего этажа спускается Белдан. Сначала Корум решил, что он ведет с собой подкрепление, но Белдана сопровождали всего два воина.

— Корум! Корум!

Отвечать ему было некогда: он вел бой одновременно с двумя варварами.

— Корум! Где леди Ралина?

Корум, собрав остатки сил, двумя сокрушительными ударами покончил с обоими противниками, затем ногой выбил из седла третьего и прямо со спины своего коня прыгнул на лестницу.

— Что ты говоришь, Белдан? Ралина в опасности?

— Я не знаю, принц. Я не смог ее отыскать. Боюсь, что...

Корум, не дослушав, бросился вверх по лестнице.

Снизу до него доносился шум битвы, но он странным образом изменился. Корум чуть помедлил на одном из поворотов винтовой лестницы и оглянулся.

Варвары явно начинали отступать. В их рядах возникла паника. Потрясенный Корум не мог понять причины этого, но раздумывать и разглядывать было некогда.

Он с призывным криком влетел в спальню Ралины.

Она не откликнулась.

Он спотыкался о мертвые тела защитников замка и варваров, которым, видимо, удалось пробраться внутрь через плохо охраняемые окна и балконы.

Неужели Ралину похитили?

И тут с одного из балконов до него донесся странный звук.

Это было похоже на пение или молитву. Ничего подобного он раньше здесь не слышал. Корум осторожно подошел к двери на балкон.

Там стояла Ралина. Это ее странное пение поразило Корума. Ветер подхватывал ее одежды, раздувая их, словно

многоцветные облака. Глаза Ралины неотрывно смотрели куда-то вдаль, а напряженное горло вибрировало от тех загадочных звуков, которые она выпевала.

Она была в каком-то трансе, и Корум даже не окликнул ее, лишь молча наблюдал. Она пела на совершенно неведомом ему языке, видимо, очень древнем. И от звуков этой песни у Корума по спине поползли мурашки.

Потом Ралина умолкла, медленно обернулась, но смотрела сквозь него. Скованной походкой, с открытыми немигающими глазами, она прошла в комнату.

Корум посмотрел на море: за контрфорсом, в стороне берега разгорался странный зеленый свет.

Больше ничего видно не было, но он слышал визг и вопли перепуганных чем-то варваров, с шумом и плеском прыгавших в воду с дамбы и скал. Теперь не оставалось сомнения: враг отступал. Но почему?

Корум вошел в комнату. Ралина сидела в своем любимом кресле возле стола, одеревеневшая и будто оглохшая. Она не пошевелилась, даже когда он тихонько окликнул ее по имени. Надеясь, что она постепенно выйдет из транса сама, Корум бросился туда, где все еще кипела битва.

Его встретил Белдан с разинутым от изумления ртом. Зрелище действительно было впечатляющее.

Огромный корабль, огибая северный мыс, приближался к острову. Это он был источником странного зеленого света. Паруса корабля были надуты, хотя стоял полный штиль. Варвары судорожно спешили к берегу — верхом, вплавь или прямо по воде, уже начавшей снова заливать дамбу. Они совсем обезумели от страха. Корум слышал, как Гландит из темноты слал в их адрес проклятия, призывая вернуться назад и продолжить бой.

Корабль сверкал множеством маленьких огоньков. Его мачты и корпус были словно инкрустированы самоцветами. И тут Корум разглядел то, что гораздо раньше увидели варвары и Белдан: команду корабля. То были мертвецы. Плоть их сгнила и отваливалась от костей.

— Что это, Белдан? Чья-то искусная иллюзия? — прошептал Корум.

Голос Белдана звучал хрипло:

— Мне кажется, это вовсе не иллюзия, принц Корум.

— Тогда что же?

— Это действие заклятия. Я узнаю корабль старого маркграфа. Заклятием подняли его со дна морского и вдохнули в команду... что-то вроде жизни — смотри!..— и он указал рукой на человека, стоявшего на корме: скелет в доспехах, которые, как и доспехи Корума, были сделаны из гигантских раковин. Пустые глазницы существа поблескивали тем же зеленым светящимся огнем, который паутиной окутывал все судно.— Смотри! Это сам маркграф! Он вернулся, чтобы защитить свой замок.

И Корум заставил себя смотреть.

— Интересно, а зачем еще он сюда вернулся? — промолвил он тихо.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СДЕЛКА

Корабль подплыл к дамбе и остановился. От него исходил сильный запах озона и, одновременно, тлена.

— Если это иллюзия,— мрачно пробормотал Корум,— то поистине превосходная.

Белдан промолчал.

По шуму, доносившемуся издали, они поняли, что варвары, потеряв от страха головы, ломятся сквозь лес. Потом донесся и грохот разворачивающихся колесниц: Гландит спешил вдогонку за союзниками.

Все мертвецы на корабле были в полном боевом облачении, однако стояли совершенно неподвижно и все как один повернули головы в сторону главных ворот замка.

Корум застыл от изумления и ужаса. То, что он наблюдал сейчас собственными глазами, походило на сон — но сон не вадхага, а невежественного, суеверного мабдена! Эти мертвецы просто НЕ МОГЛИ вернуться в реальную жизнь! А страшное видение порождено всего лишь страхом и ужасным, немыслимым воображением этого примитивного народа! Оно удивительно похоже на мабденские, пестрые и грубоватые, картины и гобелены, которые он так часто рассматривал, живя в замке на острове Мойдель.

— Что они намерены делать, Белдан? — тихо спросил Корум.

— Я не очень разбираюсь в оккультных науках, принц. Леди Ралина — единственная здесь, кто когда-либо изучал подобные вещи. Это ведь она сотворила заклятие. Я знаю только, что вроде бы речь пойдет теперь о сделке...

— О сделке?

— Ну да! — задыхаясь, выкрикнул Белдан.— О маркграфине!

И тут Корум увидел, что Ралина, по-прежнему погруженная в транс, вышла из ворот и медленно бредет по дамбе прямо к кораблю. Голова мертвого маркграфа чуть повернулась в ее сторону, и зеленый огонь в его пустых глазницах вспыхнул ярче.

— НЕТ!!!

Корум стремглав бросился вниз, скользнул по лестнице и, спотыкаясь о трупы, выбежал за ворота.

— НЕТ! Ралина! НЕТ!

По щиколотку в воде он бежал за ней следом, задыхаясь от запаха разлагающейся плоти, что доносился с корабля мертвецов.

— Ралина!

Ничего более жуткого он не видел с тех пор, как смотрел на руины разоренного Гландитом замка Эрорн.

— Ралина!

Она почти поравнялась с кораблем, когда Корум наконец нагнал ее и схватил за руку.

Но Ралина, казалось, не замечала его и по-прежнему стремилась взойти на корабль.

— Ралина! Что за сделку заключила ты во имя нашего спасения? Почему приплыл сюда этот корабль мертвецов?

Голос ее был холоден и бесстрастен:

— Теперь я должна воссоединиться с моим супругом.

— Нет, Ралина. Это бесчестная сделка. Это мерзко, ужасно... Это — зло! Это... это...— ему хотелось сказать, что такого просто не может быть, что все они просто во власти чудовищной, странной галлюцинации...— Пойдем со мной, Ралина! Пусть этот корабль вернется на дно морское.

— Я должна уплыть вместе с ними. Таковы условия сделки.

Он прижал Ралину к себе, пытаясь силой увлечь ее в замок, но тут раздался чей-то незнакомый голос. Казалось, он доносится из другого мира. Внутри у Корума все так и застыло при звуках этого голоса. Он остановился.

— Ралина поплывет с нами, принц вадхагов. Так должно быть.

Корум посмотрел вверх. Мертвый маркграф поднял руку в повелевающем жесте. Его полные огня глаза, казалось, проникали в самую душу Корума.

Принц попытался сменить угол зрения, увидеть иные плоскости, и в конце концов ему это удалось.

Но ничто не изменилось. Проклятый корабль существовал в каждой из пяти плоскостей. Уйти от него было невозможно.

— Я не позволю ей уплыть с вами,— ответил Корум маркграфу.— Ваша сделка несправедлива. Почему Ралина должна умереть?

— Но она вовсе не умрет. Она скоро очнется.

— Что? На дне морском?

— Она дала нашему кораблю жизнь. Без этого мы снова неизбежно погрузились бы в море. Если Ралина останется на борту, будем живы и все мы.

— Живы? Но вы же не живете!

— Это все же лучше, чем смерть.

— В таком случае, смерть — это нечто еще более страшное, чем я себе представлял...

— Для нас — да, принц вадхагов. Мы — рабы Шул-ан-Дживана, ибо умерли в тех водах, которыми правит он. А теперь позволь мне воссоединиться с моей супругой.

— Нет! — Корум еще крепче сжал руку Ралины.— Кто такой этот Шул-ан-Дживан?

— Наш хозяин. С острова Сви-ан-Фанла-Брул.

— Обитель бога-обжоры!

Это было то самое место, куда так стремился Корум, когда любовь Ралины удержала его в замке на острове Мойдель.

— Довольно. Пусть моя жена наконец поднимется на борт.

— Как можешь ты меня заставить отпустить ее? Ты же мертв! У тебя хватило сил лишь отпугнуть варваров своим появлением.

— Мы спасли тебе жизнь, вадхаг. Дай же нам теперь средство, чтобы жить. Она должна уплыть с нами.

— Неужели мертвые так себялюбивы?

Мертвец кивнул, и зеленый огонек в его очах чуть затуманился.

— О да, очень.

И тут Корум заметил, что остальные члены команды начали понемногу придвигаться. Он слышал звуки их шагов по осклизлой палубе, все ближе видел их гнилую плоть и светящиеся провалы пустых глазниц. И стал понемногу отступать, таща за собой Ралину. Но Ралина сопротивлялась, а он чудовищно устал в сражении. Задыхаясь, он остановился, настойчиво убеждая ее:

— Ралина, я знаю: ты никогда не любила его. Даже живого. Ты любишь меня. Я люблю тебя. Это ведь куда важнее, чем любая сделка с мертвецами!

— Я должна воссоединиться со своим супругом.

Команда мертвецов уже сошла на дамбу, медленно приближаясь к ним. Свой меч Корум оставил где-то в замке. И сейчас был совершенно безоружен.

— Назад! — крикнул он.— Мертвые не имеют права на живых!

Но мертвецы продолжали наступать.

Корум поднял голову и крикнул маркграфу, застывшему на корме:

— Останови их! Возьми вместо нее меня! Заключи сделку со мной!

— Я не могу.

— Тогда позволь мне плыть с нею вместе. Что в том плохого? Наоборот, у вас будут даже две живые души, чтобы отогреть ваши мертвые сердца!

Похоже, это предложение заставило маркграфа задуматься.

— Но стоит ли тебе поступать так? Живые ведь мертвых не жалуют.

— Я люблю Ралину. Это любовь, ты меня понимаешь?

— Любовь? Мертвым любовь неведома.

— И все-таки ты хочешь забрать свою жену с собой?

— Это она предложила заключить сделку. Шул-ан-Дживан услышал ее и послал нас.

Мертвецы, шаркая ногами, теперь обступили их со всех сторон. Корума тошнило от трупного запаха.

— Так ты позволишь мне отправиться с вами? — крикнул он.

Мертвый маркграф кивнул в знак согласия.

В окружении шаркающих ногами трупов Корум вместе с Ралиной поднялся на борт корабля. Палуба была покрыта слизью и придонным илом. С перил и снастей свисали водоросли,

светившиеся странным зеленоватым светом. То, что Корум принял за яркие самоцветы, оказалось всего лишь разноцветными раковинами морских уточек, ими поросло все вокруг.

Маркграф внимательно наблюдал, не двигаясь с места, как Корума и Ралину заперли в одной из кают. Там оказалось совершенно темно. В воздухе висел запах тлена.

Корум услышал, как заскрипели прогнившие доски, и корабль поплыл.

Плыл он быстро, хотя и без помощи парусов или весел.

Он держал курс на Сви-ан-Фанла-Брул, остров из мабденских легенд, обитель бога-обжоры.

Часть вторая,
В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ ПОЛУЧАЕТ ПОДАРОК И В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ ЗАКЛЮЧАЕТ СДЕЛКУ С КОЛДУНОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КОЛДУН-ЗАЗНАЙКА

Они плыли и плыли сквозь ночь, и Корум напрасно старался пробудить Ралину, вывести ее из забытья. Она лежала среди влажных гниющих шелков и смотрела в потолок. Через иллюминатор, слишком маленький, чтобы через него можно было попытаться бежать, лился слабый зеленоватый свет. Корум мерил шагами каюту, все еще не в силах поверить свершившемуся.

Эта каюта явно принадлежала самому маркграфу. И если бы сейчас здесь не было Корума, то, вполне возможно, маркграф делил бы ложе со своей супругой...

Корум содрогнулся и схватился за голову: он был совершенно уверен, что либо сошел с ума, либо это все-таки сон, кошмар, ибо, конечно же, ничего подобного в действительности быть не могло.

Будучи вадхагом, Корум спокойно воспринял бы многие ситуации, которые мабденам показались бы пугающими и странными. Но в данном случае ход событий представлялся ему слишком неестественным. Происходящее опровергало все, что он мог объяснить с помощью наук. Если он в здравом уме и все это с ним действительно происходит, то могущество мабденов вадха-

ги явно недооценивали. Могущество, исполненное темных и злых начал...

Корум смертельно устал, но уснуть не мог. Все вокруг было покрыто отвратительной, тошнотворной слизью. Он попробовал, прочен ли запор на двери. Несмотря на то, что дерево сгнило, дверь не поддавалась. Здесь, безусловно, действовали иные запоры. Да и само судно скреплено было не только дегтем и заклепками.

Усталость ясному мышлению отнюдь не способствовала. В душе принца по-прежнему царили отчаяние и смятение. Он часто смотрел в иллюминатор, надеясь как-то сориентироваться, однако разглядеть ничего не мог, разве что гребни волн или случайную звезду в небесах.

Затем — прошло уже много времени — он заметил над горизонтом более светлую, серую полосу, и ему стало ясно, что наступает утро. Корабль мертвецов был порождением ночи. С восходом солнца он неизбежно исчезнет, и они с Ралиной проснутся в собственной постели...

Но что же так напугало варваров? Или это ему тоже приснилось? Может быть, когда он рухнул без сознания после поединка с Гландитом, у него просто была горячка и его преследовали кошмары? А что, если Белдан и его товарищи все еще бьются с варварами на стенах замка? Корум потер виски, облизал пересохшие губы и попытался заглянуть в иные плоскости. Но они почему-то оказались для него закрыты.

И снова он принялся мерить шагами каюту, ожидая рассвета.

Вдруг его ушей достиг странный монотонный звук. Звук этот тупым сверлом проникал, казалось, прямо в мозг, причиняя невыносимую боль. Корум морщился, тер виски, но «сверло» вращалось все быстрее. Боль пронзала уши. Зубы ломило. Но звук не исчезал, а делался все громче.

Ладонью здоровой руки Корум зажал одно ухо, прикрыв другое культей. Из единственного глаза текли слезы. В пустой глазнице пульсировала жуткая боль.

Он, спотыкаясь, мотался из одного конца каюты в другой и в отчаянии даже попытался выдавить дверь собственным телом.

Вскоре сознание стало покидать его. Все вокруг будто затянуло темной дымкой...

...Он стоял в мрачном зале со стенами каменной кладки. Швы между плитами были тщательно разделаны, стены

образовывали высокий купол. Мастерство внешней и внутренней архитектуры этого зала было вполне соотносимо с мастерством вадхагов. И все же само здание трудно было назвать прекрасным. Скорее оно казалось зловещим.

Голова у Корума страшно болела.

Воздух перед ним вдруг затрепетал и засветился бледным голубоватым светом; в этом сиянии возник юноша. Лицо его было совсем молодым, но глаза — словно у древнего старца. Свободные парчовые одежды плавно колыхались. Юноша поклонился Коруму и, повернувшись к нему спиной, немного отошел и уселся на каменную скамью, вделанную в стену.

Корум стоял, не двигаясь.

— Господин Корум, видимо, считает, что это ему снится?

— Меня зовут Принц в Алом Плаще. Корум Джайлин Ирси. Я последний из племени вадхагов...

— Здесь нет ни одного принца, кроме меня,— мягко перебил его юноша.— Я этого не допускаю. Если тебе удастся это понять, мы избегнем многих трудностей в общении.

Корум пожал плечами.

— По-моему, я действительно сплю.

— В некотором смысле, разумеется, это так и есть. Всем нам снятся сны... Просто сейчас, вадхаг, ты попался в один из мабденских снов, как в ловушку, и твоей судьбой пока управляют суеверия мабденов. Впрочем, ты не желаешь этого признавать.

— Где тот корабль, на котором я приплыл сюда? Где Ралина?

— Этот корабль днем плыть не может. Он вернулся на дно океана.

— А Ралина?

Юноша улыбнулся.

— Ну разумеется, и она тоже погрузилась в пучину морскую. Таковы условия заключенной ею сделки.

— Но это значит, что она умерла?!

— Нет. Она жива.

— Как может она быть жива на дне океана!

— Она жива. И всегда будет жива. Это доставляет команде корабля несказанное удовольствие.

— Кто ты такой?

— Я полагаю, ты уже догадался, как мое имя?

— Шул-ан-Дживан?

— ПРИНЦ Шул-ан-Дживан! Повелитель всего мертвого, что есть в море. Таков один из моих титулов.

— Верни мне Ралину!

— Именно это я и собираюсь сделать...

Корум с подозрением посмотрел на колдуна.

— С чего бы это?

— Неужели ты думаешь, я стал бы откликаться на столь слабую и неумелую попытку произнести Великое Заклинание, если бы у меня на уме не было совсем иных планов?

— Намерения твои ясны. Ты просто воспользовался ее затруднительным положением и немного развлекся, прислав этот ужасный корабль.

— Чепуха! Что ж я, по-твоему, впал в детство? Я давно уже перерос подобные забавы. Но я вижу, ты уже начинаешь пользоваться в споре аргументами мабденов... Что ж, это неплохо, если ты хочешь выжить, существуя в мире их снов.

— Так это все-таки сон?!

— В некотором роде. Вполне реальный, впрочем. Его можно было бы назвать божественным, то есть таким, которому Бог позволил превратиться в реальность. Я, разумеется, имею в виду Рыцаря Мечей, что правит в этих пяти плоскостях.

— Повелители Мечей! Но ведь их же не существует! Это всего лишь суеверие, некогда весьма забавлявшее, правда, вадхагов и нхадрагов.

— Повелители Мечей существуют, господин Корум. По крайней мере, одного из них тебе и нужно благодарить за все приключившиеся с тобой несчастья. Это Рыцарь Мечей. Именно он позволил мабденам стать столь могущественными и уничтожить древние расы.

— Но почему?

— Потому что вы ему надоели! И его легко понять: разве вы могли не надоесть? Зато теперь этот мир стал значительно интереснее, и я уверен, что в итоге ты со мной согласишься.

— Неужели хаос и разрушения так «интересны»? — Корум нетерпеливо взмахнул рукой.— Я думал, ты давно забыл мальчишеские забавы.

Шул-ан-Дживан улыбнулся:

— Возможно. Ну так что насчет Рыцаря Мечей?

— Что ты хочешь этим сказать? Мне не совсем ясно...

— Верно. Выражаться туманно — моя маленькая слабость. Никак не могу с ней расстаться. К тому же подобная манера весьма оживляет беседу...

— Если тебе скучно со мной беседовать, верни мне Ралину, и я тут же уйду.

Шул снова улыбнулся.

— Да, в моей власти вернуть тебе Ралину и освободить тебя. Именно поэтому я и ПОЗВОЛИЛ маркграфу ответить на ее призыв. На самом деле мне хотелось встретиться с тобой, господин Корум.

— Ты же не знал, что я приду сюда.

— Я полагал, что вероятность этого весьма велика.

— Почему же тебе так хотелось со мной встретиться?

— У меня есть для тебя одно предложение. Но в том случае, если ты откажешься от моего дара, мне будет весьма удобно воспользоваться таким аргументом, как госпожа Ралина.

— А почему я, собственно, должен отказываться от твоего дара?

Шул пожал плечами.

— Порой от моих даров отказываются. Люди вечно в чем-то подозревают меня. Их раздражает сама природа моих деяний. Мало у кого найдется для колдуна доброе слово, господин Корум.

Корум огляделся.

— Где же здесь двери?.. Я сам пойду на поиски Ралины. Я очень устал, принц Шул.

— Ну конечно, ты устал. Ты много страдал, многое пережил. Ты считал свой собственный сладостный сон реальностью, а настоящую реальность — сном. А потому испытал слишком сильное потрясение, проснувшись. Дверей здесь нет. Мне двери не нужны. Вот, слышишь? Я говорю с тобой уже по ту сторону стены.

— О да. Но хорошо бы ты все же перестал изъясняться столь витиевато и нести всякую чушь!

— Жалкий ты все-таки, вадхаг! Я думал, вы более учтивый народ.

— Я больше уже не настоящий вадхаг, принц Шул.

— Позор! Последний представитель древнего народа не является носителем его основных добродетелей и достоинств! Однако я куда лучший хозяин, чем ты гость, а потому удовлетворю твою просьбу. Я из очень древнего племени, но не мабденского, и не принадлежу к «древним расам», как ты их называешь. Мой народ куда древнее вадхагов, однако постепенно он стал приходить в упадок. Самому мне удалось этого избежать, полностью

погрузившись в научные изыскания — в них я вложил всю мудрость своей души. Я научился, например, обретать различные обличья — в данном случае ты видишь одно из них. На самом же деле я представляю собой почти один только мозг, мыслящее вещество. Я способен менять свои обличья одно за другим и, хотя я трачу на это известное количество энергии, именно благодаря этому я бессмертен. В течение многих тысячелетий предпринимались бесчисленные попытки уничтожить меня, но ни одна не увенчалась успехом, ибо тогда слишком многое оказалось бы под угрозой. А потому меня оставили в покое, и я с удовольствием продолжаю свои эксперименты. За это время знания мои значительно возросли. Я повелеваю и жизнью, и смертью. Я могу уничтожить, но могу и возродить. Я способен дать другим бессмертие, если захочу. Только благодаря собственной гениальности и мастерству я в итоге стал, можно сказать, одним из великих богов. Возможно, не самым могущественным — но и это неизбежно произойдет! Теперь ты понимаешь, почему боги, которых Вселенная просто...— Шул широко раскинул руки,— я бы сказал, «выстрелила» в наш мир, которые и существуют-то исключительно благодаря некоей космической случайности, отвергают меня? Они отказываются признать мою божественную сущность! Да они просто ревнуют! Им бы очень хотелось со мной разделаться, ибо я нарушил их систему самооценки. Рыцарь Мечей — мой главный враг. Он жаждет моей смерти. Так что, как видишь, у нас с тобой много общего, господин Корум.

— Я не бог, принц Шул. Говоря честно, до недавнего времени я вообще не верил в богов.

— Ну, то, что ты не бог, господин Корум, совершенно очевидно. Судя хотя бы по твоему глупому поведению... Но это неважно. Куда важнее вот что: мы оба — последние представители народов, которых по тем или иным причинам Повелители Мечей решили уничтожить. Мы оба в их глазах — вредный анахронизм, непременно подлежащий искоренению. В свое время они точно так же заменили мой народ нхадрагами и вадхагами, а теперь заменяют их мабденами. Среди ваших рас начался тот же процесс упадка и разложения — извини, что я не отделяю тебя от нхадрагов,— какой погубил и мой народ. Как и я, ты предпринял попытку противостоять этому и пошел против богов. Я избрал в качестве оружия науку, ты же — меч. Сам решай, какой из двух способов лучше. И мудрее.

— Ты, на мой взгляд, мелковат для настоящего бога,— сказал Корум, теряя терпение.— А теперь...

— Да, пока что я недостаточно велик... Но это пока! Ты скоро увидишь, сколь я велик и сколь милостив,— как только я добьюсь положения настоящего бога! Но ты перебил меня. Я могу продолжать, господин Корум? Неужели тебе не ясно, что действовал я в основном из дружеских побуждений?

— Пока что ни одно твое деяние, касавшееся меня, отнюдь не свидетельствует об этом.

— Естественно. Я имел в виду союзническую поддержку, а не настоящую дружбу. Уверяю тебя, господин Корум: я ведь легко мог бы уничтожить и тебя, и твою даму сердца.

— Но я выказал бы куда большее терпение, если б знал, что ты освободил ее от условий той ужасной сделки, которую она заключила, и доставил сюда; если б я собственными глазами увидел ее живой.

— Тебе придется довольствоваться моим словом.

— Тогда лучше убей меня сразу.

Принц Шул поднялся. Движения у него были нервные, и весь он был какой-то издерганный — старый, даже дряхлый, изношенный человек. Его повадка вовсе не соответствовала юношескому облику. В этом сочетании было, пожалуй, даже нечто непристойное.

— Тебе следовало бы проявлять ко мне большее почтение, господин Корум.

— С какой стати? Я уже видел несколько колдовских трюков и вдоволь наслушался пышных словес.

— Я намерен предложить тебе нечто весьма существенное. Так что предупреждаю: будь со мной полюбезнее.

— Что же ты намерен мне предложить?

Глаза Шула сузились.

— Я предлагаю тебе твою жизнь! Я мог бы забрать ее...

— Это ты уже говорил.

— Я предлагаю тебе новую руку и новый глаз!

Корум вздрогнул: он не смог скрыть своей заинтересованности. Шул захихикал.

— Кроме того, я предлагаю тебе эту женщину, к которой ты, вадхаг, испытываешь столь извращенное влечение,— Шул поднял руку.— О, прекрасно, прекрасно... Прошу прощения. У каждого из нас свои слабости, разумеется. И наконец, я предлагаю тебе возможность отомстить за свой народ!

— Гландиту-а-Крэ?

— Нет, нет, нет! Рыцарю Мечей! Рыцарю Мечей! И только ему! Тому, кто позволил мабденам пустить повсюду свои корни.

— Но как же Гландит? Я поклялся, что уничтожу его.

— И ты еще обвинял в мелкотравчатости меня! Сколь же ничтожны твои собственные цели! Обладая теми возможностями, которые я тебе предлагаю, ты сумеешь уничтожить сколько угодно этих мабденских «графов»!

— Продолжай...

— Продолжать? Продолжать?! Разве недостаточно того, что я уже предложил тебе?

— Ты же не говоришь, что именно хочешь получить от меня. К тому же я не уверен, что все эти обещания — не более чем сотрясение воздуха.

— Ах, ты еще и оскорбляешь меня! Мабдены дрожат от страха передо мной! Они теряют разум, когда я материализуюсь на их глазах «из пустоты». А некоторые от ужаса даже умирают, стоит мне продемонстрировать кое-какие свои способности.

— За последнее время я видел чересчур много всяких ужасов,— заметил Корум.

— Ну и что? Твое счастье, вадхаг, что кошмарные сны, которыми управляю я,— мабденские. И хотя теперь ты довольно сильно стал похож на мабдена, но все же ты по-прежнему вадхаг. И эти кошмары пугают тебя куда меньше, чем самих мабденов. Иначе мне было бы легче убедить тебя...

— Однако для выполнения твоего задания мабден тебе не подходит,— мрачно сказал Корум.— Разве я не прав?

— Должен отметить: ты начинаешь соображать быстрее. Ты прав: ни один мабден не в силах пережить то, что должен пережить ты. И я не уверен еще, что даже вадхаг...

— Каково же задание?

— Нужно украсть кое-что, совершенно мне необходимое для реализации некоторых моих планов.

— А сам ты не можешь это украсть?

— Конечно, нет. Разве могу я покинуть свой остров? Ведь тогда они без сомнения меня уничтожат.

— Кто?

— Мои соперники, разумеется! Повелители Мечей и прочие... Я до сих пор жив только благодаря сложным и хитроумным

заклятиям, которые защищают мой остров. А они хотя и могут разрушить мои чары, но не решаются. Из боязни некоторых последствий... В том числе, например, разрушения пятнадцати плоскостей мироздания, а следовательно, и уничтожения самих Повелителей Мечей. Нет, украсть эту вещь для меня должен ты. И только ты. У остальных не хватит ни мужества, ни, в конце концов, побудительных причин. Если ты это сделаешь, я немедленно верну Ралину тебе. А если ты по-прежнему мечтаешь о мести, то у тебя будут все возможности отомстить этому Гландиту-а-Крэ. Но уверяю тебя, настоящая причина всех бед и даже существования самого Гландита — Рыцарь Мечей. Так что, украв у него эту вещь, ты уже в достаточной степени будешь отомщен.

— Что же я должен украсть? — спросил Корум.

— Его сердце, господин Корум,— хихикнул ему в ответ Шул.

— Ты желаешь, чтобы я убил бога и отнял у него сердце?

— Теперь мне совершенно ясно, что ты удивительно несведущ в природе богов. Да если ты убьешь Рыцаря Мечей, последствия этого просто трудно себе вообразить! Он, разумеется, не хранит свое сердце в груди. Оно защищено куда лучше. Сердце свое он хранит в одной плоскости, мозг — в другом, и так далее. Это ведь очень удобно, согласись?

Корум вздохнул.

— Потом тебе придется подробнее объяснить мне кое-что,— сказал он.— А теперь освободи Ралину. Обещаю, что попробую выполнить твою просьбу.

— Ты исключительно упрям, господин Корум!

— Если я единственный, кто может помочь тебе претворить в жизнь свои амбиции, принц Шул, то я, безусловно, могу позволить себе быть сколь угодно упрямым.

Юные губы дрогнули, уродливо изогнулись, и Шул зарычал столь же злобно, как воины-мабдены перед битвой.

— Я рад, что ты не бессмертен, господин Корум, и будешь раздражать меня своим невежеством всего каких-то три-четыре столетия. Ну хорошо. Я сейчас покажу тебе Ралину и докажу, что она в безопасности. Но не отпущу ее. Она останется здесь; ты получишь ее тогда, когда сердце Рыцаря Мечей будет принадлежать мне.

— Какой тебе в нем прок?

— Обладая им, я смогу заключить очень выгодную сделку.

— Возможно, у тебя и амбиции бога, господин Шул, но методы уличного торговца.

— ПРИНЦ Шул! Твои оскорбления ничуть не задевают меня. А теперь...

Шул исчез в облаке возникшего ниоткуда молочно-белого дыма. Потом в дыму появилось изображение: корабль мертвецов, знакомая каюта и мертвый маркграф, обнимающий... живую Ралину! Корум видел, что Ралина в ужасе кричит, но не может противиться своему супругу...

— Ты сказал, что ей ничто не угрожает, Шул! Ты сказал, что она в безопасности!

— Да, она в безопасности — в объятиях своего любящего супруга,— раздался ниоткуда обиженный голос Шула.

— Освободи ее немедленно!

Корабль исчез. Ралина, задыхаясь и дрожа от пережитого ужаса, возникла перед Корумом.

— Корум?

Вадхаг бросился к ней и заключил в объятия, но она с омерзением оттолкнула его.

— Ты не Корум! Наверное, ты... призрак? Ведь я заключила сделку со смертью, чтобы спасти Корума...

— Я настоящий, Ралина! Я ведь тоже заключил сделку, чтобы спасти тебя!

— Я не понимала тогда, как глупо поступила... Да и условия были мне не совсем ясны... Он намеревался...

— Даже мертвецам приятно порой порадовать себя, госпожа Ралина,— возле них возникло некое человекоподобное существо в зеленой куртке и штанах. Шул — а это был, конечно, он — с удовлетворением заметил изумление Корума.— У меня в распоряжении несколько тел. Я могу пользоваться любым. Это, например, далекий предок нхадрагов, насколько я знаю. Во всяком случае, кто-то из этих народов.

— Кто это, Корум? — Ралина теснее прижалась к нему. Ее била дрожь. Корум крепко обнял ее за плечи. Кожа у нее все еще была немного влажной.

— Это Шул-ан-Дживан. Он заявил мне, что стал богом. Между прочим, благодаря ему ты получила ответ, когда произнесла то заклятие. А теперь он предлагает мне выполнить одно поручение, и тогда тебе будет позволено жить здесь в безопасности до моего возвращения. А потом мы вместе уедем отсюда.

— Но почему он?..

— Мне нужна вовсе не ты, госпожа, а твой любовник,— нетерпеливо вмешался Шул.— Из-за него я теперь нарушил обещание, данное твоему супругу, и утратил над ним власть. Мне это крайне неприятно!

— Ты? Утратил власть над моим мужем? Над старым маркграфом? — переспросила Ралина.

— Да-да-да! Теперь он СОВЕРШЕННО мертв, и потребовалось бы куда больше усилий, чтобы вновь оживить его.

— Благодарю тебя: ведь ты его наконец-то освободил! — воскликнула Ралина.

— Ну, то было вовсе не мое желание. Это господин Корум меня заставил,— колдун вздохнул.— Впрочем, в морской пучине более чем достаточно трупов; надеюсь, мне удастся подыскать другой корабль...

Тут силы покинули Ралину, и она лишилась чувств. Здоровой рукой Корум поддерживал ее.

— Вот видишь,— заметил Шул с легким оттенком превосходства,— эти мабдены боятся меня до обморока!

— Нам потребуется еда, чистая одежда, постели и тому подобное,— перебил его Корум.— И все это — прежде, чем я стану обсуждать с тобой дальнейшие планы, принц Шул.

Шул исчез.

Минутой позже огромный пустой зал превратился в уютно обставленную комнату. Здесь было все, чего требовал Корум.

Да, Шул, несомненно, кое-что мог. Но вот был ли он в здравом уме? В этом Корум все-таки сомневался.

Он раздел Ралину, вымыл ее теплой водой и уложил в постель. Она наконец очнулась. В глазах ее еще плескался прежний ужас. Но улыбнуться Коруму женщина все-таки сумела.

— Теперь ты в безопасности,— сказал он.— Спи.

Она покорно уснула.

Потом Корум вымылся сам и, закусив до боли губу, обследовал предложенную ему одежду. Все это — одежда, доспехи, оружие — некогда принадлежало вадхагам. Нашелся и алый плащ, скорее всего, его собственный.

Корум начинал понимать: необходимо со всей серьезностью отнестись к сговору со странным и совершенно безнравственным колдуном с острова Сви-ан-Фанла-Брул.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛАЗ РИННА И РУКА КВИЛЛА

Корум давно уже спал крепким сном, когда вдруг почувствовал, что вовсе не спит, а стоит на ногах. И открыл глаза.

— Добро пожаловать в мой магазинчик! — раздался у него за спиной голос Шула. Корум обернулся. Прямо перед ним была хорошенькая девушка лет пятнадцати. Старческое хихиканье в ее юных устах звучало просто омерзительно.

Он огляделся. Это была большая комната, довольно темная и битком набитая всякой всячиной. Там были живые растения на любой вкус и чучела всевозможных животных. Криво висевшие полки были завалены книгами и манускриптами. Имелись там и магические кристаллы всех цветов радуги и различной огранки, и боевые доспехи, и мечи в украшенных драгоценными каменьями ножнах, и полусгнившие мешки, из которых сыпались самоцветы, и какие-то загадочные порошки в склянках, и бог его знает, что еще — множество картин и статуэток, различные инструменты, включая самые примитивные весы и совершенно немыслимый предмет, в итоге оказавшийся часами с циферблатом из нескольких кругов и с метками на языках, о которых Корум даже не слышал. Какие-то зверьки шуршали среди вещей и по темным углам. В комнате пахло пылью, тленом и смертью.

— Похоже, товар покупателей не слишком-то привлекает,— заметил Корум.

Шул фыркнул.

— Да и я немногих согласился бы обслужить. Ну что ж...— по-прежнему в обличье юной девицы он подошел к сундуку, отчасти скрытому под блестящей шкурой неизвестной рептилии, при жизни, должно быть, огромной и свирепой. Шул отпихнул шкуру, пробормотал несколько слов, наклонившись над сундуком, и его крышка сама собой откинулась, а изнутри поднялось облачко черной пыли. Шул быстро отскочил назад, отмахиваясь рукой и пронзительно крича что-то на весьма странном наречии. Черное облачко исчезло. Шул снова осторожно подошел к сундуку и заглянул в него. Потом удовлетворенно причмокнул губами: — Именно то, что нам надо!

Он вытащил из сундука две сумки — одна была значительно меньше другой,— высоко поднял их и ухмыльнулся:

— Вот тебе мои подарки!

— По-моему, ты обещал восстановить мне руку и глаз.

— Ну, не совсем «восстановить»!.. Я собирался преподнести тебе куда более полезные дары. Слышал ли ты об Исчезнувших богах?

— Нет, никогда.

— Это были родные братья. Ринн и Квилл. Они существовали очень давно, задолго даже до моего появления в этом мире. А потом у них была загадочная ссора, характер которой остался мне не ясен, и после поединка друг с другом они исчезли. То ли сами, то ли по воле кого-то другого. Не знаю. Но кое-что они после себя оставили,— Шул снова приподнял сумки.— Например, это,— Корум нетерпеливо шагнул к Шулу. Тот кокетливо показал ему язык и, словно предвкушая удовольствие, облизал розовые девичьи губки. Старые глаза колдуна на юном лице сверкнули.— Эти вещи я дарю тебе. Некогда они принадлежали тем Исчезнувшим богам. Я слышал легенду, согласно которой бились они насмерть, стремясь уничтожить друг друга, так что сейчас перед тобой — единственное доказательство их существования,— Шул открыл маленькую сумочку, и в его ладонь выкатился довольно крупный, словно сделанный из драгоценных камешков шар. Колдун протянул его Коруму. Действительно, то были самоцветы весьма сложной огранки. Однако цвета камней были какими-то мрачными — густой красный, темно-синий, черный...

— Это очень красиво,— сказал Корум,— но я не...

— Подожди,— Шул поставил большую сумку на крышку сундука, который успел уже захлопнуться, открыл ее и вынул еще более странный предмет.

У Корума перехватило дыхание. Более всего предмет походил на тяжелую латную перчатку с шестью длинными тонкими пальцами, тоже покрытую темными самоцветами. Очень странная была перчатка...

— Перчатка мне совершенно ни к чему,— заявил Корум колдуну.— Во-первых, она для левой руки, которой у меня нет, а во-вторых, у нее шесть пальцев. У меня же их всего пять.

— Это не перчатка. Это рука бога Квилла. У него было четыре руки, но одну он потерял. Я так полагаю, ему братец ее отрубил...

— Что-то не нравятся мне твои шуточки, колдун. По-моему, они отвратительны. И потом мы зря теряем время.

— Постарайся привыкнуть к моим «шуточкам», господин вадхаг.

— Не вижу необходимости.

— А ты посмотри как следует: ведь это и есть мои дары. Те самые, о которых я говорил. Я предлагаю тебе глаз Ринна и руку Квилла!

Рот Корума непроизвольно искривился, к горлу подступила тошнота.

— Ни того ни другого мне не нужно! Мне не нужны конечности мертвецов! Я полагал, что ты сможешь вернуть мне мои собственные глаз и руку. Ты обманул меня, колдун!

— Чепуха. Ты просто не понимаешь, каким могуществом обладают и могут наделить тебя эти вещи. Его не сравнить с обычными способностями вадхагов. Глаз Ринна может заглянуть в такие дали времени и пространства, куда не удавалось заглянуть ни одному смертному. А что касается руки Квилла — она способна призвать на помощь существа, обитающие в неведомых глубинах Вселенной. Неужели ты мог подумать, что я хочу послать тебя в логово Рыцаря Мечей без должной защиты?

— Каковы же пределы сверхъестественного могущества этих предметов?

Шул пожал плечами — точнее, хрупким девичьим плечиком.

— У меня как-то не было возможности их испытать.

— Значит, испытывать их могущество к тому же и опасно?

— Ну почему же?..

Корум задумался. Стоит ли идти на риск, приняв отвратительные дары Шула, чтобы выжить самому, убить Гландита и спасти Ралину? Или, может, приготовиться к смерти прямо сейчас и разом со всем покончить?

И тут заговорил Шул.

— Подумай, какие знания ты сможешь получить, благодаря моим дарам. Подумай, ЧТО ты сможешь увидеть во время подобного путешествия. Ни один смертный никогда не бывал во владениях Рыцаря Мечей! Ты стал бы значительно мудрее, господин Корум. Но запомни самое главное: в постигшем тебя несчастье и гибели всего твоего народа виновен один лишь Рыцарь Мечей!

Корум глубоко вздохнул: он решился.

— Ладно. Я принимаю твои дары, колдун.

— Ах, для меня это такая честь, господин Корум! — язвительно заметил Шул и ткнул Корума пальцем. От этого Корум вдруг отлетел назад, рухнул на груду чьих-то костей, попытался было встать, но не смог: слишком сильно кружилась голова.— Можешь продолжать спать и видеть свой сон,— и Шул исчез.

Очнулся Корум в том же зале, где впервые встретился с Шулом. В правой глазнице огнем горела жуткая боль. Такая же чудовищная боль терзала левую руку. Ему казалось, что из него выпиты все жизненные соки; даже оглядеться он был не в силах. Вокруг плыл туман...

Вдруг он услышал чей-то возглас. То была Ралина.

— Ралина! Где ты?

— Я... я здесь, Корум. Что с тобой сделали? Твое лицо... И эта ужасная рука!..

Правой рукой он коснулся ранее пустой глазницы. Что-то теплое шевельнулось у него под пальцами. Живой глаз! Но какой-то странный, вроде бы искусственный... И такой огромный!.. И тут он понял: это глаз Ринна. Зрение его начинало проясняться. Перед ним было искаженное ужасом лицо Ралины. Она сидела рядом с ним на постели, застыв и неестественно выпрямившись.

Корум посмотрел на свою левую руку. Кисть была почти тех же пропорций, что и его собственная, только на руке Квилла было шесть пальцев и она была покрыта, точно чешуей змеи, мелкими драгоценными камешками.

Корум содрогнулся, но быстро взял себя в руки, пытаясь осознать и принять то, что с ним произошло.

— Это дары Шула,— тупо пояснил он Ралине.— Глаз Ринна и рука Квилла. Это были братья. Их называют Исчезнувшие Боги — так говорил Шул. Зато теперь я снова целый, Ралина.

— Целый? Я не знаю, какой ты теперь, Корум! Зачем ты принял столь ужасные дары? Они несут в себе зло! Они тебя погубят!

— Я принял их, чтобы выполнить поручение Шула и обрести свободу — для нас обоих. И для того, чтобы выследить Гландита и задушить его этой вот чужой рукой! Я принял их потому, что если б я их не принял, то просто погиб бы.

— Может быть, нам обоим лучше было бы погибнуть,— тихо проговорила Ралина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ПО ПЯТНАДЦАТИ ПЛОСКОСТЯМ МИРОЗДАНИЯ

— Ах, как я велик! Как всемогущ! Я сделал богом себя, но теперь и ты тоже полубог, господин Корум! Скоро о нас станут слагать легенды.

— О тебе уже сложены легенды — мабденами,— Корум обернулся к Шулу и оказался лицом к лицу с похожим на медведя существом, одетым в странные клетчатые штаны. На голове у «медведя» был изысканной формы шлем с плюмажем. Колдун опять сменил обличье.

— Да и вадхаги уже успели попасть в их предания,— продолжал Корум как ни в чем не бывало.

— Ну, о нас-то сложат целую эпопею! Как ты себя чувствуешь, господин Корум?

— Очень болит рука. И голова.

— Но никаких следов соединения, ни одного шрама! Не правда ли, я искусный хирург? Пересадка органов прошла поистине безупречно. И, между прочим, с помощью минимального количества заклинаний.

— Однако этим новым глазом я ничего не вижу,— сообщил колдуну Корум.— По-моему, он ни на что не годен.

Шул от удовольствия потер руки.

— Потребуется некоторое время, чтобы твой мозг приспособился к возможностям этого глаза. Вот, возьми. Это тебе тоже будет весьма кстати,— он протянул Коруму нечто, напоминавшее миниатюрный выпуклый щит, разукрашенный самоцветами и эмалью. К «щиту» была приделана широкая лента.— Прикроешь свой новый глаз повязкой.

— И снова стану одноглазым?

— Я думаю, ты не захочешь вечно видеть перед собой все те миры, что лежат за пределами наших пятнадцати плоскостей?

— Ты хочешь сказать, что этот глаз видит только те миры?

— Нет. Он и здесь все видит прекрасно. Только не всегда под тем же углом зрения.

Корум, подозрительно нахмурившись, уставился на колдуна. Случайно моргнув, он вдруг увидел множество непонятных ликов, в то время как его нормальный глаз видел перед собой только Шула. Темные лики из других плоскостей мелькали и

кружились перед Корумом, а потом их затмило одно-единственное ужасное лицо...

— Шул! Что это за мир?

— Я не вполне уверен... Некоторые считают, что есть и другие пятнадцать плоскостей мироздания, не похожие на наши и напоминающие их отражение в кривом зеркале... Что, не похоже?

Странные предметы вскипали и лопались, как пузыри, исчезая и появляясь вновь... Странные существа упрямо ползли к какой-то, видимой лишь им одним, цели и с тем же упорством возвращались назад... Языки странного пламени завивались, точно золотое руно; земная твердь вдруг становилась жидкой; странные твари вырастали до немыслимых размеров и снова съеживались; и плоть их, казалось, способна была течь и видоизменяться...

— Я рад, что не принадлежу к этому миру,— прошептал Корум.— А ну-ка, Шул, давай свою повязку.

И он накрыл новый глаз повязкой-щитком. Странные видения сразу исчезли. Теперь он видел перед собой только Шула и Ралину — но видел их обоими глазами!

— Ах, я и забыл сказать: повязка скрывает от тебя лишь иные миры; твой собственный остается видимым.

— Что же ты видел там, Корум? — тихо спросила Ралина.

Корум только головой покачал:

— Я не сумею это описать...

Ралина посмотрела на Шула.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты забрал свои дары обратно, принц Шул,— сказала она.— Они не предназначены для смертных.

Шул состроил гримасу.

— Теперь господин Корум — уже не простой смертный. Я ведь говорил: теперь он полубог!

— А что подумают об этом настоящие боги?

— Ну, естественно, кое-кто будет недоволен. Если они вообще когда-нибудь обнаружат, что господин Корум познал новую форму бытия. Впрочем, вряд ли..

— Ты говоришь об этом слишком легко, колдун,— мрачно заметила Ралина.— Если Корум еще не понимает последствий того, что сделал с ним ты, то я все понимаю отлично. Существуют законы, которым смертные обязаны подчиняться. Ты преступил эти законы и понесешь наказание; а все твои творения будут уничтожены!

Шул лишь небрежно отмахнулся от этих слов своей лапищей, похожей на медвежью.

— Ты забываешь, госпожа Ралина: я настолько могуществен, что мог бы вызвать любого бога на поединок. Во всяком случае, вскоре смогу.

— Ты утратил разум в своей гордыне,— сказала она.— Ведь и ты, колдун, тоже смертен!

— Помолчи-ка, госпожа Ралина. Помолчи, ибо я могу отправить тебя в куда менее приятное место, чем то, откуда ты только что вернулась! Ах, если б господин вадхаг не был мне так нужен! С каким огромным удовольствием я заставил бы вас страдать, немыслимо страдать! Так что думай, прежде чем говорить. Попридержи язычок, госпожа Ралина!

— Мы опять теряем время,— вмешался Корум.— Мне хотелось бы поскорее выполнить поручение и вместе с Ралиной покинуть твою обитель.

Шул, уже немного успокоившись, заявил ему:

— Ты ведешь себя глупо: эта женщина занимает в твоей жизни чересчур много места. А ведь она, мабденка, как и все ее племя, боится знаний, боится темных глубин той мудрости, что дает могущество...

— Давай лучше поговорим о Рыцаре Мечей,— прервал его Корум.— Как же мне все-таки украсть его сердце?

— Ну хорошо, пошли,— сказал Шул.

И вскоре они очутились в саду, полном цветов, издававших почти непереносимый, удушающий аромат.

Красное солнце плыло над ними. Листья растений, очень темные, почти черные, погромыхивали, как жесть.

Шул вернулся к своему исходному обличью — юноши в летящих голубых одеждах. Он неторопливо вел Корума по тропе.

— Этот сад я растил несколько тысячелетий. Здесь множество прелюбопытных экземпляров... Почти все пространство на острове, не занятое замком, отдано под сад. И у него свое, весьма важное предназначение. Здесь царят мир и покой, однако пройти по этому саду нежелательному гостю было бы непросто.

— А почему, кстати, этот остров называется Обитель богаобжоры?

— Я назвал его так в честь божества, от которого он мне достался в наследство. Некогда это было весьма опасное для многих божество... Этот остров я обнаружил, подыскивая

спокойное местечко для продолжения своих научных изысканий. Разумеется, я слышал, что здесь обитает некий злой бог, и был настороже. Тогда я был молод — всего несколько веков от роду — и далеко не так мудр, как теперь. Однако я прекрасно понимал, что победить бога сил у меня не хватит.

Огромная орхидея потянулась к Коруму и нежно погладила его по новой руке. Он оттолкнул ее с чувством омерзения.

— И как же тебе удалось завладеть этим островом? — спросил он Шула.

— По слухам, тот бог больше всего на свете любил лакомиться детьми. Между прочим, ему был даже посвящен один из праздников народа, который вы считаете предками нхадрагов. Денег у меня хватало, и я решил купить побольше детей и скормить их этому обжоре всех разом, а потом посмотреть, что из этого выйдет.

— Ну и как?

— Он, разумеется, всех их слопал и погрузился в сытую дремоту, а я...

— А ты подкрался и убил его!

— Ничего подобного! Я взял его в плен. Он по-прежнему здесь — в одном из донжонов. Однако давно лишился былой «изысканности» вкусов. Это не слишком могущественный божок, зато он приходится родственником Рыцарю Мечей. И, в частности, по этой причине ни Рыцарь, ни другие Повелители Мечей не могут досаждать мне: я ведь держу в своей темнице их драгоценного братца Плипрота.

— Понятно. Уничтожить твой остров для них все равно, что убить собственного брата.

— Именно так.

— И именно поэтому ты боишься покинуть остров и вынужден использовать для осуществления своих воровских планов меня. Вне острова боги легко могут тебя уничтожить.

— Вовсе я их не боюсь. Просто предпринимаю разумные меры предосторожности. Благодаря этому и процветаю.

— Ну хватит истории. Итак, где находится сердце этого Рыцаря Мечей?

— Далеко, за Беспредельным рифом, в стране Урд, которая являет собой то сушу, то гладь морскую. За ней простирается пустыня Друнхазат, за пустыней — Огненные земли, где правит слепая королева Ооризе. А за Огненными землями — Дикие льды, где бродит Бриклинг...

Корум остановился и отодрал от щеки клейкий листок. У этой твари были крохотные красные губки, которыми она страстно его целовала.

— А дальше? — раздраженно спросил он Шула.

— А дальше... дальше как раз царство самого Рыцаря Мечей.

— До чего же странные земли ты называешь! В каких плоскостях они расположены?

— Во всех пяти, где имеет власть Рыцарь Мечей. Твоя способность переходить из одной плоскости в другую в данном случае, к сожалению, мало тебе поможет.

— Я не уверен, что вообще сохранил эту способность. Если ты говорил правду, то этот Рыцарь Мечей отнял ее у вадхагов.

— Не беспокойся на этот счет. Теперь у тебя появилось куда более могущественное средство защиты! — и Шул погладил Корума по его новой чешуйчатой руке.

Рука отозвалась на его прикосновение — она вообще была теперь не менее живая, чем правая, собственная рука вадхага.

Из любопытства Корум осторожно приподнял своей новой рукой прикрывавшую глаз Ринна повязку и тут же, задыхаясь от ужаса, опустил ее на место.

— Что ты там увидел? — с жадным интересом спросил Шул.

— Иной мир...

— И все?

— Там в небесах было черное солнце. От земли, правда, поднимался слабый свет, но черные лучи почти гасили его. И там высились четыре странные фигуры... Я не успел как следует рассмотреть их лица, но...— Корум облизнул губы.— Да я и не в силах был больше смотреть!

— Мы соприкасаемся со столькими мирами,— задумчиво проговорил Шул,— с ужасными, реально существующими вещами, но лишь изредка — например, во сне — видим их... И все же тебе совершенно необходимо научиться смотреть на эти жуткие лики, не отводя глаз. Как и на многое другое, что тебе еще доведется увидеть, если хочешь до конца использовать данное тебе могущество.

— Но меня безумно тревожит существование совсем рядом с нами всех этих темных, полных зла миров, где кишат чудовищные твари. Ведь миры эти отделены от нашего лишь тонкой пленкой астрального вещества.

— Я же научился жить, не только зная об этом, но и используя свойства этих миров! И ты постепенно привыкнешь. Уже через несколько тысячелетий...

Корум с отвращением оттолкнул какое-то ползучее растение, явно намеревавшееся любовно обнять его за талию.

— Растения в твоем саду, по-моему, чересчур дружелюбны,— заметил он.

— Они просто легковерны и влюбчивы. Они мои единственные настоящие друзья. Но интересно, почему это ты так нравишься им? Обычно я оцениваю людей по тому, как относятся к ним мои растения. Правда, они вечно голодны, бедняжки... Придется, пожалуй, вскоре заманить на остров корабль или, может быть, два... Моим любимцам необходимо мясо. Совершенно необходимо. А я за всеми этими хлопотами совершенно позабыл о повседневных заботах...

— Ты так и не объяснил мне как следует, как найти самого Рыцаря Мечей.

— Ты прав. Значит, так: Рыцарь живет во дворце на вершине горы, что находится в самом центре пяти плоскостей. А в самой высокой башне этого дворца он хранит свое сердце. Полагаю, что охрана там неплохая.

— И это все, что ты знаешь? Ну и какова же эта охрана?

— Видишь ли, господин Корум, я ведь выбрал тебя только потому, что ты обладаешь чуть большим умом, чуть большим мужеством и чуть большим воображением, чем мабдены. Благодаря этим качествам ты и сможешь — и только ты сам! — определить, как охраняет Рыцарь Мечей свое сердце. И все же на некоторую подсказку с моей стороны ты можешь рассчитывать твердо...

— На какую же, господин Шул?

— ПРИНЦ Шул. Во-первых, Рыцарь не ожидает ни малейшей угрозы со стороны смертных. Подобно вадхагам, Повелители Мечей стали в последнее время чересчур благодушны, господин Корум. А мы-то все куда-то стремимся, карабкаемся, падаем, расшибаемся...— Шул захихикал.— И планета наша продолжает вертеться...

— Неужели, вскарабкавшись на ту высоту, к которой так стремишься, ты не боишься сорваться?

— Конечно, нет! Мне нечего будет опасаться... по крайней мере, несколько миллионов лет. Ведь я могу подняться так высоко, что стану управлять всем многообразием миров во Вселен-

ной! Стану первым действительно всемогущим и всеведущим богом! Ах, в какие игры смогу я тогда играть!

— Мы, вадхаги, никогда не увлекались мистикой,— перебил его Корум,— однако, насколько я понимаю, все боги считают себя всемогущими и всеведущими.

— Нет-нет, есть определенные пределы. Некоторые божества — из пантеона мабденов — почти всемогущи в том, что касается этого народа. Например, Пес или Рогатый Медведь. Они способны распоряжаться, если захотят, жизнью и смертью мабденов. Однако ни о моих делах, ни тем более о делах Рыцаря Мечей они и представления не имеют. Тогда как Рыцарю Мечей ведома большая часть событий, происходящих в наших пяти плоскостях, за исключением тех, что имеют место на моем замечательном, прекрасно защищенном острове. К сожалению, наступила Эра богов, господин Корум. Их очень много, больших и малых, они прямо-таки кишат во Вселенной. Когда-то было совсем иначе... Иногда мне кажется, Вселенная прекрасно обошлась бы вообще без богов!

— Я тоже так думал когда-то.

— Это еще вполне может осуществиться. На то нам и дан разум,— Шул погладил себя по голове.— С помощью мышления создаются божества, а божества помогают развитию мышления. Должны же существовать такие периоды,— я называю их мимолетными — когда мысль просто отсутствует? Развитие разума или его отсутствие, в конце концов, совершенно не отражается на Вселенной! — глаза Шула сверкали.— А я попробую противопоставить нечто самой природе Вселенной! Я изменю все условия ее существования! Ты мудро поступаешь, помогая мне, господин Корум.

Корум нервно дернул подбородком: гигантский кроваво-красный тюльпан, почему-то весьма зубастый, щелкнул челюстями прямо у него перед носом.

— Я сомневаюсь в возможности этого, Шул. Впрочем, у меня ведь нет выбора.

— Вот именно. Или, по крайней мере, выбор твой очень и очень ограничен. Я всегда предпочитал не делать выбора по принуждению, сколь бы широкую перспективу ни разворачивали передо мной, господин Корум.

— О да,— иронично заметил принц,— ведь все мы смертны.

— Говори за себя, вадхаг!

Часть третья,
В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ ДОБИВАЕТСЯ ТОГО, ЧТО ОДНОВРЕМЕННО И НЕВОЗМОЖНО, И НЕЖЕЛАТЕЛЬНО

ГЛАВА ПЕРВАЯ
СТРАНСТВУЮЩИЙ БОГ

Уйти от Ралины оказалось непросто. Когда он обнимал ее, она была холодна как лед и чрезвычайно напряжена. Глаза ее светились не любовью, а страхом и тревогой.

У Корума сжималось сердце, но выхода не было.

Получив от Шула весьма причудливой формы лодку, он вышел в море. Вскоре берег скрылся из виду. Никаких навигационных приборов у Корума не было, имелся лишь кусок природного магнита, по которому он и ориентировался, держа курс на Беспредельный риф.

Будучи вадхагом, он понимал, что ведет себя неразумно. Однако, встав на точку зрения мабденов, чувствовал, что поступает правильно. В конце концов, теперь он жил в мире мабденов и должен был научиться воспринимать его так же, как и они, если вообще хочет выжить. И кроме того — Ралина! Она была для него в жизни всем. Кроме того, Корум никак не мог поверить, что остался последним представителем своего народа. Раз колдуны, вроде Шула, обладают таким могуществом, значит, должны существовать и более могущественные силы. Природа порой преподносит невообразимые сюрпризы. Например, могут быть остановлены или запущены в обратном направлении планеты. А со-

бытия минувших лет могут не только дать неожиданные результаты, но и восприниматься с точностью до наоборот. Корум намерен был во что бы то ни стало выжить и, живя, учиться всему новому.

«Вполне возможно,— думал он,— я еще обрету достаточные знания и силы, чтобы осуществить свою заветную мечту,— сделать этот мир вновь приемлемым для вадхагов. Это было бы в высшей степени справедливо!»

Лодка была окована металлическими пластинами с асимметрично разбросанными, неизвестными Коруму изображениями. Металл этот слабо светился по ночам, испуская тепло, столь необходимое усталому путешественнику. Плавание явно затягивалось. Единственный квадратный парус суденышка был сделан из парчи, пропитанной неким загадочным, тоже светившимся во тьме веществом, которое, кроме того, заставляло парус самостоятельно менять галс. Коруму оставалось лишь сидеть, закутавшись в алый плащ, да время от времени сверяться со своим единственным «прибором» — куском магнитной руды, подвешенном на шнурке и имевшем форму стрелы, острие которой всегда смотрело на север.

Он много думал о Ралине, о своей любви к ней. Такой любви никогда прежде не бывало между вадхагами и мабденами, и соплеменники Корума, скорее всего, с презрением отнеслись бы к его духовному «падению». Ну а мабдены сочли бы это самым обычным делом — влечением самца и самки. Однако это была настоящая любовь: Ралина была ему ближе всех вадхагских женщин, каких он когда-либо знал. Он прекрасно понимал, что ее ум и утонченность чувств ничуть не уступают его собственным, а порой и превосходят их. Но порой даже догадаться был не в состоянии, что у нее на душе, не знал, как она воспринимает грядущую судьбу, как воздействуют на нее верования и суеверия, свойственные ее народу.

Ралина, безусловно, знала мир мабденов гораздо лучше, чем он. Возможно, ее сомнения, связанные с этим миром, были не напрасны... Ему же, Коруму, еще предстоит многое понять, многому научиться.

На третью ночь он все-таки уснул, держа свою новую руку на руле. А утром его разбудило яркое солнце, бившее прямо в глаза.

Впереди виднелся Беспредельный риф.

Он расстилался, казалось, от одного края неба до другого, полностью закрывая горизонт. Похоже, среди острых, как клыки,

скал, что вздымались из пенящихся морских волн, не было ни пролива, ни бухты.

Шул предупреждал, что найти проход на ту сторону этой гигантской гряды скал чрезвычайно трудно, и теперь Корум понял, почему. Это была не просто гряда скал. Риф представлял собой как бы единое целое, странный монолит, созданный не природой, а неким разумным существом в качестве препятствия, бастиона, способного защитить определенную часть моря от непрошеных гостей. Возможно, риф создал сам Рыцарь Мечей.

Корум решил плыть вдоль нагромождения скал на восток, надеясь обнаружить хотя бы крохотную бухточку, где можно было бы причалить, а потом, если удастся, волоком перетащить лодку через камни.

Он плыл четыре дня без сна и отдыха, однако так и не нашел ни бухты, ни пролива меж скал.

Легкий туман, чуть подсвеченный розовым, висел над водой, скрывая все вокруг. Корум старался держаться от Беспредельного рифа подальше, ориентируясь по своему магниту и звукам прибоя. Вытащив нарисованные на пергаменте старинные карты, он попытался оценить сложившуюся ситуацию. Карты были сделаны довольно грубо и весьма приблизительно, но это были лучшие карты, что нашлись у Шула. Сейчас Корум вроде бы приближался к проливу, отделявшему риф от страны, значившейся на карте под названием Кулокрах. Шул оказался не в состоянии хоть что-либо рассказать о ней достаточно внятно, лишь сообщил, что населяет ее народ рагха-да-кхета.

Корум внимательно изучал по карте береговую линию, надеясь обнаружить хоть маленький заливчик, но тщетно. Вдруг лодку начало сильно качать, и Корум стал в изумлении озираться, пытаясь определить источник столь сильного волнения. Где-то далеко гудел прибой, потом послышался совсем иной звук — с южной стороны. Корум во все глаза всматривался в туман.

Звук походил на равномерные шлепки или шаги по воде, словно кто-то переходил вброд довольно глубокий ручей. А что, если это плещется какое-нибудь морское чудовище? Кажется, мабдены знают о существовании подобных чудовищ и до смерти боятся их. Корум изо всех сил уперся в борта руками, пытаясь уменьшить болтанку, но лодку упорно сносило на скалы.

Звук теперь слышался совсем близко. Корум поднял свой длинный меч и приготовился к бою.

И тут он наконец разглядел в тумане очертания какой-то громоздкой фигуры, скорее, пожалуй, человеческой. И великан этот тащил не что-нибудь — рыбачью сеть! Так значит, здесь довольно мелко? Корум перевесился через борт и погрузил в воду меч, пытаясь достать до дна, но, разумеется, не достал. Вода была прозрачной, и дно было ясно видно, но глубина явно была большая. Корум снова посмотрел на человека с сетью и догадался, что в тумане глаза подвели его: великан был по-прежнему далеко от него, просто — теперь это стало ясно — он просто немыслимых размеров, гораздо больше, чем Великан из Лаара. Так вот чьи шаги подняли на море такое волнение!

Корум хотел было попросить великана обойти его стороной, чтобы волной не затопило лодку, но передумал. Насколько ему было известно, великаны редко бывают дружелюбны по отношению к простым смертным. Великан из Лаара был среди них исключением.

Огромный рыбак, немного сменив направление, продолжал тащить в тумане свою сеть. Теперь он оказался у Корума за спиной. Лодку уже довольно сильно отнесло в сторону от Беспредельного рифа и продолжало нести почти точно на восток. И Корум, как ни старался, не мог сменить направление. Он пытался менять галс, орудовал рулем — ничто не помогало. Он словно попал на стремнину бурной реки неподалеку от водопада. Бороться с водными вихрями, созданными великаном, Корему было не под силу.

Ему оставалось лишь отдаться на волю волн. Великан снова скрылся в тумане, направляясь куда-то в сторону Беспредельного рифа. Возможно, там он и обитал.

Как акула, идущая по следу, скользнула лодочка Корума по волнам и внезапно вырвалась из тумана на яркое солнце.

И тут Корум увидел берег. Острые утесы нависали прямо у него над головой.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ТЕМГОЛЬ-ЛЕП

Тщетно пытался Корум повернуть лодку, вцепившись шестипалой левой рукой в руль, а правой — в шкот. Раздался скрежет, лодка содрогнулась и начала заваливаться на борт. Корум едва успел схватить лук и меч, и лодка перевернулась.

Он оказался в воде и сперва чуть не захлебнулся, полным ртом глотнув воды. Потом Корум почувствовал, как его тело тащит по гальке, и попробовал встать и сопротивляться волне, упрямо увлекавшей его в море. Заметив подходящий выступ, он уцепился за него, выронив при этом лук и колчан со стрелами, которые тут же унесло волнами.

Начался отлив. Оглянувшись, Корум увидел вдали свою лодку. Он отпустил скалу и встал на дно. Здесь было уже совсем мелко. Корум поправил шлем и перевязь. Ощущение полнейшей и предначертанной судьбой неудачи начинало овладевать его душой.

Он прошел немного по берегу и уселся под высоким черным утесом. Итак, он выброшен на этот неведомый берег, его лодку унесло в море, и теперь добраться до цели, находящейся где-то в безбрежных просторах океана, совершенно невозможно.

Вспомнив о новом глазе и о том, что он видел, Корум вздрогнул и коснулся прикрывавшей глаз повязки.

Только сейчас он понял, что, приняв дары Шула, принял и логику его мира. И теперь ему от этого никуда не деться.

Вздохнув, Корум встал и внимательно осмотрел утес. Взобраться на него здесь было невозможно. Тогда он пошел вдоль берега по серой гальке, надеясь где-нибудь все-таки подняться наверх и оттуда посмотреть, где же он оказался.

На свою новую руку он на всякий случай надел одну из латных перчаток, вспомнив, что Шул говорил ему о необычайном могуществе руки Квилла. Корум по-прежнему лишь наполовину верил словам Шула, однако ему вовсе не хотелось в данный момент проверять их правдивость.

Больше часа брел он вдоль берега, пока, обогнув мыс, не вышел к заливу, где скалистый берег был довольно пологим. Начинался прилив, волны уже заливали полосу гальки. Корум бросился бежать.

Добравшись до пологого склона, он остановился, чтобы перевести дыхание. Вовремя же он успел! Волны кипели уже почти у самых скал. Корум легко взобрался наверх и увидел город.

Он весь, казалось, состоял из куполов и минаретов — белоснежных, сверкавших на солнце. Но приглядевшись, Корум понял, что они вовсе не белые, а покрыты разноцветной мозаикой. Никогда он не видел ничего подобного!

Некоторое время он колебался, не зная, то ли обойти город стороной, то ли войти в него. Если люди там достаточно друже-

любны, то, может быть, ему удастся достать там лодку? Впрочем, если это воинственные мабдены, то дружелюбия ждать не приходится...

А вдруг это тот самый народ рагха-да-кхета, государство которых помечено на карте Шула? Но ведь и карты тоже унесло вместе с перевернувшейся лодкой!.. Отчаяние вновь охватило Корума.

Он все-таки решил пойти в город.

Не прошло и десяти минут, как его окружил отряд вооруженных всадников. Воины сидели верхом на длинношеих пятнистых животных с закрученными рогами и кожистыми сережками, как у птиц. Долговязые ноги их, впрочем, двигались весьма проворно. Сами воины тоже были долговязые, ужасно худые, с маленькими круглыми головами и круглыми глазами. Это явно были не мабдены, не были они похожи и ни на один другой из известных Коруму народов.

Он остановился и стал ждать. Собственно, ему ничего другого и не оставалось. Интересно, враги это или нет?

Воины молча глядели на него своими огромными круглыми глазами. Носы и рты у них тоже были округлые, а на лицах застыло выражение постоянного изумления.

— Оланжа ко? — сказал один из них в изысканно вышитом плаще с капюшоном, отделанном яркими перьями; в руках он держал странную дубинку, похожую на коготь огромной птицы.— Оланжа ко, драджер?

Корум ответил на том упрощенном языке вадхагов и нхадрагов, которым чаще всего пользовались мабдены:

— Я не понимаю.

Существо в украшенном перьями плаще по-птичьи склонило голову набок и смолкло. Остальные воины, одетые похоже, хотя и не столь изысканно, тихонько переговаривались.

Корум указал на юг.

— Я приплыл оттуда, из-за моря,— теперь он говорил на обычном вадхагском.

Всадник в плаще с перьями внимательно склонился к нему, словно эти звуки показались ему более знакомыми, но потом отрицательно покачал головой: он явно не понимал ни слова.

— Оланжа ко?

Корум тоже отрицательно покачал головой. Всадник озадаченно посмотрел на него, потом велел одному из своей свиты спешиться:

— Мор наффа!

Тот послушно спрыгнул на землю и длиннющей своей рукой пригласил Корума взобраться в седло.

Корум неуклюже взобрался на спину длинношеего животного, пытаясь устроиться поудобнее на шатком и слишком узком седле.

— Ходж! — вождь повелительно взмахнул рукой и повернул своего «коня» к городу.— Ходж... ала!

Животные побежали трусцой; за ними пешком поплелся и тот, кого только что ссадили на землю.

Город окружала высокая стена, украшенная геометрическими рисунками, поражавшими многоцветьем красок. Всадники въехали в высокие и узкие ворота, миновали настоящий лабиринт из глухих стен и двинулись по широкой улице, обсаженной цветущими деревьями, ко дворцу в центре города.

У входа во дворец все спешились, и слуги, такие же высокие и тощие, как воины, и тоже с навек изумленными лицами, увели седловых животных. Корум в сопровождении воинов стал подниматься по высокой — более сотни ступеней — лестнице, ведущей в огромный зал. Рисунки на стенах зала были не столь пестрыми и куда более изысканными, чем на городской стене. Они были выполнены в основном золотой, белой и светло-голубой красками. Искусство это, хотя и несколько варварское, с точки зрения вадхага, было все же поистине прекрасно, и Корум любовался рисунками от всей души.

Они пересекли зал и оказались во внутреннем дворике, окруженном крытой галереей с колоннами. В центре дворика бил фонтан.

Под балдахином высился величественный трон с высокой, суживавшейся кверху спинкой. Трон был золотой, с орнаментом из рубинов. Воины, сопровождавшие Корума, вдруг резко остановились, и почти сразу же между колоннами возникла высокая фигура, казавшаяся еще выше из-за немыслимого головного убора из павлиньих перьев. Человек этот к тому же был в пышном плаще, тоже украшенном великолепными перьями; из-под плаща виднелась длинная рубаха из тонкой золотистой материи. Человек занял место на троне: видимо, это и был правитель неизвестного города.

Он о чем-то быстро спросил командира отряда, а принц вежливо ждал, стараясь ни в коем случае не выказать ни малейшего намека на враждебность или хотя бы нетерпения.

Наконец король обратился к Коруму. Он, похоже, знал довольно много языков, и через некоторое время принц услышал знакомые слова, произнесенные, однако, со странным акцентом:

— Ты из племени мабденов?

То был старинный язык нхадрагов, которому Корума учили еще в детстве.

— Нет,— коротко ответил он.

— Но ты и не НХЕДРЕГ.

— Да... я не... «нхедрег». А тебе известно это племя?

— Два человека из этого племени жили среди нас несколько столетий тому назад. Из какого же ты народа?

— Я вадхаг.

Король задумчиво пососал губу, потом прищелкнул языком.

— Это враги, да? Враги нхедрегов?

— Теперь уже нет.

— Теперь нет? — король насторожился.

— Все вадхаги, кроме меня, погибли,— пояснил Корум.— А те, кого ты называешь «нхедрегами», если не погибли, то превратились в жалких рабов мабденов.

— Но ведь мабдены — просто варвары!

— Надо сказать, теперь они варвары весьма могущественные!

Король кивнул:

— Так и было предсказано,— он внимательно рассматривал Корума.— А почему не умер ты?

— Я решил пока не умирать.

— С твоим решением никто бы не посчитался, если б того захотел Ариох.

— Кто такой Ариох?

— Это бог.

— Какой бог?

— Бог, который правит нашими судьбами! Ариох, Повелитель Мечей.

— Рыцарь Мечей?

— Да, кажется, так его именуют на юге...— король отчего-то вдруг заволновался и нервно облизал губы.— Я король Темголь-Леп. Это мой город, Арк,— он повел своей тонкой и длинной рукой.— Это мои подданные — народ рагха-да-кхета. А сама моя страна называется Кулокрах. И мы все тоже скоро умрем.

— Отчего же?

— Теперь настало время мабденов. Таково решение Ариоха,— король пожал узкими плечами.— Да, таково его решение. Скоро сюда явятся мабдены и всех нас уничтожат.

— Но ведь вы, разумеется, будете с ними сражаться, не правда ли?

— Нет. Теперь их время. Так велит Ариох. Он позволил рагха-да-кхета прожить чуть дольше остальных, потому что мы подчинились ему и не оказывали ни малейшего сопротивления. Но все равно и мы скоро умрем.

Корум покачал головой.

— Неужели вам не кажется, что Ариох поступает несправедливо, уничтожая вас?

— Ариох решает все.

Корум подумал, что, наверное, эти люди не всегда были столь покорны судьбе. Возможно, и они тоже пережили процесс упадка, спровоцированного Рыцарем Мечей.

— Но зачем Ариоху уничтожать вашу прекрасную культуру и знания?

— Ариох решает все.

Король Темголь-Леп, видимо, был куда лучше знаком с Рыцарем Мечей и его планами, чем кто-либо из ранее встреченных Корумом людей. Соседствуя с ним так близко, он, возможно, даже видел его.

— Ариох сам сказал вам об этом?

— Да. Он говорил с нами устами наших мудрецов.

— А ваши мудрецы... уверены ли они, что воля Ариоха именно такова?

— Да, они в этом уверены.

Корум вздохнул.

— Ну что ж. Я, во всяком случае, намерен несколько помешать осуществлению дальнейших планов Ариоха. Лично меня они совсем не устраивают.

Король Темголь-Леп чуть вздрогнул и плотно прикрыл веками глаза. Воины смущенно поглядывали на него. По всей видимости, они понимали, что король гневается.

— Я больше не желаю говорить об Ариохе,— заявил наконец Темголь-Леп.— Но поскольку ты наш гость, мы должны развлекать тебя. Сейчас мы вместе выпьем вина.

— С удовольствием и благодарностью сделаю это,— Корум, правда, для начала предпочел бы поесть, но боялся хоть чем-ни-

будь обидеть своих хозяев. Может быть, король не откажет в его просьбе и даст ему лодку, которая ему просто необходима?

Король что-то сказал слуге, почтительно ожидавшему у большой двери, ведущей в глубину дворца. Тот быстро удалился, но тут же вернулся с подносом, на котором стояли высокие тонкие бокалы и позолоченный кувшин. Король с мрачным видом налил вино в один из бокалов и протянул его Коруму.

Корум хотел было взять бокал левой рукой, но тут рука резко вздрогнула.

Он попытался перехватить руку Квилла правой рукой, но рука решительно отшвырнула бокал с вином. Король в глубочайшем изумлении что-то пролепетал, а рука Квилла потянулась к нему и всеми шестью пальцами сжала его горло.

Темголь-Леп булькал и сучил ногами, а Корум тщетно пытался оторвать от него руку Квилла, но разжать пальцы, намертво сцепившиеся на горле, так и не смог, хотя чувствовал, что жизнь уже покидает тело короля рагха-да-кхета.

Принц позвал было на помощь воинов, но тут до него дошло, что они-то уверены в его, Корума, стремлении убить их короля, и вытащил меч. Воины набросились на него, размахивая своими причудливой формы дубинками. Сражались они чрезвычайно неумело, двигались неуклюже, часто промахивались.

Внезапно рука Квилла отпустила короля Темголь-Лепа, и Корум понял, что тот мертв.

Итак, его новая рука безжалостно убила это добродушное и слабое создание! И тем самым уничтожила даже малейшую надежду на помощь от рагха-да-кхета. Корум чувствовал, что рука могла бы убить в случае неповиновения и его самого...

Стоя над трупом короля, он продолжал отбиваться мечом от наседающих долговязых воинов, нанося им страшные раны. Кровь лилась рекой. Корум был весь забрызган ею, но продолжал битву, пока не увидел, что в живых не осталось ни одного воина. Он так и застыл в ужасе, а солнце продолжало нежно ласкать его своими лучами; рядом весело журчали, резвясь в вышине, струи фонтана. Корум долго стоял, глядя на разбросанные вокруг трупы, потом поднял чуждую ему руку в латной перчатке и плюнул на нее.

— О, порождение зла! Права была Ралина! По твоей милости я стал теперь убийцей!

Однако рука Квилла снова стала как бы его собственной; никакой самостоятельной жизни в ней больше не ощущалось. Корум пошевелил шестью пальцами: да, самая обыкновенная рука...

Во внутреннем дворике было тихо, лишь журчала вода в фонтане.

Корум оглянулся, посмотрел на мертвого короля и снова содрогнулся от пережитого ужаса. Потом поднял меч, желая лучше отсечь ненавистную руку и стать уродом, чем оставаться рабом неведомых злых сил!

Но тут земля вдруг поплыла у него под ногами, и он грохнулся куда-то вниз, спиной прямо в разверстый люк, и упал на спину огромного мохнатого зверя, который плевался, рычал и размахивал когтистыми лапами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ПОРОЖДЕНИЯ ТЬМЫ

Какое-то мгновение Корум еще видел наверху дневной свет, потом крышку люка захлопнули, и он оказался в полной темноте, наедине с тем чудовищем, что обитало в колодце под полом внутреннего дворика. Зверь тихо урчал где-то в углу. Корум приготовился к защите.

Потом урчание прекратилось; некоторое время стояла тишина.

Корум ждал.

Потом услышал шуршание, мелькнула искра света, и из нее возникло крошечное пламя. То горел кусок фитиля, опущенный в глиняную плошку с маслом.

Плошку держала чья-то отвратительного вида грязная рука. Похоже, рука принадлежала мохнатому зверю, человечьи глаза которого были исполнены гнева.

— Ты кто? — спросил Корум.

Существо, шаркая ногами, сделало несколько шагов и поставило светильник в нишу в стене. Корум увидел, что пол в колодце застлан грязной соломой. В дальнем углу была тяжелая железная дверь. Жутко воняло человеческими испражнениями.

— Ты меня понимать можешь? — Корум все еще говорил на древнем языке нхадрагов.

— Да хватит тебе нос задирать, не один ты такой ученый! — существо говорило сердито, но очень внятно, словно опасалось, что Корум сразу его не поймет. Это был язык древних вадхагов! — Ничего, скоро и ты таким же будешь, как я.

Корум не ответил. Сунув меч в ножны, он прошелся по темнице, приходя в себя и осматриваясь. Похоже, вырваться

отсюда невозможно... Над собой он слышал шаги по плитам внутреннего дворика и голоса рагха-да-кхета. Голоса звучали очень возбужденно, почти истерически.

Волосатый человек поднял голову и тоже прислушался.

— Ага, вот, значит, что произошло! — пробормотал он задумчиво, глядя на Корума и довольно ухмыляясь.— Ты убил этого лживого маленького труса! Хм... Похоже, твоя компания будет мне не так уж неприятна. Хотя, боюсь, твое пребывание здесь будет недолгим. Интересно, каким способом они умертвят тебя?..

Корум молча слушал, по-прежнему не выдавая того, что понимает его речь. Он слышал, как уволакивают трупы убитых воинов. Голоса наверху опять зазвучали очень возбужденно, потом стихли.

— Теперь они в затруднительном положении,— захихикал его сосед по камере.— Сами-то лишь исподтишка убивать способны! И все-таки, что они с тобой сделают? А, друг мой? Отравят, что ли? Обычно они именно так избавляются от тех, кого боятся.

Отрава! Корум насторожился. А не было ли отравленным то вино? Он посмотрел на руку Квилла. Неужели она — знала? Может, она способна предчувствовать?

Он решил все же нарушить свое молчание.

— Ты кто? — снова спросил он по-вадхагски.

Человек разразился смехом.

— Значит, ты все-таки меня понимаешь? Ну что ж, раз ты сам ко мне в гости явился, тебе сперва следовало бы представиться и ответить на мои вопросы. По-моему, ты похож на вадхага, хотя мне казалось, что все вадхаги давно истреблены... Назови свое имя и свой народ, друг мой.

— Я Корум Джайлин Ирси, Принц в Алом Плаще. И я — последний из племени вадхагов,— сказал Корум.

— А я Ганафакс из Пенгарда, бывший воин, жрец и ученый, а теперь — просто развалина, как ты и сам видишь. Я из страны, которая называется Ливм-ан-Эш. Она расположена далеко на западе и...

— Про Ливм-ан-Эш мне все известно. Я в течение долгого времени был гостем ее восточного маркграфства.

— Как? Неужели оно до сих пор существует? А я считал, что замок на острове Мойдель смыли волны наступающего океана!

— Ну теперь, возможно, он действительно уже уничтожен. Лесные варвары на мохнатых...

— Клянусь Урлехом! На мохнатых пони! Именно так говорится в разных историях об Алломглиле.

— Как случилось, что ты оказался столь далеко от родной земли, сэр Ганафакс?

— Это долгая история, принц Корум. Ариох, как они его здесь называют, не очень-то благоволил народу Ливм-ан-Эш. Он-то рассчитывал, что все мабдены будут послушно его воле уничтожать древние народы, например твой. Ну ты и сам, должно быть, знаешь, что наш народ не был заинтересован в уничтожении древних рас, которые никогда не причиняли нам вреда. Но, похоже, Ариох стал терять терпение и теперь заставляет Урлеха — это божок, подчиненный Рыцарю Мечей, которому я некоторое время служил в качестве жреца,— посылать жителей Ливм-ан-Эш в походы на далекий запад, где живут морские племена под названием шалафен. Они обитают в замках, окруженных военными поселениями. В общем, Урлех передал мне приказ Ариоха, который я счел лживым, и тут моя судьба, которая никогда не отличалась удачливостью, круто переменилась. Было совершено убийство. Меня обвинили. Я бежал, украв судно, и после некоторых малоинтересных приключений оказался среди этих людей, говорящих на птичьем языке и терпеливо ожидающих, когда Ариох их уничтожит. Я предпринял попытку собрать армию и восстать против Ариоха. Они, естественно, предложили мне вина, которое я пить отказался... А потом меня, связанным, бросили сюда; здесь я нахожусь уже долгие месяцы.

— Что же они намерены с тобой сделать?

— Понятия не имею. Надеюсь, что умру я довольно быстро. Это народ заблудший и глуповатый, но не слишком жестокий. А их страх перед Ариохом столь велик, что они никогда не осмелятся сделать хоть что-то вопреки его воле. И поэтому надеются прожить еще год или два. Все-таки дольше, чем остальные...

— А со мной что они сделают, как ты думаешь? Я ведь все-таки убил их короля.

— В том-то и дело! Трюк с ядом у них не прошел, а применять к тебе насилие они вряд ли решатся... Ладно, пока что подождем, а там посмотрим.

— У меня есть поручение, которое я непременно должен выполнить,— сказал Корум.— Я не могу позволить себе ждать.

Ганафакс усмехнулся.

— По-моему, подождать тебе все-таки придется, принц Корум! Я немножко умею колдовать, и у меня в запасе есть не-

сколько трюков, но ни один из них здесь не срабатывает — понятия не имею, почему. Так что если уж колдовство нам помочь не может...

Корум поднял руку Квилла и задумчиво на нее посмотрел.

Потом глянул в заросшее бородой лицо своего товарища по несчастью.

— Ты когда-нибудь слышал о руке Квилла?

Ганафакс нахмурился.

— О да... По-моему, это единственное, что осталось от Исчезнувшего бога, одного из двух братьев, которые вели какую-то междоусобную войну... Легенда, разумеется. Таких очень много...

Корум показал ему свою левую руку.

— Вот. Это рука Квилла. Ее дал мне один колдун. Вместе с глазом Ринна. Он говорил, что эти рука и глаз обладают невероятным могуществом...

— А сам ты этого не знаешь?

— У меня пока не было возможности проверить их в деле.

Ганафакс, казалось, был чем-то встревожен.

— Мне кажется, подобное могущество слишком велико для смертного... Последствия могу оказаться поистине чудовищными.

— Не думаю, что у меня есть какой-то выбор. Я принял решение: я призову на помощь те силы, что заключены в руке Квилла и глазу Ринна!

— Надеюсь, ты напомнишь им, что я на твоей стороне, принц Корум?

Корум расстегнул латную перчатку. От напряжения его била дрожь. Потом он резким движением сдвинул на лоб скрывавшую глаз повязку.

И снова перед ним возникли мрачные миры, иные плоскости. Снова увидел он страну, где светило черное солнце, и те четыре фигуры в плащах с надвинутыми капюшонами...

Но на этот раз он посмотрел им прямо в глаза.

И вскрикнул.

Но он не смог бы назвать причину охватившего его ужаса.

И снова посмотрел им в глаза.

Рука Квилла потянулась к черным фигурам, и те обернулись к ней: они ее увидели. Ужасные глаза их, казалось, высасывали из Корума живое тепло, но он продолжал смотреть прямо на них.

Рука Квилла сама подала им повелевающий знак.

Темные фигуры двинулись по направлению к Коруму.

Он услышал голос Ганафакса:

— Я ничего не вижу! Кого ты заклинаешь? Что там?

Корум не отвечал. Пот лил с него ручьем, он весь дрожал, но рука Квилла по-прежнему звала к себе порождения тьмы.

Откуда-то из-под плащей четыре призрака извлекли огромные стальные косы.

Корум с трудом шевельнул онемевшими губами:

— Сюда. Ко мне, в эту плоскость. Подчиняйтесь!

Они приближались; казалось, они проходят сквозь кипящий туман.

Вдруг Ганафакс вскричал дрожащим от ужаса голосом:

— Боги! Это же Тени из Колодцев Великого Пса! Шефанхау! — прыгнув, как кошка, он спрятался за спиной у Корума. — Вот страх-то! Держи их от меня подальше, вадхаг!

Раскрылись странной формы уродливые рты; послышались низкие гудящие голоса:

— Повелитель. Мы выполним твою волю. Мы выполним волю Квилла.

— Сломайте эту дверь! — приказал им Корум.

— А мы получим настоящую цену, повелитель?

— Какова же ваша цена?

— Человеческая жизнь для каждого из нас, повелитель.

Корума передернуло.

— Ладно. Вы получите свою цену.

Огромные стальные косы взметнулись лишь раз, и массивная железная дверь рухнула на землю, а четыре черных существа, истинные шефанхау, порождения Тьмы, первыми стали подниматься по узкой лестнице.

— Мой воздушный змей! — прошептал вдруг Ганафакс. — Мы можем еще спастись!

— Воздушный змей?

— Да! Он вполне способен поднять нас обоих.

От шефанхау, идущих впереди, исходила какая-то чудовищная сила. У Корума и Ганафакса мороз шел по коже.

Еще одна дверь пала под ударами страшных кос, и в лицо узникам ударил солнечный свет.

Они оказались в том самом внутреннем дворике.

Со всех сторон к ним подступали воины рагха-да-кхета. На этот раз они, похоже, не раздумывали, убивать ли им своих пленников. Однако, завидев четверых в черных плащах, они остановились.

— Вот вам плата за труд,— сказал Корум.— Берите сколько хотите. А потом возвращайтесь в свой мир.

Гигантские косы сверкнули на солнце. Рагха-да-кхета с воплями отступили.

Вопли переросли в визг и вой.

А четверо в черных плащах вдруг начали негромко смеяться. Потом взревели от смеха. Потом стали передразнивать вопли и стоны своих жертв, методично нанося удары стальными лезвиями.

У Корума и Ганафакса подкашивались ноги, однако они превозмогли себя и бросились бежать по коридорам дворца, пока Ганафакс, бежавший впереди, не остановился у одной из запертых дверей.

Ужасные крики разносились уже по всему дворцу, но громче всех кричали те четверо в черных плащах.

Ганафакс с разбегу вышиб дверь ногой. Внутри было совершенно темно. Он принялся рыться по углам, приговаривая:

— Понимаешь, я жил здесь, пока считался их гостем... Пока им не пришло в голову, что я оскорбил их драгоценного Ариоха. Я прилетел сюда на огромном воздушном змее. Вот только где он теперь...

Корум заметил, что по коридору к ним устремилась группа воинов.

— Ищи быстрее, Ганафакс,— сказал он и с мечом в руке приготовился блокировать дверь.

Тонкие, хлипкие рагха-да-кхета опасливо попятились, увидев в руках Корума меч. Потом подняли свои когтеобразные дубинки и начали потихоньку приближаться.

Корум сделал выпад и перерезал одному из атакующих горло. Тот беззвучно рухнул на пол и скрючился, точно длинноногий паук. А Корум уже успел нанести удар следующему — прямо в круглый глаз.

Крики постепенно стихали. Чудовищные союзники Корума возвращались в свой мир с богатой добычей.

Ганафакс вытащил наконец из кучи предметов некое сооружение из деревянных планок и шелка.

— Я нашел его, принц Корум! Дай мне еще немного времени, чтобы произнести нужное заклинание.

Гибель соплеменников, похоже, не только не напугала рагха-да-кхета, но, напротив, они решили как бы в отместку биться

решительнее и яростнее. Прикрываясь грудой тел поверженных врагов, Корум продолжал бой в одиночку.

Ганафакс начал громко произносить какие-то слова неведомого Коруму языка. Поднявшийся вдруг ветер раздул алый плащ принца. Ганафакс обхватил его сзади руками, и он почувствовал, что они поднимаются в воздух над головами оторопевших рагха-да-кхета, летят по коридору и наконец вырываются на простор.

С некоторой опаской посмотрев вниз, Корум увидел, что город быстро исчезает из виду, остается далеко позади.

Ганафакс втащил изумленного принца в корзину из желто-зеленого шелка. Корум был абсолютно уверен, что они упадут, однако воздушный змей и не думал падать.

Оборванный, грязный, обросший волосами Ганафакс так и сиял.

— Стало быть, воле Ариоха можно и не подчиниться,— заметил Корум, глядя на него.

Улыбка исчезла с лица Ганафакса.

— Если только во всем случившемся мы невольно не выполнили роль его послушных инструментов,— посерьезнев, откликнулся он.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ОГНЕННЫЕ ЗЕМЛИ

Понемногу Корум привык к состоянию полета, хотя порой все же чувствовал себя несколько неуютно. Ганафакс что-то бормотал и напевал, подрезая волосы, бороду и усы, пока из этих зарослей не выглянуло весьма привлекательное и совсем молодое лицо. Без малейших сожалений он швырнул вниз свои жалкие лохмотья и надел чистую рубаху, дублет и штаны, лежавшие в корзине змея.

— Вот теперь я чувствую себя в тысячу раз лучше. Спасибо тебе, принц Корум, что ты явился в город Арк до того, как я успел окончательно сгнить в проклятом подземелье! — Было ясно что Ганафакс не способен долго предаваться печальным раздумьям и по характеру — человек веселый и легкий.

— Куда эта летающая штуковина влечет нас, сэр Ганафакс?

— Ах, принц! В том-то и дело, что управлять воздушными змеями я не умею, да это и невозможно. Змей летит, куда хо-

чет. Поэтому я тогда и оказался в столь затруднительном положении...

Летели они над морем.

Держась за крепежные веревки, Корум сосредоточенно вглядывался вдаль, а Ганафакс тем временем затянул песню, не слишком, надо сказать, почтительную как по отношению к Ариоху, так и к Великому Псу, которому поклоняются восточные мабдены.

И тут, заметив что-то внизу, Корум сухо сказал:

— Лучше бы ты пока что попридержал язык. Особенно насчет Ариоха. Мы, похоже, летим как раз над Беспредельным рифом, а сразу за ним, насколько я понимаю, начинается царство Рыцаря Мечей.

— Ну до него еще довольно далеко. Надеюсь, наш змей так или иначе вскоре опустится на землю.

Пока они добрались до побережья, Корум без конца тер глаза не в силах понять, в чем дело: Беспредельный риф то представлялся чем-то вроде внутреннего моря, лишь по краям окруженного скалами, то превращался в монолит, начисто лишенный каких-либо признаков воды.

— Может быть, это и есть страна Урд, сэр Ганафакс? — спросил он.

— Думаю, это вполне возможно, принц. Во всяком случае, очень похоже. Подобные смены пейзажа свойственны царству повелителей Хаоса и лишь им подвластны...

— Я никогда прежде не слышал о повелителях Хаоса.

— Неужели? Но ведь это их воля правит сейчас твоей судьбой. Ариох тоже один из них. Давным-давно между силами Порядка и силами Хаоса шла длительная война. В тот раз победили силы Хаоса и стали править во многих мирах Вселенной. Считалось даже, что Порядок повержен навсегда и все его боги исчезли. Мировое Равновесие тогда было настолько нарушено, что все теперешние неурядицы и капризы природы связывают с той давнишней войной. А еще говорят, что некогда наш мир был круглым, а не плоским, как тарелка. В это трудно поверить, тут я согласен...

— В некоторых вадхагских преданиях тоже говорится, что мир наш некогда был круглым.

— О да! Племя вадхагов как раз переживало период расцвета, когда Миропорядок был нарушен. Именно поэтому Повелители Мечей так ненавидят древние расы — ведь эти народы созданы вовсе не ими. Однако даже великим богам, в том числе

и Повелителям Мечей, не дозволено прямо вмешиваться в жизнь смертных, вот они и действуют чужими руками. В данном случае через мабденов.

— Так вот какова истина!..

— Одна из истин,— пожал плечами Ганафакс.— Я знаю и другие варианты этой истории. Но мне лично больше нравится этот.

— А что о великих богах? Ты ведь сказал, что Повелители Мечей...

— Ну да, и Повелители Мечей, и другие тоже... Существуют еще и Великие Боги Древности, для которых миллионы различных плоскостей — всего лишь кусочки гигантской мозаики...— Ганафакс снова пожал плечами.— Такой космологии меня учили, когда я был жрецом. Не могу поручиться, что все это правда.

Корум нахмурился и посмотрел вниз: теперь они летели над монотонной желто-коричневой пустыней. То была пустыня Друнхазат, казавшаяся с высоты совершенно безводной. Так случайность помогла Коруму оказаться вблизи царства Рыцаря Мечей куда быстрее, чем он ожидал.

Впрочем, было ли то случайностью?

Жара все усиливалась; пески внизу струились и плыли, извиваясь, словно в танце. Ганафакс облизал пересохшие, потрескавшиеся губы.

— Мы приближаемся к Огненным землям, принц Корум. Это очень опасно. Посмотри.

На горизонте Корум увидел тонкую пляшущую линию огня. Небо над ней было окрашено пурпуром.

Водушный змей летел прямо на огонь; от жара уже потрескивал воздух. Гигантская огненная стена вставала перед ними, закрывая небо от края до края.

— Ганафакс, мы сгорим заживо,— тихо сказал Корум.

— Да, похоже.

— Неужели никак невозможно повернуть этот змей?

— Раньше я пробовал. Но тогда он, спасая меня от одной беды, приносит куда большую...

Стена огня была совсем близко; лицо Корума обжигал исходящий от нее жар. Он слышал сильное потрескивание, характерное для пожара, хотя огонь здесь, казалось, мог пожирать только воздух.

— Но это же совершенно противоестественно! — пробормотал Корум.

— Противоестественное — основа любого колдовства! — заметил Ганафакс.— Таково действие сил Хаоса. В конце концов, для них нет ничего лучше разрушения всякой естественной гармонии.

— Ох уж это колдовство! Как я от него устал! Оно мне всю душу вымотало, а логики его я постигнуть все равно не могу.

— Это потому, что логики в нем нет. Повелители Хаоса — враги всякой логики; они жонглируют истиной, порочат красоту, и я бы очень удивился, если бы они создали эти Огненные земли, повинуясь некоему эстетическому порыву. Красота алогичности — эта вечно переменчивая красота — вот их идеал.

— Красота зла!

— Я полагаю, понятия «добро» и «зло» не имеют значения для повелителей Хаоса.

— Хотелось бы мне, чтобы это было иначе! — Корум рукавом отер пот с разгоряченного лица.

— Но тогда ведь нарушится вся эта, пусть порочная, но красота!

Корум исподтишка бросил на Ганафакса странный взгляд. Неужели этот мабден на стороне Рыцаря Мечей? А вдруг он всего лишь заманивает его в ловушку?

— Существуют иные, более спокойные виды красоты, сэр Ганафакс.

— Это верно.

Под ними с воем взметались ввысь волны бушующего пламени. В потоках раскаленного воздуха их змей стал набирать высоту, однако его шелковая оболочка уже начинала тлеть. Корум был уверен: скоро змей вспыхнет, и они рухнут в огненную пучину.

Однако они успели подняться выше огненной стены и увидеть то, что было по другую ее сторону. Искры то и дело прожигали в туго натянутом шелке маленькие дырочки, а Коруму казалось, что его поджаривают прямо в доспехах, точно черепаху в собственном панцире.

Вдруг от змея отвалился целый кусок и, горя на лету, упал вниз.

Ганафакс с багрово-красным, лоснящимся от пота лицом прильнул к стропам.

— Цепляйся за перекладину, принц Корум! Быстрее цепляйся! — выдохнул он.

Корум уцепился за одну из перекладин, и горящий шелк корзины как-то разом вдруг обвалился и, извиваясь, полетел в огонь. Змей клюнул носом, нырнул, словно собираясь последовать за этим куском шелка, и быстро стал терять высоту. Корум закашлялся — обжигающий воздух ворвался ему в легкие. На правой его руке появились волдыри от ожогов, но рука Квилла казалась неуязвимой.

Воздушный змей снова клюнул носом и стал падать.

Корума швыряло из стороны в сторону, но он умудрился все же не выпустить перекладину из рук. Потом что-то затрещало, он почувствовал сильный удар о землю и увидел, что лежит среди обломков змея на довольно ровной поверхности из сплошного обсидиана, а стена огня осталась позади.

Он с трудом поднялся на ноги. Жара по-прежнему была почти нестерпимой, но пламя уже ревело у него за спиной. Оплавленная скала, на которой он стоял, ярко блестела, отражая пламя, и казалось, что огонь горит прямо у него под ногами. Совсем рядом неторопливо текла река расплавленной лавы; на ее поверхности вспыхивали и плясали язычки пламени. Повсюду, куда бы Корум ни глянул, виднелись такие же сверкающие обсидиановые скалы, такие же реки красного огня. Он осмотрел останки воздушного змея. Теперь они были ни на что не пригодны. Ганафакс, ругаясь, все еще лежал среди них. Потом он тоже встал и, обращаясь к змею, пнул ногой его изломанную почерневшую раму и сказал:

— Ну что ж... Зато теперь-то ты уж ни в одну беду меня не затащишь!

— По-моему, нам и этой беды более чем достаточно,— откликнулся Корум.— К счастью, она, видимо, последняя в нашей жизни.

Ганафакс вытащил из кучи обломков свой меч и перевязь. Потом отыскал опаленный плащ и накинул, чтобы защитить от огня плечи.

— Да, похоже на то, принц Корум. Довольно-таки гнусное место для прощания с жизнью!

— Согласно некоторым мабденским легендам,— сказал Корум,— мы уже обрели свой конец и находимся «на том свете». А в ваших легендах разве не описаны подобные огненные миры, связанные с формой небытия?

Ганафакс фыркнул.

— Может, это у восточных мабденов... Ну ладно. Назад мы идти все равно не можем, так что придется идти вперед.

— Мне было сказано, что дальше к северу лежат Дикие льды,— сообщил Корум.— Хотя почему они не тают в такой близости от этих Огненных земель, понятия не имею!

— Без сомнения, это очередная шутка повелителей Хаоса.

— Наверное.

Они двинулись в путь по скользким, обжигающим ноги плитам обсидиана. Стена огня постепенно отдалялась. Они перебирались через речушки и ручейки расплавленной лавы и двигались так медленно и так часто почти по кругу, что скоро совсем выбились из сил и остановились передохнуть. Оглянувшись назад, на огненную стену, они утерли пот и затравленно посмотрели друг на друга. Жажда прямо-таки жгла им внутренности, голоса у обоих звучали хрипло.

— По-моему, это конец, принц Корум.

Корум устало кивнул и посмотрел в небо. Над головой огненным куполом вздымались красные облака. Казалось, весь мир вокруг объят пламенем.

— Не знаешь ли ты, сэр Ганафакс, такого заклятия, которое способно вызвать дождь?

— К сожалению, нет. Мы, служители культа, презираем столь примитивные трюки.

— Полезные трюки, сэр Ганафакс! Видимо, колдуны гоняются в основном за чисто внешними эффектами...

— Боюсь, что да,— вздохнул Ганафакс.— А как насчет твоего могущества, принц? Не можешь ли ты,— и он весь напрягся,— попросить помощи у тех... в черных плащах?

— Мне кажется, их можно использовать только во время битвы... К тому же я не слишком отчетливо представляю, кто они и почему приходят на мой зов. По-моему, тот колдун, что снабдил меня новой рукой и новым глазом, и сам этого толком не знал. Просто взял да и поставил очередной опыт — на мне.

— А ты заметил, что солнце здесь, похоже, никогда не заходит? А значит, и ночь не наступит и никакой прохлады не принесет...

Корум хотел что-то ответить, но заметил на склоне ближайшего холма какое-то движение.

— Тихо, сэр Ганафакс...

Ганафакс всмотрелся в дрожавшую от жара даль.

— Что это?

И тут они увидели.

Целый отряд воинов верхом на странных животных с толстой, покрытой чешуей шкурой, напоминавшей пластинчатые

доспехи. Животные имели по четыре конечности, оканчивавшиеся раздвоенными копытами; у них были ветвистые рога на голове и острый рог на носу; их маленькие красные глазки, поблескивая, явно следили за Корумом и Ганафаксом. Всадники с головы до ног были укутаны в красные одеяния из какого-то сверкающего материала; одеяния скрывали даже их лица и руки. Вооружены они были копьями с зазубренными наконечниками.

Воины молча окружили Корума и Ганафакса.

Некоторое время стояла тишина, потом один из всадников заговорил:

— Что делаете вы в наших Огненных землях, чужестранцы?

— Мы попали сюда не по собственной воле,— отвечал Корум.— Причиной тому — несчастный случай. Мы люди мирные.

— Неправда. У вас мечи.

— Мы и понятия не имели, что здесь кто-то живет! — воскликнул Ганафакс.— Нам очень нужна помощь. Мы бы хотели как можно скорее убраться отсюда.

— Никто не может покинуть Огненные земли, не пройдя страшного испытания,— голос был звонкий, хотя и печальный.— Отсюда есть только один выход: через Пасть льва.

— А не можем ли мы...

Всадники плотнее окружили их. Корум и Ганафакс вытащили мечи.

— Ну, принц Корум, осталось, видно, нам только умереть с честью!

Корум с мрачным видом сдвинул на лоб повязку, прикрывавшую глаз Ринна. На мгновение его будто окутал туман, потом он снова заглянул в небытие. На какое-то время мелькнула мысль: а не лучше ли пасть от руки жителей Огненных земель? Но вот уже перед ним та пещера, где застыли навеки высокие фигуры в черных плащах, точно скованные жестоким морозом...

У Корума екнуло сердце, когда он узнал в них мертвых воинов рагха-да-кхета. Покрытые ранами, из которых, однако, уже не текла кровь, со сверкающими глазами, в изломанных доспехах, но по-прежнему держа в руках оружие, они пошли прямо к Коруму. И тут рука Квилла едва заметно шевельнулась.

— Нет! Не надо! Это тоже мои враги! — вскричал Корум.

Ганафакс, не способный увидеть то, что видел Корум, в изумлении обернулся.

Мертвые воины продолжали идти сквозь мглу и вскоре уже стояли перед Корумом на обсидиановой скале посреди Огненных земель.

Корум в ужасе отшатнулся. Местные жители так и застыли в седлах. Лицо Ганафакса напоминало искаженную страхом гипсовую посмертную маску.

— Нет, нет! Я...

С уст мертвого короля Темголь-Лепа слетел шелестящий шепот:

— Мы готовы служить тебе, о повелитель. Получим ли мы свою цену?

Корум взял себя в руки и медленно кивнул в знак согласия.

— О да. Можете взять столько, сколько хотите.

Длинноногие и длиннорукие воины обернулись к жителям Огненных земель. Рогатые животные испуганно захрапели, однако всадники заставили их оставаться на месте. Теперь из небытия вышло уже с полсотни рагха-да-кхета. Разделившись на небольшие группы, они подняли свои изогнутые дубинки и бросились на всадников в красных плащах.

Длинные копья просвистели в воздухе, одновременно поразив многих долговязых воинов, но эти создания, даже будучи пробитыми насквозь, не остановились и принялись стаскивать сопротивлявшихся всадников с седел.

Корум, побледнев как мел, наблюдал за происходящим. Теперь он понимал, что воины Огненных земель попадут в тот страшный мир небытия, откуда только что по его зову явились мертвые рагха-да-кхета... которые в свою очередь попали туда во время прошлого сражения...

На сверкающей обсидиановой скале, которую со всех сторон обтекали огненные ручьи, шла ужасная битва мертвых с живыми. Когтевидные дубинки срывали с всадников плащи, открывая их лица, которые показались Коруму очень знакомыми...

— Остановитесь! — вскричал он вдруг.— Остановитесь! Хватит! Больше не убивайте!

Мертвый король Темголь-Леп посмотрел на него сверкающими глазами. Тело его было насквозь пробито тяжелым копьем, но он этого даже не замечал. Его мертвые губы шевельнулись:

— Но ты обещал нам эту цену, повелитель! Теперь мы не можем остановиться.

— Это же вадхаги! Они такие же, как я! Это мой народ!

Ганафакс положил руку ему на плечо.

— Теперь они все уже мертвы, принц Корум.

Рыдая, Корум бросился к поверженным вадхагам, заглядывая им в лица. У этих людей был тот же удлиненный череп, такие же огромные миндалевидные глаза, такие же плотно прижатые к черепу уши, лишенные мочек...

— Как же вадхаги попали сюда? — прошептал Ганафакс.

Темголь-Леп уже волок куда-то один из трупов; ему помогали двое слуг. Покрытые бронированной чешуей животные, лишившись седоков, скакали вокруг, порой небрежно ступая прямо в огненные ручьи и расплескивая вокруг себя лаву.

Глазом Ринна Корум видел, как рагха-да-кхета перетащили трупы вадхагов к себе в темную пещеру... Он не стал смотреть дальше и прикрыл глаз повязкой. От вадхагов, населявших Огненные земли, не осталось ничего, кроме обломков оружия и разорванной одежды. Ездовые животные постепенно разбегались.

— Я уничтожил последних вадхагов! — воскликнул Корум.— Собственными руками я отправил их в тот ужасный мир, в небытие!

— Колдовство часто и всегда неожиданно обращается против того, кто его использует,— тихо сказал Ганафакс.— Я ведь уже говорил, что силы магии капризны...

Корум взвыл от негодования и весь свой гнев обрушил на Ганафакса.

— Прекрати свои умствования, мабден! Неужели ты не понимаешь, ЧТО я наделал?

Ганафакс мрачно кивнул.

— О да, прекрасно понимаю. Но ведь это уже сделано, не так ли? А наши жизни спасены.

— Теперь ко всем моим преступлениям прибавилось и братоубийство! — Корум, в отчаянии рухнув на колени, уронил меч и заплакал.

— Кто плачет там?

Голос был женский и очень печальный.

— Кто оплакивает Сира-ан-Ванл — Земли, ставшие огнем? Кто вспоминает эти дивные, прекрасные луга и холмы?

Корум поднял голову и встал рядом с Ганафаксом, который во все глаза смотрел на женщину, возникшую на краю скалы прямо над ними.

— Кто плачет там?

Она была стара. Суровое бледное морщинистое лицо ее еще хранило следы былой красоты. Седые волосы густой волной оку-

тывали плечи. Одета она была в красный плащ, точно такой же, как у убитых воинов, и сидела верхом на таком же рогатом чешуйчатом звере. Эта хрупкая женщина, безусловно, принадлежала к племени вадхагов, однако там, где некогда сияли ее прекрасные глаза, теперь стояли озера боли, подернутые непроницаемой белой пленкой.

— Мое имя Корум Джайлин Ирси, госпожа. Но скажи, что случилось? Отчего ты слепа?

— Это мой собственный выбор: я не захотела видеть того, что стало с моей любимой страной, и выдавила себе глаза. Я — Ооризе, королева Сира-ан-Ванл, и в подчинении у меня всего два десятка человек.

Губы у Корума пересохли.

— Я только что убил всех твоих подданных, госпожа. И поэтому плачу.

Выражение ее лица не изменилось.

— Они были обречены на смерть,— сказала она.— Даже лучше, что они уже умерли. Умерли быстро. Ты освободил их, чужестранец, и я благодарю тебя за это. Может быть, ты и обо мне позаботишься? Освободишь и меня от постылой жизни? Я ведь живу только для того, чтобы не умерла память о Сира-ан-Ванл,— она помолчала.— Судя по твоему имени, ты тоже ведраг?

— Да, я тоже из племени вадхагов — «ведрагов», как ты их называешь. Но моя родина далеко отсюда, на юге...

— Значит, ведраги все-таки пошли на юг... Красива ли твоя страна?

— Очень красива.

— А счастлив ли твой народ, Принц в Алом Плаще?

— Мой народ уничтожен, королева Ооризе. Все вадхаги до одного погибли.

— Все? Кроме тебя?

— И тебя, моя королева.

Улыбка тронула ее губы.

— Он сказал, что все мы должны умереть, в какой бы плоскости мы ни пытались спастись. Но было и другое пророчество: если мы умрем, то и он тоже умрет. Он решил сделать вид, что ничего об этом пророчестве не знает, как бы забыть о нем...

— Кто, госпожа?

— Рыцарь Мечей Ариох. Повелитель Хаоса. Тот, кто унаследовал эти пять плоскостей после давней войны между силами Порядка и Хаоса. Тот, кто, явившись сюда, пожелал, чтобы

гладкий твердый камень скрыл под собой наши прекрасные холмы, чтобы кипящая лава текла в наших тихих ручьях, чтобы пламя стеной вздымалось там, где когда-то шумели зеленые леса... Это он предсказал нашу смерть, принц. Он, Ариох. Но, прежде чем отправиться в ссылку, побежденный лорд Аркин успел предсказать нечто совсем иное...

— Лорд Аркин?

— Да, Владыка Порядка, что правил здесь до того, как был изгнан Ариохом. Он успел сказать, что, уничтожая древние расы, Ариох уничтожит и свое господство во всех пяти плоскостях.

— Хорошо сказано! — прошептал Ганафакс.— Но я сомневаюсь, что это правда.

— Может быть, мы и обманываем себя порой тщетной надеждой на справедливость, о говорящий на языке мабденов, но это означает только одно: ты не ведаешь того, что знаем мы, ибо все мабдены — дети Ариоха.

Ганафакс рывком вскочил на ноги.

— Может, мы и дети Ариоха, королева Ооризе, но не его рабы! И я оказался здесь только потому, что пошел против воли Ариоха.

И снова королева улыбнулась печальной своей улыбкой.

— А кое-кто утверждает, что постигшая вадхагов кара есть плод их собственных деяний. Что это они затеяли войну с нхадрагами и нарушили установленный лордом Аркином порядок вещей...

— Боги мстительны,— прошептал Ганафакс.

— Но я тоже способна на месть, господин мабден,— сказала королева.

— За то, что мы убили твоих воинов?

Она пренебрежительно махнула рукой.

— Нет. Они ведь первыми напали на вас. Вы просто защищались. Это естественно. Я говорю об Ариохе и его капризах, из-за которых прекрасная страна превратилась в ужасную каменную пустыню, сжигаемую вечным огнем.

— В таком случае, ты, королева, непременно будешь отомщена, а бог Ариох наказан! — твердо сказал Корум.

— Некогда у меня было множество подданных. Одного за другим посылала я своих людей через Пасть Льва, чтобы наказать и уничтожить Рыцаря Мечей. Ни одному пройти не удалось. И ни один не вернулся.

— А что такое Пасть Льва? — спросил Ганафакс.— Мы уже слышали, что это — единственный путь к спасению отсюда.

— Да, это так. Но спасения нет. Тот, кто живым минует саму Пасть Льва, не минует того, что находится за нею: дворца Ариоха.

— И никто не может... спастись? выжить? — спросил Корум.

Слепая королева подняла лицо к розовым небесам.

— На это способен лишь Вечный Ввоитель. Вечный защитник...

— А ведь когда-то вадхаги не верили ни в Вечных Воителей, ни в прочие сказки...— горько заметил Корум.

Она кивнула.

— Я помню. Но тогда им и не нужно было верить в это.

Помолчав, Корум спросил:

— А где находится эта Пасть Льва, госпожа моя?

— Я провожу тебя к ней, Принц в Алом Плаще.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ЧЕРЕЗ ПАСТЬ ЛЬВА

Королева дала им напиться из фляжки, притороченной к седлу, и, подозвав двух чешуйчатых животных, предложила Коруму и Ганафаксу сесть на них верхом. Они послушались, взяли в руки поводья и поехали следом за королевой Ооризе по черным и зеленоватым обсидиановым холмам, меж которыми текли реки огненной лавы.

Несмотря на слепоту, королева весьма умело управляла чешуйчатым зверем и не умолкая рассказывала о том, какое дерево когда-то росло здесь и какие цветы цвели на том лугу,— словно помнила каждый камешек, каждое растение, каждый ручеек своей погубленной родины.

Ехали они довольно долго; наконец королева остановилась и указала прямо перед собой:

— Что вы видите там?

Корум вгляделся в дымную пелену.

— Похоже на огромную скалу...

— Подъедем поближе,— сказала Ооризе.

Постепенно становилось ясно, что перед ними на самом деле. Это действительно была огромная скала, точнее гладкая и

сверкавшая, как золото, глыба, искусством неведомого резчика превращенная в голову льва, разинувшего в грозном реве клыкастую пасть. Голова выглядела как живая.

— Боги! Кто ее создал! — прошептал Ганафакс.

— Ариох,— ответила королева.— Когда-то на этом самом месте была наша мирная столица. Теперь же мы живем — вернее, жили! — в пещерах под землей, где есть вода и хоть какая-то прохлада.

Корум долго смотрел на немыслимых размеров львиную голову. Потом взглянул на королеву:

— Сколько же тебе лет, госпожа моя?

— Не знаю. Времени в Огненных землях не существует. Я думаю, что прожила не меньше десяти тысяч лет.

На некотором расстоянии от них виднелась еще одна стена огня. Помолчав, королева Ооризе заметила:

— Мы со всех сторон окружены огненными стенами. Когда Ариох впервые создал их, многие люди бросались в огонь, предпочитая не видеть того, что стало с их страной. Так умер и мой муж, и все мои братья и сестры...

Корум заметил, что Ганафакс явно чувствует себя не в своей тарелке: он почти совсем умолк, опустил голову и время от времени, словно мучимый головной болью, потирал лоб и виски.

— Что с тобой, друг Ганафакс?

— Ничего страшного, принц. Просто голова разболелась. Наверняка от этой жарищи.

И тут чудовищный монотонный стон донесся до их ушей. Ганафакс вскинул голову, глаза его расширились от ужаса. Он явно ничего не понимал.

— Что это?

— Лев поет,— пояснила королева.— Он знает, что мы близко.

И при этих словах из уст Ганафакса вдруг полились точно такие же ужасные звуки — так одна собака подвывает другой.

— Ганафакс, друг мой! — Корум подбежал к нему ближе.— Тебя что-то мучает?

Ганафакс затуманенным взором уставился на него, словно не понимая.

— Нет, все в порядке, я же сказал тебе! Это все жара...— лицо его исказилось.— А-а-а! Больно! Я не стану!.. Не хочу!..

Корум обернулся к королеве Ооризе.

— Что это с ним? Здесь с кем-нибудь такое случалось?

Она молчала, нахмурившись и думая, казалось, о чем-то своем, а вовсе не о несчастном Ганафаксе.

— Нет,— сказала она наконец.— Если только...

— Ариох! Я не стану!..— Ганафакс начал задыхаться.

И тут рука Квилла бросила вожжи и потянулась к нему. Корум попытался ее перехватить, но не успел. Вытянутые пальцы руки надавили Ганафаксу на глаза; казалось, они сейчас вонзятся ему прямо в мозг. Ганафакс пронзительно закричал:

— Нет, Корум! Пожалуйста, не надо!.. Я еще могу справиться с этим... А-а-а!

Рука Квилла резко отпустила его голову; с пальцев капала кровь и мозг Ганафакса. Его безжизненное тело вывалилось из седла и рухнуло на землю.

— Что происходит? — окликнула Корума королева.

Корум в ужасе уставился на окровавленную руку Квилла, которая тут же успокоилась и стала вести себя как обычно.

— Ничего,— прошептал он.— Просто я убил своего друга.

И, вздрогнув, поднял голову.

На вершине ближайшего холма он увидел человека. Человек смотрел прямо на него. Потом взвилось облачко дыма, и человек исчез.

— Значит, ты все-таки догадался о том, что давно уже стало ясно мне, принц Корум? — спросила королева.

— Ни о чем я не догадался! Я убил своего друга — вот и все, что я знаю. Он так помог мне! Он показал...— Корум сглотнул застрявший в горле комок.

— Он был всего лишь мабденом, принц. А значит, слугой Ариоха.

— Он ненавидел Ариоха!

— Но Ариох нашел его и проник в его душу. И этот мабден непременно попытался бы убить нас. Ты правильно поступил, уничтожив его. Он вскоре предал бы тебя, принц.

Корум задумчиво смотрел на Ооризе.

— Пусть бы лучше он убил меня! Зачем мне теперь жизнь?

— Ты из племени ведрагов! Последний из нас! И только ты способен отомстить за гибель нашего народа!

— Пусть вадхаги лучше исчезнут с лица земли — неотомщенными! Слишком много преступлений уже совершено ради этой мести! Слишком много несчастий! Слишком много безвинных смертей! Будут ли после всего этого вспоминать вадхагов с

любовью? Скорее их имена будут шептать с ненавистью и проклятиями!

— О, их и так уже многие ненавидят — Ариох позаботился об этом. Впрочем, вот перед тобой Пасть Льва. Прощай, Принц в Алом Плаще! — и королева Ооризе пришпорила своего «коня». Животное тяжело двинулось с места и вскоре исчезло за огромной скалой, направляясь к огненной стене, в отдалении вздымавшейся к небесам.

И Корум понял, что сейчас сделает королева.

Он долго смотрел на безжизненное тело Ганафакса. Больше этот веселый приветливый человек никогда не улыбнется ему...

Теперь душа его, без сомнения, во власти злобного, капризного Ариоха...

Корум снова остался один.

Не то вздох, не то рыдание сотрясло ему грудь.

Из Пасти Льва снова послышался странный протяжный стон. Похоже, то был призыв. Корум пожал плечами: не все ли равно как умирать? Но никто и никогда больше не умрет по его, Корума, вине!

Он медленно развернул своего «коня» и направился к Пасти Льва, постепенно все больше разгоняя неуклюжее ездовое животное, пока не влетел с победоносным кличем прямо в разверстую алчную пасть и не оказался в кромешной темноте.

Чешуйчатый зверь, на котором он ехал, споткнулся и упал. Корум вылетел из седла, но быстро вскочил на ноги и стал искать поводья. Однако зверь, выказав неожиданное проворство, уже мчался назад, к свету, туда, где мелькали красные и желтые языки пламени.

На мгновение у Корума все похолодело внутри. Он двинулся было вслед за убежавшим зверем, но вспомнил мертвое лицо Ганафакса и решительно повернул назад, и стал пробираться дальше во тьме.

Шел он довольно долго. В Пасти Льва было, пожалуй, даже прохладно. «Интересно,— думал Корум,— много ли правды было в рассказах старой королевы или все это обычные суеверия, потому что изнутри пресловутая Пасть Льва казалась просто огромной пещерой».

Вдруг послышался шелест, треск...

Похоже, чьи-то глаза наблюдали за ним... Что было в этом взгляде? Скорбь? Обвинение? Нет. Просто злоба. Страшная

злоба. Корум вытащил меч и немного постоял, озираясь. Потом сделал еще шаг вперед.

И оказался окруженным какой-то клубящейся субстанцией. Вспыхивали и исчезали яркие огни, слышались чьи-то пронзительные вскрики, потом его оглушил громовой хохот. Он попробовал сделать еще один шаг...

И оказался на совершенно прозрачной, но твердой поверхности. Под ногами у него виднелись миллионы существ — вадхаги, нхадраги, мабдены, рагха-да-кхета и многие другие, которых он распознать не смог. Мужчины и женщины. Глаза у всех были открыты, а лица — прижаты к прозрачной поверхности, на которой он стоял; все руки умоляюще тянулись к нему, словно эти люди просили о помощи. Они не сводили с Корума глаз, и он попытался разбить прозрачную поверхность мечом. Однако на ней не осталось ни трещинки.

И Корум двинулся дальше.

Он видел все пять плоскостей — одну над другой,— как видел их в детстве, как представляли их себе его далекие предки... Он попадал то в скалистый каньон, то в долину, то в поле, то снова в лес... Он попытался было перебраться в какую-нибудь одну из плоскостей, но был остановлен чем-то невидимым.

А потом визжащие твари со страшными клювами набросились на него, разрывая его плоть. Но стоило ему взмахнуть мечом, как твари исчезли.

Он шел по ледяному мосту над пропастью, и мост быстро таял у него под ногами. Клыкастые чудовища поджидали его далеко внизу. Вдруг лед треснул, Корум поскользнулся, потерял равновесие и упал...

...Оказавшись в водовороте какой-то бурлящей материи, в которой без конца зарождались и тут же исчезали различные формы жизни. Он видел, как возникали целые города; перед ним мелькало множество разных существ — одни прекрасные, другие отталкивающие. Он видел то, что пробуждало в его душе любовь и нежность, и то, из-за чего он рычал от ненависти.

А потом он снова очутился в большой пещере, где что-то невидимое шепталось во тьме, и кто-то бросился удирать прямо у него из-под ног...

И Корум подумал: любой человек, переживший те ужасы, которые только что довелось пережить ему, непременно сошел бы с ума. Значит, кое-что он все-таки получил от колдуна Шула, помимо глаза Ринна и руки Квилла: способность не

отворачиваться при виде самых жутких зрелищ и оставаться в здравом уме и твердой памяти.

Но ведь при этом он непременно что-то важное и утратил?..

Он сделал еще шаг.

И по колено погрузился в чью-то скользкую плоть, не имевшую конкретной формы, однако живую. Плоть тут же начала его засасывать. Он рубил ее мечом и успел погрузиться по пояс, когда, набрав полную грудь воздуха, судорожным рывком высвободился наконец и сделал — прямо по этой живой плоти — еще один шаг...

...Оказавшись возле ледяного купола, рядом с которым увидел миллион таких же Корумов! Вот он, невинный, веселый, задолго до нашествия мабденов; а вот — мрачный, задумчивый, с новым глазом и рукой-убийцей; а вот он на смертном ложе...

Еще один шаг...

Вокруг потоками лилась кровь. Корум с трудом встал на ноги и увидел, что из окружавшего его кровавого месива поднимаются головы чудовищных существ, похожих на гигантских рептилий; страшные зубы щелкают возле самого лица...

Инстинкт требовал, чтобы он повернул назад. Но он двинулся прямо на чудовищ...

Теперь он стоял в туннеле из серебра и золота. В конце его виднелась дверь, за ней слышалось какое-то движение.

Держа в руке меч, он вошел в дверь.

Страшный, исполненный отчаяния смех загремел по немыслимых размеров галерее.

Корум понял, что попал во дворец Рыцаря Мечей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
У БОГА НА ПИРУ

В невообразимо громадном зале Корум казался себе карликом. Внезапно все его былые страхи, переживания, устремления и угрызения совести как бы уменьшились, потеряли силу, стали самыми заурядными, малоинтересными. Тем более в ожидании встречи с самим Ариохом.

Но, похоже, никто его проникновения во дворец не заметил. А гулкий смех раздавался сверху, с галереи, где дрались два покрытых чешуей демона с длинными рогами и еще более длин-

ными хвостами. Чем больше ран наносили они друг другу, тем громче смеялись, хотя оба, очевидно, были на пороге смерти.

Видимо, Ариох был полностью поглощен их поединком.

Этот Рыцарь Мечей, один из Повелителей Хаоса, возлежал на куче гнилых отбросов и время от времени принимался жадно пить из огромного грязного бокала какую-то отвратительно пахнувшую жидкость. Он был чудовищно толст; от хохота его жирные телеса тряслись, точно студень. В общем, тело его и лицо удивительно походили на мабденские. Кожа Ариоха была покрыта паршой и расчесами, особенно возле пупка. Безобразное лицо побагровело от смеха, а в гигантской пасти торчали обломки черных гнилых зубов.

Коруму и в голову не могло прийти, что это страшилище и есть великий бог, если бы не величина Ариоха. Ростом он был с замок, а его меч, символ божественного могущества, был длиннее самой высокой башни Эрорна.

В зале, точнее гигантском амфитеатре, где очутился Корум, к далекому куполу, грязному и закопченному, поднималось бесчисленное множество рядов, и все они были заняты мабденами самого различного возраста. Странно, но почти все они были обнажены и развлекались тем, что совокуплялись, дрались и мучили друг друга... Кое-где виднелись, правда, и другие существа — в основном покрытые чешуей демоны, чуть поменьше тех двоих, что бились сейчас на галерее.

Меч Ариоха, черный, как вороново крыло, был украшен странной причудливой резьбой. Над мечом трудились мабдены. Одни, опустившись на колени, полировали матовый клинок, другие мыли и чистили рукоять и гарду или, усевшись верхом на золотую проволоку, которой те были изукрашены, крепили ее там, где она отошла.

Тело Ариоха тоже было покрыто множеством живых существ. Они кишели на его туше, как вши или блохи, и, впиваясь в кожу, сосали кровь, но Ариох, похоже, этого даже не замечал. Внимание его по-прежнему было приковано к смертельному поединку на галерее.

Так вот каков, значит, этот всемогущий Ариох! Больше всего он походил на крестьянина-пьяницу, что живет прямо в свином хлеву. Неужели это злобное, неопрятное создание столь могущественно, что смогло не только уничтожить древние народы, но и продолжает мстительно уничтожать всех, кому угораздило появиться на свет раньше него самого?

Ариох снова засмеялся, и пол под ногами у Корума задрожал. От этого взрыва смеха мабдены-паразиты попадали с тела мерзкого божества и теперь валялись на полу со сломанными конечностями или спинами. Их более удачливые соплеменники, не обращая внимания на стоны и мольбы раненых, тут же принялись снова взбираться вверх по ногам Ариоха, по пути отрывая зубами и проглатывая кусочки его плоти.

В прямых засаленных космах Рыцаря Мечей также сновало в поисках пищи множество мабденов; они дрались между собой и падали, повисая на длинных прядях. Повсюду на этом омерзительном теле — особенно там, где росли волосы или кожа была наиболее нежной,— кишели паразиты в обличье мабденов.

Тем временем битва на галерее явно подходила к концу: демоны нанесли друг другу последние, смертельные удары. Один умер мгновенно, второй, умирая, все еще слабо смеялся. Потом смех прекратился.

Ариох от удовольствия захлопал себя по ляжкам, прибив при этом с дюжину мабденов, и распрямил жирную спину. Изучив кровавые пятна у себя на ладонях, он равнодушно вытер руки о собственные волосы, и живые мабдены тут же принялись пожирать останки своих раздавленных соплеменников.

Потом Ариох протяжно вздохнул и принялся чудовищно грязным пальцем ковырять в носу.

Корум разглядел под галереей множество коридоров и закрытых дверей. Вверх от галереи тянулись винтовые лестницы — вот только куда? Где здесь самая высокая башня? Он начал, стараясь ступать неслышно, обходить зал по периметру.

Однако чуткие уши Ариоха все-таки уловили звук его шагов; чудовищный толстяк явно оживился и, склонив голову, стал внимательно осматривать пол. В конце концов его огромные глаза обнаружили Корума, и гигантская рука потянулась, чтобы схватить его.

Корум поднял меч и что было силы нанес по этой руке рубящий удар, но Ариох только засмеялся и подтащил принца к себе.

— Это еще что такое? — прогудел он.— Этот явно не из моих. Нет, не из моих.

Корум продолжал рубить его руку, но Ариох словно ничего не замечал, хотя меч оставлял в его плоти довольно глубокие раны. Из-за плечей бога, из-за его ушей, из грязных, отвратительных волос за Корумом с ужасом и любопытством следили глаза мабденов.

— Этот не из моих,— снова прогудел Ариох.— Это — его! Точно, его.

— Чей? — крикнул Корум, по-прежнему орудуя мечом.

— Того, чьи владения я не так давно захватил. Этого слабака Аркина. Ну да, точно, Аркина, Владыки Порядка. М-да, а я-то думал, что с ними покончено... не могу же я за всей этой мелочью уследить! Особенно если не я их сотворил... Да и не понимаю я их!

— Ариох! Ты уничтожил мой народ!

— А, это хорошо! Всех, говоришь? Хорошо. Так ты, значит, с этой вестью ко мне и явился? А почему мне раньше никто из моей мелюзги ничего не сказал?

— Немедленно отпусти меня! — рассердился Корум.

Ариох разжал ладонь, и принц неожиданно оказался на свободе. Его шатало, он задыхался, но он никак не ожидал, что Ариох его действительно отпустит.

Да, этот удар судьбы был особенно жесток! Ариох ведь даже злобы к вадхагам не испытывал; они ему были столь же безразличны, как и его собственные мабдены-паразиты. Он и понять был не в состоянии трагедию древних рас. Бог просто счищал с палитры старые краски, точно художник, намеревающийся начать новую картину. А страдания и унижения, доставшиеся на долю Корума и погибших вадхагов, были всего лишь капризами беспечного Рыцаря Мечей, крайне редко обращавшего внимание на обитателей того мира, которым правит!..

И тут Ариох исчез.

Перед Корумом возникло совсем иное существо!

Теперь это был красивый и гордый бог, взиравший на принца милостиво, хотя и высокомерно. Он был в черном с серебром плаще и костюме; на бедре — миниатюрная копия того чудовищного меча, который чистили рабы бога-обжоры. Красавец улыбался с легким изумлением, и в глазах Корума являл собой квинтэссенцию зла.

— Кто ты? — задыхаясь, спросил Корум.

— Я князь Ариох, твой повелитель. Мне подвластны силы тьмы, ибо я один из Правителей Хаоса, Рыцарь Мечей. И твой враг.

— Значит, вот ты каков? И то, другое обличье было ненастоящим?

— Я могу быть кем и каким угодно, принц Корум. Что в твоих устах значит слово «ненастоящий»? Я могу быть таким,

каким захочу. Или — каким захочешь ты, если угодно. Можешь считать меня воплощением зла, и я обрету облик злодея. А сочтешь добрым — я окажусь с виду именно таким. Мне все равно. Видишь ли, моим единственным желанием является покой. И еще я люблю приятно провести время. Развлечься. Так что если ты захочешь разыграть драму или предложить новую забаву — я с удовольствием буду играть до тех пор, пока это не начнет мне надоедать.

— Неужели твои цели всегда были столь мелочны?

— Что? Всегда ли? Полагаю, что нет. Разумеется, нет! Сражаясь с Владыками Порядка, которые прежде правили этим миром, я стремился к другому. Но я ведь уже так давно одержал над ними победу! Разве я не имею права на заслуженный отдых? Разве все живые существа не отдыхают после битвы?

Корум кивнул:

— Да, конечно, ты прав.

— Ну вот и хорошо,— улыбнулся Ариох.— Но что теперь, маленький принц из племени вадхагов? Видишь ли, тебя мне тоже придется вскоре уничтожить. Хотя бы для спокойствия моей души. Ты должен меня понять. Ты так хорошо вел себя в течение всего долгого пути ко мне. И в качестве награды я устрою тебе прием как самому дорогому гостю. Ну а потом, разумеется, уничтожу одним щелчком. Теперь-то ты и сам понимаешь, почему.

Корум рассердился:

— Меня ты «одним щелчком» не уничтожишь, Ариох! Да и зачем тебе уничтожать меня?

Ариох зевнул, прикрывая ладонью красивый рот.

— А если я так хочу? Ну, довольно. Итак, чем я могу развлечь тебя?

Корум подумал немного и сказал:

— Не мог бы ты показать мне свой замок? Я в жизни не видел ничего столь величественного.

Ариох удивленно поднял бровь.

— И это все?

— Пока что все.

Ариох улыбнулся:

— Прекрасно. Я и сам, пожалуй, целиком его никогда не видел. Пошли,— он положил свою мягкую холеную руку Коруму на плечо и повел его к лестнице.

Ведя Корума по удивительно красивой галерее со стенами из сверкающего мрамора, Ариох вел с ним беседу тихим, завораживающим голосом:

— Видишь ли, друг мой Корум, эти пятнадцать миров вступили в период стагнации. И что сделали вы, вадхаги и прочие древние расы, чтобы исправить положение вещей? Ничего! Вы спрятались в свои замки и предпочли вообще не выглядывать наружу. Природа по-прежнему щедро дарила жизнь всяким макам и ромашкам, так что Владыки Порядка были твердо уверены, что все устроено наилучшим образом. Не происходило ровным счетом ничего нового. Лишь мы привнесли в ваш мир свежий ветер перемен — я, мой брат Мабелод и моя сестра Ксиомбарг.

— Кто они?

— Тебе они, должно быть, известны как Король и Королева Мечей. Каждый из нас правит пятью из пятнадцати плоскостей мироздания, которые мы выиграли в битве с Владыками Порядка относительно недавно...

— И сразу начали уничтожать все истинно прекрасное и мудрое!

— Можно сказать и так, смертный.

Корум помолчал, поколебленный в своем понимании вещей убедительно звучащим голосом Ариоха, потом повернулся к своему собеседнику:

— Я думаю, что это все-таки ложь, хотя бы отчасти. И у тебя куда большие притязания, чем покой и развлечения.

— Это вопрос будущего. Мы, дорогой принц, во всем следуем собственным капризам. Теперь мы всемогущи, ничто нам не угрожает, так зачем же проявлять излишнюю мстительность?

— Но ведь иначе и вы сами будете уничтожены, как были уничтожены вадхаги. По тем же причинам.

Ариох пожал плечами:

— Возможно.

— У вас уже есть довольно сильный соперник — волшебник Шул с острова Сви-ан-Фанла-Брул. По-моему, вам бы следовало его опасаться.

— А, так ты знаешь о Шуле? — смех Ариоха на этот раз был весьма мелодичным.— Бедный Шул! Он все строит планы, заговоры... угрожает нам... Он очень забавен, не правда ли?

— Всего лишь забавен? — не поверил Корум.

— Ну да.

— Он говорит, что вы ненавидите его потому, что теперь он обладает почти таким же могуществом, как и вы.

— Мы никого не ненавидим.

— Я не верю тебе, Ариох!

— Разве может смертный не верить богу?

Теперь они поднимались по спиралевидному пандусу, сделанному из некоего светящегося материала. Ариох вдруг остановился.

— Пожалуй, мы лучше осмотрим некоторые другие части дворца,— задумчиво проговорил он.— Этот ведет всего лишь в башню.

Корум уже успел заметил высоко над ними дверь, на которой пульсировал странный светящийся знак: круг и восемь расходящихся из него во все стороны стрел.

— Что это такое, Ариох?

— Просто знак. Символ власти Хаоса.

— А что за этой дверью?

— Я же сказал: это всего-навсего вход в башню,— Ариох начинал проявлять нетерпение.— Пойдем, здесь есть куда более интересные места.

Корум неохотно последовал за ним. Ему вдруг показалось, что именно за этой дверью со светящимся символом и прячет Ариох свое сердце.

Несколько часов подряд бродили они по дворцу, рассматривая всевозможные диковины. Все здесь казалось воплощением света и красоты; нигде не чувствовалось и намека на какое бы то ни было зло. Однако именно поэтому в душе Корума зародилась тревога, и теперь он был уверен, что окружает его сплошная ложь.

Наконец они вернулись в большой зал.

Мабдены-паразиты куда-то исчезли. Исчезла и куча мусора. Вместо нее появился прекрасно сервированный стол. Ариох изысканным жестом пригласил гостя садиться.

— Не желаешь ли отобедать со мной, принц Корум?

Корум горько усмехнулся:

— А потом ты меня убьешь?

Ариох засмеялся:

— Если хочешь, можешь пожить здесь еще немного, я не возражаю. Но, видишь ли, покинуть мой дворец ты все равно не сможешь. Впрочем, пока твоя искренняя наивность меня развлекает, я вряд ли уничтожу тебя.

— Неужели ты ничуть меня не опасаешься?

— Ничуть.

— Неужели ты не боишься даже того, чьим представителем я являюсь?

— Кого же это?

— Справедливости!

И снова Ариох рассмеялся:

— Ох, как узко ты мыслишь! Никакой справедливости не существует.

— Но она существовала, пока правили Владыки Порядка!

— Недолгое время может существовать все что угодно — даже справедливость. Но истинная форма существования Вселенной — анархия. В этом-то и заключена ваша трагедия, смертные: вы никак не можете с этим смириться.

Ответить Коруму было нечем. Он уселся за стол и стал есть. Ариох тоже сел — напротив, однако к еде даже не притронулся, лишь вина себе налил. Корум встревоженно на него посмотрел, и Ариох улыбнулся:

— Не бойся! Пища не отравлена. С какой стати мне прибегать к какому-то жалкому яду?

Корум снова принялся за еду. Насытившись, он сказал:

— А теперь я бы с удовольствием немного отдохнул. Разумеется, если я по-прежнему твой гость.

— Что? — Ариох, казалось, был озадачен.— Что ж, хорошо. Спи, раз хочется,— и он слабо махнул рукой. Корум тут же упал лицом в тарелку и крепко уснул.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ПРОКЛЯТИЕ ПОВЕЛИТЕЛЕЙ МЕЧЕЙ

Корум с трудом заставил себя пошевелиться и открыть глаза. Пиршественный стол куда-то исчез. Исчез и сам Ариох. Огромный зал был погружен во тьму; слабый свет просачивался лишь из-под некоторых дверей под галереей.

Принц встал и огляделся. Может, он все еще спит? А может, ему приснилось все то, что случилось с ним раньше? И правда, встреча с Ариохом очень похожа была на сон. Но раз так, то и все происшедшее с тех пор, как он покинул благословенный замок Эрорн,— тоже сны?

И где же все-таки Ариох? Неужели отбыл по каким-то своим делам в иные миры? Видно, не рассчитал, полагаясь на более

длительное действие своих чар. В конце концов, именно поэтому он и желал уничтожить вадхагов: не мог их понять, не мог предсказать, на что они способны, не мог управлять их душами с той же легкостью, с какой управлял душами мабденов...

И Корум понял: это единственная возможность проникнуть в ту башню, где Ариох хранит свое сердце, выбраться оттуда невредимым, вернуться к Шулу и потребовать назад Ралину. Теперь его влекла к цели уже не жажда мести. Ему хотелось одного: завершить это чересчур затянувшееся путешествие и обрести мирную жизнь с любимой женщиной в старом замке у моря.

Он в три прыжка пересек зал, взбежал по лестнице на галерею и вскоре оказался на светящемся пандусе. Свет, исходивший от него, сейчас, правда, несколько померк, но пульсирующий оранжевый знак на двери в вышине по-прежнему был виден отчетливо: восемь стрел, расходящихся в стороны от центральной оси: знак Хаоса.

Тяжело дыша, Корум взбежал по извивающемуся спиралью пандусу. Вскоре весь дворец остался где-то внизу, а перед принцем выросла дверь, несокрушимая мощь которой заставила его почувствовать себя жалким насекомым. И он, потрясенный, остановился: он понял, что достиг своей цели.

Знак мерно пульсировал, точно живое сердце, омывая лицо, руки, доспехи Корума золотисто-красным светом. Принц что было сил толкнул дверь, но с тем же успехом могла мышь попытаться отворить дверь величественного царского саркофага. Дверь не шелохнулась.

Срочно требовалась помощь. Корум задумчиво посмотрел на руку Квилла. Сможет ли он позвать на помощь силы тьмы? И чем заплатит им?

Но тут рука Квилла непроизвольно сжалась в кулак и начала светиться столь ярким слепящим светом, что Коруму пришлось отодвинуть ее подальше от глаз. Прикрыв глаза второй рукой, он почувствовал, как рука Квилла поднимается в воздух и ударяет прямо в мощную дверь. Раздался гул, похожий на звон огромных колоколов, а потом такой треск, словно раскололась сама Земля. Рука Квилла на время затихла, и Корум, открыв глаза, увидел, что дверь треснула. То была относительно небольшая трещинка в нижнем правом ее углу, но и ее оказалось достаточно, чтобы Корум смог пролезть внутрь.

— Ну вот, теперь ты помогаешь мне так, как нужно! — шепнул он руке Квилла, опустился на колени и нырнул в трещину.

И очутился на втором пандусе, который вел его куда-то вверх над морем искрящейся пустоты. Странные звуки слышались вокруг, то усиливаясь, то затихая, то приближаясь, то исчезая вдали. В них звучали разные чувства — угроза, слава вечной жизни и красоте, смертельный ужас и невообразимый покой... Корум потянулся было за мечом, но тут же понял: это бессмысленно. И пошел дальше.

Невесть откуда взявшийся порыв ветра раздул его алый плащ. Ветер был то пронизывающе-ледяным, то обжигающе-горячим. Вокруг в пустоте мелькали чьи-то лица, и многих Корум узнавал. Лица были то огромными, то совсем крошечными. И все время за ним следили чьи-то глаза, чьи-то губы раздвигались в усмешке, слышались и замолкали чьи-то печальные стоны. Потом его со всех сторон окутало темное облако. Звон — нежный звон стеклянных колокольчиков — наполнил его уши... Какой-то голос назвал его по имени, а эхо разносило и разносило звуки его имени в бесконечной пустоте. Рядом вдруг вспыхнула радуга, пронизав его своими яркими красками. Но Корум медленно и упорно продолжал подъем.

И наконец пандус кончился. Он стоял на небольшой площадке, как бы висевшей в пустоте.

В центре площадки на возвышении находился странный, ярко светившийся каким-то пульсирующим светом предмет.

В его лучах застыли воины-мабдены. Их тела казались замороженными прикосновением этих волшебных лучей, но глаза жили, и в этих глазах, устремленных на Корума, были боль, любопытство и неясная тревога.

Корум остановился.

Предмет на возвышении был глубокого мягкого синего цвета. Небольшой. Сиявший, как драгоценный самоцвет, которому искусный ювелир придал форму сердца. При каждом ударе этого «сердца» во все стороны разлетались волшебные стрелы света.

Это могло быть лишь оно, сердце Ариоха.

Но приблизиться к нему оказалось непросто. Свидетельством тому были «замороженные» мабденские воины.

Корум сделал один лишь шаг, и луч синего света коснулся его щеки. Щеку точно морозом обожгло.

Еще шаг — и два луча, скользнув по телу принца, заставили его содрогнуться от холода, но все же холод был не настолько силен, чтобы окоченеть. Коруму уже удалось продвинуться гораздо дальше тех воинов. Еще два шага — и лучи градом посыпались на его голову и плечи, но ощущение было, пожалуй, даже приятным. Корум протянул было правую руку, чтобы взять сердце Ариоха, но левая рука, рука Квилла, оказалась проворнее.

— Похоже, в этом мире повсюду разбросаны части божественных тел! — пробормотал Корум и, обернувшись, увидел, что воины ожили, растирают замерзшие лица и неловко вкладывают мечи в ножны.

Корум спросил ближайшего:

— Почему ты искал сердце Ариоха?

— Не по своей воле. Меня послал один колдун, пообещав мне жизнь, если я украду это сердце.

— Колдун по имени Шул?

— О да! Шул... Принц Шул!

Остальные мабдены согласно закивали:

— Верно! И меня Шул послал!

— И меня!

— Меня тоже послал Шул,— сказал Корум.— Но мне и в голову не приходило, что он столько раз пытался выкрасть сердце Ариоха!

— Ариох просто забавляется с этим Шулом,— прошептал один из мабденов.— Я знаю: сам Шул мало что мóжет, это Ариох дает ему и власть, и могущество, а колдун считает все это собственными достижениями. Ариоху просто нравится так развлекаться; он специально создает себе врага посильнее, с которым можно было бы поиграть подольше. Ему скучно. Но теперь ты завладел его сердцем. Не ожидал, видно, великий бог, что у его игры такой конец будет!

— Да уж,— кивнул Корум.— Впрочем, лишь его беззаботность и позволила мне добраться сюда. Надо еще постараться найти выход из дворца, прежде чем Ариох поймет, что произошло.

— Можно ли нам пойти с тобой? — спросил тот же мабден.

Корум кивнул.

— Только поторапливайтесь.

И они поползли вниз по пандусу, висящему в пустоте.

Где-то посредине пути один из мабденов вдруг споткнулся, пронзительно вскрикнул, отлетел на самый край пандуса и

упал — словно поплыл куда-то в сверкающем искрами воздушном море.

Они заторопились и наконец достигли трещины в нижнем углу чудовищной двери. Один за другим пролезли похитители в узкую щель и двинулись вниз по второму, светящемуся пандусу. Потом миновали галерею со стенами из дивного мрамора и спустились по лестнице в зал...

Корум тщетно искал ту дверь, через которую вошел во дворец. Ведущую в серебряный туннель. Ноги его уже гудели от усталости — он несколько раз обошел весь зал по периметру. Дверь исчезла.

Внезапно погруженный во мрак зал снова ожил, засиял яркими огнями. На полу, на куче отбросов, снова восседал Ариох в обличье жирного и грязного великана и смеялся. По нему, как и в первый раз, ползали стаи мабденов-паразитов.

— Ха-ха-ха! Видишь, Корум, сколь я великодушен? Я позволил тебе заполучить почти все, к чему ты стремился, даже мое сердце! Но я не могу позволить тебе унести его. Я ведь без него не смогу править здесь, так что лучше уж я верну его в собственное тело.

Плечи у Корума тяжело обвисли.

— Мы обмануты,— сказал он своим дрожавшим от страха спутникам.

Но один из них возразил:

— Ариох просто хочет воспользоваться твоей добычей, господин вадхаг. Сам он никогда бы не смог достать из этой башни свое сердце. Разве ты этого не знал?

Ариох захохотал, складки на жирном животе затряслись, мабдены-паразиты попадали на пол.

— Верно! Верно! Ты сослужил мне хорошую службу, принц Корум! Сердца Повелителей Мечей хранятся в таких местах, которые для них самих являются табу, чтобы они могли править только в своих владениях и не пытались узурпировать власть в иных мирах. Но ты, Корум, благодаря свойствам своей замечательной древней расы, сумел сделать для меня то, чего я сам сделать никогда бы не смог. А когда я обрету, наконец, свое сердце, то смогу бесконечно расширять границы своего царства. Если, разумеется, захочу.

— Значит, я принес тебе пользу,— горько промолвил Корум,— вместо того, чтобы уничтожить тебя, помешать тебе творить бесконечное зло!..

Зал задрожал от хохота Ариоха.

— Да, именно так! Прелестная шутка, верно? Ну, давай-ка сюда мое сердце, вадхаг.

Корум прижался спиной к стене и выхватил меч; сердце Ариоха он по-прежнему сжимал в левой руке.

— Прежде я умру, Ариох.

— Как тебе будет угодно.

Чудовищных размеров рука протянулась, чтобы схватить Корума, и он рубанул по ней мечом. Ариох взревел от смеха и подобрал с пола двух мабденов. Они визжали и извивались, когда он сунул их в свою отвратительную, слюнявую пасть, полную гнилых зубов. Корум услышал, как захрустели кости. Ариох прожевал свою «закуску», проглотил ее и сплюнул на пол меч одного из несчастных. Потом опять уставился на Корума.

Принц отскочил за колонну. Рука Ариоха обвила ее толстыми пальцами; пальцы шарили совсем рядом с Корумом, но схватить не могли.

Снова раздался чудовищный смех; ему вторили писклявые голоса мабденов-паразитов. Колонна рухнула, стоило Ариоху несильно стукнуть по ней ладонью.

Корум стремглав бросился через зал, перескакивая через изломанные тела падавших с Ариоха мабденов, но тут великан проявил расторопность и схватил его, отвратительно хихикая.

— А ну отдавай мое сердце, козявка!

Корум задыхался; с огромным трудом он высвободил руки из мягкой плоти, сдавливавшей его со всех сторон. Огромная рука Ариоха была теплой и влажной. От нее исходил отвратительный запах. Ногти были обломаны.

— Отдавай мое сердце!

— Нет! — Корум глубоко вонзил меч в большой палец Ариоха, но тот этого даже не заметил. Мабдены-паразиты, повисшие на волосатой груди великана, с бесцветными улыбками следили за происходящим.

У Корума трещали ребра, но сердца, зажатого в левом кулаке, он Ариоху не отдавал.

— Ну и не надо! В конце концов, это не так уж и важно,— заявил вдруг Ариох и чуть ослабил хватку.— Я ведь, собственно, могу запросто проглотить тебя вместе со своим сердцем,— и он поднес лапищу с зажатым в ней Корумом ко рту.

Из его разинутой пасти исходила чудовищная вонь. Корум чуть не задохнулся, но упорно продолжал рубить и колоть Ари-

оха своим мечом. Ухмылка расползлась по гигантским губам. Теперь Корум видел лишь эту пасть, отвратительные волосатые ноздри, чудовищные глаза. Ариох еще шире раскрыл рот, готовясь проглотить свою жертву, и Корум рубил уже его нижнюю губу, а перед ним раскрывалась темнокрасная пропасть глотки.

И тут его левая рука шевельнулась и сдавила сердце Ариоха. Сдавила с такой силой, какой у самого Корума никогда не было.

Смех Ариоха затих. Огромные страшные глаза расширились, и в них блеснул какой-то новый огонек. Чудовищный рев исторгся из разверстой глотки.

Рука Квилла еще сильнее сжала сердце.

Ариох пронзительно вскрикнул.

И тут сердце его начало крошиться. Красно-синие яркие лучи брызнули сквозь пальцы руки Квилла. Корум почувствовал, как резкая волна боли пробежала от кисти к плечу.

Потом раздался странный тонкий свист.

Ариох заплакал. Рука его, сжимавшая тело Корума, совсем ослабила свою хватку. Гигант зашатался.

— Нет, смертный, нет... — голос Ариоха звучал умоляюще. — Пожалуйста, смертный, мы можем...

Немыслимых размеров туша начала вдруг таять в воздухе. Рука, сжимавшая Корума, расплылась, утрачивая свою форму, и принц полетел на пол, сильно ударился, и осколки разбитого сердца Ариоха со звоном разлетелись во все стороны.

Корум попытался подняться, увидел, как исчезает в воздухе извивающееся тело Ариоха, услышал печальные звуки погребальных колоколов и потерял сознание. Но перед этим успел услышать прощальный шепот Рыцаря Мечей:

— Принц Корум из племени вадхагов! Ты выиграл этот бой, но заслужил проклятие Повелителей Хаоса!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ПЕРЕРЫВ, ОБЕЩАННЫЙ СУДЬБОЙ

Мимо Корума следовала странная процессия.

То были представители сотен различных племен и рас; они шли, ехали верхом, их несли в паланкинах слуги, и Корум понимал, что видит некий вселенский парад человечества, того человечества, которое зародилось задолго до начала борьбы сил Порядка и сил Хаоса за право властвовать во множестве миров.

В отдалении он видел поднятые знамена Порядка и Хаоса, на одном — восемь исходящих из единого центра и раположенных по кругу стрел, на другом — одна-единственная прямая стрела. А над колышащимися знаменами гигантским коромыслом застыли весы в состоянии абсолютного равновесия. В каждой из чаш находились некие неведомые Коруму создания, но не простые смертные. В одной из них он заметил Ариоха и других Повелителей Хаоса, в другой — Владык Порядка.

И услышал голос:

— Так и должно быть всегда. Ни Порядок, ни Хаос не должны доминировать, воздействуя на миры смертных. Должно сохраняться полное равновесие.

— Но ведь равновесия нет! — выкрикнул Корум.— Всем на свете правит Хаос!

И голос отвечал:

— Порой чаши весов чуть склоняются в ту или другую сторону. И тогда их необходимо подправить. Это смертным вполне по силам.

— Но как нам сделать это?

— Ты уже кое-что сделал. И теперь должен довести дело до конца. Если погибнешь ты, на смену тебе непременно придет другой.

— Но я не хочу, не могу нести столь тяжкое бремя! — закричал в отчаянии Корум.

— ТЫ ДОЛЖЕН!

А процессия продолжала движение, не замечая ни Корума, ни двух реявших в вышине знамен, ни весов с двумя временно пребывающими в равновесии чашами...

Корум как бы плыл среди облаков тумана, и в душе у него царил покой. Постепенно вновь стали видны окружавшие его предметы, и он понял, что все еще находится во дворце Рыцаря Мечей. Его же собственный меч исчез.

— Я верну тебе меч перед уходом, принц Корум из племени вадхагов,— раздался над ним чей-то спокойный и громкий голос.

Корум обернулся и в изумлении выдохнул:

— Великан из Лаара!

С вышины ему улыбалось печальное мудрое лицо.

— Да, так меня звали, пока я был в ссылке. Но теперь ссылка моя кончилась, и ты можешь называть меня моим настоящим именем: лорд Аркин. И это мой дворец. Ариоха здесь

больше нет. Лишившись сердца, он не может удержать свою плоть в наших плоскостях. А без плоти не может и править ими. Теперь здесь снова правлю я.

Плоть самого лорда Аркина по-прежнему была несколько расплывчатой, хотя он уже обретал нормальные формы.

— Потребуется еще некоторое время, прежде чем я обрету свой прежний облик,— улыбнулся Аркин в ответ на мысли Корума.— Лишь ценой очень больших затрат энергии и воли сумел я вообще удержаться в этом мире. Когда я спас тебя от мабденов, Корум, я не знал еще, что благодаря тебе смогу снова править здесь. Я очень благодарен тебе.

— А я, хоть и с опозданием, благодарю тебя, господин мой.

— От добра рождается добро,— сказал лорд Аркин.— От зла — зло.

— Не всегда, господин мой,— улыбнулся Корум.

Лорд Аркин тихо засмеялся.

— О да, ты прав. Не всегда. Ну что ж, смертный, я должен вернуть тебя в твою плоскость.

— Можешь ли ты перенести меня в определенное место, господин мой?

— Могу, Принц в Алом Плаще.

— Лорд Аркин, тебе известно, почему я пошел этим путем. Я искал последних представителей своего народа. Скажи: все ли вадхаги исчезли с лица Земли?

Лорд Аркин опустил голову.

— Все, кроме тебя.

— А не можешь ли ты вернуть их?

— Вадхаги всегда были моим самым любимым племенем среди всех смертных, принц Корум. Но я не в силах повернуть вспять колесо времени. Ты последний вадхаг. И все же...— лорд Аркин помолчал.— И все же может еще наступить такое время, когда вадхаги вернутся. Впрочем, будущее я вижу пока неясно, а потому и не должен более говорить об этом.

Корум вздохнул.

— Что ж, я должен быть доволен и таким ответом. А что с Шулом? В безопасности ли Ралина?

— Думаю, что да. Я еще недостаточно хорошо воспринимаю этот мир в целом, а Шул к тому же является порождением Хаоса, и мне его видеть сложно. Но, по-моему, Ралине угрожает опасность, хотя могущество Шула неизбежно должно окончиться с падением власти Ариоха.

— Прошу, пошли меня поскорее на остров Сви-ан-Фанла-Брул! Ибо я очень люблю маркграфиню Ралину...

— Именно способность любить и сделала тебя сильным, принц Корум.

— А способность ненавидеть?

— Она лишь направляет твою силу.

Вдруг лорд Аркин нахмурился, словно обнаружил нечто для себя совершенно непонятное.

— Ты печален в час своей победы, лорд Аркин? Неужели ты всегда печален?

Владыка Порядка посмотрел на Корума почти удивленно.

— Да, наверное, я все еще немного печален... Я оплакиваю вадхагов, как их оплакиваешь и ты. И я оплакиваю того, кто был убит твоим врагом, Гландитом-а-Крэ. Ты называл его Мохнатым Человеком...

— Да, он был очень добр... Но неужели Гландит по-прежнему сеет смерть на земле Бро-ан-Вадхаг?

— Да. И я думаю, вы с ним еще встретитесь.

— И тогда я убью его.

— Возможно.

И лорд Аркин исчез. Исчез и дворец.

С мечом в руке стоял Корум перед низкой и узкой дверью — входом в жилище Шула. За его спиной в саду хищные растения тянулись вверх и жадно пили дождь, падавший с бледно-серых небес.

Удивительная и странная тишина царила в темном и нелепом замке колдуна. Корум, не колеблясь ни минуты, бросился по извилистым коридорам.

— Ралина! Ралина!

Стены, словно нарочно, гасили звуки, как бы громко он ни звал ее.

— Ралина!

И наконец он услышал тонкий, слабый, старческий голос. Это был Шул!

— Шул! Где ты?

— ПРИНЦ Шул. Меня подобает называть в соответствии с моим титулом. Теперь, когда мои враги одержали надо мной победу, тебе должно быть стыдно насмехаться надо мной.

Корум вошел в ту комнату, откуда доносился голос Шула. Он узнал только его глаза. Шул превратился в иссохшее, съе-

жившееся от старости существо. Он лежал на постели, не в силах сдвинуться с места.

Потом вдруг заныл:

— И ты наверняка явился, чтобы мучить меня,— ведь теперь я лишился сил. Вот так всегда: великих постигают неудачи, а их жалкие соперники...

— Хватит! Ты стал «великим» только потому, что Ариоху захотелось позабавиться.

— Молчать! Меня не проведешь! Ариох просто отомстил мне — ведь я стал более могущественным, чем он сам.

— Ты всего лишь получил взаймы, на время, даже не подозревая об этом, частицу его могущества. Ариоха больше нет в наших пяти плоскостях, Шул, и ты сам придал событиям такой ход. Ты хотел заполучить сердце Ариоха, хотел сделать его своим рабом. Ты послал множество мабденов, надеясь, что они сумеют совершить эту кражу, но никому из них это не удалось. А вот меня тебе посылать не следовало, Шул. Мне, вадхагу, удалось выполнить твою задачу, но кража закончилась твоим крахом.

Шул зарыдал, тряся головой, похожей на голову мумии.

— Где Ралина, Шул? Если с ней что-нибудь случилось...

— Случилось? — из трещины провалившегося рта вылетел дребезжащий смешок.— Да ведь это она загнала меня сюда! Забери ее из моего дома, вадхаг! Я знаю: она хочет меня отравить.

— Где она?

— Я сделал тебе щедрые подарки. Вот эту новую руку и новый глаз... Ты бы и до сих пор оставался калекой, но я был добр к тебе. Хотя ты, конечно, позабудешь о моем великодушии, ты...

— Твои «подарки», Шул, чуть не искалечили мою душу! Где Ралина?

— Обещай, что ничего дурного мне не сделаешь, если я скажу тебе?

— Да зачем мне такая жалкая развалина? Ну, говори же!

— В конце этого коридора есть лестница. На самом ее верху — комната. Она там заперлась. Я бы, может, даже сделал ее своей женой... Это для нее большая честь!.. Ведь стать женой бога... бессмертного... Но она...

— Значит, ты все-таки меня предал?

— Бог может поступать так, как захочет.

Корум выбежал из комнаты, бросился по коридору, взбежал по лестнице и забарабанил в дверь рукоятью меча.

— Ралина!

Из-за двери донесся усталый голос:

— Итак, сила твоя вернулась, Шул? Но меня ты больше уж не обманешь! И не притворяйся Корумом — он мертв, а я никого и никогда больше не полюблю. И уж конечно, не...

— Ралина! Это действительно я, Корум! Шул теперь бессилен, а Рыцарь Мечей изгнан из нашего мира. Все могущество Шула улетучилось вместе с Ариохом, его хозяином.

— Это правда?

— Открой дверь, Ралина!

Осторожно щелкнули замки, появилась Ралина, страшно утомленная, со следами страданий на лице. Однако красота ее не померкла. Она заглянула Коруму в глаза, и лицо ее вспыхнуло от внезапного облегчения и любви, а потом она упала без чувств.

Корум бережно поднял ее и понес вниз по лестнице. У дверей спальни Шула он чуть помедлил.

Человек, некогда бывший великим колдуном, исчез.

Подозревая подвох, Корум поспешил к главному входу.

Под дождем по тропе между кланявшимися и извивавшимися растениями поспешно улепетывал Шул; дряхлые его ноги с трудом несли иссохшее тело.

Он оглянулся, увидел Корума, затрясся от страха и вдруг нырнул прямо в заросли.

Послышалось отвратительное чавканье и причмокивание. Потом какое-то шипение, тонкий вопль...

Корума затошнило: растения Шула пообедали в последний раз.

Усталый, он нес Ралину по тропе, отбиваясь от бесконечных усиков и хищных цветков, что жаждали обнять, поцеловать или укусить его. Наконец они вышли на берег моря.

Лодка была причалена на прежнем месте. Небольшой ялик, на котором при аккуратном обращении вполне можно будет доплыть до замка на острове Мойдель.

Море под мелким серым дождиком казалось зеркально-гладким. На горизонте уже показалась светлая полоска неба.

Бережно положив Ралину на дно лодки, Корум поднял парус и взял курс на Алломглиль.

Ралина очнулась через несколько часов, посмотрела на Корума, нежно улыбнулась и снова уснула.

Ближе к ночи, когда лодка уже уверенно шла заданным курсом, Ралина наконец проснулась, неслышно подошла к Коруму и села рядом. Он молча накинул ей на плечи свой алый плащ.

Светила луна. Ралина потянулась и поцеловала его в щеку.

— Я уж и не надеялась...— начала она и вдруг заплакала, не в силах больше вымолвить ни слова. Корум ласково ее обнял.

— Корум,— сказала она наконец,— неужели судьба оказалась так к нам добра?

И тогда он рассказал ей обо всем, что выпало на его долю. О рагха-да-кхета, о волшебном воздушном змее, об Огненных землях, об Ариохе и об Аркине...

Все рассказал он ей, кроме двух вещей.

Он не рассказал Ралине, как рука Квилла задушила короля Темголь-Лепа, пытавшегося отравить его, и как она убила ее соотечественника Ганафакса, пытавшегося ему помочь.

Когда Корум закончил свой рассказ, чело Ралины разгладилось, и она вздохнула, счастливая.

— Значит, у нас теперь наконец-то мир? Спор окончен?

— Мир, если нам повезет — на какое-то время.

Начинался рассвет. Корум выправил курс.

— Ты же не оставишь меня снова одну, Корум? Теперь, когда восстановлен Порядок, и конечно же...

— Порядок восстановлен только в этом мире. Повелители Хаоса будут очень этим недовольны. Последние слова Ариоха, обращенные ко мне, были о том, что я навлек на себя проклятие Повелителей Мечей. А лорд Аркин сказал, что впереди еще много работы, прежде чем Порядок утвердится во всех пятнадцати плоскостях мироздания. А еще он мне сказал, что мы не раз услышим о Гландите-а-Крэ.

— Ты по-прежнему жаждешь отомстить ему?

— Больше уже нет. Он был всего лишь инструментом в руках Ариоха. Но он-то не забудет своей ненависти ко мне, Ралина.

Небо стало совсем голубым; золотая полоса разгоралась на горизонте. Дул теплый ветерок.

— Так неужели, Корум, нам не суждено ни дня прожить в мире и покое?

— Некоторое время, я думаю, мы с тобой проживем спокойно. Но то будет всего лишь передышка перед боем, Ралина.

Будем же радоваться хотя бы этой передышке и с благодарностью принимать каждый ее день. По крайней мере, это мы заслужили.

— О да,— голос ее зазвучал веселее.— А покой и любовь, которые пришлось отвоевывать, всегда ценятся куда больше!

Он молча обнял ее.

Солнце ярко светило в небе. Лучи его коснулись руки Квилла и глаза Ринна, и они засверкали, засияли разноцветным пламенем.

Но Ралина этого уже не видела: она снова уснула в объятиях Корума.

Вдали показалась гора Мойдель. Ее зеленые склоны омывало тихое голубое море, а солнце освещало белоснежный замок на вершине. Было время прилива, и дамба скрывалась под водой.

Корум заглянул в лицо спящей Ралины, улыбнулся и нежно погладил ее по волосам.

Виден был и лес на берегу, более не таивший угрозы.

Корум посмотрел в безоблачное небо.

Он надеялся, что передышка будет достаточно долгой.

✧

Так кончается Первая Книга о приключениях Корума, Принца в Алом Плаще.

КОРОЛЕВА МЕЧЕЙ

© И. Данилов, перевод, 1999.

Часть первая,
В КОТОРОЙ СУДЬБА ПОСЫЛАЕТ ПРИНЦУ КОРУМУ ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ, ОН ВСТРЕЧАЕТ ПОЭТА И СОБИРАЕТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КАКОЙ УЛОВ ВЫБРОСИЛ ИЗ СЕТЕЙ БОГ МОРЯ

Вот уж летнее небо стало бледно-голубым над синевой моря, над золотистой зеленью лесов на материке, над поросшими травой склонами горы Мойдель и белыми стенами замка, венчавшего ее вершину. А последний из расы вадхагов, принц Корум, Принц в Алом Плаще, забыл обо всем на свете из-за любви к прекрасной мабденской женщине, маркграфине Ралине из Аллomглиля.

В принце Коруме с первого взгляда можно было узнать вадхага. Хотя его правый глаз был закрыт повязкой, украшенной драгоценными камнями, левый его глаз, настоящий, был большой, миндалевидный, с желтым зрачком и красной радужкой. Узкий и длинный череп, острый подбородок, заостренные кончики ушей, плотно прижатых к черепу и лишенных мочек. Светлые волосы, столь воздушные, что с ними не могли сравниться даже самые легкие кудри мабденских девиц. Широкий рот с полными губами и розовая кожа, усыпанная золотыми веснушками. Его можно было бы назвать красивым, если бы не отсутствие правого глаза и не жесткие, горькие складки вокруг рта. И еще, конечно, странная чужая рука, которая столь часто хваталась за эфес меча, что

было сразу заметно, когда Корум откидывал свой алый плащ. На этой левой руке у Корума было шесть пальцев. Сама она как будто была скрыта под украшенной драгоценными камнями латной перчаткой. Но это только казалось. На самом же деле она была покрыта чешуей, выглядевшей как драгоценные камни. Странной и жуткой была мысль о том, что именно эта рука сокрушила сердце самого Рыцаря Мечей — лорда Ариоха, Владыки Хаоса, и позволила вернуться к власти лорду Аркину, Владыке Порядка.

При первом же взгляде на Корума сразу становилось ясно: это человек, одержимый жаждой мести. Он, действительно, поклялся отомстить за гибель всех своих родных и уничтожить графа Гландита-а-Крэ, вассала Короля Лир-а-Брода из Каленвира, правившего восточными и южными землями континента, когда-то принадлежавшими вадхагам. Он поклялся служить Порядку и бороться против Хаоса, которому поклонялись Лайр и его подданные. Он никогда не забывал о своей клятве; благодаря ей он превратился в мужчину, в рыцаря, она остудила юношеский пыл в его крови и оставила неизгладимый след в его душе. И еще ему не давала покоя мысль о дарованной его телу мощи — руке Квилла и глазе Ринна.

Маркграфиня Ралина была прелестной женщиной. Густые пряди черных волос обрамляли ее нежное лицо, на котором выделялись огромные глаза и алый чувственный рот. Ее тоже все время беспокоили думы о колдовских дарах покойного волшебника Шула, но она старалась выбросить из головы мысли о нем, как прежде оттоняла от себя воспоминания о своем покойном муже, маркграфе, погибшем во время кораблекрушения при попытке добраться до Ливм-ан-Эш, страны, которой он верно служил и которую сейчас поглощало море.

Смеялась она гораздо чаще Корума, и это служило ему утешением в его горестях. Он нередко вспоминал о тех давно минувших днях, когда он тоже мог беззаботно смеяться, и воспоминания о былой беззаботности вызывали у него порой ощущение горькой утраты. В памяти его всплывали и иные видения — его семья, родные и близкие, лежащие поверженными у стен охваченного пламенем замка Эрорн; Гландит, размахивающий мечом, с лезвия которого стекает кровь вадхагов... Эти жуткие картины посещали его гораздо чаще, чем воспоминания о прежней мирной жизни. Они навеки поселились в его сознании, иногда заполняя его целиком, иногда отступая куда-то в темные

уголки памяти, но никогда не оставляя его в покое. Лишь только его жажда мести начинала угасать, видения тут же напоминали о незаживающей душевной ране, и это чувство вновь охватывало Корума. Огонь, разъятая плоть, ужас... Варварские колесницы денледхисси, окованные бронзой и железом, украшенные грубыми изображениями из золота... Косматые малорослые лошадки и мощные бородатые воины в доспехах, снятых с поверженных вадхагов, их разверстые в победном кличе рты, а дальше, за ними, пылающие и рушащиеся башни замка Эрорн... Именно тогда Корум познал, что такое ненависть и ужас...

Жестокое лицо Гландита часто возникало в его памяти, заслоняя мертвые лица родителей и сестер, застывшие в предсмертной муке. И тогда он с криком просыпался среди ночи вне себя от ярости.

Лишь Ралина могла успокоить его, прижимая к себе и гладя его дрожащее от напряжения тело.

И все же в то лето выдавались дни, полные покоя, когда они медленно объезжали верхом окрестные леса, не опасаясь более лесных варваров-наездников. Их племена бежали еще в ту ночь, когда Гландит пытался штурмом взять замок. Они до смерти испугались корабля мертвецов, присланного волшебником Шулом и поднявшегося со дна моря под командой мертвого маркграфа, погибшего мужа Ралины.

Леса были полны жизни. Там бродили дикие животные, цвели яркие цветы, наполняя воздух густым ароматом. Эти мирные сцены способствовали тому, что раны в душе Корума понемногу заживали. Они были живым противопоставлением жестоким битвам, смерти и колдовству; они напоминали о том, что во Вселенной есть и нечто другое — спокойствие и красота, что Великое Равновесие и Порядок предлагают нечто большее, нежели просто порядок: они стремятся обеспечить гармонию во всех пятнадцати плоскостях мироздания, чтобы все живое могло бы существовать во всем своем многообразии. И еще Порядок обеспечивает такой мир, при котором все достоинства людей могли бы проявиться во всей полноте и развиться.

Однако Корум никогда не забывал, что, пока Гландит и те, кому он служит, еще живы, Порядку постоянно угрожает опасность, что Страх, это разлагающее душу чудовище, по-прежнему способен восторжествовать надо всеми достоинствами и добродетелями.

Однажды, когда они с Ралиной медленно ехали по лесу, Корум вдруг сказал, глядя куда-то вдаль невидящими глазами:

— Гландит должен погибнуть!

Ралина лишь кивнула в ответ, даже не спросив, почему он вдруг вспомнил об этом: она уже не раз в подобных обстоятельствах слышала от него эти слова. Она лишь натянула поводья, остановив свою гнедую кобылу посреди поляны, покрытой цветущими люпинами и колокольчиками, спешилась и, подобрав расшитые парчовые юбки, грациозной походкой пошла по поляне, раздвигая цветы и высокую траву. Корум, сидя в седле, наблюдал за нею и наслаждался ее красотой. А она, прекрасно зная, что он на нее смотрит, продолжала идти к противоположному краю поляны. Здесь было очень тепло, особенно в тени деревьев — дуба, клена и ореха, на ветвях которых устроили свои гнезда многочисленные птицы и белки.

— О Корум, если бы мы могли жить здесь всегда! Мы бы построили здесь дом, разбили сад...

Он попробовал улыбнуться в ответ.

— Это невозможно. Ведь это только передышка. Шул был прав. Мы согласились вступить в борьбу, значит, должны быть готовы принять ее законы. Стало быть, наша судьба предопределена. Даже если бы я забыл свой обет ненависти, даже если бы я не поклялся служить Порядку против Хаоса, Гландит все равно объявился бы здесь и нам непременно пришлось бы защищать наш мир. А Гландит очень силен, Ралина. Он может уничтожить эти прекрасные леса в одну ночь. Мне кажется, это даже доставит ему удовольствие, ведь он знает, как мы их любим.

Она опустилась на колени и вдохнула аромат цветов.

— Ну почему все так происходит? Неужели ненависть всегда будет рождать ненависть, а любовь оставаться беспомощной?

— Если лорд Аркин прав, то так будет не всегда. Но тем, кто считает, что любовь должна быть сильной, следует быть готовыми отдать жизнь за то, чтобы она эту силу обрела.

Она резко подняла голову. В глазах ее была тревога.

Он лишь пожал плечами в ответ на ее безмолвный вопрос.

— Да, именно так он считает. И это правда.

Она медленно выпрямилась и пошла к лошади. Поставила ногу в стремя и села бочком в свое дамское седло. Корум сидел неподвижно, глядя на цветы и на траву, которая медленно распрямлялась там, где по ней ступали ноги Ралины.

— Это правда,— повторил он. Потом добавил, поворачивая коня назад: — Нам пора возвращаться, пока прилив не отрезал путь в замок.

Некоторое время спустя они выбрались из леса и направили лошадей вдоль берега. Синие волны моря набегали на белый песок. Впереди виднелась дамба, ведущая к скале, на которой стоял замок на острове Мойдель, самый отдаленный и почти забытый форпост цивилизации, когда-то расцветшей на земле Ливм-ан-Эш. Когда-то замок окружали леса, покрывавшие всю страну Ливм-ан-Эш, но теперь над ними плескались волны моря.

В безоблачном небе с криками кружили морские птицы. То одна, то другая вдруг камнем падали вниз, чтобы схватить рыбу и унести ее в свое гнездо на острове Мойдель. Копыта лошадей стучали по прибрежному песку, иногда разбрызгивая набегавшие волны. Всадники приближались к дамбе, которую вскоре должен был закрыть прилив.

И вдруг внимание Корума привлекло какое-то движение далеко в море. Он наклонился вперед, вглядываясь вдаль.

— Что там? — спросила Ралина.

— Не знаю. Может быть, большая волна. Но ведь время штормов еще не пришло... Посмотри сама.

— Мне кажется, там над водой какой-то туман. Милях в двух отсюда. Трудно разобрать...— она вдруг задохнулась от волнения.— Это волна!

К ним действительно приближалась огромная волна. Вода у берега забурлила.

— Такое впечатление, что это огромный корабль, который плывет с большой скоростью,— сказал Корум.— Что-то знакомое...

И он начал пристально вглядываться в приближающийся туман.

— Видишь что-нибудь? Там словно какая-то тень. Тень человека...

— Да, вижу. Огромная фигура! Может быть, это мираж? Игра света и тени?

— Нет, это не мираж,— сказал он.— Я такое уже видел. Это великан. Великан, который ловит рыбу. Это из-за него моя лодка перевернулась и утонула у берегов Кулокраха!

— Странствующий бог,— сказала она.— Я слыхала о нем. Его иногда называют еще Большой Рыбак. Легенды утверждают, что видеть его — дурное предзнаменование!

— Да, для меня оно полностью оправдалось, когда я встретился с ним в прошлый раз,— со смехом произнес Корум.

Теперь огромная волна была уже у самого берега. Кони попятились от воды.

— Он уже совсем близко. И туман идет за ним следом.

Действительно, туман двигался к берегу следом за гигантской волной по мере того, как великан приближался к ним. Его уже можно было разглядеть. Он тяжело шел, спиной вперед, согнувшись под тяжестью сети, которую тащил за собой.

— Что он хочет поймать? — прошептал Корум.— Кита? Морское чудовище?

— Все, что попадется,— ответила она.— Все, что есть в море или на его поверхности,— она вздрогнула.

Дамбу уже полностью закрыли поднятые гигантом волны. Спешить к замку не имело смысла. Вода заставила их отступить дальше к лесу. Тяжелые валы все накатывались и накатывались на берег, разбиваясь о песок и гальку.

Туман достиг берега и окутал все вокруг. Стало холодно, хотя солнце по-прежнему сияло в небе. Корум завернулся в плащ. Теперь они явственно слышали тяжелые шаги великана. Коруму вдруг показалось, что это бредет проклятое создание, обреченное всю вечность тащить сеть через моря и океаны мира, никогда не находя того, что оно ищет...

— Говорят, он хочет выловить свою душу,— прошептала Ралина.— Собственную душу.

Вот гигант распрямился и вытащил сеть из воды. Множество тварей билось в ней, некоторые им совершенно неведомые. Большой Рыбак тщательно обследовал свой улов, а затем вывернул сеть наизнанку, выпуская всех пойманных тварей обратно в море. Потом он опять забросил сеть и медленно побрел дальше, спиной вперед и согнув плечи, пытаясь выловить то, что, видимо, ему никогда не суждено было поймать.

Великан удалялся в открытое море, и туман вслед за ним уходил от берега. Море стало понемногу успокаиваться, затихать, а туман вскоре совсем растаял за горизонтом.

✧

Жеребец Корума коротко заржал и ударил копытом в мокрый песок. Принц взглянул на Ралину. Ее глаза смотрели куда-то вдаль, на лице застыло напряженное выражение.

— Опасность уже миновала,— сказал он, желая подбодрить ее.

— Ее еще и не было,— ответила она.— Появление морского бога — лишь предупреждение об опасности.

— Это только ваши легенды так говорят...

Ее глаза вновь ожили.

— Разве тебе мало подтверждений того, что наши легенды говорят правду?

Он согласно кивнул и предложил:

— Поехали домой. Скоро море опять закроет дамбу.

Лошади охотно двинулись к замку, к безопасности. Когда они проезжали по дамбе, уровень воды уже начал снова подниматься. Тяжелые волны бились о дамбу с обеих сторон, дробясь о валуны, из которых она была сложена. Лошади внезапно сами перешли в галоп.

Наконец они достигли ворот замка, и огромные тяжелые створки разошлись, чтобы пропустить их внутрь. Воины Ралины встретили их с радостью, горя нетерпением поделиться своими впечатлениями о происшествии.

— Вы видели великана, маркграфиня? — спросил Белдан, юный слуга Ралины, сбегая по ступеням западной башни.— Я уж было подумал, что это один из союзников Гландита.

Лицо юноши, обычно оживленное, было сейчас довольно мрачным.

— Кто его отогнал?

— Никто,— ответила она, спрыгивая с лошади.— Это был Странствующий бог. Он просто проходил мимо.

Белдан вздохнул с явным облегчением. Как и все остальные обитатели замка на острове Мойдель, он все время ожидал нового нападения. И был в этом совершенно прав: рано или поздно Гландит вновь появится под стенами, ведя с собой более сильных союзников, нежели воины из лесных племен, суеверные и легко впадающие в панику. До них уже дошли слухи о том, что граф Гландит после неудачного нападения на замок на острове Мойдель в ярости вернулся ко двору в Каленвире и просил короля Лира-Брода дать ему армию. В следующий раз он, вероятно, приведет с собой не только армию, но и флот, чтобы атаковать замок одновременно и с суши, и с моря. Такой штурм мог быть успешным, поскольку воинов в замке осталось совсем немного.

Когда они собрались на ужин в главном зале, солнце уже садилось. Корум, Ралина и Белдан сидели за столом. Корум

гораздо чаще обращал свое внимание на кувшин с вином, нежели на пищу. Он был задумчив и печален, погружен в мрачные размышления. Своим настроением он заразил и остальных, и они даже не пытались завязать беседу.

Так прошло часа два, а Корум все пил вино. Потом Белдан вдруг поднял голову, прислушиваясь. Ралина тоже нахмурилась, услышав непривычный шум. Только Корум продолжал сидеть безучастно.

Сначала раздался резкий стук. Потом заговорили неясные голоса, и стук прекратился. Потом голоса затихли, а стук возобновился вновь.

Белдан поднялся:

— Пойду узнаю, в чем дело.

Ралина взглянула на Корума.

— Я пока побуду здесь...

Он сидел, низко опустив голову, и неотрывно смотрел на свою чашу, то трогая пальцем повязку, закрывавшую подаренный ему глаз Ринна, то поднимая руку Квилла, вытягивая все шесть пальцев, сгибая их и рассматривая, словно раздумывая над тем, чем может грозить это внезапное вторжение.

Ралина прислушалась. Во дворе раздался голос Белдана. Стук снова прекратился. Последовал неясный обмен вопросами и ответами. Потом опять тишина.

Вернулся Белдан.

— У ворот стоит гость,— сказал он маркграфине.

— Откуда он?

— Он говорит, что он путешественник, что попал в беду и просит приюта.

— Лжет?

— Не знаю.

Корум поднял голову:

— Чужестранец?

— Да,— ответил Белдан.— Может быть, шпион Гландита.

Корум с трудом поднялся на ноги:

— Пойду взгляну...

Он провел рукой по лицу и, глубоко вздохнув, пошел к выходу из зала. Ралина и Белдан последовали за ним.

Когда он подошел к воротам, стук возобновился.

— Кто ты? — спросил Корум.— Что привело тебя в замок на острове Мойдель?

— Меня зовут Джери-а-Конел, я путешественник. Я оказался здесь не по своей воле и был бы признателен, если бы мне предоставили пищу и ночлег.

— Ты из Ливм-ан-Эш? — спросила Ралина.

— Я отовсюду и ниоткуда. Я не принадлежу ни к одному народу и в то же время принадлежу к любому из них. Одно я могу сказать точно — я вам не враг. Я промок насквозь и промерз до костей.

— Как ты добрался до Мойделя, ведь дамбу залило приливом? — спросил Белдан. Повернувшись к Коруму, он добавил: — Я уже спрашивал его об этом, но он не ответил.

Скрытый воротами путешественник что-то пробормотал в ответ.

— Не слышу,— сказал Корум.

— Черт бы вас побрал! Об этом не очень-то приятно вспоминать! Я попал в сеть! Я был частью улова! Именно эта сеть притащила меня сюда! А потом меня выбросили в воду за ненадобностью, и я вплавь добрался до вашего проклятого замка, взобрался на вашу проклятую скалу и теперь стучусь в ваши проклятые ворота, а мне отвечают какие-то проклятые идиоты! Вы что, тут, в Мойделе, о милосердии и понятия не имеете?!

Все трое посмотрели друг на друга в изумлении. Теперь они были убеждены в том, что чужестранец не имеет ничего общего с Гландитом.

Ралина подала знак воинам, и те отворили тяжелые ворота. В образовавшемся между створками просвете появилась тощая фигура в перепачканной мокрой одежде неизвестного здесь покроя. На спине чужестранца был мешок, а на голове шляпа, широкие поля которой, насквозь пропитанные водой, висли до плеч. Его длинные волосы были тоже совсем мокрые. Он был относительно молод, довольно красив и, несмотря на потрепанный и промокший вид, в его умных глазах читалась даже некоторая надменность. Он поклонился Ралине.

— Джери-а-Конел к вашим услугам, сударыня.

— Как это тебе удалось сохранить шляпу на голове, если тебя тащили в сети по морю? — спросил Белдан.— Да и мешок тоже?

Джери-а-Конел подмигнул в ответ:

— Я никогда не расстаюсь со шляпой и редко — со своим мешком. Путешественник вроде меня должен держаться за свои пожитки, что бы ни произошло.

— А ты именно путешественник? — спросил Корум.— И никто более?

Джери-а-Конел выказал некоторые признаки нетерпения.

— Ваше гостеприимство напоминает тот прием, который мне оказали некоторое время назад в одном месте. Оно зовется Каленвир...

— Так ты прибыл из Каленвира?!

— Я однажды посещал Каленвир. Однако, как я вижу, вас не смущает сравнение с Каленвиром, даже если оно не в вашу пользу...

— Прошу прощенья,— сказала Ралина.— Пойдемте. Еда на столе. Я скажу слугам, чтобы вам принесли сухую одежду. И полотенца.

Они вернулись в зал. Войдя, Джери-а-Конел огляделся по сторонам.

— А у вас здесь очень мило,— заметил он.

Они сели к столу, а Джери, отойдя в угол, стал деловито стаскивать с себя мокрую одежду. Раздевшись донага, он почесал нос и стал растираться полотенцем, которое принес слуга. Но от сухой одежды отказался, и вместо того, чтобы переодеться, завернулся в очередное полотенце, подсел к столу и жадно набросился на еду и питье.

— Я надену свою одежду, когда она высохнет,— заявил он.— У меня такая глупая привычка — терпеть не могу чужой одежды. Смотрите, хорошенько высушите шляпу. Поля должны быть загнуты, вот так.

Отдав слугам все эти распоряжения, он повернулся к Корум, широко улыбаясь.

— И каким же именем, мой друг, я должен вас называть на этом отрезке пространства и времени?

Корум нахмурился.

— Боюсь, я не совсем понимаю...

— Я спрашиваю, как вас зовут, вот и все. Ведь имя человека постоянно меняется, и ваше, и мое. Разница только в том, что вы иной раз этого не знаете, а я знаю. Или, наоборот, вы знаете, а я — нет. Кроме того, иногда бывает так, что мы становимся одним и тем же существом или, лучше сказать, земными проявлениями одного и того же существа.

Корум покачал головой. Этот человек был явно не в своем уме.

— Например,— продолжал Джери, стремительно поглощая то, что горой возвышалось на его тарелке,— в разные времена

меня звали Тимерасом и Шаленаком. Иногда я — Герой, но чаще — просто Спутник Героя.

— В ваших словах мало смысла, сударь,— сказала Ралина тихо.— Мне кажется, принц Корум вас не понимает. Да и мы тоже.

Джери улыбнулся.

— Понятно. Значит, я попал в такое время, когда Герой знает только о нынешнем своем воплощении. Что ж, это даже к лучшему. Ибо порой весьма неприятно помнить обо всех своих ипостасях, особенно если они вдруг совпадают и накладываются одна на другую. Я узнаю в принце Коруме старого друга, а он меня не узнает. Но это не имеет значения.

Он покончил наконец с едой, поправил полотенце на бедрах и откинулся на спинку стула.

— Так, значит, вы предложили нам загадку, а ответа на нее не даете,— сказал Белдан.

— Что ж, я объясню,— ответил Джери.— Я вовсе не собираюсь над вами смеяться. Я не обычный путешественник. Видимо, это мое предназначение — путешествовать по времени и по всем плоскостям. Я не помню, когда я родился, и не жду пока смерти — в принятом значении этого слова. Меня иногда зовут Тимерас. А если вы хотите знать, откуда я родом, то, полагаю, из Танелорна.

— Но Танелорн — это миф! — сказал Белдан.

— Любое место может считаться мифом в другом месте. Но Танелорн гораздо более реален, чем многие другие места. Его вполне можно найти, если хорошенько искать. Причем начинать можно из любого места во Вселенной.

— А чем вы занимаетесь? — спросил Корум.

— Ну, в свое время я писал стихи и пьесы, но основное мое занятие, можно сказать,— это дружба с Героями. Я сопровождал — конечно, под разными именами и в разном обличье — Ракхира, Алого Лучника в его путешествии в Зерлерен, где корабли Великого Лодочника плавают по небу, как ваши корабли плавают по морю. Вместе с Элриком из Мелнибонэ я посетил Двор Мертвого Бога, а с Асквинолем из Помпеи я путешествовал по окраинам Вселенной, где пространство измеряется не милями, но галактиками. С Хоукмуном из Кельна я плавал в Лондру, где люди носят украшенные драгоценными камнями маски, выполненные в виде звериных морд. Я видел и прошлое, и будущее. Я посетил многие планетные системы и убедился в том,

что времени не существует, а пространство — не более чем иллюзия.

— А боги? — спросил Корум.

— Думаю, мы сами создаем их. Но я не до конца в этом уверен. Если примитивные расы изобретают себе богов, чтобы объяснить происхождение грома, то более развитые народы создают более сложных богов, чтобы объяснить те абстрактные понятия, которые сами пока осмыслить не в состоянии. Ведь частенько говорят, что боги не могут существовать без людей, а люди — без богов.

— И все же боги, кажется, могут влиять на наши судьбы,— сказал Корум.

— А мы — на их судьбы, не так ли?

Белдан тихо сказал Коруму:

— Твоя собственная судьба тоже подтверждает это, принц.

— Значит, вы можете по своему желанию перемещаться по всем пятнадцати плоскостям мироздания,— сказал Корум.— Некоторые вадхаги когда-то тоже это умели...

Джери улыбнулся.

— По своему желанию я не могу переместиться никуда. Или, лучше сказать, я могу попасть только в некоторые места. Например, иногда я могу возвратиться в Танелорн, если очень захочу. Но обычно я меняю свой облик и местонахождение без всякой видимой причины. И мне приходится выполнять одну и ту же роль, где бы я ни оказался,— быть спутником и другом Героя. Именно поэтому я сразу узнал тебя, Корум, и понял, кто ты такой — Вечный Воитель, Вечный Защитник. Я встречался со многими Героями в разных формах и разных проявлениях; но они не всегда узнавали меня. Вероятно, порой, особенно когда у меня случались провалы памяти, я тоже не всегда их сразу узнавал.

— Но ты никогда сам не был Героем?

— Многие находили в моем поведении нечто героическое. Вероятно, я действительно иногда был в какой-то степени Героем. Но повторяю еще раз: моя судьба — быть как бы частью другого человека, истинного Героя, или даже нескольких Героев, у которых всегда примерно одна и та же функция. Материя, из которой созданы наши индивидуальности, наши личности, разносится, словно по капризу ветров, по всей Вселенной. Я даже однажды слышал такую теорию, что все смертные — это лишь проявления, различные ипостаси одной, единой космической личности. Некоторые считают, что даже боги тоже являются ее

проявлениями. И что все плоскости, в которых мы существуем, все столетия, что уже прошли или еще придут, все изменения пространства — все это лишь воплощение идей одного космического разума, как бы осколки его личности. Такие теории могут завести очень далеко, но не привести никуда. Однако они никак не влияют на наше понимание стоящих перед нами проблем.

— Что ж, я готов согласиться с этим,— задумчиво произнес Корум.— А теперь не мог бы ты все же объяснить более подробно, как ты оказался в Мойделе?

— Я, конечно, постараюсь объяснить, друг Корум. Случилось так, что я оказался в одном весьма мрачном месте — в Каленвире. Как я попал туда, я уже не очень хорошо помню. Но к этому я уже привык. Этот Каленвир — сплошной мрачный гранит — мне совершенно не понравился. Я пробыл там всего несколько часов и сразу же вызвал у местных жителей самые разнообразные подозрения. Чтобы удрать, мне пришлось сперва полазить по крышам, затем украсть колесницу, а потом позаимствовать чью-то лодку, стоявшую у речного причала, и на ней спуститься к морю. Я решил, что возвращаться на берег будет небезопасно, и поэтому просто поплыл вдоль побережья. Вдруг вокруг меня сгустился туман, море забурлило, как будто поднялся шторм. В мгновенье ока я вместе с лодкой оказался в огромной сети — в пестрой мешанине рыб, морских чудищ, людей и иных созданий, которые трудно описать. Мне удалось вцепиться в канаты, из которых сплетена была эта гигантская сеть. И всех нас куда-то с огромной скоростью потащило... Как я не задохнулся — до сих пор не пойму. А потом сеть вдруг подняли и нас всех вытряхнули обратно в море. Мои товарищи по несчастью тут же расплылись кто куда, и я остался в воде один. Потом я увидел вдалеке скалу и ваш замок и поплыл туда. Мне попался обломок плавника, который и помог мне добраться до вас...

— Каленвир! — произнес Белдан.— А когда вы там были, вы случайно не слышали о человеке по имени Гландит-а-Крэ?

— Однажды в таверне я слышал, как упоминали имя графа Гландита,— ответил Джери хмуро.— Причем упоминали с явным восхищением. Насколько я мог судить, он там у них известный и славный воитель. Весь город вроде бы готовился к войне, но я так и не понял, за что и против кого. Мне показалось, что они с ненавистью говорят о стране Ливм-ан-Эш. И еще — они ожидают прибытия союзников из-за моря.

— Союзников? — переспросил Корум.— Может быть, с нхадрагских островов?

— Нет. Мне кажется, они говорили о Бро-ан-Мабден.

— С западного континента! — выдохнула Ралина.— Я и не подозревала, что там тоже обитают мабдены! Но что заставило их пойти войной на Ливм-ан-Эш?

— Вероятно, те же чувства, что руководили ими, когда они уничтожали моих соплеменников,— предположил Корум.— Зависть. И ненависть к миру. Твой народ, как ты сама мне рассказывала, воспринял многие обычаи и традиции вадхагов. Этого было вполне достаточно, чтобы навлечь на себя ненависть Гландита и ему подобных.

— Да, правда,— ответила Ралина.— Но тогда, значит, не одни мы находимся в опасности. Ливм-ан-Эш ни с кем не воевала уже лет сто, даже больше. Они совершенно не готовы к такому вторжению.

Тут слуга внес одежду Джери. Она была высушена и вычищена. Джери поблагодарил его и стал одеваться так же деловито и беззастенчиво, как и раздевался. Его рубашка была из ярко-синего шелка, а широкие штаны — такого же алого цвета, как плащ Корума. Вокруг талии он затянул широкий желтый пояс, а затем надел перевязь, на которой болталась сабля в ножнах и длинный кинжал. Натянул мягкие сапоги с голенищами до колен, а на шею повязал шарф. Свой темно-синий плащ он положил рядом вместе со шляпой, поля которой заломил по своему вкусу, и дорожным мешком. Теперь он выглядел вполне удовлетворенным.

— Вам, наверное, лучше сразу рассказать мне все, что вы считаете необходимым,— заявил он.— Тогда я, вероятно, смогу вам помочь. Я многое узнал в своих путешествиях, хотя большая часть этих знаний здесь совершенно бесполезна...

Корум рассказал ему о Повелителях Мечей и о пятнадцати плоскостях мироздания, о борьбе Порядка и Хаоса и о попытках восстановить нарушенное Космическое Равновесие. Джери-а-Конел внимательно слушал его. Похоже, многое из того, о чем говорил Корум, было ему давно известно.

Когда Корум закончил свои разъяснения, Джери сказал:

— Ясно, что любая попытка связаться с лордом Аркином и просить его о помощи в данное время ничего не даст. Законы, установленные Ариохом, все еще действуют в ваших пяти плоскостях. Их надо уничтожить, прежде чем Аркин и хранимый

им Порядок обретут реальную силу и власть. Это извечный удел смертных — участвовать в борьбе, которую ведут между собой боги. Ясно, что война между королем Лир-а-Бродом и страной Ливм-ан-Эш — это отражение и продолжение войны между Порядком и Хаосом, которая идет в других плоскостях. Если те, кто служит Хаосу, победят, то есть если победит армия Лир-а-Брода, тогда лорд Аркин утратит власть и Хаос вновь восторжествует. Ариох не самый могучий из Повелителей Мечей; королева Ксиомбарг обладает значительно большей властью в тех плоскостях, где она правит, а король Мабелод еще более могущественен. По моему мнению, вы еще далеко не полностью испытали здесь настоящее проявление власти Хаоса.

— Так. Весьма утешительные известия,— мрачно заметил Корум.

— Все же лучше смотреть правде в глаза,— заметила Ралина.

— А могут другие Повелители Мечей послать помощь королю Лайру? — задал вопрос Корум.

— Не напрямую. Но в их распоряжении имеется множество способов сделать это через своих посланников и агентов. Вы бы, наверное, хотели выяснить, что Лайр замышляет?

— Конечно,— сказал Корум.— Но как?

Джери улыбнулся.

— Мне кажется, вы вскоре убедитесь, насколько полезно иметь такого союзника, как я.

Он повернулся к своему дорожному мешку и развязал его.

Из мешка он, ко всеобщему изумлению, извлек некое животное, которому совершенно не повредило пребывание в воде, да и в мешке тоже. Животное открыло большие глаза и замурлыкало.

Это был кот. То есть не совсем кот, но очень похожий на кота зверек, только с крыльями, сейчас сложенными на спине. Он был весь черный, только на груди, на носу, на кончиках лап и крыльев просвечивали белые пятнышки. Кот выглядел вполне дружелюбно. Джери дал ему поесть со своей тарелки. Кот встряхнул крыльями и принялся жадно есть.

Ралина послала за молоком, и когда кот насытился, то уселся рядом с Джери и принялся умываться — сперва мордочку и лапы, потом крылья.

— Никогда не видел ничего подобного! — пробормотал Белдан.

— И мне ни в одном из моих путешествий никогда больше не попадались такие крылатые коты,— сказал Джери.— Это на

редкость дружелюбное существо. Он очень часто мне помогает. Иногда, правда, наши с ним пути расходятся, и мы не встречаемся столетиями, но потом подолгу бываем вместе, и кот прекрасно меня помнит. Я зову его Усатый. Не самое оригинальное имя, конечно, но ему, кажется, нравится. Думаю, он сможет нам помочь.

— Каким образом? — спросил Корум, глядя на крылатого кота.

— Очень просто. Он может слетать ко двору короля Лира и выведать все, что они там затевают. А потом вернется и все нам расскажет!

— Он разве и говорить может?

— Разговаривает он только со мной. Да это и нельзя назвать разговором. Так что, пошлем его?

Корум, совершенно ошеломленный, ответил, через силу улыбаясь:

— А почему бы и не послать?

— Тогда я, с вашего разрешения, поднимусь на башню и дам ему соответствующие инструкции.

В молчании все трое смотрели, как Джери надел шляпу, взял кота на руки, поклонился им и пошел к лестнице, ведущей наверх.

— Все это как во сне,— сказал Белдан, когда Джери ушел.

— Вот именно,— подтвердил Корум.— Во сне, который только начинается. Будем надеяться, что увидим его конец...

ГЛАВА ВТОРАЯ
СБОРИЩЕ В КАЛЕНВИРЕ

Крылатый кот стремительно летел на восток сквозь ночь.

И вскоре впереди показались мрачные очертания Каленвира.

Дым от тысяч коптящих факелов поднимался над городом и застилал все небо, закрывая даже свет луны. Огромные угловатые блоки темного гранита, из которых были сложены здесь все дома и замки, острыми углами выступали из мрака ночи. Округлые формы здесь не встречались вообще. А над всем городом высилась чудовищная мрачная громада — королевский замок Лир-а-Брода. Вокруг его черных стен и башен то там, то здесь мелькали странные цветные огоньки. По временам раздавался гул, скорее похожий на гром, хотя небо было безоблачно.

К черному замку короля и направил свой полет крылатый разведчик. Он сел на крыше одной из неуклюжих, угловатых башен и сложил крылья. Некоторое время он осматривался, поводя желтыми глазищами то вправо, то влево, словно раздумывая, каким путем проникнуть внутрь.

Шерстка на загривке кота поднялась дыбом, длинные усы, за которые он получил свою кличку, подергивались, хвост был поднят трубой. Кот чувствовал присутствие в замке не только колдовских, сверхъестественных сил и существ, но и некоего ненавистного создания, которое вызывало у него особое отвращение. Он начал медленно и очень осторожно спускаться по стене башни, пока не достиг маленького окна, забранного решеткой. Протиснувшись сквозь ее прутья, он оказался в темной комнате круглой формы. За приоткрытой дверью виднелись ступени винтовой лестницы, ведущей в нижние помещения башни. Все так же медленно и осторожно кот проследовал вниз. Угловатая архитектура башни давала массу возможностей не выходить из тени. Весь Каленвир был полон таких теней.

Наконец кот увидел впереди яркий свет. Он остановился, внимательно оглядываясь вокруг. Горящие факелы озаряли длинный узкий коридор, в противоположном конце которого слышались громкие голоса, бряцание оружия и звон кубков. Кот расправил крылья и бесшумно взлетел к погруженным в глубокую тень потолочным балкам обширного зала. На одной из них, черной от застарелой копоти, он и пристроился. Отсюда было прекрасно видно все, что происходило внизу, где собралось множество мабденов. Кот уселся поудобнее и замер, наблюдая за этим сборищем.

✧

В центре главного зала замка Каленвир было устроено возвышение, вырубленное из цельного куска грубо отесанного обсидиана. На возвышении стоял трон из монолитного гранита, украшенный кристаллами кварца. Каменотесы, делавшие этот трон, явно пытались придать его подлокотникам облик химер, но работа была чрезвычайно грубая и к тому же незавершенная. Тем не менее даже в таком виде эти фигуры являли собой достаточно жуткое зрелище.

На троне разместились трое. На каждом подлокотнике сидела обнаженная девица. Тела девиц были щедро украшены

непристойными татуировками. В руках у них были кувшины с вином, из которых они все время подливали в кубок, что держал в руке человек, сидевший на самом троне. Человек этот был поистине огромен, значительно выше любого обычного мужчины. На голове его мрачно посверкивала кованая железная корона, надетая поверх гривы длинных спутанных волос, концы которых были заплетены в косички. Когда-то волосы, видимо, были цвета спелой соломы, но теперь в них клочьями торчала седина, которую их хозяин безуспешно пытался скрыть с помощью краски. Борода его тоже была соломенного цвета с сильной проседью. Лицо изможденное, кожа серая, вся в красных прожилках лопнувших сосудов. Глубоко посаженные глаза были красны и источали ненависть, хитрость и подозрительность. Он был одет с головы до ног в богатые одежды, явно вадхагского происхождения. Но их золотое шитье давно потускнело, а сама парча засалилась и покрылась множеством пятен от пролитого вина и соуса. На плечи короля был накинут грязный плащ из волчьей шкуры, изделие мабденов из восточных земель, которыми этот человек правил. Пальцы его были унизаны кольцами и перстнями, содранными с убитых вадхагов и нхадрагов. Левая рука покоилась на эфесе огромного старого железного меча. Правя сжимала бронзовый кубок, украшенный алмазами, из которого на его одежду то и дело проливалось густое вино. Вокруг трона, спиной к своему властелину, стояла стража. Каждый из воинов был столь же высок или даже выше, чем человек на троне. Стражники стояли плечом к плечу и не шевелясь, а лезвия их обнаженных мечей опирались о верхнюю кромку огромных овальных щитов, сделанных из кожи и железа и окованных бронзой. Бронзовые шлемы почти полностью закрывали лица воинов, а из-под шлемов выбивались густые длинные волосы и бороды. В их глазах, казалось, застыла вечная неукротимая ярость. Они напряженно смотрели куда-то в пространство. То была знаменитая Черная Стража — их еще называли Мрачными Стражниками — воины, абсолютно и безусловно преданные сидевшему на троне человеку.

Король Лир-а-Брод поднял свою массивную, тяжелую голову и осмотрел зал.

Зал был заполнен воинами.

Единственными женщинами здесь были две обнаженные прислужницы, что наливали ему вино. Их волосы и тела были грязь-

ны, все в царапинах и кровоподтеках. Двигались они словно мертвые тени, привычно прижав к бедру тяжелые, полные вина кувшины, с трудом пробираясь между огромными грубыми воинами-мабденами в варварском боевом облачении.

От этих людей воняло потом и пролитой ими кровью. Их кожаная одежда скрипела при каждом движении, а кольчуги и броня звенели и бряцали всякий раз, когда они поднимали кубки с вином.

Торжественный обед уже закончился, скамьи и столы были убраны, и все воины — кроме тех, кто под влиянием винных паров давно уже спал где-нибудь в углу — стояли перед троном, глядя на своего короля и ожидая, что он скажет.

В отблесках пламени, плящущего в огромных, подвешенных к потолочным балкам светильниках, гигантские тени метались по полу и по стенам зала, а глаза мабденов вспыхивали красным, словно звериные.

Каждый воин в этом зале был начальником и командиром других воинов. Здесь была вся знать королевства Лир-а-Брода, прибывшая, чтобы принять участие в общем собрании. Некоторые, одетые иначе, чем большинство присутствующих, и явно предпочитающие кожу и меха награбленным у вадхагов и нхадрагов парчовым одеждам, прибыли из-за моря. То были посланцы земли Бро-ан-Мабден, гористого края, лежащего к северо-востоку от Каленвира; там зародилась когда-то раса мабденов.

Король Лир-а-Брод положил руки на подлокотники трона и, опершись на них, медленно поднялся. И тут же пять сотен рук подняли вверх кубки:

— Да здравствует Лир, властитель нашей земли!

Он равнодушно пробормотал в ответ:

— Земля — это Лир...

Он оглядел зал странным взглядом. Глаза его на секунду задержались на одной из обнаженных девиц. Он смотрел на нее, как будто не узнавая.

Из ряда воинов выступил один — дородный, крупный мужчина с водянисто-серыми, воспаленными глазами и красным, лоснящимся лицом. На этом лице выделялся жестокий рот, верхняя губа которого едва прикрывала длинные желтые клыки. Он встал прямо напротив короля, по другую сторону от воинов Черной Стражи. На нем был высокий, украшенный крыльями ворона железный шлем, с плеч свисал плащ из медвежьей шкуры.

Его осанка и выражение лица были властными и даже, пожалуй, более величественными, чем у самого короля, который сейчас смотрел на него сверху вниз.

Король чуть шевельнул губами:

— Говори, Гландит-а-Крэ.

— Да, мой король, я — Гландит, повелитель земель Крэ,— ответил воин.— Капитан денледхисси, что очистили твои владения от вадхагской нечисти и тех, кто вступил в союз с проклятыми колдунами. Я тот, кто помог завоевать и острова нхадрагов. Я — Брат Пса и Сын Рогатого Медведя, я — верный слуга Владыки Хаоса!

Король кивнул.

— Я помню тебя, Гландит. Ты — верный меч.

Гландит поклонился.

Некоторое время все молчали.

Потом король повторил:

— Говори же.

— Есть один шефанхау, который сумел избежать твоего правосудия, мой король. Это последний, единственный вадхаг, которому удалось уцелеть, остаться в живых,— Гландит дернул за шнурок, скреплявший ворот его камзола, торчавший из-под стального нагрудника, и сунул руку за пазуху. Оттуда он извлек два предмета, висевшие у него на шее на шнурке: высохшую, мумифицировавшуюся кисть руки и маленький кожаный мешочек. Он протянул их королю.

— Вот рука, которую я отрубил у этого вадхага. А здесь, в мешочке, его глаз. Сам он нашел прибежище в замке, который стоит у самых западных берегов твоих владений,— в замке на острове Мойдель. Владеет этим замком женщина из мабденов. Это маркграфиня Ралина-ан-Алломглиль, которая служит стране предателей — Ливм-ан-Эш, стране, которую ты теперь хочешь предать огню и мечу, поскольку ее король отказывается служить нашему делу и нашим целям.

— Ты все это мне уже рассказывал,— заявил король Лир.— И еще о гнусном колдовстве ты рассказывал, которым они воспользовались, чтобы отбить твою атаку, когда ты пошел на штурм замка... Продолжай.

— Я хочу вновь пойти войной на замок на острове Мойдель, поскольку, как я слышал, этот шефанхау Корум и предательница Ралина вновь вернулись туда, считая, что там они будут для тебя недосягаемы.

— Все мои армии пойдут на запад,— ответил ему Лир.— Все наши силы будут брошены на уничтожение Ливм-ан-Эш. Замок на острове Мойдель мы возьмем с налету.

— Я прошу милости, мой король. Я прошу послать меня на штурм именно этого замка.

— Ты один из наших лучших воинов и капитанов, граф Гландит, и мы хотим использовать тебя и твое войско в генеральном сражении.

— Но пока Корум жив и владеет колдовскими чарами, существует страшная угроза нашему делу. Я говорю истину, о великий король! Это могучий противник, может быть, более мощный, чем вся страна Ливм-ан-Эш. Потребуется очень много сил, чтобы покончить с ним.

— С одним искалеченным шефанхау? Это еще почему?

— Он вступил в союз с Владыками Порядка. У меня есть тому доказательства. Один из моих лакеев-нхадрагов обладает вторым зрением. Он может видеть недоступное.

— Где этот нхадраг?

— Ждет снаружи. Я бы никогда не позволил себе привести сюда эту тварь без разрешения моего короля.

— Пусть его приведут.

Все воины в зале обернулись ко входу. Их лица выражали отвращение и любопытство одновременно. Только Черная Стража продолжала безучастно смотреть в пространство. Король Лир вновь уселся на трон и взмахнул кубком, требуя еще вина.

Двери отворились, и на пороге возникла темная фигура. Хотя ее очертания напоминали человека, это был не человек. Как только он двинулся вперед, воины отодвинулись к стенам, освобождая проход.

У создания было темное, плоское лицо, волосы спадали на лоб, закрывая глаза. Оно было одето в куртку и штаны из тюленьей кожи. Оно все время нервно и заискивающе кланялось направо и налево, продвигаясь к тому месту, где стоял Гландит.

Губы короля скривились в гримасе отвращения. Он махнул Гландиту рукой:

— Пусть быстро говорит и немедленно убирается прочь!

Гландит схватил нхадрага за жесткие волосы:

— Ну-ка, ты, тварь, расскажи моему королю, что ты видел своим вторым зрением, выродок!

Нхадраг открыл рот и весь передернулся.

— Говори! Быстро!

— Я... Я видел другие плоскости, не это...

— Ты видел Иффарн, ад? — в ужасе спросил король Лир.

— Другие плоскости...— глаза нхадрага забегали по залу.— Ага, я видел и Иффарн... Я видел там божество, которое невозможно описать... Но я с ним говорил... Немного... Оно сказало, что лорд Ариох, Владыка Хаоса...

— Он имеет в виду Повелителя Мечей,— объяснил Гландит,— лорда Арага, Великого Древнего Бога.

— Божество сказало, что Ариоха — то есть Арага — убил Корум Джайлин Ирси, вадхаг... И теперь лорд Аркин, Владыка Порядка, вновь повелевает этими пятью плоскостями...— голос нхадрага оборвался.

— Рассказывай дальше! — яростно рявкнул Гландит, дергая нхадрага за волосы.— Рассказывай то, что касается нас, мабденов!

— Божество сказало мне, что теперь, когда лорд Аркин вернулся, он попытается полностью восстановить свою власть над этим миром. Но ему нужны смертные, которые служили бы его целям. И из этих смертных самый главный и важный — Корум. И еще, что весь народ страны Ливм-ан-Эш, конечно, будет служить Аркину... Потому что они... уже давно... переняли обычаи шефанхау...

— Значит, все наши подозрения оправдались,— произнес король Лайр с торжеством.— Хорошо, что мы уже начали готовиться к войне против Ливм-ан-Эш! Мы пойдем с мечом на этих выродков, что имеют наглость называть себя сторонниками Порядка!

— Но ты должен признать, что именно мне надлежит уничтожить Корума,— сказал Гландит.

Король нахмурился. Потом поднял голову и взглянул ему прямо в глаза.

— Да! — он махнул рукой.— Уберите этого вонючего шефанхау! Настало время призвать Пса и Медведя!

✧

Сидя на потолочной балке высоко над залом, кот почувствовал, что шерсть его опять встала дыбом. Ему очень хотелось покинуть замок, но он заставил себя остаться. Он выполнял приказ Джери-а-Конела, а тот велел ему выяснить все, что происходит в Каленвире.

Воины уже столпились вдоль стен, полностью освободив центр зала. Женщин выслали вон. Лир слез с трона.

Наступила полная тишина.

По-прежнему стоя на возвышении, окруженный Черной Стражей, Лайр хлопнул в ладоши.

Двери растворились, и в зал втащили огромную клетку с пленниками. Среди них были маленькие дети, женщины и несколько мужчин, типичных крестьян. Они растерянно озирались, не понимая, куда они попали и что с ними собираются делать. Огромную клетку, поставленную на колеса, выволокли на середину зала. Дети плакали. Взрослые пленники не делали никаких попыток их успокоить. Они лишь цеплялись руками за толстые железные прутья клетки и с безнадежностью смотрели на своих мучителей.

— Ага! — воскликнул Лир.— Вот и угощение для Пса и Медведя! Отличное угощение! Вкусное!

Король явно наслаждался ужасом, который испытывали пленники. Он сделал шаг вперед — и то же самое проделала Черная Стража. Он облизал губы и изучающе осмотрел пленников.

— Пусть их зажарят! — приказал он.— И пусть запах их жареного мяса достигнет границ Иффарна, пробудит аппетит богов и приведет их сюда!

Одна из женщин в клетке жалобно вскрикнула и потеряла сознание. Двое юношей склонили головы и зарыдали. Дети непонимающе смотрели сквозь прутья клетки, перепуганные уже тем, что они сюда попали, не понимая, что им уготовано.

Сквозь кольца в верхней части клетки пропустили толстые веревки, которые затем перекинули через одну из балок, и клетку подняли вверх, к потолку.

Крылатый кот передвинулся по балке ближе к стене и продолжал наблюдение.

Затем в зал втащили огромную жаровню, которую установили прямо под клеткой с пленниками. Глаза воинов вспыхнули в предвкушении жестокого зрелища. Жаровня была наполнена раскаленными угольями.

В зал вошли слуги с кувшинами масла и стали лить его на раскаленные угольев. Огромные языки пламени взлетели вверх, объяв и поглотив страшную клетку. Из нее раздались жуткие, леденящие кровь вопли заживо зажариваемых людей.

Король Лир-а-Брод расхохотался.

Ему вторил хохот графа Гландита-а-Крэ.

И вся мабденская знать, собравшаяся в зале, тоже начала хохотать.

Крики и вопли вскоре утихли. Слышен был лишь рев пламени в жаровне. Воздух наполнился запахом горелой человеческой плоти.

Смех тоже стих. Воины в напряженном молчании ждали, что будет дальше.

И откуда-то издалека, из-за стен замка, из-за города, из бесконечности мрака раздался жуткий вой.

Кот передвинулся по балке еще дальше в тень, поближе к дверям, через которые он проник в этот зал.

Вой приближался и становился все громче. Огонь в жаровне между тем угас, словно под воздействием этого жуткого звука.

В зале воцарилась полная тьма.

Вой все приближался. Эхо его, отраженное стенами и бесчисленными углами, металось по залу, то замирая, то вновь заполняя собой все вокруг.

Затем к вою присоединилось страшное рычание и рев...

Эти звуки означали приближение Пса и Медведя — мрачных и жутких мабденских богов.

✧

Все в зале вздрогнули, когда странный свет вдруг излился на пустой трон.

И в этом пятне света, охваченное разноцветным, невыносимым для глаза свечением, возникло нечто. Это было чудовищных размеров животное. Оно поводило носом, принюхиваясь к запахам еды, словно предвкушая обильную трапезу. От его огромной туши исходила жуткая вонь. Чудовище стояло на задних лапах, словно подражая собравшимся в зале мабденам, которые, дрожа от ужаса, наблюдали за ним.

Великий Пес еще раз понюхал воздух, помотал башкой, и из горла его вырвалось ворчание.

А из-за стен теперь доносились новые звуки — не то жуткое хрюканье, не то рев. Звуки эти становились все громче. Прислушиваясь к ним, Пес склонил голову набок и перестал поводить носом.

На возвышение, по другую сторону трона, упало пятно темно-синего света, принявшее затем определенные очертания: перед собравшимися возник медведь — огромный черный мед-

ведь с гигантскими закрученными рогами на голове. Зверь раскрыл пасть, и все увидели его страшные острые клыки. Он поднял лапу и, зацепив клетку, сдернул ее на пол.

И тогда Пес и Медведь набросились на содержимое этой жуткой клетки, раздирая жареную человеческую плоть и набивая ею свои пасти, рыча, сопя, захлебываясь от жадности, хрустя костями. По их мордам текла кровавая жижа.

Покончив с едой, они улеглись на возвышении, глядя в зал на замерших в молчаливом ужасе смертных,— примитивные боги примитивных людей.

Впервые за вечер король Лир-а-Брод вышел из круга Мрачных Стражников и приблизился к трону. Опустившись на колени, он поднял руки, обращаясь с Псу и Медведю.

— О великие боги, выслушайте нас! — воскликнул он.— До нас дошла весть, что лорд Араг сражен нашим врагом-шефанхау, который вступил в союз с предателями из страны Ливм-ан-Эш, страны, погружающейся в море. Возникла страшная угроза нашему делу! И ваша собственная власть тоже в опасности! Поможете ли вы нам, о боги?

Пес ответил рычанием. Медведь продолжал сопеть.

— Поможете ли вы нам, о боги?

Пес обвел зал свирепым взглядом. И столь же свирепый блеск, казалось, зажегся в прикованных к нему взглядах мабденов. Пес был явно удовлетворен и наконец ответил:

— Мы знаем об этой опасности. Она даже больше, чем вы думаете.

Голос его звучал резко, отрывисто, слова с трудом выходили из собачьей глотки.

— Вам следует как можно быстрее направить все свои силы на уничтожение наших врагов, если вы хотите, чтобы Те, Которым Мы Служим, сохранили свою власть и в свою очередь сделали вас еще сильнее.

— Наши капитаны все здесь, о Великий Пес. А их армии уже стекаются к Каленвиру.

— Это хорошо. Тогда мы пришлем вам в помощь все силы, которые сможем собрать.

Пес повернулся к своему брату Медведю.

Голос Медведя был высок и резок, но его речь казалась более внятной:

— Наши враги тоже будут искать помощи на стороне, но им будет труднее ею заручиться, поскольку лорд Аркин пока

еще слаб. Ариох, которого вы зовете Арагом, должен возвратиться на принадлежащий ему по праву трон и вновь владеть и управлять этими плоскостями. Но для того, чтобы вернуться, ему нужно новое сердце и новая телесная оболочка. Все это вы должны для него добыть. На свете есть только одно сердце и одна-единственная телесная оболочка, которая ему подойдет,— сердце и тело его убийцы — Корума, Принца в Алом Плаще. И когда Корум будет пленен — а он должен быть именно пленен! — тогда нам понадобятся все известные колдовские чары и заклинания, чтобы подготовить его тело для лорда Ариоха!

— Так его нельзя убивать?! — в голосе Гландита сквозило неприкрытое разочарование.

— Его надо взять в плен! — рявкнул Медведь.

Гландит лишь пожал плечами.

— Теперь мы покидаем вас,— сказал Пес.— Скоро к вам прибудет наша помощь. Ее возглавит посланник Великих Древних Богов и Повелительницы Мечей, которая правит иными пятью плоскостями,— королевы Ксиомбарг. Он расскажет вам больше, чем можем поведать мы.

Пес и Медведь исчезли. В зале по-прежнему стоял отвратительный запах горелого мяса.

Дрожащий голос короля Лайра раздался во мраке:

— Принесите факелы! Факелы!

Двери распахнулись, и в зал ворвался тусклый красноватый свет. Стал вновь виден трон на каменном возвышении, искореженная клетка, потухшие угли в огромной жаровне и трясущаяся коленопреклоненная фигура короля.

Двое стражников помогли королю встать на ноги. Глаза его закатились в беспамятстве. Он, казалось, не сознавал, какая огромная ответственность, по воле богов, легла на его плечи. Почти умоляюще он взглянул на Гландита.

А Гландит широко улыбался. Гландит тяжело дышал, словно пес, наконец догнавший убегавшую добычу и вонзивший в нее клыки.

✧

Крылатый кот бесшумно пробрался по балке назад к выходу, тихо проследовал по коридору, поднялся по лестнице в верхнюю комнатку башни. Затем выбрался на крышу, расправил крылья и полетел назад, в замок на острове Мойдель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЛИВМ-АН-ЭШ

Стоял теплый тихий день. Лето было в разгаре. На ярко-синем и чистом небе лишь где-то далеко на горизонте виднелись легкие белые облака. Луга, спускающиеся к широкой полосе желтого песка, отделяющего зелень берега от синевы тихого спокойного моря, насколько хватало глаз, были покрыты яркими, прелестными цветами. Цветы были, конечно, дикие, но их красота и разнообразие невольно наводили на мысль, что когда-то они росли в огромном старом саду, которым много лет никто не занимался.

Небольшая стройная шхуна только что причалила к берегу, и с ее борта на землю спустилась, ведя за собой по дощатым сходням лошадей, группа пестро одетых людей. Солнце сверкало на шелках их одежд и на их доспехах. Покинув свое судно, они сели верхом на лошадей и направились в глубь побережья.

Четверо, ехавшие впереди, достигли луга; их кони утопали по колено в траве и тюльпанах, ярких и нежных, с бархатными лепестками. Воздух был напоен ароматами трав и цветов, всадники с наслаждением вдыхали его полной грудью.

Все они, за исключением одного, были в боевом облачении. Первый, высокий, со странными чертами лица, носил на лице украшенную драгоценными камнями повязку, закрывающую правый глаз, а на левой руке — также украшенную камнями латную перчатку с широким раструбом. На перчатке было шесть пальцев. Голову его закрывал высокий конический шлем, видимо серебряный, бармица которого, сделанная из тонких серебряных колец, ниспадала ему на плечи. Его кольчуга была двухслойной — верхний слой колец серебряный, а нижний — из бронзы. На нем были также рубашка, штаны и высокие сапоги из мягкой кожи. Слева у бедра висел длинный меч, эфес и гарду которого украшала тонкая серебряная чеканка и оправленные в серебро красные и черные ониксы. К седлу был приторочен боевой топор на длинной рукояти, серебряная отделка которого была такой же, как на мече. С плеч ниспадал ярко-алый плащ, сделанный из какого-то странного материала. За спину были заброшены колчан со стрелами и длинный лук. Это был Корум, Принц в Алом Плаще, в полном боевом снаряжении.

Всадница, ехавшая рядом с ним, была одета в броню. Ее шлем был сделан из цельной раковины гигантского морского рака, а щит — из раковины огромного, давно вымершего моллюска. Короткий меч и легкое копье дополняли ее вооружение. Это была прекрасная маркграфиня Ралина из Алломглиля в полном боевом снаряжении.

Рядом с Ралиной ехал красивый юноша, шлем и щит которого были такими же, как у нее. Он был вооружен мечом, длинным копьем, боевым топором на короткой рукоятке и длинным кинжалом с широким лезвием. Его плащ был из оранжевой парчи. Такого же цвета попона украшала его коня, а седло и уздечка были так богато украшены драгоценными камнями, что, видимо, стоили гораздо дороже, чем все оружие всадника. Это был рыцарь Белдан-ан-Алломглиль в полном боевом снаряжении.

У четвертого всадника на голове была широкополая шляпа, лихо заломленная набок и украшенная пышным плюмажем. Его рубашка была из ярко-синего шелка, а штаны — из почти такого же алого, как плащ Корума. Он был перепоясан широким желтым поясом, а через плечо была надета поношенная кожаная портупея, на которой болтались сабля и длинный кинжал. Сапоги его закрывали ноги до колен, а темно-синий плащ был настолько длинным, что свисал с крупа его коня. На плече его удобно примостился маленький черно-белый кот со сложенными на спине крыльями. Кот, по-видимому, был в прекрасном расположении духа и громко мурлыкал от удовольствия. Всадник время от времени поднимал руку, чтобы погладить его по голове. Это был путешественник и поэт, товарищ и Спутник Героев, рыцарь Джери-а-Конел, однако его снаряжение трудно было назвать боевым.

Позади ехала охрана Ралины и женщины ее свиты. Воины были одеты в цвета Алломглиля, а их шлемы, щиты и нагрудники были, как и у нее, изготовлены из панцирей гигантских морских моллюсков.

Живописная кавалькада прекрасно выглядела на фоне чудных пейзажей герцогства Бедвилраль-нан-Ривм, самого восточного в королевстве Ливм-ан-Эш.

Они вынуждены были покинуть замок на острове Мойдель после тщетных попыток разбудить гигантских летучих мышей, спавших в пещерах на берегу. («Исчадия Хаоса,— бормотал Джери-а-Конел.— Их теперь не заставишь служить нам»). А лорд Аркин, несомненно занятый более неотложными проблемами,

даже не ответил на их обращение к нему. Когда крылатый кот вернулся из Каленвира и сообщил им все, что видел и слышал там, они поняли, что своими силами им замок не удержать. Тогда было решено оставить Мойдель и отправиться в столицу Ливм-ан-Эш, которая называлась Халвиг-нан-Вак, и предупредить короля о грядущем нашествии варваров с юга и с востока.

Оглядываясь вокруг, Корум поражался красоте открывающихся перед ними ландшафтов и не переставал удивляться тому, что столь прекрасная земля одарила произведенных ею на свет мабденов чертами и внешним видом, с его точки зрения, присущими лишь вадхагам.

Не трусость заставила их покинуть замок на острове Мойдель, но осторожность. Еще они рассчитывали на то, что Гландит потратит впустую много дней, даже, может быть, недель, готовя осаду и штурм замка, в котором их уже не будет.

Главный город герцогства носил название Лларак-ан-Фол.

Верхом до него от побережья было добрых два дня пути. Там они рассчитывали достать свежих лошадей и выяснить, насколько страна готова к войне. Сам герцог постоянно проживал в Лларке. Он знавал Ралину еще девочкой, и она была уверена, что он окажет им помощь и с доверием отнесется к их сообщению о грядущем нашествии. А оттуда до Халвига-нан-Вака ехать надо было еще неделю.

Корум никак не мог отделаться от ощущения, что он поступил неправильно, покинув замок. Он все время боролся с искушением повернуть назад и встретить своего ненавистного врага Гландита на стенах замка на острове Мойдель. И хотя он сам предложил им уехать, ему все время приходилось подавлять в себе желание вернуться. Из-за этого он был мрачен и неразговорчив.

Остальные, напротив, были оживлены и радовались мысли, что смогут оказать помощь стране Ливм-ан-Эш в подготовке к отражению нашествия короля Лир-а-Брода, который, видимо, рассчитывал на эффект внезапности. Полагаясь на свое более совершенное оружие, они были уверены в том, что им удастся отбить его нападение.

Только у Джери-а-Конела были некоторые сомнения. Он время от времени напоминал Ралине и Белдану о том, что Пес и Медведь обещали прислать Лиру помощь, хотя никто из них не имел представления, что это за помощь и какого рода.

На ночь они разбили лагерь в долине цветов, а утром вновь тронулись в путь по равнине, за которой лежал Лларак-ан-Фол.

Около полудня они достигли небольшого селения, раскинувшегося по обоим берегам живописного ручья. Подъезжая к нему, они увидели, что на площади собралась толпа жителей, и какой-то человек в черном, взобравшись на сруб колодца, что-то говорит им.

Натянув поводья, они остановились на краю селения, стараясь разобрать, что происходит. Но до них долетал только шум толпы.

Джери-а-Конел нахмурился:

— Кажется, они чем-то возбуждены. Может быть, мы уже опоздали со своим предупреждением?

Корум потрогал пальцами повязку на правом глазу, разглядывая толпу на площади.

— Вероятно, обсуждают какую-нибудь местную проблему, Джери. Давай мы с тобой подъедем к ним и узнаем, что случилось.

Джери кивнул и, сообщив остальным о своем намерении, они пришпорили лошадей и поскакали на площадь.

Человек в черном увидел их и начал что-то кричать толпе, тыча пальцем в приближающихся всадников. Селяне были явно взволнованы и озабочены.

Когда они подъехали к собравшимся у колодца, человек в черном с безумным выражением на лице закричал:

— Кто вы? На чьей вы стороне? Зачем приехали? У нас ничего нет для вашей армии!

— Ну уж и армия,— пробормотал Джери. Потом он громко сказал:

— Мы никому не желаем зла, друг мой. Мы просто заехали к вам по пути в Лларак.

— В Лларак! Значит, вы на стороне герцога! Из-за вас на наши головы падут несчастья!

— О чем это ты? — спросил Корум.

— Вы объединились с этими слабаками! С мягкотелыми, вырождающимися созданиями, которые твердят о мире, а сами навлекают на нас страшную войну!

— Что-то я тебя никак не пойму,— сказал Джери.— О чем ты? И вообще, кто ты такой?

— Меня зовут Веренак. Я — жрец великого Урлеха! Я служу Ему в нашем селении и отвечаю за благополучие жителей! На карту поставлена их судьба — да и судьба всей страны!

Корум шепотом сказал Джери на ухо:

— Урлех — это местное божество, подчиненное Ариоху. Вот уж не думал, что его власть здесь сохранилась после того, как Ариох был изгнан!

— Вероятно, именно поэтому Веренак так возбужден!

— Вероятно.

А Веренак тем временем пристально уставился на Корума.

— Ты не человек!

— Я смертный,— ровным голосом ответил Корум.— Но я не мабден, это правда.

— Ты вадхаг!

— Да, я вадхаг. Последний вадхаг.

Веренак в ужасе закрыл лицо дрожащими ладонями и повернулся к односельчанам:

— Гоните их прочь! Иначе Владыки Хаоса отомстят вам! Хаос скоро вернется! Вы должны хранить верность Урлеху, иначе вам несдобровать!

— Урлеха больше нет,— сказал Корум.— Он был изгнан из наших плоскостей вместе со своим хозяином Ариохом.

— Ложь! — вскричал Веренак.— Урлех здесь!

— Вряд ли,— возразил Джери.

Корум обратился к селянам:

— Лорд Аркин, Владыка Порядка, теперь свободен и стал сильнее, чем было раньше.

— Вздор! — заорал Веренак.— Ариох изгнал Аркина много веков назад!

— А ныне Аркин нанес поражение Ариоху,— сказал Корум.— И теперь надо защищать мир, подаренный нам. Хаос несет с собой лишь разрушение и ужас. Вашей стране угрожает нашествие таких же мабденов, как вы, которые служат Хаосу и готовы всех вас истребить!

— А я утверждаю, что ты лжешь! Ты просто хочешь настроить нас против лорда Ариоха и против великого Урлеха. Мы будем хранить верность Хаосу!

По лицам селян, однако, не было заметно, чтобы они разделяли мнение Веренака.

— В таком случае вы сами навлекаете несчастья на свою голову,— заявил Корум.— Я твердо знаю, что Ариох изгнан, ибо я сам отправил его в Лимб, в преддверие ада, уничтожив его сердце!

— Святотатство! — завопил Веренак.— Убирайтесь отсюда! Я не позволю вам развращать эти невинные души!

Селяне поглядывали на Корума с подозрением. Но не менее подозрительно они глядели и на Веренака. Наконец один из них выступил вперед.

— Нам, в общем-то, все равно, Хаос будет нами править или Порядок. Мы просто хотим жить в мире, как жили всегда, и чтобы никто нас не трогал. Ты, Веренак, раньше никогда не вмешивался в наши дела. Только изредка помогал нам немного своей магией, получая за это плату. А теперь ты вдруг заговорил о великих целях и великих делах, о борьбе и об ужасах, которые нам угрожают. Ты все твердишь, что мы должны вооружиться и идти войной на нашего господина, герцога. А теперь еще этот чужестранец, вадхаг, говорит, что мы должны служить Порядку. И тоже для того, чтобы уцелеть. А мы пока не видим никакой угрозы. И знамений тоже никаких не было...

Веренак пришел в ярость.

— Были знамения! Я видел их в своих снах! Мы должны взять оружие и присоединиться к силам Хаоса! И напасть на Лларак, чтобы доказать верность Урлеху!

Корум пожал плечами.

— Вам не следует вступать в союз с Хаосом,— сказал он.— Если вы не присоединитесь ни к кому, Хаос все равно поглотит вас. Нас здесь немного,— а вы называете нас армией. Значит, вы даже не имеете представления о том, что такое настоящая армия. Если мы все не будем готовиться к нашествию врага, тогда ваши цветущие долины и холмы в один прекрасный день почернеют, затоптанные копытами огромных армий, которые уничтожат вас с такой же легкостью, с какой они топчут цветы на лугах. Я сам уже пострадал от их рук и знаю, что прежде чем убить, они будут пытать и насиловать. Если вы не пойдете с нами в Лларак и не будете учиться тому, как надо оборонять вашу прекрасную страну, от вашего селения скоро не останется и следа.

— А с чего, собственно, начался ваш спор? — спросил Джери, решив зайти с другой стороны.— Почему ты хочешь поднять этих людей против герцога, Веренак?

— Потому что герцог выжил из ума! — окрысился Веренак.— И месяца не прошло с тех пор, как он выгнал из города всех жрецов Урлеха! Зато служителям этого поганого божка Илаха он позволил остаться! Он встал на сторону Порядка и перестал считаться со сторонниками Хаоса! И это непременно навлечет на него месть Урлеха и Ариоха! Именно это я и хочу

втолковать этим несчастным глупцам и заставить их принять необходимые меры!

— На мой взгляд, эти люди гораздо умнее тебя, друг мой,— рассмеялся Джери.

Веренак воздел руки к небу:

— О Урлех, порази этого нечестивца!

Тут он потерял равновесие и, нелепо взмахнув руками, свалился со сруба в большое долбленое корыто, служившее поилкой для скота. Крестьяне засмеялись. Тот из них, что говорил о желании жителей селения жить в мире, подошел к Коруму.

— Не беспокойтесь, рыцарь, мы ни на кого войной не пойдем. Нам прежде надо урожай собрать.

— Если мабдены Восточных земель придут сюда, никакого урожая вам не видать,— предупредил его Корум.— Но я не намерен более спорить с тобой. Хочу лишь заметить, что мы, вадхаги, тоже когда-то не верили в кровожадность мабденов и не обращали внимания на все предупреждения об их намерениях. И поэтому все мои родные погибли: и отец, и мать, и сестры. Именно поэтому я теперь — последний из вадхагов.

Человек провел рукой по лбу и почесал в затылке.

— Над этим надо, пожалуй, подумать.

— А с ним что делать? — спросил Корум, кивнув на Веренака, который как раз выбрался из поилки.

— Он нам не указ. К тому же он все равно пойдет со своими речами в другие селения. Но я не думаю, что его там станут слушать.

Корум кивнул.

— Хорошо. Но помни, что все эти споры, все разногласия и все вроде бы не имеющие особого смысла решения вроде того, что герцог выслал из города жрецов Урлеха, на самом деле лишь первые признаки той жестокой битвы, которая грядет вскоре между Порядком и Хаосом. Веренак понимает это, и герцог тоже. И Веренак пытается собрать союзников Хаоса, а герцог присоединяется к лагерю сторонников Порядка. Ни один из них еще не знает, что угроза вторжения уже нависла над страной, но оба ощущают эту угрозу. А я везу в страну Ливм-ан-Эш весть о том, что война вот-вот начнется. Помни о моем предупреждении, мой друг, как бы ты ни решил поступить.

Селянин пожевал губами.

— Я подумаю,— произнес он наконец.

Остальные жители селения уже расходились с площади. Веренак, злобно оглядываясь на Корума, направился к своей лошади, привязанной в тени.

— Не хотите ли вы и ваши спутники отдохнуть в нашем селении? — спросил вдруг Корума крестьянин.

Корум покачал головой.

— Благодарю, но то, что я видел и слышал, заставляет меня спешить в Лларак-ан-Фол, чтобы предупредить герцога. Прощай!

— Прощайте,— крестьянин казался сильно озадаченным.

Корум и Джери повернули лошадей и направились к своим спутникам, ожидавшим на окраине. Джери внезапно рассмеялся:

— Прелестная сценка! Прямо как в комедии! Немало таких сценок я в свое время написал для театра!

— У этой комедии трагический смысл,— сказал ему Корум.

— Так и должно быть в хорошей комедии,— ответил Джери.

✧

Кавалькада теперь перешла с размеренной рыси на галоп, словно воины Лир-а-Брода уже гнались за ними. Чем дальше они продвигались по землям герцогства Бедвилраль-нан-Ривм, тем ощутимее становилось царившее вокруг напряжение. В каждом селении, что они проезжали, жители были заняты совершенно бессмысленными спорами: сторонники Урлеха нападали на последователей Иллаха, но и те и другие пропускали мимо ушей то, что твердил им Корум,— что сторонники Хаоса скоро обрушатся на их страну, и они все погибнут, если не возьмут в руки оружие и не выйдут против короля Лира и его армий.

А когда они наконец прибыли в Лларак-ан-Фол, то увидели, что на его улицах уже идет бой.

В стране Ливм-ан-Эш было мало городов, защищенных крепостными стенами, и Лларак не принадлежал к их числу. Город был застроен длинными низкими домами из камня и резного дерева, раскрашенными в яркие цвета. Дворец герцога Бедвилраля не слишком отличался от прочих больших домов города, но Ралина хорошо знала, где он расположен. Уличные бои шли совсем рядом с дворцом; один дом поблизости уже горел.

Подъезжая к городу, они оставили женщин свиты на одном из окрестных холмов.

— Кажется, один из жрецов Урлеха уже поработал здесь, причем поработал успешнее, чем Веренак в том селении,— крикнул Корум Ралине, которая уже готовила к бою копье.

Они галопом влетели на окраину. Улицы здесь были пусты. Звуки боя доносились из центра города.

— Поезжай первой,— сказал Корум Ралине.— Ты знаешь людей герцога и сумеешь отличить их от врагов.

Она дала коню шпоры и, не говоря ни слова, понеслась впереди кавалькады к центру Лларака-ан-Фол.

И тут они увидели, как солдаты в синем в таких же шлемах и с такими же щитами, что были у свиты Ралины, отбиваются от толпы, в которой были и простые крестьяне, и явно профессиональные воины.

— Люди герцога в синих мундирах,— прокричала Ралина.— А те, что в красном с коричневым,— это городская стража. Насколько я знаю, они всегда соперничали.

У Корума не было никакого желания вступать в схватку. Не потому, что он чего-то опасался, просто он не чувствовал никакой вражды к этим людям.

На крестьян ему нападать тоже не хотелось. Вряд ли они даже понимают, за что сражаются. Как и городская стража. Впрочем, их действиями, видимо, управляют силы Хаоса. Их всех подняли на борьбу, вселив в них чувство неуверенности. Свою роль, видимо, сыграло и изгнание из города жрецов Урлеха. И вот результат — жители взялись за оружие.

А Ралина продолжала мчаться вперед с копьем наперевес, увлекая остальных в атаку. Вот они сблизились с толпой... Копья опустились, и кавалькада, не замедляя галопа, прорвалась сквозь массу нападающих, оставляя за собой широкий проход. Противостоявшее им воинство было в основном пешее. Боевой топор Корума то и дело опускался на головы тех, кто пытался его остановить. Его конь вставал на дыбы, разя врага передними копытами, и громко ржал. По меньшей мере, дюжина врагов полегла под его топором, прежде чем они прорвались сквозь ряды противника и соединились с людьми герцога. Развернув фронт, они вновь пошли в атаку, теперь уже вместе с герцогской дружиной.

Корум с облегчением увидел, что многие крестьяне уже побросали оружие и ударились в бегство. Лишь несколько стражников упорно продолжали сражаться. Среди них Корум разглядел и вооруженных жрецов в черном. Маленький человечек,

почти гном, на огромном чалом жеребце что-то кричал, ободряя атакующих и размахивая длинным широким мечом, который держал в левой руке. По его одежде Корум решил, что это, видимо, сам герцог.

— Бросайте оружие! — кричал герцог стражникам.— Мы вас не тронем!

Один из стражников оглянулся и бросил свой меч, но тут же пал под ударом одного из жрецов Хаоса.

— Стоять до конца! — визжал жрец.— Если вы предадите дело Хаоса, ваши души будут обречены на вечные мучения!

Но уцелевшие стражники уже полностью утратили боевой дух. Один из них вдруг повернулся к жрецу, только что убившему его товарища, его меч сверкнул в воздухе, и жрец рухнул на землю, тщетно пытаясь зажать страшную рану на шее, из которой фонтаном хлестала кровь.

Корум убрал свой топор. Бой был окончен. Воины Ралины и солдаты в синем окружили оставшихся в живых врагов и разоружили их.

Маленький человечек на огромном коне подъехал к Ралине, рядом с которой остановили своих лошадней Корум и Джери-а-Конел. Черно-белый кот по-прежнему сидел на плече у Джери, и на его мордочке было написано скорее удивление, чем страх.

— Я — герцог Гвелен из Бедвилраля,— провозгласил он.— Я приношу тебе глубочайшую благодарность за оказанную мне помощь. Но я не узнаю тебя, о прекрасная дама. Ты не из Найвиша и не из Адвина. Если же ты из дальних земель, тогда ты не могла знать о несчастьях, постигших меня, дабы идти мне на помощь.

Ралина сняла шлем и заговорила с герцогом столь же изысканно и официально, как и он.

— Не узнаешь ли ты меня теперь, о герцог Гвелен?

— Увы, нет. Я плохо запоминаю лица...

Она рассмеялась.

— Да, прошло уж много лет... Я — Ралина, которую взял в жены сын твоего кузена...

— И получил в лен маркграфство Алломглиль! Но, как мне кажется, он погиб при кораблекрушении.

— Да, он погиб,— подтвердила Ралина тихо.

— Но я полагал, что замок на острове Мойдель давно уже поглотили волны морские. Где же ты была с тех пор, дитя мое?

— До последнего времени я жила в замке на острове Мойдель и управляла своими землями. Но теперь варвары с востока заставили меня покинуть дом и ехать сюда, чтобы предупредить тебя о грозящей беде. То, что вы пережили сегодня,— сущие пустяки по сравнению с тем, что принесет вам Хаос, если его не остановить.

Герцог Гвелен погладил бороду. Затем обратил свое внимание на пленных и отдал ряд приказов в отношении их. Затем вновь повернулся к Ралине и улыбнулся ей.

— Ну хорошо. А кто этот храбрый рыцарь с повязкой на глазу и кто этот человек с котом на плече?..

Она рассмеялась.

— Я все расскажу тебе, герцог, если ты окажешь нам гостеприимство.

— О да, я надеюсь, что вы будете моими гостями. Ну что ж, поехали во дворец. Здесь уже все кончено.

✧

Они сидели в просто и скромно отделанном зале. Предложенная им пища тоже была скромной — сыр, холодное мясо и местное пиво. Ралина представила герцогу своих спутников и рассказала о том, что привело их в Лларак.

— Да,— сказал герцог.— Мы тут совсем отвыкли от сражений. Сегодняшняя схватка оказалась гораздо более кровавой, чем можно было ожидать. Если бы мои люди имели больше боевого опыта, они могли бы подавить мятеж еще в зародыше, сразу схватив его зачинщиков. Но они поддались панике. Если бы не ваше вмешательство, я, вероятно, сейчас был бы уже мертв. То, что вы рассказали о грядущей войне между Порядком и Хаосом, подтверждает мои собственные опасения. Вы, наверное, слышали, что я запретил в городе культ Урлеха и закрыл его храмы? Его последователи в последнее время стали заниматься какими-то странными вещами. Было даже несколько убийств. И прочее... Я никак не мог найти этому объяснения. Мы здесь неплохо жили и всем были довольны. Голодных не было, нищих тоже... Никаких причин для мятежа... Значит, мы стали жертвами сил, которые нам неподвластны. Так? Мне это совершенно не нравится, что бы за этим ни стояло — Хаос или Порядок. Я бы предпочел оставаться нейтральным...

— Совершенно справедливо,— заметил Джери-а-Конел.— Точно так же поступил бы любой здравомыслящий человек. Но бывают такие обстоятельства, когда совершенно необходимо встать на ту или иную сторону, иначе все, что ты любишь, погибнет. Мне никогда не удавалось найти иное решение этой проблемы. Хотя, надо сказать, что, когда человек занимает крайнюю позицию в любой схватке, он всегда теряет часть собственной человечности.

— Разделяю ваши чувства,— задумчиво проговорил герцог, поднимая кружку с пивом и словно собираясь произнести тост за Джери.

— Мы все так думаем,— сказала Ралина.— Однако, если мы не подготовимся к нападению короля Лира, страна Ливман-Эш будет уничтожена.

— Страна и так гибнет, море поглощает ее,— все так же задумчиво сказал Гвелен.— И все же, если ей суждено исчезнуть, пусть умрет своей смертью. Нам следует еще убедить короля...

— Кто теперь правит в Халвиг-нан-Ваке? — спросила Ралина.

Герцог удивленно обернулся к ней:

— Моя дорогая маркграфиня, вы действительно отстали от жизни! Король Ональд-ан-Гисс, конечно! Он племянник старого Ональда. Тот умер так внезапно...

— А что он из себя представляет? В таких случаях часто все решает королевский каприз... Так к чему он больше склоняется, к Порядку или к Хаосу?

— К Порядку, мне кажется. Но я не поручусь за его капитанов... Вы же понимаете: воины, жажда битвы...

— Они, вероятно, уже приняли какое-то решение,— пробормотал Джери.— Когда вся страна охвачена раздорами, сильный человек, вступивший в союз с Хаосом, может свергнуть короля и занять трон. Вас ведь уже пытались свергнуть, герцог Гвелен.

— Нам надо немедленно ехать в Халвиг,— произнес Корум.

Герцог кивнул:

— Да, немедленно. Но вас слишком много. Большая свита едет медленно, и путь до Халвига займет не меньше недели...

— Свита поедет следом,— решила Ралина.— Белдан, ты возглавишь их и приведешь за нами в Халвиг.

Белдан скорчил гримасу:

— Хорошо, хотя я предпочел бы ехать с вами.

Корум встал из-за стола.

— В таком случае мы трое отправимся сегодня же вечером. С вашего позволения, герцог Гвелен, я бы хотел отдохнуть пару часов.

Лицо герцога было мрачно.

— Да, конечно, я тоже считаю, что вам надо передохнуть. Мне кажется, в последующие дни вам вообще будет не до отдыха.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
СТЕНА МЕЖДУ ЦАРСТВАМИ

Ехали они быстро, продвигаясь в глубь страны Ливм-ан-Эш. И на каждом шагу встречали все больше признаков грядущих бедствий и несчастий. Народ был в тревоге и беспокойстве, но никто не понимал, отчего и почему ими вдруг овладело столь странное и воинственное настроение, тогда как совсем недавно они жили в полном мире и согласии.

А жрецы Хаоса, уверенные, что действуют из самых благородных побуждений, на самом деле продолжали сеять смуту и раздоры.

По дороге Корум и его спутники слышали множество сплетен и слухов, когда останавливались передохнуть и сменить лошадей. Только ни один из этих слухов не имел ничего общего со страшной правдой. Поэтому вскоре они смирились с тем, что местные жители совершенно не в состоянии их услышать и внять их предупреждениям, приберегая свое красноречие до встречи с самим королем. Только король мог издать соответствующий указ, подкрепленный всей полнотой своей власти.

Вопрос был лишь в том, смогут ли они убедить короля. Какие доказательства они могли ему представить в подтверждение своей правоты?

По мере того как они приближались к Халвигу-нан-Вак, эти сомнения все росли. А вокруг расстилались прекрасные долины и холмы, мирные крестьянские селения. И всему этому грозило скорое и безжалостное уничтожение.

Халвиг-нан-Вак был старым городом. Он весь был застроен высокими зданиями из светлого камня, увенчанными остроконечными крышами и шпилями. Здесь сходилось множество дорог со всех концов страны. По дорогам сюда ехали купцы и воины, крестьяне и жрецы, а также музыканты и

актеры, которых в стране Ливм-ан-Эш было великое множество. Корум, Ралина и Джери подъехали к городу по Великой Западной Дороге. Их одежда и вооружение были покрыты пылью, а сами они от усталости едва держались в седле.

Халвиг был неплохо укреплен. Его окружали каменные стены, которые, правда, больше походили на декорации. Стены были украшены причудливой резьбой, изображениями мифических животных и сценами из истории города, напоминавшими о его былой славе. Все ворота были распахнуты настежь, и их охраняли лишь несколько сонных стражников, которые даже не потрудились приветствовать столь высоких гостей. Проехав под аркой ворот, они оказались на улицах города, украшенных цветами.

Цветы были повсюду. Каждый дом был окружен садом, полным цветов. На каждом окне стояли горшки с цветами. Воздух был наполнен их густым ароматом. Коруму даже показалось, что основным занятием его жителей было выращивание цветов и иных прекрасных растений.

Когда они подъехали к королевскому дворцу, то увидели, что все его башни и стены, все его укрепления увиты диким виноградом, плющом и другими вьющимися растениями так, что издали дворец казался садовой беседкой. Корум улыбнулся. Вид дворца очень ему понравился.

— Великолепно! — воскликнул он.— И как это вообще возможно — желать уничтожить такую красоту?!

Джери оглядел дворец с большим сомнением.

— Возможно,— сказал он.— Это же варвары...

Ралина окликнула стражника, дремавшего у низкой стены.

— У нас важные известия для короля Ональда,— сказала она.— Мы прибыли издалека и очень спешили, ибо вести эти срочные.

Стражник, одетый весьма нарядно, но совершенно не по-боевому, отдал ей честь.

— Королю сейчас доложат о вашем прибытии. Благоволите обождать здесь.

✧

Через некоторое время их наконец впустили во дворец и повели к королю.

Он сидел в залитом солнечным светом зале, из окон которого открывался вид на большую часть южной стороны города.

Посреди зала стоял мраморный стол, на котором были разбросаны карты Ливм-ан-Эша. С картами явно только что работали.

Король был очень юн. Небольшого роста, с мелкими чертами лица, он казался почти мальчиком. Когда гости вошли в зал, он вскочил с трона, приветствуя их. Одет он был в простой костюм из желтого шелка. На голове, полускрытый густыми золотисто-каштановыми волосами, поблескивал золотой обруч, знак высокого сана его владельца.

— Вы утомлены,— произнес он, делая знак слугам.— Принесите гостям удобные кресла и что-нибудь поесть.

Он остался стоять до тех пор, пока не принесли кресла и все не уселись у окна вокруг низкого столика, уставленного кушаньями и напитками.

— Мне сказали, что вы прибыли со срочным сообщением,— произнес король Ональд.— Вы с восточного побережья?

— Нет, с западного,— отвечал Корум.

— С западного? Значит, на западе тоже неспокойно?

— Простите меня, король Ональд,— сказала Ралина, снимая шлем и поправляя свои длинные волосы,— но мы не имеем ни малейшего понятия о том, что происходит на востоке.

— Там бесчинствуют пираты. Варвары все время совершают набеги на Восточное побережье. Недавно они захватили порт Давиш-ан-Вод и сожгли его, перебив все население. У них несколько флотилий, и набеги их не прекращаются. Жители по большей части оказываются совершенно не готовыми к их нападению и гибнут, едва успев вступить в бой. Но гарнизоны двух или трех городов сумели отбить атаки варваров и даже взять кое-кого из них в плен. Одного такого пленника недавно привезли сюда. Он совершенно сумасшедший.

— Сумасшедший? — переспросил Джери.

— Именно. Он уверен, что сами боги призвали его и всех остальных, чтобы уничтожить страну Ливм-ан-Эш. Твердит что-то о сверхъестественных силах, которые оказывают им помощь, об огромных армиях, которые идут на нас...

— Он не сумасшедший,— спокойно сказал Корум.— По крайней мере, то, что он говорит, не бред сумасшедшего. Мы для этого и прибыли сюда, чтобы предупредить вас о грозящем нашествии. Варвары из страны Бро-ан-Мабден — а пираты, действующие на востоке, несомненно, оттуда — и варвары из земель, известных вам под названием Бро-ан-Вадхаг, объединились. И обратились за помощью и содействием к силам Хаоса.

И теперь все те, кто служит Хаосу, поклялись уничтожить всех, кто, по собственной воле или невольно, оказался на стороне Владык Порядка. Лорд Ариох, Владыка Хаоса, был не так давно изгнан из здешнего Царства, из этих пяти плоскостей. Он может вернуться сюда только лишь при условии, что все, кто поддерживает Порядок, будут уничтожены. Его сестра, королева Ксиомбарг, сама не может оказать ему непосредственной помощи, но она поощряет к этому всех своих подданных, которые и оказывают варварам всемерную поддержку.

Король Ональд задумчиво тронул губы тонкими пальцами:

— Положение, оказывается, гораздо серьезнее, чем я мог предполагать. Я как раз разрабатывал меры против налетов варваров на восточное побережье. Но теперь даже не знаю, что предпринять... У нас, видимо, не хватит сил, чтобы противостоять такому нашествию.

— Надо обязательно предупредить ваших подданных о грозящей беде,— сказала Ралина.

— Конечно,— отвечал король.— Мы откроем все арсеналы и вооружим всех, кто способен носить оружие. Но и в этом случае...

— Вы уже позабыли, что такое война? — предположил Джери.

Король кивнул:

— Именно так.

— Если бы лорд Аркин мог собрать силы и упрочить свою власть над этим Царством! — с чувством произнес Корум.— Тогда он смог бы оказать нам помощь. Но теперь времени почти не осталось. Армии Лира уже идут с востока, а его союзники плывут с севера...

— И, несомненно, все они направляются с моему городу,— пробормотал Ональд.— А мы не сможем противостоять тем огромным армиям, которыми, как вы говорите, они располагают.

— Кроме того, мы не представляем, какие сверхъестественные силы стоят на их стороне,— напомнила Ралина.— Мы не могли более оставаться в замке на острове Мойдель, чтобы разузнать об этом поподробнее.

И она рассказала королю о том, как они выяснили планы и намерения Лира.

Джери улыбнулся.

— К сожалению,— заметил он,— мой маленький кот не может летать над большими водными пространствами. Это для него слишком трудная задача.

— Может быть, нам помогут жрецы Порядка...— задумчиво произнес Ональд.

— Может быть,— согласно кивнул Корум.— Но в настоящее время, боюсь, у них недостаточно власти и влияния...

— И у нас нет союзников, чтобы обратиться за помощью,— вздохнул Ональд.— Что же, значит, надо готовиться к смерти.

И в зале воцарилось тяжелое молчание.

✧

Некоторое время спустя в зал бесшумно вошел слуга. Он приблизился к королю и что-то сказал ему шепотом. Король удивленно поднял голову и повернулся к своим гостям:

— Нас всех приглашают в Храм Порядка,— сообщил он.— Может быть, у жрецов не так уж мало влияния и власти, как мы полагали. Во всяком случае, они уже знают о вашем прибытии в город.

И он отдал распоряжение, чтобы им приготовили карету.

Пока карету запрягали, путешественники успели наскоро умыться и привести себя в порядок. Затем сели в простую открытую карету, которая повезла их через город в его западную часть. Храм Порядка оказался невысоким, красиво отделанным зданием. У входа стоял человек. Он выглядел очень возбужденным. Одет он был в длинные белые одежды, на которых была вышита золотая стрела — Символ Порядка и Закона. У него была короткая седая борода, длинные седые волосы, а кожа была какого-то сероватого оттенка. Огромные живые карие глаза на этом бледно-сером лице, казалось, принадлежали совсем другому человеку.

Когда король приблизился, человек склонился в низком поклоне.

— Приветствую вас, мой король! Приветствую вас, леди Ралина, принц Корум и рыцарь Джери-а-Конел. Прошу простить меня за столь внезапное приглашение, но я...

Он сделал неопределенный жест и пригласил их под прохладную сень храма, простого и мало украшенного.

— Я — Алерион-а-Найвиш,— сказал жрец.— Сегодня утром меня разбудил... э-э-э... господин моего господина. Он

многое сообщил мне. А потом назвал ваши имена и сказал, что вы трое вскоре прибудете ко двору короля. И что я должен пригласить вас сюда...

— Господин твоего господина? — переспросил Корум.

— Да. Сам лорд Аркин. Лорд Аркин собственной персоной, принц Корум, и никто другой.

И тут из густой тени в дальнем конце храма возникла фигура высокого мужчины. Благородного вида человек, одетый так, как одеваются аристократы страны Ливм-ан-Эш. На лице его играла легкая улыбка, в глазах светилась мудрость и грусть.

Хотя телесная оболочка была на сей раз совершенно иной, Корум сразу понял, что перед ним сам лорд Аркин, Владыка Порядка.

— Приветствую тебя, лорд Аркин,— произнес он с поклоном.

— Как изволишь поживать, мой добрый Корум?

— Ужас переполняет мое сердце,— отвечал Корум.— Ибо Хаос восстал на нас.

— Да, мне это известно. Но еще долгое время не смогу я полностью очистить мое Царство от власти и влияния Ариоха. Столь же долго, сколь потребовалось ему, чтобы полностью покончить с моим влиянием. Я не могу предложить вам сейчас существенной помощи, ибо я еще только собираю силы. Однако есть и другие способы оказать вам содействие и поддержку. Могу сообщить, что союзники Лира уже присоединились к его армии. Это страшные чудовища, исчадия ада. Могу также сообщить, что у Лира имеется еще один союзник — личный посланник королевы Ксиомбарг. Это не человек. Это грозный колдун и волшебник, который может в любой момент призвать помощь из тех плоскостей, которыми правит королева. Однако если она сама посмеет появиться здесь, то неминуемо погибнет, сама себя уничтожит.

— Где нам искать союзников, лорд Аркин? — спросил Джери.

— А разве ты сам не знаешь, ты, человек со множеством имен? — улыбнулся в ответ лорд Аркин. Он, конечно же, узнал Джери-а-Конела.

— Я знаю, что, если существует ответ на мой вопрос, это наверняка будет ответ парадоксальный,— сказал Джери.— К этому я уже вполне привык за те долгие годы, что сопутствовал Героям.

Аркин снова улыбнулся:

— Само наше существование — уже парадокс, друг мой Джери. Все, что является Добром, одновременно является и Злом. И ты это прекрасно знаешь.

— Да, знаю. Именно потому я и не утруждаю себя лишними заботами.

— Но в силу тех же причин ты ныне сильно обеспокоен.

— Совершенно верно,— Джери даже рассмеялся.— Так есть ли ответ на мой вопрос, лорд Аркин?

— Именно для этого я и оказался здесь. Должен сообщить вам, что, если вы не найдете помощи и поддержки, страна Ливман-Эш непременно погибнет, а значит, погибнут и все защитники Порядка. Вы знаете, что у вас нет ни силы, ни опыта, ни свирепости, чтобы противостоять Лиру, Гландиту и прочим, особенно теперь, когда их поддерживают Пес и Медведь. Есть только один народ, который, вероятно, захочет прийти вам на помощь. Но он обитает не в вашей плоскости и не в тех плоскостях, на которые распространяется моя власть. Исключая тебя, Корум, Ариоху удалось сокрушить здесь все, что было способно реально противостоять Хаосу.

— Где же нам искать этот народ? — спросил Корум.

— В царстве королевы Ксиомбарг, Владычицы Хаоса.

— Но она же — наш злейший враг! — выдохнула Ралина.— Если мы проникнем в ее царство... Да я даже не знаю, как это можно сделать... Она же с огромным удовольствием воспользуется любой возможностью, чтобы расправиться с нами!

— Я знаю, она попытается это сделать. Если только обнаружит вас,— кивнул в ответ лорд Аркин.— Но если вы отправитесь в ее царство, вы можете рассчитывать на то, что в это время ее внимание будет целиком поглощено событиями в здешнем царстве. Она, может быть, даже и не узнает, что вы вторглись в ее плоскости.

— А кто нам там поможет? — спросил Джери.— Уж конечно, не силы Порядка! Королева Ксиомбарг гораздо более могущественная властительница, нежели ее брат Ариох. И в ее царстве наверняка в полную силу властвует Хаос.

— Не совсем так. И уж, конечно, совсем не так, как в царстве другого ее брата, короля Мабелода... Есть в ее царстве один город, который до сих пор успешно противостоял всему, что бы она ни предпринимала. Он называется Город-в-Пирамиде, а люди, которые его населяют, принадлежат к высокоразвитой

цивилизации. Если вам удастся попасть в этот город, вы сможете найти союзников, в которых столь нуждаетесь.

— Но как же мы попадем в царство Ксиомбарг? — спросил Корум.— Это ведь не в нашей власти...

— Я помогу вам в этом.

— И как нам найти этот город в ее пяти плоскостях?

— Вы спросите у встречных,— просто ответил лорд Аркин.— Они вам укажут, где находится Город-в-Пирамиде. Город, который сумел отбить все штурмы, предпринятые королевой Ксиомбарг. Ну так как, отправляетесь? Это единственное, что я могу предложить для спасения Ливм-ан-Эш.

— И для своего собственного спасения тоже,— заметил Джери с улыбкой.— Знаю я вас, богов... Знаю, как вы манипулируете простыми смертными, чтобы достичь цели, которой сами добиться не можете. Ибо только смертный может проникнуть туда, куда богам путь заказан. У вас есть какие-либо причины, чтобы настаивать именно на таком плане действий, лорд Аркин?

Лорд Аркин взглянул на Джери:

— Ты знаешь, как обычно действуют боги, ты сам об этом только что говорил. Могу лишь сообщить, что поставил на кон ваши жизни точно так же, как и свою собственную судьбу. Вы рискуете не больше, чем я. И если вы не добьетесь того, на что я рассчитываю, я погибну; и все, что есть в этом царстве доброго и прекрасного, тоже погибнет. Так что решайте сами, отправляться вам в царство Ксиомбарг или нет...

— Если есть надежда найти там союзников, мы готовы,— твердо сказал Корум.

— Тогда я открою вам проход в Стене Между Царствами,— тихо произнес лорд Аркин.

Он повернулся и прошел в глубь храма, где лежала сплошная непроницаемая тень.

— Приготовьтесь,— сказал он оттуда. Самого его уже видно не было — он полностью растворился в этой тени.

Корум внезапно почувствовал, как в голове у него возник какой-то странный звук. Или, скорее, тишина, которая, однако, перекрывала все доносившиеся до него звуки. Он посмотрел на остальных — с ними, по всей видимости, происходило то же самое. Потом перед глазами у него все замелькало, а затем впереди возник некий расплывчатый силуэт, от которого исходило яркое сияние, поглотившее все вокруг,— и стены храма, и его спутников. И все вокруг задрожало, завибрировало...

Потом так же внезапно вибрация прекратилась.

Посреди храма возникло нечто крестообразное. Они подошли поближе, стараясь рассмотреть и понять, что это такое. Но с какой бы стороны они ни смотрели, возникшее нечто представлялось их взорам тем же самым — это был сверкающий серебром крестообразный просвет в окружающем его полном мраке. И сквозь него — как сквозь окно — была видна часть какого-то пейзажа...

Откуда-то из-за их спины раздался голос Аркина:

— Это проход в плоскости, где правит Ксиомбарг.

...Странные, невиданные черные птицы кружились в небе, кусочек которого был виден сквозь это «окно». Был даже слышен их отдаленный клекот.

Корум содрогнулся. Ралина невольно придвинулась поближе к нему.

Потом до них донесся голос короля Ональда:

— Я не стану хуже думать о вас, если вы туда не пойдете...

— Надо идти,— произнес Корум, словно во сне.— Мы должны идти!

Тут Джери с небрежной беспечностью шагнул вперед — и вот он уже стоит по ту сторону, рассматривая мелькающих в небе малоприятных птиц и поглаживая своего кота.

— А как мы вернемся? — спросил Корум.

— Если ваша миссия увенчается успехом, вам помогут вернуться,— отвечал Аркин.— Поспешите! Мне стоит огромных усилий держать этот проход открытым...

Взяв Ралину за руку, Корум шагнул в проход. И сразу остановился, озираясь вокруг.

Крестообразный серебристый силуэт уже терял свои очертания. Вот еще раз мелькнуло озабоченное лицо короля Ональда, и все исчезло...

— Итак, мы в царстве королевы Ксиомбарг,— фыркнув, произнес Джери.— Как-то здесь неуютно...

Со всех сторон их окружали черные скалы. Небо было холодным и недобрым. А впереди о скалистый берег разбивались волны мрачного, неприветливого моря...

Часть вторая,
В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ И ЕГО СПУТНИКИ НАВЛЕКАЮТ НА СЕБЯ ЕЩЕ БОЛЬШУЮ НЕНАВИСТЬ СИЛ ХАОСА И НА СЕБЕ ИСПЫТЫВАЮТ НОВЫЙ, ЕЩЕ НЕВЕДОМЫЙ ИМ ВИД КОЛДОВСТВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ОЗЕРО ТЫСЯЧИ ГОЛОСОВ

— Куда теперь? — спросил Джери, озираясь по сторонам.— К морю или к горам? И то и другое выглядит не очень-то привлекательно...

Корум глубоко вздохнул. Мрачный ландшафт, расстилавшийся вокруг, еще более ухудшил его настроение. Ралина сочувственно погладила его по плечу.

Глядя на Корума, она ответила Джери, который уже прилаживал на спину свой неизменный дорожный мешок:

— Раз у нас нет лодки, видимо, надо идти к горам, в глубь страны.

— Но лошадей у нас тоже нет,— резонно напомнил ей Джери.— А пешком мы далеко не уйдем. Кроме того, кто может сказать, можно ли перебраться через эти горы?

Корум благодарно улыбнулся Ралине. Он уже поборол минутную слабость и теперь стоял, выпрямившись и расправив плечи.

— Раз мы приняли решение проникнуть в это царство, надо решить, какое направление избрать.

Держа руку на эфесе меча, он пристально смотрел в сторону гор.

— Я видел кое-что из того, на что способен Хаос. Например, по дороге ко дворцу Ариоха. Однако мне кажется, в этом царстве власть Хаоса сильнее, чем в нашем... Давайте направимся к горам. Там мы, может быть, встретим местных жителей, и они скажут нам, где находится этот Город-в-Пирамиде, о котором говорил лорд Аркин.

И они двинулись в путь.

Через некоторое время до них дошло, что солнце висит в небе совершенно неподвижно. Вокруг царило настороженное молчание, которое прерывали лишь крики мерзких черных птиц, гнездившихся где-то на вершинах окрестных скал. Вся местность, казалось, прямо-таки дышала опасностью и навевала неприятное ощущение грядущего несчастья. Джери попытался было насвистывать какой-то веселый мотивчик, но тут же умолк. И звук сразу замер, словно поглощенный этой бесплодной, пустынной землей.

— Я всегда считал, что Хаос, как бы отвратителен он ни был, хоть что-то все же иногда создает,— произнес Корум.— Но то, что я вижу здесь, совершенно ужасно...

— Это как раз то, что происходит с любой страной, где Хаос исторгает из себя свое очередное творение, вернее свою очередную мерзость,— ответил ему Джери.— В конечном итоге Хаос несет гораздо более глубокий застой и упадок, чем то, что он более всего ненавидит в деяниях Порядка. Поэтому Хаос и должен все время стремиться ко все новым и новым бессмысленным чудесам, к новым пустым сенсациям. Так будет продолжаться до тех пор, пока само понятие о том, что такое истинное чудо, истинное творение, окончательно не забудется, а от самих творений не останется и следа.

Когда их наконец сморила усталость, они улеглись прямо на голых камнях. А когда проснулись, то обнаружили, что в окружающем их мире изменилось только одно: черные птицы, явно осмелев, летали теперь совсем близко, прямо у них над головами.

— Чем они, интересно, тут живут? — подумала вслух Ралина.— Кругом ни растений, ни дичи... Чем они питаются?

Джери выразительно посмотрел на Корума. Тот лишь пожал плечами.

— Вставайте,— сказал он.— Пора в путь. Время, конечно, вещь относительная, но у меня такое ощущение, что, если мы не поторопимся с выполнением нашей миссии, страна Ливман-Эш погибнет.

Черные птицы между тем кружили уже совсем низко. Путники могли различить их кожистые крылья и тела, их маленькие алчные глазки и длинные острые клювы.

Внезапно крылатый кот, по-прежнему сидевший на плече Джери, издал пронзительный вопль и выгнул спинку дугой. Он тоже смотрел на черных птиц.

Путники продолжали свой нелегкий путь через нагромождения скал, пока не достигли подножия гор. Отсюда дорога круто пошла вверх.

Горы нависали над ними, как огромные спящие чудовища, которые, казалось, в любое мгновение могут проснуться и пожрать их. Склоны их были гладкими и скользкими, поэтому Коруму и его спутникам приходилось карабкаться вверх осторожно и медленно.

А черные птицы все продолжали кружиться у них над головой. У путников не было никаких сомнений, что стоит им опять заснуть, и птицы тут же нападут. Мысль об этом заставляла их идти все дальше вперед.

Резкие крики птиц становились все громче, все настырнее. Путники уже слышали, как хлопают их мерзкие крылья, но они не глядели вверх, экономя силы, которых и так оставалось совсем немного.

Они пытались найти хоть какое-нибудь убежище, какую-нибудь пещеру среди скал, где можно было бы укрыться и немного передохнуть, не опасаясь нападения птиц. От усталости они уже начинали задыхаться, и их хриплое дыхание и шарканье подошв о камни смешивались с резкими криками черных птиц.

Корум оглянулся на Ралину. На лице ее были написаны безнадежность и ужас, по щекам текли слезы. У него появилось ощущение, что Аркин сыграл с ними злую шутку, хладнокровно отправив их на верную гибель в этой пустынной стране.

Его мысли прервал шум крыльев, в лицо ударил поток воздуха, а по шлему скребанули когти. С яростным воплем он схватился за меч и попытался вытащить его из ножен. Подняв глаза, он увидел прямо над собой массу черных перьев, алчно сверкающие глаза, огромный щелкающий клюв. Наконец ему удалось вытащить меч, и он попытался достать острием ближайшую тварь. Тщетно. Птицы отпрянули с каким-то насмешливым клекотом. И тогда совершенно для него неожиданно рука Квилла, та, на которой было шесть пальцев, сама по себе молниеносно вытянулась вверх, схватила одну из черных птиц за ее тонкую,

длинную шею и сдавила ее, как, бывало, хватала врагов Корума, душа их, ломая им шейные позвонки. Раздался отвратительный хруст костей... Птица успела слабо крикнуть и тут же издохла. Рука Квилла отбросила труп в сторону. Остальные птицы, явно напуганные, отлетели на безопасное расстояние и уселись на скалах, опасливо поглядывая на Корума. Он уже почти забыл, на что способна его левая рука. Прошло уже довольно много времени с тех пор, как она действовала таким образом. И впервые с того дня, когда она уничтожила сердце Ариоха, он испытал к ней чувство благодарности. Он еще раз показал руку Квилла птицам, и те ответили ему криками бессильной ярости, продолжая время от времени поглядывать туда, где валялось бездыханное тело их товарки.

Ралина, которой еще не доводилось видеть руку Квилла в действии, смотрела на Корума с изумлением и облегчением. Что же касается Джери, то он лишь фыркнул и поджал губы.

Воспользовавшись передышкой, он повалился на землю, обнажив, правда, на всякий случай свою саблю. Кот, как и прежде, не слезал с его плеча.

Так прошло довольно много времени. Люди и птицы молча смотрели друг на друга. Над ними было все то же холодное, мрачное небо, вокруг — все те же мрачные горы. И тут Коруму пришло в голову, что если рука Квилла спасла их от неминуемой опасности, то глаз Ринна может оказаться в такой ситуации еще более полезным. Правда, ему не очень хотелось снимать повязку и использовать волшебную силу глаза — его способность заглядывать в небытие, откуда Корум иногда мог призывать на помощь странных и ужасных союзников — тени воинов, погибших в битвах, которыми он когда-то командовал. И особенно ему не хотелось вызывать тех, последних, что погибли, когда он уже обладал и рукой, и глазом,— подданных королевы Ооризе, последних воинов из племени вадхагов. Однако сделать что-то было совершенно необходимо. Эти милые черные птички явно не собирались улетать. Угроза была слишком велика. Если птицы решатся напасть все разом, им не устоять. Даже если рука Квилла успеет уничтожить нескольких тварей, она не сумеет защитить ни Ралину, ни Джери. Неохотно поднес он руку к повязке и сдвинул ее в сторону.

Ужасный, чужой глаз давно мертвого бога Ринна уставился в мир, еще более страшный, чем тот, в котором они сейчас находились.

И опять Корум увидел мрачную пещеру, в которой бессмысленно перемещались смутные тени. А позади них толпились существа, которых ему и вовсе не хотелось видеть. Их мертвые глаза тупо таращились на него, на лицах была написана безысходная тоска и отчаяние. Тела их были сплошь покрыты ранами, но раны эти уже не кровоточили, ведь то были лишь тени, заключенные в Лимбе,— не живые и не мертвые. С ними были и их странные верховые животные — уродливые создания, толстые, покрытые чешуей, с раздвоенными копытами и с ветвистыми рогами. Это были последние вадхаги, остатки некогда могущественной расы, населявшей с незапамятных времен территорию Огненных земель, которую Ариох некогда создал на месте цветущей страны для собственного развлечения. На этих вадхагах были красные одежды, закрывавшие их с головы до ног; на головы были натянуты красные же капюшоны. Вооружение их составляли длинные копья с зазубренными наконечниками.

Не в силах вынести этого ужасного зрелища, Корум хотел было закрыть глаз повязкой, но рука Квилла помимо его воли протянулась вперед, прямо в страшную пещеру и сделала повелительный жест мертвым вадхагам. И те медленно влезли на своих рогатых животных и медленно выехали из жуткой пещеры в преддверии ада. Мрачная компания трупов — символ самой смерти — стояла теперь рядом с Корумом на каменистом горном склоне. Черные птицы, едва мертвецы появились в этом мире, взмыли в воздух, отчаянно хлопая крыльями.

Ралина с ужасом наблюдала за происходящим.

— Великие Древние Боги! — воскликнула она.— Что все это означает, Корум?

— Это наши помощники,— ответил Корум и скомандовал мертвым воинам:

— Бей!

Копья с зазубренными наконечниками, поднятые затянутыми в красное мертвыми руками, были одновременно брошены в разлетавшихся птиц. И каждое копье нашло свою жертву. Раздался отчаянный клекот, полетели черный пух и перья, и на камни стали падать мертвые птицы.

Ралина, широко раскрыв глаза, смотрела, как мертвые воины, словно живые, слезли с седел и отправились собирать убитых птиц. Корум уже знал, что им надо: им нужна в этом мире добыча, новые жертвы, которые заменили бы их, мертвых, в

Лимбе. При этом души погибших воинов, видимо, обретали наконец освобождение и столь желанный вечный покой. Корум искренне надеялся, что так оно и есть.

Ехавший впереди вадхаг подобрал двух мертвых птиц и перекинул их через седло. Затем повернул к Коруму изуродованное ударом меча лицо и взглянул на него невидящими глазами.

— Твой приказ выполнен, повелитель,— прозвучал его безжизненный голос.

— Тогда вы можете вернуться,— хрипло ответил Корум.

— Прежде чем мы уйдем, я должен передать тебе послание, повелитель.

— Послание? От кого?

— От Того, Кто Ближе к Тебе, Чем Ты Думаешь,— ответил мертвый тем же монотонным голосом.— Он велел передать, что вам следует искать Озеро Тысяч Голосов. Если у вас хватит мужества переплыть это озеро, вы можете надеяться на помощь.

— Озеро Тысяч Голосов? А где оно находится? И кто велел тебе передать мне это?

— Озеро Тысяч Голосов лежит вон за тем горным хребтом. Теперь я ухожу, мой господин. Мы благодарны тебе за добычу.

У Корума больше не было сил смотреть на мертвого вадхага. Он отвернулся и закрыл повязкой глаз Ринна. Когда он вновь повернулся, вадхага уже не было. Исчезли и все черные птицы, кроме одной — той, что погибла от руки Квилла.

Лицо Ралины было совершенно белым.

— Эти твои союзники ничем не лучше исчадий Хаоса. Это гнусно, Корум, гнусно! Так безжалостно использовать этих несчастных!..

Джери, который в продолжение всей этой сцены так и оставался лежать в удобной позе, поднялся на ноги.

— Ралина, это Хаос вынуждает нас прибегать к подобным вещам,— сказал он.— Именно Хаос заставляет нас все время с кем-то воевать. Хаос всегда несет с собой жестокость; он ожесточает даже тех, кто ему не служит. И с этим придется смириться...

Ралина опустила глаза.

— Что ж, тогда давайте искать это озеро,— произнесла она тихо.— Как там оно называется?

— Довольно странно,— ответил Корум, еще раз оглянувшись на мертвую черную птицу.— Озеро Тысяч Голосов.

И они возобновили свой трудный путь к вершине горного хребта. Теперь, когда нападения птиц можно было не опасаться, они часто останавливались на отдых. Уже начинали давать себя знать голод и жажда, а никаких запасов с собой у них не было.

В конце концов они добрались до вершины хребта, перевалили через него и начали спуск. Здесь им все чаще стали попадаться зеленые лужайки; чем ниже они спускались, тем гуще становилась трава. А вдали, за зеленью лугов, уже виднелась синяя гладь озера, спокойного и весьма живописного. Путникам с трудом верилось, что столь прекрасное озеро может существовать в царстве Хаоса.

— Какая прелесть! — воскликнула Ралина.— Там наверняка можно будет найти какую-нибудь дичь. И утолить наконец жажду...

— Наверное,— ответил Корум, которого по-прежнему донимали всяческие подозрения.

Тут Джери напомнил им:

— По-моему, этот мертвый вадхаг говорил, что нам потребуется все наше мужество, чтобы пересечь это озеро. Интересно знать, что он имел в виду? Чем оно может нам угрожать?

✧

Когда они наконец закончили спуск, у них уже почти не оставалось сил. Корум и его спутники сели на траву, решив немного передохнуть у небольшого ручейка, который брал начало из чистого, прозрачного ключа неподалеку, так что им даже не пришлось идти к озеру, чтобы напиться. Джери что-то тихо сказал своему коту, и тот сразу стремительно взмыл в воздух, расправил крылья и вскоре пропал из виду.

— Куда ты его послал, Джери? — спросил Корум.

— На охоту,— ответил тот и подмигнул.

И действительно, через некоторое время кот вернулся, держа в когтях кролика, едва ли не такой же величины, как он сам. Он положил добычу у ног Джери и снова улетел. Подкрепившись, они улеглись спать, по очереди сменяя друг друга у костра и охраняя сон других.

Отдохнув, они продолжили свой путь. Когда до озера оставалось шагов триста, Корум остановился, прислушиваясь.

— Слышите? — спросил он.

— Я ничего не слышу,— ответила Ралина.

Джери кивнул в ответ:

— Да-да. Голоса. Как будто шумит большая толпа.

— Вот именно, голоса. Я их ясно слышу,— сказал Корум.

Остаток пути до озера они прошли быстро, несмотря на болотистую, пружинящую под ногами почву. Шум голосов усиливался, становился все громче, пока не стал совершенно непереносимым. Им пришлось даже зажать уши ладонями. И тут их объял ужас: теперь они поняли, почему им потребуется все их мужество, чтобы переправиться через Озеро Тысяч Голосов.

Из вод озера, такого спокойного и мирного, непрерывным потоком лились мольбы, жалобы, проклятья, крики боли и ужаса, вопли, плач, смех... У Корума было такое ощущение, что в этом озере утонули миллионы людей, а их голоса все продолжают звучать, хотя тела давно уже сгнили и растворились в воде.

Зажимая уши, Корум озирался по сторонам, пытаясь определить, нельзя ли как-нибудь обойти проклятое озеро. Нет, это было явно невозможно: со всех сторон к воде подступали непроходимые болота.

Он заставил себя приблизиться к самому берегу, и голоса — мужские, женские, детские — зазвучали еще громче. Так могли кричать только люди, попавшие в ад, в самое пекло...

— Пожалуйста...

— Не надо, не надо, не надо!..

— Это невозможно...

— Какие страдания!..

— Покоя мне, покоя...

— За что?!

— Это была ложь! Меня обманули!

— И меня обманули...

— А-а-а-а-а!

— Помоги, помоги же, умоляю!..

— Помоги мне!

— Мне!

— Нет, мне!

— Это же невозможно больше выносить!..

— Ха!

— Помоги!

— Пощадите!

— Спаси ее, спаси, спаси...

— Как я страдаю!..

— Ха-ха-ха-ха-ха!

— Это было так прекрасно... Кругом сплошные огоньки...

— Звери, звери, звери, звери...

— Ребенок... Это же ребенок!..

— Все утро он плакал... А потом в меня что-то попало, что-то летящее...

— Соуэт! Тэбель!

— Забытый и покинутый в Рандане, поэму я сложил, стихи страданий...

— Покоя мне, покоя... Покоя!..

У берега, словно ожидая их, стояла привязанная лодка.

Внезапно Коруму пришла мысль: а сумеют ли они сохранить разум, переправляясь через Озеро Тысяч Голосов?

ГЛАВА ВТОРАЯ
БЕЛАЯ РЕКА

Корум и Джери опустили в воду длинные весла и оттолкнули лодку от берега. Ралина, вся в слезах, замерла на носу. С первым же взмахом весел вода в озере взволновалась, но вместо всплеска над поверхностью раздались новые голоса. Шум вокруг еще более усилился. Корум и его спутники очень скоро поняли, что голоса исходят прямо из-под воды, как будто в каждой ее капле заключена живая человеческая душа, жалующаяся на свою ужасную участь. У Корума даже появилось такое ощущение, что вообще все озера на свете такие же, как это; разница лишь в том, что здесь стоны и жалобы можно услышать... Он всеми силами старался выбросить из головы эту страшную мысль, но тщетно.

— О боги!..

— Нельзя ли...

— Если я...

— Можно мне...

— Любовь, любовь, любовь...

— Столь слабая сила старалась согнуть столь сильных...

— Перестаньте! Прекратите! — закричала вдруг Ралина.

Но голоса не замолкали. Корум и Джери молча навалились на весла.

— Хочу, хочу, хочу...

— Лежи, свернувшись, и внимай моим проклятьям...

— Однажды... однажды... однажды...

— Помоги нам!

— Освободи нас!

— Дай нам покой! Покой!..

— Открой, не прибегая...

— Холодно...

— Холодно...

— Холодно...

— Мы ничем не можем вам помочь! — почти простонал Корум.— Мы не в состоянии ничего для вас сделать!

Ралина всхлипнула и вдруг разрыдалась.

И только Джери-а-Конел, сжав зубы и уставившись в одну точку, молча продолжал грести, гоня лодку все дальше вперед.

— О-о-о, спасите нас!..

— Спасите меня!

— Ребенка, ребенка!..

— Вор, мор, сор, хор, мор, сор, вор, хор, сор, хор, мор, вор...

— Замолчите! Мы ничем не можем помочь!!

— Корум! Корум! Пусть они замолчат! Заставь их замолчать!!! Неужели нет никакого заклинания, чтобы заставить их замолчать?!

— Нет.

— А-а-а-а-ах!

— Орум, форум, морум, торум, орум, форум, торум...

— Ха-ха-ха-ха-ха!..

— Никто, нигде, никогда, ничто, никогда... ненужные несчастья... для чего? для кого?

— Шепни тихонько... тихонько...

— Нет-нет-нет-нет-нет...

Корум вдруг бросил весло и ударил себя ладонью по затылку, словно стараясь выбить из головы эти ужасные звуки. Ралина сползла на дно лодки; ее рыдания были неразличимы в этом жутком хоре.

— Перестаньте!

— Прекратите! Прекратите! Прекратите!

— Перестаньте!

— Перестаньте!

— Перестаньте!

По лицу Джери текли слезы, но он продолжал грести, ни разу не сбившись с темпа и не меняя ритма движений. Только кот, казалось, ни на что не обращал внимания. Он сидел на банке между Джери и Корумом и тщательно вылизывал лапки.

Для кота вода в озере была просто водой, которой следовало любыми средствами избегать. Он лишь пару раз нервно глянул за борт и словно забыл и об озере, и о воде.

— Спаси нас, спаси...

А потом на фоне других голосов вдруг возник еще один — более мощный, глубокий, приятный и какой-то теплый. Голос этот произнес:

— А почему бы и вам не присоединиться к остальным? Тогда вы навсегда позабудете все тревоги и печали. Вам только надо остановиться и перешагнуть через борт... Прямо в воду — и вы воссоединитесь с остальными... Забудьте же вашу гордыню, шагайте, присоединяйтесь к остальным!

— Нет! Не слушайте его! Слушайте меня!!!

— Слушай нас!

— Нет, меня!

— Не слушайте их. Они на самом деле по-настоящему счастливы. Просто ваше появление смутило их. Вы нарушили их покой. Они действительно хотят, чтобы вы к ним присоединились... Присоединились... Присоединились...

— Нет! Нет!! Нет!!!

— Нет! — вскричал Корум. Он выдернул весло из уключины и принялся бить им по воде:

— Прекратите! Прекратите! Прекратите!

— Корум,— впервые за все это время обратился к нему Джери. Он держался за борт, так как лодка начала угрожающе раскачиваться. Ралина с ужасом глядела на Корума.

— Корум! — теперь уже закричал Джери.— Этим ты ничего не добьешься! Только хуже сделаешь! Ты нас всех погубишь! Смотри, лодка вот-вот опрокинется!

— Прекратите! Прекратите! Прекратите!

Держась одной рукой за борт, Джери дотянулся другой до Корума и стал дергать его за алый плащ.

— Корум! Остановись!!!

Корум внезапно сел и посмотрел на Джери так, словно тот был его злейшим врагом. Потом выражение его лица несколько смягчилось, он сунул весло обратно в уключину и вновь принялся яростно грести.

Впереди уже виднелся противоположный берег озера.

— Нам бы только добраться до берега,— сказал Джери.— Тогда никакие голоса нам не страшны. Держись, осталось совсем немного!

— Да,— ответил Корум.— Совсем немного...

И он еще сильнее налег на весла, избегая смотреть в измученное лицо Ралины.

— Спящие змеи и старые совы, голодные ястребы в небе высоком, вот все, что осталось от памяти детства, от памяти светлой о Чаратату...

— Присоединяйтесь к ним, и вы разделите с ними все их прекрасные воспоминания. Присоединяйтесь к ним, принц Корум, леди Ралина и ты, рыцарь Джери! Присоединяйтесь! Присоединяйтесь. Присоединяйтесь...

— Кто ты? — спросил Корум.— Это ты их всех уговорил присоединиться?

— Я — Голос Озера Тысяч Голосов. Я — дух этого озера. И я предлагаю вам покой и единение со всеми родственными вам душами. Не слушайте недовольных, их немного. Такие всегда недовольны, где бы они ни оказались...

— Нет, нет, нет...

Корум и Джери вновь налегли на весла и продолжали грести, пока днище лодки вдруг не заскрежетало по прибрежному песку. По воде озера внезапно прошло какое-то движение, и над ним возник огромный водяной смерч. От него исходил страшный рев и свист.

— НЕТ! ТАК ПРОСТО ВЫ ОТ МЕНЯ НЕ УЙДЕТЕ! ВЫ — МОИ! НИКТО ЕЩЕ НЕ УХОДИЛ ИЗ ВОД ОЗЕРА ТЫСЯЧ ГОЛОСОВ!

Смерч изменил очертания, и в его центре вдруг возникло искаженное яростью лицо. Лицо духа озера. Вот из воды поднялись его руки, потянулись к ним, ближе, ближе, ближе...

— ВЫ — МОИ! ВЫ БУДЕТЕ ПЕТЬ ВМЕСТЕ С ОСТАЛЬНЫМИ! ВЫ ВОЛЬЕТЕСЬ В МОЙ ХОР!

Путешественники поспешно выбрались из лодки и устремились на берег. А дух озера, все увеличиваясь в размерах, пытался дотянуться до них, и голос его гремел все громче и громче:

— ВЫ ПРИНАДЛЕЖИТЕ МНЕ! ВЫ — МОИ! Я НЕ ОТПУЩУ ВАС!

А тысячи других, гораздо более слабых голосов продолжали твердить свое:

— Бегите! Скорее бегите! Никогда не возвращайтесь сюда! Бегите!

— ЗАМОЛЧИТЕ! ПРЕДАТЕЛИ! ИЗМЕННИКИ!

И голоса вдруг замолчали. Наступила полная тишина. И среди этой звенящей тишины вновь раздался голос духа озера:

— ЧТО ВЫ НАДЕЛАЛИ! ВЫ ЗАСТАВИЛИ МЕНЯ РАЗОГНАТЬ МОЙ ПРЕКРАСНЫЙ ХОР! МОИ ГОЛОСА УМОЛКЛИ! МОИ ГОЛОСА! ТЕПЕРЬ МНЕ НАДО НАЧИНАТЬ ВСЕ ЗАНОВО! ВЫ ВЫНУДИЛИ МЕНЯ ЗАСТАВИТЬ ИХ ЗАМОЛЧАТЬ! ВЕРНИТЕСЬ! ВЕРНИТЕСЬ ЖЕ!

Чем быстрее они удалялись от берега, тем выше поднимался водяной смерч с искаженным яростью лицом внутри, тем длиннее вытягивались руки духа, стремясь достать их...

Но внезапно с ужасным вскриком дух озера, не в силах более сохранять столь огромные размеры и форму, рухнул в воду. Они видели, как он упал, как судорожно бился, махал руками... потом растворился в воде и пропал, словно его и не было... Поверхность озера вновь стала тихой и спокойной, какой они увидели ее в первый раз.

И голосов больше не было слышно. Души людей наконец успокоились... Совершенно случайно Корум и его спутники вынудили духа озера приказать своим пленникам замолчать. И это, по всей видимости, разрушило волшебные чары, во власти которых они пребывали...

Корум перевел дыхание и опустился в траву.

— Все,— сказал он.— Теперь эти несчастные наконец обрели покой.

И он улыбнулся, глядя на отчаянное выражение на мордочке кота. Только сейчас он понял, какое ужасное потрясение испытало бедное животное.

Немного передохнув, они отправились дальше. И с вершины ближайшего холма перед ними открылось то, что ожидало их дальше.

Сплошная пустыня какого-то странного коричневатого цвета. Через нее, извиваясь, текла река. Казалось, однако, что в реке течет не вода, а какая-то белая жидкость, напоминающая по виду молоко. Река была довольно широкой, а течение в ней — медленным и ленивым.

— Конца-краю всему этому не видно,— вздохнул Корум.

— Смотрите, всадник! — воскликнула вдруг Ралина.

На вершине следующего холма действительно появился всадник. Он сидел, сгорбившись в седле, и явно не замечал их. Тем не менее Корум обнажил меч, и остальные последовали его при-

меру. Конь нес всадника им навстречу. Ступал он медленно и устало, словно был в пути уже много дней.

Всадник выглядел очень худым и изможденным. На нем была потертая, заплатанная одежда из кожи. Он ничего не замечал вокруг — он просто спал прямо в седле. Левой рукой он держал поводья, а с запястья правой свисал на темляке длинный, тяжелый меч. Его исхудалое лицо было словно выдублено ветром и солнцем, так что определить его возраст было совершенно невозможно. На лице выделялся огромный крючковатый нос в обрамлении нечесаных усов и бороды. Волосы тоже висели неопрятными космами. Похоже, он был очень беден, но к луке его седла была приторочена корона, явно из золота, украшенная драгоценными камнями. Корона, как и сам всадник, была покрыта толстым слоем дорожной пыли.

— Он что, вор, что ли? — удивленно спросила Ралина.— Он, наверное, украл эту корону и теперь пытается скрыться от ее настоящего владельца...

Конь, приблизившись к ним, остановился. На Корума смотрели его большие усталые глаза. Затем он склонил шею и стал неспешно щипать траву под ногами.

Тут всадник пробудился. Потянувшись, он протер глаза и, не произнося ни слова, уставился на Корума и его спутников. Потом, что-то пробормотав, он равнодушно отвернулся.

— Привет вам,— произнес Корум.

Изможденный человек зажмурил глаза, затем вновь раскрыл их и еще раз посмотрел на Корума. Потом достал откуда-то из-за спины флягу, открыл ее и, запрокинув голову, стал пить. Напившись, он вновь закупорил флягу и убрал ее обратно за спину.

— Привет вам,— повторил Корум.

Всадник кивнул в ответ.

— Ага,— только и произнес он.

— Откуда вы едете? — спросил Джери.— Мы тут заблудились и были бы благодарны, если бы вы сказали нам, что находится там, за этой коричневой пустыней...

Человек вздохнул и оглянулся на пустыню.

— Это Кровавая долина,— сказал он.— А река зовется Белой рекой, а иногда — Молочной... Хотя там вовсе и не молоко...

— А почему долина зовется Кровавой? — спросила Ралина.

Человек опять сонно потянулся и нахмурился.

— Потому что долина эта вся залита кровью. Эта коричневая пыль на самом деле засохшая кровь. Кровь, пролитая много столетий назад в какой-то полузабытой битве между Порядком и Хаосом.

— А что лежит дальше? — спросил Корум.

— Там много чего есть... Но ничего хорошего. И вообще в этом мире не осталось ничего хорошего с тех пор, как его завоевали и покорили Владыки Хаоса.

— Так вы не на их стороне?

— С какой стати? Они отвергли меня. Они изгнали меня. Они погубили бы меня, если бы обнаружили. Но я все время переезжаю с места на место, и найти меня нелегко... Хотя в один прекрасный день наверняка...

Джери представил всаднику своих друзей и назвался сам.

— Мы ищем место, которое зовется Город-в-Пирамиде,— добавил он.

Всадник рассмеялся.

— Я тоже его ищу. Только я уже почти не верю в то, что он существует. Мне кажется, Владыки Хаоса только делают вид, что есть еще такой город, который им сопротивляется, чтобы их противники продолжали льстить себя тщетными надеждами. И чтобы в конечном итоге испытали еще большую боль и разочарование. А меня зовут Король Без Королевства. Когда-то я носил имя Норег-Дан и правил прекрасной страной и, как мне кажется, правил мудро... Но потом явились Владыки Хаоса, и их прислужники уничтожили мою страну и моих подданных. А меня оставили в живых, чтобы я скитался по свету в поисках этого несуществующего города...

— Значит, вы не верите, что Город-в-Пирамиде существует?

— Я ведь так и не нашел его...

— Может быть, он находится там, за Кровавой долиной? — спросил Корум.

— Может быть. Но я не настолько глуп, чтобы даже пытаться ее пересечь. Она ведь может оказаться бесконечной... А у вас еще меньше шансов — вы же без лошадей. Я вовсе не трус,— добавил король Норег-Дан,— но у меня еще сохранились остатки здравого смысла. Если бы здесь был лес, мы могли бы построить лодку или плот и поплыть вниз по Белой реке в надежде достичь противоположного конца пустыни. Но леса здесь нет...

— Зато есть лодка,— сказал Джери-а-Конел.

— А не опасно ли нам возвращаться к Озеру Тысяч Голосов? — спросила Ралина.

— Озеро Тысяч Голосов! — король Норег-Дан даже затряс головой.— Ни в коем случае! Туда нельзя! Эти голоса заманят вас...

И тогда Корум рассказал ему обо всем, что произошло на озере. Король Без Королевства слушал очень внимательно. Потом улыбнулся. Это была улыбка восхищения. Он слез с седла и приблизился к Коруму, глядя на него изучающим взглядом.

— Вы выглядите очень странно, принц. Странные доспехи, и эта повязка на лице... Но вы, конечно, Герой! Я преклоняюсь перед вами! — и он низко поклонился.— Что ж, видимо, все же стоит вернуться к озеру и забрать лодку старого Фриншака. Мой конь вполне сможет дотащить ее до реки.

— Фриншак? — спросил Джери.— Кто такой Фриншак?

— Это одно из имен того чудища, которое вы встретили на озере. Могущественный водяной дух. Он явился сюда, когда здесь начала править королева Ксиомбарг. Ну так что, попробуем забрать лодку?

— Попробуем,— улыбнулся Корум.

✧

К озеру они подходили с некоторой опаской. Но опасаться уже было нечего — Фриншак, видимо, уже смирился с поражением. Они без помех привязали к лодке веревку, и усталый конь Норег-Дана втащил лодку на берег, а затем поволок ее сначала вверх, а потом вниз по обратному склону холма. В рундуке под кормовой банкой Корум обнаружил парус. Короткая мачта была закреплена вдоль борта лодки.

— А как же быть с вашим конем? — спросил Корум у Норег-Дана.— Он в лодке не поместится...

Норег-Дан вздохнул.

— Жаль, конечно, но придется оставить его. Думаю, здесь ему будет спокойнее и безопаснее, чем со мной. Кроме того, он давно нуждается в отдыхе; он служит мне с тех самых пор, как начались мои скитания.

Норег-Дан расседлал коня, снял с него уздечку и сложил всю сбрую в лодку. Затем общими усилиями они потащили лодку к воде, поднимая тучи коричневой пыли, от которой сразу же стало трудно дышать. Пыль забивала и нос, и рот, проникала во

все поры. Ощущение было отвратительным, тем более теперь они знали, что это за пыль. Наконец они подтащили лодку к самому берегу Белой реки. Конь застыл на склоне холма, глядя им вслед. Потом отвернулся. Норег-Дан опустил голову на сложенные руки и закрыл лицо ладонями.

А солнце по-прежнему стояло в зените, на том же самом месте, и никуда не двигалось; путники утратили всякое представление о времени и понятия не имели, который теперь час и сколько суток они провели в этом Царстве.

Белая жидкость, что текла в реке, была явно плотнее воды. Норег-Дан посоветовал не прикасаться к ней.

— Она разъедает кожу,— сказал он.

— А что это такое? — спросила Ралина, когда они оттолкнулись от берега и подняли парус.— А лодке она не повредит, если способна разъесть кожу?

— В конечном итоге, конечно, разъест и лодку,— ответил Король Без Королевства.— Остается надеяться, что мы успеем достичь противоположного конца пустыни прежде, чем это случится.

Он еще раз оглянулся назад, туда, где оставил своего коня. Но тот уже пропал из виду.

— Некоторые считают, что если коричневая пыль — это засохшая кровь смертных, то в Белой реке течет кровь Великих Древних Богов, пролитая в той битве. Эта кровь никогда не может засохнуть...

Ралина подняла руку, указывая куда-то вдаль, откуда текла река:

— Но этого не может быть! Ведь река где-то берет свое начало и куда-то впадает...

— Вероятно, да,— ответил Норег-Дан.

— Вероятно?

— Здесь ведь правит Хаос,— словно оправдываясь, ответил он.

Дул легкий ветерок, наполняя парус. Холмы вскоре скрылись позади. Вокруг них до самого горизонта расстилалась лишь Кровавая долина.

Ралина уснула и проспала довольно долго. Остальным тоже удалось вздремнуть по очереди.

Когда Ралина пробудилась уже в третий раз, вокруг по-прежнему была все та же однообразная коричневая пустыня. Она прошептала, как бы про себя:

— Столько крови пролито! Столько крови!

А лодка все плыла вперед, куда-то вниз по молочно-белой реке. Норег-Дан меж тем рассказывал Коруму, что принесло этим землям правление королевы Ксиомбарг.

— Все существа, не подчинившиеся Хаосу, были уничтожены. Или Хаос сыграл с ними разные гнусные шутки, как со мной. Повелители Мечей известны своими злыми проделками. Любая гнусность и мерзость со стороны смертных ими только поощрялась, и ужас пришел в этот мир. Моя жена, мои дети, все они...— его голос прервался.— Пострадали все. И я теперь даже не могу сказать, когда все это произошло — год назад или сто лет... Это тоже одна из шуточек Ксиомбарг — остановить солнце на небе, чтобы никто не имел понятия о течении времени...

— Если правление Ксиомбарг началось тогда же, когда в наших пяти плоскостях к власти пришел Ариох,— сказал Корум,— значит, прошло уже более тысячи лет.

— Мне представляется, что Ксиомбарг вообще отменила время в этих плоскостях,— сказал Джери.— Относительно, конечно. То, что здесь произошло, можно отнести к любому моменту времени...

— Ты прав, наверное,— кивнул Корум.— Однако скажите, что вам известно о Городе-в-Пирамиде, король Норег-Дан?

— Этот город, вообще-то, не из нашей плоскости. Он, конечно, существовал — в тех пяти плоскостях, где ныне правит королева Ксиомбарг. Стремясь уйти от власти Хаоса, он перемещался из одной плоскости в другое, но в конечном счете вынужден был остаться здесь, удовлетворяясь тем, что ему удается отбивать все атаки Ксиомбарг. Она, как я слышал, не щадила на это сил и в итоге исчерпала большую часть своей энергии. Вероятно, именно поэтому мне да еще нескольким таким же беглецам и позволено пока оставаться в живых. Не знаю...

— Значит, есть и другие?

— Есть. Такие же несчастные бродяги, как я. Или, лучше сказать, были. Может быть, Ксиомбарг уже добралась до них...

— Или, может быть, они добрались до Города-в-Пирамиде?

— Возможно.

— Внимание Ксиомбарг сейчас полностью поглощено событиями в соседнем царстве,— сказал Джери со знанием дела.— Ее больше всего интересует, чем кончится борьба между прислужниками Хаоса и теми, кто защищает Порядок.

— Что ж, тем лучше для нас, принц Корум,— сказал Норег-Дан.— Ведь если бы она узнала, что тот, кто победил и изгнал ее брата, находится здесь, в ее собственном царстве, где ей ничего не стоит его уничтожить...

— Давайте не будем об этом,— сказал Корум.

Они плыли все дальше и дальше по Белой реке. Уже начинало казаться, что и река, и Кровавая долина действительно не имеют конца, как не имеет понятия о времени этот мир, поглощенный Хаосом.

— А как он называется, этот Город-в-Пирамиде? — спросил вдруг Джери.

— Ты думаешь, это может оказаться твой Танелорн? — спросила Ралина.

Он улыбнулся и покачал головой:

— Нет. Я хорошо знаю Танелорн. По-моему, между ними нет ничего общего.

— Одни говорят, что он построен внутри огромной гладкой пирамиды,— сказал Норег-Дан.— Другие утверждают, что он сам имеет форму пирамиды и похож на гигантский зиккурат. Боюсь, что об этом городе сложено слишком много легенд...

— Не помню, чтобы мне попадался такой город в моих странствиях,— заметил Джери.

— А мне это напоминает легенды о Небесных Городах, подобных тому, что разбился в долине Броггфитус во время последней великой битвы между вадхагами и нхадрагами. В наших преданиях такие города упоминаются очень часто. И я твердо знаю, что, по крайней мере, один такой город существовал в действительности. Его обломки и сейчас можно видеть возле замка Эрорн, где я родился. Такие города, способные перемещаться из одной плоскости в другое, были у вадхагов в глубокой древности. И у нхадрагов тоже. Но когда этот период нашей истории подошел к концу, когда на смену вадхагам и нхадрагам пришли мабдены, эти города все исчезли, а мы даже не обратили на это особого внимания. Остатки племени вадхагов были вполне довольны спокойной жизнью в своих замках...

Он внезапно оборвал себя, не желая больше говорить на эту тему. Слишком тяжкие воспоминания она вызывала.

— Так что это может оказаться один из таких городов,— неожиданно закончил он.

— Мне кажется, нам лучше пристать к берегу,— весело сказал вдруг Джери.

— Почему? — спросил Корум. Он сидел спиной к носу лодки.

— Потому что мы, видимо, достигли и конца Белой реки, и Кровавой долины.

Корум резко обернулся. Лодка стремительно неслась вперед, а там, впереди, долина была словно разрезана огромным ножом. И с края этого гигантского разреза Белая река чудовищным водопадом низвергалась вниз, в бездну.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЧУДОВИЩА БЕЗДНЫ

Белая река вся кипела, устремляясь к водопаду. Корум и Джери, выхватив весла из уключин и упираясь ими в дно, направили раскачивающуюся лодку к берегу.

— Приготовься прыгать, Ралина! — крикнул Корум.

Она встала, держась за мачту. Король Норег-Дан поддерживал ее за локоть. Лодка, крутясь, понемногу выбиралась из стремнины. Корум, изо всех сил налегая на весло и почти падая за борт, толкал и толкал ее к берегу. За грохотом водопада они совершенно не слышали друг друга. Бездна была уже совсем рядом. Казалось, еще немного, и им уже не выбраться... Сквозь туман, стоявший над водопадом, Корум успел еще разглядеть неясные очертания дальних скал на той стороне пропасти.

Лодка наконец ткнулась бортом в берег.

— Прыгай, Ралина! — крикнул Корум.

Она прыгнула и упала плашмя в коричневую пыль, раскинув руки. Король Норег-Дан последовал за ней. Следующим прыгнул Джери. Лодку уже относило обратно на стремнину, и он до берега не допрыгнул. Правда, упал он на мелком месте и поспешил сразу же выбраться на берег, что-то крича Коруму.

Но Корум ничего не слышал. Он еще успел вспомнить предупреждение короля Норег-Дана о коварных свойствах Белой реки, но лодку относило все дальше, и ему не оставалось ничего другого, как прыгать в воду. И он прыгнул, плотно закрыв рот. Доспехи сразу же потянули его на дно, и он прилагал нечеловеческие усилия, чтобы добраться до берега.

Наконец его ноги коснулись дна. Дрожа, он выбрался на сушу. Белая жидкость потоками стекала с него и падала в

коричневую пыль. Тяжело дыша, он повалился наземь. Покинутая лодка, крутясь, поплыла дальше. Достигнув края пропасти, она в последний раз мелькнула в воздухе и исчезла за краем водопада.

Шатаясь, они побрели прочь от Белой реки, по колено утопая в коричневой пыли. Когда грохот водопада утих вдали, они остановились, чтобы передохнуть и обсудить план дальнейших действий.

Пропасть, казалось, не имела конца. Она тянулась от горизонта до горизонта. Было совершенно ясно, что создала ее отнюдь не природа. Выглядело это так, словно кто-то прокопал огромный канал одинаковой ширины и глубины.

Они стояли на краю бездны и смотрели вниз. Корум почувствовал, как начинает кружиться голова, и невольно сделал шаг назад. Скалы, отвесно опускавшиеся вниз, были из такого же черного обсидиана, как те горы, которые они преодолели ранее, но здесь поверхность их была абсолютно гладкой. А глубоко внизу клубились какие-то желтоватые испарения, скрывая все, что происходило на дне пропасти.

Рядом с этим гигантским провалом путешественники ощущали себя ничтожными карликами. Непроизвольно они оглянулись назад, на Кровавую долину. Она лежала позади них, ровная и бесконечная. Они также пытались определить, что находится по другую сторону бездны, но расстояние было слишком велико.

Солнце по-прежнему недвижимо висело в небе, только теперь его закрывал туман, поднимавшийся над водопадом.

Четверо путников двигались вдоль края пропасти, удаляясь от Белой реки. Через некоторое время Корум обратился к Норег-Дану:

— Вы что-нибудь знаете об этой пропасти?

Тот покачал в ответ головой:

— Я никогда толком не знал, что лежит за Кровавой долиной. Но такого я не ожидал... Может, это что-то новое...

— Новое? — Ралина удивленно взглянула на короля.— Что вы хотите сказать?

— Владыки Хаоса все время меняют ландшафты, придумывая все новые и новые штучки. Так они, видите ли, шутят. Может быть, королева Ксиомбарг все-таки узнала, что вы здесь. Может быть, она решила позабавиться с нами...

Джери погладил своего крылатого кота.

— Это было бы вполне в духе Королевы Хаоса. Однако мне кажется, что для убийцы своего брата она могла бы придумать что-нибудь пострашнее...

— А если это только начало? — сказала Ралина.— Что, если она решила осуществлять свою месть постепенно?

— Вряд ли,— сказал Джери.— Я много раз дрался с Владыками Хаоса, во многих мирах и во многих обличьях. И одно я твердо знаю: они всегда действуют по первому побуждению, не раздумывая. И если бы Ксиомбарг действительно узнала, что принц Корум находится в ее царстве, она немедленно приняла бы соответствующие меры, и мы бы уже почувствовали это на собственной шкуре. Нет, она все еще поглощена событиями в том царстве, которое мы покинули. Однако это отнюдь не значит, что опасность нам не грозит,— добавил он, слабо улыбаясь.

— Опасность умереть от голода — вот что нам грозит прежде всего,— сказал Корум.— Помимо всех прочих опасностей. Местность вокруг совершенно пустынная. И никакого пути ни вниз, ни через пропасть, ни назад...

— Надо идти вперед, пока мы не найдем способ спуститься или перебраться на ту сторону,— сказала Ралина.— Должна же эта пропасть когда-нибудь кончиться!

— Весьма возможно,— ответил Норег-Дан, потирая худые щеки.— Но должен вам еще раз напомнить, что этим царством правит Хаос. Из того, что вы мне рассказали о царстве Ариоха, я понял, что он никогда не обладал такой властью, какой обладает его сестра Ксиомбарг. Он был самым слабым из Повелителей Мечей. Говорят, что Мабелод, Король Мечей, еще более могущественный правитель, чем Ксиомбарг, и что он превратил свое царство в некую постоянно меняющуюся субстанцию, которая произвольно утрачивает формы и очертания и вновь их обретает, причем делает это быстрее мысли...

— Тогда нам лучше никогда не встречаться с Мабелодом,— пробормотал Джери.— То, с чем мы столкнулись здесь, и так достаточно ужасно. Я ведь видел Всеобщий Хаос и должен сказать, что мне это зрелище совершенно не понравилось.

Они продолжали свой путь вдоль обрыва. Поглощенный своими мыслями и утомленный однообразием пути, Корум лишь постепенно начал осознавать, что небо становится все темнее и темнее. Он глянул вверх. Неужели солнце наконец сдвинулось с мертвой точки?

Нет, солнце как будто оставалось все в том же положении. Но по небу теперь стремительно несся поток неизвестно откуда взявшихся черных облаков. Поток направлялся к противоположной стороне пропасти. Корум мог лишь гадать, что это такое — то ли проявление каких-то колдовских чар, то ли просто явление природы. Он остановился. Стало явно прохладнее. Теперь и остальные его спутники обратили внимание на странные черные облака.

В глазах Норег-Дана застыло выражение тревожного ожидания. Он потуже затянул пояс своей кожаной куртки и облизал пересохшие губы.

Внезапно черно-белый кот, как обычно сидевший на плече у Джери, расправил крылья и взлетел в небо. Он начал кружиться над бездной, временами исчезая из вида. Джери выглядел изумленным — поведение кота было совершенно необычным.

Ралина прильнула к Коруму, и он обнял ее. Поглаживая ее по плечу, он неотрывно смотрел в небо, на поток черных облаков, мчавшийся неизвестно откуда неизвестно куда.

— Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? — спросил он короля Норег-Дана.— Вам это ничего не напоминает?

Норег-Дан отрицательно мотнул головой:

— Нет, я такого никогда не встречал. Но это явно какой-то знак, предзнаменование. Боюсь, это предвестник опасности, которая нам угрожает. Я уже встречал подобные предзнаменования.

— Тогда нам лучше приготовиться к худшему,— сказал Корум, обнажая меч и отбрасывая назад свой алый плащ. Остальные тоже приготовили оружие и стояли теперь на краю бездонной пропасти, готовые отразить любое нападение.

Кот между тем уже возвращался назад. Спускаясь, он пронзительно мяукал. Он явно что-то увидел на дне пропасти.

Корум и его спутники приблизились к обрыву и осторожно глянули вниз.

В желтых испарениях снизу вверх двигалась какая-то красноватая тень. Выбираясь из заполняющего бездну тумана, тень приобретала все более отчетливые очертания.

Это оказалось огромное крылатое чудовище. Расправив гигантские красные крылья, оно медленно летело наверх, прямо к путникам, повернув к ним свою оскаленную морду и раскрыв пасть, множеством острых зубов напоминающую акулью. Оно выглядело так, словно принадлежало скорее пучинам океана, а

не просторам поднебесья; его полет, медленные, волнообразные взмахи гигантских крыльев — все это напоминало движения морского животного, плывущего на огромной глубине. Размером оно было с крупного быка, а размах его крыльев был раз в пятнадцать больше, чем у самого большого орла.

Вот чудовище поднялось над краем страшной бездны, все время то открывая, то закрывая пасть, словно предвкушая скорую поживу. Его золотистые глаза сверкали алчностью и злобой.

— Это Гханх,— сказал Норег-Дан с безнадежностью в голосе.— Это он вел Свору Хаоса, когда Повелители Мечей начали завоевание здешних земель. Один из любимцев королевы Ксиомбарг. Он пожрет нас прежде, чем хоть один меч достанет его...

— А, так значит, в этой плоскости вы зовете его Гханхом,— заинтересованно произнес Джери.— Я его уже встречал. Но насколько я помню, его вроде бы убили...

— А каким образом его убили? — быстро спросил Корум.

Гханх между тем поднимался все выше.

— Увы, этого я не знаю,— ответил Джери.

— Нам надо рассредоточиться,— сказал Корум.— Так у нас будет больше шансов уцелеть. Ну, быстрее!

И сам поспешно отошел от края пропасти.

— Прости, если я не вовремя, друг мой Корум,— сказал Джери, тоже отходя от края обрыва,— но мне кажется, что сейчас нам очень пригодились бы те воины из небытия.

— Место тех воинов в Лимбе уже заняли черные птицы, с которыми мы повстречались в горах. Что они могут против Гханха?..

— И все же я предлагаю попробовать.

Корум сдвинул повязку с глаза Ринна и снова заглянул в мрачную пещеру в Лимбе. Да, они все были там — стая мерзких черных птиц, и у каждой в груди или в горле — отверстая рана от вадхагского копья. Увидев Корума, они сразу узнали его. Одна из птиц раскрыла клюв, что-то закричала. В ее крике звучала такая безнадежность, что Корум почти пожалел ее.

— Вы слышите меня? — спросил он.— Вы мне поможете?

— Корум, скорее! Он уже снижается! Он атакует! — услышал он возглас Ралины.

— Мы... понимаем... повелитель... У тебя... есть... для нас... добыча? — с трудом произнесла одна из черных птиц.

— У меня есть для вас добыча. Если вы сумеете ее взять.

Рука Квилла протянулась в мрачную пещеру и сделала птицам повелительный жест. С жутким клекотом они снялись и взлетели.

Вся стая пересекла рубеж между двумя мирами и внезапно появилась перед Гханхом.

— Вон, смотрите! — закричал им Корум.— Вот она, ваша добыча!

Черные птицы, пораженные копьями, не мертвые, но и не живые, стремительно взвились в небо. И когда Гханх, раскрыв свою ужасную пасть, казалось, готов был напасть на четверых путешественников и пожрать их, птицы уже кружились прямо над ним.

— Бежим! — крикнул Корум.

И они бросились врассыпную по коричневой пустыне, по колено утопая в пыли. Гханх издал пронзительный крик. Он еще колебался, не зная, на кого напасть первым.

Корум, задыхаясь от зловония, исходившего из пасти чудовища, быстро оглянулся. Он еще помнил, как трусливо вели себя черные птицы, никак не решаясь напасть на них там, в горах. Как они поведут себя теперь? Хватит ли у них смелости атаковать Гханха? Ведь победа над ним сулила им освобождение из Лимба...

✧

Но птицы уже с непостижимой скоростью устремились вниз, на предложенную им добычу. Они атаковали Гханха, а тот даже не успел ничего заметить и не понял, как и когда их острые клювы вонзились в него, стали рвать и терзать его тело. От боли и удивления он издал жуткий вопль и начал отбиваться. Его пасть щелкала, словно гигантский капкан. Две или три птицы попали ему в зубы, но даже почти разрубленные пополам этими страшными зубами, они продолжали клевать Гханха, ибо не может быть второй смерти для не живых и не мертвых исчадий Лимба...

Крылья Гханха уже молотили по земле, поднимая вокруг тучи засохшей крови. Корум и его друзья с ужасом наблюдали за чудовищной схваткой. Гханх вертелся и подпрыгивал, издавал яростные вопли, щелкал пастью, но черные птицы продолжали терзать его, целясь в основном в голову. Гханх вдруг странно дернулся и опрокинулся на спину. Опираясь крыльями о землю, он метался из стороны в сторону, стараясь укрыть голову от безжалостных

ударов. Барахтаясь в пыли, он продолжал отбиваться от наседавших птиц. А те, то взлетая вверх, то снова бросаясь вниз, все нападали и нападали, стараясь продолбить череп неуклюжему гиганту. Из тела чудовища уже густыми зелеными потоками текла кровь; она падала в коричневую пыль и тут же сворачивалась, смешавшись с засохшей кровью смертных.

И вдруг чудовище, перевалившись через край обрыва, рухнуло в пропасть. Корум и его товарищи подбежали к обрыву, желая узнать, чем кончилась битва. В воздухе по-прежнему столбом стояла коричневая пыль, забивая глаза, нос и рот. Стоя на краю пропасти, они видели, как Гханх падает вниз, в бездну. Крылья его были раскинуты и замедляли падение, но у него уже явно не было сил, даже чтобы взмахнуть ими; он лишь планировал, опускаясь на дно. А черные птицы все продолжали кидаться на него, и их клювы все долбили и долбили его голову. А потом всех их поглотил желтый туман.

Корум продолжал стоять на краю и смотреть вниз, но напрасно. Из тумана не появилось больше ничего.

— Ну теперь, надо полагать, у тебя больше нет союзников в Лимбе? — спросил Корума Джери.— Ведь птицы не смогли унести свою добычу с собой...

Корум кивнул:

— Я как раз думал о том же.

Он вновь сдвинул повязку с глаза Ринна и убедился в том, что мрачная пещера теперь совершенно пуста.

— Да, союзников для нас там больше нет.

— Стало быть, получается тупик,— резюмировал Джери-а-Конел.— Птицы не убили Гханха, но и сами не были уничтожены. И все же непосредственной опасности для нас пока нет. Давайте двигаться дальше.

Черные облака, остановив свой стремительный полет по небу, теперь висели у них прямо над головой, закрывая солнце. Корум и его спутники шли вперед в тусклом сумеречном свете.

Корум обратил внимание, что Джери погружен в глубокую задумчивость с тех самых пор, как птицы увлекли Гханха на дно пропасти.

— Что с тобой, Джери-а-Конел? — спросил он.— Тебя что-нибудь беспокоит?

Джери поправил шляпу и вытянул губы:

— Мне пришло в голову, что если Гханх не был убит и сумел добраться до своего логова и если Гханх, как уверяет король

Норег-Дан,— любимец королевы Ксиомбарг, то очень скоро королева узнает от него о нашем появлении в ее царстве. Если уже не узнала. И тогда, несомненно, она тут же постарается отомстить нам за своего любимца...

Корум снял шлем и провел рукой по волосам. Затем взглянул на остальных.

— Видимо, вы правы,— со вздохом сказал Король Без Королевства.— Нам следует ожидать ответного удара со стороны королевы Ксиомбарг. Причем очень скоро. Или как минимум появления ее прислужников, если она еще не до конца уверена в том, что в ее царство проник именно убийца ее брата, а не какой-то простой смертный.

Ралина шла впереди, едва прислушиваясь к разговору.

— Смотрите,— вдруг воскликнула она, указывая рукой куда-то вперед.

И они увидели углубление, нечто вроде ниши, вырубленной в камне на краю обрыва. Углубление было небольшим, квадратным; человек мог в нем уместиться лишь с большим трудом. Они сгрудились возле него, заглядывая вниз. От углубления начиналась вырубленная в скале лестница, которая вела прямо вниз, в бездну; конец ее исчезал в желтом тумане. Лестница была крутая и явно очень скользкая. Стоит лишь раз оступиться, и ты обречен...

Корум стоял, глядя на лестницу и размышляя. Похоже, она возникла только что, прямо перед их приходом. Может быть, это тоже штучки королевы Ксиомбарг? А вдруг ступени внезапно исчезнут, стоит им лишь начать спуск? Если им вообще удастся его начать...

Но выбор у них был невелик: либо спускаться по лестнице, либо продолжать двигаться вдоль обрыва и, весьма вероятно, вновь оказаться у Белой реки. Корум уже начал подозревать, что Кровавая долина имеет форму круга, что Озеро Тысяч Голосов и черные горы лежат как раз посреди нее, а со всех сторон ее окружает бездна.

Вздохнув, он сделал шаг к лестнице и поставил ногу на ее первую ступеньку. Затем, прижимаясь спиной к скале, начал осторожно спускаться вниз.

✧

Шаг за шагом, ступенька за ступенькой четверо путников медленно и осторожно продвигались вниз по скользкой лестни-

це. Вот уже край обрыва исчез в сумрачном свете высоко над головой. Дно пропасти по-прежнему было скрыто желтым туманом. Вокруг висела пугающая тишина.

Они и сами не смели произнести ни звука, не смели делать ничего, что отвлекло бы их от опасного спуска. Все их внимание было полностью приковано к скользким ступеням. Бездна, казалось, притягивала их к себе, всасывала в себя. Голова все больше кружилась, руки и ноги дрожали от постоянного напряжения и усталости, да и холодная как лед скала казалась им воплощением ненависти Ксиомбарг. Их не покидало ощущение, что они вот-вот потеряют равновесие и свалятся вниз, в желтый туман.

А потом они услышали отдаленный рев. Он исходил прямо из желтого тумана на дне пропасти и эхом отражался от скал. Через некоторое время к реву прибавились другие, не менее страшные звуки — сопение, рычание, чудовищные хрипы и пронзительные вопли.

Корум остановился и посмотрел на своих спутников, стоявших на ступенях лестницы и плотно прижавшихся боком или спиной к скале. Они тоже прислушивались к нарастающему реву. Ближе всех к нему была Ралина. За ней стоял Джери, а последним спускался Король Без Королевства.

Первым заговорил Норег-Дан.

— Я знаю, что это такое,— сказал он.— Это ревут чудовища королевы Ксиомбарг. Я уже говорил вам, что Свору Хаоса вел Гханх. Так вот, эта свора как раз и издавала такой рев. Можно было бы сразу догадаться, что именно скрывается в желтом тумане, стоило лишь увидеть Гханха...

Корум почувствовал, как у него екнуло сердце. Он еще раз глянул вниз, где их появления уже ожидали невидимые пока Чудовища Бездны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
КОЛЕСНИЦЫ ХАОСА

— Что же нам делать? — прошептала Ралина.— Что мы можем против них?

Корум не ответил. Осторожно, стараясь не оступиться и не потерять равновесия, он извлек из ножен свой меч, опираясь о скалу рукой Квилла.

Пока Гханх был еще жив и продолжал отбиваться от черных птиц, на помощь из Лимба рассчитывать не приходилось.

— А это ты слышишь? — спросил вдруг Джери.— Вот этот странный... скрип?

Корум кивнул. А к скрипу тем временем присоединился и другой звук — тяжелый грохот. Звуки были странно знакомые. Они смешивались с рычанием и хрипами, по-прежнему исходившими из желтого тумана.

— У нас есть только один способ выяснить, что это такое,— сказал наконец Корум.— Надо спуститься на дно, и побыстрее. Там, по крайней мере, мы не будем столь уязвимы, как на лестнице. На дне мы можем встать спиной к скале и достойно встретить тех... тех, кто рычит там, в тумане.

И они вновь начали спускаться, медленно и осторожно, все время поглядывая вниз, не появятся ли Чудовища Бездны.

✧

Наконец Корум достиг дна пропасти. Он не сразу осознал, что лестница кончилась, так долго они спускались, прижимаясь к холодной скале и осторожно нащупывая каждую следующую ступеньку. И вот ступеньки кончились; под ногами теперь была земля — неровная, усыпанная галькой; огромные валуны были разбросаны повсюду. Но в желтом тумане ничего живого рядом с ними видно не было.

Пока Корум озирался, спустились и его товарищи. Рев и рычание слышались теперь гораздо громче. Кроме того, в воздухе чувствовалась ужасная вонь. Но источник всего этого по-прежнему виден не был. Скрип и грохот, однако, продолжались.

И тут Корум и его спутники увидели, кто, вернее что издавало этот чудовищный шум.

— Клянусь мечом Элрика! — простонал Джери.— Это же колесницы Хаоса! И как я раньше не догадался!

Из желтого тумана начали возникать огромные, тяжелые и неуклюжие колесницы, влекомые запряженными в них чудищами, более всего похожими на древних ящеров. В колесницах сидели самые разнообразные создания; они набились туда в таком количестве, что некоторым даже пришлось взгромоздиться на спину другим. Как бы в насмешку над человеком, создания эти были одеты в самые обычные доспехи и даже чем-то воору-

жены. Они были похожи на самых различных животных — свиней, собак, лошадей, коров, лягушек... У одних вид был совершенно отталкивающий, у других не очень, но в общем уродами были все. Одеты же они были совершенно как люди, поэтому выглядели жуткой пародией на человека.

— Это Хаос их сделал такими? — в ужасе спросил Корум.

— Нет, не совсем так,— ответил Джери.

— То есть?

Тут в разговор вступил Король Без Королевства.

— Эти чудовища,— сказал он,— раньше были людьми. Многие из них — мои бывшие подданные. Они перешли на сторону Хаоса, потому что сочли его более могущественным, чем Порядок и Закон...

— И наградой за это им было столь страшное превращение? — с ужасом произнесла Ралина.

— Они и не подозревают о случившемся с ними,— спокойно возразил Джери.— Они так низко пали в своем предательстве, что почти совсем утратили память о собственной былой сущности.

Черные колесницы, скрипя и грохоча, приближались. И все громче слышалось рычание, храп и блеяние сидящих в них чудищ.

Путешественники вынуждены были спасаться бегством, бежать со всех ног, сжимая в руках бесполезное против такого врага оружие, откашливаясь и отплевываясь, стараясь избавиться от преследовавшего их жуткого запаха Своры Хаоса и от липучего желтого тумана.

Свора Хаоса, Чудовища Бездны взревели при виде бегущих людей и стали понукать и стегать бичами запряженных в колесницы ящеров. Жуткая, омерзительная армия вовсю наслаждалась начавшейся погоней...

Четверо преследуемых, ослабевшие после многочисленных приключений, давно уже толком не евшие и не пившие, не в состоянии были бежать достаточно быстро. Задыхаясь, они укрылись за огромным валуном, чтобы хоть немного передохнуть. А колесницы с грохотом приближались, и вместе с ними приближалась и тошнотворная вонь и жуткая какофония звуков. Страшные чудища, некогда бывшие людьми, настигали их.

Корум надеялся спрятаться за огромным валуном. Но тщетно. Свора Хаоса прекрасно ориентировалась в желтом тумане.

Колесница, двигавшаяся первой, сразу же повернула в их сторону. Тогда Корум решил взобраться на валун, чтобы отбиваться от нападающих сверху. Следом за ним тут же полезло свиноподобное чудище. Корум ударил его кулаком в морду, но кулак безнадежно увяз в чем-то мягком. А тварь уже подняла свою утыканную бронзовыми шипами дубину, чтобы одним ударом прикончить вадхага. Корум взмахнул мечом, и свиноподобный рухнул вниз.

Теперь сражались уже все четверо путешественников. Ралина яростно отмахивалась мечом. Джери, Норег-Дан и она стояли полукругом, прижавшись спинами к валуну и защищая его с одной стороны, а Корум оборонял другую, прикрывая их с тыла. Собакоподобное чудовище бросилось на него. Оно было в шлеме и в панцире, а в его ощеренной пасти виднелись огромные клыки. Подпрыгнув, оно вцепилось Коруму в руку. Он опять взмахнул мечом и одним ударом разрубил эту жуткую морду надвое. Руки, превратившиеся в когтистые лапы, со всех сторон тянулись к нему, хватали, рвали его одежду, стягивали сапоги. Его доспехи звенели от ударов мечей и боевых дубин. Казалось, вся свора разом лезла на него. Он давил их сапогами, рубил и колол мечом разверстые пасти и мохнатые лапы, пронзал их туши... Душа его была полна ужаса, но он все дрался и дрался, отбивая удары и поражая врагов, не поддаваясь им и не отступая ни на шаг...

В ушах все громче и страшнее звучали рев и рычание своры. Колесницы все прибывали и прибывали, выползая из желтого тумана. Валун уже окружало несколько сотен врагов.

Вдруг до Корума дошло, что Свора Хаоса вовсе не намерена их убивать. Во всяком случае, пока. Если бы они хотели это сделать, то давно уложили бы их всех. Несомненно, они стремились взять путешественников в плен, чтобы подвергнуть пыткам или чтобы превратить в таких же чудовищ, как они сами.

Корум с ужасом вспомнил пытки мабденов, которые ему пришлось пережить, и еще яростнее заработал мечом, надеясь, что, может быть, кто-то из Своры Хаоса сумеет убить его...

А напор чудовищ не ослабевал, и постепенно вокруг валуна скопилось такое количество трупов, что товарищи Корума не могли даже взмахнуть рукой. Они словно оказались в ловушке. Только Корум продолжал драться, обрушивая свой меч на каждого, кто пытался к нему приблизиться. Но потом одно из чу-

дищ сумело-таки взобраться на валун за его спиной, схватило его за ноги и увлекло вниз, туда, где уже лежали обезоруженные и связанные по рукам и ногам Ралина, Джери и Король Без Королевства.

✧

Сквозь ряды чудовищ вперед протиснулось одно, с кривой мордой, похожей на лошадиную. Оно скривило губы в некоем подобии ухмылки, обнажив огромные почерневшие зубы, и заржало совершенно по-лошадиному. Урод сдвинул набок шлем и засунул большие пальцы волосатых рук за широкий пояс, стягивающий его брюхо.

— Ну что, оставить вас здесь, у нас, или отправить к нашей госпоже? Королева Ксиомбарг может заинтересоваться вами...

— На что ей четверо смертных? — сказал Корум.

Урод с лошадиной мордой вновь оскалил в ухмылке свои жуткие зубы:

— А может быть, вы не простые смертные? Может быть, вы пособники Владык Порядка...

— Ты же прекрасно знаешь, что здесь Владыки Порядка давно уже не властвуют.

— Да, но они ведь могут возжелать снова властвовать над нами. Может, это они вас послали сюда из какого-нибудь иного Царства.

— Ты что, не узнаешь меня?! — вскричал вдруг король Норег-Дан.

Человек-лошадь поскреб свою челку, тупо глядя на Короля Без Королевства.

— А с какой стати я должен тебя узнавать?

— Потому что я-то тебя знаю! Твое лицо все же сохранило кое-какие прежние черты...

— Заткнись! Я понятия не имею, о чем ты говоришь! — урод выхватил из-за пояса кинжал.— Молчи!

— Ты просто боишься вспоминать! — закричал Король Без Королевства.— Ты звался когда-то Полиб-Бавом, графом Терн! И ты продался Владыкам Хаоса еще до того, как они захватили мою страну...

В глазах человека-лошади появился страх. Он замотал башкой и прохрипел:

— Нет! Неправда!!

— Ты — Полиб-Бав! Ты был помолвлен с моей дочерью, которую эта свора... Нет не могу! Это ужасно!

— Ты сам ничего не помнишь,— словно оправдываясь, произнес Полиб-Бав.— А я утверждаю, что я именно тот, кто есть!

— Тогда скажи, как тебя зовут! — потребовал Норег-Дан.— Как тебя зовут, если не Полиб-Бав, граф Терн?

Человек-лошадь неловко ударил короля кулаком в лицо.

— Ну и что, если даже так? Я служу королеве Ксиомбарг, а не тебе!

— Да на кой черт мне такой слуга! — насмешливо ответил Норег-Дан, хотя губы его были в крови.— Ты только посмотри, во что тебя превратили твои новые хозяева, Полиб-Бав!

Человек-лошадь отвернулся, бормоча:

— Зато я жив! И командую войском!

— Войском уродов и страшилищ! — рассмеялся Джери.

Похожее на корову чудовище лягнуло Джери задней ногой, и тот со стоном согнулся пополам. Впрочем, он тут же поднял голову и снова засмеялся:

— Это ведь только начало! Уж я насмотрелся, во что превращаются те смертные, что стали служить Хаосу! В ничто, в бесформенную мерзость и гадость!..

Полиб-Бав почесал в затылке и сказал уже более спокойно:

— Ну и что? Дело ведь уже сделано. И ничего нельзя изменить. Зато королева Ксиомбарг обещала нам вечную жизнь!

— Ага, вечную...— сказал Джери.— Только это будет не жизнь. Я бывал во многих плоскостях и знаю, к чему может привести Хаос — к полной деградации. И это навсегда, если на помощь не придет Порядок!

— Вздор! — заорал урод.— Ну-ка, в колесницу их! В мою колесницу! Мы отвезем их к королеве Ксиомбарг!

Король Норег-Дан еще раз попытался воззвать к былой гордости Полиб-Бава:

— Ты же был когда-то прекрасным рыцарем, граф Терн! Моя дочь любила тебя! Ты любил ее! Ты тогда был мне верным слугою!

Полиб-Бав отвернулся, заявив:

— А теперь я верный слуга королевы Ксиомбарг! Это теперь ее Царство! Лорд Шалод, Владыка Порядка, бежал и никогда больше не вернется сюда! Его собственные армии и все его союзники уничтожены в Кровавой долине, и ты об этом прекрасно знаешь...

Полиб-Бав ткнул пальцем вверх. Затем забрал все четыре меча своих пленников, которые поднес ему напоминающий жабу урод, и сунул их себе под мышку.

— В колесницу их! Мы едем во дворец королевы!

Корума и его друзей затолкали в колесницу. Корум был в отчаянии. Руки его были стянуты за спиной прочной веревкой, и он не видел никакой возможности бежать. Как только их привезут во дворец, королева тут же опознает его и прикажет уничтожить. И не останется никакой надежды спасти страну Ливм-ан-Эш. И тогда король Лир одержит полную победу, и Хаос еще более усилится. Еще один Повелитель Мечей займет чужой трон, и все пятнадцать плоскостей мироздания окажутся полностью во власти Хаоса...

Он, обессиленный, лежал у ног Полиб-Бава рядом со своими друзьями, а чудовищные колесницы, скрипя и грохоча, неспешно катились по дну пропасти. Корум потерял сознание.

✧

Очнулся он от того, что в лицо ему вдруг ударил яркий свет. Он поднял голову и увидел, что они теперь едут через редкий лесок с какими-то хилыми, болезненными деревьями, покрытыми странной плесенью. Корум повернулся к Ралине. Лицо ее было залито слезами, но она все же попыталась улыбнуться ему.

— Мы выехали из пропасти через какой-то туннель,— сказала она.— Уже несколько часов назад. До дворца королевы путь, должно быть, долгий. Не понимаю, почему они не пользуются другими способами передвижения, более быстрыми, например, с помощью колдовства...

— Хаос непредсказуем и капризен,— сказал Джери-а-Конел.— К тому же в этом мире, лишенном времени, нет нужды в быстром передвижении.

— А где твой кот? — тихо спросил Корум.

— Он умнее меня, поэтому давно уже улетел. Я и не заметил когда...

— Молчать! — заорал человек-лошадь по имени Полиб-Бав.— Надоела мне ваша болтовня!

— Может быть, она напоминает тебе о тех временах, когда ты еще мыслил разумно и говорил по-человечески? — ядовито спросил Джери.

В ответ Полиб-Бав ударил его ногой в лицо. Джери выплюнул сгусток крови. Корум дернулся, пытаясь освободиться. Лошадиная морда Полиб-Бава склонилась над ним, огромный рот ощерился в ухмылке:

— А ты тоже выглядишь очень живописно! Этот твой глаз, эта рука, прилепленная к твоему телу... Глядя на тебя, можно подумать, что и ты служишь Хаосу. Жаль, что это не так...

— А если все же так? — спросил Корум.— Ты ведь даже не потрудился спросить! И почему-то сразу решил, что я служу Порядку!

Полиб-Бав нахмурился, но потом его тупое лицо прояснилось:

— Ты что, хочешь перехитрить меня? Но я все равно ничего делать не стану, пока не представлю тебя королеве Ксиомбарг,— он хлестнул ящера поводьями, и тот пополз быстрее.— Кроме того, я почти уверен, что это именно ты и твои друзья убили Крылатого, самого сильного в нашем войске. Мы ведь видели, как он на кого-то напал, а потом вдруг исчез...

— А, ты говоришь о Гханхе! — воскликнул Корум. В душе у него вдруг затеплился огонек надежды.

В этот момент рука Квилла вдруг напряглась, и путы, стягивавшие Корума, лопнули.

— Ага, проговорился! То-то! — торжествующе произнес Полиб-Бав.— Выходит, это я тебя перехитрил! Ты знаешь, что Гханх погиб. Значит, это именно ты... Эй, что такое? Ты освободился?! — он бросил вожжи и заорал: — Стойте! — и схватился за меч.

Но Корум, перекатившись по дну колесницы, уже спрыгнул на землю. Он сдвинул повязку с глаза Ринна, и тотчас перед его взором предстала все та же пещера в преддверии ада. В глубине ее лежал Гханх. Его голова была похожа на сплошное кровавое месиво.

И когда воинство Полиб-Бава бросилось на Корума, рука Квилла протянулась сквозь границу между мирами прямо в мрачную пещеру. Она растолкала Гханха и повелительным жестом призвала к себе. Чудовище неохотно подняло мертвую голову.

— Ты должен выполнить мой приказ,— сказал Корум.— И за это получишь освобождение! Здесь много добычи! Ею ты расплатишься за свою свободу!

Вместо ответа чудовище издало жуткий, протяжный вопль. Гханх словно давал понять, что выполнит приказание.

— Иди сюда! — крикнул Корум.— Иди, вот твоя добыча!

Гханх расправил свои ярко-красные крылья и медленно пополз к выходу из пещеры. Вот он пересек невидимую границу, оставив позади Лимб, и вновь явился в мир живых, из которого его совсем недавно изгнали черные птицы.

— Гханх вернулся! — заорал в восторге Полиб-Бав.— Могучий Гханх, ты вернулся к нам!

Свора чудовищ вновь набросилась на Корума, но он лишь улыбался, не оказывая ни малейшего сопротивления. И как раз в этот момент Гханх ринулся на ближайшую колесницу. Его огромные крылья словно обняли ее, а челюсти принялись перемалывать все, что в ней находилось.

Твари, что держали Корума, замерли в полнейшем изумлении. Воспользовавшись их замешательством, он рванулся и высвободился. Чудовища снова бросились на него, но рука Квилла, стремительно взлетев, опустилась и размозжила морду одному и сломала ключицу другому. Свора отступила. Корум кинулся к колеснице Полиб-Бава. Тот все еще стоял рядом, разинув от удивления рот и бессмысленными глазами глядя на кровавую кашу, в которую прямо на глазах превращалось его войско. И прежде чем он успел понять намерение Корума, тот схватил свой меч, по-прежнему валявшийся на дне колесницы, и бросился на него. Человек-лошадь отпрыгнул и тоже выхватил меч. Но двигался он слишком медленно и неуклюже. Он, правда, успел парировать удар Корума и сам занес было меч для ответного удара, но Принц в Алом Плаще увернулся и, сделав стремительный выпад, вонзил вадхагскую сталь в горло бывшему графу Терн. Тот упал, захлебываясь собственной кровью.

Корум быстро освободил своих друзей от пут, и те сразу же схватились за оружие, готовые к новой схватке с порождениями Хаоса. Но свора, оправившись от замешательства, уже бросилась бежать. Колесницы, громыхая, мчались во все стороны через хилый, болезненный лес. А Гханх, уничтожив одну колесницу со всем ее содержимым, бросился на следующую. Корум, нагнувшись над мертвым Полиб-Бавом, отстегнул от его пояса флягу и, пошарив в его сумке, вытащил кусок черствого хлеба.

Итак, Свора Хаоса бежала. Они остались на дороге одни.

Корум осмотрел одну из брошенных колесниц. Запряженные в нее ящеры смотрели на него с полным безразличием.

— Как вы думаете, мы сможем ею управлять? — спросил он у короля Норег-Дана.

Король Без Королевства с сомнением покачал головой:

— Не знаю, не уверен. Можно, конечно, попробовать...

— Мне кажется, я смогу,— вдруг сказал Джери.— У меня есть некоторый опыт обращения с подобными колесницами и даже с рептилиями.

Он влез на колесницу и бесшабашно заломил шляпу набок. Взяв вожжи, он с улыбкой обернулся к друзьям:

— Ну, куда отправимся? Во дворец Ксиомбарг?

Корум рассмеялся.

— По-моему, пока рановато. Она все равно пошлет кого-нибудь за нами, когда узнает, что сталось с ее сворой. А мы поедем вон в том направлении,— и он указал рукой на лес. Потом помог Ралине подняться в колесницу, подождал, пока за нею последует Норег-Дан, а затем забрался и сам.

Джери хлестнул ящеров вожжами, и те тронулись с места. Скоро колесница, трясясь и поскрипывая, уже ехала через редкий лес, вниз по склону. Впереди лежала долина, сплошь утыканная какими-то торчком стоящими столбами, а может, и каменными изваяниями.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗАМОРОЖЕННОЕ ВОЙСКО

Но это были не столбы и не изваяния.

Это были люди.

Воины, целое войско. Все они были заморожены, превращены в лед и стояли как статуи, по-прежнему сжимая в руках оружие.

— Это Замороженное Войско,— сказал Норег-Дан с дрожью ужаса в голосе.— Последняя армия, которая поднялась против Хаоса...

— И за это они были так жестоко покараны? — спросил Корум.

— Да.

Джери спросил, натягивая поводья:

— А они живые? Живые? Они нас видят?

— Да. Я своими ушами слышал, как королева Ксиомбарг сказала, что раз уж они столь отважно встали на защиту Порядка, то пусть на собственной шкуре почувствуют то, к чему он

стремится и к чему он может привести, пусть узнают, что такое полный и абсолютный покой,— сказал король Норег-Дан.

Ралина вздрогнула:

— Разве Порядок стремится к этому?

— Нет, конечно. Но Владыкам Хаоса хотелось бы, чтобы все в это поверили,— сказал Джери.— Но это, вообще-то, значения не имеет, ибо мировой порядок требует строгого Равновесия: что-то от Хаоса, но что-то и от Закона, чтобы одно служило противовесом другому. Разница лишь в том, что Закон признает власть Космического Равновесия, а Хаос отрицает ее. Но не до конца, этого даже Хаос себе позволить не может, поскольку его приверженцы прекрасно сознают, что нарушить определенные установления — значит обречь себя на полное уничтожение. Королева Ксиомбарг, например, никогда не осмелится проникнуть в царство другого Великого Древнего Бога, например, в царство, из которого прибыли вы. Поэтому она должна добиваться своих целей в том царстве только руками смертных. Как и все остальные слуги Хаоса, она должна соблюдать большую осторожность, заключая какие-либо сделки с людьми, поскольку не может уничтожить их по своему желанию — на сей счет тоже есть определенные установления...

— Однако ни одно из этих установлений не смогло защитить несчастных воинов,— сказала Ралина.

— Ну почему же не смогло? Она ведь не сумела их убить! Они живы!

Коруму вдруг вспомнилась башня, где он когда-то нашел сердце Ариоха. Там тоже стояли замороженные воины...

— Ксиомбарг не может убивать смертных,— пояснил Джери,— если они сами на нее не нападут. Но она может использовать для этого других смертных, тех, кто ей служит. То есть чтобы одни смертные по ее воле убивали других. И еще она, как видите, может заморозить своих врагов, превратить их в ледяные статуи.

— Значит, нас она сама убить не может,— сказал задумчиво Корум.

— Если тебе нравится так думать,— улыбнулся Джери.— Но нас могут убить ее прислужники, а их у нее, как ты прекрасно знаешь и сам, великое множество.

— Да уж,— с чувством сказал Король Без Королевства.— Их у нее действительно множество.

Держа вожжи одной рукой, Джери другой отряхивал грязь с одежды. Его куртка и штаны были во многих местах порваны и заляпаны кровью — врагов и его собственной,— и он был сильно изранен в битве со Сворой Хаоса.

— Я бы, кажется, многое отдал за новую одежду,— пробурчал он.— Даже с Ксиомбарг заключил бы сделку...

— Что-то мы слишком часто поминаем ее имя,— нервно произнес Король Без Королевства, цепляясь за борт раскачивающейся колесницы.— Так недолго и несчастье на себя навлечь! Не надо говорить о ней.

И тут же небеса разразились жутким хохотом.

Какое-то золотистое сияние, пробившись сквозь облака, залило все вокруг. Над горизонтом впереди них возник яркий оранжевый диск, и от него по земле легли длинные угольно-черные тени, закрыв всю долину и всех замороженных воинов.

Джери, побледнев как мел, натянул вожжи. Колесница остановилась.

С неба вдруг стали падать пурпурные сияющие капли, похожие на дождевые.

А страшный хохот все гремел и гремел, заполняя все вокруг.

— Что это? — рука Ралины невольно потянулась к мечу.

Король Без Королевства закрыл лицо ладонями.

— Это она! Я предупреждал вас! Это она!

— Ксиомбарг? — Корум обнажил меч.— Это Ксиомбарг?

— Да, да, это она.

Хохот звучал все сильнее. От него уже начала содрогаться земля. Закованные в лед воины зашатались, некоторые попа'дали на землю. Корум огляделся вокруг, стараясь понять, откуда исходит этот хохот. Из оранжевого диска? Из пурпурных капель? Из золотистого сияния?

— Где ты, королева Ксиомбарг? — вскричал он, потрясая мечом. Его единственный глаз яростно блестел.— Где ты, исчадие зла?!

— Я ВЕЗДЕ! — раздался в ответ голос, подобный грому.— Я — ЭТО ВСЕ ЗДЕШНЕЕ ЦАРСТВО! ЭТО ЦАРСТВО И ЕСТЬ Я, КСИОМБАРГ, КОРОЛЕВА ХАОСА!

— Мы пропали! — в отчаянии воскликнул Король Без Королевства.

— А ты ведь говорил, что она не может напасть на нас,— сказал Корум, обращаясь к Джери.

— Я сказал, что она не может напасть на нас сама,— ответил тот.— Но может натравить на нас своих слуг. Вон, смотри! Корум обернулся. По склону холма к ним двигались, странно подскакивая, невиданные многоногие существа. Помимо нескольких пар ног, из туловища каждого торчало еще и множество щупалец. Не менее дюжины щупалец! На друзей, вращаясь, глядели огромные глазищи, раскрытые пасти скалились гигантскими клыками.

— Вот это да! — сказал Джери.— Карманалы! Карманалы из Зерта! — от удивления он даже отпустил вожжи. Потом схватился за кинжал и саблю.— Я с такими уже встречался!

— И как? Ты с ними справился? — спросила Ралина с надеждой.

— Я тогда был спутником одного Героя, который умел с ними справляться.

— Ну это я тоже умею,— мрачно сказал Корум, готовый уже снять повязку с глаза Ринна. Но Джери только покачал головой и скривил губы.

— Боюсь, что нет. Карманалов убить невозможно. В свое время и Порядок, и Хаос пытались покончить с ними — это совершенно непредсказуемые существа, никогда нельзя быть уверенным, на чьей стороне они окажутся. Они могут изменить своему союзнику в любой момент, причем без всяких видимых причин. У них нет души; по правде говоря, у них нет даже истинной сущности.

— В таком случае они не могут причинить нам никакого вреда.

А хохот меж тем все гремел и гремел.

— С точки зрения логики, да, с этим утверждением можно было бы согласиться,— отвечал Джери.— Но, боюсь, что все-таки могут.

Несколько прыгающих существ уже приближались к их колеснице, лавируя между застывшими в ледяном сне воинами. При этом они что-то пели.

— Карманалы Зерта всегда поют, нападая на свою жертву,— сказал Джери удивленному Коруму, и тому вдруг показалось, что Джери сошел с ума. Карманалы, размахивая щупальцами, уже поравнялись с колесницей, а этот вечный спутник Героев все продолжал болтать, словно никакой опасности не было и в помине.

Пение нападавших было вполне мелодичным, но от этого путешественникам становилось только еще страшнее. А хохот

Ксиомбарг, как своеобразный контрапункт пению карманалов, продолжал греметь с небес.

Но когда поющие карманалы уже лезли на колесницу, Джери вдруг поднял вверх руки, сабля в одной, кинжал в другой, и закричал:

— Королева Ксиомбарг! Королева Ксиомбарг! Как, по-твоему, кого ты сейчас собираешься уничтожить?

Карманалы внезапно замерли на месте, став чем-то похожими на Замороженное Войско, что по-прежнему стояло вокруг.

— Всего лишь нескольких смертных, что дерзнули выступить против меня и принесли смерть многим, кого я любила,— произнес нежный, музыкальный голос позади них.

Корум резко обернулся.

Такой прекрасной женщины он не встречал никогда.

Ее волосы цвета темного золота временами отливали то красным, то черным. Безупречный овал лица, прелестные глаза и чувственные губы, обещающие мужчине в тысячи раз большее блаженство, нежели могла дать любая женщина на протяжении всей истории человечества. Высокая и стройная, она была в пурпурно-золотых с оранжевым оттенком одеждах. На лице ее играла нежнейшая улыбка.

— Это и есть тот, кого я намерена уничтожить? — нежно проворковала она.— Или это кто-то другой, а, рыцарь Тимерас?

— Имя мое теперь Джери-а-Конел,— сказал тот светским тоном.— Однако позволь представить тебе...

Но тут Корум сделал шаг вперед.

— Ты предал нас, Джери?! Ты вступил в союз с Хаосом?!

— К сожалению, нет,— все так же нежно произнесла королева Ксиомбарг.— К сожалению, он не в союзе с Хаосом. Я знаю его, он часто сопутствует тем, кто служит Порядку,— она с нежностью и любовью посмотрела на Джери.— Ты не меняешься, Тимерас. Ты все такой же. И ты, пожалуй, нравишься мне больше всех остальных мужчин.

— А ты мне нравишься больше всех остальных женщин, Ксиомбарг.

— Хоть я и женщина, но прежде всего я — королева здешнего царства. Я знаю, что ты всегда сопровождаешь Героев, Джери-Тимерас. Отсюда я делаю вывод, что этот красавец-вадхаг с таким странным глазом и не менее странной рукой — тоже какой-нибудь Герой...

Вдруг выражение лица ее изменилось. Широко раскрыв глаза, она пристально уставилась на Корума.

— Я знаю! Теперь я знаю!

Корум невольно подобрался, как перед прыжком.

— ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ!

Она вдруг начала менять очертания и форму, как бы расплываясь вширь и ввысь. Ее прелестное лицо превратилось сначала в голый череп, потом в маску хищной птицы, потом обрело мужские черты и наконец вновь стало лицом прелестной женщины. Но теперь она была высотой с огромный дуб, и ничего нежного в ее лице совершенно не осталось.

— ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ!

Джери рассмеялся:

— Ты же не дала мне договорить! Позволь все-таки представить тебе принца Корума — Принца в Алом Плаще!

— КАК ОСМЕЛИЛСЯ ТЫ ПРОНИКНУТЬ В МОЕ ЦАРСТВО! ТЫ, КОТОРЫЙ ПОГУБИЛ МОЕГО БРАТА! ПО СЕЙ ДЕНЬ ТЕ, КТО СОХРАНИЛ ЕМУ ВЕРНОСТЬ, ПРОДОЛЖАЮТ ИСКАТЬ ТЕБЯ В ЕГО ЦАРСТВЕ! А ТЫ ГЛУПЕЦ, СМЕРТНЫЙ! О-О-О, КАКОЙ ПОЗОР! Я-ТО ПОЛАГАЛА, ЧТО БРАТА АРИОХА ИЗГНАЛ ВЕЛИКИЙ ГЕРОЙ! А ТЕПЕРЬ ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ЭТО БЫЛ ОБЫКНОВЕННЫЙ СМЕРТНЫЙ ГЛУПЕЦ! КАРМАНАЛЫ, ПОДИТЕ ПРОЧЬ! — прыгающие чудовища тут же исчезли. — Я ОТОМЩУ ТЕБЕ, НО ИНАЧЕ! СТРАШНЕЕ!!! БЕРЕГИСЬ, КОРУМ ДЖАЙЛИН ИРСИ! И ВЫ, ЧТО ПОШЛИ ВМЕСТЕ С НИМ, БЕРЕГИТЕСЬ!!!

Золотистый свет внезапно угас, оранжевый диск исчез с неба, пурпурный дождь прекратился. Но огромная фигура Ксиомбарг все еще нависала над ними.

— КЛЯНУСЬ ВСЕМИ СИЛАМИ ХАОСА, Я ЕЩЕ ПОВСТРЕЧАЮСЬ С ТОБОЙ! Я ПРИДУМАЮ ДЛЯ ТЕБЯ СТРАШНУЮ МЕСТЬ! Я ПОСЛЕДУЮ ЗА ТОБОЙ ПОВСЮДУ, КУДА БЫ ТЫ НИ ПЫТАЛСЯ СКРЫТЬСЯ! И ТЫ ЕЩЕ ПОЖАЛЕЕШЬ, ЧТО ПОСМЕЛ ВЫСТУПИТЬ ПРОТИВ ЛОРДА АРИОХА И НАВЛЕЧЬ НА СЕБЯ ГНЕВ ЕГО СЕСТРЫ КСИОМБАРГ!

Огромный силуэт пропал, и вокруг воцарилась тишина.

Корум, потрясенный, повернулся к Джери:

— Зачем ты сказал ей, кто я? Теперь нам не уйти от ее мести! Она ведь обещала преследовать нас повсюду, куда бы мы ни пытались скрыться. Ты сам слышал. Зачем ты это сделал?

— Мне казалось, что она вот-вот узнает тебя сама,— ответил Джери.— А это был единственный способ спасти нас от непосредственной опасности.

— Спасти?!

— Ну конечно. А теперь карманалы нам уже не страшны. Уверяю вас, если бы я не представил Корума королеве, они бы нас уже сожрали. Б-р-р-р! Мне подумалось, что она ведь не очень хорошо себе представляет, как ты выглядишь. Смертные для богов почти все на одно лицо. Но она сразу поняла бы, кто ты такой, если бы мы начали сражаться. Так что это был единственный способ остановить карманалов.

— Но нас все равно это не спасет. Теперь она отправилась скликать своих прислужников, всех гнусных и мерзких уродов, что есть в ее распоряжении, чтобы натравить их на нас. Скоро она вернется, и тогда — мне страшно даже подумать, что с нами тогда будет!

— Надо сказать,— задумчиво произнес Джери,— что у меня было еще одно соображение. Теперь у нас есть время, чтобы разобраться, что же это такое на самом деле. Смотрите, вон там.

Они разом обернулись. Высоко в небе, сверкая и гудя, летел какой-то предмет.

— Что это? — спросил Корум.

— Это, как я понимаю, воздушный корабль,— ответил Джери.— Надеюсь, он летит, чтобы спасти нас.

— А может, чтобы нас прикончить? — резонно возразил Корум.— Мне все же кажется, что тебе не следовало сообщать ей, кто я такой...

— А я все же считаю, что надо было попробовать сыграть в открытую! — отвечал Джери.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГОРОД-В-ПИРАМИДЕ

Воздушный корабль был из голубого металла, украшенного эмалью и керамикой разных цветов, которые образовывали удивительно сложный и красивый орнамент. От корабля слегка пахло горьким миндалем; когда он начал опускаться, то издал звук, похожий на стон.

Теперь Корум уже мог ясно разглядеть корабль, бронзовые, стальные, серебряные и платиновые детали его корпуса и осна-

стки и его украшенную резьбой рулевую рубку. Все это напоминало что-то очень знакомое, вероятно, связанное с воспоминаниями детства. С любопытством смотрел он, как корабль опустился на землю и как какой-то маленький зверек, сорвавшись с перил, полетел к ним.

Это был Усатый, крылатый кот Джери.

Корум посмотрел на Джери и вдруг рассмеялся. Кот, подлетев к спутнику Героев, уселся ему на плечо и лизнул в ухо.

— Значит, ты послал своего кота за помощью, когда на нас напала Свора Хаоса! — сказала Ралина, опередив Корума.— Так вот почему ты сообщил Ксиомбарг, кто такой Корум! Ты знал, что помощь близка!

Джери пожал плечами:

— Я вовсе не был уверен, что коту удастся найти кого-нибудь, кто придет нам на помощь. Но я надеялся, что он найдет.

— Откуда этот странный летающий корабль? — спросил Король Без Королевства.

— Как откуда? Конечно же, из Города-в-Пирамиде! Я велел коту лететь на поиски этого города. И, надо полагать, он его нашел.

— А как же он разговаривал с тамошними жителями? — спросил Корум.

— В случае опасности, как я вам уже рассказывал, он может говорить со мной. А если опасность очень велика, он может, потратив, конечно, больше усилий, разговаривать с любым, с кем пожелает.

Кот замурлыкал и стал вылизывать своим розовым язычком лицо Джери. Тот что-то тихо сказал коту и улыбнулся. Затем, обращаясь к Коруму, добавил:

— Нам бы следовало поторопиться. Ксиомбарг ведь может прийти в голову, что я неспроста назвал ей твое имя. Я лишь воспользовался тем, что Владыки Хаоса обычно действуют импульсивно, не раздумывая.

Воздушный корабль был не менее сорока футов в длину. Вдоль обоих бортов от носа до кормы были устроены скамьи для сидения. Друзья уже было решили, что на корабле никого нет, когда из рулевой рубки появился высокий человек приятной наружности. Он приблизился к ним с улыбкой на губах, явно наслаждаясь изумлением Корума.

Да, Корум был изумлен. Еще бы! Кормчий воздушного корабля явно принадлежал к той же расе, что и он сам! Он был

вадхаг! Узкий и длинный череп, пурпурно-золотистые глаза, стройное, гибкое тело — все как у самого Корума! Несмотря на кажущуюся хрупкость, от него исходило ощущение силы.

— Приветствую тебя, Корум, Принц в Алом Плаще! — произнес он.— Я прибыл, чтобы перенести тебя и твоих друзей в Гвлас-кор-Гврис, единственную крепость в наших пяти плоскостях, которая пока выдерживает все нападения той Владычицы Хаоса, с которой ты только что повстречался.

Потрясенный, Корум ступил на палубу воздушного корабля. Кормчий продолжал улыбаться.

Они уселись на корме возле рулевой рубки, и вадхаг медленно поднял корабль над землей, разворачивая его в обратную сторону. Ралина оглянулась на Замороженное Войско:

— Неужели мы ничего не можем сделать для этих несчастных?!

— Мы можем лишь помочь Порядку укрепить свою власть в нашем царстве, чтобы потом в один прекрасный день прислать помощь этому царству, как сейчас Хаос шлет помощь своим приспешникам, напавшим на Ливм-ан-Эш,— ответил ей Джери.

Корабль уже поднялся высоко над землей. Под ними проплывала котловина, до краев заполненная какой-то жидкостью, которая выбрасывала вверх не то щупальца, не то длинные усики, пытаясь схватить воздушный корабль и втянуть его в себя. Иной раз в жидкости мелькали чьи-то лица, иногда руки, поднятые вверх словно в немой мольбе.

— Море Хаоса,— объяснил король Норег-Дан.— Здесь теперь есть несколько таких морей. Многие считают, что именно так кончают те смертные, что согласились служить Хаосу...

— Мне тоже встречались такие моря,— кивнул Джери.

Внизу проплывали странные леса и долины, полные вечно пылающих огней. Они видели и реки из расплавленного металла, и прекрасные замки, выстроенные из драгоценных камней. Страшные крылатые создания неоднократно пытались атаковать корабль, но всякий раз отворачивали в сторону, едва приблизившись, хотя корабль выглядел совершенно беззащитным.

— Эти люди, должно быть, владеют высшими тайнами волшебства, коли способны создавать такие летающие корабли,— прошептала Ралина на ухо Коруму. Тот сперва не отве-

тил, погруженный в собственные мысли. Потом наконец отозвался:

— Это не волшебство. Вернее не совсем волшебство. Корабль — это чистая механика, хотя здесь и требуются некоторые заклинания. Но никаких колдовских чар. Заклинания лишь помогают обуздать силы природы, необходимые для того, чтобы заработали машины. Это силы особого свойства. Мабденам они пока совершенно не известны. Силы эти могут поднять корабль в воздух и еще многое другое... А машины, которые используют эти силы, когда-то помогали людям проникать и сквозь Стену Между Царствами и легко перемещаться из одной плоскости в другую. Говорят, что эти машины были созданы моими предками. Но они по большей части избегали ими пользоваться, предпочитая иной образ жизни. Я сейчас как раз пытался вспомнить легенду о Небесном Городе — так они называли свои летающие города,— о Городе, который однажды навсегда покинул наше Царство и отправился в иные миры Вселенной. Вероятно, таких городов было несколько, ибо один из них разбился во время битвы при Брогтфитусе. Он упал невдалеке от замка Эрорн, где я родился. Я уже рассказывал об этом. Может быть, один из этих городов и звался Гвлас-кор-Гврис, а теперь стал известен под названием Город-в-Пирамиде.

Корум радостно улыбался, рассказывая ей эту историю. Своей настоящей рукой он сжимал плечо Ралины.

— Ты не можешь себе представить, как я счастлив! Ведь я нашел живых вадхагов! Значит, Гландит уничтожил не весь наш народ!

— Да, наверное, так,— улыбнулась в ответ Ралина.

Вдруг воздух вокруг завибрировал. Корабль закачался. Из рубки раздался голос кормчего:

— Не пугайтесь! Мы просто пересекаем рубеж между плоскостями.

— Ты хочешь сказать, что мы покидаем царство королевы Ксиомбарг? — с надеждой спросил Король Без Королевства.

— Нет,— ответил ему Джери.— Царство королевы Ксиомбарг распространяется на пять плоскостей, и мы просто перемещаемся из одной такой плоскости в другую. Так мне, во всяком случае, представляется.

Свет вокруг внезапно изменился. Они выглянули за борт. Под ними кружились разноцветные вихри.

— Это первичный газ, из которого возникает Хаос,— сказал Джери.— Значит, королева Ксиомбарг еще не истощила все его запасы...

Корабль прошел сквозь газовые вихри и теперь плыл над черным хребтом, над странными вершинами правильной кубической формы, казалось, достигавшими небес. За ними начались темные джунгли, а за джунглями — пустыня, но не песчаная, а как бы усыпанная загадочными мелкими кристаллами. Кристаллы эти беспрерывно двигались, издавая легкий звон, удивительно неприятный на слух. А по россыпям кристаллов ползали какие-то животные желто-охряного цвета, огромные, но примитивные. Они пожирали эти кристаллы.

Миновав пустыню, корабль поплыл над черной равниной, а далеко впереди за нею путешественники увидели очертания Города-в-Пирамиде.

По сути дела, это был колоссальный зиккурат, то есть ступенчатая пирамида гигантских размеров. И на каждой его ступени, как на террасе, возвышалось множество домов. Ни деревьев, ни кустарников видно не было. Все террасы и улицы были заполнены толпами людей. А над городом, над этой гигантской пирамидой, словно окутывая ее, мерцал зеленоватый свет. Когда воздушный корабль приблизился, в зеленом свечении возник как бы более темный овал, через который корабль свободно вплыл внутрь. Он облетел вокруг самого высокого здания — многобашенного замка, построенного целиком из металла — и начал снижаться, пока не приземлился на специальной платформе у одного из бастионов. Корум даже вскрикнул от радости, когда увидел встречавшую их толпу:

— Это мой народ!.. Мой народ!

Кормчий, уже покинувший рубку, положил руку на плечо Корума. Затем подал знак мужчинам и женщинам, стоявшим внизу, и внезапно они оба оказались уже не на палубе, а в гуще толпы встречающих на платформе. Теперь они смотрели снизу вверх на Ралину, Джери и Короля Без Королевства, в изумлении взиравших на них с борта воздушного корабля.

Корум был изумлен не менее своих друзей. А потом и они трое так же внезапно исчезли с палубы и тут же очутились рядом с ним. Из толпы им навстречу вышел человек. Это был

высокий древний старец с белоснежными волосами и прямым твердым взглядом.

— Добро пожаловать в последний оплот Порядка,— произнес он.

✧

Некоторое время спустя они сидели в уютной комнате замка вокруг стола, искусно выкованного из металла и украшенного рубинами, и слушали старца, который представился им как принц Юретт Хасдун Нури. Он командовал всеми военными силами Гвлас-кор-Гвриса. Из его рассказа путешественники узнали историю города и убедились в том, что Корум был в основном прав в своих догадках.

Пока они утоляли голод и жажду, принц Юретт поведал им, как вадхаги после битвы при Броггфитусе решили не покидать более своих замков, полностью посвятив себя наукам. Но небольшая их часть предпочла улететь за пределы своих пяти плоскостей, проникнув сквозь Стену Между Царствами на своем Небесном Городе. Им это вполне удалось, но вот обратно вернуться они уже не смогли, поскольку не сумели восстановить запасы энергии, потраченной на это перемещение. И с тех пор они могли путешествовать только в пределах здешних пяти плоскостей и заниматься их исследованиями.

А потом, когда борьба между Порядком и Хаосом возобновилась с новой силой, они предпочли просто сохранять нейтралитет и ни во что не вмешиваться.

— Это было ошибкой с нашей стороны,— говорил принц Юретт.— Мы, видите ли, считали себя выше этого. И постепенно прямо на наших глазах Порядок все больше терял здесь свои позиции. А Хаос одерживал все новые победы и создавал все новых уродов, словно издеваясь над истинной красотой. И когда мы наконец выступили против мерзких чудищ королевы Ксиомбарг, было уже поздно. Владыки Хаоса стали столь сильны, что мы с трудом могли им противостоять. Ксиомбарг посылала — и по сей день посылает — против нас все новые и новые армии уродов и чудовищных тварей, но нам пока удавалось отбивать все их нападения. Теперь наступила некоторая передышка. Но через некоторое время она опять пошлет против нас новую армию, и мы вновь будем вынуждены сражаться. Между тем теперь мы способны только обороняться. И я боюсь, что

мы — действительно последний здесь оплот Порядка, если не считать, конечно, вас.

— В наших пяти плоскостях власть Порядка восстановлена,— сказал Корум. И поведал Юретту о своих приключениях, о гибели Ариоха и о возвращении лорда Аркина в свое царство.

— Но и там все еще существует угроза возвращения власти Хаоса, ибо Порядок еще далеко не крепок в нашем царстве, а Владыки Хаоса собирают все силы, чтобы вернуть свои владения.

— Но и у Владык Порядка еще есть сила! — воскликнул принц Юретт.— Мы ничего не знали о событиях в вашем Царстве. Мы уж было решили, что Повелители Мечей захватили все пятнадцать плоскостей мироздания. Если бы только мы могли вернуться!.. Если бы нам удалось вновь пройти сквозь Стену Между Царствами! Вот тогда мы смогли бы реально помочь вам. Но, увы, у нас нет такой возможности. Мы уже пытались это сделать, но тщетно. В здешних пяти плоскостях нет тех минералов, которые крайне необходимы для восполнения запасов энергии, нужной для такого перемещения в Пространстве.

— А если бы у вас были эти минералы? — спросил Корум.— Сколько времени потребовалось бы вам для возвращения в наше Царство?

— Немного, совсем немного. А пока мы становимся все слабее и слабее. Запасы энергии иссякают. Еще две-три атаки Ксиомбарг, может быть, даже один массированный штурм — и с нами будет покончено.

Корум сидел, мрачно уставившись в пол. Судьба посмеялась над ними. Поманила надеждой, которая оказалась тщетной... Он встретил вадхагов, убедился в том, что его раса жива — и только для того, чтобы стать свидетелем ее грядущей окончательной гибели... Стало быть, и им тоже суждено погибнуть под ударами сил Хаоса.

— Мы рассчитывали уговорить вас лететь вместе с нами на помощь стране Ливм-ан-Эш,— сказал он.— И вот мы узнаем, что это невозможно. Да и сами мы, выходит, тоже застряли в вашем царстве. Раз у вас нет энергии, значит, и мы не сможем вернуться и встретить врага вместе с нашими друзьями...

— Вот если бы у нас были эти редкие минералы!..— принц Юретт вдруг оборвал себя.— Но ведь их можете добыть для нас вы!

— Мы же не имеем возможности вернуться,— вновь начал объяснять ему Джери-а-Конел.— Мы не можем попасть обратно в наши плоскости. Вот если бы это можно было осуществить... По крайней мере, мы постарались бы найти то, что вам так необходимо, но как в таком случае мы сумели бы доставить их сюда?

Принц Юретт нахмурился.

— Ну, у нас, видимо, хватило бы энергии, чтобы послать один воздушный корабль сквозь Стену Между Царствами, хотя такой ее расход значительно ослабит нашу оборону. И все же, мне кажется, это выход из положения, хотя и рискованный.

У Корума вновь затеплилась надежда.

— Конечно, принц Юретт,— сказал он,— рисковать стоит всегда, когда есть хотя бы один шанс на успех.

✧

Пока принц Юретт совещался со своими учеными, четверо друзей отправились побродить по улицам Гвлас-кор-Гвриса. Город был весь выстроен из различных металлов, но столь необычных, таких ярких цветов и такой необычной фактуры, что даже Корум не мог понять, ни что это за металлы, ни как их обрабатывали. Башни, купола, арки, декоративные решетки, мостовые, лестницы и аппарели между террасами — все было искусно выполнено из этих неведомых ему ярких металлов. Город существовал совершенно независимо от внешнего мира. Даже воздух, которым дышали его жители, создавался и очищался где-то внутри огромного светящегося зеленого кокона, который обволакивал весь город и отбрасывал зеленые блики на все вокруг него.

Жители Гвлас-кор-Гвриса были заняты своими обычными делами. Одни возились в своих садах, другие были заняты распределением продовольствия. На улицах друзьям попадалось множество художников с мольбертами и этюдниками, музыкантов, игравших прямо под открытым небом. Здесь же устраивались выставки готовых картин — на бархате, на мраморе, на стекле. Техника их исполнения была Коруму знакома, она была почти такая же, как у его соплеменников. Но часто им попадались и совершенно отличные от знакомых образцов изделия, выполненные в ином, неизвестном ему стиле. Иные выглядели настолько странно, что Корум даже не мог понять, нравятся они ему или отталкивают.

Им показали и огромные совершенные механизмы, от которых зависела жизнь города. Им демонстрировали оружие, способное отразить все атаки сил Хаоса, ангары, где стояли воздушные корабли. Они посещали школы и театры, кабачки и музеи. Здесь Корум вновь видел то, что уже считал безвозвратно погибшим от рук варваров Гландита. Но он ни на минуту не мог забыть, что всему этому по-прежнему угрожает гибель.

Вдоволь нагулявшись по городу, они поужинали и отправились спать. А наутро их ждала новая одежда и доспехи, за ночь изготовленные искусными портными и кузнецами-оружейниками Гвлас-кор-Гвриса. Все было точно скопировано с их собственных костюмов и вооружения, в которых они отправились на поиски этого города.

Особенно доволен был Джери-а-Конел. И когда их вновь пригласили к принцу Юретту, он первым делом выразил тому свою благодарность за столь щедрое проявление гостеприимства.

— Воздушный корабль готов,— объявил принц Юретт мрачно.— Вы должны отправляться немедленно, ибо, как я узнал, королева Ксиомбарг готовит новый штурм города.

— А вы его выдержите? Ведь вы отдаете нам значительный запас энергии...— сказал Джери.

— Я надеюсь, мы выстоим.

Вперед выступил Король Без Королевства:

— Простите меня, принц Юретт, но я, с вашего разрешения, остаюсь здесь, с вами. Если уж предстоит новая битва сил Порядка с исчадиями Хаоса в нашем Царстве, я хотел бы в ней участвовать.

Юретт кивнул:

— Как вам будет угодно. Вам же, принц Корум, следует поспешить. Корабль уже ждет на крыше. Встаньте вон в тот мозаичный круг на полу, и вы перенесетесь прямо на палубу корабля. Прощайте!

Они встали в мозаичный круг и тут же оказались на корабле. Тот же самый кормчий ждал их у рубки.

— Меня зовут Бвидит-а-Хорн,— сказал он.— Садитесь и крепче держитесь за борт!

— Смотрите! — воскликнул тут Корум, указывая на черную равнину, окружавшую зеленую пирамиду города. Там снова возник гигантский силуэт королевы Ксиомбарг. Лицо ее было ис-

кажено яростью. А у ног королевы стояла огромная армия, мириады гнусных чудовищ, готовых к бою.

И покрывая все иные звуки и голоса, зазвучал вновь чудовищный хохот королевы.

— ДО СИХ ПОР Я ТОЛЬКО ИГРАЛА С ВАМИ! И МНЕ НРАВИЛАСЬ ТАКАЯ ИГРА! НО ТЕПЕРЬ!.. ВЫ ДАЛИ ПРИЮТ УБИЙЦЕ МОЕГО БРАТА! ЗА ЭТО ВЫ ВСЕ ПОГИБНЕТЕ СТРАШНОЙ СМЕРТЬЮ!!!

Воздух вокруг корабля сгустился и завибрировал. Корабль вдруг обволокло зеленым свечением. И Город-в-Пирамиде, королева Ксиомбарг, ее отвратительная армия — все это исчезло. Корабль затрясло, возник резкий стонущий звук, который постепенно превратился в режущий уши свист.

И они, покинув царство королевы Ксиомбарг, стремительно переместились в царство лорда Аркина, Владыки Порядка.

Корабль плыл теперь над страной Ливм-ан-Эш. Здесь положение было немногим лучше, чем там, откуда они только что прибыли.

И здесь силы Хаоса тоже готовились к наступлению.

Часть третья,

В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ И ЕГО ДРУЗЬЯ ВСТУПАЮТ В БИТВУ, ОДЕРЖИВАЮТ ПОБЕДУ И РАЗМЫШЛЯЮТ О НЕИСПОВЕДИМЫХ ПУТЯХ ПОРЯДКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОРДЫ ХАОСА

Тяжелый черный дым поднимался над горящими селениями, поселками и городами. Воздушный корабль летел над землями, лежащими к юго-западу от реки Огин и входящими в состав герцогства Кернов-а-Лаун. Очевидно, одна из армий короля Лир-а-Брода высадилась на побережье где-то к югу от замка на острове Мойдель, и недавно прошла здесь, подвергнув все разгрому.

— Интересно, Гландит уже знает о нашем путешествии или нет,— произнес задумчиво Корум, глядя вниз на охваченную огнем землю.

Урожай, конечно, погиб. Там и здесь валялись, разлагаясь на солнце, неубранные трупы людей и домашних животных. В слепой ярости варвары не щадили никого, даже скотину. Ралина была в ужасе от того, во что превратились цветущие равнины Ливм-ан-Эш.

— Думаю, он уже знает,— тихо сказала она.— Его армия, мне кажется, уже давно бесчинствует здесь.

Время от времени внизу попадались небольшие отряды варваров верхом на низкорослых мохнатых лошадках или в тяже-

лых колесницах. Они грабили попадавшиеся им на пути поселения, хотя в них уже почти ничего не оставалось после того, как здесь побывали авангардные части их армии. Иногда с корабля были видны и группы беженцев, бредущих на юг, по направлению к горам, где они надеялись укрыться от врага.

Когда корабль добрался до реки Огин, путешественники увидели, что и здесь свирепствует смерть. Вода была полна трупов, в ней плавали тела людей, вырезанных целыми семьями, вперемешку с мертвыми домашними животными, собаками, лошадьми... Армия варваров продвигалась вперед широким фронтом, не оставляя после себя ничего живого. Ралина плакала. Корум и Джери мрачно глядели вниз. Воздух был весь пропитан запахом смерти и разложения. Им все время хотелось, чтобы воздушный корабль летел еще быстрее, хотя он и так несся быстрее лучшего скакуна.

А потом они увидели одинокую ферму. Там царила паника. Отец семейства, вооруженный старым ржавым мечом, собирал детей, пытаясь укрыть их в доме, в то время как мать старательно заваливала вход во двор всем, что попадалось под руку.

Корум увидел и то, что вызвало эту панику,— отряд варваров, человек десять-двенадцать, направлявшийся прямо к ферме. Варвары скакали быстро, крича, улюлюкая, размахивая горящими факелами.

Корум знал этих мабденов. Такие же когда-то взяли его в плен, пытали его и искалечили... Они ничем не отличались от денледхисси графа Гландита-а-Крэ, разве что ехали верхом, а не в колесницах. Одеты они были в грязные, засаленные меха, украшены ожерельями и браслетами, награбленными в захваченных ими городах и селеньях. В их косички тоже были вплетены ленты с драгоценными камнями.

Корум поднялся со скамьи и пошел в рубку.

— Нам надо опуститься,— резко сказал он Бвидиту.— Там семья... фермеры... на них сейчас нападут...

Бвидит грустно взглянул на него:

— У нас совсем нет времени, принц Корум. Нам же надо спешить в Халвиг-нан-Вак, чтобы найти минералы. Без них Город-в-Пирамиде не сможет оказать помощь стране Ливм-ан-Эш...

— Спускайся,— приказал Корум.

— Хорошо,— ответил Бвидит и занялся приборами управления. Затем взглянул на экран, на котором было видно все, что происходило внизу.

— Вон та ферма?

— Да, она самая.

Воздушный корабль начал опускаться. Корум вышел на палубу и, перегнувшись через борт, стал наблюдать за отрядом варваров. Те уже заметили корабль и, придержав своих мохнатых лошадок, показывали пальцами вверх, явно не представляя, чего можно ожидать от этой странной штуки. Корабль между тем завис над фермой, во дворе которой он лишь с большим трудом мог приземлиться. Куры с кудахтаньем кинулись врассыпную, когда на них упала огромная тень. Ошалевшая от страха свинья опрометью бросилась в хлев.

Корабль пошел к земле.

— Оружие к бою,— сказал Корум.

Джери уже обнажил свою саблю.

— Их человек десять, если не больше,— предупредил он.— А нас только двое. Ты что, хочешь использовать свою... руку?

— Нет. Мне отвратительно все, что напоминает о Хаосе.

— Но двое против десятерых...

— С нами еще кормчий. И фермер...

Джери фыркнул и замолчал. Корабль коснулся днищем земли и замер. Кормчий вышел на палубу с длинной алебардой в руках.

— Кто вы? — раздался из фермерского дома испуганный голос.

— Друзья,— коротко ответил Корум. Затем, обращаясь к кормчему, добавил: — Бери на борт женщину и детей. Мы постараемся их задержать, пока ты всех не погрузишь.

И он спрыгнул на землю. Джери последовал за ним. Его шатнуло: он уже отвык от твердой опоры под ногами.

Варвары осторожно приближались. Потом их предводитель, увидев, насколько малочислен противник, рассмеялся. Он издал кровожадный вопль и, отбросив в сторону факел, выхватил из-за пояса огромную булаву и дал шпоры своему пони, посылая его вперед. Тот перемахнул через хлипкую баррикаду, возведенную в воротах фермы. Корум отпрыгнул назад, когда булава уже готова была опуститься ему на голову, и сделал быстрый выпад. Острие меча попало варвару в колено, и он взвыл от боли и ярости. Джери перескочил через баррикаду, схватил пылающий факел, отброшенный варваром, и кинулся назад во двор фермы. Всадники погнались было за ним, но он успел сунуть факел прямо в баррикаду, и сухое дерево тотчас занялось. Лишь один

всадник сумел принудить свою лошадь взять это препятствие, а потом языки пламени поднялись высоко в воздух, не пуская остальных. Джери перехватил кинжал за лезвие и метнул его в варвара. Кинжал угодил тому прямо в глаз, и варвар, дико вскрикнув, рухнул на землю мертвый. Джери, схватив узду, тут же оказался в седле и, яростно понукая пони, заставил его развернуться. Баррикада уже пылала вовсю. Корум, уклоняясь от ударов булавы, утыканной клыками хищников, сумел сделать еще выпад, ранив противника в бок. Варвар, зажимая рукой рану, завалился на круп своего пони, и тот вынес его со двора. А остальные в это время тщетно пытались проникнуть во двор, отгороженный теперь от них стеной огня.

Бвидит уже вывел из дома жену фермера и тащил ее к кораблю. Она несла в руках люльку с ребенком, а следом бежали двое ее сыновей и старшая дочь. Сам фермер, еще не успевший прийти в себя от неожиданной помощи, свалившейся прямо с неба, бежал последним, все еще сжимая в руках свой ржавый меч.

Варвары наконец заставили своих лошадей перепрыгнуть через горящую баррикаду и ворвались во двор. Но здесь уже ждал их Джери. Он успел извлечь свой кинжал из поверженного противника и теперь метнул его снова. И снова попал прямо в глаз ближайшего варвара. Как и предыдущий, всадник, пораженный насмерть, упал назад, и его ноги легко выскочили из ременных петель, служивших стременами. Корум метнулся к пони, схватил его за уздечку и прыгнул в седло. Ему тут же пришлось парировать мечом удар боевого топора, нацеленный прямо ему в лицо. Лезвие меча скользнуло вдоль рукояти топора, заставив варвара перехватить оружие другой рукой. И пока он снова поднимал свое тяжелое оружие, Джери напал на него сзади, проткнув саблей насквозь, так что ее кончик вышел из груди врага. Но варваров все еще было больше. Фермер, орудуя мечом, как косой, срубил ноги ближайшей лошади, и пока всадник выпутывался из стремян, страшным ударом, как дровосек, развалил варвара почти надвое.

Дети и их мать были уже на корабле. Корум острием меча достал еще одного варвара и рассек ему горло. Затем, почти съехав с седла, схватил за руку фермера, который продолжал слепо тыкать мечом уже мертвого врага, и указал ему на корабль. Тот сначала не понял, затем отбросил окровавленный меч и побежал к кораблю. Корум рубанул следующего варвара, прикрывая Джери, который в этот момент спешился, чтобы забрать свой кинжал.

Потом он развернул своего пони, подал Джери руку, и тот, сунув кинжал в ножны, вскочил одной ногой в стремя, и они понеслись к кораблю. Воздушный корабль уже поднимался над землей, когда они, тяжело дыша, перевалились через борт. Оставшиеся в живых два варвара разочарованно смотрели на удаляющийся корабль. Вид у них был не самый радостный. Еще бы! Они рассчитывали на легкую поживу, а теперь большая часть их товарищей была перебита, а добыча улетала прямо в небо.

— Как же теперь мое хозяйство! — горько воскликнул фермер, глядя вниз.

— Зато сам ты остался в живых,— ответил ему Джери.

Ралина утешала жену фермера. Меч маркграфини лежал рядом, она была готова прийти на помощь друзьям, если бы им пришлось туго. Она прижимала к себе младшего сынишку фермера, гладя его по голове.

Крылатый кот высунул мордочку из-под скамьи, убедился, что опасность миновала, и взлетел на свое обычное место на плече Джери.

— Ты что-нибудь слышал об их главной армии? — спросил Корум у фермера, зажимая рукой небольшую рану, полученную в схватке.

— Я слыхал кое-что. Говорят, что она состоит вовсе не из людей...

— Может, и так,— согласно кивнул Корум.— А где она сейчас, эта армия?

— Она пошла к Халвигу. Они уже, наверное, достигли его. Скажите, рыцарь, а куда вы нас везете?

— Увы, туда же, в Халвиг,— ответил Корум.

✧

Воздушный корабль плыл над разоренной страной. Теперь им встречалось все больше варваров. Это были явно отдельные части огромной армии. Многие замечали корабль, плывущий высоко в небе, некоторые даже пытались метнуть в него копье или пустить стрелу из лука, прежде чем вернуться к своим обычным занятиям — грабежу, насилиям, поджогам.

Но это были вовсе не те, кого более всего опасался Корум. Его тревожила мысль, что королю Лиру помогают колдовские чары.

Фермер тоже смотрел на опустошенные земли.

— Что, теперь везде то же самое? — спрашивал он уныло.

— Насколько мы знаем, везде. Две армии идут на Халвиг. Одна — с востока, другая с — юго-запада. Не думаю, чтобы варвары из Бро-ан-Мабден были более человеколюбивы, нежели их соплеменники, которые свирепствуют здесь.

— Хотела бы я знать, как там Лларак-ан-Фол,— задумчиво произнесла Ралина, покачивая заснувшего малыша.— И где теперь Белдан? Сумел ли он добраться до Халвига или остался в Лларакe? И что сталось с герцогом?

— Скоро, я надеюсь, мы все узнаем,— сказал Джери. Он разрешил все-таки старшему сыну фермера погладить своего кота. Кот воспринял это оскорбление с большим неудовольствием.

Корум бродил по палубе, изнывая от беспокойства. Он все время поглядывал вперед, в надежде увидеть наконец украшенные цветами башни Халвига.

Потом Джери вдруг тихо сказал:

— Вот они, Орды Хаоса!

Внизу под ними двигались, блестя на солнце сталью оружия и доспехов, бесчисленные войска. Тысячи мабденов. Тысячи колесниц, пехота, кавалерия. И еще какие-то жуткие существа, не мабдены. Существа, призванные сюда с помощью колдовских чар, с помощью тайных заклятий, набранные во всех Царствах, где правил Хаос. Шла армия Пса — огромные звери, размером с лошадь; они двигались ленивой рысью и напоминали скорее гигантских лисиц, чем псов. Шла армия Рогатого Медведя — чудовищные медведи на задних лапах, бредущие совсем как люди, с дубинами и щитами... Шла армия Владык Хаоса — обезображенные ими воины, уроды и чудища, подобные тем, кого Корум и его друзья встретили в желтой бездне. Впереди них ехал высокий всадник, с головы до пят закованный в сияющие доспехи. То был, несомненно, посланник самой королевы Ксиомбарг, о котором они уже слышали.

А впереди уже виднелись стены и башни Халвиг-нан-Вака.

Издали город выглядел как гигантская цветочная клумба.

Непрерывный рокот барабанов подгонял Орды Хаоса.

Пронзительные звуки труб разжигали ярость варваров, и без того жаждавших крови. До пассажиров воздушного корабля долетали взрывы сатанинского хохота и дикий вой, который исходил от армии Пса, вой стаи, предвкушающей скорую поживу...

Корум с отвращением плюнул вниз, прямо на орды варваров. В ноздрях у него стоял неистребимый запах смерти,

порожденной Хаосом. Его собственный, живой глаз горел сейчас черным огнем, а зрачок сузился и превратился в желтую щель. Он весь кипел яростью. Вне себя он еще раз плюнул в поток мерзости, заполонившей всю землю внизу. Рука его все время невольно тянулась к эфесу меча, а в душе бушевала ненависть к варварам, уничтожившим его семью и искалечившим его самого. Потом он заметил знамя короля Лир-а-Брода — грубое дырявое полотнище с изображениями Пса и Медведя. Он пытался разглядеть в толпе своего злейшего врага, графа Гландита-а-Крэ, но того нигде не было видно.

— Корум,— окликнула его Ралина,— не мучай себя понапрасну. Сядь и успокойся. Силы тебе еще понадобятся — битва у нас впереди.

Он послушно опустился на скамью. Яростный черный огонь, полыхавший в его живом правом глазу, понемногу угас. Он дышал словно пес после загонной охоты, и драгоценные камни, украшавшие повязку на глазу Ринна, шевелились и посверкивали, будто тоже ярились и гневались вместе с ним...

Ралина невольно вздрогнула, увидев его таким, непохожим на обычного Корума, да и вообще на смертного. Перед ней действительно был какой-то полубог, герой самых мрачных легенд ее народа. И вместо любви к нему в душе ее вдруг возникло ощущение ужаса.

Корум опустил лицо в ладони и надолго застыл в таком положении. Ярость постепенно отпустила его, и, когда он вновь поднял глаза на Ралину, это был уже обычный Корум. Дикая вспышка оставила в душе его полную опустошенность. Бледный, он откинулся назад, держась рукой за бронзовые поручни. Корабль между тем уже достиг Халвига и теперь делал круг, заходя на посадку.

— Они всего в одном переходе от города,— сказал Джери.— К утру, если их не остановить, они обложат Халвиг со всех сторон.

— Кто ж их остановит? — безнадежно сказала Ралина.— Какая армия? Боюсь, что правлению лорда Аркина скоро конец...

А барабаны внизу продолжали греметь, словно уже празднуя победу. Чудовищная какофония звуков — вой армии Пса, рев армии Медведя, жуткий клекот армии Владык Хаоса, сотрясающий землю стук тысяч копыт, грохот и скрип окованных железом тяжелых колесниц, звон и бряцание оружия и доспе-

хов, взрывы дикого хохота... И все это неотвратимо двигалось к городу.

Орды Хаоса шли на Халвиг.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ОСАДА

Воздушный корабль медленно опускался в замерший от напряженного ожидания молчаливый город. Солнце уже клонилось к закату, когда до стен Халвига докатилась чудовищная какофония звуков, знаменуя приход врага.

На улицах и площадях города, в парках и скверах — везде стояли войска. Палатки были разбиты повсюду, заняв все свободные места. Цветы и трава были смяты и вытоптаны, кусты и деревья ободраны и поломаны. Их зелень пошла на корм лошадям и приготовление пищи усталым воинам и беженцам, собравшимся в Халвиг со всей страны, занятой врагом. Воины были настолько вымотаны бесконечными переходами и схватками с варварами, что почти не обратили внимания на прилет воздушного корабля. Корабль наконец приземлился у дворца короля Ональда, и сразу же к нему бросилась стража, сверкая в лучах заходящего солнца своими щитами и шлемами из гигантских раковин и размахивая оружием. Они явно решили, что это вражеский корабль. Но увидев Корума и Ралину, опустили мечи и копья. Все они выглядели усталыми, многие были ранены.

— Принц Корум,— сказал начальник стражи,— я немедленно доложу королю о вашем прибытии.

— Благодарю. Но прежде, прошу вас, позаботьтесь об этих несчастных, которых мы спасли от варваров короля Лайра.

— О них позаботятся, хотя с продовольствием у нас туго.

Корум с минуту раздумывал.

— Наш воздушный корабль,— сказал он наконец,— мог бы слетать за продовольствием. Хотя мне не хотелось бы рисковать им без особой нужды. Да и вряд ли в этой разоренной стране можно что-нибудь еще найти...

Кормчий вышел из рубки, держа в руке свиток, который тут же вручил Коруму.

— Вот список тех редких минералов, которые нужны нашему городу, чтобы пройти сквозь Стену Между Царствами и вернуться в здешнюю плоскость,— сказал он.

— Хорошо. Если нам удастся связаться с Аркином, я сразу передам ему этот список,— ответил Корум.— Он все же бог, он лучше нас разбирается в таких вещах.

✧

В просто отделанном королевском кабинете у стола, по-прежнему заваленного географическими картами, сидел мрачный король Ональд.

— Какие новости? — спросил Джери, входя.— Что происходит в вашем королевстве? Каково положение на сегодня?

— Королевства уже нет. Нас вытеснили почти отовсюду. Страна полностью разорена. Все, кто уцелел, собрались здесь, в Халвиге,— он кивнул на огромную карту Ливм-ан-Эш, затем продолжал безжизненным голосом: — Графство Арлут-а-Кул захвачено пиратами из Бро-ан-Мабден. Графство Пенгард и его древняя столица Эпин-ан-Алдарн сожжены дотла. Все земли до самого озера Каленик обезлюдели. До нас дошли сведения, что герцогство Орин-нан-Калвин еще держится, отражая атаки варваров по линии южных гор. И герцогство Хаун-а-Гвираг тоже пока не захвачено врагами. А вот Бедвилрала-нан-Ривм они взяли, равно как и графство Гал-а-Гороу. Из герцогства Палатирн-ан-Кенак сообщений вообще не поступало...

— Оно тоже пало,— сказал Корум.

— Пало...— без всякого выражения повторил король.

— Враг подходит к городу со всех сторон,— сказал Джери, глядя на карту.— Варвары высадились повсеместно на побережье и сжимают кольцо, продвигаясь к Халвигу. Я и не подозревал, что они способны применять такую тактику...

— Ты забыл о посланнике королевы Ксиомбарг,— сказал Корум.— Это, конечно же, он помог им разработать план кампании и научил, как его осуществить.

— Ты говоришь о том человеке в сверкающих доспехах, который ведет за собой эту ужасную армию? — спросил король Ональд.

— Да. А вы о нем что-нибудь знаете?

— Ничего утешительного. Он, по всем сообщениям, совершенно неуязвим и, как вы подтверждаете, принимал самое активное участие в организации похода и подготовке армий варваров. Он часто сопровождает короля Лира. Как мне сообщили, его зовут Гэйнор, принц Гэйнор Проклятый...

Джери кивнул:

— Он всегда принимает участие в таких войнах. Он обречен вечно служить Хаосу. Значит, теперь он слуга королевы Ксиомбарг? Что ж, это гораздо более высокое положение, чем то, которое он занимал в прошлом — или в будущем, смотря как судить...

Король Ональд как-то странно взглянул на Джери, затем продолжал:

— Даже если не считать Орд Хаоса, варвары превосходят нас по численности раз в десять. Конечно, у нас более совершенное оружие, да и тактика тоже, и мы могли бы отбиваться от них хоть десять лет, по крайней мере, оборонять от них побережье. Но теперь принц Гэйнор руководит всеми их действиями. И, надо сказать, руководит неплохо.

— Да уж, опыта ему не занимать,— сказал Джери, задумчиво потирая щеку.

— Сколько вы сможете выдерживать осаду? — спросила Ралина.

Король пожал плечами. Его печальный взгляд был прикован к окну, за которым виднелся переполненный войсками и беженцами город.

— Не знаю. Войска очень устали. Да и стены у нас не очень высокие... А на стороне Лира все силы Хаоса...

— Нам лучше поспешить в храм,— сказал Корум.— И попробовать вызвать лорда Аркина.

✧

Они медленно ехали по забитым народом улицам. Вокруг были сплошь унылые, безнадежные лица. На всех площадях, перекрестках, газонах горели костры, вокруг которых сидели усталые воины. Многие были покрыты ранами; у них явно не хватало оружия и боевого снаряжения. Казалось невероятным, что Халвиг сможет выдержать осаду, не говоря уж о штурме. «Да,— подумал Корум,— долго осада не продлится». И он пришпорил коня, стремясь поскорее достичь храма.

Наконец, они добрались. Площадь вокруг храма тоже была заполнена беженцами. Алерион-а-Найвиш, жрец, стоял у входа, как будто знал об их приходе.

Он радостно их приветствовал и тут же осведомился:

— Вам удалось найти помощь?

— Возможно,— ответил Корум.— Но нам надо встретиться с лордом Аркином. Это можно устроить?

— Он ждет вас. Он прибыл несколько минут назад.

Корум быстро прошел в храм. На полу вдоль стен лежали матрасы, пока еще свободные. Они ожидали прибытия раненых. Лорд Аркин выступил из тени. На сей раз для свидания с ними он принял облик прекрасного рыцаря.

— Чем закончилось ваше путешествие в царство Ксиомбарг?

Корум рассказал ему обо всех приключениях, которые им пришлось пережить. Аркин был явно взволнован тем, что услышал. Он протянул Коруму руку:

— Дай мне этот список. Я сам займусь поисками минералов, необходимых Городу-в-Пирамиде. Но даже мне на это потребуется время.

— А между тем судьба двух осажденных городов висит на волоске,— заметила Ралина.— Гвлас-кор-Гвриса в царстве Ксиомбарг и Халвиг-нан-Вака здесь. И будущее одного напрямую зависит от другого: если падет один, падет и другой.

— Такая взаимная зависимость — обычное явление в борьбе между Порядком и Хаосом,— пробормотал Джери.

— Да, вполне обычное,— согласился лорд Аркин.— Но вы должны продержаться до моего возвращения. Конечно, у меня нет уверенности, что Гвлас-кор-Гврис тоже устоит. Единственное наше преимущество в том, что королева Ксиомбарг сейчас вынуждена заниматься сразу двумя царствами — своим и нашим.

— Но ее посланник принц Гэйнор Проклятый находится здесь и, кажется, вполне достойно ее представляет,— заметил Корум.

— Если Гэйнор вдруг исчезнет или погибнет, варвары сразу потеряют почти все свои преимущества. Сами они в тактике ничего не смыслят, и без него у них неизбежно начнутся разногласия, даже свары.

— Но их огромная численность дает им неоспоримое преимущество,— сказал Джери.— Кроме того, на их стороне армия Пса и армия Медведя...

— Все это так, друг Джери. И все же я считаю, что сейчас главный ваш противник — это Гэйнор Проклятый.

— Но он же неуязвим...

— С ним может сравняться только противник, столь же мощный, что и он сам, такой же избранник судьбы,— Аркин со значением посмотрел на Корума.— Но и в этом случае для такого поединка необходимо огромное мужество. И все может кончиться смертью обоих соперников...

Корум кивнул:

— Я подумаю над тем, что ты сказал нам, лорд Аркин.

И прекрасный рыцарь вновь растворился в тени. Они стояли одни посреди пустого храма.

Корум взглянул на Ралину, потом на Джери. Те не осмелились встретиться с ним взглядом. Все прекрасно понимали, о чем лорд Аркин попросил Корума и какая страшная ответственность легла теперь на его плечи.

Корум нахмурился, ощупывая украшенную повязку на глазу Ринна и разминая шесть пальцев руки Квилла.

— Ну что ж! — сказал он.— Эти омерзительные дары волшебника Шула стали такой же неотъемлемой частью моей души, как и моего тела. Вот с их помощью я и попытаюсь избавить нас от принца Гэйнора Проклятого!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ПРИНЦ ГЭЙНОР ПРОКЛЯТЫЙ

— Когда-то он был Героем, этот принц Гэйнор,— рассказывал Джери той же ночью, когда они обходили городские укрепления, глядя со стены на тысячи костров, горевших в стане врага.— Он тоже служил Порядку. Но однажды он влюбился в некое создание — возможно, это даже была женщина — и предал все, перед чем раньше преклонялся. Он навеки связал свою судьбу с силами Хаоса. За это он был наказан — некоторые считают, что его наказало само Великое Равновесие. И теперь он уже никогда не сможет служить Порядку и наслаждаться теми благами, которые он дает. Он обречен вечно служить Повелителям Хаоса, как ты — Владыкам Порядка...

— Вечно? — переспросил Корум, удивленный.

— Я об этом больше не скажу ни слова,— ответил Джери.— Но ты все же иногда обретаешь покой, а принц Гэйнор утратил покой навсегда. Он лишен даже надежды хоть когда-нибудь его обрести. Он может лишь вспоминать о тех временах, когда мир и покой нисходили на его душу...

— А если он умрет?

— Он обречен на вечное бессмертие, ибо смерть тоже означает покой, даже если она длится лишь мгновение перед новым рождением...

— В таком случае как же я смогу убить его?

— Ты можешь поразить его точно так же, как любого из Великих Древних Богов,— ты можешь его изгнать. Ты же должен знать, как это делается...

— А ты сам знаешь, Джери?

— Кажется, да,— Джери опустил голову в раздумье. Они по-прежнему продолжали мерить шагами городскую стену.— Я вспоминаю легенды о Гэйноре. Они утверждают, что его можно победить только одним способом — поднять ему забрало, чтобы он взглянул в глаза тому, кто служит Порядку. Но забрало его шлема можно поднять, только призвав на помощь могучие силы, коими ни один смертный управлять не умеет. Обычные, в общем-то, колдовские чары. Вот и все, что я знаю.

— Не очень-то много,— безжалостно заметил Корум.

— Да, не очень.

— А между тем времени у нас нет. Так что напасть на Гэйнора следует сегодня же. Они не ожидают вылазки из города — все-таки это только первая ночь осады. Так что нам надо прорваться в лагерь варваров и попытаться уничтожить — или изгнать, коли на то пошло — принца Гэйнора. Ведь он, помимо всего прочего, командует армией королевы Ксиомбарг, и если его не станет, эта армия будет вынуждена убраться обратно в собственное Царство.

— Очень смелый и простой план! — саркастически воскликнул Джери.— И кто же пойдет с нами на вылазку? Может быть, возьмем Белдана? Он здесь, я его видел.

— Мне бы не хотелось рисковать ни одним из защитников города. Они еще понадобятся, особенно если мой план провалится. Мы поедем вдвоем.

Джери вздохнул и пожал плечами. Затем сказал, обращаясь к своему коту:

— А тебе, дружок, лучше остаться в городе.

✧

Сразу после полуночи они тихо выбрались за городские ворота, ведя коней на поводу. Копыта скакунов были обернуты толстым войлоком, чтобы не было слышно стука подков о камни. Они направились прямо к лагерю войск Хаоса. Мабдены пировали, сидя у своих костров, и от их ночной стражи, сплошь пьяной, проку не было никакого.

Лагерь войска, которым командовал принц Гэйнор, они легко нашли по запаху; так могли смердеть только уродливые порождения Хаоса. Несчастные полулюди-полузвери, здорово навеселе, исполняли вокруг костров свои ужасные танцы, напоминающие скорее совокупление диких животных, чем что-либо человеческое. Тупые звериные рожи, полуоткрытые пасти, из которых капала слюна, остекленевшие глаза... А они все продолжали пить свое паршивое кислое вино, словно стремясь забыть, кем они были когда-то раньше, до того как связали себя клятвой с силами Хаоса.

Принц Гэйнор сидел среди них, у костра. Прямо у ног его плясали языки пламени. Весь с головы до ног он был закован в сверкающую сталь доспехов, украшенных золотом и серебром. На шлеме его с навеки закрытым забралом покачивался высокий желтый плюмаж. На нагруднике был виден герб Хаоса — восемь стрел, лучами расходящихся во все стороны от центрального круга — символ силы, которую Хаос якобы давал своим сторонникам и слугам. Принц Гэйнор не плясал и не веселился, ничего не ел и не пил. Он просто сидел, опершись обеими руками в латных перчатках на эфес своего огромного двуручного меча, также богато украшенного золотом и серебром. Он сидел совершенно неподвижно, словно и сам был выкован из цельного куска металла.

Коруму и Джери пришлось осторожно обойти нескольких храпящих часовых, прежде чем они сумели пробраться внутрь лагеря принца Гэйнора, который находился на некотором удалении от основного лагеря варваров и стоянок армии Пса и армии Медведя, что расположились по другую сторону города. Мимо них, пошатываясь, то и дело проходили воины короля Лира. Корум и Джери были закутаны в плащи с капюшонами, так что никто не обращал на них особого внимания. Варварам и в голову не приходило, что кто-то из воинов Ливм-ан-Эш рискнет пробраться к ним в лагерь.

Приблизившись к костру, вокруг которого продолжали плясать чудовищные полулюди-полузвери, Корум прыгнул в седло. Джери последовал его примеру. Некоторое время они стояли, не двигаясь, наблюдая за Гэйнором.

Тот по-прежнему сидел все в той же позе, не шевелясь, удобно устроившись на своем седле из черного дерева, богато украшенном слоновой костью. Руки его все так же покоились на рукояти меча, а сам он все так же безучастно наблюдал за кривляньями своих уродливых воинов.

А потом Корум и Джери въехали в круг света, отбрасываемого костром, и принц Корум Джайлин Ирси, слуга Порядка, предстал перед принцем Гэйнором Проклятым, слугой Хаоса.

Корум был во всем великолепии вадхагского боевого снаряжения — серебряная двухслойная кольчуга, конический шлем, алый плащ. В правой его руке было длинное копье, левой он держал большой круглый щит.

Принц Гэйнор встал и поднял руку, давая знак прекратить пляски. Порождения Хаоса, обернувшись к Коруму и сразу узнав его, завопили и завизжали.

— Молчать! — рявкнул Гэйнор, делая шаг вперед и вкладывая меч в ножны.— Оседлайте моего коня, ибо принц Корум и его спутник прибыли сюда, чтобы сразиться со мной!

Его голос разносился по всему лагерю, хотя говорил он спокойно; что-то грустное и трагическое слышалось в этом торжествующем гласе.

— Ты выйдешь на честный поединок со мною, принц Гэйнор? — спросил Корум.

Принц Хаоса расхохотался:

— С какой стати? Я уже давно разуверился во всех этих рыцарских добродетелях и кодексах чести. Кроме того, я поклялся королеве Ксиомбарг уничтожить тебя. Мне еще никогда не доводилось видеть всю силу ее ненависти — а теперь я узнал, как она ненавидит тебя. О-о-о, как она тебя ненавидит!

— Может быть, это потому, что она меня боится,— заметил Корум.

— Очень может быть.

— Стало быть, ты намерен спустить на нас всю свою свору?

— А почему бы и нет? Если уж у вас хватило глупости забраться ко мне в лагерь...

— У тебя не осталось никакой гордости?

— Кажется, никакой.

— И чести тоже?

— И чести.

— И мужества?

— Я растерял все эти качества. Кроме, может быть, страха.

— Ты, однако, честен.

Раскатистый смех вновь раздался из-под опущенного забрала.

— Можешь считать, что так. Зачем ты пришел в мой лагерь, принц Корум?

— Ты же сам это прекрасно знаешь. Зачем спрашивать?

— Ты надеешься сразить меня, потому что именно я управляю этим сбродом варваров. Так? Отличная мысль! Превосходная! Но меня нельзя убить, я неуязвим, я бессмертен. О, если бы Боги даровали мне смерть!.. Сколько раз я молил о ней!.. Ты рассчитываешь одолеть меня и выиграть время для укрепления обороны города. Вынужден тебя огорчить. Я сам убью тебя — и тем самым лишу Халвиг-нан-Вак его последней надежды.

— Если тебя нельзя сразить, тогда почему ты не хочешь выйти на честный поединок со мной, один на один?

— Да потому что не желаю попусту тратить время. Эй, воины!..

Полулюди-полузвери мгновенно выстроились позади своего командира. Гэйнор влез на своего белого жеребца, на которого уже успели надеть его разукрашенное седло. Он взял в левую руку щит и опустил копье.

Корум сдвинул повязку с глаза Ринна и заглянул в Лимб, в пещеру, где пребывали его последние жертвы. Да, Свора Хаоса была там, изуродованные тела, искалеченные Гханхом. Здесь же был и Полиб-Бав, лошадеподобный предводитель Своры. И опять рука Квилла протянулась сквозь границу между мирами, прямо в мрачную пещеру и поманила свору наружу, на помощь Коруму, обещая взамен богатую добычу.

— Пусть теперь Хаос сразится сам с собой! Хаос против Хаоса! — воскликнул Корум.— Полиб-Бав, вот твоя добыча! Она даст тебе освобождение из Лимба!

И мерзкие порождения Хаоса обрушились на собственных собратьев, таких же уродов и страшилищ, как они сами; Свора Хаоса атаковала воинов Гэйнора, неся им смерть. Собакоподобные грызли коровообразных, лошадеподобные лягали жабообразных; взлетали и с жутким хрустом опускались дубины, булавы, мечи, топоры... Стоны, крики, вопли, рев, рычание, проклятия — все смешалось в дикий вой. Принц Гэйнор, поглядев на начавшуюся резню, повернул коня к Коруму:

— Поздравляю тебя, Принц в Алом Плаще! Как я вижу, ты и не рассчитывал на то, что я стану соблюдать рыцарский кодекс чести! Ну что ж! Не угодно ли вам обоим сразиться со мной?!

— Нет, не угодно,— ответил Корум, опуская копье и упираясь ногами в стремена, а спиной — в высокую заднюю луку седла.— Мой друг находится здесь лишь для того, чтобы сообщить

в город об исходе нашего поединка. Если он и обнажит меч, то лишь для собственной защиты.

— Значит, честный поединок, так? — вновь рассмеялся принц Гэйнор.— Что ж, отлично!

И тоже приготовился к бою.

Первым атаковал Гэйнор.

Корум тоже пришпорил коня и ринулся вперед, подняв копье и прикрывая щитом лицо, поскольку шлем его в отличие от шлема Гэйнора был без забрала.

Сверкающие доспехи принца Гэйнора слепили Корума. Он прищурил глаза и, отведя назад правую руку, изо всех сил метнул копье, целясь Гэйнору в голову. Копье точно попало в шлем противника, но не пробило его. Оно, кажется, не оставило на нем даже вмятины. Однако удар его был силен. Он отбросил Проклятого назад; тот опрокинулся спиной на круп своего коня и не смог сразу же ответить броском собственного копья. Это дало Коруму возможность подобрать копье, отскочившее от шлема противника. Гэйнор, по-прежнему смеясь, нанес ответный удар, целя Коруму в лицо. Но Принц в Алом Плаще, подняв щит, отразил удар врага.

А вокруг них продолжалась битва двух отрядов чудовищ. Армия Гэйнора по численности значительно превосходила Свору Хаоса, но у той было огромное преимущество: всех ее воинов уже один раз убили, их невозможно было убить еще раз...

Корум и Гэйнор вновь разъехались, и Корум вновь метнул свое копье в противника. Мощный удар в середину нагрудника на сей раз выбил Проклятого из седла и бросил наземь, прямо в грязь, размешанную ногами его уродов. Однако он тут же вскочил на ноги, продолжая сжимать в руке копье, размахнулся и метнул его в Корума. Копье пробило щит Корума насквозь. Острие наконечника лишь немного не достало до закрытого повязкой глаза Ринна. Корум, вытащив из ножен меч, бросился на противника. Копье так и осталось торчать в его щите. И опять из-под забрала раздался сатанинский хохот Гэйнора. Он тоже выхватил меч и поднял щит, готовясь принять им удар Корума. Сам же он нанес удар не своему противнику, а его коню, отрубив ему одну ногу. Конь рухнул, сбросив Корума на землю.

Несмотря на свои тяжелые доспехи, принц Гэйнор стремительно налетел на Корума, который никак не мог подняться. Меч Проклятого сверкнул в пламени костра, но Корум отбил удар щитом. Клинок прошел сквозь несколько слоев кожи, де-

рева и металла и застрял, наткнувшись на сталь наконечника его собственного копья, все еще торчавшего в щите Корума. Корум сделал выпад, стараясь поразить противника в ноги, но Гэйнор, высоко подпрыгнув, ушел от удара. Воспользовавшись этим, Корум перекатился назад и сумел наконец подняться. Щит его был разбит и практически бесполезен.

А Гэйнор все продолжал смеяться; хохот гремел из-под навеки опущенного забрала его шлема.

— Ты хорошо держишься, Корум! Но ты смертен, а я — нет!

Шум битвы меж тем разбудил весь лагерь. Но варвары никак не могли разобраться в том, что происходит. Они привыкли повиноваться Лайру, который полностью полагался на приказания Гэйнора. А Гэйнор сейчас был слишкм занят, чтобы командовать ими...

Теперь Гэйнор с Корумом кружили вокруг костра. А рядом продолжалась схватка полулюдей-полуживотных.

Еще дальше от костра, во мраке, сидели, широко раскрыв глаза, тысячи варваров. Они смотрели на происходящее бессмысленными глазами, не в состоянии понять, в чем дело.

Корум отбросил бесполезный теперь щит и вытащил из-за пояса боевой топор. Все шесть пальцев руки Квилла крепко сжали рукоять. Корум сделал пару шагов назад от костра и взвесил топор в руке. Это было прекрасное метательное оружие, если, конечно, уметь им пользоваться. В старину вадхагская пехота, атакуя нхадрагов, часто пользовалась метательными топорами. Корум рассчитывал, что Гэйнор не имеет представления о том, что он намерен предпринять...

Он резко отвел назад руку и метнул топор. Тот сверкнул в отблесках костра и... принц Гэйнор встретил его своим щитом.

Но сила удара была такова, что Проклятый отлетел на несколько шагов назад. Щит его раскололся надвое. Гэйнор отбросил обломки, схватил свой двуручный меч обеими руками и пошел на Корума.

Корум парировал первый его удар, потом второй, третий...

Гэйнор наседал столь яростно, что Коруму пришлось на несколько шагов отступить. Он прыгнул в сторону и сам сделал стремительный выпад, стараясь поразить Гэйнора в щель между нагрудником и стальным воротником. Гэйнор, перехватив меч правой рукой, отбил выпад, но отошел на пару шагов назад. Он уже начал задыхаться, дыхание с хрипом вырывалось из-под забрала.

— Ты, может быть, и бессмертен, принц Гэйнор Проклятый, однако и тебя одолевает усталость!

— Но тебе-то меня не одолеть! Неужели ты думаешь, что я не приветствовал бы смерть?!

— Тогда сдавайся! — Корум тоже начинал задыхаться. Сердце колотилось как бешеное, грудь вздымалась.— Сдавайся же!

— Сдаться — значит нарушить клятву, данную королеве Ксиомбарг! Никогда!

— Значит, у тебя все же сохранилось понятие о чести!

— Честь! — Гэйнор опять рассмеялся.— Не честь это вовсе, а страх! Я ведь тебе уже говорил об этом. Если я нарушу клятву, Ксиомбарг покарает меня. Не думаю, чтобы ты понимал, что это означает, Принц в Алом Плаще! — и Гэйнор вновь обрушил на Корума свой грозный меч.

Корум поднырнул под свистящий клинок и нанес противнику удар по ногам. Удар был сильным, у Проклятого даже подогнулись колени. Но сталь поножей выдержала. Гэйнор отскочил назад, успев при этом бросить взгляд на своих воинов.

А тех уже почти и не осталось. Свора Хаоса приканчивала последних. И чудовища, которых Корум вызвал из преддверия ада, одно за другим уже исчезали туда, откуда явились. Но исчезали, только прихватив с собой добычу.

С яростным воплем Гэйнор снова бросился на Корума. А тот, собрав последние силы, отразил удар противника и тоже сделал выпад. Отбив его, Гэйнор вдруг прыгнул вперед и вцепился в правую руку Корума, сжимавшую меч, одновременно занося свой клинок для удара. Он метил Коруму прямо в голову. Принц резким движением освободился от цепкой хватки Проклятого, уклоняясь при этом в сторону, чтобы избежать рубящего удара. Но не успел: меч противника обрушился ему на плечо, разрубив верхний слой кольчуги и застряв в нижнем. Меч выпал из его онемевшей руки.

Теперь Корум был безоружен. Гэйнор с торжествующим видом держал его меч в своей левой руке, подняв вверх.

— Сдавайся, Корум! Сдавайся, и я сохраню тебе жизнь!

— Чтобы отправить меня к своей госпоже, королеве Ксиомбарг?

— Именно это я и должен сделать!

— Я не сдамся!

— Значит, я должен тебя убить,— Гэйнор все еще тяжело дышал. Он бросил меч Корума на землю, схватил свой обеими руками и шагнул вперед, чтобы прикончить противника.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ШТУРМ

Корум инстинктивно поднял обе руки, пытаясь закрыться от смертельного удара. И тут что-то произошло с рукой Квилла.

Уже не один раз рука спасала Коруму жизнь, часто даже еще до того, как возникала реальная опасность. Вот и теперь она, по своей собственной воле, вдруг протянулась вперед и, перехватив меч Гэйнора прямо за острие, вырвала клинок из рук Проклятого. И тут же, взмахнув отнятым оружием, с силой ударила Гэйнора тяжелой рукоятью меча прямо по голове.

Гэйнор пошатнулся и медленно осел на землю. Корум прыгнул вперед и схватил врага за горло:

— Сдаешься?!

— Я не могу сдаться! — голос Проклятого звучал глухо.— Мне нечего сдавать!

Но он уже настолько обессилел, что почти не сопротивлялся. Рука Квилла уцепилась за нижнюю кромку забрала его шлема и дернула его вверх.

— НЕТ! — отчаянно завопил Гэйнор, поняв, что намеревается сделать Корум.— НЕТ! НЕЛЬЗЯ! НИ ОДИН СМЕРТНЫЙ НЕ СМЕЕТ СМОТРЕТЬ МНЕ В ЛИЦО! — он начал вырываться, но Корум крепко держал его и не выпускал. Рука Квилла еще раз дернула забрало вверх.

— НЕТ! ПОЖАЛУЙСТА! ПРОШУ ТЕБЯ, НЕ НАДО!

Забрало чуть сдвинулось.

— МОЛЮ ТЕБЯ, ПРИНЦ В АЛОМ ПЛАЩЕ, ПОЩАДИ! ОТПУСТИ МЕНЯ, И Я НИКОГДА НЕ ПРИЧИНЮ ТЕБЕ ЗЛА!

— У тебя нет больше права давать такие клятвы,— с яростью в голосе напомнил ему Корум.— Ты же целиком и полностью принадлежишь Ксиомбарг! У тебя не осталось ни собственной воли, ни чести!

Но Гэйнор продолжал умолять:

— Пощади меня, принц Корум!

— А у меня нет никакого права щадить тебя! Ибо я служу Порядку!

Рука Квилла в третий раз дернула забрало вверх, и оно наконец поднялось.

Корум взглянул прямо в лицо, спрятанное под шлемом. Это было юное, прекрасное лицо, но сейчас оно было искажено ужасной гримасой. Потом оно вдруг начало дергаться, на нем словно

шевелился клубок белых червей. На Корума теперь смотрели мертвые красные глаза. Все ужасы, которые до сей поры встречались Принцу в Алом Плаще, показались ему сущей ерундой по сравнению с тем ужасным и трагическим зрелищем, свидетелем которого он сейчас был. Корум невольно вскрикнул, и ему ответил ужасный вопль принца Гэйнора Проклятого. Кожа и плоть его разлагались прямо на глазах, приобретая мерзкий гнилостный цвет и издавая чудовищный смрад, еще более ужасный, чем тот, что издавала Свора Хаоса. Черты лица расползались, постепенно меняясь. Сначала возникло лицо человека средних лет, затем лицо женщины, потом мальчика... Один раз Корум увидел даже свое собственное лицо, словно на миг заглянул в зеркало. Сколько же обличий сменил принц Гэйнор Проклятый за весь тот бесконечный срок, что он нес на себе проклятье! Изпод забрала на Корума словно глядели тысячелетия сплошных бед, несчастий и страданий... А лицо все еще кривлялось и гримасничало, в красных глазах вспыхивали то ужас, то боль, ужасные черты все продолжали меняться, меняться, меняться...

Более миллиона лет, целая эпоха страданий — вот какова была расплата за безвестное преступление Гэйнора, изменившего своей клятве, клятве верности Порядку. Чудовищная, ужасная участь, ниспосланная ему, но не Порядком, а самим Великим Космическим Равновесием! Каково же было то ужасное преступление, если само Космическое Равновесие сочло необходимым вмешаться?! Какой-то ответ на этот вопрос могли дать те бесчисленные лица, что мелькали, сменяя друг друга, под поднятым забралом. Корум уже перестал сдавливать горло Гэйнора — ему пришлось обнять Проклятого и поддерживать его падающую голову. По лицу его текли слезы. Он оплакивал проклятого принца, которому наконец пришла пора платить за свои преступления, и расплата была поистине страшной, какая не приснится ни в одном, даже самом кошмарном сне...

Именно в этом, как только сейчас понял Корум, и заключалась высшая справедливость. Или высшая несправедливость. В данном случае это было одно и то же...

Но и теперь принц Гэйнор вовсе не умирал. Он лишь переходил из одной сущности в иную. Очень скоро он возникнет вновь — в каком-нибудь отдаленном уголке Вселенной, находящемся на огромном расстоянии от пятнадцати плоскостей мироздания, от царств Повелителей Мечей,— чтобы продолжить свое проклятое, обреченное существование вечного прислужника Хаоса...

Лицо под забралом наконец исчезло. Пустые доспехи с печальным звоном упали на землю.

Принца Гэйнора Проклятого не стало.

✧

Корум с трудом оторвал взгляд от этой кучи бесполезного теперь железа. В голове гудело. До сознания едва дошел призыв Джери:

— Скорее же, Корум! Бери жеребца Гэйнора и бежим! Варвары вот-вот нападут на нас! Скорее! Мы свое дело здесь сделали!

Спутник Героев тряс его за плечо. Корум с трудом поднялся на ноги, подобрал свой меч, валявшийся там, где его бросил Гэйнор, и с помощью Джери влез в седло.

...А потом они мчались галопом к стенам Халвига, а по пятам за ними гнались сотни мабденов...

Ворота в городской стене отворились, пропустив их внутрь, и тут же снова захлопнулись. Кулаки и дубины варваров в бессильной ярости заколотили по створкам снаружи. Корум и Джери спешились. Король Ональд и Ралина ждали их.

— Ну как? — нетерпеливо спросил король.— Что принц Гэйнор? Он еще жив?

— Да,— ответил Корум.— Он жив.

— Значит, все было напрасно!..

— Нет,— ответил Корум и отвернулся.

Ведя на поводу коня своего поверженного противника, он пошел прочь, не в силах более отвечать на вопросы и вообще разговаривать, даже с Ралиной.

Король Ональд последовал было за ним, но остановился и повернулся к Джери:

— Так что же там произошло?

— Принц Гэйнор утратил свою власть,— устало ответил Джери.— Корум победил его. Руководить и командовать варварами больше некому. На их стороне теперь только численное превосходство, жестокость, Псы и Медведи...— он горько рассмеялся.— Вот и все, король Ональд.

И они направились вслед за Корумом, который, едва волоча ноги, уходил куда-то в темноту.

— Теперь надо готовиться к битве,— сказал Ональд.— Утром они, видимо, пойдут на штурм.

— Похоже на то,— согласилась Ралина. Она хотела было догнать Корума, но потом заставила себя остановиться.

✧

А на утренней заре варвары короля Лир-а-Брода вместе с мабденами из Бро-ан-Мабден и с армиями Пса и Медведя пошли на штурм стен Халвига-нан-Вака.

На стенах уже стояли воины, готовые встретить нападение. У варваров не было никаких осадных машин. Они полагались на стратегию принца Гэйнора и на опыт его отряда, который до этого брал приступом все города Ливм-ан-Эш. Но варваров было много — они шли плотными толпами, и конца-краю им не было видно. К городу двигались и конница, и колесницы, и пехота.

Коруму удалось отдохнуть всего несколько часов. Уснуть он так и не смог: перед глазами все время стояло лицо Проклятого Принца.

Теперь он тоже находился на стене, пытаясь разглядеть в рядах нападавших своего злейшего врага — графа Гландита-а-Крэ. Но того нигде не было видно. Может быть, он все еще пытался найти Корума в окрестностях замка на острове Мойдель?

Король Лир ехал на огромном боевом коне и сам держал в руках свое знамя. Рядом с ним был горбатый предводитель варваров из Бро-ан-Мабден — король Кронекин-а-Дрок. Правитель Бро-ан-Мабден с детства отличался слабым умишком, и ему очень подходило его прозвище — Жабенок.

Варвары шли толпой, не соблюдая никакого боевого порядка. Король Лир мрачно и несколько нервно оглядывался вокруг, словно был не до конца уверен в том, что сумеет управлять столь огромной ордой без советов и помощи принца Гэйнора.

Вдруг Лир поднял вверх свой огромный меч, подавая сигнал. И тотчас рой огненных стрел взвился в воздух и понесся в сторону города. Пылающие стрелы, перелетев через низкую крепостную стену, зажгли в городе сотни пожаров. Но король Ональд предусмотрел это, и жители города уже несколько дней запасали собственную мочу, которой теперь и заливали огонь. Ональд уже знал, как пали другие города его королевства, и успел извлечь из их печальной участи должный урок.

Несколько воинов, пораженные стрелами, упали со стены вниз. Многие гасили вспыхнувшую одежду. Мимо Корума, сбивая на бегу охватившее его пламя, промчался воин, но тот едва обратил на это внимание.

С диким ревом варвары начали взбираться на стены Халвига. Штурм начался.

А Корум пытался разглядеть среди нападавших армию Пса и армию Медведя, стараясь определить, на каком участке обороны они пойдут на штурм. Но их, видимо, держали в резерве, и Корум никак не мог понять, почему.

А варвары уже взобрались на стену. Внимание Корума привлекла теперь непосредственная опасность: прямо напротив него появился, тяжело дыша, варвар с горящим факелом в руке и мечом в зубах. Вот он перевалился через зубцы стены и тут же с диким воплем рухнул обратно вниз — меч Корума рассек ему голову. Но следом за ним уже лезли другие.

Все это утро Корум дрался совершенно механически, отбивая и нанося удары. Но дрался он хорошо, и враги десятками валились под его мечом. Невдалеке бились Ралина, Джери и Белдан. Каждый командовал своим отрядом защитников города. Варвары тысячами гибли на стенах, но на смену убитым все лезли и лезли новые тысячи. У Лайра хватило здравого смысла посылать своих воинов на штурм волнами. Защитники города такого позволить себе не могли, их было слишком мало. Так что они бились без передышки. Штурм отражали все способные держать в руках оружие.

От шума сражения у Корума звенело в ушах. Он уложил очень многих, но почти не сознавал этого. Его кольчуга была во многих местах разрублена, из нескольких небольших ран сочилась кровь. Но он не замечал и этого.

Снова и снова через стены в город летели горящие стрелы, и снова женщины и дети бросались тушить начинающиеся пожары.

Позади обороняющихся стеной поднимался дым. Перед ними была масса грязных, вонючих варваров. Сражение продолжалось. Стены уже все были залиты кровью. Повсюду валялись убитые и раненые, разбитые щиты, сломанные копья и мечи. Внизу, у подножия стен, трупы лежали уже горами. А варвары все лезли и лезли.

Отряд мабденов, притащив к городским воротам несколько бревен, пытался свалить мощные, окованные железом створки, но пока безуспешно.

Корум, лишь частью сознания реагируя на сражение, по-прежнему неотступно думал о принце Гэйноре. Да, их поединок был крайне необходим городу. У Корума не было никаких сомнений в том, что, если бы он не одержал победу, Халвиг уже

был бы взят штурмом. Тактика Гэйнора и адские создания из его армии решили бы судьбу осажденных.

Корум уже не помнил, сколько времени прошло с начала штурма. Он еще думал о том, когда же, наконец, вернется Аркин с обещанными минералами, нужными принцу Юретту. И еще ему не давала покоя мысль о том, держится ли Город-в-Пирамиде.

При воспоминании о нем Корум невольно улыбнулся. Ксиомбарг наверняка уже прознала, что ему удалось сразить ее посланника, ее слугу принца Гэйнора. Что ж! Тем сильнее будет ее ярость и чувство собственного бессилия! Может быть, это хоть в какой-то мере поможет Гвлас-кор-Гврису отбить ее нападение...

А может быть, наоборот?..

Корум все пытался выкинуть эти мысли из головы. Что толку было гадать? Он подобрал валявшееся рядом копье и метнул его в нападающих. Копье насквозь проткнуло мабдена, только что взобравшегося на стену, и тот с воплем упал вниз, на лежащие у стен горы трупов.

К полудню напор атакующих начал наконец ослабевать. Варвары отступили в лагерь, унося раненых.

Коруму сверху было хорошо видно, как съехались и начали что-то бурно обсуждать короли Лир и Кронекин. Может быть, они как раз решали, не пора ли пустить в дело армию Пса и армию Медведя? Может быть, они хотят применить другую тактику, чтобы не терять попусту столько воинов? Или им совершенно наплевать, сколько мабденов погибнет при штурме?..

Там, на стене, Корума нашел мальчик-посыльный:

— Принц Корум, вас призывает к себе жрец Алерион.

Корум кивнул и на негнущихся ногах побрел по лестнице вниз, в город. У подножия стены его ждала повозка, которая медленно потащилась через город к Храму Порядка.

Храм был переполнен. Раненые лежали повсюду: и внутри, и снаружи. Алерион ждал у входа.

— Аркин вернулся?

— Вернулся, принц.

Корум вошел внутрь, оглядываясь по сторонам на лежащих вдоль стен раненых.

— Они умирают,— тихо сказал Алерион.— Они уже ничего не чувствуют, так что подслушивать вас некому...

Аркин выступил из тени, как и в прошлый раз. Несмотря на то, что он был бог и облик, который он принимал всякий раз,

когда являлся смертным, не имел ничего общего с его истинным видом, сейчас он выглядел крайне усталым.

— Вот, возьми,— сказал он, протягивая Коруму небольшую шкатулку из простого железа.— Смотри, не открывай ее, это очень опасные вещества, их излучение для тебя смертельно опасно. Передай шкатулку кормчему воздушного корабля, и пусть он немедленно отправляется в Гвлас-кор-Гврис.

— Но у него же совсем не осталось энергии. Как он проникнет сквозь Стену Между Царствами?

— Я открою ему проход. Или, вернее, попытаюсь это сделать, ибо я изнемогаю от усталости. Ксиомбарг направила против меня все, что только могла... И я не уверен, что мне удастся открыть проход в Стене, поблизости от Города-в-Пирамиде. Я попробую, конечно... Но если он попадет в царство королевы Ксиомбарг вдали от Города, ему придется очень долго добираться до него, а это опасно... Ладно, я сделаю все, что в моих силах!

Корум кивнул, принимая шкатулку:

— Надеюсь, что Гвлас-кор-Гврис еще держится...

— Я тоже на это надеюсь,— и Аркин исчез.

Корум поспешил из храма, неся шкатулку под мышкой. Она была весьма тяжела, и в ней все время что-то билось и вибрировало, словно живое. Корум влез в повозку, стегнул лошадей, и она помчалась по улицам города к королевскому дворцу. Бегом он поднялся по лестницам на крышу, где ждал воздушный корабль, и передал шкатулку кормчему, сообщив ему все, что сказал лорд Аркин. Кормчий воспринял его рассказ с большим сомнением. Он взял шкатулку и тщательно запрятал ее в рундук в рулевой рубке.

— Прощай, Бвидит-а-Хорн,— сказал Корум грустно.— Желаю тебе благополучно добраться до Города-в-Пирамиде. И пусть там все к твоему возвращению будет в порядке! И еще желаю тебе поскорее вернуться сюда, в наше царство, и привести помощь.

Бвидит махнул ему на прощанье рукой и поднял корабль в воздух.

И тотчас в небе появилось рваное отверстие с дрожащими краями. Оно колебалось, то сужаясь, то вновь расширяясь. Оно все дрожало и сверкало. Сквозь него было видно золотистое небо иного царства, в котором мелькали пурпурные и оранжевые блики, сопровождаемые неясным шумом.

Воздушный корабль направился прямо к этому отверстию. И лишь только он сквозь него прошел, отверстие тут же начало сужаться, пока не пропало совсем.

Корум безмолвно смотрел вслед растворившемуся в небе кораблю, пока до него не дошло, что со стен города доносится ужасный шум.

Должно быть, варвары вновь пошли на приступ.

Корум бегом бросился вниз, на улицу. Первое, что он там увидел, были женщины. Множество женщин. Они стояли на коленях и плакали. А ко дворцу шли четыре воина, неся на скрещенных копьях чье-то тело, покрытое плащом.

— Что случилось? — спросил Корум.

— Король Ональд пал в бою,— ответил один из воинов печально.— Они убили его! И они бросили на штурм армии Пса и Медведя! Теперь эти твари лезут на стены. Город обречен, принц Корум. Никто и ничто не может остановить такого врага!

ГЛАВА ПЯТАЯ
ГНЕВ КОРОЛЕВЫ КСИОМБАРГ

Корум яростно погонял лошадей. Повозка с грохотом катилась через город к стене. Улицы были пустынны и молчаливы. Халвиг-нан-Вак уже, казалось, приготовился к смерти. Несколько женщин на его глазах покончили с собой, бросившись с крыш. Может быть, они поступили правильно, подумалось ему.

Он вылез из повозки и, прыгая через ступени, помчался на стену. Первое, что он увидел наверху, были Ралина и Джери, сражавшиеся бок о бок. Объяснений ему не потребовалось, он сразу сам все увидел и понял.

Огромные псы, сверкая глазищами и вывалив из раскрытых пастей языки, сплошной массой двигались к городу, возвышаясь над варварами, скакавшими рядом. Позади псов шли гигантские медведи со своими жуткими дубинами. Они трясли головами с закрученными рогами, неуклюже переваливаясь на задних лапах.

Корум сразу осознал грозящую опасность. Ведь псы с разбегу могли одним прыжком вскочить на стену, а медведям не составит никакого труда высадить городские ворота. И он тут же принял решение.

— Во дворец! — скомандовал он.— Все воины — во дворец! Жителям укрыться кто где может!

— Ты хочешь бросить их на произвол судьбы? — спросила Ралина. Обернувшись к нему, она даже вздрогнула, увидев, что его живой, настоящий глаз снова стал черно-золотым.

— Я сделаю для них все, что смогу. Надеюсь, отступив во дворец, мы выиграем немного времени. Дворец мы еще сможем оборонять. Быстрее! — закричал он.— Быстрее!

Некоторые воины с облегчением повиновались его приказу, другие еще колебались.

Корум стоял на стене, наблюдая за отходом своих воинов к королевскому дворцу и за разбегавшимися по городу жителями.

Скоро на стене остались только он, Ралина и Джери. Они продолжали смотреть на приближающихся к городу псов, за которыми следовали медведи.

Затем трое друзей тоже спустились вниз и побежали по опустевшим улицам, мимо сожженных домов и вытоптанных парков, заполненных мертвыми телами. Достигнув дворца, Корум сразу принялся руководить подготовкой к его обороне. Все двери запирались и баррикадировались, окна заваливались чем попало.

Шум приближающихся вражеских армий — вой псов, рык медведей, победные крики варваров — становился все слышнее. А во дворце стояла тишина. Дворец словно затаился в ожидании. Трое друзей поднялись на крышу и встали на ее краю, глядя на пустой город.

— Сколько еще ждать? — шепотом спросила Ралина.— Скоро они придут?

— Еще немного, и они будут на стенах.

— А потом?

— А потом они решат, что им устроили засаду, и попытаются ее обнаружить.

— А потом?

— А потом пойдут на штурм дворца. И тогда я уж не знаю... Долго нам не продержаться. Их слишком много.

— У тебя есть какой-нибудь план?

— Нет, никакого. Их слишком много...— его голос оборвался.— Не знаю, не уверен... Я не знаю всего могущества... всех способностей... ни руки, ни глаза...

Лай, вой и рык становились все громче, приближаясь, а потом вдруг разом все смолкло.

— Они уже на стенах,— сказал Джери.

Корум поправил свой алый плащ, во многих местах прорванный, поцеловал Ралину и сказал:

— Прощай, моя прекрасная маркграфиня!

— Как! Почему прощай?

— Прощай, Джери! Прощай, Спутник Героев! Мне кажется, тебе лучше поискать другого Героя...

Джери попытался улыбнуться:

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет.

Первый из огромных псов уже стоял на вершине стены, тяжело дыша. Вот он спрыгнул вниз, на улицу, поводя носом, изучая все запахи и следы. Его было прекрасно видно с крыши дворца.

Оставив Ралину и Джери, Корум спустился в нижние покои дворца, перелез через баррикаду у входных дверей и выбрался на площадь. Миновав въездные ворота, он оказался на широкой улице, ведущей прямо к городской стене.

Рядом горел кустарник. Городской сад и все окрестные газоны, скверы лужайки сплошь были завалены телами убитых и умирающих. Внезапно в воздухе возле него появился крылатый кот. Сделав круг над головой Корума, он полетел к городским укреплениям.

Вот еще несколько псов, перескочив через стену, появились на улице. Они медленно двинулись по направлению ко дворцу, где виднелась одинокая фигура Корума.

Корум ждал.

А позади псов вдруг раздался грохот. Городские ворота разлетелись вдребезги. Обломки их тяжелых створок упали на землю; в арке ворот появился первый рогатый медведь, раздувая ноздри и держа наготове дубину.

И тогда Корум поднес руку к лицу и сдернул повязку с глаза Ринна. С крыши дворца было видно, как он вдруг побледнел и зашатался. Затем он протянул вперед волшебную руку Квилла, и она внезапно исчезла, словно у него вообще не было кисти.

И вдруг вокруг него стали появляться ужасные чудовища.

Жуткие твари, бесформенные уроды, которые еще недавно были войском Гэйнора Проклятого, а теперь повиновались Коруму, вызвавшему их из Лимба и обещавшему им освобождение, если они сумеют взять добычу, которая заменит их в мрачной пещере в преддверии ада.

Корум повелевал ими ставшей вновь видимой рукой Квилла, указывая на их грядущую добычу.

Ралина в ужасе повернулась к Джери. Тот, однако, смотрел на чудовищ и уродов довольно спокойно.

— Разве можно надеяться, что эти уроды встанут против псов и медведей, да еще против тысяч варваров, которые идут следом? — спросила она.

— Не знаю,— ответил Джери.— Мне кажется, что Корум как раз и хочет проверить, способны ли они на это. Если они будут разбиты, значит, рука Квилла и глаз Ринна бессильны и не помогут нам, даже если мы попытаемся отсюда бежать.

— И он об этом знал, но не хотел нам говорить,— задумчиво сказала Ралина.

А порождения Хаоса уже устремились вниз по улице, навстречу гигантским псам и медведям. Те остановились в недоумении, не понимая, кто идет к ним, союзники или враги.

Двигающиеся на них плотной толпой уродливые создания являли собой жуткое зрелище: одни безрукие, другие безногие, но ловко передвигающиеся с помощью одних лишь рук или вцепившиеся в своих более целых товарищей; некоторые даже без голов, почти все покрытые страшными зияющими ранами. Эти уроды обладали только одним существенным преимуществом: они однажды уже были убиты.

Они шли и шли неотвратимым потоком навстречу псам, чей лай и рык, отражаясь от полуразрушенных домов Халвига, как бы предупреждал нападающих о смертельной опасности.

Но мертвых уродов ничто не могло остановить. Для них убить пса или медведя означало спасение, освобождение из ужасного Лимба, из преддверия ада, надежду на то, что их души обретут наконец вечный покой.

Истинная смерть — вот чего они жаждали.

А Корум по-прежнему стоял у въездных ворот дворца. Он не очень верил в то, что эти израненные, искалеченные и изуродованные создания смогут одолеть могучих зверей. Он видел, что медведи уже вошли в город сквозь взломанные ворота, а за ними появились и толпы варваров во главе с королем Лир-а-Бродом и королем Кронекином. Он все же надеялся, что, если даже атака исчадий ада и не увенчается успехом, она все же даст защитникам дворца лишние полчаса передышки, и те сумеют лучше подготовиться к отражению неминуемого штурма.

Он оглянулся и посмотрел туда, где видна была крыша Храма Порядка. Там ли лорд Аркин? Может быть, он тоже наблюдает за битвой и ждет, чем она закончится?

Первые ряды исчадий ада уже встретились с псами, и те набросились на них, щелкая своими страшными клыками. Вот

один из псов поднял голову с зажатым в пасти барахтающимся не живым и не мертвым созданием Хаоса... Он злобно потряс свою жертву и отшвырнул ее в сторону, но урод тут же поднялся вновь и набросился на пса. Тот в ужасе прижал уши и поджал хвост.

Огромные и полные яростной злобы, они все же оставались собаками. Именно на это Корум и рассчитывал.

На помощь псам уже спешили медведи, грозно ревя и сверкая огромными клыками, потрясая дубинами и колотя ими по щитам. Создания Хаоса, не выдержав напора противника, бросились в стороны. Но убить их, уже убитых, было невозможно. И собравшись с силами, они вновь устремились в атаку.

Они впивались псам и медведям в шкуру, повисая на них десятками. Вот один пес, не выдержав тяжести, свалился на землю, и ему тотчас разорвали горло. На лице Корума появилась жестокая улыбка.

Однако она тут же пропала. Случилось то, чего он больше всего опасался: король Лир, не вступая в бой, повел своих варваров в обход, чтобы напасть на дворец с другой стороны.

Варвары продвигались медленно, но вся боковая улица была уже заполнена ими.

Корум повернулся и бросился обратно во дворец.

✧

Прежде чем он успел подняться на крышу, варвары уже подступили ко дворцу. А по другую его сторону, у въездных ворот продолжала кипеть битва между исчадиями Лимба и армиями Пса и Медведя.

Варваров встретил град стрел, выпущенных из окон дворца.

Одним из первых был поражен король Кронекин. Корум видел, как стрела попала ему прямо в глаз. У Лира доспехи были получше, чем у его собрата, и стрелы от них просто отскакивали. Вот он взмахнул мечом, давая сигнал к атаке. И варвары ринулись вперед.

На крышу бегом поднялся капитан королевской гвардии:

— Принц Корум! — закричал он. — Мы продержимся еще несколько минут, а потом они захватят нижний этаж!

Корум кивнул:

— Отходите на второй этаж. Мы к вам сейчас присоединимся.

— Чего ты ждал там, внизу? Ты чего-то опасался? — спросила Ралина.

— У меня было подозрение, что королева Ксиомбарг может натравить эти исчадия ада на нас самих. Она сейчас, наверное, хватается за любую возможность, чтобы нанести нам поражение в этом царстве и хоть как-то сквитаться за то, что мне удалось уничтожить принца Гэйнора.

— Но сама она ведь не может проникнуть в наше царство,— полувопросительно сказала Ралина.— Все, кто нам об этом говорил, утверждали, что это будет нарушением законов Великого Равновесия. И что даже Великие Древние Боги обязаны считаться с этими законами.

— Все это так,— ответил Корум.— Но мне кажется, что королева Ксиомбарг после всех последних событий настолько разъярена, что вполне может нарушить любые законы и установления и во что бы то ни стало попытаться проникнуть в наше Царство.

— А это означает гибель для всех нас,— прошептала Ралина.— Но где же лорд Аркин?! Чем он занят?

— Он занят там, где он сейчас нужнее, чем здесь. Он ведь не может оказать нам прямой помощи. Мне представляется, что и он готовится к схватке — с самой королевой Ксиомбарг. Пошли вниз, пора помочь нашим друзьям.

Они спустились всего на два лестничных марша и увидели отступающих наверх последних защитников дворца, отбивающихся от толпы орущих варваров, которые упрямо лезли вперед, несмотря на сверкающие перед ними мечи и алебарды, сеющие смерть в их рядах.

Капитан гвардии, увидев Корума, безнадежно махнул рукой:

— Они все лезут и лезут. Во дворце еще много наших, но я боюсь, варвары и на других участках напирают так же сильно, как здесь...

Корум взглянул на лестницу. Гвардейцев осталось совсем немного. Долго они не продержатся...

— Надо отходить на крышу,— сказал он.— Там мы сможем еще некоторое время отбиваться. Надо беречь силы.

— Но мы ведь уже разбиты, разве нет?

— Боюсь, что да. Разбиты.

И в этот момент они услышали вопль. Ужасный вопль, в котором звучали нечеловеческая ярость и гнев.

Ралина закрыла лицо руками.

— Это Ксиомбарг, Корум,— прошептала она.— Это ее голос.

У Корума перехватило дыхание. Он даже не смог ей сразу ответить. Пытаясь что-то сказать, он лишь судорожно облизывал губы.

Вопль повторился. А потом, словно эхо, раздался какой-то гул, словно грохот лавины; он рос и приближался, переходя в режущий уши свист.

— На крышу! — крикнул Корум.— Быстро!

Задыхаясь и хватая ртом воздух, он выбежал на крышу и тут же закрыл ладонями глаза, защищаясь от яркого света, залившего все небо до самого горизонта и затмившего даже солнце.

А когда он наконец опустил руки, то увидел лицо королевы Ксиомбарг, закрывшее полнеба, лицо, искаженное бессильной яростью. Ее золотые волосы развевались и напоминали несущиеся по небосводу облака. Огромный меч, которым можно было разрубить на куски весь мир, сверкал в ее руке.

— Она! — простонала Ралина.— Королева Мечей! Она все-таки осмелилась нарушить законы Великого Космического Равновесия! Она нас сейчас убьет!

— Смотрите, смотрите! — закричал Джери-а-Конел.— Вот почему она здесь оказалась! Она проникла в наше царство вслед за ними! За Городом-в-Пирамиде! Они все-таки ушли от нее! Значит, все планы Ксиомбарг в ее собственном царстве потерпели крах! Вот почему она нарушила законы Космического Равновесия! От ярости и бессилия!

Да, это был Город-в-Пирамиде. Он медленно плыл над полуразрушенным Халвигом, мерцая своим зеленым свечением, то почти исчезавшим, то вспыхивавшим с новой силой. Это от него исходил гул и свист, который так поразил их.

Что-то отделилось от Города и полетело ко дворцу.

То был воздушный корабль. Корум отвернулся от Ксиомбарг, чтобы не видеть ее искаженного бессильной яростью лица, и стал наблюдать за спуском корабля. На его палубе стоял Король Без Королевства. В руках его был какой-то странный предмет.

— Позвольте, принц, вручить вам наш подарок,— торжественно и несколько напыщенно произнес Норег-Дан.— За ту помощь, которую вы нам всем оказали...

— Благодарю,— ответил Корум.— Но сейчас, мне кажется, не время для подношений...

— Это не простой подарок. Это оружие! Возьмите!

Корум взял предмет в руки. Это был небольшой металлический цилиндр, украшенный странным орнаментом. Один его конец заканчивался острием, а на другом была рукоять, похожая на эфес шпаги.

— Это оружие,— повторил Норег-Дан.— Оно убьет любого, на кого вы его направите.

Корум повернулся в ту сторону, где, по-прежнему занимая полнеба, грозно возвышалась королева Ксиомбарг, размахивая мечом и вопя в бессильной злобе. Он поднял цилиндр и направил на нее.

— Нет,— сказал Король Без Королевства.— Она ведь из Великих Древних Богов, Повелительница Мечей. Против нее это оружие бессильно. Оно только для смертных.

Корум бросился к лестнице. Варвары во главе с самим Лайр-а-Бродом уже добрались до последнего ее марша, выходящего прямо на крышу. Гвардейцы еле сдерживали их напор.

— Направьте на врага и нажмите на рукоять! — успел крикнуть вслед Коруму Норег-Дан.

И Корум направил оружие прямо на Лир-а-Брода. Тот шел на него, размахивая мечом. Его борода воинственно торчала вперед, заплетенные в косицы волосы развевались. Вид у него был самый победоносный. Позади плотным строем поднималась Черная Стража. Увидев Корума, король захохотал:

— Ну что, сдаешься, последний из вадхагов?!

Корум засмеялся в ответ:

— Нет, я не последний из расы вадхагов, король Лир. И вот тому доказательство!

Он надавил на рукоять. Король схватился за грудь, захрипел и опрокинулся навзничь, прямо на руки Мрачных Стражников. Рот его открылся, язык вывалился, серые пряди волос упали на глаза.

— Король убит! — закричал командир Черной Стражи.— Наш король убит! Месть! Месть!

Подняв меч, он бросился на Корума. А тот вновь нажал на рукоять своего страшного оружия, и нападавший тоже рухнул навзничь, как и его король.

И еще, и еще раз Корум нажимал на рукоять, и всякий раз еще один враг валился мертвым. Так продолжалось до тех пор, пока вся Черная Стража не последовала за своим повелителем.

Корум повернулся к Королю Без Королевства. Норег-Дан улыбался.

— Мы тоже использовали это страшное оружие — против прислужников королевы Ксиомбарг. Вот почему она в такой ярости. Ей потребуется теперь очень много времени, чтобы создать себе новых уродов — и слуг, и воинов...

— Но она уже нарушила законы Космического Равновесия,— сказал Корум.— И может нарушить их еще раз...

Чудовищное и прекрасное, исполненное лютой злобы и ярости, лицо королевы Ксиомбарг, Повелительницы Мечей, еще выше поднялось над горизонтом. Теперь были видны и ее плечи, грудь, талия.

— ЭЙ, КОРУМ! ПРОКЛЯТЫЙ УБИЙЦА! ТЫ ЛИШИЛ МЕНЯ ВСЕХ, КОГО Я ЛЮБИЛА!

Голос ее звучал так громко, что у Корума зазвенело в ушах. Он отпрянул назад, уперся спиной в перила ограждения и замер, неотрывно глядя на чудовищный меч, который, казалось, занимал полнеба, на огромные глаза Ксиомбарг, полные ненависти и сверкавшие, как два солнца. Меч взлетел и начал опускаться. Корум приготовился к смерти. Ралина бросилась к нему, и они замерли, обняв друг друга.

И тогда раздался другой голос, не менее громкий и звучный:

— ТЫ ПОСМЕЛА НАРУШИТЬ ЗАКОНЫ ВЕЛИКОГО РАВНОВЕСИЯ, СЕСТРИЦА КСИОМБАРГ!

По другую сторону от них, напротив Ксиомбарг, над горизонтом возникла другая гигантская фигура — лорд Аркин, Владыка Порядка. Он предстал теперь во всем великолепии Великого Древнего Бога, с мечом в руке, столь же огромным, как меч Ксиомбарг. Город Халвиг и его обитатели казались ничтожными по сравнению с этими гигантскими фигурами. Так выглядели бы, наверное, обитатели муравейника в сравнении с двумя воинами, вышедшими на лесную поляну для поединка.

— ТЫ НАРУШИЛА ЗАКОН, КОРОЛЕВА МЕЧЕЙ!

— Я НЕ ПЕРВАЯ, КТО ЭТО СДЕЛАЛ!

— НО ТАКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТОЛЬКО ЕДИНОЖДЫ ОСТАЛОСЬ БЕЗНАКАЗАННЫМ, И НАРУШИТЕЛЬ ЗАКОНОВ УЦЕЛЕЛ. ИБО ЭТО БЫЛА БЕЗЫМЯННАЯ СИЛА! ТЫ ЖЕ УТРАТИЛА ОТНЫНЕ ПРАВО УПРАВЛЯТЬ СВОИМ ЦАРСТВОМ!

— РАВНОВЕСИЕ НЕ ВЛАСТНО НАДО МНОЮ!

— ОШИБАЕШЬСЯ! ВЛАСТНО!

И символ Великого Космического Равновесия возник в небе, гигантские весы, которые Корум уже видел однажды — в тот

день, когда победил и изгнал лорда Ариоха, Рыцаря Мечей, Владыки Хаоса. Весы повисли в небе как раз между Аркином и Ксиомбарг. Они были столь огромны, что оба бога казались рядом с ними карликами.

— ОНО ВЛАСТНО И НАД ТОБОЙ!

Этот голос не принадлежал уже ни Аркину, ни королеве Ксиомбарг. Это говорило само Великое Равновесие.

Меж тем одна чаша весов начала склоняться в сторону Аркина.

— ОНО ВЛАСТНО НАД ТОБОЙ! — повторил голос.

В страхе завизжала королева Ксиомбарг. Ее вопль потряс весь мир, угрожая сорвать его с привычной орбиты вокруг Солнца.

— ВЛАСТНО! — еще раз прогремел голос. Меч, символ власти королевы, был внезапно невидимой силою вырван из ее руки и брошен на чашу весов, и коромысло их еще больше склонилась в сторону Аркина.

— НЕТ! — завопила королева в ужасе.— НЕТ! ЭТО БЫЛА ЛОВУШКА! ЛОРД АРКИН ОБМАНОМ ЗАМАНИЛ МЕНЯ СЮДА! ОН ЗНАЛ...

Но тело ее уже начало расплываться, подобно легким облакам, разгоняемым ветром. Оно, словно дым, разлетелось в разные стороны, и Королева Мечей исчезла, словно растворилась в воздухе...

Еще секунду весы, символ Космического Равновесия, были видны в небе, потом исчезли и они.

Над горизонтом возвышалась теперь лишь фигура лорда Аркина, вся окруженная белым сиянием.

— ДЕЛО СДЕЛАНО! — произнес он, и в мир, казалось, потоком хлынули тепло и свет.— ДЕЛО, НАКОНЕЦ, СДЕЛАНО!

— Лорд Аркин! — воскликнул Корум.— Так ты заранее знал, что ярость королевы Ксиомбарг будет столь велика, что она дерзнет нарушить законы Равновесия и проникнет в наше царство!

— Я РАССЧИТЫВАЛ НА ЭТО. Я НАДЕЯЛСЯ, ЧТО ИМЕННО ТАК ОНА И ПОСТУПИТ.

— Значит, именно на это ты рассчитывал, когда просил меня о содействии?

— ДА.

Корум с горечью вспомнил все ужасы и опасности, которые ему и его друзьям пришлось пережить. Он вспомнил тысячи лиц принца Гэйнора Проклятого, они вновь чередой промелькнули перед его мысленным взором...

— После такого я мог бы возненавидеть всех богов на свете,— медленно произнес он.

— ЧТО Ж! ЭТО ТВОЕ ПРАВО! НО ВЕДЬ МЫ, БОГИ, ВСЕГДА ИСПОЛЬЗУЕМ СМЕРТНЫХ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ, КОТОРЫХ НЕ МОЖЕМ ДОБИТЬСЯ САМИ...

И лорд Аркин исчез. В небе теперь плавали только воздушные корабли Гвлас-кор-Гвриса, с которых вниз летела невидимая смерть, сея панику среди объятых ужасом варваров. Те уже бежали во все стороны от стен Халвиг-нан-Вака. А корабли преследовали их по пятам, не давая уйти от возмездия.

Армии Пса и Медведя попросту исчезли, перестали существовать. Испарились и исчадия ада, уродливые создания Хаоса, которых Корум призвал себе на помощь. То ли Пес и Рогатый Медведь отозвали свои войска, то ли те заняли теперь место прежних обитателей в мрачной пещере Лимба — кто знает? Корум поднял было руку, чтобы снять повязку с глаза Ринна, но вовремя передумал. У него больше не было сил заглядывать в страшное преддверие ада.

К нему приблизился Король Без Королевства:

— Ну как, принц, вы убедились, насколько полезен наш подарок?

— Да, убедился вполне.

— Теперь Ксиомбарг изгнана из своего царства, и туда возвращается власть Порядка. Осталось лишь одно царство в пятнадцати плоскостях мироздания, где еще правит Повелитель Мечей. Король Мабелод сейчас, вероятно, со страхом думает о нас.

— Я убежден в том, что он нас боится,— сказал Корум.

— И я теперь больше не Король Без Королевства. Немедленно по возвращении в наши пять плоскостей я начну восстанавливать свою страну.

Он подошел к краю крыши и посмотрел на улицу. Город был весь завален трупами. Жители только начали осторожно выглядывать из своих домов. Да, теперь могущество мабденов было подорвано надолго, если не навсегда. Мир снизошел наконец на царство Аркина. И в бывшее царство Ксиомбарг, где отныне тоже станут править Владыки Порядка, также пришел мир.

— Хочешь, вернемся в замок на острове Мойдель морем? — спросила Ралина и погладила Корума по щеке.

Он пожал плечами:

— Сомневаюсь, что от замка что-то еще осталось. Гландит наверняка его сжег.

— Да, кстати, а что же граф Гландит? — спросил Джери, гладя своего мурлыкающего от удовольствия кота, вновь занявшего законное место на плече хозяина.— Где он? Мы ведь так его и не видели...

— Не думаю, чтобы он погиб,— ответил Корум.— Мне кажется, мы с ним еще встретимся. Я верно служил Порядку и выполнил все, о чем меня просил лорд Аркин. Но месть моя так и не осуществилась. Это мне еще предстоит сделать.

Воздушный корабль приблизился ко дворцу. На его палубе стоял благородный старец — принц Юретт. Он радостно улыбался.

— Корум! Мы приглашаем тебя и твоих друзей быть гостями города Гвлас-кор-Гврис. Я хотел бы еще посоветоваться с тобой о восстановлении вадхагских земель и замков. Эта страна должна, как и прежде, называться Бро-ан-Вадхаг. Уцелевших мабденов мы отправим в их собственные земли, откуда они вышли,— в Бро-ан-Мабден. А здесь вновь зашумят прекрасные леса и расцветут чудесные цветы...

И тут наконец измученное лицо Корума смягчилось, на губах появилась улыбка.

— Благодарю, принц Юретт. Это высокая честь для нас — быть гостями вашего города.

— Теперь, когда мы наконец вернулись в наш родной мир, всем нам, мне кажется, надо было бы отдохнуть от приключений,— сказал принц Юретт.

— Да и мне тоже,— согласился Корум.— Пора хотя бы на время забыть о приключениях и немного передохнуть.

Город-в-Пирамиде медленно опускался на Землю.

ЭПИЛОГ

В бессильной ярости смотрел граф Гландит-а-Крэ на полный разгром, которому на его глазах подверглось огромное войско варваров. Из последних сил он и его воины спешили к Халвигу, но опоздали. Отряд настолько выбился из сил, что и думать было нечего посылать его в бой. Тем более что бой был уже безнадежно проигран...

Остановив свои колесницы под прикрытием холма, Гландит наблюдал за исходом битвы. Он был свидетелем явления Ксиомбарг в это царство и ее изгнания. На его глазах мабдены были разбиты и уничтожены вадхагами с помощью волшебных воздушных кораблей.

Много месяцев он метался по окрестностям замка на острове Мойдель, разыскивая своего врага принца Корума Джайлин Ирси и эту предательницу, маркграфиню Ралину. Наконец, устав от бесполезных поисков, он повернул свой отряд к Халвигу, чтобы успеть принять участие в его штурме. Но увидел лишь самый конец разыгравшейся у стен города драмы, став свидетелем разгрома мабденских орд и их союзников.

Наконец поле страшной битвы окутал мрак ночи. Однако окрестности были по-прежнему освещены колдовским зеленым светом, исходящим от этого жуткого летающего города. И тогда Гландит приказал своим людям отступать. По той же дороге, по которой добрались сюда, они отправились в обратном направлении, к морю, к мрачным лесам северо-восточных областей. Но уходя, Гландит дал клятву, страшную клятву: отыскать себе достаточно сильного союзника и непременно вернуться сюда, чтобы сокрушить наконец и Корума, и все, что тому дорого.

Ему казалось, что он уже знает, к кому обратиться с предложением такого союза.

Ему казалось, он уже нашел себе такого могучего союзника.

✧

Так кончается Вторая Книга о приключениях Корума, Принца в Алом Плаще.

КОРОЛЬ МЕЧЕЙ

© Г. Дуткина, перевод, 1999.

Часть первая,
В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ НАБЛЮДАЕТ, КАК В МИРЕ РАЗГОРАЕТСЯ ВРАЖДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ТЕНЬ НА ХОЛМАХ

Еще совсем недавно здесь царила смерть: одни встречали, другие ожидали ее. Теперь же отстроенный заново дворец короля Ональда утопал в цветах, а зубчатые стены и башни замка опять превратились в балконы и беседки. Однако самому королю Ональду не суждено было увидеть, как возрождается к жизни разрушенный Халвиг-нан-Вак, ибо король пал в битве за Ливм-ан-Эш, и теперь его мать, старая королева-регентша, правила при несовершеннолетнем престолонаследнике-внуке.

Велики были разрушения, нанесенные варварами короля Лир-а-Брода, и часть Города Цветов еще стояла в лесах. Но с каждой новой статуей, с каждым новым фонтаном становилось все очевиднее, что безмятежное великолепие заново возводимого замка превзойдет былую красу. И так было по всей земле Ливм-ан-Эш.

Так было и за морями, в Бро-ан-Вадхаг. Мабденских захватчиков отбросили далеко назад — туда, откуда они явились: на северо-запад, в угрюмые земли Бро-ан-Мабден. И вновь они склонились перед вадхагами.

В сладостном краю прохладных лесов, отлогих холмов, мирно журчащих рек и тихих долин Бро-ан-Вадхаг лишь мрачные руины Каленвира напоминали о недавнем прошлом: их сторонились, но помнили крепко.

А за морем, на Нхадрагских островах, жили запуганные, вырождающиеся существа, уцелевшие в учиненной мабденами резне. Теперь они были оставлены на произвол судьбы. Быть может, когда-нибудь у этих жалких созданий родятся достойные потомки, и раса нхадрагов вновь обретет величие древних веков — лишь бы не слишком поздно...

Повсюду властвовал мир. Те, кто вернулся сюда вместе с Городом-в-Пирамиде, легендарным Гвлас-кор-Гврисом, трудились не покладая рук, возвращая к жизни сожженные замки, разоренные земли вадхагов. Они оставили свой странный город из металла и поселились в древних жилищах предков, а обезлюдевший Гвлас-кор-Гврис одиноко стоял теперь среди сосен, неподалеку от полуразрушенной мабденской крепости.

Казалось, заря мирной эры забрезжила для всех — и для людей Ливм-ан-Эш, и для вадхагов, избавителей этих земель. Угроза Хаоса никого уже не страшила. Ныне два из трех царств — десять из пятнадцати плоскостей мироздания — находились под властью Порядка. Значит, Порядок победил?

Во всяком случае, так решила старая королева, правившая страной Ливм-ан-Эш, и рассказала об этом внуку, наследнику Анальту, а юный король объявил о победе Порядка своим подданным. Принц Юретт Хасдун Нури, бывший главнокомандующий Гвлас-кор-Гвриса, уверовал в это всем сердцем. Так же, как и все остальные.

И лишь один из вадхагов все еще сомневался. Он был не похож на своих сородичей, хотя внешне не отличался от них — такой же высокий и стройный, с усыпанной золотыми веснушками бело-розовой кожей, со светлыми волосами, миндалевидными красными глазами с янтарным зрачком и чуть удлиненной формой головы. Впрочем, в правой пустой глазнице у него красовалось нечто похожее на фасеточный глаз насекомого, а левую руку закрывала шестипалая латная перчатка, инкрустированная темными драгоценными камнями.

Он носил алый плащ и звался принц Корум Джайлин Ирси. Он побеждал богов и помогал изгонять повелителей царств, он жаждал мира, но не доверял покою, он ненавидел чуждые глаз и руку, хотя они много раз спасали ему жизнь и послужили

верой и правдой Ливм-ан-Эш, Бро-ан-Вадхаг, а также самому Порядку.

Но даже Корум, удрученный своей судьбой, изведал счастье при виде возрожденного очага — родового замка Эрорн, поднявшегося на мысу, где он и стоял много веков, пока Гландит-а-Крэ не разрушил его до основания. Корум помнил каждую мелочь, каждый уголок старого дома, и радость его росла по мере того, как рос замок. Вскоре стройные красноватые башни вновь устремились в небо, нависнув над неистовым зеленовато-белым морем. Волны разбивались о прибрежные скалы, плясали в огромном гроте,— словно ликуя от счастья, что Эрорн прекрасен, как прежде.

Внутри замка гений искусников из Гвлас-кор-Гвриса возвел чудо-стены, менявшие форму и цвет вслед за малейшими переменами в стихиях; журчащие водяные струи наигрывали мелодии в хрустальных фонтанах, сделанных в виде музыкальных инструментов,— и каждый звучал в соответствии с заданной формой. Однако даже мастерам Гвлас-кор-Гвриса не под силу оказалось возродить полотна, статуи и манускрипты, создававшиеся веками — при Коруме и его предках,— ибо Гландит-а-Крэ уничтожил все, как уничтожил и обитателей замка — отца Корума, князя Клонски, мать Колатарну, сестер, двоюродных братьев, а также всех слуг.

При мысли об этом Корум чувствовал, как вскипает в нем ненависть к мабденскому графу. Тела Гландита не нашли среди погибших при Халвиге, не были найдены и его денледхисси. Гландит исчез, испарился; может быть, он и его наймиты нашли свою смерть в далеких краях. Только неимоверным усилием воли сумел Корум забыть, не думать о Гландите — о том, что тот натворил. Он старался сосредоточиться на мысли, как сделать замок Эрорн еще прекраснее, чтобы супруга его и возлюбленная — Ралина из Алломглиля — пришла в восхищение и забыла ужас того мгновения, когда им предстал ее родовой замок, разрушенный Гландитом с таким тщанием, что лишь груда камней осталась от него на отмели под горой Мойдель.

Джери-а-Конел, редко позволявший себе подобные сантименты, был без ума от замка Эрорн. Эрорн, утверждал он, рождает поэтическое вдохновение,— и Джери пристрастился к сочинению сонетов, которые весьма настойчиво читал Коруму и Ралине. Еще он написал вполне сносные портреты Корума в алом плаще и Ралины в платье из синей парчи, а также целую

галерею автопортретов, которые развесил почти во всех залах замка Эрорн. Любимым же развлечением Джери стало изобретать себе новые наряды, и скоро у него набрался огромный гардероб; дошло до того, что он попытался придумывать новые шляпы, хотя был чрезвычайно привязан к старой и любил ее больше всех. А его черно-белый кот летал по комнатам, но больше дремал в самых неподходящих для этого местах.

Так проходили дни.

Побережье, где стоял замок Эрорн, славилось мягкостью зим и прохладой летних месяцев. Два, а то и три урожая в год собирали здешние крестьяне; в зимнюю пору почти не бывало стужи, а снег выпадал крайне редко, разве что в самый холодный месяц. В иной год снегопадов не бывало вовсе. Но в ту зиму, когда завершилось строительство замка, снег лег очень рано и все сыпал и сыпал, погребая дубы, березы и сосны под своим сверкающим бременем. Снежный покров был настолько глубок, что местами мог скрыть с головой конного воина, и почти не таял под лучами яркого кровавого солнца, стоявшего на безоблачном небе,— а то, что все-таки таяло, с лихвой восполнялось новым снегопадом.

Во всем этом Коруму чудилось зловещее предзнаменование. В замке было тепло и уютно и вдоволь еды; время от времени воздушный корабль привозил к ним гостей из соседних, недавно отстроенных замков. Вадхаги из Гвлас-кор-Гвриса не отказались от своих кораблей, покинув Город-в-Пирамиде, так что можно было жить спокойно, не страшась потерять связь с окружающим миром. И все-таки Корум терзался и мучился, и, хотя Джери относился к его страданиям с известной долей юмора, Ралина воспринимала их серьезно и старалась успокоить Корума как могла, потому что считала, что Корумом вновь завладела мысль о Гландите.

Однажды Корум и Джери, стоя на балконе, смотрели на простиравшуюся до горизонта снежную целину.

— Почему меня так тревожит этот снегопад? — проговорил Корум.— Во всем мне теперь видится рука богов. Но зачем богам столько снега?

Джери пожал плечами:

— Ты же помнишь, что согласно Порядку мир должен быть круглым. Может, он и впрямь снова сделался круглым, и погодные отклонения — следствие этих перемен.

Корум озадаченно покачал головой. Казалось, он почти не слушает Джери. Он облокотился на заснеженный парапет, щу-

рясь от нестерпимого блеска. На горизонте тянулась гряда отлогих холмов, укрытых белоснежной пеленой, как и все прочее на равнине. Корум смотрел туда. На холмы.

— Бвидит-а-Хорн, приезжавший к нам на прошлой неделе, сказал, что то же самое происходит по всей Бро-ан-Вадхаг. Все это чрезвычайно странно, тут должен быть смысл,— Корум вдохнул чистый, холодный воздух.— Правда, мне непонятно, зачем Хаосу насылать на нас снег, он ведь не причиняет ровным счетом никаких неудобств.

— Может быть, и причиняет,— возразил Джери.— Например, крестьянам в Ливм-ан-Эш.

— Пожалуй... Но в Ливм-ан-Эш не было таких обильных снегопадов. Нет, мне кажется, будто кому-то нужно заморозить именно нас, отсечь нас от мира...

— Ну, для этого Хаос мог выбрать что-нибудь более впечатляющее,— заметил Джери.

— Не забывай, теперь царствами правит Порядок, так что возможности Хаоса ограничены.

— Не убежден. Если здесь и действует чья-то воля, то уж скорее Порядка. Происходящее можно считать следствием незначительных географических изменений в процессе очистки пяти плоскостей от вредоносного воздействия Хаоса.

— Что ж, пожалуй, это наиболее разумное объяснение,— согласился Корум.

— Если вообще есть надобность в объяснениях.

— Да. В самом деле, я стал чересчур подозрителен. Возможно, ты прав,— Корум уже направился к входу в башню, когда Джери схватил его за плечо.— Что такое?

— Взгляни на холмы,— голос у Джери был совершенно бесцветный.

— Холмы? — Корум вгляделся в даль. Странное чувство охватило его.— Что-то двигалось на горизонте. Сначала он было решил, что это какой-нибудь зверь — может, лиса выбралась из лесу поохотиться. Но тень была чересчур велика для лисы. Чересчур велика даже для человека — даже для всадника на коне. Мало того, он чувствовал, что где-то видел ее, хотя никак не мог припомнить, где именно. Тень трепетала, то исчезая, то появляясь, словно была и здесь, и не здесь. Потом она стронулась с места и поплыла на север. Но вдруг замерла и словно бы обернулась — во всяком случае, Корум явственно ощутил на себе чей-то взгляд. Невольно инкрустированная рука его потянулась

к повязке, скрывавшей от глаза Ринна царство небытия, откуда не раз ему являлись союзники. Корум с трудом подавил желание сорвать повязку и опустил руку. Тень на холмах неуловимо напоминала нечто виденное в том мире. Может, она — исчадие Хаоса, возвратившегося уничтожить Эрорн?

— Не могу разобрать,— пробормотал Джери.— Зверь это или человек?

Корум помедлил в задумчивости.

— Ни то, ни другое,— сказал он наконец.

Тень двинулась дальше, перевалила за гребень холма и исчезла.

— А ведь у нас есть воздушный корабль,— проронил Джери.— Может, полетим за ней?

— Не стоит,— ответил Корум. В горле у него пересохло.

— Ты знаешь, что это было? Тебе знакома эта штука?

— Да, я уже видел ее — когда-то. Только никак не могу вспомнить, где именно. Джери, она... она действительно смотрела на меня или мне показалось?

— Очень странное чувство — будто нечаянно встретился с кем-то глазами, да?

— Вот-вот, что-то в этом роде.

— Интересно, что ей было от нас нужно? И есть ли тут связь со снегопадом?

— Нет, к снегу она не имеет отношения. Скорее... Да, скорее, я бы сопряг ее с пламенем. Вспомнил! Я вспомнил, когда видел ее — или, во всяком случае, что-то очень похожее,— в Огненных землях, когда я... нет, когда моя рука задушила Ганафакса. Я рассказывал тебе.

Корум содрогнулся, вспоминая чудовищную картину: рука Квилла выжимает по капле жизнь из визжащего, извивающегося Ганафакса, не причинившего Коруму никакого вреда. Ревущие языки пламени. Труп. Слепая королева Ооризе с бесстрастным, равнодушным лицом. Холм. Клубы дыма. И какая-то тень, наблюдавшая за ним с холма. Тень, скрывшаяся за внезапно надвинувшимся облаком дыма.

— Возможно, я просто схожу с ума,— пробормотал он.— Или нечистая совесть напоминает мне о безвинно загубленной мною душе... Может быть, это чувство вины воплощается в тень на холме. Как укор судьбы.

— Хорошенькая теория,— угрюмо проговорил Джери.— Только какое я-то имею отношение к убийству Ганафакса? И вообще, я не склонен страдать от чувства вины, о которой вы,

вадхаги, беспрестанно толкуете. Но ведь именно я первым увидел тень, Корум.

— Да, ты прав. Это ты увидел ее,— с угрюмо опущенной головой Корум ступил через порог.

Джери закрыл дверь. Стоя на лестнице, Корум обернулся и пристально посмотрел на друга.

— Но что же тогда это было, Джери?

— Не знаю, Корум.

— Но ведь тебе так много известно!

— Я многое забываю. Я не Герой. Я лишь спутник Героев. Я восхищаюсь. Я преклоняюсь. Я даю мудрые советы, которым никто никогда не следует. Я спасаю жизнь. Я выражаю сомнения, которые сами Герои выразить не в состоянии. Я возвещаю об опасности и...

— Довольно, Джери. Ты шутишь?

— Пожалуй, да. Я тоже устал, мой друг. Я до смерти устал от компании угрюмых Героев, обреченных ужасной судьбе,— я уж не говорю про полное отсутствие юмора. Пожалуй, на некоторое время я предпочел бы обычных смертных. Я бы пьянствовал в харчевнях. Рассказывал неприличные анекдоты. Волочился за женщинами. Влюблялся в потаскушек...

— Джери! Это не шутка! Почему ты говоришь такие вещи?

— Потому что я устал от...— Джери нахмурился.— А в самом деле, почему? Это совсем не похоже на меня. Этот язвительный тон... Придирки...

— Да, придирки,— лицо Корума исказилось от злобы.— И мне это не по душе. Если ты решил подразнить меня, Джери, тогда...

— Постой! — Джери потер лоб.— Постой, Корум. Я чувствую, как что-то пытается завладеть моим рассудком, обратить меня против моих друзей. Сосредоточься! Разве ты не чувствуешь, что и с тобой происходит то же самое?

Корум посмотрел на Джери; лицо его вдруг расслабилось, на нем проступила растерянность.

— В самом деле. Я тоже чувствую какое-то раздражение. Странную ненависть, желание поссориться... Это сделала тень, которую мы видели на холмах?

Джери покачал головой:

— Кто может сказать наверняка? Прости меня за глупую вспышку. Даже не верится, что я мог наговорить такое.

— Я тоже прошу у тебя прощения. Будем надеяться, что эта тень исчезнет навеки.

В задумчивом молчании они спустились по дорожке к главной башне замка. Стены мерцали серебристым сиянием. Значит, снова начинался снегопад.

Ралина встретила их в галерее, где хрустальные фонтаны пели нежными голосами песню о любви, посвященную отцом Корума своей возлюбленной супруге. Мелодия убаюкивала, и Корум улыбнулся Ралине вымученной улыбкой.

— Корум,— сказала она.— Знаешь, только что меня охватила необъяснимая ярость. Я не могу понять... Мне вдруг захотелось ударить служанку. Я...

Корум привлек Ралину к себе и поцеловал в лоб.

— Знаю. Со мной и Джери произошло то же самое. Боюсь, это козни Хаоса. Темные силы хотят поссорить нас. Мы должны попытаться понять, чего они добиваются. Похоже, кому-то нужно, чтобы мы уничтожили друг друга.

В глазах Ралины появился ужас.

— Ох, Корум...

— Мы должны выстоять,— сказал он.

Джери почесал нос и поднял бровь. Он снова был самим собой.

— Интересно, такое происходит только с нами? Или одержимы все?

ГЛАВА ВТОРАЯ
НЕДУГ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ

По ночам, когда Корум лежал рядом с Ралиной, его одолевали самые мрачные мысли. То его охватывала яростная ненависть к Гландиту, то злоба против лорда Аркина, Владыки Порядка, которого он уже начинал винить во всех своих горестях и несчастьях; подчас он задыхался от негодования на Джери-а-Конела, чья легкая ирония казалась ему теперь изощренным садизмом, а временами воспаленная мысль его устремлялась к Ралине, недостойнейшим образом заманившей его, сбившей с истинного пути. И это последнее было хуже всего остального. Корум отчаянно боролся с собой, отгоняя ужасные мысли. Он чувствовал, как лицо его искажает ненависть, как сжимаются в кулаки пальцы, как кривятся губы, как содрогается тело от бешеной жажды уничтожения. Все ночи напролет он пытался задушить, подавить в себе эти низменные желания и знал, что то

же самое происходит с Ралиной: она тоже боролась со злобой, закипавшей в ее душе. Необъяснимое ожесточение, для которого не было видимых причин, сосредоточивалось на чем-то одном, яростно ища выхода.

Его мучили кровавые видения — видения пыток даже более жестоких, нежели те, которым подвергал его Гландит. И палачом был сам Корум: он калечил и мучил тех, кого более всех любил.

Нередко он пробуждался от собственного крика. «Нет! Нет! Нет!» — кричал он, спрыгивая с постели, и с ненавистью смотрел на Ралину. А она отвечала ему точно таким же взглядом; верхняя губа ее приподнималась, обнажая белые зубы, ноздри раздувались, как у дикого зверя, и странные звуки вырывались из горла.

Корум подавлял в себе бешенство и кричал на Ралину, чтобы та вспомнила, кто они и что происходит с ними. Потом они лежали в объятиях друг друга, обессиленные до изнеможения.

Снег начал таять, словно теперь, посеяв ярость и злобу, мог спокойно исчезнуть. Однажды Корум не выдержал — выбежал из замка и принялся колоть и хлестать мечом тающие сугробы, проклиная и обвиняя их во всех бедах и муках.

Но Джери был теперь совершенно уверен, что снег — не более чем совпадение, заурядное природное явление. Он бросился вслед за другом, пытаясь успокоить его. Наконец Корум перестал размахивать мечом. Оба они были полуодеты и стояли в тусклом свете утра, дрожа от холода.

— А тень, тень на холме? — задыхаясь, спросил Корум.— Это тоже совпадение?

— Возможно. Мне кажется, все это случилось лишь потому, что происходит еще кое-что. Все прочее — только знамения, как бы намеки. Ты понимаешь меня?

Корум пожал плечами и выдернул руку из пальцев Джери.

— Еще кое-что? Нечто более важное? Ты это хотел сказать?

— Да. Значительно более важное.

— Но ведь то, что происходит, уже достаточно скверно.

— Увы.

Корум видел, что Джери подтрунивает над ним. И попробовал улыбнуться. Он был в изнеможении. Вся его энергия уходила на то, чтобы сражаться с собственными страстями. Он отер рукой пот со лба.

— Должно же найтись какое-то средство... Боюсь, что...

— Мы все боимся, принц Корум.

— Я боюсь, что однажды ночью убью Ралину. Я вправду боюсь этого, Джери.

— Нам лучше пожить отдельно друг от друга и запирать двери на ночь. Слуги страдают не меньше.

— Я тоже заметил.

— Их следует расселить по разным комнатам. Мне сказать им об этом?

Корум потрогал пальцем эфес меча. Взгляд его обведенного краснотой живого глаза был блуждающим, диким.

— Да,— рассеянно проговорил он.— Скажи им об этом.

— Надеюсь, ты тоже скажешь, Корум? А я пытаюсь составить целебное снадобье — думаю, оно усмирит нас, предотвратит кровопролитие. Правда, оно в известной мере может усыпить нашу бдительность, но это лучше, чем убивать друг друга.

— Убивать?.. Ах да,— Корум всматривался в Джери. Шелковый камзол щеголя оскорблял его чувства, хотя еще совсем недавно Коруму казалось, что он в восторге от наряда. А что за странное выражение на лице этого франта! Насмешка? Интересно, над чем это он насмехается?!

— Над чем это ты смеешься? — взорвался Корум, сознавая, что на него опять накатило.— Мы должны оставить замок,— оборвал он себя.— Может быть, им завладели злые духи. Черные силы, оставшиеся от Гландита. Это вполне вероятно, Джери, я слыхал о подобных вещах.

Джери скептически улыбнулся.

— Да, вероятно! — взревел Корум. Почему, ну почему этот Джери бывает таким бестолковым?!

— Вероятно?..— Джери потер лоб и сжал пальцами переносицу. Его глаза тоже были обведены красноватыми кругами, и взгляд бездумно блуждал.— Что ж, вероятно. Да, мы должны покинуть Эрорн. Ты совершенно прав. Мы должны выяснить, только ли нас поразил этот странный недуг. Узнать, что происходит с другими. Ах, если бы нам удалось вывести наш воздушный корабль... Снег уже стаял, так что... Мы должны пойти... Я должен...— он внезапно умолк.— Что это я разболтался? Верно, от усталости. Однако мы в самом деле должны разыскать друзей, принца Юретта, к примеру, и расспросить, что с ними происходит. Страдают ли и они одержимостью.

— Это ты предлагал еще вчера,— угрюмо заметил Корум.

— И мы пришли к согласию, не так ли?

— Да,— Корум, спотыкаясь, брел к замку.— Мы пришли к согласию. Еще позавчера.

— Пора начать сборы. Ралина останется здесь или отправится с нами?

— Почему ты спрашиваешь об этом? Это дерзость!..— Корум снова обуздал себя.— Прости, Джери.

— Ничего.

— Что за сила так мучает нас? Превращает друзей во врагов? Заставляет меня желать смерти женщине, которую я люблю больше всего на свете?..

— Мы никогда не узнаем этого, если останемся здесь,— отрезал Джери.

— Что ж, прекрасно,— Корум вздохнул.— Мы выведем воздушный корабль. Мы разыщем принца Юретта. Ты в состоянии управлять кораблем?

— Я найду в себе силы.

Снег продолжал таять, и весь мир посерел. Деревья были серыми, и холмы были серыми, и трава тоже стала серой. Даже яркие цветы в замке Эрорн приобрели сероватый оттенок, и стены окрасились в пепельный цвет.

Был уже вечер, и солнце катилось к горизонту, когда Ралина окликнула их.

— Идите сюда, скорее! — закричала она.— К нам летят воздушные корабли! Но они ведут себя странно...

Все трое столпились у окна, выходящего на море. Вдали, над морем, два воздушных корабля выписывали в небе круги, скользя и ныряя, словно в замысловатом танце. Они пикировали вниз, едва не задевая серые волны, и снова стремительно взмывали ввысь. Казалось, они гонятся друг за другом.

Что-то сверкнуло.

Ралина задохнулась от ужаса.

— Они стреляют! Это же чудовищное оружие, которое истребило армию короля Лира! Они сражаются, Корум!

— Да,— мрачно кивнул тот.— Это воздушный бой.

Один из кораблей внезапно покачнулся и замер. Затем перевернулся вверх дном, из него посыпались маленькие фигурки. Корабль выровнялся и ринулся на противника, стремясь протаранить его, однако тот сумел увернуться, и нападавший пролетел мимо, в серое небо,— все выше и выше, пока не превратился в неясную тень в облаках. Неожиданно он спикировал на соперника и повредил ему корму. Поврежденный корабль

начал снижаться плавной спиралью, а атаковавший нырнул в океан и исчез под волнами. Только легкая пена осталась на том месте, где он врезался в воду.

Уцелевший корабль с трудом выровнялся и пошел на посадку. Сначала он держал курс на утес, высящийся на берегу напротив замка Эрорн, затем резко развернулся и полетел к Эрорну.

— Он что, хочет напасть на нас? — спросил Джери.

Корум пожал плечами. В последнее время он воспринимал родной замок как населенную призраками темницу. И если корабль врежется сейчас в башни Эрорна — что ж, значит, так суждено. Словно он раскрошит не замок, а череп — и выпустит из воспаленного мозга кошмар бешенства...

Однако в последний момент корабль сумел отвернуть и начал кругами снижаться на серую лужайку у ворот замка.

Корабль неуклюже приземлился, и Корум заметил, как струйка дыма лениво потянулась от его кормы. Из корабля высыпали люди. Без сомнения, это были вадхаги — высокие воины в развевающихся плащах, в серебряных и золотых кольчугах, конических шлемах, с обнаженными мечами в руках. Они маршировали по талому снегу, направляясь к замку.

Корум первым узнал шагавшего впереди воина.

— Это Бвидит! Бвидит-а-Хорн! Он нуждается в нашей помощи! Пойдем скорее, встретим его!

Джери не выказал особой радости, однако молча последовал за Корумом и Ралиной к воротам.

Бвидит со своими людьми уже достиг подножия холма, откуда дорожка вела прямо к воротам замка. Корум сам отпер ворота и вышел навстречу другу.

— Я рад тебе, Бвидит! Добро пожаловать в замок Эрорн!

Бвидит-а-Хорн не ответил, однако продолжал маршировать по склону холма.

Внезапное подозрение пронзило Корума, но он подавил в себе нехорошее чувство. Прочь, это лишь злобная тень, затаившаяся в мозгу! Корум улыбнулся и протянул к Бвидиту руки.

— Бвидит! Это я — Корум!

— Лучше приготовься обнажить меч,— проворчал Джери.— Ралина, ступай в замок.

Та озадаченно посмотрела на Джери.

— Но почему? Это же Бвидит. Он нам не враг.

Джери молча посмотрел на нее. Ралина опустила глаза и подчинилась.

Корум вновь пытался подавить в себе вспышку ярости.

— Если Бвидит собирается атаковать нас, то он найдет здесь...

— Корум,— настойчиво сказал Джери.— Не теряй головы. Возможно, мы сумеем поладить с Бвидитом, ибо он, несомненно, страдает от того же недуга, что и мы. Бвидит! — позвал он.— Бвидит, старый дружище... Мы не враги. Войди под мирные своды Эрорна. К чему сражаться друг с другом? Мы тоже познали ужас злобы и ярости и сейчас должны вместе подумать об этом, узнать, откуда исходит наша одержимость...

Но Бвидит продолжал шагать вверх по холму, и его воины, бледные и угрюмые, шагали за ним. Их плащи развевал ветерок, дующий с моря; сталь клинков не сверкала: она была серо-угрюмой, как и весь мир вокруг.

— Бвидит! — закричала Ралина, стоявшая позади Джери и Корума.— Не поддавайся тому, что завладело твоим разумом! Корум — твой друг! Он нашел средство вернуть тебя в родные края...

Бвидит остановился. Его люди тоже остановились. Бвидит медленно поднял глаза.

— Это лишний повод ненавидеть тебя, Корум!

— Лишний повод? А за что ты ненавидишь меня, Бвидит?

— За что?.. За твои отвратительные увечья! Ты омерзителен. За твой союз с демонами. За твой выбор женщин и выбор друзей. За твою трусость.

— Трусость?! — взревел Джери, выхватывая меч.

Но Корум остановил его.

— Бвидит, мы знаем, что это болезнь. Она завладела нами. Она заставляет нас ненавидеть тех, кого мы любим, и желать смерти тем, кого хотим видеть в живых. Ясно, что и ты страдаешь тем же недугом. Но если мы поддадимся собственной слабости, значит, мы поддадимся тому, кто желает нашей смерти. Выходит, у нас общий враг — надо только найти его и убить.

Бвидит нахмурился, но меч опустил.

— Ты прав. Мне приходили в голову такие же мысли. Я не мог понять, почему вражда вспыхнула по всей земле. Возможно, ты прав, Корум,— Бвидит обернулся к воинам.— Слушайте меня! Мы должны...

Но стоявший рядом вадхаг вдруг с яростным ревом всадил в него свой клинок.

— Ты глуп! Я знал, что ты глуп! Умри же за это!

Клинок рассек металл кольчуги и пронзил грудь Бвидита. Бвидит коротко вскрикнул и застонал. Пошатнувшись, он сделал шаг к Коруму и Джери, но рухнул ничком в снежную слякоть.

— Яд действует быстро,— пробормотал Джери.

Еще один воин поднял меч, поразив того, кто заколол Бвидита. Двое других бездыханные рухнули рядом. Крики ярости и злобной ненависти огласили воздух. В сером вечернем свете била толчками темная кровь...

Цивилизованные жители Гвлас-кор-Гвриса убивали друзей безо всякой причины. Они рвали друга друга и грызлись, словно звери над падалью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ВОЗВРАТИВШИЙСЯ ХАОС

Вскоре дорожка, ведущая к замку, была усеяна трупами. Оставалось в живых только четверо, как вдруг что-то заставило их, словно по команде, повернуть головы и уставиться горящими яростью глазами на Корума и Джери, все еще стоявших у ворот. Воины бросились вверх по тропинке. Корум и Джери выхватили мечи.

Корум ощутил новый прилив гнева, его трясло. Он почувствовал облегчение от того, что может наконец дать себе волю. С леденящим душу криком Корум устремился вниз на атакующих. Меч сверкал у него в руке. Джери бежал следом.

Один из четверых рухнул при первом же ударе Корума. Воины Бвидита были изможденными и усталыми. Казалось, они не спали много ночей. В другое время в Коруме, может быть, проснулась бы жалость, и он попытался бы просто разоружить их или легко ранить, но гнев повелевал ему убить.

И вскоре все они были мертвы. А Корум Джайлин Ирси стоял над поверженными противниками и тяжело дышал, словно бешеный волк, и кровь струилась с его клинка, впитываясь в серую землю. Вдруг его слуха достиг какой-то странный звук. Он обернулся: Джери-а-Конел уже стоял на коленях подле человека, издавшего этот звук. Человек еще дышал, и был это Бвидит-а-Хорн.

— Корум...— Джери взглянул на друга.— Он зовет тебя, Корум.

Гнев Корума внезапно охлынул. Он наклонился к умирающему.

— Слушаю тебя, друг,— ласково сказал он.

— Я старался, Корум, я так старался побороть то, что засело в моем мозгу! Много дней... Но оно все-таки победило меня. Прости, Корум...

— Мы все страдаем от одного и того же.

— Когда я опомнился, то решил отыскать тебя. Я надеялся, что ты найдешь средство от этого безумия. По крайней мере, я думал предостеречь тебя...

— Значит, для этого ты прилетел в наши края?

— Да. Но за нами началась погоня. Завязался бой, и ярость снова вернулась ко мне. Вся вадхагская раса охвачена враждой, Корум, и в Ливм-ан-Эш дела не лучше... Раздор правит миром...— голос Бвидита слабел.

— Тебе известна причина, Бвидит?

— Нет... Принц Юретт пытался выяснить, но... тоже пал жертвой безумия. Он погиб... Разум побежден... Мы все во власти демонов. Хаос вернулся... Нам следовало оставаться у себя в городе...

Корум кивнул:

— Это дело Хаоса, несомненно. Мы слишком быстро забыли об осторожности, сделались чересчур благодушными — и Хаос нанес удар. Но это не Мабелод. Он не может сам явиться сюда, ведь он будет уничтожен — как это случилось с Ксиомбарг. Значит, он действует через посредника. Кто это может быть?

— Гландит? — прошептал Джери.— Может быть, Гландит-а-Крэ? Хаосу необходим смертный, готовый служить ему верой и правдой. И если такой найдется, Хаос даст ему силу...

Бвидит-а-Хорн закашлялся.

— Корум, прости меня за все...

— Мне не за что тебя прощать, ты и я одинаково одержимы. Мы во власти зла, которое не в силах побороть.

— Узнай, кто это сделал, Корум...— Бвидит приподнялся на локте. Глаза его горели мрачным огнем.— Уничтожь его, если сумеешь... Отомсти за меня... За всех нас...

И он испустил дух.

Корума трясло от волнения.

— Джери, ты изготовил снадобье, о котором говорил?

— Да, лекарство готово, хотя я не могу сказать наверняка, что оно подействует как надо. Быть может, безумие окажется сильнее.

— Поторопись.

Корум поднялся и пошел к замку, на ходу пряча меч в ножны. Уже в воротах он услышал истошный крик и помчался со всех ног по галереям во внутренние покои. Ворвавшись в залу, украшенную сверкающими фонтанами, он увидел Ралину, которая отбивалась от двух служанок. Женщины выли, как разъяренные кошки, и пытались вонзить в нее ногти.

Корум снова выхватил меч, перевернул его и рукоятью ударил одну из служанок в основание черепа. Женщина упала; вторая заметалась по комнате, изо рта у нее шла пена. Нагнувшись, Корум хлестнул ее по лицу своей шестипалой рукой. Она рухнула как подкошенная.

Ярость вновь вскипала в Коруме. Он сурово взглянул на рыдающую Ралину.

— Ты обидела их? Что ты им сделала?

Ралина взглянула на него с изумлением.

— Я? Право, Корум, ничего. Корум, я ни в чем не виновата!

— Но тогда — почему? — он вдруг услышал собственный голос — резкий, пронзительный — и с трудом взял себя в руки.— Прости, Ралина. Я понимаю. Ступай, соберись в дорогу. Мы улетаем на воздушном корабле — и как можно скорее. Джери изготовил снадобье от болезни, оно успокоит нас. Мы должны отправиться в Ливм-ан-Эш, может быть, там еще осталась какая-то надежда. Надо вызвать лорда Аркина, попросить у него помощи.

— Отчего же он сейчас не помогает нам? — с горечью спросила Ралина.— Мы сделали все, чтобы вернуть ему его царство, а он отдал нас на растерзание Хаоса!

— Если Хаос действует здесь, значит, он действует повсюду. Может быть, дела еще хуже в царстве лорда Аркина или царстве его брата. Ты же знаешь, никто из богов не вправе непосредственно вмешиваться в дела смертных.

— А вот Хаос пытается вмешиваться, и очень успешно,— возразила Ралина.

— Такова уж его природа, и потому на благо смертным только Порядок, ибо он подразумевает их свободу; для Хаоса мы просто игрушки, которыми можно поиграть — и бросить, когда надоест. Поторопись, нам пора.

— Но это бессмысленно, Корум. Хаос сильнее Порядка. Мы сделали все, что могли. Почему ты не хочешь признать, что мы обречены?

— Хаос только кажется сильнее, потому что он агрессивен и использует любые средства, чтобы добиться своего. Порядок тер-

пелив. Не думай, что я в восхищении от той роли, что уготовила мне судьба, я предпочел бы иную жизнь, но Порядок надо охранять. Ступай же скорее.

Ралина нехотя удалилась, а Корум, осмотрев служанок, убедился, что раны не серьезны. Ему не хотелось оставлять женщин одних, он не сомневался, что вскоре они передерутся. Корум решил оставить слугам немного изготовленного Джери снадобья. Вдруг это поможет им продержаться.

Корум нахмурил брови. Может ли все это быть делом рук Гландита? Гландит не чародей. Он животное, грубая скотина, солдат с обагренными кровью руками, недурной стратег, и, в определенном смысле, в нем много достоинств, однако ему всегда недоставало ума и коварства, да и желания прибегать к колдовству, ибо он до смерти боялся его.

И все же во всем царстве нет никого, кроме Гландита, кто бы по собственной воле согласился стать прислужником Хаоса, а без этого Хаос не в силах проникнуть в царство...

Корум решил обождать с выводами. Пока ему слишком мало известно. Только бы добраться до Халвиг-нан-Вака, до Храма Порядка,— там уж он сумеет вызвать лорда Аркина и испросить у него совета...

Корум прошел в залу, где хранилось оружие и доспехи, и достал серебряную кольчугу, серебряные поножи и конический шлем с тремя гравированными символами. Поверх доспехов набросил алый плащ. Затем выбрал оружие — лук, колчан со стрелами, копье, боевой топор весьма искусной работы. К поясу пристегнул длинный, массивный меч. Снова он собирался в поход... Зрелище было великолепное и устрашающее; особенно поражали воображение шестипалая сверкающая рука Квилла и изукрашенная драгоценными камнями повязка, скрывавшая глаз Ринна. Как молился Корум о том, чтобы никогда больше не надевать доспехов, не сражаться чуждой рукой, приросшей к его запястью, не заглядывать чуждым глазом в запредельный мир небытия и не звать оттуда на помощь мертвецов. Но в глубине души он всегда понимал, что силы Хаоса не сдались, что худшее впереди...

Он чувствовал себя совершенно обессиленным, ибо сражение с собственным безумием столь же изматывало, как и настоящее сражение.

Вошел Джери. Он уже собрался в путь. Презирая доспехи, Джери ограничился стеганой кожаной курткой, изукрашенной золотыми и серебряными бляхами вместо нагрудной

пластины — его единственная уступка голосу разума. Широкополая шляпа лихо заломлена, длинные, блестящие, тщательно расчесанные кудри рассыпались по плечам. Джери был одет в ярко-алый шелк и атлас, в изящные сапоги с красными и белыми кружевами и являл собой воплощенное щегольство. Только меч на поясе несколько смазывал впечатление. На плече у Джери сидел черно-белый крылатый кот — неизменный его спутник. В руке Джери держал фиал с узким горлышком. Внутри клубилась коричневатая жидкость.

— Лекарство готово,— Джери говорил медленно, словно в забытьи.— По-моему, оно действует как надо. Все точно рукой сняло, хотя теперь меня клонит в сон. Впрочем, голова должна проясниться. Во всяком случае, я надеюсь...

Корум посмотрел на него с подозрением.

— Возможно, оно усмиряет безумие,— но как мы защитим себя в случае нападения? Джери, оно же усыпляет разум!

— Уверяю тебя, это совершенно не так,— Джери мечтательно улыбнулся.— И потом у нас нет выбора, Корум. Что до меня, то я предпочту почить в мире, нежели умереть от муки душевной.

— Это я тебе обещаю,— Корум взял фиал.— Сколько я должен выпить?

— Снадобье очень сильное. Довольно капли на кончике пальца.

Корум потряс фиал, смочив кончик пальца. Потом осторожно лизнул и вернул Джери фиал.

— Ничего не чувствую. Возможно, оно не действует на организм вадхагов.

— Возможно. А теперь надо дать Ралине...

— И слугам.

— Да, и слугам. Это будет справедливо.

Они стояли во внутреннем дворике, стряхивая остатки снега с накрывающего воздушный корабль навеса; Джери сдернул ткань: обнажился металлический корпус, весь в ярко-синих, зеленых, желтых разводах. Джери медленно вошел внутрь и принялся колдовать над разноцветными кристаллами управления, вделанными в панель носовой части. Корабль был не слишком велик — гораздо меньше того, на котором они летели в первый раз. Когда отключалось невидимое защитное поле, он становился открыт для стихий. Легкий рокот пронесся по кораблю: он слегка подпрыгнул и завис в воздухе в дюйме от земли. Корум

помог подняться Ралине, поднялся сам, прилег на кушетку и стал наблюдать за приготовлениями Джери.

Джери двигался не спеша, с легкой улыбкой на лице. Корум смотрел на друга, и у него было хорошо на душе. Он взглянул на Ралину, прилегшую на соседней кушетке, и увидел, что она дремлет. Снадобье действовало превосходно, ибо чувство бешеной ярости испарилось. Но где-то в подсознании жила мысль о том, что нынешняя эйфория не менее опасна, чем прежняя ярость, что в некотором смысле они сменили одно безумие на другое.

Он надеялся, что они избегнут участи Бвидита, что никто не нападет на них в пути,— и дело было даже не в том, что лекарство почти усыпило их: и Джери, и Корум были абсолютно не знакомы с искусством воздушного боя. Единственное, на что был способен Джери,— это вести корабль в требуемом направлении.

Наконец корабль поднялся в серый холодный воздух и полетел на запад, вдоль побережья — к Ливм-ан-Эш.

Корум смотрел вниз, на землю, унылую и замершую, и гадал, придет ли еще весна в Бро-ан-Вадхаг. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать Джери, но тот был всецело занят кристаллами.

Тут Корум заметил, как маленький черно-белый кот соскользнул с хозяйского плеча и вылетел из корабля. Некоторое время он держался рядом, потом отстал и исчез вдали, за линией холмов.

С минуту Корум размышлял, отчего это кот покинул их, потом напрочь забыл о нем и снова принялся рассматривать проносящуюся внизу землю.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
НОВЫЙ СОЮЗНИК ГРАФА ГЛАНДИТА

Маленький кот летел весь день, беспрестанно меняя направление,— он следовал невидимой извилистой тропинке в небе. Тропинка свернула к морю, и кот помедлил в нерешительности, потом все-таки повернул и полетел над прибрежными скалами, а потом над водой, которую ненавидел. Вскоре показались острова.

Это были Нхадрагские острова, где жили остатки народа, во имя спасения жизни отдавшегося в унизительное рабство мабденским захватчикам. И хотя теперь рабство кончилось, нхадраги настолько выродились, что тихо вымирали от бездеятельности, не в силах даже ненавидеть вадхагов.

Кот искал какую-то цель, следуя скорее запаху мысли, который лишь он был в состоянии различать.

Ему уже доводилось чувствовать нечто подобное, в Каленвире, где собрались толпища мабденов и совершался обряд вызывания изгнанных ныне богов — Пса и Рогатого Медведя. На сей раз, однако, кот действовал сам по себе; его хозяин, Джери-а-Конел, не приказывал ему лететь на Нхадрагские острова.

Самый большой из островов, помещавшийся почти в центре зеленого архипелага, звался нхадрагами Малифуль. Как и на всех прочих островах, на Малифуле было множество руин — развалин городов, замков, селений. Некоторые рассыпались от времени, однако большинство было разрушено ордами варваров, во времена короля Лир-а-Брода. Поход на Нхадрагские острова возглавлял граф Гландит со своими убийцами-денледхисси, как и последующие походы на крепости вадхагов. Мабдены стерли с лица земли всю вадхагскую расу, за исключением Корума,— так он сам полагал. Уничтожение двух древнейших рас — шефанхау, как называл их Гландит,— заняло несколько лет. И те и другие были не готовы к натиску мабденов, они просто не допускали мысли, что существа, немногим отличающиеся от животных, обладают реальной силой. И они погибли.

Лишь немногих нхадрагов пощадили мабденские варвары: они использовали их как собак, заставляли вынюхивать сородичей, выслеживать заклятых врагов — вадхагов, рыскать по другим плоскостям и потом рассказывать своим господам, что там происходит. То были рабы по натуре, самые трусливые из всей расы,— и они предпочли прислуживать и унижаться, но не умереть.

Кот заметил несколько стоянок среди городских развалин. Нхадраги возвратились сюда после битвы при Халвиге, в которой их хозяева были наголову разбиты. Они даже не попытались заново отстроить разрушенные замки и города, а жили как дикари; многие из них даже не подозревали, что эти руины были некогда зданиями, выстроенными их же предками. Нхадраги одевались в меха и металл, по своему обычаю,— смуглокожие, с приплюснутыми носами, с торчащими космами и кустистыми бровями, нависавшими над глубокими глазницами. Это был коренастый, крепко сколоченный народ, мускулистый и физически крепкий. Некогда нхадраги обладали могуществом и высокой цивилизацией, как и вадхаги, но упадок их был стремительным и необратимым.

Наконец, впереди появились разрушенные башни Оза, давней столицы Малифуля и всех нхадрагских земель. Озом Прекрасным называли некогда город его обитатели, но теперь от былой красоты не осталось и следа. Руины стен поросли сорной травой, башни обрушились, дома стали притоном крыс, ласок и прочих хищников, но не нхадрагов.

Кот летел на запах. Он покружил над приземистым зданием, не затронутым еще разрушением. На плоской его крыше возвышался прозрачный светящийся купол. Внутри виднелись две мужские фигуры, черные в желтоватом свете. Один был плотный, статный, в доспехах; второй — покороче, но шире в плечах, одетый в меха. Из купола доносились их приглушенные голоса. Кот опустился на крышу, подкрался поближе. Прижавшись мордой к прозрачной стене, он весь обратился в слух и широко раскрыл глаза.

Гландит-а-Крэ хмуро смотрел через плечо Эртиля на бурлящее в котле варево. Над варевом поднимался пар.

— Ты уверен, что чары действуют, Эртиль?

Нхадраг почтительно склонил голову.

— Вадхаги продолжают убивать друг друга. Никогда еще мое колдовство не было столь успешным.

— Это оттого, что силы Хаоса помогают тебе, глупец! Впрочем, скорее они помогают мне, потому что я предан им телом и душой,— Гландит обвел взглядом купол. Кругом валялись трупы животных, висели связки каких-то трав, стояли бутыли и склянки с порошками и жидкостями. Крысы и обезьяны с безучастным видом сидели в клетках, прикрепленных вдоль стены; под клетками на полках громоздились вороха манускриптов. Отец Эртиля был великим ученым и многому успел научить сына. Однако Эртилю было суждено разделить судьбу прочих нхадрагов, и он обратил древнюю мудрость в колдовство, чародейство. «И все же мудрость не утратила силы»,— подумал граф Гландит-а-Крэ, ковыряя в желтых зубах.

Красное, усыпанное чирьями лицо Гландита было наполовину скрыто густой бородой, заплетенной в косички и украшенной ленточками,— как и его длинные черные волосы. Нечто в выражении серых глаз свидетельствовало о скрытой болезни.

— А принц Корум? — прорычал Гландит.— И его дружки? И все эти шефанхау из волшебного города?

— Я не могу видеть отдельные судьбы, мой господин,— проскулил чародей.— Я знаю только, что чары действуют.

— Надеюсь, ты не лжешь мне, колдун.

— Я говорю правду. Этому заклятию научил меня Хаос. Облако Раздора распространяется все дальше, с ветром. Его невозможно увидеть, но оно обращает брата против брата, отца против детей, мужа против жены,— заискивающая улыбка появилась на темном лице Эртиля.— Вадхаги нападают друг на друга — и гибнут. Все они умирают.

— Но умер ли Корум? Хотел бы я знать. То, что гибнут вадхаги, это прекрасно, но не столь важно. Только когда умрет Корум, а земли его превратятся в пустоши, я смогу обрести союзников в Ливм-ан-Эш и вернуть утраченные владения короля Лира. Ты можешь составить особое зелье — для Корума?

Эртиль дрожал всем телом.

— Корум смертен. Он должен страдать столь же сильно, сколь и все остальные.

— Он коварен, хитер; ему помогают могущественные силы. Он может ускользнуть. Завтра мы отправимся в Ливм-ан-Эш. Так ты говоришь, невозможно знать наверняка, что делает Корум? Умер ли он, охвачен ли безумием, как все остальные?

— Мне это неведомо, мой господин.

Сломанными ногтями Гландит поскреб рябое лицо.

— А ты не обманываешь меня, шефанхау?

— Я не осмелюсь, мой господин, никогда!

Гландит ухмыльнулся, глядя в полные ужаса глаза нхадрагского чародея.

— Я верю тебе, Эртиль,— он рассмеялся.— И все же еще капелька помощи от Хаоса не помешает. Вызови-ка снова того демона — ну, из царства короля Мабелода.

— Всякий раз, как я делаю это, моя жизнь укорачивается на год,— захныкал колдун.

Гландит вытащил длинный нож и приставил его к плоскому носу нхадрага.

— Я сказал, вызови его, Эртиль!

— Слушаю и повинуюсь.

Волоча ноги, колдун потащился к клеткам и вытащил обезьяну. Животное скулило и хныкало, как скулил и хныкал сам Эртиль. Обезьянка смотрела на нхадрага перепуганными глазами, но все равно цеплялась за него, как за спасителя от окружающего ее ужаса. Эртиль достал из угла крестообразную рамку и вставил ее в специальное отверстие в покрытой глубокими царапинами столешнице. Он трясся от страха, стонал и охал. А Гланд-

дит нетерпеливо мерил шагами комнату, не обращая ни малейшего внимания на терзания чародея.

Эртиль дал обезьянке что-то понюхать, животное обмякло и сделалось неподвижным. Колдун прислонил обезьянку спиной к рамке и достал из висевшего на поясе мешка молоток и гвозди.

Неторопливо он принялся вбивать гвозди, распиная верещащее животное на кресте, и кровь струйками стекала из ранок на ладошках и ступнях обезьянки.

Эртиль был бледен до синевы; казалось, его вот-вот вырвет.

Глаза у кота чуть не вылезли из орбит при виде этого варварского ритуала; он занервничал, шерсть на загривке встала дыбом, кончик хвоста судорожно подергивался, но кот продолжал, не отрываясь, наблюдать за происходящим.

— Живее, демоново отродье! — не выдержал Гландит.— Поторопись, или я найду себе другого колдуна!

— Господину должно быть известно, что больше не осталось никого, кто согласился бы помогать ему или Хаосу,— пробормотал нхадраг.

— Заткнись! И делай свое мерзкое дело,— насупился Гландит. Однако Эртиль говорил правду, и это было очевидно. Никто теперь не боялся мабденов — никто, кроме нхадрагов, которые боялись их просто по привычке.

Зубы у обезьянки стучали, глаза выкатились из орбит.

Эртиль сунул в жаровню металлический прут. Когда металл раскалился добела, он начертил в воздухе вокруг распятой обезьянки замысловатую фигуру. По всем десяти углам колдун расставил чаши и поджег их содержимое. Затем взял в одну руку манускрипт, в другую — раскаленный прут. Купол начал заполняться желто-зеленым дымом. Гландит закашлялся и полез за платком в карман своей подбитой железом куртки.

Ему явно было не по себе; он даже отступил в дальний угол.

— Йиркун, Йиркун, Эсель Асан. Йиркун, Йиркун, Наша Фасал,— бормотал Эртиль и с каждым новым словом всаживал раскаленный прут в корчившееся от нестерпимой муки тело обезьянки. Она была еще жива, так как прут не задел жизненно важных органов, но было очевидно, что это страшная агония.— Йиркун, Йиркун, Мешель Ферен. Йиркун, Йиркун, Палапс Оли...

Дым сгустился, и кот мог теперь различать лишь смутные тени, двигавшиеся в комнате.

— Йиркун, Йиркун, Севиль Пордит...

Отдаленный шум, смешавшийся воедино с визгом истязаемого животного.

Порыв ветра.

Дым рассеялся. Воздух в куполе стал прозрачным, и все было видно, как на ладони. Уже не обезьянка висела на кресте, а нечто совершенно иное. У существа были человеческие очертания, однако размерами оно не превосходило обезьянку. Лицо более походило на вадхагское, нежели на мабденское, хотя в выражении его читалась злоба и жестокость.

— Ты снова призвал меня, Эртиль,— голос существа был звучным и сильным, как у взрослого мужчины. Исходивший из столь крошечного ротика, он производил странное впечатление.

— Да, я призвал тебя, Йиркун. Мы хотим помощи от господина твоего, Мабелода.

— Как? Еще помощи? — в голосе послышалась издевка. Йиркун усмехнулся.— Еще?

— Ты же знаешь, что мы стараемся для него. Без нас вам ни за что не попасть бы в это царство.

— Ну и что из того? Что проку моему господину от вашего царства?

— Ты сам прекрасно знаешь! Он хочет вернуть Хаосу оба древних Царства Мечей — и он жаждет отплатить Коруму за то, что тот помог уничтожить его брата Ариоха и сестру Ксиомбарг, Рыцаря и Королеву Мечей!

Удобно устроившись на рамке, демон пожал плечами.

— Так что же ты хочешь от него?

Гландит шагнул вперед и сжал кулаки.

— Я хочу, демон, а не этот жалкий колдун! Я хочу власти! Я хочу силы, чтобы уничтожить Порядок в этой плоскости! Дай мне эту власть, демон!

— Я уже дал тебе власть. Большую власть,— укоризненно возразил демон.— Я научил тебя, как создать Облако Раздора. Твои враги убивают друг друга. А ты все еще недоволен!

— Скажи, Корум жив?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Нам не попасть в ваше Царство, пока вы не вызовете нас, и, как тебе известно, нам нельзя задерживаться здесь надолго. Мы лишь можем занять место живого существа — на короткое время. Только так возможно обмануть Равновесие — даже не обмануть, а умилостивить.

— Дай мне еще власти, о демон!

— Я не могу дать тебе власть. Я лишь могу подсказать, как ее получить. Знай же, Гландит-а-Крэ, и заруби себе на носу:

если ты и впредь будешь получать подарки от Хаоса, ты станешь таким же, как все, кто их получает. Ты готов стать одним из тех, кого якобы ненавидишь?

— Кого ты имеешь в виду?

Йиркун хихикнул:

— Шефанхау. Демонов. Я тоже был некогда человеком...

Рот у Гладита перекосился, пальцы сжались в кулаки.

— Я готов на все. Я заключу любую сделку — лишь бы покончить с Корумом и ему подобными!

— Стало быть, мы будем полезны друг другу. Прекрасно. Тебе будет дана сила.

— И моим людям — денледхисси!

— Хорошо. И им тоже.

— Великая, несокрушимая сила! — глаза у Гландита горели.— Безграничная! Беспредельная!

— Это невозможно, пока правит Великое Равновесие. Ты получишь только то, чем способен воспользоваться.

— Хорошо. Я способен на многое. Я поплыву на материк, я снова захвачу их города, покорю их замки,— пока они сражаются и убивают друг друга. Я буду очень сильным, если сам Хаос будет выполнять приказания!

— Лиру тоже дана была помощь Хаоса,— насмешливо напомнил Йиркун.

— Но он не знал, как ею пользоваться. Я умолял его помочь мне уничтожить Корума, но он не пожелал меня выслушать. Если бы Корум умер, Лир был бы сегодня жив. Вот доказательство моей правоты.

— Это должно приносить тебе удовлетворение,— заметил демон.— А теперь слушай. Я научу тебя, что ты должен сделать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОКИНУТЫЙ ГОРОД

Воздушный корабль летел над холмами к морю — туда, где прежде стоял замок Мойдель. Теперь на этом месте не было ничего. Корум взглянул на развалины с легким сожалением, которое, однако, тут же выветрилось, ибо лекарство еще действовало. Вскоре они достигли побережья Ливм-ан-Эш. На первый взгляд там не происходило ничего необычного, однако, вглядевшись пристальнее, они увидели всадников — по двое, по трое,—

бешено мчавшихся, не разбирая дороги, через поля и леса; они нападали на такие же малочисленные встречные отряды. Женщины дрались с женщинами, дети били детей. Повсюду валялись трупы. Безразличие Корума сменилось ужасом, и он порадовался, что Ралина спит, а у Джери нет времени смотреть вниз.

— Поторопимся в Халвиг-нан-Вак,— сказал Корум, когда Джери вопросительно оглянулся на него.— Мы ничем не можем помочь этим несчастным, пока не выясним причину происходящего.

Джери достал из сумки фиал и показал его Коруму, но тот отрицательно покачал головой.

— Нет. Этого недостаточно. Да и как мы заставим их принять лекарство? Если мы действительно хотим кого-нибудь спасти, то должны бороться с тем, что борется с нами.

Джери вздохнул:

— Как ты собираешься бороться с безумием, Корум?

— Как раз это нам и следует выяснить. Я надеюсь всем сердцем, что Храм Порядка не пострадал, и Аркин явится нам, если мы позовем его.

Джери показал пальцем вниз.

— Это похоже на болезнь, которой они болели в былые времена.

— Да. Только на этот раз она свирепствует сильнее. Прежде недуг не затрагивал их мозг. А теперь пожирает его целиком.

— Они рушат все, что построили. Какой же смысл...

— Смысл есть, Джери. Он в том, что они могут выстроить это снова.

Джери пожал плечами.

— Интересно, куда это запропастился мой кот,— сказал он.

Воздушный корабль описал круг над Халвиг-нан-Ваком и начал снижаться перед Храмом Порядка. Ралина проснулась и улыбнулась Коруму, точно напрочь забыла все, что происходило совсем недавно. Но тут же нахмурилась, словно вспомнив ночной кошмар.

— Корум...

— Да. Это не сон,— мягко сказал он.— А теперь мы в Халвиге. Город Цветов кажется совсем обезлюдевшим. И я не могу понять, почему.

Он боялся увидеть прекрасный город в огне, но за исключением одного-двух разрушенных зданий, город был цел и невредим. Однако никто не гулял по улицам, никто не охранял

городские стены. Вокруг не было видно ни единой живой души.

Джери повел корабль вниз, припомнив уроки, преподанные ему Бвидитом в мирное время.

Они приземлились на широкой белоснежной улице рядом с Храмом Порядка. Он был невысокий и очень скромный, без каких-либо украшений. Ничем не примечательное здание со знаком стрелы над порталом — Стрелы Порядка.

Все трое выбрались из корабля. Ноги у них подкашивались. Полет в сочетании с лекарством действовал изнуряюще. Неверными шагами они побрели по тропинке к Храму.

Вдруг в дверном проеме показалась старческая фигура. Человек был в окровавленных лохмотьях, с выбитым глазом. Старик плакал, но скрюченные пальцы его тянулись к прибывшим, точно когти раненого разъяренного зверя.

— Это Алерион! — потрясенно прошептала Ралина.— Алерион-а-Найвиш! Значит, и его сразил недуг...

Старик слишком ослабел, чтобы сопротивляться, когда Корум и Джери, подскочив, схватили его и завели руки за спину. Джери зубами выдернул пробку из фиала, смочил в жидкости палец, а Корум силой открыл Алериону рот. Тогда Джери мазнул смоченным пальцем по языку старика. Жрец попытался сплюнуть; единственный глаз его выкатился из орбиты, ноздри раздулись, как у бешеного коня. Но в следующую минуту ярость утихла. Тело его обмякло, и он начал сползать на землю.

— Давай отнесем его в Храм,— предложил Корум.

Они подняли старика, и жрец не оказал никакого сопротивления. Корум с Джери внесли его под своды прохладной залы и положили на пол.

— Это ты, Корум? — пробормотал Алерион, приоткрывая глаза.— Бешенство Хаоса отпускает меня. Я становлюсь самим собой — почти...

— Что случилось с жителями Халвига? — спросил Джери.— Они все погибли? Или покинули город?

— Они обезумели. Ко вчерашнему дню здесь не оставалось уже ни одного нормального человека. Я боролся с болезнью, пока хватало сил, но...

— Где же все, Алерион?

— Ушли. В леса, в холмы, в поля. Они прячутся — и нападают друг на друга время от времени. Никто никому не доверяет, вот все и покинули город... Ты же сам видишь.

— Владыка Порядка Аркин являлся тебе? — спросил Корум.— Он говорил с тобой?

— Только однажды, в самом начале. Он велел мне послать за тобой, но я не смог. Никто не хотел выполнить мою просьбу, а иначе связаться с тобой я не сумел, принц Корум. Потом пришла болезнь, и я уже был не в состоянии... видеть лорда Аркина. Я не мог вызывать его, как делал это прежде каждый день.

Корум помог старику подняться на ноги.

— Вызови его теперь. Хаос завладел миром. Вызови его, Алерион!

— Я не уверен, что смогу.

— Ты должен.

— Я попытаюсь,— израненное лицо Алериона помрачнело, исказилось. Теперь он боролся с действием снадобья Джери.— Я попытаюсь.

И он попытался. Он пытался весь остаток дня, так что голос у него охрип от молитв и заклинаний. Многие годы его молитва оставалась без ответа, пока Порядок был изгнан и Ариох правил именем Хаоса. В последнее время молитва порой доходила, и жрецу удавалось вызвать Владыку Порядка.

Сейчас ответа не было.

Алерион умолк.

— Он не слышит меня. А если и слышит, не может прийти. Хаос вернулся во всей мощи, Корум?

Корум Джайлин Ирси опустил глаза и кивнул.

— Похоже на то.

— Взгляните-ка! — воскликнула Ралина, откидывая свои длинные волосы с лица.— Джери, твой кот вернулся!

Маленький черно-белый кот влетел в дверь, уселся на плечо хозяина, потом потерся мордочкой об его ухо и негромко заурчал. Джери сначала смотрел с удивлением, потом насторожился и стал внимательно слушать.

— Оно разговаривает! — удивленно пробормотал жрец.— Это животное может разговаривать?

Наконец кот затих и, свернувшись на плече Джери, принялся умываться.

— Что он тебе сказал? — спросил Корум.

— Он рассказал мне о Гландите.

— Выходит, он все-таки жив?

— Не только жив, но и заключил союз с Королем Хаоса Мабелодом — при помощи одного вероломного андхрагского

колдуна. Это Хаос открыл ему секрет заклятия, что губит нас. И обещал ему еще большую власть.

— Где сейчас Гландит?

— В Озе, на Малифуле.

— Мы должны полететь туда и уничтожить Гландита.

— Ни к чему. Гландит сам примчится сюда.

— Морем? Тогда у нас еще есть время.

— Скорее над морем. Хаос дал ему и его приспешникам каких-то дьявольских тварей — мой кот не в состоянии описать их. Впрочем, он уже на пути в Ливм-ан-Эш: он ищет нас, Корум.

— Хорошо, мы дождемся его и наконец сразимся с ним.

Джери с сомнением посмотрел на друга.

— Вдвоем? Да еще после снадобья, усыпившего в нас все и вся, даже инстинкт самосохранения.

— Мы найдем союзников и дадим им твоего лекарства...— Корум умолк, понимая, что это глупо, что даже в иных обстоятельствах ему было бы трудно одолеть Гландита, даже при помощи... Лицо его вдруг прояснилось.

— Есть выход, Джери. Придется снова воспользоваться рукой Квилла и глазом Ринна!

Джери пожал плечами:

— Пожалуй. Все равно ничего другого не остается. Ах, если бы мы нашли Танелорн, как я хотел... Мы обрели бы там помощь, я убежден. Но я просто не представляю, где он теперь...

— Ты говоришь об этом мифическом городе вечного покоя — о Вечном Танелорне? — спросил Алерион.— Ты считаешь, что он существует?

Джери улыбнулся:

— Если у меня есть дом, то этот дом — Танелорн. Он существует во всех временах, во всех плоскостях, но его невероятно трудно найти.

— Но мы можем обследовать все плоскости на нашем корабле,— сказала Ралина.

— Я недостаточно опытен, чтобы вести корабль по плоскостям,— ответил Джери.— Бвидит втолковывал мне, как надо пересекать границы между мирами, но я не запомнил. Нет, мы должны найти Танелорн в нашей плоскости, если нам вообще суждено разыскать его. Однако сейчас лучше побеспокоиться о том, как удрать от Гландита.

— Или сразиться с ним,— возразил Корум.— Мы еще можем победить его.

— Гм, может быть.

— Ступайте взгляните, не прилетел ли он,— сказал Алерион.— А мы с госпожой Ралиной останемся здесь и вместе попытаемся вызвать лорда Аркина.

Корум кивнул в знак согласия:

— Ты мужественный старик, жрец. Благодарю тебя.

Выйдя из Храма, Корум с Джери направились по безлюдным улицам к центру города. Время от времени Корум подносил к глазам левую руку и внимательно разглядывал ее. Затем опускал и трогал повязку, прикрывавшую глаз Ринна. Потом обращал к небесам взгляд своего живого глаза. Шлем сверкал в лучах зимнего солнца: тучи рассеялись, и день был погожим и спокойным.

Никто не смог бы выразить чувства, обуревавшие Корума. Понять его мысли — мудрые и горестные. Беда обрушилась внезапно, когда они менее всего ожидали ее. Порядок побежден, Хаос вернул себе былое могущество — а может, стал даже сильнее. И ничто, ничто — до самой последней минуты — не предвещало несчастья. Он чувствовал себя обманутым, преданным и бессильным.

Мертвый город словно воплощал в себе опустошенность его души. Ах, повстречать бы хоть одного человека — хоть одну живую душу, пусть даже враждебную!..

Цветы мирно склонялись под свежим ветерком, но вместо безмятежного покоя в воздухе чувствовалось что-то зловещее.

Гландит мчался в Ливм-ан-Эш быстрее, чем прежде, благодаря могуществу Хаоса. С ледяным равнодушием заметил Корум черные тени, приближающиеся с востока, и указал на них Джери.

— Надо вернуться в Храм, предупредить Алериона и Ралину.

— Для них безопаснее в Храме.

— Нет, Джери, только не теперь.

Черные тени, надвигающиеся с востока... Они летели низко. Целенаправленно. Огромные крылья рассекали воздух, хриплые крики раздирали тишину вечернего неба, крики ярости и тоски — вопль заблудших и проклятых душ. Но это были исчадия ада. Твари с длинными, выгнутыми дугой шеями; они вертели головами, всматриваясь в землю, словно ястребы, выискивающие добычу. Из разинутых красных пастей торчали клыки. Пустые, отчаянные глаза. Тоскливые голоса, словно умоляющие о пощаде... На их черных широких спинах были приторочены

колесницы денледхисси — только без колес; в них восседали сами мабденские убийцы, а впереди стоял человек в рогатом шлеме, с огромным мечом в руке. Коруму и Джери даже показалось, что они слышат его смех, хотя этот звук, должно быть, издавали черные твари.

— Да, это Гландит,— сказал Корум. Кривая улыбка появилась у него на лице.— Нам придется сразиться с ним. Если мне удастся вызвать помощь, это отвлечет Гландита и его тварей на некоторое время.

Корум поднес здоровую руку к повязке, собираясь сдернуть ее и заглянуть в царство небытия, где ожидали те, кого он убил рукой Квилла и глазом Ринна и кто были теперь его заложниками. Они ждали, когда он освободит их, позволит найти новых врагов, что заменят их, вызволят из вечного плена Тьмы. Но повязка не сдвинулась с места, она словно приросла к глазу Ринна. Корум потянул со всей силой, на которую был способен. Он даже поднял руку Квилла, чтобы та сверхъестественной мощью сорвала с лица повязку, но рука не повиновалась ему. Глаз и рука отказывались служить. Неужели мощь Хаоса столь велика, что подчинила себе даже их?

Со сдавленным рыданием Корум повернулся и побежал вниз по улице к Храму Порядка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ОБЕССИЛЕВШИЙ БОГ

Когда Корум и Джери в отчаянии добежали до Храма Порядка, Ралина ждала их на пороге. Она улыбалась.

— Он здесь! Он здесь! — закричала она.— Лорд Аркин явился!

— Гландит приближается с востока,— задыхаясь, сказал Джери.— Мы должны улетать. Это все, что мы теперь можем сделать. Волшебная сила Корума иссякла: ни рука, ни глаз не повинуются ему.

Корум шагнул в Храм. Его трясло от негодования; он жаждал высказать свои чувства лорду Аркину, которому он служил и который теперь отказывался помочь ему.

Нечто расплывчатое висело в воздухе в дальнем углу Храма. Рядом, прислонившись спиной к стене, сидел бледный Алерион. Что это? Тело? Лицо? Корум напрягся, всматриваясь в полутьму,

но от этого очертания парившего в воздухе предмета стали еще более зыбкими.

— Лорд Аркин?

— Да... — отозвался слабый, далекий голос.

— Что происходит? Почему силы Порядка столь слабы?

— Они растянулись чересчур тонким слоем по двум царствам, которые в нашей власти. Мабелод послал все свое воинство на подмогу тем, кто служит ему здесь... Мы сражаемся в десяти плоскостях, Корум... в десяти... а мы так недавно возникли... наши силы еще столь ничтожны...

Корум поднял чуждую, бесполезную теперь руку.

— Скажи, почему мне более не подвластны глаз Ринна и рука Квилла? В них была наша единственная надежда! Сюда летит Гландит!

— Я знаю... Ты должен бежать... лети на своем корабле через плоскости... ищи Вечный Танелорн... Я вижу связь между твоим бессилием и поисками Танелорна...

— Связь? Какую связь?

— Я не знаю... Я только чувствую... Я обессилел от этой борьбы, Корум... я так устал... силы мои на исходе... Найди Танелорн...

— Как я найду его? Джери не сумеет вести воздушный Корабль сквозь плоскости!

— Пусть он постарается...

— Аркин! Ты должен дать более ясные указания! Гландит приближается к Халвигу. Он хочет владеть плоскостью и править безраздельно. Он хочет уничтожить всех, кто еще остался. Как нам защитить тех, кто страдает от безумия Хаоса?

— Танелорн... ищи Танелорн... Это — единственная возможность спасти всех... Я больше ничего не могу сказать... Это все, что я вижу... Больше ничего...

— Ты ничтожный бог, Аркин! Мне лучше было присягнуть на верность Хаосу; если ужас и смерть правят миром, тогда и самому следует стать смертью и ужасом!

— Не отчаивайся, Корум... Еще есть надежда, что ты прогонишь силы Хаоса из всех пятнадцати плоскостей мироздания...

— Теперь я нуждаюсь в силе, а не в надежде.

— Надейся, что обретешь силу в Танелорне. Прощай...

Смутная тень растаяла в воздухе. Снаружи послышались гортанные крики приближающихся чудовищ. Корум подошел к

распростертому на полу Алериону. Жрец истощил свои силы, призывая лорда Аркина.

— Пойдем, старик. Мы возьмем тебя на корабль, если еще не поздно.

Но Алерион не отозвался, ибо, пока Корум беседовал с обессилевшим богом, старый жрец испустил дух.

Ралина и Джери-а-Конел уже стояли возле корабля, глядя, как кружат, снижаясь над Халвигом, огромные черные твари.

— Я говорил с Аркином,— сообщил Корум.— Но от него было немного толку. Он сказал, что мы должны бежать в другие плоскости и искать Танелорн.

Джери только пожал плечами и помог Ралине взойти на корабль.

— Что ж, будем искать. Во всяком случае, попытаемся.

— Ах, если бы мы могли собрать соратников в Гвлас-кор-Гврисе! Их оружие способно уничтожить даже адских союзников Гландита.

— Пока они этим самым оружием уничтожают друг друга. И Гландит это прекрасно знает.

— Все трое поднялись в рубку. Джери поколдовал над кристаллами, и корабль взмыл в воздух. Джери направил его на запад.

Но Гландит уже заметил их. Черные крылья захлопали громче, неистовые крики обрушились с вышины. Денледхисси пытались спикировать на воздушный корабль. Только трое во всем мире понимали, что происходит. Джери закусил губу и изучающим взглядом оглядел кристаллы.

— Тут поосторожнее,— пробормотал он.— Попытаюсь припомнить уроки Бвидита.

Воздушный корабль набирал скорость, но преследователи не отставали. Черные твари выгнули шеи, словно змеи, готовящиеся ужалить. Распахнулись красные пасти. Сверкнули клыки.

Что-то вроде черного дыма потянулось из пастей. Словно языки ящериц устремились к воздушному кораблю. Тщетно пытался Джери увернуться от них — одна струя обвилась вокруг кормы. Корабль замер, но все-таки вырвался. Ралина прижалась к Коруму. Корум обнажил меч, бессильный против грозящей опасности.

Черно-белый кот впился когтями в плечо хозяина. Он узнал Гландита,— и в его глазах появилось нечто похожее на страх.

До Корума донесся вопль, и он понял: Гландит догадался, кто это пытается улизнуть от него. И хотя от варваров корабль отделяло изрядное расстояние, Коруму показалось, что он чувствует на себе взгляд Гландита. Он ответил яростным взглядом и поднял меч, готовясь защищать себя и Ралину. И Гландит тоже выхватил меч, вызывая Корума на поединок. Крылатые змеи зашипели, закаркали, изрыгая из пастей новые языки дыма.

Несколько длинных языков обвилось вокруг корабля. Джери тщетно пытался увеличить скорость.

— Мы не двигаемся с места! Мы в ловушке!

— Тогда попробуй пробиться сквозь плоскости. Может, нам удастся оторваться от них.

— Это создания Хаоса. Скорее всего, они тоже способны пройти сквозь Стены Между Мирами!

Корум отчаянно рубил дымные языки, но меч его рассекал пустоту. Корабль неотвратимо притягивало к торжествующим денледхисси, предвкушавшим ликование, когда можно будет наброситься и зарубить беглецов. Но тут дымные языки словно бы начали таять, и Корум заметил, что город внизу теряет очертания. Молнии засверкали во внезапно наступившей тьме, появились огромные шары пурпурного света. Корабль шарахался, как перепуганный олень, и Корум почувствовал знакомую тошноту. Хлопанье крыльев слышалось все ближе, черные твари были видны все более отчетливо. Джери угадал. Дьявольские создания преследовали беглецов через плоскости.

Джери сделал что-то с кристаллами, корабль задрожал, угрожающе накренился. Новый приступ тошноты; вибрация, молнии, шары золотого пламени внутри стремительно надвигающегося, клубящегося красновато-оранжевого облака...

Языки дыма, удерживавшие корабль, исчезли. Черные чудовища еще летели следом, различимые на фоне чередующихся полос полного мрака и ослепительного сияния. До беглецов донеслись их тоскливые крики и грубая брань Гландита.

Потом наступила тишина.

Корум не видел Ралины. Не видел Джери. Он только продолжал чувствовать под ногами палубу корабля.

Они плыли в абсолютной тьме и абсолютном покое — вне плоскостей.

Часть вторая,

В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ И ЕГО СПУТНИКИ УЗНАЮТ, ЧТО ТАКОЕ ХАОС И ЧЕМ ОН МОЖЕТ БЫТЬ, А ТАКЖЕ ПОСТИГАЮТ ПРИРОДУ ВРЕМЕНИ И ЗАКОНЫ ТОЖДЕСТВЕННОСТИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БЕЗГРАНИЧНЫЙ ХАОС

— Корум? — произнес голос Ралины.— Ты где, Корум?

— Я здесь.

Он протянул руку и пошарил вокруг себя. Наконец пальцы его нащупали волосы Ралины. Он обнял ее за плечи.

— Джери,— позвал он.— Ты здесь?

— Здесь. Я перепробовал разные пассы, но кристаллы не действуют. Это Лимб, преддверье ада, Корум?

— Думаю, да. Мы можем дышать, и здесь относительно тепло,— иначе можно было бы вообразить, что мы в открытом Космосе.

Молчание.

Тьму вдруг прорезала узкая ленточка золотого света, рассекшая мрак надвое, словно линия горизонта — или, вернее, полоска света, пробивающегося из-под гигантской двери. Корабль оставался во тьме, но над золотой полоской мрак начал ползти вверх, как занавес в необъятном театре. Они по-прежнему не различали друг друга, но золотое сияние все росло и изменялось.

— Что это, Корум?

— Не знаю, Ралина. А ты, Джери?

— В Лимбе царит Равновесие Космоса, это ничейная область, куда боги и смертные могут попасть лишь в исключительных обстоятельствах.

— А мы попали сюда случайно?

— Не знаю.

Вот что предстало их глазам.

Картина была огромной, но соразмерной. Через пустыню под бело-пурпурным небом во весь опор мчался всадник. Его белые как молоко волосы развевались по ветру. В красных глазах застыло отчаяние. Кожа у него тоже была молочного оттенка. Чертами лица всадник походил на вадхагов, во всяком случае, в лице этого альбиноса было нечто нечеловеческое. Он был облачен в причудливой формы черные доспехи, украшенные замысловатым узором, на голове красовался огромный шлем, на поясе висел черный меч.

Картина изменилась. Всадник мчался уже не на коне: теперь он восседал верхом на чудовище, чем-то похожем на летучих тварей Гландита,— на драконе. В руке у него был черный меч, испускавший странное сияние. Всадник сидел в седле, ноги в стременах — словно на лошади,— однако был накрепко привязан к седлу, чтобы не свалиться вниз. Он что-то кричал.

Под ним летели другие драконы, видимо, братья его чудовища. Драконы бились не на жизнь, а на смерть, и противниками их были странные уродливые создания с пастями кашалотов. Потом сцену заволокло зеленым туманом.

Теперь перед беглецами возникли очертания гигантского замка, встающего из небытия прямо у них на глазах. Вырисовывались зубчатые стены, башни и башенки. Всадник отдал приказ драконам — и они устремились вниз, изрыгая пламя. На спине каждого чудовища сидело по всаднику. Они пролетели над пылающим замком и опустились на холмистую равнину. На равнине толпились демоны и уродливые, чудовищные существа — порождения Хаоса; они были готовы к битве. Там были и боги — все Владыки ада: Малохин, Ксиомбарг, Зортра; там был сам Хардрос, Жнец с чудовищной безволосой головой и широкой изогнутой косой, а также самый старый из богов — Слортар Древний, восхитительный и прекрасноликий, как шестнадцатилетний юноша.

Вся мощь ада поднялась на битву с драконами. Атакующих ждала неминуемая гибель.

Плеснуло ядовитое пламя, закрыв картину; снова перед беглецами было лишь золотое сияние.

— Что это? — прошептал Корум.— Ты что-нибудь понимаешь, Джери?

— Да. Я был там — или еще буду. Мы видели иную эпоху, иное царство. Это самая жестокая битва между Порядком и Хаосом, богами и смертными, какую я когда-либо видел. Я служил альбиносу,— только в ином обличье. Его зовут Элрик из Мелнибонэ.

— Ты уже говорил о нем, когда мы впервые повстречались с тобой.

— Он, как и ты, избранник судьбы; он предназначен для битвы за Космическое Равновесие,— голос Джери звучал печально.— Я хорошо помню его соратника Хмурника, хотя его друг Хмурник не помнит меня...

Корум пропустил мимо ушей последнее замечание Джери.

— Но что все это означает?

— Не знаю. Смотри — там новая картина.

На равнине раскинулся город. Коруму показалось, что он уже где-то видел его, однако в следующее мгновение он понял, что ошибся, ибо город не был похож ни на один из городов Бро-ан-Вадхаг или Ливм-ан-Эш. Выстроенный из белого мрамора и черного гранита, город производил торжественное впечатление. Город был в осаде. Пушки с серебряными жерлами смотрели с его стен на окружившие город полчища. Вражеская армия стояла лагерем под городскими стенами.

Захватчики были в тяжелых доспехах, защитники — в более легких латах, и чертами лица более прочих походили на вадхагов,— так же как и тот, кого Джери назвал Элриком. «Похоже, вадхаги распространились во многих сферах»,— мелькнуло в голове у Корума.

Рыцарь в громоздких доспехах мчался верхом на коне к черно-белым стенам города. В руке у него был флаг, и было очевидно, что он — парламентарий. Рыцарь что-то крикнул защитникам на стенах, и ворота распахнулись перед ним. Лицо его было скрыто забралом.

Картина опять переменилась.

Теперь, как ни странно, один из осаждавших город был его защитником.

Сцены ужасающей бойни. Оружие, еще более могущественное, чем у обитателей Гвлас-кор-Гвриса, уничтожало толпы атакующих — и побоищем руководил их бывший соратник...

Картина исчезла. И вновь все объял чистый, золотой свет.

— Эрекозе,— пробормотал Джери.— Мне кажется, в этих картинах есть смысл. Равновесие подает нам некий знак. Но суть их столь туманна, что мой рассудок отказывается понимать.

— Объясни мне, Джери,— попросил Корум, глядя из тьмы на золотую сцену.

— У меня не хватает слов выразить это. Я же сказал тебе однажды, что я лишь Спутник Героев,— а всегда, во все времена есть только один Герой и один Спутник, и мы не всегда знаем друг друга и собственную судьбу. Детали могут меняться, но общая канва всегда одна и та же. Карма Эрекозе в том, что он помнит все свои предыдущие воплощения и будущие инкарнации. Ты, Корум, по крайней мере, избавлен от этого ужаса.

Корум содрогнулся.

— Молчи, больше ни слова, Джери.

— А возлюбленные Героев? Ты что-то сказал о друзьях...— спросила Ралина.

Но тут на золотой сцене возникла новая картина.

Лицо рыцаря, искаженное мукой, залитое потом. Темный пульсирующий камень на обруче, охватывающем чело. Рыцарь опустил забрало, отполированное столь тщательно, что оно походит на зеркало. В этом зеркале отразились всадники со звериными головами.

Вглядевшись пристальнее, Корум понял, что это шлемы — только в форме звериных голов; маски напоминали кабаньи, козлиные, бычьи, собачьи морды.

Сражение. Кроме рыцаря с обручем, там было еще несколько воинов в таких же блестящих шлемах. Всего лишь горстка с воинством в звериных масках.

Один из рыцарей в блестящем шлеме воздел что-то над головой — короткий жезл, испускавший разноцветные лучи. Жезл вселял ужас в противников, многие дрогнули и обратились в бегство, так что полководцы были вынуждены насильно вести их в атаку.

Сражение продолжалось. И снова все заполнил чистый, золотой свет.

— Хоукмун,— сказал Джери,— с магическим Рунным Посохом. Что бы это могло означать? Знаешь, Корум, сейчас ты лицезрел себя самого в трех своих воплощениях. Никогда не видел ничего подобного.

Корум весь дрожал. Он просто не мог принять заявление Джери. Ведь это бы означало, что его судьбой была вечная битва, вечная смерть и вечное горе.

— Что бы это могло означать? — повторил Джери.— Может быть, предостережение? Намек, что нечто должно произойти? Или это вообще ничего не означает.

На золотую сцену наползала тьма, пока от сияния не осталась лишь узенькая полосочка света. Затем исчезла и она.

Они снова парили в Лимбе.

До Корума донесся голос Джери, далекий-далекий, словно Джери беседовал сам с собой:

— Я думаю, это означает, что мы должны найти Танелорн. Там встречаются судьбы, там преходящее постоянно. Ни Порядок, ни Хаос не способны изменить бытие Танелорна, хотя его жителям подчас грозит опасность. Но я не знаю, где находится Танелорн этой эпохи, этой плоскости. Если б хоть какой-то намек...

— А может, мы должны искать вовсе не Танелорн? — сказала Ралина.— Может, все эти картины указывают, что мы должны искать нечто совершенно иное?

— Здесь все взаимосвязано,— продолжал бормотать Джери, словно разговаривал сам с собой.— Все взаимосвязано, Элрик, Эрекозе, Хоукмун, Корум. Четыре лика одного явления, пятый — я, Ралина — шестой... Что-то случилось со Вселенной. Или начинается какой-то новый цикл. Я не знаю...

Воздушный корабль накренился: его словно несло по извилистой, с крутыми поворотами дороге. Слышался оглушительный вой ветра, хотя никакого ветра не было. Голос — почти человеческий, разносящийся эхом.

Корабль вошел в облако стремительно несущихся теней,— теней предметов и людей, устремленных в одном направлении.

Внизу мелькали бесчисленные вулканы, изрыгающие камни, огненную лаву и дым, но камни и дым не достигали корабля. Неожиданно запах гари сменился благоуханием цветов. Вулканы обернулись гигантскими бутонами, похожими на раскрывающиеся красные анемоны.

Откуда-то донеслось пение. Радостная, воинственная мелодия, песнь всепобеждающего воинства.

Стая исполинских чудовищ поднялась из моря экскрементов; твари задрали морды к небу и зарычали, прежде чем вновь скрыться в глубине.

Затем показалась пятнистая, бело-розовая, каменистая равнина. Но то были не камни. То были трупы, уложенные рядышком, лицом вниз.

— Ты что-нибудь понимаешь, Джери? Где мы? — спросил Корум, вглядываясь сквозь завихрения воздуха в лицо друга.

— Здесь царствует Хаос — и это все, что мне известно. Перед тобой безграничный, раскрепощенный Хаос. Порядок не имеет здесь власти. Я думаю, мы в царстве Мабелода. Я пытаюсь вывести корабль отсюда, но он не слушается меня.

— Наверное, мы проходим через плоскости,— возразила Ралина.— В этом все дело. Ведь картины меняются так быстро.

Джери обернулся с горькой улыбкой:

— Мы не движемся сквозь плоскости, госпожа Ралина.— Это Хаос. Настоящий, необузданный Хаос.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ЗАМОК ИЗ КРОВИ

— Несомненно, это царство Мабелода,— повторил Джери,— или Хаос успел одержать победу во всех пятнадцати плоскостях мироздания.

Омерзительные тени погнались за воздушным кораблем, но быстро отстали.

— У меня голова идет кругом,— пожаловалась Ралина.— Я точно сошла с ума. Кажется, что это все — кошмарный сон.

— Да,— кивнул Джери.— Возможно, это правда. Кто-то видит сон — может быть, бог.

Корум был не в состоянии говорить. Голова у него раскалывалась. Какие-то странные, смутные воспоминания теснились в мозгу, но он никак не мог их поймать. Иногда ему чудились какие-то голоса, и он напрягал слух; он даже перевесился через поручни корабля, чтобы посмотреть, нет ли кого под днищем, он вглядывался ввысь — все тщетно.

— Ты слышишь их, Ралина?

— Я ничего не слышу, Корум.

— Не могу разобрать слов. Может быть, это вовсе и не слова.

— Не обращай внимания,— резко сказал Джери.— Не обращай внимания на подобные вещи. Мы во владениях Хаоса, и наши чувства ежеминутно обманывают нас. Помни, что только мы здесь реальны, и будь осторожен, чтобы не принять какой-нибудь фантом за меня или Ралину.

— Ты полагаешь, демоны могут подставить себя вместо тех, кого я люблю? Могут заставить меня поверить?

— Называй их, как угодно, но именно это они и попытаются сделать.

Огромная волна взметнулась вверх, мгновенно приняв форму человеческой руки. Рука сжалась в кулак и устремилась к кораблю — уничтожить, раздавить его. Но исчезла. Джери, весь мокрый от испарины, продолжал вести корабль.

Занимался весенний день. Под кораблем тянулись утренние, озаренные бледным светом поля, все в сверкающей росе. В унизанной жемчужинами росинок траве цвели цветы, мелькали маленькие яркие озерца, крохотные речушки. В тени дубов паслись лошади и коровы. Чуть подальше виднелась приземистая усадьба с выбеленными стенами, и дымок курился над трубой. Щебетали птицы. Во дворе рылись свиньи.

— Невозможно поверить, что все это не настоящее,— заметил Корум.

— А это и есть настоящее,— возразил Джери.— Только недолговечное. Хаосу нравится создавать, но собственные творения весьма скоро надоедают ему, ибо создает он не ради Порядка, Справедливости или же Постоянства, а ради собственного наслаждения, для развлечения. Временами ему удается создать нечто такое, что по душе даже мне или тебе. Но это случайность.

Поля продолжали существовать. Усадьба тоже. Ощущение покоя усиливалось.

Джери нахмурился:

— Может быть, нам все-таки удалось вырваться из царства Хаоса, и...

Но тут поля закружились в стремительном водовороте, словно взбаламученная палкой стоячая вода. Усадьба растаяла легкой пеной. Цветы превратились в гнойники на поверхности воды.

— Так легко уверовать в то, во что хочешь поверить,— устало проговорил Джери.— Так просто...

— Надо выбираться отсюда,— сказал Корум.

— Выбираться? Корабль не слушается меня. Он вышел из-под контроля, как только мы вошли в Лимб.

— Значит, им управляет иная сила?

— Да. Хотя это и неощутимо,— голос Джери звенел от напряжения. Лицо побледнело. Даже кот испуганно прижимался к его плечу, словно ища защиты.

До самого горизонта простиралась зеленовато-серая кипящая масса, усеянная чем-то, напоминавшим клочья гниющих растений. У растений отрастали клешни и хвосты — и вот уже

12 – 6994

крабы и омары побежали по поверхности. Совсем как настоящие, лишь что-то неуловимое выдавало в них фантомов.

— Остров,— сказала Ралина.

Впереди над кипящей поверхностью поднимался темно-синий утес. На утесе стоял замок — огромный, ярко-алый. Поверхность его шла легкой рябью. Впечатление было такое, будто жидкости удалось принять форму твердого тела. От замка веяло знакомым, солоноватым запахом.

Джери отвернул в сторону, но каким-то непостижимым образом замок снова очутился перед ними. Джери снова повернул корабль. И снова замок оказался впереди. Еще и еще раз пытался Джери уйти от алого замка, но тот упорно маячил перед носом корабля.

— Он притягивает нас,— Джери снова попробовал сделать что-то с кристаллами.

— А что это такое? — спросила Ралина.

Джери потряс головой:

— Понятия не имею. Он отличается от всего, что мы здесь видели. Нас несет прямо на него! Боже, какая вонь! Я задыхаюсь!

Корабль притянуло к замку; он завис прямо над алыми башнями и наконец сел.

Корум перегнулся через поручни. Поверхность замка морщилась, словно жидкость. Она явно не была твердой, однако удерживала корабль. Корум вытащил меч, косясь на зияющий черный провал в стене рядом с башней: вход. Из него появилась какая-то фигура.

Необъятной толщины существо, почти вдвое шире обычного человека. Голова у него была в общем-то человеческая, но с торчащими кабаньими клыками. Существо передвигалось по волнующейся поверхности на толстеньких кривых ножках и было совершенно голым, если не считать плаща, на котором были вышиты какие-то замысловатые знаки. Оно ухмылялось.

— Давненько у меня не было гостей,— проговорило оно.— Вы мои?

— Вы хотите сказать — ваши гости? — переспросил Корум.

— Нет. Я имел в виду другое — это я сотворил вас или вы прилетели сами? Может, вас сотворили мои царственные братцы?

— Не понимаю...— начал было Корум, но Джери прервал его:

— Я знаю тебя. Ты — герцог Тир.

— Разумеется. Я — Тир. Ну и что из того? Похоже, вы вообще не фантомы, вы вообще не из этого царства. Я в восхищении! Добро пожаловать, смертные, в мой замок. Прошу, прошу, прошу! Как это все восхитительно! Прошу же!

— Ты — герцог Тир, а твой господин — Мабелод Безликий. Значит, я был прав. Это царство Мабелода.

— Как умно! Как проницательно! — кабанья пасть расплылась в омерзительной ухмылке, обнажив гнилые зубы.— Может быть, вы привезли мне послание?

— Мы тоже служим королю Мабелоду,— быстро проговорил Джери.— Мы сражаемся в царстве Аркина за возвращение Хаоса.

— О, превосходно! Только не говорите мне, что вы пришли просить помощи, смертные, ибо все мои силы уже отданы на борьбу в то царство, где Порядок пытается удержать власть. Каждый князь ада посылает туда подкрепление. Возможно, еще придет время, когда мы сами сможем участвовать в битве с Порядком, но пока еще рано. Пока мы только отдаем свою мощь, своих слуг — все, кроме самих себя,— ибо вам, вероятно, известно, что стряслось с Ксиомбарг, когда он... гм, скорее она попыталась проникнуть в царство Аркина. Такая неприятность!

— Но мы рассчитывали на помощь,— подхватил Корум, оценив хитрость Джери.— Порядок очень мешает нам.

— Как вам известно, я один из самых ничтожных князей Хаоса. Сила моя никогда не была велика. Почти вся она — пусть смеются другие! — ушла на строительство этого прекрасного замка. О, как я обожаю его!

— А из чего он построен? — нервно поинтересовалась Ралина. Она была уверена, что долго им не продержаться.

— Как? Вы не слыхали о замке Тира? Очень странно... Так знайте, мои любезные смертные, он выстроен из крови — весь, целиком. Многие тысячи жизней были отданы во имя этого, и многих еще предстоит убить, чтобы закончить его. Кровь, мои дорогие, кровь, кровь и еще раз кровь! Вы ощущаете ее божественный аромат? Кровь смертных и кровь бессмертных — все смешалось здесь воедино. Все виды крови годятся для замка Тира, в вас, например, хватит крови на постройку невысокой стены или даже башенки. Или, к примеру, из всех троих вышла бы целая комната. Вы просто поразитесь, когда узнаете, какой это превосходный строительный материал — кровь! А что за восхитительный вкус! — Тир пожал плечами и помахал толстой

ручкой.— Впрочем, это, вероятно, не для вас. Знаю я смертных и их причуды. Но я — я в восторге!

— Великая честь — лицезреть прославленный Замок из крови,— сказал Джери со всей любезностью, на какую был способен.— Однако неотложные дела зовут нас в путь. Нам нужно найти помощь для сражения с Порядком. Ты отпустишь нас, герцог Тир?

— Отпустить вас? — маленькие глазки сверкнули. Толстый шершавый язык прошелся по пересохшим губам. Тир потрогал один из своих клыков.

— В конце концов, мы на службе у короля Мабелода,— напомнил Корум.

— Действительно. Как превосходно!

— И у нас неотложное дело.

— Смертные редко попадают в царство короля Мабелода,— заметил Тир.

— Сейчас необычные времена,— возразил Джери.— Порядок успел завладеть двумя царствами.

— Вы совершенно правы! Но что это течет изо рта женщины?

Ралину рвало. Она боролась с собой до последнего, но вонь была невыносимой.

Глаза Тира сузились в щелочки.

— Я хорошо изучил смертных. Я знаю их повадки. Она расстроена. Что так подействовало на нее? Что?

— Мысль о возвращении Порядка,— упавшим голосом проговорил Джери.

— Нет, это я расстроил ее, я. Значит, она не всецело предана делу Хаоса? Гм, не слишком удачный выбор для короля Мабелода.

— Он выбрал нас,— сказал Корум.— А женщина просто путешествует с нами.

— Тогда она не нужна повелителю, и вам тоже. Я отпущу вас, однако взамен — за то, что я дал вам возможность насладиться зрелищем моего замка...

— Нет,— быстро возразил Корум, угадывая, к чему клонит Тир.— Мы не можем позволить тебе этого. Отпусти нас, герцог Тир, умоляю. Ты же знаешь, нам надо спешить! Король Мабелод разгневается на тебя, если ты станешь задерживать нас.

— Он разгневается на вас, если вы опоздаете. Отдайте мне женщину — и вы свободны. Если вам так уж хочется, можете взять себе ее тело. А я прошу только кровь.

— Нет! — завизжала Ралина в ужасе.

— Как глупо!

— Отпусти нас, герцог Тир!

— Сначала отдайте женщину.

— Нет! — дружно ответили Корум и Джери. Они выхватили мечи, но герцог Тир захрюкал от смеха, издевательского и недоверчивого.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ВСАДНИК НА БУЛАНОМ КОНЕ

Князь ада с наслаждением потянулся, словно после сладкого сна. Руки у него вдруг неимоверно вытянулись, тело раздалось вширь— и через мгновение он оказался вдвое больше прежнего.

Тир посмотрел на беглецов с высоты своего роста, издевательски ухмыляясь.

— Как неумело вы лжете!

— Мы не лжем! — в отчаянии вскричал Корум.— Мы просим тебя — дай нам уйти!

Герцог Тир нахмурился.

— Я не хочу навлекать на себя гнев Мабелода. Но будь вы в самом деле преданы Хаосу, вы вели бы себя гораздо умнее и отдали женщину. Она бесполезна для вас, но нужна мне. Свет моей жизни — мой замок. Я существую только затем, чтобы сделать его еще прекраснее, еще роскошнее,— чудовищная рука начала вытягиваться, приближаясь к беглецам.— Ну же, отдайте ее мне. Тогда вы свободны... А я...

— Смотри! — закричал вдруг Джери.— Вот наши враги! Они гонятся за нами. Они уже здесь, в этом царстве! Какая глупость — явиться сюда, в царство короля Мабелода!

— Что? — герцог Тир взглянул вверх — и увидел стаю черных длинношеих тварей с алыми пастями. На их спинах сидели люди.— Кто это?

— Их главаря зовут Корум Джайлин Ирси,— сказал Корум.— Они заклятые враги Хаоса и жаждут нашей смерти. Уничтожь их, герцог Тир, и король Мабелод будет очень доволен тобой.

Герцог Тир следил за кружащимися чудовищами.

— Это правда?

— Клянусь тебе! — заверил его Джери.

— Сдается мне, я слыхал об этом смертном, о Коруме. Это он уничтожил сердце Ариоха? Это он заманил в ловушку и погубил Ксиомбарг?

— Он! Он! — закричала Ралина.

— Где мои сети? — озабоченно пробормотал Тир, стремительно сокращаясь в размере.— Ну хорошо, я помогу вам,— и Тир юркнул в башню.

— В них достаточно крови, чтобы выстроить целую стену! — завопил Джери, устремляясь к кристаллам управления. Они ожили, и корабль взмыл вверх.

Гландит и чудовища заметили беглецов. Твари развернулись и, со свистом рассекая крыльями воздух, кинулись в погоню.

Но корабль уже освободился от чар Кровавого замка. А герцог Тир был поглощен своими сетями. Он стремительно увеличивался в размерах, пытаясь поймать оцепеневшего от изумления Гландита.

На лице у Джери была написана мрачная решимость.

— Надо вытащить корабль из этого поганой плоскости,— хмуро проговорил он.— Лучше погибнуть, нежели оставаться здесь. Тир скоро смекнет, что Гландит служит Хаосу, а не Порядку. А тот расскажет Тиру, кто мы есть на самом деле. И тогда все князья ада начнут охоту на нас,— он снял с пульта управления прозрачную крышку и принялся лихорадочно крутить кристаллы.— Не знаю, что из этого выйдет, но сейчас увидим.

Корабль затрясся всем корпусом. Корум вцепился в поручни. Его тело, казалось, разваливается на куски. Он прижал к себе Ралину.

Корабль нырнул в пучину оранжево-лилового сияния. Корума с Ралиной швырнуло вперед, прямо на Джери. И тут корабль словно врезался в невидимую преграду. Они начали погружаться в какую-то вязкую жидкость, и у Корума перехватило дыхание; при следующем толчке он потерял Ралину. Пошарил вокруг себя в темноте, но Ралины не было. Он ощутил, что палуба корабля уходит из-под ног.

Он парил.

Корум хотел крикнуть, позвать Ралину, но вязкая жидкость заполнила рот. Он хотел оглянуться, но жидкость залепила глаза.

Он парил, погружаясь все глубже и глубже. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Жидкость заполнила легкие. Корум понял, что умирает.

Он знал, что Ралина и Джери тоже умирают где-то рядом с ним, барахтаясь в липкой жидкости.

Он даже почувствовал странное облегчение при мысли, что миссия его завершена, что он свободен от долга перед Поряд-

ком. Он горевал о Джери и безмерно горевал о Ралине, но ему было нисколько не жаль себя самого.

И вдруг Корум стремительно полетел вниз. Он заметил обломок воздушного корабля — кусок искореженного поручня: тот падал совсем рядом. Корум летел в чистом прозрачном воздухе, но скорость падения была столь велика, что дышать он по-прежнему не мог.

Неожиданно падение замедлилось: он как бы скользил по плоскости. Корум огляделся: вокруг простиралась бескрайняя синева неба. Он раскинул руки. Кусок искореженного поручня по-прежнему скользил рядом. Корум поискал глазами Ралину, Джери. Но в бескрайней синеве никого не было видно. Только обломок поручня маячил перед глазами.

— Ралина, ты где? — позвал Корум. Никакого ответа. Он был один в голубой бесконечной Вселенной.

Его одолевал сон, глаза слипались, он пытался открыть их, но не мог. Казалось, мозг отказывается воспринимать ужас происходящего...

Корум проснулся. Он лежал на чем-то мягком и удобном. Ему было тепло и хорошо. Он почувствовал, что совершенно голый, и тогда открыл глаза: над ним были стропила крыши. Повернув голову, он увидел, что лежит в комнате. В окошко проникал солнечный свет.

Сон?

Это была мансарда, так как стены имели наклон. Роскошью комната не отличалась. «Похоже на жилище зажиточного крестьянина»,— подумал Корум. Он посмотрел на лакированную дверь с простой металлической щеколдой. За дверью кто-то пел.

Как он сюда попал? Может, это новая проделка Хаоса? Джери предупреждал его о подобных вещах. Корум выпростал руки из-под простыни. На левом запястье по-прежнему была шестипалая, изукрашенная каменьями рука Квилла. Он потрогал лицо: глаз Ринна, ныне совершенно бесполезный, сидел в пустой правой глазнице. В углу на сундуке лежала его одежда, а рядом — меч, копье и лук.

Может, он вернулся в свой мир, где возобладал Разум? Может, Тир убил Гландита и таким образом снял заклятие с его родной земли?

Комната была незнакома, узор на сундуке и кроватных столбиках непривычен. Он явно попал не в Ливм-ан-Эш и не в Броан-Вадхаг.

Дверь отворилась, вошел толстенький человечек. Он с интересом посмотрел на Корума и сказал что-то на непонятном языке.

— Вы говорите на языках вадхагов или мабденов? — вежливо осведомился Корум.

Толстяк — определенно не крестьянин, если судить по богато вышитой рубахе и шелковым штанам,— покачал головой и развел руками, сказав еще что-то на незнакомом языке.

— Куда я попал? — спросил Корум.

Толстяк показал на окно, потом на пол, снова что-то сказал, засмеялся и жестами поинтересовался, не голоден ли Корум. Корум кивнул. Он действительно очень хотел есть.

Толстяк направился к двери, но Корум остановил его.

— Ралина? Джери? — спросил он в надежде, что имена окажутся знакомы человечку. Может быть, ему известно, где находятся его друзья. Но хозяин покачал головой, рассмеялся и закрыл за собой дверь.

Корум встал. Он был слаб, но не изможден. Он оделся, взял было кольчугу, но передумал и положил ее рядом со шлемом и поножами. Потом подошел к двери и приоткрыл ее. За дверью оказалась лестничная площадка, выкрашенная тем же, что и дверь, коричневым лаком; за ней — лестница, ведущая вниз. Он вышел на площадку и, перегнувшись через перила, посмотрел вниз, однако увидел лишь следующую площадку. До него донеслись голоса — женский смех, смех толстяка. Он возвратился в комнату и выглянул в окно.

Дом стоял на городской окраине. Но город не был похож на знакомые ему города. У всех домов были красные островерхие крыши и стены из бревен и серого кирпича. Улицы вымощены булыжником, по которому с грохотом катили телеги. Большинство прохожих были одеты в более грубое платье, нежели толстяк хозяин, однако выглядели все весьма жизнерадостно и весело приветствовали друг друга, останавливаясь поболтать.

Город казался довольно большим. Вдалеке Корум разглядел крепостную стену и шпили каких-то довольно богатых зданий. Время от времени мимо окна проезжали экипажи, разодетые всадники — местная знать, а может, богатые купцы проталкивались через толпу горожан.

Корум потер лоб, присел на краешек кровати и попытался сосредоточиться. Было очевидно, что он в другой плоскости, где нет борьбы между Порядком и Хаосом. Все, насколько он мог судить, живут нормальной, спокойной жизнью. Однако и Вла-

дыка Порядка Аркин, и герцог Тир утверждали, что сражение идет во всех пятнадцати плоскостях. Может быть, здесь властвует сам Аркин или кто-нибудь из его братьев, еще не сломленных Хаосом? Нет, вряд ли. Вдобавок он не понимал языка здешних жителей, а они — его. Такого с ним еще не бывало. Манипуляции Джери с кристаллами привели к ужасающим результатам. Корум оказался отрезан от всего, что ему было знакомо. Возможно, он так никогда и не узнает, куда попал. А значит, и Ралина, и Джери, даже если и остались в живых, тоже выброшены, как он, в каком-нибудь чуждом мире.

Дверь отворилась, в комнату вошел толстяк хозяин с не менее толстой женщиной в необъятной юбке. В руках у нее был поднос с мясом, овощами и фруктами. Кроме того, на подносе стояла дымящаяся миска с супом. Женщина улыбнулась Коруму и протянула поднос с таким выражением, будто собиралась кормить сидящего в клетке зверя. Но Корум улыбнулся и принял поднос с поклоном. Женщина постаралась не коснуться его шестипалой руки.

— Вы очень добры,— проговорил Корум, зная, что женщина не поймет, и все-таки желая дать ей почувствовать его признательность. Они наблюдали, как он ест. Пища не отличалась изысканностью, но Корум был страшно голоден. Он старался не спешить и ел с изяществом, затем, также с поклоном, вернул поднос молчаливой чете.

Он съел слишком много и слишком быстро, а потому сразу же ощутил тяжесть в желудке. Человеческая пища ему никогда не нравилась, эта же оказалась грубее, чем всегда. Но он притворился, что восхищен, поскольку не часто встречал в последнее время доброе отношение.

Толстяк пытался о чем-то спросить:

— Фенк?

— Фенк? — переспросил Корум и покачал головой.

— Паннис?

Корум снова покачал головой. Толстяк спросил еще что-то в том же духе — каждый раз односложно,— и всякий раз Корум жестом показывал, что не понимает, о чем идет речь. Теперь наступила его очередь. Он перепробовал несколько слов на мабденском диалекте, происшедшем из языка вадхагов. Толстяк явно не понимал. Он показал на шестипалую кисть Корума, потом подергал за руку себя, постучал по руке ребром ладони — и Корум наконец догадался, что он пытается спросить, как Коруму

отрубили руку и не является ли рука Ринна протезом. Корум поспешно кивнул и улыбнулся, показав на свой глаз. Хозяин удовлетворенно кивнул. Вид у него был ужасно заинтригованный. Он осмотрел руку Квилла с нескрываемым восхищением. Несомненно, он полагал, что это произведение человеческих рук, а Корум не мог объяснить ему, что рука и глаз достались ему при помощи волшебства. Толстяк жестами позвал Корума куда-то, и тот охотно последовал за ним вниз по лестнице, в комнату, которая оказалась мастерской.

И ему все стало ясно. Хозяин изготовлял искусственные конечности и экспериментировал с различного рода протезами: там были деревянные, костяные и металлические ноги, иные весьма хитроумные конструкции, кисти рук, вырезанные из слоновой кости, металлические на шарнирах, целые руки, ступни и даже нечто напоминавшее металлическую грудную клетку. Комната была завалена анатомическими рисунками и схемами, все они были выполнены в незнакомой, поразительной манере, и Корум смотрел на них, как завороженный. Он увидел кипу манускриптов — пачки листов в кожаных переплетах — и раскрыл один из них. Это оказалась книга по медицине. И хотя книга сама по себе не отличалась изысканностью, а угловатые странные буквы были некрасивы, книга дышала мудростью,— как и старые рукописи вадхагов, существовавшие до прихода мабденов. Корум похлопал рукой по книге и одобрительно хмыкнул.

— Хорошо,— сказал он.

Хозяин кивнул и тоже похлопал по кисти Корума. Корум даже улыбнулся, представив, что бы подумал хозяин, будь Корум в состоянии объяснить, каким путем она ему досталась. Бедняга, вероятно, пришел бы в ужас, а скорее всего, решил, что Корум не в своем уме, как решил бы и сам Корум до того, как столкнулся с колдовством.

Корум позволил доктору осмотреть свою повязку и диковинный глаз под ней. Глаз озадачил толстяка еще больше, чем кисть. Он нахмурился и потряс головой. Корум опустил повязку на место. Ему даже почти захотелось продемонстрировать доктору подлинные способности глаза Ринна и руки Квилла.

Мало-помалу Коруму стало понятно, как он попал в этот дом. Очевидно, горожане нашли его без сознания и послали за доктором или даже принесли сюда. А доктор, одержимый навязчивой страстью к искусственным органам, был только счастлив приютить у себя Корума, хотя бог знает, что он подумал при виде доспехов и оружия Принца в Алом Плаще.

Теперь Корума начало мучить беспокойство и страх за Ралину и Джери. Если они здесь, в этом мире, он должен разыскать их. Возможно, Джери, так часто путешествовавший между царствами, способен изъясняться на местном языке. Корум поднял чистый кусок пергамента и птичье перо (оно несколько отличалось от перьев, используемых мабденами), окунул перо в чернила и нарисовал картинку мужчины и женщины. Затем он поднял два пальца и показал на улицу, мимикой и жестами давая понять, что не знает, где они находятся. Доктор понимающе закивал, однако тут же изобразил, комически разведя руками, что ему ничего о них не известно, что он никогда не видел ни Ралину, ни Джери и что Корум был один, когда его обнаружили.

— Я должен поискать их,— сказал Корум настойчиво, показывая сначала на себя, затем на дверь.

Доктор опять кивнул: он понял Корума. Некоторое время он раздумывал, затем жестом велел Коруму немного обождать, вышел и вскоре вернулся в камзоле. Коруму он принес плащ, чтобы тот прикрыл свое платье, выглядевшее здесь, по меньшей мере, странно.

Вдвоем они вышли из дому.

Люди глазели на Корума, когда они шли по улицам города. Было ясно, что слухи о странном незнакомце уже распространились. Доктор провел Корума под арку — за крепостную стену. Покрытая белой пылью дорога вилась через поля. Вдалеке виднелось несколько крестьянских домов.

Наконец они добрели до небольшой рощицы. Подле нее доктор остановился и показал Коруму место, где его нашли. Оглядевшись, Корум обнаружил то, что искал: кусок искореженного поручня воздушного корабля. Он показал его доктору, который явно в жизни не видал ничего подобного, потому что даже ахнул от удивления, крутя в руках обломок.

Обломок был для Корума доказательством, что он не сошел с ума, что он действительно побывал в царстве Хаоса.

Корум оглядел мирный пейзаж. Неужели и вправду существуют такие места, где нет вечной битвы? Он почувствовал острую зависть к обитателям этого мира. Разумеется, у них тоже есть свои горести и печали. Эти люди знают и боль, и войну, иначе с какой бы стати доктора столь живо интересовали искусственные конечности? И все-таки здесь ощущался разумный порядок, и Корум был уверен, что здесь нет никаких богов — ни Порядка, ни Хаоса. Но он хорошо понимал, что глупо лелеять надежду на мирную жизнь в этом краю, ибо

он не принадлежал здешнему миру, он был совсем не таким, как они, даже физически. Ему вдруг стало интересно, что вообразил доктор о его появлении.

Корум побрел среди деревьев, выкликая имена Джери и Ралины.

Услышав крик, он стремительно обернулся в надежде увидеть любимую женщину. Увы, это был высокий, угрюмый человек в черном одеянии. Он шагал к ним через поле, и его седые волосы развевались по ветру. Доктор подошел, и они о чем-то заговорили, поминутно оглядываясь на наблюдавшего за ними Корума. Беседа их явно носила характер спора, потому что вид у незнакомца становился все более сердитым. Обвинительным жестом он указал на Корума и помахал рукой.

Корума охватило беспокойство, и он пожалел, что не захватил с собой меч. Но неожиданно человек в черном повернулся и зашагал прочь, к городу, а доктор насупился и поскреб подбородок.

Коруму сделалось не по себе. Происходило что-то неладное, человек в черном был явно настроен против него, Корума, возможно, его внешний вид внушал подозрение. К тому же у незнакомца наверняка было куда больше власти, нежели у доктора, и значительно меньше симпатии к Принцу в Алом Плаще.

Опустив голову, доктор покосился на Корума. Затем вздернул подбородок и сжал губы. Он что-то пробормотал на своем языке, обращаясь к Коруму таким тоном, каким человек разговаривает с собакой, к которой чрезвычайно привязан и которую могут убить или отобрать у него.

Корум решил, что ему необходимо поскорее заполучить доспехи и оружие. Он показал на город и зашагал через поле. Доктор побрел следом, погруженный в озабоченное молчание.

Вернувшись в дом доктора, Корум надел свою серебряную кольчугу, поножи и шлем. Пристегнул длинный меч, лук и колчан. Он понимал, что вид у него еще более нелепый, чем раньше, но так ему было спокойнее. Он выглянул из окна — в ночь. Лишь одинокие прохожие виднелись на улице. Корум спустился по лестнице к двери. Доктор что-то сказал ему, пытаясь остановить, но Корум отодвинул его в сторону, откинул щеколду и вышел.

Толстяк предостерегающе крикнул что-то вслед, но Корум не обратил внимания — во-первых, он не нуждался в предостережениях, а во-вторых, не хотел ввергать доброго доктора в неприятности.

Видели его немногие. И никто не пытался остановить, хотя прохожие косились на Корума с опаской либо смеялись, явно принимая за ненормального. «Пусть лучше смеются, чем боятся,— решил Корум,— так спокойнее».

Некоторое время он шел наугад, пока не набрел на брошенный, полуразвалившийся от старости дом. Корум решил переждать там ночь, поразмыслить, что делать дальше.

Он запнулся о полусгнивший порог. Крысы шарахнулись в стороны при его появлении. Он поднялся по шаткой лестнице в комнату с окном на улицу. Корум сам толком не мог объяснить, почему покинул дом доктора; но он не желал иметь дело с человеком в черной одежде, это он знал точно. Если его захотят найти, то, конечно, найдут без труда. Но эти люди суеверны и могут вообразить, что Корум исчез столь же непостижимым и таинственным образом, как и появился. Он заснул, не обращая внимания на крысиную возню.

Проснулся он на рассвете и выглянул на улицу. Похоже, это была главная улица города, по ней уже сновали торговцы и разносчики, иные с тележками, другие вели под уздцы ослов и лошадей; люди весело перекликались, желая друг другу доброго утра.

До Корума донесся аромат свежего хлеба, и он почувствовал острый голод, но все же подавил искушение высунуться и схватить каравай с тележки задержавшегося под окном булочника. Он снова задремал. Когда наступит ночь, надо попытаться достать лошадь и уехать из города, решил Корум, туда, где можно выяснить что-либо о Ралине и Джери.

В полдень на улице послышался шум, приветственные крики. Корум выглянул наружу.

По улице шли люди со знаменами; оркестр наигрывал какую-то хриплую мелодию. Процессия явно военная, ибо многие всадники были в стальных нагрудниках, с мечами и колчанами за спиной.

В центре процессии, равнодушный к крикам толпы, ехал человек, виновник торжества. Он сидел на буланом жеребце и был облачен в ярко-алый плащ с высоким воротником, скрывавшим от Корума лицо рыцаря. На голове у всадника красовалась шляпа, на поясе висел меч. Рыцарь был мрачен.

И вдруг Корум с легким изумлением заметил, что у всадника отсутствует кисть левой руки. Рыцарь держал повод при помощи специального крючкообразного приспособления. Незнакомец повернул голову,— и Корум едва сдержал возглас

удивления, ибо правый глаз у всадника на буланом коне прикрывала повязка. И хотя черты лица у него были человеческие, он разительно походил на самого Корума.

Корум вскочил, намереваясь окликнуть своего двойника, но тут чья-то рука зажала ему рот и силой увлекла на пол.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на нападающего, и глаза у него расширились.

— Джери! — вскричал он.— Значит, ты здесь! А Ралина? Ты видел ее?

Но Джери, одетый как местные жители, лишь покачал головой:

— Нет, Корум, увы. Я надеялся, что вы вместе. Похоже, ты навлек на себя подозрения.

— Тебе знакома эта плоскость?

— Плоховато. Но я могу объясняться на нескольких здешних языках.

— А кто этот рыцарь на буланом коне?

— Именно из-за него ты должен покинуть эту плоскость, и как можно скорее. Ведь это ты сам, Корум. Это твоя инкарнация — в этом царстве и в этой эпохе. Но вы не можете существовать одновременно в одном и том же месте, такое противоречит всем законам Космоса. Нам грозит серьезная опасность, Корум, и не только нам: эти люди тоже могут попасть в беду, если мы — пусть невольно — будем нарушать порядок, равновесие миров.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
УСАДЬБА В ЛЕСУ

— Расскажи мне про этот мир, Джери!

Но Джери, приложив палец к губам, потянул Корума прочь от окна, мимо которого следовала процессия.

— Мне знакомы многие миры, но отнюдь не все,— пробормотал он.— Когда наш корабль развалился, мы пролетели через многие эпохи и плоскости и угодили в мир, логика которого существенно отличается от нашей. К тому же здесь живут наши «двойники», и мы можем нарушить равновесие этой эпохи, да и многих других тоже. Подобные парадоксы в мире, к ним непривычном, могут оказаться фатальными...

— Тогда давай скорее покинем эту плоскость! Найдем Ралину — и в путь!

Джери улыбнулся:

— Из эпохи и плоскости не выйдешь, как из комнаты. Кроме того, я не думаю, что Ралина здесь, ведь ее никто не видел. Но это можно выяснить. Неподалеку отсюда живет одна женщина, она у них вроде прорицательницы. Надеюсь, она нам поможет. Люди этой эпохи относятся к таким, как мы, с благоговением, однако нередко это чувство переходит в ненависть,— и тогда они начинают преследовать нас. Тебе известно, что тебя разыскивает жрец? Он хочет отправить тебя на костер.

— Я знаю, он недолюбливает меня.

Джери рассмеялся:

— О да, настолько, что мечтает замучить тебя до смерти. У него весьма высокий духовный сан. Жрец обладает огромной властью и уже отдал приказ разыскать тебя. Надо быстро раздобыть лошадей...— Джери почесал подбородок и прошелся по скрипучим половицам.— Мы должны вернуться в наш мир как можно скорее. Оставаться здесь мы не имеем права...

— А также желания,— кивнул Корум.

Звуки барабанов и труб затихли, толпа начала рассеиваться.

— Вспомнил ее имя! — воскликнул Джери. Он щелкнул пальцами.— Ее зовут Джейн Пенталлион, и она живет неподалеку от деревушки под названием Варлеггон.

— Какие здесь странные имена, Джери.

— Не более странные, чем наши для них. Надо поспешить в Варлеггон, и моли богов, чтобы Джейн Пенталлион оказалась у себя дома жива и невредима. Надеюсь, ее еще не сожгли на костре.

Корум подошел к окну и глянул вниз.

— Жрец,— сказал он.— Со своими людьми.

— Наверно, кто-то видел, как ты входил сюда. Они выжидали, пока закончится парад, чтобы ты не улизнул в суматохе. Мне вовсе не хочется убивать их, ведь мы не имеем никакого отношения к этой эпохе...

— А мне вовсе не хочется быть убитым,— отрезал Корум и, выхватив меч, устремился к лестнице.

Он был на полпути вниз, когда в дом ворвались преследователи со жрецом во главе. Тот что-то крикнул воинам и сделал рукой какой-то знак — наверняка от нечистой силы, по глупой мабденской привычке. Корум прыгнул вперед и всадил ему в горло клинок. Его глаз грозно сверкал. Преследователи взвыли. Они явно не ожидали такого исхода. У дверей возникло замешательство.

— Весьма неразумный поступок. Здешние люди болезненно относятся к подобным вещам. Они почитают своих жрецов. Теперь против нас восстанет весь город, и нам будет трудно исчезнуть,— негромко заметил Джери.

Корум, пожав плечами, шагнул к трем воинам, которые по-прежнему загораживали дверь.

— У них есть лошади. Давай захватим их и покончим со всем этим, Джери! Я так устал от нерешительности. Защищайтесь, мабдены!

Мабдены попытались парировать удары, однако в темноте лишь увечили друг друга. Одного Корум поразил в сердце, другого ранил в руку. Оба с воплями рухнули в дверной проем.

Джери и Корум выскочили из дома; на лице у Джери было написано неудовольствие. Он предпочитал более мягкие действия. Однако и его меч сверкнул в воздухе, когда какой-то всадник хотел затоптать его конем. Джери выбил седока из седла и вскочил на лошадь. Лошадь выгнула шею и встала на дыбы, но Джери осадил ее и заработал мечом, отбиваясь от еще двух преследователей, вывернувшихся из-за угла.

Корум все еще сражался на земле. Он орудовал своей изукрашенной каменьями рукой словно дубинкой, круша неприятелей направо и налево, прокладывая себе путь к привязанным у ограды лошадям. Мабденов, похоже, повергало в ужас одно прикосновение шестипалой руки, и они разбегались, пытаясь увернуться от нее. Еще двое расстались с жизнью, прежде чем Корум добрался до лошадей и прыгнул в седло.

— Куда, Джери? — закричал он.

— Сюда! — Iаже не обернувшись, Джери дал шпоры коню и галопом поскакал вниз по улице.

Корум наотмашь ударил воина, попытавшегося схватить его коня за повод, и помчался следом за Джери. Город загудел. Торговцы и крестьяне норовили заступить им дорогу, и Джери с Корумом пришлось посылать лошадей прямо через тележки и пробиваться сквозь стадо коров и овец. Полку преследователей прибыло, они устремились вдогонку, стараясь взять беглецов в клещи.

Но те уже нырнули под арку и оказались за низкой стеной, на покрытой белой пылью дороге. Погоня мчалась по пятам.

Вскоре над головами беглецов засвистели стрелы: это лучники стреляли с крепостных стен. Корум был поражен дальнобойностью луков.

— У них заколдованные луки, Джери?

— Нет. Просто в твою эпоху такие луки еще не известны. Здешние жители — великие мастера в этом деле. Нам еще повезло, луки слишком громоздки, чтобы стрелять из седла. Ну вот, стрелы уже не долетают до нас. Однако всадники не отстают. Свернем вон в тот лес, Корум! Живее!

Они нырнули в густой, пряно пахнущий лес, перескочили через ручей. Копыта лошадей заскользили по влажному мху.

— А что станется с доктором? — спросил Корум.— С тем, что приютил меня?

— Он умрет — разве что у него хватило ума донести на тебя,— ответил Джери.

— Но он человек выдающихся знаний и благородства. Человек науки, ученый.

— Тем больше оснований разделаться с ним. Здесь в почете не ученость, а суеверия.

— Но это такой чудесный край! Здешние жители кажутся очень добросердечными.

— Ты говоришь так, когда за тобой гонятся по пятам? — Джери рассмеялся и хлестнул лошадь по крупу, посылая ее в галоп.— Видно, слишком часто попадались тебе такие, как Гландит и исчадия Хаоса, если это местечко кажется тебе раем!

— В сравнении с тем, через что мы прошли, Джери, это действительно рай.

— Возможно, ты прав.

Петляя и путая следы, они ухитрились к заходу солнца оторваться от преследователей и теперь, не спеша, брели по узкой тропе, ведя взмыленных лошадей под уздцы.

— До Варлеггона еще далеко,— проговорил Джери.— Как жаль, что у нас нет карты, принц Корум, потому что у меня было не это тело и не эти глаза, когда я в последний раз видел здешние места.

— Как называется этот край? — спросил Корум.

— Он, как и Ливм-ан-Эш, разделен на множество мелких княжеств, находящихся в подчинении у одного правителя. Это княжество, к примеру, называется Керноу, или Корнуолл, смотря на каком языке ты говоришь — на местном или на языке плоскости в целом. Здешние жители все во власти суеверий, хотя их история гораздо древнее, нежели в прочих областях страны. Этот край во многом напоминает Бро-ан-Вадхаг. Память, конечно, потускнела, однако здесь еще живы легенды о существах, похожих на тебя. Они жили здесь в старину.

— Ты хочешь сказать, что этот Керноу лежит в моем будущем?

— В чьем-то будущем. Возможно, и не в твоем. В будущем другой плоскости. Существует множество будущих, в которых вадхаги распространились, а мабдены вымерли. Многообразие Вселенной подразумевает бесконечное число возможностей.

— Твои знания велики, Джери-а-Конел.

Щеголь слазил за пазуху и извлек оттуда черно-белого кота. Он сидел там все время, пока они отбивались и скрывались от преследователей. Кот тут же начал мурлыкать и потягиваться, а потом удобно устроился на плече у хозяина.

— Мои знания обрывочны,— устало отозвался Джери.— Просто разрозненные воспоминания.

— Но почему тебе столько известно о здешнем мире?

— Потому, что я живу в нем даже сейчас. Видишь ли, время как таковое вообще не существует. Я, к примеру, помню то, что для тебя является будущим. Помню одну из многих своих инкарнаций. Понаблюдав за парадом подольше, ты бы смог лицезреть не только себя, но и меня. Здесь у меня довольно громкий титул, но я служу всаднику на буланом коне. Он родился в этом городе, и местные жители чтят его как великого воина, хотя он, как и ты, предпочитает мир. Такова судьба Вечного Героя.

— Я не хочу больше об этом слышать,— быстро сказал Корум.— Это слишком мучительно.

— Я не могу осуждать тебя за это.

Наконец они сделали привал, чтобы напоить лошадей и поспать, карауля по очереди. Время от времени вдалеке проезжали группки всадников с зажженными факелами, но всякий раз они были слишком далеко, чтобы представлять серьезную угрозу.

Утром беглецы достигли обширной вересковой пустоши, лошади уверенно пошли в карьер и вскоре доскакали до лесистой долины.

— Мы обошли Варлеггон стороной,— сказал Джери.— Думаю, так лучше. Но вот и тот лес, что нам нужен. Гляди, видишь дымок? Там, полагаю, усадьба леди Джейн.

По узкой, петлистой дорожке, зажатой с обеих сторон высокими склонами, поросшими душистым мхом и дикими цветами, они наконец подъехали к двум столбам из бурого камня. Столбы увенчаны были источенными непогодой изваяниями раскинувших крылья ястребов. Ворота из гнутых железных прутьев были отворены, и беглецы пустили лошадей по гравийной дорожке. Завернув за угол, они увидели дом — большой, трехэтажный, сложенный из такого же бурого камня, с серой кры-

шей и пятью печными трубами красноватого кирпича. Окна были решетчатые; в центре помещалась низкая дверь.

На стук копыт из-за дома вышли двое слуг.

Люди были темнолицы, с низкими, нависающими бровями и длинными седыми волосами. Одевались он в кожи и шкуры, и если их лица вообще имели какое-то выражение, то было это скорее мрачноватое удовольствие при виде Корума в высоком шлеме и серебряной кольчуге.

Джери сказал что-то на их языке, который довольно значительно отличался от слышанного Корумом на улицах города: этот язык еще хранил слабый отзвук вадхагской речи.

Один повел лошадей на конюшню. Второй через главный вход прошел в дом. Корум и Джери остались ждать снаружи.

А потом в дверях появилась она.

Это была старая, благородной наружности женщина с длинными белоснежными, заплетенными в косы волосами, в платье из легкого голубого шелка с широкими рукавами, украшенном золотой вышивкой у горловины и по подолу.

Джери обратился к ней на здешнем наречии, но женщина улыбнулась. Она ответила на чистейшем, журчащем словно ручей, языке вадхагов.

— Я знаю, кто вы,— сказала она.— Мы ждали вас. Добро пожаловать в мою лесную усадьбу.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ЛЕДИ ДЖЕЙН ПЕНТАЛЛИОН

Старая женщина провела гостей в прохладные комнаты. Стол из полированного дуба был уставлен блюдами с мясом, винами и фруктами. Воздух благоухал цветами, которые были повсюду. На Корума хозяйка усадьбы поглядывала гораздо чаще, чем на Джери. Она смотрела на него почти с обожанием.

Корум с поклоном снял шлем.

— Благодарим вас, сударыня, за радушие и гостеприимство. В вашей земле много доброты — равно как и ненависти.

Она улыбнулась и кивнула:

— Да, некоторые добры, но не слишком многие. Эльфы как раса в целом гораздо добрее.

— Эльфы, сударыня? — вежливо переспросил Корум.

— Да, ваш народ.

Джери извлек из-за пазухи смятую шляпу и поглядел на нее с сожалением.

— Да, непросто будет вернуть ей должную форму. Подобные приключения хуже всего сказываются на шляпах. Леди Джейн Пенталлион говорит о вадхагах, принц Корум, а также о родственной расе, элдренах, которые мало чем отличаются от вас,— разве что формой и цветом глаз; они, так же как мелнибонэйцы и ниланриане, являются боковыми ветвями одной и той же расы. В здешних краях вы известны как эльфы, а порой — в других местах — вас еще называют дьяволами, джиннами, даже богами.

— Прошу простить меня,— мягко сказала леди Джейн.— Я забыла, что ваш народ привык называть себя по-своему. И все же слово «эльф» сладостно для моего слуха, столь же сладостно, как и ваша речь — после стольких лет...

— Называйте меня как вам угодно, сударыня,— учтиво ответил Корум,— ибо я обязан вам жизнью, а может и здравостью рассудка. Как вы выучили наш язык?

— Прошу вас, угощайтесь,— сказала она.— Я постаралась приготовить пищу как можно нежнее, ибо знаю, что у эльфов более изысканные вкусы, нежели у нас. Я поведаю вам мою историю, пока вы будете утолять голод.

Корум приступил к еде и с удивлением обнаружил, что это самая восхитительная мабденская еда, какую он когда-либо вкушал. В сравнении с тем, чем его кормили в городе, пища была тонко приправленной и легкой как воздух. Джейн Пенталлион заговорила. Голос ее звучал грустно и словно издалека.

— Я была совсем юной девушкой,— начала она,— семнадцати лет, когда стала хозяйкой этой усадьбы. Отец мой погиб в крестовом походе, а мать заболела чумой, отправившись навестить сестру. Она умерла, а вместе с ней умер мой младший брат, которого мать взяла с собой. Конечно, я была в отчаянии, но слишком юна, чтобы понимать: лучший способ побороть горе — встретить его лицом к лицу, а не прятаться от него. Я же предпочла не думать о том, что осталась одна в целом свете. Я пристрастилась к чтению и погрузилась в романы, воображая себя то Изольдой, то Джиневрой. Слуги, которых вы видели, служат мне с тех самых пор,— хотя тогда они выглядели несколько моложе. Они вошли в мое состояние и не корили меня, когда я совершенно порвала с миром, все более отдаваясь грезам. К тому же мир был достаточно далек и не подавал о себе вестей.

И вот в один прекрасный день в наши края забрело какое-то египетское племя. Они попросили у меня позволения поставить шатры в моем лесу. Я прежде никогда не видала таких странных смуглых лиц и сверкающих черных глаз. Они произвели на меня неизгладимое впечатление. Эти люди, решила я, хранители знаний древних мудрецов — из тех, кого знавал Мерлин. Теперь-то мне понятно, что большинство из них не знало ничего. Но была среди них девушка одного со мной возраста — так же, как я, сирота. И я увидела в ней себя. Она была темноволоса, а я белокура, однако мы были одного роста и одинакового телосложения; и потому, что страсть к самолюбованию всегда была одним из моих недостатков, я пригласила ее остаться со мной, когда ее сородичи ушли, прихватив с собой, надо заметить, почти весь наш домашний скот. Однако это нисколько меня не озаботило, ибо истории Айреды, которые она слышала от родителей, отличались куда более необузданной, дикой фантазией, нежели то, что я читала в книгах или придумывала сама.

Она поведала мне о древних черных богах, что могли унести юных девушек в страну божественного восторга — туда, где полубоги с волшебными мечами своею волей разрушали само естество природы. Теперь я считаю, что Айреда большей частью выдумывала свои истории или приукрашивала затейливыми подробностями то, что слышала от родителей,— но суть ее сказок была правдой. Айреда знала множество заклятий, при помощи которых можно было вызывать этих загадочных существ, однако она боялась использовать их. Я умоляла ее наколдовать нам обеим возлюбленных — богов из других миров, но она тряслась от страха и отнекивалась. Прошел год. Мы продолжали играть в свои жутковатые игры и уже не могли думать ни о чем другом, кроме как о магии, демонах и богах. Наконец Айреда, поддавшись моим уговорам, не устояла, изменила решению не говорить о заклятиях и не колдовать...

Джейн Пенталлион взяла со стола блюдо с нарезанными фруктами и подала Коруму. Тот принял его.

— Пожалуйста, продолжайте, сударыня.

— От нее я узнала о магических знаках, что следует вырезать на каменных плитах пола, о растениях, пригодных для магических зелий, о том, как надо раскладывать драгоценные каменья и особые виды простых камней, о свечах — и многом другом. Наконец я выудила из нее все, кроме самого заклинания и волшебных знаков, которые надлежало начертать в воздухе

ножом из мерцающего кристалла. И вот я вырезала знаки на полу, я собрала травы и камни и послала в город за свечами. В один прекрасный день я выложила все это пред Айредой и умоляла ее вызвать древних, правивших этой землей еще до прихода друидов, исчезнувших с появлением христиан. И она согласилась, ибо к тому времени была уже, как и я, во власти безумия. Для колдовства мы выбрали ночь накануне Дня Всех Святых, хотя не думаю, что это имело какое-то значение. Мы разложили каменья и гальку и начертали в воздухе магические знаки волшебным ножом из сверкающего кристалла. Мы зажгли свечи, сварили травы, выпили то, что сварили,— и добились успеха.

Джери во все глаза смотрел на Джейн Пенталлион, жуя яблоко.

— Добились успеха, сударыня? — переспросил он.— Вам удалось вызвать демона?

— Демона? Нет, я назвала бы его иначе, хотя в тот миг он действительно показался нам демоном — со своими раскосыми глазами и слегка вытянутыми ушами. Он чем-то походил на вас, принц Корум. И мы даже перепугались, потому что он стоял в центре магического круга, вне себя от ярости, и ругался на странном языке, который я в то время еще не умела понять. Впрочем, я вас, верно, совсем утомила подробностями. Я скоро закончу, скажу лишь, что бедный «демон» оказался, конечно, существом вашей расы, а заклинания Айреды, диаграммы и магический нож вырвали его из привычного мира, куда он жаждал вернуться всей душой.

— И он вернулся, сударыня? — мягко спросил Корум, заметив слезы в глазах Джейн Пенталлион. Она покачала головой.

— Нет, он не мог сделать этого, потому что мы не знали средства вернуть его обратно. Когда мы оправились от изумления,— ибо не до конца верили в собственную игру! — мы постарались сделать все, чтобы ему здесь было хорошо. Нас преследовало чувство вины за то, что мы натворили, ибо понимали, что помочь ему невозможно. Он кое-как выучил наш язык, а мы — его. Он казался нам очень мудрым, хотя сам утверждал, что он всего-навсего отпрыск большой и не слишком знатной семьи, что он простой воин, а не ученый, не чародей. Мы оценили его скромность, но продолжали восхищаться им. Думаю, ему льстили наши восторги, хотя он по-прежнему умолял вернуть его в его мир и эпоху.

Корум улыбнулся:

— Воображаю, что бы чувствовал я, если б две юные особы оторвали меня от привычной, понятной жизни, а потом заявили, что всего-навсего развлекались и не могут вернуть меня обратно!

Джейн Пенталлион улыбнулась в ответ.

— Да. Что ж, постепенно Геран — таково было одно из его имен — до некоторой степени примирился с судьбой. Мы полюбили друг друга и были счастливы, хотя счастье наше продолжалось недолго. Мы совершенно не учли, что Айреда тоже влюбилась в Герана,— Джейн вздохнула.— Я мечтала быть Джиневрой, или Изольдой, или какой-нибудь другой героиней романов, однако я отчего-то забыла, что всех их ждал трагический конец. И вот трагедия начала разыгрываться, а я сперва даже и не заметила. Ревность снедала Айреду — и она возненавидела сначала меня, а потом Герана. Она вынашивала планы мести, однако ни один не удовлетворил ее. Потом она вспомнила, что у народа Герана есть враги — другая раса, раса существ с черными душами,— и она сообразила, что один из обрядов, которые она узнала от матери, имел отношение к этим другим «демонам», как полагала мать. Первые попытки вызвать их успехом не увенчались, однако Айреда задалась целью воскресить в памяти древнее заклятие.

— И она вызвала врагов Герана?

— Да. Как-то ночью они явились в мой дом. И Айреда стала их первой жертвой, ибо людей они ненавидят столь же сильно, как эльфов. Косолапые, неуклюжие, уродливые существа были так же похожи на ваших сородичей, принц Корум. Мы здесь называем их троллями.

— А что они сделали потом, после того как убили Айреду?

— Они не убили ее, но тяжело ранили. Это из ее признаний я узнала, что она натворила...

— А Геран?

— У него не было меча. Он появился у нас безоружным. Да ему и не нужен был меч в моем доме...

— Его убили?

— Он услышал шум и спустился вниз, посмотреть. Они убили его, моего возлюбленного, зверски убили, прямо у двери,— Джейн Пенталлион показала на дверь. Слеза сверкнула, скатившись у нее по щеке.— Они разрубили его на кусочки, моего эльфийского возлюбленного...— Джейн опустила голову.

Корум встал и подошел к ней, желая утешить. Она взяла его руку и, овладев собой, выпрямилась в кресле.

— Тролли не остались в моем доме. Несомненно, они были в ужасе — от того, что с ними приключилось. И они убежали в лес.

— А что потом сталось с ними? — спросил Джери.

— Спустя несколько лет мне довелось слышать, что какие-то чудовища, похожие на людей, зверствуют в Эксморе, наводя ужас на всю округу. Наконец их поймали и убили, всадив им в сердце осиновый кол, ведь люди решили, что это дьявольское отродье. Однако молва утверждала, что их было только двое, так что еще один, вероятно, таится где-то в укромном месте, не понимая, где он и как сюда попал... По правде говоря, мне даже немного жаль его...

— Не истязайте себя, сударыня, дальнейшими подробностями,— попросил Корум.

Но Джейн Пенталлион продолжала:

— С тех пор я начала изучать мудрость древних. Кое-что я узнала от Герана; кроме того, я беседовала с людьми — мужчинами и женщинами,— которые полагали, что сведущи в волшебстве. Это была моя единственная надежда найти мир, в котором жил народ Герана, однако теперь мне ясно, что сферы больше не совпадают, что миры вращаются — так же, как вращаются друг относительно друга планеты. Я научилась смотреть в прошлое и будущее, в другие плоскости, как это умеет делать народ Герана...

— Мы тоже это умеем,— сказал Корум в ответ на ее вопросительный взгляд,— хотя растеряли многое из того, чем владели в прошлом, и теперь нам доступны только пять плоскостей, что составляют наше царство.

— Да,— она кивнула.— Я не могу объяснить, почему силы магии то прибывают, то убывают.

— Вероятно, это как-то сопряжено с богами,— предположил Джери.— Или с нашей верой в них.

— Ваше второе зрение позволяет вам заглядывать в будущее. Вы знали, что мы ищем вашей помощи? — спросил Корум.

Она кивнула.

— Значит, вам известно, что мы хотим вернуться в свою эпоху, где нас ждут неотложные дела?

— Да.

— И вы можете помочь нам?

— Я знаю одного человека, который может вывести вас на дорогу, ведущую к вашей цели. Это все, что он может сделать.

— Он чародей?

— В некотором смысле. Он, как и вы, не из этой эпохи. Он тоже мечтает вернуться в свой мир. Он может с легкостью перемещаться через столетия, граничащие с этой эпохой. Однако его мир отделяет от нас многие тысячи лет, и преодолеть их он не способен.

— Его зовут Болорьяг? — внезапно спросил Джери.— Хромой старик с усохшей ногой?

— Вы верно описываете его, хотя нам он известен под прозвищем Монах, ибо всегда носит монашеское одеяние. Такое платье — залог безопасности во все времена.

— Да, это он,— Джери кивнул.— Еще один заплутавший путник. Есть несколько таких потерянных душ, скитающихся по мирам. Иные из них — жертвы слепой судьбы, ибо выхвачены из времени ветром, проносящимся сквозь плоскости. Другие, подобные Болорьягу,— экспериментаторы. Маги, ученые, грамотеи — можете называть их как угодно — словом, те, кто пытался приподнять завесу над тайной природы Времени и Пространства, но не уберегся от опасности. Их тоже подхватили ветры времен. А еще есть такие, как я, обитатели всех миров, и такие, как ты, Корум,— Герои, обреченные странствовать из эпохи в эпоху, из плоскости в плоскость, меняя обличье, сражаясь за дело Порядка. Есть еще женщины определенного типа, подобные вам, госпожа, которые любят этих Героев. И есть злобные существа, ненавидящие их... мне неведомо, ради чего возникают мириады этих существований, да возможно, лучше об этом и не знать...

Леди Джейн Пенталлион печально кивнула.

— Думаю, вы правы, господин мой. Ибо чем больше знаешь, тем меньше смысла в жизни. Однако не время предаваться философии, надо решать неотложные задачи. Я вызвала Монаха. Надеюсь, он услышал меня и вскоре появится здесь, хотя это не всегда ему удается. А сейчас, принц Корум, я намерена преподнести вам подарок. Думаю, он сослужит вам хорошую службу. Мне кажется, скоро должно наступить Великое Совмещение Сфер — пересекутся все миры и эпохи. Мне еще не доводилось слышать ни о чем подобном. Это знание — лишь часть моего дара. А другая часть...— она потянула за длинный кожаный ремешок, висевший на шее, и извлекла какой-то узкий тонкий предмет; он был молочно-белого цвета, однако переливался всеми цветами радуги. То был нож, вырезанный из незнакомого Коруму кристалла.

— Это...— начал он.

Джейн наклонила голову, сжимая нож.

— Это магический нож, подаривший мне Герана. Он пригодится, когда вам понадобится помощь. Нож приведет к вам вашего брата...

— Брата? Но у меня нет братьев.

— Мне было такое известие,— сказала она.— И я ничего не могу добавить. Прошу вас, примите его.

Корум взял нож и повесил его на шею.

— Благодарю вас, госпожа.

— Другой человек расскажет вам, как пользоваться ножом,— добавила Джейн Пенталлион.— А теперь отдохните в лесной усадьбе — пока не появится Монах.

— Это большая честь,— Корум поклонился.— Но может быть, вам известно что-нибудь о женщине, которую я люблю? Судьба разлучила нас. Я имею в виду маркграфиню Ралину из Алломгиля. Я очень о ней беспокоюсь.

Джейн Пенталлион нахмурилась:

— Что-то сейчас промелькнуло в моей голове, какая-то мысль. У меня такое предчувствие, что вы должны завершить свой путь и выполнить долг — только тогда вам удастся вернуть ее. Если вы проиграете, то никогда ее не увидите.

Корум мрачно улыбнулся.

— Тогда мне нельзя проиграть,— сказал он.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПЛАВАНИЕ ПО МОРЯМ ВРЕМЕНИ

Прошло три дня. В других обстоятельствах Корум уже начал бы терять терпение и изнывать от разочарования. Однако старая леди действовала на него умиротворяюще. Она рассказывала ему о мире, в котором жила, но которого почти не видела. Некоторые вещи казались Коруму странными, однако постепенно ему становилось понятно, почему к таким, как он, здешние жители относились с большим подозрением: мабдены этого мира больше всего ценили равновесие, покой, не нарушаемый деяниями богов, демонов или героев. И он даже проникся к ним сочувствием, хотя знал, что, если бы они хоть отчасти понимали причину собственных страхов, эти страхи исчезли бы сами собой. Эти люди выдумали себе божество, которое называли просто Богом, и своего Бога весьма отдалили от себя. Здесь еще сохранялись обрывки знаний о Космическом Равновесии, а так-

же легенды, имевшие отношение к битве между Порядком и Хаосом. Порядки Космоса подразумевают равновесие, однако равновесия можно достигнуть, лишь понимая силы, действующие в мире, а не отрицая их, объяснил он Джейн Пенталлион.

Гости и хозяйка усадьбы были погружены в приятную беседу, когда на дорожке к дому появился запыхавшийся слуга. Он что-то торопливо сказал на своем языке, показывая рукой в сторону леса.

— Солдаты все еще разыскивают вас,— пояснила Джейн.— Мы отпустили ваших лошадей примерно в дне езды отсюда,— чтобы сбить их со следа и внушить им, что вы прячетесь в Лискерде, но они обязательно явятся сюда, ибо меня тут считают ведьмой,— она улыбнулась.— И я заслужила их подозрения в значительно большей степени, нежели те несчастные, которых они поймали и отправили на костер.

— Значит, они найдут нас?

— Нет. У нас есть укромное место, где можно спрятаться. Многие скрывались здесь в былые времена. Старый Кин вас проводит,— она что-то сказала старику, и тот кивнул, ухмыляясь, словно в восторге от происходящего.

Кин провел их на чердак и отомкнул фальшивую стену. В тайнике было пыльно и тесно, однако можно было вытянуть ноги и поспать; Корум и Джери забрались в темную комнатушку, и Кин задвинул стену на место.

Вскоре на лестнице послышались голоса, топот сапог. Корум и Джери уперлись спиной в стену, чтобы та не загремела, если по ней начнут стучать кулаками. По ней действительно постучали, но стена выдержала испытание. Голоса преследователей были ворчливые и усталые — похоже, они не знали отдыха с того самого дня, когда Корум и Джери бежали из города.

Потом шаги стали удаляться. До Корума донеслось слабое звяканье сбруи, новые голоса, цокот копыт по гравию. Затем наступила тишина.

Вскоре старый Кин отодвинул стену, заглянул в убежище и подмигнул одним глазом. Корум улыбнулся ему и выбрался на волю, отряхивая пыль с алого плаща. Джери сдул с кота крошки штукатурки и погладил его. Он что-то сказал старому Кину, отчего тот зашелся хриплым смехом.

Но леди Джейн Пенталлион была настроена серьезно.

— Полагаю, они еще вернутся,— сказала она.— Они заметили, что мы давно не пользовались часовней.

— Часовней?

— Да. Мы должны молиться там, если не ходим в церковь. Существуют специальные законы, предписывающие это.

Корум в изумлении покачал головой.

— Порядки? — он провел рукой по лицу.— Да, этот мир нелегко постигнуть.

— Если Монах задержится, вам придется покинуть усадьбу и поискать другое убежище,— сказала она.— Я уже послала за одним своим добрым знакомым, священником. В следующий раз солдаты найдут здесь весьма набожную Джейн Пенталлион.

— Сударыня, я надеюсь, вам не придется страдать из-за нас,— обеспокоился Корум.

— Не тревожьтесь. Они ничего не смогут доказать. Когда страсти улягутся, про меня опять забудут — на некоторое время.

Той ночью Корум рано лег спать. Его сморила какая-то странная усталость. Принца мучил страх за Джейн Пенталлион. Он полагал, что она напрасно не придает должного значения происшедшему. Наконец он заснул, но около полуночи его разбудили.

У кровати стоял Джери, уже одетый, в шляпе, с котом на плече.

— Пришло время,— сказал он,— уйти во Время.

Корум протер глаза, не вполне понимая, что Джери имеет в виду.

— Болорьяг здесь.

Корум выпрыгнул из постели.

— Я оденусь и спущусь вниз.

Когда он сбежал по лестнице, то увидел леди Джейн, кутавшуюся в черный плащ. Ее белоснежные волосы были неприбраны. Она стояла с Джери-а-Конелом и каким-то маленьким морщинистым человечком, опиравшимся на палку. Голова его была чересчур велика для столь тщедушного тельца, это не могло скрыть даже свободное монашеское одеяние. Голос у старика был резкий, ворчливый.

— Я знаю тебя, Тимерас. Ты плут.

— Я не Тимерас в этом воплощении, Болорьяг. Я Джери-а-Конел.

— Все равно плут. Я даже не желаю говорить на твоем языке и делаю это исключительно ради прекрасной леди Джейн.

— Вы оба плуты! — засмеялась старая леди.— И отлично знаете, что вам ничего не остается, кроме как поладить друг с другом.

— Я помогаю ему только оттого, что вы просите меня об этом,— возразил старик,— а еще оттого, что в один прекрасный день он тоже сумеет мне помочь.

— Я уже говорил тебе, Болорьяг, что у меня много знаний, но мало умения. Я помогу тебе, если это будет в моих силах, но моя память похожа на лоскутное одеяло — это воспоминания о тысячах жизней. Ты бы лучше пожалел меня.

— Ба! — Болорьяг повернулся всем своим согбенным тельцем и яркими голубыми глазами уставился на Корума.— Еще один плут?

Корум поклонился.

— Леди Джейн просит отвезти вас туда, где вы не будете причинять ей столько хлопот,— продолжал Болорьяг.— И я сделаю это с превеликим удовольствием, ибо сердце у нее настолько доброе, что доставляет ей одни неприятности. Но я делаю это вовсе не ради вас, господа, надеюсь, вы понимаете.

— Мы понимаем.

— Тогда в путь. Ветры времен уже дуют, и они могут измениться, прежде чем мы ляжем на курс. Моя лодка у дверей.

Корум подошел к леди Джейн и нежно поцеловал ей руку.

— Благодарю вас за все, сударыня. За ваше гостеприимство, за ваши дары — и молюсь, чтобы вы познали счастье.

— Возможно, в другой жизни,— ответила леди Джейн.— Спасибо и вам на этом, позвольте мне вас поцеловать...— она наклонилась и коснулась губами лба Корума.— Прощайте, мой эльфийский принц...

Она отвернулась, скрывая слезы. Корум последовал за Болорьягом, ковылявшим к дверям.

На гравийной дорожке стоял небольшой кораблик. Он был рассчитан на одного и явно тесноват для трех пассажиров. У него был высокий изогнутый нос, сделанный из какого-то странного вещества, не дерева и не металла, и сплошь покрытый зазубринами и царапинами, словно корабль потрепало немало штормов. В середине помещалась мачта, хотя паруса не было видно.

— Садитесь сюда,— нетерпеливо приказал Болорьяг, показывая на скамью.— А я сяду между вами и буду управлять кораблем.

Корум втиснулся справа от старика, Джери — слева. Шар, сидящий на оси, был единственным средством управления причудливым кораблем. Болорьяг поднял руку, прощаясь со стоявшей в дверях леди Джейн, затем зажал шар в ладонях.

Корум и Джери повернулись к двери, но леди Джейн куда-то исчезла. Корум почувствовал, что у него на глаза наворачиваются слезы, и понял, почему леди Джейн не стала дожидаться их отплытия.

На мачте что-то вдруг замерцало: Корум увидел смутное световое пятно, имевшее форму треугольного паруса. Свечение усиливалось, становилось ярче, пока не сделалось точь-в-точь похожим на обычный матерчатый парус, наполненный ветром, хотя никакого ветра не было и в помине.

Болорьяг что-то пробормотал себе под нос; корабль дрогнул и поплыл, но остался на том же месте.

Корум взглянул на лесную усадьбу. Она была окружена танцующим сиянием.

Внезапно их объял яркий дневной свет. Они увидели вокруг себя людей, много людей, но те словно не замечали корабля. Это были всадники — солдаты, приезжавшие с обыском накануне. Потом они исчезли. Снова наступила ночь, потом опять день. Потом усадьба пропала. Лодка затряслась и, подпрыгнув, повернула.

— Что происходит? — закричал Корум.

— По-видимому, то, чего вы хотели,— проворчал Болорьяг.— Небольшое приятное путешествие по морям Времени.

Мир вокруг превратился в сплошное серое облако. Несуществующий ветер по-прежнему раздувал парус. Лодка шла вперед, шкипер в черной рясе что-то нашептывал над шаром, поглядывая то направо, то налево.

Временами серое облако меняло цвет, приобретая зеленый, голубой или густо-коричневый оттенок, и странное ощущение тяжести наваливалось на Корума. Ему становилось трудно дышать, но неприятное чувство быстро проходило. Болорьяг, казалось, не чувствовал ничего, и даже Джери не обращал на это никакого внимания. Иной раз кот, негромко мяукнув, вцеплялся когтями в плечо хозяина, и это был единственный намек, что и другие испытывали те же неудобства.

Вдруг парус обвис и начал тускнеть. Болорьяг разразился хриплыми ругательствами на каком-то непонятном языке, изобилующем согласными, и так закрутил свой шар, что лодка завертелась с головокружительной быстротой, а у Корума к горлу подкатила тошнота.

Наконец старик удовлетворенно заворчал: парус вновь засветился, наполнившись незримым ветром.

— Я уж думал, что мы навсегда потеряли попутный ветер,— сказал Болорьяг.— Скверное дело — застрять посреди морей Времени. Ничего нет опаснее, особенно если в этот миг проходишь через что-нибудь твердое! — он весело расхохотался, под-

толкнув Джери локтем под ребро.— Ты плохо выглядишь, Тимерас, плут.

— Сколько нам еще плыть, Болорьяг? — спросил Джери сдавленным голосом.

— Сколько? — Болорьяг погладил шар, разглядывая что-то внутри, видимое только ему одному.— Нелепый вопрос, Тимерас. Тебе лучше знать!

— Лучше было не связываться с тобой, старик. Похоже, ты начинаешь дряхлеть.

— Через пару тысчонок лет я, пожалуй, начну чувствовать возраст,— старик ухмыльнулся, наблюдая за перепуганным Джери.

Скорость лодки замедлилась.

— Поворот на сто восемьдесят градусов! — завопил вдруг Болорьяг не своим голосом.— Приготовиться бросить якорь, ребята! Эй, там, во Времени!

Лодка раскачивалась, будто подхваченная мощным течением. Парус потерял ветер и растаял. Серый свет засиял ярче.

Корабль стоял на огромной темной скале, нависавшей над видневшейся далеко внизу зеленой равниной.

Болорьяг захихикал, глядя на их растерянные лица.

— В моей жизни мало удовольствий,— пояснил он.— Но самое любимое — попугать пассажиров. Это, так сказать, моя законная мзда. Нет, я не сошел с ума, господа. Я просто уже отчаялся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
СТРАНА ВЫСОКИХ КАМНЕЙ

Болорьяг позволил им сойти на землю. Корум обвел взглядом довольно унылый ландшафт. Повсюду, куда ни глянь, маячили высокие каменные столбы, кое-где одиночные, кое-где целыми скоплениями. Столбы отличались друг от друга цветом, однако было ясно, что возвела их одна и та же рука.

— Что это такое? — спросил он.

Болорьяг пожал плечами:

— Их ставят обитатели этого мира.

— Но зачем?

— Затем же, зачем роют в земле глубокие дыры,— вы скоро увидите их. Чтобы убить время. Это единственное объяснение,

на какое они способны. Подозреваю, что это такое искусство. Впрочем, ничем не хуже и не лучше других его видов.

— Возможно,— задумчиво проговорил Корум.— А теперь не будете ли вы любезны объяснить нам, господин Болорьяг, зачем вы привезли нас сюда?

— Эта эпоха в целом соотносится с вашей эпохой пятнадцати плоскостей мироздания. Скоро наступит Совмещение Сфер, и вам лучше быть здесь, чем где-либо еще. А кроме того, сюда иногда залетает некий замок, который еще именуют Исчезающей Башней. Башня эта путешествует через плоскости. Тимерас знает ее историю, я уверен.

Джери кивнул:

— Я знаю. Но это очень рискованно, Болорьяг. Мы можем войти в нее и никогда не выйти. Ты знаешь это?

— Я знаю почти все про Башню, но у вас нет выбора. Это ваша единственная надежда вернуться в свою эпоху и в свою плоскость, поверь мне. Я не знаю иного способа. Вы должны рискнуть.

Джери пожал плечами:

— Хорошо. Как скажешь, старик. Мы рискнем.

— Вот,— Болорьяг протянул им свернутый в трубку кусок пергамента.— Это карта. Она доведет вас до места. Правда, боюсь, она весьма приблизительна. Я никогда не был силен в географии.

— Мы очень признательны вам, господин Болорьяг,— прочувственно сказал Корум.

— Я не нуждаюсь в благодарности, я нуждаюсь в знании. Меня отделяют от моей эпохи десять тысяч лет, и я не понимаю, почему могу перемещаться только в одну сторону, но не в другую. Если ты когда-нибудь найдешь ответ на эту загадку, Тимерас, и если ты когда-нибудь снова случайно окажешься здесь, будь добр, дай мне знать.

— Я учту твое пожелание, Болорьяг.

— Тогда прощайте,— и старик снова сгорбился над шаром. На мачте опять засветился странный парус, наполнившись несуществующим ветром, и маленький кораблик с единственным пассажиром пропал из виду.

Корум задумчиво рассматривал огромные загадочные камни.

Джери развернул карту.

— Мы должны спуститься со скалы в долину,— сказал он.— В путь, принц Корум. И чем скорее, тем лучше.

Выбрав наименее крутой склон, они начали медленно сползать вниз. Но не успели сделать и нескольких шагов, как услышали над головой крик и подняли глаза. Болорьяг. Он подпрыгивал, опираясь на палку.

— Эй, Корум! Тимерас, или как там тебя! Обождите!

— Что случилось, господин Болорьяг?

— Я забыл сказать тебе, принц Корум, что, когда ты окажешься в большой опасности и почувствуешь отчаяние,— но только в течение завтрашнего дня, запомни, завтрашнего дня! — пойди туда, где ты увидишь маленький смерч среди спокойствия. Ты слышишь меня?

— Я слышу тебя. Но...

— Я не могу повторять десять раз, наступает отлив. Войди в этот смерч и достань нож, что дала тебе леди Джейн. Держи его так, чтобы в него ударила молния. Тогда позови Элрика из Мелнибонэ — скажи, что он должен явиться и стать частью Троих в Одном. Троих в Одном — запомни! Ты тоже часть его. Это все, что тебе нужно сделать, ибо Третий — Герой с Множеством Имен — сам придет к вам.

— Кто поведал вам это, господин Болорьяг? — спросил Джери, цепляясь за выступ скалы и стараясь не смотреть вниз.

— О, некое существо. Неважно. Но ты должен хорошенько запомнить вот что, принц Корум. Смерч — магический нож — заклинание. Запомни.

— Хорошо, я запомню,— откликнулся Корум, главным образом, чтобы ублажить старика.

— Тогда прощайте еще раз,— Болорьяг отступил назад и пропал.

Корум и Джери спустились вниз в молчании. Они были слишком поглощены поисками выступов, куда можно поставить ногу, чтобы обсуждать теперь странное сообщение Болорьяга.

Достигнув подножия скалы, они были настолько измотаны, что у них недостало сил говорить. Оба лежали на земле без движения, глядя в бескрайнее небо.

Через некоторое время Корум спросил:

— Ты понял, что сказал старик, Джери?

Джери покачал головой:

— Трое в Одном. Звучит довольно зловеще. Может, это как-то связано с картинами, который мы видели в преддверии ада?

— Почему ты так решил?

— Не знаю. Так, взбрело в голову — только потому, что она сейчас совершенно пустая. Лучше на время забыть про все это и

постараться найти Исчезающую Башню. Болорьяг прав. Карта действительно никуда не годится.

— А что это за Исчезающая Башня?

— Когда-то она существовала в вашем царстве, Корум, в одной из пяти плоскостей, но не в твоем. Она стояла в Темной долине. А само место именовалось Бальвинская пустошь. В те дни Хаос теснил Порядок. Он напал на Темную долину и тамошнюю крепость,— скорее даже не крепость, а небольшой замок, башню. Владелец замка попросил помощи у Владык Порядка, и те дали ее, подарив ему способность перемещать башню в плоскостях. Но Хаос проклял башню и обрек ее вечно скитаться из мира в мир, не задерживаясь ни в одной плоскости более чем на несколько часов. И так она блуждает по нынешний день. Прежний владелец, который защищал беглецов от сил Хаоса, вскоре повредился рассудком, так же как и остальные обитатели башни. Тогда явился Войлодьон Гагнасдиак, который и теперь хозяйничает в башне.

— Кто он такой?

— Довольно неприятное создание. Некогда он сам попался в ловушку и с тех пор боится нос высунуть из башни, а потому заманивает к себе доверчивых путников, развлекается их компанией, пока не надоест, и потом убивает.

— Значит, это с ним мы должны сразиться, когда проникнем в башню?

— Именно.

— Что ж, нас двое, и мы вооружены.

— Войлодьон Гагнасдиак весьма могуществен: это незаурядный чародей.

— Тогда мы не сможем победить его! Мои глаз и рука более не повинуются мне.

Джери пожал плечами. Потом почесал кота за ухом.

— Да. Я ведь сказал, что это опасно, но Болорьяг ответил, что у нас нет выбора, верно? В конце концов, мы на пути к Танелорну. Мне сдается, что во мне снова просыпается чувство направления. Сейчас мы ближе к Танелорну, чем когда бы то ни было.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Знаю — и все тут.

Корум вздохнул:

— Я так устал от загадок, от колдовства, от трагедий. Я простой...

— Сейчас не время жалеть себя, принц Корум. Нам в ту сторону.

Они прошли мили две вверх по течению ревущей реки. Поток мчал по глубокой лощине, и они карабкались по его обрывистым берегам, цепляясь за свисающие ветви деревьев, чтобы не упасть. Наконец они пришли в место, где река разделялась на два рукава. Джери показал на каменистую отмель, через которую перекатывались мелкие волны.

— Брод,— сказал он.— А нам нужен вон тот остров. Именно там стоит башня, когда попадает в эту плоскость.

— Сколько же нам ждать?

— Не знаю. Похоже, на острове водится дичь, а в реке есть рыба. С голоду мы здесь не умрем.

— Я беспокоюсь о Ралине, Джери, не говоря уж о Бро-ан-Вадхаг и Ливм-ан-Эш. У меня иссякает терпение.

— Наша единственная возможность попасть в пятнадцать плоскостей — это башня. Нам больше ничего не остается, кроме как ждать ее.

Корум вздохнул и побрел по ледяной воде к острову.

Неожиданно Джери ринулся вперед, обогнав Корума.

— Она здесь! Она уже здесь! — завопил он.— Скорее, Корум!

Он мчался со всех ног туда, где среди деревьев виднелась каменная стена. Башня казалась совершенно обычной. Коруму даже не верилось, что это и есть их заветная цель.

— Скоро мы увидим Танелорн! — ликующе вопил Джери. Он уже добежал до оконечности острова, а Корум замешкался и отстал, продираясь через подлесок.

В основании башни была дверь, и она была открыта.

— Скорее, Корум!

Джери уже был около двери. Корум бежал медленно, вспоминая, что он слышал о Войлодьоне Гагнасдиаке — хозяине башни. Джери с котом на плече ворвался внутрь.

Корум ускорил бег, держа руку на эфесе меча. И вот он тоже достиг башни.

Но неожиданно дверь захлопнулась. До Корума долетел полный ужаса вопль Джери. Корум вцепился в дверь и принялся колотить по ней.

— Найди Троих в Одном! — это единственная надежда, Корум! Найди их! — донесся до Корума крик Джери. Затем послышался чей-то смешок — явно не Джери.

— Отвори! — проревел Корум.— Открой свою проклятую дверь!

Но дверь не поддавалась.

Смех был густой и жирный. Он становился все громче — и скоро заглушил крики Джери. Незнакомый голос сказал:

— Добро пожаловать в обитель Войлодьона Гагнасдиака, друг. Ты мой почетный гость.

Неожиданно Корум почувствовал, что с башней творится неладное. Он оглянулся. Лес за спиной исчез. Он вцепился в дверную ручку, стараясь удержаться на ступеньках. Все его тело содрогалось от мучительных спазмов, следовавших один за другим. Нестерпимо ломило все зубы, каждую косточку пронзала ноющая боль.

Дверная ручка вырвалась из его ладони — и Корум увидел, что башни нет.

Он стремительно падал.

И упал — на влажную болотистую почву. Была ночь. Где-то кричала птица.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
МАЛЕНЬКИЙ СМЕРЧ

Миновала ночь, вставало солнце, а Корум по-прежнему брел куда глаза глядят. Ноги у него гудели от усталости, он чувствовал себя потерянным, однако упорно продолжал шагать. Он просто не знал, что еще ему делать, а делать что-то было надо. Вокруг простиралось болото — без конца и без края. Стаи болотных птиц вспархивали в розовое утреннее небо, мелкие болотные твари извивались и прыгали по мокрой почве в поисках пищи.

Корум наметил себе новые заросли тростника. Добрел до цели, постоял с минуту, переводя дух, затем пошарил глазами, ища новую цель. Так он продвигался вперед.

Он чувствовал себя совершенно несчастным. Сначала он потерял Ралину. Теперь он потерял и Джери — и вместе с ним надежду отыскать Танелорн, а значит, и Ралину. И стало быть, навсегда утратил Бро-ан-Вадхаг и Ливм-ан-Эш: оставил их на поругание Хаосу и Гландиту. Итак, все потеряно...

— Все потеряно,— пробормотал он онемевшими губами.

Все потеряно.

Пронзительно верещали и гоготали болотные птицы. Невидимые болотные зверьки с шуршанием сновали в зарослях камыша, торопясь по своим делам.

Неужели весь этот мир — одно сплошное болото? Похоже на то. Болото на болоте.

Корум доплелся до очередного тростникового островка и в изнеможении опустился на мокрую землю. Он посмотрел на бескрайнее небо, на алые облака, на встающее солнце. Становилось жарко.

Над болотом поднимались испарения.

Корум снял шлем. Серебряные поножи были в болотной мути, руки вымазаны в черной жиже, даже рука Квилла заляпана грязью.

Струйки пара медленно вились над топью — словно вынюхивали, выискивали что-то. Корум смочил лицо и губы солоноватой водой и постоял, раздумывая, не снять ли ему плащ и кольчугу, однако отказался от этой мысли: кто знает, не попадется ли ему более крупный и кровожадный обитатель болот, нежели мелкие твари, что встречались до этих пор.

Воздух вокруг наполнился паром. Местами грязь пузырилась, булькала и плевалась. Горячий влажный воздух обжигал горло и легкие; веки налились свинцовой тяжестью от неожиданно навалившейся усталости.

Коруму вдруг почудилось, что он различает в клубах пара какую-то фигуру. Огромную, медленно шагающую в булькающей грязи. Великана, волочащего за собой что-то. Голова Корума упала на грудь, и он с трудом заставил себя поднять ее. Фигура исчезла. Корум догадался, что это болотный газ дурманит его, порождая болезненные видения.

Он потер глаза, однако лишь заляпал грязью свой живой глаз. И, внезапно ощутив за спиной чье-то присутствие, стремительно обернулся.

Нечто маячило перед ним, белое и загадочное, бесформенное, как пар. И тут это нечто обрушилось на него, опутав руки и ноги. Корум попытался выхватить меч, но не мог пошевелиться. Неведомая сила оторвала его от земли, подняла в воздух вместе с визжащими и огрызающимися болотными зверьками. Жара начала стремительно спадать, и Корум ощутил леденящий холод. Стало так холодно, что все болотные твари, извивавшиеся рядом с ним, разом умолкли. Потом наступила тьма.

А затем Корум почувствовал, что стоит в чем-то мокром. Он выплюнул изо рта соленую воду и выругался. Он снова был свободен, и под ногами у него был мягкий песок: сам он стоял по пояс в воде, со шлемом в руке. Корум добрел до берега и, задыхаясь, рухнул на темно-желтый пляж.

Он догадывался, что приключилось с ним, хотя разум отказывался поверить. В третий раз он повстречал Странствующего

бога — и трижды гигантский рыбак повернул его жизнь; в первый раз — выбросив на побережье у страны рагха-да-кхета, во второй раз, принеся Джери-а-Конела к горе Мойдель, и в третий раз — вызволив его из мира болот, которое явно входило в пятнадцать плоскостей мироздания, как, вероятно, и этот новый, еще неведомый Коруму мир. Если, разумеется, это был новый мир, а не часть того, где Корум пребывал до тех пор.

Но как бы там ни было, перемена к лучшему была налицо. Корум начал медленно приходить в себя. Оглядевшись, он заметил в некотором отдалении старуху, маленькую коренастую женщину. Ее красное личико было одновременно чопорным и перепуганным. Женщина выжимала насквозь промокшую шляпку. С одежды у нее текло.

— Кто вы? — спросил Корум.

— А кто вы, юноша? — с негодованием ответила та.— Иду себе по своим делам, и вдруг эта ужасная волна! Я вымокла до нитки. Надеюсь, это не ваших рук дело, молодой человек?

— Надеюсь, что нет, сударыня.

— Тогда вы, наверное, плыли на судне, а оно потерпело кораблекрушение?

— Пожалуй, что так,— согласился Корум.— А как называется этот край?

— Это предместье рыбацкого городка под названием Чинез-Порт, юноша. Там,— она показала наверх,— лежит великая Бальвинская пустошь, а за ним...

— Бальвинская пустошь? А за ним Темная долина, не так ли?

Старуха поджала губы.

— Да, Темная долина. Но никто не забирается туда в нынешнее время.

— Но ведь именно там появляется Исчезающая Башня?

— Так говорят.

— В Чинез-Порте можно купить лошадь?

— Коневоды Бальвинской пустоши славятся по всей округе, они всегда поставляли своих лучших коней в Чинез-Порт для заморских купцов — во всяком случае, так было раньше, до Великого сражения.

— Здесь идет война?

— Можно и так назвать. Невиданные чудовища явились из морской пучины и напали на наши корабли. Правда, ходят слухи, что в других местах жители пострадали куда сильнее, так что нам еще повезло и самые ужасные твари здесь не появлялись.

Но большинство наших мужчин погибло, и теперь никто не отваживается выходить в море на лов, да и заморские корабли больше не заходят в нашу гавань за партией лошадей.

— Значит, Хаос добрался и до этих краев,— задумчиво проговорил Корум. Он вздохнул.— Вы должны помочь мне. Потому что взамен я могу помочь вам всем и вернуть мир в ваши края. Итак, где купить лошадей?

Женщина повела его по берегу. Обогнув скалу, они вышли к небольшому рыбацкому городку, прилепившемуся к удобной, хорошо защищенной от непогоды гавани. У причала качалось на волнах множество рыболовецких суденышек со свернутыми парусами.

— Вот видите,— сказала старуха,— что творится. Если в ближайшее время лодки не выйдут в море, то в Чинез-Порте начнется голод, ибо рыбная ловля для нас — средство пропитания.

— Да,— Корум положил ей на плечо руку.— Покажите, где я могу купить коня.

Старуха проводила его до конюшен на окраине города. Конюшни стояли прямо у дороги, что вела в гору — и дальше, к поросшему вереском плато. Хозяин продал Коруму пару лошадей — одну белую и одну вороную — похожих как две капли воды, с седлами и сбруей. Отчего-то Коруму взбрело в голову, что ему понадобятся именно две, хотя он и сам не мог сказать, почему.

Корум сел на белую и, зажав в руке повод вороной, неторопливо двинулся вперед по дороге к Темной долине. Старуха и хозяин конюшни проводили его удивленным взглядом. Поднявшись на вершину горы, Корум увидел, что дорога исчезает в лесистой долине. День был чудесный, погожий — и не верилось, что этому миру грозит нашествие Хаоса. Местность очень напоминала его родные края, Бро-ан-Вадхаг, а некоторые отрезки побережья даже казались знакомыми.

Предчувствие чего-то важного охватило Корума, когда он въехал в лес, звеневший птичьими трелями. Мир дышал покоем, однако в нем ощущалось какое-то странное напряжение. Корум пустил лошадей шагом, настороженно глядя вперед.

И вдруг — он увидел черное облако, медленно двигавшееся среди деревьев. Ворчавшее громовыми раскатами и полыхающее молниями.

Лошади стали как вкопанные. Корум спешился, снял с шеи волшебный нож, подарок леди Джейн, и напрягся, припоминая

слова Болорьяга: «*Войди в смерч среди спокойствия. Достань нож, что дала тебе леди Джейн. Держи его так, чтобы в него ударила молния. Тогда позови Элрика из Мелнибонэ — скажи, что он должен явиться и стать частью Троих в Одном... Ты — тоже часть этого целого... а Третий — Герой с Множеством Имен — сам придет к вам...*»

— Что же,— пробормотал Корум,— ничего другого это облако означать не может. Мне и в самом деле нужны союзники для сражения с Войлодьоном Гагнасдиаком в Исчезающей Башне. И если они будут могущественны — тем лучше.

Он вытянул вперед руку с зажатым в ней ножом и вошел в ворчащее облако.

Молния ударила в нож, наполнив кристалл мерцающим свечением. Вокруг Корума поднялся шум и странная возня. Он открыл рот и трижды прокричал:

— Элрик из Мелнибонэ! Ты должен явиться и стать частью Троих в Одном! Стать частью Троих в Одном! Элрик из Мелнибонэ!

Чудовищная молния ударила в нож, разбив его на мелкие кусочки и повалив Корума на землю. Вокруг стонали и выли бесплотные голоса, вихри проносились во всех направлениях. Корум, пошатываясь, брел вперед, терзаемый чудовищными подозрениями, что это — ловушка. Он не видел ничего, кроме молний, не слышал ничего, кроме угрожающих раскатов грома.

Затем он упал, ударившись головой. И снова попытался подняться на ноги.

И тут мягкий свет озарил лес, запели птицы.

Буря кончилась. Смерч исчез, догадался Корум. Он огляделся: неподалеку на траве лежал человек, которого Корум тотчас узнал. Это был тот самый всадник, летевший на драконе, тот, кого Корум видел в преддверии ада.

— Кто ты? Тебя зовут Элрик из Мелнибонэ?

Альбинос встал на ноги. Его красные глаза были полны неизбывной тоски. Однако ответил он довольно учтиво:

— Да, я Элрик из Мелнибонэ. Это тебе я обязан чудесным спасением от чудовищ, которых вызвал Телеб К'аарна?

Корум покачал головой.

Элрик был одет в заляпанные грязью рубаху и штаны из черного шелка. На ногах — черные сапоги, на бедрах — черный пояс с черными ножнами. В ножны был вложен огромный меч, от острия до рукояти сплошь покрытый загадочными письме-

нами. Поверх черного одеяния был накинут просторный плащ из белого шелка с большим капюшоном. Молочно-белые волосы Элрика струились по шелку, перетекая в его белизну.

— Это я вызвал тебя,— согласился Корум,— но я ничего не знаю про Телеба К'аарна. Мне сказали, что только так я могу получить твою помощь и что я должен сделать это в определенном месте и в определенное время. Меня зовут Корум Джайлин Ирси, Принц в Алом Плаще, и у меня чрезвычайно важная миссия.

Элрик хмуро озирался по сторонам.

— Что это за лес?

— Это не твоя плоскость и не твоя эпоха, принц Элрик. Я вызвал тебя, чтобы ты помог мне в сражении с Повелителями Хаоса. Я уже уничтожил двух Повелителей Мечей — Ариоха и Ксиомбарг, но третий, наиболее могущественный, еще не повержен...

— Ариоха и Ксиомбарг! — на лице у альбиноса отразилось сомнение.— Ты уничтожил двух могущественнейших Повелителей Хаоса? Однако месяц тому назад я разговаривал с Ариохом. Он мой покровитель...

Корум понял, что Элрику неведомо строение Вселенной.

— Существует множество плоскостей,— сказал он, стараясь говорить как можно мягче.— В некоторых из них власть Повелителей Хаоса велика. В некоторых — слабее. В иных, насколько мне доводилось слышать, они вообще не властны. Ты должен принять это как данность: в здешнем мире Ариоха и Ксиомбарг нет, они изгнаны отсюда. Но сейчас нам угрожает третий из Повелителей Мечей, самый могущественный — король Мабелод.

Альбинос хмурился, и Корум даже начал опасаться, что Элрик не захочет ему помогать.

— В моей плоскости Мабелод ничуть не сильнее Ариоха и Ксиомбарг. То, что ты сказал, переворачивает все мои представления...

Корум глубоко вздохнул.

— Я постараюсь объяснить,— сказал он,— насколько это возможно. По каким-то причинам судьбе было угодно избрать меня для изгнания Хаоса из пятнадцати плоскостей Земли. Сейчас я ищу город, который у нас называется Танелорном, где я надеюсь найти помощь. Но мой спутник, который знает дорогу, попал в плен, и, прежде чем отправиться в путь, я должен вызволить его. Замок, где он томится, находится неподалеку отсюда.

Мне было сказано, что я должен вызвать тебя — ты поможешь мне освободить его... И я прибегнул к волшебству. Я...— Корум замялся, потому что этого Болорьяг ему не говорил, однако он знал, что все обстоит именно так,— я должен был сказать тебе, что, помогая мне, ты поможешь себе, что, если я одержу победу, победишь и ты.

— Кто сказал тебе это?

— Один мудрый человек.

Элрик отошел от Корума и с озадаченным видом сел на поваленное дерево, спрятав лицо в ладонях.

— Ты вырвал меня из моего мира в тяжелое для него время,— проговорил он наконец.— И я надеюсь, ты говоришь мне правду, принц Корум,— он поднял лицо и устремил на Корума взгляд своих странных красных глаз.— Это вообще чудо, что ты говоришь на моем языке или, во всяком случае, что я понимаю тебя. Как это может быть?

— Мне... мне было сказано, что мы сможем общаться друг с другом без труда, ибо мы — «части единого целого». Не спрашивай меня более ни о чем, принц Элрик, я и сам ничего не знаю.

— Впрочем, может быть, это просто сон. Я убил себя, или меня пожрала эта чудовищная машина Телеба К'аарна, однако у меня нет другого выхода, кроме как согласиться помочь тебе — в надежде, что это поможет мне,— и альбинос посмотрел на Корума.

Корум сходил за лошадьми и вернулся. Альбинос стоял, уперев руки в бедра и озираясь вокруг. Корум хорошо понимал, каково это — оказаться вдруг в совершенно неведомом мире, и он почувствовал сострадание к мелнибонэйцу. Он подвел к нему вороную, альбинос вскочил в седло и приподнялся на стременах, привыкая к незнакомой сбруе.

Они пустили лошадей шагом.

— Ты говорил про Танелорн,— сказал Элрик.— Значит, я оказался в твоем призрачном мире во имя поисков Танелорна?

Корум был поражен, каким будничным тоном Элрик упомянул про Танелорн.

— Ты знаешь, где находится Танелорн?

— В моем мире — конечно, но почему ты считаешь, что он должен быть и в твоем мире?

— Танелорн существует во всех плоскостях, хотя и в различных воплощениях. Это единый Танелорн, вечный и изменчивый.

Они ехали через лес. Коруму даже не верилось, что все это ему не снится, так же как Элрик с трудом верил в реальность происходящего. Несколько раз альбинос нервно тер ладонями лицо и пристально вглядывался в Корума.

— Куда мы теперь? — спросил он наконец.— В замок?

Корум заколебался, припоминая слова Болорьяга.

— Нет. Сначала мы должны найти Третьего — Героя с Множеством Имен.

— Ты вызовешь его при помощи волшебства?

Корум покачал головой:

— Мне не было такого известия. Мне было сказано, что он сам встретится нам на пути. Он будет призван из своей эпохи — для того чтобы составить с нами единое целое. Трое в Одном.

— Что все это означает? Что такое — Трое в Одном?

— Я знаю не больше тебя, Элрик, друг мой,— разве только что лишь втроем мы сможем победить того, кто пленил моего спутника.

Лес остался позади. Они приближались к Бальвинской пустоши. Пейзаж с морем и скалами был столь безмятежен, что угроза Хаоса казалась маловероятной.

— У тебя необычная латная перчатка,— заметил Элрик.

Корум рассмеялся:

— Вот и доктор, с которым я недавно имел честь познакомиться, был немало озадачен. Он решил, что это протез. Нет, эта кисть принадлежит богу — одному из Великих Древних Богов, загадочно исчезнувших тысячу лет назад. Некогда она обладала волшебными свойствами, так же как и мой правый глаз. Я мог заглядывать в царство небытия — ужасное место, но оттуда мне иногда дана была помощь.

— То, о чем ты рассказываешь, столь сложно, что колдовство и космология моего мира в сравнении с этим просто детская забава.

— Это только кажется сложным,— возразил Корум,— потому что непривычно. Уверяю тебя, твой мир показался бы мне столь же непостижимым, попади я туда,— Корум опять рассмеялся.— Кроме того, это не моя плоскость, хотя и очень напоминает мои родные края. Гораздо больше, чем многие другие миры. У нас с тобой есть нечто общее, Элрик: мы оба обречены участвовать в борьбе Владык Вышних Миров — и мы никогда не поймем, зачем эта борьба и почему она вечна. Мы сражаемся,

мы испытываем терзания ума и души, но мы никогда не узнаем наверняка, нужны ли кому-нибудь наши страдания.

— Ты прав,— согласился Элрик.— У нас с тобой много общего, Корум.

Корум взглянул на дорогу: впереди маячила неподвижная фигура всадника на коне. Он, казалось, поджидал их.

— Возможно, это и есть Третий, о котором говорил Болорьяг,— пробормотал Корум. Они придержали лошадей и не спеша приблизились к ожидавшему рыцарю.

Он был одет в черные доспехи; тяжелую красивую голову прикрывала маска в форме оскаленной медвежьей морды; медвежья шкура ниспадала на спину. Маска могла превращаться в забрало, догадался Корум, однако сейчас забрало было поднято и приоткрывало лицо. На боку у всадника в черных ножнах висел меч с черным эфесом. Рядом с Элриком и этим черным незнакомцем Корум чувствовал, что одет просто безвкусно. Лошадь под черным всадником была чалая — высокий и сильный боевой конь. К седлу приторочен большой круглый щит.

Незнакомец не выказал радости при их приближении. Скорее он был в ужасе.

— Я знаю вас! Я знаю вас обоих! — выдохнул он.

Хотя Корум никогда прежде не видел этого человека, он тоже не мог побороть ощущения, что знает его.

— Как ты попал в Бальвинскую пустошь, друг? — спросил он.

Черный всадник облизал губы, глаза его сверкнули.

— Бальвинская пустошь? Так это Бальвинская пустошь? Я здесь всего несколько минут... До этого я был... я был... Ах! Память опять тускнеет...— он прижал огромную черную руку ко лбу.— Имя! Еще одно имя! Все... Элрик! Корум! Но я — я теперь...

— Откуда ты знаешь наши имена? — пораженно вскричал Элрик.

— Я знаю, потому... потому,— прошептал черный воин,— что... неужели ты не видишь? — я — это Элрик, я — это Корум... О-о, это чудовищное терзание... Во всяком случае, я был — или должен стать — и Элриком, и Корумом...

Корум почувствовал жалость к черному незнакомцу. Он вспомнил, что говорил ему Джери о Вечном Герое.

— Как ваше имя, сударь?

— У меня тысячи имен. Я был великим множеством героев. Да! Вспомнил: я Джон Дейкер, Эрекозе, Урлик и многие, мно-

гие другие... Воспоминания, сны, воплощения...— он вдруг уставился на них полными боли глазами.— Неужели вы не понимаете? Неужели я один обречен на понимание? Это меня называют Вечным Воителем. Я — герой, который пребудет всегда, во веки веков. Да, я — Элрик из Мелнибонэ, принц Корум Джайлин Ирси, я — это вы. Мы трое — одно существо и мириады других существ в то же время. Мы составляем единое целое — у нас одна судьба: сражаться и не понимать зачем, мы обречены на это. О-о, голова раскалывается от боли! Кто мучает меня так? Кто?

— Ты говоришь, что являешься моим воплощением в другом мире? — спросил Элрик.

— Если тебе угодно называть это так. Это вы — мои инкарнации в иных мирах!

— Итак, теперь ясно,— проговорил Корум,— что имел в виду Болорьяг, говоря о Троих в Одном. Мы все — воплощение одного и того же героя, и мы сейчас утроили свои силы, потому что объединились, попав сюда из разных эпох. Возможно, только такая сила может одолеть Войлодьона Гагнасдиака, хозяина Исчезающей Башни.

— Это замок, где томится твой спутник? — негромко спросил Элрик.

— Да,— Корум натянул поводья.— Исчезающая Башня перемещается из одной плоскости в другую, из эпохи в эпоху, и на одном месте она остается лишь короткое время. Однако теперь, когда мы соединились, нам, возможно, удастся найти какое-нибудь волшебное средство одолеть ее. А затем, когда я освобожу своего спутника, мы сможем продолжить поиски Танелорна...

Черный всадник поднял голову, и надеждой сменилось на его лице отчаяние.

— Танелорн? Я тоже ищу Танелорн. Только там я смогу обрести избавление от моей кошмарной судьбы — от воспоминаний обо всех предыдущих рождениях, от перевоплощений из одной оболочки в другую. Танелорн... Я должен найти его!

— И мне нужен Танелорн,— вид у альбиноса был довольный, как будто он все-таки радовался этой странной встрече.— Ведь в моей плоскости жителям Танелорна грозит большая опасность.

— Стало быть, у всех нас не только общая сущность, но и одна задача,— подытожил Корум. Возможно, это даст ему шанс

спасти Джери и разыскать Ралину.— А значит, нам надо объединить усилия. Сначала освободим моего спутника, а потом отправимся в Танелорн.

— Я помогу тебе с превеликой радостью,— прорычал черный великан.

Корум склонился в благодарном поклоне.

— А как нам тебя называть? Ведь ты — это мы?

— Называйте меня Эрекозе — хотя на ум мне приходят другие имена... Но именно в облике Эрекозе я был ближе всего к забвению и любви.

— Тогда тебе можно позавидовать, Эрекозе,— проговорил Элрик,— ибо ты, по крайней мере, приблизился к забвению...

Черный великан натянул повод и одним махом оказался рядом с Корумом. На скаку он покосился на Элрика, и рот его искривила угрюмая усмешка.

— Ты не имеешь ни малейшего представления о том, что я должен забыть,— он повернулся к Принцу в Алом Плаще.— Ну, Корум, где твоя Исчезающая Башня?

— Эта дорога приведет нас к ней. Мы на пути в Темную долину.

И Корум натянул повод. Слева и справа от него скакали его двойники, а в душе росло чувство обреченности, хотя пора было забрезжить надежде.

Часть третья,

В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ ОБРЕТАЕТ НЕ ТОЛЬКО ТАНЕЛОРН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОЙЛОДЬОН ГАГНАСДИАК

Дорога сузилась и круто пошла в гору. Когда она исчезла в черной тени меж двух утесов, Корум понял, что они достигли Темной долины.

Ему все еще было не по себе в компании своих двойников, но он постарался не сосредоточиваться на мысли, что все это должно означать. Он показал вниз и произнес самым непринужденным тоном:

— Темная долина,— Корум посмотрел на альбиноса, покосился на черного великана: лица обоих были полны мрачной решимости.— Я слышал, раньше здесь было селенье. Довольно неприветливое место, гм... братья.

— Мне доводилось видать и похуже,— Эрекозе дал коню шенкеля.— Вперед — и покончим со всем этим,— он пришпорил своего скакуна и бешеным галопом помчался к провалу, зиявшему между скалами.

Корум последовал за ним, хотя и не столь стремительно, а Элрик не торопился совсем. Очутившись в тени утесов, Корум посмотрел вверх. Скалы нависали над головой, почти смыкаясь, только узкая полоска неба виднелась в просвете между ними. А у подножия лежал в руинах город — то, что осталось от него после нашествия Хаоса. Каменные обломки были перекручены

и искорежены, словно камни сначала расплавились, а затем снова отвердели. Корум поискал глазами место, наиболее подходящее, с его точки зрения, для Исчезающей Башни, и остановился на странной яме, похоже, вырытой совсем недавно. Подойдя ближе, он внимательно оглядел ее. Размерами яма вполне подходила для Башни.

— Надо ждать здесь,— сказал он.

Элрик тоже подошел к яме.

— Чего ждать, друг Корум?

— Башню. Думаю, она появляется именно в этом месте, когда вообще залетает в эту плоскость.

— А когда она появится?

— Точно сказать нельзя. Мы должны ждать. И как только увидим ее, бежать со всех ног, чтобы попасть туда прежде, чем она снова исчезнет, переместится в соседнюю плоскость.

Корум взглянул на Эрекозе. Черный рыцарь сидел на земле, прислонившись к искореженной каменной плите. Элрик подошел к нему.

— Ты более терпелив, чем я, Эрекозе.

— Я выучился терпению, ибо живу от начала времен и буду жить вечно.

Элрик ослабил подпругу и повернулся к Коруму.

— А кто сказал тебе, что Башня появится именно здесь?

— Чародей, который служит Порядку. Я тоже служу Порядку, ибо судьба предназначила мне вечно сражаться с Хаосом.

— Как и мне,— заметил Эрекозе.

— Как и мне,— подхватил альбинос,— хотя я принес ему клятву верности.— Он передернулся и посмотрел каким-то странным взглядом на Корума и Эрекозе. Корум попытался отгадать, о чем тот думает.

— А зачем тебе Танелорн, Эрекозе?

Эрекозе устремил неподвижный взор на узкую полоску света между скалами.

— Мне было сказано, что там я обрету покой и мудрость. Найду средство вернуться в мир элдренов, где живет женщина, которую я люблю. Поскольку Танелорн существует во все времена и во всех плоскостях, оттуда легче попасть в другие миры и отыскать именно тот, что нужен. А что тебя влечет в Танелорн, принц Элрик?

— Я знаю Танелорн и знаю, что ты поступаешь верно, ища его. Похоже, моя судьба защищать этот город от врагов — в

моем мире. Даже сейчас, в эту минуту, ему грозит уничтожение. Я молюсь, чтобы Корум оказался прав и в этой Исчезающей Башне нашлось для меня средство защитить моих друзей от чудовищ Телеба К'аарна и их хозяев...

Корум поднес руку Квилла к повязке, прикрывавшей его мертвый глаз.

— А я ищу Танелорн потому, что мне было сказано, он поможет в сражении с Хаосом,— Корум не стал распространяться о том, что шепотом поведал ему Аркин в Храме Порядка.

— Но Танелорн,— возразил Элрик,— ни на чьей стороне. Он никогда не будет служить ни Порядку, ни Хаосу. Именно потому он вечен.

Об этом Корум уже слышал от Джери.

— Да,— кивнул он.— И я ищу не войны, но мудрости.

Когда наступила ночь, они продолжали ждать, карауля по очереди и изредка переговариваясь друг с другом, однако по большей части сидели или стояли, молча глядя на то место, где могла появиться башня.

Корум был отнюдь не в восторге от компании Элрика и Эрекозе: в сравнении с Джери они были невыносимы, и он даже почувствовал легкое раздражение, может быть, потому, что они так походили на него самого.

Но вот на рассвете, когда Эрекозе клевал носом, а Элрик крепко спал, воздух вдруг содрогнулся, и Корум различил знакомые очертания обители Войлодьона Гагнасдиака. Башня материализовалась прямо на глазах.

— Она здесь! — завопил Корум. Эрекозе вскочил, но Элрик только сонно потянулся.— Поторопи Элрика!

Наконец Элрик, стряхнув остатки сна, бросился следом за ними, обнажив, как и Эрекозе, свой черный меч. Оба меча были почти близнецами — черные, устрашающие, сплошь испещренные рунами.

Корум мчался впереди: на сей раз он не намерен был оставаться за дверью. Ворвавшись внутрь, он зажмурился от ослепительно яркого света.

— Скорее! Скорее! — закричал он.

Корум вбежал в небольшую гостиную, залитую красноватым светом гигантского масляного светильника, свисавшего на цепях с потолка. Тут дверь захлопнулась, и Корум понял, что они в западне. Он молился всем богам, чтобы у них достало

сил устоять против чародейства хозяина башни. Корум уловил какое-то движение в узком оконце в стене башни. Темная долина исчезла, и на том месте, где она была, простиралось теперь море бескрайней синевы. Башня стремительно летела куда-то. Корум молча показал на оконце товарищам. Потом поднял голову и оглушительно крикнул:

— Джери! Джери-а-Конел!

Может быть, тот уже мертв? Корум молился, чтобы это было не так.

Он прислушался: до слуха его донесся какой-то слабый звук — может быть, голос Джери?

— Джери!

Корум рассек воздух своим длинным мечом.

— Войлодьон Гагнасдиак! Ты здесь или ты покинул башню?

— Я здесь. Что вам угодно от меня?

Корум бросился вперед — под островерхую арку, в соседнюю комнату.

Золотое сияние — под стать тому, что он видел в Лимбе,— обрамляло уродливую фигуру Войлодьона Гагнасдиака, карлика, разодетого в шелка, атлас и шкуры горностая. Крохотный меч блистал в его не по росту крупной руке, красивая голова, сидевшая на маленьких плечиках, была горделиво откинута, глаза ярко сверкали под черными, сходящимися на переносице бровями. Войлодьон ухмылялся, по-волчьи оскалив зубы.

— Наконец-то ко мне пожаловали гости, развеять мою тоску. Опустите ваши мечи, господа. Вы — мои гости.

— Мне прекрасно известно, что ожидает твоих гостей,— взорвался Корум.— Знай же, Войлодьон Гагнасдиак, мы пришли освободить Джери-а-Конела, которого ты держишь в заточении. Отдай его нам,— и мы не сделаем тебе ничего плохого.

Карлик улыбнулся недоброй улыбкой.

— Я очень могуществен. Вы не сможете меня одолеть! — он развел руки.— Смотрите.

Карлик взмахнул мечом, и молнии заплясали по комнате, вынудив Элрика поднять меч, защищаясь от них. Выглядело это довольно нелепо, и разъяренный Элрик угрожающе двинулся на маленького горбуна.

— Послушай, Войлодьон Гагнасдиак! Я — Элрик из Мелнибонэ, и у меня тоже есть могущество. Я ношу Черный Меч — он жаждет твоей крови. Лучше добром отпусти друга принца Корума!

Но карлик не испугался.

— Ты говоришь о мечах? Что в них проку?

— У нас не простые клинки,— прорычал Эрекозе.— И нас занесли сюда силы, неведомые тебе,— боги вырвали нас из нашего мира, из нашей эпохи, для того чтобы мы потребовали у тебя Джери-а-Конела!

— Вас обманули,— Войлодьон Гагнасдиак улыбнулся всем троим.— Или вы пытаетесь обмануть меня. Джери, конечно, смышленый малый, это бесспорно, но зачем он богам?

Альбинос нетерпеливо поднял меч, и Коруму послышался странный звук, похожий на тяжкий стон: меч словно жаждал крови. Корум даже подумал, что эти мечи — отнюдь не безопасное оружие даже для хозяев.

Но что-то вдруг отшвырнуло Элрика назад, и меч выпал у него из руки. Войлодьон Гагнасдиак не сделал ничего особенного: он просто подбросил головой какой-то желтый мячик, но этого оказалось достаточно.

Эрекозе ринулся на помощь Элрику, а Корум остался на месте, следить за чародеем, однако едва Элрик поднялся на ноги, как Войлодьон Гагнасдиак подбросил еще один мячик. На сей раз черный меч отразил его, мяч отлетел к дальней стене, ударился о нее — и взорвался. Нестерпимый жар опалил их лица, от поднявшегося вихря перехватило дыхание. Из пламени взрыва начала сгущаться клубящаяся мгла.

— Уничтожать шары опасно,— невозмутимо заметил Войлодьон Гагнасдиак,— ибо теперь то, что заключено в них, уничтожит вас самих.

Черное облако разбухало, увеличиваясь на глазах, пламя погасло.

— Я свободен! — послышался голос. Он исходил из клубящейся мглы.

Войлодьон Гагнасдиак захихикал:

— Да, ты свободен — чтобы убить тех, кто отверг мое гостеприимство!

— Свободен — чтобы умереть! — в бешенстве вскричал Элрик.

Корум, оцепенев от ужаса, завороженно смотрел, как клубящаяся мгла начинает расползаться в стороны, словно длинные, змеящиеся волосы, затем волосы сжались в клубок — и из него явилось существо с головой тигра, туловищем гориллы и шкурой носорога. Тварь раскрыла огромные черные крылья,

перехватила лапами поудобнее свое оружие — нечто длинное, острое, похожее на косу, и устремилась на ближайшего противника — Элрика.

Корум бросился на помощь, вспомнив, что Элрик, вероятно, рассчитывает на чудодейственную силу его руки и глаза.

— Мой глаз больше не может смотреть в царство небытия! Я не могу получить оттуда помощь! — вскричал он.

Но тут он заметил подлетавшей к нему желтый шар — и еще один, нацелившийся на Эрекозе. Оба ухитрились отразить удар, шары упали на пол и взорвались. Еще две летучие твари взлетели в воздух, и вскоре у Корума уже не было времени смотреть по сторонам или думать о помощи Элрику, ибо он уже сражался за свою жизнь, увертываясь от свистящей в воздухе косы, старающейся обезглавить его.

Ему даже удалось несколько раз достать чудовище мечом, однако шкура того была неуязвима. А кроме того, огромная тварь оказалась на удивление проворной — гораздо проворнее, нежели можно было предположить. Время от времени она взмывала вверх, зависая над Корумом, чтобы броситься с высоты.

Коруму уже начинало казаться, что это западня, подстроенная силами Хаоса, и оба его двойника, как и он, бессильны против крылатых чудовищ.

Он проклинал себя за самоуверенность: конечно же, следовало разработать более последовательный план, прежде чем соваться сюда!

Шум битвы перекрывали пронзительные визги Войлодьона Гагнасдиака, швырявшего в комнату все новые и новые шары, которые взрывались, превращаясь в тигрообезьян, тотчас же кидавшихся в атаку.

Корума, Элрика и Эрекозе оттеснили к дальней стене.

— Боюсь, вы явились мне на свою же погибель,— задыхаясь, проговорил Корум. Рука его, державшая меч, онемела.— Я не ведал, что наши силы будут столь ничтожны. Видимо, Башня перемещается так стремительно, что законы волшебства бессильны в ее стенах.

Элрик пытался отразить удары сразу двух чудовищ, атаковавших его с двух сторон.

— Неплохо для такого карлика! Если бы мне удалось проткнуть хотя бы одну тварь!..

Одна коса рассекла ему кожу, другая распорола плащ. Третья полоснула по руке. Корум ринулся было на помощь, но коса

пробила его серебряную кольчугу, еще одна задела ухо. Он увидел, как меч Элрика вонзился в глотку чудовищу, не причинив тому, однако, ни малейшего вреда. Он услышал, как взвыл от ярости черный меч, обманутый своей жертвой.

А потом он увидел, что Элрику удалось вырвать у тигрообезьяны косу и всадить ее в растерявшуюся тварь. Острие впилось чудовищу в грудь, из раны хлынула кровь — тварь пронзительно взвыла в предсмертной агонии.

— Я был прав! — торжествующе вскричал Элрик.— Только их же оружие способно поражать этих тварей! — с мечом в одной руке и косой в другой он атаковал следующую тигрообезьяну, стараясь подобраться к Войлодьону Гагнасдиаку, который завизжал от ужаса и скрылся в дверном проеме.

Тигрообезьяны скучились под потолком. Затем ринулись вниз.

Корум отчаянно пытался завладеть косой. Наконец ему это удалось, когда Элрик всадил оружие в спину одному из чудовищ и отсек ему голову. Корум поднял освободившуюся косу и полоснул ею по горлу следующей тигрообезьяне: она свалилась замертво. Корум подтолкнул косу ногой по направлению к Эрекозе.

Воздух наполнился густым смрадом, черные перья прилипли к покрытым потом и кровью лицу и рукам Корума. Он повел Элрика и Эрекозе обратно к входной двери, через которую они вошли в комнату,— там было легче держать оборону, потому что лишь одна тварь могла проникнуть в комнату через узкий вход.

Корум чувствовал чудовищную усталость. Он понимал, что их ждет неминуемая гибель, ибо силы их иссякли, а Войлодьон Гагнасдиак все швырял желтые шары из своего укрытия. Вдруг что-то метнулось через комнату к карлику, но, прежде чем Корум успел понять, что это было, очередная тигрообезьяна заслонила от него горбуна. Корум поневоле отпрыгнул в сторону, чтобы избежать удара косы.

Затем Корум услышал какой-то крик и когда снова поднял глаза, то увидел, что горбун тщетно пытается оторвать что-то от своего лица; рядом с ним стоял Джери-а-Конел и отчаянно махал остолбеневшему от изумления Элрику.

— Джери! — закричал Корум.

— Так это тот самый Джери, ради которого мы здесь? — Элрик рассек брюхо нападавшей тигрообезьяне.

— Да!

Элрик стоял ближе всех к Джери и сделал движение навстречу, однако Джери предупреждающе закричал:

— Нет! Нет! Оставайся где стоишь!

Но Элрик и так был вынужден отказаться от своего намерения: он отбивался от двух чудовищ, напавших на него с двух сторон.

Джери был в отчаянии.

— Ты неправильно понял слова Болорьяга!

Теперь Джери был виден и Элрику, и Эрекозе, который получал явное удовлетворение от кровавой бойни.

— Возьмитесь за руки! Корум посередине! — кричал Джери.— А вы двое обнажите мечи!

Корум догадался, что Джери известно больше, чем он полагал. Но теперь Элрик был ранен в ногу.

— Поторопитесь! — Джери возвышался над карликом, который тщетно пытался оторвать что-то от лица.— Это ваша единственная надежда — а также и моя!

Элрик заколебался.

— Он мудр, друзья,— сказал Корум.— Он знает многое из того, что неведомо мне. Итак, встаньте по обе стороны от меня.

Эрекозе словно очнулся от забытья. Он взглянул на Корума поверх окровавленной косы, потряс черной головой и вложил левую руку в ладонь Корума, а в правую взял свой диковинный меч.

И вдруг Корум ощутил, как его онемевшие от усталости члены налились силой, и он даже едва не рассмеялся от счастья, охватившего все его существо. Элрик тоже рассмеялся, и даже Эрекозе улыбнулся. Они соединились. Они стали едины — Трое в Одном. И двигались, как одно существо, смеялись и сражались как единое целое.

И хотя сам Корум не сражался, он упивался азартом боя. У него было такое чувство, будто он сам держит в каждой руке по мечу.

Тигрообезьяны дрогнули, отступив перед стонущими, покрытыми рунами мечами. Они пытались ускользнуть от этой новой странной мощи. Крылья их неистово хлопали.

Корум засмеялся торжествующим смехом.

— Прикончим их! — закричал он, зная, что Элрик и Эрекозе кричат то же самое. Наконец их мечи обрели силу, а сами они стали неуязвимы. Кровь лилась рекой, раненые чудовища пытались бежать, но ни одно не спаслось.

Исчезающая Башня затряслась, зашаталась, словно сломленная раскрепощенной мощью. Пол угрожающе накренился. Откуда-то донесся пронзительный вопль Войлодьона Гагнасдиака:

— Башня! Моя башня! Это погубит ее!

Корум едва удерживал равновесие на скользком, залитом кровью полу. И тут вошел Джери-а-Конел. При виде следов побоища на лице его выразилось отвращение.

— Это верно. Наша волшебная сила непременно разрушит Башню. Усач, ко мне!

И тут Корум увидел, что в лицо Войлодьону Гагнасдиаку вцепился черно-белый крылатый кот Джери. Он опять спас им жизнь. Кот подлетел к Джери и уселся ему на плечо, озираясь вокруг широко раскрытыми зелеными глазами.

Элрик вырвал руки и ринулся в соседнюю комнату, прильнув к узкому оконцу. До Корума донесся его вопль:

— Мы в преддверии ада!

Корум нехотя разнял руки с Эрекозе. У него не было сил пойти взглянуть, но он понял, что башня парит там, где он однажды летел на воздушном корабле — вне Времени и Пространства. И теперь она раскачивалась еще более угрожающе. Он бросил взгляд на сгорбленную фигуру карлика, закрывшего лицо руками: между пальцами текли струйки крови.

Джери прошел мимо Корума в соседнюю комнату и что-то сказал Элрику. Потом повернул обратно, и Корум расслышал его последние слова:

— Элрик, друг, пойдем. Помоги мне найти мою шляпу.

— В такое время ты ищешь шляпу? — поразился Корум.

— Да, а что? — Джери подмигнул Коруму и погладил кота.— Принц Корум, Эрекозе, вы пойдете со мной?

Они прошли мимо рыдающего горбуна и спустились по узкому коридору к лестничной площадке. Ступеньки вели в подвал. Башня содрогнулась. Джери спускался впереди, держа в руке зажженный факел.

Кусок каменной кладки сорвался с потолка и упал к ногам Элрика.

— Мне кажется, нам надо подумать о том, как выбраться отсюда,— спокойно заметил он.— Если это сооружение рухнет, мы будем погребены заживо.

— Доверься мне, принц Элрик.

Наконец они достигли круглой залы с массивной металлической дверью.

— Это знаменитый подвал Войлодьона. Здесь вы найдете все, что вам нужно,— проговорил Джери.— А я, надеюсь, найду свою шляпу. Ее делали по специальному заказу, и она подходит ко всем моим костюмам, так что...

— Но как мы откроем такую дверь? — Эрекозе яростным жестом вложил меч в ножны. Затем снова вытащил его и приставил острие клинка к двери.— Она же стальная.

Джери смотрел на них с веселой улыбкой, несмотря на грозящую опасность.

— Я ведь показывал вам, как открывать подобные двери,— сказал он.

И снова они соединили руки, и снова странное, восхитительное ощущение силы наполнило всех троих. Они были вместе. Возможно, это и была их судьба. Возможно, именно тогда, когда они соединялись в единое целое, им было суждено познать счастье. И эта мысль вселяла надежду.

— А теперь, принц Корум,— проговорил Джери,— если ты ударишь ногой по двери...

Корум размахнулся, пнул стальную дверь — и изумленно увидел, как она рухнула в проем без всякого сопротивления. Ему очень не хотелось разнимать руки с Элриком и Эрекозе. Теперь он знал, что они могут быть единым существом и чувствовать удовлетворение. Однако в подвал войти можно было только поодиночке.

Башня пошатнулась и накренилась набок. Так что они буквально ввалились в подвал и рухнули на устилавшие пол сокровища.

Корум поднялся на ноги. Элрик уже рассматривал золотой трон. Эрекозе изучал боевой топор, чересчур огромный даже для него.

Здесь, в подвале, хранились сокровища Войлодьона Гагнасдиака — вещи, принадлежавшие некогда его жертвам и похищенные им, когда Башня перемещалась из плоскости в плоскость.

Корум был потрясен: такого музея не было ни в одной плоскости, ни в одну эпоху. Он бродил по зале, поднимая то одну, то другую вещь и в восхищении любуясь ею. Между тем Джери нашел что-то и протянул Элрику. Корум расслышал, как Элрик спросил:

— Откуда тебе все это известно?

Джери ответил какой-то туманной фразой, а затем нагнулся с радостным возгласом: выудив из груды сокровищ свою шляпу, он тотчас же принялся сбивать с нее пыль. Затем поднял еще что-то — кубок.

— Возьми это, Корум,— велел он.— Он тебе еще пригодится.

Джери сунул нос в угол и поднял какой-то мешочек, повесив его через плечо. Тут же лежал ларец. Джери рылся в нем до тех пор, пока не нашарил перстень. Он протянул его Эрекозе.

— Это твоя награда, друг, за то, что ты вызволил меня из плена.

Речь его была высокопарной, однако в тоне сквозила легкая ирония.

Тут Эрекозе даже улыбнулся:

— Сдается мне, ты обошелся бы и без моей помощи, юноша.

— Ты не прав, Эрекозе. Я никогда еще не попадал в такую переделку.

Джери обвел долгим взглядом залу. Пол опять накренился, и Джери не удержал равновесия.

— Нам надо уходить,— сказал Элрик, державший под мышкой связку каких-то металлических прутьев.

— Ты прав,— Джери торопливыми шагами пересек залу.— Мы забыли еще кое-что. В своей гордыне Войлодьон Гагнасдиак показал мне подвал, но он не знал истинную цену всех своих сокровищ.

Корум нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

— Он убил путешественника, принесшего с собой вот это. Тот был прав, полагая, что владеет средством, которое избавит Башню от вечных скитаний, однако не успел испробовать его. Войлодьон Гагнасдиак убил путешественника,— Джери показал друзьям какой-то предмет. Это был небольшой весьма непритязательного вида жезл, цвета темной охры.— Вот он. Магический Рунный Посох. Им владел Хоукмун, когда я путешествовал с ним по Империи Мрака.

ГЛАВА ВТОРАЯ
В ТАНЕЛОРН

— Что такое Рунный Посох? — спросил Корум.

— Я припоминаю одну историю... Впрочем, я не мастер давать имена и объяснять...

Элрик едва заметно улыбнулся:

— Я обратил на это внимание.

Корум поднес посох к глазам: ему не верилось, что тот обладает какой-то властью.

— Этот предмет,— пояснил Джери,— может существовать только в определенном физическом и психическом поле. Чтобы существовать, он создает вокруг себя особое поле, в котором должен пребывать. Это поле соотносится с упомянутыми условиями — кстати, теми же, что наиболее благоприятны для нашего с вами существования...

Огромный кусок штукатурки сорвался с потолка.

— Башня разваливается,— проворчал Эрекозе.

Корум заметил, что Джери поглаживает жезл пальцами, следуя вырезанному на нем узору.

— Встаньте рядом со мной, друзья.

Как только они встали плечом к плечу, крыша обрушилась. Огромные каменные глыбы посыпались прямо на их головы — и спустя мгновение над ними голубело небо, от которого веяло прохладой, а под ногами была твердая почва. Между тем со всех сторон подступала черная тьма — всеобъемлющая тьма небытия.

— Не выходите за границы круга,— предостерег Джери.— Иначе конец,— он нахмурился.— Пусть Рунный Посох сам отыщет то, что должен отыскать.

Корум хорошо изучил своего друга и заметил, что голос у Джери не такой уверенный, как всегда.

Земля изменила цвет, воздух сделался раскаленным, затем пронзительно-ледяным, и Корум догадался, что они стремительно перемещаются по тем плоскостям, где прежде блуждала башня, однако они двигались не наугад, а к какой-то определенной цели, в этом он был уверен.

Потом Корум ощутил под ногами песок, горячий ветер пахнул ему в лицо, а Джери вдруг закричал:

— Вперед!

Вместе со всеми Корум ринулся в темноту, а очутился в ослепительном солнечном сиянии и увидел над собой сверкающее металлическое небо.

— Пустыня...— негромко проговорил Эрекозе.— Огромная пустыня...

Вокруг перекатывались желтые барханы, и ветер с печальным шепотом проносился над ними.

Джери был явно доволен собой.

— Ты узнаешь это место, друг Элрик?

— Шепчущая пустыня?

— Прислушайся.

Элрик вслушался в печальный шепот ветра, однако что-то другое приковывало его взгляд. Корум оглянулся и увидел, что Джери бросил Рунный Посох на землю и тот истаивает прямо на глазах.

— Вы отправитесь со мной на защиту Танелорна? — спросил Элрик, явно рассчитывая на согласие. Однако Джери покачал головой.

— Нет. Мы поступим иначе. Нам нужно найти машину, которую Телеб К'аарна запустил при помощи Повелителей Хаоса. Где ее искать?

Элрик обвел взглядом барханы.

— Думаю, вон в той стороне.

— Тогда идем.

— Но я должен спасти Танелорн,— возразил Элрик.

— Ты должен уничтожить устройство, друг Элрик, однако после того, как мы им воспользуемся, иначе Телеб К'аарна снова попытается применить его мощь.

— Но Танелорн...

Корум с любопытством прислушивался к разговору. Откуда Джери так много знает о мире Элрика и его бедах?

— Не думаю,— спокойно сказал Джери,— что Телеб К'аарна и его чудовища успели ворваться в город.— Не успели! Но ведь прошло столько времени!

— Не более суток,— возразил Джери.

«Интересно,— подумал Корум,— это относится ко всем троим или только к плоскости Элрика?» Альбинос в растерянности потер лицо рукой, не зная, верить или не верить Джери, и Коруму даже стало немного жаль его. Подумав, Элрик решился:

— Хорошо. Я отведу вас к машине.

— Но если Танелорн так близко отсюда, зачем искать его в каком-то другом месте? — спросил Корум.

— Потому что это не тот Танелорн, который нам нужен,— ответил Джери.

— А мне он подходит,— почти робко сказал Эрекозе.— Я остаюсь с Элриком. И тогда, может быть...— в его глазах появилась отчаянная надежда.

Но Джери пришел в неописуемый ужас.

— Друг мой,— печально сказал он.— Времени и Пространству грозит разрушение. Вечные стены скоро падут: вещество Вселенной может разрушаться. Ты не понимаешь. Происшедшее в Исчезающей Башне случается один раз в Вечность, но

даже тогда опасно для всех, кто имеет к тому отношение. Ты должен сделать то, что я тебе скажу, а я обещаю тебе, что ты сможешь найти Танелорн там, куда я тебя приведу.

Эрекозе понурился:

— Хорошо.

— Пошли,— Элрик нетерпеливо зашагал вперед, не дожидаясь остальных.— Вы все здесь толкуете о Времени, а лично у меня его в обрез.

— У всех нас,— с чувством ответил Джери.

Они побрели через барханы, и печальный ветер отзывался в их душах. Наконец они добрели до скал, образовавших естественный амфитеатр. В середине его был покинутый лагерь. Пологи шатров хлопали на ветру, однако не шатры привлекли их внимание: в самом центре амфитеатра помещалась гигантская чаша, содержащая нечто чрезвычайно странное — куда более странное, чем все, что Корум видел в Гвлас-кор-Гврисе или в мире леди Джейн Пенталлион. Это было устройство со множеством изгибов, сфер и углов, и все они были разного цвета, так что от долгого глядения на них начинала кружиться голова.

— Что это? — пробормотал он.

— Машина,— пояснил Джери,— которую сделали древние. Я искал ее потому, что она отнесет нас в Танелорн.

— Но почему не отправиться с Элриком в *его* Танелорн?

— Помимо географии существуют еще эпохи и плоскости,— сказал Джери.— Потерпи, Корум, ибо, если нам ничто не помешает, мы скоро увидим тот Танелорн, который ищем.

— И найдем там помощь для борьбы с Гландитом?

— Этого я не могу тебе сказать.

Джери шагнул к чаше и обошел вокруг с удовлетворенным видом, будто был хорошо знаком с устройством машины. Пальцы его скользили по узорам чаши, и что-то запульсировало в недрах машины, словно забилось сердце. Сферы, углы и извивы начали менять цвет и смещаться. Движения Джери сделались лихорадочными. Он велел Коруму и Эрекозе стать, прижавшись спиною к чаше, затем извлек из кармана небольшой фиал и вручил его Элрику.

— Когда мы исчезнем,— пояснил он,— брось этот фиал в чашу, садись на коня — он пасется во-он там — и скачи во весь опор в Танелорн. Сделай все в точности, как я сказал, и ты сослужишь всем нам добрую службу.

Элрик осторожно взял в руки фиал.

— Хорошо.

Джери улыбнулся загадочной улыбкой:

— И, пожалуйста, передай привет моему брату Хмурнику.

Красные глаза Элрика расширились.

— Как, ты знаком с ним? Но...

— Прощай, Элрик. Мы, без сомнения, встретимся с тобой в будущем, и не раз, хотя можем и не узнать друг друга.

На лице Элрика плясали отблески полыхавшей сполохами чаши.

— И это к лучшему, я полагаю,— добавил Джери едва слышно, с явным сочувствием к альбиносу. Но Элрик уже исчез, равно как и пустыня, и сама машина в сверкающей чаше. Внезапно какая-то невидимая рука швырнула их назад.

Джери облегченно вздохнул:

— Машина уничтожена. Это хорошо.

— Но как мы вернемся в свою плоскость? — спросил Корум. Их окружала высокая, волнующаяся под ветром трава — такая высокая, что стебли ее поднимались выше их роста.— А где же Эрекозе?

— Ушел своей дорогой. В свой Танелорн,— ответил Джери. Он взглянул на солнце. Потом сорвал пучок травы и отер лицо.— И мы тоже пойдем своей дорогой.

— Танелорн уже близко? — волнение охватило Корума.— Он уже близко, Джери?

— Да, я чувствую его присутствие.

— Это твой город? Ты знаешь его обитателей?

— Это мой город.. Танелорн всегда был и будет моим городом. Но этот Танелорн мне незнаком. Впрочем, мне кажется, кое-что знаю о нем,— иначе все мои замыслы не стоят и ломаного гроша.

— Какие замыслы, Джери? Ты должен сказать мне, что знаешь.

— Я мало что могу рассказать тебе. Я знал о судьбе Элрика, потому что некогда сражался плечом к плечу с ним. Я и сейчас там, пока он существует. Я знал также, как помочь Эрекозе, потому что когда-то в прошлом, а может быть, в будущем был его другом. Но не мудрость руководит мною, Корум, а всего лишь инстинкт. В путь.

И Джери пошел вперед сквозь высокую, колышущуюся траву — так уверенно, будто шел по знакомой торной дороге.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
СОВМЕЩЕНИЕ МИЛЛИОНОВ СФЕР

А потом они увидели Танелорн. Город был голубой-голубой и излучал ослепительное сияние, сливавшееся с синевой небес, однако здания города являли взору такое разнообразие оттенков синего и голубого, что город казался пестрым. Шпили и купола лепились друг к другу; изогнутые, закрученные в немыслимые спирали башни восторженно устремлялись ввысь, безмолвно упиваясь своей ликующей красотой, многоцветьем — от темно-синего, почти черного, до бледно-лилового — и совершенством форм сверкающего металла.

— Нет, это не город смертных,— потрясенно прошептал Корум. Он кутался в алый плащ, чувствуя себя совершенно ничтожным, раздавленным великолепием города.

— Воистину,— тон у Джери был почти мрачный.— Это не тот Танелорн, который я видел когда-то. Корум, он почти зловещий... Он прекрасный и удивительный, но, может быть, не настоящий? Анти-Танелорн, Танелорн, где правит совершенно чуждая нам логика...

— Что-то я не понимаю тебя. Ты толковал о мире. У этого Танелорна вполне мирный вид. Ты говорил, что есть великое множество Танелорнов, что Танелорн существует от начала времен и будет существовать до их конца. Что из того, что этот Танелорн кажется необычнее прочих?

Джери тяжело вздохнул.

— По-моему, я начинаю прозревать суть. Танелорн — это единственное место в мириадах миров, неподвластное Времени. А значит, у него должно быть особое предназначение — во всяком случае, это не просто приют для усталых героев и их попутчиков...

— Ты полагаешь, здесь нам грозит опасность?

— Опасность? Это зависит от точки зрения — что ты считаешь опасностью. Некоторые знания опасны для одного человека, но очень полезны для другого. В безопасности кроется опасность, и наоборот. Это ты уже успел понять, верно? Мы ближе всего к познанию истины, когда сталкиваемся с парадоксами, а потому — и мне следовало сообразить это раньше — Танелорн должен быть парадоксом. Надо войти в него, Корум, и выяснить, зачем судьбе было угодно привести нас сюда. Корум медлил в нерешительности.

— Мабелод грозит уничтожить Порядок. Гландит-а-Крэ мечтает покорить все наши плоскости. Ралина пропала. Мы многое рискуем потерять, Джери, если ошибемся.

— Да, мы рискуем потерять все.

— Тогда, может быть, лучше сначала удостовериться, что это не ловушка? Что мы не стали жертвой космического обмана?

Джери громко расхохотался:

— А как ты намереваешься это выяснить, Корум Джайлин Ирси?

Корум посмотрел на друга и опустил глаза.

— Ты прав. Надо войти в город.

Они пересекли лужайку, голубоватую в струящемся от города синем свете, ступили на просторную улицу, вдоль которой росли голубые цветы и деревья, и вдохнули воздух Танелорна, столь непохожий на воздух городов в знакомых им мирах.

Рыдания стеснили грудь Корума. Он опустился на колени, благоговея перед красой вечного города, чувствуя, что готов отдать за него жизнь. Джери положил руку ему на плечо и прошептал:

— Да. Это — подлинный Танелорн.

Корум и Джери побрели по улице, высматривая обитателей города. Тело у Корума сделалось каким-то невесомым, он словно парил над землей. Его вдруг наполнила необъяснимая уверенность, что здесь они обретут долгожданную помощь, что Мабелод будет повержен, что вадхаги и люди из Ливм-ан-Эш прекратят, наконец, убивать друг друга. Но они все шли и шли, а навстречу им не попалось ни единой живой души. Никто не приветствовал их, вокруг царила всеобъемлющая тишина.

Вдруг в конце улицы Корум заметил какую-то фигуру, неподвижную на фоне замысловатого голубого фонтана. Это была статуя — первая статуя, которую они обнаружили в городе. Что-то неуловимо знакомое почудилось Коруму в ее очертаниях, что-то, вселившее в него смутную надежду. Статуя отчего-то связалась в его мозгу с мыслью о спасении.

Он почти побежал, однако Джери схватил его за руку.

— Постой. Не надо спешить в Танелорне.

По мере того как они подходили ближе, очертания статуи вырисовывались все отчетливее. Она казалась более грубой, почти варварской рядом с окружающими ее ажурными зданиями и не голубой, а скорее зеленой. И материал, из которого она была отлита, отличался от прочих сооружений. Статуя стояла на четырех ногах, поддерживавших ее квадратное туловище. Рук

тоже было четыре: две сложены на груди, две свисали вдоль тела. Большая голова казалась почти человеческой, только нос отсутствовал и вместо ноздрей зияли открытые дыры. Огромный рот растянулся от уха до уха, словно статуя ухмылялась. Сверкающие глаза тоже были диковинными и скорее походили на розетки из драгоценных камней.

— Глаза...— пробормотал Корум, придвигаясь ближе.

— Да,— Джери понял, что имел в виду Корум.

Статуя была не выше Корума, и все тело ее было усыпано темными сверкающими камнями. Корум протянул было руку, потрогать, но тотчас же отдернул: взгляд его был прикован к сложенным на груди рукам статуи. Он просто похолодел от чудовищной догадки.

Правая рука статуи заканчивалась шестипалой кистью, но вместо левой был обрубок. Отсутствующая кисть была у Корума. Корум в панике отпрянул назад, сердце бешено забилось, виски ломило, в ушах стоял звон.

Губы статуи медленно раздвинулись. Руки, висевшие вдоль туловища, потянулись к Коруму.

Затем Корум услышал голос.

Никогда прежде не доводилось ему слышать столь странного голоса. Мудрый и жестокий, насмешливый и беспощадный, холодный и ласковый одновременно, грубый и нежный — тысячи оттенков были в нем. Голос произнес:

— Ключ... Дар должен быть добровольным. Иначе я не могу воспользоваться ключом.

Фасеточные глаза — точная копия того глаза, что сидел в правой глазнице Корума,— вращались и переливались, однако руки, сложенные на груди, оставались неподвижны, равно как и ноги, словно приросшие к постаменту.

Корум был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова. Он точно окаменел — как сама статуя. Джери подошел и стал рядом.

— Ты — Квилл,— спокойно сказал он.

— Да, я Квилл.

— А Танелорн — твоя тюрьма?

— Он был моей тюрьмой, потому что...

— Потому,— подхватил Джери,— что только Вечный Танелорн может удержать существо такого могущества, как ты.

— Но даже он не смог бы удержать меня, будь я полноценным.

Джери поднял безвольную руку Корума и потрогал шестипалую кисть.

— А это вернет тебе полноценность?

— Это — ключ к моей свободе. Но дар должен быть добровольным, иначе я не смогу воспользоваться ключом.

— И ты постарался заполучить его — разумом, волей, над которой Танелорн не властен. Выходит, не Космическое Равновесие соединило Корума с Элриком и Эрекозе, а ты. Только ты и твой брат обладаете такой силой — хотя вы и не свободны сейчас. Только вы можете бросать вызов законам естества — самому великому Порядку Космического Равновесия.

— Да, только Квилл и Ринн могут это, ибо они послушны единственному закону...

— ...Который вы нарушили — много тысячелетий назад. Вы подняли руку друг на друга — и Ринн отсек тебе кисть, а ты вырвал у него глаз. Вы забыли о клятве верности — той единственной клятве, что всегда будет для вас законом...

— Ринн принес меня сюда, в Танелорн. Множество циклов сменилось с тех пор.

— А что твой брат Ринн? Какое возмездие ты придумал ему?

— Он ищет, не ведая отдыха, свой утраченный глаз. Но найти его он сможет лишь отдельно от руки.

— А глаз и рука всегда были вместе.

— Как и сейчас.

— И потому Ринн ничего не нашел.

— Ты верно понял меня, смертный. Тебе многое известно.

— Это потому,— прошептал Джери, словно разговаривая сам с собой,— что я один из тех смертных, что обречены на бессмертие.

— Дар должен быть добровольным,— снова повторил Квилл.

— Скажи, это тебя я видел в Огненных землях? — неожиданно спросил Корум, отодвигаясь от статуи.— Это ты был на холмах, рядом с замком Эрорн?

— Да, то была моя тень. Но ты не мог видеть меня, я невидим. Это я спас тебе жизнь в Огненных землях, и еще много-много раз. Я использовал для этого свою руку, я убивал ею твоих врагов.

— Они не были врагами,— Корум поднес к глазам шестипалую руку, глядя на нее с отвращением.— Значит, это ты дал мне власть над мертвыми и право призывать их себе на помощь?

— Это все пустяки. Руке дана куда большая власть.

— И ты сделал это усилием мысли?

— Я сделал гораздо больше. Дар должен быть добровольным. Я не могу принудить тебя, смертный, вернуть мне мою руку.

— А если я не захочу расстаться с ней?

— Тогда я останусь здесь и буду ждать еще тысячу циклов, пока не наступит новое Совмещение Сфер. Разве ты ничего не понял?

— Я понял,— печально ответил Джери.— Совмещение Сфер... Вот отчего такое множество плоскостей открылось сейчас для смертных! Вот почему находятся ответы на загадки, суть которых всегда ускользала от разума! Вот почему я помню свои воплощения. Наступает Великое Совмещение Сфер. Это случается столь редко, что даже проживший вечность не всегда увидит его. А когда оно происходит, рушатся старые законы, и рождаются новые, и меняется сама природа Времени, Реальности и Пространства.

— Это означает конец Танелорна?

— Может быть. Но я не уверен,— сказал Квилл.— Дар должен быть добровольным.

— А что будет, если я отдам ключ? — спросил Корум.

Джери покачал головой, вытащил из-за пазухи кота, погладил его и тяжело вздохнул.

— Ты освободишь Квилла,— сказал Квилл.— Ты освободишь Ринна. Каждый заплатит свою цену.

— Что мне делать, Джери?

— Я не могу...

— Мне следует заключить сделку? Потребовать помощи для сражения с Королем Мечей? Чтобы Квилл вернул мне Ралину, вернул мир в мои земли?

Джери пожал плечами.

— Что же мне делать, Джери?

Но Джери молчал. Корум посмотрел в лицо Квиллу.

— Я верну тебе твою руку, но при условии, что ты поможешь мне уничтожить власть Хаоса в пятнадцати плоскостях, что ты убьешь Мабелода, Короля Мечей, и отыщешь мою возлюбленную, Ралину. И вернешь мир в мои земли, чтобы мы могли жить, повинуясь Порядку. Скажи, что ты это сделаешь.

— Я это сделаю.

— Тогда я охотно отдам тебе ключ. Возьми свою руку, Великий Древний Бог, ибо она принесла мне только страдания!

— Глупец! — вскричал Джери.— Я же говорил тебе, что...

Но голос его звучал все глуше и глуше. А Корум ощутил чудовищную муку — сродни той, которую испытал тогда, в лесу, когда Гландит отсек ему кисть. Он даже закричал от нестерпимой боли. Затем что-то ожгло ему лицо, и он понял, что Квилл вырвал у него из глазницы глаз Ринна. Красный туман плыл у него в голове. Красный жар иссушал душу. Красная боль пожирала плоть.

— ...Говорил тебе, что они подвластны лишь одному закону — закону верности друг другу! — закричал Джери.— Я молил богов, чтобы ты не совершил этой глупости!

— Я...— Корум взглянул на культю, где прежде была рука Квилла, и потрогал пустую глазницу,— я опять калека...

— А я целый,— голос Квилла не изменился, но его инкрустированное каменьями тело заблестело ярче. Он вытянул все четыре ноги и руки и вздохнул с облегчением.— Целый!

В одной из рук он держал глаз Ринна; глаз переливался в синем сиянии города.

— Я цел и свободен! — добавил Квилл.— Скоро, брат, мы снова будем блуждать с тобой по Миллиону Сфер, как прежде, до нашей ссоры, в упоении от разнообразия мира. Только нам двоим ведомо истинное наслаждение! Я должен найти тебя, брат!

— А наш уговор? — настойчиво сказал Корум, не обращая внимания на Джери.— Ты же сказал, что поможешь мне.

— Я не заключаю сделок, смертный. Я не подчиняюсь законам, кроме того, о котором ты слышал. Меня не волнуют Порядок, и Хаос, и Космическое Равновесие. Квилл и Ринн существуют во имя жажды существования, и нас не заботит призрачная борьба жалких смертных и их еще более жалких богов. Знаешь ли ты, что вам просто *грезятся* все эти боги? Что ты гораздо сильнее их? И что, когда вам страшно, вы сами выдумываете себе ужасных богов? Неужели это не ясно тебе?

— Я не понимаю тебя. Но ты должен сдержать обещание.

— Я ухожу — искать моего брата Ринна. Я подброшу глаз в такое место, где он легко найдет его — и обретет свободу.

— Квилл! Ты обязан мне многим!

— Обязан? Я не признаю обязанностей — кроме одной: моих собственных желаний и желаний моего брата. Да и чем я обязан тебе?

— Без моей помощи ты не обрел бы свободу.

— А без моей помощи ты давно был бы мертв. Будь благодарным!

— Я был игрушкой богов. Я устал от несправедливости, Квилл. Сначала заложник Хаоса, потом — Порядка, а теперь — твой. Порядок, по крайней мере, признает, что власть налагает ответственность. Ты ничем не лучше правителей Хаоса!

— Неправда! Мы никому не причиняем вреда, ни я, ни Ринн. Что за удовольствие играть в эти глупые игры Порядка и Хаоса, вершить судьбы смертных и богов? Вами пользуются, потому что вы сами желаете этого, потому что так легче — возлагать ответственность за свои собственные деяния на богов. Забудь всех богов, забудь меня. Ты будешь счастливее.

— И все же ты воспользовался мной, Квилл. Ты не можешь не признать этого.

Квилл повернулся к Коруму спиной и подкинул свою темную, со множеством зубцов острогу высоко в воздух. Она исчезла в заоблачной выси.

— Я пользуюсь множеством вещей — оружием, например,— но я не испытываю перед ними ответственности, особенно когда они становятся мне не нужны.

— Ты несправедлив, Квилл!

— А что такое справедливость? — Квилл затрясся от хохота.— Что это такое?

Корум весь подобрался, намереваясь броситься на Древнего Бога, но Джери удержал его.

— Если собака приносит тебе добычу, ее надо вознаграждать, верно, Квилл? — сказал Джери. Иначе она не будет служить тебе.

Квилл резко повернулся на четырех ногах. Его фасеточные глаза сверкали.

— Если собака не станет охотиться, следует завести новую.

— Я бессмертен,— сказал Джери.— И непременно предупрежу остальных собак, что они ничего не получат за верную службу Великим Древним Богам.

— Мне больше не потребуются собаки.

— Ты уверен? Даже ты не можешь предвидеть, что будет после Совмещения Миллиона Сфер.

— Я могу уничтожить тебя, бессмертный из смертных.

— И станешь еще презреннее тех, кого презираешь.

— Тогда я вам помогу,— Квилл откинул назад свою украшенную каменьями голову и оглушительно расхохотался. Даже Танелорн содрогнулся от громовых раскатов его смеха.— Так я потрачу меньше времени.

— Ты выполнишь свое обещание? — настойчиво повторил Корум.

— Я не признаю обещаний. Но я помогу вам,— Квилл неожиданно нагнулся и схватил Корума и Джери под мышки.— Сначала в царство Короля Мечей!

Голубой Танелорн исчез, и перед ними возник Хаос, пляшущий словно раскаленная лава в жерле извергающегося вулкана, и сквозь пламя и дым Корум увидел Ралину.

Но Ралина была исполинского роста.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
КОРОЛЬ МЕЧЕЙ

Квилл спустил их на землю и уставился на гигантскую женщину.

— Она не живая,— сказал он.— Это замок.

Замок был выстроен в форме Ралины. Но кто выстроил его и с какой целью? И где сама Ралина?

— Мы войдем туда,— сказал Квилл, шагая сквозь колеблющиеся порождения Хаоса, как сквозь дым.— Не отходите от меня.

Они подошли к высокой белокаменной лестнице, которая вела вверх и заканчивалась порталом, устроенным в пупке исполинской женщины. Квилл начал взбираться по ступеням, довольно неуклюже перебирая четырьмя ногами. Он что-то напевал себе под нос.

Наконец они добрались до круглой двери и вошли в огромную залу, озаренную лучами, лившимися с высокого потолка. В центре круга света стояло воинство, вооруженное для битвы. Там были и кошмарные, и божественно прекрасные создания, в самых разнообразных доспехах и со всеми видами оружия. У одних были звериные головы, другие походили на прелестных женщин. Все они улыбались вошедшим. Корум узнал князей ада — тех, что служили Мабелоду, Королю Мечей.

Квилл с Джери и Корумом остановились у двери. Квилл поклонился и улыбнулся в ответ. Собравшиеся в зале слегка изумились, но явно не узнали Исчезнувшего бога. Они расступились, и перед вошедшими предстали двое.

Один из двоих был чрезвычайно высокого роста и совершенно нагой, если не считать легкой накидки. Гладкая безволосая

кожа, идеально стройное тело. Длинные белокурые волосы ниспадали на плечи, однако у существа не было лица. Не было ничего — ни глаз, ни носа, ни рта — только гладкая чистая кожа.

Корум понял, что это и есть Мабелод, прозванный Безликим. Второй была Ралина.

— Я ждал, что ты придешь,— сказал Король Мечей, хотя у него не было губ, чтобы выговаривать слова.— Для этого я и выстроил замок. Это приманка, на которую ты должен был попасться. Смертные очень постоянны в своих привязанностях.

— Да, это так,— согласился Корум.— Ралина, ты цела?

— Я цела — и в здравом рассудке. Ярость хранит меня от помешательства,— отозвалась она.— Я думала, ты погиб, Корум, когда наш корабль рассыпался на куски. Но это чудовище утверждало обратное. Ты нашел помощь? Похоже, что нет. Я вижу, ты снова лишился руки и глаза,— голос у Ралины был совершенно бесцветный.

Корум почувствовал, как из его глаза скатилась слеза.

— Мабелод заплатит за то, что посмел огорчить тебя,— пообещал он.

Безликий бог рассмеялся — и князья ада вместе с ним, словно расхохотались дикие звери. Мабелод потянулся и выхватил из-за спины Ралины огромный золотой меч, ослепивший Корума и Джери своим нестерпимым блеском.

— Я поклялся, что отплачу за Ариоха и Ксиомбарг,— сказал Мабелод Безликий.— Я поклялся не рисковать своей жизнью, но дождаться, чтобы ты, Корум, оказался в моей власти. Когда герцог Тир поверил твоей лжи — герцог Тир при этом опустил свою свиную морду — и едва не погубил моего верного слугу Гландита, который тоже играл роль в моем плане, ты был почти в ловушке. Но что-то сорвалось, ты сбежал. Попалась только женщина, а ты и твой приятель исчезли. Вот я и решил использовать ее как приманку. И стал ждать. Ты явился. Теперь я придумаю тебе наказание. Сначала я расплющу тебя, смешаю твою плоть с плотью твоих друзей и создам из тебя нечто уродливое, омерзительное — под стать тому, что ты презираешь. В этом обличье вы поживете с годик, а может, два или столько, сколько выдержит разум; затем я верну вам прежний вид и заставлю вас ненавидеть друг друга — и в то же время желать. Думаю, вы успели почувствовать, как я могу преуспеть в этом. А затем...

— У Повелителей Хаоса земные представления,— заметил Квилл своим странным колосом.— А какие скромные желания! И жалкие мечты...— он засмеялся.— Они недостойны даже людей, не то что богов.

Князья ада умолкли и повернулись к своему господину.

Мабелод держал золотой меч обеими руками, и из него вырывались тысячи теней, они извивались и плясали в воздухе, превращаясь в смутно знакомые Коруму фигуры, которые он все же не мог узнать.

— Моя власть безгранична, пришелец! Кто ты такой, что позволяешь себе насмехаться над могущественнейшим из Повелителей Мечей, Мабелодом Безликим?

— Я вовсе не насмехаюсь,— ответил Исчезнувший бог.— Я Квилл,— он протянул руку и выхватил из воздуха меч с несколькими клинками.— И я говорю то, что очевидно.

— Квилл мертв,— возразил Мабелод.— И Ринн мертв. Они мертвы, а ты — самозванец. И твое колдовство смехотворно.

— Я Квилл.

— Квилл умер.

— Я Квилл.

Трое князей ада ринулись на Квилла, потрясая мечами.

— Убейте его,— приказал Мабелод,— чтобы я мог приступить к пытке и насладиться местью.

Квилл выхватил из воздуха еще два меча. Он позволил клинкам князей ада беспомощно удариться о свое изукрашенное каменьями тело, а затем пронзил их и отбросил так далеко, что они исчезли.

— Квилл...— пробормотал он.— Мощь мириадов миров — моя.

— Ни одно существо не может обладать такой мощью! — закричал Мабелод.— Космическое Равновесие не позволяет этого!

— Я не подчиняюсь Космическому Равновесию,— возразил Квилл. Он обернулся к Коруму и протянул ему глаз Ринна.— Я сам разделаюсь с ними. Возьми глаз моего брата в свою плоскость и брось его там в море. Больше тебе ничего не надо делать.

— А Гландит?

— Ты можешь справиться с ним и без моей помощи. Ты становишься ленив, смертный.

— Но Ралина...

— Ах, да.

Рука Квилла вытянулась, пробившись сквозь ряды князей ада, и выхватила Ралину из-под носа у Мабелода.

— Вот она.

Ралина рыдала в объятиях Корума.

Корум услышал крик Мабелода:

— Соберите все силы! Созовите всех моих слуг, из всех плоскостей! Готовьтесь к бою, князья ада! Вперед, за Хаос!

— Ты кого-нибудь боишься, Король Мечей? — крикнул Джери.

Золотой меч сверкнул в руке Мабелода. Он сгорбился, и голос его зазвучал глухо.

— Я боюсь Квилла,— проговорил он.

— Ты правильно делаешь,— отозвался Квилл. И помахал одной из своих рук.— Оставим все эти глупости и сразимся.

Стены замка дрогнули и начали плавиться. Князья ада закричали в ужасе, на глазах меняя обличье: они выбирали то, что более всего подходило для сражения. Мабелод Безликий начал расти ввысь, пока его огромное безликое лицо не нависло над всеми.

Ослепительные краски расплескались в небе. Появились озера тьмы. Повсюду слышались визги, рычание и чавканье. Со всех сторон наседали исчадия Хаоса — одни скользили как змеи, другие прыгали, третьи летали, четвертые ходили — и все они явились, чтобы защитить короля Мабелода.

Квилл хлопнул Джери по плечу, и щеголь исчез.

Корум задыхался от ужаса.

— Даже ты не сможешь устоять против всей мощи Хаоса! Я сожалею о нашей сделке. Я освобождаю тебя от твоего обещания!

— Я не заключал никаких сделок,— две руки протянулись к Ралине и Коруму и хлопнули их по плечу. Корум почувствовал, как его подхватило и понесло прочь.

— Они уничтожат тебя, Квилл!

— Давненько я не сражался, но думаю, что припомню все, что умел.

Корум успел увидеть ревущий ужас ада, навалившегося на Квилла.

— Квилл...

Он попытался вытащить свой меч, но вдруг почувствовал, что падает. Он скользил, как тогда, когда рассыпался их воздушный корабль. Однако на сей раз он крепко держал Ралину. Даже когда сознание начало мутиться, он сжимал и сжимал ее руку, пока не услышал голос:

— Корум, ты делаешь мне больно!

Он открыл глаза. Они с Ралиной стояли на черной скале, и под ними бушевало море. Сначала он не узнал места, потому что замка более не было. Но потом он вспомнил, что Гландит сжег его. Они стояли на горе Мойдель. Начинался отлив, и волны откатывались, обнажая дамбу.

— Взгляни,— Ралина показала в сторону леса. Корум повернулся и увидел трупы.

— Значит, вражда продолжается,— сказал он. Он хотел подать Ралине руку, чтобы помочь спуститься вниз, как вдруг заметил, что держит что-то в ладони. Это был глаз Ринна. Он не выпускал его все это время.

Корум размахнулся и с силой бросил глаз далеко в море. Глаз сверкнул в воздухе и исчез под волнами.

— Мне ничуть не жаль расставаться со всем этим,— проговорил он.

ГЛАВА ПЯТАЯ
КОНЕЦ ГЛАНДИТА

Они пересекли дамбу и подошли к опушке леса. Трупы принадлежали их старым врагам, лесным варварам. Бой явно был долгим и ожесточенным. Убитые валялись на земле, одетые в меха, в ожерельях и браслетах из бронзы и меди, все еще сжимая в окоченевших руках мечи и топоры. У каждого воина было по меньшей мере с дюжину ран. Видно, и их накрыло Облако Раздора, выпущенное нхадрагским колдуном. Корум нагнулся над ближайшим трупом и внимательно осмотрел его.

— Умер недавно,— сказал он.— А это означает, что болезнь свирепствует по-прежнему. И все-таки нас она не задевает. Впрочем, возможно, требуется некоторое время, чтобы яд начал действовать.

Среди деревьев что-то мелькнуло. Корум выхватил меч, и впервые остро пожалел о своей неполноценности. Он чувствовал себя неуверенно, но, всмотревшись, вздохнул с облегчением: это был Джери-а-Конел, и он вел под уздцы трех пони, принадлежавших убитым воинам.

— Не слишком хороши для верховой езды, однако это лучше, чем идти пешком. Куда ты намерен направиться, Корум? В Халвиг?

Корум покачал головой.

— Сейчас мы можем сделать только одно полезное дело. В Халвиг нам идти незачем. Думаю, Гландит еще не успел обосноваться там, скорее всего, он по-прежнему рыщет по другим плоскостям, разыскивая нас. Мы отправимся в Эрорн. Там есть лодка, на ней мы сможем добраться до Нхадрагских островов.

— Где живет колдун, наславший порчу на весь мир?

— Именно так.

Джери-а-Конел почесал кота за ухом.

— Это разумно, Корум Джайлин Ирси. Поспешим же.

Они сели на низкорослых лохматых лошадок и поскакали вперед, через леса Бро-ан-Вадха со всей быстротой, на какую были способны пони. Не раз им приходилось прятаться в зарослях при приближении вооруженных отрядов вадхагов, выслеживавших друг друга. Им даже довелось наблюдать побоище, но они ничем не могли помочь несчастным.

Корум испытал огромное облегчение при виде башен Эрорна, ибо опасался, что Гландит или кто-нибудь из его приспешников опять уничтожил замок. Но Эрорн был цел и невредим. Снег стаял, и нежное дыхание весны уже коснулось деревьев и кустарников. С чувством радости они вошли в ворота.

Однако они напрочь забыли о слугах. А те не сумели справиться с недугом. Два трупа валялись прямо у порога, оба чудовищно изуродованные. Остальные лежали мертвые в покоях замка — кроме одного, последнего: его ненависть обратилась против него самого, и несчастный повесился в музыкальной комнате. От этого фонтаны и кристаллы пели горестными, пронзительными голосами, и ужасные их звуки едва не заставили Корума, Джери и Ралину повернуть обратно.

Убрав трупы, Корум спустился в большой грот, расположенный под замком. Там качалась на волнах маленькая лодка, в которой они с Ралиной катались по морю в дни недолгого мира. Они дождались прилива и проплыли под тяжелыми сводами в открытое море. Только через два дня вдалеке показались Нхадрагские острова.

Когда они плыли по бескрайнему морю, Корум всецело предался думам о своих приключениях в других мирах. Он побывал в стольких, что уже потерял им счет. Неужели действительно существует Миллион Сфер, и в каждой — множество плоскостей? Невозможно было представить себе столько миров. И в каждом шла битва.

— Неужели нет такого Мира, где царил бы вечный мир? — спросил он у Джери. Корум сидел на руле, а Джери управлял парусом.— Неужели, Джери?

Джери пожал плечами:

— Возможно, и есть, хотя мне такой не встречался. Может быть, мне просто не судьба увидеть его. Однако это естественное состояние Природы — вечная борьба.

— Некоторые существа не знают вражды всю свою жизнь.

— Да, это так. Легенда гласит, что некогда был только один Мир — планета, как наша,— и была она мирной и безупречной. Но туда вторглось зло, планета познала борьбу и в борьбе создала великое множество подобий себя самой, где борьба разгорелась жарче. Однако таких легенд, утверждающих безупречность прошлого или идеальность будущего, существует великое множество. Я видел тысячи прошлых и будущих жизней — и нет среди них идеальных.

Лодка закачалась на волнах, и Корум крепче сжал руль. Море было неспокойным, огромные валы катились один за другим.

— Смотрите! — вскричала Ралина.— Странствующий бог! Он направляется к нашему побережью. Он опять тянет сеть!

— Возможно, Странствующему богу неведом покой,— проговорил Корум, когда волны улеглись и великан исчез из виду.

Джери погладил кота, который со страхом глядел на воду.

— Думаю, нет,— сказал он.

Еще через день они увидели наконец первые островки архипелага, темно-зеленые, с коричневыми проплешинами. На островах виднелось множество черных руин городов и замков, разрушенных мабденами, когда те вторглись на Нхадрагские острова. Раза два-три они видели на берегу одинокую фигуру, махавшую им рукой, но проплывали мимо, ибо Облако Раздора, без сомнения, поразило всех, кто еще оставался в живых на архипелаге.

— Прямо по курсу — большой остров,— заметил Корум.— Это Малифуль, где стоит город Оз и живет нхадрагский колдун Эртиль. Мне кажется, я чувствую, что Облако Раздора опять проникает в мой мозг...

— Надо поспешить и покончить с этим, пока не поздно,— сказал Джери.

Они причалили к каменистому пустынному пляжу рядом с Озом. С побережья были видны городские стены.

— Ну, Усатый,— прошептал Джери коту,— давай покажи нам, где живет колдун.

Кот раскрыл крылья и полетел, стараясь не слишком отрываться. Джери, Корум и Ралина подошли к груде валунов, что некогда были воротами города, и осторожно зашагали вперед, пробираясь по кучам поросших сорняками обломков каменной кладки. Кот подлетел к приземистому квадратному зданию с желтым куполом, дважды облетел вокруг купола и уселся Джери на плечо.

Корум почувствовал вдруг странное раздражение: кот выводил его из себя. Чувство это было совершенно беспричинным, и он, понимая, что вызвало его ярость, ринулся к квадратному зданию.

В доме был только один выход, закрытый тяжелой деревянной дверью.

— Если мы взломаем ее, то обнаружим себя,— прошептал Джери.— Смотри, тут какие-то ступеньки.

И действительно, лестница вела на крышу. Они устремились по ней: Джери и Корум впереди, Ралина сзади,— подкрались к куполу и заглянули внутрь. На полу валялись груды пергаментов и стояли клетки с животными и какие-то котелки. Что-то живое шевелилось в углу. Это был колдун.

— Мне надоела осторожность! — закричал Корум.— Надо скорее покончить со всем этим! — он с воплем выхватил меч и ударил по стене. Раздался грохот, трещина зазмеилась по куполу. Корум ударил еще раз, и стена обрушилась внутри. Изнутри вырвалась удушливая вонь, отбросившая Корума назад. Он почувствовал, как в нем опять вскипает необъяснимый гнев, и прыгнул в дыру, приземлившись на исцарапанный стол.

Держа меч наготове, Корум обвел глазами комнату.

То, что он увидел, разом усмирило его ярость. Колдун Эртиль пал жертвой собственного чародейства. На губах у него пузырилась пена, глаза выкатились из орбит.

— Я убил их,— сообщил он.— А теперь убью тебя. Они не слушались меня — и я убил их,— в единственной руке у него была отрубленная нога. Еще одна нога и рука валялись рядом в луже крови.— Я убил их!

Корум отвернулся, пнул булькающий котел, сбросил с полок склянки с растениями и порошками.

— Я убил их,— бормотал колдун. Голос его поднялся до визга и затих. Из ран толчками хлестала кровь. Было ясно, что ему осталось жить лишь несколько мгновений.

— Как ты сделал Облако Раздора? — спросил Корум.

Эртиль слабо улыбнулся и показал куда-то отрубленной ногой.

— Вон она, курительница. Такая маленькая курительница, но она погубила всех вас.

— Не всех,— Корум сорвал курительницу с цепей и сунул в котел. Зеленый пар вырвался из нее, и злобные лица замелькали в облаке дыма, после чего все исчезло.— Я уничтожил то, что уничтожило мой народ,— сказал Корум.

Эртиль взглянул на него стекленеющими глазами.

— Тогда уничтожь и меня, вадхаг. Я заслужил это.

Но Корум покачал головой.

— Нет, я предоставлю тебе умирать медленной смертью.

Снаружи послышался голос Джери:

— Корум!

Корум взглянул вверх и сквозь дыру в куполе увидел голову Джери. Вид у него был испуганный.

— Что случилось, Джери?

— Гландит, похоже, почуял неладное. Понял, что колдун сошел с ума.

— Почему ты так решил?

— Потому что он летит сюда. Его чудовища все еще служат ему.

Корум вложил меч в ножны и спрыгнул со стола.

— Я сейчас спущусь вниз. Я не могу вылезти через крышу.

Ралина и Джери ждали его у входа. Корум взял Ралину за руку и отвел в дом.

— Будь здесь. Хоть и поганое место, но для тебя тут безопаснее. Пожалуйста, побудь здесь.

Черные крылья со свистом рассекали воздух. Гландит приближался.

Корум и Джери остановились на бывшей городской площади. Теперь вся она была завалена грудами щебенки.

Денледхисси стало явно меньше. Очевидно, многие погибли в схватке с герцогом Тиром. Но все равно добрая дюжина черных тварей кружилась в небе над Озом.

Вопль радости, от которого кровь стыла в жилах, обрушился с неба и эхом прокатился по городу:

— Корум!

Это кричал Гландит-а-Крэ, заметивший своего врага.

— Где твои чародейские глаз и рука, шефанхау? Вернулись в царство небытия, откуда ты получил их? — Гландит расхохотался.

— Значит, нам все-таки суждено пасть от руки мабдена,— спокойно сказал Корум, наблюдая, как чудовища снижаются в дальнем углу площади.— Приготовься к смерти, Джери.

Они молча смотрели, как Гландит слезает с адского чудовища. Он устремился к ним через площадь, денледхисси бежали за ним по пятам.

— Это будет честный бой, Гландит-а-Крэ? Ты велишь своим людям отойти, чтобы мы могли сразиться? — крикнул Корум в надежде спасти жизнь Джери и Ралине.

Гландит поправил шкуру, свисавшую со спины, и поглубже надвинул шлем на красную физиономию.

— Если ты полагаешь, что это честно — сражаться с калекой, у которого нет глаза и руки, что ж, тогда я сражусь с тобой,— Гландит мигнул своим воинам: — Отойдите, как он просит. Через пару минут вы получите его второй глаз и руку.

Варвары взвыли от восторга.

Мабденский граф подошел вплотную к Коруму и заглянул ему в лицо.

— Ты доставил мне немало неприятных минут, шефанхау. Но я так счастлив видеть тебя, что готов забыть про это. Я рад тебе,— он вытащил из-за пояса огромный боевой топор и выхватил из ножен меч.— Сейчас мы довершим то, что начали в лесах возле замка Эрорн.

Он шагнул вперед, но перепуганный вопль денледхисси заставил его обернуться.

Черные твари взмыли в воздух и устремились на запад. Скоро они пропали из виду.

— Они возвращаются в Царство Хаоса,— сказал Корум.— Хозяин призвал их к себе, видно, ему там приходится туго. Если я убью тебя, Гландит, твои люди отпустят меня?

Гландит усмехнулся волчьей ухмылкой:

— Они очень любят меня, мои денледхисси.

— Стало быть, я ничего не выигрываю. Обожди минуту,— Корум обернулся и прошептал, обращаясь к Джери: — Возьми Ралину и беги с ней к лодке. Даже если меня убьют, у денледхисси теперь нет крылатых чудовищ, и они не смогут догнать вас. Это мудрое решение, Джери, не отказывайся от него.

Джери вздохнул:

— Я не отказываюсь. Я сделаю так, как ты велишь. Иду.

— Ты позволишь ему уйти из Оза? — спросил Гландита Корум.

Гландит пожал плечами:

— Пусть идет. Если он станет нам досаждать, мы всегда найдем его. И не воображай, что я так уж горюю из-за нескольких адских тварей. У меня есть колдун, он может наколдовать мне что-нибудь новое, если я того захочу.

— Эртиль?

Глаза Гландита сузились в щелочки.

— А что такое с Эртилем?

— Он убил себя. Облако Раздора и его свело с ума.

— Ну и пусть. Яяиий! — граф Гландит издал пронзительный вопль и неожиданно бросился на Корума, размахивая топором и мечом.

Корум отпрыгнул и упал: топор просвистел у него над головой. Он едва успел увернуться от меча, перекатившись по груде кирпичей. Опершись на обрубок руки, он попытался встать на ноги и отразить бешеный удар топора.

Варвар был силен и проворен, как всегда, несмотря на свою толщину. Рядом с ним Корум чувствовал себя слабым и беспомощным, как дитя. Он попытался сделать ответный выпад, но Гландит помешал ему, тесня назад, вниз по груде камней. Корум молился, чтобы Джери с Ралиной успели добраться до лодки и к тому времени, как Гландит покончит с ним, были в недосягаемости, на пути в замок Эрорн.

Меч и топор обрушились на клинок Корума одновременно — рука его даже онемела от тяжести удара. Он ударил мечом по рукояти топора, рассчитывая отрубить Гландиту пальцы, но тот отдернул руку и размахнулся, целясь Коруму в голову. Корум уклонился, и топор выбил несколько колец из его кольчуги и лишь слегка задел плечо.

Гландит усмехнулся. Его смердящее дыхание достигало ноздрей Корума, в бешеных глазах плескалась жажда убийства. Он нанес короткий удар мечом, и Корум почувствовал, как клинок вонзился в его бедро. Отпрянув, он увидел, как кровь хлынула ручьем из раны.

Гландит остановился, тяжело дыша: выжидал минуту, когда можно будет нанести завершающий удар. Корум взмахнул мечом перед лицом Гландита и рассек ему щеку, но Гландит все же успел отразить выпад.

Кровь продолжала хлестать из раны в бедре. Прихрамывая, Корум отбежал назад, стараясь удержать дистанцию между собой и противником. Но Гландит не стал преследовать его, он остался стоять на месте, наслаждаясь страданиями Корума.

— Я доставлю себе удовольствие: ты будешь умирать медленной смертью. Хочешь немного побегать, принц Корум, чтобы чуть-чуть продлить себе жизнь?

Корум выпрямился. В голове у него мутилось. Он не мог ничего сказать, только посмотрел на Гландита своим единственным глазом и шагнул вперед.

Гландит хихикнул:

— Я убил всех вадхагов, кроме тебя. А теперь я могу убить последнего из твоего поганого племени. Я долго ждал этой минуты!

Корум сделал еще один шаг.

Гландит поднял меч.

— Хочешь умереть?

Корума качало. Он едва различал графа Крэ. С трудом он поднял меч и неимоверным усилием сделал третий шаг.

— Иди сюда,— поддразнил Гландит.— Иди же.

Тень накрыла руины. Сначала Корум решил, что ему почудилось. Он даже потряс головой, отгоняя видение.

Но Гландит тоже увидел тень. Красный рот его открылся в изумлении, налитые кровью глаза расширились. И пока он глазел на того, кто отбрасывал тень, Корум из последних сил воткнул ему в горло меч.

Гландит издал хриплый, булькающий звук, и кровь хлынула у него изо рта.

— За всю мою семью,— проговорил Корум.

Тень двинулась дальше. Она принадлежала великану. Великану с огромной сетью. Он набросил ее на оцепеневших от страха денледхисси и потащил их прочь из города. У великана было два сверкающих, как драгоценные камни, глаза.

Корум упал на землю рядом с трупом Гландита, не отрывая взгляда от исполина.

— Странствующий бог,— прошептал он.

К нему подбежал Джери, он отер кровь с раны друга.

— Это Странствующий бог,— подтвердил он.— Но он больше не закидывает сеть в моря, ибо нашел, что искал.

— Свою душу?

— Свой глаз. Странствующий бог — это Ринн.

Взор Корума застилал туман. Но сквозь красноватую пелену он все же разглядел Квилла. Тот улыбался.

— Повелителей Хаоса больше нет,— сообщил он.— Мы с братом убили их,— а также всех их прислужников.

— Благодарю тебя,— с трудом шевеля губами, выговорил Корум.— Лорд Аркин тоже будет тебе благодарен.

Квилл засмеялся:

— Навряд ли.

— Почему?

— На всякий случай мы уничтожили и Владык Порядка. Теперь вы, смертные, свободны от всех богов — во всех плоскостях.

— Но Аркин... Он был добрый.

— Найдите доброе в себе самих — если это то, что вы любите. Наступило Совмещение Сфер, что означает великие перемены в природе естества. Возможно, в этом была наша роль — избавить пятнадцать плоскостей мироздания от глупых богов с их глупыми играми.

— Но Равновесие?..

— Пусть весы качаются сами по себе. Им нечего теперь взвешивать. Отныне вы будете жить по своим законам, смертный, ты и тебе подобные. Прощай.

Корум попытался ответить Квиллу, но боль затопила его. Он потерял сознание.

Однако голос Квилла проник в его мозг — прежде чем Корум успел погрузиться в пучину мрака. Он сказал:

— Теперь вы — вершители своей судьбы.

ЭПИЛОГ

И вновь земля залечила раны, и смертные зажили новой жизнью, отстроив то, что разрушили. Нового короля коронова-ли в Ливм-ан-Эш, и вадхаги, избегнувшие смерти, вернулись в свои замки.

Принц Корум Джайлин Ирси тоже вернулся к жизни в замке Эрорн — благодаря снадобьям Джери-а-Конела и неусыпным заботам супруги своей, Ралины; он нашел себе новое увлечение, припомнив то, что видел в мастерской доктора, когда посетил мир леди Джейн Пенталлион. Коруму предстояло сделать себе такой протез, который удовлетворил бы его.

Но однажды к нему пришел попрощаться Джери-а-Конел, в шляпе, с котомкой на спине и котом на плече. Ему явно не хотелось расставаться с ними. Корум и Ралина умоляли его остаться и пожить с ними еще, наслаждаясь отвоеванным покоем.

— Мир без богов — это мир без страха,— сказал Корум.

— Ты прав,— согласился Джери.

— Тогда оставайся,— сказала Ралина.

— Нет,— Джери вздохнул.— Я отправлюсь туда, где еще правят боги, ибо я не гожусь для иных миров. К тому же,— добавил он,— мне спокойнее, когда есть кого обвинить в собственных неудачах. Я не желаю винить себя самого! И мне нужны боги, и их всеведение, и демоны, и обреченность судьбы, абсолютное добро, абсолютное зло... Я не могу жить без всего этого.

Корум улыбнулся:

— Тогда иди — но помни, что мы любим тебя. И не разочаровывайся в этом мире, Джери. Ведь могут родиться и новые боги...

✧

Так кончается Третья Книга о приключениях Корума, Принца в Алом Плаще.

БЫК И КОПЬЕ

© И. Полоцк, перевод, 2002.

Посвящается Марианне

ВСТУПЛЕНИЕ

В те дни вокруг сияли океаны света, и раскинулись города в небесах, и летали крылатые чудовища, и вздымали пыль бесчисленные стада гигантских — выше любого замка! — красных быков, рев которых был подобен грому, а в мрачных реках кишели зеленые твари с пронзительными голосами. Боги тогда властно вмешивались в жизнь нашего мира — то было их время: время великанов, что бродили по морям, как по мелководью; время легкомысленных эльфов и прочих эфемерных созданий, которых легко вызвать в этот мир злонамеренными проклятиями или даже обычными помыслами, но вот прогнать обратно можно лишь путем страданий, а порой и ужасных жертв. Да, то было время волшебства и фантазий, переменчивости и непостоянства природы, немыслимых событий, безумных парадоксов, снов наяву, предвидений и кошмаров, в которых воплощалась реальная действительность.

Черные то были времена, хотя и богатые событиями. Эпоха правления Повелителей Мечей и гибели великих племен вадхагов и нхадрагов, долгие века смертельно враждовавших друг с другом. А человек, раб страха, в те времена лишь робко начинал приподнимать голову, не подозревая еще, что поработившие его страхи по большей части есть результат его же собственных измышлений. С людьми часто случаются подобные вещи.

Тогда люди называли себя «мабдены» и жили недолго, но плодились необычайно быстро. Всего за несколько столетий они

буквально заполонили весь западный континент, где некогда появились на свет и начали свое развитие. Предрассудки и невежество еще лет двести мешали им послать корабли к берегам тех земель, где обитали вадхаги и нхадраги, но постепенно мабдены осмелели. Особенно когда не встретили ни малейшего сопротивления со стороны древних народов. И тут злобная зависть закипела в их душах, и они принялись строить черные планы.

А вадхаги и нхадраги даже не подозревали об этом. Они жили здесь издавна, уже более миллиона лет, и успели привыкнуть к миру и покою. Разумеется, они знали о существовании мабденов, но, в общем-то, считали их одним из видов диких животных. Несмотря на старинную вражду и вечные междоусобицы, вадхаги и нхадраги большую часть времени проводили в абстрактных научных изысканиях или занятиях искусством. Рациональные, интеллектуально изощренные, пребывающие в полном согласии с самими собой, представители этих древних рас даже поверить оказались не способны в те перемены, которые происходили вокруг них. Ну и, естественно, проглядели первые признаки грозившей им беды.

К тому же давнишняя вражда мешала вадхагам и нхадрагам обмениваться какой бы то ни было информацией— научной, политической, военной— да и последняя их битва друг с другом состоялась много-много веков назад.

Вадхаги жили большими семьями в изолированных друг от друга замках, разбросанных по всему континенту; свою страну они называли Бро-ан-Вадхаг. Даже между родственными семьями редко существовали сколько-нибудь прочные связи, ибо вадхаги давным-давно утратили всякий вкус к путешествиям и вообще— к перемене мест. Нхадраги обитали в городах, построенных на морских островах к северо-западу от Бро-ан-Вадхаг. Они также вели очень замкнутый образ жизни, мало общаясь даже с ближайшими родственниками. Обе расы считали себя неуязвимыми. И обе ошибались.

Только что народившееся племя людей-мабденов расползалось по свету как чума, уничтожая представителей древних повсюду, где с ними соприкасалось. Мабдены несли с собой не только смерть, но и страх, намеренно превращая в руины мир, возникший задолго до их появления. Неразумные, они не только уничтожали вадхагов и нхадрагов физически, они разрушали души и верования древних, их великую культуру и цивилизацию, но даже боги не сразу сумели это понять.

И тогда даже великие боги познали страх.

А люди-мабдены, рабы страха, не ведая о собственном невежестве, продолжали, спотыкаясь, точно слепые, брести по пути своего развития и не замечали грандиозных разрушений, явившихся следствием их мелочных амбиций. Многих чувств им просто недоставало, и они не имели ни малейшего представления о многообразии плоскостей, насквозь пронизывавших Вселенную и пересекавшихся друг с другом. Тогда как вадхаги и нхадраги давно уже познали способ перемещения из одной плоскости в другую и даже дали названия пяти основным из них, через которые совершала свое движение Земля. Повидали они и многие другие миры и постарались понять их сущность.

Казалось в высшей степени несправедливым, что столь мудрые древние расы уничтожаются существами, мало еще чем отличающимися от животных и более всего напоминающими стервятников, которые сварливо ссорятся над бессильно распростертым телом юного прекрасного поэта, могущего лишь потрясенно наблюдать, как эти мерзкие существа разворовывают по кусочку его замечательную жизнь, не способные ни понять, ни оценить столь драгоценный дар.

«Ах, если б только они знали цену украденного; если б понимали, ЧТО разрушают! Тогда хоть немного мне было бы легче»,— это слова одного старика, героя знаменитой вадхагской истории «Последний цветок осени».

Нет, это было поистине несправедливо!

Создав мабденов, Вселенная предала древние расы.

Впрочем, подобная несправедливость встречалась во все времена и хорошо знакома миру. Человек чувствительный способен не только адекватно воспринимать, но и любить всю Вселенную, однако Вселенная не способна ни адекватно воспринимать, ни тем более любить одного отдельно взятого человека. Она не видит различий между бесчисленными составляющими ее «кирпичиками» — мыслящими существами, живыми организмами или просто химическими элементами. Все составляющие для нее равны. Предпочтения не отдается ни одному из них. Вселенная, обладая лишь «строительным материалом» и запасом созидательной энергии, продолжает неторопливо создавать то одно, то другое, однако не желает и не способна отдавать себе отчет в том, что именно создает, и, по всей видимости, ошибаются те из ее созданий, кто надеется управлять ею, и те, кто проклинает порой ее законы, ее творения— в первую очередь смерть— пытается с ними бороться и в порыве бессильного гнева и отчаяния, столкнувшись с неуязвимым и вечным Злом,

потрясает кулаками под взорами ко всему равнодушных незрячих звезд.

И все же подобные попытки постоянно возобновляются!

Рождаются все новые и новые борцы с вечным Злом. Порой они бесконечно мудры, однако до конца поверить в полное равнодушие Вселенной так и не могут.

Принц Корум Джайлин Ирси— один из них. Возможно, он последний из племени вадхагов. Известен он также и как Принц в Алом Плаще.

А также— как главный герой нижеследующего повествования.

Это вторая хроника, повествующая о его приключениях. В первой, известной как «Книги Корума», рассказывалось, что мабдены, сторонники графа Гландита-а-Крэ, уничтожили родных принца Корума и его ближайших родственников, и тогда Принц в Алом Плаще понял, что значит ненавидеть и что значит убивать, — и познал сладость мести. До нас дошли слухи, как граф Гландит пытал принца Корума, отсек ему руку и вырвал глаз, как его спас Великан из Лаара и укрыл в замке маркграфини Ралины на вершине горы, окруженной морем. Хотя в жилах Ралины и текла кровь мабденов (однако принадлежала она к более благородному и доброму роду мабденов Ливм-ан-Эш), они с Корумом полюбили друг друга. Когда же Гландит призвал к мятежу лесных варваров и направил их на замок маркграфини, она и Корум прибегли к помощи сверхъестественных сил и оказались во власти волшебника Шула, чьи владения лежали на острове Сви-ан-Фанла-Брул — обители бога-обжоры. И тогда Корум воочию увидел, какие странные загадочные силы правят этим миром. Шул часто рассуждал о снах и о реальной жизни.

— Вижу, ты стал понимать мабденов,— сказал он Коруму.— Это пойдет тебе только на пользу, если ты хочешь выжить в этом мабденском сне.

— А это сон?— спросил Корум.

— В какой-то мере. Как и реальная жизнь. Можешь считать, что это сон бога, или сон, которому бог позволил стать реальностью. Конечно же, я имею в виду Рыцаря Мечей, что правит пятью плоскостями...

Поскольку Шул держал Ралину под стражей, он заключил с Корумом договор. Колдун преподнес ему также два дара — руку Квилла и глаз Ринна — вместо тех, что он потерял. Эти чуждые, но неоценимые вещи когда-то принадлежали двум братьям-богам, которых после их загадочного исчезновения стали называть Странствующими богами.

Вооружившись, Корум отправился в великий поход. Ему предстояло столкнуться с тремя Повелителями Мечей — Рыцарем, Королевой и Королем — могущественными Владыками Хаоса. Корум многое узнал и о богах, и о сущности реальности, да и о самом себе. Он познал, что был Вечным Воителем, что в тысячах других походов, в другие времена он также сражался против сил, стремящихся уничтожить разум, логику и справедливость, какой бы облик они ни принимали. И наконец (с помощью таинственного союзника) он обрел силы, которые одолеют этих богов и изгонят их из мира.

Мир пришел на земли Бро-ан-Вадхаг, и Корум привел невесту, родом из смертных, в древний замок, что стоял на скале, возвышавшейся над заливом. Тем временем несколько выживших родов вадхагов и нхадрагов вернулись к своим занятиям, а золотая страна Ливм-ан-Эш расцветала, обретая право называться центром мира мабденов, — она была прославлена своими учеными, менестрелями, художниками, строителями и воинами. Корум был счастлив, что народ его жены процветает. Если мимо замка Эрорн случалось проезжать какому-нибудь мабдену-путешественнику, Корум зазывал его к себе и щедро угощал, с радостью слушая рассказы о красоте Халвиг-нан-Вака, столицы Ливм-ан-Эш, чьи стены оплетены круглый год благоухающими цветами. Странники рассказывали Коруму и Ралине о новых кораблях, эскадры которых обеспечивают процветание страны, и никто в Ливм-ан-Эш не знает, что такое голод. Они сообщали и о новых законах, по которым каждый мог принять участие в делах страны. Слушая, Корум испытывал гордость за расу Ралины.

С одним из таких путешественников он поделился своим мнением.

— Когда последние из вадхагов и нхадрагов исчезнут из этого мира,— сказал он,— мабдены станут куда более великой расой, чем когда-то были мы.

— Но мы никогда не будем обладать силой вашего колдовства,— ответил путешественник, заставив Корума от души расхохотаться.

— Мы вовсе не владеем колдовством! Мы не имеем о нем представления. Наше «волшебство» — это всего лишь умение наблюдать и использовать некоторые законы природы, а также понимание законов других плоскостей, которые, правда, нами почти забыты. Такие вещи, как чародейство, выдуманы именно мабденами — они предпочитают скорее выдумывать чудеса, чем изучать обыденность и находить в ней удивительные вещи. Эта

сила воображения сделает вашу расу самой великой из всех, что жили на Земле — но она же может и уничтожить вас!

— Неужели это мы придумали Повелителей Мечей, с которыми ты столь героически сражался?

— Увы,— ответил Корум.— Подозреваю, что именно вы! И не исключаю, что на этом ваши выдумки не кончились.

— Придумывать призраки? Сказочных животных? Могущественных богов?— вопросил удивленный путешественник.— Значит, всего этого не существует в реальности?

— Они достаточно реальны,— ответил Корум.— Кстати, реальность — самая простая вещь на свете, которую только можно выдумать. Частью — это вопрос необходимости, частью — времени или обстоятельств.

Огорчившись, что смутил своего гостя, Корум снова рассмеялся и перешел на другую тему.

Так шел год за годом, и на Ралине стали проявляться следы времени, которые никак не сказывались на Коруме — он мог считать себя почти бессмертным. Тем не менее они продолжали любить друг друга — и, может, с еще большей силой, ибо понимали, что близится день, когда смерть отнимет у принца Ралину.

Жизнь их была полна радости, а любовь — силы чувств. Им было нужно только одно — быть рядом.

И затем она умерла.

И Корум скорбел по ней. В его скорби не было той печали, которая присуща смертным (в ней в какой-то мере присутствует грусть о себе и страх собственной смерти).

Прошло более семидесяти лет после краха Повелителей Мечей. Путешественников становилось все меньше и меньше, и среди вадхагов Корум превращался в легенду Ливм-ан-Эш, переставая быть человеком из плоти и крови. Его развеселило, когда он услышал, что в некоторых концах страны стоят алтари в его честь, украшенные его же грубыми изображениями, которым народ возносит молитвы, как когда-то молился своим богам. Им не потребовалось много времени, чтобы обрести новых богов, и ирония судьбы заключалась в том, что одним из них стал вадхаг, который помог им избавиться от старых идолов. Обожествляя, они тем самым упрощали его как личность. Они наделяли его магической силой, рассказывали о нем истории, которые когда-то имели отношение к прежним богам. Ну почему мабденам вечно не хватало обыкновенной правды? Почему они должны вечно приукрашивать и скрывать ее? Что за странный народ!

Корум вспомнил, как расстался со своим другом Джери-а-Конелом, который сам вызвался стать Спутником Героя, и его последние слова, что тот сказал ему на прощание. «Всегда будут появляться новые боги»,— заявил он. Но ему не могло прийти в голову, кто будет одним из этих богов.

И поскольку принц для столь многих обрел божественную сущность, люди Ливм-ан-Эш стали избегать показываться вблизи утеса, на котором стоял древний замок Эрорн, ибо они знали, что у богов нет времени выслушивать глупые разговоры смертных.

И вокруг Корума росла стена одиночества; он все неохотнее отправлялся в путешествия по землям мабденов, ибо отношение народа смущало его.

Те обитатели Ливм-ан-Эш, которые еще помнили его и знали, что, сколько бы ему ни было лет, он также раним и уязвим, как и они сами,— все они ныне ушли в мир иной. Не осталось никого, кто мог бы оспорить легенды.

И поскольку он привык к окружению мабденов, привык к их образу жизни, то поймал себя на том, что общество людей его расы не доставляет ему удовольствия, ибо они были далеки от него, не могли понять, в какой находятся ситуации, и были намерены и дальше вести себя так до полного исчезновения расы вадхагов. Корум завидовал их беспечности, так как, хотя он больше и не участвовал в делах мира, все же чувствовал себя приобщенным к ним — во всяком случае, он раздумывал о возможном предназначении самых разных рас.

Много времени он отдавал той разновидности шахмат, в которую играли вадхаги (играл он сам с собой — пешки были доводами в споре одной логики против другой), и, вспоминая свои прошлые стычки и конфликты, порой сомневался, в самом ли деле они имели место. Навсегда ли, думал он, закрылись порталы пятнадцати плоскостей, даже для вадхагов и нхадрагов, которые, были времена, свободно в них входили и покидали их. И в таком случае означает ли это, что других измерений больше не существует? И посему опасности и страхи, с которыми он сталкивался, его открытия постепенно становились расплывчатыми абстракциями; они становились факторами спора о природе времени и личности, и спустя какое-то время даже этот спор больше не будет интересовать Корума.

Прошло около восьмидесяти лет после падения Повелителей Мечей, прежде чем у Корума снова пробудился интерес к народу мабденов и их богам.

«Хроники Корума Серебряной Руки».

Часть первая,
В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ ПОГРУЖАЕТСЯ В НЕПРИЯТНЫЙ И НЕЖДАННЫЙ СОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПО МЕРЕ ТОГО, КАК МЕРКНЕТ ПРОШЛОЕ, РАСТЕТ СТРАХ ПЕРЕД БУДУЩИМ

Ралина скончалась в возрасте девяноста шести лет, до последних дней сохранив свою красоту. Корум оплакивал ее. Даже теперь, по прошествии десятилетия, ему не хватало ее. Представляя себе очередную тысячу лет своего бытия и завидуя кратким годам жизни расы мабденов, он все же избегал общества ее представителей, поскольку они напоминали ему о Ралине.

Его собственная раса, вадхаги, снова осела в своих уединенных замках — их формы настолько сливались с природными скалистыми образованиями, что многие мабдены, проходя мимо, принимали их не за строения, а ошибочно считали естественными выходами гранитных, известняковых и базальтовых пород. Вадхагов Корум чурался, ибо при жизни Ралины предпочитал общество мабденов. Оценивая эту иронию судьбы, он сочинял о Ралине стихи и музыку или писал картины, уединяясь в специальных помещениях замка Эрорн, предназначенных для этих целей.

Затворясь в замке Эрорн над морем, он все более отчуждался от жизни.

Принц погружался в одиночество. Его подданные (теперь в их число входили только вадхаги) прикидывали, как довести до

него их точку зрения — может, ему стоит взять жену из вадхагов, от которой у него могут быть дети и в присутствии которой у него снова проснется интерес к настоящему и будущему. Но они никак не могли найти способ встретиться со своим сувереном Корумом Джайлином Ирси, Принцем в Алом Плаще, сокрушившим могущественных богов и избавившим мир от многих его страхов.

Подданные начали бояться. Они жили, опасаясь Корума, его одинокой фигуры с повязкой на глазу, прикрывавшей пустую глазницу, с искусственной левой рукой, (каждая новая рука была образцом технического совершенства — Корум сам делал их, приспосабливая для своих нужд),— когда он бесшумно бродил по полуночным залам, и когда, мрачный, седлал коня и уезжал в зимний лес.

Корум тоже узнал, что такое страх. Он боялся пустых дней, одиноких лет — остается лишь ждать, когда мимо тебя медленно протекут столетия и придет смерть.

Принц подумывал о самоубийстве, но как-то почувствовал, что такой поступок был бы оскорблением памяти Ралины. Не пуститься ли снова в какой-нибудь поход, прикинул он, но в этом спокойном, теплом, сонном мире не осталось земель для исследований. Даже грубые жестокие мабдены короля Лир-а-Брода обрели себе занятия, став фермерами, торговцами, рыбаками и шахтерами. Не угрожали никакие враги, нигде не попиралась справедливость. Свободные от богов, мабдены стали покладистыми, добрыми и умными.

Корум вспомнил давние времена своей молодости. Его преследовали, и он преследовал. Но теперь Корум уже не испытывал удовольствия от погони. За ним так часто охотились во времена его битвы с Повелителями Мечей, что сейчас он мог чувствовать лишь сострадание к объекту охоты. Он ездил верхом, отдыхал душой, углубляясь в густые цветущие заросли вокруг замка Эрорн. Но радость жизни покинула его. Тем не менее принц не слезал с седла.

Конь нес его через лиственные леса, окаймлявшие мыс, на котором высился замок Эрорн. Порой он уезжал так далеко, что оставался наедине с густыми зарослями вереска на мшистой почве и со стервятниками, парящими в тишине необъятного неба. А иногда он возвращался в Эрорн вдоль берега и, пренебрегая опасностью, вел коня по самому краю осыпающихся утесов. Далеко внизу о скалы с ревом и шипением разбивались

белые гребни прибоя. Порой долетавшие брызги орошали лицо Корума, но он даже не чувствовал их. Лишь раз это ощущение заставило его улыбнуться от удовольствия.

Однако большую часть времени Корум не испытывал желания покидать замок. Ни солнце, ни ветер, ни порывы дождя не могли выманить принца из сумрачных залов, где когда-то обитала его семья, а потом и Ралина — когда-то они были наполнены любовью, смехом и весельем. А порой Корум даже не вставал с кресла. Высокий, стройный, он, вытянувшись, лежал на диване; сжав кулаки, клал на них красивую голову, и миндалевидный желто-красный глаз смотрел в прошлое, в то прошлое, которое постоянно затягивалось туманом, а он отчаянно боролся за былое, пытаясь вспомнить каждый день, прожитый с Ралиной. Принц великой расы вадхагов скорбел по смертной женщине. В замке Эрорн никогда не водилось привидений до того, как в нем появились мабдены.

Случалось в дни, когда тоска отступала, ему хотелось, чтобы Джери-а-Конел не покидал эту плоскость, ибо Джери, как и его самого, тоже можно было считать бессмертным. Он, самовольно окрестивший себя Спутником Героев, похоже, был способен по своему желанию перемещаться по всем пятнадцати плоскостям бытия, будучи проводником, опорой и советником в зависимости от того, в какой личине выступал Корум. Именно Джери-а-Конел сказал, что он и Корум вместе представляют собой разные во-площения Вечного Воителя, а в башне Войлодьона Гагнасдиака он встретил две других инкарнации Героя — Эрекозе и Элрика.

С рациональной точки зрения Корум мог принять эту идею, но эмоционально отвергал ее. Он был Корумом и никем иным. И у него своя судьба.

У Корума хранилось собрание холстов Джери (большинство из них были автопортретами, но некоторые изображали Корума, Ралину и маленького черно-белого крылатого кота, которого Джери повсюду таскал с собой, как свою шляпу). Корум, когда им овладевала меланхолия, разглядывал портреты, вспоминая старые времена, но постепеннно ему начинало казаться, что на портретах изображены незнакомцы. Ему приходилось делать над собой усилие, чтобы думать о будущем, планировать дела, но все его намерения ни к чему не приводили. Как бы он ни детализировал планы, какими бы убедительными они ни были, Корум помнил о них не дольше пары дней. По всему замку Эрорн

валялись неоконченные поэмы, незавершенная проза, разорванные листы нотной бумаги, начатые картины. Мир превратил мирного человека в воина, а затем оставил его, поскольку сражаться было не с кем. Такая судьба выпала на долю Корума. Ему не приходилось возделывать землю, ибо вся пища вадхагов росла в пределах замка. Недостатка в мясе и вине не было. Замок Эрорн производил все, в чем нуждались его немногочисленные обитатели. Много лет Корум отдал производству искусственных рук, используя то, что он видел в доме доктора в мире леди Джейн Пенталлион. Теперь у него был большой выбор конечностей, все наилучшего качества и служили ему не хуже, чем рука из плоти. Его любимая искуственная рука, которой он пользовался чаще всего, напоминала гибкую боевую рукавицу из серебра с филигранью — она была просто копией той руки, которую граф Гландит-а-Крэ отрезал около ста лет назад. И доведись ему услышать призыв к бою, эта рука надежно держала бы меч и копье или же натягивала бы лук. Мельчайшие движения мускулов культи, оставшейся на месте кисти, позволяли ей делать все, что под силу настоящей руке, и даже более того, ибо хватка была крепкой. Во-вторых, он обрел способность одинаково владеть обеими руками — правая рука действовала так же безупречно, как и левая. Тем не менее, все его умение не могло вернуть глаз, и Коруму приходилось довольствоваться простой повязкой алого шелка, украшенной затейливой вышивкой Ралины. У него появилась подсознательная привычка то и дело касаться этой вышивки пальцами правой руки, когда он в мрачном состоянии духа сидел в кресле.

Корум начал осознавать, что его молчание ведет к потере рассудка, и ночами в постели он слышал голоса. Они доносились откуда-то издалека, хором произнося имя, которое на языке, смахивавшем на речь вадхагов, напоминало его собственное и все же не было таковым. При всех стараниях Корум не мог избавиться от этих голосов, хотя они повторяли всего несколько слов. Когда голоса звучали ночь за ночью, он начинал кричать, требуя тишины. Он стонал, метался на шелковых простынях под меховым одеялом и затыкал себе уши. При свете дня принц пытался высмеивать себя и предпринимал далекие конные прогулки, чтобы вымотаться и без сил свалиться в постель. Но все равно спал он тяжело и беспокойно. И голоса снова приходили к нему. И еще были сны. Какие-то призрачные фигуры находились в роще могучих деревьев. Они стояли, взявшись за руки и,

по всей видимости, приглашали его в круг. В своих снах Корум говорил с призраками, объяснял, что не слышит их и не понимает, чего они хотят. Он просил их умолкнуть. Но фигуры продолжали произносить те же слова. Глаза их были закрыты, а головы откинуты назад. Они стояли, покачиваясь.

— Корум. Корум. Корум. Корум.

— Что вы хотите?

— Корум. Помоги нам, Корум.

Он разорвал призрачный круг, кинулся в лес — и тут проснулся. Корум понял, что с ним происходит. Его мозг замкнулся на самом себе. Ему нечем было заняться, и он стал выдумывать фантомы. Он никогда не слышал, чтобы с вадхагами происходило нечто подобное, хотя с мабденами такие вещи случались довольно часто. Неужели он, как когда-то говорил ему Шул, продолжает жить в мабденовских снах? Неужели со снами вадхагов и нхадрагов полностью покончено? И он обречен видеть чужие сны?

Горькие мысли не могли помочь ему прийти в себя. Он гнал их. Ему необходим совет. Но вокруг не было никого, с кем он мог бы поговорить. Тут больше не правят Владыки Хаоса, рядом с ним нет тех слуг, которые могли бы поделиться хоть частью своих знаний. Корум больше, чем кто-либо, разбирался в философских материях. Тем не менее существовали мудрые вадхаги, которые происходили из Гвлас-кор-Гвриса, Города-в-Пирамиде,— они тоже многое знали.

Корум решил, что, если сны и голоса не оставят его в покое, он отправится в путешествие к одному из замков, где обитали вадхаги, и попросит о помощи. В конце концов, предположил он, есть шанс, что голоса не последуют за ним из замка Эрорн.

Принц мчался полным аллюром и едва не загнал всех своих лошадей. Он все дальше и дальше уезжал от замка Эрорн, словно надеялся что-то найти в пути. Но он ничего не нашел, кроме морских просторов к западу от замка, пустошей и лесов к востоку, югу и северу. Тут не было ни деревушек мабденов, ни даже хижин углежогов и охотников, ибо мабдены не испытывали желания селиться на землях вадхагов, даже после падения короля Лир-а-Брода. Но что же он искал на самом деле? Корум задумался. Общества мабденов? Неужели приходящие к нему во сне голоса говорят, что он снова полон желания снова делить приключения со смертными? Эта мысль болезненно уязвила его. На мгновение принц ясно увидел перед собой Ралину, какой она была в юности — сияющую, гордую и сильную.

Он стал рубить мечом стебли вереска. Наконечником копья поражать стволы деревьев. Из лука стрелять по валунам. Какая-то пародия на битву. Порой ему хотелось упасть в траву и зарыдать.

Голоса продолжали преследовать его.

— Корум! Корум! Помоги нам!

— Помочь вам?— закричал он в ответ.— Коруму самому нужна помощь!

— Корум. Корум. Корум...

Слышал ли он раньше эти голоса? Бывал ли он раньше в таком состоянии?

Иногда Коруму казалось, что он был знаком с зовущими его, но, припоминая события своей жизни, понимал, что это не так. Он никогда не слышал этих голосов, к нему никогда не приходили такие сны. И, тем не менее, он не сомневался, что помнит их, они были уже в другом времени. Может, они пришли из другого воплощения? На самом ли деле он был Вечным Воителем?

Уставший, а порой и просто измотанный, бросив где-то оружие и ведя за собой хромающего коня, Корум возвращался в замок Эрорн по берегу моря, и мерные удары волн в пещерах под Эрорном звучали как биение его собственного сердца.

Слуги пытались успокоить Корума и окружить комфортом; они спрашивали, что беспокоит его. Принц не отвечал. Он был спокоен и вежлив, но не мог объяснить, что терзает его. Он не знал, как поведать им об этом, и не сомневался, что они не поймут, если даже будут найдены нужные слова.

И затем пришел день, когда он устало переступил порог замка и, споткнувшись, еле удержался на ногах. Корум услышал от слуг, что замок Эрорн посетил какой-то гость и сейчас ждет его в одном из музыкальных залов, которые по велению принца были закрыты вот уже несколько лет, поскольку звуки музыки слишком сильно напоминали ему о Ралине — именно эти залы были ее любимым местом в замке.

— Как его зовут?— пробормотал Корум.— Он мабден или вадхаг? С какой целью он тут очутился?

— Он ничего не сказал нам, господин. Друг он или враг — на этот вопрос можете ответить только вы.

— Друг или враг? Бродячий фокусник? Шутник? Ему тут придется нелегко...

Тем не менее, Корум оживился, заинтересовавшись посетителем. Прежде чем войти в музыкальный зал, он помылся,

10 - 6994

переоделся в свежую одежду и выпил немного вина, после чего почувствовал в себе силы предстать перед незнакомцем.

Арфы, органы и хрустальные клавесины в музыкальном зале уже начали исполнять свою симфонию. Он услышал легкие звуки знакомой мелодии, которые долетали до его помещений. Им сразу же овладели тоска и уныние, и он решил, что не окажет страннику любезности, приняв его. Но что-то в глубине души принуждало Корума и дальше слушать эту музыку. Когда-то он сам сочинил ее как подарок Ралине на день рождения. Мелодия была полна нежности, которую он испытывал к ней. Ралине тогда исполнилось девяносто лет, но тело и душа ее были так же молоды, как и раньше. «Ты заставляешь меня быть молодой, Корум»,— сказала она.

Единственный глаз Корума затуманился слезами. Он смахнул их, проклиная незнакомца, который вы-звал к жизни воспоминания. Этот человек был груб и невоспитан: явившись незваным в замок Эрорн, он вошел в тот зал, который специально оставался за-крытым. Как он объяснит свой поступок?

Затем Корум подумал: «Не явился ли к нему кто-то из нхадрагов?»; он знал, что нхадраги продолжали ненавидеть его. Те, кто остался в живых после завоеваний короля Лир-а-Брода, опустились до полудегенеративного состояния. Неужели у кого-то из них осталось достаточно воспоминаний и ненависти, чтобы пуститься на поиски Корума с целью убить его? При этой мысли Корум испытал возбуждение. В схватке он найдет покой.

Спускаясь в музыкальный зал, Корум пристегнул серебряную кисть и повесил на пояс узкий меч.

Он шел к залу, и музыка звучала все громче и громче, она становилась более изысканной и более сложной. Корум с трудом преодолевал ее напряжение, словно ему приходилось идти против сильного ветра.

Он вошел в помещение. Разноцветный вихрь мелодий сплетался в единый музыкальный узор. Сияние слепило глаза. Прищурившись, Корум осмотрел зал в поисках гостя.

Наконец принц заметил этого человека. Тот сидел в тени, поглощенный музыкой. Проходя меж огромных арф, органов и хрустальных клавесинов, Корум задевал их, но тут же заставлял смолкнуть, пока не воцарилась полная тишина. В зале исчезли переливы цвета. Гость встал и двинулся к нему. Он был невысок ростом, но шел с гордым видом. На голове у него была широкополая шляпа, а на правом плече какое-то образование — навер-

ное, горб. Лицо скрывали поля шляпы, но Коруму показалось, что он знал этого человека.

Сначала Корум узнал кота. Тот сидел на плече гостя. Именно его Корум с первого взгляда принял за горб. Животное смотрело круглыми глазами и мурлыкало. Человек вскинул голову, и на Корума уставилась улыбающаяся физиономия Джери-а-Конела.

Корум, привыкший уже жить в мире призраков, был так изумлен, что молча застыл на месте.

— Джери?

— Да придет к тебе хороший день, принц Корум. Надеюсь, ты был не против послушать свою музыку. Не могу поверить, что я когда-то наслаждался ей.

— Нет, эту пьесу ты не слышал. Я написал ее много времени спустя после твоего уход,— Корум не узнавал собственного голоса.

— Я расстроил тебя ее звуками?— смутился Джери.

— Да. Но дело не в тебе. Я написал ее для Ралины, и теперь...

— ...Ралина мертва. Я слышал, она прожила хорошую жизнь. Счастливую жизнь.

— Да. И слишком короткую,— с горечью сказал Корум.

— Но более длинную, чем у большинства смертных, Корум,— Джери сменил тему: — Ты плохо выглядишь. Болен?

— Может, душевно. Я все еще скорблю по Ралине, Джери-а-Конел. Понимаешь, я продолжаю грустить по ней. Я бы хотел, чтобы она...— Корум одарил Джери слабой улыбкой. — Но я не должен требовать невозможного.

— Где ты видишь эту невозможность? — внимание Джери теперь было обращено к коту — он поглаживал его покрытые шерсткой крылья.

— Здесь, в этом мире.

— Их множество. И все то, что невозможно в одном мире, становится возможным в другом. Приятно путешествовать между мирами, как это делаю я.

— Ты скитался в поисках богов. Нашел их?

— Кое-кого. Я нашел и нескольких героев, которых мог сопровождать. Со времени нашего последнего разговора я видел рождение новых миров и гибель старых. Я видел много странных форм жизни и слышал немало любопытных мнений, касающихся многообразия природы и ее обитателей. Ты же знаешь, что жизнь приходит и уходит. И в смерти нет трагедии, Корум.

— Трагедия есть здесь,— уточнил Корум.— Приходится жить века, прежде чем соединиться со своей единственной любовью — но найти ее уже в забвении.

— Это глупые и нездоровые разговоры, недостойные героя,— засмеялся Джери. — В конце концов, это просто неумно, друг мой. Брось, Корум, а то, если и дальше будешь таким же мрачным, я пожалею, что навестил тебя.

И наконец Корум улыбнулся:

— Ты прав. Боюсь, такова судьба человека, который избегает общества себе подобных. У него высыхают мозги.

— Именно поэтому я всегда предпочитал жить в городах,— сказал ему Джери.

— Разве города не высасывают душу? Нхадраги живут в городах и вырастают дегенератами.

— Душа может питаться где угодно и чем угодно. Вот ум — ему нужны стимулы. Проблема в том, чтобы найти баланс. Предполагаю, это зависит от темперамента человека. Так вот, с этой точки зрения — я типичный горожанин. Чем город больше, чем грязнее, чем больше в нем народу, тем лучше для меня. Я видел города, черные от копоти, но настолько кипящие бурной жизнью, что, расскажи я тебе все подробности, ты не поверил бы мне! Ах, как они прекрасны!

Корум рассмеялся:

— Я рад, что ты вернулся, Джери-а-Конел, со своей шляпой, котом и со своей иронией!

Наконец они обнялись и дружно расхохотались.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПРИЗЫВ К МЕРТВОМУ ПОЛУБОГУ

Этой ночью они устроили пир, и у Корума полегчало на сердце — в первый раз за десять лет он получил удовольствие от пищи и вина.

— Ты, конечно, знаешь о знаменитом фон Беке,— сказал ему Джери, который уже около двух часов повествовал о своих деяниях.— Ты с ним в родственных отношениях, но, думаю, даже ты сочтешь эту историю достаточно странной,— и еще час он рассказывал историю фон Бека и его контактов с Настоящими Насекомыми.

Джери пообещал, что, если Корум изъявит желание слушать и дальше, будут и другие сказки. Он рассказывал об Элрике и

Эрекозе, с которыми Коруму доводилось встречаться, о Кейне, Корнелиусе и Карнелиане, о Глогауэре, Бастейбле и многих других. Он заверял, что во всех смыслах эти персонажи и все их друзья (если не он сам) были победителями. Джери говорил об этих серьезных вещах с таким юмором, отпускал столько шуточек, что настроение у Корума улучшалось с каждой минутой, пока наконец он окончательно не обессилел от смеха и не мог даже поднести ко рту бокал с вином.

Затем, когда уже занималось утро, Корум доверил Джери свою тайну: он боится, не сходит ли с ума.

— Я слышу голоса и вижу сны — все время одни и те же. Меня зовут. Просят присоединиться к ним. Надо ли мне предположить, что это Ралина зовет меня? Я хочу избавиться от наваждения, Джери. Вот поэтому я сегодня снова покинул замок — в надежде так загонять себя, чтобы не снились никакие сны.

Слушая его, Джери задумался. И когда Корум закончил, маленький человек, положив руку на плечо друга, сказал:

— Не бойся. Может, последние десять лет ты и в самом деле был не в себе, но в любом случае это было тихое сумасшествие. Да, ты слышишь голоса. И люди, которых ты видишь в своих снах, существуют на самом деле. Они зовут... или пытаются звать своего защитника. Они молят, чтобы ты оказался рядом с ними. И так уже много дней.

И снова Коруму было непросто понять Джери.

— Своего защитника?..— растерянно переспросил он.

— В их век ты уже стал легендой,— сообщил ему Джери.— По крайней мере, полубогом. Для них ты — Корум Серебряная Рука. Великий воин. Мудрый предводитель народа. Есть целый цикл сказок о твоих подвигах, доказывающих твою божественную сущность!— Джери с легким сарказмом улыбнулся.— И как о большинстве богов и героев, о тебе тоже есть легенда, гласящая, что ты вернешься, когда вновь будешь нужен своему народу. И теперь нужда в тебе, действительно, велика.

— Что это за люди, которых следует считать «моими»?

— Они потомки народа Ливм-ан-Эш... это племя Ралины.

— Ралины?..

— Прекрасные люди, Корум. Я их знаю.

— И теперь ты явился от них?

— Не совсем.

— А не можешь ли ты заставить их прекратить молитвы? И чтобы они больше не являлись в мои сны?

— Их силы убывают с каждым днем. Скоро они перестанут тебя беспокоить. И ты снова будешь спокойно спать.

— Ты уверен?

— О, еще как. Им осталось жить совсем немного — до того, как народ холода окончательно сокрушит их. А до этого народ сосен поработит их или вырежет тех, кто остался из их расы.

— Что ж,— произнес Корум,— как ты сказал, такие события приходят и уходят...

— Увы, да,— согласился Джери,— но будет очень грустно видеть, как грязные и жестокие за-хватчики уничтожают последние остатки этой золотой расы, как они захватывают их земли, неся смерть и ужас туда, где царили мир и радость...

— Знакомые слова,— сухо сказал Корум.— Мир совершает круг за кругом,— он был более чем доволен, ибо смог понять, почему Джери затронул эту тему.

— И снова совершает кружение,— добавил Джери.

— Но даже если бы я хотел, я не в состоянии помочь им, Джери. Я больше не могу странствовать между плоскостями. Я даже не могу видеть сквозь них. Кроме того, как один воин может помочь народу, о котором ты ведешь речь?

— Один воин может оказать огромную помощь. И кроме того, они взывают к тебе, и если ты согласишься, то окажешься рядом с ними. Но они слабы. Они не могут вызвать тебя против твоей воли. А ты сопротивляешься. Их становится все меньше, их силы иссякают. Когда-то это был великий народ. Даже их название происходит от твоего имени. Они называют себя Тахана-Кремм Кройх.

— Кремм?

— Или иногда Корум. Кремм — это древняя форма. Для них она означает просто Властитель — Властитель Холма. Они поклоняются тебе, возведенному на холме в виде каменного столба. Предполагается, что ты обитаешь под ним и слышишь их молитвы.

— Они полны предрассудков.

— Есть немного. Но они не отвергают бога. Выше всего они чтят Человека. А все их боги — не кто иные, как погибшие герои. Какие-то народы обожествляют солнце, луну, ураганы, животных и так далее. Но этот народ боготворит лишь благородство Человека и преклоняется перед красотой природы. Ты мог бы гордиться потомками народа твоей жены, Корум.

— Да,— сказал Корум, прищурив глаз и искоса глянув на Джери. На губах его появилась легкая улыбка.— Тот холм стоит в лесу. В дубовом лесу?

— Да, в дубовом.

— Его я видел во сне. Но почему этот народ подвергся нападению?

— С востока из-за моря (кое-кто говорит, что из пучины моря) пришла неведомая раса. Земля, которую с давних пор именуют Бро-ан-Мабден, то ли исчезла в волнах, то ли на этой земле постоянно царит зима. Там все покрыто льдом — и его принес восточный народ. Также говорят, что когда-то данный народ завоевал эту землю и теперь вернулся на нее обратно. Другие предполагают, что он представляет собой смешение двух древних рас или, что еще хуже, объединение двух рас с целью уничтожить потомков мабденов Ливм-ан-Эш. Речь не идет о присутствии Хаоса. Если эти народы и обладают силой, то источник ее в них самих. Они могут создавать призраков. Их заклинания имеют могучую власть. Они пользуются образами огня и льда. У них есть и другие магические способности. Их называют фой миоре, и им подчиняется северный ветер. Их называют народом холода, и на их призывы отвечают северные и восточные моря. Их называют народом сосен, и черные волки подчиняются им, как слуги. Это жестокий народ, рожденный, как говорят, из Хаоса и Древней Ночи. Может, они — последние остатки Хаоса в этой плоскости, Корум.

Теперь Корум уже не скрывал улыбки:

— И ты предлагаешь мне выступить против такого народа? Ради другого, который даже не является моим?

— Он твой, поскольку ты принял его в себя. Это народ твоей жены.

— Я уже принимал участие в одном конфликте, который не имел ко мне отношения, — отворачиваясь, чтобы налить себе еще вина, сказал Корум.

— Не имел? Все эти конфликты имеют к тебе отношение, Корум. Это твоя судьба.

— А что, если я буду сопротивляться судьбе?

— Долго ты не сможешь противостоять ей. Я-то это знаю. И куда лучше принять на себя решение задачи с достоинством и благородством... даже с юмором.

— С юмором? — Корум отпил вина и вытер губы. — Это нелегко, Джери.

— Да, нелегко. Но именно с его помощью многое становится терпимым.

— А чем я рискую, если откликнусь на зов и помогу этому народу?

— Многим. Своей жизнью.

— Не такая уж ценность. Чем еще?

— Может, своей душой.

— Что это такое?

— Ты найдешь ответ, если примешься за это дело.

Корум нахмурился.

— Моя душа не принадлежит мне, Джери-а-Конел. Ты сам говорил мне об этом.

— Я этого не говорил. Твоя душа принадлежит только тебе. Может быть, твои действия диктуются иными силами, но это уже другой вопрос...

Корум рассмеялся, и его мрачность исчезла.

— Ты говоришь, как один из тех священников, что процветали в Ливм-ан-Эш. Я думаю, нравоучения — это что-то сомнительное. К тому же я прагматик. Вадхаги всегда были расой прагматиков.

Джери поднял брови, помолчал, а потом спросил:

— Так ты позволишь себе прислушаться к призыву народа Кремм Кройх?

— Я подумаю.

— По крайней мере, поговори с ними.

— Я пытался. Они не слышат.

— Теперь, может, услышат. Скорее всего, отвечая, ты должен быть в определенном состоянии духа, чтобы они смогли тебя услышать.

— Очень хорошо. Попробую. А что, если я решусь родиться в этом будущем времени, Джери? Ты там будешь?

— Возможно.

— А если точнее?

— Я хозяин своей судьбы не больше, чем ты, Вечный Воитель.

— Я был бы тебе очень обязан,— сказал Корум,— если бы ты не употреблял данный титул. Он меня как-то смущает.

Джери рассмеялся.

— Не могу сказать, что осуждаю тебя, Корум Серебряная Рука!

Корум встал и потянулся, раскинув руки. В отблесках каминного огня кисть стала красной, словно внезапно налилась кровью. Глядя на искусственную руку, он поворачивал ее в разные стороны, словно никогда раньше не видел.

— Корум Серебряная Рука,— задумчиво пробормотал он.— Насколько я понимаю, они думают, что рука эта — сверхъестественного происхождения.

— Они куда больше знают о сверхъестественном, чем о том, что мы называем наукой. Не стоит презирать их за это. Там, где они живут, случаются странные вещи. Порой законы природы берут начало в человеческих идеях.

— Я часто размышлял над этой теорией, но как найти доказательства ее, Джери?

— И доказательства могут быть созданы. Ты, без сомнения, достаточно мудр, чтобы не бояться своего прагматизма. Я же во все верю и не верю в одинаковой степени.

Корум зевнул и склонил голову.

— Думаю, это лучшее из всех возможных отношений к действительности. Ну, я иду спать. К чему бы ни привел твой визит, знай, что он основательно улучшил мое душевное состояние, Джери. Утром мы снова поговорим с тобой. Первым делом я должен увидеть, что принесет эта ночь.

Джери погладил кота по спине.

— Ты можешь многое приобрести, если поможешь тем, кто взывает к тебе,— Джери говорил, словно обращался к коту.

Корум, направляясь к дверям, промолчал.

— Ты уже не раз намекал мне на это,— наконец сказал он.— И что же я приобрету?

— Я сказал «можешь», Корум. Об остальном я должен промолчать. С моей стороны это было бы глупо и безответственно. Ты прав — я и без того сказал слишком много и загадал тебе загадку.

— Я выброшу ее из головы. Желаю тебе спокойной ночи, старый друг.

— Спокойной ночи, Корум — и пусть твои сны будут ясны.

Покинув зал, Корум стал подниматься в свою спальню. В первый раз за эти месяцы он ждал прихода сна не столько со страхом, сколько с любопытством.

✧

Заснул он почти мгновенно. И столь же мгновенно возник речитатив голосов. Вместо того, чтобы сопротивляться их вторжению, он расслабился и прислушался.

— Корум! Кремм Кройх! Твой народ нуждается в тебе.

Несмотря на странный акцент, голоса были ясно слышны. Но Корум не мог различить никого из хора, никого из тех, кто, взявшись за руки, стоял вокруг холма в дубовой роще.

— Властитель Холма. Владыка Серебряной Руки. Только ты можешь спасти нас.

И Корум понял, что отвечает:

— Как я могу спасти вас?

В ответ зазвучали восторженные голоса:

— Наконец ты ответил! Приди к нам, Корум Серебряная Рука! Явись к нам, Принц в Алом Плаще! Спаси нас, как ты спасал нас в прошлом.

— Как я могу спасти вас?

— Ты можешь найти быка и копье и повести нас против фой миоре. Покажи нам, как сражаться с ними, ибо они дерутся не как мы.

Корум пошевелился. Теперь он видел их. Они были высокими и красивыми — молодые мужчины и женщины, их бронзовые тела отливали теплым золотом, цвета осеннего зерна, а золотые нити переплетали облегающие удобные и изящные одежды. Браслеты на запястьях и щиколотках, ожерелья и кольца — все из золота. Их развевающиеся одеяния были скроены из льна, окрашенного в светло-красные, синие и желтые цвета. На ногах сандалии. Они имели густые волосы, у некоторых — цвета лесной рябины. Этот народ, действительно, принадлежал к той же расе, что и люди Ливм-ан-Эш. Стоя в дубовой роще, взявшись за руки, закрыв глаза, они взывали хором.

— Приди к нам, лорд Корум. Приди к нам.

— Я подумаю, — мягко сказал Корум, — ибо я дрался давным-давно и позабыл искусство войны.

— Завтра?

— Если я приду, то завтра.

✧

Проснувшись, он понял, что спорить больше не о чем. Во сне он все решил: если получится — откликнуться на зов людей из дубовой рощи. Его существование в замке Эрорн было не просто жалким, оно было никому не нужным, даже ему самому. Он должен идти к ним, пересекая плоскости, пробиваясь сквозь время — идти гордо и с надеждой.

Джери нашел его в оружейной. Корум отобрал для себя серебряный нагрудник и конический шлем посеребренной стали с выгравированным у шишака его полным именем. Он нашел наколенники полированной меди и на рубашку из синей

парчи накинул длинный, шелковый алый плащ. Рукояткой вниз, у скамейки стоял вадхагский боевой топор, а рядом с ним меч, определенно выкованный вне пределов Земли, с эфесом, усыпанным красными и черными ониксами; древко копья по всей длине от самого острия было украшено сотнями тщательно вырезанных крохотных фигурок, изображающих сцены охоты; тут же лежали могучий лук и колчан с прямыми стрелами. К стене был прислонен круглый боевой щит из нескольких слоев твердого дерева, кожи, меди и серебра, обтянутый толстой твердой шкурой белого носорога, которые когда-то водились в северных лесах владений Корума.

— Когда ты отправляешься?— спросил Джери, разглядывая его.

— Завтра,— Корум взвесил на руке копье.— Если их призыв будет успешным. На рыжем коне я поднимусь на холм. Я должен ехать к ним.

Джери не стал спрашивать, как Корум окажется в роще, да и сам Корум еще не думал над этой проблемой. Придут в действие какие-то странные законы — это было все, что им стоило знать. И очень многое зависело от внутренней силы людей, ждавших в дубовой роще и взывающих к нему.

Вместе они быстро подобрали остальное вооружение и поднялись на зубчатую стену замка. Отсюда открывался вид на необъятный океан к западу и обширные леса и болота, что тянулись к востоку. В бескрайнем чистом и синем небе ярко светило солнце. День был теплым и спокойным. Они говорили о старых временах, вспоминали погибших друзей и гибель изгнанных богов; зашел разговор о Квилле, который обладал мощью, большей чем у любого Владыки Порядка или Владыки Хаоса и который, казалось, не боялся никого и ничего. Они стали предполагать, куда могли исчезнуть Квилл и его брат Ринн — может, они попали в другие миры за пределами пятнадцати плоскостей, и интересно, напоминают ли хоть как-то эти миры Землю.

— И кроме того, конечно,— сказал Джери,— возникает вопрос о Совмещении миллиона сфер и о том, что произойдет, когда слияние завершится. Как ты думаешь, оно уже подошло к концу?

— После Совмещения будут новые законы. Но кто их установит? И для кого?— Корум прислонился к стене, глядя на узкий залив.— Подозреваю, что эти законы придется устанавливать нам. Но мы же ничего не знаем. Мы даже не знаем, что есть

зло, а что — добро, — или, точнее, существует ли на свете и то и другое. Квиллу были чужды эти мысли, и я завидовал ему. Мы же достойны жалости! Я жалок, потому что не могу жить без преданности чему-то! То, что заставляет меня спешить к тем людям — это сила? Или слабость?

— Ты рассуждаешь о зле и добре и признаешься, что не знаешь их подлинной сути — то же самое ты можешь сказать о силе и слабости. Эти слова бессмысленны,— Джери пожал плечами.— Для меня имеют значение и любовь, и ненависть. Кое-кто из нас наделен физической силой — я-то это вижу. А другие физически слабы. Но какое отношение к этим особенностям имеют свойства человеческого характера? И если мы не презираем человека за то, что ему не повезло и он не обладает физической мощью, почему его надо презирать, если, например, он и не хочет быть сильным? Такие инстинкты присущи животным, и зверей они вполне устраивают. Но люди не животные, они люди. Вот и все.

Улыбка Корума была полна горечи.

— Кроме того, они и не боги, Джери.

— Да, не боги — но и не исчадия зла. Они просто мужчины и женщины. Мы были бы куда счастливее, допустив это!— Джери вскинул голову и внезапно рассмеялся.— Но, может, нам стоит проявить побольше сдержанности? А то мы пустились в ханжеские речи, друг мой. Мы воины, а не святоши!

Корум повторил вопрос, который задал прошлым вечером:

— Знаешь ли ты эту землю, куда я решил отправиться? Пойдешь ли и ты туда — сегодня вечером?

— Я не волен в своих поступках,— Джери стал мерить шагами мощеную кладку.— И ты это знаешь, Корум.

— Я надеялся на тебя.

— Ты много путешествовал в пятнадцати плоскостях, Корум. И возможно, что где-то другому Коруму нужен спутник и мне придется сопутствовать ему.

— Но ты в этом не уверен?

— Нет, не уверен.

Корум пожал плечами.

— Если твои слова правдивы, наверное, я должен признать, что так оно и есть — значит, я могу встретить другое твое воплощение, которое не знает своей судьбы?

— Как я говорил тебе, память часто подводила меня. Как в этом воплощении она подводила тебя.

— Мне остается надеяться, что мы встретимся в этом новом измерении и узнаем друг друга.

— И я тоже на это надеюсь, Корум.

Этим вечером они сели играть в шахматы. Друзья почти не говорили между собой, и Корум рано пошел спать.

✧

Когда снова возникли голоса, он, медленно подбирая слова, обратился к ним:

— Я явлюсь в доспехах и с оружием. Я буду верхом на рыжем коне. Вы должны изо всех сил звать меня. Я даю вам время отдохнуть. Соберите все свои силы и через два часа начинайте призывать меня.

Через час Корум встал и спустился вниз, прямо на шелк и парчу надел доспехи. Конюх вывел во двор замка коня. Держа поводья в правой руке и положив серебряную руку на рукоять меча, Корум обратился к своим слугам, сказав, что уезжает на поиски приключений и, если он не вернется, они, именем Корума, должны держать замок Эрорн открытым для любого путника, нуждающегося в убежище, а также отменно кормить его. Затем он миновал ворота, спустился по склону холма и углубился в густой лес — так он скакал примерно сто лет назад, когда еще были живы его отец, мать и сестры. Но тогда конь нес его сквозь утро. А теперь он ехал в ночь, под бледной луной.

Из всех, кто обитал в замке Эрорн, лишь Джери-а-Конел не пожелал Коруму счастливого пути.

Теперь, когда он пробирался сквозь темный древний лес, до слуха его все громче и отчетливее доносились голоса.

— Корум! Корум!

Как ни странно, его тело начало обретать легкость. Он коснулся коня шпорами, и тот рванулся в галоп.

— Корум! Корум!

— Я иду!

Жеребец прибавил скорости, его копыта приминали мягкую землю, и всадник летел все дальше в непроглядную чащу леса.

— Корум!

Корум наклонился в седле, уворачиваясь от веток, хлеставших его по лицу.

— Я пришел!

В роще он увидел смутные очертания людей. Они окружали его, но он продолжал мчаться, набирая скорость. У него кружилась голова.

— Корум!

Коруму показалось, что он уже участвовал в такой скачке, что когда-то его уже звали, и поэтому он знает, что надо делать.

Он летел с такой скоростью, что очертания деревьев расплывались перед глазами.

— Корум!

Вокруг него вскипал белый туман. И теперь он отчетливо, во всех подробностях видел лица тех, кто звал его. Их голоса то слабели, то крепчали, то снова стихали. Пришпоривая храпящего коня, Корум гнал его сквозь туман. Его белая пелена была историей, легендой, временем. Мимо него мелькали очертания зданий, облик которых был ему совершенно не знаком — они вздымались на сотни и тысячи футов. Он видел миллионные армии и оружие ужасающей мощи. Он видел летающие машины и крылатых драконов. Перед ним возникали существа всех размеров и форм. И казалось, все кричали ему вслед, когда он мчался мимо них.

И он увидел Ралину.

Корум видел ее в облике и девочки, и мальчика; она была и мужчиной, и пожилой женщиной. Он видел ее и живой, и мертвой.

Ее образ заставил его вскрикнуть, и он продолжал кричать, когда внезапно вылетел на лесную поляну, ворвавшись в круг мужчин и женщин, которые, взявшись за руки, стояли вокруг холма, хором призывая его.

Корум все еще кричал, когда, выхватив блистающий меч серебряной рукой, вознес его над головой и, натянув поводья, остановил коня на вершине холма.

— Корум!— вскричали те, кто стоял на поляне.

Корум не ответил им, лишь склонил голову, продолжая вздымать меч.

Рыжий вадхагский конь в шелковой сбруе снова всхрапнул и, опустив голову, стал щипать траву на вершине холма.

И тут Корум тихим низким голосом произнес, обращаясь к ним:

— Я Корум, и я помогу вам. Но не забывайте, что я ровно ничего не знаю об этом времени и об этой стране.

— Корум,— сказали они.— Корум Серебряная Рука,— они показывали друг другу на его серебряную руку, и их лица были полны радости.

— Я Корум, — повторил он. — И вы должны поведать мне, зачем призывали меня.

Мужчина с широким золотым ожерельем на шее, заметно старше остальных, в чьей рыжей бороде вились серебряные пряди, вышел вперед.

— Ты Корум,— сказал он.— И мы звали тебя потому, что ты Корум.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
НАРОД ТАХА-НА-КРЕММ КРОЙХ

Корум был как в тумане. Хотя он различал ночные запахи, видел людей вокруг себя, чувствовал под собой взмыленного коня, но ему все еще казалось, что он спит. Он медленно спустился с холма. Легкий порыв ветерка колыхнул складки его алого плаща и, подняв их, бросил ему на голову. Он пытался осознать, каким образом оказался в отдалении от своего мира, как минимум, на тысячу лет. А может, он продолжает спать? Он, как и во сне, чувствовал свою отчужденность. Когда принц спустился к подножию покрытого травой холма, высокие мабдены почтительно отступили перед ним. Потрясение было на их тонких лицах, ибо на самом деле они не рассчитывали на успех своих призывов к нему. Корум почувствовал к ним симпатию. Мабдены отнюдь не были варварами, полными суеверий и предрассудков, хотя поначалу он ждал встречи именно с ними. У них были умные лица и ясные глаза, манера держаться была полна достоинства, хотя они думали, что рядом с ними сверхъестественное существо. Похоже, они были подлинным потомками лучших представителей народа его жены. И в этот момент он перестал жалеть, что откликнулся на их призыв.

Принц не знал, чувствуют ли они холод, пронизывавший его с головы до ног. Ветер резал как ножом, но все были в легких одеждах, оставлявших обнаженными руки, грудь и ноги, на которых имелись лишь золотые украшения и кожаные ремешки высоких сандалий — их носили все, и мужчины, и женщины.

Пожилой мужчина, первым заговоривший с Корумом, обладал мощным телосложением и высоким, как у вадхагов, ростом. Корум подвел к нему коня и спешился. Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Моя голова пуста,— сдержанно сказал Корум.— И вы должны наполнить ее.

Человек, к которому он обращался, задумчиво уставился себе под ноги и потом, вскинув голову, сказал:

— Меня зовут Маннах. Я король,— по губам его скользнула легкая улыбка.— И в какой-то мере колдун. Случается, меня называют друидом, хотя мне почти ничего не известно о знаниях друидов — так же мало, как и об их мудрости. Но мое мастерство — лучшее из того, что имеется у нас сейчас, ибо мы забыли большую часть наших старых знаний. Может, именно поэтому мы и оказались в таком тяжелом положении,— не без смущения добавил он.— Пока не вернулись фой миоре, мы думали, что в них нет необходимости,— он с любопытством вгляделся в лицо Корума, словно был не в силах поверить в действенность своих призывов.

Корум сразу проникся симпатией к королю Маннаху. Он принял его скептицизм (если он на самом деле был таковым). Стало очевидным, что призыв мабденов был так слаб лишь потому, что Маннах, как, наверное, и остальные, почти не верил в него.

— Вы призвали меня, лишь когда все остальное не принесло успеха?— спросил Корум.

— Увы, да. Фой миоре наносили нам поражение за поражением, ибо они дерутся не так, как мы. И, наконец, у нас не осталось ничего, кроме наших преданий,— помедлив, Маннах признался:— И до сего дня я и сам не очень верил в них.

Корум улыбнулся:

— Может, до сего дня они не очень отвечали истине.

— Ты говоришь скорее как человек, а не как бог,— нахмурился Маннах, — пусть даже ты великий герой. Но я не хотел проявить к тебе неува-жение.

— Друг мой, богов и героев из таких, как я, творит сам народ,— Корум посмотрел на остальных соплеменников Маннаха.— Вы должны объяснить, какой помощи от меня вы ждете, ибо я не обладаю никакими магическими силами.

Теперь улыбнулся и Маннах:

— Может, у тебя их раньше не было.

Корум вскинул серебряную руку:

— Ты это имеешь в виду? Она создана на Земле. Обладая соответствующими знаниями и навыками, сделать такую может любой человек.

— Ты обладаешь непростыми дарами,— сказал король Маннах.— твоя раса, твой опыт, твоя мудрость — да и твои знания. Властитель Холма, легенды гласят, что на рассвете мира ты одолел могущественных богов.

— Да, я сразил богов.

— Вот и у нас появилась огромная потребность в том, кто может воевать с богами. Эти фой миоре — боги. Они завоевали нашу землю. Они похитили на-ши святыни. Они захватили наших людей. Даже сейчас наш верховный король — их пленник. Перед ними пали наши великие твердыни — среди них Кер Ллуд и Крэг Дон. Они разрезали нашу землю, разделив наш народ. И поскольку мы разделены, нам все труднее объединяться в битвах против фой миоре.

— Должно быть, их бесчисленное множество, этих фой миоре.

— Их всего семеро.

Корум промолчал. Он не мог скрыть изумления, которое было красноречивее слов.

— Семеро,— повторил король Маннах.— А теперь идем с нами, Корум с Холма, в нашу крепость Кер Махлод, где тебя ждет еда и медовое питье, пока мы будем рассказывать, почему пришлось воззвать к тебе.

Корум снова сел в седло и позволил хозяевам провести коня сквозь тронутый изморозью дубовый лес на другой холм, с которого были видны море и висящая над ним луна, льющая призрачный свет. На макушке холма вздымались высокие каменные стены с единственными маленькими воротцами; за ними тянулся туннель, который спускался, а потом вновь поднимался, — гости, которые хотели попасть в город, могли проходить по нему только по одному. Стены были сложены из белого камня — словно весь мир замерз и все это пришлось вырезать изо льда.

Внутри Кер Махлод напомнил Коруму каменные города Лира-Брода: здесь также были видны попытки украсить дома резными фронтонами, завершить ограды, покрыть их росписью. Все тут куда больше напоминало крепость, чем город, но для Корума ее мрачность не имела ничего общего с теми, кто призвал его.

— Тут стоят старые форты,— объяснил король Маннах.— Мы были изгнаны из наших больших городов, и нам пришлось искать убежища тут, где, как говорят, обитали наши предки. По

крайней мере, эти поселения надежно укреплены, как например, Кер Махлод, и днем отсюда видно на много миль во всех направлениях,— он пригнулся, минуя притолоку, и ввел Корума в большое строение, освещенное факелами и масляными лампами. Остальные последовали за ними.

Наконец все собрались в зале с низким потолком, обставленном тяжелыми деревянными столами и скамейками. На этих столах стояли золотые, серебряные и бронзовые блюда, изысканнейшие из всех, что Коруму доводилось видеть. Каждый кубок, каждое блюдо и чашка не имели себе равных, и отделка их была даже лучше тех украшений, что носили соплеменники Маннаха. Хотя все стены были сложены из грубого камня, отблески пламени плясали на столовом убранстве и украшениях народа Кремм Кройх.

— Это все, что осталось от наших сокровищ,— сказал король Маннах и пожал плечами.— То, что подается на стол,— не лучшая еда, ибо охотиться все труднее — надо успеть до того, как псы Кереноса, опустошившие всю землю, выйдут после захода солнца. Мы боимся, что придет день, когда солнце вообще не взойдет и единственными живыми существами на Земле останутся эти псы и их хозяева-охотники. Снега и льды покроют земную твердь — и настанет вечный Самайн.

Корум понял смысл последнего слова - именно так народ Ливм-ан-Эш называл самые темные и сумрачные дни зимы. И он понял, что имел в виду король Маннах.

Они расселись за длинными деревянными столами, и прислужники поставили еду. Она состояла из неаппетитного мяса, и снова король Маннах принес свои извинения. Арфисты играли веселые мелодии, пели древние славицы в честь Таха-на-Кремм Кройх и тут же сочиняли новые о том, как Корум Джайлин Ирси поведет их на врагов, которые будут разбиты, и на их землю вернется лето. Корум с удовольствием заметил, что здесь и мужчины, и женщины имеют равные права, и услышал от короля Маннаха, что в битвах женщины сражаются бок о бок с мужчинами, и особенно искусно они пользуются боевыми арканами — тяжелыми ремнями, которые, взметнувшись в воздух, захлестывают горло врага или вяжут его по рукам и ногам.

— За последние несколько лет нам снова пришлось научиться этому,— сказал Маннах Коруму, подливая в его большой золотой кубок пенистый медовый напиток.— Боевое искусство

было для нас едва ли не гимнастикой или игрой, которыми мы развлекались на празднествах.

— Когда появились фой миоре? — спросил Корум.

— Примерно три года назад. Мы были застигнуты врасплох. Зимой они появились на восточных берегах, но ничем не выдали себя. А потом, когда на той части наших земель весна так и не наступила, люди начали понимать, что случилось. Сначала, услышав рассказы людей Кер Ллуда, мы не поверили их словам. С тех пор фой миоре распространили власть на всю восточную половину страны. Она стала их неоспоримым владением, и постепенно они двигаются на запад. Первыми появились собаки Кереноса, а затем пришли и сами фой миоре.

— Семеро? Семеро человек?

— Семь уродливых гигантов, один из которых — женщина. Они обладают странной и непонятной мощью, владеют силами природы, животных и, может, даже демонов.

— Они пришли с востока. Откуда именно?

— Говорят, что из-за моря, с огромного загадочного континента, о котором мы почти ничего не знаем. Сейчас он лежит безжизненный, полностью покрытый снегом. Другие рассказывают, фой миоре вышли со дна моря, из страны, где только они и могут жить. Обе эти страны наши предки называли Анвайн, но я думаю, что и фой миоре употребляют это слово.

— А Ливм-ан-Эш? Вы что-то знаете об этих землях?

— Как гласят легенды, оттуда пришли наши предки. Но в древние времена, в туманном прошлом между фой миоре и народом Ливм-ан-Эш произошла битва, и земля Ливм-ан-Эш ушла под воду, став частью владений фой миоре. Осталось всего лишь несколько островков, а на них — одни развалины. Я слышал, что эти легенды говорят правду. После этой катастрофы наш народ нанес поражение фой миоре — с помощью магической силы, которой подчинялись и мечи, и копья, и котлы, и лошади, бараны, дубовые деревья и другие вещи. Все предметы хранились в Кер Ллуде на попечении нашего верховного короля, правящего разными народами этой земли и раз в год, в середине лета, отмерявшего меру справедливости в спорах, которые для такого короля, как я, были слишком сложными. Но теперь наши волшебные сокровища раскиданы — некоторые навсегда потеряны,— а верховный король стал рабом фой миоре. Вот почему, впав в полное отчаяние, мы вспомнили легенду о Коруме и воззвали к тебе о помощи.

— Ты говоришь о магических предметах,— сказал Корум, — а я никогда не мог понять смысла магии и тому подобных вещей. Но я постараюсь вам помочь.

— Как странно то, что происходит с нами,— пробормотал король Маннах.— Вот я сижу за трапезой с полубогом и выясняю, что, несмотря на неоспоримые доказательства его присутствия, он так же, как и я, сомневается в существовании сверхъестественного!— он покачал головой.— Ну что ж, принц Корум Серебряная Рука, теперь нам обоим придется учиться верить в необъяснимое. Фой миоре владеют силами, которые доказывают, что оно существует.

— Похоже, что и ты наделен ими,— добавил Корум.— Ибо я появился здесь по призыву, силу которому дала магия!

Высокий рыжеволосый воин перегнулся через стол, подняв полный кубок вина в честь Корума.

— Теперь мы должны разгромить фой миоре. Их дьявольские псы убегут, поджав хвосты! Да здравствует принц Корум!

И, встав, все повторили тост:

— Да здравствует, принц Корум!

И принц Корум, приняв тост, ответил на него такими словами:

— Да здравствует, Таха-на-Кремм Кройх!

Но в душе он испытывал беспокойство. Где он слышал такую же здравицу? Не в этой жизни. Значит, он должен вспомнить другую жизнь, другие времена, когда был героем и спасителем народа, не похожего на этих людей. Тогда почему к нему пришло чувство какого-то опасения? Он что, предал их? И как Корум ни старался, он не мог отделаться от этого ощущения.

Со своего места на скамье встала женщина и, слегка покачиваясь, подошла к нему. Она обняла его сильными нежными руками и поцеловала в правую щеку.

— Приветствую тебя, герой,— пробормотала она.— И теперь ты вернешь нам нашего быка. Теперь с копьем Брийонак ты должен повести нас на битву. Ты восстановишь наши потерянные сокровища и великие твердыни. Ты одаришь нас сыновьями, Корум? Героями?— И она снова поцеловала его.

Корум с горечью улыбнулся:

— Я сделаю все, что в моих силах, госпожа. Но одарить вас сыновьями я не смогу, ибо вадхаги не могут производить на свет детей от мабденов.

Казалось, она не расстроилась.

— Думаю, что и для этого есть магические обряды,— сказала она. И, прежде чем вернуться на свое место, в третий раз поцеловала его. Корум почувствовал, что желает ее, и это чувство напомнило ему о Ралине, после чего он снова погрустнел и погрузился в себя.

— Мы утомили тебя?— сразу же спросил король Маннах.

Корум пожал плечами:

— Слишком долго я спал, король Маннах. Я накопил энергию. И не должен уставать.

— Спал? Спал под холмом?

— Может быть,— мечтательно ответил Корум.— Думаю, что нет, но, может быть, и под холмом. Я жил в замке у моря и проводил дни в печали и сожалениях. Затем вы позвали меня. Сначала я не слышал вас, но явился старый друг и внушил мне, что я должен ответить вам. Так я пришел сюда. Но, возможно, и это было сном...— Коруму показалось, что он выпил слишком много хмельного меда. Тот, похоже, был очень крепок. У него все расплывалось перед глазами, в нем присутствовала странная смесь грусти и счастья.— Тебе так важно, король Маннах, место моего рождения?

— Нет. Куда важнее, что ты здесь, в Кер Махлоде, что наши люди видят тебя и верят тебе всем сердцем.

— Расскажи мне побольше о фой миоре и о том, как вы потерпели поражение.

— О фой миоре я могу рассказать не так уж много. Если не считать, что, как говорят, они не всегда объединяются против нас — в жилах у них течет разная кровь. Они не ведут войны так, как мы ког-да-то вели их. Мы выбирали лучших бойцов из рядов двух противостоящих армий. Они дрались, боец с бойцом, меряясь силами, — и наконец один бывал повержен. Ему сохраняли жизнь, если только он не получал в бою тяжелых ран. Часто мы обходились и без оружия — бард соревновался с бардом, автор лучших сатир о враге выступал против своего соперника, заставляя его устыдиться поражения. Но когда фой миоре выступили против нас, они не придерживались этих обычаев. Вот почему мы так легко проиграли. Мы не убийцы, в отличие от них. Они же хотят видеть смерть — они жаждут встречи со смертью и следуют за ней, требуя, чтобы она повернулась к ним лицом. Этот народ — народ холода — похож на людей сосен: они волей-неволей мчатся по следам смерти, они устанавливают царство смерти по всей земле, которую в древности называли

Бро-ан-Мабден, земля на западе. Сейчас мы живем на западе, севере и юге. Только на востоке никого не осталось, ибо там все замерзли, пали перед людьми сосен...

Голос короля Маннаха обрел интонации погребальной песни, скорби по своим людям, потерпевшим поражение.

— О Корум, не суди нас по тому, что ты сейчас видишь. Я знаю, что когда-то мы были великим народом, у нас были силы и мощь, но после первой же битвы с фой миоре мы обеднели, они забрали у нас страну Ливм-ан-Эш, и вместе с нашими книгами мы утратили и искусство заклинаний...

— Это звучит как сказание, объясняющее природные катастрофы,— вежливо сказал Корум.

— Еще недавно я тоже так думал,— сказал ему король Маннах, и Корум был вынужден согласиться с его словами.

— Хотя мы стали бедны,— продолжил король,— и забыли многое в искусстве управления неодушевленным миром, хотя нас постигли все эти беды, мы остаемся все тем же народом. Мы так же мыслим. Мы не стали глупее, принц Корум.

Корум и не считал их таковыми. На самом деле, он был удивлен четким и ясным мышлением короля, поскольку ожидал встретить куда более примитивную расу. И хотя эти люди считали магию и колдовство неоспоримым фактом, во всем остальном они были чужды суеверий и предрассудков.

— Вы гордый и благородный народ, король Маннах,— искренне сказал он.— И я готов отдать вам все силы. Но от вас зависит, что я смогу сделать, поскольку знаю о фой миоре куда меньше, чем вы.

— Фой миоре страшно боятся наших древних магических сокровищ,— сказал король Маннах.— Мы их признавали лишь интересными антикварными предметами, но сейчас считаем, что в них заключено нечто большее и что они на самом деле обладают некой силой, раз представляют такую опасность для фой миоре. И все здесь согласны в одном: тут видели быка Кринанасса.

— Вы уже упоминали этого быка.

— Да. Огромный черный бык, который убьет любого, кто попытается приручить его. Кроме одного.

— И этого одного зовут Корум?— спросил принц.

— В старых текстах его имя не упоминается. В них говорится, что он будет сжимать в руке, сияющей как луна, копье, именуемое Брийонак.

— Что такое копье Брийонак?

— Магическое копье, выкованное Гованоном, кузнецом племени сидов. Теперь оно снова принадлежит ему. Видишь ли, принц Корум, после того, как фой миоре захватили Кер Ллуд и взяли в плен верховного короля, воин Онраг, который должен был защищать древние сокровища, умчался вместе с ними в колеснице. Но по пути сокровища одно за другим выпали из колесницы. Мы слышали, что часть из них была захвачена фой миоре, преследовавшими Онрага. Другие — найдены мабденами. А остальные, если верить слухам, попали в руки народа более древнего, чем мабдены и фой миоре,— сиды, которые в давние времена и преподносили нам дары. Мы обращались к мудрости многих рун, наши волшебники опросили немало оракулов прежде, чем узнали, что копье Брийонак снова оказалось в руках кузнеца Гованона, таинственного сида.

— Вы знаете, где обитает этот кузнец?

— Думается, что на Ги-Бресейле, некоем загадочном заколдованном островке, что лежит к югу от нашего восточного побережья. Наши друиды верят, что Ги-Бресейл — это все, что осталось от Ливм-ан-Эш.

— Но ведь там правят фой миоре, не так ли?

— Они избегают бывать на этом острове. И я не знаю, почему.

— Должно быть, их там подстерегает большая опасность, раз они чураются этого куска своей земли.

— Я тоже так думаю,— согласился король Маннах.— Но только ли фой миоре угрожает опасность на острове? Никто из мабденов еще не возвращался с Ги-Бресейла. Говорят, что сиды кровно связаны с вадхагами. Многие считают, что они происходят из одного корня. Может быть, только вадхаг способен добраться до Ги-Бресейла и вернуться оттуда?

Корум громко расхохотался:

— Может быть. Ладно, король Маннах, я отправлюсь туда и разыщу ваше магическое копье.

— Ты можешь встретить там свою смерть.

— Вот уж смерти я не боюсь, король.

Тот грустно кивнул.

— Да. Я понимаю тебя, принц Корум,— он напомнил себе, что в эти мрачные дни, постигшие его народ, можно многого бояться — не только смерти.

В камине, покрываясь пеплом, тлели поленья. Веселье стихало. Одинокий арфист извлекал из струн грустную мелодию и

пел о судьбе обреченных возлюбленных. Корум, у которого кружилась голова от хмельного меда, знал, что такова его собственная история, история любви принца и Ралины. В этом полумраке ему показалось, что девушка, которая раньше говорила с ним, неотличима от Ралины. Он смотрел на нее, а она, не подозревая о его взгляде, разговаривала и шутила с одним из молодых воинов. К Коруму вернулась надежда: возможно, где-то в этом мире Ралина нашла новое воплощение, и он найдет ее, и, хотя она не узнает его, Ралина, как и прежде, влюбится в него.

Девушка повернула голову и увидела, что Корум смотрит на нее. Улыбнувшись, она слегка кивнула.

Подняв свой кубок, он крикнул, вставая на ноги:

— Пой и дальше, бард, ибо я пью за свою потерянную любовь — Ралину, и молю, чтобы я мог найти ее в этом мрачном мире.

Он опустил голову, осознав, что ведет себя глупо. Теперь он рассмотрел девушку и убедился, что она ничем не напоминает Ралину. Но когда он сел на место, она продолжала неотрывно смотреть на него, и Корум опять заинтересованно уставился на нее.

— Я вижу, что моя дочь привлекла твое внимание, Властитель Холма,— где-то рядом с Корумом раздался голос короля Маннаха. Король говорил с легким сарказмом.

— Твоя дочь?

— Ее зовут Медбх. Она красива?

— Красива. Она прекрасна, король Маннах.

— С тех пор, как ее мать погибла в первой битве с фой миоре, она стала моей радостью и утешением. Медбх — моя правая рука, мой мудрый советчик. В бою она уверенно ведет за собой воинов, она лучше всех пользуется боевым арканом, пращой и татлумом.

— Что такое татлум?

— Тяжелый шар, на изготовление которого идут черепа и кости наших врагов. Фой миоре боятся его. Поэтому мы и пользуемся ими. Черепа и кости перемешиваются с известью, которая затвердевает, и мы получаем мощное оружие против захватчиков — хотя мало что может преодолеть их сильную магию.

Отпив еще меда, Корум тихо сказал:

— Прежде чем я пущусь на поиски копья, мне бы очень хотелось понять природу наших врагов.

Король Маннах улыбнулся:

— Вот эту просьбу мы можем легко удовлетворить, потому что недалеко отсюда видели двух фой миоре и их свору охотничьих псов. Наши разведчики считают, что они направляются к Кер Махлоду, собираясь напасть на форт. Завтра к заходу солнца они должны быть здесь.

— Ты хочешь нанести им поражение? Похоже, ты в этом сомневаешься.

— Мы не сможем одолеть их. Мы считаем, что данное нападение фой миоре призвано, главным образом, отвлечь наше внимание. Порой им удается перебить наших бойцов, но, в основном, они стараются просто потрепать нам нервы.

— Значит, вы позволите мне погостить у вас до завтрашнего вечера?

— Конечно. Если увидишь, что форт сдается, ты тут же покинешь его и отправишься на поиски Ги-Бресейла.

— Обещаю,— сказал Корум.

И снова он поймал себя на том, что не сводит глаз с дочери короля Маннаха. Поднося к губам чашу с медом и откинув назад копну густых рыжих волос, она смеялась. Принц смотрел на ее гибкие руки с золотыми браслетами, на крепко сбитую изящную фигуру. Каждым своим движением она походила на настоящую принцессу, предводительницу воинов, но что-то неуловимое в ее манере поведения подсказывало Коруму, что она таит в себе нечто большее. В глазах ее светились живой ум и чувство юмора. Может, он все это себе выдумал, полный отчаянного желания в каждой женщине мабденов найти Ралину?

Наконец принц заставил себя покинуть зал и в сопровождении короля Маннаха добрался до отведенной ему комнаты, простой и скромно обставленной, с деревянной кроватью, связанной ремнями, на которой лежали соломенный матрас и меховое одеяло, чтобы укрываться от холода. Он крепко уснул в ней и не видел никаких снов.

Часть вторая

НОВЫЕ ВРАГИ, НОВЫЕ ДРУЗЬЯ, НОВЫЕ ЗАГАДКИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФИГУРЫ В ТУМАНЕ

И наступил рассвет первого утра, и Корум увидел эту землю.

Окно, затянутое промасленным пергаментом, пропускало свет, и за ним открывалась туманная картина внешнего мира. Корум увидел, что каменные стены и крыши Кер Махлода искрятся изморозью. От мороза гранитная кладка посерела. Мороз сковал землю, и деревья в соседнем лесу под фортом стояли недвижимые и окоченевшие.

В комнатке с низкой нависающей крышей, отведенной Коруму, всю ночь в очаге горели поленья, но сейчас от них остался лишь теплый пепел. Умываясь и натягивая одежду, Корум невольно ежился.

И это весна, думал Корум, весна в тех местах, где она давно уже должна была цвести золотом, где раньше зима была еле заметна, ибо представляла собой краткий интервал между спелыми днями осени и бодрящими весенними утрами.

Коруму показалось, что он узнает окружающий пейзаж. И в самом деле, эти места были недалеко от скалы, на которой стоял замок Эрорн. Вид, открывавшийся сквозь промасленный пергамент, стал затягиваться туманом — по всей видимости, морским,— который поднимался с другой стороны укрепленного городка, а вдали виднелись очертания скальной гряды, конечно

же, одной из тех, что тянулись рядом с Эрорном. Он испытал желание отправиться туда и посмотреть, стоит ли там замок Эрорн — а если стоит, то в нем должен обитать тот, кто может что-то знать об истории замка. Корум пообещал себе, что, прежде чем он покинет эти земли, обязательно навестит замок Эрорн — хотя бы как символ своей принадлежности к смертным.

Корум вспомнил, как прошлым вечером он смотрел в зале на гордую смеющуюся девушку. Признайся он себе, что его тянет к ней, это, конечно же, не было бы предательством памяти Ралины. Вне всяких сомнений, и девушку тянуло к нему. Но почему же ему так не хочется признавать этот факт? Потому что боится? Скольких женщин он еще сможет любить и видеть, как они стареют и исчезают, а его бесконечная жизнь все длится? Сколько раз он еще сможет переживать горечь потери? Или он начинает обретать цинизм, который позволит ему брать женщин лишь на короткое время и расставаться с ними до того, как любовь властно заявит о себе? Для общего блага — и ее и его — это было бы наилучшим разрешением бесконечно трагической ситуации.

Усилием воли он отогнал от себя и эту проблему, и образ рыжеволосой дочери короля. Если сегодня придется начинать войну, то ему лучше всего думать лишь об этом, отбросив все остальное, тем более что присутствие врагов успокоило угрызения совести. Он улыбнулся, вспомнив слова короля Маннаха. «Фой миоре следуют за смертью,— сказал Маннах.— Они преклоняются перед ней». Что ж, возможно, это является истиной и для Корума? И если это так, то не является ли он самым опасным врагом для фой миоре?

Пригнувшись под притолокой, он покинул свою комнату и, пройдя ряд небольших овальных помещений, очутился в зале, где они ужинали вечером. Зал был пуст. Сквозь узкие прорези окон неохотно сочился серый рассвет, освещая зал, откуда уже была убрана вся посуда. В нем было холодно и неуютно. Корум подумал, что именно в таком месте можно в одиночестве преклонить колени, очищая душу перед битвой. Он согнул серебряную руку, вытянул серебряные пальцы, проверил серебряные суставы и посмотрел на серебряную ладонь, на которой во всех подробностях были воспроизведены линии настоящей руки. Искусственная рука надежно крепилась к кости запястья. Корум сам проделал необходимую операцию, пустив в ход другую руку, чтобы пропустить сквозь кость крепежные стержни. Пусть

верят, что у него волшебная рука, — она была безукоризненной копией кисти из плоти и крови. Внезапно Корум с отвращением позволил руке опуститься. Это была единственная вещь, которую он создал за две трети столетия. Единственная работа, которую он завершил после окончания приключений с Повелителями Мечей.

Он почувствовал, что его переполняет отвращение к самому себе, но не мог понять причины таких эмоций. Он стал мерить шагами широкие плиты пола, поеживаясь от сырого холодного воздуха,— как гончая, которой не терпится стремительно сорваться с места и пуститься в погоню. Или это ему не терпится начать бег? Может, это он хочет бежать от чего-то. От знания о самом себе, о поджидающей его неизбежной судьбе, о роке, на который оба — и Элрик, и Эрекозе — намекали ему?

— Во имя моих предков — пусть придет битва, и пусть она будет кровавой и яростной!— выкрикнул он. И одним движением выхватив свой боевой клинок, он описал им круг в воздухе, проверяя его готовность и сбалансированность, после чего с треском вернул в ножны — этот звук разнесся по залу.

— И пусть она будет удачной для Кер Махлода, господин наш победитель,— это был спокойный и веселый голос Медбх, дочери короля Маннаха.

Она стояла в дверном проеме, прислонившись к косяку и уперевшись рукой в бедро. Талию ее перетягивал тяжелый пояс, на котором висели кинжал в ножнах и широкий меч, волосы стянуты сзади, и единственными доспехами Медбх было что-то вроде кожаной куртки. В свободной руке она держала легкий шлем, который отличался от вадхагских, хотя тоже был выкован из меди.

Корум редко позволял, чтобы его заставали врасплох, и, смутившись, что кто-то слышал его воинственный возглас, отвернулся, не в силах посмотреть ей в лицо. Юмор мгновенно оставил его.

— Боюсь, госпожа, что для вас во мне нет ничего от героя,— холодно произнес он.

— И от скорбного бога, Властителя Холма. Многие из нас долго колебались, прежде чем призвать вас. Многие думали, что если вы и существуете, то можете оказаться мрачным и зловещим существом, похожим на фой миоре, и мы сами призовем беду на свою голову. Но нет, перед нами предстал человек. Человек, куда более сложный, чем просто бог. И похоже, на каж-

дом из нас лежит разная ответственность. Вы разгневались оттого, что я увидела, и вам не чужд страх...

— Скорее всего, это был не страх, госпожа.

— А может, и он. Вы встали на нашу сторону по своему выбору. Мы ничего не можем требовать от вас. У нас нет власти над вами, пусть даже мы считали обратное. Вы помогаете нам, несмотря на свои страхи и грызущие вас сомнения. Это куда более ценно, чем помощь какого-то откровенно бесчувственного сверхъестественного существа, которых используют фой миоре. И они боятся вашей легенды. Помните это, принц Корум.

Корум продолжал стоять, не поворачиваясь к ней. Ее теплое отношение не вызывало сомнений. Ее действительно, тянуло к нему. Она была столь же умна, сколь и красива. Как он может повернуться к ней, если в этом случае он увидит ее,— а, увидев, он будет не в силах полюбить ее, полюбить так, как Ралину?

Справившись с голосом, принц сказал:

— Благодарю вас за вашу любезность, госпожа. На службе вашему народу я сделаю все, что в моих силах, но предупреждаю: не ждите от меня чего-то особенного.

Он так и не повернулся, поскольку не доверял самому себе. Неужели он так нуждается в Ралине, что видит в этой девочке ее черты? И если все дело в этом, какое он имеет право любить Медбх, если любит в ней лишь то, что выдумал сам?

Серебряной рукой он коснулся вышитой повязки на глазу, холодные и бесчувственные пальцы скользнули по ткани, расшитой руками Ралины. Он чуть не крикнул:

— Так что с фой миоре? Они подходят?

— Пока еще нет. Только туман густеет. Точный признак — они где-то рядом.

— Туман следует за ними?

— Предшествует им. За ними идут снег и лед. Часто об их приближении сообщает восточный ветер, несущий крупный град, как голубиное яйцо. Земля умирает, и деревья склоняются к корням, когда шествуют фой миоре,— сдержанно произнесла девушка.

Напряжение, воцарившееся в зале, росло.

Затем она сказала:

— Вы не обязаны любить меня, милорд.

Вот тогда Корум и повернулся.

Но ее уже не было.

Снова принц опустил глаза на металлическую руку, но стряхнул с глаза слезу живыми, теплыми и мягкими пальцами.

Ему показалось, что из другой, отдаленной части крепости до него смутно доносятся звуки мабденской арфы, и музыка была нежнее той, что он когда-либо слушал в замке Эрорн, и в звуках этой арфы слышалась печаль.

✧

— При вашем дворе есть гениальный арфист, король Маннах.

Корум и король стояли на внешней стене Кер Махлода, глядя на восток.

— Вы тоже слышали эту арфу?— нахмурился король Маннах. На нем был бронзовый нагрудник, а на седеющей голове — бронзовый же шлем. Его правильное лицо выглядело мрачным, а в глазах стояло удивление.— Кое-кто подумал, что это играли вы, Властитель Холма.

Корум вытянул перед собой серебряную кисть:

— Она не может так искусно перебирать струны,— закинув голову, он смотрел в небо.— Я слушал мабденского арфиста.

— А я думаю, что нет, — сказал Маннах. — Во всяком случае, это был не арфист при моем дворе, которого мы слышали. Менестрели Кер Махлода готовятся к битве. Когда они заиграют, мы услышим боевые песни, а не ту музыку, что звучала сегодня утром.

— Вы не узнали мелодию?

— Как-то мне довелось ее слышать. В роще у холма, в первую ночь, когда мы пришли звать вас. Именно с ее помощью мы осмелились поверить, что в этой легенде была правда. Если бы мой народ не услышал звуки арфы, он не стал бы продолжать звать.

Корум нахмурился.

— Тайны никогда не были в моем вкусе,— сказал он.

— Значит, и жизнь, как таковая, не в вашем вкусе, милорд.

Корум улыбнулся:

— Я понял, что вы хотите сказать, король Маннах. Тем не менее, я с подозрением отношусь к таким вещам, как призрачные арфы.

Больше на эту тему они не говорили. Король Маннах указал в сторону густого дубового леса. В верхушках деревьев клубился туман. Пока они смотрели, туман густел и опускался все ниже к

земле, и теперь за его завесой лишь слабо просматривались заиндевевшие стволы нескольких деревьев. Солнце стояло высоко в небе, но сквозь тонкую пелену облаков, что начали затягивать небосвод, с трудом пробивались его бледные лучи.

День был тихим.

Из леса не доносилось ни одного птичьего посвиста. Приглушенными были даже передвижения воинов внутри форта. Когда кто-то громко подавал голос, звук в первую секунду казался громким и отчетливым, как удар колокола, а потом его поглощало молчание. Вдоль зубцов стен защитники сложили оружие — копья, стрелы, луки, большие камни и круглые татлумы, которые предстояло швырять из пращи.

Воины занимали свои места на стенах. Кер Махлод являлся небольшим поселением, но, разместившись на вершине холма со тщательно выглаженными сторонами, напоминавшими созданный руками человека огромный конус, он был надежно укреплен. К югу и северу высилось еще несколько таких же конусов, и на вершинах двух из них виднелись руины других крепостей, позволявших предполагать, что когда-то Кер Махлод был частью куда более крупного поселения.

Корум повернулся, чтобы взглянуть в сторону моря. Туман рассеялся, и поверхность воды, игравшая синими искрами, была гладкой и спокойной, словно непогода, ползущая на землю, не дотягивалась до океана. Принц убедился в своей правоте, предполагая, что неподалеку находится замок Эрорн. В двух или трех милях к югу он увидел знакомые очертания мыса и груды развалин, которые могли быть остатками замковой башни.

— Вы знаете эти места, король Маннах?— показал в ту сторону Корум.

— Мы называем это замком Оуйн, поскольку издалека он, действительно, напоминает замок, но на самом деле это естественное образование. Часть относящихся к нему легенд утверждает, Кремм Кройх, что в нем обитали какие-то сверхъестественные существа — сиды. Но единственным архитектором замка Оуйн был ветер, а единственным каменщиком — море.

— Все же я должен побывать там,— сказал Корум.— Когда смогу.

— Если оба мы уцелеем при набеге фой миоре — точнее, если фой миоре решат не нападать на нас,— тогда я отведу вас туда. Но там не на что смотреть, принц Корум. Куда лучше все видно отсюда.

— Подозреваю,— сказал Корум,— что вы правы, король.

Пока они говорили, туман все густел и теперь затянул все пространство моря. Туман опустился на Кер Махлод, заполнив его узкие улочки. Со всех сторон, кроме западной, туман поднимался вдоль стен крепости.

В форте смолкли все звуки, обитатели ждали, что принесет с собой туманная пелена.

Наступили густые, словно вечерние, сумерки. Стало так холодно, что даже Корум, одетый теплее, чем другие, поежился и плотнее завернулся в свой алый плащ.

Из тумана донесся собачий вой. Дикие отчаянные завывания рвались из собачьих глоток, пока не заполнили собой весь воздух пространства вокруг крепости Кер Махлод.

Своим единственным глазом Корум пытался увидеть этих псов. На мгновение ему показалось, что он уловил бледный расплывчатый силуэт, мелькнувший под стенами у подножия холма. Затем он исчез. Корум аккуратно натянул тетиву своего длинного лука, сделанного из одного куска кости, и плотно прижал к тетиве тонкую прямую стрелу. Ухватив дугу лука металлической рукой, он здоровой рукой натянул тетиву так, что она коснулась скулы, и стал ждать, пока не увидел другой смутный силуэт — и после этого пустил стрелу в полет.

Стрела пронзила туман и исчезла.

Снизу донесся дикий визг, который перешел в рычание. Вверх по холму к крепости ринулась какая-то фигура. Два желтых глаза были устремлены прямо на Корума, словно зверь инстинктивно узнал того, кто нанес ему рану. На бегу его длинный оперенный хвост мотался из стороны в сторону, и на первый взгляд казалось, что он, тонкий и негибкий, не имеет ничего общего с хвостом, — и тут Корум понял, что это была его стрела, вонзившаяся в бок животного. Он выхватил из колчана другую стрелу, натянул тетиву и взглянул прямо в горящие глаза животного. Пес широко открыл пасть — с желтых клыков капала слюна. На загривке у него вздыбилась жесткая шерсть, и, когда пес был почти рядом, Корум увидел, что тот не уступает ростом пони.

Он ничего не слышал, кроме рычания пса, но продолжал держать стрелу на тетиве, ибо клочья тумана то и дело закрывали цель.

Корум не ожидал, что собака окажется белой. В этой белизне было что-то отталкивающее. Только уши пса были темнее, чем туловище, и блестели, отливая цветом свежей крови.

Собака все выше и выше взбиралась по склону холма. Первая стрела, по всей видимости, не остановила ее, и рычание пса

напоминало гнусный смех убийцы, который ждет момента, чтобы вонзить клыки в горло Корума. Желтые глаза зверя были полны радости.

Больше ждать принц не мог. Он пустил стрелу.

Казалось, она очень медленно преодолевает расстояние до белого пса. Собака увидела стрелу и попыталась увернуться, но, стремясь к своей цели, она мчалась слишком быстро, рыская из стороны в сторону. Когда зверь наклонил голову вправо, лапы подогнулись, и стрела с такой силой пробила ему левый глаз, что наконечник вышел с другой стороны черепа.

Пес распахнул огромные челюсти, но из ужасной глотки не вырвалось ни звука. Рухнув, он скатился к подножию холма и замер на месте.

Корум перевел дыхание и повернулся к королю Маннаху, желая ему что-то сказать.

Но тот уже замахнулся копьем, целясь в туман, из которого, истекая слюной и подвывая, ползли не меньше сотни бледных теней, полные решимости отомстить за убийство одного из своих соплеменников.

ГЛАВА ВТОРАЯ
БОЙ У КЕР МАХЛОДА

— Ох, как их много!— обеспокоенно вскрикнул король Маннах, хватая второе копье и отправляя его вслед за первым.— Столько я еще не видел!— он обернулся, чтобы посмотреть, что делается с его людьми. Все отчаянно дрались с собаками — швыряли камни из пращи, стреляли из луков и метали копья. Псы окружали Кер Махлод.— Как их много!— повторил король.— Наверное, фой миоре узнали, что вы пришли нам на помощь, принц Корум. И, скорее всего, решили уничтожить вас.

Корум не ответил, потому что увидел огромного белого пса, подобравшегося к самой стене и обнюхивавшего проход, который сейчас был перегорожен огромным валуном. Перегнувшись через стену, Корум выпустил одну из своих последних стрел, поразив собаку в затылок. Заскулив, та уползла обратно в туман. Корум не мог проверить, прикончил ли он ее. Убить этих псов было непросто, и в морозном тумане, в котором виднелись только их окровавленные уши и желтые клыки, было не разобрать, удалось ли уничтожить ту или иную собаку.

Даже если бы их шкуры имели более темную окраску, сражаться с ними было бы трудно. Туман продолжал густеть. Собаки рвались вперед, пытаясь вцепиться в горло или в глаза защитников крепости, так что тем постоянно приходилось вытирать с лиц их зловонную слюну и со стен сплевывать на собак, поскольку легкие заполняла холодная сырость. Тем не менее, все отважно дрались, никто не отступил. Вниз летели дротик за дротиком. Стрела за стрелой находили свои цели в рядах злобных псов. Пока не были пущены в дело груды шаров татлума, и Корум пытался понять, почему их берегут, ибо король Маннах не успел объяснить ему. Ведь копья и стрелы ложились все ближе к стенам форта, но убито было лишь несколько псов.

«Керенос, кем бы он ни был, хорошо натаскал свою свору»,— подумал Корум и, выпустив последнюю стрелу, вытащил меч из ножен.

Непрестанный вой так действовал на нервы защитникам, что необходимость не поддаваться ему требовала столько же усилий, сколько и бой с собаками.

Король Маннах обошел стены, ободряя воинов. Пока никто из них не погиб. Но запас метательных снарядов подходил к концу, и скоро им придется защищаться клинками, топорами и копьями. Этот момент был близок.

Помедлив, Корум перевел дыхание и попытался оценить положение защитников крепости. Внизу было чуть меньше сотни псов. На стенах же стояло немногим больше сотни воинов. Чтобы достичь подножия стен, собакам придется совершать гигантские прыжки. Но Корум не сомневался, что это им под силу.

Едва Корум пришел к такому выводу, как увидел летящего на него белого зверя — передние лапы вытянуты, зубы оскалены, желтые глаза горели ненавистью. Если бы принц заранее не вытащил меч, то был бы растерзан тут же, на месте. Но он успел вскинуть острие меча, в воздухе нанизав на него пса. Клинок вонзился в живот зверя, и Корум чуть не потерял равновесие, когда пес сполз до самой рукоятки; рявкнув, словно от удивления, он зарычал, осознав, какая судьба его ждет, и последним усилием тщетно попытался лязгнуть зубами, после чего закувыркался вниз, рухнув прямо на спину одного из своих спутников.

Немного погодя Корум подумал, что на сегодня псам Кереноса хватит жара битвы, поскольку они, казалось, собрались отступать. Но их вой, рычание и случайные визги ясно дали понять, что они всего лишь отошли отдохнуть и потянуть время,

после чего пойдут на новый штурм. Может, они получали указания от невидимого хозяина — вероятно, им был сам Керенос. Корум много бы отдал за возможность увидеть фой миоре. Хотя бы одного — чтобы составить мнение, что они собой представляют и откуда черпают магическую силу. Чуть раньше ему показалось, что он увидел в тумане какой-то темный силуэт, который был выше псов и держался на двух ногах, но полосы тумана все время так быстро перемещались (хотя туман не рассеивался), что он мог и ошибиться. Если он в самом деле видел очертания фой миоре, то нет сомнений — тот был значительно выше человека и, возможно, вообще принадлежал к другой расе. Но откуда могли появиться эти другие — не вадхаги, не нхадраги и не мабдены? Эта загадка не давала Коруму покоя еще после первого разговора с королем Маннахом.

— Псы! Осторожнее, псы!— закричал один из воинов, на спине которого повисло белое существо, безмолвно прыгнувшее на него из тумана.

Человек с повисшей на нем собакой рухнул со стены и с жутким звуком ударился о камни улицы.

Вскочил только пес. Из пасти у него свисали клочки человеческой плоти. Оскалившись, он повернулся и прыжками помчался по улице. Корум, не тратя ни секунды на раздумья, швырнул вслед ему меч и поразил пса в бок. Взвизгнув, тот попытался схватить зубами меч, вошедший ему меж ребер, и закружился, как щенок, что ловит свой хвост. Огромный пес четыре или пять раз развернулся на месте, прежде чем умер.

Корум по ступенькам кинулся вниз на улицу, чтобы вернуть свой меч. Он никогда раньше не видел вблизи этих чудовищных собак, не мог понять, почему они так странно выглядят, ибо в природе не было ничего подобного. Он с отвращением вытянул клинок из огромного тела и, вытерев кровь о жесткую бледную шерсть, взбежал по ступенькам, чтобы занять свое место на стене.

И тут он впервые обратил внимание на вонь. Ясно, что это был собачий запах, зловоние грязной мокрой шерсти, и на несколько секунд он заполнил все вокруг. Туман разъедал глаза и язык, а теперь, когда собачья вонь забивала ноздри, защитники крепости напрягали все силы, чтобы исполнять свои обязанности. Собаки уже в нескольких местах за-брались на стены, и четверо бойцов лежали с разорванными глотками, но и две собаки Кереноса тоже погибли, причем у одной была снесена голова.

Корум начал уставать и понял, что остальные тоже вымотаны. Будь это обыкновенная битва, они имели бы право на усталость, но сейчас они дрались не с человеческими созданиями, а со зверями, союзниками каких-то порождений чужой природы.

Корум отпрянул от прыгнувшего пса (таких огромных ему еще не приходилось видеть), который, оттолкнувшись задними лапами от стены, приземлился на площадку за спиной принца; пес хрипел и тяжело дышал, глаза у него выкатились из орбит, из оскаленной пасти вывалился язык. Корум чуть не задохнулся от запаха, который шел из глотки животного,— гнусный зловонный запах. Рыча, зверь подобрался, чтобы броситься на Корума, и его странные красные уши плотно прижались к остроконечной голове.

Что-то крикнув, Корум схватил свой боевой топор с длинной рукояткой, стоявший у стены, и, взмахнув им, кинулся навстречу противнику.

Когда лезвие мелькнуло над белой головой, пес припал к земле. Он подобрался, зажав хвост между задними ногами, и, поняв, что оружие тяжелее и опаснее самого Корума, зарычал, обнажив двенадцатидюймовые клыки.

Второй раз описывая топором круг, Корум потерял было равновесие, и, уловив это секундное замешательство, пес кинулся на него. Когда он распростерся в воздухе, Корум сделал три стремительных шага назад, и топор, завершив вращение, поразил задние лапы собаки, покалечив, но не остановив ее. Корум оказался на самом краю площадки и понял, что одно неосторожное движение — и он переломает себе ноги. Достаточно шага назад — и он рухнет на улицу. Принц, когда пес снова кинулся на него, сделал шаг в сторону, пригнулся, и собака, перелетев через него, вниз головой рухнула на булыжники, сломав себе шею.

Теперь звуки боя доносились со всех концов крепости, ибо несколько собак Кереноса все же прорвались на улицы и носились по ним, вынюхивая стариков и детей, забаррикадировавших двери и прятавшихся в домах.

Медбх, дочь короля Маннаха, дралась на улицах; Корум мельком увидел ее во главе горстки воинов, сражавшихся с двумя псами, загнанными в тупик. Из-под шлема у нее выбивались пряди рыжих волос, развевающиеся на бегу. Гибкость и сила ее фигуры, продуманная быстрота движений, неоспоримая отвага удивили Корума. Он никогда раньше не встречал таких жен-

щин, как Медбх,— или, точнее, таких женщин, которые дрались бок о бок со своими мужчинами и делили с ними все тяготы. «И к тому же таких красивых женщин»,— подумал Корум, но тут же выругал себя за то, что отвлекся, потому что другой зверь, рыча и захлебываясь хриплым лаем, кинулся на него, но Корум, издав боевой клич вадхагов, успел глубоко всадить топор ему в череп, между прижатых красных ушей. Ему хотелось, чтобы бой скорее подошел к концу, ибо он так устал, что сомневался, удастся ли ему уложить еще хоть одного пса.

Лай этих ужасающих созданий, казалось, становился все громче и громче. Зловоние, исходящее от зверей, заставило Корума вспомнить едкость тумана, который еще недавно заполнял легкие, но белесые тела врагов продолжали перелетать через стены — клыки оскалены, желтые глаза горят ненавистью,— и воины продолжали гибнуть, когда собачьи зубы рвали их плоть и сухожилия, ломали кости. Корум, задыхаясь, прислонился к стене. Он понимал, что нападение следующего пса убьет его. У него не было желания сопротивляться. Он хотел лишь, чтобы все кончилось. Погибни он на этом месте — и всем проб-лемам мгновенно придет конец. Кер Махлод падет. И тут будут править фой миоре.

Какая-то сила заставила его снова посмотреть вниз, на улицы.

Там с мечом в руках в одиночестве стояла Медбх, к которой несся огромный пес. Вся ее группа погибла. Их растерзанные тела валялись на камнях мостовой. Осталась только Медбх, но и ее ждет неизбежная гибель.

Не успев даже осознать, что делает, Корум прыгнул вниз. Ноги в высоких сапогах опустились на спину животного, отчего его задние лапы, подогнувшись, коснулись земли. Боевой топор, взметнувшись, рассек позвоночник огромного пса, едва не разрубив его пополам. Корум, продолжая движение, перелетел через труп, и, поскользнувшись в крови, очередным ударом отделил голову зверя от сломанного позвоночника, и повалился на спину, отчаянно пытаясь встать на ноги. Даже Медбх не сразу поняла, что случилось, поскольку поразила собаку мечом в глаз, не осознавая, что животное уже мертво,— и лишь потом увидела Корума.

Когда он, поднявшись, высвобождал свой топор, засевший в черепе врага, она улыбнулась ему:

— Значит, вам так и не довелось увидеть меня мертвой, мой волшебный принц.

— Госпожа,— ответил Корум, с трудом переводя дыхание,— я меньше всего хотел этого.

Корум вырвал топор и по ступенькам взбежал на стену, где уставшие воины из последних сил отражали атаки бесчисленных псов.

Принц заставил себя рвануться вперед, чтобы помочь бойцу, который был уже не в силах отразить бросок собаки. Лезвие топора затупилось в схватках, и удар лишь оглушил пса. Тот сразу же оправился и кинулся на Корума. Но острие копья вонзилось ему в живот, и нагрудник Корума окатило густой, дурно пахнущей собачьей кровью.

Отшатнувшись, он вгляделся в туман, висящий за стенами крепости. На этот раз Корум все же увидел чей-то смутный силуэт — огромную человеческую фигуру, на голове которой, кажется, находились рога с отростками; четких очертаний было не разобрать, а тело выглядело деформированным. Корум заметил, что существо поднесло к губам какой-то предмет.

Раздался звук, заставивший всех собак замереть на месте, а оставшиеся в живых воины выронили оружие и схватились за уши.

Это звук вызывал ужас, в нем слышался и зловещий хохот, и стон, и мучительный вопль, и крики торжества. То был звук рога Кереноса, отзывающего своих псов.

До того, как фигура исчезла в тумане, Корум успел еще раз уловить ее очертания. Оставшиеся в живых псы стали прыгать со стен и спускаться по склонам холма, пока в пределах Кер Махлода не осталось ни единой живой собаки.

Затем и туман стал подниматься, оттягиваясь назад к лесу, словно Керенос тащил к себе его покрывало.

Снова раздался звук рога.

Он был так ужасен, что кое-кого из людей стало рвать. Кто-то стонал, а другие не могли удержаться от рыданий.

Тем не менее было ясно, что на сегодня Кереносу и его своре хватит. Людям Кер Махлода они показали лишь часть своей мощи.

Именно это им и было надо. Корум догадывался, что для фой миоре данная схватка была чем-то вроде легкой пробы сил. Основное сражение еще впереди.

После боя в Кер Махлоде обнаружили тридцать четыре собачьих трупа.

Погибли пятьдесят воинов — мужчин и женщин.

— Быстрее, Медбх! Татлум!— крикнул дочери король Маннах. Он был ранен в плечо, которое продолжало кровоточить.

Медбх вложила в гнездо пращи круглый шар из мозгов, залитых известью, и раскрутила оружие над головой.

Снаряд улетел в туман вслед Кереносу.

Но король Маннах знал, что он не поразил фой миоре.

— Это оружие — то немногое, что, как мы считаем, может убить их. Татлум.

В молчании они спустились со стен Кер Махлода, скорбя по погибшим.

— Завтра,— сказал Корум,— я двинусь на поиски копья Брийонака. И в своей серебряной руке я принесу его вам. Я сделаю все, что в моих силах, дабы спасти народ Кер Махлода от Кереноса и его псов.

Король Маннах, с помощью дочери спускавшийся по ступенькам, лишь склонил голову, поскольку от усталости еле держался на ногах.

— Но первым делом я должен посетить то место, что вы называете замком Оуйн,— сказал Корум.— И я хочу сделать это еще до отбытия.

— Вечером я проведу вас туда,— сказала Медбх.

Корум не стал возражать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
РЯДОМ С РУИНАМИ

День пошел на вторую половину, и облака перестали затягивать солнечный диск, лучи которого слегка смягчили мороз, согрели дневной воздух, и запахи весны коснулись окружающей природы. Корум и принцесса-воительница Медбх, окрещенная Длинной Рукой за ее искусство метать татлумы из пращи, верхом ехали к тому месту, которое Корум называл Эрорном, а она — Оуйном.

Хотя уже пришла весна, на деревьях не было ни почек, ни листвы и сквозь землю не пробивалась ни одна травинка. Этот мир был гол и мертв. Жизнь покинула его. Корум вспомнил, как пышно цвела она в этих местах, когда он покидал их. Он помрачнел, думая, что после появления фой миоре, их собак и слуг так должна выглядеть почти вся земля.

Натянув поводья, они остановили коней почти на краю утеса, под которым море шуршало галькой маленького заливчика.

Из воды вздымались высокие черные скалы, старые и выщербленные; они были изъедены пещера-ми, с которыми Корум был знаком еще тысячу лет назад.

А вот мыс, тем не менее, изменил свои очертания. В самом центре часть его, где выкрошился гранит, рухнула в море, и теперь Корум понял, почему от замка Эрорн почти ничего не осталось.

— А вон это, посмотри, называют Башней Сидов... или Башней Кремма,— показала ему Медбх. Башня высилась на другой стороне провала, образованного рухнувшими скалами.— Издалека похоже, что ее сотворили человеческие руки, но на самом деле это творение природы.

Но Корум узнал эти стертые очертания. Действительно, они казались природным образованием, ибо строения вадхагов всегда старались слиться с пейзажем. Вот почему в его время некоторые путешественники не могли найти замок Эрорн.

— Это творение моего народа,— тихо сказал он.— Остатки архитектуры вадхагов, хотя, понимаю, никто в это не поверит.

Она удивилась и рассмеялась.

— Значит, легенда говорит правду. Это твоя башня!

— Я родился здесь,— сказал Корум и вздохнул.— И надеялся здесь же умереть.

Спешившись, он подошел к самому краю утеса и посмотрел вниз. В глубине провала море промыло узкий канал. Он бросил взгляд на остатки башни по другую сторону его. Корум вспомнил Ралину и свою семью: отца — князя Клонски, мать — принцессу Колатарну, своих сестер Иластру и Фолинру, своего дядю — принца Ранана и его дочь Сертреду. Все умерли. Только Ралина прошла до конца отмеренный ей жизнью путь, а все остальные были жестоко уничтожены Гландитом-а-Крэ и его убийцами. И никто, кроме Корума, их теперь не помнит. На мгновение он позавидовал им, ибо он-то их помнил.

— Но ты-то живой,— просто сказала Медбх.

— Так ли? Порой думается, что, может, я не более чем тень, плод воображения, появившийся стараниями и мольбой твоего народа. Мои воспоминания о своем прошлом уже тускнеют. Я с трудом вспоминаю облик своих близких.

— У тебя была семья... там, откуда ты явился?

— Я знаю, что легенда гласит, будто мне предназначено спать под холмом, пока меня не позовут. Но это неправда. В свое время я жил здесь — когда на месте руин высился замок Эрорн. Ах, сколько было развалин в моей жизни...

— И твоя семья жива? Ты оставил ее, чтобы помочь нам?

Покачав головой, Корум с горькой улыбкой повернулся и взглянул на Медбх.

— Нет, госпожа, все было не так. Моя семья была вырезана людьми твоей расы — мабденами. Моя жена скончалась,— он умолк.

— Ее тоже уничтожили?

— От старости.

— Она была старше тебя?

— Нет.

— Значит, ты в самом деле бессмертен?— она смотрела вниз, на далекое море.

— В общем-то, да. Понимаешь, поэтому я и боюсь любить.

— А я бы не боялась.

— Как не страшилась и маркграфиня Ралина, моя любовь. Думаю, и я тогда ничего не боялся, поскольку ни о чем не знал, пока не обрел этот опыт. Но, пережив потерю близких, я решил, что никогда больше не позволю себе таких эмоций.

Откуда-то появилась одинокая чайка и села на соседнюю скалу. В свое время чайки летали тут стаями.

— Тебе никогда и не придется снова переживать такие чувства, Корум.

— Верно. И тем не менее...

— Ты любишь трупы?

— Это жестоко... — оскорбился он.

— То, что остается от человека,— это труп. И если тебя не тянет к трупам, то, значит, ты должен найти кого-то живого, чтобы любить его.

Он покачал головой.

— Неужто для тебя все так просто, милая моя Медбх?

— Не думаю, что сказала нечто примитивное, Корум, Властитель Холма.

Он нетерпеливо отмахнулся серебряной кистью.

— Я не с холма. Мне не нравится, когда меня величают этим титулом. Ты говорила о трупах — это имя заставляет меня чувствовать себя мертвецом, вернувшимся к жизни. И когда ты называешь меня Властителем Холма, я чувствую запах плесени от своей истлевшей одежды.

— Другие легенды гласят, что ты пьешь кровь. И в темные времена этот холм был местом жертвоприношений.

— Мне не нравится вкус крови,— у Корума улучшилось настроение. Жар сражения с собаками Кереноса помог избавиться от мрачных мыслей.

Он протянул здоровую руку к лицу Медбх и провел ею по губам, шее и плечам девушки.

Они бросились друг другу в объятия, и принц заплакал от счастья.

Они целовались. Они предавались любви рядом с развалинами замка Эрорн, и волны внизу гулко бились о скалы. А потом они лежали под последними лучами солнца, глядя на море.

— Прислушайся,— Медбх вскинула голову, и пряди волос упали ей на лицо.

Он услышал. Он услышал это незадолго до того, как она обратила его внимание, но он не хотел это слышать.

— Арфа,— сказала Медбх.— Какая приятная музыка. Сколько в ней печали и нежности, в этой музыке. Ты слышишь ее?

— Да.

— Какая она знакомая...

— Может, ты слышала ее утром, перед нападением?— неохотно и рассеянно сказал он.

— Может быть. И в роще у холма.

— Я знал ее... еще до того, как твой народ в первый раз воззвал ко мне.

— Кто этот арфист? И что это за музыка?

Корум глядел через провал на рухнувшую башню — все, что осталось от замка Эрорн. Даже ему казалось, что она не может быть творением рук смертных. А может, ее создали море и ветер, и память подводит его?

Он испугался.

Теперь и Медбх смотрела на башню.

— Вот оттуда и звучит музыка,— сказал он.— Арфист играет музыку времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
МИР СТАНОВИЛСЯ БЕЛЫМ

Корум отправился в дорогу в меховом облачении.

Поверх своей одежды он накинул плащ из белого меха с большим капюшоном, прикрывавшим шлем,— плащ был сшит из мягкого зимнего наряда куницы. Даже лошадь получила попону из оленьей шкуры, отороченную мехом и расшитую сценами героического прошлого. Коруму вручили сапоги на меху, перчатки из оленьей шкуры, тоже вышитые, высокое седло с

седельными сумками и мягкие чехлы для лука, копья и боевого топора. Одну из перчаток он натянул на серебряную руку, и теперь ничей любопытный взгляд не мог его опознать. Он поцеловал Медбх и помахал людям Кер Махлода, которые провожали его за стены крепости серьезными, полными надежды взглядами. На прощание он удостоился поцелуя в лоб от короля Маннаха.

— Верни наше копье Брийонак,— сказал он,— чтобы мы могли приручить быка, черного быка Кринанасса, чтобы мы смогли нанести поражение врагам и вернуть весну на нашу землю.

— Я найду его,— пообещал принц Корум Джайлин Ирси, блеснув единственным глазом. Его взгляд увлажнился, но никто не мог сказать, что было тому причиной.

Он вскочил в седло своего огромного, мощного и тяжелого боевого коня, выращенного Таха-на-Кремм Кройх, вставил ногу в стремя, которое заставил сделать для себя (ибо тут забыли, как пользоваться стременами), и закрепил копье в гнезде на стремени, но пока не стал разворачивать стяг, который всю ночь шили для него девственницы Кер Махлода.

— Ты выглядишь великим воином, милорд,— пробормотала Медбх, и он склонился с седла, чтобы погладить ее рыжие волосы и коснуться нежной щеки.

— Я вернусь, Медбх,— сказал он.

✧

Два дня он ехал на юго-восток, дорога не показалась ему трудной, потому что он много раз следовал по ней, и время не успело стереть многие из знакомых ему примет. Может, потому что он увидел так мало и в то же время так много в руинах замка Эрорн, сейчас он направлялся в сторону утеса Мойдель, на котором когда-то стоял замок Ралины. Тому нетрудно было найти объяснение, ибо в свое время утес Мойдель был последним форпостом Ливм-ан-Эш, а сейчас таковым стал Ги-Бресейл. Он не потеряет времени и не собьется с пути в поисках утеса, если тот не утонул вместе с Ливм-ан-Эш.

Он двигался на юго-восток. Мир коченел от холода, и заряды блестящих градин били, подпрыгивая, о жесткую землю, скользили по закованным в доспехи плечам Корума и по густой гриве коня. Много раз его путь по этим бескрайним диким пустошам преграждали порывы этого замерзшего дождя, а порой они шли

такой сплошной пеленой, что ему приходилось искать убежище в любом укрытии, которым обычно становился какой-нибудь валун, ибо на пустошах почти не было деревьев, если не считать несколько чахлых березок, растущих среди клочков папоротника и вереска, — в это время года им полагалось цвести, но они зачахли или были еле живы. Когда-то тут повсюду обитали олени и гнездились фазаны, но теперь Коруму не попался на глаза ни один фазан, и лишь раз за всю дорогу он увидел тощего перепуганного самца оленя. И чем дальше он ехал на восток, тем мрачнее становился окружающий мир, и скоро он увидел, как поблескивают скованные жестоким морозом травинки, как снежные шапки покрывают вершины всех холмов, лежат на каждом валуне. Дорога постепенно уходила вверх, разреженный воздух становился все холоднее, и Корум был рад, что друзья снабдили его плотным плащом; сухой мороз уступал место снегам, и каждый раз, когда он оглядывал окрестности, перед ним представал белый мир, и белизна его напоминала цвет шкур собак Кереноса. Конь по колено в снегу с трудом пробивался сквозь сугробы, и Корум понимал, что если он подвергнется нападению, ему будет нелегко отразить его. Но небеса были пронзительно чисты, и над головой сияло солнце, хотя оно почти не грело. У Корума мог вызвать опасения лишь туман, ибо он знал, что вместе с ним придут дьявольские псы и их хозяева.

Наконец он выехал к переплетению узких долин среди пустошей, в них виднелись хижины, деревушки и городки, когда-то населенные мабденами. Все они были безлюдны.

В этом пустынном месте Корум и решил остановиться на ночлег. Размышляя, как бы ему развести огонь, чтобы возможные враги не увидели дымка, он убедился, что может разжечь чахлые торфяные брикеты на каменных плитах одного из пустых домиков: дым рассеется, и даже с близкого расстояния его нельзя будет увидеть. Огонь позволит согреться и ему, и коню, да и сварить что-то горячее не лишне. Без этого пускаться снова в путь было бы трудновато.

Его опечалило внутреннее убранство домика: по-прежнему стояла мебель, висели украшения и валялись безделушки, оставшиеся после тех, кто когда-то жил в нем. Дом не ограбили, прикинул Корум, потому что фой миоре не интересовали изделия мабденов. Но в других поселениях ближе к востоку встречались приметы того, что тут охотились псы Кереноса и недостатка в добыче у них не было. Вот почему, вне всяких

сомнений, так много мабденов бежали отсюда, ища спасения в старых заброшенных фортах на вершинах холмов, таких, как Кер Махлод.

Корум видел, что тут процветала довольно развитая культура — земля давала столько плодов, что у жителей было время развивать свои творческие способности. В заброшенных поселениях он находил книги, картины, музыкальные инструменты, а также изящные изделия из металла и глины. Он с грустью убеждался, что всему пришел конец. Значит, его битва против Повелителей Мечей была бессмысленной? Ливм-ан-Эш, за который он дрался так же отчаянно, как за свой народ, исчез, а теперь уничтожено и то, что пришло на его место.

Спустя какое-то время он стал избегать поселений и искал себе приюта в пещерах, где ничто не напоминало о трагедии мабденов.

Но как-то утром, проведя час в седле, он увидел перед собой среди пустоши обширную низину, в центре ее лежало замерзшее карстовое озеро. К северо-востоку от него в глаза Коруму бросился предмет, который он с первого взгляда принял за вертикальный каменный столб высотой примерно в рост человека, но взору Корума их представилось несколько сотен — а ведь обычно каменные круги состояли не более чем из нескольких гранитных плит. Как и повсюду в этих местах, на камнях лежал толстый слой снега.

Тропа привела Корума на другую сторону озера, и он уже был готов миновать монументы (так он назвал их), как вдруг ему показалось, что на бескрайней белизне шевельнулось что-то черное. Ворона? Прикрыв ладонью глаза, он присмотрелся к камням. Нет, там что-то более крупное. Может, волк? Хорошо, если бы олень, поскольку Корум нуждался в мясе. Вынув из колчана лук, он натянул тетиву и закинул копье за спину, чтобы не мешало стрелять, после чего приготовил стрелу. Затем пришпорил коня.

Подъезжая, Корум начал понимать, насколько не-обычными изваяниями оказались эти камни. Изображения были вырезаны с мельчайшими подробностями, напоминая лучшие вадхагские скульптуры. Именно таковыми они и были — статуи мужчин и женщин, запечатленные в бою. Кто сделал их, и с какой целью?

И снова Корум увидел, как шевельнулось что-то черное. Затем опять спряталось за одну из статуй. Коруму показалось в них что-то знакомое. Видел ли он раньше такие работы?

И лишь когда он вспомнил приключения в замке Ариоха, медленно начала всплывать правда. Корум сопротивлялся. Он не хотел знать ее.

Но теперь принц был уже рядом с ближайшей из статуй и никуда не мог деться от свидетельств истинных событий.

Это были вовсе не статуи.

Это были трупы людей, невероятно походивших на высоких и красивых бойцов Таха-на-Кремм Кройх; они замерзли, готовые ринуться в битву с врагом, и превратились в окоченевшие трупы. Корум видел выражения их лиц, их решимость. На каждом из них читалась отвага — у мужчин и женщин, у совсем юных мальчиков и девочек, — они продолжали сжимать в руках дротики, топоры, мечи, луки, пращи и кинжалы. Они вышли на бой с фой миоре — и вот как те встретили их мужественный порыв: презрением к их благородству и силе. Даже псы Кереноса не выступили против этой обреченной армии; может, и сами фой миоре решили не появляться на поле боя, выслав вместо себя леденящий холод — внезапный жуткий мороз, мгновенно превративший в лед теплую плоть.

Забыв о луке, который он держал в руке, Корум отвернулся от этого зрелища. Конь начал нервничать, и принц был только рад повести его по берегу замерзшего озера, где неподвижными сталагмитами высились мертвые тростники, словно подростки погибшего тут народа. Корум увидел еще два трупа, вмерзшие в лед: по пояс застывшие в ледяном плену, они в ужасе вздымали руки. Мальчик и девочка, обоим не больше шестнадцати лет.

Все вокруг было мертво, полное мертвого же молчания. Звук лошадиных копыт звучал для Корума ритмом похоронного марша. Ухватившись за луку седла, он склонил голову, отказываясь смотреть, не в силах даже проронить слезу — так потрясло ужасом то, что предстало его глазам.

Корум услышал стон, и ему показалось, что он сам издал его. Подняв голову, он вдохнул холодный воздух и опять услышал этот звук. Он повернулся, заставив себя снова посмотреть на обледеневших хозяев этих мест, поскольку прикинул, что стон донесся именно с этой стороны.

Теперь среди белых фигур отчетливо виделась темная. Черный плащ метался на ветру, как сломанное воронье крыло.

— Кто ты,— вскричал Корум,— что оплакиваешь их?

Фигура стояла на коленях. Когда Корум окликнул ее, она поднялась, но изодранный плащ скрывал и лицо, и руки, и ноги.

— Кто ты?— Корум развернул коня.

— Убей и меня, вассал фой миоре!— голос был старым и усталым.— Я знаю тебя и знаю, зачем ты здесь.

— Думаю, что ты все же не знаешь меня,— мягко сказал Корум.— А теперь скажи, кто ты, почтенная женщина.

— Я Ивин, мать одного из них, жена другого, и хочу лишь умереть. Если ты враг — убей меня. Если друг — тоже убей и докажи себе, что ты настоящий друг Ивин. А теперь я хочу уйти вслед за теми, кого я потеряла. Я не хочу больше жить в этом мире, полном жестокости. Я не хочу больше страшных видений, которые оказались истиной. Я — Ивин, и я пророчествовала обо всем, что ты сейчас видишь, и поэтому я ушла, когда меня отказались слушать. А вернувшись, я убедилась, что была права. Вот поэтому я и плачу — и не только по ним. Я плачу по себе самой, той, что предала свой народ. Я Ивин Пророчица, но теперь не осталось никого, кто знал бы меня, никого, кто уважал бы меня — я уж не говорю о себе. Пришли фой миоре и уничтожили их. Враги ушли — с их туманами и псами, которые смели с лица земли мой бедный клан со всей его храбростью, который считал, что, как бы плохи ни были фой миоре, как бы ни были хитры, они проявят к ним достаточно уважения, чтобы вызвать на честный бой. Я предупреждала, что ждет их. Я умоляла их уйти, как ушла сама. Они слушали меня. Они говорили, что я могу уйти, но они хотят остаться, что народ должен хранить свою гордость или его ждет исчезновение, так или иначе он погибнет. Я не понимала их. Теперь понимаю. Так что убей меня, господин.

К принцу умоляюще простерлись тонкие руки, черные лохмотья сползли, обнажив посиневшую от холода старческую плоть. Упал и черный платок, обнажив морщинистое лицо и редкие седые волосы. Корум увидел глаза женщины и понял, что никогда еще во всех своих странствиях не встречал такого отчаяния, что увидел в глазах этой женщины, Ивин Пророчицы.

— Убей меня, господин!

— Не могу,— сказал Корум.— Будь у меня больше смелости, я бы сделал то, о чем ты просишь, но ее у меня нет, госпожа,— он показал на запад луком со все еще натянутой тетивой.— Иди в ту сторону и попытайся добраться до Кер Махлода, где твой народ продолжает сопротивляться фой миоре. Все расскажи им. Предупреди их. И тогда ты поднимешься в своих глазах, как в моих ты уже воспрянула.

— В Кер Махлод? Ты пришел оттуда? От холма Кремм и с побережья?

— Я в походе. Я ищу копье.

— Копье Брийонак? — у нее как-то странно перехватило горло, и она заговорила высоким голосом. Теперь женщина, покачиваясь, смотрела куда-то мимо Корума. — Брийонак и бык Кринанасса. Серебряная Рука. Придет Кремм Кройх. Придет Кремм Кройх. Он придет, — голос снова превратился в тихий шепот. Казалось, со старческого лица исчезли морщины, и оно обрело какую-то странную красоту. — Призовут Кремм Кройха, и он придет — его призовут... призовут... Но он будет носить другое имя.

Корум был готов заговорить, но предпочел изумленно слушать речитатив старой пророчицы.

— Корум. Серебряная Рука и Алый Плащ. Корум — вот твое имя, и ты будешь убит братом...

Корум начал было верить в силу этой старухи, но теперь поймал себя на том, что не может удержаться от улыбки.

— Может, я и погибну, старуха, но не от руки брата. У меня нет братьев.

— У тебя много братьев, принц. Всех их я вижу. И все полны гордости победителей. Великие герои.

Корум почувствовал, как у него заколотилось сердце и желудок свело спазмой.

— У меня нет братьев, старуха, — торопливо повторил он. — Ни одного, — чего ради ему бояться ее слов? Что она знает такого, что он отказывается признать?

— Ты боишься, — сказала она. — Я-то вижу, что говорю правду. Но не бойся. Тебе надо опасаться лишь трех вещей. Первая — это брат, о котором я сказала. Вторая — арфа. И третья — красота. Бойся лишь трех этих вещей, Корум Серебряная Рука, и больше ничего.

— Красота? Первые две, по крайней мере, осязаемы — но почему я должен бояться красоты?

— И третья — красота, — повторила она. — Бойся этих трех вещей.

— Я не хочу больше слушать твои глупости. Я сочувствую тебе, старуха. Но после твоих бед у тебя что-то сдвинулось в голове. Как я сказал, иди в Кер Махлод, и там пригреют тебя. Там ты сможешь избавиться от терзающего тебя чувства вины, хотя повторяю, что не считаю тебя виновной. А теперь я должен продолжить свои поиски копья Брийонак.

— Брийонак, господин мой, победитель, будет твоим. Но первым делом тебе придется заключить сделку.

— Сделку? С кем?

— Не знаю. Я воспользуюсь твоим советом. Если уцелею, то расскажу людям Кер Махлода, что я тут увидела. Но и ты должен воспользоваться моим советом, Корум Джайлин Ирси. Не отказывайся от него. Я Ивин Пророчица, и то, что открывается моему взору, всегда оказывается правдой. И если из-за каких-то своих поступков я не могу предвидеть, то сама в том виновата. Такова моя судьба.

— Думаю, что и моя,— сказал Корум, отъезжая от женщины,— судьба бежать от правды. По крайней мере,— добавил он,— думаю, что большую правду предпочту маленькой. Прощай, старая.

Она стояла в окружении замерзших сыновей, изодранный плащ трепетал на ветру, облепляя старое худое тело, ее высокий голос слабел, когда она еще раз крикнула ему:

— Бойся лишь трех вещей, Корум Серебряная Рука! Брата, арфы и красоты!

Корум предпочел бы, чтобы она не упоминала об арфе. Все остальное он мог легко посчитать бредом сумасшедшей женщины. Но он уже слышал арфу. И ему уже довелось бояться ее.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ВОЛШЕБНИК КАЛАТИН

Сгибаясь и падая под весом снежных шапок, стояли деревья без листвы, без плодов, а живые обитатели леса или умерли, или, теряя последние силы, покинули его.

Коруму был знаком этот лес — лес Лаара, где он впервые пришел в себя, изуродованный Гландитом-а-Крэ. Невольно он посмотрел на левую руку, на серебряную кисть и, коснувшись правой глазницы, вспомнил коричневых людей Лаара и Великана из Лаара.

На самом деле, все начал Великан из Лаара — сначала тем, что спас ему жизнь, а потом... Корум отбросил эти мысли. В дальнем конце леса Лаара лежал западный край этих земель, и там должен был выситься утес Мойдель.

Он покачал головой, глядя на погибший лес. Теперь тут уж не живут племена варваров. И не мабдены уничтожили их.

Снова он вспомнил Гландита, исчадие зла. Почему зло всегда приходит с восточного побережья? Неужели эти земли обречены на какую-то особую судьбу, заставляющую их страдать из века в век?

И, полный этими неторопливыми мыслями, Корум въехал в чащу снежного леса.

Его со всех сторон окружили мрачные унылые стволы дубов, елей, вязов и рябины. Из всех деревьев леса, казалось, только тисы были в состоянии стойко вынести тяжесть снега. Корум припомнил рассказы людей сосен. Неужели это правда, что фой миоре уничтожали широколиственные деревья, оставляя только хвойные? Что за причина заставляла их уничтожать обыкновенные растения? Каким образом деревья могли представлять угрозу для них?

Пожав плечами, Корум продолжил путь. Прокладывать его было нелегко. Повсюду высились огромные сугробы, повсюду валялись рухнувшие деревья, одно на другом, так что ему постоянно приходилось широким зигзагом объезжать их, пока принц не понял, что может сбиться с пути.

Но он заставил себя продолжать путь, надеясь, что за лесом, откуда открывается море, погода улучшится.

Два дня Корум пробивался сквозь лес Лаара, пока не признал, что окончательно заблудился.

Правда, холод на самом деле стал чуть слабеть, но это не было приметой, что он держит путь к западу. Вполне возможно, Корум просто стал привыкать к стуже.

Пусть даже стало теплее, путешествие измотало его. Вечерами, чтобы выспаться, ему приходилось расчищать снег, и он давно уже забыл те предосторожности, которые предпринимал, разводя костер. Жаркое пламя было простейшим способом растопить снег, и он надеялся, что густая сеть заснеженных ветвей надежно рассеет дым, так что он будет незаметен с опушки леса.

Как-то он разбил ночевку на маленькой поляне. Развел костер из сухих веток, натопил воды, чтобы напоить коня, и стал искать под снегом клочки высохшей травы — покормить его. Он уже стал ощущать, как жар пламени согревает его окоченевшие кости, как вдруг ему показалось, что из глубины леса — вроде с севера — доносится знакомое завывание. Он мгновенно вскочил на ноги, бросил в костер охапку снега, чтобы затушить его, и внимательно прислушался, ибо снова услышал тот же звук.

Вой приближался.

Корум безошибочно узнал его. Его издавала как минимум дюжина собачьих глоток, которые выли в унисон, и он знал, что такие звуки могли исходить только из одних глоток — охотничьих собак фой миоре, псов Кереноса.

Из своего снаряжения, лежавшего вместе с кон-ской сбруей, Корум взял лук и колчан со стрелами. Ближайшим к нему деревом был древний дуб. Он еще не окончательно высох, и Корум прикинул, что ветви, скорее всего, выдержат его вес. Он обвязал копья ремнем, зажал конец ремня в зубах, стряхнул снег с тех нижних веток, до которых смог дотянуться, и начал взбираться.

Дважды соскользнув и чуть не падая, он постарался забраться как можно выше, аккуратно устроился на ветке, расчистив перед собой в снегу проем, через который открывалась прогалина внизу, но заметить Корума было нелегко.

Ему оставалось надеяться, что, когда конь почувствует запах псов, он сорвется с места, но конь был слишком предан ему. Доверяя хозяину, он продолжал ждать его, пощипывая мерзлую траву. Корум слышал, как собаки приближаются. Теперь он был почти уверен, что они выследили его. Он повесил колчан на ветку, чтобы легко дотянуться до него, и выбрал стрелу. Корум отчетливо слышал, как собаки проламываются через лес. Конь всхрапнул, прижал уши и, выкатив глаза, стал оглядываться по сторонам в поисках хозяина.

Корум увидел, как на краях прогалины начал клубиться туман. Ему показалось, что он заметил мелькнувший белесый силуэт, и он стал неторопливо натягивать тетиву. Корум плашмя лежал на ветке, придерживаясь за нее ногами.

Первый пес, вывалив кровавый язык и насторожив красные уши, с горящими жаждой крови желтыми глазами выскочил на поляну. Корум приник щекой к оперению стрелы, целясь в сердце пса.

Он спустил тетиву. Та щелкнула по перчатке, прикрывающей запястье. Лук выпрямился. Стрела попала точно в цель. Корум увидел, как пес дернулся и завертелся на месте, стараясь ухватить стрелу, пронзившую его бок. Видно было: он не понимал, откуда прилетел смертельный снаряд. Лапы у пса подогнулись. Корум потянулся за второй стрелой.

И тут ветка треснула.

Когда Корум понял, что произошло, он уже завис в воздухе. Раздался глухой скрип, треск, и он рухнул, тщетно пытаясь

ухватиться за другие ветви, пока в облаке снега летел вниз. Он глухо ударился о землю. Лук отлетел в сторону, а копья и колчан остались висеть на дереве. Корум больно ушибся левым плечом и бедром. Не лежи снег таким толстым слоем, он, конечно же, переломал бы себе все кости. Мало того — все остальное оружие осталось на дальнем краю прогалины, а на нее один за другим вылетали остальные псы Кереноса, удивляясь смерти своего собрата и треску внезапно обломавшейся ветви.

Собравшись, Корум вскочил на ноги и бросился к стволу, к которому прислонил меч.

Конь заржал и поскакал к нему, оказавшись на полпути между Корумом и мечом. Корум гаркнул на него, чтобы он убирался с дороги. За его спиной раздался протяжный торжествующий вой. Две огромные лапы ударили его в спину, и он покатился кубарем. Шея его стала влажной от горячей липкой слюны. Корум попытался вскочить, но гигантский пес прижал его к земле и снова завыл, оповещая о своей победе. Корум слышал, как остальные псы сделали то же самое. Через мгновение клыки разорвут ему горло.

Но тут Корум услышал ржанье и краем глаза заметил мелькнувшие в воздухе копыта. Собака перестала вдавливать его в снег, и он откатился в сторону, успев увидеть, как огромный боевой жеребец стоит на задних ногах и молотит рычащего пса металлическими подковами, снесшими собаке половину черепа, но пес все еще продолжал рычать. Очередной удар окончательно расколол ему череп, и зверь, скуля, отлетел в сторону.

Корум, прихрамывая, уже бежал через поляну. Ухватив ножны серебряной рукой, здоровой он сжал рукоятку меча, и оружие, когда Корум поворачивался, со свистом вылетело из ножен.

Теперь через поляну тянулись зловещие туманные щупальца, словно призрачные пальцы, пытающиеся что-то нащупать. Еще два пса набросились на отважного коня, у которого из нескольких ран текла кровь, но преданный спутник не отступал.

Корум увидел, как между деревьями появилась человеческая фигура. Затянутый в кожу, с кожаным капюшоном и прикрытый тяжелыми кожаными наплечниками, человек держал в руках меч.

Сначала Корум подумал, что человек пришел ему на помощь, ибо лицо его было таким же белым, как собачий мех, а глаза сверкали красным. Он вспомнил странного альбиноса, которого встретил у башни Войлодьона Гагнасдиака. Элрик?

Но нет — у этого совершенно другие черты лица, тяжелые и перекошенные, у него плотное грузное тело, не имеющее ничего общего с изящной фигурой Элрика Мелнибонэйского. По колено в снегу он начал приближаться к Коруму, вскинув меч для удара.

Собравшись, принц ждал.

Его противник нанес мечом неуклюжий удар сверху вниз, который Корум легко отбил — и со всей силой нанес такой же встречный удар, пробивший кожаный нагрудник. Острие меча вонзилось в сердце нападавшего. С губ белолицего воина сорвался какой-то странный звук, он отскочил на три шага, и оружие Корума вышло из его тела. Затем он двумя руками схватил свой меч и снова занес его над Корумом.

Корум успел пригнуться. Он был испуган. Его удар был точен и верен, но противник не погиб. Корум рубанул по вытянутой левой руке противника, глубоко поразив ее. Но из раны не хлынула кровь. Похоже, этот человек не обратил на нее внимания и снова кинулся на Корума.

В наступающей темноте собаки собирались на поляне. Некоторые из них просто сидели и наблюдали за схваткой. Другие обступили боевого коня, чье горячее дыхание клубилось в холодном ночном воздухе. Конь был предельно утомлен, и скоро злобные псы свалят его на землю.

Корум с изумлением смотрел на бледное лицо своего противника, пытаясь понять, что же он за существо. Скорее всего, это не Керенос. Тот, как говорят, гигант. Нет, это один из соратников фой миоре, о которых он слышал. Может, псарь, управляющий сворой Кереноса. На поясе у него висел небольшой охотничий кинжал, но он не походил на тот, которым срезают мясо и перерезают сухожилия крупной добычи.

Казалось, его взгляд был сконцентрирован не на Коруме, а устремлен куда-то вдаль. Может, поэтому его реакция была вялой и замедленной. Тем не менее, Корум все еще не мог отдышаться после падения, а если он не прикончит противника, рано или поздно один из этих размашистых ударов достигнет цели, и с Корумом будет покончено.

Размахивая мечом, бледнолицый неумолимо наступал на Корума, который едва успевал отражать удары.

Принц медленно отступал назад, зная, что у него за спиной на краю поляны ждут псы. Они жарко и хрипло дышали, вывалив языки,— так в ожидании кормежки дышат обыкновенные домашние собаки.

В данный момент Корум не мог представить себе худшей судьбы, чем стать кормом для псов Кереноса. Он попытался рвануться вперед и напасть на противника, но левая пятка скользнула по спрятавшемуся под снегом корню, нога подвернулась, и принц упал, успев услышать, как из леса донесся звук рога, который мог принадлежать только самому огромному из фой миоре — Кереносу. Собаки уже поднялись и двинулись к нему. Отчаянно пытаясь встать на ноги, Корум подставил меч, отражая удары, обрушенные на него противником.

Снова прозвучал рог.

Воин остановился, и на его неподвижном лице отразилось удивление. Собаки с торчащими красными ушами тоже затоптались на месте, не зная, что делать.

И в третий раз прозвучал рог.

Собаки неохотно затрусили обратно в лес.

Воин повернулся спиной к Коруму и, бросив меч, побрел вслед за собаками прочь с поляны. Постанывая, он прикрыл уши, внезапно остановился, вяло опустил руки, и из ран, которые нанес ему Корум, хлынула кровь.

Он рухнул в снег и замер.

Корум с трудом поднялся на ноги. Подойдя, конь ткнулся в него мордой. Корум почувствовал угрызения совести — взбираясь на дерево, он предоставил отважного спутника своей судьбе. Он погладил его. Хотя из нескольких ран текла кровь, конь особо не пострадал, а трое дьявольских псов, жертвы его могучих копыт, с переломанными ребрами и разможенными черепами валялись на прогалине.

Теперь над ней воцарилась тишина. Корум понимал, что нападение возобновится, и воспользовался передышкой, чтобы найти отлетевший в сторону лук. Он отыскал его рядом со сломавшейся веткой. Но стрелы и два копья остались там, где он их и оставил, на дереве. Встав на цыпочки, он попытался луком достать их, но они висели слишком высоко.

Услышав за спиной шаги, Корум повернулся, держа меч наготове.

На поляне показалась чья-то высокая фигура. Она была закутана в просторный длинный плащ из мягкой кожи, окрашенной в темно-синий цвет. Тонкие пальцы украшали перстни с драгоценными камнями, горло охватывало такое же золотое ожерелье, а под плащом виднелась рубашка из плотной парчи, расшитая таинственными знаками. Старческое лицо сохранило свою кра-

соту, его обрамляли длинные седые волосы и седая же борода, касавшаяся золотого ожерелья. В руке незнакомец держал рог — длинный рог, перетянутый золотыми и серебряными перемычками, каждая из которых изображала одного из лесных животных.

Бросив лук и держа меч обеими руками, Корум окончательно утвердился на ногах.

— Я перед тобой, Керенос,— сказал Принц в Алом Плаще,— и я презираю тебя.

Высокий старик улыбнулся.

— Мало кому доводилось предстать перед Кереносом,— у него был мягкий, усталый голос.— Даже я не видел его.

— Ты не Керенос? Но у тебя его рог. Должно быть, это ты отозвал собак. Ты служишь ему?

— Я служу только себе — и тем, кто призывает меня. Я Калатин. Когда-то я был знаменит, и народ в этих землях говорил обо мне. Я волшебник. Когда-то у меня было двадцать семь сыновей и внуков. Теперь остался только Калатин.

— Здесь много тех, кто скорбит по сыновьям... и по дочерям тоже,— сказал Корум, вспоминая старую женщину, которую видел несколько дней назад.

— Много,— согласился волшебник Калатин.— Но мои сыновья и внуки погибли не в битве с фой миоре. Они умерли ради меня, разыскивая то, что мне было нужно для войны с народом холода. Но кто ты, воин, который так отважно сражался с псами Кереноса и который обладает такой же серебряной рукой, как у некоего легендарного полубога?

— Я рад, что хоть ты не узнал меня,— сказал Корум.— Меня зовут Корум Джайлин Ирси. Я родом из вадхагов.

— Значит, сиды,— взгляд высокого старика обрел задумчивое выражение.— А что ты делаешь тут, на материке?

— Я ищу кое-что для людей, которые обитают в Кер Махлоде. Они мои друзья.

— Итак, теперь сиды дружат и со смертными. Может, появление фой миоре принесло с собой кое-какие преимущества.

— О преимуществах и потерях я ничего не знаю,— сказал Корум.— Но спасибо тебе, волшебник, за то, что ты отозвал этих собак.

Калатин пожал плечами и спрятал рог в складках синего плаща.

— Если бы сам Керенос охотился с этой сворой, я бы не смог прийти к тебе на помощь. Но он послал одного из этих,—

Калатин кивнул в сторону мертвого существа, сраженного Корумом.

— А кто они такие?— спросил Корум. Он пересек поляну, чтобы взглянуть на труп. Кровотечение прекратилось, и все раны были затянуты коркой замерзшей крови.— Почему я не мог убить это существо мечом, а ты прикончил его звуком рога?

— Третий призыв рога всегда убивает гулегов,— пожав плечами, сказал Калатин.— Если «убивает» правильное слово, потому что гулеги уже считаются полумертвецами. Ты и сам убедился, как трудно их прикончить. Они привыкли подчиняться первому зову рога. Второй зов предупреждает их, а третий убивает за отказ подчиниться первому. В результате из них получаются отличные рабы. Звук моего рога лишь немного отличается от звучания собственного рога Кереноса, и он сбил с толку псов и гулега. Те знают лишь одно — третий звук убивает. Поэтому он и умер.

— Кто такие гулеги?

— Фой миоре привели их с собой с востока. Эта раса создана, чтобы служить фой миоре. Больше ничего я о них не знаю.

— Ты знаешь, откуда взялись сами фой миоре?— спросил Корум.

Он начал бродить по стоянке, собирая сухие ветви, чтобы снова развести костер, который пришлось затушить. Ему бросилось в глаза, что туман полностью исчез.

— Нет. Но, конечно, у меня есть кое-какие соображения.

Пока они разговаривали, Калатин стоял на месте, но наблюдал за Корумом из-за чуть опущенных век.

— Я склонен предположить,— сказал он,— что сиду известно куда больше, чем простому смертному волшебнику.

— Я не знаю, что представляет собой народ сидов,— признался Корум.— Я вадхаг и не принадлежу к вашему времени. Я пришел из другого века, из куда более раннего века, может, даже из времени, которого не существовало в вашем мире. И больше я ничего не знаю.

— Почему ты оказался именно здесь?— похоже, Калатин без всякого удивления воспринял объяснение Корума.

— Я не выбирал его. Меня позвали.

— Магической формулой? — на этот раз Калатин не мог скрыть удивления.— Ты знаешь народ, который обладает такой силой, что их заклинания могут вызвать сидов? В Кер Махлод? В это трудно поверить.

— У меня все же была возможность выбирать,— уточнил Корум.— Их заклинания были очень слабы. И они не могли бы призвать меня против моей воли.

— Ага,— похоже, Калатина устроило это объяснение.

Корум подумал, не огорчился ли волшебник, когда решил, что есть и другие смертные, более умелые в колдовстве, чем он сам. Он в упор посмотрел в лицо Калатину. В глазах волшебника таилась какая-то загадка. Хотя Калатин спас ему жизнь, Корум не знал, может ли он всецело доверять мабдену.

Огонь, наконец, разгорелся, и Калатин, подойдя к костру, протянул к огню замерзшие руки.

— Что, если собаки снова нападут на нас?— спросил Корум.

— Кереноса тут нет поблизости. Ему потребуется несколько дней, чтобы выяснить, что произошло, а к тому времени, надеюсь, нас тут не будет.

— Ты хочешь сопровождать меня?— осведомился Корум.

— Я хотел бы предложить тебе приют в моем жилище,— улыбнулся Калатин.— Оно недалеко отсюда.

— Почему ты ночами бродишь по лесу?

Калатин завернулся в синий плащ и сел на расчищенную от снега землю рядом с костром. В отблесках пламени лицо и борода волшебника обрели красноватый оттенок, отчего в нем появилось что-то демоническое. Услышав вопрос Корума, он вскинул брови.

— Я искал тебя,— сказал он.

— Значит, ты знал о моем присутствии?

— Нет. За день до сегодняшних событий я увидел дымок и пошел узнать, что там такое, что за смертный отважился на встречу с опасностями Лаара. К счастью, я успел, пока собаки не пообедали твоим мясом. Без своего рога, думаю, и я бы не выжил в этих местах. Ну и, кроме того, у меня есть пара небольших магических фокусов, которые помогают остаться в живых,— Калатин сдержанно улыбнулся.— В этот мир возвращаются времена волшебников. Всего несколько лет назад из-за моих занятий меня считали чудаком. Некоторые считали меня сумасшедшим, а другие — воплощением зла. Калатин, говорили они, изучая оккультные науки, бежит от реального мира. Какую пользу могут они принести людям? — он хмыкнул. Коруму был не очень приятен этот звук.— Ну, я нашел кое-какое применение старым заклятиям — и Калатин единственный, кто остался в живых на всем полуострове.

— Похоже, ты использовал свои знания лишь для себя одного,— сказал Корум.

Он вытащил из седельной сумки мех с вином и предложил Калатину. Тот спокойно принял его, и видно было, что его совсем не задели слова Корума. Калатин поднес мех к губам и, прежде чем ответить, сделал несколько основательных глотков.

— Я Калатин,— сказал волшебник.— У меня была семья. Я имел несколько жен. Двадцать семь сыновей и внуков. Вот о них я и заботился. А теперь, когда все они мертвы, я забочусь о Калатине. О, не суди меня слишком строго, сид, ибо мой народ много лет издевался надо мной. Я предвещал приход фой миоре, но на меня не обращали внимания. Я предлагал свою помощь, но от нее отказывались и смеялись мне прямо в лицо. У меня не так много причин любить смертных. И думаю, еще меньше оснований ненавидеть фой миоре.

— Что случилось с твоими сыновьями и внуками?

— Они погибли, и вместе, и по отдельности, в разных частях этого мира.

— Почему, если они не боролись с фой миоре?

— Фой миоре убили часть из них. Все они искали кое-какие предметы, необходимые мне, чтобы продолжить исследования некоторых аспектов магических заклинаний. Одному или двум повезло, и, умирая от ран, они все же успели доставить мне необходимое. Есть еще кое-что, в чем я нуждаюсь, но теперь, предполагаю, этого у меня уже не будет.

Выслушав рассказ Калатина, Корум ничего не ответил. Им овладела слабость. Когда огонь согрел его, он стал чувствовать боль от полученных ран, пусть и небольших, и только сейчас начал осознавать, что устал. У него невольно закрывались глаза.

— Ты видишь,— продолжил Калатин,— я был откровенен с тобой, сид. Так какова же цель твоего похода?

Корум зевнул.

— Я ищу копье.

В слабом свете костра Коруму показалось, что он увидел, как Калатин смежил веки.

— Копье?

— Да,— Корум снова зевнул и растянулся у костра.

— И где же ты собираешься найти его?

— Многие сомневаются, что это место вообще существует. Раса, которую я называю мабденами,— твоя раса — не осмеливается искать его, или не может из-за страха смерти, или...—

Корум пожал плечами.— В таком мире, как ваш, трудно отделить одно суеверие от другого.

— То место, куда ты отправляешься... которое, может, не существует... это остров?

— Да, остров.

— И его называют Ги-Бресейл?

— Таково его имя,— Корум, слегка обеспокоившись, не без труда отогнал сон.— Значит, ты его знаешь?

— Я слышал, что он лежит где-то в море, в западной стороне, и что фой миоре не осмеливаются посещать его...

— Я тоже это слышал. А ты знаешь, почему фой миоре не могут там бывать?

— Кое-кто считает, что все дело в воздухе Ги-Бресейла. Он хорошо действует на смертных, но опасен для фой миоре. Но дело не в воздухе. Говорят, заклятия, наложенные на это место, приносят смерть простому человеку.

— Заклятия...— Корум больше не мог сопротивляться сну.

— Да,— задумчиво эхом откликнулся волшебник Калатин.— Говорят, эти заклятия наложены красавицей, наводящей страх.

Это были последние слова, которые Корум услышал перед тем, как провалился в глубокий сон без сновидений.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПО ВОДЕ К ГИ-БРЕСЕЙЛУ

Утром Калатин вывел Корума из леса, и они остановились на берегу моря. Теплые лучи солнца согревали белоснежные пляжи и синюю воду, а за их спинами недвижимо стоял лес, заваленный снегом.

На этот раз Корум шел пешком; он не хотел седлать своего преданного коня, пока у того не заживут раны, и, собрав все свои вещи, включая стрелы и дротики, он так приторочил их к седлу, чтобы груз не раздражал раны, полученные в ночном бою. У самого Корума все тело было в синяках и болело, но, едва только оказавшись на берегу, он забыл о своих страданиях.

— Итак,— сказал Корум,— я был всего лишь в миле или двух от побережья, когда на нас напали эти звери,— он насмешливо усмехнулся.— А это утес Мойдель,— он показал вдоль берега на видневшуюся вдали возвышенность — когда Корум в последний раз посещал эти места, она поднималась из глубин

моря, но он безошибочно опознал их, где когда-то стоял замок Ралины, охраняя маркграфство Ливм-ан-Эш.— Утес остался.

— Я не знаю имени, которое ты назвал,— сказал Калатин, расчесав бороду и приведя в порядок свой наряд, словно готовился к приему почтенного гостя,— но наверху стоит мой дом. Там я всегда и живу.

Услышав его слова, Корум двинулся по направлению к холму.

— Я тоже жил здесь,— сказал он.— И был счастлив.

Калатин, прибавив шагу, догнал его.

— Ты жил здесь, сид? Я не знал об этом.

— Это было до того, как Ливм-ан-Эш ушел под воду,— объяснил Корум.— До того, как начался этот исторический цикл. Смертные и боги приходят и уходят, а природа остается.

— Все относительно,— сказал Калатин. Коруму показалось, что в его голосе скользнула легкая нотка раздражительности, словно ему было неприятно слышать такие банальности.

Приблизившись, Корум увидел, что старая дамба была заменена мостом, но теперь и от моста остались только руины. Похоже, кто-то разрушил его. Он поделился этой мыслью с Калатином.

Волшебник кивнул:

— Мост разрушил я. Фой миоре и другие, например, сид, здесь, в западных краях, отказываются идти по воде.

— Почему?

— Я не понимаю их обычаев. Боишься ли ты идти вброд до отмелей острова, господин мой сид?

— Ни в коем случае,— ответил Корум.— Я много раз преодолевал этот путь. Но не делай многозначительных выводов, колдун, потому что я не принадлежу к расе сидов, хотя, похоже, ты упорно утверждаешь обратное.

— Ты упоминал о вадхагах, а так в давние времена именовались сиды.

— Может, легенды перепутали эти две расы.

— Тем не менее, ты выглядишь, как сид,— решительно заявил Калатин.— Однако прилив отступает. Скоро можно будет пуститься вброд. Мы пройдем по остаткам моста и оттуда спустимся к воде.

Корум продолжал вести коня на поводу, последовав за Калатином, когда тот ступил на каменные плиты остатков моста и дошел до грубых каменных ступеней, спускавшихся к самой воде.

— Уже обмелело,— сообщил волшебник.

Корум посмотрел на зеленеющий холм. Весна была в самом разгаре. Он обернулся. За спиной стоял трескучий мороз. Неужели можно так управлять природой?

Он с трудом помогал коню, чьи копыта могли поскользнуться на мокрых камнях. Но наконец конь и оба путешественника, по плечи погрузившись в воду, почувствовали под ногами остатки старой кладки. Сквозь прозрачную воду Корум мог разглядеть истертые плиты мостовой — может, те же самые, по которым он ступал тысячу или более лет назад. Он припомнил свое первое появление на острове Мойдель. Он помнил, какую он тогда испытывал ненависть ко всем мабденам. Они много раз предавали его.

Высокий старик прокладывал путь, и широкий плащ колдуна плыл за ним по поверхности воды.

Когда они одолели две трети пути и вода дошла им до колен, они стали медленно выходить из моря. Конь всхрапнул от удовольствия. Купание смягчило боль от ран. Он встряхнул гривой и раздул ноздри. Очевидно, от вида сочной зеленой травы у него улучшилось настроение.

От замка Ралины не осталось и следа. Вместо него у самой вершины стоял дом — два его этажа были сложены из белого камня, сиявшего на солнце, крыша покрыта серыми плитками шифера. Симпатичный дом, подумал Корум, и не похоже, что тут обитает человек, занимающийся оккультным искусством. Он вспомнил, как в последний раз видел старый замок, из мести сожженный Гландитом.

Не поэтому ли он с такой подозрительностью относится к этому мабдену Калатину? Может, он имеет какое-то отношение к графу? Нет ли у него чего-то в глазах, в поведении или, скажем, в манере вести себя? Хотя сравнивать глупо. Калатин был не очень покладистым, это правда, но вполне возможно, что намерения у него самые добрые. Кроме того, он спас жизнь Коруму. Так что не стоит судить волшебника по его внешности и манере разговора, пусть даже весьма циничной.

Они стали взбираться по извилистой тропе к вершине холма. Корум вдыхал весенние запахи распускающихся цветов и рододендронов, травы и набухающих почек. Мягкий мох покрывал древние камни скал, в кронах деревьев гнездились птицы, порхая среди молодой блестящей листвы. У Корума появилась еще одна причина испытывать благодарность к Калатину, потому что он смертельно устал от мертвой безжизненности пейзажей.

Когда они, наконец, добрались до дома, Калатин показал Коруму стойло для коня и настежь распахнул перед гостем дверь. Нижний этаж состоял, главным образом, из одной обширной комнаты, чьи большие застекленные окна выходили с одной стороны на море, а с другой — на белые пустынные пространства. Корум видел, что облака клубились только над ними, но не над морем, словно им было запрещено пересекать какой-то невидимый барьер.

Вообще Корум редко встречал стекло в мире мабденов. По всей видимости, Калатин получал неплохие доходы от изучения древних заклятий. В доме были высокие потолки, поддерживаемые каменными стропилами, а комната, которую Калатин отвел ему, была заполнена свитками, книгами, исписанными дощечками и какими-то механизмами — подлинное логово колдуна.

Тем не менее, во владениях или, точнее, увлечениях Калатина для Корума не было ничего зловещего. Этот человек называл себя волшебником, но Корум назвал бы его философом — одним из тех, кому нравится изучать и открывать секреты природы.

— Вот,— сказал ему Калатин.— Я спас почти все из библиотек Ливм-ан-Эш до того, как золотой век цивилизации был поглощен волнами. Многие издевались надо мной и говорили, что я забиваю себе голову ерундой, что все мои книги написаны такими же, как и я, сумасшедшими и что в них правды не больше, чем в моих собственных трудах. Они говорили, что история — всего лишь собрание легенд, что мемуары — сплошь фантазии и выдумки, что слова богов, демонов и им подобных — поэтические метафоры. Но я придерживался другой точки зрения, и выяснилось, что был прав,— холодно усмехнулся Калатин.— Их смерть доказала — я не ошибался,— улыбка изменилась.— Хотя я не очень рад, вспоминая, что те, кто мог бы извиниться передо мной, ныне или разорваны псами Кереноса, или заморожены фой миоре.

— Ты ведь не испытываешь жалости к ним, не так ли, волшебник?— спросил Корум. Сидя на стуле, он через окно смотрел на море.

— Жалости? Нет. Мне не свойственно испытывать жалость. Или вину. Или какие-то другие эмоции такого рода, которые так волнуют смертных.

— И ты не испытываешь чувства вины за то, что обрек двадцать семь своих сыновей и внуков на бесплодные поиски?

— Они были не совсем бесплодными. И теперь мне осталось найти лишь самую малость.

— Я хочу сказать, ты должен испытывать хоть какие-то сожаления из-за того, что все они погибли.

— Не знаю, все ли они мертвы. Некоторые просто не вернулись. Но большинство все же погибло. И мне в самом деле стыдно. Я бы предпочел, чтобы они жили. Но я больше интересуюсь отвлеченными размышлениями и чистым знанием, чем обычными проблемами, которые держат в цепях простых смертных.

Коруму не хотелось поддерживать этот разговор. Калатин расхаживал по большой комнате, жалуясь на мокрую одежду, но и не думая переодеваться. До того, как он снова заговорил с Корумом, его вещи уже высохли.

— Ты сказал, что отправишься на Ги-Бресейл.

— Да. Ты знаешь, где лежит остров?

— Если он вообще существует, то да. Все смертные, которые приближаются к острову, немедленно попадают, так сказать, под власть чар — они ничего не видят, кроме неприступных рифов и скал. Только перед сидом остров Ги-Бресейл открывается в своем подлинном виде. По крайней мере, я так читал. Никто из моих сыновей не вернулся с Ги-Бресейла.

— Они были там — и исчезли?

— Потеряв несколько хороших кораблей. Понимаешь, там правит Гованон: он и в грош не ставит ни смертных, ни фой миоре. Говорят, что он последний из сидов,— внезапно Калатин отпрянул и с подозрением посмотрел на Корума.— А ты не?..

— Я Корум. О чем тебе уже говорил. Нет, я не Гованон, но если он существует, то Гованон — тот, кого я и ищу.

— Гованон! Он всесилен,— нахмурился Калатин.— Возможно, так оно и есть, и ты единственный, кто сможет найти его. Мы могли бы заключить сделку, принц Корум.

— Если она послужит нашей общей пользе.

Калатин погрузился в задумчивость и, перебирая бороду, что-то бормотал про себя.

— Единственные из слуг фой миоре, которые не боятся острова и на которых не действуют заклятия, — это псы Кереноса. Даже сам Керенос опасается Ги-Бресейла. Но не его собаки. Так что даже там тебе будет угрожать опасность с их стороны,— он поднял глаза и в упор посмотрел на Корума.— Ты сможешь добраться до острова, но, скорее всего, погибнешь, не успев найти Гованона.

— Если он существует.

— Да-да — если он существует. Думаю, я понял цель твоего похода, когда ты упомянул о копье. Насколько я догадываюсь, это Брийонак?

— Так его называют — Брийонак.

— Одно из сокровищ Кер Ллуда, не так ли?

— Думаю, что среди твоего народа об этом знают все.

— Почему ты ищешь его?

— Оно пригодится мне в битве против фой миоре. Больше я ничего не могу сказать.

Калатин кивнул:

— А больше ничего и не надо говорить. Я помогу тебе, принц Корум. Тебе нужна лодка, чтобы добраться до Ги-Бресейла? У меня есть такая, и я могу тебе ее одолжить. Тебе нужна защита от псов Кереноса? Можешь взять и мой рог.

— И чего ты ждешь от меня взамен?

— Ты должен пообещать, что доставишь мне кое-что с Ги-Бресейла. Очень ценное для меня. Только от Гованона, кузнеца народа сидов, ты сможешь получить это.

— Драгоценность? Амулет?

— Нет. Куда больше,— Калатин стал рыться в своих бумагах и вещах, пока не нашел мешочек из чистой гладкой кожи.— Он водонепроницаем,— сказал он,— и должен тебе пригодиться.

— Так что тебе нужно? Волшебную воду из источника?

— Нет,— тихо и тревожно произнес Калатин.— Ты должен принести мне слюну Гованона, кузнеца-сида. Вот в этом мешочке. Бери его,— из-под плаща он вытащил тот прекрасный рог, который пустил в ход, чтобы отогнать псов Кереноса,— возьми и его. Чтобы разогнать собак, трижды подуй в него. Шесть раз — и ты пошлешь их на врага.

Корум взвесил на ладони украшенный накладками рог.

— Должно быть, это в самом деле могущественная вещь,— пробормотал он,— если похож на тот, что у Кереноса.

— Когда-то этот рог принадлежал сиду,— сказал Калатин.

✧

Через час Калатин отвел его к дальнему краю холма, где все так же размещалась естественная бухточка. В ней покачивалось маленькое парусное суденышко. Калатин дал Коруму карту и

магнитный компас. Корум заткнул рог за пояс и повесил оружие за спину.

— Ах,— сказал волшебник Калатин, сжимая голову дрожащими пальцами,— может, наконец, мои желания исполнятся. Не пропади, принц Корум. Молю тебя, не исчезай.

— Ради людей Кер Махлода, ради тех, кто недавно пал жертвой фой миоре, ради мира, скованного вечной зимой, который никогда не увидит весны, я попытаюсь выстоять, колдун.

Морской ветер надул парус, и суденышко понеслось по искрящейся воде, держа курс на запад, где когда-то лежал Ливм-ан-Эш и его прекрасные города.

На мгновение Коруму показалось, что он найдет Ливм-ан-Эш таким, каким видел его в последний раз, и все остальное, все события последних недель окажутся всего лишь сном.

Скоро и материк, и утес Мойдель оказались далеко за спиной, исчезли из виду, и теперь принца окружало только бескрайнее и ровное водное пространство.

Если бы Ливм-ан-Эш уцелел, он бы уже увидел его. Но прекрасного Ливм-ан-Эш тут больше не существовало. История, как он исчез под волнами, была правдой. Истинны ли рассказы о Ги-Бресейле? В самом ли деле этот остров — единственное, что осталось от земли? И не станет ли он, Корум, жертвой тех же видений, что опутали и других путешественников?

Корум вгляделся в карту. Скоро он получит ответ. Через час или два он окажется в виду Ги-Бресейла.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
КАРЛИК ГОВАНОН

Не та ли это была красота, от которой его предостерегала старуха?

Конечно, она была обманчива. Перед ним лежал всего лишь остров. По имени Ги-Бресейл. Корум не думал, что ему доведется увидеть кусок земли, напоминающий Ливм-ан-Эш. Легкий бриз наполнил парус, подогнав суденышко ближе к острову.

В самом ли деле ему тут не угрожает опасность?

Легкие волны с шуршанием набегали на белоснежный пляж, и ветерок шелестел зеленой листвой кипарисов, ив, каштанов и дубов. Мягкие очертания холмов скрывали собой тихие долины. Кусты цветущих рододендронов полыхали ярко-красными,

пурпурными и желтыми соцветиями. Окружающий пейзаж, залитый мягким светом, излучал золотистое сияние.

Вид острова наполнил Корума глубоким покоем. Он знал, что может навсегда остаться здесь, лежать рядом с искристыми струями речной воды, гулять по душистым полянам, разглядывая оленей, белок и птиц, которые были совсем ручными.

Другой Корум, молодой, принял бы эти видения без всяких вопросов. Ведь когда-то тут лежали владения вадхагов, напоминавшие этот остров. Но они остались лишь в снах вадхагов, и сны эти тоже сошли на нет. Теперь он обитал в снах мабденов — фой миоре заполонили их. Не из этих ли снов и возник остров Ги-Бресейл?

Так что Корум не без осторожности причалил к берегу и затащил лодку под укрытие кустов рододендрона, росших у самой прибрежной полосы. Он передвинул перевязь с оружием так, что мог мгновенно выхватить его, и двинулся в глубь острова, испытывая смутное чувство вины — вооруженный человек вторгся в этот спокойный мир.

Продираясь сквозь заросли кустов и пересекая поляны, он видел небольшие стада оленей, которые не проявляли никакого страха при виде его, а другие животные даже не скрывали своего любопытства и подходили почти вплотную, чтобы рассмотреть незнакомца. Корум подумал, что, вполне возможно, он, попав под власть заклинаний, воспринимает этот остров как нечто совершенно реальное, но в это было трудно поверить. Тем не менее, никто из мабденов не вернулся отсюда, а многие путешественники вообще не могли найти остров, в то время как жестокие и неустрашимые фой миоре боялись даже ступить на него, хотя все легенды гласили, что когда-то они завоевали весь этот край, от которого ныне остался лишь этот кусок земли. Здесь много тайн, подумал Корум, имея в виду Ги-Бресейл, но он не мог отрицать, что в мире нет лучшего места для отдыха усталой голове и измотанному телу.

Принц улыбнулся при виде ярких бабочек, порхающих в летнем воздухе, павлинов и фазанов, важно расхаживающих по зеленым лужайкам. При всей своей красоте пейзажи Ливм-ан-Эш не могли соперничать с островом. Однако тут не было и следа обитателей острова. Ни домов, ни развалин, ни даже пещер, в которых мог бы обосноваться человек. Может, именно поэтому снова появилась тень сомнения, омрачившая впечатления от этого рая. Тем не менее, тут, конечно же, жило одно

существо — кузнец Гованон, который оберегал свои владения силой заклятий, наводивших ужас, ибо они гласили, что каждого посмевшего вторгнуться в пределы острова ждет смерть.

На деле же, подумал Корум, заклятия никак не давали о себе знать. Как и страхи.

Он остановился, чтобы посмотреть на небольшой водопадик, струившийся с известняковых скал. По берегам чистого ручья росла рябина, а в прозрачной воде резвились мальки форели и хариуса. При их виде он вспомнил, что проголодался. С первого же дня, как Корум очутился в Кер Махлоде, он питался довольно скудно и сейчас испытал отчаянное желание вытащить один из своих дротиков и насадить на него какую-нибудь рыбу. Но что-то остановило его. Ему пришла в голову мысль — хотя и она могла быть всего лишь суеверием — что если он поразит хотя бы одного из обитателей острова, то все живое на нем обратится против Корума. Он решил избегать убийств, если не считать надоедливых насекомых, сопутствовавших ему в путешествии по Ги-Бресейлу; вместо этого он вытащил из сумки кусок сушеного мяса и на ходу стал грызть его. Теперь он поднимался на холм, держа путь к большому валуну, высившемуся на самом верху.

Чем ближе он подбирался к вершине, тем круче становился склон, но наконец он достиг камня. Остановившись, Корум прислонился к нему и огляделся. Он предполагал, что с этой высоты перед ним откроется весь остров, ибо он, без сомнения, одолел самый высокий холм в округе. Но, как ни странно, куда бы он ни глядел, моря не было видно.

Горизонт со всех сторон был затянут каким-то странным подрагивающим туманом — синим, с золотыми пятнышками. Коруму показалось, что туман висел вдоль береговой линии острова, хотя та была довольно изломанной. Но почему, приставая к берегу, он ничего этого не видел? Не этот ли туман скрывал Ги-Бресейл от глаз многих путешественников?

Корум пожал плечами. День был жарким, и он устал. В тени большого валуна принц нашел камень поменьше, присел на него, вытащил из сумки фляжку с вином и, неторопливо попивая его, стал рассматривать долины, рощи и ручьи острова. Повсюду он видел одно и то же, словно пейзаж был разбит гениальным садовником. Корум пришел к выводу, что не все в диком ландшафте Ги-Бресейла носит естественное происхождение. Местность куда больше напоминала огромный парк — такой, какие

вадхаги разбивали во времена своего расцвета. Может, именно поэтому животные тут такие ручные. Скорее всего, их жизни ничего не угрожает, и поэтому они доверяют таким смертным, как он, ибо не имеют опасного опыта столкновения с двуногими существами. Тем не менее, ему пришлось снова вспомнить о тех мабденах, которые не вернулись отсюда, о фой миоре, которые, завоевав это место, покинули его и боятся вернуться.

Корума потянуло в сон. Зевнув, он растянулся на траве, закрыл глаза и стал медленно погружаться в сонное забытье, бессвязно размышляя о чем-то.

Ему снилось, что он разговаривает с юношей, тело которого было из золота и из которого каким-то странным образом росла большая арфа. И юноша, сухо улыбнувшись, стал играть на ней. Эту музыку слушала принцесса-воительница Медбх, лицо ее было преисполнено ненависти к Коруму, и, подозвав какую-то сумрачную фигуру, оказавшуюся врагом Корума, она приказала убить его.

Проснувшись, принц продолжал слышать странную музыку арфы. Но она стихла прежде, чем он смог понять, в самом ли деле он слышал ее или же она звучала лишь в его сне.

Этот сон стал жестоким кошмаром, напугавшим его. Никогда раньше ему не снились такие сны. Ему пришло в голову, что, возможно, он начинает осознавать опасности, таящиеся на этом острове. Может, в этом и была сущность сновидения — он заставлял человека вглядываться в самого себя и творить собственные страхи, куда более худшие, чем те, что исходят от кого-то другого. И с данной минуты ему придется воздерживаться от сна, если у него хватит на это сил.

И тут принцу показалось, что он продолжает спать, ибо издалека донеслись знакомые звуки собачьего лая. Псы Кереноса. Неужели они последовали за ним на остров, преодолев вплавь все эти мили морского пространства? Или они уже поджидали его на Ги-Бресейле? Их лай и взвизгивание все приближались, и он коснулся рога за поясом. Корум обвел взглядом окружающее пространство в поисках собак, но на глаза ему попалось лишь стадо удивленных оленей, возглавляемое огромным самцом. В несколько прыжков они пересекли поляну и исчезли в лесу. Не их ли преследовали псы? Нет. Псы так и не появились.

Корум заметил еще какое-то движение в долине по другую сторону холма. Он подумал, что, наверное, там тоже гуляет олень, но тут обратил внимание, что это существо передвигается на двух ногах и движется какими-то странными прыжками. У него

была высокая грузная фигура, и незнакомец нес с собой какой-то предмет, который поблескивал, когда на него падали лучи солнца. Человек?

Корум увидел, что за спиной человека среди деревьев мелькнула белая шкура. Затем еще одна. Из рощи высыпала свора примерно из десятка псов с красными настороженными ушами. Собаки преследовали добычу, которая была им куда более знакома, чем олень.

Человек — если это в самом деле был человек — стал взбираться по каменистому склону холма, держа направление на большой водопад, но это не помешало собакам упорно идти по его следу. Склон стал почти отвесным, но человек продолжал карабкаться по нему — а собаки продолжали преследовать его. Корума изумила их стремительность. И снова что-то блеснуло. Корум заметил, что человек повернулся, и блестящий предмет оказался оружием, которое он тащил, чтобы отразить нападение. Но Корум не сомневался, что жертва этих псов долго не протянет.

И только сейчас он вспомнил о роге. Корум торопливо поднес его к губам и одну за другой издал три долгие протяжные ноты. Они четко и ясно разнеслись по долине. Остановившись, псы закружились на месте, словно вынюхивая след, хотя жертва была прямо перед ними.

Затем псы Кереноса затрусили в обратный путь. Корум засмеялся от радости. В первый раз он одержал победу над этими дьявольскими животными.

Похоже, что человек в дальнем конце долины услышал этот смех и посмотрел в его сторону. Корум помахал ему, но человек не ответил.

Как только псы Кереноса исчезли, Корум двинулся по склону к тому, кого спас. Он быстро спустился по одному склону и стал подниматься на следующий. Он узнал этот водопад и скальный выступ, где незнакомец остановился, намереваясь вступить в бой с собаками, но теперь его нигде не было видно. Не стоило и сомневаться, что он не мог ни подняться выше, ни спуститься. Корум был в этом уверен, поскольку на ходу не спускал глаз с водопада и ясно видел его.

— Эй, там!— закричал Принц в Алом Плаще, взмахнув рогом.— Где ты там прячешься, друг?

Водопад продолжал безостановочно струиться по скальной плите, и Коруму ответило лишь журчание падающей воды. Он

осмотрелся по сторонам, приглядываясь к каждой тени, к каждому камню и кусту, но, похоже, человек в самом деле стал невидимкой.

— Где ты, незнакомец?

Ему ответило лишь слабое эхо, но и оно тут же стихло в шипении и бульканье воды, пенившейся в каменной чаше.

Корум пожал плечами и повернулся, не без иронии подумав, что этот человек более пуглив, чем животные на острове.

И вдруг внезапно, из ниоткуда на него обрушился тяжелый удар по затылку, и Корум, вытянув руки, чтобы смягчить падение, полетел лицом в заросли вереска.

— Значит, незнакомец?— произнес низкий мрачный голос.— Значит, называешь меня незнакомцем?— Рухнув на землю, Корум тут же перекатился, стараясь выхватить меч из ножен.

Человек, который сбил его с ног, выглядел мускулистым и огромным. Должно быть, в нем было не менее восьми футов роста и добрых четыре фута в размахе плеч. На нем были полированный металлический нагрудник, блестящие металлические рукавицы, инкрустированные золотом, и железный шлем, прикрывавший голову, украшенную черной кустистой бородой. В своей чудовищной лапе он держал самый огромный боевой топор из всех, которые Коруму доводилось видеть.

Вскочив на ноги, Корум выхватил меч. Принц подозревал, что перед ним стоит тот, кого он спас. Но, похоже, это огромное создание отнюдь не испытывало к нему благодарности.

— С кем мне придется драться?— с трудом выдохнул Корум.

— Ты будешь драться со мной. С карликом Гованоном,— ответил гигант.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
КОПЬЕ БРИЙОНАК

Несмотря на угрожающую ему опасность, Корум недоверчиво улыбнулся:

— С карликом?

Кузнец-сид уставился на него:

— Да. И что тут смешного?

— Вижу, на этом острове стоит опасаться людей обыкновенного роста!

— Не понимаю твоих слов,— прищурившись, Гованон взял наизготовку топор и принял боевую стойку.

И только сейчас Корум заметил, что глаза противника были точно такими же, как его собственный единственный глаз,— миндалевидными, желтовато-пурпурными, и что строение черепа у так называемого карлика было более тонким, чем показалось с первого взгляда из-за густой бороды. Да и лицо его многими чертами напоминало лицо вадхага. Тем не менее, во всем остальном Гованон никак не походил на соплеменников Корума.

— Есть тут на Ги-Бресейле другие такие же, как ты?— Корум пустил в ход чистый вадхагский язык, а не диалект, которым пользовалось большинство мабденов, и Гованон, открыв рот, изумленно застыл на месте.

— Я тут только один такой,— на том же языке ответил кузнец.— Я так думаю. Но если ты принадлежишь к моему народу, почему натравил на меня своих псов?

— Это не мои псы. Я Корум Джайлин Ирси и принадлежу к расе вадхагов,— левой серебряной рукой он поднял рог.— Это то, что управляет собаками. Рог. Они подумали, что их зовет хозяин.

Гованон чуть опустил топор.

— Значит, ты не из слуг фой миоре?

— Вот уж нет. Я воюю с фой миоре и их сторонниками. Эти псы уже не раз нападали на меня. От их новых атак меня спас рог, который я одолжил у мабденского волшебника,— Корум прикинул, что пришло время вложить меч в ножны, и ему оставалось лишь надеяться, что кузнец-сид не воспользуется этой возможностью раскроить ему череп.

Гованон нахмурился и поджал губы, обдумывая слова Корума.

— Как давно псы Кереноса обитают на твоем острове?— спросил Корум.

— В этот раз? День — не больше. Но псы бывали тут и раньше. Похоже, они единственные, кто не поддается безумию, которое охватывает всех остальных обитателей мира, стоит им ступить на этот берег. А поскольку фой миоре испытывают к Ги-Бресейлу неиссякаемую ненависть, они без устали посылают на остров своих слуг — преследовать меня. Часто я предвижу их появление и принимаю меры предосторожности, но в этот раз я слишком рано успокоился, поскольку не ждал, что они так быстро вернутся. Я подумал, что ты какое-то новое создание,

какой-то охотник — как гулеги, прислужники фой миоре, о которых мне известно понаслышке. Но теперь сдается мне, что когда-то я слышал сказку о вадхаге со странной рукой и всего одним глазом, но тот вадхаг умер еще до появления сидов.

— Ты не называешь себя вадхагом?

— Сиды — так мы называем себя,— наконец Гованон окончательно опустил топор.— Мы принадлежим к твоему народу. Некоторые из них как-то посещали нас. Но это было, еще когда существовал доступ к пятнадцати плоскостям, до последнего Совмещения миллиона сфер.

— Ты из другой плоскости. Но как ты попал сюда?

— Разрушилась стена между реальностями. Из провала появились фой миоре. Они пришли из холодных мест, из преисподней. Так появились и мы — чтобы помочь народу Ливм-ан-Эш и их вадхагским друзьям — и вступили в бой с фой миоре. В те дни, давным-давно, была чудовищная битва, шли всеобщие войны. Ушел под воду Ливм-ан-Эш, погибли все вадхаги и большинство мабденов, также был уничтожен и мой народ, сиды, и, хотя резня постепенно стала затихать, мы уже не могли вернуться в наш мир. Мы подумали, что все фой миоре уничтожены, но потом они вернулись.

— И вы не смогли одолеть их?

— В одиночку у меня не хватило сил. В физическом смысле этот остров — часть моего измерения. Здесь я могу спокойно жить, если не считать собак. Я стар. Еще несколько сот лет — и я умру.

— А я слаб,— сказал Корум.— И все же я дерусь с фой миоре.

Гованон кивнул. Затем пожал плечами.

— Это потому, что ты раньше не воевал с ними.

— И все же — почему они не появились на Ги-Бресейле? Почему мабдены не возвращались с острова?

— Я старался прогонять отсюда мабденов,— сказал Гованон,— но их маленькая раса обладает неустрашимостью. Их отчаянная отвага приводила к тому, что они гибли ужасной смертью. Когда мы поедим, я расскажу тебе еще больше. Согласен ли ты быть моим гостем, брат мой?

— С радостью,— ответил Корум.

— Тогда идем.

Гованон начал взбираться по скалам, двинувшись в обход каменного уступа, на котором он стоял, готовясь схватиться с

псами Кереноса,— и снова исчез. Но в ту же секунду его голова опять показалась.

— Вот сюда. Я обосновался тут, когда эти псы стали преследовать меня.

Неторопливо карабкаясь вслед за сидом, Корум добрался до уступа и увидел, что он огибает каменную глыбу, которая прикрывает вход в пещеру. Глыбу можно было передвинуть по выдолбленным желобкам, чтобы перекрыть вход, и, когда Корум вошел внутрь, Гованон нажал на нее своим огромным плечом и поставил камень на место. Внутри пещера освещалась искусно выкованными лампами, стоящими в нишах по стенам. Мебель была простой, но хорошо сделанной, а пол покрыт тканными коврами. Если не считать отсутствия окон, убежище Гованона было более чем удобным.

Пока Корум отдыхал, развалившись в кресле, Гованон хлопотал у плиты, готовя суп из овощей и мяса. Из горшков шел аппетитный запах, и Корум поздравил себя, что удержался от искушения пронзить дротиком рыбу в ручье. Мясо обещало быть куда более вкусным.

Гованон, извинившись за скудость столовых приборов, поскольку вот уже несколько сот лет он живет в одиночестве, поставил перед Корумом огромный горшок с супом. Принц вадхагов с благодарностью отдал ему должное.

Затем последовало мясо с тушеными овощами, а дальше наступила очередь самых вкусных фруктов, которые Корум когда-либо ел. И когда, наконец, он откинулся на спинку кресла, им владело чувство такого довольства, которого он не испытывал вот уже много лет. Он от всей души поблагодарил Гованона, и, похоже, хозяин не знал, куда деться от смущения. Снова извинившись, он устроился в своем кресле и зажал в зубах какой-то предмет, напоминавший маленькую чашку, от нее отходил длинный стержень; поднеся к чашечке тлеющий уголек, Гованон стал посасывать стержень. Скоро из чашечки и у него изо рта повалили клубы дыма, и Гованон расплылся в довольной улыбке, лишь какое-то время спустя заметив удивление Корума.

— Обычай моего народа,— объяснил он.— Ароматические травы, которые мы сжигаем таким образом и вдыхаем дым. Это доставляет удовольствие.

Для Корума дым пахнул не особенно приятно, но он принял объяснение сиды, хотя не воспользовался его предложением подышать дымом из чашечки.

— Ты спрашивал,— неторопливо сказал Гованон, прикрыв свои огромные миндалевидные глаза,— почему фой миоре боятся этого острова и почему тут исчезают мабдены. Ну, ни к тому, ни к другому я не имею никакого отношения, хотя рад, что фой миоре избегают меня. Давным-давно, во время первого вторжения фой миоре, когда нас призвали на помощь нашим вадхагским братьям и их друзьям, мы с огромным трудом преодолели стену между реальностями. В конечном итоге мы это сделали, но нанесли большой ущерб миру в собственной плоскости, в результате чего огромная часть нашей земли вместе с нами попала в ваше измерение. К счастью, она оказалась в относительно незаселенной части королевства Ливм-ан-Эш. Тем не менее, она сохранила свою индивидуальность — то есть принесла с собой сны сидов, а не мабденов, вадхагов или фой миоре. Хотя, как ты, конечно, успеешь заметить, вадхаги, будучи близкими родственниками сидов, могли без больших трудностей адаптироваться к ним. С другой стороны, мабдены и фой миоре вообще не могли тут выжить. Стоило им ступить на берег, как они начинали сходить с ума. Они попадали в мир своих ночных кошмаров. Их страхи многократно умножались, становились для них совершенно реальными, и они погибали от собственных снов.

— Нечто подобное и мне пришло в голову,— сказал Корум.— Когда сегодня утром я заснул, то почувствовал, что это может случиться.

— Верно. Даже вадхаги порой испытывают то, что выпадает на долю смертных мабденов на Ги-Бресейле. Я пытался скрыть очертания острова туманными покровами, которые способен производить, но сквозь туман всегда можно пробиться. В результате мабдены находили остров и страдали на нем.

— Откуда пришли сами фой миоре? Ты упоминал холодные места.

— Да, холодные места. Ты не знал о них из заклинаний вадхагов? Эти места находятся между плоскостями — в Хаосе, преддверии ада, где изредка возникает какой-то разум. Вот это и есть фой миоре — адские создания, проникшие сквозь провал в стене между плоскостями и появившиеся в этом измерении, где и обосновались после завоевания вашего мира, собираясь превратить его в еще одну преисподнюю, в которой они смогут выжить. Они не могут жить слишком долго. Они гибнут от своих болезней. Но все же, боюсь, проживут они достаточно,

чтобы принести ледяную смерть всему живому, кроме Ги-Бресейла, чтобы заморозить до смерти мабденов и всех животных этого мира, вплоть до мельчайших морских созданий. Это неизбежно. Скорее всего, кто-то из них — во всяком случае, Керенос точно — переживет и меня, но в конце концов собственные эпидемии истребят их. Практически весь этот мир, кроме земли, с которой ты только что прибыл, погибнет под их правлением. И, думаю, произойдет это довольно быстро. Мы считали, что все они умерли, но, должно быть, они нашли укрытия — может, на краю мира, где всегда найдется лед. И теперь их терпение вознаграждено, не так ли? — Гованон вздохнул. — Ну-у... где-то есть и другие миры... до них они не смогут добраться.

— Я хочу спасти этот, — тихо сказал Корум. — По крайней мере, хоть то, что от него осталось. Я поклялся сделать это. Поклялся помочь мабденам. И теперь я отправился на поиски их потерянных сокровищ. Ходят слухи, что у тебя есть одно из них, которое ты сделал для мабденов во времена их первой битвы с фой миоре.

Гованон кивнул:

— Ты говоришь о копье Брийонак. Да, я его сделал. Это всего лишь обыкновенное копье, но в снах мабденов и фой миоре оно обладает огромной мощью.

— Так я и слышал.

— Среди всего прочего оно приручит быка Кринанасса, которого мы взяли сюда с собой.

— Это животное сидов?

— Да. Одно из самых больших. Он последний.

— Почему ты нашел копье и вернул его на Ги-Бресейл?

— Я не оставлял Ги-Бресейл. Копье доставил сюда один из смертных, который явился исследовать остров. Я пытался утешить его, когда он бредил, умирая, но он так и скончался в мучениях. Когда он умер, я забрал свое копье. Вот и все. Наверно, он думал, что Брийонак спасет его от опасностей острова.

— Значит, ты не отрицаешь, что оно может снова помочь мабденам?

Гованон нахмурился:

— Не знаю. Мне нравится это копье. И я бы не хотел снова потерять его. Оно не так уж поможет мабденам, братец. Они обречены. Лучше всего принять это. Почему бы не позволить им спокойно умереть? Если к ним вернется Брийонак, они обретут ложные надежды.

— Это моя натура — у меня вера основывается на надежде, пусть даже она кажется ложной,— тихо сказал Корум.

Гованон с симпатией посмотрел на него.

— Ну да. Мне говорили о Коруме. Я припоминаю сказания. Ты грустная личность. И благородная. Но чему быть, того не миновать. И ты ничего не сможешь сделать, чтобы предотвратить это.

— Понимаешь, Гованон, я должен попытаться.

— Да,— огромный Гованон поднялся с кресла и пошел в угол пещеры, скрытый темнотой.

Вернулся он, неся самое обыкновенное с виду копье. У него было отполированное деревянное древко, окованное железом. Нечто странное имелось только в кованом наконечнике. Как и лезвие топора Гованона, он блестел ярче, чем обыкновенное железо.

Сид с гордостью показал Коруму копье.

— Мое племя всегда было самым маленьким из рода сидов — и по численности, и по положению,— но у нас были свои знания. Мы умели обрабатывать металл способом, который можно было бы назвать философским, то есть понимали, что у каждого металла, кроме явных качеств, есть и скрытые. Вот так мы и делали оружие для мабденов. Выковали несколько копий. Из всех сохранилось только одно. Сделал его я. Вот это — копье Брийонак.

Он протянул его Коруму, который в силу известных причин взял его левой рукой, серебряной. Копье прекрасно лежало в руке, оно было настоящим оружием войны, но если принц ожидал почувствовать в нем что-то необыкновенное, то его постигло разочарование.

— Хорошее копье,— сказал Гованон.— Настоящее. Брийонак.

Корум кивнул:

— Так и есть, если не считать наконечника.

— Плавить такой металл больше не будут,— сказал ему Гованон.— Когда покидали наше измерение, мы немного прихватили его с собой. Из него удалось выковать лишь несколько топоров, пару мечей — и это копье. Отличный, твердый металл. Он не гнется и не ржавеет.

— И у него есть магические свойства?

Гованон засмеялся:

— Только не для сидов. Но фой миоре так думают. Как и мабдены. Но, конечно же, у него есть магические свойства. И очень действенные. Да, я рад, что копье вернулось ко мне.

— И ты не можешь снова расстаться с ним?

— Думаю, нет.

— Но бык Кринанасса подчинится лишь тому, кто владеет им. Бык придет на помощь людям Кер Махлода в их битве — и, возможно, поможет уничтожить фой миоре.

— Ни у быка, ни у копья не хватит сил,— серьезно сказал Гованон.— Я знаю, что тебе нужно копье, Корум, но я повторяю — ничто не может спасти мир мабденов. Он обречен на смерть, как обречены фой миоре, как обречен я — и как обречен ты, разве что вернешься в свое собственное измерение, ибо, как я подозреваю, ты не из этого.

— Да, думаю, я тоже обречен,— тихо сказал Корум.— Но я хотел бы вернуть копье Брийонак в Кер Махлод, потому что дал клятву и для этого отправился на поиски его.

Вздохнув, Гованон забрал у Корума копье.

— Нет,— сказал он.— Когда вернутся псы Кереноса, мне понадобится все оружие, чтобы отбиться от них. Та свора, что сегодня набросилась на меня, без сомнения, все еще на острове. Если я перебью ее, явится другая. Мое копье и мой меч — это единственное, что спасает меня. А ведь у тебя есть рог.

— Я всего лишь одолжил его.

— У кого?

— У волшебника. Его зовут Калатин.

— Вот как. Я пытался прогнать с этих берегов трех его сыновей. Но они скончались, как и остальные.

— Я знаю, что тут бывало много его сыновей.

— Что им тут было надо?

Корум засмеялся:

— Они хотели, чтобы ты плюнул в них,— он вспомнил о маленьком непромокаемом мешочке, который дал ему Калатин, и вытащил его из сумки.

Гованон нахмурился. Но потом лицо его прояснилось, и он покачал головой, попыхивая чашечкой, которая продолжала тлеть у него в зубах. Корум попытался вспомнить, где он сталкивался с таким обычаем, но в последнее время в том, что касалось былых приключений, память подводила его. Принц предположил, что

такова была цена за то, что он оказался в других снах, в иной плоскости.

Гованон чихнул.

— Нечего и сомневаться — еще одно из их суеверий. Что они со всем этим делают? Цедят в полночь кровь животных. Собирают кости. Корни. До чего убогими стали знания мабденов!

— Так удовлетворишь ли ты пожелание волшебника? — спросил Корум.— Я вынужден просить тебя. На этом условии он мне и дал рог.

Гованон погладил густую бороду.

— Мы дошли до того, что вадхаг должен просить мабденов о помощи.

— Это мир мабденов,— сказал Корум.— И ты сам это сказал, Гованон.

— Скоро он станет миром фой миоре. А потом вообще перестанет существовать. Ну ладно, если это тебе поможет, сделаю, что ты просишь. Я ничего не потеряю, но сомневаюсь, что колдун что-то приобретет. Дай мне мешочек!

Корум протянул его Гованону. Тот снова хмыкнул, засмеялся, покачал головой и, сплюнув в мешочек, вернул его Коруму, который аккуратно уложил мешочек в сумку.

— Но на самом деле я искал копье,— тихо сказал Корум. Он сожалел о своей настойчивости, тем более после того, как Гованон сердечно предложил ему гостеприимство и с таким юмором ответил на другую его просьбу.

— Знаю,— опустив голову, Гованон уставился в пол.— Но если я помогу тебе спасти жизни нескольких мабденов, то, скорее всего, потеряю свою.

— Ты забыл то благородство, которое заставило тебя и твоих соплеменников первым делом отправиться сюда?

— В те дни у меня было куда больше благородства. Кроме того, вадхаги, просившие о помощи, были нашими родичами.

— Значит, и я твой родственник,— напомнил Корум. Он ощутил угрызения совести, взывая к лучшим чувствам карликасида.— И я прошу тебя.

— Один сид, один вадхаг, семеро фой миоре и толпа несчастных мабденов. Да, мало общего с тем, что я увидел, когда впервые оказался в этом мире. Как прекрасна была эта земля! Она была вся в цвету. Теперь она стала бесплодна, и тут ничего не растет. Пусть она умрет. Оставайся со мной на этом прекрасном острове, на Ги-Бресейле.

— Я уже обещал,— просто сказал Корум.— Всеми силами души я хочу согласиться с тобой и принять твое предложение, Гованон,— если не считать одной вещи. Я уже обещал.

— Но я тебе ничего не должен, Корум.

— Я помог тебе отбить нападение этих дьяволь-ских псов.

— А я помог тебе сдержать слово, данное мабденскому колдуну. Разве мы не в расчете с тобой?

— А разве обо всем надо говорить только как о долгах и сделках?

— Да,— серьезно сказал Гованон,— ибо близится конец мира и в нем мало что осталось. Такие предметы могут идти только на обмен, чтобы сохранить равновесие. Я так считаю, Корум. Такое отношение не имеет ничего общего с продажностью — нас, сидов, вообще невозможно купить — оно продиктовано необходимостью сохранять порядок. И что ты сегодня можешь предложить взамен копья Брийонак?

— Думаю, что ничего.

— Только этот рог. Рог, который отзовет собак, когда они набросятся на меня. Он для меня более ценен, чем копье. А копье — разве оно для тебя не более ценно, чем рог?

— Я согласен,— сказал Корум.— Но рог не принадлежит мне, Гованон. Калатин всего лишь одолжил его мне.

— Я не дам тебе Брийонак,— с трудом, неохотно сказал Гованон,— пока ты не отдашь мне рог. Это единственная сделка, которую я могу заключить с тобой, вадхаг.

— И единственная, которую я не имею права за-ключать с тобой.

— Калатину больше ничего от тебя не надо?

— Я уже договорился с ним о сделке.

— И не можешь заключить другую.

Корум нахмурился и правой рукой коснулся шитой повязки на глазу, как делал каждый раз, попадая в затруднительное положение. Он был обязан Калатину жизнью. Когда Корум вернется с острова, неся с собой мешочек со слюной сида, он рассчитается с Калатином по всем долгам. И никто из них не будет в долгу друг перед другом.

Однако самым важным оставалось копье. Может, в эту минуту Кер Махлод отбивается от фой миоре, и единственное, что может спасти его — это копье Брийонак и бык Кринанасса. Корум поклялся, что вернется с копьем. Он снял с плеча рог, на длинной перевязи висевший у бедра, и посмотрел на гладкую,

испещренную пятнышками кость, на резные полоски, на серебряный мундштук. Такой рог принадлежал герою. Кто владел им до того, как Калатин нашел его? Сам Керенос?

— Я могу сейчас дунуть в рог, и собаки набросятся на нас обоих,— задумчиво сказал Корум.— Я мог бы угрожать тебе, Гованон, чтобы ты отдал мне Брийонак в обмен на свою жизнь.

— Ты мог бы это сделать, братец?

— Нет,— Корум опустил рог. А потом, даже не понимая, что уже принял решение, сказал:— Хорошо, Гованон. Я отдам тебе рог в обмен на копье и, вернувшись на материк, попробую заново договориться с Калатином.

— Жаль, что нам приходится идти на такую сделку,— сказал Гованон, протягивая ему копье.— Нарушит ли она нашу дружбу?

— Думаю, что нарушит,— сказал Корум.— А теперь мне пора, Гованон.

— Ты считаешь меня неблагородным?

— Нет. Я не собираюсь упрекать тебя. Мне просто жаль, что нам пришлось вступить в такие отношения, что наше благородство в силу обстоятельств потерпело урон. Ты потерял больше, чем просто копье, Гованон. И я тоже кое-что потерял.

Гованон вздохнул. Корум вручил ему рог, на который не имел права.

— Я опасаюсь последствий,— сказал Корум.— Подозреваю, что, отдав тебе этот рог, я столкнусь не только с проклятиями мабденского колдуна.

— По миру ползут тени,— сказал Гованон.— И много странного скрывается под их покровами. Многое вынырнет из них — то, чего мы не видим и о чем не подозреваем. Пришло время зловещих теней, Корум Джайлин Ирси, и мы будем глупцами, если не испугаемся их. Да, мы низко пали. Наша гордость исчезает. Могу я проводить тебя до берега?

— Лишь до границ своего убежища? Почему бы тебе не отправиться со мной, Гованон, и не вступить в бой со своим великим копьем против наших врагов? Разве такой поступок не вернет тебе гордость?

— Думаю, что нет,— грустно сказал Гованон.— Понимаешь, до Ги-Бресейла уже доползает холодок.

Часть третья

ЗАКЛЮЧАЮТСЯ ДРУГИЕ ДОГОВОРЫ, ПОКА ИДУТ ФОЙ МИОРЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧТО ПОТРЕБОВАЛ ВОЛШЕБНИК

Когда Корум пристал к берегу в небольшом заливчике под развалинами замка Мойдель, он услышал шаги за спиной. Схватившись за меч, принц развернулся. Переход от покоя и красоты Ги-Бресейла к этому миру вверг его в печаль и принес дурные предчувствия. Утес Мойдель,такой приветливый, когда он в первый раз снова увидел его, теперь казался мрачным и зловещим, и Корум подумал, что, наверно, сны фой миоре уже доползли до его вершины или же просто эти места показались ему раньше куда приятнее по сравнению с темным замерзшим лесом, в котором он встретил волшебника.

Калатин стоял в своем синем плаще — высокий, среброголовый и обаятельный. В глазах его была тень тревоги.

— Ты нашел прекрасный остров?

— Я нашел его.

— И кузнеца-сида?

Корум вынул из лодки копье Брийонак и показал его Калатину.

— А что с моей просьбой? — похоже, Калатина совсем не заинтересовало копье, одно из сокровищ Кер Ллуда, загадочное оружие из легенд.

Корума слегка удивило, что Калатин практически не обратил внимания на Брийонак, всецело занятый мешочком со слюной. Принц вынул его и протянул колдуну, который облегченно вздохнул и расплылся в радостной улыбке.

— Я благодарен тебе, Корум. И рад, что смог помочь. Ты сталкивался с собаками?

— Только раз, — сообщил принц.

— Рог помог тебе?

— Да, помог,— в сопровождении Калатина Корум двинулся по берегу.

Поднявшись по уступам, они посмотрели назад, туда, где лежали земли, скованные морозом, покрытые белыми снегами, небо над которыми было затянуто серыми тучами.

— Ты останешься на ночь? — спросил Калатин. — И расскажи мне о Ги-Бресейле. Что ты там увидел?

— Нет, — сказал Корум. — Время уходит, и я должен спешить к Кер Махлоду, ибо чувствую, что фой миоре нападут на него. Теперь-то они должны знать, что я помогаю их врагам.

— Вполне возможно. Тебе будет нужен твой конь.

— Да, — кивнул принц.

Калатин начал было что-то говорить, но передумал. Он провел Корума в конюшню под домом, где стоял его боевой конь, уже излечившийся от ран. Он заржал, увидев хозяина. Корум погладил его по морде и вывел из стойла.

— Мой рог, — спросил Калатин. — Где он?

— Я оставил его, — ответил Корум. — На Ги-Бресейле,— он смотрел прямо в глаза волшебника, вспыхнувшие гневом и страхом.

— Как? — чуть не закричал Калатин. — Как ты мог его потерять?

— Я не терял его.

— То есть, специально оставил? Мы же договаривались, что ты лишь одолжишь рог. Вот и все.

— Я отдал его Гованону. Можешь считать, что, не имей я при себе рога, ты бы не получил то, что тебе нужно.

— Гованону? Мой рог у Гованона? — Взгляд Калатина похолодел. Он прищурился.

— Да.

Корум решил больше ничего не объяснять. Он ждал, что скажет Калатин.

— Ты снова передо мной в долгу, вадхаг, — наконец произнес волшебник.

— Да.

Теперь колдун говорил спокойно и взвешенно. Когда он замолчал, то расплылся в неприятной улыбке.

— Ты должен что-нибудь отдать мне, чтобы возместить потерю рога.

— Что ты хочешь? — Корум начал уставать от бесконечной торговли. Он хотел поскорее сесть в седло, покинуть утес Мойдель и как можно скорее вернуться к Кер Махлоду.

— Я должен что-то получить взамен, — сказал Калатин. — Надеюсь, ты это понимаешь?

— Скажи мне, что именно, колдун.

Калатин осмотрел Корума с головы до ног, как фермер, покупающий лошадь на рынке. Протянув руку, он пощупал ткань плаща, который Корум носил под меховой одеждой, полученной от мабденов. То был вадхагский плащ Корума красного цвета, легкий, выделанный из тонкой шкуры животного, некогда обитавшего в другой плоскости, но даже и там уже не существовавшего.

— Думаю, что твой плащ, принц, обладает большой ценностью?

— Никогда не оценивал его. Меня узнают по плащу. У каждого вадхага есть такой.

— Значит, он не представляет для тебя ценности?

— Ты хочешь получить мой плащ? В обмен за утраченный рог? Тебя это устроит? — в голосе Корума звучала нотка нетерпения. Он не испытывал симпатии к волшебнику. Тем не менее, принц понимал, что с моральной точки зрения был неправ. И Калатин это тоже понимал.

— Если ты считаешь, что это честная сделка.

Корум откинул мех и стал расстегивать перевязь, чтобы избавиться от пряжки, которая скрепляла плащ на плечах. Странно было расставаться с вещью, которая так долго служила ему, но Корум не испытывал к ней каких-то особых чувств. Другая одежда достаточно хорошо согревала его. И у него не было нужды в алом плаще.

Он протянул его Калатину.

— Бери, колдун. Теперь мы рассчитались.

— Именно так,— сказал Калатин, наблюдая, как Корум вешает на пояс оружие и садится в высокое седло.— Желаю тебе

счастливого пути, принц Корум. И остерегайся псов Кереноса. Ведь теперь у тебя нет спасительного рога.

— И у тебя тоже,— сказал Корум.— А что, если они нападут на тебя?

— Сомнительно,— загадочно произнес Калатин.— Сомнительно.

Корум двинулся вниз по утонувшей дороге и вошел в воду. Он не оглядывался на волшебника Калатина. Он смотрел прямо перед собой, на занесенную снегами землю и не испытывал облегчения от мысли о предстоящем ему возвращении к Кер Махлоду, но был рад расстаться с утесом Мойдель. Принц держал Брийонак в левой руке, выкованной из серебра, а правой управлял конем. Вскоре он добрался до материка, и его дыхание, смешиваясь с дыханием коня, клубами пара густело в холодном воздухе. Он держал путь на северо-запад.

И когда Корум углубился в мрачный лес, ему на мгновение показалось, что он слышит звуки арфы, полные печали.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ИДУТ ФОЙ МИОРЕ

Всадник сидел верхом на животном, которое мало чем напоминало лошадь. Оба они были странного бледно-зеленого цвета, и никаких других оттенков не существовало. Копыта животного были в снегу, и снежные завалы высились по обе стороны его. Бледно-зеленое лицо всадника казалось совершенно неподвижным, словно замерзшим. В его бледно-зеленых глазах стоял холод. В руке он держал бледно-зеленый меч.

Появившись недалеко от Корума, который успел выхватить свой меч, всадник внезапно остановился и крикнул:

— Ты ли тот, кто, как они думают, спасет их? Мне ты кажешься больше человеком, чем богом!

— Я и есть человек,— спокойно сказал Корум.— И воин. Ты бросаешь мне вызов?

— Тебя вызывает Балар. Я всего лишь его орудие.

— Значит, Балар не хочет лично выйти против меня?

— Фой миоре не скрещивают оружие со смертными. Чего ради им это делать?

— Для столь могущественной расы фой миоре слишком пугливы. Что с ними делается? Неужели они слабеют из-за

пожирающих их болезней, которые в конце концов покончат с ними?

— Я Хью Аргех, недавно обитавший в Белых скалах, что за Карнеком. Когда-то там жил народ, были племена, была армия. Теперь остался только я. И служу Балару Одноглазому. А что еще мне оставалось делать?

— Служить своему народу, мабденам.

— Мой народ — это деревья. Сосны. Они сохраняют жизнь нам обоим — моему коню и мне. Сок в моих жилах, мою жизнь поддерживают не еда и вода, а земля и дожди. Я Хью Аргех, брат сосен.

Корум с трудом мог поверить словам, которые произносило это существо. Когда-то, может, он и был человеком, но сейчас изменился — точнее, его изменило колдовство фой миоре. Уважение Корума к могуществу фой миоре возросло.

— Готов ли ты спешиться, Хью Аргех, и принять вызов — меч против меча? — вопросил Корум.

— Не могу. Когда-то я так и дрался,— голос у всадника был совершенно безмятежен, как у ребенка. Но глаза оставались пустыми, а лицо бесстрастным.— А теперь я должен пускать в ход хитрость, забыв о чести.

Хью Аргех снова рванулся вперед и занес меч, готовый обрушить его на Корума.

Прошло не меньше недели, как Корум расстался с утесом Мойдель — неделя леденящего холода. Он промерз до костей и окоченел. Его глаза слезились, ибо не видели ничего, кроме снега, так что он не сразу увидел бледно-зеленого всадника на бледно-зеленом животном, который несся к нему через белую пустошь.

Нападение Хью Аргеха было столь стремительным, что Корум едва успел отразить мечом первый удар. Пролетев мимо него, Хью Аргех развернулся для новой атаки. На этот раз Корум был готов к ней, и его клинок поразил Хью Аргеха в руку, а меч противника лязгнул о нагрудник Корума и едва не выбил из седла вадхагского принца. Корум, по-прежнему державший в серебряной руке копье Брийонак, ею же схватился за поводья всхрапнувшего коня, который, утопая в плотном снегу, все же успел развернуться, чтобы встретить очередную атаку.

Какое-то время оба вели такой бой, и никому из них не удавалось пробить оборону другого. Дыхание Корума вырывалось изо рта густыми клубами, но ни облачка не было заметно у

губ Хью Аргеха; этот бледно-зеленый человек не выказывал никаких признаков утомления, хотя Корум устал так, что едва держал рукоятку меча.

Коруму было ясно, что Хью Аргех видит его усталость и всего лишь ждет, когда противник выбьется из сил окончательно, чтобы быстрым выпадом меча покончить с ним. Несколько раз Корум пытался перейти в наступление, но Хью Аргех кружил вокруг него, уклонялся и ускользал, парируя удары. Наконец окоченевшие пальцы Корума выронили меч, и из уст воина вырвался странный шелестящий смешок, словно ветер пробежал в листве, и он в последний раз рванулся к Коруму.

Качнувшись в седле, Корум вскинул копье Брийонак, чтобы попытаться отразить очередной удар. Когда меч Хью Аргеха соприкоснулся с наконечником копья, тот издал мелодичный серебряный звук, удививший обоих соперников. Аргех снова проскочил мимо Корума, но стремительно развернулся. Корум замахнулся левой рукой и с такой силой метнул копье в бледно-зеленого воина, что упал лицом на гриву коня. У него осталось сил лишь приподнять голову и увидеть, что оружие сида пронзило грудь Хью Аргеха.

Хью Аргех издал вздох и вместе с пронзившим его копьем свалился со спины животного, что несло его.

И тут Корум увидел поразительное зрелище. Он не понимал, как это произошло, но копье вырвалось из тела бледно-зеленого воина и, взлетев, вернулось обратно в открытую ладонь серебряной руки Корума. Ее пальцы невольно сомкнулись вокруг древка.

Корум лишь моргнул, с трудом поверив своим глазам, но он и видел, и чувствовал, как древко утвердилась в гнезде у стремени.

Он посмотрел на сраженного противника. Животное, на котором восседал Хью Аргех, зацепило воина зубами и, подняв, потащило за собой.

Внезапно Коруму пришло в голову, что на деле хозяином положения был не всадник, а этот зверь. Принц не мог объяснить, откуда взялась эта мысль, разве что в ту секунду, когда он бросил взгляд на животное, в глазах его мелькнуло что-то вроде иронии.

Пока его тащили, Хью Аргех открыл рот и крикнул Коруму:

— Фой миоре идут! Они знают, что народ Кер Махлода призвал тебя. Они идут, чтобы разрушить Кер Махлод до того,

как ты вернешься с копьем, которым поразил меня. Прощай, Корум Серебряная Рука. Я возвращаюсь к своим братьям, к соснам.

Вскоре человек и животное исчезли за холмом, и Корум остался наедине с копьем, которое спасло ему жизнь. В сером свете дня он вертел древко в руках, словно надеялся, рассматривая его, понять, как оно, придя на помощь, вернулось обратно.

Он помотал головой, отказываясь разрешить эту тайну, и сквозь падающий снег послал коня в стремительный галоп, по-прежнему держа путь к Кер Махлоду. Теперь надо было спешить туда.

Фой миоре продолжали оставаться загадкой. Все, что Корум слышал о них, никак не объясняло, как они могут подчинять себе такие существа, как Хью Аргех, как действуют их странные заклятия, как они управляют псами Кереноса и их егерями-гулегами. Можно было считать фой миоре совершенно бесчувственными созданиями, которые мало чем отличаются от животных, но другие видели в них богов. Конечно же, они должны были обладать каким-то разумом, если им было под силу создавать такие существа, как Хью Аргех, брат деревьев. Сначала Корум подумал, не имеют ли фой миоре отношения к Владыкам Хаоса, с которыми он сражался в незапамятные времена. Но фой миоре одновременно и походили, и не походили на людей — а не на Владык Хаоса, да и цели у них, похоже, разнились. Казалось, у них не было выбора, кроме как появиться в этой плоскости. Они рухнули в провал в ткани вселенной и оказались не в состоянии вернуться в свой странный мир, зависший между плоскостями. И теперь они пытались создать его на Земле. Корум поймал себя на том, что испытывает даже какое-то сочувствие к их бедственному положению.

Он подумал, отвечало ли истине предостережение Говано-на — или же оно было продиктовано владевшим им чувством отчаяния. Неужели мабдены неизбежно обречены?

Глядя на безжизненную, покрытую снегом землю, легко было поверить, что их — и его — ждет одна и та же судьба: погибнуть, став жертвами вторжения фой миоре.

✧

Теперь Корум куда реже останавливался передохнуть, а порой всю ночь не слезал с коня, не обращая внимания, что на

ходу проваливается в сон. Его верный конь со все меньшей охотой пробивался сквозь снег.

Как-то вечером Корум заметил вдалеке строй каких-то фигур. Они пропадали в тумане, и было не разобрать, идут ли они или едут в огромных колесницах.

Он был уже готов окликнуть их, но понял, что это не мабдены. А что, если он увидел фой миоре, которые шли на Кер Махлод?

Несколько раз во время этой скачки до принца издалека доносился вой, и он догадывался, что по его следам идет охотничья свора псов Кереноса. Без сомнения, Хью Аргех вернулся к своим хозяевам и рассказал им, и как он был сражен копьем Брийонак, и как оно вырвалось из его тела, вернувшись в серебряную руку Корума.

Кер Махлод по-прежнему оставался где-то очень далеко, а холод высасывал у Корума все силы, как червь, питающийся его кровью.

С тех пор, как он впервые ехал этой дорогой, снегу насыпало куда больше, и он завалил путевые приметы. И этот факт, и ослабевшее зрение Корума за-трудняли поиски пути. Он лишь молил, чтобы конь отыскал обратную дорогу к Кер Махлоду: ему оставалось полагаться на его инстинкт.

Корум было настолько измотан, что им начало овладевать глубокое отчаяние. Почему он не послушался Гованона и не остался в уюте и покое Ги-Бресейла? Чем он обязан этим мабденам? Разве не хватит участвовать в их битвах? Что вообще дал ему этот народ?

Но затем он вспомнил. Они дали ему Ралину.

Вспомнил он и Медбх, дочь короля Маннаха. Рыжеволосую Медбх в ее доспехах, с пращой и татлумом, которая ждет, чтобы он принес спасение Кер Махлоду.

Он возненавидел их, этих мабденов, когда они уничтожили его семью, отрубили ему руку и вырвали глаз. Они вызывали в нем страх, ужас и жажду мести.

Но они дали ему и любовь. Они дали ему Ралину. А теперь они дали ему и Медбх.

От этих мыслей Корум чуть расслабился и даже согрелся; отчаяние отступило куда-то на задний план, и он обрел силы, чтобы скакать дальше, спешить к Кер Махлоду, крепости на холме, к тем, для кого он оставался последней надеждой.

Но казалось, что Кер Махлод все отодвигается. Казалось, что принц год назад видел на горизонте боевые колесницы фой миоре, слышал завывания их псов. Может, Кер Махлод уже пал; может, он найдет Медбх закованной в лед, как те, что замерзли на поле боя, не понимая, что сражение уже закончилось, что они уже проиграли?

Пришло очередное утро. Лошадь Корума еле волокла ноги, то и дело спотыкаясь, когда наступала на корни, прикрытые снегом. Она с трудом дышала. Будь у него силы, Корум спешился бы и пошел рядом с конем, чтобы тому стало полегче, но у него не было ни сил, ни желания идти пешком. Он начал сожалеть, что отдал Калатину алый плащ. Теперь ему казалось, что та капелька тепла, которую он давал, могла бы сохранить ему жизнь. Знал ли об этом Калатин? Не поэтому ли он попросил у Корума плащ? Это был акт мести?

Раздался какой-то звук. Корум вскинул голову, раскалывавшуюся от боли, и всмотрелся вдаль покрасневшими заплывшими глазами. Какие-то фигуры преграждали ему путь. Гулеги. Нащупывая рукоятку меча, принц попытался выпрямиться в седле.

Послав коня в галоп, он наклонил копье Брийонак, и из его заиндевевших губ вырвался хриплый боевой клич.

Но тут у коня подломились передние ноги, и он рухнул; Корум перелетел через его голову и остался лежать распростертым под вражескими мечами.

И все же, подумал Корум, погружаясь в забытье, он не почувствует боли от их лезвий. В забвении к нему пришло тепло и охватило его.

Он улыбнулся, и тьма сомкнулась над ним.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЛЕДЯНЫЕ ФАНТОМЫ

Ему снилось, что он плывет под парусами на огромном корабле сквозь бесконечность ледяных пространств. Корабль стоял на полозьях, и у него было пятьдесят парусов. Меж льдинами плескались киты и другие странные создания. Теперь он больше не плыл под парусами, а под низким унылым небом ехал в колеснице, запряженной медведями. Но льды оставались. Этот

мир был лишен тепла — древний умирающий мир в последней стадии энтропии. И всюду находился лед — толстый, блестящий лед. Лед, который нес смерть любому, кто осмеливался вступить в его пределы. Лед, который был символом всеобщей смерти, гибели всей вселенной. Корум застонал во сне.

— Это тот, о ком я и слышал,— голос был мягкий, но уверенный.

— Серебряная Рука?— послышался другой голос.

— Ну да. Кем еще он может быть? И серебряная рука при нем. Готов поручиться, что и лицо у него, как у сидов, хотя никогда их не видел.

Корум открыл единственный глаз и посмотрел на говорившего.

— Я мертв,— сказал Корум,— и буду благодарен, если вы и дальше позволите мне почивать в покое.

— Ты жив,— деловито произнес молодой голос, принадлежащий мальчику лет шестнадцати. Хотя тонкие черты его лица и тело свидетельствовали о том, что он голодает, у него были блестящие умные глаза и, как у большинства мабденов, которых Корум встречал здесь, хорошая пропорциональная фигура. Большую копну светлых волос поддерживала на лбу простая кожаная ленточка. За плечами лежал меховой капюшон, а руки и щиколотки были украшены знакомыми золотыми и серебряными ожерельями и браслетами.— Я Бран. Это мой брат Тейнон. А ты Кремм. Бог.

— Бог?— Корум начал осознавать, что люди, которых он видит перед собой, не фой миоре, а мабдены. Он улыбнулся юноше.— Разве боги так легко валятся с ног от усталости?

Пожав плечами, Бран взъерошил волосы.

— Вот уж ничего не знаю о привычках богов. А вдруг ты обманываешь нас? Притворился смертным, чтобы проверить нас?

— Есть куда лучшие способы проверки,— сказал Корум.

Повернувшись, он взглянул на Тейнона и удивленно снова перевел взгляд на Брана. Эти двое были похожи, как две капли воды, хотя куртку Брана сшили из меха коричневого медведя, а на Тейноне был рыжеватый волчий мех. Присмотревшись, Корум увидел над собой складки небольшой палатки, в которой он лежал, а Бран и Тейнон сидели рядом с ним на корточках.

— Кто вы?— спросил Корум.— Откуда? Вы что-нибудь знаете о судьбе Кер Махлода?

— Мы из рода Таха-на-Ану... точнее, из тех, кто от него остался,— ответил юноша.— Мы с земель, что лежат к востоку от Гвиддеу Гаранхир, а тот, в свою очередь, лежит к югу от Кремм Кройх, твоей земли. Когда у нас стали появляться фой миоре, часть из нас вступила с ними в бой и погибла. Остальные — главным образом, совсем молодые и старики — двинулись к Кер Махлоду, где, как мы слышали, воины сопротивляются фой миоре. Мы заблудились, и нам много раз приходилось скрываться от фой миоре и их собак, но теперь-то мы совсем рядом с Кер Махлодом, который лежит к западу отсюда.

— И я держу путь в Кер Махлод,— садясь, сказал Корум.— Я несу с собой копье Брийонак и должен укротить быка Кринанасса.

— Его невозможно приручить,— тихо сказал Тейнон.— Мы видели быка меньше двух недель назад. Мы были голодны и стали выслеживать его, но он набросился на наших охотников и пятерых из них пронзил своими острыми рогами, после чего исчез на западе.

— Если быка не удастся приручить,— Корум взял чашку жидкого супа, предложенную ему Браном, и сделал несколько глотков,— то Кер Махлод падет, и вам стоило бы поискать другое убежище.

— Мы ищем Ги-Бресейл,— серьезно сообщил ему Бран.— Зачарованный остров за морем. Мы думаем, что там будем счастливы вдали от фой миоре.

— Может, вы и будете вдали от них,— ответил Корум,— но не от своих страхов. Не ищи Ги-Бресейл, Бран из Таха-на-Ану, ибо там народ мабденов ждет ужасная гибель. Нет, если фой миоре не успеют первыми настичь нас, мы все должны идти к Кер Махлоду, и я посмотрю, удастся ли мне поговорить с быком Кринанасса и уломать его.

Бран скептически покачал головой. Близнец Тейнон повторил его жест.

— Значит, ты уже можешь снова сесть в седло?

— Мой конь жив?

— Жив и даже отдохнул. Мы нашли для него немного травы.

— Тогда я готов,— сказал Корум.

В группе, которая медленно брела сквозь снега, было меньше тридцати человек, большую часть которых составляли пожилые мужчины и женщины. Тут же были трое ребят возраста

Брена и Тейнона и еще три девочки, одной из которых было лет десять. Выяснилось, что совсем маленькие погибли во время набега псов Кереноса на лагерь, когда остатки племени только начали свой путь к Кер Махлоду. Снег падал на головы и искрился в волосах. Корум пошутил, что сейчас все они короли и королевы в алмазных диадемах. До его появления мабдены были безоружны, и он распределил среди них свое оружие: меч — одному, кинжал — другому, дротики — еще двум, а лук и стрелы достались Брану. Корум же оставил при себе только копье Брийонак, когда ехал во главе колонны или же шел пешком рядом с конем, который нес на себе двух или трех стариков — последние несколько месяцев они питались скудно и поэтому были достаточно легки.

Бран прикинул, что они примерно в двух днях пути от Кер Махлода, и чем дальше на запад они углублялись, тем легче им было идти. Корум преисполнился воодушевления, а конь оправился настолько, что порой принц, пуская его в галоп, мог совершать короткие разведывательные вылазки, чтобы осмотреться. Судя по улучшению погоды, фой миоре еще не добрались до крепости на холме.

Ближе к вечеру этого дня, который, как надеялись путешественники, станет последним днем пути, маленький отряд вошел в долину. Она была неглубока, но тут можно было хоть как-то спрятаться от ледяного ветра, налетавшего на пустоши, и люди были рады любому укрытию. Корум заметил, что с обеих сторон на склонах поблескивали какие-то ледяные образования — скорее всего, замерзшие струи водопада. Пройдя какое-то расстояние по долине, путники решили остановиться на ночь, хотя солнце еще не село. Когда Корум отвел взгляд от молодежи, ставившей палатки, он заметил какое-то движение на склоне. Принц подумал, что одно из ледяных образований сменило положение. Но он решил, что ему показалось: устал глаз и сгустились сумерки.

Но тут пришли в движение почти все ледяные глыбы, и стало совершенно ясно — они окружают лагерь.

Корум крикнул, поднимая всех по тревоге, и побежал к коню. Эти образования блестящими фантомами спускались по склонам в долину. Корум увидел, как в дальнем конце лагеря пожилая женщина в ужасе вскинула руки и кинулась бежать, но призрачная фигура будто схватила ее и потащила вверх по хол-

му. И, прежде чем кто-то успел спохватиться, еще двух женщин постигла та же судьба.

В лагере начался хаос. Бран выпустил в ледяных призраков две стрелы, но они просто прошли сквозь них. Корум, послав Брийонак еще в одного, поразил то место, где должна была быть голова, но Брийонак вернулся к нему в руку, не нанеся вреда призраку. Тем не менее казалось, что нападавшие вели себя с какой-то робостью — заполучив добычу, они сразу же отступали к холмам. Корум услышал голоса Брана и Тейнона, которые, что-то выкрикивая, карабкались вверх по склону холма, преследуя одного из фантомов. Корум закричал вслед, что это бесполезно и что они могут нарваться на еще большую опасность, но близнецы не слушали его. Помедлив, Корум все же бросился вслед за ними.

Сумерки сгущались. На снег упали густые тени. В небе трепетали последние отблески заката цвета молока с кровью. Закат еще не померк, а преследовать ледяных призраков было уже почти невозможно — их было бы трудно увидеть и при ярком свете дня.

Корум старался не терять из вида Брана и Тейнона. Бран остановился, чтобы выпустить третью стрелу туда, где ему померещился ледяной фантом. Тейнон указал ему цель, и они вдвоем побежали в другом направлении. Корум продолжал звать их, хотя опасался привлечь внимание странного создания, которого преследовали двое ребят.

Стало почти совсем темно.

— Бран!— закричал Корум.— Тейнон!

И тут он увидел их. Рыдая, они стояли на коленях в снегу. Присмотревшись, Корум понял, что они опустились на колени рядом с тем, что, скорее всего, было телом одной из пожилых женщин.

— Она мертва?— пробормотал он.

— Да,— сказал Бран,— наша мать погибла.

Корум понятия не имел, что одной из этих женщин была мать юношей. Он испустил долгий сокрушенный вздох — и, повернувшись, увидел перед собой трех мрачно ухмыляющихся ледяных фантомов.

Яростно крикнув, Корум вскинул Брийонак, чтобы поразить эти создания. Они молча двинулись на него. Щупальца их вытянутых конечностей коснулись его кожи, и тело охватил

ледяной холод. Так они парализовывали свои жертвы и так питались, высасывая тепло из их тел. Может, именно так и погибли те люди, ледяные скульптуры которых Корум видел у озера. Принц отчаялся спасти свою жизнь или хотя бы жизни двух ребят. С таким неосязаемым врагом сражаться было невозможно.

Но тут наконечник Брийонака затлел странным красно-оранжевым свечением, и, когда Корум коснулся им одного из ледяных фантомов, это создание зашипело и исчезло, оставив по себе лишь облако пара; чуть погодя и оно рассеялось. Корум не стал интересоваться источником силы копья. Он направил его на двух остальных фантомов, легонько коснулся их рдеющим острием, и они тоже исчезли. Для существования этим ледяным образованиям было нужно тепло, но когда его было сишком много, они перегревались и исчезали.

— Мы должны развести костры,— сказал ребятам Корум.— Чтобы они полыхали головнями. Тогда ледяные чудовища от нас будут держаться в отдалении. И мы не будем разбивать тут лагерь. Мы пойдем дальше — при свете факелов. И не важно, увидят ли нас фой миоре или кто-то из их прислужников. Лучше как можно скорее добраться до Кер Махлода, ибо мы понятия не имеем, каких еще созданий могут напустить на нас фой миоре.

Бран и Тейнон, подняв тело матери, вслед за Корумом начали спускаться по склону. Наконечник Брийонака снова померк, и теперь копье выглядело как всегда — просто хорошее, надежное оружие.

В лагере Корум сообщил о своем решении, и с ним все согласились.

Путешественники снялись с места. Фантомы толклись за пределами кругов света от факелов, тихонько всхлипывая, влажно шлепая и о чем-то моля. Путники пересекли долину и оказались на другой ее стороне.

Фантомы не последовали за ними, но отряд продолжал двигаться, потому что ветер изменил направление, и теперь, чувствуя соленый воздух моря, люди понимали, что Кер Махлод, где их ждет спасение, близок. Но они знали, что и фой миоре, и все их воинство где-то рядом. Эта мысль придавала даже самым старым путникам силы и энергию, и они отчаянно надеялись, что еще до рассвета увидят перед собой Кер Махлод.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
НАРОД ХОЛОДА ГОТОВИТСЯ К БОЮ

Все было на месте — и конический холм, и каменные стены крепости, и стяг короля Маннаха с морским чудовищем; здесь же была и Медбх, красавица Медбх, которая, махая Коруму и смеясь, верхом вылетела из ворот Кер Махлода — рыжие волосы развевались, а серо-зеленые глаза светились радостью, из-под копыт ее коня летели ледяные брызги, а она кричала ему:

— Корум! Корум! Корум Серебряная Рука, ты принес копье Брийонак?

— Да!— крикнул ей в ответ Корум, потрясая копьем,— и я привел гостей в Кер Махлод. Мы спешим, ибо фой миоре следуют за нами по пятам.

Оказавшись рядом, Медбх повисла у него на шее и, прильнув, поцеловала так, что вся былая мрачность сразу же оставила Корума, и принц был счастлив, что не остался на Ги-Бресейле, что не погиб в бою с Хью Аргехом и что ледяные фантомы не смогли воспользоваться теплом его тела.

— Ты здесь, Корум,— сказала она.

— Здесь, милая моя Медбх. Вместе с копьем Брийонак.

Она восторженно посмотрела на копье, но не прикоснулась, хотя Корум предложил ей это сделать. Медбх отпрянула и както странно улыбнулась.

— Не мне к нему прикасаться. Это копье Брийонак. Это копье Кремм Кройха, Серебряной Руки, сидов, богов и полубогов нашей расы. Это копье Брийонак.

Ее лицо внезапно обрело такое серьезное выражение, что Корум засмеялся и поцеловал ее так, что у нее засияли глаза. Засмеявшись ему в ответ, она развернула своего гнедого жеребца и, пустив его в галоп, возглавила цепочку уставших людей, которых провела сквозь узкие ворота в город-крепость Кер Махлод.

Там, по другую сторону ворот, стоял король Маннах. Он с уважением и благодарностью улыбнулся Коруму, который нашел одно из величайших сокровищ Кер Ллуда, одно из потерянных сокровищ мабденов — копье, что поможет приручить последнего из стада сидов черного быка Кринанасса.

— Приветствую тебя, Властитель Холма,— просто, без всякой напыщенности сказал король Маннах.— Приветствую тебя, герой. Здравствуй, сын мой.

Корум спрыгнул с седла и вытянул серебряную руку, в которой держал Брийонак:

— Вот оно. Посмотри на него. Вроде обыкновенное копье — но оно лишь кажется таковым. Оно уже дважды спасло мне жизнь на обратном пути в Кер Махлод. Осмотри его и скажи мне — считаешь ли ты его магическим оружием.

Но король Маннах последовал примеру дочери и сделал шаг назад.

— Нет, принц Корум, только герой может владеть копьем Брийонак, ибо скромный смертный будет проклят, если попытается взять его в руки. Это оружие сидов. Даже когда оно принадлежало нам, оно лежало в ящике, и к нему никто никогда не прикасался.

— Что ж,— сказал Корум,— придется уважить ваши обычаи, хотя в копье нет ничего такого, что могло бы внушать страх. Брийонака должны бояться только наши враги.

— Как скажешь,— смиренно сказал король Маннах и улыбнулся.— А теперь мы должны поесть. Сегодня мы наловили рыбы, и у нас есть несколько зайцев. Пусть все эти люди отправятся с нами в зал и вволю поедят, ибо у них, действительно, голодный вид.

Бран и Тейнон обратились к королю от имени своих оставшихся в живых соплеменников:

— Мы принимаем твое гостеприимство, великий король, ибо мы в самом деле умираем с голоду. И мы хотим служить тебе как воины, участвовать в твоем сражении с ужасными фой миоре.

Король Маннах склонил седую голову.

— Мое гостеприимство не может сравниться с вашим мужеством и благородством вашего желания, и я благодарю вас, воины, за готовность подняться на наши стены.

Едва он произнес последние слова, девушка, стоявшая на страже, крикнула со стены:

— На севере и юге клубится белый туман! Там собирается народ холода. Пришли фой миоре!

— Боюсь,— не без юмора сказал король Маннах,— что банкет придется отложить. Остается надеяться, что нас будет ждать победное пиршеств,— он мрачно усмехнулся.— И что рыба останется свежей, когда мы выйдем из боя!

Послав большинство своих людей на стены, король Маннах повернулся к Коруму:

— Ты должен призвать быка Кринанасса, Корум. И как можно скорее. Если он не появится, то тогда с нами, с народом Кер Махлода, покончено.

— Но я не знаю, как вызывать быка, король Маннах.

— Знает Медбх. Она научит тебя.

— Знаю,— сказала Медбх.

Они с Корумом поднялись к воинам на стенах и стали смотреть на восток — оттуда шли фой миоре со своими туманами и прислужниками.

— На этот раз они идут не ради короткой стычки,— сказала Медбх.

Правой рукой Корум нащупал запястье девушки и сжал его.

Они увидели, как примерно в двух милях, за лесом, поднимается белесый туман. Он затягивал все пространство горизонта от севера до юга и медленно, но неуклонно полз к Кер Махлоду. Перед его стеной бежали бесчисленные своры псов, вынюхивая следы, как обыкновенные собаки на охоте. За псами держались невысокие фигуры, в которых Корум опознал белолицых егерей-гулегов, а за ними рысью скакали бледно-зеленые всадники, считавшие себя, как и Хью Аргех, братьями сосен. А в самих клубах тумана виднелись очертания огромных фигур, очертания, которые Коруму довелось увидеть лишь раз. Рядом с ними просматривались темные контуры чудовищных боевых колесниц, влекомые животными, которые, конечно же, не имели ничего общего с лошадьми. Всего таких колесниц было семь, и в каждой из них стоял огромный возница.

— Великое шествие,— произнесла Медбх, стараясь, чтобы в голосе прозвучала отвага.— Они бросили на нас все свои силы. Явились даже все семеро фой миоре. Должно быть, они несказанно уважают нас, эти боги.

— Мы дадим им для этого основания,— промолвил Корум.

— А сейчас мы должны покинуть Кер Махлод,— сказала ему Медбх.

— Бросить город?

— Нам необходимо воззвать к быку Кринанасса. Есть такое место. Единственное, куда он может прийти.

Корум не хотел уходить.

— Через несколько часов, а может, и меньше, фой миоре пойдут на приступ.

— К тому времени мы постараемся вернуться. Поэтому мы и должны без промедения скакать к Скале сидов и вызывать быка.

Оседлав свежих лошадей, они незаметно оставили Кер Махлод и поскакали к скале, высившейся над морем, которое стонало, ревело и накатывалось на ее подножие, словно в ожидании грядущей битвы.

✧

Наконец они вышли на желтый песок, оставив за собой черные зубчатые скалы и наблюдая впереди неспокойное море; подняв головы, Корум и Медбх смотрели на странный утес, который в одиночестве высился на берегу. Пошел дождь. Его капли и летящие с моря брызги увлажняли камень, он блестел, переливаясь мягкими красками вкраплений на своей поверхности. Кое-где скала была совершенно темной, а в некоторых местах прозрачная поверхность камня отсвечивала теплыми тонами.

— Это Скала сидов,— сказала Медбх.

Корум кивнул. Что же еще это могло быть? Она не принадлежала данной плоскости. Может, как и остров Ги-Бресейл, скала оказалась здесь вместе с сидами, когда те пришли сюда драться с народом холода. Он и раньше видел вещи, которые не принадлежали этому измерению и были частью другого.

Порывы ветра швыряли им в лицо ледяные брызги, спутывали волосы, плащи развевались за их спинами, и они с трудом карабкались по гладким, отшлифованным временем камням, пока наконец не добрались до вершины. Плотный ветер угрожал сбросить их оттуда. Корума и девушку заливали потоки дождя, он лился такими каскадами со скалы, что напоминал небольшой водопад.

— А теперь возьми копье Брийонак в серебряную руку,— приказала Медбх.— И подними его.

Корум подчинился.

— Теперь ты должен переводить все, что я тебе скажу, на свой язык, на чистый вадхагский, ибо этим же языком пользовались и сиды.

— Знаю,— сказал Корум.— Что я должен говорить?

— Прежде чем заговоришь, ты должен представить себе быка, черного быка Кринанасса. Ширина его плеч равняется твоему

росту с головой. Он весь покрыт длинной черной шерстью. Расстояние между кончиками рогов — больше, чем ширина твоих вытянутых рук, и они очень остры, эти рога. Можешь представить себе такое создание?

— Думаю, что да.

— Тогда повторяй за мной, и повторяй четко и ясно.

Все вокруг понемногу становилось серым, кроме огромной скалы, на которой они стояли.

Высокими воротами из камня ты пройдешь,
Черный Бык.
Воззовет к тебе Кремм Кройх — ты придешь на зов.
Если спишь, Черный Бык, — просыпайся.
Если бодрствуешь, Черный Бык, то вставай.
Если встал, Черный Бык, то иди —
и пусть дрогнет земля под тобою.
К скале ступай, Черный Бык, к той,
которой ты был рожден,
Ибо тот, кто держит копье,—
хозяин твоей судьбы.
Брийонак в Кринанассе скован,
из камня сидов добыт;
С ним выйди на фой миоре,
которым пощады нет, Черный Бык.
Иди, Черный Бык. Иди, Черный Бык. Иди домой!

Медбх произнесла это заклинание, не переводя дыхания, и ее серо-зеленые глаза обеспокоенно уставились в единственный глаз Корума.

— Можешь ли ты перевести это на свой язык?

— Да,— ответил Корум.— Но чего ради животное ответит на эти слова и придет к нам?

— Не спрашивай, Корум.

Вадхаг пожал плечами.

— Ты все еще видишь быка своим мысленным взором?

Он помедлил. Потом кивнул:

— Вижу.

— Тогда я еще раз произнесу эти строчки, а ты повторишь их на языке вадхагов.

Корум подчинился, хотя ему показалось, что эти неуклюжие строки вряд ли были первоначально сочинены на вадхагском

языке. Он медленно повторял их вслед за Медбх, начиная чувствовать голово-кружение. Он произносил слова, и они срывались с его губ. Принц стоял, высоко вскинув копье Брийонак и призывая быка Кринанасса. Сырой ветер трепал его волосы и одежду. Голос его крепчал и гремел, перекрывая завывания ветра:

— Иди, Черный Бык! Иди, Черный Бык! Иди домой!

Когда он произносил эти слова на родном языке, казалось, они становились более весомыми, хотя язык Медбх не сильно отличался от вадхагского.

Призыв смолк. Медбх взяла Корума за руку и приложила палец к его губам. Они стояли, вслушиваясь в завывания ветра, грохот прибоя, гул дождя — и откуда-то издалека до них донеслось громовое мычание; казалось, Скала сидов чуть дрогнула и пошла переливами красок.

Снова послышалось мычание, на этот раз ближе.

Медбх, с силой сжав руку Корума, улыбнулась ему.

— Это бык,— шепнула она.— Бык идет.

Но они по-прежнему не могли понять, откуда доносится мычание.

Дождь пошел таким сплошным потоком, словно море вышло из берегов и затопило их; они почти ничего не видели за пределами скалы.

Все эти звуки постепенно уступали место низкому грозному мычанию. Стоя на вершине Скалы сидов, Корум и Медбх напряженно вглядывались в пространство, и им показалось, что они видят, как из морских вод поднимается огромное мощное тело великого быка — и вот он, отряхиваясь, стоит на берегу, из стороны в сторону глядя большими умными глазами, словно пытаясь найти источник призыва, который привели его сюда, на берег.

— Черный бык!— вскричала Медбх.— Черный бык Кринанасса! Вот он стоит, Кремм Кройх с копьем Брийонак! Вот он, твоя судьба!

И чудовищный бык опустил голову с острыми, широко расставленными рогами и, содрогнувшись всем своим черным шерстистым телом, взрыл песок тяжелыми копытами. До них доносился запах его горячего тела — теплый знакомый запах коровьего стойла. Но бык не имел ничего общего с привычным фермерским животным. Он, гордый и уверенный, был создан для войны и боя — зверь, который служит не хозяину, а идеалу.

Черным хвостом с кисточкой он хлестал себя по бокам, глядя на двух людей, что бок о бок стояли на Скале сидов, а те, в свою очередь, потрясенно смотрели на него.

— Теперь я понимаю, почему фой миоре боятся этого зверя,— сказал Корум.

ГЛАВА ПЯТАЯ
КРОВАВАЯ ЖАТВА

Когда Корум и Медбх, немного волнуясь, спускались со скалы, бык продолжал неотрывно смотреть на копье в руках принца. Животное, чуть опустив голову, неподвижно стояло на месте, рассматривая приближавшихся людей. Похоже, бык относился к ним с тем же подозрением, с каким они побаивались его, однако ясно было, что он узнал Брийонак и копье вызывает у него уважение.

— Бык,— сказал Корум, отнюдь не смущаясь, что таким образом обращается к животному,— ты пойдешь с нами к Кер Махлоду?

Дождь продолжал идти сплошным потоком, и струи его блестели на черных боках быка. Лошади, стоявшие в отдалении на берегу, испуганно рвались с места. Они не просто опасались его; черный бык Кринанасса вызывал у них откровенный ужас. Но он не обращал внимания на лошадей. Он встряхнул головой, и с острых кончиков рогов полетели капли влаги. У него дрогнули и раздулись ноздри. Его умный жесткий взгляд на мгновение скользнул по лошадям и снова вернулся к копью.

Хотя в прошлом Коруму приходилось сталкиваться и с более крупными существами, никогда еще он не видел животного, производившего впечатление такой несокрушимой мощи. И в данный момент ему казалось, что ничто на земле не может противостоять этому могучему быку.

Оставив быка наблюдать за ними, Корум и Медбх пошли по дюнному песку успокоить коней. Наконец им удалось утихомирить их и сесть в седла, но лошади продолжали вздрагивать и топтаться на месте. Однако им не оставалось ничего другого, как двинуться вверх по каменистой тропе, которая вела обратно к Кер Махлоду.

Несколько минут черный бык Кринанасса недвижимо стоял на месте, словно обдумывал какую-то проблему, после чего

двинулся за ними, держась, однако, в отдалении. Корум подумал, что, может быть, такое создание унижает необходимость быть в обществе слабых и уязвимых смертных.

Потоки дождя вскоре превратились в снег, западные склоны скал обледенели, и Корум с Медбх понимали, что это признаки приближения фой миоре, отчего они стремились как можно скорее добраться до Кер Махлода.

✧

Под стенами крепости мабденов в самом деле собралось ужасающее воинство — так скапливается мусор у форштевня гордого парусного судна. Белый туман загустел и был почти осязаем на ощупь, но большей частью держался у кромки леса в тех местах, где стояли хвойные деревья. Там скрывались сами фой миоре — им была необходима эта завеса, поднявшаяся из преддверия ада, без нее они легко стали бы уязвимы. Похоже, фой миоре оставили свои колесницы и сейчас о чем-то совещались. Тут должен был быть и сам Керенос, вождь фой миоре. И Балар, у которого, как у Корума, был всего один глаз, но это был глаз мертвеца. И Гоим, женщина фой миоре, которая уже успела познакомиться с мужеством смертных. И другие.

Придержав коней, Корум и Медбх оглянулись, чтобы посмотреть, следует ли за ними черный бык.

Следовал. Когда они остановились, он тоже остановился, не сводя глаз с копья Брийонак. Битва уже начиналась. Псы Кереноса, как и раньше, прыжками бросились в атаку на стены. Гулеги вступили в бой с мабденами, пустив в ход луки и дротики. Бледно-зеленые всадники, во главе которых Корум безошибочно опознал Хью Аргеха, однажды уже убитого им, штурмовали ворота. Даже отсюда им была видна грозная опасность, нависшая над Кер Махлодом. Корум и Медбх слышали возгласы защитников крепости и зловещие завывания собак.

— Как мы теперь доберемся до них? — с отчаянием спросила Медбх. — Если даже мы пробьемся к воротам, они по глупости откроют их, чтобы впустить нас.

Корум согласился:

— Думаю, мы должны полагаться лишь на самих себя и напасть на них сзади, пока фой миоре не поняли, что мы у них за спиной.

Медбх кивнула.

— Давай поскачем вон туда,— указала она,— где стены еле держатся. Наш удар даст время починить проломы.

Корум и сам увидел, что ее предложение имеет смысл. Он без слов пришпорил коня и пустил его вниз по холму, вскинув Брийонак, чтобы поразить первого же из врагов, который попадется ему по пути. Принц был почти уверен, что и его, и Медбх ждет смерть в бою, но в данный момент его это не волновало. Он сожалел лишь, что не может погибнуть в своем плаще, имя которого носил — он отдал его Калатину.

Подскакав поближе, Корум увидел, что в этой армии нет ледяных фантомов. Может, они созданы не фой миоре? Но гулеги были делом их рук, в этом не было никаких сомнений. Они почти не поддавались уничтожению, и мабденам было трудно справляться с такими врагами. Но кто вел их в бой? Всадник на высоком коне. Он был не бледно-зеленого цвета, как Хью Аргех, но в нем присутствовало что-то знакомое. Многих ли Корум знает в этом мире? Мало кого. Доспехов всадника коснулся луч света. На мгновение их цвет изменился с ярко-золотого до оттенка тусклого серебра; пурпур замерцал синевой.

Корум вспомнил, где раньше видел эти доспехи. Вспомнил, как его удар послал владельца доспехов в преддверие ада в великой битве у лагеря королевы Ксиомбарг, властительницы преисподней. Там, в преддверии ада, фой миоре, наверное, продолжали бы чувствовать себя в безопасности до того, как разрушилась ткань вселенной и их ядовитое дыхание отравило этот мир. Не с ними ли явился этот всадник? Вполне возможно. На его шлеме все так же колыхался темно-желтый плюмаж, как и раньше, полностью скрывавший его лицо. На нагруднике все так же красовался выгравированный герб Хаоса — восемь стрел, расходящихся из центральной ступицы. Рукой в железной перчатке он держал меч, поблескивавший то золотом, то серебром, отсвечивающий то алым, то синевой.

— Гэйнор,— сказал Корум и вспомнил его ужасную смерть.— Да это же принц Гэйнор Проклятый.

— Ты его знаешь?— спросила Медбх.

— Когда-то я прикончил его,— мрачно признался Корум.— Или по крайней мере изгнал — я думал, что хотя бы из этого мира. Но это он. Мой старый враг. Не он ли тот «брат», о котором говорила мне старуха?— Последний вопрос он обратил к самому себе.

Потом Корум замахнулся и метнул копье в принца Гэйнора, который в свое время мог быть воителем (может, даже Вечным Воителем), но теперь всецело предался злу.

Брийонак, попав в цель, поразил Гэйнора в плечо, и он покачнулся в седле. Безликий шлем повернулся и увидел, как копье летит обратно в руку Корума. Гэйнор бросил своих гулегов в самые уязвимые места в обороне стен Кер Махлода. Они рвались сквозь снежные заносы, что стали красными от крови и черными от грязи; у многих были отсечены конечности, размозжены головы и даже выпущены кишки, но они по-прежнему делали свое дело. Корум перехватил копье. Теперь он понимал, что с Гэйнором, как и раньше, будет нелегко справиться — даже с помощью магии.

Он услышал, как из-под забрала шлема донесся смех Гэйнора. Тот испытывал едва ли не удовольствие при встрече с ним, словно был рад увидеть знакомое лицо, был ли то друг или враг.

— Принц Корум, победитель мабденов! А мы уже беседовали о твоем отсутствии. Думали, куда это ты исчез, может, даже вернулся в свой мир. А ты, оказывается, здесь. До чего забавны причуды судьбы, которая хочет, чтобы мы продолжили нашу глупую ссору.

Корум на мгновение оглянулся и убедился, что бык Кринанасса следует за ними. Бросив взгляд мимо Гэйнора на выщербленные стены Кер Махлода, Корум увидел, что они завалены трупами.

— Она именно такова,— сказал он.— Но готов ли ты снова вступить со мной в бой, принц Гэйнор? Или ты снова будешь просить меня о милосердии? А может, хочешь, чтобы я снова послал тебя в ад?

Принц Гэйнор с горечью рассмеялся и сказал:

— Последний вопрос задай фой миоре. Они будут только счастливы вернуться на свою мрачную родину. Если бы они оставили меня и освободили от обета верности, поскольку Хаос отказался воевать за эту плоскость, я был бы только рад присоединиться к тебе, Корум. А пока мы, как обычно, должны сойтись в бою.

Корум припомнил выражение лица Гэйнора, когда тот когда-то откинул забрало. Он содрогнулся. Снова он почувствовал жалость к Гэйнору Проклятому, который, как и он, был обречен много раз возвращаться к жизни в разных плоскостях — но

он стремился служить самым гнусным и злобным, самым подлым хозяевам. Вот и сейчас его воинами были полумертвецы. А до этого они были полуживотными.

— Похоже, ты подбираешь себе все таких же солдат,— сказал Корум.

Гэйнор снова засмеялся, и его голос звучал приглушенно из-под шлема, который он никогда не снимал.

— Я бы сказал, что в каком-то смысле они куда лучше.

— Не хочешь ли отозвать их, Гэйнор, и присоединиться ко мне? Ты же знаешь, что в самом конце я почти не испытывал к тебе ненависти. Общего у нас с тобой куда больше, чем у всех прочих.

— Верно,— согласился Гэйнор.— Так почему бы тебе не перейти на мою сторону, Корум? Ведь в любом случае победа фой миоре неизбежна.

— И столь же неизбежно она приведет к гибели.

— Это мне и было обещано,— просто сказал Гэйнор.

Корум понял, что больше всего Гэйнор жаждет смерти и ему не удастся убедить проклятого принца, пока он, Корум, не пообещает ему еще более быстрой смерти.

— Когда этот мир умрет,— продолжил Гэйнор,— неужели я не погибну вместе с ним?

Корум посмотрел мимо проклятого принца Гэйнора на стены Кер Махлода, где горстка мабденов дралась с полутрупами-гулегами, с рычащими дьявольскими псами и существами, которые были более деревьями, чем людьми.

— Вполне возможно, Гэйнор,— задумчиво сказал он,— что ты обречен вечно сопутствовать злу в стремлении найти свой конец, а ведь если бы ты стремился к благородной цели, то удовлетворил бы все свои желания.

— Боюсь, что это слишком романтическая точка зрения, принц Корум,— Гэйнор развернул коня.

— Что?— остановил его Корум.— Ты не будешь драться со мной?

— Нет, и с твоим другом-быком тоже,— бросил Гэйнор. Он возвращался под прикрытие тумана.— Я хочу до конца оставаться в этом мире. И тебе не удастся снова послать меня в преисподнюю!— у него был ровный, даже дружелюбный голос, когда он издали крикнул:— Но я еще вернусь посмотреть на твой труп, Корум!

— Ты думаешь, что он будет тут лежать?

— Мы думаем, что из твоих людей останется в живых человек тридцать и еще до заката наши псы будут пировать за этими стенами. Так что да — я думаю, что и твой труп будет тут валяться. Прощай, Корум.

И Гэйнор исчез, а Корум и Медбх поскакали к проломам в стенах. Внезапно они услышали, как за их спинами всхрапнул черный бык Кринанасса. Сначала они подумали, что зверь гонится за ними — ведь они осмелились призвать его — но тот резко развернулся и врезался в группу бледно-зеленых всадников, которые, увидев Корума и Медбх, решили догнать их.

Черный бык Кринанасса, нагнув голову, без промедления атаковал их; кони рассыпались в разные стороны, а всадников он подбрасывал высоко в воздух. Затем, развернувшись, бык напал на гулегов и всех до одного втоптал в землю. Высоко задрав хвост, он развернулся — на каждом из рогов у него висело по дьявольскому псу.

Теперь на поле боя господствовал лишь черный бык Кринанасса.

Он отшвыривал любое оружие, которое могло оставить хотя бы след на его шкуре. С непостижимой скоростью зверь трижды обежал стены Кер Махлода, а Корум и Медбх, забытые врагами, с изумлением и радостью смотрели на него. Вскинув Брийонак высоко над головой, Корум громко восславил черного быка Кринанасса и, увидев свободное пространство в рядах потрясенных нападающих, кивком велел Медбх следовать за ним. Направив коня к Кер Махлоду, он пролетел сквозь пролом в стене и остановился прямо перед королем Маннахом. Уставший и залитый кровью из многочисленных ран, он сидел на камне, пытаясь остановить кровь изо рта, пока какой-то старик извлекал наконечник стрелы, застрявший в легком.

Когда король Маннах вскинул свою старую благородную голову, на глаза его навернулись слезы.

— Бык пришел слишком поздно,— сказал он.

— Может, он и запоздал,— ответил Корум,— но, по крайней мере, ты увидишь, как он уничтожит тех, кто уничтожал твой народ.

— Нет,— сказал король Маннах.— Я не буду смотреть. Я устал.

✧

Оставив Медбх с отцом, Корум обошел стены Кер Махлода, оценивая положение и подсчитывая павших — пока бык занимался врагами снаружи.

Принц Гэйнор ошибся. На стенах стояло не тридцать воинов, а сорок. Но под стенами оставалось еще множество псов, несколько эскадронов бледно-зеленых всадников и немалое число гулегов. К тому же к Кер Махлоду подходили сами фой миоре, и наверное, даже у одного из этих богов преисподней хватит сил разрушить город, если он рискнет хоть на несколько мгновений оставить свое затянутое туманом укрытие.

Корум вскарабкался на самую высокую башню стены, частично уже лежавшую в руинах. По раскисшей грязи поля боя бык гонял оставшиеся небольшие группки врагов. Многие без памяти бежали в ту сторону, откуда из-за тумана над лесом доносились грозные гулкие звуки — голоса эти, без сомнения, принадлежали фой миоре. Те же, кто не успел кинуться в сторону голосов, были обречены — как и те, кто медлил с бегством; все они уничтожались могучим быком и, не успев сделать нескольких шагов, падали замертво.

Похоже, фой миоре не волновало, что они теряют свое воинство, и они ничего не сделали, чтобы остановить бойню, которую устроил черный бык Кринанасса. «Похоже, народ холода все же рассчитывает разрушить Кер Махлод,— подумал Корум,— и, может, даже расправиться с быком».

Наконец, все было кончено. Не осталось в живых ни одного гулега, ни одного пса и ни одного бледно-зеленого всадника. Тех, кто не пал от оружия смертных, прикончил черный бык.

С торжествующим видом он стоял среди гор трупов людей, животных и созданий, которые напоминали людей. Бык рыл копытами землю, и из ноздрей его клубами вырывалось горячее дыхание. Вскинув голову, он издал рык, от которого содрогнулись стены Кер Махлода.

Однако фой миоре все еще не выходили из тумана.

Никто на стенах не веселился, ибо все понимали, что главная битва еще впереди.

Так что, если не считать торжествующего мычания огромного быка, над полем боя царило молчание. В воздухе висела смерть, и смерть была повсюду — и на поле битвы, и в

обезлюдевшей крепости. Смерть ждала в затянутом туманом лесу. Корум вспомнил слова, как-то сказанные ему королем Маннахом, что фой миоре следуют по пятам за смертью. Неужели они, как и принц Гэйнор, мечтают о забвении? Не это ли для них главное? В таком случае они становятся еще более грозными врагами.

Туман стал рассеиваться. Корум крикнул оставшимся в живых, чтобы готовились. Чтобы все видели, он вскинул над головой копье Брийонак, зажав его в серебряной руке.

— Вот оно, копье сидов! А вон там последний из их боевых быков! А тут стоит Корум Серебряная Рука. Готовьтесь, люди Кер Махлода, ибо фой миоре обрушатся нас со всей силой! Но и мы сильны. Мы полны мужества. Потому что это наша земля, наш мир, и мы должны защищать его!— Корум увидел Медбх.

Она улыбнулась ему и, задрав голову, крикнула:

— Если нам суждено тут погибнуть, то только так, чтобы о нас рассказывали великие легенды!

Даже король Маннах, опиравшийся на руку воина, который и сам был ранен, похоже, пришел в себя. Здоровые и раненые, юноши, девушки и старики теперь заполонили стены Кер Махлода. У них сжались сердца, когда они увидели, как семь теней в семи поскрипывающих боевых колесницах, влекомых семью странными животными, достигли подножия холма, где стоял Кер Махлод. Туман снова окутал их, его плотная бледная пелена скрыла и черного быка Кринанасса, заглушив победное мычание. Словно туман отравил его, а может, так оно и случилось.

Корум избрал целью первую из замаячивших теней и наметил то место, где должна быть голова, хотя очертания фигуры выглядели размытыми. Скрип колесниц действовал на нервы, и ему хотелось лишь сжаться в комок, но он пересилил себя и метнул Брийонак.

Казалось, копье, медленно уйдя в плывущий мимо туман, попало точно в цель, откуда через мгновение раздался странный крик боли. Затем оно вернулось к нему, но крик продолжал звучать. В других обстоятельствах он мог бы показаться нелепым, но сейчас в нем звучала зловещая угроза. Это был голос бесчувственного животного, тупого существа, и Корум понял, что принадлежит он созданию, почти лишенному интеллекта, но обладающему примитивной чудовищной волей. Именно поэтому фой миоре и были столь опасны. Ими руководили лишь

слепые инстинкты, они не могли понять своего положения, они не знали, как действовать в таких обстоятельствах, кроме как продолжать военные действия, продолжать их без злобы, ненависти или чувства мести. Они пускали в ход все, что было в их распоряжении, все силы, всех, кто мог служить им в стремлении к недостижимой цели. Да, именно поэтому им почти невозможно было нанести поражение. Их нельзя было убедить, договориться с ними. Их мог остановить только страх, и ясно было, что тот, кто продолжал реветь, испытал страх перед копьем сида. По мере того, как фой миоре обменивались глухими звуками, передние колесницы начали замедлять ход.

Через мгновение из тумана показалось какое-то лицо. Оно напоминало скорее рану, чем лицо, было багровым, с висящими клочьями плоти, разорванный рот съехал на левую щеку, над ней был единственный глаз, прикрытый веками из мертвого мяса. От верхнего века тянулся шнур, вокруг головы он шел под мышку; чтобы открыть глаз, шнур дергала рука с двумя пальцами.

Рука шевельнулась, потянув за шнур. Когда глаз открылся, Корум, инстинктивно почувствовав опасность, успел спрятаться за стену. Глаз был голубым, как лед на севере, и из него вырвался луч. И хотя Корум не оказался на его пути, принца охватил чудовищный холод. Теперь он понял, как погибли те люди у озера, которых смерть застала прямо в бою,— их заморозили. Волна холода была столь мощной, что он отлетел назад и едва не свалился с уступа. Оправившись, Корум отполз в сторону и, не выпуская из рук копья, поднял голову. Несколько человек на стенах превратились в ледяные статуи. Корум метнул Брийонак. Метнул прямо в зрачок голубого глаза.

На долю секунды показалось, что Брийонак замерз в воздухе. Качнувшись, он застыл на лету, но, сделав усилие, продолжил полет, и его наконечник, зардевшийся оранжевым свечением, как в схватке с ледяными фантомами, вонзился прямо в глаз.

Теперь Корум понял, в чем причина завываний фой миоре. Рука бросила шнур, и веко закрылось, но копье успело вырваться из раны и вернулось к Коруму. Уродливые черты лица исказились еще больше, и голова чудовища моталась из стороны в сторону, пока оно разворачивало колесницу и трогалось с места, чтобы скрыться в тумане.

Корум крикнул людям на стенах:

— Спускайтесь на землю! Оставьте меня наедине с ними, потому что у меня копье Брийонак. Ваше оружие бессильно против фой миоре. Я останусь здесь и одолею их!

Медбх закричала ему в ответ:

— Разреши мне остаться, Корум, и погибнуть рядом с тобой!

Но принц отрицательно помотал головой и повернулся лицом к наступающим людям холода. Ему все так же было страшно смотреть на них. Лишь только намек на голову. Клочья торчащих волос. И что-то поблескивает — это, может быть, блеск глаза.

И тут раздался рев. Не голос ли Кереноса, вождя фой миоре? Нет. Этот рев догонял колесницы фой миоре.

Огромный, больше самих колесниц, силуэт возник за ними, и у Корума перехватило дыхание, когда он узнал его. Это был черный бык Кринанасса, он вдруг вырос и раздался во все стороны, сохранив всю свою мощь. Склонив рогатую голову, бык сбросил одного из фой миоре с колесницы, швырнул бога высоко в небо, поймал на рога и снова отшвырнул.

Фой миоре впали в панику. Развернув боевые колесницы, они бросились наутек. Корум увидел маленькую испуганную фигурку принца Гэйнора, бегущего вместе с ними. Туман отступал быстрее, чем приливная волна, он отступал в лес, уползал с равнины и исчезал с горизонта, оставляя за собой горы трупов. Черный бык Кринанасса, вернув себе прежние размеры, принялся с удовольствием щипать травку на полянке, кое-где сохранившуюся на поле боя. Но рога его были в темных потеках, и на них еще висели клочки плоти, а слева, рядом с быком, валялась перевернутая колесница, куда больше быка, и колеса ее продолжали вращаться. Это было грубо сколоченное неуклюжее изделие из дерева.

Народ Кер Махлода не торжествовал победу, хотя они были спасены. Они не могли оправиться от потрясения. Очень медленно люди стали стягиваться на поле боя, чтобы оценить потери и разрушения.

Корум неторопливо спустился по ступеням, держа копье в опущенной серебряной руке. Он прошел туннель и, миновав ворота Кер Махлода, пошел по изуродованной земле к быку, который продолжал щипать травку. Он не знал, почему идет к быку, но на этот раз зверь не отошел от него, а повернул свою огромную голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Теперь ты должен убить меня,— сказал черный бык Кринанасса,— и тогда моя миссия будет закончена,— он говорил на чистом языке вадхагов и сидов. Речь его была спокойной, но печальной.

— Я не могу убить тебя,— сказал Корум.— Ты спас всех нас. Ты прикончил одного фой миоре, и теперь их осталось только шестеро. И Кер Махлод выстоял, и многие из его жителей спаслись лишь благодаря тебе.

— Все это сделал ты,— сказал бык.— Ты нашел копье. Ты позвал меня. Я знал о том, что должно произойти.

— Почему я должен убить тебя?

— Таково мое предназначение. Это необходимо.

— Хорошо,— сказал Корум.— Я сделаю то, что ты просишь.

И он взял копье Брийонак и всадил его прямо в сердце черного быка Кринанасса, и из бока его хлынула мощная струя крови, а зверь кинулся бежать, и на этот раз копье осталось в ране и не вернулось к Коруму.

Черный бык Кринанасса обежал все поле боя. Он пробежал сквозь лес и пересек пустошь за ним. Он бежал вдоль скал, стоящих над морем. И кровь его омыла всю землю, и там, где она капала, земля зеленела, распускались цветы и деревья покрывались листвой. Медленно прояснялось небо над головой, и тучи уплывали вслед фой миоре; небосвод, согретый жарким солнцем, синел, и, когда тепло затопило землю вокруг Кер Махлода, бык побежал к обломкам скал, где когда-то стоял замок Эрорн. Он перепрыгнул через провал, отделявший скалу от башни и тут же остановился, и копыта его были в крови, которая все текла из раны; обернувшись, он посмотрел на Корума, потом подошел к краю скалы и прыгнул в море. Копье Брийонак так и осталось в боку черного быка Кринанасса, и в землях смертных никто больше не видел его.

ЭПИЛОГ

Так завершилось сказание о Быке и Копье.

Все следы прошедшей битвы исчезли с холма, из леса и полей. Наконец в Кер Махлод пришло лето, и многие считали, что кровь черного быка Кринанасса навсегда спасла этот край от набегов народа холода. И сам Корум Джайлин Ирси, вадхаг, обосновался среди Таха-на-Кремм Кройх, и они полагали,

что его присутствие — еще одна гарантия их безопасности. Даже старуха, которую Корум когда-то встретил на замерзшей равнине, перестала бормотать свои мрачные предостережения. Все были счастливы. Все были счастливы потому, что Корум разделил ложе с Медбх, дочерью короля Маннаха, ибо это означало, что принц остается с ними. Люди собирали урожаи, пели в полях, и все радовались тому, что земля, по которой промчался бык, расцветает. Но порой Корум, лежа рядом со своей новой возлюбленной, просыпался по ночам, и ему казалось, что он слышит тихие, спокойные и грустные звуки арфы — и тогда он, вспоминая слова старухи, удивлялся: почему он должен бояться арфы, брата и, кроме того, красоты? И в такие часы он, единственный из всех обитателей Кер Махлода, не испытывал счастья.

✧

Так кончается Четвертая Книга о приключениях Корума, Принца в Алом Плаще.

ДУБ И БАРАН

© И. Полоцк, перевод, 2002.

Посвящается Джармиле

Часть первая,
В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ РЕШАЕТ ОТПРАВИТЬСЯ ВО ВТОРОЙ ИЗ СВОИХ ВЕЛИКИХ ПОХОДОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ВСТРЕЧА КОРОЛЕЙ

Итак, Ралина умерла.

И Корум встретил Медбх, дочь короля Маннаха, и спустя короткое время (таковым оно было для Корума) ей тоже придется умереть. И если уж он наделен слабостью влюбляться в женщин мабденов, чей век на земле столь краток, то должен был утешаться пониманием, что он обречен пережить многих своих возлюбленных, перенести много потерь и много страданий. Принц старался не думать об этом и гнал из головы эти мысли, как бы ни были они важны. Кроме того, воспоминания о Ралине все тускнели, и теперь Корум уже с трудом мог вспомнить радостные подробности их жизни в те давние века, когда он выступил против Повелителей Мечей.

Корум Джайлин Ирси, которого называли Принцем в Алом Плаще (но с тех пор, как он отдал плащ волшебнику, Корум стал известен под именем Корум Серебряная Рука), оставался в Кер Махлоде два месяца после того дня, как бег черного быка Кринанасса принес плодородие этой земле, и в краях Таха-на-Кремм Кройх, народа холма, внезапно расцвела весна. Прошло два месяца с того страшного дня, когда уродливые фой миоре пытались уничтожить жителей Кер Махлода, отравить и сковать льдом эти места, чтобы и они напоминали преисподнюю, откуда вышли фой миоре и куда больше не могли вернуться.

Похоже, теперь фой миоре отказались от завоеваний. Выброшенные в эту плоскость, они не чувствовали любви к ее обитателям, но и не вели войн ради собственного удовольствия. Фой миоре осталось всего шестеро.

Когда-то их было много. Но они умирали от долгих болезней, которые в конце концов и уничтожили их. Тем не менее, фой миоре старались поудобнее устроиться на Земле, превращая этот мир в безжизненный тусклый Самайн, где вечно царит зима. Но прежде им надо было уничтожить расу мабденов.

Однако мало кто из мабденов имел желание думать о таком будущем. Они раз и навсегда одержали победу над фой миоре и завоевали себе свободу. И этого было достаточно, потому что мало кто мог вспомнить такое урожайное и жаркое лето (кое-кто, потея и задыхаясь на жаре, шутил, что был бы рад возвращению народа холода), поскольку солнце, скупо дарившее тепло всей земле мабденов, отдавало свой жар этому клочку земли.

Дубы зеленели, вязы крепли, ясени и клены никогда еще не покрывались такими густыми кронами. И народ, который уже не надеялся дожить до следующего урожая, радовался, видя, как в полях обильно колосится пшеница.

Повсюду цвели маки и васильки, ноготки и лютики, жимолость и маргаритки.

И лишь ледяная вода рек, текущих с востока, напоминала Таха-на-Кремм Кройх о погибших соплеменниках, о вассалах фой миоре или о тех и о других одновременно; их верховный король — главный друид Амергин — оставался под властью чар пленником в своем городе Кер Ллуд, который фой миоре избрали столицей. И стоило людям собраться за столом и бокалом вина, как только о нем и вспоминали. Многие мрачнели, сознавая, что им не под силу отомстить за погибших братьев, ибо они могли лишь защищать свою землю от народа холода — да и это не получилось бы без помощи магии сидов и полубога, восставшего из глубокого сна под холмом. Этим полубогом был Корум.

Воды текли с востока, наполняя широкие рвы, вырытые вокруг конического холма, где высился город-крепость Кер Махлод, старое поселение из грубого серого гранита; город отличался не столько красотой, сколько надежностью. Кер Махлод был брошен однажды, но во времена войн его снова заняли люди. Это был единственный город, оставшийся у Таха-на-Кремм Кройх. Когда-то они владели несколькими, куда более красивыми городами, но все их снесли льды, которые пришли с фой миоре.

Но теперь многие из тех, кто было обосновался в городе-крепости, вернулись отстраивать разрушенные фермы и обрабатывать поля, что вернулись к жизни благодаря крови черного быка Кринанасса,— и в Кер Махлоде остались лишь король Маннах с воинами и слугами да дочь короля Маннаха с Корумом.

Порой Корум, поднявшись на стены крепости, долго смотрел в сторону моря и руин своего дома — он обрел название замка Оуйн; принц думал об изменениях, что происходят в природе, о копье Брийонак, черном быке Кринанасса и магии, с которой ему пришлось иметь дело. Ему казалось, что все это было во сне, потому что он не мог объяснить ни магии, ни того, как она пришла к ним на помощь. Ему виделись мечты людей, прежде звавших его во снах. Его все устраивало. С ним была Медбх Длинная Рука (прозванная так за свое искусство владения пращой и татлумом) с ее рыжими волосами и неподдельной красотой, с ее умом и жизнерадостностью. Он обрел достоинство. Он пользовался уважением соратников-воинов. Теперь они к нему привыкли и полностью принимали: и странную внешность вадхага («Ты похож на эльфа»,— говорила ему Медбх,), и искусственную серебряную руку, и единственный желто-пурпурный глаз, и повязку на другой глазнице — она была расшита Ралиной, маркграфиней с утеса Мойдель, который лежал в прошлом, отделенном тысячью лет.

Да, Корум держался с достоинством. Он был честен и перед народом, и перед самим собой — и этим гордился.

Кроме того, он находился в прекрасном обществе. Не было никаких сомнений, что судьба стала благосклонна к нему после того, как, оставив замок Эрорн, он откликнулся на призыв этого народа. Он гадал, что случилось с Джери-а-Конелом, Спутником Героев. Ведь именно Джери посоветовал ему ответить на просьбу короля Маннаха. Джери был последним из известных Коруму смертных, кто еще мог по своей воле путешествовать между пятнадцатью плоскостями. В свое время все вадхаги могли перемещаться между ними, как и нхадраги, но после поражения Повелителей Мечей последние остатки этой силы покинули их.

А иногда Корум приглашал к себе менестреля, чтобы тот пел ему старые песни Таха-на-Кремм Кройх, потому что они нравились ему. Одна из песен была посвящена первому Амергину, предку верховного короля, ныне плененному фой миоре. В ней говорилось о прибытии на новую родину:

Я — морская волна;
я — шепот прибоя;
я — семь воинств;
я — бык могучий;
я — орел на скале;
я — солнечный луч;
я — трава налитая;
я — дикий медведь;
я — лосось в пучине;
я — равнинное озеро;
я — творец хитроумный;
я — победитель с огромным мечом;
я меняю обличья как бог.
Куда нам идти?
Собрать ли совет нам в долине
иль на вершине горы?
Где мы дом обретем?
Где лучше, чем здесь — на острове солнца
вечернего?
Куда мы направим путь,
скитаясь в покое и счастье?
Кто, как не я, чистый родник отыщет?
Кто, как не я, возраст луны назовет?
Кто, как не я, может рыбу призвать из глуби?
Кто, как не я, подгонит ее к побережью?
Кто, как не я, может облик холмов изменить?
Я — бард, мореходам вещавший.
Наши пики нашим врагам отомстят.
Я победу предвижу.
Я песнь кончаю пророчеством счастья.

А потом бард исполнял собственную песню, прославляющую Амергина:

Я многажды облик менял, прежде чем форму обрел.
Я был узким клинком;
я был каплей в воздухе;
я был яркой звездой;
я был словом из книги;
я был книгой вначале;
я был фонарем год и еще половину;
я был мостом через три дюжины рек;

я был могучим орлом;
я был челном в волнах;
я был вождем в битве;
я был разящим мечом;
я был щитом в бою;
я был струной арфы.
Я был заключен на год в пенных водах.
Ничего не осталось, чем бы я ни был.

В этих древних песнях Корум слышал отзвуки своей собственной судьбы, как ему объяснил ее Джери-а-Конел — принц был обречен вечно возрождаться, порой зрелым человеком, в роли воина, чтобы принимать участие в великих битвах смертных, будь то мабдены, вадхаги или какая-то другая раса; он был обречен бороться за свободу смертных, угнетенную богами (хотя многие считали, что богов создают сами смертные). В этих песнях он видел отблески снов, что порой приходили к нему, в них он был всей вселенной и вселенная была им, он вмещал в себя весь мир, и все в этом мире было одинаково достойно — живое и неживое, все имело для него равную ценность. Камни, деревья, кони или люди — все были равны. Таковы были и мистические верования многих подданных короля Маннаха. Пришельцы из мира Корума могли считать это примитивным поклонением природе, но Корум знал, что в этом кроется нечто гораздо большее. Многие из фермеров на землях Таха-на-Кремм Кройх, которые вежливо кланялись камню и, бормоча, извинялись перед ним, когда хотели переместить его с одного места на другое, относились к своей земле, своим быкам и плугу с той же вежливостью, с которой разговаривали с отцом, женой или друзьями.

В результате жизнь Таха-на-Кремм Кройх текла со спокойным вежливым достоинством, что отнюдь не лишало их жизнелюбия и чувства юмора, а при случае они могли и гневаться. Поэтому Корум и испытывал гордость от того, что вступил в бой с фой миоре, ибо те угрожали не только жизни. Фой миоре угрожали спокойному достоинству этого народа.

Терпимо относясь к своим страхам, своим тщеславным помыслам, к своим глупостям, Таха-на-Кремм Кройх столь же терпимо относились к таким же качествам и у других. И Корум воспринимал как иронию судьбы то, что его собственную расу, вадхагов (теперь их называли сиды), что в конце концов обрела такие же воззрения, разбили предки этого народа. Принц пытался понять: не будет ли обречен и уязвим тот народ, который

достиг столь благородного образа жизни, перед другим, который его еще не обрел. Нет ли в этом какой-либо закономерности? В таком случае это была бы ирония космической соразмерности. Корум пытался освободиться от подобных размышлений, потому что после встречи с Повелителями Мечей, во время которой и открылось его предназначение, мысли о космических соразмерностях чрезвычайно утомляли его.

✧

Прибыл с визитом король Фиахад, для него плавание с запада было сопряжено с немалым риском. Его посол прискакал на взмыленной лошади и рывком остановил ее на краю широкого рва с водой, опоясывавшего стены Кер Махлода. Посол был облачен в свободную бледно-зеленую безрукавку, серебряный нагрудник и железные рукавицы, серебряный шлем и плащ из четырех цветных полос — желтой, синей, белой и алой. Переводя дыхание, он крикнул о своем прибытии стражнику башни над воротами. Корум, с другой стороны спустившийся со стены к башне, увидел его и удивился, потому что никогда раньше ему не доводилось встречать одеяние такого рода.

— Я человек короля Фиахада!— крикнул посланник.— Прибыл объявить, что на ваш берег высадился наш король! — он показал на запад.— Там пристали наши корабли. Король Фиахад просит гостеприимства у своего брата, короля Маннаха!

— Подожди!— крикнул стражник.— Сообщим королю Маннаху!

— Тогда прошу тебя, поторопись, ибо мы ищем укрытия за вашими стенами. В последнее время мы слышали много рассказов об опасностях, которые подстерегают путешественников на вашей земле.

Пока Корум с вежливым любопытством разглядывал посла с башни, появился король Маннах.

Он удивился в силу других причин.

— Фиахад? Что привело его в Кер Махлод?— пробормотал он, обращаясь к послу.— Король Фиахад знает, что в нашем городе он всегда может рассчитывать на гостеприимство. Но почему вы пустились в путь с земли Таха-на-Мананнана? На вас напали?

Посол все еще был не в силах перевести дыхание и лишь помотал головой.

— Нет, сир. Мой хозяин всегда хотел посоветоваться с вами, но лишь недавно мы узнали, что Кер Махлод свободен от морозов фой миоре. Тогда мы спешно подняли паруса и прибыли без обычных формальностей.Король Фиахад хочет, чтобы вы извинили его.

— Тут нечего прощать, разве что уровень нашего гостеприимства. Так и скажи королю Фиахаду. Мы с удовольствием будем ждать встречи с ним.

Еще один поклон — и облаченный в шелк рыцарь, развернув своего коня, поскакал в сторону скал; складки его безрукавки и плаща развевались на ветру, а серебряный шлем и конская сбруя блеснули на солнце, когда он исчез вдали.

Король Маннах рассмеялся:

— Принц Корум, тебе понравится мой старый друг Фиахад. По крайней мере, мы получим свежие новости о том, как живет народ западных королевств. Я боялся, что их уже завоевали.

✧

— Я боялся, что вас уже завоевали, — повторил король Маннах, раскрывая объятия.

Теперь большие ворота Кер Махлода были распахнуты настежь, и сквозь проход (теперь он шел подо рвом) двигался поток рыцарей, девиц и оруженосцев; они несли копья с флажками, на них были парчовые одеяния с изящными пряжками и застежками красного золота, усеянного аметистами, сапфирами и жемчугом, при них были круглые щиты с выписанными красивыми сложными гербами, украшенные серебром ножны и блестящие сапоги. Высокая красивая женщина сидела боком на лошади с украшенными лентами гривой и хвостом. Мужчины тоже отличались высоким ростом и носили длинные густые усы ярко-рыжего или охряного цвета; волосы их или свободно падали на плечи, или затягивались ремешками, или же собранные в узел придерживались маленькими золотыми и медными заколками.

В центре этого красочного шествия верхом ехал гигант с выпуклой бочкообразной грудью, с огненно-рыжей бородой, проницательными глазами и обветренным лицом; на нем был длинный плащ из красного шелка, отороченный зимним мехом лисы; он был без шлема, и на голове красовался лишь старинный металлический обруч, на котором золотились руны, выведенные тонким витиеватым почерком.

Стоя с распростертыми объятиями, король Маннах радостно обратился к нему:

— Добро пожаловать, старый друг, добро пожаловать, король Фиахад с далекого запада, из древней зеленой земли наших предков!

Рыжебородый гигант открыл рот и разразился громовым хохотом; перекинув ногу через луку седла, он соскользнул на землю.

— Ты видишь, Маннах, я явился в своем обычном стиле! Со всей своей помпой, со всем своим напыщенным величием!

— Вижу,— сказал Маннах, обнимая гиганта,— и очень рад. Что еще ждать от Фиахада? С тобой в Кер Махлод явились краски и очарование. Видишь — мой народ улыбается от радости. Видишь, в каком они воодушевлении? Сегодня вечером мы будем пировать. Будем праздновать. Ты принес нам радость, король Фиахад!

Услышав слова короля Маннаха, Фиахад снова радостно рассмеялся, а потом повернулся к Коруму, который стоял в отдалении, пока старые друзья приветствовали друг друга.

— А это ваш герой-сид, и имя твое — Кремм Кройх!

Подойдя к Коруму, он положил ему на плечо огромную руку, внимательно всмотрелся в лицо и, похоже, остался доволен.

— Благодарю тебя, сид, за все, что ты сделал для спасения моего брата короля. Позже мы должны поговорить о той магии, что я привез с собой. Это к тому же очень серьезно...— он повернулся к королю Маннаху,— и мы должны все обсудить.

— Поэтому вы и навестили нас, сир?— вышла вперед Медбх.

Она навещала подругу в соседней долине и вернулась как раз перед прибытием короля Фиахада. Она оставалась в костюме для верховой езды, в кожаной куртке, под которой виднелась белая льняная рубашка, и ее рыжие волосы падали на спину.

— Это основная причина, дорогая Медбх,— король Фиахад наклонился, чтобы поцеловать ее в подставленную щеку.— Как я и предсказывал, ты выросла красавицей. Ах, в тебе ожила моя сестра.

— Во всех смыслах,— сказал король Маннах, и в словах его была многозначительность, которой Корум не понял.

Медбх засмеялась:

— Твои комплименты так же велики, как и твое тщеславие, дядюшка!

— И столь же искренни,— сказал Фиахад. И подмигнул.

ГЛАВА ВТОРАЯ
СОКРОВИЩЕ КОРОЛЯ ФИАХАДА

Король Фиахад прихватил с собой арфиста, и от его неземной музыки Корума сразу же пробила дрожь. Ему показалось, что он слышит арфу, которая играла в замке Оуйн, но это была не та арфа. Этот инструмент звучал мягче и нежнее. Голос барда сливался со звуками струн, и порой их было трудно отличить. Вместе с остальными Корум сидел в большом зале Кер Махлода за просторным столом. Под скамейками шныряли собаки в поисках брошенных им костей или пролитых лужиц сладкого меда. Весело и ярко полыхали факелы, и по всему залу то и дело раздавались взрывы смеха. Беря пример со своих суверенов, рыцари и дамы короля Фиахада смешались с мужчинами и женщинами Кер Махлода, повсюду звучали песни, хохот и чудесные истории.

Корум сидел между двумя королями, а Медбх устроилась рядом со своим дядей — все они возглавляли пиршественный стол.

Король Фиахад ел с такой же страстью, с какой и разговаривал, хотя Корум заметил, что он почти не пил меда и, конечно же, был далеко не так пьян, как его подданные. Не слишком много пил и король Маннах; Корум и Медбх последовали его примеру. Если король Фиахад решил не напиваться, то, значит, на то у него была основательная причина, поскольку, как правило, он любил выпить. Пока они ели, он потчевал их нескончаемыми историями о своих подвигах.

Пиршество прошло как нельзя лучше, и постепенно зал пустел; гости и жители Кер Махлода обычно уходили парами — кланяясь, они желали остающимся доброй ночи и исчезали, и скоро осталось лишь несколько оруженосцев, храпящих прямо на столах, а могучий рыцарь из Таха-на-Мананнан, раскинув руки и ноги, разлегся под столом; вдоль стен обнимались воины и девушки Таха-на-Кремм Кройх.

— Ты последний, кого я посетил, мой старый друг,— низким серьезным голосом сказал король Фиахад, в упор глядя на короля Маннаха.— Я заранее знал, что ты скажешь. И боюсь, ты повторишь слова других.

— Повторю?— нахмурился король Маннах.

— В ответ на мое предложение.

— Вы уже навещали других королей?— спросил Корум.— Всех остальных, чьи народы еще свободны?

Король Фиахад склонил в знак согласия свою массивную рыжую голову.

— Всех. Я вижу, как важно, чтобы мы объединились. Нашей единственной защитой против фой миоре может быть только наш союз. Сначала я отправился в земли к югу от моих владений — к Таха-на-Ану. Затем поплыл на север, где среди прочих живут Таха-на-Тир-нам-Бео. Горцы, отважные и яростные. Далее двинулся под парусами вдоль побережья и погостил у короля Даффина, который владеет королевством Таха-на-Гвиддеу Гаранхир. И, наконец, прибыл к Таха-на-Кремм Кройх. Все три короля ведут себя очень осторожно, считая, что стоит привлечь внимание фой миоре, как их земли будут немедленно опустошены. Что скажет четвертый король?

— А что хотел бы узнать король Фиахад?— рассудительно спросила Медбх.

— О возможности объединения тех, кто остался, — насколько я знаю, это четыре великих человека. У нас есть кое-какие сокровища, и вместе с мощью сида мы можем обратить их себе на пользу. У нас есть отважные воины. У нас есть ваш пример, как наносить поражение врагам. Мы можем атаковать Крэг Дон или Кер Ллуд, где обитают шестеро оставшихся фой миоре. У нас огромная армия, в которую вольются оставшиеся свободными мабдены. Что скажешь ты, король?

— Я бы сказал, что готов согласиться,— бросил Маннах.— А кто не согласен?

— Три короля. Каждый из них думает, что ему безопаснее сидеть в своих владениях, и не хочет ничего ни говорить, ни делать. И все три короля боятся. Они считают, что, пока Амергин в руках фой миоре, нет смысла начинать войну. И фой миоре это знали, когда оставили Амергина в живых...

— Вашему народу нужно отказаться от предрассудков,— мягко сказал Корум.— Почему бы не изменить закон и не выбрать нового верховного короля?

— Это не предрассудки,— без обиды объяснил король Маннах.— С одной стороны, чтобы избрать нового верховного короля, все короли должны встретиться, а я предполагаю, что они боятся оставлять свои владения, чтобы в их отсутствие на них никто не напал. Избрание нового верховного короля занимает много месяцев. Со всеми необходимо посоветоваться. Все должны послушать кандидатов и при желании поговорить с ними. Можем ли мы нарушить такой закон? Если мы откажемся от наших древних обычаев, стоит ли бороться за них?

— Сделайте Корума вашим военачальником,— сказала Медбх.— И пусть силы всех королевств перейдут под его руководство.

— Такое предложение было высказано,— сказал король Фиахад.— Мною. Никто не захотел и слышать. Большая часть из нас не склонна доверять богам. В прошлом они предавали нас. И мы предпочитаем не иметь с ними дела.

— Я не бог,— сказал Корум.

— Ты скромничаешь,— сказал король Фиахад,— но все же ты бог. По крайней мере, полубог,— он погладил свою рыжую бороду. — Так я думаю после встречи с тобой. И только представь себе, что думают короли, которые не знают тебя. Они слышали сказания о тебе, а на сказания, пока дошли до них, наслоились преувеличения. Например, я был уверен, что встречу создание двенадцати футов ростом! — король Фиахад улыбнулся, поскольку сам был выше Корума.— Нет, единственное, что может объединить наши народы — это освобождение короля Амергина и его полное выздоровление.

— А что стало с Амергином?— спросил Корум. Он никогда не слышал подробностей судьбы, постигшей верховного короля, ибо Таха-на-Кремм Кройх не любили говорить об этом.

— На него наложено заклятие,— грустно сказал король Фиахад.

— Заклятие? Какого рода?

— Мы точно не знаем,— сказал король Маннах и неохотно продолжил:— Говорят, что сейчас Амергин считает себя животным. То ли козлом, то ли овцой, то ли свиньей...

— Ты понимаешь, как умны те, кто служит фой миоре?— сказала Медбх.— Они держат нашего главного друида живым, но унизили его достоинство.

— И все, кто сохранил свободу, полны скорби,— вмешался король Фиахад.— В этом все и дело, Маннах, почему они не хотят драться. Они пали духом, потому что Амергин ползает на четвереньках и ест траву.

— Не продолжай,— вскинул руку Маннах. На его сильном старческом лице отразилась печаль.— Наш верховный король — олицетворение нашей гордости...

— Тем не менее, не стоит смешивать символы с реальностью,— сказал Корум.— У расы мабденов гордости в избытке.

— Да,— подтвердила Медбх.— Это правда.

— Тем не менее,— сказал король Фиахад,— наши народы объединятся только тогда, когда с Амергина будут сняты

заклятия. Амергин мудр. Он великий человек,— и его голубые глаза заплыли слезами. Он отвернулся от собеседников.

— Значит, Амергин должен быть спасен,— просто сказал Корум.— А не попробовать ли мне найти вашего короля и доставить его на запад? — он говорил без излишней запальчивости. С самого начала он понимал, что это будет лишним.— Переодетым я могу добраться до Кер Ллуда.

Когда Фиахад снова посмотрел на Корума, слезы его уже высохли.

Он улыбался.

— И я могу переодеться,— сказал он.

Корум расхохотался. Он тут же, на месте, принял решение, которое обдумывал и король Фиахад — но, скорее всего, куда дольше.

— Ты сид...— начал король Таха-на-Мананнан.

— Имею к ним отношение,— подхватил Корум,— как выяснил во время своего последнего похода. У нас схожая внешность, и, предполагаю, нам подчиняются те же силы. Хотя не могу понять, почему они мне подчиняются...

— Потому что все в это верят,— просто сказала Медбх и, прильнув к Коруму, коснулась его руки. Прикосновение было легким, как поцелуй. Он нежно улыбнулся ей.

— Очень хорошо,— сказал Корум.— Потому что все верят. Так что можете звать меня «сид», если вас это устраивает, король Фиахад.

— В таком случае, сир сид, вам стоит кое-что узнать. Последний гость на землях далекого запада, где живет мой народ, был примерно год назад. И имя его было Онраг...

— Онраг из Кер Ллуда!— выдохнул король Маннах.— В чьем владении были...

— Были сокровища Ллуда, дары сидов, не так ли? Да, Онраг потерял их, когда в колеснице спасался от фой миоре и их вассалов. За ним по пятам следовали псы Кереноса, и он не смог вернуться. Поэтому и потерял их — все, кроме одного. Это сокровище Онраг по морю доставил на далекий запад, в землю легких туманов и дождей. Онраг из Кер Ллуда умер от многочисленных ран. Половина руки была оторвана собаками. Ухо отсечено мечом гулега. Несколько ударов ножом выпустили ему кишки. Умирая, он оставил мне на хранение единственное спасенное им сокровище, хотя ему оно не пригодилось. Он не мог им воспользоваться. Пользоваться им могут только сиды, хотя я

не понимаю почему — ведь это подлинный дар сидов, как и большинство сокровищ Кер Ллуда, и должен был помогать нам. Онраг, обреченный на смерть, считая, что наша раса погибла, принес известия о судьбе верховного короля Амергина. В то время Амергин находился все еще в большой башне, которая стоит у реки неподалеку от центра Кер Ллуда. Башня всегда являлась домом верховных королей. Но на Амергина уже было наложено заклятие, которое заставило его считать себя животным. Его охраняло множество вассалов фой миоре — часть из них пришла вместе с ними из их собственной реальности, а другие, как, например, полумертвецы-гулеги, созданы из убитых или плененных мабденов. Но, как считал Онраг, охраняли они короля очень хорошо, друзья мои. И как я слышал, не вся охрана имеет человеческий облик. Вот в таких условиях, вне всяких сомнений, и находится Амергин.

— Мне понадобится безукоризненная маскировка,— пробормотал Корум. Про себя он подумал, что в этом походе его ждет поражение, но в то же время он чувствовал, что должен сделать эту попытку, — хотя бы чтоб выразить уважение к этим людям.

— Думаю, что могу предложить ее,— сказал король Фиахад, и его мощная фигура нависла над столом.— Там ли мой сундук, брат, куда я попросил его доставить?

Король Маннах тоже поднялся, пригладив седые волосы. Корум припомнил, что еще не так давно волосы короля имели больше рыжих прядей. Но это было еще до появления фой миоре. Теперь и борода короля Маннаха почти полностью поседела. Он по-прежнему оставался красивым мужчиной, ростом почти не уступал широкоплечему Фиахаду, а высокая шея украшена золотым ожерельем, знаком королевского достоинства.

— Здесь,— сказал он.— Здесь он.

Подняв тяжелый сундук за золотые ручки, король Фиахад поднес его к столу и, крякнув, водрузил на него. Затем он вытащил из кошелька на поясе несколько ключей, открыл тугие замки и замер, не сводя с Корума проницательных голубых глаз.

— Значит, ты не предатель, Корум,— произнес он загадочную фразу.

— Нет,— сказал Корум.— Значит, нет.

— Раскаявшемуся предателю я верю больше, чем самому себе,— ухмыльнулся король Фиахад, откидывая крышку сундука.

Но открыл он ее таким образом, что Корум не увидел содержимого.

Король Фиахад запустил в сундук руку и начал бережно вынимать какой-то предмет.

— Вот,— сказал он.— Последнее из сокровищ Кер Ллуда.

Коруму пришло в голову, что король Таха-на-Мананнан продолжает шутить, ибо на руках короля Фиахада лежал потрепанный плащ, который постеснялся бы накинуть и беднейший из крестьян. Он был весь в дырах и заплатах и так выцвел, что определить его первоначальный цвет было просто невозможно.

Осторожно и в то же время заботливо держа старый плащ, словно испытывая перед ним благоговение, король Фиахад протянул его Коруму:

— Вот твоя маскировка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
КОРУМ ПРИНИМАЕТ ДАР

— Его носил какой-то герой?— спросил Корум. Это было единственное объяснение того почтения, с которым король Фиахад протянул ему потрепанный плащ.

— Да, как гласят наши легенды, его носил некий герой во время первой битвы с фой миоре,— похоже, короля Фиахада удивил вопрос Корума.— Его часто называли просто мантией, а порой — плащом Арианрод. Так что его можно в самом деле считать плащом героини, ибо Арианрод была сидом, женщиной великой судьбы, перед которой преклонялись все мабдены.

— Значит, вы сберегли его,— сказал Корум.— Но можете ли вы считать...

Медбх рассмеялась, ибо она догадалась, что он имеет в виду.

— Снизойди до нас, сир Серебряная Рука,— сказала она.— Неужели ты считаешь короля Фиахада дураком?

— Ни в коем случае, но...

— Если бы ты знал наши легенды, то понял бы, какой силой обладает эта изношенная мантия. В ней Арианрод совершила много великих подвигов, прежде чем фой миоре убили ее в последней страшной битве между сидами и народом холода. Говорят, что в этом плаще она одной рукой смела с лица земли целую армию фой миоре.

— Он делает его владельца неуязвимым?

— Не совсем,— ответил король Фиахад, все еще протягивая плащ Коруму.— Так ты возьмешь его, принц Корум?

— Я с благодарностью приму любой дар из твоих рук, король Фиахад,— сказал Корум и с почтением протянул к плащу и настоящую руку, и блестящую серебряную кисть.

Но едва прикоснувшись к материи, обе руки исчезли от запястий, словно Корума снова изувечили, но на этот раз куда основательнее. Тем не менее, он чувствовал плоть своей правой руки, ощущал пальцами плотность ткани, хотя самой мантии не было видно.

— Значит, действует,— с огромным облегчением сказал король Фиахад.— Я рад, что ты, хоть и помедлив, все же принял его, сир сид.

Тут только Корум начал все понимать. Он вытянул из-под материи здоровую руку, и она снова появилась на свет!

— Плащ-невидимка?

— Да,— потрясенно сказала Медбх.— В этом плаще Гифех вошел в спальню Бен, хотя ее отец спал у порога. Он обладает огромной ценностью, даже среди сидов.

— Не сомневаюсь, что знаю, как он должен действовать,— сказал Корум.— Эта вещь явилась из другой плоскости. Так же, как Ги-Бресейл — часть другого мира, ему же принадлежит и плащ. Того, на чьих плечах он надет, плащ переносит в другое измерение — так же, как вадхаги могли перемещаться между плоскостями, зная, что делается в каждой из них...

Присутствующие ничего не поняли из его слов, но были слишком тактичны, чтобы спрашивать.

Корум засмеялся.

— Доставленный из измерения сидов, плащ на самом деле тут не существует. Но почему же он не действует в руках мабденов?

— Он не всегда будет действовать и для сидов,— сказал король Фиахад.— Есть люди — и мабдены, и другие — обладающие каким-то шестым чувством, которое предупреждает о твоем присутствии, пусть даже для всех прочих ты остаешься невидимым. Мало у кого оно есть, так что ты можешь носить плащ почти все время, и тебя никто не заметит. Тем не менее, те, у кого шестое чувство хорошо развито, будут видеть тебя так же четко, как я вижу тебя сейчас.

— Значит, под ним я и должен буду скрываться, чтобы попасть в башню верховного короля,— осторожно принимая плащ, сказал Корум. Он отнесся к нему с той же почтительностью, что и король Фиахад, с удивлением глядя, как в его складках исчезает то одна часть его тела, то другая.— Да, отличная маскировка,—

он улыбнулся.— Лучше и быть не может.— Корум вернул плащ королю.— Храни его в своем сундуке, пока он не понадобится.

И когда сундук был снова заперт на все пять ключей, Корум задумчиво откинулся на спинку кресла.

— А теперь,— сказал он,— многое надо обдумать.

✧

Было очень поздно, когда Корум и Медбх очутились в своей низкой широкой постели; они лежали рядом, глядя на летнюю луну за окнами.

— Было пророчество,— сонно сказала Медбх,— что Кремм Кройх предстоит совершить три похода, столкнуться с тремя большими опасностями, завязать три надежные дружбы...

— Откуда эти пророчества?

— Из старых легенд.

— Ты раньше о них не говорила.

— Казалось, не было смысла. В легендах не было ничего конкретного. Кроме того, ты не такой, каким представал в легендах,— тихо улыбнулась она.

Он тоже ответил ей улыбкой.

— Что ж, значит, завтра я отправляюсь во второй поход.

— И тебя долго не будет у меня под боком,— вздохнула Медбх.

— Боюсь, такова уж моя судьба. Меня ведет долг, а не любовь, милая моя Медбх. Любовь должна радовать, когда она не мешает исполнению долга.

— Но ведь тебя могут убить, не так ли? Ты же сказочный принц!

— Да, я могу погибнуть от меча или от яда. Я даже могу свалиться с коня и сломать себе шею!

— Не смейся над моими страхами, Корум.

— Прости.

Приподнявшись на локте, он посмотрел в глаза любимой. И нагнувшись, поцеловал ее в губы.

—Мне очень жаль, Медбх.

✧

Под седлом у принца был рыжий жеребец, на котором Корум впервые появился у холма. Его сбруя блестела в лучах ран-

него утреннего солнца. Из-за стен Кер Махлода доносился птичий щебет.

На Коруме были парадные боевые доспехи — древнее снаряжение вадхагов. Корум надел рубашку из синей парчи и натянул штаны из тонкой выделанной кожи. Голову защищал остроконечный серебряный шлем с его именем (для мабденов руны были непонятны), а нагрудник состоял из слоев серебра, переложенных слоями меди. На нем не было лишь его алого плаща, имя которой он носил, ибо он отдал ее волшебнику Калатину в том месте, которое он когда-то знал как утес Мойдель. Круп лошади покрывала желтая попона, а седло и упряжь были из красной кожи с белыми разводами.

Из оружия Корум взял копье, топор, меч и кинжал. Длинное древко копья было оковано медью, а острие блестело полированным металлом. Топор был двусторонним, и его длинная рукоять также была окована медью. Ножны меча висели у стремени. Ручку его обтягивала кожа, которую держали витки золотой и серебряной проволоки, а круглый тяжелый набалдашник был выкован из бронзы. Кинжал был сделан тем же мастером и походил на меч.

— За кого тебя можно принять, как не за полубога? — одобрительно сказал король Фиахад.

Принц Корум слегка улыбнулся и взял поводья серебряной рукой. Другой рукой он коснулся прямого щита, который висел за седлом вместе с вьюком, где лежали и припасы, и туго скатанный меховой плащ — он понадобится, когда Корум окажется в краях фой миоре. Другой плащ, плащ сида, который принадлежал Арианрод, он, скатав, обвязал вокруг пояса. За него он заткнул перчатки, которые понадобятся ему позже — защитить одну руку от холода и спрятать другую, чтобы враги не опознали его.

Медбх, откинув длинные рыжие волосы, подошла и припала поцелуем к его руке; в ее глазах были гордость и тревога за него.

— Побереги свою жизнь, Корум, — пробормотала она. — Если можешь, сохрани ее, ибо она очень понадобится нам даже после окончания похода.

— Я постараюсь не расставаться с ней, — пообещал он. — У меня началась хорошая жизнь, Медбх. Но смерти я не боюсь.

Он вытер испарину со лба. Облаченному в доспехи, принцу было очень жарко под прямыми лучами солнца, но он понимал, что это будет длиться недолго. Корум поднял руку к шитой

повязке, прикрывавшей пустую глазницу, и осторожно коснулся ее.

— Я вернусь к тебе,— пообещал он.

Король Маннах, сложив на груди руки, откашлялся.

— Верни нам Амергина, принц Корум. Верни нашего верховного короля.

— Только если Амергин захочет вернуться со мной в Кер Махлод. А если я не смогу сам доставить его, то приложу все усилия, чтобы отослать его к вам, король Маннах.

— Ты отправляешься в великий поход,— сказал король Маннах.— Прощай, Корум.

— Прощай, Корум,— рыжебородый Фиахад положил огромную сильную руку на колено вадхага.— И удачи тебе.

— Прощай, Корум,— сказала Медбх, и на этот раз голос ее был столь же спокоен, как и взгляд.

Затем Корум пришпорил своего рыжего коня и покинул их.

На душе у него было спокойно, когда, оставив за спиной Кер Махлод, он пересек гряду пологих холмов и углубился в густой прохладный лес, держа путь к востоку, где лежал Кер Ллуд. Он слушал пение птиц, журчание мелких прозрачных ручьев, бегущих по истертым камням, шепот дубовых крон.

Корум ни разу не оглянулся. Он ни разу не испытал сожаления, страха или нежелания отправляться в этот путь, ибо знал, что выполняет предназначение, отвечающее великим идеалам,— и в данный момент он испытывал удовлетворение.

«Чувство покоя редко посещало меня, — подумал Корум,— я обречен принимать участие в вечной борьбе». Может, удовлетворение пришло потому, что сейчас он действовал в полном соответствии со своей судьбой, потому что исполнял свой долг, — и взамен принц был награжден столь странным ощущением внутреннего покоя. Он задумался: не потому ли этот покой пришел к нему, что он покорился своей судьбе? Какой-то парадокс — он обрел спокойствие, готовясь к бою.

Ближе к вечеру небо посерело, и в восточной стороне горизонта стали клубиться низкие грозовые тучи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
МИР, ПОЛНЫЙ СМЕРТИ

Поежившись, Корум накинул на плечи тяжелый меховой плащ и надвинул капюшон на шлем. Он глубоко погрузил здо-

ровую руку в тепло меховой перчатки, которую держал наготове, и спрятал серебряную руку в другой перчатке. Затоптав остатки костра, он огляделся. Дыхание белыми клубами висело в воздухе. Небо, с которого исчезло солнце, нависло над ним ровной мертвенной голубизной, поскольку рассвет еще не наступил. Окружающее пространство дышало унынием, земля, покрытая изморозью, была черной и мертвой. Повсюду стояли безжизненные деревья без листьев. Вдали тянулась череда темных, как земля, холмов, вершины их были покрыты снегом. Корум принюхался к ветру.

Это был ветер смерти.

Единственный запах различался в его порывах — это запах смердящего холода. Эти земли были настолько пустынны, что не подлежало сомнению — здесь побывал народ холода. Может, именно здесь они разбили свой лагерь перед тем, как двинуться на Кер Махлод и начать войну против крепости.

До Корума донеслись какие-то звуки, и ему показалось, что он уже раньше слышал их. Они заставили его отпрыгнуть от кострища и разогнать тлеющий дымок. Он посмотрел на юго-восток, откуда доносился топот копыт. Там местность шла вверх, заслоняя линию горизонта. Конский топот раздавался откуда-то из-за подъема.

И тут же Корум услышал и другие звуки.

Слабый собачий лай.

Единственные собаки, которых он мог встретить в этих местах, были дьявольскими псами Кереноса.

Корум кинулся к коню, начавшему нервничать, вскочил в седло, вырвал копье из гнезда и положил его поперек луки. Наклонившись, он потрепал коня по шее, чтобы успокоить животное, и тронулся с места, готовый встретить любую опасность.

Солнце только начало подниматься из-за горизонта, и в его лучах показался одинокий всадник. Кроваво-красные отблески сверкнули на его доспехах. В руке он держал обнаженный меч, тоже отражавший лучи солнца. На мгновение они ослепили Корума. Затем доспехи полыхнули синевой — и Корум узнал всадника.

Визг, лай и тявканье зловещих псов стали громче, но пока они так и не появились.

Корум погнал коня на подъем.

Внезапно наступила тишина. Голоса собак стихли, всадник неподвижно сидел в седле, и лишь его доспехи снова сменили цвет с синего на желтовато-зеленый.

Корум различал лишь звук собственного дыхания и ровную поступь копыт коня по твердой заиндевелой земле. Держа копье наготове, он одолел подъем и приблизился к всаднику.

Из-под безликого шлема, прикрывавшего голову, раздался его голос:

— Ха! Так я и думал. Это ты, Корум.

— Доброе утро, Гэйнор. Ты готов к поединку?

Принц Гэйнор Проклятый, откинув голову, издал глухой сдавленный смешок. Его доспехи снова сменили цвет с желтого на блестящий черный, и он кинул меч в ножны.

— Ты меня знаешь, Корум. Я устал. И пока я не собираюсь совершать еще одно путешествие в преисподнюю. По крайней мере, тут я занимаюсь делами, которые заполняют мое время. А там... ну, там вообще ничего нету.

— В преисподней?

— Да. В преисподней.

— Тогда присоединись к благородному делу. Дерись вместе со мной. Так ты сможешь обрести искупление.

— Искупление? Ох, Корум, до чего ты простодушен. Да кто же даст мне отпущение?

— Никто.

— Тогда почему ты говоришь об искуплении?

— Ты сам сможешь искупить свои грехи. Это я и имею в виду. Я не говорю, что тебе придется справиться с Владыками Порядка — если они еще где-то существуют — или нужно будет, смиряя гордость, склониться перед чьей-то силой. Я хочу сказать, что где-то в твоей душе, принц Гэйнор Проклятый, таится то, что спасет тебя от безысходности, которая ныне снедает тебя. Ты понимаешь, что те, кому ты служишь,— омерзительные создания, лишенные величия духа, преданные лишь делу разрушения. Тем не менее, ты охотно следуешь за ними, охотно служишь их целям, совершаешь ужасные преступления и приносишь чудовищные беды; ты распространяешь зло и несешь с собой смерть — ты знаешь, что делаешь, и знаешь так же, что эти преступления обрекают тебя на вечные мучения духа.

Черные доспехи вспыхнули гневным красным цветом. Принц Гэйнор повернул свой безликий шлем и уставился прямо на восходящее солнце. Его конь дернулся, и он сильнее натянул поводья.

— Присоединяйся к моему делу, принц Гэйнор. Я знаю, что оно вызовет у тебя уважение.

— Порядок отверг меня,— глухим усталым голосом произнес принц Гэйнор Проклятый.— Все, чему я когда-то следовал, все, что я когда-то уважал и чем когда-то восхищался, чему подражал,— все отвергло Гэйнора. Видишь ли, принц Корум, слишком поздно.

— Нет, не слишком поздно,— возразил Корум,— и ты забыл, Гэйнор, что я единственный видел твое лицо, которое ты скрываешь под шлемом. Я видел все твои облики, все твои мечты, все твои тайные желания, Гэйнор.

— Да,— тихо сказал принц Гэйнор Проклятый,— и именно поэтому ты должен исчезнуть, Корум. Именно поэтому я не могу выносить даже мысли, что ты еще жив.

— Тогда дерись,— со вздохом сказал Корум.— И тут же, на месте!

— Сейчас я не могу рисковать. Не сейчас, поскольку однажды ты уже нанес мне поражение. Я не могу позволить, чтобы ты снова взглянул мне в лицо, Корум. Нет, ты должен умереть иным образом, а не просто в бою. Эти псы...

Осознав, что задумал Гэйнор, Корум внезапно бросил коня в галоп и, нацелив копье в безликий шлем Гэйнора, обрушился на давнего врага.

Но Гэйнор, рассмеявшись, развернул коня и по-мчался вниз по склону — белая изморозь искрами разлеталась во все стороны от него, и земля, которую бил копытами его конь, казалось, пошла трещинами.

Гэйнор мчался с холма туда, где на задних лапах сидела свора белесых псов — вывалив красные языки, они поблескивали желтыми глазами, и с желтых клыков стекала желтая слюна, а длинные пушистые хвосты хлестали по косматым бокам. Их тела отливали мертвенной белизной проказы, кроме кончиков ушей цвета свежей крови. Некоторые из собак, самые большие, превосходили ростом пони.

Пока Гэйнор скакал к ним, они поднялись на ноги. Хрипло дыша, псы зловеще скалились, когда Гэйнор им что-то кричал.

Корум пришпорил лошадь, надеясь пробиться сквозь свору и настичь Гэйнора. Он врезался в нее с такой силой, что несколько собак кубарем покатились по земле, а голову другой он насквозь пробил копьем. И то, и другое заставило его приостановиться, к тому же ему пришлось выдергивать копье из тела пса, которого он прикончил. Конь заржал, встал на дыбы и обрушил на псов подкованные копыта.

Корум оставил в покое копье и, выхватив из-за спины топор, стал рассыпать удары налево и направо, проломив череп одной из собак и перебив позвоночник другой. Но псы продолжали издавать леденящий вой, смешивающийся с ужасающим визгом собаки с перебитой спиной. Желтые клыки вцепились в край плаща, вырвав из него большой клок меха. Псы, подпрыгивая, старались вырвать из рук Корума топор, который со свистом разрезал воздух. Корум рывком высвободил из стремени правую ногу и пнул пяткой морду одного из псов, одновременно опустив топор на собаку, которая вцепилась в упряжь. Но конь быстро терял силы, и Корум понимал, что он продержится всего лишь несколько минут, после чего рухнет под ним с разорванным горлом — против них дрались шестеро псов.

Точнее, пять. Корум успел рубануть по задним ногам пса, который прыгнул на него, но не рассчитал дистанцию. Зверь рухнул на землю рядом с перебитой собакой, которая все никак не могла сдохнуть. Она дотянулась до своего извивающегося собрата, запустила клыки в его окровавленный бок и жадно рвала его, стремясь насытиться в последний раз.

Корум услышал какой-то возглас, и ему показалось, что справа мелькнула чья-то черная фигура. Конечно же, прибыли люди Гэйнора, чтобы прикончить его. Он наудачу махнул топором за спиной, но ни в кого не попал.

Псы Кереноса перестроили ряды, готовясь к более продуманной атаке. Корум понимал, что не сможет драться и с ними, и со свежими подкреплениями, кто бы они ни были. Он увидел брешь в рядах псов, сквозь которую мог прорваться, пустив коня в галоп. Но конь, задыхаясь, стоял на месте, ноги у него подрагивали, и Корум понял, что от него ничего не добьешься. Он перекинул топор в серебряную руку и, выхватив меч, рысью двинулся на собак — пусть лучше они прикончат его в бою, чем вцепятся в спину, когда он будет удирать.

И снова мимо промелькнуло что-то черное. Это был стремительный всадник, прильнувший к спине пони. В каждой руке он держал по кривой сабле, которыми полосовал белесые спины. Удивленно взвизгивая, собаки разлетались в разные стороны, а Корум, выбрав одну, погнался за ней. Пес повернулся и прыгнул, пытаясь вцепиться коню в горло, но Корум сделал выпад и вогнал ему меч меж ребер. Длинные когти скользнули по шкуре всхрапнувшего коня, после чего собака рухнула на землю.

Но в живых остались еще три пса. Они пустились вслед за черной точкой, в которую превратился далеко ускакавший всадник — Гэйнор Проклятый — доспехи его продолжали менять цвет даже на скаку.

Корум спешился и глубоко вздохнул, о чем тут же пожалел, ибо мертвые псы воняли куда сильнее, чем живые. Он оглядел груды белого меха и кровавых потрохов, лужи запекшейся крови и повернулся к союзнику, который спас ему жизнь.

Тот продолжал сидеть в седле. Ухмыльнувшись, он кинул в ножны сначала один кривой клинок, потом другой и поглубже напялил широкополую шляпу, из-под нее торчали длинные волосы. Взяв сумку, висевшую на задней луке, он открыл ее — и вытащил маленького черно-белого кота, к спине которого были плотно прижаты крылья.

Улыбка этого неожиданного союзника стала еще шире, когда он заметил изумление Корума.

— По крайней мере, эта ситуация для меня не нова,— сказал Джери-а-Конел, называющий себя Спутником Героев.— Я часто успеваю вовремя, чтобы спасти жизнь какого-нибудь воителя. Такова моя судьба. Так же, как его судьба — вечно драться во всех великих битвах истории. Я уловил кое-какие намеки, что могу тебе пригодиться, и отправился искать тебя в Кер Махлоде, но ты уже ускакал. Почувствовав, что твоей жизни угрожает опасность, я со всей доступной мне скоростью помчался вслед за тобой,— Джери-а-Конел стащил с головы широкополую шляпу и, сидя в седле, поклонился:— Приветствую тебя, принц Корум.

Корум все еще не мог отдышаться после схватки, не мог вымолвить ни слова. И лишь улыбнулся старому другу.

— Ты составишь мне компанию в походе, Джери?— наконец, произнес он. — Ты отправишься со мной в Кер Ллуд?

— Если такова моя судьба — да. Как тебе живется, Корум, в этом мире?

— Лучше, чем я думал. А теперь, когда ты здесь, Джери, стало еще лучше.

— Ты знал, что я обязательно окажусь здесь?

— Я это понял из нашего последнего разговора. А ты? Наверное, у тебя было немало приключений в других плоскостях после нашей последней встречи?

— Одно или два. Не больше. Мне пришлось принять участие в более чем странном приключении, имеющем отношение

к природе времени. Можешь вспомнить Рунный Посох, откликнувшийся на наш призыв во время истории с башней Войлодьона Гагнасдиака? Словом, мои приключения касались миров, которые находились под его мощным влиянием. Появление этого извечного героя... он называл себя Хоукмуном. И если ты думаешь, что пережил большую трагедию, то, услышав о трагедии Хоукмуна, поймешь, что она ровно ничего не значит...

И Джери рассказал Коруму историю своих приключений с Хоукмуном: тот обрел друга, потерял возлюбленную и двоих детей, понял, что обитает в чужом теле, и провел, по мнению Корума, очень нелегкие времена в другом мире.

Пока Джери рассказывал, оба друга покинули место бойни и двинулись по следам принца Гэйнора Проклятого, который торопливо скакал к Кер Ллуду.

До него оставалось еще много дней пути.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗЕМЛЯ, В КОТОРОЙ ПРАВЯТ ФОЙ МИОРЕ

— Да,— сказал Джери-а-Конел, потирая руки в перчатках над костром, который никак не хотел разгораться.— Фой миоре явно обрели братьев во Владыках Энтропии, ибо и тех и других привлекает один и тот же конец. Насколько мне известно, фой миоре стремятся стать такими же, как эти владыки. Наше время полно неустойчивости и колебаний. Я бы сказал, что в какой-то мере они — результат дурацких манипуляций со временем барона Калана, а в какой-то — следствие того, что миллион сфер начинает расползаться. Хотя для окончательного завершения этого процесса потребуется еще какое-то время. А пока мы продолжаем жить в эпоху, полную совершенной неопределенности. Мне кажется, что на кону стоит судьба жизни, наделенной чувствами. Но боюсь ли я этого? Думаю, что нет. Чувства как таковые не обладают для меня особой ценностью. Я с удовольствием стал бы деревом!

— Кто признается, что он лишен чувств?— Корум улыбнулся, ставя на огонь котелок и бросая ломтики мяса в медленно закипавшую воду.

— Ну, скажем, кусок мрамора...

— И снова мы не знаем...— начал Корум, но Джери, нетерпеливо фыркнув, прервал его:

— Я не буду играть в эти детские игры!

— Ты не понял меня. Понимаешь, ты затронул тему, над которой я стал размышлять значительно позже. И тоже стал понимать, что способность мыслить не несет в себе никакой особой ценности. Строго говоря, она влечет за собой массу неудобств. Условия существования смертных объясняются их способностью анализировать вселенную и полным неумением понимать ее.

— Кое-кого это не волнует. Я, например, согласен плыть по течению — чему быть, того не миновать, и мне совершенно не хочется интересоваться, почему это происходит.

— Готов согласиться, что это восхитительное чувство. Но природа не наделила нас такими эмоциями. Одни культивируют в себе чувства. Другим это не под силу, и в результате они ведут несчастную жизнь. Но какое это имеет значение — счастливы ли мы в жизни или нет? Надо ли ценить радость больше, чем скорбь? Разве исключено, что и то, и другое имеет равную цену?

— Я знаю лишь,— деловито сказал Джери,— что большинство из нас предпочитают быть счастливыми...

— Тем не менее, мы обретаем счастье самыми разными путями. Кое-кто беззаботностью, другой нагружает себя заботами. Один служит лишь себе, а другие — всем окружающим. Сейчас я нашел радость в служении другим. И вопрос морали...

— Ровно ничего не значит, когда бурчит в животе,— перебил Корума Джери, заглядывая в котелок.— Как ты думаешь, Корум, мясо готово?

Корум расхохотался:

— Похоже, я становлюсь занудой.

— Ничего страшного,— Джери выловил из котелка кусок мяса и кинул его в свою миску. Один ломтик он отложил в сторону, чтобы потом, когда остынет, скормить коту. Тот мурлыкал, сидя у него на плече и терся головой об ухо Джери.— Просто ты нашел себе религию, вот и все. А что еще ты мог найти в снах мабденов?

✧

Они скакали вдоль замерзшей реки по следам, почти полностью занесенным снегом, поднимаясь все выше и выше на взгорье. Друзья миновали дом, чьи каменные стены были расколоты трещинами, словно по ним ударил огромный молот, и лишь подъехав поближе, увидели, что в окнах скалятся выбеленные черепа и кости рук воздеты в жесте ужаса. Кости поблескивали в бледном солнечном свете.

— Замерзли,— сказал Джери.— И камни растрескались, конечно же, от холода.

— Работа Балара,— заметил Корум. — У него один глаз, который несет смерть. Я его знаю. Мне пришлось с ним схватиться.

Миновав этот дом, они поднялись на холм, где нашли поселение, заваленное окоченевшими трупами. Тела имели плоть, и ясно было, что люди погибли еще до того, как их сковал мороз. Каждый мужской труп был жутко изуродован.

— А это работа Гоим,— сказал Корум,— единственной женщины из оставшихся в живых фой миоре. Она любит полакомиться мясом смертных.

— Мы на границе земель, где безраздельно властвуют фой миоре,— сказал Джери-а-Конел, показывая вдаль, где клубились мрачные тучи.— Выдержим ли? А что, если Балар или Гоим найдут нас?

— Вполне возможно,— согласился Корум.

Джери ухмыльнулся:

— Уж очень ты спокоен, старина. Что ж, утешай себя мыслью, что, если и нас постигнет та же участь, морально мы будем выше их.

Корум тоже ухмыльнулся:

— Это меня в самом деле утешает.

Рысью они покинули город и, спускаясь вдоль глубокой колеи, заваленной снегом, миновали повозку, полную окоченевших детских тел — видно было, что дети хотели покинуть город до прихода фой миоре.

Затем они въехали в долину, где пала целая армия. Тела воинов были изорваны собаками. Здесь друзья нашли свежие следы одинокого всадника и трех огромных псов.

— Гэйнор тоже придерживается этого пути,— сказал Корум,— и опережает нас всего на несколько часов. Но почему он убегает от нас?

— Может, наблюдает за нами. Может, пытается понять наши цели,— предположил Джери.— С этой информацией он может вернуться к своим хозяевам, которые поблагодарят его.

— Если фой миоре вообще кого-то благодарят. Такие помощники им не нужны. У них есть другие — и среди них воскресшие мертвецы — у которых нет выбора, кроме как следовать за ними и выполнять для них работу, потому что они не нужны больше нигде и никому.

— Как фой миоре воскрешают мертвых?

— Насколько я знаю, одного из шести зовут Раннон. Он вдыхает в мертвых ледяное дыхание и оживляет их. Если он целует живых, то обрекает их на смерть. Так гласит легенда. Но мало кому что-то известно о фой миоре. Даже они сами с трудом понимают смысл своих действий и вряд ли знают, почему очутились в этой плоскости. Когда-то их отбросили сиды, которые сами пришли из другого измерения, чтобы помочь людям Ливм-ан-Эш. Но сиды стали терять свою мощь и не заметили, как силы фой миоре возросли настолько, что они смогли вернуться на эти земли и начать завоевывать их. Однако рано или поздно они должны погибнуть от своих болезней. Насколько я понимаю, лишь некоторые из них проживут дольше отпущенной им тысячи лет. Но когда фой миоре вымрут, весь этот мир уже будет царством смерти.

— Сдается мне,— сказал Джери-а-Конел,— что нам стоило бы обзавестись хоть несколькими союзниками из числа сидов.

— Единственного, кого я знаю, зовут Гованон, и он устал от сражений. Он считает, что мир обречен и изменить его судьбу невозможно.

— Может, он и прав,— вздохнул Джери, озираясь.

Корум тоже вскинул голову, осматриваясь, и его лицо помрачнело.

— В чем дело? — удивился Джери.

— Ты не слышишь? — Корум посмотрел на холмы, с которых они спустились.

Теперь-то он совершенно ясно слышал ее — мелодию, в которой звучала и исступленная грусть, и насмешка. Звуки арфы.

— Что тут может быть за музыка? — пробормотал Джери.— Разве что погребальная песнь? — он снова прислушался.— Похоже, именно она.

— Да,— мрачно согласился Корум.— Это по мне играют. Я не раз слышал арфу, оказавшись в этой плоскости, Джери. И мне сказали, чтобы я опасался арфы.

— И все же до чего красиво,— вздохнул Джери.

— Мне было сказано, чтобы я боялся и красоты,— Корум так и не мог понять, откуда доносится музыка. Ощутив сильный озноб, он попытался взять себя в руки и направил коня вперед.— Кроме того, мне было сказано,— продолжил он,— что я погибну от руки брата.

Какие бы Джери ни задавал вопросы, он не мог заставить Корума и дальше говорить на эту тему. Несколько миль они

одолели в молчании, пока не покинули долину. Теперь перед ними простиралась широкая равнина.

— Равнина Крэг Дона,— сказал Корум.— Тут она и должна быть. Мабдены считают ее святым местом. Теперь, думаю, мы на полпути к Кер Ллуду.

— И далеко в землях фой миоре,— добавил Джери-а-Конел.

В это мгновение оба внезапно увидели, как сноп молний исполосовал бескрайнюю равнину с востока на запад и снежная пелена заискрилась белизной, как свежая простыня, которую женщина стелит на кровать.

— За нами останутся глубокие следы,— сказал Джери.

Когда отблеск молний померк вдали, Корум удивленно воззрился на странное зрелище. Солнце было полностью затянуто клубящимися облаками. Они непрестанно перемещались с места на место, меняя свои очертания.

— Мне тут что-то напоминает плоскость Хаоса,— сказал ему Джери.— Мне говорили, что такие замерзшие пространства — это конечные картины миров, в которых восторжествовали Владыки Энтропии. Они добились многообразия опустошения. Но я говорю о других мирах и о других героях — точнее, о других снах. Ну что, понадеемся, что нас не заметят на этой равнине, или не будем рисковать и обогнем ее?

— Мы пойдем напрямую через равнину Крэг Дона,— твердо сказал Корум.— А если, когда нас остановят, представится возможность объясниться, скажем, что идем предложить свои услуги фой миоре, поскольку поняли, что положение мабденов безнадежно.

— Похоже, среди них мало кто наделен интеллектом, если я правильно понимаю смысл этого понятия,— сказал Джери.— Как ты думаешь, успеем ли мы проронить хоть слово?

— Будем надеяться, что тут есть не только Гэйнор.

— Странное основание для надежды!— воскликнул Джери. Он улыбнулся коту, но тот просто замурлыкал, пусть даже и не понял смысла шутки хозяина.

Ветер взвыл, и Джери склонился под его напором, делая вид, что ждал его появления.

Корум запахнулся в меховой плащ. Хотя кое-где он был изодран псами Кереноса, но еще мог использоваться по назначению.

— Двинулись,— сказал Корум.— В путь через равнину Крэг Дона.

✧

Снег безостановочно летел из-под копыт коней, водоворотами вскипая вокруг них, как течение реки у скал. Ветер налетал то с одной стороны, то с другой, вздувая и перекидывая с места на место снежные сугробы. Он пронизывал до костей, и порой путникам казалось, что лучше уж чувствовать в теле холодную сталь, чем такой ветер. Ветер вздыхал и хрипел, как охотник, жаждущий убийства, стонал, как насытившийся любовник, рычал голодным зверем, издавал победные вопли и шипел, как змея перед броском. Он взметал до неба свежие охапки снега, которые скапливались у путешественников на плечах — и стоило отряхнуться, как на их месте тут же вырастали новые. Ветер заносил следы, по которым они двигались, и тут же обнажал их снова. Он дул со всех четырех сторон света. Порой казалось, что он летит одновременно с севера и с юга, с востока и запада, стараясь сбить путников с ног, по мере того как они пробивались сквозь равнину Крэг Дона. Порывы ветра воздвигали снежные замки и тут же разрушали их. Ветер нашептывал обещания и ревел угрозами. Он играл с людьми.

Затем сквозь снежную круговерть Корум увидел впереди какие-то темные очертания. Подумав, что столкнулся с врагами, он выхватил меч и спрыгнул с седла, ибо конь, утопавший в снегу, был бы не в силах помочь ему. Он и сам по колени утонул в снежных заносах. Однако Джери остался в седле.

— Не бойся!— крикнул он Коруму.— Это не люди. Там камни. Камни Крэг Дона.

Корум понял, что неправильно оценил расстояние и эти предметы все еще довольно далеко впереди.

— Это святилище мабденов,— сказал Джери.

— Здесь они выбирают верховного короля и проводят самые важные церемонии,— вспомнил Корум.

— Точнее, они когда-то тут этим занимались,— поправил его Джери.

Похоже, ветер умерил свою ярость, когда они добрались до огромных камней. Казалось, что и он испытывал уважение к этому древнему величественному месту. Тут было выложено семь каменных кругов, и каждый включал в себя круг поменьше. В центре последнего стоял каменный алтарь.

Когда Корум, забравшись на холм, посмотрел вниз, ему пришло в голову, что каменные овалы напоминают круги на воде,

которые бегут по плоскостям реальности, не имея ничего общего с земной геометрией.

— Священное место,— пробормотал он.— Так оно и есть.

— И смысл его мне совершенно непонятен,— добавил Джери.— Оно не напоминает тебе Танелорн?

— Танелорн? Может быть. Это их Танелорн?

— Я думаю, что с точки зрения географии так оно и есть. Танелорн — это не всегда город. Порой всего лишь предмет. Вещь. Иногда просто идея. А вот это... это — воплощение идеи.

— При всей примитивности материала и исполнения,— сказал Корум,— до чего тонкий замысел. Интересно, чьей мудростью создан Крэг Дон?

— Мабденов. Тех, кому ты служишь. В этом тоже кроется причина, по которой они не могут объединиться против фой миоре. Тут покоится центр их мира. Напоминание об их вере и об их достоинстве. И теперь, когда они не могут совершать два ежегодных великих паломничества к Крэг Дону, их души голодают и в истощении лишаются силы воли.

— Значит, мы должны найти способ вернуть им Крэг Дон,— твердо сказал Корум.

— Но сначала надо вернуть им верховного короля, воплощающего в себе всю мудрость тех, кто всю неделю постится и медитирует у алтаря Крэг Дона,— Джери прислонился к одной из огромных каменных колонн.— Во всяком случае, так они говорят,— добавил он, смутившись оттого, что и на него подействовало величие этого места, о чем он и сказал.— Не то что это мое дело,— продолжил он.— То есть, если...

— Смотри, кто идет,— перебил его Корум.— И похоже, один.

Это был Гэйнор. Он появился у внешнего круга камней и с этого расстояния казался таким маленьким, что его можно было узнать лишь по доспехам, которые, как обычно, постоянно меняли цвет. Он шел пешком. Гэйнор прошел по своеобразному туннелю, образованному семью огромными арками, и, приблизившись, сказал:

— Для кого-то эта конструкция, этот Крэг Дон, представляет собой миллион сфер или различные плоскости существования. Но я не думаю, что местные обитатели достаточно умны, чтобы разбираться в подобных материях, не так ли?

— Ум не всегда оценивается способностью ковать хорошую сталь или строить большие города, принц Гэйнор,— ответил Корум.

— В самом деле. Уверен, что вы правы. Я знавал миры, где изощренность мышления туземцев могла сравниться лишь с убо-

гостью их существования.— Безликий шлем повернулся к небу, кипящему облаками.— Я бы сказал, что скоро навалит еще больше снега. Что вы на этот счет думаете?

— Ты уже давно здесь, принц Гэйнор?— спросил Корум, кладя руку на эфес меча.

— Отнюдь. Похоже, это вы опередили меня. Я прибыл только что.

— Но ты знал, что мы здесь?

— Я подозревал, что вы направитесь сюда.

Корум попытался скрыть свою заинтересованность. Гэйнор ошибался. Крэг Дон не был их целью. Но, может, Гэйнор знает какую-то его тайну? Секрет, который сможет пригодиться мабденам.

— Кажется, тут нет ветра,— сказал он.— Во всяком случае, меньше, чем на равнине. Да и тут, в самом Крэг Доне, нет и следа пребывания фой миоре.

— Конечно, нет. Поэтому вы и искали тут убежища. Вы надеетесь понять, почему фой миоре боятся этих мест. Хотите найти тут способ нанести им поражение,— Гэйнор расхохотался.— Я знал, что вы тут появитесь.

Корум подавил усмешку. Гэйнор, сам того не понимая, предал своих хозяев.

— А ты умен, принц Гэйнор.

Гэйнору пришлось остановиться под аркой третьего круга. Дальше он не мог сделать ни шага.

Вдали Корум слышал лай псов Кереноса. Теперь он не скрывал улыбки.

— Твои собаки тоже боятся этого места?

— Да... они принадлежат фой миоре и пришли вместе с ними. Инстинктивно они сторонятся Крэг Дона. Здесь могут бывать только сиды и смертные — даже такие, как я. Но и я боюсь этого места, хотя у меня нет причин для страха. Водоворот не может поглотить Гэйнора Проклятого.

Корум подавил желание и дальше задавать Гэйнору вопросы. Его старый враг не должен понять, что до этого момента он понятия не имел об особенностях Крэг Дона.

— Но ведь и ты вышел из преисподней,— напомнил Корум Гэйнору.— И я не могу понять, почему... почему пучина не может поглотить тебя.

— Преисподняя — это не мой дом от рождения. Я был вышвырнут отсюда — вышвырнут тобой, Корум. Лишь те, кто родом из преисподней, должны бояться Крэг Дона. Но я не знаю, чего ты хотел добиться, явившись сюда. Ты, как всегда,

наивен, Корум. Ты, без сомнения, надеялся, что фой миоре ничего не знают о Крэг Доне и явятся за тобой сюда. Так вот, друг мой, должен сообщить тебе, что мои хозяева пусть кое в чем и глуповаты, но испытывают определенное уважение к этому месту. За внешний круг они не продвинутся ни на дюйм. Так что ваше путешествие — впустую,— Гэйнор гнусно захихикал.— Лишь раз твоим предкам сидам повезло, и они заманили своих врагов в это место. Лишь раз воины фой миоре попали в окружение и были выкинуты обратно в преисподнюю. Это было много веков назад. Оставшиеся фой миоре напоминают животных и, даже не понимая, почему они так делают, держатся от Крэг Дона на безопасном расстоянии.

— Тогда почему бы им не вернуться в их собственную плоскость мироздания?

— Они не понимают, что могут это сделать. И это явно в интересах таких, как я, которые пытаются внушить им это. Я не испытываю желания остаться здесь, лишенный их могучей защиты!

— Значит,— словно про себя произнес Корум,— мое путешествие оказалось бесплодным.

— Да. И более того — я думаю, что вряд ли ты живым вернешься в Кер Махлод. Когда я вернусь в Кер Ллуд, то расскажу им, что видел их врага сида. И сюда явятся все псы. Все псы, Корум. Я предполагаю, что ты будешь сидеть здесь, где тебе ничто не грозит.— Гэйнор снова засмеялся.— Оставайся в своем убежище. В этих краях ты никуда не сможешь деться от фой миоре и псов Кереноса.

— Но у нас почти нет еды,— ответил Корум, делая вид, что не обратил внимания на зловещий намек Гэйнора.— Мы тут умрем с голоду, Гэйнор.

— Возможно,— с заметным облегчением сказал Гэйнор.— Но я буду время от времени являться с едой — когда мне этого захочется. Так что вы сможете прожить тут несколько лет, Корум. И ты испытаешь кое-что из того, что досталось мне, когда я был ввергнут в преисподнюю.

— Вот, значит, на что ты надеешься. Вот почему ты не обогнал нас, когда мы шли сюда!— Джери-а-Конел начал спускаться по склону, обнажив одну из своих кривых сабель.

— Нет!— крикнул Корум своему другу.— Тебе не удастся его поразить, Джери, а он сможет убить тебя!

— Мне будет очень приятно,— сказал Гэйнор, медленно отступая перед Джери, который неохотно остановился на полпу-

ти.— Мне будет очень приятно видеть, как вы деретесь из-за отбросов, которые я буду вам приносить. До чего приятно будет видеть, как ваша дружба скончается от приступов голода. Может, я принесу вам труп собаки — одну из тех, кого ты прикончил, Джери. Что скажете? Понравится ли он вам? Или, может, вы начнете жрать человеческое мясо? Кто первый из вас решит прикончить другого и съесть его?

— До какой гнусной мести ты опустился, Гэйнор,— сказал Корум.

— Это ты обрек меня на гнусную судьбу, Корум. Кроме того, я никогда не утверждал, что обладаю благородной душой. Это скорее присуще тебе, не так ли?

Гэйнор повернулся и, легко шагая, покинул их.

— Я оставлю тут собак,— бросил он через плечо.— Не сомневаюсь, вам понравится их общество.

Корум смотрел вслед Гэйнору, пока тот не миновал внешний круг и не вскарабкался на лошадь. Вдалеке грустно и тихо завывал ветер, словно хотел пробиться сквозь семь каменных колец, но не мог.

— Итак,— задумчиво сказал Корум,— кое-что из этой встречи мы извлекли. Крэг Дон не просто святилище. Это место обладает огромной силой — это портал между пятнадцатью плоскостями, а может, их даже больше. Мы были правы, увидев в нем сходство с Танелорном, Джери-а-Конел! Но как образовать проход? Какой ритуал открывает его? Наверное, это должен знать верховный король.

— Да,— сказал Джери, — кое-что, как ты говоришь, мы в самом деле выяснили. Но кое-что и потеряли. Как нам теперь добраться до верховного короля? Послушай...

Прислушавшись, Корум услышал яростный лай злобных псов Кереноса, которые бесновались у внешнего круга камней. Стоит им покинуть убежище Крэг Дона, как псы тут же набросятся на них.

Нахмурившись, Корум поежился и плотнее закутался в меховой плащ. Пока Джери мерил шагами пространство, а лошади нервно фыркали и прядали ушами, слыша завывания собак, Корум присел на корточки у алтаря. По мере того, как над семью каменными кругами сгущался вечер, все холодало. Свойства Крэг Дона могут защитить их от фой миоре, но не от холода, пронизывающего до мозга костей. Не было тут и никакого топлива для костра.

Спустилась ночь. Ветер усилился, но его порывы не могли заглушить злобный вой псов Кереноса.

Часть вторая,

В КОТОРОЙ ПРИНЦ КОРУМ ИСПОЛЬЗУЕТ ОДНО ИЗ СОКРОВИЩ, ЧТОБЫ УБЕДИТЬСЯ, КАК ЕМУ НЕ ХВАТАЕТ ДВУХ ДРУГИХ...

ГЛАВА ПЕРВАЯ
СКОРБНЫЙ ГОРОД В ТУМАНЕ

Они стояли между двух огромных каменных колонн Крэг Дона, глядя на беснующихся собак фой миоре. Псы Кереноса были полны ярости и в то же время настороженности; они щелкали клыками, рычали, но держались от каменного круга на почтительном расстоянии. Другие собаки сидели поодаль от него, и их было еле видно в снежных завихрениях, которые топорщили их косматые шкуры. Откуда-то Гэйнор добыл еще пять собак.

Прицурившись, Корум остановил взгляд на ближайшей собаке, отвел руку с длинным тяжелым копьем, чуть опустил конец для равновесия и метнул копье со всей силой, в которую вместились и его гнев, и страх, и отчаяние.

Копье попало точно в цель, глубоко вонзившись псу в бок и свалив его с ног.

— Давай!— крикнул Корум Джери-а-Конелу.

Тот, держа в руках конец веревки, сразу же стал подтягивать ее. Корум помогал ему. Веревка была надежно привязана к копью, которое так глубоко вошло в тело пса, что пришлось втащить и его в пределы каменного круга. Собака была еще жива и, поняв, что произошло, стала биться, тщетно стараясь

освободиться. Взвизгнув, она попыталась укусить древко копья, но когда ее втащили под арку, она внезапно повалилась навзничь, словно смирилась со своей судьбой, и подохла.

Корум и Джери-а-Конел обрадовались. Придавив сапогом труп, Корум вырвал копье и тут же снова бросился к арке, таща за собой оружие с веревкой. Наметив новую цель, он метнул копье, поразив второго пса в горло и тут же подтянул копье. На сей раз оно свободно вышло из раны и заскользило по снегу обратно. Теперь осталось всего шесть зверей. Но они стали осторожнее. Корум не в первый раз пожалел, что не взял с собой лук со стрелами.

Один из псов подобрался поближе и понюхал труп собрата. Потом ткнулся мордой в горло, откуда текла свежая кровь, и начал лакать ее длинным красным языком.

Этот пес дорого заплатил за свое пиршество: меж высоких колонн снова мелькнуло копье и вонзилось ему в левый бок. Собака взвыла и закрутилась на месте, пытаясь избавиться от копья. Извиваясь, она рухнула на окровавленный снег, снова вскочила и уползла, на наконечнике копья был кусок ее плоти. Оставляя за собой потоки крови, она отползла от трупа, который только что рвала, ярдов на сто и рухнула замертво.

Держась на почтительном расстоянии от смертельно опасного копья, остальные псы подобрались к ней и начали рвать еще живую плоть.

— Это большое преимущество для нас,— сказал Корум, когда они с Джери-а-Конелом садились в седла,— что у псов Кереноса нет морального запрета поедать своих же собратьев! Думаю, это их слабое место.

Пока собаки жадно насыщались, Корум и Джери-а-Конел миновали все семь каменных кругов, проехали мимо высеченного из камня алтаря в центральном круге и снова двинулись сквозь круги, пока не оказались далеко от собак.

Те пока не догадывались о плане Корума. В распоряжении людей было несколько минут.

Изо всей силы пришпоривая коней, они понеслись вскачь, стараясь как можно дальше убраться от Крэг Дона. Но путь они держали не в Кер Махлод (как должен был подумать Гэйнор), а туда, куда собирались — в Кер Ллуд. Им повезло: ветер заметал следы и рассеивал их запах. Они могли успеть добраться до Кер Ллуда и найти главного друида Амергина прежде, чем Гэйнор и фой миоре догадаются об их замысле.

Гэйнор был прав, сказав, что они никогда не доберутся до Кер Махлода, если их по пятам будут преследовать псы Кереноса. Однако когда Гэйнор увидит, что путешественники исчезли, можно не сомневаться, сначала он впустую потеряет время, бросившись в другую сторону, пока собаки будут вынюхивать запах беглецов. Но завидная уверенность Гэйнора в том, что он отлично разбирается в психологии смертных, на этот раз оказала ему дурную услугу. Долго не размышляя о Коруме и Джери-а-Конеле, он не принял во внимание их решимость и готовность рискнуть жизнью ради дела. Слишком много времени он провел в компании слабых, алчных и извращенных личностей. Можно понять, почему он предпочитал их общество — он заметно выделялся на их фоне.

На скаку Корум обдумывал, что они узнали от Гэйнора Проклятого. В самом ли деле Крэг Дон сохраняет те свойства, о которых поведал Гэйнор, или же они применимы только для сидов? А может, Крэг Дон стал сейчас неким анклавом, которого фой миоре избегают больше из суеверия, чем из-за уважения перед его силой? Корум надеялся, что со временем выяснит истину. Если Крэг Дон в самом деле обладал такой мощью, то, может быть, удастся найти способ снова воспользоваться ею.

Однако теперь он должен забыть Крэг Дон, колонны которого постепенно превращались в темные тени, и теперь глаза путникам застилали лишь снежные вихри. Теперь он должен думать о том, что ждет их впереди, о Кер Ллуде и Амергине, который под властью заклятия находится в своей башне у реки, где его охраняют и люди, и создания, с людьми ничего общего не имеющие.

✧

Было холодно, и друзья проголодались. Спины лошадей заиндевели, и плащи Корума и Джери покрылись инеем. Лица онемели от ледяного ветра, и каждое движение доставляло боль.

Наконец они добрались до Кер Ллуда. Поднявшись на холм, они остановили коней. Перед ними лежала широкая река, покрытая льдом. На обоих ее берегах, соединенных надежными деревянными мостами, лежал город верховного короля, светлый гранит которого был припорошен снегом. Некоторые здания имели несколько этажей. Для этого мира это был большой го-

род, может, самый большой, в котором, должно быть, обитали двадцать или тридцать тысяч жителей.

Однако сейчас город имел заброшенный вид — все его очертания едва проступали сквозь туман, заполнивший улицы.

Туман лежал повсюду. Кое-где он был реже, дырявым саваном закрывая Кер Ллуд. Корум узнал этот туман — он свидетельствовал о присутствии фой миоре. Туман, который повсюду тащился за народом холода, куда бы они ни двигались в своих огромных неуклюжих боевых колесницах. Корум опасался этого тумана так же, как боялся примитивной, тупой и аморальной силы уцелевших властителей преисподней. Наблюдая за городом, Корум и Джери заметили какое-то движение у берега реки, где туман временами редел. Коруму показалось, что он увидел темные очертания головы, украшенной рогами, гигантского торса, смутно напоминавшего тело лягушки, и огромной скрипучей повозки. Ее тащило какое-то странное создание. Затем все исчезло.

С окоченевших от мороза губ Корума сорвалось единственное слово:

— Керенос.

— Тот, кто командует псами? — фыркнул Джери.

— И еще много чем другим, — добавил Корум.

Джери высморкался в большой клетчатый платок, который вытащил из-под куртки.

— Боюсь, что эта погода плохо влияет на мое здоровье, — сказал он. — И я был бы не прочь отпустить пару затрещин тем, кто ею командует!

Корум покачал головой.

— Мы с тобой еще недостаточно сильны. Придется подождать. Мы должны быть очень осторожны, чтобы избегать стычек с фой миоре — так же, как Гэйнор избегал прямого конфликта со мной, — он всмотрелся в туман и снежные вихри. — Кер Ллуд не охраняется. Они явно не боятся нападения мабденов. Почему? Однако это нам на руку, — принц посмотрел на Джери, лицо которого посинело от холода. — Думаю, если мы сейчас отправимся в Кер Ллуд, то вполне сойдем за живые трупы. Если остановят, скажем, что мы люди фой миоре. Обитающие здесь совершенно примитивны, и они не смогут разобраться, служим мы фой миоре или находимся у них в рабстве. Они не успеют понять, что их обманывает. Идем.

Корум пустил коня вниз с холма, и друзья поскакали к мрачному печальному городу, некогда великому Кер Ллуду.

После относительно чистого воздуха оказаться в тумане Кер Ллуда было тем же самым, что из лета сразу же попасть в зиму.

И если еще недавно Корум и Джери-а-Конел считали, что им холодно, то теперь они попали в объятья ледяного мороза. Туман вел себя едва ли не как одушевленное существо. Он пробирал до костей, грыз плоть и внутренности; они с трудом удерживались, чтобы, как обыкновенные люди, не орать от его укусов. Для Гэйнора Проклятого, для живых мертвецов-гулегов, для братьев сосен, подобных Хью Аргеху, с которым когда-то Корум сошелся в бою,— для всех них, конечно же, этот холод ничего не значил. Но только не для простых смертных. Корум, задыхаясь и содрогаясь, сомневался, что они вообще смогут остаться в живых. С каменными окоченевшими лицами они продолжали ехать дальше, стараясь избегать сгущений тумана. Они искали высокую башню у реки, где, как они надеялись, все еще под стражей находится Амергин.

Они молчали, опасаясь выдать себя, ибо невозможно было определить, кто или что со всех сторон следит за ними из тумана. Лошади спотыкались и скользили, словно этот проклятый туман действовал и на них. Наконец Корум склонился к своему спутнику и, кривясь от боли в потрескавшихся губах, сказал ему:

— Слева от нас стоит дом. Кажется, он пуст. Давай посмотрим. Дверь открыта. Въезжай прямо туда.

Направив коня в дверной проем, он оказался в узком коридоре, где лежали тела старухи и девочки. И мертвыми они обнимали друг друга, скованные морозом. Спрыгнув с седла, Корум по коридору провел лошадь в помещение.

Похоже, грабители побывать тут не успели. Ледяная корка покрывала еду на столе, собранном примерно для десяти человек. В углу стояли несколько копий, а у стены валялись мечи и щиты. Из этого дома мужчины бросились в бой против фой миоре и не вернулись обратно, где их ждал очаг. Старуха и девочка погибли под мертвенным взглядом Балара. Конечно, предстоит найти тела и других — мальчиков и стариков — которые не вступили в бесполезную битву с фой миоре, когда те впервые вступили в Кер Ллуд. Коруму отчаянно хотелось разжечь огонь, согреть ноющие кости, изгнать из тела дыхание тумана, но он понимал, что это слишком рискованно. Живые

мертвецы не нуждаются в тепле, чтобы согреться — так же, как и люди сосен.

Когда Джери-а-Конел ввел в комнату своего коня и вытащил из-под куртки дрожащего черно-белого кота с крылышками, Корум прошептал:

— Наверху должна быть одежда, может, даже одеяла. Я проверю.

Кот, жалобно мяукая, уже успел забраться обратно под куртку Джери.

Корум осторожно поднялся по деревянной лестнице и оказался на узкой площадке. Как он и предполагал, здесь лежали и другие обитатели дома — два глубоких старика и трое малышей. Погибая, старики пытались согреть детей теплом своих тел.

Войдя в комнату, Корум нашел большой комод, полный одеял, задубевших от холода. Однако замерзли они не полностью. Он вытащил из середины столько, сколько смог унести, и понес их вниз. Джери с благодарностью принял их и сразу же стал кутаться.

Корум размотал то, что было у него на поясе,— невзрачную мантию, дар короля Фиахада. Плащ сида.

Они составили план дальнейших действий. Пока Корум будет искать Амергина, Джери вместе с лошадьми останется ждать его тут. Разворачивая плащ, Корум снова удивился, когда руки исчезли из виду. Джери, закутанный во множество одеял, увидел его в первый раз и задохнулся от изумления.

И тут Корум замер на месте.

С улицы доносились какие-то звуки. Он осторожно подошел к занавешенному окну и посмотрел сквозь щель. За завесой вязкого тумана Корум увидел движение каких-то фигур — их было очень много. Кто-то шел пешком, другие ехали верхом, но все были одного и того же зеленоватого цвета. Корум узнал их — эти странные братья сосен, которые когда-то были людьми, но затем кровь в их жилах уступила место древесным сокам, и теперь они черпали жизненные силы не из пищи и воды, а прямо из земли. Это были самые отчаянные бойцы фой миоре, самые умные из стада их рабов. Кони под ними того же странного зеленоватого цвета — и их жизненные силы поддерживались тем же, что и народ сосен. «Но даже они обречены»,— думал Корум, глядя на них. Когда фой миоре отравят всю землю, погибнут и самые стойкие деревья. Однако к тому времени

фой миоре уже не будут нуждаться в услугах своих зеленых солдат.

Если не считать Гэйнора, наибольшие опасения Коруму внушали именно эти создания, ибо у них сохранились немалые остатки былого интеллекта. Жестом он дал понять Джери, что надо хранить полное молчание и даже почти не дышать, пока не пройдет вся эта вереница.

Она была лишь частью большой армии, готовившейся к выступлению. Похоже, братья сосен оставляли Кер Ллуд. Чтобы продолжить штурм Кер Махлода? Или они шли куда-то в другое место?

За ними клубился густой туман, из толщи которого доносилось какое-то странное урчанье и хрюканье — звуки эти можно было принять за речь. Туман стал расползаться, и в просветах Корум увидел очертания какого-то грузного бесформенного животного и шаткой колесницы. Подняв глаза, он вгляделся в нечеткий силуэт того, кто ехал в колеснице. Принц увидел рыжеватый мех и восьмипалые кисти рук, узловатые и покрытые бородавками; они держали предмет, смахивающий на чудовищный молот, но плечи и голова были полностью скрыты из виду. Когда мимо окон со скрипом проползла боевая колесница, на улице снова воцарилась тишина.

Корум завернулся в плащ сида. Похоже, он был скроен на более крупного человека, потому что складки плаща полностью скрывали его.

И тут, к своему удивлению, он увидел перед собой две комнаты, словно глаза расфокусировались. Тем не менее комнаты слегка отличались. В одной, где, закутавшись в одеяла, сидел Джери, витала смерть, а другая была светлой, полной воздуха и солнечного тепла.

И тут Корум понял, какими свойствами обладал плащ сида. Прошло много времени с тех пор, как он мог перемещать тело из одной плоскости в другую. Плащ делал это за него. Подобно Ги-Бресейлу, он не полностью принадлежал этому измерению, он как бы передвигал его несколько в сторону, в пространство, которое отделяло одно измерение от другого.

— Что случилось?— спросил Джери-а-Конел, глядя в сторону Корума.

— А что? Я исчез?

Джери покачал головой.

— Нет,— сказал он,— но ты стал каким-то размытым, словно вокруг тебя повис густой туман.

Корум нахмурился.

— Значит, плащ в общем-то не работает. Мне стоило проверить его перед отъездом из Кер Махлода.

Джери-а-Конел задумался.

— Может, зрение мабденов он и обманет, Корум. Ты забыл, что я привык путешествовать между плоскостями. Но те, кто не умеет видеть, те, кто не обладает нашими знаниями, они, может быть, и не увидят тебя.

Корум с горечью усмехнулся:

— Что ж,— сказал он,— нам остается только надеяться на это!

Он двинулся к двери.

— Будь осторожнее, Корум,— предупредил его Джери-а-Конел.— Гэйнор — как и сами фой миоре — во многом не принадлежит этому миру. Кто-то из них сможет четко увидеть тебя. У других возникнет впечатление, что они видят твои очертания. И в этом кроется большая опасность для твоего плана.

Корум ничего не сказал в ответ. Покинув дом, он вышел на улицу и ровным спокойным шагом, как человек, идущий навстречу неминуемой смерти, направился в сторону башни у реки.

ГЛАВА ВТОРАЯ
КАК НИЗКО ПАЛ ВЕРХОВНЫЙ КОРОЛЬ

Стражник возник прямо у Корума на пути, когда тот, войдя в открытые ворота, стал подниматься по пологим ступеням, которые вели ко входу в высокую гранитную башню. Он был огромен, с выпуклой грудью, затянут в кожу и в каждой руке держал по ятагану. Красные глаза блестели. Бескровные губы кривила гримаса, которую можно было принять и за усмешку, и за злобный оскал.

Таких существ Корум встречал и раньше. Это был один из вассалов фой миоре — гулег, живой мертвец. Часто они егерями сопровождали псов Кереноса, ибо их отбирали из тех, кто еще до появления фой миоре обитал в лесах.

Эта встреча должна стать проверкой, подумал Корум. Стоя менее чем в шаге от красноглазого гулега, он принял боевую стойку, положив руку на рукоятку меча.

Но гулег не шелохнулся. Он продолжал смотреть прямо сквозь Корума. Ясно было, что он его не видит.

Корум с облегчением снова обрел веру в плащ сида. Он обошел стражника и продолжил путь, пока не оказался у входа в башню.

Здесь стояли еще два гулега, но и они, подобно их собрату, не подозревали о присутствии Корума. Принц едва не рассмеялся, когда прошел мимо них и стал подниматься по винтовой лестнице, которая вела в самое сердце башни. Широкая, она имела почти квадратную форму. Ступени были старыми и истертыми, а стены по обеим сторонам раскрашены или покрыты удивительно красивыми резными изображениями. Как и большинство произведений искусства мабденов, они изображали знаменитые деяния великих героев, любовные истории, подвиги богов и полубогов — и все работы были подчинены концепции чистой безукоризненной красоты, рядом с которой не находилось места мрачным аспектам суеверий и чрезмерной религиозности. Все мабдены прекрасно понимали метафорическую образность старых историй и ценили ее.

Повсюду со стен свисали обрывки гобеленов. Хотя они покоробились от мороза, были изъедены туманом, все же можно было понять их почти что бесценность — темно-красные, желтые и синие ткани, вышитые золотыми и серебряными нитями. Корум нахмурился при виде разрушений, оставленных фой миоре и их прислужниками.

Добравшись до первого этажа башни, он оказался на широкой площадке, вымощенной каменными плитами, которая сама по себе была комнатой — вдоль стен стояли скамьи, и над ними на стенах висели декоративные щиты. Из-за дверей одной из комнат, выходивших на площадку, он услышал голоса.

Теперь уж не сомневаясь в могуществе плаща, он подошел к полуоткрытым дверям и, к своему удивлению, почувствовал, как из-за них тянет теплом. Ощущение было приятным и в то же время озадачивало. С предельной осторожностью Корум заглянул в дверной проем — и испытал потрясение.

У огня, пылавшего в большом камине, сидели двое. Оба были в плотных одеяниях из белого меха. У обоих были меховые перчатки. Оба никоим образом не могли оказаться в Кер Ллуде. В другом конце комнаты накрывала на стол девушка с такой же белой кожей и красными глазами, как у стражников-гулегов. Не подлежало сомнению, что и она принадлежала к числу живых мертвецов. Все это означало, что эту пару доставили в Кер Ллуд отнюдь не силой. Видно было, что они тут гости, в распоряжение которых предоставили даже прислугу.

Одним из этих гостей фой миоре был высокий стройный мабден. На пальцах перчаток у него сверкали перстни с драгоценными камнями, а шею украшало золотое ожерелье с такими же камнями. Его длинные седые волосы и такая же седая длинная борода обрамляли красивое старческое лицо. На груди висел длинный рог на ремешке, украшенный золотыми и серебряными поясками. Корум знал каждую подробность этих поясков, изображавших различных лесных животных. Мабденом этим был тот, кого он встретил у утеса Мойдель и и с кем обменялся плащом — плащ в обмен на рог, который мабден, по всей видимости, себе вернул. Это был волшебник Калатин, втайне лелеявший планы измены и своим соотечественникам-мабденам, и их врагам фой миоре — по крайней мере, Корум так думал.

Но еще больше его потрясло присутствие спутника Калатина — того, кто клялся, что никогда больше не будет иметь отношения к делам мира сего. Вот кто, действительно, должен быть ренегатом. Этот человек называл себя карликом, хотя был восьми футов ростом и четырех футов в плечах; у него были тонкие черты лица, как у близкого родственника вадхагов, хотя почти все лицо заросло густыми черными волосами. Под обилием мехов поблескивал металлический нагрудник, на ноги надеты блестящие поножи с золотой вязью, а голову прикрывал блестящий шлем той же работы. Рядом стоял огромный обоюдоострый боевой топор, куда больше, чем топор Корума. Это был Гованон, кузнец-сид с Ги-Бресейла, который дал Коруму копье Брийонак и мешочек со слюной для Калатина. Как мог Гованон стать союзником фой миоре, не говоря уж о Калатине? Он же клялся, что впредь никогда не позволит себе ввязаться в войну между смертными и богами преисподней! Неужели он обманул Корума? Неужели он все время был в одной команде с фой миоре и колдуном Калатином? Но в таком случае почему же он дал Коруму копье Брийонак, которое послужило причиной поражения фой миоре у Кер Махлода?

Словно почувствовав присутствие Корума, Гованон стал медленно поворачиваться к дверям, и Корум торопливо отпрянул — а вдруг сид может увидеть его?

В лице Гованона было что-то странное, какая-то мрачная трагичность, но у Корума не было времени пристально вглядываться в него, дабы понять, что оно выражает.

С тяжелым сердцем, огорченный предательством Гованона (хотя его не слишком удивило решение Калатина присоединиться

к фой миоре), Корум, на цыпочках возвращаясь на площадку, услышал, как Калатин сказал:

— Завтра мы должны будем вместе с ними двинуться в поход.

До него донесся низкий голос Гованона:

— Завтра начинается самое решительное завоевание Запада.

Значит, фой миоре в самом деле готовятся к битве, и, скорее всего, они снова двинутся на Кер Махлод. На этот раз в союзниках у них сид, а в Кер Махлоде больше нет оружия сидов.

Корум с величайшими предосторожностями преодолел еще один лестничный марш, но, повернув за угол, на полпути увидел какую-то огромную бесформенную тушу, заполнявшую все пространство, не оставляя ему места, где он мог бы проскользнуть незамеченным.

Туша не увидела его, но подняла морду и принюхалась. В трех ее глазах разных размеров отразилось удивление. Розовая ворсистая тварь дрогнула и, опираясь на свои пять рук, приняла сидячее положение. Три руки были человеческими и по внешнему виду принадлежали женщине, юноше и старику, четвертая рука была обезьяньей, скорее всего гориллы, а пятая могла бы служить огромной рептилии. Ноги, которые туша выпростала из-под себя, были короткими и заканчивались соответственно человеческой ступней, коровьим копытом и собачьими когтями. Туша была голой, не обладала признаками пола и не имела при себе оружия. От нее несло зловонием экскрементов, пота и прогнившей пищи. Хрюкнув, она сменила положение тела.

Корум бесшумно вытянул меч. Три века сомкнулись над тремя бесформенными глазами, поскольку туша, ничего не увидев, снова устроилась спать.

Как только глаза закрылись. Корум нанес удар.

Удар пришелся прямо в округлый рот, меч проткнул небо и вошел в мозг. Корум понимал, что может нанести только один убийственный удар, прежде чем туша взревет и поднимет других стражников.

Глаза открылись, и один тут же захлопнулся в каком-то гнусном подмигивании.

Остальные два изумленно уставились на клинок, поскольку он, похоже, возник из воздуха. Обезьянья лапа поднялась было, чтобы потрогать лезвие, но, так и не закончив движение, упала без сил. Остальные глаза тоже закрылись, и Корум, кинув меч в нож-

ны, перескочил через груду содрогающегося мяса; ему оставалось только молиться, чтобы никто не нашел этот труп до того, как он выяснит местонахождение главного друида Амергина.

Два стражника-гулега, прижимая к груди ятаганы, стояли по стойке смирно на верхней площадке, но ясно было, что они ничего не слышали.

Корум стремительно проскользнул мимо них, поднялся еще на один пролет и тут на верхней площадке увидел двух огромных собак — самых больших из всех псов Кереноса, что попадались ему на глаза.

Собаки старательно принюхивались. Видеть они его не видели, но запах улавливали. Обе тихо и грозно рычали.

Действуя с той же быстротой, как и при встрече с тушей, Корум проскочил между собаками и с удовлетворением увидел, как они, лязгнув клыками, чуть не вцепились друг другу в глотки.

Здесь была высокая арка, закрытая бронзовыми дверями с изысканным сложным литьем. Король Фиахад описал их. Это были двери в апартаменты Амергина. На медном крюке у дверей над головой одного из огромных стражников-гулегов висел металлический ключ. Ключ от этих прекрасных бронзовых дверей.

За спиной Корума псы Кереноса, не получившие приказа покинуть свой пост, скулили и ерзали по каменным плитам, на которых сидели. На мрачной физиономии гулега мелькнуло выражение любопытства. Он наклонился.

— В чем дело, псы? Кто-то чужой?

Корум прошел ему за спину и тихонько снял ключ с крюка. Вставив в замок, он повернул его, открыл дверь и притворил ее за собой. Поскольку медленно соображающий гулег сейчас был занят поведением собак, он мог и не заметить отсутствия ключа.

Корум очутился в помещении, занавешенном плотными темными портьерами. Принюхавшись, он с удивлением ощутил запах свежей травы. Здесь тоже было тепло, и жар шел от камина, еще более крупного, чем тот, у которого двумя этажами ниже сидели Калатин и Гованон.

Но где Амергин?

Корум тихонько перешел из одной комнаты в другую. Опасаясь ловушки, он не снимал руки с меча.

И тут, наконец, он увидел... Сначала ему показалось, что это животное, поскольку оно стояло на четвереньках и, склонившись над золотым подносом, ело стебли какого-то растения.

Голова его повернулась, но глаза не видели Корума, все еще закутанного в плащ сида. Большие добрые глаза смотрели в пустоту, челюсти медленно двигались, пережевывая стебли. Тело было прикрыто овечьей шкурой с сохранившимися клочками грязной шерсти, в которой торчали головки репейника и колючки шиповника, словно ее содрали с дикой горной козы. Куртка, рубашка и брюки были скроены из жестких кусков таких же шкур, и кожаный капюшон покрывал голову, оставляя открытым только лицо. Человек производил смешное и жалкое впечатление. Корум понял, что это и есть Амергин, верховный король мабденов, главный друид Крэг Дона, и что он в самом деле находится под властью заклятия.

У него было красивое и, может, даже умное лицо, но сейчас на нем не было и следа ни того, ни другого. Немигающие глаза смотрели в пустоту, а челюсти продолжали пережевывать траву.

— Амергин? — пробормотал Корум.

Тот перестал жевать. Потом открыл рот и испуганно заблеял.

Затем Амергин пополз в тень, где, без сомнения, надеялся найти убежище.

Не скрывая огорчения, Корум обнажил меч.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРЕДАТЕЛЬ СПИТ, ДРУГ БОДРСТВУЕТ

Корум без промедления перехватил меч за другой конец и с силой опустил круглую тяжелую рукоятку на затылок Амергина. Взяв на руки тело, он удивился, какое оно легкое. Растительная диета чуть не довела его до голодной смерти. Корум помнил, как ему сказали, что с Амергина нелегко будет снять заклятие, пока они не отдалятся от Кер Ллуда. Ему придется доставить Амергина в безопасное место.

Кое-как прикрыв плащом и Амергина, Корум посмотрел в зеркало и убедился, что оба они невидимы. Еще раз оглядевшись в комнате, он повернулся и двинулся обратно к бронзовым дверям; меч, прикрытый плащом, принц продолжал держать в руке.

Корум осторожно повернул ключ и приоткрыл дверь. Гулег все так же стоял рядом с собаками. Оба дьявольских пса нервничали, что-то подозревая, но сидели на месте, их морды почти достигали плеча гулега. Красные глаза гулега сначала тупо

посмотрели на лестницу, затем на площадку — Корум был уверен, что стражник заметил, как закрывается дверь,— но потом он перевел взгляд на лестницу внизу, и Корум успел вернуть ключ на место.

Однако действовал он слишком поспешно. Ключ звякнул о каменную стену. Собаки настороженно подняли уши и зарычали. Но не успел гулег, стоявший на верхней площадке, повернуться, как Корум бросился к нему и сбил охранника с ног. Тот завопил и кувырком покатился по гранитным ступеням. Псы уставились на него, и один из них рявкнул на Корума, но вадхагский принц, выхватив меч, перерезал собаке сонную артерию, сделав это столь же четко и быстро, как незадолго до этого расправился с тушей.

Но тут он почувствовал мощный удар в спину, который чуть не столкнул его с лестницы. Корум, державший на плече безжизненное тело верховного короля, с трудом устоял на ногах и еле успел повернуться, когда с верхней площадки на него прыгнул второй пес — оскалив красные челюсти, обнажив желтые клыки, с которых текла слюна; ощетинившись и вытянув передние лапы, он летел на Корума, и тот лишь в последнюю долю секунды успел вскинуть меч, но огромные лапы уже ударили его в грудь. Принца отбросило к стене, и лишь краем глаза он успел заметить, что гулеги уже бегут сюда, чтобы выяснить причину шума.

Но острие меча все же нашло сердце пса, и зверь погиб еще в полете. Крепко держа Амергина, Корум оттолкнул собачий труп, вытащил из него меч и снова запахнулся в плащ сида.

Гулеги, которые все же что-то видели, затоптались на месте. Они поглазели на труп собаки, затем посмотрели друг на друга, толком не понимая, что им теперь делать. Отступив назад, Корум с облегчением улыбнулся, глядя, как гулеги, размахивая оружием, двинулись вверх по ступенькам — они явно были уверены, что тот, кто убил собаку, все еще наверху.

Споткнувшись о бездыханную тушу, Корум одним махом пролетел следующий лестничный марш и, задыхаясь, остановился на площадке.

Но Калатин и Гованон, услышав шум схватки, вышли из своего помещения. Впереди шел Калатин.

— Что это? — заорал он.— Кто напал? — он смотрел прямо сквозь Корума.

Тот сделал шаг вперед.

— Корум! — тихим голосом, в котором было больше удивления, чем гнева, пробурчал Гованон.— Что ты делаешь в Кер Ллуде?

Корум приложил палец к губам, надеясь, что Гованон сохранил хоть какую-то верность своему брату-вадхагу. Действительно, кузнец держал свой огромный топор лезвием вниз и, похоже, не собирался вступать в бой.

— Корум?— Калатин, стоявший на первой ступеньке, резко развернулся.— Где?

— Тут...— показал Гованон.

Калатин сразу же все понял.

— Невидимка! Его надо уничтожить. Убей его! Убей его, Гованон!

— Очень хорошо,— Гованон поудобнее перехватил топор.

— Гованон! Предатель! — крикнул Корум и, вскинув меч, переместился поближе к Калатину, который, вытащив из-за пояса кинжал, сделал шаг в его сторону.

Гованон двигался медленно и неуклюже, словно пьяный. Корум решил первым делом разобраться с Калатином. Он взмахнул мечом — удар пришелся Калатину по голове и сбил того с ног, но, поскольку был нанесен плашмя, колдун лишь потерял сознание. Теперь все внимание Корума было обращено на Гованона. Корум отчаянно надеялся, что тело Амергина, продолжавшее висеть у него на плече, не помешает в схватке.

— Корум?— Гованон нахмурился.— Я должен убить тебя?

— Мне бы этого не хотелось, предатель.

Гованон неторопливо опустил топор.

— Но что было нужно Калатину?

— Ничего ему не было нужно,— Корум вроде стал понимать, что делается с сидом. Амергин был не единственным обитателем башни, на которого наложили заклятие.— Он желал лишь, чтобы ты защитил меня. Вот что ему было нужно. Чтобы ты пошел со мной.

— Очень хорошо,— спокойно сказал Гованон и очутился рядом с Корумом.

— Быстрее,— Корум нагнулся к телу Калатина и что-то взял.

Сверху донеслись удивленные голоса гулегов, и один из них, которого Корум заставил кувыркаться по ступенькам, побежал вниз, хотя у него должны были быть переломаны все кости. Их трудно прикончить, ибо они и так уже мертвы.

Те, что у башни, скоро поймут — тут что-то происходит!

Они стали спускаться по последним ступенькам марша.

Снизу раздался голос, и из-за поворота показался оставшийся гулег. В это же время Корум услышал, как вниз бегут его соратники, решившие, что их враги как-то ускользнули от них.

Двое наверху и трое внизу. Гулеги, видя перед собой только Гованона, замялись. Им, без сомнения, сообщили, что кузнец не враг, и теперь они растерялись. Со всей возможной быстротой Корум проскочил мимо тех, кто преграждал ему путь вниз, и, когда те двинулись к Гованону, он сделал единственное, чем мог остановить живых мертвецов,— перерубил им сухожилия на ногах: Но и свалившись, они продолжали подбираться к Гованону, теперь уже ползком. Тот взмахнул топором и рубанул по ногам двух оставшихся гулегов. Когда стражники рухнули, из них не вытекло ни капли крови.

Выскочив из дверей, они окунулись в холодный ядовитый туман и побежали из башни вниз по ступенькам, через ворота, на обледеневшие улицы. Гованон держался рядом с Корумом, приноравливаясь к его шагам; брови его были по-прежнему сведены, словно он напряженно о чем-то раздумывал.

Они влетели в дом. Джери-а-Конел, закутанный в одеяла так, что из их вороха выглядывало только лицо, уже был в седле, держа наготове оседланную лошадь Корума. Он не мог скрыть удивления, увидев перед собой кузнеца-сида.

— Ты Амергин?

Но Корум сдернул плащ-невидимку, и стало видно исхудавшее тело в овечьей шкуре, лежавшее у него на плече.

— Вот Амергин,— коротко сообщил он.— А другой — мой брат, которого я счел предателем,— Корум перекинул через седло бесчувственное тело главного друида и повернулся к Гованону:— Ты идешь с нами, сид? Или остаешься служить фой миоре?

— Служить фой миоре? Сиды никогда не пойдут на это! Гованон никому не служит! — говорил он по-прежнему с трудом, и глаза еще были затянуты мутной пеленой.

Не имея возможности тратить время на размышления о странном поведении Гованона или на объяснения с кузнецом-великаном, Корум резко бросил:

— Значит, вместе с нами уходишь из Кер Ллуда!

— Ага,— пробормотал Гованон.— Мне бы лучше оставить Кер Ллуд.

Они помчались сквозь холодный туман, избегая скопления воинов в дальнем конце города. Может, именно поэтому им удалось незамеченными проникнуть в город и так же покинуть его — фой миоре думали только о войне с Западом, и этой единственной цели уделялись все силы, все внимание.

Но как бы там ни было, вскоре им удалось покинуть предместья Кер Ллуда и подняться в заснеженные холмы. Карлик Гованон легко бежал рядом, держа топор на плече; его длинные волосы и борода развевались за спиной, а шумное дыхание вырывалось изо рта клубами пара.

— Гэйнор скоро поймет, что случилось, и будет вне себя от ярости,— сказал Корум Джери-а-Конелу.— Он сообразит, что оказался в дураках. Вскоре он кинется за нами в погоню, и милости от него ждать не придется.

Джери выглянул из-под вороха одеял, не желая расставаться со своим теплым гнездышком.

— Чтобы добраться до Крэг Дона,— сказал он,— мы должны лететь на полной скорости. А там уж у нас будет время подумать, что делать дальше.— Он попытался улыбнуться.— По крайней мере, у нас есть то, что нужно фой миоре,— у нас есть Амергин.

— Да. Они не осмелятся уничтожить нас, если придется рисковать жизнью Амергина. Но мы не можем рассчитывать только на это,— Корум понадежнее устроил тело, лежавшее поперек седла.

— Исходя из того, что я знаю о фой миоре, особо миндальничать они не будут,— согласился Джери,— и такие опасения их не остановят.

— И наши удачи, и наши потери всегда связаны с образом мышления фой миоре!— улыбнулся Корум старому другу.— И хотя основные опасности еще ждут нас впереди, Джери-а-Конел, я более чем доволен сегодняшними успехами. Еще недавно я считал, что иду на верную смерть, что не добьюсь своей цели. Но если мне сейчас придется погибнуть, то буду знать, что по крайней мере хоть в чем-то нам повезло.

— Тем не менее, много радости мне это не доставит,— в сердцах бросил Джери-а-Конел. Он из-за плеча посмотрел на далекий Кер Ллуд, словно уже слышал лай псов Кереноса.

Они оставили за собой полосу тумана, и вроде стало теплеть. Джери начал на скаку стягивать с себя одеяла и бросать их на снег. На этот раз лошадей понукать не требовалось. Они были

так же рады вырваться из Кер Ллуда и его зловещих туманов, как и их всадники.

Лишь через четыре дня они услышали лай собак. Крэг Дон все еще лежал впереди.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ЗАКЛЯТИЯ И ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

— Я мало чего боюсь,— сказал Гованон,— но перед чем, действительно, испытываю страх — так перед этими собаками,— после того, как Кер Ллуд остался далеко за спиной, речь его стала разборчивее и соображать он стал куда лучше, хотя почти ничего не рассказывал о пребывании в обществе Калатина.— Нам предстоит не меньше тридцати миль тяжелого пути, прежде чем мы доберемся до Крэг Дона.

Им пришлось остановиться на вершине холма, чтобы сквозь завесу летящего снега разглядеть преследующих их псов.

Корум был задумчив. Он посмотрел на Амерги-на, который, проснувшись на следующую ночь после бегства из Кер Ллуда, напоминал заблудившегося ягненка. Порой верховный король издавал блеяние, но понять, чего он хочет, было невозможно, разве что он давал понять, что голоден, ибо почти ничего не ел, покинув Кер Ллуд. Большую часть времени он спал, но, даже проснувшись, был вял и слаб.

— Как ты оказался в Кер Ллуде?— спросил Корум у Гованона.— Помню, ты говорил мне, что хочешь остаток дней провести на Ги-Бресейле. Неужто Калатин явился на зачарованный остров и предложил сделку, которая тебя устроила?

— Калатин?— Гованон фыркнул.— Явился на Ги-Бресейл? Конечно же, нет. И какую сделку мог он мне предложить лучше той, что мы с тобой заключили? Никакой. Но боюсь, что ты оказался тем орудием, которое и привело меня во власть мабденского колдуна.

— Я? Каким образом?

— Помнишь, как я потешался над предрассудками Калатина? Помнишь, как я, ничего не подозревая, сплюнул в тот маленький мешочек, что ты мне дал? Да, Калатину очень хотелось заполучить мою слюну. У него силы было куда больше, чем я подозревал,— силы, источника которой я не мог понять. Понимаешь, первым делом я ощутил сухость во рту. И сколько бы я

ни пил, жажда меня не покидала — жуткая жгучая жажда. У меня постоянно пересыхало во рту, Корум. Я умирал от жажды, хотя чуть не осушил все речки и ручьи на моем острове. Я беспрерывно глотал воду, но так и не мог напиться. Я был перепуган. Я погибал. И тут пришло видение — видение, посланное могущественным человеком, Корум. Этим мабденом. Оно заговорило со мной и сказало, что Ги-Бресейл отвергает меня, как он отверг мабденов, что мне предстоит умереть, если я останусь на нем. Умереть от ужасной жажды.

Карлик-сид пожал могучими плечами.

— Я задумался над этим, но уже буквально сходил с ума от жажды. Наконец я поднял паруса и поплыл на материк, где меня встретил Калатин. Он дал мне что-то выпить. И это питье утолило жажду. Но вместе с тем лишило всех чувств. Я полностью оказался во власти этого колдуна и стал его рабом. Он и сейчас еще может дотянуться до меня. Он все еще может загнать меня в ловушку и заставить выполнять его приказы. Моя слюна дала ему власть надо мной — и этой властью колдун вызвал у меня неутолимую жажду. Она же полностью подчинила ему все мои мысли. Калатин как-то обосновался у меня в мозгу и заставлял тело совершать определенные действия. И пока он сидел у меня в голове, я не отвечал за то, что делаю.

— Так что, дав Калатину по голове, я освободил тебя из-под его власти?

— Да. А когда он окончательно придет в себя, мы уже будем вне пределов действия его магии,— Гованон вздохнул.— Я никогда не думал, что мабден может обладать таким магическим даром.

— Таким же образом к Калатину вернулся и рог?

— Ну да. Так что от сделки с тобой я ничего не получил, Корум.

Тот улыбнулся и что-то извлек из-под плаща.

— Ничего,— согласился он.— А вот я приобрел нечто во время нашей последней встречи.

— Мой рог!

— Ну-ну,— сказал Корум.— Я-то помню, друг мой Гованон, как ты корыстен в сделках. Откровенно говоря, я считаю, что рог принадлежит мне.

Гованон с философским видом кивнул огромной головой.

— Это честно,— сказал он.— Ладно, рог твой, Корум. Кроме того, я потерял его по собственной глупости.

— Которой я бессознательно потворствовал,— уточнил Корум.— Так что позволь мне всего лишь одолжить у тебя рог, Гованон. Когда придет время, я верну его тебе.

— Это лучшая сделка, которую я заключил с тобой, Корум. Мне совестно.

— Итак, Гованон, что ты собираешься делать? Возвращаться на Ги-Бресейл?

Кузнец отрицательно помотал головой.

— Что меня там ждет? Похоже, мои интересы совпадают с твоими, Корум, ибо, если ты одолеешь Калатина и фой миоре, я навсегда освобожусь от необходимости служить этому колдуну. А если вернусь на свой остров, Калатин всегда снова найдет меня.

— Значит, ты с нами?

— Да.

Джери-а-Конел, нервничая, заерзал в седле.

— Прислушайтесь,— сказал он.— Они все ближе. Похоже, собаки нас почуяли. Думаю, что нам угрожает серьезная опасность, друзья мои.

Но Корум лишь рассмеялся.

— А я думаю, что нет, Джери-а-Конел. Во всяком случае, не сейчас.

— Почему? Прислушайся к их свирепому лаю!— Джери с отвращением скривил губы. — Будто волки гонят овец, не так ли?

И словно в подтверждение его слов, Амергин тихонько заблеял.

Корум снова засмеялся.

— Пусть они подойдут поближе. Чем ближе, тем лучше.

Он понимал, что не прав, держа Джери в таком напряжении, но не мог преодолеть искушения — Джери так часто мистифицировал его.

Они поскакали дальше.

Псы Кереноса настигали их. Когда они появились у них за спиной, Крэг Дон уже был виден, но беглецы понимали, что эти проклятые собаки мчатся быстрее, чем они. У них не было ни одного шанса, опередив собак, успеть добраться до семи каменных кругов.

Корум из-за плеча оглянулся на преследователей, надеясь увидеть доспехи, постоянно меняющие цвет, но их не было видно. Мелькали белые лица, красные глаза — егери-гулеги вели свору. Они обладали огромным опытом в этом деле, ибо из поколения в поколение были рабами фой миоре; они росли

и воспитывались в восточных землях за морем, откуда фой миоре и двинулись в новый поход на Запад. Гэйнор потребовался фой миоре, чтобы возглавить войска, которые пешим порядком двинулись к Кер Махлоду (если они шли именно к нему),— конечно, он подчинился этому приказу против своей воли, и поэтому не участвовал в погоне. Оно и к лучшему, подумал Корум, снимая рог с перевязи и поднося к губам его резной мундштук.

— Спешите к Крэг Дону,— сказал он своим спутникам.— Гованон, возьми Амергина.

Кузнец снял с седла Корума обмякшее тело главного друида и легко вскинул его на могучее плечо.

— Но ты же погибнешь...— начал Джери.

— Этого не случится,— сказал Корум.— Не случится, если я буду точен в своих действиях. Идите. Гованон расскажет тебе об этом роге.

— Рога и рога!— воскликнул Джери.— Я сыт ими по горло. Рога, чтобы вызвать светопреставление, рога, чтобы призывать демонов,— а теперь рог, чтобы укрощать собак! Боги теряют воображение!— поделившись этим сомнительным наблюдением, он ткнул пятками коня и понесся к высоким камням Крэг Дона. Гованон не отставал от него.

Корум один раз дунул в рог, и, хотя псы Кереноса насторожили красные с кисточками уши, они продолжали мчаться за добычей — огромной сворой, во главе которой упорно держались как минимум два пса. Но гулеги на белесых лошадях, похоже, растерялись. Корум видел, что они отстали, хотя обычно держались сразу же за сворой.

Напав на след Корума, псы взвыли от восторга и, чуть сменив направление, кинулись к нему сквозь снежные заносы.

Корум второй раз дунул в рог, и в желтых горящих глазах псов, которые он уже видел перед собой, появилось растерянное и удивленное выражение.

Взвыли и другие рога, ими гулеги в панике отзывали собак, ибо они знали, что их ждет, если рог прозвучит в третий раз.

Псы Кереноса были так близко от Корума, что он чувствовал их жаркое зловонное дыхание.

И вдруг они разом остановились и, повизгивая, начали неохотно отступать через снежные завалы к гулегам, те поджидали их.

И когда псы Кереноса бросились вспять, Корум в третий раз дунул в рог.

Он увидел, как гулеги схватились за головы. Он увидел, как они начали падать с седел. Он понял, что все они погибли, ибо третий звук рога всегда убивал их: этим карающим звуком Керенос наказывал тех, кто медлил подчиняться ему.

Псы Кереноса, для которых последним указанием был приказ возвращаться, потрусили к трупам гулегов. Корум лишь присвистнул про себя и, засунув рог за пояс, неторопливой рысью поскакал к Крэг Дону.

✧

— Возможно, это и святотатство, но тут самое подходящее место, где его можно пристроить, пока мы обсудим наши проблемы,— Джери посмотрел на Амергина, который лежал на большом каменном алтаре во внутреннем круге каменных колонн.

Уже стемнело. Жарко пылал костер.

— Не могу понять, почему он ест только овощи и фрукты, что мы прихватили с собой. Словно и внутренности у него стали как у овцы. Корум, если так будет и дальше, мы доставим в Кер Махлод лишь труп верховного короля.

— Ты как-то говорил, что можешь проникнуть в глубины его сознания,— вспомнил Корум.— Это в самом деле возможно? В таком случае мы, наверное, сможем понять, как помочь ему.

— Да, с помощью своего кота-малыша я попробую этим заняться. Но потребуется много времени и сил. Сначала я поем.

— Сколько угодно.

Насыщаясь, Джери-а-Конел скормил своему коту почти столько же еды, сколько съел сам. Коруму и Гованону досталась лишь малая доля от его трапезы, а бедный Амергин вообще ничего не ел. Их запасы сушеных овощей и фруктов подходили к концу.

Сквозь просветы в облаках выглянула луна, и ее бледные лучи упали на алтарь и на овечью шкуру, которая поблескивала в этом свечении. Затем луна снова скрылась, и теперь на древние камни падали лишь красноватые блики мерцающего костра.

Джери-а-Конел пошептался с котом. Он погладил его, и кот замурлыкал. Медленно, держа кота на руках, он двинулся к алтарю, на котором лежало исхудавшее изможденное тело Амергина; он еле заметно дышал во сне.

Джери-а-Конел приблизил голову маленького крылатого кота к виску Амергина и сам опустил голову так, что она прижалась к коту с другой стороны. Воцарилось молчание.

И тут послышалось блеяние, громкое и тревожное, но слушатели не могли понять, откуда оно исходит — то ли от Амергина, то ли от кота или от Джери.

Блеяние смолкло.

Костер потух сам по себе, и темнота стала еще непрогляднее. Корум видел лишь смутные светлые очертания тела Амергина на алтаре, кота, прижимавшего свою маленькую головку к виску верховного короля, и напряженное лицо Джери-а-Конела.

— Амергин... Амергин... благородный друид...— Это был голос Джери.— Амергин, гордость своего народа... Амергин... вернись к нам...

Еще одно блеяние, на этот раз дрожащее и неуверенное.

— Амергин...

Корум вспомнил призыв, заставивший его явиться из принадлежащего ему мира, мира вадхагов, в этот. Напевный голос Джери не походил на голос короля Маннаха. Скорее всего, он старался снять заклятие, наложенное на Амергина: теперь Джери-а-Конел полностью ушел в другую жизнь, жизнь овцы, в мир, который не имел ничего общего с этим. И если дело только в этом, может, и удастся добраться до настоящего «я» Амергина. Корум так и не смог понять, что люди этого мира называют магией, но он кое-что знал о многообразии Вселенной со множеством плоскостей, которые временами пересекаются, и верил, что у них хватит сил уловить смутное подсознательное знание этой реальности.

— Амергин, верховный король... Амергин, главный друид...

Блеяние становилось все слабее, и его стали перемежать звуки, напоминающие человеческую речь.

— Амергин...

Раздалось тихое далекое мяуканье, которое могло исходить от любой из трех фигур, застывших на алтаре.

— *Амергин из рода Амергинов... искатель знаний...*

— Амергин!— это уже был голос Джери, странный и напряженный.— Амергин! Ты понимаешь, на какую ты обречен судьбу?

— *Заклятие... я больше не человек... Почему это должно огорчать меня?*

— Потому что твой народ нуждается в тебе. В твоем руководстве, в твоей силе, в твоем присутствии!

— *Я стал всем... это есть во всех нас... это нематериально, формы, которые мы принимаем... дух...*

— Может, это и важно, Амергин. Но сейчас судьба всего народа мабденов зависит от того, возложишь ли ты на себя прежние обязанности. Что ты принесешь своему народу, Амергин? Вдохнешь ли ты в них прежнюю силу?

— *Только силу дуба и барана. Меня может призвать домой только Женщина Дуба. Если для вас так важно, чтобы я вернулся, то найдите золотой дуб и серебряного барана, найдите того, кто поймет их свойства... Только... Женщина Дуба... сможет... вернуть меня... домой...*

Дальше последовало возбужденное овечье блеяние. Джери сполз с алтаря, а кот, раскинув крылья, взлетел на верхушку одного из каменных столбов и съежился там, словно скованный страхом.

Издалека доносился ровный печальный гул ветра, небо, затянутое тучами, окончательно потемнело, а блеяние, заполнявшее весь каменный круг, стихло.

Первым подал голос Гованон. Запустив пятерню в густую черную бороду, он проворчал:

— Значит, дуб и баран. Два талисмана из тех, что мабдены называют своими сокровищами. И то, и другое — дары сидов. Сдается мне, вроде я что-то припоминаю. Один из мабденов, который явился на мой остров, умирая, рассказывал мне о них,— Гованон пожал плечами.— Хотя многие мабдены, оказавшись на моем острове, говорили о таких вещах. Ведь их привлекал на Ги-Бресейл интерес к талисманам и заклинаниям.

— Так что он сказал?— спросил Корум.

— Рассказал сказку о потерянных сокровищах — как старый воин Онраг, покидая Кер Ллуд, растерял их. Эти два были потеряны у границ земли Таха-на-Гвиддеу Гаранхир, что лежит к северу от владений Таха-на-Кремм Кройх, за морем — хотя туда можно добраться и посуху. Одно из этих племен и нашло золотой дуб и серебряного барана. И то, и другое — крупные талисманы, прекрасные изделия сидов. Они доставили их своему народу, где, насколько я знаю, сокровища хранятся и сейчас, окруженные поклонением.

— Значит, чтобы вернуть Амергину здравый ум, мы должны найти дуб и барана,— сказал Джери-а-Конел. Он был бледен и измотан.— Все же боюсь, что, прежде чем мы доберемся до них, его уже не будет в живых. Амергина нужно подкармливать, а единственная еда, что помогает ему выжить,— та трава,

которой его кормили слуги фой миоре. В ней есть какие-то магические элементы. Они, с одной стороны, надежно держат его под властью заклятия, а с другой — удовлетворяют телесные потребности. И если он, друзья мои, вскоре не восстановит свою человеческую сущность, то погибнет.

Джери-а-Конел говорил спокойным усталым голосом, но ни Корума, ни Гованона не надо было убеждать в его искренности. Одно не подлежало сомнению — Амергин постепенно уходит от них, тем более, что запасы овощей и фруктов практически подошли к концу.

— Если мы в состоянии найти предметы, которые спасут его, то должны отправиться в страну Таха-на-Гвиддеу Гаранхир,— сказал Корум.— Но он, конечно же, умрет, пока мы будем туда добираться. Похоже, мы потерпели поражение.

Он опустил глаза и посмотрел на беспомощно раскинувшуюся спящую фигуру того, кто когда-то был символом гордости мабденов.

— Мы отправились спасать верховного короля. Вместо этого мы убили его.

ГЛАВА ПЯТАЯ
СНЫ И РЕШЕНИЯ

Коруму снилось поле, полное овец. Картина была очень милой, если не считать, что все овцы, подняв головы, смотрели на него и у всех были лица мужчин и женщин, которых он знал.

Ему снилось, что он торопится укрыться в своем старом доме, замке Эрорн, но едва он оказался вблизи него, как разверзся огромный провал, отделивший принца от входа в замок. Ему снилось, что он с силой дунул в рог, и звук призвал всех богов Земли, которая стала полем их последней битвы. Его снедало огромное чувство вины за те поступки, которые, проснувшись, Корум никак не мог вспомнить,— убийства друзей и возлюбленных, предательство народов, уничтожение слабых и невинных. И хотя чей-то тихий голос напомнил, что за долгий путь в тысячах перевоплощений он уничтожал и зло, и жестокость, это его не утешило, потому что он вспомнил Амергина: близкая смерть великого друида ляжет на его совесть. И снова идеализм принца влек за собой гибель другой души, и Корум никак не мог успокоить свой мятущийся дух.

Зазвучала веселая музыка, насмешливая и нежная — звуки арфы.

Корум отвернулся от пропасти и увидел три фигуры. Одну из них он узнал с удовольствием. Это была Медбх, любимая Медбх с распущенными рыжими волосами, в платье из синей парчи, на запястьях и щиколотках позвякивали золотые браслеты. В одной руке она держала меч, а в другой — пращу. Корум улыбнулся ей, но она не ответила. Принц узнал и другую стоящую рядом с ней фигуру, и его охватил ужас. То был юноша, тело которого отливало цветом бледного золота. Юноша, который с мрачной улыбкой, насмешливо перебирал струны арфы.

Коруму снилось, что он, выхватив меч, собрался напасть на юношу с золотым телом, но появилась третья фигура со вскинутой рукой. Из всех трех она была самой сумрачной и темной, и Корум понял, что ее он боится больше, чем юношу с арфой, хотя не мог различить черты этого лица. Он видел, что вскинутая рука поблескивала серебром, что на фигуре алый плащ, и он снова в страхе повернулся к ней спиной, не осмеливаясь взглянуть в лицо, ибо боялся, что увидит самого себя.

Музыка арфы становилась все громче и громче, в ней все отчетливее звучали торжественные нотки, и Корум прыгнул в бездонную пропасть.

В ней полыхало слепящее свечение, поглотившее его, и тут только он понял, что открыл глаза навстречу занимающемуся рассвету.

Размытые очертания камней Крэг Дона медленно обретали четкость; мрачные и темные, они стояли на фоне окружавших их снегов. Корум почувствовал чью-то хватку и попытался высвободиться, полный опасений, что Гэйнор настиг его, но тут он услышал низкий голос Гованона:

— Все кончилось, Корум. Ты проснулся.

У него перехватило горло.

— Такие ужасные сны, Гованон...

— А чего еще ты ждал, если спал в самом центре Крэг Дона? — пробурчал карлик-сид. — Особенно после того, как прошлой ночью понаблюдал за работой Джери-а-Конела...

— Похоже на то, что мне снилось, когда я впервые оказался на Ги-Бресейле,— Корум растер замерзшее лицо и набрал полные легкие холодного воздуха, словно хотел стряхнуть воспоминания о сне.

— Потому что у Ги-Бресейла те же особенности, что и у Крэг Дона. В том и причина, что ты видишь такие же сны,— сказал Гованон. Он поднялся, и его огромное тело нависло над Корумом.— Хотя мне говорили, что кое-кому в Крэг Доне снятся приятные сны, а другим — величественные.

— Сейчас они мне не помешали бы,— ответил Корум.

Гованон переложил боевой топор из правой руки в левую и протянул свободную руку принцу, который ухватился за нее. Кузнец-сид помог Коруму подняться. Амергин, прикрытый плащом, продолжал спать на алтаре, а Джери пристроился рядом с потухшим костром; кот свернулся колечком рядом с его лицом.

— Мы должны отправляться в земли Гаранхир,— сказал Гованон.— Я обдумал эту проблему.

Корум растянул в улыбке окоченевшие губы:

— Значит, ты окончательно в нашей команде?

Гованон неуклюже пожал плечами:

— Похоже, что так. Выбора у меня, можно считать, и нет. Чтобы добраться до тех краев, часть расстояния мы должны пройти по морю. Это будет самый быстрый путь.

— Но у нас нелегкий груз,— возразил Корум,— и с Амергином мы будем двигаться очень медленно.

— Один из нас должен доставить Амергина в Кер Махлод. Там он будет в относительной безопасности,— сказал Гованон.— А остальные отправятся в долгое путешествие к Кер Гаранхиру. Предположим, что нам удастся найти золотой дуб и серебряного барана. Мы вернемся по морю и без особых трудностей доберемся до Кер Махлода. И если есть хоть слабая надежда, что Амергин выживет, то нам не остается ничего другого.

— Значит, так и будем действовать,— подвел итог Корум.

Джери-а-Конел зашевелился. Вытянув руку, он ощупью отыскал широкополую шляпу, напялил ее на голову и сел, моргая. Кот жалобно мяукнул, и, пока Джери потягивался да протирал глаза, он пристроился у него на коленях и снова заснул.

— Как Амергин?— спросил Джери.— Он мне снился. Тут, в Крэг Доне, было большое сборище мабденов с ним во главе, и все они дружно пели. Это был прекрасный сон.

— Амергин продолжает спать,— сообщил Корум. И рассказал Джери о результатах их с Гованоном размышлений.

Джери кивнул.

— Но кто из нас доставит Амергина в Кер Махлод? — взяв на руки своего черно-белого кота, он поднялся.— Думаю, что этим стоит заняться мне.

— Почему ты так решил?

— С одной стороны, задача довольно проста: проделать путь из одной точки до другой и доставить нашего «овечьего» друга. Во-вторых, я не так уж важен на пути к вашей цели. Народ Гаранхира проявит куда больше уважения к двум героям сидам, чем к одному.

— Хорошо,— согласился Корум.— Вместе с Амергином ты отправишься в Кер Махлод и расскажешь там обо всем, что произошло и что мы собираемся делать. Кроме того, предупреди их, что на них снова двинулись фой миоре. Когда Амергин окажется за стенами Кер Махлода, леденящий взгляд Балара не посмеет угрожать им, в результате чего, может быть, появится лишнее время. К счастью, фой миоре не торопятся, и есть шанс, что мы успеем вернуться еще до того, как они доберутся до Кер Махлода...

— В таком случае тебе, действительно, надо скакать в Кер Махлод,— сказал Гованон.— Об их планах мы знаем лишь то, что они идут на запад. Может, их цель — сам Крэг Дон, и они прикидывают, как бы разрушить его.

— Почему они его так боятся?— спросил Корум.— Неужели он все еще на них действует?

Гованон пригладил бороду.

— Возможно,— сказал он.— Крэг Дон был построен сидами и мабденами во времена нашей первой великой битвы с фой миоре. Он был возведен в соответствии с некоторыми метафизическими принципами, и у него есть несколько предназначений — и практических, и символических. Одна из практических задач заключается в том, что он действует как ловушка, которая засасывает всех фой миоре, находящихся поблизости. Это место обладает силой — или, точнее, обладало — переносить тех, кто не из этой плоскости, в ту реальность, откуда они родом. Но вот на сидов оно не действует, а то я уже давно расстался бы с этим миром. Такая уж судьба нам досталась — мы обрели это сооружение, но не можем воспользоваться им для своих целей. Нам не удается заманить сюда фой миоре, а те из них, которым удалось спастись, уже хорошо представляют, что это за место. К тому же тут необходимы определенные ритуалы...

Гованон впал в задумчивость, словно вспоминая те далекие времена, когда он и его собратья вели эпические битвы с могучими

фой миоре. Он обвел взглядом расширяющиеся круги каменных колонн.

— Да,— пробормотал он,— великой мощью обладал он когда-то, этот Крэг Дон.

Корум протянул Джери-а-Конелу два предмета. Одним был длинный изогнутый рог, а другим — плащ сида.

— Бери их,— сказал он.— Ведь в дорогу ты пустишься один. Рог защитит тебя от псов Кереноса и егерей-гулегов. Плащ скроет тебя от людей сосен и остальных, кто будет преследовать тебя. И если хочешь живым добраться до Кер Махлода, тебе понадобится и то, и другое.

— Но как же ты с Гованоном?.. Неужели вам не понадобится защита?

Корум покачал головой:

— Мы будем рисковать, лишь когда без этого нельзя будет обойтись. Кроме того, нас двое и у нас нет такого груза, как Амергин.

Джери кивнул:

— В таком случае принимаю твои дары.

Вскоре они оседлали коней и двинулись в путь из-под сводов каменных арок. Гованон шел впереди, неся на широченном плече боевой топор; на его шлеме из полированного металла играли блики холодного небесного света.

— Теперь скачи на юго-запад, а мы двинемся на северо-запад,— сказал Корум.— Скоро наши пути разойдутся, Джери-а-Конел.

— Будем надеяться, что они снова пересекутся.

— Будем.

Друзья пришпорили коней и какое-то время ехали бок о бок. Они были рады обществу друг друга, но почти не разговаривали.

Немного погодя Корум остановил коня и долго смотрел вслед Джери, который, набирая скорость, скакал к Кер Махлоду — за его спиной развевался плащ, и безжизненное тело верховного короля покачивалось, привязанное к крупу коня.

Джери-а-Конел скакал по заснеженной равнине; его фигура становилась все меньше и меньше, пока окончательно не исчезла в снежных вихрях. Джери исчез из поля зрения Корума, но не из его мыслей.

Джери и его судьба часто всплывали у него в памяти, пока он ехал к побережью, а неутомимый Гованон всегда держался рядом.

Иногда принцу вспоминался сон, что пришел к нему в Крэг Доне, и тогда он пришпоривал коня, как будто надеялся оставить за спиной эти воспоминания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
СКВОЗЬ ВОЛНЫ

Корум вытер капли пота со лба и с удовольствием бросил кирасу и шлем на дно маленькой лодки. Высоко в безоблачном небе стояло солнце, и, хотя был обычный теплый день в начале весны, Коруму и Гованону казалось, что они попали в тропическую жару, потому что, добираясь до побережья, привыкли к режущему холоду земель, завоеванных фой миоре. Теперь на Коруме были лишь рубашка и плотные штаны. Меч и кинжал висели на поясе, а остальное снаряжение он прикрепил к седлу. Ему не хотелось оставлять коня, но животное оказалось невозможным переправить через океан, расстилавшийся перед ними. В лодке, которую они нашли, с трудом размещалось могучее тело Гованона, и для Корума почти не оставалось места.

Стоя на причале заброшенной рыбацкой деревушки, Корум прикидывал, были ли здесь прислужники фой миоре или же жители деревушки оказались среди тех, кто ушел в Кер Махлод во время первого вторжения народа холода. Каковы бы ни были обстоятельства их бегства, они многое оставили после себя, включая несколько небольших суденышек. Суда побольше, предположил Корум, были отогнаны к берегам земли Таха-на-Гвиддеу Гаранхир или еще дальше, во владения Таха-на-Мананнана, в земли короля Фиахада. Тут не было следов разгрома и резни, которые обычно оставляли по себе фой миоре. Корум был уверен, что жители деревушки успели принять решение как можно скорее сняться с места. И белые домики, и сады, в которых росли цветы и фрукты — все выглядело так, словно в домах живут, а за садами ухаживают. Должно быть, селение покинули сравнительно недавно.

Гованон, тоже сетовавший на жару, все же отказывался снять нагрудник и шлем. Не выпуская из рук топор, он спустился по короткому маршу каменных ступенек к пристани и залез в лодку, которую Корум придержал для него, затем осторожно устроился на банке и, положив копье и топор на дно лодки, вставил весла в уключины (Гованон заявил, что ничего не понимает

в искусстве гребли). Корум отдал бы все что угодно за парус, но ему не удалось найти ничего, что могло бы послужить таковым. Оттолкнувшись от причала, принц развернул лодку, пока не оказался спиной к далекому берегу, смутно маячившему на горизонте,— туда они и стремились. Корум стал грести длинными мощными гребками, сначала утомившими его, но по мере того, как он входил в ритм, требовали все меньше и меньше усилий, поскольку вес Гованона, сидящего на корме, помогал суденышку легко скользить по спокойной воде.

После холодного воздуха снежных равнин, которым путники так долго дышали, соленые ароматы моря приятно щекотали легкие. Над водным пространством стояли мир и покой, которых принц давно не ощущал, даже когда отплывал в лодке Калатина на Ги-Бресейл, где его ждала встреча с огромным человеком, называвшим себя карликом — сейчас тот сидел на корме и наслаждался, опустив в воду мускулистую, похожую на лопату руку; и вел себя как девица, отправившаяся на приятную прогулку с дружком. Корум улыбнулся. Принц все больше проникался симпатией к кузнецу-сиду.

— Может, в Кер Махлоде они найдут растения, способные поддержать жизнь Амергина,— произнес Гованон, рассеянно оглядываясь на береговую линию, исчезавшую за его спиной.— По крайней мере, люди смогут их вырастить. Эти травы растут кое-где в заповедных местах страны мабденов.

Корум, решив передохнуть, поднял весла и перевел дыхание.

— Да,— сказал он,— на это я и надеюсь. Но если траву, которой Амергин питался в Кер Ллуде, выращивали специально, найти что-то похожее будет трудновато. Хотя,— он улыбнулся,— под этим солнцем я чувствую себя куда увереннее.

Корум снова сел на весла.

Прошло какое-то время, прежде чем Гованон снова заговорил. Нахмурившись, он посмотрел в сторону, куда греб Корум.

— Вроде впереди морской туман. Странно, что он пришел в такую погоду и поднимается лишь в одном месте...

Корум, не желая нарушать ритм гребли, не оглянулся и продолжал с силой загребать воду.

— И к тому же густой,— помолчав, добавил Гованон.— Наверно, лучше обойти его.

На этот раз Корум прервал работу и оглянулся.

Гованон был прав. Морской туман затягивал огромное пространство, почти полностью скрывая очертания земли впереди.

И теперь, когда Корум перестал грести, он почувствовал, что холодает, хотя солнце все так же висело в небе.

— Нам не повезло, — сказал он, — но огибать его на веслах... потребуется слишком много времени. Рискнем пройти сквозь туман — авось его полоса не слишком широка.— И Корум снова погрузил весла в воду.

Однако вскоре холод стал довольно ощутим, и он опустил закатанные рукава. Но этого оказалось недостаточно, и, приостановившись, принц натянул плотную куртку, водрузил на голову шлем, но грести стало труднее, словно он окунал весла в вязкую грязь. Щупальца тумана все настойчивее тянулись к лодке. Гованон нахмурился, а Корум поежился.

— Что это может быть?— проворчал карлик, привставая. Лодка заметно качнулась, и оба чуть не вылетели в воду.— Что это может быть?

— Ты думаешь, это туман фой миоре?— пробормотал Корум.

— Думаю, что он его здорово напоминает.

— Я тоже так считаю.

Теперь они были в самой гуще тумана, и видимость во все стороны не превышала нескольких ярдов. Корум бросил грести. Лодка двигалась все медленнее, пока окончательно не остановилась. Корум огляделся.

Море замерзло. Оно заледенело почти мгновенно, волны стали торосами, и на гребнях некоторых из них висело тонкое ледяное кружево, которое только что было пенными барашками.

Корум пал духом и с отчаянной решимостью нагнулся за копьем и топором.

Гованон тоже поднялся и носком мехового сапога осторожно ткнул лед. Вывалившись из лодки, он утвердился на замерзшей поверхности моря и туго затянул завязки плаща. Дыхание пошло клубами пара. Корум последовал его примеру и, закутавшись в плащ, стал озираться по сторонам. Издалека доносились какие-то звуки. Ворчание. Возглас. Кажется, до него донеслись скрип огромной боевой колесницы и тяжелая поступь по льду странных уродливых созданий. Не потому ли фой миоре проложили эту дорогу через море, чтобы обойтись без кораблей? Не стал ли этот лед для них мостом? Или они знали, что Корум и Гованон движутся в эту же сторону, и решили остановить их?

Скоро все станет ясно, подумал Корум, присев за лодкой и наблюдая. Фой миоре и их приспешники движутся с востока на запад, в том же направлении, что и Корум с Гованоном, но чуть под другим углом. В далекой дымке Корум видел темные очертания всадников и пеших колонн; до него донесся знакомый сосновый запах, и он увидел очертания грузных возниц фой миоре и как-то раз уловил блеск доспехов, в которые мог быть облачен только Гэйнор. И только тут принц начал осознавать, что фой миоре идут не на Кер Махлод, а скорее всего, к Кер Гаранхиру, куда направляются и они сами. И если враги окажутся у Кер Гаранхира раньше, то шансы найти дуб и барана сойдут практически на нет.

— Гаранхир,— пробормотал Гованон.— Они идут на Гаранхир.

— Да,— с отчаянием согласился Корум.— И у нас нет иного выхода, кроме как следовать за ними, а когда они выйдут на берег, обогнать их. Если удастся, мы должны предупредить Гаранхир. Гованон, мы обязаны предупредить короля Даффина!

Гованон пожал могучими плечами, пригладил бороду и потер нос. Затем вытянул вперед левую руку, правой рукой вскинул двойной боевой топор и улыбнулся.

— Конечно, должны,— сказал он.

Им оставалось лишь радоваться, что армию вторжения не сопровождают псы Кереноса. Они, без сомнения, продолжают рыскать вокруг Крэг Дона в поисках трех друзей и Амергина. И будь эти собаки здесь, они их, конечно, выследили бы. С предельной осторожностью Корум и Гованон двинулись через застывшие волны в надежде, что впереди откроется земля. Идти было трудно, ибо волны превратились в заструги и торосы, рассеченные опасными трещинами. Друзья изрядно вымотались к тому времени, как увидели высадку на берег фой миоре и людей сосен, которые еще час назад, покрытые льдом, двигались точно мертвые, но на берегу тут же налились сочным зеленым цветом.

Когда фой миоре прошли, море стало таять, и Корум с Гованоном теперь брели в ледяной воде, доходившей Коруму до подбородка, а кузнецу до груди.

Когда принц, спотыкаясь, выбрался на обледеневший берег, в горле у него першило от морской воды и едкого тумана. Внезапно Корум почувствовал, что его вместе с оружием, обхватив за пояс, понесли прямо к холмам. Это был Гованон, который, не теряя времени, легко подхватил Корума под мышку и, не замед-

ляя шага, понес — борода и волосы развевались на ветру, а доспехи на могучем теле звенели и побрякивали.

У Корума ныли все ребра, но он нашел в себе силы заметить:

— Ты самый полезный карлик, Гованон. Я просто восхищен энергией, заключенной в таком маленьком создании.

— Я возмещаю малый рост физической силой,— серьезно ответил Гованон.

Прошло всего два часа, и путешественники заметно опередили силы фой миоре. Разместившись в какой-то канаве, они с наслаждением вдыхали запахи трав и диких цветов, с грустью понимая, что скоро цветы и травы обледенеют и погибнут. Может, именно поэтому Корум и спешил надышаться запахами зелени.

Гованон шумно вздохнул и, не прикасаясь к растению, нежно обласкал взглядом дикий мак.

— Здешние земли мабденов считаются самыми красивыми в этой плоскости,— сказал он.— И теперь им предстоит исчезнуть, как погибли и все другие земли, завоеванные фой миоре.

— Что представляют собой другие земли данной реальности?— спросил Корум.— Что ты знаешь о них?

— Давным-давно их покрыл лед, отравленный ядовитыми останками расы фой миоре,— сказал Гованон.— А эти места спаслись частично потому, что фой миоре помнили о Крэг Доне и старались здесь не появляться, а частично потому, что уцелевшие сиды возвели тут себе дома. И фой миоре потребовалось немалое время, прежде чем они вернулись из-за восточных морей,— он встал.— А не сесть ли тебе мне на плечи? Думаю, так будет куда удобнее.

Корум с благодарностью принял предложение и взобрался Гованону на плечи. Они снова двинулись в путь, ибо времени терять уже было нельзя.

— Все это доказывает необходимость союза всех мабденов,— сказал сверху Корум.— Если бы оставшиеся в живых племена мабденов поддерживали между собой надежную связь, они могли бы объединить силы и напасть на фой миоре со всех сторон.

— А как же Балар и остальные? С каким оружием мабдены могут противостоять убийственному взгляду Балара?

— У них есть их сокровища. Я уже видел в деле одно из них — полученное от тебя копье Брийонак может нанести немалый урон фой миоре.

— Копье Брийонак было единственным,— не скрывая грусти, сказал Гованон,— и ныне оно исчезло. Конечно же, вернулось в мое родное измерение.

Они вошли в узкую лощину между белыми известняковыми скалами, поросшими зеленым мхом.

— Насколько я припоминаю,— сказал Гованон,— город Кер Гаранхир лежит недалеко отсюда по другую сторону лощины.

Но когда лощина, извиваясь меж скалами, сузилась в дальнем конце, путники увидели, что их там поджидает группа из нескольких всадников.

Сначала Корум подумал, что это вооруженные рыцари Гаранхира. Предупрежденные об их появлении, они вышли им навстречу. Но тут он заметил зеленоватый оттенок лошадей и всадников и понял, что их ждут отнюдь не друзья. Зеленая шеренга расступилась, и вперед выехал другой всадник — его доспехи постоянно меняли цвет, а лицо полностью скрывалось под гладким глухим забралом.

Гованон остановился, помог Коруму утвердиться на светлой глинистой почве и, услышав сзади какие-то звуки, обернулся. Корум тоже оглянулся.

По крутым склонам ущелья спускался еще один отряд зеленых всадников, и воздух наполнился густым сосновым запахом. Спустившись на дно лощины, всадники остановились.

Голос Гэйнора эхом отразился от стен узкого ущелья. В нем были радость и торжество.

— Ты так легко мог бы продлить свою жизнь, Корум, согласись ты остаться моим гостем в Крэг Доне. А где наша маленькая овечка Амергин, которую вы похитили?

— Когда я в последний раз видел его, Амергин был при смерти,— ответил Корум, расстегивая за спиной крепления топора.

— Думаю, Корум,— пробормотал Гованон,— что настало время вырубки сосен.— Он зашел Коруму за спину, оказавшись лицом к лицу с теми, кто возник сзади. Корум же стоял перед всадниками, что преградили им путь. Гованон подкинул на руке свой огромный топор, и отполированный металл блеснул в ярком солнечном свете.— По крайней мере, нам доведется умереть в тепле, и наши кости не будут изъедены туманом народа холода.

— Ты должен был это знать,— сказал принц Гэйнор Проклятый.— Ему предписана диета лишь из редких трав. Великий

король мабденов исчез, на его месте оказалась тощая овца. Которая никому не нужна.

Откуда-то издалека из-за спины Корум услышал громовой рев и решил, что это, должно быть, фой миоре на марше — двигались они куда быстрее, чем ему казалось это возможным.

Гованон склонил голову набок и не без интереса прислушался. И тут зеленые всадники с обеих сторон бросились на них; стены ущелья вздрогнули от грохота копыт и дикого хохота Гэйнора.

Корум взмахнул топором и глубоко рассек шею первой лошади. Он увидел, как из разреза потекла липкая зеленоватая жидкость. Удар на скаку остановил лошадь, но не убил ее. Зеленые глаза коня закатились, он лязгнул зеленоватыми зубами, а зеленый всадник обрушил тусклое лезвие меча на голову Корума. Корум дрался с Хью Аргехом, одним из людей сосен, и знал, как отражать такие удары. Когда рука с мечом опускалась, он ударил точно по запястью, и кисть с мечом взлетела в воздух, как срубленная с дерева ветвь. Затем он подрубил лошади ноги, та рухнула наземь и осталась лежать, тщетно стараясь подняться. Это помогло справиться с очередным всадником, который налетел на Корума, но не смог нанести четкий удар, поскольку лошадь споткнулась о раненое животное. Из ран, нанесенных Корумом, обильно тек сок, и сосновый запах заглушал все остальные. В свое время этот запах нравился Коруму, но сейчас его тошнило — аромат был сладким и душным.

Гованон справился самое малое с тремя нападавшими и сейчас обрубал им конечности, чтобы они не шевелились, хотя те продолжали жить — зеленые глаза сверкали, а зеленые губы злобно кривились. Когда-то они составляли цвет воинства мабденов, возможно, сами были из Кер Ллуда, но из их жил выпустили человеческую кровь, и ее место заняла сосновая живица. Теперь они служили фой миоре. Хотя люди сосен и стыдились нового облика, но в то же время были откровенно горды своим предназначением.

Сражаясь, Корум старался оглядеться, чтобы присмотреться, нельзя ли как-то отступить из ущелья, но Гэйнор выбрал наилучшее место для нападения — самые крутые стены и самый узкий проход между ними. Это означало, что, как бы долго ни сопротивлялись Корум и Гованон, у них не было никаких шансов выйти из боя живыми. В конце концов, люди сосен раздавят

их, им придется уступить натиску живых деревьев, соснам, самым старым врагам дубов. Словно живой лес, они двинулись на одноглазого вадхага с серебряной рукой и восьмифутового сида с развевающейся черной бородой.

Гэйнор, держась на безопасном расстоянии, продолжал смеяться. Он был поглощен своим любимым занятием — уничтожать героев, сокрушать честь, истреблять доблесть и веру. Он всецело предавался ему, ибо Гэйнору никогда не удавалось обрести эти качества в себе самом. Гэйнор старался избавиться от голосов, напоминавших ему о надеждах, о том, что он так и не смог оправдать их, о желании, которого боялся больше всего — желании спастись.

Корум устал, он уже спотыкался, обрубая зеленые руки, круша зеленые головы, раскалывая черепа зеленых коней; у него кружилась голова от густого запаха сосновой живицы, расплывавшейся липкими лужами под ногами.

— Прощай, Гованон!— крикнул он другу.— Мне стало тепло на душе, когда ты присоединился к нам, но, боюсь, это решение погубило тебя.

И Корум удивился, когда услышал смех Гованона, заглушивший хриплый хохот Гэйнора.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ДАВНО ПОТЕРЯННЫЙ БРАТ

И только сейчас Корум понял, что слышит хохот одного лишь Гованона.

Гэйнор больше не смеялся.

Корум вгляделся в дальний конец ущелья, перекрытый стеной зеленых бойцов, где он в последний раз заметил Гэйнора, но там больше не было блеска его доспехов. Похоже, что принц Гэйнор Проклятый покинул сцену своего торжества.

Теперь и воины сосен, испуганно глядя в небо, подались назад. Корум рискнул поднять взгляд и увидел всадника. Тот сидел на блестящем вороном коне, весь в красной и позолоченной коже, пряжки его ремней были вырезаны из кости морского зверя и усыпаны крупным жемчугом.

Удушающий сосновый запах уступил место свежему и терпкому дыханию моря. Корум понял, что источником его являлся

улыбающийся всадник, который сидел в седле, подбоченившись одной рукой, другой — придерживая поводья.

Легким небрежным движением он приказал коню перепрыгнуть через ущелье, чтобы посмотреть на него с другой стороны. Только сейчас Корум получил представление о размерах всадника и его коня.

У наездника были легкая золотистая бородка и лицо юноши с внимательными серо-зелеными глазами — судя по лицу, всаднику минуло никак не больше восемнадцати лет. Его золотые волосы, перехваченные шнурком, падали на грудь. На нем был бронзовый нагрудник, украшенный изображениями солнца, кораблей, а также китов, рыб и морских змей. На огромных белых руках поблескивали обручи, золотистый металл напоминал материал кирасы. За спиной развевался синий плащ, заколотый у левого плеча большой круглой булавкой, у бедра висел тяжелый меч, длина которого превышала рост Корума. На сгибе левой руки висел щит той же сверкающей бронзы, что и нагрудник.

Не прекращая сражаться с людьми сосен, Гованон весело крикнул гигантскому всаднику на огромном коне:

— Я слышал, как ты скачешь, брат! Я слышал тебя и понял, что это ты!

Смех всадника громом прокатился по ущелью:

— Привет, карлик Гованон. Ты отлично дерешься. Как и всегда.

— Ты пришел к нам на помощь?

— Похоже, что да. Мой покой был нарушен этими гнусными фой миоре, они покрыли мой океан льдом. Годами я мирно почивал в своем подводном доме, считая, что народ холода меня больше не побеспокоит. Но они все же явились со своим льдом, своими туманами и своими тупыми солдатами. Так что я должен преподать им урок.

Легким движением он вытянул из ножен свой чудовищный меч и плашмя рубанул им по ущелью, отчего братья сосен в панике бросились во все стороны.

— Жду тебя в дальнем конце долины,— гигант, дернув за поводья, заставил лошадь отойти от края провала.— Боюсь, что если тут спущусь к тебе, то могу застрять.

Земля вздрогнула, когда огромный всадник исчез из виду, путники же, еле волоча ноги, вышли к другому концу ущелья навстречу ему. Гованон, несмотря на усталость, кинулся к

наезднику с распростертыми объятиями и, бросив топор, радостно закричал:

— Илбрек! Илбрек! Сын моего старого друга! Я и не знал, где ты обитаешь!

Илбрек, вдвое выше Гованона, смеясь, выпрыгнул из седла.

— Ну, маленький кузнец, знай я, что ты выжил, давно бы нашел тебя!

Корум с удивлением увидел, как сид Гованон утонул в объятиях Илбрека. Наконец тот обратил внимание на Корума и сказал:

— Ты становишься все меньше и меньше! А это кто такой, который так напоминает наших давних братьев вадхагов?

— Он и есть вадхаг, братец Илбрек. С тех пор, как ушли сиды, он лучший среди мабденов.

Корум чувствовал себя до смешного крохотным, когда поклонился огромному веселому юноше.

— Приветствую тебя, брат,— сказал он.

— Какая судьба постигла твоего отца, великого Мананнана?— спросил Гованон. — Я слышал, он погиб на западных островах и теперь лежит под своим холмом.

— Да... мабдены насыпали холм в его честь. Его почитают в этой реальности.

— И вполне заслуженно, Илбрек.

— Многие ли из нашего народа остались в живых?— спросил Илбрек.— Мне казалось, что я по-следний.

— Вот уж чего не знаю, того не знаю,— признался Гованон.

— Сколько тут фой миоре?

— Шестеро. Было семеро, но черный бык Кринанасса, уходя из этой реальности — или погибнув — уничтожил одного из них, хотя не знаю, кого именно. Черный бык был последним из великого стада сидов.

— Значит, шестеро,— Илбрек, сев на мох, мрачно свел золотистые брови.— Как их зовут, этих шестерых?

— Одного — Керенос,— сказал Корум.— Другого — Балар, еще одного — Раннон, и есть еще Гоим. Двух других я не знаю.

— И я их не видел,— добавил Гованон.— Они, как всегда, прячутся в своем тумане.

Илбрек кивнул.

— Керенос со своими псами, Балар со своим глазом, Раннон со своим дыханием и Гоим... Гоим с зубами. Мерзкий квартет, не так ли? С одной этой четверкой нелегко справиться. Эти

четверо самые сильные. Не сомневаюсь, поэтому они тут и болтаются. Я-то думал, что они давно сгнили и о них забыли. Живучи они, эти фой миоре.

— Это живучесть Хаоса и Древней Ночи,— согласился Гованон, проверяя пальцем остроту своего топора.— Эх, были бы с нами все наши друзья! Вот бы мы их разнесли! А если бы друзья сковали Оружие Света, мы бы отбросили и холод, и тьму...

— Нас всего лишь двое,— грустно сказал Илбрек.— И величайших из сидов больше нет с нами.

— Тем не менее, мабдены — храбрый народ,— произнес Корум.— И обладают кое-какой силой. А если к ним вернется верховный король...

— Это верно,— согласился Гованон и начал рассказывать старому другу о событиях последних месяцев, начало которым положило появление фой миоре у островов мабденов. Лишь рассказывая о Калатине и о его заклятиях, Гованон кое о чем умолчал, но, тем не менее, выложил и эту историю.

— Значит, золотой дуб и серебряный баран все еще существуют,— пробормотал Илбрек.— Отец рассказывал о них. И Фанда Прекрасная пророчила, что придет день, когда они вернут силу мабденам. Моя мать Фанда считалась великой прорицательницей, хотя во всем остальном была слаба,— улыбнувшись, Илбрек не стал больше упоминать о ней. Поднявшись, он подошел к своему вороному коню, щипавшему траву.— Я думаю, что теперь мы, не теряя времени, должны скакать к Кер Гаранхиру. Посмотрим, как они готовы обороняться и чем мы можем им помочь при нападении фой миоре. Ты считаешь, что на город идут все шестеро?

— Возможно,— сказал Корум.— Но обычно фой миоре не возглавляют своих вассалов, а держатся за их спинами. По-своему они довольно хитры, эти фой миоре.

— Они всегда были такими. Ты поедешь со мной, вадхаг?

Корум улыбнулся:

— Если твой конь не примет меня за блоху на его спине, я поскачу с тобой, Илбрек.

Засмеявшись, Илбрек легко поднял Корума и усадил его верхом на переднюю луку, украшенную морским жемчугом. Не в силах привыкнуть к великанским размерам сида (теперь-то Корум понял, почему Гованон считал себя карликом), Корум в присутствии Илбрека чувствовал, насколько он слаб и уязвим.

Илбрек, скрипнув кожаными штанами и упряжью, вскочил в седло и крикнул:

— Вперед, Густая Грива! Вперед, мой конь-красавец, к мабденам!

Когда Корум приспособился к движению коня, летящего размашистым галопом, он начал испытывать удовольствие от этой скачки-полета; принц прислушивался к разговору двух сидов, ибо Гованон продолжал держаться рядом с конем.

— Сдается мне,— задумчиво сказал Илбрек,— что отец оставил мне в наследство сундук с доспехами и парой копий. Может, они и пригодятся в войне, которая нас ждет, хотя к ним никто не притрагивался вот уже много лет. Хотел бы я знать, где его найти.

— Желтое копье и красный дротик?— серьезно спросил Гованон.— И меч — его твой отец называл Мстителем?

— Как ты знаешь, большая часть его оружия потерялась в последней битве,— ответил Илбрек.— Остальное относилось к тому виду оружия, что обладает силой лишь в нашей настоящей реальности. Тут его нельзя пускать в ход — или всего лишь однажды. Тем не менее, в том сундуке должно быть что-то стоящее. Наверное, он в одной из морских пещер, где я не бывал после той последней битвы. Насколько я знаю, оно исчезло, или проржавело, или же...— он улыбнулся,— было проглочено каким-нибудь морским чудовищем.

— Ну, скоро мы это выясним,— сказал Гованон.— И если Мститель все еще там...

— Нам бы лучше прикинуть свои собственные силы,— снова засмеялся Илбрек,— чем рассчитывать на оружие, которое, возможно, больше и не существует в этой реальности. Даже с ним мы слабее фой миоре.

— Но вместе с мабденами,— сказал Корум,— наши силы могут быть достаточно велики.

— Мне всегда нравились мабдены,— ответил Илбрек,— но сомневаюсь, что готов разделить твою веру в их силы. Хотя времена меняются, а вместе с ними и народы. Я поделюсь с тобой мнением о мабденах, когда увижу их в бою с фой миоре.

— Такая возможность скоро представится,— сказал Корум, показывая вперед.

Перед ним появились высокие башни Кер Гаранхира, превосходившие красотой и высотой строения Кер Ллуда. Башни с развевающимися флагами были сложены из белоснежного известняка

и обсидиана с черными прожилками, их окружали укрепления, массивность стен которых говорила о несокрушимой мощи.

Тем не менее, Корум понимал, что это впечатление было обманчивым, что страшный взгляд Балара может расколоть гранит и уничтожить всех, кто укрывается за ним. Даже имея в союзниках гиганта Илбрека, будет трудно оказать сопротивление силам фой миоре.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ВЕЛИКАЯ БИТВА У КЕР ГАРАНХИРА

Корум не мог сдержать улыбки, когда увидел лица тех, кто высыпал на стены при приближении Илбрека. Однако, оказавшись в величественном зале короля Даффина, увешанном драгоценными флагами, и пытаясь заговорить с человеком, который, еле стоя на ногах, так и не мог оторваться от чаши с медом, Корум заметно помрачнел.

Половина рыцарей короля Даффина в бесчувственном состоянии валялась под лавками, покрытыми грязной, испятнанной парчой. Половина оставшихся на ногах пыталась где-то найти опору; другие, размахивая мечами, провозглашали идиотские тосты, пока остальные, открыв рты, изумленно глазели на Илбрека, еле протиснувшегося в двери зала и присевшего на корточки рядом с Корумом и Гованоном.

Здесь, в Таха-на-Гвиддеу Гаранхир, явно не были готовы к войне. Обитатели замка безостановочно пили, ибо праздновали свадьбу — сын короля принц Гайвин женился на дочери одного из великих рыцарей Кер Гаранхира.

Те, кто еще держался на ногах, были несказанно поражены, когда перед их глазами предстали трое сидов, все разного роста; кое-кто из пирующих был убежден, что на них оказали влияние слишком долгие и обильные возлияния.

— На вас идут силы фой миоре, король Даффин,— сказал Корум.— Многие сотни воинов, и с большинством из них справиться будет нелегко!

Опухшее от выпитого лицо короля Даффина было багровым. В данный момент в глазах от природы умного человека не было даже проблеска разума.

— Боюсь, ты переоценил мабденов, принц Корум,— мягко сказал Илбрек.— Нам придется справляться без них.

— Подождите! — король Даффин нетвердыми шагами спустился по ступенькам трона, держа в руках рог с медом.— Нас что, прирежут прямо на месте?

— Похоже, что так, король Даффин,— сказал Корум.

— В пьяном виде? Нас позорно перебьют те, кто убил... кто убил наших братьев на востоке.

— Именно так!— бросил Гованон, с досадой отворачиваясь от короля.— И ничего лучшего вы не заслуживаете.

Король Даффин вцепился в большой знак — символ королевской власти, висящий на на шее.

— Я потеряю свой народ,— пробормотал он.

— Послушайте еще раз,— сказал Корум. Он медленно и внятно повторил свой рассказ.

Король Даффин делал отчаянные усилия понять его. Он даже отбросил свой рог с медом и отказался от еще одной порции напитка, которую шумно предложил ему один из рыцарей.

— Сколько часов пути осталось им до Гаранхира?— спросил король, когда Корум замолчал.

— Может быть, три. Мы мчались во весь опор. Может, четыре или пять. А возможно, до утра они вообще не пойдут на штурм.

— Три часа... значит, три часа у нас есть точно.

— Думаю, что да.

Король Даффин неверными шагами двинулся по залу, тормоша спящих рыцарей и окликая тех, кто еще как-то держался на ногах. Корум был в полном отчаянии.

Илбрек озвучил его состояние.

— Это ничего не даст,— сказал он, снова протискиваясь в двери.— Ровным счетом ничего.

Корум почти не расслышал его, ибо продолжал увещевать короля Даффина, который отчаянно не хотел слушать плохие новости в такой радостный день.

Развернувшись, Гованон кинулся из зала.

— Не бросай их, Илбрек!— крикнул он.— Ты застал их не в лучшем...

Дрогнула земля, раздался грохот копыт, и Корум, успевший выбежать из зала, увидел, как огромный вороной конь перемахнул через стену Кер Гаранхира.

— Значит,— сказал Корум,— его не будет. Конечно же, он решил поберечь силы для более достойного дела. И, откровенно говоря, я не могу осуждать его.

— Он своеволен,— ответил Гованон.— Как и его отец. Но тот не бросил бы друзей.

— Ты тоже хочешь уйти?

— Нет. Я останусь. Я говорил тебе, что уже принял решение. Хорошо, что мы не пали под натиском народа сосен и оказались здесь. Мы должны быть благодарны Илбреку, который однажды спас нас.

— Это да,— Корум устало вернулся в зал, где увидел, как король Даффин трясет двух своих валяющихся воинов.

— Очнитесь!— кричал он.— Придите в себя! Идут фой миоре!

✧

Моргая, с красными глазами, с трясущимися руками те поднялись на крепостную стену, где то и дело припадали к мехам с водой, которыми их обносили мальчишки. Часть защитников была в парадных нарядах, в которых прибыла на свадьбу, а другие уже успели напялить на себя доспехи. Они стонали, вздыхали и держались за головы, пока в ожидании врага смотрели со стен Кер Гаранхира.

— Вон они!— сказал Коруму мальчишка, бросив мех с водой и показывая пальцем.— Я вижу облако!

Присмотревшись, и Корум увидел его. Вдали на горизонте клубился туман.

— Да,— сказал он.— Это фой миоре. Но посмотри, многие идут перед ними. Смотри ниже. Видишь всадников?

На мгновение показалось, что к Кер Гаранхиру подкатывает зеленая волна прибоя.

— Что это, принц Корум?— спросил мальчик.

— Это люди сосен,— ответил Корум,— и их практически невозможно убить.

— Туман двигался в нашу сторону, но сейчас он остановился,— заметил мальчик.

— Да,— согласился Корум.— Так обычно и поступают фой миоре — сначала, чтобы ослабить нас, они пошлют в бой своих вассалов.

Он посмотрел, что делается на стенах. Один из рыцарей короля Даффина стонал, содрогаясь в приступах рвоты. Корум, полный мрачного отчаяния, отвернулся от него. Другие бойцы поднимались по каменным ступеням, примеряя стрелы к длинным лукам. Эти, похоже, не отмечали свадьбу принца

Гайвина с таким размахом, как рыцари. На них были блестящие бронзовые кольчуги и бронзовые же шлемы на рыжих головах; некоторые были в кожаных штанах или в кольчужных поножах. За спинами у них, кроме колчанов, висели связки дротиков, а на поясах — мечи и топоры. У Корума слегка улучшилось настроение при виде этих бойцов, но снова испортилось, когда он услышал вдали мрачные, трубные, бессвязные крики фой миоре. Как бы смело они ни дрались сегодня, враги остаются, и они полны желания смести с лица земли величественные стены Кер Гаранхира.

Гул копыт заглушил голоса фой миоре. Бледно-зеленые кони несли на себе одинаковых бледно-зеленых всадников в бледно-зеленых одеждах, держащих в бледно-зеленых руках бледно-зеленые мечи. Подойдя к стенам, конная армия растянулась во все стороны. Кольцом охватывая крепость, люди сосен искали в ее обороне самые слабые места.

Порыв ветра принес на стены тошнотворный сосновый запах, и вместе с ним прилетел леденящий холодок, заставивший поежиться всех, стоящих на стенах.

— Лучники!— крикнул король Даффин, высоко вздымая меч.— Пускайте стрелы!

Туча стрел взметнулась в воздух и встретила накатывающуюся волну зеленых всадников, но не оказала на них никакого воздействия — словно лучники стреляли в деревья. Стрелы вонзались в лица, тела, в руки и ноги, в лошадей, но люди сосен не дрогнули.

Молодой рыцарь в длинной рубашке из белого шелка, поверх которой была наспех накинута кольчуга, с мечом у пояса, торопливо взбежал по ступенькам на стену. Он был юн и красив, его каштановые волосы растрепались, а в темных глазах застыло удивление. Корум заметил, что он был бос.

— Отец! — крикнул юноша, обращаясь к королю Даффину.— Я здесь! — вероятно, это был принц Гайвин — не такой пьяный, как его друзья. И Корум подумал про себя, что принц много потерял в этот день, потому что, должно быть, соскочил прямо с брачного ложа.

Корум увидел, как вдали блеснули огненные отблески, и понял, что на поле боя спешит Гэйнор. Возглавляя пешие отряды гулегов, Гэйнор Проклятый вскинул безликий шлем, разыскивая Корума среди защитников крепости; его желтый плюмаж трепыхался на ветру, обнаженный меч переливался то серебром,

то пурпуром, то синевой, на нагруднике пульсировали восемь стрел Знака Хаоса, а странные доспехи, как и меч, переливались самыми разными цветами. Могучий конь Гэйнора гарцевал перед рядами белолицей пехоты гулегов.

Коруму показалось, что вдали, вдоль кромки пелены тумана фой миоре, полыхнули огненные отблески. А что, если это новая форма вражеского нашествия, с которой Корум еще не сталкивался?

Люди сосен были все ближе, и из их ртов вырывался смех — скрипучий, шелестящий смех, как шорох ветра в листве. Коруму доводилось слышать его раньше, и этот смех наводил на него страх.

Он увидел, как изменились лица рыцарей и воинов, ждавших на стенах. Их черты исказились страхом, когда они в полной мере осознали, что должны встретиться со сверхъестественным, но каждый из защитников приложил все силы, чтобы подавить испуг и с оружием в руках встретить братство деревьев.

Взметнулась еще одна туча стрел, затем следующая, и каждая из них нашла себе цель. Воины сосен двигались вперед, буквально утыканные стрелами с красным оперением.

Но скрипучий смех все нарастал.

Всадники подкатывались к стенам медленно и неуклонно. Многие с головы до ног были покрыты стрелами. Некоторые из нападавших были насквозь проткнуты дротиками. Однако их бесстрастные лица щерились холодными улыбками, а ледяные глаза не отрывались от защитников на стенах. У их подножья они спешились.

Воздух пронзила очередная туча стрел, и некоторые из нападавших, утыканные стрелами с головы до ног, стали напоминать каких-то странных колючих животных.

Люди сосен начали карабкаться на стены.

Они лезли так, словно для подъема им не были нужны ни руки, ни ноги, они ползли подобно лозам плюща. Зеленые щупальца тянулись к защитникам.

Несколько рыцарей с криками отшатнулись, не в силах выдержать это зрелище. Корум не мог осуждать их. Стоящий рядом Гованон что-то с отвращением буркнул.

Первые из бледно-зеленых воинов, на лицах которых застыли улыбки, не отрывая глаз от противников, были уже меж зубцами, готовые перемахнуть через стены.

Боевой топор Корума блеснул на солнце и снес голову первому же увиденному врагу. Тот отлетел назад и рухнул, но на его месте мгновенно появился другой, которого так же уложил топор Корума. Из обрубка шеи потек зеленый сок, забрызгавший камни стены, потек по лезвию, но Корум обрушил оружие на очередную голову. Он понимал, что рано или поздно на него навалится усталость или же этот отряд защитников ослабеет и ему придется отражать атаки с обеих сторон, но он продолжал драться, пока люди сосен толпами лезли на стены.

Когда в горячке боя возникла минутная пауза, Корум, успев посмотреть в просвет между телами воинов сосен, увидел Гэйнора, гнавшего вперед своих гулегов. Те тащили на кожаных подвесках огромное бревно. Ясно было, что они собирались высаживать ворота. Уже зная, что мабдены не привыкли драться на улицах осажденных городов, Корум не мог сообразить, как и чем противостоять тарану. В течение столетий мабдены дрались лицом к лицу, каждый выбирал себе равного соперника из числа врагов. Многие племена даже не прибегали к убийству, считая неблагородным добивать уже поверженного противника. Можно было рассматривать это как силу мабденов, но в противостоянии с фой миоре сила оборачивалась бесспорной слабостью.

Корум крикнул королю Даффину, чтобы тот подготовил своих людей к появлению гулегов на улицах города, но король, заливаясь слезами, стоял на коленях, а вдоль зубцов стены к Коруму бежал воин сосен.

Корум увидел, что король стоял на коленях у тела бойца, только что сраженного воином сосен. Убитый был в белой рубашке и кольчуге. Принцу Гайвину не придется вернуться на брачное ложе.

Корум взмахнул топором и разрубил нападавшего пополам, так что торс его отлетел и рухнул, как падающее дерево. Еще несколько мгновений тот продолжал жить — ноги сделали пару шагов вперед, а торс, валявшийся на каменных плитах, махал руками. Однако он быстро умер, почти сразу став коричневого цвета.

Корум кинулся к королю Даффину.

— Не оплакивайте сына!— яростно крикнул он.— Мстите за него! Деритесь, король Даффин, или же и вас, и ваш народ ждет гибель!

— Драться? Зачем? Тот, ради кого я жил, мертв. И скоро все мы погибнем, принц Корум. Почему не сразу? Теперь меня не волнует, ради чего я погибну.

— Ради любви,— сказал Корум.— И ради красоты. Вот за что вы должны сражаться. Ради мужества и гордости,— но даже эти слова прозвучали впустую, когда он посмотрел на труп юноши и увидел, как на глаза его отца снова навернулись слезы. Он отвернулся.

Снизу, где таран продолжал неустанно взламывать ворота, доносились треск и грохот. Людей сосен на стенах было почти столько же, сколько и защитников города. В этой неразберихе возвышалась огромная фигура Гованона, его ужасающий топор вздымался и падал с размеренностью маятника, уродуя и калеча древесный народ. Во время боя с уст его срывались слова погребальной песни, и Корум уловил часть из них.

Я был там, где пал Гвендолеу,
сын Кейдау, столп песней,
когда гремел вороний грай.

Я был там, где Брана убили,
сына Иверидда, судьбой отмеченного,
когда кричали вороны над полем брани.

Я был там, где погиб Ллахеу,
сын Урту, в песнях воспетый,
когда гремел вороний грай

Я был там, где Мойриг пал,
сын Карреана, славой повитый,
когда кричали вороны над павшими в сече.

Я был там, где погиб Гваллауг,
сын Гохолета, достойнейший,
что выступил против Ллоэгира, сына Ллейнауга.

Я был там, где воины мабденов пали,
от востока до севера,
я провожал их в могилу.

Я был там, где воины мабденов пали,
от востока до юга.
Они пали. Я остался жив!

Корум понял, что слышит предсмертную песнь Гованона, что кузнец-сид уже готовится к своей неизбежной гибели.

Я был на могилах сидов,
от востока до запада.
Ворон теперь по мне кричит!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ОБОРОНА КОРОЛЕВСКОГО ЗАЛА

Поняв, что бой на стенах практически проигран, Корум прорубился сквозь толпу воинов сосен к Гованону и крикнул:

— В зал, Гованон! Отступай к залу!

Завершив песнь, Гованон спокойно взглянул на Корума.

— Очень хорошо, — сказал он.

Не прекращая сражаться, они бок о бок медленно спускались по ступеням, сметая обступавших их со всех сторон людей сосен, на лицах которых были все те же застывшие улыбки и неподвижные взгляды, руки с мечами вздымались и падали. С уст врагов постоянно срывался все тот же ужасающий скрипучий смех.

Оставшиеся в живых рыцари и стрелки последовали примеру Корума и высыпали на улицу. Тяжелые ворота трещали, и медные засовы гнулись под громовыми ударами тарана. Двое рыцарей сопровождали короля Даффина, который продолжал рыдать. Оказавшись наконец в королевском зале, они закрыли высокие бронзовые двери и перегородили их.

Повсюду в зале виднелись следы недавнего пиршества. Здесь оставалось еще несколько упившихся гуляк, которым, скорее всего, придется умереть, так и не поняв, что случилось. Коптили факелы, колыхались расшитые драгоценными камнями стяги. Бросив взгляд в узкое окно, Корум увидел, что Гэйнор торжествующе гарцует во главе своей армии полумертвецов; на груди его, как обычно, расходились лучами восемь стрел Знака Хаоса. Корум испытал прилив надежды, что хоть какое-то время горожане будут в безопасности, когда Гэйнор бросит все свои силы на штурм зала. За его спиной он увидел гулегов, продолжавших раскачивать таран. Но фой миоре пока так и не сдвинулись с места. Корум подумал, что, возможно, они вообще не появятся,

зная, что Гэйнор, его гулеги и люди сосен смогут сломить сопротивление защитников Кер Гаранхира и без их помощи.

Но Корум понимал, что, пусть даже в тяжелом бою удастся отбиться от вассалов фой миоре, самих фой миоре им не одолеть.

В окнах стали появляться бледно-зеленые лица, зазвенели разбитые витражи: люди сосен пытались прорваться в зал. И снова рыцари и воины Таха-на-Гвиддеу Гаранхир вступили в бой с захватчиками чуждой людям расы. Блестящие мечи отражали удары бледно-зеленых клинков народа сосен, и сражение продолжалось под грохот ударов таранов, взламывавших бронзовые двери зала.

В центре яростной битвы на троне, уронив голову на руки, сидел король Даффин, оплакивая гибель принца Гайвина и не проявляя никакого интереса к ходу битвы.

Корум кинулся в ту часть зала, где самое малое десять людей сосен наседали на двух рыцарей короля Даффина. Топор его уже затупился, а здоровая рука ныла и кровоточила. Если бы не серебряная рука, ему бы давно пришлось бросить топор. Но и она дрожала, когда он в очередной раз принц вскинул оружие, чтобы нанести удар по шее бледно-зеленого воина, готового всадить меч в незащищенный бок высокого рыцаря, дравшегося с двумя другими противниками.

Несколько воинов сосен тут же набросились на Корума. Мечи их мелькали в воздухе, бледно-зеленые губы кривил скрипучий смех, и Коруму пришлось сделать шаг назад, а потом и другой, пока он не оказался прижатым к дальней стене зала. Гованон дрался с тремя другими противниками и не мог прийти ему на помощь. Вадхагский принц рубил топором во все стороны, вверх и вниз, но чужие мечи уже несколько раз пробили его мятые доспехи, добравшись до тела, и из десятка ран обильно текла кровь.

Корум почувствовал за спиной каменную кладку стены и понял, что дальше отступать некуда. Над ним горел факел, бросая отблески на солдат народа сосен, которые, ухмыляясь, готовились покончить с ним.

В рукоятку топора врубился чей-то меч. Корум отчаянным рывком высвободил оружие и нанес удар тому, кто держал меч — воину (правильное лицо его было проткнуто тремя стрелами с красным оперением). Топор глубоко погрузился в череп, расколов его. Из него выползла какая-то зеленая масса, и противник

рухнул, потянув с собой отломившуюся половину топора Корума. Корум развернулся и отскочил под прикрытие уступа над головой. Там он обнажил меч, ухватившись для надежности серебряной рукой за кольцо, в котором полыхал факел. Воины сосен вдоль стены двинулись к нему. Он отбросил одного, рубанул мечом другого, но они остались на ногах и с холодными усмешками продолжали подступать. В отчаянии он отпустил кольцо и, схватив факел, ткнул им в лицо ближайшего противника.

Тот завопил.

В первый раз воин сосен закричал от боли. Его лицо занялось пламенем, и в ранах, которые, казалось, не причинили ему никакого вреда, зашипел, сворачиваясь, древесный сок.

Остальные в ужасе отпрянули от своего пылающего товарища, он, занявшись пламенем, с криком побежал по залу, пока наконец не рухнул на останки другого собрата. Его коричневое тело тоже занялось огнем, превращаясь в пепел.

Корум обругал себя за то, что не догадался раньше: единственным оружием, которого, по всей видимости, боялся народ сосен, был огонь.

— Хватайте головни!— крикнул он остальным.— Огонь уничтожит их! Срывайте факелы со стен!

Он видел, что бронзовая дверь уже пошла буграми, и понял, что ей долго не выдержать под мощными ударами тарана гулегов.

Но тут все, кто еще был в состоянии держаться на ногах, бросились срывать факелы и, размахивая ими, кинулись на врагов. Вскоре весь зал заполнился клубами дыма — дыма, который душил Корума и остальных, но это был запах горящего дерева.

Люди сосен начали отступать, пытаясь прорваться к окнам, но на пути их вставали рыцари Таха-на-Гвиддеу Гаранхир, они крушили тела врагов горящими поленьями. С воплями разлетаясь в стороны, люди-деревья падали на окровавленные плиты и сгорали.

И наконец в зале воцарилось тишина — тишина, нарушаемая только ритмичными ударами тарана в двери. Не осталось никого из людей сосен — только кучки серого пепла, от которых шел дымок, полный сладковатого тошнотворного запаха.

Повсюду валялись сорванные флаги, которые уже начинали тлеть. Повсюду горели опрокинутые лавки, но защитники зала не обращали на них внимания. Собравшись у дверей, они ждали появления гулегов.

У каждого из них, включая Корума и изрядно помятого кузнеца-сида Гованона, в руках был факел.

Бронзовая дверь выгнулась в зал. Петли и засовы треснули.

По мере того, как дверь слетала с петель, в зал сквозь проломы начал просачиваться свет.

Еще один мощный удар. И снова заскрипела дверь.

Сквозь щель Корум видел, как Гэйнор руководит действиями гулегов.

Очередной удар. Один из засовов хрустнул и отлетел в дальний конец зала к ногам короля, продолжавшего плакать, сидя на троне.

Еще удар. Треснул второй запор, и на каменных плитах пола звякнула сорванная петля. Дверь, дернувшись, начала подаваться внутрь.

Еще удар.

Бронзовая дверь рухнула, и гулеги изумленно попятились перед напором людей, которые из дымной темноты зала Кер Гаранхира — факелы и головни в левой руке, мечи или топоры в правой — ринулись на них в атаку.

Черный конь Гэйнора попятился, и проклятый принц едва не уронил блестящий меч, потрясенно глядя на измотанных боем, черных от дыма воинов, возглавляемых вадхагом Корумом и сидом Гованоном. Они рванулись к нему с криками: «Ну что? Что? Ты еще жив?»

Корум кинулся прямо к Гэйнору, но тот, как и прежде, отказался вступить с ним в схватку. Он развернул вставшего на дыбы коня и, разбрасывая своих полумертвецов-гулегов, проложил себе сквозь них путь к отступлению.

— Вернись, Гэйнор! Дерись со мной! Дерись же!— воззвал Корум.

Но, убегая, Гэйнор хрипло рассмеялся:

— Я не вернусь в преисподнюю — пока в этой реальности меня не встретит смерть.

— Ты забыл, что фой миоре уже умирают. Что, если ты переживешь их? Что, если они исчезнут и мир оживет?

— Этого не произойдет, Корум. Их яд повсюду, и они вечны! Ты поймешь, что сражаешься впустую!

Гэйнор исчез, а гулеги с их короткими кривыми ятаганами и ножами опасливо двинулись вперед — их пугали горящие поленья, ибо в землях фой миоре огню не было места. Хотя гулеги не превращались в золу, как люди сосен, они действительно

боялись огня и не хотели двигаться дальше, тем более что Гэйнор бросил их и, лишь отдалившись на безопасное расстояние, развернул коня, чтобы понаблюдать за схваткой.

Гулегов было раз в десять больше, чем уцелевших защитников Гаранхира, но рыцари и воины, издавая боевые кличи, оттесняли их, рубя и кроша этих полумертвецов, тыкая им в лица факелами, а они, ворча и повизгивая, лишь вскидывали руки, пытаясь защититься от пламени.

Гованон больше не пел свою предсмертную песнь. Хохоча, он крикнул Коруму:

— Они отступают! Они отступают! Смотри, как они бегут, Корум!

Но Корум не испытывал радости, поскольку знал, что фой миоре еще не пошли в наступление.

И тут он услышал голос Гэйнора.

— Балар! Керенос! Гоим!— взывал он.— Время! Пришло время!

Гэйнор Проклятый подскакал к воротам Кер Гаранхира.

— Раннон! Арек! Сренг! Время! Время!

Пока Гэйнор продолжал взывать из проема разрушенных ворот Кер Гаранхира, его гулеги собрались за ним, поняв, что он отступает.

Увидев, как бегут враги, Корум, Гованон и оставшиеся рыцари и воины разразились радостными криками.

— Сегодня это будет нашей единственной победой,— сказал Корум Гованону.— И я высоко ценю ее, друг мой сид.

Теперь осталось лишь ждать появления фой миоре.

Но хотя начало темнеть, фой миоре так и не появлялись. Вдалеке продолжал висеть их туман, тут и там вперемежку с людьми сосен брели отставшие гулеги, но, скорее всего, фой миоре, не привыкшие к поражениям, совещались, что делать дальше. Может, они вспомнили копье Брийонак и черного быка Кринанасса, которые как-то одержали над ними верх и уничтожили их собрата. И теперь, видя, как бегут их слуги, испугались, что против них выступит еще один бык. Они старались не появляться у Крэг Дона, возможно, будут избегать Кер Махлода, где потерпели поражение. По той же причине, может быть, они будут держаться вдали и от Кер Гаранхира.

По какой бы причине фой миоре не выходили из-за горизонта — Корума это не волновало. Он был рад передышке, ког-

да можно было пересчитать павших, перевязать раненых, перевести стариков и детей в более безопасные места, как следует вооружить рыцарей и воинов (среди которых было много женщин) и как-то привести в порядок ворота.

— А они осторожны, эти фой миоре,— задумчиво сказал Гованон.— Ведут себя, как трусливые пожиратели падали. Думаю, именно поэтому они и живут так долго.

— И Гэйнор следует их примеру. Насколько я знаю, у него нет особых оснований бояться меня, но сегодня он сыграл нам на руку. И все же, думаю, скоро появятся фой миоре,— ответил Корум.

— Я тоже так думаю,— согласился сид. Он стоял на стене рядом с Корумом и куском известняка точил лезвие топора. Гованон нахмурил густые черные брови.— Но ты видишь, как что-то мелькает в тумане фой миоре? И как с туманом смешивается что-то черное.

— Я заметил это еще раньше,— сказал Корум,— но не могу объяснить. Думаю, это какое-то новое оружие фой миоре и ждать его осталось недолго.

— Ага,— сказал Гованон.— Вот и Илбрек скачет. Он, конечно, увидел, что мы одержали победу, и спешит снова присоединиться к нам.— В голосе Гованона звучала горечь.

Они смотрели, как к ним приближается огромный золотой юноша на гордом вороном жеребце. Улыбающийся Илбрек держал в руке меч. Оружие было не то, что он обычно носил на поясе, а другое. В сравнении с ним тот меч, что висел у него на поясе, казался грубым, потому что клинок у него в руке блестел ярко, как солнце, ножны, усеянные драгоценными камнями, были из чистого золота, а рукоятка — из рубина величиной с голову Корума. Илбрек бросил поводья и высоко вскинул меч.

— Ты был прав, напомнив мне об Оружии Света, Гованон! Я нашел сундук и обнаружил в нем меч. Вот он! Вот он, Мститель, меч моего отца, которым он дрался с фой миоре. Вот он, Мститель!

Когда Илбрек приблизился к стене и его огромная голова оказалась на одном уровне с ними, Гованон мрачно бросил ему:

— Но ты появился слишком поздно, Илбрек. Мы уже завершили сражение.

— Слишком поздно? А не я ли пустил в ход меч, чтобы окружить кольцом фой миоре: они и сейчас не знают, что делать, — не могут ни двинуться к городу, ни собрать свои силы!

— Значит, это твоя работа!— Корум не смог удержаться от смеха.— Значит, когда мы решили, что ты бросил нас, на самом деле ты пришел нам на помощь и спас нас.

Илбрек изумился:

— Бросить вас? Не принять участия, может быть, в последней битве между сидами и фой миоре? Я бы никогда так не поступил, маленький вадхаг!

Теперь расхохотался и Гованон:

— Я так и знал, что ты не мог бы. Добро пожаловать обратно к нам! И мы рады приветствовать великий меч Мститель!

— Он сохранил все свои силы,— сказал Илбрек, поворачивая лезвие, чтобы оно блеснуло еще ярче.— Он остается самым могучим мечом, когда-либо поднятым против фой миоре. И они это знают! Я очертил пылающий круг вокруг их ядовитого тумана. Они остались в нем с туманом и не могут сдвинуться с места, пока вместе с ними не сдвинется и туман. Они прикованы к месту.

— Навсегда?— с надеждой спросил Корум.

Илбрек покачал головой и улыбнулся.

— Нет. Не навсегда, но на какое-то время. Прежде чем мы снимемся отсюда, я воздвигну защиту и вокруг Кер Гаранхира, так что фой миоре и их бойцы побоятся напасть на него.

— Боюсь, нам придется отправиться к королю Даффину и положить конец его скорби,— сказал Корум.— У нас остается мало времени, если мы хотим спасти жизнь Амергина. Нам нужны золотой дуб и серебряный баран.

Король Даффин поднял покрасневшие от слез глаза и посмотрел на стоящих перед ним Корума и Гованона. Тоненькая девочка, которой вряд ли было больше шестнадцати лет, сидела на подлокотнике трона и гладила короля по голове.

— Теперь вашему городу ничего не угрожает, король Даффин, и какое-то время будет так. А сейчас мы хотим обратиться к вам с просьбой!

— Уходите,— сказал король Даффин.— Позже я выражу вам свою благодарность. Но не сейчас. Пожалуйста, оставьте меня. Вы, воины сидов, и напустили на нас фой миоре.

— Фой миоре явились к вам еще до нас,— возразил Корум.— И спасло вас лишь наше предупреждение.

— Оно не спасло моего сына,— произнес король Даффин.

— И моего мужа,— прошептала девушка, сидевшая рядом с королем.

— Но спаслись другие сыновья и другие мужья. И многие еще спасутся с вашей помощью, король Даффин. Мы ищем два предмета из сокровищ мабденов — золотой дуб и серебряного барана. Они у вас?

— Они больше не принадлежат мне,— сказал король Даффин.— И будь они моими, я бы не расстался с ними.

— Они — единственное, что может вернуть к жизни главного друида Амергина, сняв с него заклятие, наложенное фой миоре,— объяснил Корум.

— Амергина? Он же в плену в Кер Ллуде. Или уже умер.

— Нет. Амергин жив — пока. Мы спасли его.

— Вы?— Король Даффин с совершенно другим выражением лица посмотрел на них.— Амергин жив и свободен?— Похоже, отчаяние стало отступать, тая, как снег фой миоре, орошенный кровью черного быка.— Свободен? И возглавит нас?

— Да, если мы вовремя успеем в Кер Махлод. Потому что он там, в Кер Махлоде. Он умирает. Спасти его могут только дуб и баран. Но если они не принадлежат вам, к кому мы можем обратиться с этой просьбой?

— Они были подарком к нашей свадьбе,— сказала девушка.— Сегодня утром, когда Гайвин был еще жив, король подарил их своему сыну и мне. Вы получите золотой дуб и серебряного барана.

Покинув зал, она вскоре вернулась со шкатулкой в руках. Открыв ее, девушка извлекла изображение раскидистого дуба, отлитое из золота с такой точностью и изяществом, что миниатюрное дерево казалось настоящим. Рядом с ним она положила фигурку серебряного барашка; каждый завиток его был тщательно вырезан мастером. У барашка были крутые раскидистые рога. Он стоял на задних ногах, и его серебряные глаза со странной мудростью смотрели из-под серебряного лба.

Девушка склонила голову, закрыла шкатулку и протянула ее Коруму, который почтительно принял ее. Он поблагодарил девушку и короля Даффина.

— Теперь мы возвращаемся в Кер Махлод,— сказал Корум.

— Скажите Амергину, если он вернется к жизни, что мы подчинимся любому его решению, какое бы он ни принял,— сказал король.

— Скажу,— пообещал Корум.

Затем вадхагский принц и карлик-сид покинули скорбящий зал, и, пройдя через ворота Кер Гаранхира, присоединились к

своему другу Илбреку, сыну Мананнана, величайшему из героев сидов.

В далекой пелене тумана еще мерцали огни, но теперь огненная завеса начала расползаться и вокруг стен Кер Гаранхира.

— Огонь сидов защитит город,— сказал Илбрек.— Жить ему недолго, но, думаю, он удержит фой миоре от нападения. А теперь в путь!— Илбрек заткнул Мститель за пояс и нагнулся к Коруму — и тот, не выпуская из рук шкатулки, взлетел в воздух и устроился за лукой седла Илбрека.

— Мы доберемся до моря, и нам понадобится лодка,— сказал Корум, когда они снялись с места.

— Думаю, что обойдемся,— бросил Илбрек.

Часть третья,
В КОТОРОЙ КОРУМ СТАНОВИТСЯ СВИДЕТЕЛЕМ СИЛЫ ДУБА И БАРАНА, А МАБДЕНЫ ОБРЕТАЮТ НОВУЮ НАДЕЖДУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ДОРОГА ЛЕЖИТ ЗА МОРЕ

Они уже достигли берега, когда Корум забеспокоился, что Гованон отстал. Повернувшись назад, он увидел, что карлик сид, держась на расстоянии, идет неровной спотыкающейся походкой и мотает головой из стороны в сторону.

— Что с Гованоном? — спросил Корум.

Пока Илбрек не замечал его отсутствия. Но теперь он тоже оглянулся.

— Может, устал. Сегодня он долго был в бою, да и пробежал немало миль,— Илбрек посмотрел на запад, где солнце медленно опускалось.— Не отдохнуть ли нам перед дорогой через море?

Огромный конь Густая Грива замотал головой, словно говоря, что, он, мол, не хочет отдыхать, но Илбрек засмеялся и потрепал его по шее.

— Густая Грива терпеть не может отдыха. Ему нравится лишь мчаться галопом по миру. Он слишком долго спал в подводной пещере и теперь рвется скакать! Но мы должны дождаться Гованона и узнать, как он себя чувствует.

Корум услышал за спиной тяжелое дыхание Гованона и снова с улыбкой повернулся, чтобы спросить у кузнеца-сида, что ему хотелось бы делать.

Но у Гованона горели глаза, в углах рта пузырилась пена; ощерившись, он зарычал и, взметнув огромный двойной топор, примерился нанести удар по голове Илбрека.

— Илбрек!— Корум спрыгнул на землю и откатился в сторону, успев надежно засунуть шкатулку с дубом и бараном под мышку левой руки.

Вскочив, он выхватил меч, а Илбрек, повернувшись, изумленно воскликнул:

— Гованон! Старина! Что с тобой?

— Он заколдован!— закричал Корум.— Мабденский колдун снова наложил на него заклятие! Калатин где-то поблизости!

Илбрек успел перехватить рукоятку топора Гованона, но тот не уступал ему в силе. Он сорвал Илбрека с седла, и двое бессмертных схватились на земле, рядом с водой. Коруму и Густой Гриве осталось лишь наблюдать за схваткой, и конь был неподдельно изумлен поведением хозяина.

— Гованон!— закричал Корум.— Гованон! Ты дерешься с братом!

Сверху донесся другой голос, и, вскинув голову, Корум увидел на краю утеса высокого человека, над плечами которого колыхались две полосы тумана.

Солнце закатилось, и окружающий мир померк, окрасившись в серый цвет.

Фигурой на краю утеса был волшебник Калатин в темно-синей мантии из мягкой кожи. На его длинных тонких пальцах блестели кольца с драгоценными камнями, шею обхватывал золотой обруч, а мантия расшита мистическими знаками. Он погладил длинную бороду и загадочно улыбнулся.

— Теперь он мой союзник, Корум Серебряная Рука,— сказал колдун Калатин.

— А ты союзник фой миоре!— Корум увидел тропку, по которой он мог добраться до волшебника, пока Илбрек и Гованон, хрипя и задыхаясь, катались по песку.

— По крайней мере, в данный момент,— согласился Калатин.— Но если человек не хранит верность мабденам или фой миоре — или сидам,— он может хранить верность себе, не так ли? И кто знает, может, и ты скоро присоединишься ко мне!

— Никогда!— Корум стал стремительно подниматься по крутой тропе, держа меч в здоровой руке.— Этого никогда не будет, Калатин!

Задыхаясь, Корум добрался до вершины утеса и двинулся на колдуна, который, усмехаясь, неторопливо отступил назад.

Вот тогда Коруму и бросилась в глаза пелена, висящая за волшебником, и он понял, что это за туман.

— Фой миоре! Один из них высвободился!

— Он никогда и не был в плену меча Илбрека. Он следовал в отдалении от главных сил. Это Сренг. Сренг с Семью Мечами.

По мере того, как мир окутывала тьма, туман пополз к Коруму. Снизу, с берега, доносились хриплые возгласы двух сражающихся сидов.

Сквозь пелену тумана Корум увидел огромную боевую колесницу, способную вместить даже такого великана, как Илбрек. Повозку волокли два чудовищных создания, напоминавшие ящериц, но они не были таковыми. Из колесницы показалась огромная белесая масса, покрытая красными пульсирующими бородавками. Тело было совершенно голым, если не считать пояса, на котором висели мечи,— что-то вроде юбки-килта. Подняв взгляд, Корум увидел лицо, напоминающее человеческое, — принцу показалось,что он его уже когда-то видел, как и глаза, полные мрачной ярости. Это были глаза графа Гландита-а-Крэ — именно он отрубил Коруму руку и вырвал глаз, начав тем самым длинную историю войны с Повелителями Мечей. Но эти глаза не узнали Корума, хотя, когда их взгляд упал на серебряную кисть, в них блеснула какая-то искорка.

Изуродованный рот издал гудящий звук.

— Господин мой Сренг,— сказал колдун.— Это он способствовал вашему поражению под Кер Махлодом. Это он сегодня разбил вас. Это Корум.

Корум опустил шкатулку с золотым дубом и серебряным бараном, прикрывая ее серебряной рукой, расставил ноги, сорвал с пояса кинжал и приготовился к бою со Сренгом с Семью Мечами.

Тот двигался медленно, словно страдая от боли. Он снял с пояса два огромных меча.

— Убей Корума, господин мой Сренг, и отдай мне его тело. Убей Корума — и фой миоре никогда больше не столкнутся с сопротивлением мабденов!

Снова из искаженного рта вырвался низкий гудящий звук. На бледной плоти пульсировали налитые кровью бородавки. Корум заметил, что одна нога гиганта короче другой и на ходу он переваливался. Во рту у него было всего три зуба, а мизинец

правой руки покрыт желтоватой плесенью с черно-белыми пятнами. Затем Корум увидел, что и все тело великана, особенно у бедер, покрыто пятнами такой же плесени. От Сренга с Семью Мечами шло зловоние, напоминавшее Коруму запах протухшей рыбы и кошачьих экскрементов.

Из темноты снизу доносилось тяжелое дыхание сцепившихся сидов. Калатин был чуть виден в ночи, из сумрака доносилось лишь его похмыкивание. Ясно был виден только Сренг, окутанный пеленой тумана, который он, должно быть, всегда таскал за собой.

Коруму не хотелось погибать от рук этого уродливого бога Сренга. Тот и сам уже на грани смерти, как и остальные фой миоре, но грызущая его болезнь может продлиться еще сотню лет.

— Сренг,— сказал Корум,— не вернуться ли тебе в преддверие ада, откуда ты уже никуда не денешься? Я могу помочь тебе вернуться в твой мир, в ту плоскость, где тебя не будут терзать болезни. Оставь этот мир в покое, пусть он радуется. Забери с собой холода и смерть.

— Он обманывает тебя, господин мой Сренг,— промолвил из темноты Калатин.— Верь мне. Он тебя обманывает.

Слово, одно лишь слово гулом вырвалось из разорванных губ. Оно было эхом на то, что произнес Корум, будто это было единственное слово человеческого языка, которое губы Сренга могли произнести.

И слово это было «смерть».

— Твоя реальность ждет тебя — и путь к ней существует.

Уродливая рука вскинула тяжелый меч из грубо выделанного металла. Корум осознавал, что не в силах парировать удар. Меч свистнул над его головой и с ужасающей силой врезался в землю. Он заметил, что промах Сренга был неслучаен, ибо этому фой миоре было трудно контролировать свои движения. Поняв это, Корум нагнулся, схватил шкатулку с дубом и бараном и, пробив защиту Сренга, глубоко всадил меч ниже подбородка гиганта.

Фой миоре гулко взревел от боли. Корум проскользнул между его ногами и сзади рубанул по сухожилиям колена, где гуще всего росла отвратительная плесень. Сренг начал разворачиваться, но ноги у него подломились, и он рухнул под вопли Калатина:

— Вот он, господин Сренг! Вот он! Сзади!

Корума передернуло, когда ледяной туман прошиб его до костей. Все инстинкты подсказывали, чтобы он вынырнул из

тумана и скрылся в ночи, но принц лишь покрепче утвердился на ногах, пока гигантская рука шарила в поисках его. Он рубанул по ней, но в тот же миг над его головой, чуть не сбив с ног, свистнул другой огромный меч, заставив Корума пригнуться.

Сренг, опрокинулся на спину, придавив Корума, и шея фой миоре прижала вадхагского принца к земле, руки продолжали искать воина, с такой отвагой сражавшегося с ним.

Корум взмок, пытаясь освободиться. Он не знал, целы ли у него кости, пока изуродованные пальцы скользили по его плечу, срывались и начинали снова искать его. От зловония гниющей плоти фой миоре Корум чуть не потерял сознание, прикосновения ее заставляли содрогаться, ледяной туман лишал последних сил, но он сказал себе, что мужественно погибнет в бою с одним из самых страшных врагов, с которыми ему приходилось сходиться.

Калатину ли принадлежал голос, который донесся до него?

— Сренг! Я знаю тебя, Сренг!

Нет, то был голос Илбрека. Значит, он победил в схватке, и Гованон, без сомнения, лежит мертвый на берегу. Корум заметил, что над ним появилась огромная рука, но она схватила Сренга за остатки волос и приподняла голову, чтобы Корум смог выползти из-под нее. И когда Корум, пошатываясь, встал на ноги, продолжая прижимать к себе шкатулку с дубом и бараном, он увидел, как золотоволосый Илбрек выхватил из-за пояса Мститель, меч своего отца, приставил острие к груди Сренга и глубоко вонзил его в уродливое сердце фой миоре. Сренг издал ужасающий вопль.

Он испугал Корума больше, чем все, что ему довелось сейчас пережить. Ибо в последнем крике Сренга были и наслаждение, и радость — наконец Сренг обрел смерть, о которой так долго мечтал.

Илбрек отошел от тела фой миоре.

— Корум? Ты в порядке?

— В полном, благодаря тебе, Илбрек. Только в синяках, вот и все.

— Благодари себя. Трудно оценить, с какой отвагой ты сражался с фой миоре. Даже не подоспей я вовремя, ты бы и сам спасся.

— Калатин!— спохватился Корум.— Где он?

— Удрал. Теперь нам тут больше нечего делать, и надо как можно скорее покидать это место.

— Почему Калатин просил у Сренга мое тело?

— В самом деле?— кинув Мститель в ножны, Илбрек посадил Корума на сгиб руки.— Представления не имею. Я ровно ничего не знаю, что нужно мабденам.

Илбрек спустился к берегу, где Густая Грива пощипывал травку, растущую в расщелинах утеса, его усыпанная жемчугами упряжь поблескивала в свете луны, которая уже взошла над горизонтом.

Корум посмотрел на тело, лежащее на песке.

— Гованон?— спросил он.— Тебе пришлось убить его?

— Он явно намеревался прикончить меня,— ответил Илбрек.— Я вспомнил, как он рассказывал о заклятии Калатина. Предполагаю, что Калатин крался за нами и, наконец, подобрался так близко, что Гованон снова оказался во власти его чар. Бедный Гованон...

— Похороним его здесь?— спросил Корум. Только сейчас он понял, как был привязан к кузнецу-сиду, и теперь его переполняла жалость.— Я не хочу, чтобы его нашли фой миоре. Не хочу даже и думать, чтобы его тело досталось Калатину.

— Согласен, это никуда не годится,— сказал Илбрек.— Но, видишь ли, я думаю, что хоронить его не стои,— он посадил Корума в седло Густой Гривы и вернулся к лежащему ничком телу. Закинув безжизненную руку Гованона себе на шею, он не без труда взвалил его на спину.— Для карлика он здорово тяжелый,— сказал Илбрек.

Корума поразил его легкомысленный тон. Но, может, гигант просто скрывает свою печаль?

— Так что будем делать?

— Думаю, возьмем его с собой в Кер Махлод.— Илбрек вставил ногу в стремя и попытался сесть в седло. Потерпев неудачу после нескольких попыток, он хмыкнул и выругался.— Ох! От этого карлика у меня синяки по всему телу! Черт бы его побрал!— увидев выражение лица Корума, он ухмыльнулся в свою золотистую бородку.— По кузнецу Гованону еще не стоит скорбеть. Этих карликов-сидов нелегко прикончить. Вот у этого, например, всего лишь пришлось на время вышибить из головы его дурацкие мысли.

Илбрек, наконец, уселся в седло, и Густой Гриве пришлось принять на себя и вес Гованона. Рукой, держащей поводья, Илбрек подхватил боевой топор Гованона и положил его поперек седла за спиной Корума.

— Что ж, Густая Грива, тебе придется нести нас троих. Думаю, ты ничего не утратил из своих бывших способностей.

Корум расплылся в улыбке:

— Значит, он жив! Но все же мы должны как можно скорее убраться подальше от чар Калатина. Где-то здесь мы бросили нашу лодку. Как мы переберемся через море?

— Густая Грива знает пути через него,— ответил Илбрек.— Пути, находящиеся не в этой плоскости, если ты меня понимаешь. Ну же, конь моего отца, в галоп! Ищи тропы через море. Вперед!

Густая Грива всхрапнул, на мгновение вздыбился и рванулся в море.

Илбрек весело рассмеялся, видя откровенное изумление Корума, который смотрел, как копыта Густой Гривы лишь касались воды, не погружаясь в нее.

Они мчались над поверхностью океана, освещенные круглым диском луны, бросавшим на воду голубоватые отблески; по тропам, что тянулись через все море, всадники галопом летели к Кер Махлоду.

— Ты много знаешь о пятнадцати плоскостях, вадхаг,— на скаку произнес Илбрек,— так что ты поймешь талант Густой Гривы находить, так сказать, тропы, которые не совсем относятся к этой реальности — так же, как мои подводные пещеры. Эти пути лежат в основном на поверхности моря, а порой даже в воздухе. Удивляясь, мабдены называют такие особенности колдовством, но мы-то знаем, что это не так. Тем не менее, когда хочешь поразить бедных мабденов, с их помощью можно устроить хороший спектакль.

И Илбрек снова рассмеялся, на скаку покачиваясь в седле:

— Мы будем в Кер Махлоде до наступления утра!

ГЛАВА ВТОРАЯ
МЕСТО, ГДЕ ЖИВЕТ СИЛА

Народ Таха-на-Кремм Кройх изумленно уставился на эту троицу, когда она появилась на коническом холме, где был возведен Кер Махлод.

Гованон уже пришел в себя и теперь бежал рядом с Густой Гривой. Он сетовал на синяки и ссадины, оставленные Илбреком, но тон у него был добродушно-насмешливый, ибо

он понимал, что на самом деле Илбрек спас и жизнь его, и честь.

— Значит, это и есть Кер Махлод,— сказал златовласый сын Мананнана, остановив Густую Гриву у рва, окружавшего и защищавшего крепость.— Он немного изменился.

— Ты раньше бывал тут?— заинтересовался Корум.

— Конечно. В старые времена тут неподалеку было место, где собирались сиды. Я помню, как меня приводил сюда отец — незадолго до того, как он ушел в сражение, где и отдал жизнь.

Спешившись, Илбрек осторожно снял Корума с седла и поставил на землю. Корум чувствовал усталость, ибо они всю ночь скакали через море по странным, из другой реальности тропам; но он продолжал крепко держать шкатулку, дар короля Даффина и его невестки. Кольчуга у него была изорвана, а шлем весь во вмятинах; теперь он чувствовал боль от ран и поэтому двигался медленно и с трудом. Но в голосе звучала гордость, когда он крикнул, требуя опустить мост:

— Это Корум! Я вернулся в Кер Махлод с двумя друзьями, союзниками мабденов! — он вскинул шкатулку, держа ее двумя руками — серебряной и здоровой.— И тут, в этой шкатулке, золотой дуб и серебряный баран, которые вернут вашего верховного короля!

Мост опустился. На другой стороне уже ждали Медбх Длинная Рука и Джери-а-Конел в надвинутой на глаза шляпе; на плече его сидел кот. Медбх кинулась к Коруму на шею. Стащив с него шлем, она гладила его по волосам и целовала израненное лицо.

— Любовь моя,— сказала она.— Моя волшебная любовь, ты вернулся домой,— Медбх заплакала.

— Амергин при смерти,— грустно сказал Джери.— Еще несколько часов, и, боюсь, мы услышим его последнее блеяние.

Появился Маннах с серьезным и мрачным лицом. Он с достоинством приветствовал двоих сидов.

— Это большая честь для нас. С Корумом в Кер Махлод пришли двое прекрасных добрых друзей!

Но на утренних улицах Корум не увидел никого из людей короля Фиахада.

— Король Фиахад уехал?

— Ему пришлось, ибо дошли слухи, что фой миоре по ледяному мосту идут на его земли.

— Да, фой миоре идут,— подтвердил Корум,— и они только что проложили через море ледяной мост, но напали они не на народ короля Фиахада. Они вышли к Кер Гаранхиру, где мы и вступили с ними в бой — Гованон, Илбрек и я,— и Корум рассказал королю Маннаху все, что случилось с ним после того, как он и Гованон расстались с Джери-а-Конелом.— А теперь,— закончил он,— я бы поел, поскольку проголодался и не сомневаюсь, что мои друзья тоже голодны. И отдохнул бы час-другой, потому что мы мчались всю ночь, чтобы успеть к вам.

— Ты убил фой миоре!— воскликнула Медбх.— Значит, с ними могут справиться и другие, а не только черный бык?

— Мне помогли справиться,— улыбнулся Корум,— лишь с самым маленьким и очень больным. Но если бы не Илбрек, я бы так и скончался, раздавленный чудовищем.

— Я перед тобой в неоплатном долгу, великий Илбрек,— сказала Медбх, склонив голову перед сидом. Ее густые рыжие волосы упали на лицо, и, откинув их, она посмотрела в смеющиеся глаза гиганта.— Если бы не ты, я бы сейчас скорбела.

— Он и сам отважен, этот маленький вадхаг,— засмеялся златобородый юноша, осторожно присаживаясь на плоскую крышу соседнего дома.

— Да, он храбр,— согласилась Медбх.

— Идем же,— король Маннах торопливо взял Корума за руку.— Ты должен увидеть Амергина и сказать мне, что ты думаешь о его состоянии,— задрав голову, король Маннах посмотрел на Илбрека.— Боюсь, что ты не пройдешь в наши низкие двери, великий сид.

— С удовольствием подожду здесь, пока не понадоблюсь,— сказал Илбрек.— Но если тебе надо, Гованон, ты иди.

— Я хочу увидеть, что случилось с главным друидом, которого мы с таким трудом спасли,— он поставил топор рядом с правой ногой Илбрека и последовал вслед за королем Маннахом, Медбх, Джери-а-Конелом и Корумом.

Войдя в королевский зал, они пересекли его и стали ждать, пока король Маннах распахнет перед ними другую дверь.

Комната была ярко освещена факелами. Не было предпринято никаких попыток снять с Амергина его овечью шкуру, но, по крайней мере, ее почистили. Верховный король лежал рядом с вереницей блюд, на которых были разложены различные растения.

— Мы тщетно искали травы, которые устроят его, но ни одна из них не в состоянии продлить жизнь Амергина хоть на несколько часов,— сказал король Маннах. Он открыл шкатулку, которую вручил ему Корум, и нахмурился, рассматривая два изящных изображения.— Как их использовать?

Корум покачал головой.

— Не знаю.

— Он не сказал нам,— уточнил Джери-а-Конел.

— Значит, ваш поход оказался бесплодным?— спросила Медбх.

— Думаю, что нет,— Гованон вышел вперед.— Я кое-что знаю о свойствах дуба и барана. В нашем народе ходит легенда, что их сделали для определенной цели, когда расе мабденов угрожала большая опасность, и кое-кто из сидов помогал им в борьбе. Я припоминаю, что была сид, называвшаяся Женщиной Дуба, она дала обещание мабденам, но сути его я не знаю. Мы должны отнести дуб и барана в то место, которое обладает силой, может, в Крэг Дон...

— Это слишком далеко,— рассудительно сказал Корум.— Посмотри... пока мы говорим, жизнь в Амергине еле теплится.

— Это верно,— согласилась Медбх.

Дыхание верховного короля было слабым и прерывистым, а бледность кожи сливалась с шерстью покрова. Лицо стало старым и морщинистым, хотя раньше оно было куда моложе — может, потому, что его никто не беспокоил в облике овцы.

— Холм Кремм,— сказал Джери-а-Конел.— Это и есть то место, которое обладает силой.

— Да,— со слабой улыбкой поддержал его король Маннах.— Так и есть. У этого холма мы просили тебя, принц Корум, прийти к нам на помощь.

— Может, там и дадут себя знать магические силы дуба и барана,— нахмурившись и теребя свою лохматую черную бороду, сказал Гованон.— Джери-а-Конел, спроси у Амергина, устраивает ли его это место?

Но Джери отрицательно покачал головой.

— Мой кот сообщает, что главный друид слишком слаб. И разговор может стать для него таким потрясением, что он лишится последних жизненных сил.

— Ирония судьбы, которая мне не нравится,— сказал король Маннах.— Совершить столько подвигов — и потерпеть поражение на пороге победы.

И, словно соглашаясь с королем, лежащая на полу фигура издала слабое жалобное блеяние.

Содрогнувшись от переполняющих его чувств, король Маннах отвернулся.

— Наш верховный король! Наш верховный король!

Гованон положил Маннаху на плечо огромную узловатую руку.

— Как бы там ни было, давайте отнесем его на холм Кремм, в место, обладающее мощью. Кто знает, что там может произойти? Сегодня будет полнолуние, и свет луны упадет на омелы и дубы. Мне говорили, это самая лучшая ночь для заклятий и псалмов, ибо полнолуние указывает, что пятнадцать плоскостей соприкасаются теснее всего.

— Поэтому и считается, что полная луна обладает особыми свойствами?— Медбх что-то слышала о плоскостях, что лежат за землей Корума.— Это не просто суеверие?

— Сама по себе луна не обладает никакими свойствами,— объяснил Гованон.— В данном случае она всего лишь инструмент. Она приблизительно сообщает нам, как разные плоскости Земли соотносятся с другими.

— Странно,— произнес король Маннах,— как мы склонны отбрасывать эти знания лишь потому, что они искажены примитивными умами. Еще год назад я не верил ни в легенды о сидах, ни в легенды о Кремм Кройх, ни в сказания нашего народа, ни во многие другие суеверия. В определенной мере я был прав, потому что есть такие представители рода человеческого, которые пытаются использовать легенды и суеверия лишь себе во благо. Они лелеют их не ради подлинного содержания, а лишь ради того, что могут извлечь из них. Бедные измученные люди, они не способны любить жизнь, а ищут в ней нечто, что будет для них лучше, чем сама жизнь - и в результате искажают открывающиеся им знания и считают, что их слабости — это и есть подлинные знания, по крайней мере, для всех прочих — таких, как мы. Но то знание, что ты принес нам, Корум, соответствует нашему пониманию жизни. Оно говорит о множественности миров, в которых процветает человечество. Ты снабдил нас сведениями, которые пролили свет на наше понимание мира, где растерянные и потерявшиеся люди говорят лишь о тайнах и темных предрассудках, стараясь возвыситься в своих собственных глазах и в глазах ближних.

— Я понимаю тебя,— сказал Корум, которому и самому довелось испытать нечто подобное тому, о чем говорил король Маннах.— Но если даже мышление примитивно, а знания искажены, они могут обладать огромной уродливой силой. Разве может власть света существовать без власти тьмы? Может ли благородство жить без алчности, а знание — без невежества?

— Это вечная загадка снов мабденов,— как бы про себя сказал Джери-а-Конел,— и, без сомнения, именно потому я и предпочел остаться во сне, который во всех пятнадцати плоскостях ярче всего заявил о себе,— теперь он говорил четко и коротко.— Но этот сон скоро исчезнет — если мы не найдем способа вернуть к жизни Амергина. Двинулись! Осторожно несите его на холм Кремм.

Но едва лишь они двинулись к холму в дубовой роще, Корум осознал, что ему страшно не хочется сопровождать их.

Принц понял, что боится этого места, ибо именно там он увидел короля Маннаха и его народ, зов которых вырвал его из прошлого, из замка Эрорн, где он, тоскуя, вспоминал Ралину.

Корум посмеялся над собой. Он устал и голоден, а когда отдохнет, перекусит и проведет хоть толику времени в обществе своей обожаемой Медбх, он больше не будет испытывать столь глупых чувств.

Тем не менее, эти мысли не оставляли его до самого вечера, когда король Маннах, Медбх Длинная Рука, Джери-а-Конел, карлик Гованон, сид Илбрек на Густой Гриве, Корум и подданные короля Маннаха, подняв на руки еле живое тело верховного короля Амергина, двинулись к лесу, где на поляне высился холм, под которым, как гласила легенда, покоился Корум — или его предыдущее воплощение.

Слабые последние проблески солнца пробивались сквозь листву леса, бросая глубокие таинственные тени, в них, как казалось Коруму, скрывались не только рододендроны и ежевика, не только белки, лисы и птицы.

Дважды он покачал головой, кляня себя за то, что позволяет разным глупым мыслям лезть в голову.

И, наконец, процессия достигла холма на поляне в дубовом лесу.

Они достигли того места, где жила сила.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЗОЛОТОЙ ДУБ И СЕРЕБРЯНЫЙ БАРАН

Стоило им войти в дубовую рощу, как Корум почувствовал холод, пронизавший его до костей — он был даже более жгуч, чем мороз в Кер Ллуде, и Корум понял, что это холод смерти.

Он начал вспоминать предсказания Ивин Пророчицы, которую встретил по пути в Ги-Бресейл. Она велела ему бояться арфы — что ж, он в самом деле боялся ее. Она велела ему опасаться брата. Не его ли «брат» почивает под этим травянистым холмом в дубовой роще, под искусственным курганом, окруженным вековыми дубами — в святом для всех мабденов месте? Был ли там другой Корум — может, настоящий герой Кремм, который встанет из земли и убьет его за самозванство?

Не этот ли холм он видел во сне, когда уснул на Ги-Бресейле? Его силуэт вырисовывался на фоне заходящего солнца, и на небо уже поднималась луна. Сотни лиц были обращены к ее диску, но это были лица мужчин и женщин не суеверных, не верящих в предрассудки. На каждом из них читались лишь любопытство и несказанное изумление. Все кольцом окружили холм, и в дубовой роще воцарилась полная тишина.

Мощные сильные руки Илбрека подняли обмякшее тело верховного короля. Он поднялся на холм и положил Амергина на самой вершине. Затем Илбрек поднял голову и посмотрел на луну.

Медленно спустившись с холма, Илбрек остановился рядом со своим старым другом Гованоном.

Затем на холм поднялся король Маннах. Он шел медленно и неторопливо, держа в руках открытую шкатулку, в которой поблескивали золото и серебро. Золотой дуб король Маннах поставил у головы Амергина, на него падали лучи заходящего солнца — и дуб вспыхнул сиянием, словно собрав в себе последние лучи светила. А изображение серебряного барашка король Маннах утвердил у ног Амергина, чтобы на него падал лунный свет, и серебряный баран тут же вспыхнул белым холодным сиянием.

Корум подумал, что, если не обращать внимания на размеры, эти две фигурки вполне могли быть и настоящим деревом, и живым бараном — настолько безукоризненно они сделаны. Когда

король Маннах спустился, собравшиеся теснее сомкнулись вокруг холма. Все взгляды были обращены на безжизненно распростертое тело верховного короля, на дуб и барана. Только один Корум подался назад. Холод оставил его, но принца все еще охватывала дрожь, он продолжал бороться со страхом, которым были полны его мысли.

Затем появился кузнец Гованон, неся на широком плече двойной топор, выкованный им столетия назад. На его шлеме, перчатках и нагруднике из полированного металла отражались блики от золотого дуба и серебряного барана. Поднявшись до середины склона, Гованон остановился, опустил топор лезвием в мох и сложил кисти на рукоятке.

Корум вдыхал сильные душистые ароматы деревьев, папоротника, рододендронов и лесной травы. Запахи казались теплыми, добрыми и должны были уничтожить страхи Корума, но этого не произошло. Он все так же не мог присоединиться к толпе и держался у самого края ее, надеясь, что Медбх не уйдет вперед вместе с остальными; ему хотелось, чтобы ее присутствие рядом успокоило его. Но никто не знал, как он себя чувствует. Все взгляды были устремлены к фигуре верховного короля, к изображению дуба у его головы и барана у ног. Корум почувствовал тишину, воцарившуюся в лесу,— смолкло все живое, и даже листья не шелестели: стояла такая тишина, словно сама природа ждала развития событий.

Гованон поднял к луне огромную бородатую голову и запел чистым сильным голосом, таким же, как и раньше в своей погребальной песне, когда он думал, что братья сосен убьют его. Слова были на языке сидов, но тот настолько походил на языки вадхагов и мабденов, что Корум понимал почти каждое слово.

Древние сиды пришли
Еще до Зова.
В чужой земле погибали
Смертью достойной.

Клятвой себя связали,
Что крепче крови,
Что любви сильнее,
Помочь мабденам.

Пришли в облаках
На Запада острова.
Бряцая клинками,
С музыкой в руках.

Доблестно бились,
Со славой пали
На бранном поле,
В муках клятву почтив.

Древние сиды!
В слове и деле горды.
Вслед им стремились вороны
В миры иные.

Древние сиды!
Даже в смерти
Они исполнили
Все свои клятвы.

Сокровища, колесницы,
Холмы и пещеры,
Менгиры, дольмены,
Славные имена.

Немногие уцелели,
Чтоб пределы хранить.
Дубы умирают,
Скованы чуждой стужей.

Древние сиды —
Братья дуба,
Солнца друзья,
Льдам отпор.

Разжирели вороны
От плоти сидов.
Кто теперь
Дубу на помощь придет?

Женщина Дуба когда-то
Меж нами была,
Силой дарила и мудростью.
И пали фой миоре.

Фой миоре пали.
Запад солнцем объят.
Женщина Дуба спит,
Дело свое свершив.

Древние сиды!
Мало их уцелело.
Пророческий глас вещал,
Но сиды не вняли.

Женщине Дуба тревожно.
Слово она дала:
Если вернется стужа,
Она пробудится.

Могучие талисманы
Она сотворила
Против зимы студеной,
Чтоб Дуб спасти.
Улыбка на устах ее.
Она не боится снегов,
Клятва соблюдена,
Слово ее крепко

В девяти боях пали фой миоре;
В девяти погибли сиды;
Мало кто уцелел.
Пал Мананнан и воины его.

Смерть покой даровала.
Не напрасно он бился.
Женщины Дуба вспомнил обет
На помощь потомкам прийти.

Женщина Дуба спит,
Но слово разбудит ее.

Десятая битва близка.
Слово пало в почву.

Оно потеряно было,
Трое его искали.
Гованон песню спел,
И слово нашлось.

Никто не шевельнулся, пока Гованон не завершил песню. Кузнец-сид умолк и в ожидании низко опустил голову.

Со стороны тела, беспомощно распростертого на вершине холма, донесся слабый звук, почти ничем не отличающийся от уже знакомого трагического блеяния.

Гованон вскинул голову и прислушался. Блеяние на мгновение изменилось и тут же стихло.

Сид повернулся к тем, кто ждал.

— Это слово — Дагда!— сказал он тихим усталым голосом.

Услышав его, Корум задохнулся, потому что оно так потрясло принца, что он еле устоял на ногах, сердце заколотилось, и голова пошла кругом, хотя умом он понимал, что это слово для него ничего не значит. Он увидел, как Джери-а-Конел повернулся и, побледнев, посмотрел на него.

Раздались звуки арфы.

Корум и раньше слышал эту арфу. Мелодия приходила из замка Эрорн, когда он впервые оказался в Кер Махлоде. Эту арфу он слышал в своих снах. Только мелодия сейчас была другая. Сейчас она росла и торжествовала; в ней звучали и непоколебимая уверенность, и радостный смех.

Илбрек изумленно шепнул:

— Арфа Дагды! А я думал, что она замолчала навечно.

Коруму показалось, что он тонет. Он судорожно набрал воздух в легкие, пытаясь справиться со своими страхами, в ужасе оглянулся, но не увидел ничего, кроме темных деревьев и падавших от них теней.

Но когда вадхагский принц снова посмотрел на холм, то чуть не ослеп. Золотой дуб рос на глазах, золотые ветви распростерлись над головами тех, кто стоял в ожидании, и от них шло волшебное сияние. Страхи Корума исчезли, уступив место изумлению. Золотой дуб продолжал расти, пока не закрыл собой весь холм, и в его тени скрылось тело Амергина.

И все, кто стоял вокруг холма, испытали потрясение, когда из дуба вышла высокая, как Илбрек, девушка; волосы ее отливали зеленью дубовых листьев, одежда была темно-коричневой, как кора дуба, а кожа — белой, точь-точь дубовая древесина в самой его глубине. Это была Женщина Дуба. Улыбнувшись, она сказала:

— Я помню свое обещание. Я помню пророчество. Я знаю тебя, Гованон, но не знаю остальных.

— Они все мабдены, кроме Корума и Илбрека, и славные люди, Женщина Дуба, они поклоняются дубам. Видишь, всюду растут дубы, ибо тут их святое место,— Гованон говорил, запинаясь, потому что его, как и мабденов, поразило это зрелище.— Илбрек — сын твоего друга, сын Мананнана. Из сидов остались только он и я. А Корум — близкий наш родич из расы вадхагов. Фой миоре вернулись, и мы деремся с ними, но мы слабы. Амергин, верховный король мабденов, лежит у твоих ног. Он под властью заклятия. Его душа стала душой овцы, и мы не можем найти его потерянную душу.

— Я найду ее,— улыбнувшись, сказала Женщина Дуба,— если она вам необходима.

— Так и есть, Женщина Дуба.

Она посмотрела на Амергина. Встав на колени, приложила ухо к его сердцу и приглядела к движениям губ.

— Его тело умирает,— произнесла она.

Из всех уст вырвался стон — из всех, кроме Корума, потому что он продолжал прислушиваться к испугавшим его звукам арфы, но ее больше не было слышно.

Женщина Дуба подняла серебряного барана, стоявшего у ног Амергина.

— Было пророчество,— сказала она,— что баран должен получить душу. Та душа, что обитает в Амергине, начинает покидать его тело, превращаясь в душу барана. Амергин должен умереть.

— Нет!— сорвалось со всех уст.

— Подождите,— с улыбкой остановила их Женщина Дуба. Она поставила барана у головы Амергина и запела:

Душа спешит в море укрыться,
Ягненок блеет на ранней луне.
Стой, душа! Тихо, ягненок!
Вот он, твой дом!

Снова раздалось блеяние, но на этот раз оно было звонким и сильным, как у новорожденного ягненка. И когда лунный свет упал на серые завитки шерсти барана, он подал голос и стал расти у всех на глазах, а блеяние все крепло, превратившись, наконец, в низкий мощный звук. Когда баран повернул голову, Корум увидел в его глазах тот же ум, что светился во взгляде черного быка Кринанасса, и понял, что это животное, как и бык, из того стада, которое сиды взяли с собой, явившись в эту реальность.

Баран увидел Женщину Дуба и, подойдя, ткнулся мордой ей в руку.

Снова улыбнувшись, Женщина Дуба вскинула голову к небу и запела:

Душа, в пучине скрывшаяся,
оставь свой мирный покой.
На суше удел свершится.
Здесь твой дом!

И верховный король потянулся, словно во сне, глаза его открылись, на безмятежном лице появилось выражение покоя и мудрости, разгладились морщины, лицо обрело молодость, а неподвижные руки и ноги налились силой. Спокойным звучным голосом с некоторым удивлением он произнес:

— Я Амергин...

Затем, встав, он откинул капюшон из овечьей шкуры, и густые волосы упали ему на плечи. Он сорвал с себя одеяние и предстал обнаженным и прекрасным, украшенным лишь браслетами из красного золота.

И теперь Корум понял, почему народ скорбел по своему верховному королю, ибо Амергин излучал достоинство и скромность, мудрость и человечность.

— Да,— изумленно сказал он, прикасаясь к груди.— Я Амергин.

В лунном свете блеснули сотни вскинутых мечей, которыми мабдены приветствовали своего главного друида.

— Слава тебе, Амергин! Слава, Амергин из рода Амергинов!

Многие плакали от радости, обнимались, и даже сиды, Гованон и Илбрек, вскинули оружие, приветствуя Амергина.

Женщина Дуба подняла руку и белым пальцем указала сквозь толпу туда, где стоял Корум, все еще полный страха, не в силах разделить с другими их радость.

— Ты Корум,— сказала Женщина Дуба.— Ты спас верховного короля, ты нашел дуб и барана. Теперь ты слава мабденов.

— Так мне говорили,— тихим измученным голосом ответил Корум.

— Твое величие останется в памяти этого народа,— сказала Женщина Дуба,— но ты узнаешь, как недолговечно будет твое счастье.

— Я это уже понял,— вздохнул Корум.

— Твоя цель благородна,— продолжила Женщина Дуба,— и я благодарю тебя за преданность ей. Ты спас верховного короля и дал мне возможность сдержать слово.

— Ты все время спала в золотом дубе?— спросил Корум.— И ждала этого дня?

— Я спала, и я ждала.

— Но какая сила держит тебя в этой плоскости?— задал он вопрос, который мучил его с того мгновения, как появилась Женщина Дуба.— Что это за великая сила?

— Это сила моего обещания,— сказала она.

— И больше ничего?

— А зачем нужно что-то еще?

И Женщина Дуба отступила к стволу золотого дерева в сопровождении серебряного барана, и свечение дуба стало меркнуть, а затем расплылись и его очертания — и вот исчезли и золотой дуб, и серебряный баран, и сама Женщина Дуба, и в землях смертных никто никогда больше не видел их.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
АРФА ДАГДЫ

Народ Кер Махлода радостно доставил своего верховного короля Амергина в город-крепость, и пока они шли сквозь залитый лунным светом лес, многие танцевали, а лица Гованона и Илбрека, ехавшего верхом на Густой Гриве, расплывались в широких улыбках.

Только Корум был мрачен, ибо он услышал от Женщины Дуба слова, которые его отнюдь не обрадовали. Он держался позади и последним вошел в королевский зал.

Все были настолько полны радости, что ничего вокруг себя не замечали. Никто не обращал внимания на то, что Корум не улыбается. Принца хлопали по плечам, провозглашали здрави-

цы в честь его, отдавая ему почти такие же почести, как и верховному королю.

Началось пиршество, сопровождаемое обильными возлияниями и всеобщими песнопениями под звуки мабденских арф.

Корум, по одну сторону которого сидела Медбх, а по другую — король Маннах, выпил изрядное количество сладкого меда, стараясь изгнать из памяти мысли об арфе.

Он увидел, как король нагнулся к Гованону, сидящему рядом с Илбреком (тот мужественно скрывал неудобство, ибо ему приходилось сидеть съежившись, с трудом подогнув ноги под скамью) и спросил:

— Откуда ты знал песнь, которая призвала Женщину Дуба, сир Гованон?

— В общем-то, я ее не помнил,— ответил Гованон, отнимая от губ кубок с медом и ставя его на стол.— Я доверился своей памяти и своему народу. Сам я почти не слышал слов этой песни. Они как бы сами собой срывались с моих уст. Я доверился им, чтобы воззвать и к Женщине Дуба, и к душе Амергина, где бы они ни обитали. Амергин сам подсказал мне эти слова, за которыми в свою очередь пришла музыка, а та начала превращение.

— Дагда,— произнесла Медбх, не обратив внимания, что Корум содрогнулся, услышав сказанное.— Древнее слово. Может, это имя?

— Или звание. Это слово имеет много значений.

— Имя, принятое у сидов?

— Думаю, что нет — хотя оно наводит на мысль о сидов. Дагда не раз вел сидов в бой. Понимаешь, по меркам сидов я был еще очень молод и принимал участие лишь в двух из девяти исторических битв с фой миоре, а к тому времени о Дагде больше не упоминали. Я не знаю почему, разве что были какие-то намеки, что Дагда предал наше дело.

— Предал? Но, конечно же, не в эту ночь?

— Нет,— сказал Гованон, слегка сдвинув брови.— Не в эту,— он задумчиво поднес к губам кубок и сделал глоток.

Джери-а-Конел покинул свое место и подошел к Коруму.

— Почему ты так печален, старина?

Корум был благодарен Джери, который заметил, в каком он настроении, но в то же время не хотел мешать его веселью. Он изобразил непринужденную улыбку и покачал головой.

— Скорее всего, просто устал. В последнее время я мало спал.

— Эта арфа, — продолжила Медбх, и Коруму захотелось, чтобы она замолчала.— Припоминаю, что слышала похожую,— она повернулась к Коруму:— У замка Оуйн, когда мы верхом поехали к нему.

— Да,— пробормотал он.— У замка Оуйн.

— Таинственная арфа,— сказал король Маннах.— Но я все же благодарен ей и был бы не против снова услышать ее звуки, если они сделают такой же подарок, как возвращение нашего верховного короля,— и он поднял свой кубок в честь Амергина. Тот сидел во главе стола, улыбающийся и спокойный, но пил мало.

— Теперь мы созовем весь оставшийся народ мабденов,— сказал король Маннах.— Мы соберем огромную армию и двинемся против фой миоре. На этот раз никто из них не уйдет живым!

— Смелые слова,— сказал Илбрек,— но нам нужна не только смелость. Нам нужно такое оружие, как мой меч Мститель. Нам нужны хитрость - да и осторожность, когда в ней возникнет необходимость.

— Твои слова мудры, сир сид,— сказал Амергин.— Они отвечают моим мыслям,— его старческое и в то же время на удивление юное лицо искрилось добрым юмором, словно его совершенно не беспокоила тяжелая проблема фой миоре. Теперь на нем был широкий плащ из желтой парчи с синей и красной оторочкой, а расчесанные волосы падали на спину.

— С Амергином во главе и с Корумом, который поведет нас в бой,— сказал король Маннах,— у нас есть все основания для оптимизма, и думаю, что не покажусь глупцом, если выскажу его,— он улыбнулся Коруму.— Мы стали сильнее. Не так давно казалось, что все мы погибнем и нашему народу придет конец, но сейчас...

— А сейчас...— Корум опустошил целый рог с медом и вытер рот тыльной стороной серебряной кисти,— сейчас мы празднуем великую победу,— не в силах и дальше сдерживаться, он поднялся со скамьи, перешагнул через нее и вышел из зала.

Он шел в ночи по улочкам Кер Махлода, заполненным веселящимися людьми, музыкой и смехом, и, миновав ворота, пересек травянистую пустошь, за которой вдали грохотало море.

Наконец принц, оставшись один, остановился на краю провала, что отделял Корума Серебряную Руку от его старого дома,

замка Эрорн, который здесь считали просто скалой и называли замком Оуйн.

Руины мерцали в лунном свете. Коруму хотелось перемахнуть через пропасть, найти дорогу обратно в свой мир и войти в замок Эрорн. Там он был одинок — но не тем одиночеством, которое испытывал сейчас. Им владело чувство полной пустоты.

И тут он увидел лицо, глядевшее на него из оконного проема замка,— красивое лицо с золотистой кожей смотрело на него с усмешкой.

— Дагда!— хрипло крикнул Корум.— Это ты, Дагда?

Он услышал смех, превратившийся в звуки арфы.

Корум выхватил меч и приготовился перепрыгнуть провал, чтобы найти златокожего юношу и потребовать ответа, почему тот его преследует. Море пенилось и кидалось на скалы. Корума не волновало, что он может упасть и погибнуть.

Но тут принц почувствовал на плече нежную и сильную руку. Он попытался стряхнуть ее и снова крикнул:

— Дагда! Пусти меня!

— Дагда — наш друг, Корум,— шепнула ему на ухо Медбх.— Он спас нашего верховного короля.

Корум повернулся к ней и увидел, с какой тревогой она вглядывается в его единственный глаз.

— Убери меч,— сказала она.— Тут никого нет.

— Разве ты не слышала арфу?

— Я слышала музыку ветра в развалинах замка Оуйн. Вот и все, что я слышала.

— И не видела его лица, его насмешливого лица?

— Я видела, как облако закрыло луну,— сказала она.— Вернемся, Корум, к нашему празднику.

Вздохнув, он вложил меч в ножны и покорно пошел за Медбх обратно в Кер Махлод.

ЭПИЛОГ

Итак, подошло к концу сказание о Дубе и Баране.

За море отправились гонцы, неся вести для всех: верховный король вернулся к своему народу. Они плыли на запад к королю Фиахаду из Таха-на-Мананнан (теперь Корум знал, что земли эти были так названы в честь рода Илбрека), они плыли на север, чтобы донести новость до Таха-на-Тир-нам-Бео. Они поведали ее Таха-на-Ану и королю Даффину из Таха-на-Гвиддеу

Гаранхир. И где бы гонцы ни встречали племена мабденов, то рассказывали им, что верховный король обитает ныне в Кер Махлоде, что Амергин обдумывает вопрос о войне против фой миоре и что он созывает представителей всех родов и племен, дабы обсудить планы последней великой битвы, исход которой и решит, кто будет править островами Запада.

В кузницах ревели пылающие горны, и оттуда доносился непрестанный звон металла: под руководством величайшего из кузнецов, Гованона, там ковали и закаливали топоры и копья.

В домах мабденов царили радость и надежда. Они ждали, что решат Корум Серебряная Рука и Амергин, главный друид, — где состоится битва и когда она начнется.

А остальные слушали Илбрека, который, усевшись на траве, рассказывал легенды, слышанные от своего отца. Многие считали его величайшим из героев сидов и помнили, как он участвовал в девяти битвах и какие совершал подвиги. Затаив дыхание, они слушали эти повествования (часть из которых знали) и с радостью убеждались, что героизм, который, казалось, существовал только в песнях бардов, был на самом деле.

И только когда они видели Корума, бледного и мрачного, с опущенной головой, словно он прислушивался к какому-то голосу и никак не мог его уловить, они понимали смысл трагедии, заключенный в этих сказаниях о великих сердцах, замерших на службе своему народу.

В такие времена люди Кер Махлода были задумчивы, и в такие времена они осознавали величие жертвы, которую ради них принес вадхагский принц по имени Корум Серебряная Рука.

✧

Так кончается Пятая Книга о приключениях Корума, Принца в Алом Плаще.

МЕЧ И КОНЬ

© И. Полоцк, перевод, 2002.

Часть первая,

В КОТОРОЙ СОБИРАЮТСЯ АРМИИ И ОБСУЖДАЮТСЯ ПЛАНЫ СРАЖЕНИЯ С ФОЙ МИОРЕ И ВЗЯТИЯ КЕР ЛЛУДА. У СИДОВ ПРОСЯТ СОВЕТА И С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПРИНИМАЮТ ЕГО, НО, КАК ЭТО ЧАСТО БЫВАЕТ, СОВЕТ ПРИВОДИТ К НОВЫМ ТРУДНОСТЯМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИШЛА ПОРА ВЕЛИКИХ ДЕЯНИЙ

И пришли они в Кер Махлод, пришли все. Высокие воины в лучших одеждах, с надежным оружием гарцевали на могучих конях. И не было сомнений в их силе и величии. Местность вокруг Кер Махлода расцвела яркими цветами: шатры из тяжелого шелка и боевые стяги, золото браслетов, серебро пряжек, блестящий металл шлемов, жемчужные инкрустации тяжелых кубков и драгоценности, что хранились в походных укладках. Это было крупнейшее собрание мабденов, куда прибыли все до одного — люди Запада, пасынки солнца, чьи братья на востоке гибли в бесплодных сражениях с фой миоре.

В центре лагеря высился шатер куда больше всех остальных. Цвета морской воды, он ничем не был украшен, и у входа не колыхались стяги, потому что одного его размера было достаточно, чтобы понять, что в нем обитает Илбрек, Мананнан, сын Лира, который в давних битвах с фой миоре проявил себя величайшим героем сидов. У коновязи близ шатра стоял огромный

вороной жеребец, он единственный мог нести на себе гиганта, и видно было, что конь этот умен и силен — настоящий конь сида. Хотя Илбрека от всей души принимали в Кер Махлоде, он не мог найти помещения достаточно высокого, чтобы уместиться, и ему пришлось поставить свой шатер среди собравшихся воинов.

За полем, усеянном шатрами, палатками и вигвамами, тянулся зеленый лес с раскидистыми деревьями; пологие склоны холмов заросли дикими цветами и кустарниками, чьи соцветия сверкали, как драгоценные камни, в лучах солнца; к западу лежала синяя гладь океана, покрытая белыми барашками, и на гребнях волн качались серые чайки. У близлежащих берегов теснились приставшие суда. Они приходили из Гвиддеу Гаранхира и из Тир-нам-Бео — корабли разных очертаний и разного предназначения, военные и торговые, морские и речные. Но все, что могло держаться на воде, сейчас было использовано для одной цели — доставить племена мабденов на большой сбор.

✧

Корум стоял рядом с карликом Гованоном на зубчатых стенах Кер Махлода. Гованон считался карликом лишь по меркам сидов, хотя на деле он был куда выше Корума. Сегодня он вышел без своего блестящего шлема; его нечесаная черная грива падала на плечи, сливаясь с бородой, так что определить, где начинается одно и кончается другое, не представлялось возможным. На нем были простая рубашка из синей ткани с красной вышивкой по воротнику и у обшлагов, стянутая широким кожаным поясом, плотные короткие штаны, а щиколотки и голени перетягивали ремешки сандалий. В мощной, покрытой шрамами руке он держал рог с медом, из которого время от времени отпивал, другая рука лежала на рукоятке верного обоюдоострого боевого топора, одного из последних в арсенале Оружия Света, оружия сидов, специально выкованного в другой реальности для борьбы с фой миоре. Карлик сид с удовлетворением смотрел на шатры мабденов.

— Они все прибывают,— сказал он.— Отличные воины.

— Но несколько неопытные в той войне, которую нам придется вести,— уточнил Корум.

Он смотрел, как поле пересекает колонна северных мабденов. Они были высокие и суровые, в алых накидках, под которыми покрывались испариной, в рогатых, крылатых или простых круг-

лых шлемах; бороды у них были большей частью рыжими — солдаты из Тир-нам-Бео, вооруженные широкими мечами и круглыми щитами, презирали все остальное оружие, кроме ножей, что висели на нагрудных перевязях. Их смуглые лица, покрытые или боевой раскраской, или татуировкой, подчеркивали их и без того свирепый вид. Из всех оставшихся в живых мабденов они были единственными, кто продолжал жить в основном войной, ибо существовали в своих суровых, отрезанных от мира землях, откуда презирали слабости мабденской цивилизации. Чем-то они напоминали Коруму древних мабденов, мабденов графа Крэ, который в свое время преследовал его в том краю ущелий и гор, и Корум было удивился своей готовности служить потомкам этого жестокого звероподобного народа. Но, вспомнив Ралину, он понял, почему делает то, что должен делать.

Отвернувшись, Корум стал рассматривать крыши города-крепости Кер Махлода. Разнежившись в солнечном тепле, он прислонился к зубцам стены. Прошло больше месяца с той ночи, когда принц стоял на краю провала у замка Оуйн, бросая вызов арфисту Дагде, который, в чем Корум не сомневался, обитал в развалинах. Медбх с трудом успокоила его, заставив забыть ночные кошмары; теперь он считал, что все страхи объяснялись усталостью и пережитыми опасностями: Корум нуждался лишь в отдыхе, вместе с которым придет и успокоение.

На ступенях, ведущих к стене, появился Джери-а-Конел. Он был в привычной мятой шляпе, а на левом плече удобно устроился маленький крылатый черно-белый кот. Джери приветствовал друга обычной веселой улыбкой.

— Я только что вернулся с залива. Пришли еще корабли — из Ану. Как я слышал, последние. Ждать больше некого.

— Есть еще воины?— спросил Корум.

— Не так много, они доставили главным образом меховую одежду — всю, что успели сшить в Ану.

— Отлично,— Гованон склонил огромную голову.— По крайней мере, будем как следует одеты, когда пойдем через морозные земли фой миоре.

Стянув шляпу, Джери вытер взмокший лоб.

— Трудно представить, что сравнительно недалеко от нас мир скован жутким холодом,— он снова нахлобучил шляпу и, вытащив из-за отворота куртки какую-то веточку, стал задумчиво жевать ее.— Вот, значит, она, вся сила мабденов,— подойдя к друзьям, он посмотрел со стены.— Несколько тысяч.

— Против пяти,— едва ли не с вызовом напомнил Гованон.

— Пяти богов,— Джери сурово взглянул на него. — Не стоит падать духом, но мы не должны забывать и о силе наших врагов. Кроме того, есть и Гэйнор, и гулеги, и люди сосен, и псы Кереноса, и...— помолчав, с легкой ноткой сожаления Джери тихо добавил:— И Калатин.

Гованон улыбнулся.

— Да,— признал он.— Но мы уже научились справляться со всеми этими опасностями. Они уже больше не представляют такой угрозы. Люди сосен боятся огня. Гэйнор боится Корума. Что же до гулегов, то у нас есть рог сидов. Он же дает власть и над псами. Что касается Калатина...

— Он смертен,— сказал Корум.— Его можно уничтожить. И займусь этим я сам. Он обладает властью над тобой, Гованон. Но кто знает, может, она уже ослабла.

— Но сами фой миоре не боятся никого и ничего,— заметил Джери-а-Конел.— И об этом мы должны помнить.

— В этой плоскости они боятся лишь одного,— сказал Гованон Спутнику Героев.— Крэг Дона. И об этом мы тоже должны помнить.

— Они об этом не забывают. И не подойдут к Крэг Дону.

Кузнец Гованон свел черные лохматые брови.

— А может, и подойдут,— произнес он.

— Мы должны думать не о Крэг Доне, а о Кер Ллуде,— сказал друзьям Корум.— Ибо именно его придется штурмовать. Как только Кер Ллуд будет взят, сразу же поднимется боевой дух. Этот подвиг придаст силы нашим воинам и поможет им раз и навсегда покончить с фой миоре.

— Великие деяния нам в самом деле необходимы,— согласился Гованон.— Но нужны и умные мысли.

— И союзники,— с чувством добавил Джери,— такие союзники, как ты, добрый Гованон, и золотой Илбрек. Побольше друзей-сидов.

— Думаю, что, кроме нас двоих, сидов больше не осталось,— пробормотал Гованон.

— Уж не тебе высказывать такие мрачные мысли, друг мой Джери!— Корум хлопнул серебряной рукой своего спутника по плечу.— Почему у тебя такое настроение? Мы сильны как никогда прежде!

Джери пожал плечами.

— Может, я не понимаю мабденов. Они так радуются всем новоприбывшим, словно забыли о предстоящих опасностях. Слов-

но они собираются на дружескую прогулку с фой миоре, а не на смертный бой, который решит судьбу их мира!

— Так что, им надо горевать? — удивился Гованон.

— Нет...

— Они должны готовиться к смерти или к поражению?

— Конечно, нет...

— Так что, им исполнять друг для друга погребальные песни или петь и веселиться? Неужели они должны ходить с унылыми лицами и глазами, полными слез?

Джери не мог не улыбнуться.

— Скорее всего, ты прав, страшный карлик. Просто дело в том, что я слишком много видел. Участвовал во многих сражениях. Но никогда прежде не встречал людей, которые так легкомысленно готовятся к смерти.

— Думаю, таков образ мышления мабденов,— сказал Корум и посмотрел на Гованона. Тот расплылся в улыбке,— который они переняли от сидов.

— А кто сказал, что они готовятся к своей смерти, а не к гибели фой миоре?— добавил Гованон.

Джери склонил голову.

— Принимаю. Твои слова вдохновляют меня. Просто все это странно, а странности всегда как-то мешают мне.

Корум и сам был удивлен, видя своего всегда веселого друга в таком мрачноватом настроении. Он попытался улыбнуться.

— Брось, Джери, такое упаднические настроение тебе не подходят. Ведь обычно насупленным ходит Корум, а Джери сияет улыбкой...

Джери вздохнул.

— Да,— грустно сказал он.— Надеюсь, наши дела в это непростое время не будут забыты.

И, отойдя от друзей, он пошел вдоль стены, пока не остановился, глядя куда-то перед собой. Он ясно дал понять, что не хочет продолжения разговора.

Гованон посмотрел на солнце.

— Скоро полдень. Я пообещал помочь советом кузнецам Тахана-Ану. У них возникли проблемы с подбором и весом молотов, которые мы с ними выковали. Надеюсь, что вечером еще поговорим с тобой, Корум, когда соберемся обсудить наши планы.

Корум вскинул в знак приветствия серебряную руку. Гованон, спустившись по ступеням, пошел по узкой улочке, что вела к главным воротам.

Ему захотелось присоединиться к Джери, но, без сомнения, Джери пока не нуждался в чьем-либо обществе. Помедлив, Корум тоже спустился вниз и отправился на поиски Медбх, ибо внезапно испытал острую необходимость получить утешение от любимой женщины.

Пока Корум шел к королевскому залу, ему пришло в голову, что, может быть, он стал слишком зависим от этой девушки. Порой принцу казалось, что он нуждается в ней, как любой мужчина нуждается в выпивке или наркотике. И хотя Медбх всегда была готова искренне ответить, казалось, что он нечестен, предъявляя ей такие требования. Разыскивая девушку, Корум ясно понял, где посеяны семена той трагедии отношений, что установились между ними. Корум пожал плечами. Не стоит подкармливать и взращивать эти семена. Их надо уничтожить. И пусть даже основная цель его бытия предопределена, есть некоторые аспекты его личной жизни, которые он может контролировать.

— Конечно, так и должно быть,— пробормотал он себе под нос.

Женщина, проходившая мимо, посмотрела на него, решив, что слова принца адресованы ей. Она несла охапку древков для копий.

— Милорд?

— Я вижу, готовитесь вы отменно,— смутившись, сказал Корум.

— Да, милорд. Мы все трудимся, чтобы разбить фой миоре,— она приподняла свой груз повыше.— Спасибо вам, милорд...

— Да,— кивнул Корум, помявшись.— Отлично. Что ж, доброго вам утра.

— И вам доброго утра, милорд,— развеселилась она.

Опустив голову и крепко сжав губы, Корум пошел дальше, пока не добрался до зала короля Маннаха, отца Медбх.

Но ее самой здесь не было.

— Она в оружейной, принц Корум, вместе со своими женщинами,— сообщил слуга.

Миновав коридор, принц оказался в широком помещении с высоким потолком, украшенном старыми боевыми флагами, древним оружием и доспехами. Несколько женщин учились управляться с луком, копьями, мечами и пращой.

Тут была и Медбх. Она вращала над головой пращу, целясь в мишень в дальнем конце арсенала. Медбх была знаменита сво-

им умением владеть пращой и татлумом, этим странным оружием из мозгов павших врагов: оно, как полагали, обладало убийственной силой. Когда появился Корум, Медбх метнула татлум, который попал в самый центр мишени, и тонкая бронза загудела, а сама мишень, на канате свисающая с потолка, стала вращаться, отбрасывая блики факелов.

— Привет,— сказал Корум, и его голос эхом отразился от стен,— Медбх Длинная Рука!

Она повернулась, обрадованная, что он стал свидетелем ее мастерства.

— Привет тебе, принц Корум,— она бросила пращу, кинулась к нему и, повиснув у него на шее, внимательно вгляделась в его лицо.— Ты грустен, любовь моя? Что за мысли беспокоят тебя? Какие-то новости о фой миоре?

— Нет,— Корум прижал ее к себе, понимая, что все остальные женщины смотрят на них.— Просто мне захотелось увидеть тебя,— тихо сказал он.

Медбх нежно улыбнулась ему:

— Я польщена вниманием принца сидов.

Этот набор слов, подчеркивавший разницу их крови и воспитания, еще больше омрачил его настроение. Он в упор посмотрел на нее, и во взгляде его не было тепла. Узнав это выражение, Медбх удивилась и, отпрянув, опустила руки и отошла на шаг. Он понял, что не достиг цели своего визита, ибо она в свою очередь обеспокоилась. Корум сам оттолкнул ее. Но не она ли первой своими словами отстранилась от него? И хотя ее улыбка была полна нежности, ответ Медбх резанул его. Отвернувшись, он сдержанно произнес:

— Теперь моя потребность удовлетворена. Пойду навещу Илбрека.

Он хотел, чтобы Медбх попросила его остаться, но понимал, что она этого не сделает, как бы ему этого ни хотелось. Не проронив больше ни слова, он вышел.

Мысленно он выругал Джери-а-Конела, мрачность которого окрасила весь день. Он ждал от него лучшего настроения.

Тем не менее, он понимал, что возлагает на Джери слишком большие надежды и Джери начинает сопротивляться — пусть иногда и недолго; понимал он также и то, что слишком полагается на силу других и меньше всего на себя. Какое он имеет право требовать стойкости от других, если сам полон слабостей?

— Я должен быть Вечным Воителем,— пробормотал Корум, заходя в свою комнату, которую теперь делил с Медбх,— но порой понимаю, что лишь вечно жалею себя.

Рухнув ничком на постель, Корум стал обдумывать свойства своего характера, но в конце концов улыбнулся, и плохое настроение стало покидать его.

— Ясно, что бездеятельность плохо сказывается на мне,— сказал он,— и развивает худшие черты личности. Цель моего существования — быть воином. Может быть, мне стоит заниматься делами и оставить все эти вопросы тем, кто лучше умеет думать,— он засмеялся, преисполнившись терпимости к своим слабостям, и решил, что дольше о них думать не стоит.

Поднявшись с кровати, Корум пошел искать Илбрека.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ВСКИНУТ КРАСНЫЙ МЕЧ

Переступая через растяжки и обходя легкие конструкции походных жилищ, Корум пересек все поле и добрался до шатра Илбрека. Оказавшись наконец в виду огромного павильона из шелка цвета морской воды, по которому бежала легкая рябь от порывов ветра, Корум крикнул:

— Илбрек! Ты у себя, сын Мананнана?

Ответом был ритмичный скрежет. Сначала его было трудно опознать, но, улыбнувшись, Корум повысил голос:

— Илбрек! Я слышу, ты готовишься к битве. Могу я войти?

Скрежет прервался, и ему ответил веселый гулкий голос юного гиганта:

— Добро пожаловать, Корум. Заходи.

Корум отбросил полог. Единственным источником света в шатре было солнце, пробивавшееся сквозь шелк, и создавалось впечатление, что пространство заполнено синей морской водой, хотя обстановка не походила на владения Илбрека под волнами. Илбрек сидел на высоком сундуке, держа на коленях свой огромный меч Мститель. В другой руке у него было известняковое точило, которым он острил лезвие. Золотистые волосы, заплетенные в косы, падали ему на грудь, и на этот раз бородка тоже была приведена в порядок. На нем была простая зеленая безрукавка, а голени перетянуты ремешками сандалий. В одном из углов лежали его доспехи — кираса из бронзы с литым рельефом стилизованного огромного солнца, в круге которого плыли

корабли и плескались рыбы, шлем был украшен теми же мотивами. На руках, покрытых легким загаром, выше и ниже локтей звенели тяжелые браслеты, их литье соответствовало литью нагрудника. Илбрек, сын величайшего из героев сидов, был полных шестнадцати футов ростом и отлично сложен.

Улыбнувшись Коруму, Илбрек принялся снова точить меч.

— Ты что-то мрачноват, друг мой.

Корум прошел в тот угол, где лежал шлем Илбрека, и здоровой рукой провел по отлично выделанной бронзе.

— Может, предчувствую свою судьбу,— сказал он.

— Но вы же бессмертны, не так ли, принц Корум?

Корум повернулся, услышав новый голос, звучавший даже моложе, чем у Илбрека.

В шатер вошел юноша, которому исполнилось не больше четырнадцати лет. Корум узнал в нем младшего сына короля Фиахада, его все звали молодым Феаном. Он напоминал отца, но по сравнению с грузным Фиахадом был куда более гибок, и если черты лица у короля были грубоваты, то у принца тонкие и изящные. Волосы у него были рыжие, как у Фиахада, и в глазах постоянно светился такой же насмешливый огонек. Он улыбнулся Коруму, и тот, как всегда, подумал, что нет на свете зрелища лучше, чем юный воин, который уже доказал, что в собравшемся тут обществе он один из умнейших и талантливейших рыцарей.

— Может и да, молодой Феан,— засмеялся Корум.— Но эта мысль как-то не утешает меня.

Молодой Феан на мгновение посерьезнел. Он сбросил легкий плащ из оранжевого шелка и снял простой металлический шлем. Он был весь в поту, а значит, юноша истово тренировался с оружием.

— Это я могу понять, принц Корум,— он отвесил легкий поклон Илбреку, который не скрывал, что рад видеть его.— Приветствую тебя, господин сид.

— И я приветствую тебя, молодой Феан. Чем могу быть тебе полезен?

— Пока ничем, спасибо. Я зашел просто поговорить,— помедлив, молодой человек снова водрузил шлем на голову.— Но вижу, что помешал вам.

— Ни в коем случае,— возразил Корум.— Как, по-твоему, смотрятся наши люди?

— Хорошие бойцы. Ни одного слабака. Но, думаю, их маловато,— сказал молодой Феан.

— Я согласен и с тем, и с другим,— подал голос Илбрек.— Сидя здесь, я как раз обдумывал эту проблему.

— Я тоже обсуждал ее,— сказал Корум.

Наступило долгое молчание.

— Но нам неоткуда набрать новых бойцов,— сказал молодой Феан и посмотрел на Корума, надеясь, что тот возразит ему.

— Неоткуда,— согласился Корум.

Он заметил, что Илбрек, нахмурившись, промолчал.

— Слышал я об одном месте,— сказал гигант-сид.— Давным-давно, когда я был моложе, чем молодой Феан. Место, где можно найти союзников сидов. Но кроме того, я слышал, что там опасно, даже для сида, и что союзники эти ненадежные. Попозже я посоветуюсь с Гованоном и узнаю, может, он помнит побольше.

— Союзники?— засмеялся молодой Феан.— Сверхъестественный народ? Да нам нужны любые союзники, пусть и непостоянные.

— Поговорю с Гованоном,— повторил Илбрек, снова принимаясь за свой меч.

Молодой Феан собрался уходить.

— Тогда я промолчу,— сказал он.— Надеюсь, сегодня вечером увижу вас на празднестве.

Когда юноша вышел, Корум вопросительно посмотрел на Илбрека, но тот, делая вид, что всецело поглощен мечом, избегал взгляда принца.

Корум с силой растер лицо.

— Припоминаю времена, когда я лишь улыбнулся бы при одной мысли, что в этом мире могут действовать магические силы,— сказал он.

Илбрек рассеянно кивнул, словно не расслышав слов Корума.

— Но сейчас мне приходится рассчитывать на них,— с иронией признался Корум.— И волей-неволей верить в волшебство. Я потерял веру в логику и силу здравого смысла.

Илбрек поднял голову.

— Может, твоя логика была ущербна, а здравый смысл ограничен, друг мой Корум?— тихо сказал он.

— Может,— вздохнул Корум и вслед за молодым Феаном собрался откинуть полог. Но вдруг резко остановился, склонил голову набок и внимательно прислушался.— Ты слышишь эти звуки?

Илбрек тоже прислушался.

— В лагере много разных звуков.

— Мне кажется, я слышу музыку арфы.

Илбрек замотал головой.

— Трубы... где-то вдалеке. Но не арфа,— нахмурившись, он снова стал вслушиваться.— Кажется, в самом деле еле слышны струны арфы... Впрочем, нет,— он засмеялся.— Это ты уговорил меня, Корум.

Но Корум знал, что несколько мгновений он слышал арфу Дагды, и его снова охватило беспокойство. Он больше ничего не сказал Илбреку, но когда вышел из его шатра и двинулся по полю, то услышал далекий голос, звавший его:

— Корум! Корум!

Принц повернулся. За его спиной отдыхала группа воинов в юбках-килтах; они передавали из рук в руки бутылку и что-то обсуждали. А за ними Корум увидел Медбх, бежавшую по траве. Это ее голос он слышал.

Медбх миновала расположившихся на траве воинов и остановилась в футе от Корума. Помедлив, она протянула руку и коснулась его плеча.

— Я искала тебя в нашей комнате,— тихо сказала девушка,— но ты уже ушел. Мы не должны ссориться, Корум.

Настроение у него тут же улучшилось, он рассмеялся и обнял ее, не обращая внимания на соседей, все взоры которых теперь были обращены на эту пару.

— Мы больше не будем ссориться, Медбх,— сказал Корум.— Это я виноват.

— Никто не виноват. И ничто. Разве что судьба...

Медбх поцеловала его. Губы у нее были теплыми и мягкими. Корум забыл все свои страхи.

— Какой великой силой обладает женщина,— сказал он.— Я только что говорил с Илбреком о магии, но, оказывается, самое величайшее волшебство кроется в поцелуе женщины.

Она сделала вид, что удивилась.

— Ты становишься сентиментальным, сир сид,— и снова он мгновенно почувствовал, что Медбх отдалилась от него. Она рассмеялась и опять поцеловала его.— Почти таким же, как я!

Рука об руку они прошли через лагерь, приветствуя тех, кого знали, и тех, кто знал их.

На самом краю лагеря стояло несколько кузниц. Горны ревели, когда меха раздували пламя все выше и выше. Молоты гремели о наковальни. Огромный, залитый потом мужчина в

кожаном переднике, бросая в огонь металлические полосы, извлекал их оттуда раскаленными добела, и они шипели на воздухе. В центре всего этого царил Гованон, тоже в длинном кожаном переднике, с могучим молотом в одной руке и щипцами в другой; он был поглощен разговором с чернобородым мабденом, в котором Корум узнал старшего кузнеца Хисака, прозванного Солнцевор, ибо говорили, что он украл кусочек солнца, который и помогает ему делать такое сияющее оружие. В ближайшем горне и сейчас лежала узкая полоса металла. В ходе разговора Гованон и Хисак неотрывно наблюдали за ней, и было ясно, что речь идет именно об этой полосе металла.

Корум и Медбх не стали отвлекать их, а, пристроившись рядом, смотрели и слушали.

— Еще шесть ударов сердца,— услышали они слова Хисака,— и будет готово.

Гованон улыбнулся.

— Шесть с четвертью, можешь мне поверить, Хисак.

— Я тебе верю, сид. Я уже привык уважать твою мудрость и твое умение.

Гованон протянул клещи к огню. Со странной нежностью он подхватил кусок металла и осторожно извлек его, внимательно осматривая сверху донизу.

— В порядке,— сказал он.

Хисак тоже приглядeлся к добела раскаленному железу и кивнул:

— В порядке.

Улыбка Гованона выражала удовольствие. Повернувшись вполоборота, он заметил Корума.

— Ага, вот и принц Корум. Ты явился в самый подходящий момент. Смотри!— он высоко вскинул металлическую полосу. Теперь она рдела красным — цветом свежей крови.— Смотри, Корум! Что ты видишь?

— Я вижу клинок меча.

— Ты видишь прекраснейший меч, когда-либо рожденный в землях мабденов. Мы неделю ковали его. Меч сделали мы с Хисаком. Это символ древнего союза мабденов и сидов. Ну не прекрасен ли он?

— Очень красив.

Гованон несколько раз помахал в воздухе красным мечом, и металл загудел.

— Его надо еще как следует закалить, но он почти готов. Ему еще предстоит получить имя, но этим ты займешься сам.

— Я сам?

— Конечно!— Гованон весело рассмеялся.— Конечно! Это твой меч, Корум. Это с ним ты поведешь мабденов в битву.

— Это мне?— окончательно растерялся Корум.

— Наш дар тебе. Сегодня вечером после праздника мы вернемся сюда, и твой меч будет готов. Он будет тебе хорошим другом, этот меч, но он даст тебе всю силу лишь после того, как ты назовешь его.

— Это великая честь для меня, Гованон,— сказал Корум.— Я и не предполагал...

Огромный карлик сунул клинок в чан с водой, и он зашипел.

— Половину его сделал сид, половину — мабден. Меч для тебя, Корум,— то, что надо.

— В самом деле,— согласился принц. Он был глубоко тронут словами кузнеца.— Ты в самом деле прав, Гованон.— Повернувшись, он смущенно посмотрел на улыбающегося Хисака.— Я благодарю тебя, Хисак. Спасибо вам обоим.

И тут Гованон сказал тихо и как-то загадочно:

— Хисак совсем не напрасно назван Солнцевором. Тут есть и звучащая песня, и знак, который предстоит наложить.

Уважая эти ритуалы, хотя втайне считая, что они не имеют значения, Корум с почтением кивнул. Он не сомневался, что ему оказана высокая честь, но никак не мог понять ее истинную природу.

— Я еще раз благодарю вас,— серьезно сказал он.— У меня нет слов, потому что язык слишком беден, чтобы передать те чувства, которые я хотел бы выразить.

— Обойдемся без слов, пока не придет время окрестить меч,— хрипло, но разборчиво произнес до сих пор молчавший Хисак.

— Я шел к тебе, Гованон, посоветоваться по другому поводу,— сказал Корум.— Илбрек недавно упомянул о каких-то возможных союзниках. Интересно, что ты думаешь об этом?

Гованон пожал плечами.

— Я уже говорил, что никого не могу припомнить.

— Значит, оставим эту тему, пока Илбрек не найдет время рассказать вам обо всем,— сказала Медбх, дергая Корума за рукав.— Увидимся вечером на празднестве, друзья мои. Мы пойдем отдыхать.

И она повела задумавшегося Корума обратно к стенам Кер Махлода.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ПРАЗДНЕСТВО

Огромный зал Кер Махлода был заполнен до отказа. Появись тут незнакомец, ему бы и в голову не пришло, что участники праздника готовятся к последней отчаянной битве против почти непобедимых врагов — тут в самом деле царил неподдельный праздничный дух. Стоящие четырехугольником длинные дубовые столы образовали пустое пространство, в центре которого сидел златовласый гигант Илбрек, поставив перед собой тарелку с приборами. За столами, лицом друг к другу, восседали благородные мабдены, а на самом почетном месте — их верховный король, стройный исхудавший Амергин в мантии из серебряных нитей, в дубовой короне, украшенной листьями падуба; прямо напротив него сидел Корум с вышитой повязкой на пустой глазнице и серебряной кистью руки. По обе стороны от Амергина сидели короли, рядом с ними — королевы и принцы, а дальше — принцессы и рыцари со своими дамами. Справа от Корума расположилась Медбх, а слева Гованон, около Медбх сидел Джери-а-Конел, а рядом с Гованоном — кузнец Хисак Солнцевор, помогавший ковать пока еще безымянный меч. Плотный шелк и меха, одежды из замши и клетчатые пледы, украшения из красного золота и светлого серебра, полированный металл и закаленная бронза, изумруды, рубины и сапфиры — все играло и переливалось красками в зале, ярко освещенном факелами из промасленных связок тростника. Пахло дымом и ароматами еды — на столы подавались целые туши, запеченные на кухне и разрезанные на четыре части. В одном из углов устроились музыканты с арфами, трубами и барабанами, наигрывая приятные мелодии, которые мешались с гулом голосов; голоса тоже были веселыми, в зале царили смех и оживление. Все с аппетитом вкушали пищу — все, кроме Корума, которому, хотя он и был в хорошем настроении, есть почему-то не хотелось. От случая к случаю перебрасываясь словом с Гованоном или Джери-а-Конелом, отпивая из золотого рога, он оглядывал собравшихся, узнавая знаменитых героев и героинь мабденов. Вместе с пятью королями — королем Маннахом, королем Фиахадом, королем Даффином, королем Хонуном из Таха-на-Ану и королем Гахбесом из Таха-на-Тир-нам-Бео — здесь было много людей, овеянных славой и уже воспетых в балладах соплеменни-

ков. Среди них были Фиона и Келин, дочери покойного великого короля Милгана Белого,— светловолосые и загорелые, почти что близняшки, в костюмах одинакового покроя и цвета, если не считать, что у одной отделка была красно-синей, а у другой сине-красной. Девушки-воительницы с глазами цвета меда, с рассыпавшимися по плечам волосами флиртовали со своими рыцарями. Поодаль стоял тот, кого звали Герой Ветви, Падрак из Крэг-ат-Лит, почти такой же огромный и широкоплечий, как Гованон, с зелеными блестящими глазами и ярко-красным ртом; его оружием в бою становилось целое дерево, он оглушал и вышибал им врага из седла. Герой Ветви почти не улыбался, ибо скорбел по своему другу Айану Власорукому, которого, будучи пьяным, убил во время шуточной стычки. За соседним столом сидел молодой Феан — он ел, пил и, как взрослый, ухаживал за девушкой, дочерью благородного мабдена, та хихикала при каждом его слове, приглаживала рыжие волосы Феана и скармливала ему кусочки мяса и фруктов. Неподалеку расположились и другие пять королей, братья Эрэлски, еще недавно решительно отказывавшиеся иметь дело с народом Таха-на-Ану, так как испытывали лютую ненависть к королю Хонуну, своему дяде, который, как они считали, был убийцей их отца. Годами они сидели в горах, изредка совершая набеги на его земли или пытаясь поднять против него армию. Но теперь братья дали клятву забыть все раздоры, пока не будет покончено с фой миоре. Все они были похожи друг на друга, кроме самого младшего, черноволосого и не с таким мрачным выражением лица, как у братьев; короли носили остроконечные шлемы, украшенные изображением совы, герба рода Эрэлски,— крупные суровые мужчины, сдержанно улыбавшиеся, так как все вокруг было ново для них. Далее сидел Моркиан Две Улыбки. Из-за шрама, рассекавшего лицо, левый уголок губ мабдена был подтянут наверх, а правый опущен, но Моркианом Две Улыбки его звали не из-за этого. Говорили, что только врагам Моркиана доводилось видеть обе улыбки воина — первая означала, что он собирается убить их, а вторая — что они уже умирают. Моркиан блистал одеянием из темно-синей кожи и элегантным головным убором, тоже кожаным; черная борода была аккуратно расчесана, кончики усов вздернуты, а коротко подстриженные волосы скрыты под шапкой. Перегнувшись через двух друзей, с Моркианом разговаривал Кернин Драный. Он имел вид бродяги, но был известен своей странной привычкой дарить большие денежные

суммы родственникам тех, кого отправлял в мир иной. В бою Кернин являлся сущим исчадием ада, но, убив кого-то, терзался угрызениями совести и, найдя вдову убитого или его семью, щедро одаривал их. Темные волосы и борода воина были неухожены, он носил кожаную куртку в заплатах, простой железный шлем, но сейчас длинное скорбное лицо светилось радостью: Кернин делился с Моркианом воспоминаниями о какой-то битве, в которой они дрались по разные стороны. Тут же был и Гриньон Бычий Наездник; он обнимал за объемистую талию Шеонан Топор-девицу, еще одну женщину, известную своими выдающимися способностями в боевых искусствах. Гриньон приобрел это прозвище тогда, когда, потеряв в битве коня, оружие и получив едва ли не смертельное ранение, он ворвался в гущу противников на диком быке. Расправляясь с огромным куском говядины с помощью длинного острого ножа, сидел Оссан Шорник, названный так за умение обрабатывать кожу. Куртка и шляпа мастера были из прекрасно выделанной тисненой кожи, расписанной цветочным орнаментом. Двигался он легко, как юноша, хотя был уже в годах; Оссан улыбался, запихивая в рот куски мяса, и по его рыжеватой бороде тек жир. Он сидел вполоборота к рыцарю, рассказывающему веселые истории всем, кто мог услышать его. Тут было много и других известных мабденов: Фене Безногий, Утер из Грустной Долины, Пуйл Спинолом, Шемейн Длинный и Шемейн Коротышка, Рыжий Лис Мейан, старый Дилан, Ронан Бледный и Клар с Дальнего Запада. Корум встречал их всех, когда они прибывали в Кер Махлод, и знал, что многие из них погибнут, когда сойдутся в бою с фой миоре.

Прозвучал чистый сильный голос Амергина, обращенный к Коруму:

— Итак, Корум Серебряная Рука, доволен ли ты воинством, которое поведешь на битву?

— Меня смущает лишь то,— вежливо ответил Корум,— что тут много тех, которые куда более, чем я, достойны возглавлять таких великих воинов.

— Хорошо сказано! — король Фиахад поднял рог с медом.— Я пью за Корума, победите́ля Сренга с Семью Мечами, спасителя нашего верховного короля. Я пью за Корума, вернувшего гордость мабденам!

Корум покраснел, слушая здравицы в свою честь, а когда все выпили, он встал, поднял свой рог и сказал такие слова:

— Я пью за эту гордость! Я пью за народ мабденов!

Зал восторженно взревел, и все выпили.

Затем Амергин произнес:

— Мы счастливы, что обрели союзниками сидов, которые решили прийти нам на помощь в борьбе с фой миоре. Мы счастливы, что многие из наших великих сокровищ вернулись к нам и помогли нанести поражение фой миоре, когда те вознамерились сокрушить нас. Я пью за сидов и за их дары!

И снова все, кроме смущенных Илбрека и Гованона, радостно выпили за их здоровье.

Следующим взял слово Илбрек. Он сказал:

— Если бы мабдены не были так отважны, если бы они не обладали таким высоким духом, сиды не пришли бы к ним на помощь. Мы деремся за то, что ценят и уважают все живые создания.

Гованон согласился с этими словами.

— В общем и целом,— пробурчал он,— мабдены не эгоистичны. Им не свойственна злобность. Они не алчны. В них нет самодовольства. Да, они мне нравятся. Я рад, что в конечном итоге решил драться на их стороне. Я буду рад погибнуть за их дело.

Амергин улыбнулся:

— Надеюсь, вы не ждете смерти, сир Гованон. Вы говорите так, словно она — неизбежное следствие нашего похода.

Гованон, опустив глаза, лишь пожал плечами.

— Мы одолеем фой миоре,— быстро вмешался король Маннах.— Но хочу признать, что мы используем все возможности, которые предоставит нам судьба,— он многозначительно посмотрел на Корума. Тот кивнул.

— Против магии,— сказал он,— лучшее оружие — сама магия, если ты это имеешь в виду, король Маннах.

— Именно так,— подтвердил отец Медбх.

— Магия!— расхохотался Гованон.— От нее мало что осталось, разве что фой миоре и их друзья что-то нашли.

— И все же я кое-что слышал...— Корум с трудом узнал собственный голос. Он умолк, пытаясь понять, что заставило его заговорить.

— Что слышал?— подавшись вперед, спросил Амергин.

Корум посмотрел на Илбрека.

— Ты говорил о каком-то колдовском месте, Илбрек. Сегодня утром. Ты сказал, что можешь выяснить, как и где найти таинственных союзников, связанных с магией.

Илбрек бросил взгляд на Гованона — тот нахмурился.

— Я сказал, что мог бы выяснить, где это место. От него остались лишь смутные воспоминания...

— Это слишком опасно,— перебил его Гованон.— Как я и раньше тебе говорил, Илбрек, могу только удивляться твоему предложению. Нам бы подумать, как лучше использовать те силы, что у нас есть.

— Очень хорошо,— сказал Илбрек.— Как ты осторожен, Гованон.

— В таком деле — да,— буркнул карлик-сид.

В зале воцарилась тишина — все слушали разговор двух сидов.

Бросив взгляд на собеседника, Илбрек обратился ко всем собравшимся.

— Я ошибся,— сказал он.— Магия и чародейство подчиняют себе тех, кто пользуется ими.

— Это верно,— признал Амергин.— Нам придется согласиться с твоей сдержанностью, сир Илбрек.

— Вот и хорошо,— сказал Илбрек, но было видно, что на самом деле он не разделяет предусмотрительности Гованона. Осторожность не была свойственна молодому сиду — так же, как ее не было в характере великого Мананнана.

— Ваш народ дрался с фой миоре в девяти великих битвах,— сказал король Фиахад, вытирая губы, липкие от густого меда.— Значит, вы знаете их лучше. И соответственно, мы с уважением примем любой ваш совет.

— Дашь ли ты нам совет, сир сид?— спросил Амергин.

Гованон, в задумчивости склонившийся над чашей, поднял голову. Он смотрел жестко и прямо; глаза его горели огнем, которого никто прежде не видел в них.

— Но в таком случае вам придется опасаться героев,— сказал он.

Все были настолько смущены и обеспокоены этими словами, что никто даже не переспросил, что он имеет в виду.

Наконец заговорил король Маннах:

— Решено, что первым делом мы идем на Кер Ллуд и штурмуем его. Этот план страдает определенными недостатками — нам придется пересекать самые холодные территории фой миоре,— но у нас есть возможность застать фой миоре врасплох.

— После чего мы снова отступим,— сказал Корум.— Если двигаться с предельной быстротой, мы сможем добраться до Крэг Дона, где предварительно оставим запасы оружия, пищи и вер-

ховых лошадей. Из Крэг Дона мы сможем совершать налеты на фой миоре, зная, что они не рискнут преследовать нас в пределах семи кругов. Единственная опасность, которая может нас подстерегать, заключается в том, что у фой миоре хватит сил окружить Крэг Дон и держать нас в осаде, пока у нас не кончатся припасы.

— Именно поэтому мы и должны ударить по Кер Ллуду жестко и решительно, перебить как можно больше врагов и сохранить свои силы,— сказал Моркиан Две Улыбки, разглаживая остроконечную бороду.— У Кер Ллуда не должно быть места ни чрезмерной отваге, ни героическим подвигам.

Большинству собравшихся его слова не понравились.

— Война — это искусство,— сказал Кернин Драный, вытянутое лицо которого, казалось, стало еще длиннее,— хотя искусство жуткое и аморальное. А большинство собравшихся здесь — артисты, художники, гордые своими талантами и индивидуальными особенностями. Если мы не сможем выразить себя, есть ли вообще смысл драться?

— Схватки между мабденами — это одно,— тихо произнес Корум,— а война мабденов против фой миоре — совершенно другое. И в битве, о которой сегодня вечером идет речь, можно потерять гораздо больше, чем гордость.

— Я понимаю тебя,— сказал Кернин Драный,— но сомневаюсь, что готов полностью согласиться с тобой, сир сид.

— Ради спасения жизней мы готовы многим поступиться,— промолвила Шеонан Топор-девица, высвобождаясь из объятий Гриньона.

— Ты говорил о том, что тебя восхищает в мабденах,— обратился к Гованону Герой Ветви Падрак. — Тем не менее, существует опасность, что мы пожертвуем всеми этими ценностями нашего народа ради желания выжить.

— Ничем ты не должен жертвовать,— ответил ему Гованон.— Пока мы просто предварительно обсуждаем план штурма Кер Ллуда. Одна из причин, по которой мабдены терпели сокрушительные поражения от фой миоре, была в том, что герои мабденов вступали в отдельные схватки, а фой миоре собирали свои силы в единый кулак. И у Кер Ллуда мы должны использовать эти методы, пустив в ход кавалерию для стремительного удара и использовав колесницы как движущиеся платформы, с которых можно будет обстреливать врага. Какой смысл в том, чтобы мужественно стоять на месте, сражаясь с жутким дыханием Раннона? Не так ли?

— Сиды говорят мудро,— согласился Амергин,— и я прошу весь мой народ прислушаться к их словам. Ведь именно поэтому мы сегодня вечером и собрались тут. Я вижу, как падет Кер Ллуд. Я предвижу, как погибнут прекрасные отважные воины, не успев нанести врагу сокрушительный удар. В старые времена, времена девяти битв, сиды дрались с фой миоре один на один. Но мы не сиды. Мы — мабдены. И в данном случае мы должны драться как единый народ.

Могучее тело Героя Ветви откинулось на спинку скамьи. Он кивнул.

— Если Амергин так считает, то я буду драться, как советуют сиды. И этого достаточно,— сказал он.

И остальные забормотали, соглашаясь.

Илбрек сунул руку за пазуху и извлек свиток из тонкого пергамента.

— Вот,— сказал он,— карта Кер Ллуда.

Развернув свиток, он повернулся, показывая его всем.

— Мы атакуем одновременно с четырех сторон. Каждый отряд возглавляется королем. Выяснено, что эта стена слабее остальных, и поэтому ее штурмуют два короля со своими людьми. В идеальном случае мы можем сокрушить фой миоре с их прислужниками, согнав к центру города, но, скорее всего, этого не получится, и мы получим такой мощный контрудар, что нам придется отступить в Крэг Дон и оттуда снова пойти в наступление...— Илбрек принялся объяснять детали плана.

Хотя Корум сам нес немалую долю ответственности за этот план, в глубине души он считал его слишком оптимистичным, но поскольку лучшего не было, приходилось исходить из него. Он налил еще меда из кувшина, стоящего у локтя, и передал кувшин Гованону. Коруму все еще хотелось, чтобы Гованон разрешил Илбреку рассказать о таинственных магических союзниках, на которых, как считал кузнец, было слишком опасно рассчитывать. Принимая кувшин, Гованон тихо сказал:

— Близится полночь, и скоро мы должны уйти отсюда. Меч будет готов.

— Спорить тут больше не о чем,— согласился Корум.— Дай мне знать, когда ты соберешься уходить, и я извинюсь от нашего имени.

Илбрек продолжал отвечать на многочисленные вопросы тех, кто хотел узнать, как будет проломлена та или иная стена, как долго простые смертные могут существовать в тумане фой мио-

ре, какую одежду лучше натягивать на себя и так далее. Убедившись, что ему нечего добавить к этому обмену мнениями, Корум встал, вежливо попросил у верховного короля и остальных разрешения удалиться и вместе с Гованоном, Медбх и Хисаком Солнцевором вышел из переполненного зала на узкие улочки, где стояла холодная ночь.

Небо было почти таким же светлым, как днем, и на его фоне вырисовывались темные силуэты зданий. По диску луны проплыло несколько легких голубоватых облачков, они ушли в сторону моря и скрылись за горизонтом. Компания вышла за ворота, пересекла мост через ров и, обогнув лагерь, углубилась в гущу деревьев, стоявших за ним. Где-то ухнул филин, раздался шелест крыльев и писк зайчонка. В высокой траве жужжали насекомые. Раздвигая ее, они вошли в лес.

Вначале деревья росли негусто, и Корум, поглядывая на чистое небо, заметил, что снова стоит полнолуние, как и в последний раз, когда он входил в этот лес.

— А теперь,— сказал Гованон,— мы пойдем к месту магической силы, где нас ждет меч.

Корум замедлил шаг и остановился, поймав себя на мысли, что ему тяжело снова посещать холм, откуда он спустился в этот странный сон мабденов.

Сзади послышались чьи-то шаги. Корум резко повернулся и с облегчением увидел, что их догоняет Джери-а-Конел с крылатым котом на плече.

Джери ухмыльнулся.

— Усатому стало слишком душно в зале,— он погладил кота по голове.— И я подумал, что мог бы присоединиться к вам.

Гованон посмотрел на него с легким подозрением, но все же кивнул.

— Будешь свидетелем того, что произойдет этой ночью, Джери-а-Конел.

Джери отвесил поклон.

— Благодарю вас.

— Разве нет другого места, куда мы могли бы пойти, Гованон?— осведомился Корум.— Обязательно к холму Кремм?

— Это ближайшее место, наделенное силой,— просто объяснил Гованон.— Слишком далеко идти куда-то еще.

Корум продолжал стоять на месте. Он внимательно прислушивался к лесным звукам.

— Вы слышите арфу?— спросил он.

— Мы уже далеко от зала, и музыка не слышна,— ответил Хисак Солнцевор.

— Неужели вы не слышите арфу в лесу?

— Я ничего не слышу,— сказал Гованон.

— Теперь и я не слышу,— признался Корум.— Мне подумалось, что это арфа Дагды. Та арфа, что мы слышали, когда появилась Женщина Дуба.

— Это были голоса животных,— сказала Медбх.

— Я боюсь ее, этой арфы,— тихо, почти шепотом проговорил Корум.

— Не стоит,— сказала Медбх.— Ибо в арфе Дагды звучит мудрость. Он наш друг.

Корум нашел ее теплую кисть.

— Это твой друг, Медбх Длинная Рука, но не мой. Старая пророчица сказала мне, чтобы я боялся арфы — именно о ней она и говорила.

— Забудь ты это пророчество. Старуха просто выжила из ума. Это не было настоящим предсказанием.— Медбх прижалась к Коруму, сжала его руку.— Из всех нас уж ты-то, Корум, не должен поддаваться суевериям.

Сделав над собой усилие, Корум отбросил подсознательный страх. И тут же заметил взгляд Джери. Джери был явно обеспокоен. Отвернувшись, он напялил широкополую шляпу.

— А теперь мы должны прибавить шагу,— проворчал Гованон.— Близится время.

И, отогнав мрачное чувство обреченности, Корум вслед за карликом-сидом углубился в чащу леса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПЕСНЬ МЕЧА СИДА

Коруму казалось, что он уже это видел — холм Кремм, залитый прозрачным лунным светом, темное серебро неподвижных дубовых листьев.

Он задумался: кто же лежит под этим холмом? На самом ли деле он скрывает останки того, кто когда-то носил имя Корум Серебряная Рука? На самом ли деле это его кости? Но в данный момент эти мысли почти не волновали его. Принц смотрел, как Гованон и Хисак рыли мягкую землю у подножия холма. И наконец они извлекли меч — тяжелый, отлично закаленный клинок с ребристой металлической рукояткой. Меч как будто притягивал к себе лунный свет и, сияя, усиливал его.

Стараясь не прикасаться к рукоятке и перехватив меч под ней, Гованон осмотрел клинок и показал Хисаку, который кивнул в знак одобрения.

— Затупить его будет нелегко,— сказал Гованон.— Кроме Мстителя, меча Илбрека, в мире нет больше такого оружия.

Подошел Джери, не отрывая взгляда от меча.

— Это сталь? Меч блестит не как сталь.

— Это сплав,— гордо ответил Хисак.— Наполовину сталь, а наполовину — металл сидов.

— А я думала, что металла сидов в этой плоскости не осталось,— сказала Медбх.— Мне казалось, что он исчез, оставшись лишь в оружии Гованона и Илбрека.

— В дело пошли остатки древнего меча сидов,— ответил Гованон.— Они были у Хисака. Когда мы встретились, он рассказал, что хранит их много лет, не зная, как отпускать металл. Хисак получил остатки металла сидов от каких-то горняков, искавших железную руду и глубоко под землей наткнувшихся на обломки меча. Я узнал в обломках один из ста мечей, которые выковал для сидов перед девятью битвами. Сохранилась лишь часть клинка. Мы так никогда и не узнаем обстоятельств его погребения. Вместе с Хисаком мы придумали способ сплавить металл сидов с металлом мабденов и выковать меч, в котором будут лучшие свойства того и другого.

Хисак Солнцевор нахмурился:

— Насколько я понимаю, и кое-какие другие качества.

— Возможно,— сказал Гованон.— В свое время узнаем.

— Прекрасный меч,— Джери протянул к нему руку.— Можно подержать?

Но Гованон, заволновавшись, мягко отвел руку Джери и покачал головой.

— Только Корум,— сказал он.— Только Корум.

— Ну что ж... — Корум решил взять меч, но Гованон остановил его, подняв руку.

— Пока рано,— сказал кузнец-сид.— Я еще должен спеть песню.

— Песню?— удивилась Медбх.

— Песню меча, которую всегда поют в такой момент, как этот,— Гованон поднял меч к луне, и на мгновение показалось, что тот ожил, затем на фоне большого круглого диска луны он стал массивным черным крестом.— Каждый меч, что выходит из моих рук,— другой. И каждый должен услышать свою песню. Так он обретает неповторимость. Но не я дам ему имя. Это

предстоит сделать Коруму. Он должен назвать меч единственным подходящим ему именем. И когда оно прозвучит, меч обретет свое последнее предназначение.

— И в чем оно заключается?— спросил Корум.

Гованон улыбнулся:

— Я не знаю. Знать его будет только меч.

— А я думал, что ты чужд предрассудков.— Джери-а-Конел гладил кота за ушком.

— Это не предрассудки. Это нечто такое, что во времена, как эти, даст мечу способность видеть другие плоскости, видеть сквозь время. Чему быть, того не миновать. И что бы мы ни делали, этого не изменить, но мы обретем некое ощущение грядущих событий и поймем, как использовать это знание,— Гованон разозлился, но, успокоившись, поднял лицо к луне.— А теперь слушай. И пока я пою, молчи.

— А что ты будешь петь?— спросила Медбх.

— Пока не знаю,— пробормотал Гованон.— Сердце подскажет.

Все подались в тень дубов, пока Гованон неторопливо поднимался на гребень холма. Двумя руками он держал меч за лезвие, вздымая его к луне. На вершине он остановился.

Ночь наполняли густые душистые ароматы, шорох листвы и попискивание мелкой лесной живности. В роще стояла непроницаемая для взгляда темнота. Кроны дубов были неподвижны. Казалось, все звуки леса умерли, и Корум слышал только дыхание своих спутников.

Несколько бесконечных минут Гованон стоял, не шевелясь и не произнося ни слова. Могучая грудь вздымалась и опускалась, глаза были закрыты. Затем он пошевелился и отметил мечом восемь сторон, после чего вернулся в прежнее положение.

И тут он запел. Он пел на прекрасном, словно спокойное течение воды, языке сидов, который настолько походил на язык вадхагов, что Корум легко понимал ее. Вот что пел Гованон:

Ло! Я ковал мечи
Для сотни сидов.
Девяносто и девять в битве сломались,
Один вернулся домой.

Сгнили в земле, раскололись во льду,
В стволах застряли, под воду ушли,

В огне сгорели, ржой покрылись...
Лишь один вернулся домой.

Иззубрен, погнут.
Металла сидов
На меч не хватило,
Железо пришлось добавить.

Сила сидов и сила мабденов
Слились в мече Гованона.
Коруму в дар.
Сила в нем — и слабость.

Гованон поднял клинок повыше. Он покачивался, словно в трансе. Наконец кузнец продолжил:

Скован в огне, закален стужей;
Сила солнца, мудрость луны,
Прекрасный и гибкий —
Судьбой наделен

Возненавидят его
Гядущие призраки,
Меч томится по ним,
Стынет их кровь.

Теперь казалось, что меч балансирует на острие и стоит вращаясь.

Корум вспомнил свой сон, и его шатнуло. Не доводилось ли ему уже раньше держать такой меч?

Скоро меч имя получит,
И содрогнутся враги!
Вот иглы острие —
Она саван шьет фой миоре!

О клинок! Сделал тебя Гованон!
Корум ныне получит тебя!
Пожиратели падали, черви земные
«Другом» тебя назовут.

Плохо придется убийцам,
И суровые зимы исчезнут.
О, большой урожай
Снимет сидов коса!

Ты имя получишь
И отчет свой начнешь,
Сиды и вадхаг
Оплатят свой долг.

Сильная дрожь сотрясла могучее тело Гованона, и он плотнее сжал пальцами лезвие меча.

Корум удивился, почему никто, кроме него, не услышал, как застонал Гованон. Он посмотрел на лица своих спутников. Они стояли как в трансе, потрясенные и ничего не понимающие.

Гованон постоял, покачиваясь, и продолжил:

Неназванный меч, ты — Корума меч!
Ни Хисаку, ни Гованону не дать тебе имя!
Черные ветры из ада летят,
Мутные реки ждут мою душу!

Гованон простонал эти последние слова. Он был испуган тем, что увидел сквозь сжатые веки, но уста его продолжали песню меча.

Корум подумал, видел ли он меч, похожий на этот. Меч проявит себя в битве против фой миоре — Корум это знал. Но будет ли меч ему другом? Почему он воспринимает его как врага?

То была плавка судьбы.
Вот завершилась она.
И меч, как и цели его,
Никогда никому не уступит.

Теперь Корум видел перед собой только меч. Он осознал, что поднимается на холм. Казалось, что Гованон исчез и меч сам по себе висит в воздухе, светясь то белым лунным сиянием, то красным огнем солнца.

Корум попытался взять его пальцами серебряной руки, но меч как будто отклонился. Только когда Корум протянул правую руку, здоровую, меч позволил взять себя.

Корум продолжал слышать песню Гованона. И если начиналась она гордыми строфами, то сейчас звучала как грустная погребальная песнь. И не сопровождали ли ее далекие звуки арфы?

Вот сделан мой меч,
Полусмертный и полубессмертный,
Для вадхага-героя.
Это Корума меч.

Но мало того, что его я сковал,
Не только для войн он на свет появился,
Не только он плоть поразит,
Он даст больше и меньше, чем смерть.

Так лети же, клинок! В руки к Коруму!
Забудь Гованона, что сделал тебя!
Рази лишь мабденов врага!
Храни верность, чурайся измены!

Внезапно меч надежно лег в правую руку Корума, и ему показалось, что тот был при нем всю жизнь. Рукоятка лежала как влитая, и оружие казалось невесомым. При свете луны Корум стал рассматривать меч со всех сторон, удивляясь его остроте и надежности.

— Да, это мой меч,— сказал он. К нему снова вернулось то, что было давно потеряно и забыто.— Это мой меч.

— *Так служи же ты рыцарю, что даст тебе имя!*

Гованон резко оборвал песню. Глаза его открылись. В них стояло смешанное выражение мучительной вины, сочувствия к Коруму и в то же время триумфа.

Повернувшись, он поднял голову к луне.

Корум проследил за его взглядом и был поражен видом огромного серебряного диска, заполнившего собой все небо. Он не мог оторвать от него глаз, ему казалось, что он тонет в нем. Корум видел лица, сражающиеся армии, безлюдные пространства, разрушенные города и бесплодные поля. Он видел себя, хотя смотрящее на него лицо было чужим. Принц видел меч — но не тот, что он держал в руках. Его меч был белым, а тот, другой,— абсолютно черным. Он увидел Джери-а-Конела. Он увидел Медбх. Он видел Ралину и многих других, и всех их любил, но лишь одна Медбх вызывала у него страх. Затем возникла арфа Дагды и обрела вид юноши, чье тело отливало

странным золотым цветом, и Дагда, как ни странно, сам был арфой. Корум увидел огромного белого коня и знал, что это его конь, но опасался, примет ли тот его. Перед Корумом предстала равнина, затянутая снежной белизной, и на ней появился одинокий всадник: плащ на нем отливал алым; оружие и доспехи были теми же, что носят вадхаги, одна рука здоровой, а другая отлита из серебра, правый глаз прикрыт искусно вышитой повязкой, и черты лица были чертами вадхага — Корума. Но Корум понимал, что всадник — это не он, и принц задохнулся от страха, стараясь не смотреть на всадника, который все приближался. На лице наездника было выражение насмешливой ненависти, а в единственном глазу — неуклонная решимость убить Корума и занять его место.

— Нет!— закричал Корум.

Облака затянули диск луны, и ее свет померк. Корум стоял на холме Кремм в дубовой роще, в том месте, где обитает сила, и в руке он держал меч, равного которому не существовало на Земле; а когда он опустил взгляд на холм, то увидел, что рядом с ним стоят и Гованон с Хисаком Солнцевором, и Джери-а-Конел, и рыжеволосая Медбх Длинная Рука — и все они смотрят на него так, словно хотят помочь и не могут.

Корум не знал, почему он так отреагировал на выражения их лиц, когда вскинул меч над головой и сказал тихим твердым голосом:

— Я Корум. Это мой меч. И я один.

Затем все четверо спустились с холма и вместе с ним вернулись в Кер Махлод, где продолжалось шумное празднество — но никто из участников пира не знал, что произошло в дубовой роще, залитой светом полной луны.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТРЯД ВСАДНИКОВ

Корум спал долго, до самого утра, и видел много снов. Голоса рассказывали ему о ненадежных героях и благородных предателях, он видел мечи — и тот, что получил во время обряда в дубовой роще, и особенно другой, черный клинок, который, как и арфа Дагды, мог принимать различные обличья, словно в нем обитал дух особо могущественного демона. А когда смолкали

голоса и меркли видения, он снова и снова слышал одни и те же слова: «Ты Победитель. Ты Победитель».

А порой хор голосов внушал ему:

— Ты должен идти путем Победителя.

«Но что же это такое, — пытался понять Корум,— как не путь мабденов, которым он поклялся помогать?»

А хор все повторял:

— Ты должен идти путем Победителя.

Неожиданно пробудившись, Корум громко сказал:

— Мне не нравится такой сон.

Произнеся эти слова, принц окончательно проснулся.

✧

Рядом с постелью стояла Медбх, уже одетая, бодрая и полная решимости.

— Что за сон, любовь моя?

Пожав плечами, он попытался улыбнуться.

— Ничего особенного. Наверно, сказались события прошлой ночи,— Корум посмотрел ей в глаза и почувствовал, как в душу закрадывается легкий страх. Потянувшись, он сжал ее нежную, прохладную и сильную руку.

— Ты в самом деле любишь меня, Медбх?

Она смутилась.

— Да, люблю.

Он посмотрел в сторону сундука, на резной крышке которого лежал меч, врученный ему Гованоном.

— Как мне назвать этот меч?

Медбх улыбнулась:

— Узнаешь. Разве Гованон не объяснил тебе? Ты поймешь, как его назвать, когда придет время и меч обретет всю свою мощь.

Корум сел, и покрывало сползло с его широкой обнаженной груди.

Медбх подошла к дверям в дальнем конце комнаты и крикнула кому-то за ними:

— Ванна для принца Корума готова?

— Готова, госпожа.

— Идем, Корум,— сказала Медбх.— Освежись. Смой неприятные сны. Через два дня мы будем готовы выступить. Тебе

мало что осталось делать. Давай проведем эти дни в радости и веселье. Поскачем утром за лес и через пустоши.

Корум набрал полную грудь воздуха.

— Конечно,— беззаботно сказал он.— Я дурак, что забиваю себе голову. Моя цель ясна, и нечего тут больше думать.

✧

Амергин встретил их через час, когда они уже седлали коней. Король был высок и по-юношески строен, но держался с достоинством человека в годах, хотя в нем не было ничего от старика. На нем была сине-золотая мантия главного друида и простая корона из металла с необработанными драгоценными камнями, из-под которой на плечи падали длинные густые волосы.

— Приветствую вас,— сказал верховный король.— Все ли хорошо прошло у вас прошлой ночью, принц Корум?

— Думаю, что да,— сказал Корум.— Гованон, похоже, был доволен.

— Но при тебе нет меча, который он вручил.

— Он не из тех мечей, которые можно просто носить при себе,— на поясе Корума висел его старый верный меч.— Скорее всего, я возьму дар Гованона с собой в битву.

Амергин кивнул. Он стоял, разглядывая булыжники мощеного замкового двора.

— Гованон больше ничего не говорил тебе о тех неизвестных союзниках, о которых упоминал Илбрек?

— Насколько я понимаю, кто бы они ни были, Гованон не считает нужным иметь с ними дело,— сказала Медбх.

— Так и есть,— согласился Амергин.— Тем не менее, сдается мне, что если благодаря им увеличиваются наши шансы справиться с фой миоре, то стоит рискнуть.

Корум был удивлен той серьезностью, с которой говорил Амергин.

— То есть вы не считаете, что нас ждет удача?

— Штурм Кер Ллуда может дорого обойтись нам,— тихо ответил Амергин.— Всю ночь я размышлял над нашим планом. И вроде мне что-то померещилось.

— Поражение?

— Во всяком случае, победы я не увидел. Корум, ты, как и я, знаешь Кер Ллуд. Ты знаешь, что там обитают фой миоре и

какой там стоит жуткий холод. От него человек теряет способность соображать.

— Это верно,— кивнул Корум.

— Вот об этом я и думал,— сказал Амергин.— Только об этом. И ни о чем больше.

— У вас не было в том необходимости, верховный король. Но, боюсь, у нас нет иных способов вести войну с врагами. Если бы они были...

—...То мы бы о них знали,— Амергин пожал плечами и погладил коня Корума по холке.— Но если ты сможешь как-то уговорить Гованона, пусть он хотя бы расскажет, что это за союзники.

— Обещаю, что сделаю это, главный друид, но сомневаюсь, что мне повезет.

— Да,— сказал Амергин, и его рука опустилась.— Как и я.

Оставив главного друида в задумчивости, Корум и Медбх верхом выехали из Кер Махлода, промчались сквозь дубовую рощу и поднялись на вересковую пустошь, где из-под ног коней вспархивали кроншнепы и с шумом улетали, где ноздри щекотали запахи папоротника и вереска, и казалось, что во всем мире нет сил, способных уничтожить простую красоту этих мест. Грело солнце, висящее в чистом синем небе. Им стало так хорошо, как никогда раньше, и, спешившись, они побрели сквозь высокий, до колен, папоротник, а потом легли в него, и видели небо над собой; они заключили друга друга в объятия, нежно и ласково занимаясь любовью, а затем в молчании лежали рядом, дыша чистым свежим воздухом и слушая тихие звуки вересковой пустоши.

Они провели не больше часа в мире и покое, когда Корум почувствовал под собой легкое подрагивание и приложил ухо к земле, уже понимая, что оно может означать.

— Кони,— сказал Корум.— Они приближаются.

— Всадники фой миоре?— сев, Медбх потянулась за пращой и сумкой, которые повсюду таскала с собой.

— Может быть, Гэйнор или люди сосен. Или все вместе. Но мы выслали передовые дозоры во все стороны. Так что они предупредили бы нас о нападении с востока, где, как мы знаем, сейчас собираются фой миоре.

Он осторожно приподнял голову. Всадники приближались с северо-запада, скорее всего, с побережья. Поле зрения закрывал склон холма, но сейчас Корум уже слышал слабое позвякивание упряжи. Оглянувшись, он прикинул, что, стоит кому-либо

подняться на холм — и их лошадей сразу же увидят. Вытащив меч, он пополз к ним. Медбх последовала за ним.

Торопливо оседлав коней, они помчались к холмам, держась под углом к приближающимся всадникам, так что, если повезет, их не заметят, когда они перевалят через холм.

Они нашли укрытие за выступом скалы из белого известняка и, натянув поводья, остановились, дожидаясь появления всадников.

Почти сразу же возникли первые трое. Лошади, на которых они ехали, были маленькими и лохматыми — по сравнению с широкоплечими наездниками они казались просто крохотными. У всадников были одинаковые светло-рыжие волосы и пронзительные голубые глаза. Бороды были заплетены в десятки тонких косичек, а с головы у каждого свисало по четыре или пять кос, переплетенных поблескивающими нитками бус. На левых руках висели длинные овальные щиты из шкур, натянутых на плетеный каркас и укрепленных грубо выкованными медными перемычками и полосами. С внутренней стороны щитов крепились ножны, в которых торчали копья с железными наконечниками. На боку у наездников висели кожаные с металлическими заклепками ножны для коротких широких мечей. Некоторые были в шлемах, а другие повесили их на седельные луки; кожаные шлемы были примерно одинаковой формы — остроконечные, с железными или медными полосами, украшенные изогнутыми рогами горных быков. Некоторые блестели россыпью отполированных камней, медных, железных и золотых накладок, из-под которых даже не было видно кожаной основы. За плечами их развевались плотные клетчатые плащи, сочетавшие в основном красный, синий и зеленый цвета. На всадниках были юбки-килты той же расцветки; ноги почти у всех оставались голыми, только некоторые носили что-то вроде поножей, но большинство было обуто в простые сандалии с ремешками вокруг щиколоток.

Вне всяких сомнений, наездники были воинами, но Корум никогда не встречал их, хотя они в определенной степени напоминали людей из Тир-нам-Бео, да и лошадки походили на тех, которые бегали под его старыми врагами у утеса Мойдель. Наконец появились и остальные всадники — их было много — и, когда они подъехали поближе, стало видно, что они побывали в переделке. У некоторых сломана рука или нога, другие — в ранах, а двое привязаны к седлам, чтобы не свалиться на скаку.

— Сомневаюсь, что они могут угрожать Кер Махлоду,— сказала Медбх.— Это мабдены. Но что за мабдены, откуда? Я думала, что здесь собрались все способные носить оружие.

— Скачут они издалека, и видно, что им пришлось нелегко,— пробормотал Корум.— Скорее всего, они из-за моря. Посмотри, на плащах следы морской воды. Может, они оставили свой корабль где-то недалеко? Давай поприветствуем их.

Корум выехал из-за укрытия известняковой скалы и крикнул незнакомцам:

— Добрый день, странники! Куда держите путь?

Осанистый всадник впереди резко натянул поводья и, нахмурив рыжеватые брови, подозрительно прищурился; его тяжелая узловатая кисть легла на рукоятку меча, а когда он заговорил, голос звучал низко и хрипло.

— И тебе хорошего дня,— сказал он,— если у тебя добрые намерения. Что ж до того, куда мы направляемся... ну, это наше дело.

— А также дело тех, кому принадлежит эта земля,— рассудительно заметил Корум.

— Может, и так,— ответил вояка.— Но если это земля не принадлежит мабденам, значит, ты завоевал ее, а в таком случае ты — наш враг и мы должны убить тебя. Мы же видим, что ты не мабден.

— Верно. Но я служу делу мабденов. А эта госпожа — она из мабденов.

— В самом деле похожа,— признал воин, впрочем, не теряя настороженности.— Но мы встречали в пути столько иллюзий, что внешним сходством нас не обмануть.

— Я Медбх,— оскорбившись, бросила девушка.— Я Медбх Длинная Рука и тоже могу считать себя воином. Я дочь короля Маннаха, который правит этой землей из Кер Махлода.

Подозрительность воина несколько уменьшилась, но он все так же держался за рукоятку меча, а его спутники развели коней в обе стороны, словно готовились напасть на Корума и Медбх.

— А я Корум,— сказал вадхаг,— меня когда-то звали Принцем в Алом Плаще, но мне пришлось отдать его волшебнику, и теперь меня зовут Корум Серебряная Рука,— он вскинул металлическую кисть, которую пока скрывал от взглядов.— Разве вы не слышали обо мне? Я дерусь вместе с мабденами против фой миоре!

— Это он!— вскричал кто-то из молодых воинов из-за спины предводителя и показал на Корума: — В алом плаще — теперь его нет на нем, но черты лица те же самые... и та же повязка на глазу! Это он!

— Значит, ты следил за нами, сир Демон,— сказал предводитель. Вздохнув, он повернулся в седле и посмотрел на свое воинство.— Это все, что от нас осталось, но думаю, мы сможем справиться с тобой и с твоей дьявольской спутницей.

— Ни он, ни я — мы не имеем отношения к демонам!— гневно закричала Медбх.— Почему вы нас в этом обвиняете? Где вы раньше видели нас?

— Тебя мы раньше не видели,— сказал старший. Конь под ним нервничал, и, натянув поводья, всадник его успокоил. Звякнула упряжь, и металлическое стремя коснулось края длинного щита.— Мы видели только его,— кивком показал он на Корума.— На том гнусном зачарованном острове,— он мотнул головой в сторону моря.— Мы привели к его берегу восемь надежных кораблей и десять плотов с припасами и домашним скотом. Мы высадились, чтобы набрать свежей воды и продуктов. И ты должен помнить,— он с ненавистью посмотрел на Корума,— что, когда мы отплывали, у нас остался всего лишь один корабль. При нас не было ни женщин, ни детей, ни животных, кроме лошадей, что под нами, и очень мало припасов.

— Заверяю вас,— сказал Корум,— что до этого момента вы никогда не видели меня. Я Корум. Я воюю с фой миоре. Все последние недели я провел в Кер Махлоде. Все это время я не покидал его. После месяца пребывания в городе я впервые выбрался за его пределы!

— Ты тот, кто напал на нас на острове,— произнес юноша, первым обвинивший Корума.— В своем красном плаще, в посеребренном шлеме, с бледным, как у мертвеца, лицом, с той же повязкой на глазу — и еще этот твой смех...

— Шефанхау,— сказал предводитель.— Мы узнали тебя.

— В жизни не слышал этого слова,— мрачно сказал Корум.— Я готов разгневаться, незнакомец. Я сказал тебе правду. Должно быть, ты столкнулся с врагом, который чем-то напоминает меня.

— И еще как!— горько рассмеялся юноша.— Как твой близнец! Мы опасались, что ты последуешь за нами. Но мы готовы сразиться с тобой и победить. Где прячутся твои люди? — тряхнув косами, он оглянулся.

— У меня нет никаких людей,— нетерпеливо сообщил ему Корум.

Главарь хрипло рассмеялся:

— Значит, ты дурак.

— Я не буду драться с вами,— повернулся к нему Корум.— Зачем вы прибыли сюда?

— Чтобы присоединиться к тем, кто собирается у Кер Махлода.

— Так я и думал,— к Коруму вернулись все его предчувствия, и он с трудом отогнал их.— Если мы отдадим вам наше оружие и проведем вас в Кер Махлод, поверите ли вы, что ни я, ни Медбх не причиним вам вреда? В Кер Махлоде вы поймете, что я говорю вам правду, что мы никогда раньше не встречались и что мы вам не враги.

— Это обман,— закричал юноша,— чтобы заманить нас в ловушку!

— Если хотите, приставьте мечи нам к горлу,— предложил Корум. — И если на вас нападут, вы успеете убить нас.

Предводитель нахмурился.

— Ты ведешь себя не так, как тот, кого мы встретили на острове,— признал он.— Если ты проведешь нас в Кер Махлод, мы, по крайней мере, достигнем своей цели, и это хоть что-то нам прояснит.

— Артек!— вскричал юноша.— Осторожнее!

Артек повернулся.

— Помолчи, Каван. Мы всегда успеем убить шефанхау!

— Будьте любезны, я бы попросил вас,— вежливо сказал Корум,— не употреблять это имя, когда речь идет обо мне. Оно мне не нравится и не вызывает симпатий к вам.

Артек не ответил, а лишь сухо усмехнулся. Посмотрев в глаз Корума, он задумался над ответом и, хмыкнув, приказал двум из своих людей выехать вперед.

— Возьмите у них оружие. По пути не отводите от них мечей. Очень хорошо... Корум. Веди нас в Кер Махлод.

✧

Корум испытал удовольствие, увидев потрясенное выражение на лицах путников, когда они въехали в лагерь, провожаемые гневными и недоуменными взглядами мабденов, которые встревожились при виде плененных Корума и Медбх. Настал

черед Корума улыбаться, и улыбка его становилась все шире по мере того, как вокруг двадцати всадников густела толпа, пока они не остановились в центре лагеря, в отдалении от холма, на котором высился Кер Махлод. Предводитель воинов Тир-нам-Бео посмотрел на Артека, продолжавшего держать меч у груди Корума.

— Что это значит, парень? Почему вы взяли в заложники нашу принцессу? Почему угрожаете жизни нашего друга — принца Корума?

Артек настолько смутился, что залился багровым румянцем.

— Значит, ты говорил правду...— пробормотал он, но меча все-таки не опустил.— Разве что это какой-то чудовищный обман и все вы — союзники демонов.

Корум пожал плечами:

— В таком случае, сир Артек, ты все равно обречен, не так ли?

Устыдившись, Артек кинул меч в ножны.

— Ты прав. Я должен был поверить тебе. Но ты так похож на того, кто напал на нас на том жутком острове... так, что если бы ты его увидел, то не стал бы меня осуждать, принц Корум.

Ответ Корума услышал только Артек:

— Думаю, что видел его во сне. Позднее мы с тобой, сир Артек, должны будем поговорить об этом, ибо считаю, что зло, с которым ты столкнулся, скоро обратится против меня — и результаты будут куда трагичнее.

Артек бросил на него удивленный взгляд, но, приняв во внимание тон Корума, больше ничего не сказал.

— Вы должны отдохнуть и поесть,— сказал Корум. Несмотря на невеселые обстоятельства их встречи, эти варвары начали ему нравиться.— А потом в большом зале Кер Махлода вы поведаете о том, что с вами было.

Артек склонил голову:

— Ты благороден, принц Корум, и ты любезен. Теперь я понимаю, почему мабдены уважают тебя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ НАРОДА ФАЙАНА

— Мы островной народ,— начал Артек,— и большую часть жизни проводим в море. Мы ловим рыбу...— он помолчал,— ну и в прошлом, до недавнего времени, мы... ну, в общем, мы, короче говоря, были морскими бродягами. На наших землях

почти ничего не растет. Порой мы совершали набеги на близлежащие побережья, случалось, захватывали суда и забирали все, что нужно для жизни...

— Теперь я вас вспомнил,— от души расхохотался король Фиахад.— Вы же пираты! Точно! А ты — Артек из Клонгара. Наши портовые удирали при одном упоминании твоего имени!

Артек слабо отмахнулся и снова покраснел.

— Я и есть тот самый Артек,— признался он.

— Бояться не стоит, Артек из Клонгара,— король Маннах перегнулся через стол и, улыбаясь, похлопал пирата по руке.— В Кер Махлоде забыты все старые счеты. Здесь у нас есть только один враг — фой миоре. Расскажи, как ты здесь очутился.

— Один из кораблей, который мы взяли на абордаж, был из Гаранхира. Он шел в Тир-нам-Бео, и мы нашли послание к его королю. На этом корабле мы узнали о большом сборе против фой миоре. Хотя мы никогда раньше не сталкивались с ними — живем ведь в далекой северо-западной части — но решили, что если все мабдены собираются выступить против народа холода, то и мы должны им помочь, поскольку в таком случае их борьба — это и наша борьба,— пират улыбнулся, снова обретая присутствие духа.— Ну и кроме того — как нам выжить без ваших судов? Так что мы были заинтересованы в вашем существовании. Мы подготовили все наши суда — а их было немало — сколотили крепкие надежные плоты, которые собирались тащить на буксире, и собрали всех жителей Файана — так называется наш остров,— поскольку не хотели оставлять без защиты женщин и детей,— Артек замолчал и опустил голову.— Ах, как я жалею, что мы не оставили их. По крайней мере, они могли бы умереть в своих домах, а не на обрывистых берегах этого ужасного острова.

Илбрек, который протиснулся в зал, чтобы послушать рассказ Артека, тихо спросил:

— Где он находится, этот остров?

— Несколько к северо-западу от Клонгара. Нас туда отнес шторм. Пока он бушевал, мы потеряли почти всю воду и много припасов. Ты знаешь это место, сир сид?

— В самом центре его стоит единственный высокий холм?

Артек кивнул:

— Стоит.

— И на верху его, в самом центре, растет огромная сосна?

— Самая большая, которую мне доводилось видеть,— согласился Артек.

— Когда вы высаживались, не казалось ли вам, что все вокруг подрагивает, расплывается и меняет очертания — кроме холма, силуэт которого оставался четким и ясным?

— Ты был там!— вскричал Артек.

— Нет,— возразил Илбрек.— Я только слышал об этом месте,— он бросил строгий жесткий взгляд в сторону Гованона, который делал вид, что его совершенно не интересует этот остров и вообще ему все надоело. Но Корум достаточно хорошо знал Гованона и заметил, что тот сознательно избегает взгляда Илбрека.

— Конечно, мы, воины моря, и раньше проходили мимо этого острова, но поскольку он всегда был окутан туманом и повсюду вдоль берега таились рифы, мы на нем ни разу не высаживались. Такой необходимости никогда не возникало.

— Хотя говорили, что раньше там часто разбивались корабли, от них не оставалось даже обломков,— серьезно добавил юный Каван.— С этим местом связано много суеверий — что там обитает шефанхау и такие...— он замолчал.

— Иногда это место называли Инис Скэйт?— все так же задумчиво спросил Илбрек.

— Да, я слышал,— признал Артек.— Это старое-старое название острова.

— Значит, вы были на Острове Теней.— Илбрек откинул назад густые волосы.— Судьба ткет куда больше нитей, чем мы предполагали, не так ли, Гованон?

Но Гованон сделал вид, что не слышит Илбрека, хотя чуть погодя Корум заметил, как он тайком предостерегающе посмотрел на Илбрека.

— Да, именно там мы и увидели принца Корума — или его двойника...— буркнул Каван и умолк.— Прости, принц Корум. Я вовсе не хотел...

Корум улыбнулся.

— Может, вы увидели мою тень. Ведь не случайно остров называется Инис Скэйт — Остров Теней. Скорее всего, теней из ада,— с лица его сползла улыбка.

— Я слышал об Инис Скэйте,— до этого момента Амергин, поприветствовав Артека и его воинство, хранил молчание.— Место черной магии, куда адские друиды отправлялись вершить свои обряды. Даже сиды избегали появляться там...— Амергин в свой черед многозначительно посмотрел на Илбрека и Гованона, и Корум подумал, что мудрый друид тоже заметил обмен взглядами между двумя сидами.— Как меня учили, когда я был послуш-

ником, Инис Скэйт существовал еще до появления сидов. Он обладает некоторыми особенностями, присущими острову Ги-Бресейлу, но во многом отличен от него. Если Ги-Бресейл — остров белой магии, говорят, что на Инис Скэйте царит черная магия...

— Уж это да,— проворчал Гованон.— Могу добавить, что он одинаково негостеприимен и к сидам, и к мабденам.

— Ты там бывал, Гованон?— тихо спросил Амергин.

Но тот снова насторожился.

— Как-то раз,— односложно ответил он.

— Черный бред и кровавое отчаяние — вот что там происходило,— вмешался Артек.— Высадившись, мы поняли, что не можем вернуться к кораблям. Наши тропы заросли каким-то жутким лесом. Мы не могли выбраться из тумана. На нас нападали демоны. В засадах нас поджидали страшные непонятные звери. Они уничтожили наших детей. Они разорвали наших женщин и почти всех мужчин. Мы остались единственными, кто выжил из всего народа Файана — и то лишь в силу удачи, потому что случайно вышли к одному из наших кораблей и поплыли прямо к вашим берегам,— Артек вздрогнул.— Даже если бы я знал, что моя жена осталась в плену на Инис Скэйте, я не вернулся бы туда,— Артек стиснул кулаки.— Я бы не смог.

— Она погибла,— мягко сказал Каван, успокаивая своего вождя.— Я сам видел, как это случилось.

— Почему мы должны верить, что все, представившееся нашим глазам, произошло на самом деле? — взгляд Артека был полон страдания.

— Нет,— сказал Каван.— Она мертва, Артек.

— Да.— Артек развел руками, и его плечи обмякли.— Она мертва.

— Теперь ты понимаешь, почему я не мог согласиться с тобой,— пробормотал Гованон, обращаясь к Илбреку.

Корум отвел взгляд от все еще содрогающегося в рыданиях Артека из Клонгара и посмотрел на обоих сидов.

— Там ты и думал найти союзников, Илбрек?

Илбрек махнул рукой, отбрасывая собственную идею.

— Так и было.

— С Инис Скэйта может прийти только зло,— сказал Гованон.— Только зло, как бы оно ни пряталось.

— Я и не знал...— Амергин погладил Артека по плечу.— Я дам тебе снадобье, которое усыпит тебя, и можешь быть уверен, что спать будешь без снов. Утром ты снова станешь человеком.

Лагерь был освещен лучами заходящего солнца. Илбрек и Корум направились к синему шатру сида. От походных костров шли аппетитные запахи еды. Поодаль какой-то парнишка меланхолично тянул песнь о великих героях и об их подвигах. Они вошли в шатер.

— Бедный Артек,— сказал Корум.— Каких союзников ты надеялся найти на Инис Скэйте?

Илбрек пожал плечами.

— Ну, я надеялся, что некоторых его обитателей, хотя бы часть из них, можно будет, подкупив, привлечь на нашу сторону. Пожалуй, я был не прав, о чем и говорил Гованон.

— Артек и его спутники думали, что видели там меня,— сообщил ему Корум.— Они считают, я был одним из тех, кто убил их спутников.

— Это и меня удивляет,— сказал Илбрек.— Никогда не слышал ничего подобного. Возможно, у тебя в самом деле есть близнец... У тебя когда-нибудь был брат?

— Брат?— Корум вспомнил пророчество старухи.— Нет. Но меня предупредили, чтобы я боялся его. Я было подумал, что предупреждение могло относиться к Гэйнору, который в духовном плане в определенной мере, действительно, мой брат. Или кто бы там ни был под холмом в дубовой роще. Но теперь я думаю, что этот брат ждет меня на Инис Скэйте.

— Ждет тебя?— встревожился Илбрек.— Но ты же не собираешься отправляться на Остров Теней?

— Мне пришло в голову, что если они смогли расправиться с лучшими воинами Файана, смертельно напугать таких смельчаков, как Артек, то они могли бы стать хорошими союзниками,— сказал Корум.— Кроме того, я мог бы встретиться лицом к лицу с этим «братом» и выяснить, кто он такой и почему я должен бояться его.

— Сомнительно, что опасности Инис Скэйта оставят тебя в живых,— пробормотал Илбрек. Устроившись на своем огромном стуле, он забарабанил по столу пальцами.

— Я в таком состоянии, что могу пойти на большой риск для достижения своей цели,— тихо сказал Корум,— если только это не помешает мабденам, которым мы служим.

— Я тоже,— синие, цвета морской воды, глаза Илбрека встретили взгляд Корума.— Но послезавтра мабдены выступают против Кер Ллуда, и ты должен возглавить их.

— Вот это и останавливает меня. А то бы тут же поднял парус и отправился на Инис Скэйт. Вот и все.

— Ты не боишься ни за свою жизнь, ни за рассудок — а за душу?

— Меня прозвали Вечным Воителем. Что такое смерть или сумасшествие для меня, кому суждено прожить еще много жизней, кроме этой? Как моя душа может оказаться в ловушке, если она нужна повсюду? И если у кого-то есть шанс побывать на Инис Скэйт и вернуться, то только у Корума Серебряной Руки, не так ли?

— Твоя логика страдает ошибками,— Илбрек задумчиво уставился куда-то вдаль.— Но ты прав в одном — нет никого более подходящего, чем ты, кто мог бы побывать на Инис Скэйте.

— И там я попробовал бы привлечь его обитателей к нам на службу.

— Они бы нам очень пригодились,— признал Илбрек.

Из-за откинутого полога в шатер хлынул холодный воздух. На пороге стоял Гованон с топором на плече.

— Добрый вечер, друзья мои,— сказал он.

Они ответили на его приветствие. Гованон сел на сундук с доспехами Илбрека и аккуратно пристроил топор рядом. Он глянул на Корума, потом на Илбрека и опять на Корума. Выражение их лиц обеспокоило его.

— Ну что ж,— сказал он,— думаю, вы услышали достаточно, чтобы отказаться от того глупого замысла, что вынашивал Илбрек?

— Ты хотел отправиться туда?— спросил Корум.

Илбрек развел руками:

— В общем-то, я думал...

— Я был там,— прервал его Гованон.— В этом мне не повезло. А повезло в том, что я смог удрать оттуда. Друиды зла использовали остров еще до того, как в этой плоскости мабдены пришли к власти. Это место существовало еще до возвышения вадхагов и нхадрагов... хотя тогда оно не принадлежало этой плоскости.

— Тогда как же оно тут очутилось?— спросил Корум.

Илбрек откашлялся.

— Чисто случайно. В силу разных причин появились те, кто обрел такую мощь в своем измерении, что смог разрушить его. Повелением судьбы это случилось, когда мы, сиды, пришли сюда, чтобы помочь мабденам в их войне с фой миоре. Обитатели Инис Скэйта смогли прорваться под прикрытием нашего перемещения, так что сиды косвенно несут ответственность за появление здесь этого ужасного места. Обитателям Инис Скэйт

удалось избежать мщения людей их собственного мира, и я слышал, что они там нежеланные гости: они не могут оставить свой остров без посторонней помощи — или их ждет неминуемая смерть. Они ищут способ вернуться в свою плоскость или в другую, не столь враждебную к ним. Пока все их попытки были безуспешны. Поэтому я и думал, что мы могли бы договориться с ними и призвать их к нам на помощь — если, в свою очередь, поможем им.

— О чем бы ты с ними ни договаривался, они предадут нас,— сказал Гованон.— Предательство свойственно их натуре так же, как нам свойственно дышать воздухом.

— Мы должны уберечь себя от такого исхода,— сказал Илбрек.

Гованон отмахнулся.

— У нас не получится. Послушай меня, Илбрек! Как-то в спокойные времена, наступившие после поражения фой миоре, мне захотелось посетить Инис Скэйт. Я знал, что мабдены говорят о Ги-Бресейле, моем доме — что, мол, там обитают демоны. Так что я подумал, что Инис Скэйт может оказаться точно таким же местом — пусть даже мабдены и погибают на нем, сиду там ничто не угрожает. Я ошибался. Каким Ги-Бресейл был для мабденов, точно такой же и Инис Скэйт для сидов. Он не принадлежит к этой плоскости. Более того — его обитатели, используя силы своей земли, сознательно мучают и убивают всех посетителей острова, которые не относятся к их расе.

— И все же ты спасся,— вступил в разговор Корум.— Уцелел и Артек, и еще несколько его спутников.

— В обоих случаях просто повезло. Артек рассказал же, что они наткнулись на свой корабль по чистой случайности. Точно так же и я вышел к морю. Как только я покинул Инис Скэйт, его обитатели не стали преследовать меня. Я плыл весь день и даже дольше, пока не наткнулся на островок — точнее, скалу, торчащую в море. На ней я и оставался, пока меня не увидели с какого-то корабля. Они опасались меня, но все же взяли на борт. Наконец, я добрался до Ги-Бресейла и с тех пор никогда не покидал его.

— Ты не упоминал об этом, когда мы впервые встретились,— сказал Корум.

— На то была веская причина,— проворчал кузнец-сид.— Я бы и сейчас ничего не стал говорить, если бы не рассказ Артека.

— Но все же ты рассказывал лишь о всеобъемлющем страхе, а не о каких-то особых опасностях,— рассудительно заметил Илбрек.

— Потому,— ответил Гованон,— что эти особые опасности просто неописуемы,— он встал.— Мы будем драться с фой миоре и без помощи таких союзников, как жители Инис Скэйта. Таким образом хоть кто-то из нас сможет выжить. В противном случае все мы обречены. Я говорю правду.

— Так, как ты ее видишь,— не удержался Корум.

При этих словах лицо Гованона окаменело. Он взял топор на плечо и молча покинул шатер.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
В КОТОРОЙ ВНЕЗАПНО РУШАТСЯ СТАРЫЕ ДРУЖЕСКИЕ УЗЫ

Вечером Медбх навещала отца, и к Коруму зашел Амергин. Он вошел тихо, без стука, и Корум, стоявший у окна и смотревший на огни лагеря, обернулся, услышав звуки шагов.

Амергин протянул ему тонкую руку:

— Прошу прощения за неожиданное вторжение, принц Корум, но я хотел бы поговорить с тобой с глазу на глаз. Вижу, что ты каким-то образом разгневал Гованона.

Корум кивнул:

— У нас возник спор.

— Относительно Инис Скэйта?

— Да.

— Ты решил отправиться туда?

— Послезавтра я должен возглавить армию. И ясно, что я не в состоянии сделать и то и другое,— Корум показал на резной стул.— Садись, Амергин.

Амергин опустился на стул, а Корум пристроился на кровати.

— И все же, если бы на тебе не лежала ответственность, ты бы отправился на остров?— верховный король говорил медленно, не глядя на Корума.

— Думаю, что да. Илбрек меня поддержит.

— Похоже, что шансов выжить у тебя будет немного.

— Может, и так,— Корум коснулся повязки на глазу.— Но если бы мы думали только о том, как выжить, то не ввязались бы в войну с фой миоре.

— Разумно,— согласился Амергин.

Корум попытался осознать смысл слов Амергина.

— Есть много причин,— сказал он,— по которым я обязан возглавить мабденов. Когда мы пойдем через холодные земли, моральное состояние войск должно быть на высоте.

— Верно,— подтвердил Амергин.— Я все это обдумывал, как и ты. Но вспомни, что я и раньше уговаривал тебя убедить Гованона рассказать о наших возможных союзниках?

— Ты говорил о них еще утром.

— Именно так. Я много думал о нашем положении и пришел к тем же выводам: под стенами Кер Ллуда нас ждет печальная участь. Мы потерпим поражение от фой миоре, если к нам на помощь не придет магия. Кроме всех воинов, которых я смог собрать, кроме всей мощи сидов, мы должны обратиться к помощи сверхъестественных сил, принц Корум. И похоже, единственное место, где они могут быть — это Инис Скэйт. Я говорю тебе все это потому, что знаю — ты умеешь молчать. Нет необходимости повторять, что наши армии должны идти на штурм, полные уверенности, что нанесут поражение фой миоре. Да, они упадут духом, если ты не возглавишь их, и все же я думаю, что даже под твоим предводительством мы будем разбиты. И как бы я ни отбрасывал эту мысль, наша единственная надежда — твое желание и способность договориться с народом Инис Скэйта, чтобы они пришли к нам на помощь.

— А если у меня не получится?

— Умирающие проклянут тебя как предателя, но твое имя недолго будет окружено позором, ибо ненавидящих тебя мабденов просто не останется.

— Нет ли другого пути? А как же потерянные сокровища мабденов, дары сидов?

— То немногое, что от них осталось, находится в руках фой миоре. Целебный котел в Кер Ллуде. Как и обруч силы. Есть и еще кое-что, но мы никогда не знали ни его сути, ни почему оно находится среди сокровищ. Мы в неведении.

— Что это было?

— Старое седло из потрескавшейся кожи. Мабдены бережно хранили его, как и остальные сокровища, но думаю, что оно попало к нам по ошибке.

— То есть ты не можешь вернуть котел и обруч, пока мы не разобьем фой миоре.

— Именно так.

— Ты знаешь что-нибудь еще о народе Инис Скэйта?

— Только то, что они хотят, если у них получится, навсегда оставить нашу плоскость.

— Это я уже понял. Но мы, конечно, недостаточно могущественны, чтобы посодействовать им.

— Будь у меня обруч силы,— сказал Амергин,— я мог бы с помощью его и других знаний помочь им в этом.

— Гованон считает, что любой договор с народом Острова Теней дорого обойдется... слишком дорого.

— Если речь идет о нашем выживании, можно заплатить любую цену,— сказал Амергин,— и я думаю, что хоть кто-то из нас останется в живых.

— Может, на кону стоит не только жизнь. Какой еще вред они могут причинить?

— Не знаю. Если ты считаешь риск чрезмерным...

— У меня есть свои причины посетить остров,— перебил его Корум.— Как и у тебя.

— Лучше всего, если ты уедешь незамеченным,— сказал Амергин.— Я сообщу всем, что тебе неожиданно пришлось отправиться в путь и ты постараешься присоединиться к нам перед штурмом Кер Ллуда. А тем временем, если Гованон не двинется к Инис Скэйту, будем надеяться, что он вместо тебя возглавит мабденов, ибо знаком с Кер Ллудом.

— Но не забывай, что он уязвим,— сказал Корум.— Над ним имеет власть колдун Калатин, и порвать эти узы можно при одном условии если Калатин потеряет мешочек со слюной Гованона. Если я не появлюсь к началу штурма Кер Ллуда, найдите Калатина и на месте прикончите его. Я думаю, что из всех примкнувших к фой миоре Калатин самый опасный, ибо в нем осталось слишком много человеческого.

— Я запомню твои слова,— ответил главный друид.— Но полагаю, что ты не пропадешь на Инис Скэйте, Корум.

— Может, и не пропаду,— Корум нахмурился.— Тем не менее, я чувствую, что этот мир становится недружелюбен ко мне — так же, как и к обитателям Острова Теней.

— Возможно, ты и прав,— согласился Амергин.— Может быть, для тебя это несчастливое пересечение плоскостей.

Корум улыбнулся:

— Это звучит как весьма сомнительная мистическая формула, верховный король.

— Правда часто выступает в таком обличье.— Главный друид поднялся.— Когда ты собираешься на Инис Скэйт?

— Скоро. Я должен посоветоваться с Илбреком.

— Все остальное предоставь мне,— сказал Амергин,— и я прошу — не обсуждай наш план больше ни с кем, даже с Медбх.

— Хорошо.

Проводив Амергина, Корум задумался, не затеял ли главный друид более сложную игру, чем ему кажется, и не является ли он, Корум, в ней той пешкой, которой король готов пожертвовать. Пожав плечами, он отогнал эти мысли. Логика Амергина была безупречна, особенно если его видение будущего верно и армию мабденов под Кер Ллудом ждет полное поражение.

Вскоре после ухода Амергина Корум, покинув город-крепость, спустился по склону холма к высокому шатру Илбрека.

Когда Корум вернулся к себе и стал готовить вооружение, вошла Медбх. Она полагала, что он спит, но вместо этого Корум встретил ее в доспехах.

— В чем дело? Мы что, уже выступаем?

Корум покачал головой.

— Я отправляюсь на Инис Скэйт,— ответил он.

— По своим личным делам, когда ты должен повести нас на Кер Ллуд?— она засмеялась, думая, что Корум шутит.

Корум вспомнил пожелание Амергина как можно сдержаннее излагать причины, побудившие его двинуться в это путешествие.

— Это не личные дела,— ответил он.— Во всяком случае, не совсем.

— Да?— голос Медбх дрогнул, и, прежде чем продолжить, она некоторое время расхаживала по комнате.— Мы никогда не могли полностью довериться кому-либо из наших соплеменников. Почему мы должны надеяться, что ты будешь хранить верность нашему делу?

— Ты знаешь, что я верен ему, Медбх,— Корум подошел к ней и попытался обнять, но она отстранилась и в упор посмотрела на него.

— Тебя ждут сумасшествие и гибель, если ты отправишься на Инис Скэйт. Ты слышал, что рассказывал Артек?— она попыталась справиться с обуревавшими ее эмоциями.— Если ты вместе с нами пойдешь на Кер Ллуд, то самое худшее, что может случиться с тобой — это достойная смерть.

— Если удастся, я присоединюсь к вам у Кер Ллуда. Армия будет идти куда медленнее, чем я. Так что у меня есть все шансы вернуться к вам еще до штурма Кер Ллуда.

— Есть все шансы вообще не вернуться с Инис Скэйта,— мрачно бросила она.

Корум пожал плечами.

Этот жест еще больше разозлил Медбх. С губ ее сорвались какие-то неразборчивые слова. Она решительно шагнула к дверям, распахнула их и с грохотом за собой захлопнула.

Корум кинулся было за ней, но затем передумал, поняв, что дальнейший разговор может завести их слишком далеко. Ему оставалось надеяться, что в свое время Амергин объяснит Медбх то затруднительное положение, в котором оказался принц, или, по крайней мере, убедит ее, что на Инис Скэйт он отправился не по собственной прихоти.

Но все же замок он покинул с тяжелым сердцем. Ему надо было вернуться в лагерь, где его ждал Илбрек.

Златовласый гигант уже был в боевой готовности: знаменитый меч Мститель висел у бедра, а огромный жеребец Густая Грива стоял под седлом, готовый сорваться с места. Илбрек улыбался, не скрывая радости от предвкушения очередного приключения, но Корум, попытавшийся улыбнуться сиду в ответ, не почувствовал ничего, кроме боли.

— Не будем терять времени,— сказал Илбрек.— Как договорились, оба поскачем на Густой Гриве. Он мчится быстрее, чем любая лошадь смертного, и в мгновение ока доставит нас на Инис Скэйт и обратно. Я взял карту у Кавана. Больше нас тут ничто не держит.

— Да,— согласился Корум.— Больше ничто.

— Вы безмозглые идиоты!

Повернувшись, Корум увидел багрового от ярости Гованона. Сжимая в кулаке боевой топор, он потряс им и зарычал:

— Если вы и вернетесь живыми с Инис Скэйта, то потеряете рассудок. А вы нужны нам в этом походе. Мабдены ждут, что мы втроем поведем их. Наше присутствие внушает им уверенность. Не показывайтесь на Инис Скэйте! Не отправляйтесь туда!

— Гованон,— попытался урезонить его Илбрек,— во многом я признаю твою мудрость. Тем не менее, в данном случае мы должны доверять своему чутью.

— Ваше чутье ложно, если оно ведет вас к гибели, к измене тем, кому вы поклялись служить! Не ходите туда!

— Мы пойдем,— тихо сказал Корум.— Мы должны.

— Значит, вас ведут демоны зла и вы мне больше не друзья,— заявил Гованон.— Вы мне больше не друзья.

— Ты должен уважать наши мотивы, Гованон...— начал Корум, но тот, выругавшись, прервал его:

— Даже если вы вернетесь с Инис Скэйта в здравом уме — в чем я сильно сомневаюсь,— вы будете обречены. Других мнений быть не может. Я такое уже видел. Последний сон дал мне это понять.

— У вадхагов есть теория,— сдерживая возмущение, сказал Корум,— что сны больше говорят о спящем человеке, чем о мире, в котором он пребывает. Есть ли у тебя какие-то другие мотивы, кроме нежелания, чтобы мы отправлялись на Инис Скэйт?

Гованон презрительно посмотрел на него.

— Я иду вместе с мабденами на Кер Ллуд,— сказал он.

— Опасайся Калатина,— серьезно посоветовал Корум.

— Думаю, что он мне друг куда больше, чем вы двое,— и, ссутулившись, Гованон двинулся к выходу.

— Какое же мне принять решение?— раздался насмешливый голос. Он принадлежал Джери-а-Конелу, вынырнувшему из тени; Джери стоял, подбоченившись одной рукой, а другую приложив к подбородку. Он смотрел на трех друзей из-под сведенных рыжеватых бровей.— То ли отправиться на Инис Скэйт, то ли к Кер Ллуду? Неужто моей преданности придется раздвоиться?

— Иди к Кер Ллуду,— сказал Корум.— Там потребуются твоя мудрость и твои знания. Их у тебя больше, чем у меня...

— На что они годны?— буркнул Гованон, все еще стоя спиной к Коруму.

— Иди с Гованоном, Джери,— тихо произнес Корум.— И помоги ему уберечься от чар Калатина.

Джери кивнул и коснулся плеча Корума.

— Прощай, мой неверный друг,— пробормотал он, грустно улыбаясь.

Пока они разговаривали, звякнула упряжь — Илбрек оседлал Густую Гриву.

— Корум?

— Гованон,— резко бросил Корум,— я не сомневаюсь, что делаю лишь то, что совершенно необходимо для нашего дела.

— Ты за это дорого заплатишь,— сказал Гованон.— Дорого заплатишь, Корум. Попомни мои слова.

Корум хлопнул серебряной рукой по ножнам, что висели у него на поясе.

— Благодаря твоему дару опасностей у меня уменьшилось. Я верю в выкованный тобой меч. Или ты хочешь сказать, что он не защитит меня?

Страдальчески, словно от боли, покачав огромной головой, Гованон простонал:

— Это зависит от цели, которой он будет служить. Но клянусь душами всех героев сидов, великих и мертвых, я бы не хотел ковать его.

Часть вторая

МНОГО СТРАХОВ ПЕРЕЖИТО НА ИНИС СКЭЙТЕ, МНОГО ОБМАНОВ РАЗОБЛАЧЕНО, А КОЕ-ЧТО И ИСПОЛЬЗОВАНО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАГИЯ ИНИС СКЭЙТА

Густая Грива не забыл старых дорог между плоскостями, и с первыми лучами солнца Корум и Илбрек увидели, что конь сида мчится над самой поверхностью воды. Вокруг не было никаких признаков суши. Прохладный океан ровно катил синие с прожилками белой пены волны, окружавшие путешественников со всех сторон — по мере того, как всходило солнце, вода то окрашивалась голубым, то обретала золотой цвет, то снова становилась синей.

— Амергин говорит, что Остров Теней существовал еще до появления сидов,— Корум сидел позади Илбрека, ухватившись за пояс великана.— А ты мне рассказывал, что остров появился вместе с сидами.

— Как ты хорошо знаешь, всегда существовали поклонники разных искусств, способные путешествовать между плоскостями,— принялся объяснять Илбрек, наслаждаясь брызгами, летящими ему прямо в лицо,— и, вне всяких сомнений, среди них были мабденские друиды, посещавшие Инис Скэйт еще до его появления здесь.

— Так что на самом деле представляет собой народ, живущий на Инис Скэйте? Они были мабденами?

— Никогда. Эта древняя раса, подобно вадхагам, была постепенно вытеснена мабденами и оказалась в полном смысле слова в изгнании. Еще до того, как остров стал их единственным домом, они всегда отличались жестокостью и близкородственными браками — в изоляции все это лишь усилилось.

— И как называлась эта раса?

— Вот уж чего не знаю...— из-под нагрудника Илбрек извлек карту Кавана, внимательно присмотрелся к пергаменту и, пригнувшись, что-то пробормотал в ухо Густой Гриве.

Конь тут же изменил направление, взяв курс на северо-запад.

Начали скапливаться тучи, и скоро всадников оросило мелким дождичком, но он не доставил больших хлопот, тем более что скоро вновь выглянуло солнце. Корума клонило в сон, и, вцепившись в пояс Илбрека, он дал возможность основательно отдохнуть и телу, и мыслям, зная, что, как только они окажутся на Инис Скэйте, ему понадобятся все силы.

✧

Наконец двое героев пересекли море и увидели Инис Скэйт. Перед ними лежал маленький островок, напоминавший горный пик, окруженный темными тучами, хотя небосвод вокруг острова был синим и чистым. Они слышали, как волны с ревом набегают на его унылые берега, они видели гору, стоящую в самом центре острова, и скоро заметили одинокую высокую сосну на самой ее вершине, но, даже приблизившись, не смогли рассмотреть весь остров. Легким движением руки и несколькими тихо сказанными словами Илбрек остановил коня, и всадники застыли посередине бурлящего моря.

Корум водрузил на голову конический посеребренный шлем, затянул ремешки поножей и движением плеч поудобнее пристроил нагрудник. За спину он забросил колчан со стрелами и лук со спущенной тетивой. На сгиб левой руки Корум повесил щит из белой кожи, а серебряными пальцами сжал длинную рукоятку боевого топора; правую руку он оставил свободной, чтобы придерживаться за пояс Илбрека или в случае необходимости выхватить свой меч, еще не опробованный в бою.

Сидящий перед ним Илбрек отбросил тяжелый плащ, и лучи солнца блеснули на его золотой шевелюре, заплетенной в косы, на бронзе доспехов и щита, на золоте браслетов. Повернувшись,

он посмотрел на Корума — серо-зеленые глаза сида были цвета моря — и улыбнулся.

— Ты готов, друг мой Корум?

Корум не мог изобразить такую же улыбку, как у сида, полную бесшабашности и словно говорившую «черт-бы-их-побрал», поэтому улыбка принца, когда он слегка склонил голову, была чуть мрачнее.

— Двинулись на Инис Скэйт,— сказал он.

Илбрек дернул поводья Густой Гривы, могучий конь снова двинулся галопом, и пенные фонтаны вздымались все выше и выше, пока они мчались к зачарованному острову.

Густая Грива уже приблизился к самому берегу, но все же было невозможно разглядеть подлинные очертания острова, затянутого какими-то тенями. То казалось, что он покрыт густым непроходимым лесом, то мерещились полуразрушенные здания, то на берегу возникали груды обломков, выброшенных морем, то над ним клубился туман, в клочьях которого возникали ширококрылые птицы или звери, бродившие меж обломками и деревьями; но стоило лишь присмотреться к чему-либо внимательнее, как этот предмет расплывался в тумане и исчезал. Коруму показалось, что со скалы на него смотрит огромное, больше, чем у Илбрека, лицо, но тут и скала, и лицо стали превращаться последовательно в дерево, в дом, в животное. Над островом висела какая-то смутная печаль, его очертания было невозможно сравнить с красотой Ги-Бресейла. Словно этот зачарованный остров являлся полной противоположностью тому, который Корум посетил первым. Из глубины Инис Скэйта доносились тихие зловещие звуки, и порой казалось, будто эти голоса что-то нашептывают ему. Свежий ветерок щекотал ноздри запахом гниения, и вообще весь остров казался олицетворением распада, распада души — и это объединяло его с фой миоре. Корум был полон мрачных предчувствий. Почему люди Инис Скэйта не разделили жребий мабденов? Вероятно, они были полны желания помочь народу холода.

Снова Илбрек послал вперед Густую Гриву, и когда они очутились уже в паре футов от берега, он вскинул левую руку и крикнул:

— Приветствую тебя, Инис Скэйт! Мы хотим посетить тебя! Примешь ли ты нас?

То было старинное традиционное мабденское приветствие, но Корум чувствовал, что оно ровно ничего не значит для обитателей острова.

— Привет Инис Скэйту! — снова крикнул юноша-великан.— Мы пришли с миром и хотим кое-что обсудить с вами!

Ему ответило лишь эхо. Илбрек пожал плечами.

— Значит, придется высаживаться на остров незваными гостями. Вежливость тут ни к чему...

— Может, ее проявят островитяне,— предположил Корум.

Илбрек пришпорил Густую Гриву, и наконец конские копыта коснулись серого побережья Инис Скэйта. Стоящий перед ними лес внезапно полыхнул пурпурными листьями папоротника, вскинулся и, шурша кронами, стал перешептываться. Оглянувшись, Корум больше не увидел моря. Вместо него стояла стена жидкого свинца.

Илбрек решительно въехал в заросли папоротника, и они расступились перед ним, словно смиренно приветствуя завоевателя. Густая Грива, волнуясь, не изъявлял желания двигаться дальше; всхрапнув, он прижал уши, но Илбрек пришпорил коня и погнал его вперед. Стоило им лишь на пару футов углубиться в гущу папоротников, как те снова выпрямились и сомкнулись. Теперь два героя оказались в окружении растений, тянувших к ним пальцы узорчатых листьев и, вздыхая, прикасались к их телам.

Коруму казалось, что растения проникают сквозь кожу и добираются до костей, и он с трудом сдерживал желание выхватить меч и вырубить их. Он мог понять ужас мабденов, впервые столкнувшихся с этой жуткой растительностью, но в свое время принц приобрел некоторый опыт и знал, как не поддаваться панике. Он как ни в чем не бывало заговорил с Илбреком, тоже старавшимся не обращать внимания на растения.

— Интересная зелень, Илбрек. В этой плоскости я не видел ничего подобного.

— Вот уж верно, друг мой Корум,— голос Илбрека чуть дрогнул.— Похоже, мы имеем дело с каким-то примитивным разумом.

Шепоток усилился, прикосновения растений стали более настойчивыми, но двое всадников продолжали упорно пробиваться через лес, хотя у них уже болели глаза от яркого пурпура.

— Может, это всего лишь иллюзия?— предположил Корум.

— Возможно, друг мой. Но очень убедительная.

Растительность поредела, уступив место дороге, выложенной зеленым мрамором и на дюйм-другой залитой желтоватой жидкостью, пахнущей в несколько раз хуже, чем загнивший пруд.

В жидкости обитало множество мелких насекомых, и порой тучи разной мошкары взмывали в воздух и повисали над головами всадников, словно исследуя их. Справа высилось несколько развалин: колоннады, покрытые чахлым плющом, полуобвалившиеся галереи, стены из щербатого гранита и растрескавшегося кварца, в расщелинах которых ветвились лозы с живыми цветами, источавшими удушливый запах; впереди они увидели двуногое животное — оно, пригнувшись, пило эту жидкость. Оторвавшись от нее, зверь взглянул на них белыми блестящими глазами и снова нагнулся. Какое-то существо шмыгнуло перед Густой Гривой. Сначала Коруму показалось, что он увидел белесую змею, но потом подумал, что она чем-то напоминает человека. Принц посмотрел ей вслед, но она уже исчезла. Обыкновенная черная крыса нахально выпрыгнула из какого-то провала и потрусила себе, не обращая внимания на Корума и Илбрека, затем нырнула и пропала в узкой щели мраморной кладки.

Когда путники достигли дальнего края этого пространства, двуногое существо исчезло. Густая Грива выбрался на поляну с губчатой ноздреватой травой, издававшей отвратительные чавкающие звуки под копытами коня. Пока им ничего не угрожало, и Коруму пришла мысль, что мабдены, прибывшие сюда, стали жертвами своих собственных страхов, рожденных этим мрачным призрачным окружением. Но тут его обоняние уловило вонь, которая была намного ощутимее запаха коровьего навоза. От нее просто мутило, и, вытащив из-под кирасы шарф, он замотал им рот, хотя это почти не помогло. Илбрек, откашлялся, сплюнул на влажный мох и направил Густую Гриву вперед по дорожке из растрескавшихся плит ляпис-лазури, ведущей в темный проход, образованный деревьями — они чем-то напоминали рододендроны и в то же время не походили на них. Огромные черные липкие листья касались их лиц, и скоро в древесном коридоре стало темно как ночью, если не считать желтоватых проблесков, пробивавшихся сквозь листву по обе стороны от дорожки. Несколько раз Коруму казалось, что в их свете возникали какие-то ухмыляющиеся физиономии с размытыми чертами, но он списал это на игру воображения, в котором то и дело возникали мрачные картины недавнего прошлого.

— Будем надеяться, что эта дорога куда-то да приведет нас,— пробормотал Илбрек.— Кстати, воняет все сильнее. Интересно, может, это отличительная примета жителей Инис Скэйта?

— Надеюсь, что нет, Илбрек. В таком случае общение с ними будет довольно затруднительным. Ты знаешь, в каком направлении нам сейчас надо двигаться?

— Боюсь, что нет,— ответил молодой сид.— Понятия не имею, куда мы едем — на юг, на север, на восток или на запад. Вижу лишь, что эти чертовы ветки над головой опускаются все ниже и мне лучше спешиться. Я спрыгну, а ты держись за седло, идет?

Корум так и сделал. Когда Илбрек выпрыгнул из седла, принц услышал похрустывание и звон упряжи: Илбрек взял Густую Гриву под уздцы и двинулся вперед. Теперь, когда широкая спина гиганта больше не прикрывала его, Корум почувствовал себя беззащитным перед опасностями — настоящими или мнимыми, подстерегающими в этой гнусной зелени. Не смех ли он слышит со всех сторон? Или до него доносятся угрожающие звуки чьих-то движений — не идет ли кто-то рядом, готовый прыгнуть на них? А что это за рука, попытавшаяся схватить его за ногу?

Мелькнул какой-то просвет, на этот раз прямо перед ними.

В лесу кто-то кашлянул.

Корум крепче сжал рукоятку меча.

— Тебе не кажется, Илбрек, что за нами наблюдают?

— Возможно,— молодой гигант казался спокойным, но был настороже.

— Все, что мы видим, говорит о великой цивилизации, погибшей тысячу лет назад. Может, на Инис Скэйте вообще не осталось разумных обитателей?

— Может быть...

— И возможно, нужно опасаться только животных и болезней? Могут под влиянием воздуха зародиться в мозгу неприятные мысли, пугающие видения?

— Кто знает...

Голос, ответивший Коруму, не принадлежал Илбреку.

— Илбрек?— шепнул Корум, испугавшийся, что его друг внезапно исчез.

Молчание.

— Илбрек?

— Я тоже его слышал,— сказал Илбрек. Он сделал шаг назад и огромной рукой мягко сжал кисть Корума. Затем Илбрек повысил голос:— Где ты? Кто сейчас говорил с нами?

Но ответа не последовало, и они двинулись дальше. Наконец путешественники выбрались на прогалину, куда сквозь переплетения ветвей падал солнечный свет, а лесной туннель разветвлялся на три отдельные тропы. Самой короткой казалась средняя — хотя оттуда веяло холодом, в дальнем конце ее виднелось небо.

— Похоже, лучше всего сюда,— сказал Илбрек, снова садясь в седло.— Как ты думаешь, Корум?

Корум пожал плечами.

— Так заманчиво, что смахивает на ловушку,— сказал он.— Словно народ Инис Скэйта хочет нас куда-то заманить.

— Вот давай и дадим им такую возможность,— предложил Илбрек.— Если они в самом деле этого хотят.

— Я тоже так думаю.

И без лишних слов Илбрек послал Густую Гриву в средний проход.

Постепенно лиственная крыша поредела, ухабистая дорога расширилась, и теперь они ехали чуть ли не по улице, окаймленной плотным кустарником; перед ними стояли высокие выщербленные колонны, усеянные пятнами давно высохшего лишайника, коричневыми, черными и темно-зелеными. И лишь когда друзья миновали их, провожаемые взглядами резных демонических фигур, ухмылками звериных морд, они поняли, что оказались на мосту, перекинутом через широченный и до ужаса глубокий провал. Когда-то по обе стороны моста высились стены, но теперь они во многих местах обвалились, давая возможность увидеть дно провала, где кипел поток черной воды, в которой плавали, лязгали зубами и вопили разнообразные рептилии.

Над мостом носился безжалостный ветер, холодный режущий ветер, который рвал плащи и даже угрожал сбросить путников в провал с шатких плит.

Илбрек чихнул, плотнее закутался в плащ и с отвращением посмотрел вниз.

— До чего они огромные, эти змеи. Никогда таких больших не видел. Глянь-ка, какие у них зубы! Посмотри на их глаза, на костистые груди, на эти рога. Как я рад, что они не могут добраться до нас, Корум!

Тот кивнул.

— Этот мир не для сидов,— пробормотал Илбрек.

— И не для вадхагов,— подхватил Корум.

✧

Когда они достигли середины моста, ветер настолько усилился, что даже могучему коню Илбрека стало трудно преодолевать его напор. Именно тогда Корум поднял голову и заметил существа, которых он с первого взгляда принял за птиц. Их было довольно много, летели они в беспорядке, и, когда приблизились, Корум увидел, что это отнюдь не птицы, а крылатые змеи с длинными мордами, украшенными желтыми клыками. Он хлопнул Илбрека по плечу.

— Илбрек!— сказал он.— Драконы!

Да, это на самом деле были драконы, хотя размерами они не превышали крупных орлов, водившихся в северных горах Бро-ан-Мабден. Они явно вознамерились атаковать двух всадников, сидящих на спине Густой Гривы.

Корум зацепился ногой за подпругу, чтобы ветер не мог сорвать его, не без труда извлек лук, натянул тетиву и вытащил стрелу из колчана. Приладив ее, принц до предела натянул тетиву, прицелился, сделав поправку на ветер и выпустил стрелу в ближайшего дракона. В тело она не попала, но пробила крыло. Дракон взвыл и кувыркнулся в воздухе, зубами вцепившись в стрелу. Он начал падать, неуклюже пытаясь восстановить равновесие, но вошел в штопор и рухнул в темную воду, где его уже поджидали рептилии. Вадхаг выпустил еще две стрелы, но промахнулся.

Какой-то дракон спикировал на голову Илбрека и вцепился зубами в край щита, который тот вскинул, прикрываясь. Гигант выхватил Мститель, намереваясь поразить дракона в брюхо. Густая Грива заржал и, вытаращив глаза, встал на дыбы, молотя в воздухе копытами,— и в этот момент мост дрогнул. На нем появилась новая трещина, с краю отвалился кусок и полетел вниз. У Корума свело спазмой желудок, когда он увидел, как рушится каменная кладка. Он выпустил очередную стрелу— она тоже не попала в намеченную цель, но вонзилась в горло другого дракона. Теперь вокруг Корума и Илбрека хлопали кожистые крылья, лязгали острые зубы, когтистые лапы, подобно человеческим рукам, тянулись, чтобы сорвать их с седла. Коруму пришлось оставить лук и выхватить свой пока еще безымянный меч, подарок Гованона. Чуть не ослепнув от серебряного сияния металла, он принялся как попало рубить атакующих рептилий, чувствуя, как отточенное лезвие пластает плоть, орошаемую хо-

лодной кровью. Раненые драконы бились у ног Густой Гривы, и краем глаза Корум заметил, что по крайней мере три чудовища свалились с обломанного края моста. И еще он увидел блеск золотого меча Илбрека, тоже залитого кровью драконов, и услышал голос юноши, распевавшего песню сида (ибо таков был обычай сидов, когда к ним вплотную подступала смерть):

Враги подступают с востока,
и смерти они не боятся.
В пятидесяти битвах сиды дрались,
запекшейся кровью покрыты они.
Яростны мы на войне.
Яростны мы на войне.

Корум почувствовал, что кто-то сзади повис на нем и холодные когти добрались до спины. Вскрикнув, он махнул мечом назад, и клинок разрубил чешуйчатую кожу и трубчатые кости — дракон издал кашляющий звук, и серебряный шлем Корума обдало потоком крови. Стерев с глаз липкую холодную массу, принц успел насадить на острие меча дракона, пикировавшего, выставив когти, на неприкрытую голову Илбрека.

А Илбрек продолжал петь:

Жить будет память о павших героях,
и чтить будут их прах.
Пусть смертные воспевают нашу судьбу.
Кости сидов в родной земле остались.
А мы в чужой земле умрем.
А мы в чужой земле умрем.

Корум понимал смысл песни Илбрека: ему тоже не нравилось, что его жизнь достанется безмозглым тварям, что придется умирать в этом безымянном месте и никто не будет знать, как он погиб.

Большая часть драконов была перебита, а остальные получили тяжелые ранения и стали совершенно беспомощными, но тяжелая поступь Густой Гривы, когда он топтался на трупах поверженных драконов, приводила к тому, что в пропасть срывались все новые и новые куски кладки, и наконец перед ними образовалась огромная дыра. Поскольку внимание Корума было направлено одновременно на обе угрожавшие им опасности, он

не заметил, как на него кинулся дракон — когти вцепились в плечи и у самого лица лязгнули клыки. Со сдавленным криком Корум резко поднял кверху щит, рывком вдавив его край в мягкое брюхо дракона, и одновременно всадил ему в горло свой безымянный меч. Мертвая рептилия шлепнулась на камни моста, но в это мгновение мост не выдержал, и все они — Илбрек, Густая Грива и Корум — кувыркаясь, полетели в пропасть, где в черной воде кишели твари.

Корум еще успел услышать крик Илбрека:

— Цепляйся за мой пояс, Корум! И изо всех сил держись за него!

И хотя Корум послушался, он не видел смысла в указании Илбрека: они все равно сейчас погибнут. Конечно, первым делом придет боль. Принц лишь надеялся, что она будет длиться недолго.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПОЯВЛЕНИЕ МАЛИБАННОВ

Они летели вниз, но Корум в ожидании смерти не осознал то мгновение, когда они вдруг понеслись вверх. Каким-то невообразимым образом Густая Грива галопом рванулся в небо, обратно к обвалившемуся мосту. Драконы исчезли, явно не желая следовать за добычей на дно пропасти, где им пришлось бы доказывать свое право на нее куда более крупным родственникам.

Илбрек, поняв, что должен чувствовать Корум, рассмеялся.

— Старые дороги лежат повсюду,— сказал он.— Спасибо моим предкам и Густой Гриве, который может найти их!

Спокойной иноходью конь подминал под себя воздух, продолжая двигаться к дальнему краю пропасти.

Корум с облегчением перевел дыхание. Хотя у него были все основания полагаться на силу и знания Густой Гривы, ему было трудно поверить, что конь способен ходить или, вернее, летать по воде, не говоря уже о воздухе. Но копыта коснулись земли, конь остановился, и Корум убедился, что земля прочна и надежна. Другая тропа вела через пологий холм, покрытый чахлыми разноцветными мхами и лишайниками. Илбрек и Корум спешились, чтобы осмотреть свои раны. Корум потерял лук, и колчан был пуст — он отбросил его — но когти драконов оставили

лишь глубокие царапины на руках и плечах. Илбрек тоже не пострадал. Они улыбнулись друг другу, потому что никто из них не предполагал, что останется в живых на этом шатком мосту.

Сид вытащил из седельной сумки флягу с водой размером с небольшой бочонок и протянул ее Коруму. Корум с трудом поднял ее к губам и с удовольствием напился.

— Что меня удивляет,— сказал Илбрек, забирая у Корума флягу и тоже припадая к ней,— так это размеры Инис Скэйта. С моря кажется, что это сравнительно небольшой островок. На деле же выясняется, что тут довольно большой участок суши, который тянется, сколько видит глаз. И посмотри,— показал он вдаль, где четко виднелся холм с одинокой сосной, хотя все вокруг было затянуто туманом,— кажется, что он еще дальше от нас, чем раньше. У меня лично нет сомнений, Корум, что это место заколдовано.

— Да,— согласился вадхагский принц,— и мне кажется, что мы с трудом начинаем понимать, куда попали.

С этими словами путники снова сели в седло и двинулись по тропе, ведущей через холм, пока та не свернула. Они увидели, что склон резко обрывается, уступая место долине, выложенной, казалось, кованой медью, сверкающей под лучами солнца; где-то далеко, примерно в центре долины, как посчитал Корум, стояло несколько фигур. Он не мог определить, были то люди или животные, но проверил, легко ли вынимается из ножен меч, подарок Гованона, и понадежнее приладил на руке щит, пока Густая Грива, звонко цокая копытами по металлу, скакал рысью по долине.

Корум приложил руку к глазам, чтобы прикрыть их от слепящего сияния меди, и прищурился, рассматривая детали, но прошло немало времени, прежде чем он убедился, что это на самом деле люди. И еще больше времени понадобилось, чтобы опознать в них мабденов — мужчин, женщин и детей: лишь некоторые из них стояли, большинство же лежало без движения на меди.

Илбрек натянул поводья, и гигантский конь перешел на шаг.

— Люди Артека?— спросил Илбрек.

— Возможно, что так,— ответил Корум.— Во всяком случае, похожи.

Все еще остерегаясь, они спешились и двинулись к группе людей, резко выделяющихся на фоне этого безжизненного сверкающего пейзажа.

Когда они подошли поближе, до них донеслись голоса — тихие стоны, плач и шепот. Корум и Илбрек увидели, что все находящиеся здесь люди голые, а большинство лежавших мертвы. Казалось, их пожрало пламя. У тех же, кто еще стоял, была красная, вздувшаяся пузырями кожа, и можно было только удивляться, что они вообще держатся на ногах. Даже сквозь толстые подошвы Корум чувствовал жар раскаленной поверхности и мог себе представить, как она печет голые ноги. Лишенные одежды, они стояли в центре долины, и явились сюда не по собственной воле — их пригнали. Когда их плоть высыхала от жара, люди умирали. Какой-то жестокий разум пригнал их сюда. Корум сглотнул комок в горле — он был почти не в состоянии понять мышление существ, способных на такую жестокость. Только сейчас он заметил, что у некоторых мужчин и женщин руки были связаны за спиной и они тщетно старались прикрыть собой тех немногих детишек, что еще оставались в живых.

Осознав, что Корум и Илбрек направляются к ним, люди со страхом уставились на них невидящими глазами и попытались произнести несколько умоляющих слов, еле шевеля вздувшимися губами.

— Мы не враги вам,— сказал Корум.— Мы друзья Артека. Вы люди Файана?

Один из мужчин повернул к Коруму изуродованное лицо. Голос его походил на шелест далекого ветра.

— Да, это мы. Все, кто остался.

— Кто так поступил с вами?

— Остров. Инис Скэйт.

— Как вы оказались в этой долине?

— Разве ты не видел кентавров... и страшных пауков?

Корум покачал головой.

— Мы прошли через мост над пропастью, в которой живут огромные змеи.

— Тут нет пропасти...

— Для нас была,— помолчав, ответил Корум.

Вынув из-за пояса кинжал, он сделал шаг вперед, чтобы разрезать путы на руках мужчины, но несчастный испуганно отступил.

— Мы друзья,— повторил Корум.— Мы говорили с Артеком, который рассказал, какая участь вас постигла. Мы здесь, главным образом, потому что встретили его.

— Артек жив?— раздался женский голос. Вполне возможно, что женщина была молода и, наверное, когда-то красива.— Он спасся?— она с трудом приблизилась к Коруму. Руки ее были связаны за спиной. Упав, она с трудом встала на колени, плача от боли.— Артек...

— Он в безопасности... вместе со своими спутниками.

— Ох,— выдохнула она,— как я рада...

— Его жена,— сказал мужчина, с которым Корум заговорил первым, но Корум уже и сам догадался.— Артек послал вас спасти ее?

— Спасти всех вас,— сказал Корум. Он был счастлив, что мог позволить себе такую ложь. Эти люди были на грани смерти, и гибели последнего из них ждать оставалось недолго.

— Вы пришли слишком поздно,— сказала жена Артека.

Корум нагнулся, собираясь перерезать ее веревки, и откуда-то из пустоты возник голос, который он уже слышал в лесу:

— Не освобождай ее. Теперь она наша.

Корум оглянулся, но, кроме дрогнувшего раскаленного воздуха, ничего не увидел.

— И все же я освобожу ее,— резко сказал он.— Чтобы она по крайней мере могла умереть с развязанными руками.

— Почему ты хочешь разгневать нас?

— Я никого не хочу разгневать. Я Корум Серебряная Рука,— он вскинул серебряную руку.— Я Вечный Воитель. И пришел на Инис Скэйт с миром. Я не хочу причинять вред его обитателям — но не позволю, чтобы эти люди и дальше страдали.

— Корум...— тихо начал Илбрек, положив ладонь на рукоятку Мстителя.— Думаю, что мы, наконец, встретились с народом Инис Скэйта.

Корум пропустил его слова мимо ушей, разрезая веревки на обожженных руках женщины.

— Корум...

Но тот уже был между людьми Файана, предлагая им флягу с водой и освобождая тех, на ком еще были путы. Больше ничего перед собой он не видел.

— Корум...

Теперь в голосе Илбрека прозвучала тревога, и когда Корум завершил свои труды и посмотрел в его сторону, то увидел, что Илбрек и Густая Грива окружены высокими тощими фигурами с морщинистой желтовато-коричневой кожей и редкими волосами. На них не было почти никакой одежды, если не считать

поясов, на которых висели длинные мечи. Тонкие губы не прикрывали зубов, щеки ввалились, как и глаза, и вообще они имели вид высохших трупов. Когда они двигались, от их тел отваливались лоскутки высохшей кожи и плоти. Если их лица и выражали что-то, Корум не понимал, что именно. Он мог только стоять и с ужасом смотреть на них.

Один из них был украшен зубчатой короной с рубинами и сапфирами. Казалось, что в драгоценных камнях жизни было больше, чем в этом лице и теле. Белые глаза уставились на Корума, и когда живой мертвец заговорил, его желтые зубы лязгнули.

— Мы малибанны, и этот остров — наш дом. У нас есть право обороняться от захватчиков,— он говорил со странным акцентом, но понять его было несложно.— Мы древние...

Слушая, Илбрек с саркастическим видом кивнул.

Предводитель малибаннов сразу же заметил выражение лица Илбрека. Он склонил мумифицированную голову.

— Изредка мы пользуемся этими телами,— как бы объяснил он.— Но, уверяю вас, мы не очень в них нуждаемся. Мы гордимся не физической силой, а нашей колдовской властью.

— Да, она велика,— признал Илбрек.

— Мы пришли из древности,— продолжил вождь,— и многое знаем. Мы способны контролировать почти все, что нам нужно контролировать. Стоит нам захотеть — и мы остановим восходящее солнце.

— Но почему вы так жестоки к этим людям?— спросил Корум.— Это недостойно полубогов!

— Мы караем тех, кто вторгается на наш остров.

— Они не причинили вам вреда. Они попали на ваш берег из-за неблагоприятных обстоятельств.

Рассматривая жуткие изуродованные лица малибаннов, Корум начал ощущать смутное беспокойство — многими своими чертами они напоминали вадхагов. Он задумался, не являются ли хозяева острова вадхагами, которые много столетий назад отправились в изгнание. Не они ли стали первыми обитателями Инис Скэйта?

— Для нас несущественно, как они тут оказались... и как тут появились вы. Вы пришли... они пришли — и все вы должны быть наказаны.

— Все ли, кто оказывался на ваших берегах, подвергались наказанию?— задумчиво спросил Илбрек.

— Почти все,— сказал вождь малибаннов.— Это зависит от причин, по которым они посещали нас.

— Мы оказались здесь, чтобы поговорить с вами,— сообщил Корум.— Чтобы предложить вам помощь в обмен на содействие с вашей стороны.

— Что вы можете предложить малибаннам?

— Уход,— сказал Корум,— из этой плоскости в другую, более гостеприимную для вас.

— Мы уже имеем такую возможность.

Корум удивился:

— Вы получили помощь?

— Малибанны никогда не ищут помощи. Они используют тех, кто служит им.

— В этом мире?

— Да. Но мы устали от необходимости иметь дело с таким примитивным разумом, как ваш. И первым делом мы должны избавиться от мусора.

Глаза малибанна вспыхнули свирепым красным огнем. Люди Файана издали отчаянный жалобный вопль — и исчезли. И вместе с ними исчезла медная долина.

Корум, Илбрек и Густая Грива теперь стояли в зале с полуобвалившимся потолком. Вечернее солнце пробивалось сквозь проломы в своде и стенах, падая на истлевшие гобелены, поломанные скульптуры и раскрошившуюся мозаику.

— Что это за место?— спросил Корум у малибанна, стоявшего в тени около стены.

Главарь рассмеялся:

— Не узнаете? Ну как же, именно здесь и имели место все ваши приключения — или большинство из них.

— Что? В пределах этого зала?— Илбрек разочарованно огляделся.— Но как это могло получиться?

— Мы, малибанны, обладаем огромной мощью, и я, Сактрик — самый могущественный из всех. Поэтому я — император малибаннов.

— На этом острове? Ты называешь его империей?— усмехнулся Илбрек.

— Этот остров — центр империи столь могущественной, что все чудеса вашей цивилизации — забавы стаи бабуинов. Когда мы вернемся в нашу плоскость, откуда нас изгнали с помощью грязных трюков, мы восстановим империю, которой будет править Сактрик.

— Кто же поможет вам?— спросил Корум.— Кто-то из фой миоре?

— Фой миоре? Они просто взбесившиеся животные. Чем они могут нам помочь? Нет, у нас есть более умный союзник. И в данный момент мы ждем его возвращения. Возможно, мы и продлим вам жизнь, чтобы вы успели встретиться с ним.

— Солнце садится,— пробормотал Илбрек, обращаясь к Коруму.— Неужели здесь так быстро бежит время?

Сактрик расхохотался:

— По-вашему, два месяца — это быстро?

— Два месяца? Что ты имеешь в виду?— Корум рванулся к Сактрику.

— Лишь то, что время на Инис Скэйте и время в вашем мире имеют разную скорость. На самом деле, Корум Серебряная Рука, вы пробыли тут самое малое два месяца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОРАБЛЬ ПРИСТАЛ К ОСТРОВУ ТЕНЕЙ

— Ох, Илбрек,— сказал Корум другу,— удалось ли мабденам выстоять против фой миоре?

На это Илбрек не мог ответить. Он покачал головой.

— Гованон был прав. А мы оказались дураками. Не надо было спешить сюда.

— По крайней мере, с этим мы согласны,— раздался из тени скрипучий голос Сактрика. Камни на его короне поблескивали, когда он двигался.— Услышав это признание, я склонен немного продлить ваше существование. Более того — я могу гарантировать вам свободу в пределах этого острова, который вы называете Инис Скэйт,— и с неожиданной заинтересованностью Сактрик спросил:— Вы знаете того, кто называет себя Гованоном?

— Знаем,— сказал Илбрек.— Он просил нас не появляться здесь.

— Похоже, он неглуп.

— Да, смахивает на то,— произнес Корум. Он по-прежнему был зол, сбит с толку, и все прикидывал возможность напасть на Сактрика, хотя понимал, что если даже и всадит меч в уже мертвое тело, это почти ничего не изменит.— Ты знаком с ним?

— Он как-то посетил нас. А теперь мы должны заняться вашей лошадью,— глаза Сактрика опять затлели красным, когда он показал на Густую Гриву.

Илбрек, крикнув, рванулся к своему коню, но у Густой Гривы уже остекленели глаза, и, обледенев, он застыл на месте.

— Он не пострадает,— сказал Сактрик.— Он слишком ценен для нас. Когда вы будете мертвы, мы им займемся.

— Если он вам это позволит,— с яростью пробормотал в бороду Илбрек.

Малибанн отступил в непроглядную тень и исчез.

Растерянно побродив среди руин, двое героев вышли на свет вечернего солнца. Теперь перед ними предстал остров в его подлинном виде. Если не считать холма с сосной (у его подножья они сейчас стояли), остров представлял собой унылую равнину, заваленную обломками кораблекрушений, падалью, щебнем, остатками растений, костей и кусками металла. Тут валялись обломки всех кораблей, когда-либо оказавшихся у берегов Инис Скэйта, корабельные грузы и останки команд. Повсюду раскиданы проржавевшие доспехи и оружие, пожелтевшие кости людей и животных — кое-где сохранились целые скелеты, но часть костей была растащена. Случайно Илбрек и Корум наткнулись на груду черепов, а другая груда состояла только из грудных клеток. Истлевшая ткань, шелковая и шерстяная, обрывки одежды трепетали на холодном ветру, также приносившем гнусные запахи разложения; тут же были разбросаны кожаные нагрудники, куртки, головные уборы, конская упряжь, сапоги и поножи — все мятое и потрескавшееся. Кучей лежало ржавое железное, медное и бронзовое оружие, тускло поблескивали выломанные из оправ камни, словно и их тронуло гниение; повсюду, подгоняемые порывами ветра, носились тучи серого пепла, и нигде не было видно ни одного живого существа — даже воронов и стервятников, которые могли бы попировать клочками мяса, оставшимися на костях.

— Я бы предпочел, чтобы этот малибанн мне привиделся,— сказал Илбрек,— ибо, готовясь покончить с нами, они стараются нас запугать!

— В определенном смысле реальность и так достаточно страшна,— буркнул Корум, кутаясь в плащ.

Следуя за Илбреком, он споткнулся о кучу щебенки. Близилась ночь, и Коруму вовсе не хотелось проводить ее в окружении свидетельств смерти.

На ходу гигант внимательно вглядывался в сгущающийся сумрак, и наконец что-то привлекло его внимание. Остановившись, Илбрек отошел в сторону и стал разбрасывать кучу мусора, пока не наткнулся на перевернутую колесницу, в оглоблях которой лежали конские кости. Он залез в нее, и сверху с костяным стуком рухнул скелет возницы. Не обращая на него внимания, Илбрек разогнулся, держа в руках какой-то бесформенный предмет, покрытый пылью. Он нахмурился.

— Ты там что-то нашел, Илбрек? — спросил Корум, пробираясь к нему.

— Пока еще не уверен, друг мой вадхаг.

Корум присмотрелся к находке Илбрека. Это было старое седло из растрескавшейся кожи, подпруга казалась такой непрочной, что не выдержала бы даже самую легкую лошадь. Пряжки потускнели, за-ржавели, часть их отвалилась, и Корум решил, что эта находка совершенно бесполезна.

— Старое седло...

— Так и есть.

— У Густой Гривы есть отличное седло. Кроме того, оно ему не подошло бы. Сделано для обыкновенной смертной лошади.

Илбрек кивнул:

— Как ты говоришь, оно ему не подошло бы...

Но, спускаясь к берегу, гигант потащил седло с собой. Найдя относительно чистое местечко, друзья решили здесь и отдохнуть, ибо ночью делать было решительно нечего.

Прежде чем отойти ко сну, Илбрек сел, скрестив ноги, и стал вертеть седло в своих огромных руках. Корум слышал, как он бормочет:

— Неужели это все, что осталось от нас двоих? Неужели мы последние?

✧

Наступило утро.

Сначала бесконечное пространство воды посветлело, затем она медленно обрела алый оттенок, словно в глубинах извивалось в предсмертных судорогах какое-то морское чудовище, извергая потоки крови, пульсировавшие на поверхности, пока вставало багровое солнце; небо расцветало темно-желтыми отблесками, а на воде заиграли оранжевые блики.

Величие восхода лишь подчеркнуло контраст между спокойной красотой океана и убожеством острова, так как он походил

на свалку, куда цивилизация сбрасывала свои отходы, этакое подобие сельской навозной кучи. Таков был Инис Скэйт, когда с него спадал покров магии, таков был остров, который Сактрик назвал империей малибаннов.

Проснувшись, путешественники с трудом поднялись, сон их был беспокоен. Корум сначала размял искусственную серебряную кисть, а затем пальцы здоровой руки, так сильно онемевшие, что почти не отличались от искусственных. Со стоном выпрямившись, он с удовольствием подставил лицо порыву морского ветра, уносившего запахи гниения и приносившего взамен чистый солоноватый воздух. Корум протер пустую глазницу; скрытая под повязкой, она зудела и, кажется, слегка воспалилась. Он поднял повязку, чтобы под нее проник воздух. Стал виден белый, молочного цвета, шрам. Обычно Корум избавлял себя и других от неприятного лицезрения раны. Илбрек расплел и причесал золотистые волосы, после чего снова привел их в порядок, вплетя нити из красного золота и желтоватого серебра; эти толстые косы, закрепленные металлом, были единственной защитой для головы — Илбрек гордился, что в бою никогда не носил шлема.

Оба подошли к морю и старательно умылись холодной соленой водой. Корум не мог отделаться от мысли, что вода вот-вот замерзнет. Неужели фой миоре одержали победу? Неужели Бро-ан-Мабден превратился в безжизненную ледяную равнину от края до края?

— Глянь,— сказал Илбрек.— Ты видишь, Корум?

Вадхагский принц поднял голову, но ничего не заметил на горизонте.

— Что, по-твоему, я должен увидеть, Илбрек?

— А я вот вижу... уверен, что это парус, который идет со стороны Бро-ан-Мабден.

— Надеюсь, что это не друзья спешат к нам на помощь,— грустно сказал Корум.— Я бы не хотел, чтобы и они попали в эту ловушку.

— Может, мабдены одержали победу над Кер Ллудом,— предположил Илбрек. — Возможно, мы видим первую эскадру, вооруженную могучей магией Амергина.

Но слова Илбрека действия не возымели. Корума покинули все надежды.

— Боюсь, что корабль, который ты видишь,— сказал он,— принесет дальнейшие страдания и нам, и тем, кого мы любим.

Теперь, кажется, и Корум видел на горизонте черный парус. Корабль быстро приближался.

— А там,— снова показал Илбрек,— не второй ли парус?

На мгновение Корум уверился, что и он видит еще один парус, поменьше, словно в кильватерной струе галеры идет парусная шлюпка, но потом она исчезла из виду, и Корум решил, что это была игра света.

Волнуясь, они ждали подхода судна. Высокий вскинутый бушприт был украшен фигурой льва в прыжке, инкрустированной золотом, серебром и жемчугом. Весла были осушены, и галера шла, увлекаемая только силой ветра; на мачте трепыхался огромный черно-красный парус, и вскоре у друзей не осталось сомнений в том, что корабль держит курс на Инис Скэйт. Илбрек и Корум принялись кричать, пытаясь заставить корабль изменить курс и обогнуть остров, чтобы найти более подходящее место для высадки, но судно продолжало идти вперед. Они увидели, как оно скрылось за мысом, явно намереваясь бросить якорь в бухте. Илбрек без церемоний подхватил вадхага, посадил его себе на плечо и помчался туда, где они в последний раз видели судно. Несмотря на кучи мусора на каждом шагу, они легко одолели это расстояние, и, когда наконец Илбрек, с трудом переводя дыхание, оказался на берегу естественной гавани, он успел увидеть, как с борта корабля, стоящего с неубранными парусами, спускают маленькую шлюпку.

В ней находилось три фигуры, но гребец был только один, закутанный в толстые меха. Его спутники, одетые точно так же, сидели на носу и на корме соответственно.

Не дожидаясь, пока лодка пристанет к берегу, Илбрек и Корум по пояс зашли в воду, вопя изо всех сил.

— Обратно! Уходите обратно! Это земля ужасов!— кричал Илбрек.

— Это Инис Скэйт, Остров Теней. Все смертные, которые высаживаются на него, обречены!— старался предупредить их Корум.

Но грузная фигура продолжала грести, а его спутники не подали и виду, что слышат эти крики, так что Корум начал думать, не успел ли малибанн уже заколдовать их.

Наконец шлюпка приблизилась к берегу, и Илбрек и Корум оказались рядом с ней.

Корум ухватился за борт, а Илбрек возвышался над ней, как морской бог, каким в легендах мабденов был его отец.

— Тут опасно!— громыхнул он.— Вы что, не слышали меня?

— Боюсь, что они не в состоянии слушать,— сказал Корум.— Боюсь, что они, как и мы, оказались под властью чар.

Человек, сидевший на корме, откинул капюшон и улыбнулся.

— Отнюдь, Корум Джайлин Ирси. Во всяком случае, весьма сомнительно. Разве ты не узнаешь нас?

Корум отлично помнил это лицо. Он узнал правильные черты этой старческой физиономии, окаймленной длинными седыми локонами и густой седеющей бородой; он узнал холодные голубые глаза, тонкие искривленные губы, золотой обруч с драгоценными камнями и такие же драгоценности на длинных гибких пальцах. Он узнал мягкий тягучий голос, полный глубокой мудрости и внутренней энергии, обретенных за долгие годы. Принц узнал колдуна Калатина, которого впервые встретил в лесу Лаар, когда искал копье Брийонак. Это случилось в те далекие времена, которые сейчас Корум вспоминал как самый счастливый период жизни.

И в тот момент, когда Корум окончательно узнал своего старого врага Калатина, Илбрек потрясенно воскликнул:

— Гованон! Гованон!

Не подлежало сомнению, что могучая фигура гребца принадлежала не кому иному, как карлику-сиду Гованону с Ги-Бресейла. У него были стеклянные глаза и вялое неподвижное лицо.

— Гованон снова служит Калатину,— сказал он.

— Ты оказался в его власти! Ох, чувствовал я, что этот парус не принесет ничего хорошего!

— Даже ты, Калатин, не сможешь выжить на Инис Скэйте,— сурово предупредил Корум.— Его обитатели обладают огромной властью — они могут вызывать смертельно опасные иллюзии. Давайте все вернемся на твой корабль, снимемся с якоря и продолжим наш спор в более подходящей обстановке.

Калатин посмотрел мимо него. Он смотрел на третьего пассажира шлюпки, продолжавшего тщательно скрывать лицо под низко надвинутым капюшоном.

— У меня нет никаких возражений против этого острова,— сказал он.

— Это потому, что ты еще не видел его воочию,— продолжал настаивать Корум.— Давай договоримся, Калатин,— ты берешь нас на свой корабль...

Отрицательно покачав головой, Калатин пригладил седую бороду.

— Не думаю. Я устал от плавания. На воде я чувствую себя не лучшим образом. Мы высаживаемся.

— Я предупреждаю тебя, колдун,— проворчал Илбрек,— что, стоит тебе ступить на этот остров, ты будешь обречен, как и другие несчастные, что предшествовали тебе.

— Увидим. Гованон, подтяни лодку повыше на берег, чтобы я не промочил ноги.

Гованон покорно выкарабкался из шлюпки, провел ее по воде, а потом вытащил на берег. Илбрек и Корум наблюдали за ним.

Калатин легко и изящно вышел из лодки, огляделся и раскинул руки; его плащ, покрытый магическими символами, распахнулся. Он глубоко и с удовольствием вдохнул этот зараженный воздух и щелкнул пальцами, после чего третья закутанная фигура, все так же храня инкогнито, поднялась с банки на носу и присоединилась к Калатину и Гованону.

— Надеюсь, что вы беглецы,— наконец сказал Илбрек.— После победы мабденов над фой миоре.

Улыбнувшись, Калатин приложил к губам руку, украшенную драгоценностями.

— И если все твои хозяева фой миоре мертвы, то, значит...— многозначительно сказал Корум, но в голосе его не было полной уверенности.

— Фой миоре не мои хозяева, Корум,— с мягкой укоризной поправил вадхага Калатин.— Порой мы становимся союзниками. К нашей взаимной выгоде.

— Ты говоришь так, словно они все живы.

— Да, они живы. Живы, Корум,— Калатин произнес эти слова тем же сдержанным тоном, но в его голубых глазах светилась злобная насмешливость.— И торжествуют, потому что победили. Они удержали Кер Ллуд и сейчас преследуют остатки армии мабденов. И боюсь, скоро мабдены все будут перебиты.

— Значит, мы не победили под Кер Ллудом?

— А ты ожидал, что у вас это получится? Рассказать тебе о тех, кто пал под его стенами?

Покачав головой, Корум отвернулся и простонал:

— Ладно, колдун... Так кто же погиб?

— Король Маннах, проткнутый собственным боевым знаменем. Ты, вроде, знал короля Маннаха?

— Я знал его. И теперь горжусь этим.

— А короля Фиахада? Других его друзей?

— Что с королем Фиахадом?

— Насколько я знаю, он несколько часов был пленником моей госпожи Гоим.

— Гоим?— Корума передернуло. Он вспомнил жуткие истории о вкусах единственной женщины среди фой миоре.— А его сын, молодой Феан?

— Не сомневаюсь, он разделил судьбу отца.

— Что с другими?— прошептал Корум.

— О, их там было много. Много героев мабденов.

— Герой Ветви, друг Айана Власорукого,— заговорил Гованон неестественным механическим голосом,— был разорван псами Кереноса. Так же, как Фиона и Келин, девушки-воительницы...

— А из пяти королей Эрэлски в живых остался только младший, если он еще не замерз. Он ускакал, преследуемый принцем Гэйнором и людьми сосен,— с удовольствием продолжил Калатин.— Король Даффин потерял ноги и окоченел до смерти не далее чем в миле от Кер Ллуда — он прополз это расстояние. На пути сюда мы видели его труп. В десяти ярдах от него мы наткнулись на тело короля Хонуна из Таха-на-Ану, висящее на дереве — мы решили, что его настигли гулеги. А ты знаешь того, кто именовался Кернином Драным, человеком в плохой одежде и с нездоровыми привычками?

— Я знаю Кернина Драного,— сказал Корум.

— Вместе с отрядом, который он возглавлял, Кернин попал под взгляд милорда Балара и замерз, не успев нанести ни одного удара.

— Кто еще?

— Погиб король Гахбес и Гриньон Бычий Наездник, и Клар с Дальнего Запада, и Рыжий Лис Мейан, и оба Шемейна, Длинный и Коротышка, и Утер из Грустной Долины. Была перебита масса воинов из всех племен мабденов. Был ранен Пуйл Спинолом, кажется, смертельно. Так же, как старый Дилан, Шеонан Топор-девица и, наверно, Моркиан Две Улыбки.

— Стоп,— сказал Корум.— Неужели никого из мабденов не осталось в живых?

— Думаю, что в данный момент маловероятно, так как мы какое-то время находились в пути. У них было очень мало припасов, когда они направились к Крэг Дону, где надеялись обрести временное убежище, но они должны умереть там с голоду. По крайней мере, скончаются в своем святом месте. Может

быть, этого они и хотели. Мабдены знают, что их время на Земле кончилось.

— Но ты сам мабден,— сказал Илбрек.— И ты говоришь об их судьбе так, словно это не твой народ.

— Я Калатин,— объяснил волшебник, словно говорил с ребенком,— и у меня нет расы. Когда-то у меня была семья, вот и все. Семья тоже пропала.

— Насколько я припоминаю, ты послал их на смерть!— возмущенно бросил Корум.

— У меня были послушные сыновья,— хихикнул Калатин.— Но настоящих наследников у меня не осталось, это правда.

— У тебя нет потомков, и ты спокойно смотришь, как гибнет твой народ?

— Может, в этом и есть причина того, чем я занимаюсь,— размеренно произнес Калатин.— Кроме того, ведь бессмертный не испытывает потребности в наследниках, не так ли?

— А ты бессмертен?

— Надеюсь, что да.

— Но каким образом ты обрел бессмертие?— спросил Корум.

— Ты должен знать, как. Правильно выбирал союзников и продуманно пользовался своими знаниями.

— Поэтому ты и посетил Инис Скэйт — в надежде обрести союзников еще более гнусных, чем фой миоре?— произнес Илбрек, опуская руку к мечу.— Что ж, должен предупредить тебя, что малибаннам ты совершенно не нужен и они будут обращаться с тобой точно так же, как и с нами. Нам не удалось уговорить их прийти на помощь.

— Это меня не удивляет,— тем же ровным тоном ответил Калатин.

— Когда они покончат с нами, то уничтожат и тебя,— с мрачным удовольствием пообещал Корум.

— Думаю, что нет.

— Почему же?— Илбрек бросил взгляд на колдуна, за которым как раб тащился его старый друг Гованон.— Почему же, Калатин?

— Потому что я далеко не в первый раз посещаю Инис Скэйт,— он махнул в сторону закутанной фигуры справа от себя.— Вы говорили, что у меня нет наследников, но на Инис Скэйте с помощью малибаннов появился на свет мой сын. Мне приятно считать его своим сыном. И именно тут, на Инис Скэйте, я приобрел много новых знаний.

— Значит, это ты!— сказал Илбрек.— Ты — тот самый союзник малибаннов, о котором они говорили!

— Должно быть, это я и есть.

Усмешка Калатина выглядела такой самодовольной, что Корум выхватил меч и кинулся к колдуну, но ему в нагрудник с силой плашмя врезался топор Гованона, и принц отлетел к куче мусора на берегу, а Калатин с насмешливым сожалением покачал головой и сказал:

— Держи гнев при себе, принц Корум Серебряная Рука. Ты получил плохой совет и, увы, последовал ему. Может, если бы ты повел мабденов на штурм Кер Ллуда, он бы не завершился столь печально...

Поднявшись, Корум потянулся к своему мечу, лежавшему поодаль, но чернобородый Гованон снова отшвырнул его обухом топора.

— Принц Корум,— сказал Калатин,— ты должен знать, что оставшиеся в живых мабдены проклинают тебя за твое бегство. Они считают тебя предателем. Они верят, что ты перешел на сторону фой миоре и дрался против мабденов.

— Как они могут в это поверить? Теперь-то я убежден, что ты подлый лжец, Калатин. Все время я был здесь. Какие у них есть доказательства?

Калатин хмыкнул:

— Очень веские, принц Корум.

— Значит, они оказались под властью какого-то заклятия. Это один из твоих миражей!

— Ох, ты оказываешь мне слишком много чести, принц Корум.

— Джери-а-Конел — разве его там не было?

— Малыш Джери-а-Конел, поняв, в какую сторону клонится битва, присоединился было ко мне, но потом исчез — без сомнения, устыдившись своего решения, хотя я считаю его весьма разумным.

У Корума на глазах выступили слезы. Он был подавлен тем, что Калатин стал свидетелем его скорби.

Пока Корум плакал, откуда-то донесся голос. Это был сухой мертвенный голос Сактрика, и в нем звучало нетерпение:

— Калатин, проводи своих спутников в большой дворец. Мы хотим увидеть, что ты доставил нам и как ты выполнил условия нашей сделки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
НА ХОЛМЕ, ГДЕ ИДЕТ РАЗГОВОР О СУДЬБЕ МИРА

Большой дворец не был дворцом как таковым, а лишь местом, где он когда-то стоял. Высокая сосна на самой вершине единственного холма Инис Скэйта некогда росла в самом центре дворца, от которого остались лишь обломки фундамента.

Смертные и сиды расположились на заросших травой глыбах каменной кладки, а Сактрик остался стоять в том месте, где, по его словам, высился величественный императорский трон; Сактрик рассказал, что он был вырезан из одного огромного рубина, но ему никто не поверил.

— Ты убедишься, император Сактрик,— начал Калатин,— что я выполнил последнюю часть нашей сделки. Я доставил тебе Гованона.

Сактрик вгляделся в бесстрастное лицо карлика-сида.

— Да, это существо напоминает того, с кем я мечтал встретиться снова,— признал он.— И он полностью в твоей власти?

— Абсолютно,— и Калатин извлек маленький кожаный мешочек.

Корум запомнил его с того дня, когда сам договаривался с колдуном. В этот мешочек Гованон сплюнул. Корум отдал его Калатину, и тот использовал содержимое мешочка, чтобы обрести власть над могучим карликом. Глянув на мешочек, Корум возненавидел Калатина сильнее, чем раньше, но еще больше он презирал самого себя. Он закрыл лицо руками и застонал. Откашлявшись, Илбрек что-то пробормотал, стараясь утешить друга, но Корум не слышал его слов.

— Так передай мне мешочек, который содержит твою власть.

Рука, тронутая гниением, протянулась к Калатину, но тот спрятал мешочек под плащ и усмехнулся:

— Эта власть, как ты знаешь, может быть передана только добровольно — или же она перестанет действовать. Первым делом я должен убедиться, Сактрик, что и ты исполнишь свою часть нашей сделки.

— Мы, малибанны, редко даем слово,— холодно сказал Сактрик.— Но когда даем, то держим его. Ты попросил нашей помощи, сначала чтобы уничтожить остатки мабденов, а затем чтобы навести на фой миоре видения, из плена которых они никуда не могли бы деться — и тебе достался бы весь этот мир.

Ты согласился доставить Гованона и помочь нам навсегда оставить эту реальность. Что ж, Гованона ты привел, и это хорошо. Нам остается верить, что у тебя есть силы помочь нам покинуть этот мир и найти для жизни другой, более приятный. Конечно, если тебе это не удастся, ты будешь наказан. И это ты тоже знаешь.

— Знаю, император.

— В таком случае передай мне мешочек.

Калатин с явной неохотой извлек кожаный мешочек и передал его Сактрику, который с довольным шипением схватил его.

— А теперь, Гованон, слушай своего хозяина Калатина!— начал колдун. Друзьям кузнеца оставалось лишь беспомощно смотреть на него.— Ныне у тебя новый хозяин. Он великий человек, император Сактрик,— сделав шаг вперед, Калатин пальцами с перстнями сжал огромную голову Гованона и повернул ее так, что взгляд кузнеца был устремлен прямо на малибанна.— Сактрик теперь твой хозяин, и ты будешь подчиняться ему так, как подчинялся мне.

Речь Гованона была невнятной, как у идиота, но все расслышали его слова:

— Теперь Сактрик мой хозяин. И я буду подчиняться ему, как подчинялся Калатину.

— Хорошо!— с самодовольным выражением на благообразном лице Калатин отступил шаг назад.— А теперь, император Сактрик, как ты предполагаешь избавиться от моих двух врагов? — он показал на Корума и Илбрека.— Разрешишь ли ты мне воспользоваться...

— Я еще не уверен, что хочу избавиться от них,— сказал Сактрик.— Зачем резать хороших животных до того, как захочется их съесть?

Корум увидел, что при этих словах Сактрика Илбрек слегка побледнел, да и его самого потрясли они. Принц отчаянно стал размышлять, как бы схватить Сактрика, но понимал, что тот может вывернуться и исчезнуть, оставив у них в руках лишь свой мумифицированный труп, и в мгновение ока навести на них смертельно опасную иллюзию. Им не оставалось ничего иного, как только молить, чтобы желание Калатина не осуществилось.

Колдун пожал плечами.

— Ну, рано или поздно они должны будут умереть. Прежде всего Корум...

— Я не собираюсь обсуждать этот вопрос, пока не проверю Гованона,— Сактрик обратился к кузнецу-сиду:— Гованон! Ты помнишь меня?

— Я помню тебя. Ты Сактрик. Теперь ты мой хозяин,— пробормотал Гованон, и Корум застонал, видя, что стало с его старым другом.

— И ты помнишь, что когда-то был здесь, на острове, который ты называешь Инис Скэйт?

— Я был на Инис Скэйте,— карлик прикрыл глаза и простонал:— Помню. Помню этот ужас...

— И ты снова здесь. Ты как-то справился с видениями, которые мы наслали на тебя, и скрылся...

— Я убежал.

— Но кое-что ты прихватил с собой. И использовал это, чтобы защититься, пока не покинешь остров. Что стало с той вещью, что ты взял?

— Я спрятал ее,— ответил Гованон.— Я не хотел даже смотреть на нее.

— Где ты ее спрятал, карлик?

— Спрятал...— на лице Гованона была улыбка идиота.— Я спрятал ее, господин мой Сактрик.

— Как ты знаешь, эта вещь принадлежит мне. И должна вернуться ко мне. Я должен получить ее обратно до того, как мы покинем эту реальность. Без нее я не уйду. Где ты спрятал ее, Гованон?

— Я не помню, хозяин!

В голосе Сактрика появился гнев и, как показалось Коруму, даже отчаяние.

— Ты должен вспомнить!— заорал Сактрик, тыкая пальцем, с которого при каждом движении осыпались клочки высохшей плоти.— Калатин! Так ты солгал мне?

Калатин встревожился. Уверенное выражение лица уступило место беспокойству.

— Клянусь, ваше величество... Он должен знать. Пусть оно похоронено в глубинах его памяти, знание-то осталось!

Сактрик вцепился когтистой лапой в плечо Гованона и затряс кузнеца.

— Где это, Гованон? Где то, что ты украл у нас?

— Закопано...— невнятно пробормотал Гованон.— Где-то закопано. Я надежно спрятал это. И наложил заклятие, чтобы никто, кроме меня, не мог найти...

— Заклятие? Какое?

— Какое-то...

— Точнее, раб!— завизжал Сактрик дрожащим голосом.— Что ты сделал с украденной у меня вещью?

Корум видел, что император малибаннов не хочет называть перед остальными то, что похитил Гованон, и вадхагскому принцу пришло в голову, что, внимательно прислушиваясь, он сможет понять какие-то слабости, казалось бы, неуязвимого колдуна.

— Я унес ее, хозяин,— тем же невнятным голосом сказал Гованон.— Она...

— Молчать!— Сактрик снова повернулся к Калатину. У того был жалкий вид.— Калатин, в обмен на твое обещание передать мне Гованона я помог тебе сделать Караха и вдохнуть в него жизнь, как ты хотел, но теперь я вижу, что ты обманул меня...

— Клянусь, великий Сактрик, что это не так! Я не могу объяснить, почему карлик не в состоянии ответить на твой вопрос. Он обязан без промедления исполнять все, что ты ему приказываешь...

— Значит, ты обманул меня и, более того, самого себя! Что-то умерло в мозгу этого сида — твоя магия не сработала. Без секрета, который он скрывает, мы не можем покинуть плоскость, как бы нам этого ни хотелось. Следовательно, наша сделка расторгнута...

— Нет!— завизжал Калатин, увидев, как в глазах Сактрика, вспыхнувших холодным огнем, внезапно появилось предвестие его ужасной смерти.— Клянусь тебе... Гованон знает тайну... позволь мне поговорить с ним... Гованон, слушай Калатина! Расскажи Сактрику все, что он хочет знать...

— Ты больше не мой хозяин, Калатин,— спокойно ответил Гованон.

— Очень хорошо,— сказал Сактрик.— Значит, ты будешь наказан, колдун...

Окончательно впав в панику, Калатин закричал:

— Карах! Карах! Уничтожь Сактрика!

Закутанная фигура легко поднялась, скинула верхний плащ, вытянула из ножен на поясе огромный меч, и, увидев это лицо, Корум испуганно вскрикнул.

У Караха было лицо вадхага. Он имел единственный глаз, а другой был прикрыт повязкой. Одна его рука сверкала серебром, а другая была здоровой. Его доспехи украшались тем же

рисунком, что и у Корума. На голове он носил остроконечный шлем, вокруг шишака которого вилась надпись вадхагскими буквами: «Корум Джайлин Ирси» — что означало «Корум, Принц в Алом Плаще».

И за плечами Караха, когда он сделал шаг к Сактрику, взвился алый плащ, имя которого носил Корум.

Лицо Караха в своих основных чертах не отличалось от лица Корума.

Теперь Корум понял, почему Артек и его товарищи обвинили вадхага в том, что он напал на них на Инис Скэйте. И он понял, как были обмануты мабдены, решив, что принц вместе с фой миоре дрался против них. Понял он также, почему Калатин тогда выторговал у него плащ. Калатин уже давно замыслил эту подмену.

Глядя в отражение своего лица, Корум вздрогнул, и в жилах у него застыла кровь.

Очевидно, Сактрик счел ниже своего достоинства пускать в ход магию против этого двойника (или, может быть, она была бесполезна против существа, которое само по себе было иллюзией), и он закричал своему новому слуге:

— Гованон! Защити меня!

Огромный карлик послушно двинулся вперед и, взмахнув гигантским топором, преградил путь Караху.

Потрясенный и не в силах избавиться от страха, Корум наблюдал за схваткой, понимая, что наконец-то он увидел «брата» из пророчества старухи, того, кого должен был бояться.

— Вот!— заорал Калатин, обращаясь к Коруму.— Вот он, Карах! Ему предстоит убить тебя и занять твое место! Это мой сын! Он мой наследник! Вот он, бессмертный Карах!

Но Корум, не обращая внимания на Калатина, продолжал наблюдать за боем, в котором Карах с бесстрастным лицом и, похоже, не зная усталости, обрушивал на Гованона удар за ударом, а тот едва успевал отражать их своим боевым топором, оружием сида. Корум видел, что Гованон устает, ибо был измотан еще до высадки на остров, и что скоро он падет под ударами Караха — и, выхватив меч, ринулся на своего двойника, а Сактрик засмеялся:

— Никак ты спешишь мне на помощь, принц Корум?

Корум успел бросить полный ненависти взгляд на уродливую фигуру малибанна прежде, чем обрушил свой меч, выкован-

ный и закаленный для него Гованоном, на наплечник Караха, заставив того повернуться.

— Дерись со мной, подкидыш!— рявкнул Корум.— Ведь ты же для этого и создан, не так ли?

Он попытался нанести удар в сердце Караха, но тот отклонился, и Корум, по инерции пролетев мимо него, всадил меч в чье-то тело, но оно не было телом Караха.

Меч нашел плоть Гованона, и тот застонал, когда острие пронзило ему плечо, а у Корума от ужаса из-за невольного промаха перехватило дыхание. Гованон рухнул на спину, и, должно быть, при его падении меч, засевший в кости, вырвался из руки Корума. Карах с застывшей жуткой улыбкой, поблескивая единственным безжизненным глазом, приготовился нанести принцу смертельный удар.

Но Илбрек обнажил блестящее лезвие Мстителя и кинулся на помощь Коруму, но, прежде чем он оказался рядом с другом, мимо него проскочил Калатин и бросился вниз по склону холма, не имея ни малейшего желания спасать Сактрика и лишь надеясь добраться до судна до того, как малибанн поймет, что он сбежал.

Однако Калатина увидел Гованон. Подняв руку, он ухватился за выкованный им меч (по-прежнему не прикасаясь к рукояти), вырвал его из раны, привстал и с огромной силой метнул вслед убегающему колдуну.

Меч, хранящий в себе следы лунного сияния, со свистом настиг Калатина, и острие пронзило колдуна между лопатками.

Еще несколько мгновений Калатин бежал, не сознавая, что меч уже проткнул его. Затем он споткнулся и рухнул, прохрипев:

— Карах! Карах! Отомсти за меня! Отомсти за меня, единственный мой наследник! Мой сын!

Карах повернулся. Его лицо разгладилось, и, ища того, кто произнес обращенные к нему слова, он опустил меч. Наконец взгляд Караха упал на Калатина — колдун был еще жив и пытался встать на колени, чтобы доползти до берега и лодки, из которой так недавно и так торжественно он вышел. Глянув на двойника, Корум понял, что тот искренне скорбел по своему умирающему хозяину, когда услышал его последнюю просьбу: «Карах! Отомсти за меня!»

На негнущихся ногах Карах стал спускаться с холма, пока не оказался рядом с неподвижным телом Калатина, нарядный

плащ колдуна с оккультными знаками теперь был покрыт пятнами его собственной крови. С этого расстояния Коруму казалось, что он сам стоит рядом с колдуном, засовывая меч в ножны, словно принц смотрел на изображение из прошлого или из будущего, где был главным действующим лицом; словно он спал и был не в силах сдвинуться с места, а его двойник, этот Карах, подкидыш, нагнулся и удивленно вгляделся в лицо Калатина, не понимая, почему хозяин стонет и так странно дергается. Он потянулся было к мечу, торчащему между лопатками Калатина, но тут же отдернул руку, словно меч обжег его, и снова удивился. Калатин, задыхаясь, пробормотал несколько слов, которых не было слышно со стороны, но Карах, склонив голову набок, внимательно выслушал его.

Слабеющие руки Калатина нащупали валун. С гримасой боли колдун подтянулся к нему, и лунный меч, высвободившись, упал на землю. Нагнувшись, Карах взял на руки своего хозяина, своего создателя.

Сактрик подал голос из-за дерева, откуда наблюдал за происходящим:

— Гованон, тем не менее, я остаюсь твоим хозяином. Иди за подкидышем и уничтожь его.

Но Гованон заговорил другим голосом, полным своей давней грубоватой уверенности.

— Сейчас еще не время убивать Караха,— сказал он.— Кроме того, я вообще не хочу убивать его.

— Гованон! Я приказываю!— заорал Сактрик, вздымая маленький кожаный мешочек, который давал ему власть над кузнецом-сидом.

Но Гованон лишь усмехнулся и стал рассматривать рану, оставленную на плече выкованным им мечом.

— У тебя нет права приказывать Гованону,— сказал он.

Сухой безжизненный голос Сактрика был полон глубокой горечи, когда он снова заговорил:

— Значит, я был обманут смертным волшебником. Но больше ничто не помешает моим решениям.

А пока лже-Корум нес своего хозяина на берег, но шел не к лодке, а двигался прямо в море, и скоро алый плащ Караха лег на поверхность воды, окружив и его, и умирающего колдуна густой кровавой пеленой.

— Это не колдун тебя обманул,— сказал Гованон.— Тебе стоило бы знать правду, Сактрик. Когда мы прибыли сюда, ни

он, ни ты больше не были властны надо мной. Я позволил ему думать, что он по-прежнему командует мной, потому что хотел выяснить, живы ли мои друзья и могу ли я помочь им...

— Долго они не проживут,— пообещал Сактрик,— как и ты, поскольку я страшно ненавижу тебя, Гованон.

— Как я уже говорил, прибыл я сюда по своей воле,— продолжил карлик, не обращая внимания на угрозы Сактрика,— поскольку могу заключить с тобой договор, на который надеялся Калатин...

— Значит, ты знаешь, куда спрятал похищенную тобой вещь?— с новой надеждой спросил Сактрик.

— Конечно, знаю. Забыть это непросто.

— И ты мне скажешь?

— Если ты примешь мои условия.

— Приму, если они будут достаточно разумны.

— Ты получишь все, что надеялся получить от Калатина,— и на гораздо более почетных условиях...— пообещал Гованон. Он снова обрел достоинство, хотя было видно, что рана причиняет ему боль.

— Почет? Это понятие мабденов...— начал Сактрик.

Гованон прервал его, повернувшись к Коруму:

— Теперь тебе есть чем заняться, вадхаг, если ты осознал все свои глупости. Иди, подбери свой меч.

Корум подчинился. Он не выпускал из виду своего двойника. Тело колдуна почти полностью скрылось под волнами, но над ними еще виднелись плечи и голова подкидыша, и Корум увидел, что тот повернул голову и взглянул на него. Корум испытал потрясение, когда единственный глаз Караха встретил его взгляд. Затем лицо подкидыша исказилось, он открыл рот и внезапно издал такой жуткий вопль, что Корум застыл у камня, рядом с которым лежал его меч.

Карах двинулся дальше, и скоро голова двойника скрылась в море. Секунду-другую Корум еще видел, как на воде колышется отсвет алого плаща, имя которого принц носил, но затем он померк, и Карах окончательно исчез из виду.

Нагнувшись, Корум подобрал меч, подарок Гованона, и вгляделся в странную серебряную белизну лезвия, запятнанного кровью его старого врага, но он в первый раз испытал радость оттого, что держал в руке этот меч. Теперь вадхагский принц понял, что у него есть имя для оружия, хотя оно и не отличалось благородством и не было тем, которое он хотел бы дать мечу. Но это

было именно то имя. Он понял это, вспомнив слова Гованона, что в нужный момент имя само придет к нему.

Он принес меч обратно на вершину холма с единственной сосной и, подняв его к небу, сказал тихим мрачным голосом:

— У меня есть имя для меча, Гованон.

— Я знал, что ты его найдешь,— таким же тоном ответил тот.

— Я называю меч Предателем,— сказал Корум,— ибо первая кровь, которая обагрила меч, была кровью его создателя, а вторая кровь, пролитая им, брызнула из жил того, кто считал себя властителем этого человека. И называю я свой меч Предателем.

Меч как будто вспыхнул сиянием, и Корум почувствовал, что его переполняет новая энергия. Был ли у него в иное время другой меч, подобный этому? Почему ему так знакомо это чувство? Посмотрев на Гованона, он увидел, что тот с довольным видом кивает.

— Предатель,— повторил Гованон, зажав огромной ладонью рану на плече.

— Теперь, когда ты дал мечу имя,— как бы между делом сказал Илбрек,— тебе понадобится хороший конь. И то, и другое — самое главное для воина.

— Пожалуй, так оно и есть,— согласился Корум, кидая меч в ножны.

Сактрик нетерпеливо дернулся.

— Так какую же сделку ты хотел заключить с малибаннами, Гованон?

Гованон продолжал смотреть на Корума.

— Имя подходящее,— сказал он,— но с ним ты обрел темную силу, а не светлую.

— Так и должно быть,— ответил Корум.

Пожав плечами, Гованон обратил внимание на Сактрика; тон у него стал деловым и конкретным:

— У меня есть то, что тебе нужно, и эта вещь может вернуться к тебе, но ты в свою очередь должен помочь нам в борьбе с фой миоре. Если нам повезет, и наш великий главный друид Амергин все еще жив, и если мы сможем найти последние из сокровищ мабденов, все еще находящиеся в Кер Ллудэ, мы обещаем, что поможем тебе покинуть эту плоскость и найти другую, более подходящую для вас.

Сактрик кивнул головой мумии:

— Если вы сдержите свое слово, то и мы свое сдержим.

— Значит,— сказал Гованон,— мы должны поторопиться, чтобы справиться с первой частью задачи, ибо времени у разбитой армии мабденов осталось немного.

— Калатин говорил правду?— спросил Корум.

— Правду.

— Но послушай, Гованон,— поинтересовался Илбрек,— мы знали, что ты был полностью во власти колдуна, пока при нем находился мешочек с твоей слюной. Как получилось, что, пока вы добирались сюда, ты полностью освободился от нее?

Гованон ухмыльнулся.

— Потому что в мешочке больше нет моей слюны...— он хотел объяснять дальше, но Сактрик прервал его:

— Ты предполагаешь, что я отправлюсь вместе с вами на материк?

— Ну да,— сказал Гованон.— Это необходимо.

— Ты же знаешь, что нам тяжело покидать этот остров.

— Но это в самом деле необходимо,— повторил Гованон.— По крайней мере, с нами должен отправиться хотя бы один из вас — тот, кому будет передана вся сила малибаннов. А именно — ты.

Сактрик задумался.

— Значит, мне понадобится тело,— размышлял он.— Это не годится для такого путешествия. Лучше, чтобы ты не пытался обманывать малибаннов, Гованон,— добавил он,— как ты уже однажды обманул их...— В его голосе снова появились высокомерные нотки.

— На этот раз это не в моих интересах,— ответил карлик.— Но, зная тебя, Сактрик, я без особой радости пошел на сделку с тобой и, если бы дело касалось только меня, я бы предпочел погибнуть, но не возвращать тебе похищенное. Но этот вариант со смертью мы пока отбросим, ибо сейчас единственный способ спасти положение — продолжить то, что начали мои друзья. Однако я предполагаю, что, когда ты обретешь всю свою силу, это может плохо кончиться для кого-то из нас.

Сактрик пожал сухими плечами, на которых шелушилась кожа.

— Не буду отрицать, сид,— сказал он.

— Значит, остается вопрос,— вмешался Илбрек,— как Сактрик выберется с Инис Скэйта, если мир так недружелюбно относится к нему?

— Мне нужно тело,— Сактрик внимательно осмотрел всех троих, и Корума передернуло.

— Не каждое человеческое тело сможет вместить то, что именуется Сактриком, — заметил Гованон. — Решение этой проблемы, скорее всего, потребует от одного из нас акта сознательного самопожертвования...

— Тогда позвольте, чтобы им стал я, джентльмены.

Голос был новым, но знакомым. Повернувшись, Корум с огромным облегчением увидел Джери-а-Конела, который с привычным для себя нахальным видом стоял, прислонившись к скале и надвинув на один глаз широкополую шляпу; на плече у него сидел маленький крылатый черно-белый кот.

— Джери!— Корум кинулся к нему и обнял друга.— Как давно ты на этом острове?

— Я был свидетелем большинства сегодняшних событий. Очень здорово,— Джери подмигнул Гованону.— Ты блистательно обманул Калатина...

— Не будь тебя, Джери-а-Конел, у меня не было бы такой возможности,— сказал Гованон и, повернувшись, объяснил остальным:— Именно Джери, как только стало ясно, что этот день плохо кончится для мабденов, притворился перебежчиком и предложил свои услуги Калатину, считавшему, что все, как и он сам, склонны к предательству, и тот принял их. Джери, пользуясь ловкостью рук, подменил мешочек с моей слюной другим, в котором не было ничего, кроме растаявшего снега. Выяснив намерения Калатина относительно мабденов, я продолжал делать вид, что по-прежнему нахожусь в его власти, а Джери исчез в неразберихе отступления от Кер Ллуда и тайно последовал за нами, когда мы направились к Инис Скэйту...

— Вот он, тот маленький парус, что я заметил на горизонте!— воскликнул Корум.— Это была твоя шлюпка, Джери?

— Можешь не сомневаться,— уверенно заявил Спутник Героев.— Что же до всего остального, сообщаю вам, что тела котов обладают удивительной способностью растягиваться, чего нет у людей. Я припоминаю историю, когда я носил другое имя, в совершенно иных обстоятельствах: кот с большим успехом вместил в себя — и тем самым заключил под стражу — душу весьма знаменитого колдуна. Впрочем, больше ни слова... Мой кот может принять тебя, Сактрик, и больших неудобств ты не испытаешь...

— Животное?— Сактрик затряс сухой головой мумии.— Как император малибаннов, я не могу позволить...

— Сактрик,— резко сказал Гованон,— ты отлично знаешь, что скоро, если вы не успеете покинуть эту плоскость, все вы исчезнете. И ты готов из-за надуманной гордости пойти на такой риск?

— Ты слишком фамильярен, карлик,— возмутился Сактрик.— О, если бы я не был связан своим словом...

— Но ты связан,— напомнил Гованон.— Итак, сир, вы готовы переместиться в кота, чтобы мы могли отбыть, или вы не хотите получить то, что я похитил у вас?

— Хочу. Больше жизни.

— Значит, Сактрик, ты должен принять предложение Джери.

Сактрик, похоже, никак не отреагировал, кроме того, что несколько секунд с нескрываемым отвращением рассматривал черно-белого кота; затем кот взвыл, шерсть на нем встала дыбом, и, прежде чем успокоиться, он выпустил когти. Мумия Сактрика неожиданно рухнула на землю и осталась лежать бесформенной грудой.

— Давайте побыстрее,— сказал кот.— И помните — даже обитая в этом теле, я не расстался со своими способностями.

— Запомним,— сказал Илбрек, поднимая найденное им старое седло и сдувая с него пыль.

Юный сид, раненый кузнец Гованон, Корум Серебряная Рука и Джери-а-Конел, на плече у которого балансировал кот, ставший ныне Сактриком, двинулись к берегу, где их ждал корабль.

Часть третья,

В КОТОРОЙ МАБДЕНЫ, ВАДХАГИ, СИДЫ, МАЛИБАННЫ И ФОЙ МИОРЕ БОРЮТСЯ ЗА ОБЛАДАНИЕ ЗЕМЛЕЙ, ГДЕ ВРАГИ СТАНОВЯТСЯ СОЮЗНИКАМИ, А СОЮЗНИКИ — ВРАГАМИ. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА ПРОТИВ НАРОДА ХОЛОДА, ПРОТИВ ВЕЧНОГО ЛЬДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТО, ЧТО ГОВАНОН ПОХИТИЛ У САКТРИКА

Путешествие прошло спокойно. Илбрек, оседлав Густую Гриву, прокладывал кораблю кратчайший путь к материку. И вот, наконец, все поднялись на скалу, у подножия которой гневно ревел белый от пены океан, и Гованон здоровой рукой высоко над головой вскинул боевой топор и глубоко всадил его в мшистый покров земли, где еще несколько минут назад высилась пирамидка из камней.

Глазами, в которых светился незаурядный ум, черно-белый кот внимательно наблюдал за Говаионом, и порой в них вспыхивало рубиново-красное свечение.

— Осторожнее, не повреди ее,— сказал кот голосом Сактрика-малибанна.

— Сначала мне надо снять наложенное заклятие,— ответил Гованон.

Срезав дерн и обнажив клочок земли примерно восемнадцати дюймов в диаметре, карлик-сид встал на колени и стал просеивать землю между пальцами, бормоча какие-то простые строфы. Затем он хмыкнул, извлек кинжал и начал осторожно копать мягкую землю.

— Ага!— Гованон нашел то, что искал, и его лицо исказилось гримасой неподдельного отвращения.— Вот оно, Сактрик.

Ухватившись за прядь редких волос, он извлек из земли человеческую голову. Она была такой же высохшей, как у Сактрика, но, как ни странно, сохраняла следы не только женственности, но даже красоты, хотя довольно трудно говорить такое об отрубленной голове.

— Терхали!— выдохнул маленький черно-белый кот, и теперь в глазах его светилось откровенное обожание.— Причинил ли он тебе вред, любовь моя, обожаемая моя сестра?

И теперь у всех перехватило дыхание, когда голова открыла глаза. Они были чистые, ясные и отливали зеленоватым холодным блеском. Полусгнившие губы шевельнулись:

— Я слышу твой голос, Сактрик, дорогой мой, но не вижу твоего лица. Может, у меня еще не прояснилось зрение?

— Нет, просто в данное время мне приходится обитать в теле этого кота. Но скоро мы обретем новые подходящие тела и окажемся в другой плоскости. Появилась возможность, наконец, покинуть это измерение, любовь моя.

С Инис Скэйта путешественники прихватили с собой шкатулку и теперь поместили голову в это хранилище из золота и бронзы. Пока крышка не закрылась, глаза продолжали смотреть на них.

— Пока прощай, любимый мой Сактрик!

— Прощай, Терхали!

— И это ты украл у Сактрика,— пробормотал Корум, обращаясь к Гованону.

— Ага, голову его сестры. Это все, что от нее осталось. Но и этого хватает. Мощи у нее столько же, сколько и у брата. Будь она на Инис Скэйте, когда вы там оказались, сомневаюсь, что вы остались бы в живых.

— Гованон прав,— сказал черно-белый кот, не отрывая взгляда от шкатулки, которую кузнец держал под мышкой.— Поэтому я и не могу покинуть эту плоскость, пока она не вернется ко мне. Она, Терхали — все, что я люблю.

Джери-а-Конел любовно почесал кота за ушком.

— Правильно говорят, что даже самые худшие из нас испытывают нежность к чему-то...— и он с нарочитым ужасом отпрянул от животного.

— А теперь,— сказал Корум,— мы должны спешить к Крэг Дону.

— В какую сторону?— озираясь, спросил Джери.

— Вон в ту,— ответил Илбрек, показывая на восток.— К зиме.

✧

Корум почти забыл свирепость морозов фой миоре и мог только радоваться, что они догадались заглянуть в покинутое поселение и нашли там верховых лошадей и одежду из густого меха, без которой оказались бы в печальном положении. Даже Илбрек закутался в накидку из песцового и куньего мехов.

Миновали четыре ночи, и каждое последующее утро было все холоднее. Везде спутники видели знакомые следы победы фой миоре — земля растрескалась, словно от ударов огромного молота, повсюду встречались замерзшие тела, скорченные в мучительных судорогах, изуродованные трупы людей и животных, развалины городов, обледеневшие группы воинов, на которых упал взгляд Балара, дети, разорванные на куски клыками псов Кереноса — приметы жуткой неестественной зимы, уничтожившей все посевы на полях, оставив по себе ледяную пустыню.

Пробиваясь сквозь густые снежные заносы, кони часто спотыкались, иногда падали, а порой окончательно теряли направление — однако они настойчиво стремились к Крэг Дону, хотя тот уже мог стать кладбищем последних мабденов.

С серого бесконечного неба продолжал идти снег, леденела кровь в жилах, кожа была покрыта трещинами, руки с трудом двигались, и все болело так, что было трудно даже дышать. Ведя в поводу лошадей, путники часто испытывали искушение рухнуть в мягкий снег, забыть о цели пути и умереть, поскольку знали, что все их друзья уже погибли.

Когда ближе к ночи им удавалось развести чахлый костерок, они жались к нему и с трудом шевелили губами, ибо казалось, что мозги окоченели, как и тела, скованные холодом; часто единственным звуком, нарушавшим молчание, было мурлыканье маленького черно-белого кота: он, свернувшись, лежал рядом с

бронзово-золотой шкатулкой, разговаривая с укрытой в ней головой, и было слышно, как голова ему отвечала, но никто не испытывал интереса к разговорам Сактрика и Терхали.

Корум потерял счет дням и ночам (он лишь смутно удивлялся, что еще жив), когда они наконец перевалили пологий холм и перед ними предстала широкая долина, по которой летела снежная пороша; вдалеке путники увидели стену тумана и поняли, что он собой представляет, — этот туман повсюду следовал за фой миоре, и многие верили, что туман образуется из их ядовитого дыхания, а другие считали, что он поддерживает жизнь уродливых людей холода. Они поняли, что все же вышли к семи каменным кругам, к святилищу мабденов, к их величайшему месту силы — к Крэг Дону. Подъехав поближе, друзья услышали зловещий вой псов Кереноса, странные грустные гудящие голоса фой миоре, шелестящее перешептывание их прислужников, народа сосен, бывших когда-то людьми, но теперь побратавшихся с деревьями.

— Это значит,— сказал Джери-а-Конел, подъезжая поближе к Коруму на коне, устало пробиравшемуся сквозь снег, порой уходя в него по самую шею,— что хоть некоторые из наших друзей еще живы. В противном случае фой миоре не стали бы держаться так близко к Крэг Дону: враги осадили святилище.

Корум кивнул. Он знал, что фой миоре боятся Крэг Дона и обычно стараются всеми силами избегать его; несколько месяцев назад об этом проболтался Гэйнор, когда думал, что загнал их в ловушку.

Илбрек на Густой Гриве выехал вперед, прокладывая тропу в снегу, по которой потянулись остальные. Если бы не гигант-сид, они бы двигались куда медленнее и, вполне возможно, так никогда и не добрались бы до Крэг Дона, изглоданные морозом. За Илбреком двигался Гованон, как всегда, пешком, с топором на плече, держа под мышкой шкатулку с головой Терхали. Рана его стала затягиваться, но плечо еще не обрело прежней подвижности.

— Фой миоре полностью окружили Крэг Дон,— сказал Илбрек.— Боюсь, нам не удастся проскользнуть мимо них незамеченными.

— И невредимыми,— Корум смотрел, как дыхание превращалось в белые клубы в морозном воздухе, и, содрогаясь от холода, плотнее закутался в меха.

— А не может ли Сактрик сотворить для нас какое-нибудь чудо, позволяющее незамеченными пройти сквозь кольцо осады? — осведомился Джери-а-Конел.

Гованону это не понравилось.

— Чудеса лучше приберечь на потом,— сказал он,— чтобы в критический момент никто не догадался, в чем дело...

— Пожалуй, ты прав,— неохотно согласился Джери-а-Конел.— Значит, мы должны пробиваться штурмом. По крайней мере, они не ожидают, что кто-то нападет из-за Крэг Дона.

— Кто-то в здравом уме,— слабо улыбнулся Корум.

— Не думаю, что в данный момент он у нас присутствует,— ответил Джери и попытался подмигнуть.

— Что ты думаешь, Сактрик? — спросил Илбрек кота.

Тот насупился.

— Я бы предпочел, чтобы мы с сестрой сохранили силы до последнего момента. Выполнить вашу просьбу непросто, ибо за пределами Инис Скэйта нам куда труднее пускать в ход свою мощь.

Илбрек кивнул:

— Значит, я пойду первым, буду расчищать путь. Держитесь вплотную за мной.

Он вытащил огромный меч Мститель, как-то странно блеснувший в холодном свете; то было оружие солнца, а солнце давно не светило над этой долиной. Тепло покинуло ее, уступив место завесе снежных хлопьев. Илбрек засмеялся, его багровое огрубевшее лицо вспыхнуло золотистым свечением, и он крикнул коню:

— Ну, Густая Грива! В Крэг Дон! Туда, где живет сила!

Он пустил коня в галоп, и снег густыми клубами вздыбился по обеим сторонам от него. Друзья держались вплотную за ним, размахивая оружием — больше для того, чтобы воодушевить себя и согреться, ибо Илбрек почти сразу же исчез в ледяном тумане фой миоре, прокладывая путь к Крэг Дону.

Затем и Корум провалился в снег, стараясь не упускать из виду гигантскую фигуру своего друга, но тут ему показалось, что в тумане появились огромные темные неуклюжие очертания — под настороженный лай собак всадники с зеленоватой кожей пытались понять, кто же так неожиданно вторгся в их лагерь, и Корум узнал голос, который кричал:

— Илбрек! Это он, великан! Сид пришел к Крэг Дону! Вперед, гулеги! Вперед!

То был голос принца Гэйнора — Гэйнора Проклятого, чья судьба была так тесно связана с Корумом.

Прозвучал охотничий рог гулегов, созывавших своих свирепых псов, туман наполнился зловещими завываниями, но пока Корум не видел этих белесых зверей с их кроваво-красными ушами, желтыми горящими глазами — зверей, которых его друг Гованон боялся больше всего на свете.

Громовой стон, полный боли, ответил на предупреждение Гэйнора, и Корум понял, что это был бессловесный голос самого Кереноса, голос одного из властителей преисподней, столь же отчаянный и одинокий, как та реальность, откуда произошли эти умирающие боги. Корум надеялся, что поблизости нет Балара, брата Кереноса, ибо тому стоило лишь бросить на них взгляд — и они были бы навечно скованы льдом.

Внезапно Корум увидел, что путь ему преградили четверо или пятеро созданий с тупыми лицами и с кожей белой, как окружающий снег; вооружены они были широкими тесаками, предназначенными скорее для разрубания туш, чем для боя, но он знал, что это было любимое оружие гулегов, которые теперь предстали перед ним.

Со своим лунным мечом Корум врезался в их ряды и удивился, с какой легкостью лезвие рассекает их плоть и кости; ему стало ясно, что только теперь, получив имя, меч обрел всю мощь. И хотя убить гулега было почти невозможно, он наносил своим противникам такие серьезные раны, что они уже не представляли опасности. Принц без труда прошел сквозь них и столкнулся с Илбреком, который продолжал рваться вперед. Мститель в его руке вздымался и падал, как язык живого пламени, рубя и кромсая людей сосен и тех собак, что успели отозваться на зов рога.

В пылу битвы Корум почти не обращал внимания, что дышит туманом фой миоре, но постепенно стал чувствовать, что вместо горла и легких у него куски льда; движения и у него, и у коня стали неверными — и, наконец, он в отчаянии издал боевой клич:

— Я Корум! Я Кремм Кройх с Холма! Я Серебряная Рука! Трепещите, прихвостни фой миоре, ибо герои мабденов вернулись на землю! Трепещите, ибо мы враги зимы!

Блистающий меч, названный Предателем, хладнокровно разрубил рычащего пса, и Гованон, вращая одной рукой свой смертоносный топор, ревел смертную песнь, и Джери-а-Конел, на плече которого, вцепившись когтями, сидел черно-белый кот, с

клинком в каждой руке дрался рядом с ним — он что-то кричал, но его возгласы напоминали скорее вскрики страха, чем боевую песнь.

Теперь их окружили со всех сторон, и Корум уже слышал устрашающий скрип боевых колесниц фой миоре и знал, что и Балар, и Гоим, и другие где-то рядом, и, как только фой миоре найдут их, они обречены, но он видел и смутные очертания первого широкого каменного круга Крэг Дона — огромные, грубо вытесанные колонны, увенчанные каменными плитами, почти такими же большими, как и сами колонны.

Вид долгожданной цели придал Коруму новые силы. Он направил коня против надвигавшихся на него зеленолицых воинов сосен и Предателем прорубил сквозь них дорогу, оставляя за собой густой тошнотворный запах сосновой живицы. Он увидел, как Гованона, припавшего на одно колено, окружила свора белых собак, и кузнец, откинув черноволосую голову, яростно кричал что-то, после чего Корум рывком врезался в самую гущу псов, одному перерезав горло, другому вспоров живот и отшвырнув третьего, что дало Гованону возможность подняться и добежать до укрытия первого каменного круга, где он, привалившись спиной к гранитной колонне, остановился, чтобы перевести дыхание. Затем Корум и сам добрался до кольца и оказался в безопасности; через несколько секунд к ним присоединились Илбрек и Джери. Они стояли, улыбаясь друг другу, не в силах поверить, что остались в живых.

Они слышали, как за пределами каменного круга кричал принц Гэйнор:

— Теперь они все у нас! Сдохнут с голоду, как и другие!

Но в гудящих жалобных голосах, казалось, слышались нотки озабоченности, завывание псов Кереноса было полно растерянности, гулеги и люди сосен, толпившиеся у линии колонн, смотрели на четверых друзей с опасливым уважением, и Корум крикнул старому врагу, брату по судьбе:

— Теперь мабдены встанут и навечно прогонят тебя, Гэйнор!

— Ты уверен, что они пойдут за тобой, Корум,— насмешливо ответил Гэйнор,— после того, как ты предал их? Думаю, друг мой, ты убедишься, что они откажутся даже разговаривать с тобой, тем более, что они на краю гибели и ты был их последней надеждой...

— Я знаю о фокусах Калатина и обо всем, что он сделал, дабы подорвать дух мабденов. И я объясню это Амергину.

Гэйнор не стал более возражать, но его смех поразил Корума острее, чем самое едкое замечание.

Четверо героев медленно и устало прошли под арками каменных кругов, минуя раненых, мертвых и сошедших с ума, проходя мимо плачущих мужчин и тех, кто невидящими глазами смотрел в пространство — пока наконец не вышли в центральный круг, где стояли несколько шатров, мерцали огни костров, и мужчины в мятых доспехах, в рваных мехах, дрожа, скорчились рядом с изорванными боевыми знаменами, ожидая смерти.

Амергин, стройный и хрупкий, полный достоинства, стоял рядом с каменным алтарем Крэг Дона, на котором когда-то возлежал после того, как Корум спас его из Кер Ллуда. Рука друида в перчатке лежала на камне алтаря. Подняв глаза, он узнал всех четверых. Лицо его было мрачно, но он не произнес ни слова.

Из-за спины верховного короля появилась другая фигура — женщина, чьи рыжие волосы падали на плечи. На голове была корона, и от горла до лодыжек ее покрывала тяжелая кольчуга, талию стягивал тяжелый пояс с бронзовой пряжкой, а за спиной висел меховой плащ. Зеленые глаза ее вспыхнули яростью, когда она презрительно посмотрела на Корума. Это была Медбх.

Корум рванулся было к ней, пробормотав:

— Медбх, я принес...

Но голос ее был холоднее, чем туман фой миоре, когда она отпрянула, держа руку на золотом набалдашнике меча, и сказала:

— Маннах мертв. Теперь королевой стала Медбх. Я королева Медбх, и я возглавляю народ Таха-на-Кремм Кройх. Под предводительством нашего верховного короля Амергина я возглавляю всех мабденов, которые еще не погибли в результате твоего подлого предательства...

— Я не предавал вас,— просто сказал Корум.— Вы были обмануты Калатином.

— Мы видели тебя, Корум...— тихо сказал Амергин.

— Вы видели подмену — Караха, созданного Калатином с единственной целью: заставить вас поверить, что я предатель.

— Это правда, Амергин,— подтвердил Илбрек.— На Инис Скэйте мы все видели Караха.

Амергин поднес руку к виску. Видно было, что даже это простое движение дорого далось ему. Он вздохнул.

— Значит, как это принято у мабденов,— произнес верховный король,— должен состояться суд.

— Суд?— Медбх усмехнулась.— В такое время?— она повернулась спиной к Коруму.— Он доказал свою вину, а сейчас он несет невообразимую чушь. Он думает, мы так потрясены поражением, что поверим ему.

— Мы дрались за наши убеждения, королева Медбх,— сказал Амергин,— в не меньшей степени, чем за свои жизни. И мы должны вершить дела в соответствии с этими убеждениями. В противном случае у нас нет права на жизнь. Давайте зададим этим людям прямые вопросы и выслушаем их ответы. Лишь после этого мы решим, виновны они или нет.

Медбх пожала точеными плечами. Корум испытал невыносимую муку. Он осознал, что любит Медбх еще больше, чем прежде.

— Мы признаем Корума виновным,— сказала она.— И я с радостью приведу приговор в исполнение.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ЖЕЛТЫЙ КОНЬ

Вряд ли в пределах Крэг Дона остался хоть один мужчина или женщина, кто не потянулся бы к каменному алтарю. Измученные, обмороженные, исхудавшие от голода лица смотрели на Корума, и хотя он всех их знал, ни на одном не видел сочувствия; все считали его перебежчиком и возлагали на него ответственность за страшные потери, понесенные у Кер Ллуда. За седьмым каменным кругом, внешним, свивался клубами странный неестественный туман, гудели, отдаваясь эхом, голоса фой миоре и непрестанно выли псы Кереноса.

И начался суд над Корумом.

— Может, я был не прав, решив искать союзников на Инис Скэйте,— признался Корум,— и таким образом я виноват в том, что неправильно оценил их. Но во всем остальном я невиновен.

Моркиан Две Улыбки, получивший в бою под Кер Ллудом лишь легкое ранение, нахмурился и пригладил усы. На выдубленной коже проступил белый шрам.

— Мы видели тебя,— сказал Моркиан.— Мы видели, как ты скакал бок о бок с принцем Гэйнором и колдуном Калати-

ном, рядом с другим предателем — Гованоном. Все вместе вы возглавляли людей сосен, гулегов, вы натравляли на нас псов Кереноса. Я видел, как ты зарубил Гриньона Бычьего Наездника и Келин, одну из дочерей Милгана Белого, и я слышал, что ты напрямую ответственен и за смерть Падрака из Крэг-ат-Лита — ты заманил его в ловушку, поскольку он все еще думал, что Корум дерется за нас...

Хисак по прозвищу Солнцевор, помогавший Гованону ковать меч Корума, сидел, привалившись спиной к алтарю; его левая нога была в лубках.

— Я видел, как ты перебил много наших людей, Корум,— проворчал он со своего места.— Мы все тебя видели.

— А я скажу, что вы видели не меня,— продолжал настаивать Корум.— Мы пришли к вам на помощь. Все это время мы были на Инис Скэйте под властью заговора, заставившего нас поверить, что прошло всего несколько часов, а на самом деле миновали месяцы...

Медбх с горечью рассмеялась:

— Бабушкины сказки! Мы не верим этому детскому вранью!

Корум обратился к Хисаку Солнцевору:

— Ты помнишь предназначенный мне меч? Этот ли меч ты видел в бою?

Он вытащил свой отливающий лунным светом меч, и лезвие вспыхнуло странным бледным сиянием.

— Этот ли меч ты видел, Хисак?

Тот покачал головой:

— Конечно, нет. Я бы узнал его. Разве я не присутствовал при обряде?

— Да, ты был там. И будь при мне меч такой силы, разве я не использовал бы его в битве?

— Скорее всего...— признал Хисак.

— И посмотри!— Корум поднял серебряную руку.— Что это за металл?

— Конечно, серебро.

— Да! Серебро! И была ли у другого, у Караха, — была ли у него рука из серебра?

— Теперь я припоминаю,— нахмурившись, сказал Амергин,— что рука не выглядела как серебряная. Скорее всего, то было поддельное серебро...

— Потому что настоящее серебро убивает подмененных!— бросил Илбрек.— Это всем известно!

— Тут просто какой-то запутанный обман,— сказала Медбх, но в ее обвинениях уже не было прежней уверенности.

— Но в таком случае где же сейчас тот подкидыш?— спросил Моркиан Две Улыбки.— Почему, стоило исчезнуть одному, как тут же появляется другой? Если бы мы увидели рядом вас обоих, это бы нас сразу убедило.

— Хозяин Караха мертв,— сказал Корум.— Гованон поразил его. И Карах отнес Калатина в море. Там мы в последний раз видели их обоих. Поверьте, нам уже пришлось сойтись в бою с моим двойником.

— Почему вы все вернулись,— спросила Медбх, откидывая назад длинные рыжие волосы,— если знали, что наше положение здесь безнадежно?

— Зачем мы спешили вам на помощь? Это ты имеешь в виду?— осведомился Джери-а-Конел.

Хисак ткнул в него пальцем:

— Я видел и тебя рядом с Калатином. Единственный, кто не присоединился к нашим врагам — это Илбрек.

— Мы вернулись,— сказал Корум,— потому что достигли цели нашего пребывания на Инис Скэйте и принесли вам помощь.

— Помощь?— Амергин уставился на Корума.— Ту, о которой мы говорили?

— Именно ту,— Корум показал на черно-белого кота и шкатулку из бронзы и золота.— Вот она...

— Не предполагал я, что она предстанет в таком обличье,— сказал Амергин.

— И вот еще что...— Илбрек вытащил какой-то предмет из седельного вьюка.— Без сомнения, его выбросило на берег Инис Скэйта вместе с обломками одного из кораблей. Я сразу же узнал его.— Он показал старое, из растрескавшейся кожи седло, найденное на прибрежной полосе.

Амергин буквально задохнулся от изумления и протянул к нему руки.

— Я знаю его. Это последнее из наших сокровищ, которое мы не могли найти, если не считать обруча и котла — те по-прежнему в Кер Ллуде.

— Да,— сказал Илбрек,— и конечно, ты знаешь пророчество, относящееся к этому седлу?

— Точно вспомнить его не могу,— признался Амергин.— Но всегда удивлялся, почему явно бесполезное старое седло находится среди наших сокровищ.

— Это седло Лагайре,— сказал Илбрек.— Лагайре был моим дядей. Он погиб в последней из девяти битв. Ты должен помнить, что он наполовину происходил из смертных...

— И под ним был желтый конь,— произнес Амергин,— которого мог оседлать лишь тот, кто был чист духом и дрался за правое дело. Вот почему седло и хранилось среди наших сокровищ.

— Именно поэтому. Но я упоминул об этом отнюдь не для того, чтобы потянуть время. Я знаю, как вызвать желтого коня. И я готов это сделать, чтобы доказать вам, что Корум не лжет. Позвольте мне призвать коня и дайте Коруму оседлать его. Если конь примет его, то вы поймете, что он чист духом и сражается за правое дело — за ваше дело.

Амергин посмотрел на своих соратников.

— Это честно,— сказал верховный король.

Только Медбх была не согласна с его решением.

— Это будет какой-нибудь колдовской трюк,— сказала она.

— Я разгадаю его,— ответил верховный король.— Я Амергин. Не забывай этого, королева Медбх.

Выслушав упрек своего верховного короля, она отвернулась.

— Освободите место вокруг алтаря,— велел Илбрек, бережно поднимая седло и водружая его на огромную каменную плиту.

Все отступили от алтаря, расположившись вдоль кромки малого круга монолитов, и все смотрели, как Илбрек вскинул златоволосую голову к холодному небу и раскинул огромные руки — красное золото браслетов сида брызнуло легкими бликами, и Корум вновь ощутил огромную силу, которую излучал это благородный бог варваров, сын Мананнана.

И Илбрек запел:

Во всех девяти сраженьях бился Лагайре.
Хоть ростом мал, но отвагой велик.
Никто из сидов с ним не сравнился
В доблести ратной.

Лагайре звали его — имени слава вовек!
Доблести слава! На Желтом Коне
Он сражался под Слайв-Гуллионом,
И с ним — лишь горстка живых.

Победа за ним, но копье Гоима цель поразило.
Лагайре, кровью покрыт,

Головой на седло преклонился.
Погиб — и конь оплакал его.

Назвал Лагайре наследника.
Воззвал он к тису и дубу.
«Добро мое — жизнь и конь,
Но жизнь я отдал мабденам».

Коня отпустил он на волю,
Одной лишь клятвой связав:
Коль Древняя Ночь сгустится опять,
Носить ему вновь воина в битвах.

В залог своих слов положил
Лагайре седло под деревья.
«Тот в него сядет, кого
Признает Желтый Конь».

Пасется скакун на летних лугах,
Ожидая наследника.
И ныне именем Лагайре его мы кличем,
чтоб Древнюю Ночь сокрушить.

Илбрек опустился на колени перед алтарем, на котором лежало старое растрескавшееся седло, и устало выдохнул последние слова.

Если не считать далекого рокота голосов фой миоре и воя псов, тут царило молчание. Никто не шевельнулся. Илбрек со склоненной головой неподвижно застыл перед алтарем. Все ждали.

Неожиданно возник какой-то новый звук, и никто не мог сказать, откуда он донесся, сверху или снизу, но, вне всякого сомнения, то был топот копыт коня, который на полном скаку несся к ним. Все стали озираться по сторонам, но никто не видел коня, хотя тот все приближался, пока не оказался в каменном круге. Люди услышали его фырканье, гордое ржанье и топот подкованных металлом копыт по мерзлой земле.

Внезапно Илбрек вскинул голову и засмеялся.

По другую сторону алтаря стоял конь. Он был уродлив и нескладен, но в его осанке чувствовалось благородство, а в теплых бархатных глазах светился ум. Дыхание клубами вырывалось из его подрагивающих ноздрей. Он встряхнул гривой и выжидающе посмотрел на Илбрека, медленно поднявшегося с

колен, огромными руками взявшего седло и бережно положившего его на спину коня. Он нежно гладил животное по холке и стал ему что-то нашептывать, часто упоминая имя Лагайре.

Повернувшись, Илбрек жестом подозвал Корума.

— А теперь, Корум, попробуй оседлать его. Если он примет тебя, то тем самым ты докажешь всем и каждому, что не предавал мабденов.

Помедлив, Корум подошел к коню. Сначала Желтый Конь всхрапнул и отпрянул. Прижав уши, он умными глазами уставился на Корума.

Корум взялся за луку седла, и Желтый Конь повернул голову, рассматривая его и принюхиваясь. Корум осторожно сел в седло, а желтый конь опустил к земле длинную голову и старательно стал рыть носом снег в поисках травы. Он признал его.

Мабдены взорвались криками радости, называя его Кремм Кройхом, героем Серебряной Руки, их победителем. И Медбх, которая теперь стала королевой Медбх, со слезами на глазах подошла к нему и молча протянула нежную руку. Корум принял ее, склонился и припал к ней губами.

✧

— А теперь мы должны посоветоваться,— коротко бросил Гованон.— Что нам делать с фой миоре?— он стоял под одной из каменных арок, положив руки на древко топора, и смотрел на туман, сгущающийся за пределами Крэг Дона.

Сактрик, все еще в облике черно-белого кота, сказал тихим сухим голосом:

— Как я полагаю, в идеальном смысле вас бы устроило, чтобы фой миоре оказались на вашем месте, а вы бы ушли отсюда...

Амергин кивнул:

— Если предположить, что у фой миоре есть реальные причины бояться Крэг Дона. Если же это всего лишь суеверие, то с нами покончено.

— Не думаю, что это всего лишь суеверие, Амергин,— возразил Сактрик.— Я тоже чувствую силу Крэг Дона. Теперь я должен подумать, как лучше помочь вам, но сначала мне необходимо получить от вас заверение, что, если все удастся, вы в свою очередь поможете мне.

— Как только я снова обрету обруч силы,— сказал главный друид,— то смогу помочь тебе. В этом я уверен.

— Очень хорошо. Значит, договорились,— Сактрик, похоже, был доволен.

— Да,— со своего места мрачно откликнулся Гованон,— будем считать, что договорились.

Корум вопросительно посмотрел на друга, но карлик-сид не проронил больше ни слова.

Когда Корум спешился, Медбх прошептала ему на ухо:

— Я думала, что не смогу этого сделать, но теперь поняла свою ошибку. У меня есть заклятие, которое поможет тебе. В этом я уверена.

— Заклятие?

— Дай мне свою серебряную руку. У меня есть средство сделать ее сильнее.

— Но, Медбх,— улыбнулся Корум,— мне не нужна дополнительная сила...

— В предстоящей битве тебе понадобится все, что может дать другой человек,— продолжала настаивать она.

— Где ты раздобыла это заклятие? У мудрых старух?

Она улыбнулась, а Корум вынул короткие шплинты, крепившие серебряную кисть к культе запястья.

Медбх уклонилась от ответа.

— Оно сработает,— сказала она.— Так мне было обещано.

Пожав плечами, Корум протянул ей изящное серебряное изделие:

— Верни мне ее поскорее, ибо осталось не так много времени. Нас ждет сражение с фой миоре.

Медбх кивнула.

— Это будет быстро, Корум,— она кинула на него взгляд, полный такой нежности, что у него стало тепло на сердце и он смог улыбнуться.

Затем, взяв серебряную кисть, она скрылась в своем небольшом вигваме из шкур, что стоял слева от алтаря, пока Корум обсуждал положение дел с Амергином, Илбреком, Гованоном, Джери-а-Конелом, Моркианом Две Улыбки и другими оставшимися в живых рыцарями мабденов.

К тому времени, когда Медбх, вернувшись, отдала Коруму его серебряную кисть, бросив на него многозначительный и уверенный взгляд, они уже определили наилучший способ действий.

С помощью Терхали Сактрик вызовет к жизни огромный мираж, который придаст Крэг Дону облик, не страшный для

фой миоре, но до того, как мираж возникнет, мабдены должны рискнуть и бросить в последний бой против фой миоре и их вассалов немногих оставшихся бойцов.

— Мы основательно рискуем,— сказал Амергин, глядя, как Корум крепит серебряную кисть,— и должны быть готовы к тому, что никто из нас не уцелеет. Мы можем погибнуть еще до того, как Сактрик и Терхали исполнят свою часть договора.

Корум посмотрел на Медбх и увидел, что он снова любим. И возможность погибнуть опечалила его.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
СРАЖЕНИЕ ПРОТИВ ДРЕВНЕЙ НОЧИ

И они пошли в последний бой с фой миоре — полные гордости, в своих помятых доспехах, высоко вздымая изодранные боевые знамена. Заскрипели и застонали колесницы, когда их колеса пришли в движение; лошади ржали и били копытами, и мерный шаг боевых колонн гудел подобно барабанному бою. Взвыли трубы, засвистели флейты, дробно ударили барабаны, и остатки воинства мабденов хлынули из убежища Крэг Дона в битву с народом холода.

На старом каменном алтаре пристроились лишь маленький черно-белый кот и шкатулка из бронзы и золота.

Верхом на Желтом Коне вел бойцов Корум — в здоровой руке лунный меч Предатель, на сгибе локтя круглый щит и два дротика в серебряной левой руке (в ней же он держал и поводья). Корум с радостью чувствовал силу и уверенность коня. Сбоку от Корума ехал верховный король, главный друид Амергин — презрев доспехи, он накинул на себя лишь синий плащ, а на него — куний мех и зимнюю шкуру оленя; по другую сторону от Корума скакала гордая королева Медбх в полном вооружении, с короной на сверкающем шлеме, за спиной развевались рыжие волосы, путаясь с густым медвежьим и волчьим мехами. У пояса ее висела праща, и в руке она держала меч. Медбх улыбнулась Коруму, когда он, миновав последний каменный круг, ринулся в густой туман с кличем:

— Фой миоре! Фой миоре! Корум уничтожит вас!

Желтый Конь открыл свой уродливый рот, обнажив бесцветные зубы, и, растянув губы, издал странный звук — дерзкий саркастический смешок, после чего неожиданно рванулся

вперед, и стало ясно, что его бархатные глаза видят сквозь пелену тумана, ибо он нес Корума прямо на его врагов, так же как он нес своего старого хозяина Лагайре в девятую, последнюю из его битв при Слайв-Гуллионе.

— Эй, фой миоре! Вам не скрыться в тумане!— крикнул Корум, прикрывая рот меховым воротником, чтобы не наглотаться холодного воздуха.

На мгновение он увидел недалеко от себя огромный темный силуэт, но тот исчез, а до Корума донеслись знакомое поскрипывание и звук неуклюжей поступи груженых бесформенных созданий фой миоре, а затем он услышал тихий смешок, не имевший отношения к фой миоре. Повернувшись, он увидел какое-то мерцание, но тут же понял, что это доспехи принца Гэйнора Проклятого, переливающиеся багровым, желтым и снова алым цветами, а за Гэйнором собрались ряды людей сосен с неподвижными бледно-зелеными лицами, с горящими зелеными глазами; их зеленые тела прямо держались в седлах зеленых коней. Корум развернулся лицом к ним, слыша, как Илбрек кричит Гованону на другом конце поля:

— Осторожнее, Гованон, это Гоим!

Но Корум не увидел, как Илбрек и Гованон схватились с этой жуткой женщиной фой миоре, и у него не было времени даже окликнуть их, ибо принц Гэйнор послал коня вперед, и Корум успел услышать лишь давний знакомый звук рога, которым Гованон сбивал с толку гулегов и псов Кереноса.

Герб Хаоса, восемь стрел, ярко пламенел на нагруднике Гэйнора, когда тот мчался вперед, и меч в его руке менял цвета: золотой, серебряный, небесно-синий, а из-под плоского гладкого забрала шлема звучал злобный голос Гэйнора:

— Наконец я сойдусь с тобой лицом к лицу, Корум, ибо пришло время!

Корум вскинул круглый щит, и меч Гэйнора врубился в его серебряный обод. Своим лунным Предателем Корум нанес мощный удар по шлему Гэйнора, и тот вскрикнул, когда клинок чуть не разрубил металл.

Выдернув свой меч, Гэйнор помедлил.

— У тебя новый меч, Корум?

— Да. И зовут его Предатель. Он тебе нравится, Гэйнор? — засмеялся Корум, видя, что его старый враг растерян.

— Я не думаю, брат, что твоя цель — уничтожить меня в этом бою,— задумчиво сказал Гэйнор.

Неподалеку Медбх дралась с отрядом гулегов, но, прежде чем туман снова скрыл ее, Корум понял, что перевес на ее стороне.

— Почему ты называешь меня братом? — спросил он.

— Потому что наши судьбы тесно сплетены. Потому что мы те, кто мы есть...

Корум снова подумал, не говорило ли пророчество старухи именно о Гэйноре, не его ли он должен опасаться. «Бойся красоты,— сказала она,— бойся арфы и бойся брата...»

Издав боевой клич, Корум бросил своего смеющегося коня на Гэйнора; снова взметнулся Предатель и рассек наплечник Гэйнора, так что тот вскрикнул, а его доспехи вспыхнули гневным алым пламенем. Трижды он нанес удары Коруму, пока вадхагский принц пытался высвободить свой меч, но все три удара пришлись по щиту, и у Корума лишь онемела рука.

— Мне это не нравится,— сказал Гэйнор.— Я ничего не знал о мече Предателе.— Помолчав, он заговорил другим тоном, в котором звучала надежда:— Как ты думаешь, Корум, он сможет убить меня?

Корум пожал плечами.

— Этот вопрос ты должен задать Гованону, кузнецу-сиду. Он выковал этот меч.

Но Гэйнор уже развернул коня, потому что из тумана показались мабдены с факелами, пламя которых оттеснило воинов сосен, ибо больше всего эта часть воинства фой миоре, древесное братство, боялась огня. Выкрикнув приказ, Гэйнор бросил своих людей на мабденов и скоро затерялся в гуще людей сосен, еще раз избежав прямой стычки с Корумом, ибо Корум был единственным среди смертных, внушавших страх Гэйнору Проклятому.

На мгновение Корум очутился в одиночестве, не зная, ни куда делись его враги, ни где его друзья, но со всех сторон из зябкого тумана до него доносились звуки битвы.

Из-за спины он услышал тихий стон, который становился все громче, пока не стал чем-то вроде блеяния, а затем низким печальным ревом, одновременно и тупым, и угрожающим. Корум вспомнил этот голос и понял, что его ищет Балар, не забывший, как Корум однажды ранил этого фой миоре. Принц опознал поскрипывание огромной плетеной боевой колесницы, ноздрей коснулся тошнотворный запах, зловоние гниющей плоти. Он с трудом справился с желанием оказаться

как можно дальше от источника этого запаха и приготовился наконец сойтись лицом к лицу с фой миоре. Желтый Конь вскинулся на дыбы, взметнув копыта в воздух, но затем успокоился и напрягся, вглядываясь в туман теплыми умными глазами.

Корум увидел, как на него наступает темная масса. Она двигалась неверными ковыляющими шагами, словно пара ног с одной стороны была короче другой пары; тело существа было усеяно огромными скользкими пузырями, а голова моталась на шее, казавшейся сломанной. Корум увидел красный беззубый рот, водянистые глаза, беспорядочно размещенные с левой стороны головы, из сине-зеленых ноздрей при каждом вдохе и выдохе вылетали клочки сгнившей кожи, и животное, постанывая от боли, тащило повозку со своим хозяином. И в ней, ухватившись уродливой рукой за плетеную стенку колесницы, стоял Балар, ревя в бессмысленном гневе — все тело фой миоре было покрыто чем-то вроде густой спутанной шерсти с проплешинами плесени, которой покрывается гниющая пища, с пятнами желтых язв на участках голой кожи.

Лицо Балара было багровым и мятым, словно его жевали, на нем имелись раны, из которых свисали куски мяса и местами торчали кости, ибо Балар, как и его сотоварищи, медленно умирал, заживо сгнивая — результат слишком долгого пребывания в чужой плоскости. На левой щеке Балара открывался и закрывался какой-то проем, оказавшийся ртом, а над ним и провалившимся носом подрагивало единственное тяжелое веко мертвой плоти, прикрывавшее страшный ледяной глаз Балара. От крюка, пронзавшего веко, тянулся шнур; перекинутый через голову Балара, он уходил под мышку, и конец веревки был сжат двупалой рукой Балара.

Рев гремел все сильнее. Балар повернул голову в поисках Корума, и тому показалось, что с губ Балара сорвалось имя вадхага — они сложились, как бы произнося его, но Корум решил, что это ему показалось.

И вдруг, даже не предупредив Корума, Желтый Конь рванулся вперед — Балар как раз сделал движение рукой, чтобы открыть свой единственный глаз. Распластавшись в прыжке, конь оказался сбоку от гиганта, сразу же за его спиной. Корум успел выпрыгнуть из седла. Ухватившись за край повозки, он подтянулся и метнул первый из дротиков, который глубоко вошел в гниющую плоть промежности Балара.

Балар удивленно хрюкнул и стал озираться в поисках того, кто причинил ему боль. Корум со всей силой засадил второй дротик в грудь великана.

Балар нашел первый дротик и выдернул его, но явно не заметил второго. И снова принялся тянуть за веревку, открывавшую смертельно опасный глаз.

Подпрыгнув, Корум зажал в кулаке горсть жестких волос Балара и стал карабкаться по бедру гиганта, едва не свалившись, потому что вырвавшиеся волосы остались у него в горсти. Когда Корум всадил меч глубоко ему в спину, Балар дернулся, принц сорвался и, раскачиваясь в воздухе, повис на рукоятке меча.

Балар фыркнул и загудел, но продолжал держаться двумя пальцами за шнур, открывающий глаз. Второй рукой он хлопал по спине, но Корум успел ухватиться за другой пучок волос и снова полез наверх.

Балар покачнулся в колеснице. Животное, тащившее ее, поняло движение седока как сигнал к движению — повозка дернулась, и Балар чуть не рухнул навзничь с нее, но неловким движением успел восстановить равновесие.

Задыхаясь от запаха разлагающейся плоти, Корум вскарабкался еще выше по спине, пока не добрался до того места, где шнур уходил под мышку Балара. Корум рубанул по нему Предателем. Он наносил удар за ударом, а Балар, покачиваясь, ревел, испуская облака густого зловонного дыхания,— но наконец шнур был перерублен.

Теперь у Балара оказались свободными обе руки, и он пустил их в ход. Поймав Корума, он зажал его в огромном безжалостном кулаке так, что тот не смог пошевелиться, а уж тем более воспользоваться мечом.

Что-то буркнув, Балар опустил голову, и Корум, последовав его примеру, увидел, что Желтый Конь бьет копытами уродливую ногу Балара.

У фой миоре не хватило сообразительности заниматься одновременно Корумом и его конем, и, когда он наклонился к новому противнику, хватка его ослабла, и вадхагскому принцу удалось высвободиться и рубануть мечом по сжимавшим его пальцам. Один из них полетел на землю, и из обрубка потекла липкая сукровица, а Корум с такой силой рухнул на землю плашмя, что у него перехватило дыхание. Сморщившись от боли, он поднялся и увидел, что Желтый Конь стоит рядом и насмешливо смотрит на него; скрипучая колесница Балара опять исчезла в

тумане. Ее седок продолжал вопить странным высоким голосом, который, как ни удивительно, в данный момент вызвал у Корума сочувствие к этому созданию.

Снова сев в седло, принц поморщился, догадываясь, какого размера синяк оставило это падение, и желтый конь с места рванул в галоп, минуя и размытые туманом группы сражающихся, и чудовищные очертания фой миоре. Высоко над Корумом блеснули рога; он увидел лицо, напоминавшее волчье, увидел белые клыки и понял, что это был Керенос, глава фой миоре. Завывая, подобно одному из своих псов, огромным, грубо скованным мечом гигант отбивался от нападающего на него всадника с золотыми волосами, сидевшего на мощном вороном жеребце в позолоченной сбруе из красной кожи, украшенной перламутром и жемчугами. Это был Илбрек, сын Мананнана, на своем коне Густая Грива. В руке у него был блистающий меч Мститель, и он вел бой с Кереносом, как в давние времена сражались его предки-сиды, откликнувшиеся на зов мабденов о помощи и примчавшиеся, чтобы избавить мир от Хаоса и Древней Ночи. Корум проскочил мимо него и увидел, как Гоим с лицом ведьмы и подпиленными зубами когтистыми руками тянулась к Гованону, а тот, осыпая ругательствами старую каргу, отбивался от нее топором.

Корум хотел остановиться и помочь старому другу, но Желтый Конь понес его дальше, где королева Медбх, стоя над трупом своего скакуна, мечом отражала атаку полудюжины красноухих псов, окруживших ее. Корум на скаку свесился с седла, не замедляя скачки, вспорол брюхо двум псам и крикнул женщине, которую любил:

— Прыгай ко мне за спину, Медбх! Скорее!

Королева Медбх подчинилась, и Желтый Конь, даже не заметив дополнительного веса, оскалил зубы и снова засмеялся, глядя, как псы прыгают вокруг него.

И тут туман исчез, и они оказались в дубовом лесу. Все дубы пылали холодным пламенем невообразимой яркости, освещая поле битвы. Все, кто еще дрался, опустили оружие и изумленно воззрились на горящие деревья. Нигде не было видно ни клочка снега.

И пять чудовищных фигур в пяти грубо сколоченных колесницах, которые тащили пять невообразимых животных, закрыли руками уродливые головы и завопили от страха и боли.

Хоть Корум и знал о происхождении заклятия, он ощутил растущее чувство тревоги. Повернувшись в седле, он прижал к себе Медбх, не в силах справиться с навалившимся на него ощущением — что-то не так.

Вассалы фой миоре растерянно заметались на месте, ожидая указаний от своих предводителей, но фой миоре гудели, стонали и содрогались, ибо в этом измерении они больше всего на свете боялись такого сочетания — дубов и пламени.

Прихрамывая и опираясь на топор, к Коруму подошел Гованон. Когти Гоим оставили у него на теле дюжину глубоких кровоточащих царапин, но лицо его было мрачно не по этой причине.

— Ну-ну,— проворчал он.— Ну и наколдовал нам Сактрик! Ох как я боюсь этих его знаний.

Корум мог только кивнуть в знак согласия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
СИЛА КРЭГ ДОНА

— Когда в мир вторгается такой мощный мираж,— сказал Гованон,— от него очень трудно избавиться. Он на много лет поселится в умах мабденов. Я-то знаю, что прав.

Королева Медбх усмехнулась:

— Я думаю, что у тебя слишком мрачные мысли, старый кузнец. Амергин поможет малибаннам, вот и все. Наш мир избавится от всех врагов!

— Есть враги похитрее,— заметил Гованон, — и хуже всего то, что созданная ими реальность искажает правильное представление о вещах и понятиях.

Но Медбх лишь пожала плечами, пропустив мимо ушей его слова, и показала на фой миоре, которые гнали свои колесницы с поля боя, стараясь спастись от пламенеющих дубов.

— Смотрите! Наши враги бегут!

Подъехал Илбрек. Лицо его пылало, а на чистой коже остались следы схватки. Он засмеялся:

— Мы правильно сделали, что попросили помощи на Инис Скэйте!

Но ни Корум, ни Гованон не отреагировали на его слова, и Илбрек поскакал дальше. Время от времени нагибаясь в седле, он сносил головы тем воинам сосен и гулегам, что попадались

ему по пути. Никто не пытался напасть на него — вассалы фой миоре пребывали в крайней растерянности.

Когда Медбх, спрыгнув с Желтого Коня, пошла ловить бесхозную лошадь, которую заприметила поблизости, Корум увидел, что через пылающий дубовый лес к нему едет принц Гэйнор Проклятый. Не доезжая футов тридцати, он бросил поводья.

— Что это? — спросил он. — Кто вам помогает, Корум?

— Думаю, вряд ли тебе стоит знать об этом, Гэйнор Проклятый, — ответил Корум. И услышал, как тот вздохнул.

— Ну, вы всего лишь хотите найти другое убежище, подобное Крэг Дону. Мы будем ждать рядом, и вы снова начнете голодать. Чего вы добились?

— Пока еще не знаю, — сказал Корум.

Развернувшись, принц Гэйнор двинулся вслед за отступающими фой миоре. И остальные — гулеги, псы Кереноса, воины сосен, — все, кто остался в живых, хлынули за ним.

— И что теперь? — спросил Гованон. — Последуем за ними?

— На расстоянии, — ответил Корум.

Его спутники начали собираться. Осталось их не больше сотни. Среди них был Амергин, верховный король, и Джери-а-Конел с раной в боку. Лицо Джери было бледным, а глаза полны страдания. Корум подошел к нему и осмотрел рану.

— Я наложил целебную мазь, — сообщил Амергин. — Но ему нужно средство получше, чем то, что у меня под руками...

— Это был Гэйнор, — произнес Джери-а-Конел. — Я не увидел его в тумане и не успел...

— У меня большой счет к Гэйнору, — сказал Корум. — Подождешь здесь или двинешься с нами за фой миоре?

— Если их конец близок, я хочу увидеть его, — ответил Джери.

— Быть по сему, — промолвил Корум.

И все они поскакали за отступающими фой миоре.

И фой миоре, и их сподвижники так спешили оказаться подальше от пылающего дубового леса, что не замечали у себя в тылу Корума и мабденов. Единственным, кто, оглядываясь, не скрывал удивления, был Гэйнор. Он не боялся пламени дубов. Он страшился только ада.

Что-то коснулось плеча Корума, и он почувствовал, как на нем устроилось маленькое тело. Это оказался черно-белый кот с глазами Сактрика.

— Как далеко простирается действие магического заклятия? — спросил Корум малибанна.

— Сколько необходимо,— ответил ему Сактрик.— Сам увидишь.

— А где Крэг Дон? Я и понятия не имела, что мы так далеко отошли от него,— заметила Медбх.

Но Сактрик не ответил. Он расправил позаимствованные крылья и снова улетел.

Амергин внимательно рассматривал полыхающие дубы.

— Такой простой мираж,— пробормотал он,— но с какой силой действует. Теперь-то я понимаю, почему ты опасался малибанна, Гованон.

Тот только хмыкнул.

— Я не могу отделаться от мысли, что мабденам было бы лучше погибнуть в этом бою,— помолчав, сказал карлик-сид.— В результате сегодняшнего союза будут страдать ваши потомки.

— Надеюсь, что нет, Гованон, — произнес главный друид, но все же нахмурился, задумавшись над его словами.

Корум заметил мелькнувшую за дубами тень. Всмотревшись в нее, он начал осознавать, что же это такое.

Фой миоре остановились. В их трубных и гудящих голосах стало слышно возбуждение. Вскидывая уродливые головы, они окликали друг друга, и в этом зове было что-то жалобное и детское.

Корум присмотрелся к высоким теням и покачнулся от внезапного головокружения.

— Это Крэг Дон,— сказал он.— Малибанн обманул их. Фой миоре вошли в каменные круги!

— Мой кот!— закричал Джери.— Сактрик еще там?

Маленький Спутник Героев пришпорил коня и во весь опор поскакал к фой миоре.

— Джери!— крикнул Корум, решив, что от боли в боку у него помутился рассудок.— Сактрик сам сможет защитить себя!

Но Джери его не услышал. Он уже доскакал до ближайшей группы воинов сосен и незамеченным проскочил мимо них. Корум решил догнать его, но Желтый Конь не сдвинулся с места. Корум всадил ему в бока шпоры, но не смог заставить сделать хоть шаг.

Коруму показалось, что каменные круги начали вращаться вокруг него. По мере их вращения пламенеющие дубы исчезали один за другим — и снова возникали и холодное небо, и белая равнина, и туман, отчего Корум чуть не ослеп. Он с друзьями по-прежнему стоял за внешним кругом монолитов, а в самом

их центре оказались фой миоре. Какая-то сила попыталась втащить Корума во внутренний круг, его толкал мощный порыв ветра, но Желтый Конь уперся копытами в землю, а Корум вцепился в седло, успев заметить, что многих мабденов несет и крутит по мерзлой земле.

Вдруг раздался страшный рев, и Корум увидел, что фой миоре пытаются вырваться из внутреннего круга, но ветер отшвыривает их назад.

— Джери!— закричал Корум, но ветер относил его слова в сторону.— Джери!

Каменные колонны вращались все быстрее и быстрее, и наконец в седле остался лишь Корум. Даже Илбрек опустился на колени у ног Густой Гривы, рядом держался и Гованон — не отрывая глаз, он следил за тем, что происходило в самом центре Крэг Дона.

Корум увидел какие-то алые вспышки и понял, что это яростно борется с ветром Гэйнор Проклятый, медленно, но настойчиво пробивавшийся к группе мабденов; ветер то и дело сбивал его с ног, но он всякий раз ухитрялся подняться, и его доспехи продолжали переливаться тысячью разных цветов.

«Ты пытаешься уйти от своей судьбы, Гэйнор,— подумал Корум.— Но я тебе этого не позволю. Ты должен отправиться в ад».

Он вытащил меч Предатель, от которого шел лунный свет. Тот, как живое существо, запульсировал в его руке. Корум решил остановить Гэйнора.

Ветер пытался сбросить его на землю, но, в отличие от Гэйнора, Корум не поддался паническому страху. Спрыгнув с Желтого Коня, он двинулся к Гэйнору. Налетевший порыв едва не сбил его с ног, но Корум устоял и, приблизившись к неприятелю, с мрачной решимостью преградил ему путь.

Металлическим кулаком Гэйнор нанес Коруму удар в лицо, одновременно вырвав у него меч, и вскинул клинок, чтобы окончательно поразить вадхагского принца. Доспехи Гэйнора стали сине-черными, а тем временем камни Крэг Дона вращались все быстрее и быстрее.

Корум увидел, как за спиной Гэйнора вырос Гованон и схватил его за запястье, но тот вывернулся из захвата и обрушил на кузнеца удар, предназначавшийся Коруму.

Второй раз Предатель поразил Гованона, и второй раз он остался в ране, а Гэйнор сорвался с места, миновав, наконец, последний круг.

Корум подполз к лежащему Гованону. Рана была ужасной. Кровь кузнеца-сида хлестала из распоротого Предателем тела и впитывалась в мерзлую землю. Корум вырвал лунное лезвие из бока Гованона и положил его большую голову себе на колени. Кровь уже отхлынула от лица Гованона. Сид умирал. Ему оставалось жить несколько минут.

— Ты правильно назвал меч, вадхаг,— прошептал Гованон.— И меня постигла прекрасная смерть.

— Ох, Гованон...— вырвалось у Корума, но кузнец покачал головой.

— Я рад, что умираю. Мое время в этой плоскости подошло к концу. Для таких, как мы, вадхаг, нет места. Не здесь. И не сейчас. Еще никто не знает, что зараза малибаннов распространится по этой реальности и будет распространяться даже тогда, когда малибанны исчезнут. Если можешь, уходи отсюда...

— Не могу,— сказал Корум.— Тут женщина, которую я люблю.

— Ну, если так...— Гованон зашелся кашлем. Его глаза остекленели и закрылись. Дыхание прекратилось.

Корум медленно поднялся, не обращая внимания на могучие порывы ветра. Он увидел, что фой миоре все еще борются с ураганом, но рядом с ними уже почти никого не осталось.

Сквозь порывы ветра пробился Амергин и взял Корума за руку.

— Я видел, как погиб Гованон. Если бы мы успели доставить его в Кер Ллуд, может, котел вернул бы его к жизни.

Корум покачал головой.

— Он хотел умереть...

Амергин кивнул, и помолчав, взглянул на внутренний круг.

— Фой миоре еще сопротивляются вихрю, но большинство их людей уже отправились в ад.

Тут Корум вспомнил о Джери и стал искать его глазами среди расплывчатых очертаний людей и животных. Ему показалось, что он увидел его — бледный и испуганный, Джери стоял у алтаря, отчаянно махая руками — но через мгновение он снова исчез.

Один за другим стали исчезать и фой миоре. Ветер больше не ревел между монолитами, каменные круги замедляли вращение, мабдены, поднимаясь, с радостными криками бежали к алтарю, на котором рядом со шкатулкой из бронзы и золота сидел маленький черно-белый кот.

Только Корум и Илбрек остались стоять над трупом своего друга, карлика-сида.

— Он произнес пророчество, Илбрек,— сказал Корум.— Он посоветовал нам, если сможем, оставить эту плоскость и куда-то уйти. Он считал, что наши судьбы больше не связаны с мабденами.

— Может, так оно и есть,— согласился Илбрек.— Теперь, когда все кончено, думаю, вернусь к миру и покою моря, в королевство своего отца. Я не смогу тут отпраздновать победу вместе со своим старым другом Гованоном, он не сможет выпить со мной, не будет петь мне старые песни сидов. Прощай, Корум.— Он положил ему на плечо огромную руку.— Или ты отправишься со мной?

— Я люблю Медбх,— сказал Корум.— Поэтому я и должен остаться.

Илбрек медленно поднялся в седло Густой Гривы и без лишних слов поскакал по снежной равнине, возвращаясь на запад.

И только Корум смотрел, как он исчезает вдали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗАМКУ ОУЙН

Вернувшись в Кер Ллуд, все увидели, что зима исчезает на глазах и на смену ей приходит весна. Хотя осталось много разрушенных домов, которые предстояло отстраивать, и повсюду лежали трупы — их нужно было с соответствующими обрядами сжечь на погребальных кострах за стенами города, и хотя всюду в столице мабденов были видны следы хозяйничанья фой миоре — все были полны радости.

Амергин отправился в высокую башню, зачарованным пленником которой был когда-то (и откуда его спас Корум), нашел котел и обруч силы. Он показал их всем мабденам, вместе с ним вернувшимся в Кер Ллуд, как доказательство, что фой миоре навсегда исчезли с этой земли и Древняя Ночь изгнана навечно.

И они воздали почести Коруму как великому герою, спасшему их народ. Звучали песни о его трех походах, о его подвигах и отваге, но Корум ловил себя на том, что не может улыбаться, что чувствует не радость и возбуждение, а только печаль, ибо он скорбел по Джери-а-Конелу, вместе с фой миоре исчез-

нувшему в преисподней, он скорбел по карлику-сиду Гованону, погибшему от меча, названного Предателем.

Вскоре после прибытия в Кер Ллуд Амергин, взяв с собой черно-белого маленького кота и шкатулку из золота и бронзы, поднялся на самый верх башни. Всю ночь вокруг нее бушевал шторм без дождя, гремел гром и блистали молнии — и наконец, ближе к утру, Амергин вышел из башни. При нем не было шкатулки, но он нес на руках дрожащего кота. Амергин рассказал Коруму, что отношения с малибаннами полностью завершены, договор выполнен. Корум взял кота, у него больше не было глаз Сактрика, и отныне тот всегда был с ним.

Когда первые торжества завершились, Корум пришел к Амергину и попрощался с верховным королем, сказав, что хочет вернуться в Кер Махлод вместе с оставшимися в живых его обитателями и что этого хочет и женщина, которую он любит, королева Медбх. Амергин еще раз поблагодарил Корума и пообещал, что вскоре сам посетит Кер Махлод, потому что им еще о многом надо потолковать, и Корум ответил, что он с радостью будет ждать Амергина. На том они и расстались.

✧

Они верхом двинулись на запад и по пути видели, что земля снова покрывается зеленью, хотя животные не торопились возвращаться; им то и дело встречались брошенные фермы, а в поселениях не было ничего, кроме трупов. Наконец они прибыли в Кер Махлод, город-крепость на коническом холме рядом с дубовой рощей и недалеко от моря. Тут они провели несколько дней, и как-то утром Медбх, проснувшись, склонилась над Корумом, погладила его по голове и сказала:

— Ты изменился, мой любимый. Ты стал таким мрачным.

— Прости,— ответил он.— Я люблю тебя, Медбх.

— Я прощаю тебя,— сказала она ему.— И я люблю тебя, Корум,— тем не менее, она запнулась, и глаза ее смотрели куда-то вдаль.— Я люблю тебя,— повторила Медбх и поцеловала его.

Ночь или две спустя, лежа в своей постели, Корум проснулся от ночного кошмара: принц видел свое же лицо, искаженное злобой, и услышал, как где-то за стенами Кер Махлода играет арфа. Он протянул руку, чтобы разбудить Медбх и рассказать ей о своем сне, но ее не было рядом, и когда он пошел искать ее, то нигде не мог найти. Утром он спросил, где она была, но

Медбх объяснила, что, должно быть, он из одного сна сразу же перешел в другой, поскольку она всю ночь была рядом.

Проснувшись следующей ночью, Корум увидел, что она спокойно спит, но ему захотелось встать (он сам не знал, почему), облачиться в доспехи и повесить на пояс меч Предатель. Он вышел из замка, вывел Желтого Коня, сел в седло и двинулся в сторону моря, пока не добрался до осыпавшейся скальной гряды, от которой остался лишь утес, где высились руины — мабдены называли их замком Оуйн, а он — замком Эрорн. В нем он родился и в нем же до появления древних мабденов был счастлив.

Корум склонил голову к уху Желтого Коня и сказал своему благородному уродливому жеребцу:

— Ты обладаешь огромной силой, конь Лагайре, и ты очень умен. Можешь ли перемахнуть через этот провал и доставить меня в замок Эрорн?

Повернув голову, Желтый Конь посмотрел на Корума теплыми бархатными глазами, и во взгляде его не было насмешки, а лишь озабоченность. Всхрапнув, он взрыхлил землю копытом.

— Сделай это, Желтый Конь,— попросил Корум,— и я отпущу тебя туда, откуда ты пришел.

Желтый Конь помедлил, но, кажется, согласился. Развернувшись, он двинулся рысью к Кер Махлоду, затем, снова повернувшись, рванулся в галоп. Он мчался все быстрее и быстрее, пока провал между материком и мысом, где стоял замок Оуйн, не оказался совсем рядом. В свете луны взлетали белеющие брызги, а океан ревел, как исчезнувшие фой миоре. Желтый Конь напрягся, прыгнул, и его копыта коснулись скалы на другой стороне. Наконец желание Корума осуществилось. Он спешился.

Желтый Конь вопросительно посмотрел на Корума, и тот спокойно ответил ему:

— Ты свободен. На тех же условиях, что поставил Лагайре.

Желтый Конь наклонил голову, повернулся и, перемахнув через провал, исчез в темноте. Коруму показалось, что за гулом моря он слышит голос, зовущий его со стен Кер Махлода. Не голос ли это Медбх?

Он решил не обращать на него внимания. Он стоял и рассматривал древние осыпавшиеся стены замка Эрорн. Корум помнил, как мабдены перебили его семью, а потом изуродовали его самого, лишив руки и глаза, и в данный момент он мог лишь удивляться, почему так долго и так преданно служил им. И сейчас ему казалось иронией судьбы, что в обоих случаях причи-

ной была любовь к мабденской женщине. Но между Ралиной и королевой Медбх было различие, понять которое он не мог, хотя принц любил их обеих и они любили его.

Корум различил какое-то шевеление за разрушенными стенами и подошел к ним, думая, доведется ли ему еще раз увидеть юношу с золотым лицом и телом, которого он как-то видел здесь и которого звали Дагда. Заметив движение тени и отблеск пурпура в лунном свете, он крикнул:

— Кто здесь?

Ответа не последовало.

Он подошел ближе. Его рука коснулась изъеденного временем камня портала. Прежде чем двинуться дальше, Корум помедлил и снова крикнул:

— Кто здесь?

Что-то зашипело подобно змее. Что-то щелкнуло, брякнуло. На фоне лунного света, падавшего в проемы окон, Корум увидел очертания человеческого тела. Мужчина повернулся, показав Коруму свое лицо.

То было лицо самого Корума. Это был подкидыш Калатина, его Карах, от которого шел запах морской соли. Карах улыбнулся и обнажил меч.

— Приветствую тебя, брат,— сказал Корум.— Я точно знал, что сегодня ночью пророчество исполнится. Думаю, поэтому я и пришел сюда.

Карах ничего не ответил, а только улыбнулся, и где-то вдалеке Корум услышал тихие, зловещие звуки арфы Дагды.

— Но где же та красота, которой я должен бояться?— спросил Корум. И тоже выхватил меч.— Ты это знаешь, подмененный?

Но Карах еще шире расплылся в улыбке, блеснув белыми зубами, отчего его сходство с Корумом усилилось.

— Думаю, что стоит забрать у тебя мой плащ,— сказал Корум.— Знаю, что мне придется драться за него.

И они сошлись в бою, рубясь на мечах так, что искры, сыпавшиеся с клинков, освещали сумрачные помещения замка. Корум увидел, что они равны друг другу, искусство одного не уступает искусству другого, а сила — силе.

Они сражались, перемещаясь по полуразрушенным помещениям замка Эрорн. Они дрались на выщербленных плитах, на полуобвалившихся лестницах. Бой длился уже около часа, удар встречал такой же удар, обманное движение сталкивалось

с такой же уловкой, но Корум стал понимать, в чем преимущество подмененного: тот не знал, что такое усталость.

Корум уставал, а энергия противника росла. Тот ничего не говорил, может, вообще не умел разговаривать, но его улыбка все ширилась, и в ней явно была видна насмешка.

Корум отступал. Ему оставалось лишь рассчитывать на свое умение обороняться. Карах вытеснил его из дверей замка Эрорн и загнал на самый край утеса, где Корум, собрав все силы, рванулся вперед. Противник этого не ожидал, и Предатель поразил его в руку.

Похоже, подкидыш даже не почувствовал раны и возобновил атаку с новой яростью.

Нога Корума скользнула по камню, он оступился, отлетел назад и упал. Меч вылетел из руки, и Корум отчаянно вскрикнул:

— Это нечестно! Нечестно!

И тут снова послышались звуки арфы. Казалось, зазвучали слова песни, Корум смог их расслышать: «Ах, этот мир всегда был таков. Как печальна участь героев, завершивших свой путь...»

И, словно наслаждаясь победой, подкидыш вскинул меч и неторопливо двинулся к Коруму.

Корум почувствовал давление в левой кисти. Его серебряная рука ожила по собственной воле. Он видел, как распустились ремни, вылетели шплинты, как серебряная рука взмыла в воздух и полетела прямиком к Предателю, блестевшему в лунном свете.

— Я сошел с ума,— пробормотал Корум. Но тут он вспомнил, как Медбх забрала его серебряную руку и произнесла над ней заклятие. Он, конечно же, забыл об этом — как и она.

Серебряная рука, выкованная Корумом, сжала рукоять меча сида. Подкидыш, вытаращив глаза, уставился на нее и со стоном отпрянул в сторону.

Серебряная рука с Предателем вогнала ему меч глубоко в сердце, и тот, издав вопль, замертво рухнул на землю.

Корум рассмеялся:

— Прощай, брат! Я был прав, что боялся тебя, но не тебе решать мою судьбу!

Арфа звучала все громче, и теперь ее звуки доносились из замка. Забыв о мече и о серебряной кисти, Корум вернулся к замку, перед которым теперь стоял юный Дагда, весь из золота, с резкими, правильными чертами лица, с глубоко посаженными

насмешливыми глазами. Он играл на арфе, которая каким-то образом вырастала из него и была частью его тела. За спиной Дагды Корум увидел другую фигуру, в ней он узнал Гэйнора.

Корум пожалел, что забыл о мече.

— Как я ненавижу тебя, Гэйнор,— сказал он.— Ты убил Гованона.

— Случайно. Я пришел заключить с тобой мир, Корум.

— Мир? Ты мой самый заклятый враг и всегда будешь им!

— Послушай Дагду,— произнес Гэйнор Проклятый.

И Дагда заговорил — точнее, запел — обращаясь к Коруму:

— Ты тут не нужен, смертный. Сними с трупа подмененного свой плащ и оставь этот мир. Ты пришел сюда лишь ради одной цели. Она достигнута, и ты должен исчезнуть.

— Но я люблю Медбх,— сказал Корум.— И не оставлю ее!

— Ты любил Ралину, и в Медбх ты видел именно ее.

— Я говорю без злобы, Корум,— торопливо вмешался Гэйнор.— Поверь Дагде. Идем со мной. Он открывает дверь в ту страну, где мы обретем покой. Это правда, Корум, я как-то побывал там. Там нам представится возможность положить конец вечной войне.

Корум покачал головой:

— Может, ты говоришь правду, Гэйнор. Я вижу ее и в глазах Дагды. Но я должен остаться. Я люблю Медбх.

— Я говорил с ней,— сказал Дагда.— Она знает, что это неправильно — ты не должен оставаться в их мире. Ты не принадлежишь ему. Так иди же в ту страну, где вы с Гэйнором, наконец, найдете понимание. Это самая большая награда, что я могу предложить тебе, Вечный Воитель. Мне этого не досталось.

— Я должен остаться,— повторил Корум.

Дагда снова коснулся струн арфы. Музыка была нежная и радостная. Она говорила о высокой любви, о самоотверженном героизме. Корум улыбнулся.

Он поклонился Дагде, поблагодарил его за предложение и на прощание махнул рукой Гэйнору. Он вышел из древнего обветшавшего дверного проема замка Эрорн и увидел, что на другой стороне пропасти его ждет Медбх. Он улыбнулся ей, подняв в знак приветствия правую руку.

Но она не улыбнулась в ответ. В опущенной правой руке она держала какой-то предмет, который стала вращать над головой. Это была ее праща. Корум удивленно посмотрел на нее. Неужели она хочет убить Дагду, она ведь так доверяла ему?

Что-то вылетело из пращи и поразило его прямо в лоб. Он рухнул, но продолжал дышать, хотя череп принца был расколот и сердце сжималось мучительной болью. Он чувствовал, как кровь заливает лицо.

Он увидел, как над ним склонился Дагда, с сочувствием глядя на него. Корум злобно посмотрел ему в лицо.

— Бойся арфы,— высоким голосом ласково сказал Дагда,— бойся красоты,— он бросил взгляд по другую сторону провала, где стояла плачущая Медбх,— и бойся брата...

— Это твоя арфа отвратила от меня сердце Медбх,— произнес Корум.— Я был прав, что боялся ее. И я должен был бояться ее красоты, потому что она убила меня. Но брата я убил. Я прикончил Караха.

— Нет,— сказал Дагда и поднял татлум, что вылетел из пращи Медбх.— Вот он, твой брат, Корум. Судьба позволяла прикончить тебя лишь мозгом брата, перемешанным с известью. Медбх извлекла мозг из-под холма, из-под холма Кремм Кройх, и по моему указанию сделала татлум. Корума Серебряная Рука убил Кремм Кройх. Сам ты не должен был умирать.

— Я не хочу терять ее любовь,— Корум с трудом поднялся и, приложив правую руку к голове, почувствовал, как по ней потекла кровь.— Я все еще люблю ее.

— Я говорил с ней. Я рассказал ей о том, что предложу тебе, и объяснил, что она должна сделать, если ты откажешься. Тут тебе нет места, Корум.

— Это ты так считаешь!— собрав все силы, Корум рванулся к Дагде, но юноша из золота сделал жест, и тут же ниоткуда возникла серебряная кисть Корума, сжимающая его меч Предатель.

И, прежде чем меч вошел в сердце, поразив его точно так же, как сердце подкидыша, Корум успел услышать крик Медбх.

И еще он услышал слова Дагды:

— Теперь этот мир свободен от всех чар и полубогов.

И тогда Корум умер.

✧

Так кончается Шестая и Последняя Книга о приключениях Корума, Принца в Алом Плаще.

СОДЕРЖАНИЕ

Рыцарь мечей 5
Королева мечей 171
Король мечей 311
Бык и копье 435
Дуб и баран 561
Меч и конь 677

Литературно-художественное издание

Майкл Муркок

ХРОНИКИ КОРУМА

Ответственный редактор *О. Клокова*
Редактор *М. Федотова*
Выпускающий редактор *С. Абовская*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Л. Подьячева*
Корректоры *Ю. Голубева, З. Черномордик*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Дона Мэтца*

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус».
Лицензия ЛР № 066477.
190121, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1 «Б».
Электронные адреса: WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@ eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00

Книга — почтой: **Книжный клуб «Эксмо»**
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@ eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1.
Тел./факс: (095) 932-74-71

Книжный магазин издательства «Эксмо»
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)
Тел. 194-97-86.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.

Подписано в печать с готовых монтажей 13.03.2003.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Бумага писчая. Усл. печ. л. 42,0.
Доп. тираж 5100 экз. Заказ 6994

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

издательство ЭКСМО представляет серию

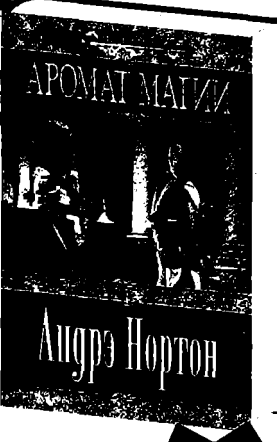
меч и магия

Великолепные образцы высокой эпической фэнтези!

Собрание книг самых лучших и знаменитых мастеров жанра в серии "Меч и магия" – это рассказы о мирах, в которых соседствуют отвага и коварство, предательство и благородство, властвует магия и звенят мечи.

Новинки весны – 2003:

А. Нортон "Аромат магии",
Р.Сальваторе "Дух демона",
Р.Фэйст "Ночные ястребы",
Г.Кей "Львы Аль-Рассана"

Все о новых книгах и авторах крупнейшего издательства "Эксмо" читайте на сайте: www.eksmo.ru

Все книги объемом 448 – 816 стр., твердый переплет.

издательство
ЭКСМО ПРЕДСТАВЛЯЕТ

серию
«Шедевры отечественной фантастики»

Лучшая российская фантастика в прекрасном оформлении!

НОВИНКИ ВЕСНЫ – 2003:

В.Головачев «Евангелие от Зверя»,
Е.Гуляковский «Другие звезды»,
А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом»

Все книги объемом 800 - 960 стр., твердый переплет, суперобложка.

Майкл

МУРКОК

M. Moorcock